Центральная избирательная комиссия Российской Федерации

**Российский центр обучения избирательным технологиям
при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации**

Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи

(Воспоминания современников. Материалы и документы)

Под общей научной редакцией
доктора юридических наук

А.В. Иванченко

Москва
2008

verstka1.indd 1 18.03.2008 22:00:03

УДК
ББК

Издание подготовлено в соответствии с Программой исследований Научно-методического совета при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в области совершенствования законодательства о выборах и референдумах в Российской Федерации и оказания научно-методической помощи участникам избирательного процесса на 2007–2008 годы, утвержденной 31 мая 2007 года Центральной избирательной комиссией Российской Федерации.

Авторы концепции проекта и составители:
И.Б. Борисов – кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации
Ю.А. Веденеев – доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации
И.В. Зайцев – генеральный директор Калужского фонда «Символ»
В.И. Лысенко – доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

Научные рецензенты:
Н.А. Богданова – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
В.П. Волков – кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации
С.Е. Заславский – доктор юридических наук

Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / Авторы концепции проекта и составители: **И.Б. Борисов, Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, В.И. Лысенко** / Под общ. научн. ред. **А.В. Иванченко**. – М., 2008. 860 с.

Материалы хрестоматии отражают историю выборов в I–IV Государственные думы России 1906–1912 гг. в оценках широкого круга участников первых парламентских избирательных кампаний в Российской империи: политических деятелей, организаторов выборов, избирателей, журналистов. Авторы публикуемых текстов представляют различные слои российского общества и основные политические течения начала XX в.

Издание адресовано участникам избирательного процесса, организаторам выборов – членам избирательных комиссий, представителям политических партий, общественных организаций, институтов гражданского общества, избирателям, всем, кто интересуется вопросами истории развития института избирательного права и процесса в России.

ISBN

©Коллектив авторов-составителей, 2008
©Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2008

Обращение к читателям

Представленное издание посвящено истории проведения первых политических выборов в Государственную думу Российской империи начала XX века. История это не только собрание фактов, но и их восприятие и оценка непосредственными участниками электоральных событий своего времени. Именно это обстоятельство и определило исходное содержание и авторскую концепцию настоящего издания. Хрестоматия включает в себя основной массив воспоминаний современников выборов четырех Государственных дум в 1906–1912 гг., опубликованных в различных отечественных и зарубежных источниках.

Российское общество того времени в своем восприятии демократических процедур обнаруживало неоднозначную картину представлений и отношения к новым политическим условиям и возможностям участия в избирательном процессе. Сегодня мы можем сравнивать черты электорального процесса прошлого и настоящего, извлекать уроки из ошибок, анализировать развитие института выборов в нашей стране, оценивая большой путь, пройденный отечественным парламентаризмом в XX веке.

Основная цель издания – расширить границы понимания сущности и смысла демократического избирательного процесса в ситуации перехода к новым формам политических взаимоотношений между государством и обществом, что весьма актуально и сегодня, спустя 100 лет после проведения первых выборов в Государственную думу[1]. На его страницах читатели найдут хорошо знакомые им черты электоральных технологий и действий, характерных для современной практики организации и проведения демократических выборов. В очередной раз история напоминает нам о возможных, зачастую необратимых последствиях не только для современников, но и будущих поколений, которые могут наступить в зависимости от нашей способности быть или казаться гражданами своей страны.

В хрестоматии представлен широкий спектр мнений по вопросам организации и проведения выборов, в совокупности дающих достаточно полную картину неформальной – социально-психологической и общественно-идеологической – атмосферы избирательных кампаний 1906–1912 гг.

Издание несомненно будет полезно как в просветительском плане, так и в деле воспитания гражданственности, поскольку многое из того, о чем пишут авторы воспоминаний, касаясь конкретных деталей и событий, сопровождающих избирательный процесс, присутствует и в сегодняшней электоральной практике – правонарушающие избирательные действия, совершаемые главным образом по-

[1]См.: 100-летие выборов Государственной Думы: история и современность. Материалы научно-практической конференции 3 марта 2006 года // Журнал о выборах. Специальный выпуск. 2006.

литическими конкурентами, завышенная самооценка кандидатов, недоверие к организаторам выборов и тому подобное.

Все это и многое другое читатель сможет узнать, прочитав книгу, а главное, восстановить историческую преемственность в политических ожиданиях и настроениях участников демократических выборов переломных эпох в развитии России.

Издание адресовано участникам избирательного процесса, организаторам выборов – членам избирательных комиссий, представителям политических партий, общественных организаций, институтов гражданского общества, избирателям, всем, кто интересуется вопросами истории развития института избирательного права и процесса в России.

А.В. Иванченко,
Руководитель Российского центра обучения
избирательным технологиям при
Центральной избирательной комиссии Российской Федерации,
доктор юридических наук

Российское общество и выборы в воспоминаниях современников: опыт переосмысления исторической памяти

Хрестоматия мемориальных текстов об одной из самых ярких страниц отечественной политической и моральной истории – выборах депутатов Государственной думы России, проходивших в период с 1906 по 1912 год, представляет читателю уникальный опыт общения бюрократического самодержавного государства и народа, начинающего осознавать себя субъектом реальной политики. Трудно переоценить значение этого этапа электоральной истории нашей страны в целом, в том числе и для понимания аналогичных по своей сути событий последних двадцати лет.

Собрание воспоминаний современников и непосредственных участников электоральных событий 1906–1912 гг. представляет не только фактологический интерес. Оно открывает возможность войти в гражданскую психологию пореформенной России, атмосферу общественных ожиданий, иллюзий и разочарований. А по своей внутренней сути это скорее мемориальные тексты нравственной истории страны, желавшей обрести политическую свободу, но без особых усилий и понимания всей меры личной ответственности со стороны практически всех, волей судьбы включенных в этот процесс.

Как и сегодня, в начале XX века процесс экономической и политической модернизации потребовал решения ряда фундаментальных задач, среди которых одно из ключевых мест занимала проблема сущностного изменения основ политико-экономической системы России, связанного с переходом от модели абсолютной монархии, функционировавшей практически непрерывно на протяжении четырех столетий, к парламентским формам организации публичной власти и формирования общенационального представительного органа, участвующего в подготовке и принятии законодательных актов.

Общественное мнение сосредоточилось тогда прежде всего на политических и институциональных вопросах. Какое место займут парламентские институты в системе властеотношений? Заменят ли они монархию, будет ли институт парламента представлен в системе государственной власти в соответствии с классическим принципом распределения власти, или он будет инкорпорирован в существующую структуру монархической власти как вторичный субсидиарный механизм ее осуществления? Каковы будут компетенция и структура российского парламента? Наконец, каким образом он станет формироваться, – вот далеко не полный перечень вопросов, ответы на которые предопределили ход общественно-политических дискуссий, развернувшихся в пореформенной России от велико-

светских гостиных до курных избушек.

Вопрос культурно-исторической готовности самого российского общества к фундаментальным переменам в стране со сложившейся традицией формального признания любых действий и инициатив официальной власти как обязательных к исполнению и жертвенной ноше практически не стоял в политической повестке тех дней.

Идеи парламентаризма, разделения и выборов власти получили самую активную поддержку именно в тех слоях общества, которые вполне благополучно жили в условиях самодержавного строя Российской империи, и прежде всего среди образованного населения. Только в «веховском исполнении» 1909 года появилось осознание угроз и ловушек, заложенных в идеях и практиках массовой электоральной демократии, открывающих легальную дорогу к власти политически невыдержанным и маргинальным общественным группам.

Программа экономических и политических реформ формировалась постепенно и последовательно самим самодержавным и бюрократическим государством. Оно, а не общество, фактически было и оставалось единственным рациональным субъектом постепенной трансформации социальной системы. Борьба между государством и обществом (в прямом смысле данного понятия) за ее реализацию составила сущность внутриполитического и электорального процесса 1905–1907 годов и в значительной мере сохраняла свою актуальность вплоть до падения монархии в феврале 1917 года.

Если в экономической сфере наиболее острым являлся аграрный вопрос, то в политической можно выделить такие требования, как полная или частичная ликвидация монархии (установление демократической республики), ограничение власти царя парламентом (введение конституционной монархии), учреждение конституции, провозглашение основных свобод (печати, собраний, союзов, свободы совести), ограничение бюрократического и административного произвола, решение национального вопроса.

Уникальность ситуации заключалась в том, что в начале XX века в России отсутствовали механизмы реализации политической правосубъектности граждан, а именно, та составляющая процедуры политического публичного властвования, которая устанавливается институтом демократических парламентских выборов. Как общество в целом, так и его отдельные члены не имели возможности легального отстаивания своих политических инициатив, взглядов, интересов. Иными словами, для того, чтобы участвовать в организации и осуществлении власти посредством парламентских выборов, жителям России необходимо было (как минимум), во-первых, добиться учреждения избираемого парламента, а во-вторых, приобрести действительное право участвовать в выборах его депутатов.

В середине XIX века сопоставимая по сложности задача была относительно успешно решена администрацией Александра II при освобождении крестьян от крепостной зависимости, прежде всего – в силу крупномасштабных реформаторских инициатив власти. Творческое восприятие наследия эпохи Великих реформ могло бы существенно облегчить политическую модернизацию России, создать механизмы взаимодействия государства и общества в целях их совместной дея-

тельности и сосуществования. Но внук Александра II – император Николай II – настойчиво пресекал любые посягательства на его властные прерогативы. Сама идея введения в стране каких-либо форм народного представительства была охарактеризована царем как «бессмысленные мечтания», и это не удивительно: «он был лишен… того высокого полета мысли и силы воли, которые были необходимы в сложившейся тогда экстремальной ситуации. Идеалом Николая II была допетровская Русь XVII в., совсем не похожая на «перевернувшуюся», по образному выражению Льва Толстого, после 1861 г. и еще не обустроенную на новый лад Россию. И эта новая Россия то и дело ставила царя в тупик и приводила в отчаяние. Каждую реформу жизнь вырывала у него с боем»[1].

Политическая оппозиция, противостоявшая режиму, в целом была еще достаточно слабой и раздробленной, но она быстро расширяла масштабы своего деструктивного влияния в условиях предреволюционной ситуации 1900-х годов. Набирало силу движение сторонников либеральных реформ, выступавших за предоставление жителям России «элементарнейших и необходимых предварительных условий свободной общественной жизни»: свободы личности, независимого суда, равенства всех перед законом.

Противостояние власти и оппозиции имеет особый интерес именно в контексте планируемых электоральных реформ в рамках политической системы императорской России. Материалы хрестоматии наглядно демонстрируют процесс постепенной реализации «беспочвенных мечтаний» о представительной демократии и обеспечивающего ее электорального процесса.

Внутриполитический кризис начала XX в. усилился в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. На фоне болезненных поражений русской армии и флота требования политических реформ звучали все настойчивее. В ноябре 1904 года в Петербурге состоялось частное совещание земских и городских деятелей. Около ста его участников, съехавшихся из многих регионов страны, рассмотрели и приняли постановление, в котором, в частности, говорилось: «Для создания и сохранения всегда живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом… и для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участие народного представительства как особого выборного учреждения в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации (мнение большинства). Ввиду важности и трудности внутреннего и внешнего состояния, переживаемого Россией, частное совещание выражает надежду, что верховная власть призовет свободно избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа»[2].

Начало 1905 г. было отмечено массовыми революционными выступлениями. Расстрел мирной демонстрации в Петербурге («Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г.) вызвал волнения и стачки по всей России. К бастующим рабочим

[1] Политические партии России: История и современность / Под ред. А.И. Зевелева и др. М., 2000. С. 74.
[2] Цит. по: Белоконский И.П. Земское движение. М., 1910. С. 139–140.

Петербурга присоединились рабочие Москвы, Польши, Прибалтийских губерний, Украины, Поволжья, Закавказья. В конце зимы во многих губерниях начались крестьянские волнения.

Правительство было вынуждено пойти на определенные уступки. 18 февраля 1905 г. Николай II издал рескрипт на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина, в котором заявил: «Я вознамерился отныне с Божией помощью привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений»[1]. При этом отмечалось, что деятельность собрания должна осуществляться при сохранении «незыблемости основных законов империи». А.Г. Булыгину было поручено возглавить Особое совещание для разработки законопроекта, регламентирующего порядок формирования нового представительного учреждения.

Регулярные заседания совещания под председательством А.Е. Булыгина начались 12 марта, и в мае им были подготовлены проект «Учреждения Государственной думы» – всероссийского выборного органа с законосовещательными функциями (так называемая «Булыгинская дума»), пояснительная записка к нему и примерное «Положение о выборах».

По проекту А.Г. Булыгина Дума должна была обладать ограниченным правом законодательной инициативы. Ее рассмотрению подлежали законопроекты, подготовленные министерствами и другими ведомствами. Заключение Думы поступало в Государственный совет. Затем мнения обеих палат направлялись императору. Законопроект, отвергнутый Думой и Советом, считался отклоненным.

Значительное внимание было уделено разработке основ законодательства, регламентирующего порядок выборов членов Думы. Правительство не могло принять идею подлинно демократических выборов; в то же время принцип сословного представительства был отвергнут как явно устаревший. В результате был избран вариант, при котором выборы производились по той же системе, что и выборы земских гласных. Сохранялись цензы, иные ограничения активного и пассивного избирательного права. 24 мая 1905 г. материалы, подготовленные совещанием под председательством А.Г. Булыгина, поступили на рассмотрение совещания при Совете министров.

Данный период характеризуется как время «восходящей стадии революции». Поражения на дальневосточном фронте следовали одно за другим. Военные неудачи отзывались усилением критики правительства, все громче раздавались требования реальных реформ.

С 26 по 28 мая Совет министров подготовил ряд документов, определяющих порядок созыва выборных представителей. В частности, «Меморию по делу о порядке осуществления высочайших предуказаний, возвещенных в рескрипте 18 февраля 1905 г.», и новую редакцию проекта «Учреждения Государственной думы». Учитывая огромную важность вопроса, Николай II решил рассмотреть законопроект не в Государственном совете, как это было принято в законодательной практике того времени, а в расширенном совещании с участием как высоко-

[1] Правительственный вестник. 1905. № 40. 19 февраля (4 марта).

поставленных чиновников и специалистов-государствоведов, так и представителей «общественности», отражающих разные точки зрения на проблему реформы государственного строя и путей преодоления революционного кризиса.

Особое совещание под председательством Николая II проходило с 19 по 26 июля 1905 г. в Петергофе (Петергофское совещание). В нем участвовали великие князья, министры, члены Государственного совета, другие высшие сановники, а также некоторые специально приглашенные лица, в частности, выдающийся русский историк В.О. Ключевский и известный юрист, сенатор Н.С. Таганцев.

На совещании обсуждался ряд спорных вопросов, связанных с учреждением российского «парламента». Правящая элита стремилась ввести такой способ голосования, чтобы обеспечить преобладание в Думе депутатов, стоящих на консервативных позициях, способных оказывать поддержку правительству. В качестве электоральной базы монархии рассматривались крестьянство и дворянство. Другая часть участников совещания высказалась за более широкую, всесословную систему представительства, хотя и ограниченную цензами.

Петергофское совещание утвердило ряд актов, конституирующих правовой статус Думы, ее полномочия и избирательную систему. 6 августа 1905 г. были опубликованы «Манифест об учреждении Государственной думы», «Учреждение Государственной думы», а также «Положение о выборах в Государственную думу».

В манифесте от 6 августа говорилось: «Ныне настало время... призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение Росписи государственных доходов и расходов.

В сих видах, сохраняя неприкосновенным основной закон Российской империи о существе самодержавной власти, признали Мы за благо учредить Государственную думу и утвердили Положение о выборах в Думу»[1].

Избирательная система «Булыгинской думы» предусматривала выборы по куриям – разрядам избирателей, созданным на основе социальной принадлежности и имущественного ценза. Порядок выборов предусматривал избрание депутатов в трех куриях – «уездных землевладельцев» (34% от общего числа выборщиков), «городских избирателей» (24%) и курией «уполномоченных от волостей и станиц» (42%). Для избирателей двух первых курий выборы были двухстепенными. В третьей курии были объединены крестьяне-домохозяева, но здесь выборы проходили в четыре этапа.

Подобная система давала безусловное преимущество дворянству, купечеству, буржуазии, зажиточному крестьянству и позволяла не допустить в Думу «нежелательные элементы» (рабочих, малоземельное крестьянство, интеллигенцию, средние и низшие слои городского населения). Используя непрямой характер выборов, власти могли манипулировать избирательным процессом в своих интересах.

---

[1] Институт выборов в России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX в. М., 2001. С. 536.

Законы, обнародованные 6 августа 1905 г., не были реализованы на практике.

Последующие события свидетельствовали о возросшем недовольстве общества политическими маневрами властей. Начавшаяся в октябре 1905 г. всероссийская политическая стачка, а также консолидация оппозиционных сил заставили монархию пойти на более серьезные уступки. Необходимо отметить, что «конституционная реформа 1905–1906 гг. не была итогом реализации хорошо продуманного плана, а являлась ответом на социальный взрыв и угрозу существования автократии»[1].

В октябре 1905 г. председатель Совета министров С.Ю. Витте обратился к царю с предложением принять программу преобразований, выдвинутую либерально-демократической общественностью. Суть этих преобразований С.Ю. Витте выразил одним словом – «конституция». На протяжении нескольких дней в придворных кругах шла напряженная борьба вокруг текста документа. В 6 часов вечера 17 октября 1905 г. в присутствии великого князя Николая Николаевича, барона Фредерикса и С.Ю. Витте Николай II подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Документ, сразу же получивший название российской конституции, провозглашал: «1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. 2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и 3) Установить как незыблемое правило чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей»[2].

С изданием Манифеста 17 октября серьезному пересмотру подверглись законодательные установления о выборах в Государственную думу. Для обсуждения ситуации и нормативного регулирования расширения избирательных прав населения, увеличения числа лиц, имеющих право участвовать в выборах, в декабре 1905 г. в Царском Селе было созвано совещание под председательством царя. Оно выработало ряд документов, составивших правовую базу деятельности Думы и первых выборов ее состава: указ «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу» (11 декабря 1905 г.), манифест «Об изменении учреждения Государственного совета и пересмотре Учреждения Государственной думы» (20 февраля 1906 г.), а также новое «Учреждение Государственной думы» (указ от 20 февраля 1906 г.).

В компетенцию Государственной думы входило принятие, отмена

[1] Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века: Учебное пособие. М. – Новосибирск, 2000. С. 76.

[2] Институт выборов в России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX в. М., 2001. С. 556–557.

и рассмотрение законов, за исключением Основных государственных законов, право пересмотра которых принадлежало исключительно императору. Проекты законов, одобренные Думой, поступали на обсуждение Государственного совета. Принятые обеими палатами, они направлялись на утверждение императора. Законопроекты, не принятые Государственным советом или Государственной думой, признавались отклоненными. Свод Основных государственных законов устанавливал равенство обеих палат в процессе законотворчества. В компетенцию Думы входили: законодательная деятельность, утверждение бюджета и контроль за его исполнением, установление налогов и повинностей. Ее члены имели право запроса к должностным лицам, им устанавливалось «суточное довольствие» в размере 10 рублей[1].

Наиболее существенным новшеством стало появление отдельной курии избирателей – рабочей.

Согласно указу от 11 декабря 1905 г. «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных к нему дополнений» избрание членов Думы производилось на губернских и городских избирательных собраниях. Эти собрания состояли из выборщиков, избранных различным путем по отдельным куриям, в зависимости от социальной принадлежности избирателей. Съезд уездных землевладельцев состоял из лиц, не менее года владеющих в уезде землей, обложенной сбором на земские повинности или иным недвижимым имуществом, «не составляющем торгово-промышленного заведения», стоимостью не менее 15 000 руб., некоторые другие категории собственников. В этой группе один выборщик избирался, в среднем, от 2000 человек.

По указу от 11 декабря 1905 г. право участия в съездах городских избирателей получила значительная группа лиц, отвечавших требованиям ценза «квартирной самостоятельности», т.е. те, кто в течение года нанимал квартиру или, также в течение года, платил квартирный налог. Благодаря снижению имущественного ценза в городах существенно (приблизительно в 10 раз) увеличилось количество лиц, наделенных активным избирательным правом.

Помимо квартиронанимателей, в городах избирательные права имели собственники недвижимого имущества, обложенного налогом или земским сбором, владельцы торгово-промышленных предприятий, лица, получающие жалование или пенсию от государства, органов местного управления, железных дорог. В городах один выборщик приходился на 4000 жителей.

Для крестьян устанавливалась четырехступенчатая система выборов. Сельский сход, состоящий из крестьян-домохозяев, избирал уполномоченных на волостной сход. Сход выдвигал из своей среды двух уполномоченных на съезд, который избирал выборщиков в губернское избирательное собрание. Таким образом, выборы для крестьян включали четыре ступени: 1) сельский сход; 2) волостной сход; 3) съезд уполномоченных от волостных сходов (по два от каждого схода); 4) выборщики, избранные этим съездом в губернское избирательное собрание. Один выборщик от крестьян представлял до 30 000 сельского населения.

В губернском избирательном собрании сначала выборщики от крестьян

[1] Учреждение Государственной думы. Ст. 23.

должны были выдвинуть из своей среды одного члена Думы, а затем все собрание избирало остальных депутатов.

В губерниях, где численность рабочих превышала 10 000, вводились отдельные губернские съезды уполномоченных (выборщиков) от «рабочих в предприятиях фабрично-заводской и горнозаводской промышленности». В выборах могли участвовать представители фабрик, заводов и железнодорожных мастерских с общим числом рабочих не менее 50 человек. Рабочие таких предприятий получили право избирать одного уполномоченного на каждую полную тысячу рабочих-мужчин. Предприятия, насчитывавшие от 50 до 2000 рабочих, – одного уполномоченного на каждое предприятие. Затем уполномоченные избирали членов губернского съезда рабочих-выборщиков (один выборщик от 10 000 рабочих). В экономически развитых регионах число таких выборщиков составляло порядка 20–30 человек. Например, в Московской губернии (включая г. Москву) было 35 выборщиков, в Петербургской (вместе с Санкт-Петербургом) – 24.

Таким образом, для рабочей курии устанавливалась трехступенчатая избирательная система. Общее количество выборщиков от рабочих в стране составляло 236 человек; на первых выборах в Думу (1906 г.) ими было избрано 15 депутатов.

Повсеместно права голоса были лишены женщины, лица, моложе 25 лет, обучающиеся в учебных заведениях, воинские чины армии и флота, состоящие на действительной военной службе, «бродячие инородцы» и иностранные подданные. К выборам также не допускались осужденные за преступления, находящиеся под следствием или судом по обвинению в совершении преступления, недееспособные, лишенные духовного сана или звания, осужденные за уклонение от воинской повинности.

Пассивным избирательным правом обладали все лица, соответствовавшие условиям приобретения активного избирательного права в своей курии. Для избрания требовалось личное согласие кандидата. Чиновники, состоявшие на государственных должностях и избранные в Думу, были обязаны оставить службу. Депутатами не могли быть избраны лица, не владеющие государственным (русским) языком.

Куриальная избирательная система, по которой избирались депутаты дореволюционной Думы, дополненная различными цензами (имущественным, возрастным, гендерным, национальным и др.), резко контрастирует на фоне современных стандартов свободных и демократических выборов. Современники критиковали ее недемократический характер, выступали за расширение избирательных прав населения. Впрочем, многие считали, что объем прав и свобод, дарованных Манифестом 17 октября 1905 г., и без того велик, что потребуется длительный период для адаптации парламентаризма на русской почве.

Сегодня, оценивая избирательную систему Российской империи (в т.ч. модификацию 3 июня 1907 г.) и учитывая опыт периода тотальной либерализации и демократизации государства в марте–октябре 1917 г., мы можем отметить, что, несмотря на ряд существенных недостатков, она все же позволяла решать ряд важнейших задач. Среди них – становление партийной системы, выработка на-

выков парламентской деятельности, законотворчества, электорального участия населения, появление легальных политических средств массовой информации. В начале XX века Россия встала на путь, вектор которого в целом совпадал с направлением развития главных мировых держав, но этот процесс был оборван насильственно[1].

К новациям русской политической жизни, вызванным появлением Государственной думы, относится и складывание системы мер, направленной на обеспечение избирательных прав жителей России, как-то: составление списков избирателей, образование органов, организационно обеспечивающих право избирать и быть избранными в Государственную думу, законодательное закрепление организационной деятельности властей, связанной с выборами, правовая защита избирательного процесса.

Списки лиц, имеющих право голоса по курии уездных землевладельцев и городских избирателей составляли, соответственно, уездные земские управы (в неземских губерниях – уездные полицейские управления) и городские управы или учреждения, их заменяющие.

На каждом предприятии велся список уполномоченных, избранных рабочими. Он направлялся губернатору или градоначальнику, а его копия вывешивалась на видном месте для сведения рабочих. Канцелярии губернаторов (градоначальников) вели общий список уполномоченных от рабочих.

Закон устанавливал, что списки выборщиков, избранных в каждой курии, «оглашаются губернатором или градоначальником... во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этого списка». На губернаторов и градоначальников была также возложена обязанность общего надзора «за правильным производством выборов», а общее руководство избирательным процессом в общероссийском масштабе осуществляло министерство внутренних дел.

В связи с выборами в Думу впервые в российской государственной практике возникла система избирательных комиссий – губернских, уездных и участковых в крупных городах. Комиссии губернского и уездного уровня были призваны обеспечивать законность избирательного процесса, они рассматривали заявления и жалобы, возникающие в связи с избранием членов Думы. Действия избирательных комиссий можно было обжаловать в высшем судебном органе страны – Правительствующем сенате. Необходимо отметить, что высшей инстанцией, компетентной проверять права депутатов, являлась сама Дума.

Губернскую по делам о выборах комиссию возглавлял председатель окружного суда. В нее также входили: управляющий казенной палатой, предводитель дворянства того уезда, где находился губернский город, председатель губернской земской или по делам земского хозяйства управы, городской голова губернского города (или лицо, его заменяющее), один из членов окружного суда, назначенный его общим собранием, один из непременных членов губернского или губернского по крестьянским делам присутствия, назначенный губернатором.

Председателем уездной по делам о выборах комиссии являлся член окружного суда, назначенный его общим собранием. В комиссию также входили: уездный

[1] Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи. 1906–1917. М., 1998. С. 604.

предводитель дворянства, мировой или городской судья, назначенный съездом мировых судей или общим собранием окружного суда, председатель уездной земской или по делам земского хозяйства управы, городской голова уездного города, податной инспектор и один из земских начальников, назначенный уездным съездом земских начальников.

В крупных городах, определенных законом (Москва, Санкт-Петербург, Киев и др.), для производства выборов в городское избирательное собрание создавались участковые избирательные комиссии. Они формировались городскими думами из числа лиц, обладающих активным избирательным правом, и, как правило, состояли из председателя и двух членов.

Губернское избирательное собрание проходило под председательством губернского предводителя дворянства (обычно в Доме губернского дворянского собрания), а городское – городского головы. Оно было правомочно осуществлять избрание членов Думы в случае, если на нем присутствовало не менее половины общего числа выборщиков. При отсутствии кворума собрание распускалось и собиралось вновь через семь дней. Новое собрание считалось состоявшимся при любом числе выборщиков.

В ходе избрания выборщиков и непосредственно членов Государственной думы применялся тайный способ голосования. На съездах выборщиков, в собрании уполномоченных от рабочих и на губернских (городских) избирательных собраниях закон предписывал производить тайную баллотировку шарами (так избирались земские и городские гласные, органы дворянского управления). Но в случае, если численность избирателей в куриях уездных землевладельцев или городских избирателей превышала 500 человек, следовало производить выборы «посредством подачи записок». Таким образом, впервые в отечественной истории было санкционировано применение избирательных бюллетеней в электоральном процессе – «шелест избирательных бюллетеней становился реальностью»[1].

В городах голосование осуществлялось по избирательным участкам. «Правила о порядке производства выборов в городское избирательное собрание» определяли следующую процедуру голосования.

На первой стадии выборов, когда избирались выборщики, избиратели лично подавали свои бюллетени («избирательные записки»). В записке следовало указать имя, отчество и фамилию кандидата. Количество кандидатов в выборщики, указанных в бюллетене, не должно было превышать числа, определенного для данного участка. Одно лицо могло быть указано в записке лишь один раз. В бюллетене запрещалось делать какие-либо отметки: знаки, исправления и подчистки ни на лицевой, ни на оборотной сторонах, – иначе он признавался недействительным. При подсчете голосов не учитывались кандидатуры, включенные в бюллетень сверх установленного лимита.

При таком порядке голосования отсутствовала необходимость в стандартной форме избирательного бюллетеня. Он мог быть разборчиво написан от руки, напечатан на машинке или типографским способом. Все они считались действительными при соблюдении названных выше требований. Партии часто заранее

[1] Милюков П.Н. Воспоминания: (1859–1917). Т. 1. М., 1990. С. 352.

типографским способом изготовляли избирательные бюллетени с фамилиями своих кандидатов и распространяли их среди потенциальных избирателей – такая деятельность была важной частью предвыборной агитации.

Избиратель вручал заполненный бюллетень председателю комиссии, тот в присутствии избирателя опускал бюллетень в особый ящик с отверстием на крышке. В «Положении о выборах» говорилось, что «ящик этот, предварительно принятия записок, предъявляется присутствующим избирателям для удостоверения в том, что он пуст и не имеет отверстий, кроме предназначенного для опускания записок. Затем ящик закрывается на замок и опечатывается печатью председателя; а ярлык, на который наложена печать, подписывается председателем, членами избирательной комиссии и желающими из числа наличных избирателей»[1]. При принятии бюллетеня в списке избирателей делалась отметка, что данное лицо проголосовало. Выборы проводились в течение одного дня: с 9 до 21 часа, одновременно на всех участках. В девять часов вечера допуск избирателей в помещение избирательной комиссии для подачи избирательных записок прекращался, но от лиц, находящихся в помещении к данному моменту, записки принимались до тех пор, пока не будут поданы всеми присутствующими избирателями. По закрытии заседания отверстие ящика, в который опускались записки, опечатывалось, и председатель объявлял присутствующим число поданных записок. Оно фиксировалось в особом акте, заверенным председателем и членами избирательной комиссии. Подсчет голосов производился избирательной комиссией на следующий день, также с девяти часов утра до девяти часов вечера. При этом могли присутствовать избиратели.

Для избрания выборщиком или уполномоченным требовалось получить более половины от общего числа поданных голосов (в 26 крупных городах – относительное большинство голосов). При равенстве голосов победитель определялся по жребию. При выборах членов Думы в губернском (городском) избирательном собрании сначала тайным голосованием записками производилась номинация кандидатов, а затем непосредственно выборы – баллотировка шарами в порядке большинства предварительно полученных голосов. Избранным считалось лицо, набравшее более половины голосов. Если число избранных таким образом членов Думы было меньше квоты, установленной для губернии (города), на следующий день созывалось новое собрание для довыборов недостающих депутатов. Если и эти выборы завершались безрезультатно, на новом собрании было достаточно получить относительное большинство голосов.

Правительством была определена общая численность членов Государственной думы – 524 человек и конкретное «расписание» их распределения по 135 округам, в том числе 33 территориально-сословным, конфессиональным и этническим (избирали 40 депутатов), 26 городским округам (34 депутата).

Необходимо подчеркнуть важную особенность выборов в Государственную думу – в разных регионах они проходили в разное время. Министерство внутренних дел устанавливало для каждой губернии, области, города сроки проведения

[1] Институт выборов в России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX в. М., 2001. С. 549.

мероприятий по избранию выборщиков от всех курий, а затем назначало даты выборов непосредственно членов Думы.

Первые выборы в Государственную думу – первые парламентские выборы в России в большинстве округов состоялись в феврале–марте 1906 года (однако в ряде регионов они прошли значительно позднее, либо не состоялись вовсе). Всего было избрано 499 депутатов.

Проведение демократических выборов немыслимо без партий, и Россия начала XX века не являлась исключением. В «додумский» период существовало лишь несколько организаций, действовавших в нелегальных условиях. В частности, Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) и Партия социалистов-революционеров[1]. В дальнейшем процесс становления политических партий шел одновременно с развитием парламентских институтов.

С июля 1902 г. по инициативе П.Б. Струве в Штутгарте (Германия) на русском языке начал выходить журнал «Освобождение», продолживший традиции вольной печати XIX века («Колокол», «Полярная звезда», «Голоса из России» А.И. Герцена и др.). Деятельность журнала была тесно связана с работой либеральных земцев – сторонников демократических реформ. Летом 1903 г. группа земцев и интеллигентов создала за границей политическое объединение – Союз освобождения. 3–5 января 1904 г. в Петербурге прошел его учредительный съезд, на котором присутствовали делегаты от двадцати городов. Опираясь на теоретические изыскания зарубежных и отечественных обществоведов, опыт западноевропейских демократических стран, русские либералы сконструировали альтернативную авторитарному режиму рационалистическую модель новой политической системы, основанной на идеях разделения властей, всестороннего обеспечения прав личности, а также учете политической расстановки сил и национальных традиций[2]. Программа организации предусматривала создание конституционной монархии, введение всеобщего избирательного права, частичное наделение крестьян землей. Деятельность Союза была нелегальной. Несколько ранее при ближайшем участии видного земского деятеля Д.Н. Шипова в России образовалась группа земцев-конституционалистов.

Эти организации заложили основу для политической консолидации прогрессивных сил и образования политических партий либерального и либерально-демократического направления. 12–18 октября 1905 г. в Петербурге состоялся учредительный съезд Конституционно-демократической партии («Партии народной свободы»), выдвигавшей требования народного представительства, демократических свобод, принудительного отчуждения помещичьих земель за выкуп и др.

В конце октября 1905 г. часть либеральных земцев, принимавших участие в деятельности Союза освобождения, в земских и городских съездах 1904–1905 гг., но по тем или иным причинам не поддержавшая программные установки

---

[1] В конце XIX в. появилось несколько национальных партий: Бунд (Всеобщий еврейский союз в Литве, Польше и России), Литовская социал-демократическая партия, «Гнчак» и «Дашнакцутюн» в Армении, Социал-демократия Королевства Польского, Польская социалистическая партия и польская Национально-демократическая партия.

[2] Модели общественного устройства России. XX век / Отв. ред В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 230–231.

кадетов, приняла решение о создании своей политической организации. Она получила название «Союз 17 октября» – в честь Манифеста 17 октября 1905 г., знаменовавшего преобразование России в конституционную монархию. Союз выступил с лозунгами народного представительства, демократических свобод, гражданского равенства. В организации Союза приняли участие крупные предприниматели.

В начале 1906 г. Конституционно-демократическая партия и Союз 17 октября активно включились в кампанию по выборам в первую Государственную думу. В выборный период кадетам удалось сформировать более трехсот региональных комитетов; число зарегистрированных членов составляло около 100 000 человек. Партия располагала рядом местных печатных изданий и центральной ежедневной газетой «Речь». Итоги выборов свидетельствовали о том, что эта работа оказалась не напрасной: партия провела в Думу 179 своих представителей. Ее успех на первых выборах во многом объясняется большой политизированностью городского электората. Последний демонстрировал стабильность политических предпочтений, которые характеризовались «явным преобладанием симпатий к кадетам (и прогрессистам)... и «регидностью» к вызовам политических партий правого крыла»[1].

Несмотря на значительную организационную работу (создано около двухсот местных отделов, объединивших не менее 50 000 членов), Союз 17 октября на первых выборах выступил достаточно скромно, получив 16 мест.

Партии «левее кадетов» – социал-демократы и эсеры – призвали своих сторонников бойкотировать выборы в Государственную думу. Впрочем, большевики вскоре изменили свое отношение к Думе, и IV (Объединительный) съезд РСДРП, проходивший 10–25 апреля 1906 г. в Стокгольме, принял резолюцию, признававшую необходимость поддержки Думы и образования в ней социал-демократической фракции. Всего в первой Думе было представлено 18 социал-демократов. Существенной особенностью выборов в первую Думу стало отсутствие реальной конкуренции между политической оппозицией и правыми: «Правый фланг консолидировал свои ряды значительно позже демократов и либералов. Объяснялось это, помимо прочего, тем, что в самодержавной монархии правящие круги не нуждались в каких-либо политических организациях»[2]. Созданная в ноябре 1905 г. организация крайне правых – Союз русского народа – не смогла провести в Думу ни одного кандидата.

Поражение на выборах потерпели и организации, созданные по инициативе предпринимательских кругов, – Партия правового порядка, Торгово-промышленная партия, Прогрессивно-экономическая партия. Например, Торгово-промышленная партия получила в Думе лишь два места.

Говоря о деятельности политических партий и их участии в предвыборных кампаниях 1906–1912 гг., следует учитывать, что ими была охвачена лишь незначительная доля населения России. По экспертным оценкам, в 1906–1907 гг.

---

[1] Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М., 2005. С. 153.

[2] Политические партии России: История и современность / Под ред. А.И. Зевелева и др. М., 2000. С. 84.

совокупная численность всех российских партий не превышала 0,5 процента населения страны (в 1917 г. она возросла примерно до 1,5%)[1].

Но, будучи в своем подавляющем большинстве беспартийным, население России сознавало свои интересы, как политические, так и экономические. Различные социальные слои городского и сельского населения формировали взгляды на злободневные проблемы, вызванные революционным процессом 1905 года. Наиболее важным был аграрный вопрос.

Крестьянство, составлявшее приблизительно 90 процентов населения страны, остро страдало от нехватки земли, голода, нищеты, эпидемий, произвола сельской администрации, вопиющего правового бесправия. Не организованное в партию, на выборах в 1906–1907 гг. оно продемонстрировало единодушие в главном: крестьянские представители в Думе должны были добиться решения аграрного вопроса. Перед этой задачей отступали внешние различия в крестьянской среде – национальные, религиозные, даже имущественные. Избираясь как беспартийные, в первой Думе крестьяне составили вторую по численности фракцию после кадетов – Трудовую группу (97 депутатов).

Национальные группы составили в Думе достаточно внушительную силу: 63 депутата.

105 членов объявили себя беспартийными.

Первые парламентские выборы в России стали важным этапом в истории складывающейся партийной системы. Хотя партии не упомянуты в избирательном законодательстве 1905–1907 гг., их участие во многом определяло исход выборов. Как было показано выше, для избрания в Государственную думу кандидат должен был получить более половины голосов участников избирательного собрания. В большинстве случаев это было немыслимо без мощной партийной поддержки. Партии брали на себя трудоемкое дело агитации за кандидата, стремились привлечь на его сторону колеблющихся избирателей. Активно практиковались предвыборные соглашения, блоки, когда выборщики голосовали не в силу своих убеждений, а по тактическим соображениям.

Дума торжественно открылась 27 апреля 1906 года в Петербурге. Местом ее заседаний был определен Таврический дворец.

Дальнейшее развитие страны во многом зависело от того, как сложатся отношения власти и общества в лице его представителей. Несмотря на то, что реформы, проведенные правительством под давлением революционной стихии, носили половинчатый характер и не удовлетворяли требованиям оппозиции, принятие «октроированной» конституции[2] (Манифеста 17 октября 1905 г.) и учреждение выборного представительного органа – Государственной думы, открывало новые перспективы развития России. Манифест 17 октября «соединял авторитарный идеал и с либеральным, и с демократическим… это был реальный шаг к конституционному правлению или, что то же самое, к принципиально новому статусу

[1] Политические партии России: История и современность / Под ред. А.И. Зевелева и др. М., 2000. С. 80.

[2] Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. М., 2005. С. 12.

закона в государственной жизни»[1].

Как отмечал современник, «общественность не обязана была капитулировать перед властью, но и не могла требовать ее капитуляции перед собой. Соглашение всегда компромисс, т.е. взаимность уступок. Вопрос, до какой черты в уступках можно идти, – вопрос не принципа, а факта и такта. Либеральная общественность должна была только признать, что с объявлением конституции прежнее ее непримиримое отношение к власти потеряло свой [смысл], что соглашение стало возможно и нужно и что его надо было честно попробовать на основе полученной конституции»[2].

В 1906 году это мнение разделяли многие. Революция прошла наивысшую точку подъема. Дума вполне могла стать институтом, объединяющим и стабилизирующим общество и страну в целом, но слишком велик оказался эмоциональный заряд оппозиции, чтобы перейти к рутинной парламентской работе. Таврический дворец стал главным политическим митингом страны, местом, где обсуждались самые острые вопросы (отмена смертной казни, аграрный, национальный). И это не удивительно: левые фракции составляли до трех пятых состава Думы – при фактическом отсутствии правых.

Свобода политического слова произвела на современников ошеломляющее впечатление. Впервые в отечественной истории критика правительства и его отдельных представителей звучала с трибуны государственного учреждения. Впрочем, и власть не нашла в себе «достаточно решимости, чтобы, наконец, пожертвовать своим самолюбием и очистить занятые позиции»[3].

«Очистить позиции» пришлось Думе: 9 июля 1906 г. был опубликован указ о ее роспуске. Документ определил дату созыва вновь избранной Думы – 20 февраля 1907 г. Но дата выборов тогда не была назначена. «О времени производства новых выборов в Государственную думу последуют от Нас особые указания», – говорилось в указе[4].

Значительная часть членов Думы собралась в Выборге (на территории Великого княжества Финляндского) и приняла воззвание (т.н. «Выборгское воззвание»), в котором призвала население к пассивному сопротивлению властям, к уклонению от призыва в армию, к неуплате прямых налогов.

Вопреки ожиданиям, роспуск Думы не вызвал политического кризиса (в том, что он произойдет, были уверены как деятели царской администрации, так и многие политические деятели слева). Однако этого не случилось. Вскоре последовали административно-политические меры против думцев, подписавших Выборгское воззвание. 167 человек (в том числе бывший председатель Думы С.А. Муромцев) были приговорены к трехмесячному тюремному заключению и лишению избирательных прав.

Выборы во вторую Думу состоялись в январе–феврале 1907 г. Прежнее

---

[1] Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005. С. 391, 392.

[2] Маклаков В.А. Первая Государственная дума. М., 2006. С. 16–17.

[3] Муромцев С.А. Значение происшедших выборов // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. М., 2003. С. 500.

[4] Цит. по: Савич Г.Г. Новый государственный строй: Справочная книга. СПб., 1907. С. 168.

«Положение о выборах» оставалось в силе, но власть, извлекая уроки из неблагоприятного для нее результата предыдущих выборов, стремилась скорректировать избирательное законодательство в свою пользу. Это было сделано с помощью разъяснений отдельных статей «Положения о выборах» Правительствующим сенатом. В результате от выборов были отстранены десятки тысяч рабочих, мелких землевладельцев.

На выборах во вторую Думу Конституционно-демократическая партия выступила существенно ослабленной репрессиями против депутатов-«прерводумцев», подписавших Выборгское воззвание. В результате ее фракция в Думе существенно сократилась – до 98 мест. Октябристы переживали серьезный внутрипартийный кризис, теряли сторонников среди населения. Внешне их представительство в Думе увеличилось и составило 43 депутата, но это стало возможным благодаря блокированию с правыми. Партию покинули такие знаковые фигуры либерального движения, как Д.Н. Шипов и граф Гейден – они приняли участие в создании новой центристской организации – Партии мирного обновления (ПМО)[1]. Одного депутата провела Партия демократических реформ.

Зато леворадикальные силы энергично включились в избирательную борьбу, стремясь наверстать упущенное из-за бойкота первой Думы. РСДРП по-прежнему являлась нелегальной, но это не помешало ей завоевать 65 мест во второй Думе – столь велика была в тот момент оппозиционность городского населения и рабочих. Участвовали в выборах и эсеры (это был первый и последний раз, когда партия официально вышла на выборы в Думу), они получили 37 мест. Еще 16 депутатов представляли другую неонародническую организацию – народных социалистов. Трудовая группа усилила свое представительство: во второй Думе она завоевала 104 места.

Национальные фракции объединяли 76 депутатов, беспартийные – 50, казачья группа насчитывала 17 депутатов.

Стремясь попасть во вторую Думу, правые преследовали несколько целей: реабилитировать свое движение в глазах сторонников, получить возможность шире распространять свои идеи, используя парламентскую трибуну, вступить в идеологическое противостояние с леворадикальным лагерем «на его территории» – в стенах представительного собрания и, по возможности, дискредитировать само учреждение Государственной думы. Консервативная среда сумела найти и выдвинуть ярких публичных политиков. Имена В.В. Шульгина, В.М. Пуришкевича, графа В.А. Бобринского приобрели всероссийскую скандальную известность.

Относительный успех правых на выборах во вторую Думу стал возможен при беспрецедентной мобилизации консервативных кругов. В частности, православная церковь получила прямые указания императора принять активное участие в выборах и приложить «старания к тому, чтобы в выборщики, а затем и в члены Государственной думы вошло возможно большее число духовных лиц, пользующихся доверием своих собратий, а не доверием врагов религии».

Число правых и умеренно-правых во второй Думе составило около

[1] Проект ПМО потерпел неудачу. Партия не пошла на выборы самостоятельно, ее кандидаты блокировались с кадетами и октябристами.

30 человек (10 «правых» и 23 умеренно-правых в блоке с октябристами).

II Дума открылась 20 февраля 1907 г. Современники образно назвали ее «Думой народного гнева». Подавляющее большинство либеральных думцев «первого призыва», подписавших Выборгское воззвание, было отстранено от участия в выборах. В предвыборный период и на разных стадиях выборов немало кандидатов выбыло из борьбы – широко практиковались аресты, ссылка «левых» кандидатов, отмена результатов выборов в округах, где побеждали представители революционных партий. Придя в Таврический дворец и сознавая краткосрочность своей миссии, оппозиционные депутаты стремились показать правительству, что революционный лагерь не сломлен и готов продолжать борьбу за лозунги 1905 года.

Вскоре после вторых думских выборов в правительственных кругах начались консультации по вопросу о судьбе Думы и перспективах выборного представительства. В общих чертах мнение Николая II и его ближайших советников можно сформулировать так: Дума должна сохраниться как институт государственной власти, но порядок избрания депутатов следует существенно изменить, чтобы дать преимущество представителям промонархических сил.

Прежде всего следовало разработать новое избирательное законодательство. Эта ответственная работа была поручена товарищу (заместителю) министра внутренних дел С.Е. Крыжановскому, сыгравшему ключевую роль в разработке «Булыгинской думы» и других актов выборного законодательства. Вскоре им было подготовлено три проекта. Первый предполагал разделить избирательные съезды и избирать членов Думы по отдельности от каждой курии. Второй сохранял общие губернские (городские) избирательные съезды, но давал существенные преимущества уездным землевладельцам (автор называл этот вариант «бесстыжим»). Третий предусматривал избрание депутатов губернскими земскими собраниями и городскими думами.

В конце мая 1907 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров П.А. Столыпин представил эти проекты царю. Познакомившись с разработками министерства и, в частности, узнав, что сами авторы называют второй проект «бесстыжим», Николай II «изволил смеяться этой шутке и решительно сказал: «Я за бесстыжий»[1]. После этого в экстренном порядке и в строжайшей тайне был подготовлен текст нового избирательного закона. В 8 часов вечера 2 июня 1907 г. император подписал манифест «О роспуске Государственной думы и времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу», утверждающий новое «Положение о выборах в Государственную думу». К данным документам он приложил записку: «Пора треснуть!». Утром 3 июня факт роспуска Думы и новое избирательное законодательство стали достоянием общественности. Мероприятия правительства были охарактеризованы современниками как третьеиюньский переворот.

«Положение о выборах в Государственную думу» от 3 июня 1907 г. значительно сузило электоральную базу низших сословий. Теперь в землевладельческой курии один выборщик избирался от 230 человек (ранее от 2000). Городская курия

[1] Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 127.

была разделена на две категории: в первой (состоятельные горожане) один выборщик избирался от 1000 избирателей, а во второй от 15 000. До этого в единой городской курии один выборщик избирался от 7000 населения. Крестьянская курия посылала одного выборщика от 60 000 (ранее от 30 000), а рабочая – от 125 000 (ранее от 90 000).

В результате в Государственной думе резко сократилось представительство низших слоев населения. Так, в Европейской России квота выборщиков от крестьян составила 22,4 процента (ранее 43%), от землевладельцев – 51,3 процента (ранее 34%), от городских избирателей – 24,2 процента (ранее 23%), от рабочих – 2,3 процента (ранее 3,4%).

По новому «Положению» были фактически лишены избирательных прав жители окраин Российской империи: Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской и Якутской областей. Представительство других национальных регионов было существенно ограничено: вся Азиатская Россия могла теперь избирать только 15 депутатов; Кавказ вместо прежних 29 депутатов только 10; Царство Польское – 14 вместо 37. Из них два избирались в Варшаве, причем один – обязательно выборщиками от жителей русского происхождения. Такой же порядок устанавливался для Виленской и Ковенской губерний, где русское население отдельно от прочего избирало по одному члену Думы.

Наряду с представительством окраин сокращалось и представительство от городов. Только семь из них сохранили право избирать членов Думы отдельно от населения своих губерний: Санкт-Петербург, Москва, Варшава, Лодзь, Киев, Рига, Одесса.

В целом, с введением «Положения» от 3 июня 1907 г. избирательным правом могло воспользоваться лишь около 15 процентов населения Российской империи.

Третьеиюньский переворот нанес сокрушительный удар по партиям, претендовавшим ранее не только на лидерство в Думе, но и на завоевание государственной власти. На выборах в III Думу, состоявшихся в сентябре–октябре 1907 года, наибольшего успеха добились организации центристского и правого толка, кандидаты, поддержанные властью. Громко заявили о себе русские националисты, политики, выступавшие с консервативно-монархических позиций. В III Думе фракция «умеренно-правых» насчитывала 69 мест, национальная группа – 26, фракция «правых» располагала 50 голосами. Таким образом, консерваторы получили 145 мест.

Достиг пика своего влияния Союз 17 октября: в III Думе его представляли 154 депутата (самая большая фракция).

Умеренно-либеральный курс предложило избирателям новое политическое движение – прогрессистов, успешно конкурировавшее с кадетами и октябристами. Оно поучило 28 мест, а вскоре численность фракции возросла до 36 депутатов.

Другие политические силы России были представлены более скромно: национальные группы – 26 мест, кадеты – 54, трудовики – 14, социал-демократы – 19, беспартийные – 16.

«Октябристская» Дума оправдала надежды правительства, она занялась

рутинной работой, очерченной рамками законодательства, что предопределило ее долголетие. III Государственная дума благополучно просуществовала весь положенный ей срок и была распущена по истечении своих полномочий[1].

Выборы в IV Государственную думу, состоявшиеся в сентябре–октябре 1912 г., существенно отличались от избирательных кампаний 1906–1907 гг. Правительство уверенно контролировало ситуацию в стране, по-прежнему воспринимая население с патерналистских позиций. Общественно-политические институты развивались в неблагоприятных условиях. Партии, добившись права на существование, испытывали сильнейшее административное давление. И все же семь лет «российского парламентаризма» принесли определенные достижения: важным являлся сам факт существования народного представительства – он выступал первым условием признания Думы неотъемлемой чертой русской действительности[2].

Партии приобрели опыт электоральной деятельности, более устойчивыми и определенными стали и политические предпочтения населения.

На выборы в IV Думу вышли, в основном, политики, хорошо известные населению. Кадеты, октябристы и прогрессисты представляли либерально-демократический лагерь и центр. На крайнем левом фланге большевики и меньшевики вели между собой ожесточенную борьбу за 13 депутатских мест от рабочей курии. Правые собирались укрепить позиции, занятые на предыдущих выборах.

Главной сенсацией последних думских выборов стало поражение октябристов в целом и персонально их бессменного лидера – А.И. Гучкова, «забаллотированного» в Москве. Кадеты довольствовались скромным успехом: они сохранили и даже немного увеличили свою фракцию. Прогрессисты также в целом остались на прежних позициях. Правые увеличили свое представительство и составляли уверенное большинство. Причина подобного успеха не была тайной для современников: «Что это была за кампания! – восклицал лидер кадетов П.Н. Милюков. – Все сколько-нибудь подозрительные по политике лица бесцеремонно устранялись от участия в выборах. Целые категории лиц лишались избирательных прав или возможности фактически участвовать в выборах. При выборах присутствовали земские начальники. Нежелательные выборы отменялись. Предвыборные собрания не допускались, и самые названия нежелательных партий запрещалось произносить, писать и печатать. Съезды избирателей делились по любым группам для составления искусственного большинства. Весь первый период выбора уполномоченных первой стадии прошел втемную»[3].

IV Государственная дума четвертого созыва приступила к работе 15 ноября 1912 г. Она имела следующий партийно-фракционный состав: фракция русских националистов и умеренно-правых – 88 членов, фракция правых – 64 и один примыкающий, конституционно-консервативная группа центра – 33, фракция

---

[1] Российское законодательство X–XX веков: В 9-ти тт. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1994. С. 26.

[2] Милюков П.Н. Воспоминания: (1859–1917). Т. 2. М., 1990. С. 11.

[3] Там же. С. 136.

октябристов – 98, фракция кадетов – 59, фракция прогрессистов – 48, трудовая группа – 10, национальные группы – 21, социал-демократы (меньшевики) – 7 и один примыкающий, фракция большевиков – 6, беспартийные – 7.

Полномочия четвертой Думы завершались осенью 1917 г., но уже в 1915 г. начался новый виток противостояния Думы и правительства, вызванный неудачами в войне. Сначала Дума была распущена на шесть месяцев (с сентября 1915 по февраль 1916 г.), а в конце 1916 г. при Дворе начали обсуждать идею роспуска Думы и объявления выборов в новую – V Государственную думу. Был подготовлен проект соответствующего указа, но февральская революция 1917 г. создала совершенно новую внутриполитическую ситуацию: падение монархии обусловило исчезновение и Государственной думы (формально она продолжала существовать до 6 октября 1917 г.).

Итак, в период с 1906 по 1912 год в России состоялись четыре избирательные кампании по выборам в Государственную думу.

Процесс социальной самоидентификации охватил в начале XX в. все слои российского общества: дворянство и пролетариат, предпринимателей и интеллигенцию, духовенство и чиновничество, служащих и студенчество. Выборы в Государственную думу Российской империи создали условия для фиксации общественно-политических взглядов, существовавших в те годы. Они отражены в публицистике, агитационно-пропагандистской литературе, официальных документах, документах политических партий, письмах и других текстах, среди которых видное место принадлежит воспоминаниям современников первых общероссийских выборных кампаний.

Информация, содержащаяся в воспоминаниях о выборах, многопланова. Читатель может извлечь из нее важные сведения об отдельных фактах, действиях или событиях и лучше понять их[1]. В этой связи наиболее ценными представляются мемуары, «дающие тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятыми или понятыми неправильно. Непосредственные свидетели возникновения документа могут лучше растолковать его букву, нежели люди, подходящие к документу через ряд лет, с настроениями и представлениями, которых не было ни у кого в ту минуту»[2].

Таким образом, воспоминания позволяют реконструировать не только внешние черты исторических событий, отделенных большим временным промежутком (в нашем случае – реальный избирательный процесс), но и мысли, чувства, настроения их непосредственных участников.

Еще более интересным представляется разработка таких вопросов, как развитие навыков политического участия у представителей различных социальных групп, формирование политико-правовой культуры населения, особенности

---

[1] Как справедливо отмечают современные авторы, «многие процедурные вопросы выборов вообще и голосования в частности в исторических источниках излагаются довольно скупо, а то и вовсе отсутствуют». Задача исследователя заключается в том, чтобы «по крупицам собрать, а затем проанализировать сведения об организации и проведении выборов, об оформлении результатов выборов в разные исторические эпохи» (Автономов А.С. Избирательная власть. М., 2002. С. 8, 9).

[2] Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 8–9.

восприятия идеологических схем (либерализм, консерватизм, социализм и др.), отношение к государству и его институтам, аспекты социальной психологии применительно к электоральной деятельности в обществах, переходных к системе политической демократии. И поскольку избирательный процесс чрезвычайно многосторонен, возможно установление самых разных его взаимосвязей с привлечением мемуаристики в качестве источника.

Разумеется, не следует забывать и о субъективной составляющей мемуаров как исторического текста. Политически активный гражданин органично воспринимает электоральную практику, исходя из собственных мировоззренческих позиций и социального статуса; существенную роль здесь также играют психологические установки, конкретные материальные условия жизни каждого автора воспоминаний. Оценочные суждения нередко формируются под влиянием принадлежности к определенной сословной группе.

Нельзя не принимать во внимание и то обстоятельство, что нередко мемуары создавались в апологетических целях. С их помощью политики стремились интерпретировать факты в выгодном для себя ракурсе, обосновать правомерность деятельности, ставшей предметом критики, а в некоторых случаях они публиковались в целях прямой идеологической обработки населения[1].

Актуальность изучения отечественной электоральной истории, стимулирующая появление работ научно-исследовательского и популярного плана, побудила коллектив авторов к созданию в рамках проекта «Электоральное наследие России» хрестоматии, призванной представить современному читателю целостную картину думских избирательных кампаний 1906–1912 гг., отразившуюся в воспоминаниях их непосредственных участников.

Впервые в рамках одного издания публикуется обширный корпус материалов, призванных с исчерпывающей полнотой представить картину общественно-политической жизни России начала XX века в контексте парламентских выборов.

Авторы текстов представляют основные общественные группы страны: крестьян, рабочих, дворянство, интеллигенцию, придворные и бюрократические круги, промышленников и предпринимателей, духовенство, земских и городских деятелей.

Среди них как рядовые избиратели, так и ведущие общественные и политические деятели эпохи: Н.И. Астров, П.Н. Милюков, В.А. Маклаков, В.П. Обнинский, Ф.И. Родичев, Д.Н. Шипов, В.В. Шульгин, известные ученые: С.Н. Булгаков, Н.И. Кареев, А.А. Кизеветтер, М.М. Ковалевский; министры и губернаторы: В.Ф. Джунковский, С.Е. Крыжановский, И.Ф. Кошко, А.Н. Наумов, П.Х. Шванебах, Л.В. Яшвиль; литераторы: В.Г. Короленко, Ф.Д. Крюков, С.С. Кондурушкин.

---

[1] Этот жанр литературы широко практиковался в СССР, особенно в связи с масштабными избирательными кампаниями 1937–1938 гг. В преддверии выборов в Верховный Совет СССР и Верховные Советы союзных республик массовыми тиражами издавались воспоминания, призванные продемонстрировать негативные черты избирательной системы «царской России» (Бадаев А.Е. Как трудящиеся выбирали в царскую Думу и как они выбирают по великой Сталинской конституции. М., 1937; Как выбирали в Государственную думу. Л., 1938; Самойлов Ф.Н. Как происходили выборы при царизме. М., 1937 и др.). Несмотря на крайнюю идеологизированность этих материалов, в них все же можно вычленить информацию, свидетельствующую о той или иной тенденции, закономерности.

Впечатляет и электоральная география воспоминаний: Москва и Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Тифлис, Рига, Урал, Крым, Дон, Степной край, губернии – Владимирская, Волынская, Воронежская, Гродненская, Казанская, Калужская, Оренбургская, Псковская, Самарская, Симбирская, Смоленская, Тверская, Томская, Харьковская, Черниговская и многие другие регионы Российской империи.

Публикуемые тексты взаимосвязаны, они дополняют друг друга, ведут полемику, позволяют уточнять и по-разному интерпретировать исторические факты, что также повышает общественную и научную значимость и оригинальность проекта.

В основу систематизации материалов, опубликованных в книге, положены два критерия: политическая и партийная принадлежность мемуаристов и хронологическая отсылка к думским кампаниям.

Таким образом, в своей основной части сборник включает четыре раздела, соответствующие четырем кампаниям по выборам в Государственные думы Российской империи (февраль–март 1906 г., январь–февраль 1907 г., сентябрь–октябрь 1907 г., сентябрь–октябрь 1912 г.). Внутри каждого раздела тексты воспоминаний (как полностью, так и в извлечениях) группируются в соответствии с принадлежностью их авторов к политической партии или политическому направлению (в случаях, когда формально автор являлся беспартийным), в алфавитном порядке.

Материалы, публикуемые в сборнике, в своем большинстве являются малодоступными, представляют библиографическую редкость, и их воспроизведение окажет существенную помощь читателям, не имеющим возможности познакомиться с изданиями, хранящимися лишь в крупнейших библиотеках страны. Многие из них впервые вводятся в научный и публичный оборот.

Книга включает дополнительную информацию: в приложении публикуются законодательные акты по выборам в Государственную думу, документы общественных организаций, направленные на демократизацию избирательной системы и имевшие широкий общественный резонанс (постановления съездов земских и городских деятелей, адресы, представленные царю, обращения общественных деятелей и др.). Справочный аппарат включает подстрочные примечания, сведения об общественно-политических организациях начала XX века, биографические сведения об авторах текстов, помещенных книге.

Воспоминания, подготовленные для публикации в настоящем сборнике, создавались на протяжении длительного исторического периода.

Некоторые из них были написаны «по горячим следам», сразу после окончания первой избирательной кампании и открытия Думы 27 апреля 1906 г. Участники выборов спешили поделиться своими впечатлениями о столь выдающемся событии (Т.В. Локоть. «Статьи, заметки и впечатления бывшего члена Государственной думы», А.М. Санцевич. «Как состоялись выборы в Государственную думу. Рассказ выборщика от крестьян Волковыского уезда», Н.Н. Оглоблин. «Первые выборы в Думу», Л.В. Яшвиль. «Воспоминания о Симбирске», Н.Ф. Езерский. «Государственная дума первого созыва», Б.В. Назаревский. «Перед выборами»).

Такие воспоминания-отклики появлялись и в дальнейшем, после каждой избирательной кампании. Яркие картины общественной жизни эпохи выборов в «Думу народного гнева» рисуют С.С. Кондурушкин («На выборах»), А.Г. Зурабов («Вторая Государственная дума») и другие. Обращают на себя внимание талантливо и искренно написанный очерк-памфлет консерватора С.Ф. Шарапова и статья С.Н. Булгакова «На выборах», содержащая грустные заметки о состоянии российской общественно-политической жизни и административном произволе на выборах.

Важным этапом в развитии электоральной мемуаристики стало десятилетие открытия Государственной думы, отмечавшееся в Таврическом дворце 27 апреля 1916 года. В юбилейные дни в Петрограде вышла книга: «К десятилетию первой Государственной думы: 27 апреля 1906 г. – 27 апреля 1916 г.: Сборник статей перводумцев», где были опубликованы воспоминания членов Государственной думы первого созыва, главным образом, кадетов, а также принадлежавших к левым партиям – трудовиков и социал-демократов (А.Н. Букейханов. «Выборы в Степном крае», Н.И. Кареев. «Выборы в Петербурге в первую Государственную думу», Ф.Д. Крюков. «Выборы на Дону», И.Е. Лаврентьев. «Выборы от крестьян в Казанской губернии», В.А. Оболенский. «Выборы в Таврической губернии», Н.А. Огородников. «Первый день», Д.Д. Протопопов. «Воспоминания о выборах в первую Думу в Самарской губернии», И.И. Рамишвили. «Из тюрьмы в Государственную думу»). В том же году появились мемуары И.Ф. Кошко («Записки губернатора») – ценный источник, раскрывающий приемы провинциального администрирования эпохи Николая II.

После февраля 1917 г. увидели свет интересные и до сих пор недостаточно оцененные воспоминания В.П. Обнинского «Девяносто дней в тюремном заключении: тюремные заметки», а в 1918 году – записки Д.Н. Шипова «Воспоминания и думы о пережитом», подводящие итог многолетней деятельности выдающегося земца-конституционалиста, вскоре погибшего в застенках Бутырской тюрьмы.

Послеоктябрьский период принес суровые испытания для многих авторов хрестоматии. Трагически погибли и были репрессированы большевиками Н.Н. Оглоблин, Д.Д. Протопопов, Ф.Д. Крюков, С.С. Кондурушкин, А.Н. Букейханов, В.Ф. Джунковский.

В 20-х гг. XX в. начался новый – эмигрантский – период деятельности многих российских политиков. Здесь создавали свои книги противники большевистского режима, среди которых оказались представители всех политических течений: от консерваторов до вчерашних большевиков. Для эмигрантов «индивидуальная и коллективная память приобретает важнейшее значение». «Главной целью становится фиксация того сложного процесса, который привел к революционной катастрофе, и попытка понять его, объяснить себе и грядущим поколениям. Эмиграция сознает себя единственной хранительницей духа русской культуры. Центры диаспоры превращаются в огромные лаборатории по восстановлению, сохранению и защите национальной и индивидуальной памяти»[1].

[1] Гаретто Э. Мемуары и тема памяти в литературе русского зарубежья. Цит. по: Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках… Т. 1. М., 2003. С. 9–10.

Находясь в эмиграции, неоднократно обращались к теме Государственной думы и парламентских выборов кадеты (Н.И. Астров, А.А. Кизеветтер, В.А. Маклаков, П.Н. Милюков, Ф.И. Родичев, А.В. Тыркова-Вильямс), октябристы Н.В. Савич и С.И. Шидловский, социал-демократы (публикуются извлечения из книги В.С. Войтинского «Годы побед и поражений» (Берлин, 1923–1924). Интересные записки о выборах оставил А.Н. Наумов, самарский губернский предводитель дворянства, в соответствии с законом председательствовавший на губернских избирательных собраниях («Из уцелевших воспоминаний». Нью-Йорк, 1954–1955).

Внимание к истории Государственной думы проявляли и в Советской России. С начала 20-х годов здесь стали выходить издания, специализирующиеся на публикации материалов и документов по истории освободительного и революционного движения. В период НЭПа возобновилось издание дореволюционного исторического журнала «Голос минувшего». В 1922 на его страницах появилась работа В.Г. Короленко «Земли! Земли!», повествующая о жизни деревни в 1905–1907 гг.; одна из ее глав посвящена участию писателя в выборах во II Думу. Но подобные публикации были редким исключением.

В 20-х годах с воспоминаниями о событиях революции 1905–1907 гг. и последующих лет начали выступать большевики и немногие лояльные режиму социалисты и либералы. Это был период, когда мемуаристы могли относительно свободно рассказывать о событиях недавнего прошлого. Среди рассказов об участии в думских избирательных кампаниях представляют интерес книги и статьи В.Д. Бонч-Бруевича, Ф.Н. Самойлова («По следам минувшего. Воспоминания старого большевика»), А.Е. Бадаева («Большевики в Государственной думе»). В конце 30-х годов тотальный поиск реальной или мнимой оппозиции сделал невозможным даже подобие объективности в исторических публикациях.

Сегодня в распоряжении исследователей и читателей имеются десятки интересных документов, позволяющих составить объективную картину первых общероссийских избирательных кампаний, проследить развитие навыков политического участия широких слоев населения, становления правовой культуры, формирования политических партий.

В мемуарной литературе выборы в Государственную думу нередко характеризуются как экзамен на политическую зрелость. Это сравнение не потеряло актуальности и в наше время.

При этом целесообразно задаться вопросом: как соотносятся события электоральной истории, оставшиеся в далеком прошлом, и современный политический процесс? Должны ли мы воспринимать думские выборы в качестве «антикварного» предмета, мало связанного с проблемами сегодняшнего дня, или как позитивный, так и негативный опыт организации и деятельности институтов народного представительства России начала XX века и сегодня востребован политической практикой?

Многое свидетельствует в пользу последнего утверждения.

При знакомстве с мемуарной литературой, посвященной выборам в Государственную думу, обращает на себя внимание то, что авторы оценивают вы-

боры не просто как событие большого государственного значения, а как акт значимой общественной деятельности и гражданской инициативы, не исчерпывающийся собственно электоральной проблематикой. Большое значение придавалось личности кандидата, но еще важнее представлялись его программа, лозунги, с которыми он шел на выборы. «Можно было опасаться, – писал член первой Думы Н.Ф. Езерский, – что обыватель запутается.., потонет в море программ, наконец, что личные симпатии будут руководить им больше, чем принципиальные соображения. Можно было думать, что кампания пройдет на лицах, а не на партиях… То, что нам приходилось наблюдать, свидетельствует о противоположном…»[1].

Возможно, несколько преувеличивая степень политизации населения, некоторые авторы воспоминаний пишут, что «по всей России толковали за самоваром»[2] о политических программах, о том, что летом 1906 г. наступил момент, когда, «казалось, вся русская деревня собралась к полотну железной дороги, машет отчаянно руками и кричит: «Газету, газету!»[3].

Бесспорно одно: в ходе избирательных кампаний 1906–1912 гг., и особенно кампании по выборам в первую Думу, избиратели стремились активно обсудить наиболее злободневные внутриполитические вопросы; в первую очередь пути улучшения положения крестьянства, критиковали некомпетентную бюрократию, осуждали административный произвол, говорили о первоочередных потребностях местного сообщества – о народном образовании, политическом и национальном равноправии, что по мнению современников, должно было способствовать преодолению социальных конфликтов, упорядочению нового политического строя и стабилизации ситуации в стране: «Предвыборные собрания… с участием широких народных масс и с свободным, непринужденным… обменом мыслей по основным, близко затрагивающим народные интересы вопросам, как нельзя лучше могут доказывать, насколько… самое свободное, с полным признанием гражданских прав народа, обсуждение… общественно-государственной жизни может удержать народные массы от выступления на путь каких бы то ни было насильственных форм протеста»[4].

Во многих случаях населением болезненно воспринимались попытки административного влияния на развитие избирательного процесса[5]; например, во

---

[1] Езерский Н.Ф. Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907. С. 9.

[2] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания: То, чего больше не будет. М., 1998. С. 379.

[3] Кондурушкин С.С. На выборах // Русское богатство. 1907. № 3. С. 103.

[4] Локоть Т.В. Первая Дума: Статьи, заметки и впечатления бывшего члена Государственной думы. М., 1906. С. 55–56.

[5] Приведем в качестве примера ситуацию, описанную участником выборов крестьянских уполномоченных от волостного схода в Казанской губернии: «Были присланы пятеро стражников и урядник. Они не знали как поступить с народом, который набился в сени и в первое отделение [волостного] правления. Когда началась перекличка… двое стражников задумали было выпроводить постороннюю публику из комнаты в сени. Почуяв это, из сеней хлынула народная волна.
– Не сметь выгонять! Здесь, может быть, судьба наша решается, а вы гоните, не даете посмотреть, послушать.., – крикнули из толпы.
Треснула перегородка, заскрипели, затрещали стулья, столы, а из сеней напирают все сильнее и сильнее. Стражников стиснули, что и рукой не отмахнуть. Шум и крик невообразимые. Напрасно старшина упрашивал толпу держать себя потише и очистить волостное правление. Мужики тянулись к стражникам и что-то зловещее и жуткое напирало оттуда» (Лаврентьев И.Е. Выборы от крестьян в Казанской губернии // К десятилетию первой Государственной думы. Пг., 1916. С. 20).

время первых выборов многие избиратели полагали, что полицейские не имеют права присутствовать на предвыборных собраниях и тем более вмешиваться в ход прений. Современник так описывает результат противостояния избирателей и полицейского чиновника, завершившегося победой общественности: «Сконфуженный надзиратель вышел из зала собрания. И едва дверь закрылась.., как зал собрания огласился неистовыми, бесконечно искренними и дружными аплодисментами, исходившими, видимо, из самой глубины души этого первого в городе Борзне избирательного собрания. Победа обывателя над всемогущей, всегда безнаказанно давившей его администрацией, была, видимо, самым лучшим, самым дорогим для пробуждавшихся «граждан» моментом из всего первого избирательного собрания!»[1]. Последний пример достаточно ярко иллюстрирует мнение, согласно которому «всякая революция есть всегда изменение отношения народа к власти»[2]. Выборы, проходившие в революционный период (1906–1907 гг.) четко обозначили водораздел между «старым режимом» и новыми политическими силами, выдвинутыми общественностью и поддержанными ею на первых выборах. Противостояние «старого» и «нового» имело особую остроту в условиях революции, но, в принципе, оно характерно для любой избирательной кампании: отношение к власти проецируется на выдвигаемых ею кандидатов.

В 1906 году революционно настроенное общество единодушно отвергало все, что шло «сверху»: идеологию, политические и экономические инициативы, прессу, кандидатов на выборные должности: «Правительственная рекомендация стала бы губить кандидатов, как губила казенную прессу, которая по одному тому, что казенная, не находила читателей»[3]. Осознание того, что выборы в Государственную думу дают обществу возможность впервые в российской истории самостоятельно выдвигать своих представителей во властные структуры, обусловило отношение к первой общероссийской избирательной кампании как к экзамену на политическую зрелость. Именно так воспринимали ее многие современники: «Выборы в первую Государственную думу были моментом, который никогда не изгладится из памяти участников этой первой избирательной борьбы в русское вновь народившееся народное представительство. В этот момент все мы в отдельности, и вся Россия в целом, держали экзамен на политическую зрелость, ибо от исхода избирательной борьбы зависело не только ближайшее будущее русского народного представительства, но и судьба самой русской Державы»[4], – писал член Союза 17 октября Н.В. Савич. Полагаем, что эта оценка не потеряла своей актуальности и в наше время.

Победа на выборах оппозиционных политических сил вызвала восторженные отклики сочувствовавших им современников. Особенно яркими были впечатления от первой выборной кампании, завершившейся открытием российско-

---

[1] Локоть Т.В. Первая Дума: Статьи, заметки и впечатления бывшего члена Государственной думы. М., 1906. С. 53.

[2] Толстой Л.Н. О значении русской революции // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. М., 2003. С. 481.

[3] Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. М., 2006. С. 74.

[4] Савич Н.В. Воспоминания. СПб., Дюссельдорф, 1993. С. 18; см. также: Оглоблин Н.Н. Первые выборы в Думу // Исторический вестник. 1906. Июль. С. 88.

го парламента. Этот день многие современники запомнили как праздник, важный этап на пути к идеалам гражданственности и демократии, событие, вполне сопоставимое по своей значимости с днем отмены крепостного права – 19 февраля 1861 года. Разумеется, в первую очередь это относится к крупным городам, столицам. Это был «солнечный, ликующий день, когда Москва оказалась празднующей какой-то новый, еще не бывший никогда праздник» (Н.И. Астров о дне выборов в первую Государственную думу[1]). Сходные впечатления сохранились в памяти петербуржцев: «Первичные выборы 20 марта чувствовались на улицах города как в праздничный день»[2], «в Петербурге 27 апреля, день открытия первой Государственной думы, был общенародным праздником. Школы и присутствия были закрыты. Магазины тоже. Большинство заводов не работало. Улицы были залиты народом. Всюду флаги, радостные лица», – вспоминала А. Тыркова-Вильямс[3]. Вот одно из наиболее ярких описаний выборов в мемуарной литературе: «День выборов прошел в Москве чрезвычайно оживленно. Избиратели шли к урнам густо. Все были в приподнятом, одушевленном настроении. Были трогательные эпизоды. Один больной генерал велел на носилках нести себя к урне, чтобы подать свой бюллетень. Была такая сцена. Приходит в вестибюль городской думы пожилой господин. Кучка подростков бросается к нему, предлагая партийные бюллетени. «Да неужто вы думаете, – говорит он, – что у меня еще не приготовлен свой бюллетень? Ведь я всю жизнь мечтал об этом дне, мечтал дожить до него». Таково было настроение многих. По приглашению избирательной комиссии я в этот день дежурил у урны. И я видел, в каком торжественном настроении подходили многие к урне, чтобы исполнить свой гражданский долг»[4]. «День избрания в Думу был лучшим днем моей жизни, – восклицал «перводумец» В.П. Обнинский, – далекий от политиканства, искренне отдававшийся всякому новому делу с верой, и теперь крепкой, в конечное торжество честных принципов и вечных идеалов человечества, я видел в победе своей надо всеми препятствиями как бы награду за претерпенные волнения и заботы и хотя был совершенно разбит и заболел в тот же день, но чувствовал себя счастливым, как никогда[5]. «Потом у меня не было такого настроения, как во время этих первых выборов, – писал другой современник[6]. Эмоциональное, и вместе с тем осознанное отношение к участию в электоральном процессе, стремление содействовать прогрессив-

---

[1] Астров Н.И. Воспоминания. М., 2000. С. 150.

[2] Кареев Н.И. Выборы в Петербурге в первую Государственную думу // К десятилетию первой Государственной думы. Пг., 1916. С. 2.

[3] Тыркова-Вильямс А. Воспоминания: То, чего больше не будет. М., 1998. С. 398.

[4] Кизеветтер А.А. На рубеже столетий: Воспоминания. М., 1996. С. 288–289. См. также: «Простой деревенский народ великие надежды возлагал на нравственный авторитет своих первоизбранников. Чуть ли не с постом и молитвою, как к святому таинству, приступал он к выборам в первую Государственную думу. Мы – современники и очевидцы этой редкой страницы родной истории – невыразимо счастливы, что на своем веку *пожили* некоторое время и видели вокруг настоящую жизнь – полную энергии, одушевления, жажды подвига, братского единения и содружества (Лаврентьев И.Е. Выборы от крестьян в Казанской губернии // К десятилетию первой Государственной думы. Пг., 1916. С. 15).

[5] Обнинский В.П. Девяносто дней в одиночном заключении… М., 1917. С. 87.

[6] Кареев Н.И. Выборы в Петербурге в первую Государственную думу // К десятилетию первой Государственной думы. Пг., 1916. С. 2.

ному развитию страны, верность «вечным идеалам человечества», значительный реформаторский потенциал, – вот лишь малая часть социокультурного наследия первых думских избирательных кампаний, донесенного до нас в воспоминаниях современников.

Поэтому сегодня, когда демократические выборы превратились в основание и условие политической и социальной легитимности организации государственной власти в Российской Федерации[1], вполне закономерно обращение к первым опытам демократических выборов в нашей истории. Электоральный опыт первой четверти XX века должен стать предметом осмысления нового политического поколения начала XXI века. Его применение при анализе дискуссионных проблем современной российской избирательной системы позволит избежать многих негативных явлений, сопутствующих избирательному процессу, в частности, манипулирования общественными ожиданиями перемен, исходя из конъюнктурных соображений текущей политики. А в целом – будет содействовать открытости современной российской избирательной системы и формированию новых политических отношений между обществом и государством, отношений, основанных на демократической политической и правовой культуре и граждан и самого государства.

Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев

[1] 100-летие выборов Государственной Думы: история и современность. Материалы научно-практической конференции 3 марта 2006 года // Журнал о выборах. Специальный выпуск. 2006.

Раздел I. ВЫБОРЫ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ (февраль–март 1906 г.)

КАДЕТЫ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ АСТРОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Глава третья
Первая Государственная дума

После подавления московского вооруженного восстания Москва стала жить двойной жизнью. Усиленно заработали политические партии, готовящиеся к выборам в Государственную думу. Безостановочно работали военные суды, ликвидируя революцию. Сочеталось два противоположных настроения в кругах, к которым я был близок и переживания которых разделял. Общий тон настроения был высокий. Тут были и окрыленные надежды на скорое прекращение бесправия и неистовствующего насилия: вот соберется Государственная дума, и наступит новая эра! Кончится произвол, воцарится законность, восторжествует правда... Это было настроение не только наивных душ, не только скромных обывателей, которые были возмущены, подавлены расстрелами на льду реки Москвы, неистовствами семеновцев в Голутвине, Коломне, на Сортировочной. Это настроение лежало в основе ожиданий и тех, кто, казалось, был в числе готовых стать лидерами в политических группировках первого парламента.

В то время молодая и неопытная политическая мысль даже просвещенных кругов без колебаний и сомнений принимала простые схемы и отвлеченные положения за реальную действительность. Романтизм, прекраснодушие в политике были характерной чертой тех кругов, с которыми соприкасалась Московская городская дума. Среди этих настроений диссонансами звучали неистовые речи А.С. Шмакова, явно не сочувствовавшего Манифесту и обещанной Государственной думе. Он громил всякие революционные выступления, всякое проявление политической мысли, протестовавшей против расправы власти с побежденными. Он грозил великими бедствиями от тайных козней и замыслов евреев и жидомасонов. Ему вторил скрипучим голосом Ф.Ф. Воскресенский. Шмаков находил себе внимательную аудиторию как среди гласных думы, собиравшихся в ряды Союза 17 октября, так и среди укрепившихся в крайне правых кругах, получивших название «черной сотни». Основы настроения лиц, примыкавших к этим двум течениям, мало чем отличались друг от друга. По существу, и октябристы, и правые были охвачены реакционным настроением. А то, что Партия 17 октября

объявила себя конституционной, мало говорило уму и сердцу обывателя. Это конституционное оперение полиняло и стерлось, когда наступила предвыборная пора и на митингах стали происходить состязания представителей разных политических партий.

Общему настроению радостного ожидания мало соответствовало и определившееся вскоре скептически-оппозиционное отношение нашей «статистики», которая весьма точно отражала настроения левых социалистических кругов. Мои приятели из третьего этажа Московской думы, где помещалась статистика городской управы, заходили ко мне в кабинет поиронизировать над приподнятым настроением, в котором «мы» готовились к выборам в Государственную думу.

– Неужели вы не видите во всей этой игре самого неприкрытого обмана? – говорили наши «левые». – Вот вам покажут конституцию! Не такими способами нужно завоевывать свободу, – говорил В.И. Масальский, которого мне приходилось не раз выручать из беды.

Глубокомысленно и весьма скептически высказывался и наш своеобразный мыслитель А.П. Рудановский, рассуждения которого не укладывались ни в одну из определившихся тогда схем. Он упрекал в романтизме и прекраснодушии. Довольно скоро та же «статистика» принесла мне ошеломившие меня известия о том, что «левые» решают бойкотировать Думу и в выборах участвовать не будут. Эти вести из «статистики» опережали сведения о бойкоте, которые лишь позднее стали общим достоянием. Итак, на первых же шагах по конституционному пути – резкое разногласие и неприязнь и справа, и слева.

– Ну, так что же делать! Тем точнее и яснее наша позиция. Наш путь – конституционной борьбы. Мы против реакции, но и против революции. Пойдем этим путем «мы» одни, если «вы» хотите революции. Жаль, что «вы» не понимаете исторической задачи времени.

– Идите, идите, мирные политики, по этой дорожке. Вас надуют! Вот посмотрите! На этом пути, без «нас» вы не будете опасны для власти, которая и с вами расправится.

– Ну, посмотрим. Не так-то легко будет взять назад то, что будет входить в жизнь… Только, надеюсь, что «вы» не будете нам мешать.

– А там видно будет!

Разговоры в таком роде неоднократно происходили в моем кабинете. Они волновали, смущали, заботили и вызывали какое-то новое настроение, особую бодрость и решимость.

– Вот она, начинающаяся политическая борьба! Вот они, начинающиеся ответственные действия!

Выбор большой! Ворча и злобствуя, одни идут к Шмакову, становясь под защиту Дубасова, Гершельмана, принимают с злобным пафосом то, что делается ночью в сарае хамовнического полицейского дома, где вешали без числа по приговору военного суда. Другие идут к левым, хотя и разбитым, но не слагающим еще оружия, готовым снова броситься в революцию, как только представится к тому возможность. Наконец, третьи уходят в обывательскую жизнь, предоставив все своему течению и решению других.

Тогда для многих, не искушенных в политике, встали эти вопросы. Но томление в выборе решения продолжалось недолго. Все оказались охваченными теми же ощущениями и требующими ответа вопросами. Все. Заработала мысль. Ответы и формулы находились в газетах, в разговорах, в шумных, часто бестолковых спорах, на собраниях-митингах, где каждая политическая партия истолковывала свою программу, свою тактику, свои основные взгляды на разрешение основных вопросов, стоявших перед страной. На собраниях к.-д[1]. Басманной части часто председательствовал мой брат Александр Иванович, с увлечением отдавшийся новым интересам в области политики. Степень культуры, образования, развития, часто темперамента, оказывали влияние на выбор той или иной программы тем или иным лицом.

Это было первое приобщение широких обывательских масс к политической жизни. Подавляющее количество, однако, оказалось новичками в политике. Но иногда совершенно неожиданно обнаруживалось, что скромные на вид люди, всю жизнь мирно занимавшиеся своим скромным делом, оказывались не только начитанными и политически образованными людьми, но совершенно готовыми политическими деятелями, с нужной эрудицией и обширными знаниями. Эти люди быстро нашли свои места в партиях и стали видными участниками в предвыборной кампании. Вся Москва уже знала их имена. Под их влиянием часто люди сами находили себя политически и примыкали к той или иной партии. Ораторский дар часто имел решающее значение для выбора партии.

– Ну, да, ну, да, и я всегда так думал. Только как-то у меня не находилось слов, чтобы выразить мои мысли. Я именно так и думал, как это прекрасно выразил Ф.Ф. Кокошкин на вчерашнем собрании. Знаете, я без колебаний записался в К.-д. партию. Это самая умная и интеллигентная партия. Она ближе всего для меня по взглядам и настроениям.

Так заговорила Москва, когда начались выборы в первую Государственную думу. Имена Муромцева, Кокошкина, Герценштейна, Щепкина, Новгородцева, Кизеветтера, кн[язя] Долгорукова, Ледницкого, Тесленко, Маклакова – зазвучали по Москве, стали близкими, дорогими, нужными. Настроения «ожидания» и надежды получили свое выражение в живых личностях, которые красноречиво, убежденно и убедительно излагали то, о чем еще так недавно нельзя было даже громко говорить. Повеяло новым духом. Что-то открылось новое, манящее, завлекающее. Раскрылись новые просторы…

Конечно, не одни названные имена увлекали Москву. Другие круги узнавали свои старые мысли в словах, произносимых А.И. Гучковым на собраниях Союза 17 октября. Гучков собирал свои ряды, желая установить за собой монополию на Манифест 17 октября.

Но настроения того времени были не с ним. Настроения поднимались все выше и выше. И в солнечный, ликующий день, когда Москва оказалась празднующей какой-то новый, еще не бывший никогда праздник, состоялись выборы выборщиков для избрания четырех депутатов от Москвы в первую Государственную думу. Выборщиками по всем избирательным участкам прошли исключительно

[1] Здесь и далее к.д. – к[онституционные] д[емократы].

к.-д. и сочувствующие им. Победа оказалась полной. Ликование, радость, оживленные лица старцев и молодежи, восторженные возгласы юных девиц, иногда детей, призывавших голосовать за Партию народной свободы... Все это незабываемо. В числе выборщиков оказались мой брат Александр Иванович и я.

Собрание выборщиков, происходившее в городской думе, избрало первыми депутатами от города Москвы в первый русский парламент С.А. Муромцева, Ф.Ф. Кокошкина, М.Я. Герценштейна и наборщика «Русских ведомостей» Савельева. Выбор Савельева был уступкой со стороны Партии к.-д. левым, которые не имели шансов провести своего кандидата, если бы даже и приняли дружное участие в выборах.

Список депутатов был составлен в ЦК Партии к.-д. Первоначально в нем значилось имя кн[язя] Павла Долгорукова. Но последний сам снял свою кандидатуру, находя, что участие в работах Думы М.Я. Герценштейна будет более полезно: Герценштейн был, по его мнению, более необходим в Думе, чем он, как знаток аграрного вопроса.

Еще задолго до выборов в Гос[ударственную] думу, когда еще только складывались отношения к ней справа и слева, С.А. Муромцев неоднократно заходил ко мне в кабинет, притворял дверь и начинал разговор о предстоящей работе в Гос[ударственной] думе.

– Ну, что у вас новенького, Николай Иванович? У вас тут пульс общественной жизни. К вам сходятся самые разнообразные сведения со всех сторон. Что слышно у вас? А я скажу, что говорят в Петербурге. Я только что оттуда.

И у нас начинались разговоры, продолжение которых происходило нередко на квартире Сергея Андреевича в доме Российского страхового общества на Сретенском бульваре. Я сообщал ему московские настроения правых и левых, одинаково враждебных новому строю. Он подтверждал мои сведения, ссылаясь на источники петербургские. Картина вырисовывалась все отчетливее и яснее. Реакция собирала свои силы и, воодушевленная недавней победой над революцией, с нескрываемым недоброжелательством и ненавистью смотрела на вырванный у самодержавия Манифест 17 октября. Революционеры, разбитые и разгромленные, не считали себя побежденными и свою новую тактику определяли новыми слагавшимися условиями.

– Теперь все будет зависеть от того, сумеем ли мы, центр, увлечь за собой широкие круги населения и создать около Госуд[арственной] думы прочную базу, на которой укрепится народное представительство. Если сумеем – дело России спасено. Если нет...

Сергей Андреевич не договаривал своей мысли. Но она была ясна и без слов. Да и настроение его собеседника было в полной мере созвучно его настроению и его пониманию положения вещей. Улыбаясь своей очаровательной улыбкой, которая так освещала его обычно неподвижное, холодно красивое лицо, он говорил, что нужно готовиться к Думе, готовиться усиленно.

– В Думе предстоит не только борьба. В Думе потребуется громадная творческая работа. Только работа, понятная для страны, может укрепить авторитет Думы. Нужно с первых же шагов показать населению, что его избранники умеют

и могут работать.

Как-то раз Сергей Андреевич привез из Петербурга слух, что правительственные круги злорадно предвкушают удовольствие видеть, как «русский парламент» будет предоставлен самому себе, как он будет «вариться в собственном соку», как он умрет от худосочия и иссякнет в болтовне.

Передавая эти злые слухи, Сергей Андреевич снова вернулся к вопросу о необходимости начертать работу заблаговременно. Он сказал, что составляет проект Наказа для Госуд[арственной] думы. При этой работе он пользуется инструкцией Московской городской думы. Просил подобрать ему все материалы, касающиеся организации комиссий, и обещал показать мне проект Наказа в черновом виде. Через несколько дней Сергей Андреевич читал мне свой проект и давал интересные толкования положений, которые должны были установить порядок деятельности первого русского парламента, порядок, долженствовавший обеспечить достоинство и авторитет народного представительства.

Читая положения Наказа, Муромцев преображался. Он становился величественным, властным. Каждое слово было полно значения и силы. То, что он читал, было не простой инструкцией, а творчеством, созданием нового, не бывшего еще в России учреждения, в котором должны были проявиться новые силы. От них, от этих сил, зависела дальнейшая судьба России. К обсуждению Наказа мы несколько раз возвращались.

За годы работы в городской думе мы хорошо сблизились с Сергеем Андреевичем. Он видел мою полную и искреннюю к нему симпатию и привязанность. Знаю, что и он ценил меня. От близких к Сергею Андреевичу людей знаю весьма лестную оценку, которую он давал мне. В мыслях о работе в Госуд[арственной] думе он отводил мне определенное место. Он говорил, что видит меня в русском парламенте в положении хранителя традиций, как Пьер во французской палате депутатов. Ведя беседы на эту тему, Сергей Андреевич говорил:

– Вот, если к.-д. победят на выборах, вы будете необходимы в Госуд[арственной] думе. Вы наладите весь аппарат, без помощи которого Госуд[арственная] дума не будет в состоянии работать. На чиновников петербургских рассчитывать трудно. Среди них есть хорошие люди, большие знатоки своего дела, есть очень образованные люди. Но мы для них враждебная стихия. К нам они не скоро привыкнут. Они будут долго приглядываться, наблюдать, изучать. Они, конечно, перейдут к нам. Но это будет тогда, когда мы завоюем себе положение и признание. Пока же мы должны рассчитывать на собственные силы.

В таких откровенных и интимных беседах о предстоящей работе в Госуд[арственной] думе я говорил ему, что мы все считаем его председателем Думы. Сергей Андреевич становился тогда серьезным. Какие-то мысли овладевали им. Он складывал в портфель свои бумаги, вставал, величественный и прекрасный, прощался и уходил. А когда он проходил коридорами нашей Московской думы, перед ним расступались, провожая его почтительными и восторженными взглядами.

– Вот он, будущий председатель Государственной думы!

Странную смесь настроений и взглядов представляли тогда круги, соприка-

савшиеся с Московской думой. Пускай это была цензовая дума по закону 1892 года, дума с ее либеральным крылом гласных, управа, с ее разношерстным составом служащих, среди которых можно было найти и остатки дореформенных служак, и ярких представителей нового типа служащих, получивших название, с легкой руки самарского вице-губернатора Кондоиди, «третьего элемента». Наконец, ежедневно вливавшиеся в здание думы московские граждане и обыватели со своими делами и заботами – все это отражало подлинную жизнь Москвы и ее настроения. Тогда, в те дни всеобщего одушевления и приподнятого ожидания, в городскую управу шли не только платить налоги, ходатайствовать о пользах и нуждах. Туда шли как в некий общепризнанный центр осведомления по злободневным вопросам. А это были вопросы, связанные с выборами в Госуд[арственную] думу. Техническая организация выборов была возложена по закону на городское управление. Лично мне пришлось организовывать эти выборы. Ко мне шли за справками. Конечно, вопросы не ограничивались только технической стороной дела. Все, что происходило тогда в Москве, отражалось и в моем кабинете городского секретаря.

Мрачны были фигуры «правых». Воскресенский, Шмаков, Линдеман, Лебедев Ив. Ал., В.И. Герье, мой помощник С.П. Юнгфер не скрывали своего возмущения. «Нужно заниматься делом, а не политиканством», – ворчали они. Все, что принесла с собой вынужденная «реформа», раздражало их, казалось почти преступным. Это было, по их мнению, покушение на самодержавие. Манифест 17 октября они просто не хотели признавать, как ограничение царской самодержавной власти. Ни одного закона без Госуд[арственной] думы! Дума может запрашивать правительство! Требовать от него ответов! Государственный бюджет – через Думу! Все это безумие, неслыханная дерзость! Это продолжение революции! Все это недопустимо. Это какое-то недоразумение. Всему этому должен быть положен конец. Они с ненавистью глядели на нас, отдававшихся новой работе, придумавших особую счетную карту, облегчавшую подсчет бюллетеней в избирательных комиссиях, составлявших модели «избирательных урн», готовящих точные формы и способы осуществления гражданами давно чаемых и только что приобретенных прав. Народное представительство, право участия в законодательной власти, право свободного выражения мысли с народной трибуны! Все это казалось таким радостным, таким бесспорным! А правые продолжали злобно шипеть и скрежетать зубами:

– Ограничение самодержавия! Чему тут радоваться? Это начало конца! Народная трибуна – это ослабление власти, удар по ее престижу. А реформы, которые обещают на митингах к.-д., – принудительное отчуждение земель у помещиков? Нарушение священного права собственности! Ведь это безумие и преступление, это новая революция, бесправие под прикрытием правового порядка… Конечно, этого не будет, власть опомнится и не допустит этих сумасшествий! Вот они, эти либералы, эти Муромцевы, Щепкины и К°. Вот чего они хотят.

Так злобствовали правые. В этих настроениях трудно было отличить правоверного последователя Грингмута от сторонников «Голоса Москвы», органа октябристов.

А левые подтрунивали над всеми, кто был правее их, и радовались начавшейся борьбе и одиночеству, которое создавалось для к.-д. Такое положение к.-д. не смущало их. Оно только точнее определяло их позицию среди наметившихся политических течений. А шумное сочувствие культурных слоев населения, все большее внимание к ним со стороны широких масс населения окрыляло их и внушало уверенность в правильности намеченной линии.

Занятый с утра до ночи в городской думе, почти не покидая ее стен, я в то время мало участвовал в партийных кружках, и лишь изредка появлялся там по вызову моих друзей для сообщения или технических сведений о процедуре предстоящих выборов, или для сообщения о том, как кристаллизуются около думы политические настроения. Только позднее мне пришлось принять более активное участие в политической жизни Москвы.

С такими разнообразными чувствами и настроениями Москва проводила своих избранников в Петербург.

27 апреля была открыта Государственная дума. Тогда же председателем ее был избран С.А. Муромцев, а секретарем Думы кн[язь] Д.И. Шаховской. Нечего и говорить, либеральные круги Москвы, да не только Москвы, всей России – торжествовали. Только и разговоров в Москве, что о Госуд[арственной] думе, о первом слове, произнесенном в Думе Ив. Ил. Петрункевичем, о вступительном слове С.А. Муромцева, о том благородном, полном достоинства тоне, который он сразу сообщил первому собранию впервые созванного народного представительства.

– Ну, конечно, лучшего председателя Государственной думы и вообразить себе нельзя! – говорили в Москве. – Да и в европейских парламентах таких председателей мало.

Извлечение публикуется по изданию:
Астров Н.И. Воспоминания.
Т. 1. Париж, 1940. С. 338–345.

АЛИХАН НУРМАГОМЕТОВИЧ БУКЕЙХАНОВ

ВЫБОРЫ В СТЕПНОМ КРАЕ[1]

Манифест 17 октября в Степи

На другой день по получении Манифеста в Омске мы телеграммою передали во все города нашей Степи о даровании неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. Повсюду эта весть была встречена с восторгом. Мы получали от всех наших корреспондентов восторженные телеграммы. Особенное впечатление на киргизов произвело обещание неприкосновенности личности и свободы совести. Они были весьма понятны для киргизов, личность которых подвергалась постоянным ударам грубых агентов обрусительной политики, – та же политика постоянно давила религиозную совесть киргизов, закрывая мечети, медресе, конфискуя библиотеки. Что же касается свободы слова и собраний, то, благодаря бытовой особенности киргизской жизни, отсутствию фактического надзора и незнанию агентами власти туземного языка, киргизы, когда в этом была надобность, беспрепятственно осуществляли свободу слова и собраний, что они и делали на первой стадии выборов в Г[осударственную] думу, ведя свою агитацию на съездах, созванных крестьянскими начальниками, в их присутствии, и проведя своих кандидатов наперекор желаниям начальства.

В конце октября 1905 года интеллигентные киргизы, жившие в Омске, перевели Манифест 17 октября на киргизский язык и, с благословения цензора местных газет – вице-губернатора, напечатали в акмолинской областной типографии и послали в Степь 10 000 экземпляров. Благодаря подвижности киргизов в короткое время Манифест сделался достоянием всей Степи. Повсеместно киргизы съезжались на большие и малые съезды, обильно угощались, читали Манифест, комментировали его, обсуждали вопросы о будущих выборах в Г[осударственную] думу. Киргизы самых отдаленных волостей массами поехали в степные города, где принимали участие на городских митингах, устраиваемых гражданами. Русские,

---

[1] Степной край (Степное генерал-губернаторство) – административно-территориальная единица Российской империи, образованная в 1882 г. из Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей в связи с упразднением Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Административный центр – г. Омск. Генерал-губернатор Степного генерал-губернаторства был одновременно командующим войсками Омского военного округа и наказным атаманом Сибирского казачьего войска. В 1897 г. Семиреченская область была возвращена в состав Туркестанского генерал-губернаторства. В составе двух областей (Акмолинской и Семипалатинской) Степное генерал-губернаторство существовало до октября 1917 г.

татары, сарты[1] и киргизы слились в одну братскую семью. Было время хорошее, никогда не виданное! Исключение составляла полиция, совершенно изолированная. Она являлась объектом беспощадной критики всех ораторов. Деятельность полиции была слишком красочна и понятна слушателям. Каждый спешил пожать лавры на жестокой критике старого режима и не ошибался. Киргизы впервые были свидетелями такой беспощадной критики деятельности всемогущей местной администрации, делавшей раньше дождь и вёдро, а теперь молчаливо присутствовавшей на митингах.

В начале ноября на базарной площади в Павлодаре состоялся митинг, собравший весь город и приезжих из Степи киргизов. Оратором выступил Я. Акпаев, бывший мировой судья, вышедший в отставку в дни свободы, «не желая служить с черносотенцами». Трибуною служили штабели леса, сложенного на базарной площади. Собрание внимало экспансивному оратору. Его то и дело прерывали хором восклицаний: «Палэ! палэ!» (выражение вроде «валяй!»). Вдруг все неестественно умолкло. Это поразило привыкшего к шумному вниманию толпы оратора. Он остановился. Оказалось, что в толпе обнаружили известного пристава А., присутствие которого считали излишним. Ему предложили оставить собрание, и он… подчинился! Это произвело на слушателей огромное впечатление…

Поездка Я. Акпаева из Павлодара в Каркаралы обратилась в агитационное турне. По пути оратора всюду встречали толпы киргизов, принимали как желанного гостя, провожали по дороге и расставались с ним, как с родным. Он доехал до родного города Каракаралов к середине ноября. Немедленно на единственной площади, перед лицом полицейского управления, состоялся митинг. На нем был весь город: вся русская интеллигенция, русские казаки, татары, сарты и киргизы. Один мой товарищ, который только что перенес тиф и не мог ходить, попросил, чтобы его повезли туда, и приехал. Ораторами выступали судья, следователь, учитель, единственный местный батюшка и Акпаев. Разъясняли слушателям непонятный конституционный строй, критиковали весьма понятный слушателям старый режим.

Трибуною ораторам служила кобыла (половину слушателей составляли киргизы верхом) – другой подходящей трибуны не было. Был момент, когда на кобыле сидело враз два оратора: батюшка и Акпаев. Первый говорил, второй ждал очереди.

После этого собрания в Каркаралах в Омск полетели телеграммы о предполагаемом походе вооруженных степных киргизов на город и об угрожающей русским опасности. Это была наглая ложь, сочиненная растерявшимися людьми, которые мстили ораторам, критиковавшим их деятельность. Эта ложь стояла в полном противоречии с действительностью, особенно после незабываемой братской речи местного батюшки, принятой киргизами как символ единения народностей.

Потревоженный в своем дворце степной генерал-губернатор[2] немедленно ко-

---

[1] Сарты – исконно оседлая часть узбеков. В начале XX в. название «сарты» употреблялось по отношению к оседлым узбекам и отчасти равнинным таджикам.

[2] А.С. Галкин – в 1903–1908 гг. военный губернатор Степного края.

мандировал в Каркаралы товарища прокурора, жандармского офицера. В Омске говорили, что собирают в Степь карательную экспедицию.

Власти на местах действительно успели создать опасную тревогу. Я получил от каркаралинцев тревожную телеграмму, опровергающую лживый донос и подписанную русскими, казаками, татарами, сартами, киргизами, чиновниками, в том числе крестьянским начальником. Телеграмма эта была мною напечатана в тогдашних газетах и по телеграфу передана председателю бюро земского съезда Ф.А. Головину, но московский почтамт несколько дней не мог найти его!

Экспедиция не состоялась. Кроме Акпаева, все ораторы подверглись административному наказанию: чиновников перевели в разные места, уволили, некоторые сами бежали, перевели также в глухой приход отца Ивана.

В тюрьме до выборов

В январе 1906 года в связи с событиями дней свободы в Семипалатинске был назначен областной съезд. Меня арестовали на пути из Павлодара в Семипалатинск, в пос[елке] Ямышевском, 8 января. Между прочими моими бумагами была телеграмма: «Съезд партии *кадэ* назначен 4 января в Москве, повестка почтою. Корнилов». Павлодарский уездный начальник К., производивший дознание, заподозрил в слове «кадэ» опасный шифр и потребовал от меня немедленного расшифровывания этого слова.

Меня поместили в тюрьме в лучшей камере, находившейся в первом этаже с двумя большими окнами, с большою русскою печью. Первые пять дней никто из тюремной прислуги ни словом не отвечал на мои попытки заговорить с ними. Молча приходили в камеру, молча топили печь, приносили кипяток, молча уходили, отпирали и запирали камеру… Моя паспортная книжка, которую потом успело потерять омское жандармское управление, все мои бумаги, книги, бывшие при мне, были отобраны. Я страдал от безделья и одиночества и старался убить время гимнастикой.

На шестой день, в неурочный час отворяется дверь моей камеры, входит самый строгий из надзирателей (назову его С.) и, красный, как рак, торопливо кидает на карниз печи клочок бумаги и, быстро убегая, бросает в мою сторону: «Я в город пойду через два часа!». Записка была написана моим другом, сообщавшим новости за стеною тюрьмы и просившим меня написать без всякой опаски все, что я вздумаю, и переслать письмо ему через верного человека, того же С.

После этого я аккуратно получал три столичные газеты, «Семипалатинские обл[астные] ведомости», все потребовавшиеся мне книги, которые можно было найти в Павлодаре. За четыре с половиною месяца сидения в Павлодарской тюрьме вечерами я читал целые часы солдатам дежурного караула Пушкина, Лермонтова и Шекспира. Слушатели располагались в коридоре против глазка моей двери, я устраивался у выступа печи, обращенного к двери, переносная лампочка ставилась на карнизе печи. Хорошо помню, что большое впечатление на солдат произвел «Кориолан» Шекспира. По просьбе других, не слушавших солдат, я должен был повторно прочесть им «Кориолана». Солдаты также охотно слушали

тогдашние газеты, но их больше всего интересовали сатирические фельетоны и в них отдельные меткие остроты.

По примеру тогда сидевших по всей России товарищей, я неоднократно обращался к прокурорскому надзору с просьбою снять допрос, произвести следствие, отдать меня под суд, предполагая при этом выйти из тюрьмы до суда. Но г[оспода] тюремщики имели совсем другие виды, сажая меня в тюрьму «на здорово живешь». Ответы были одни и те же, в следующем роде: «Объявить под расписку на сем же содержащемуся во вверенной вам тюрьме арестанту А[лихану] Б[укейханову], в ответ на поступившее ко мне… его заявление, что таковое препровождено на распоряжение начальника омского жандармского управления. Прокурор имярек». Пытался я о том же просить гр[афа] Витте и министра юстиции Акимова. При этом моя телеграмма (я спешил), переданная в Павлодаре следователю, почтою отправлялась в Семипалатинск (360 верст) г[осподину] прокурору и, пролежав у него законные сроки, тем же путем возвращалась ко мне. Словом, волокита была идеальная. Гр[аф] Витте ничего не ответил, а Акимов, спустя два с половиною месяца, сообщил бумагою от 11 апреля 1906 года за № 84, что «г[осподин] Б[укейханов] находится в тюрьме по распоряжению министра внутренних дел, а потому министерство юстиции не может удовлетворить его просьбу отдать его под суд».

В то же время правая газета, выходящая в резиденции степного генерал-губернатора, печатала инспирированную хронику: «А.Н. Букейханову, как мы слышали, предъявлено обвинение по ст. 1035 Уложения о наказаниях и т.д.». Это была одна из попыток покушения с негодными средствами помешать моей кандидатуре в члены Государственной думы от киргизов Семипалатинской области.

А Степь уже готовилась к выборам.

В «Биржевых ведомостях»[1] был напечатан «катехизис» К.-д. партии, переведенный тогда же на киргизский язык. Вскоре после появления в Степи этого перевода крестьянские начальники были командированы в Степь для агитации. Они собирали большие съезды киргизов в степи, разъясняли им Манифест 17 октября, говорили, что до сих пор законы издавались чиновниками, незнакомыми с народным бытом, законы не соответствовали требованиям жизни… Царь созывает Государственную думу, чтобы согласовать законы с запросами жизни… Киргизы также призваны избирать своих депутатов. Нужно выбирать людей хороших, а не тех, которые сидят в тюрьме. Хорошего человека правительство не заключает в тюрьму…

Киргизы переложили катехизис Партии к.-д. и свои агитационные речи в стихи. На одном и том же собрании, происходившем под открытым небом, крестьянский начальник со своим переводчиком занимал центр круга; официального оратора окружали богатые важные старики, бии[2]. За ними места занимала пешая и конная демократия. Здесь устраивался на лошади певец-балалаечник, имитирующий юродивого, и агитировал за тех, кто безвинно сидит в тюрьме,

[1] «Биржевые ведомости» – ежедневная газета умеренно либерального направления. Выходила в Петербурге (1880–1917).

[2] Т.е. баи.

борясь за народные интересы, и объяснял, к какой русской партии они принадлежат. Собрание хором кричало: «Рас! Рас!» – т.е. «Верно! Верно!». Официальный оратор спрашивал у своего переводчика: что значит «рас»? Переводчик, как и все собрание, сочувствовавший агитатору-балалаечнику на лошади, лукаво переводил, что собрание соглашается с его высокородием.

Так крестьянские начальники вели за нас предвыборную агитацию.

В Степи стражники ловили конокрада и настигли его в ауле всеми уважаемого, известного мирною жизнью киргиза (назовем его Канжигалы). Стражники, арестовав конокрада, прихватили и Канжигалы. В Степи случай самый обычный. Канжигалы посадили в павлодарскую тюрьму. Он, не дождавшись суда, умер. Тюремная администрация и уездная полиция из этой смерти невольно создали благодатный материал для предвыборной агитации. Прах покойника отказались выдать семье, задумали хоронить покойника без соблюдения религиозных обрядов где-то за оградою городского кладбища. Борьба за прах покойника продолжалась трое суток, семья грозила жалобою высшему начальству в Семипалатинске и в Омске. Время было не такое, чтобы полиция не сдалась: киргизы получили своего покойника и увезли домой в Степь, хоронить на родной земле. Этот случай не мог послужить в пользу агитации официальных ораторов.

В тюрьме меня держали совершенно изолированно от других арестантов, большинство которых составляли киргизы-конокрады. На прогулку, полчаса в день, я выходил один. Благодаря одному исключительному случаю Пасхальную и Фомину неделю я провел со всей тюрьмою. В Страстную обыватели гор[ода] Павлодара нанесли «несчастным» куличей, окороков, яиц и прочей снеди в огромном количестве. Подаяние принимал тюремный староста и милостынею этою были набиты до крыши два ларя, находившиеся в кладовой, запиравшейся огромным замком, ключ которого находился у дежурного надзирателя.

В первый же день Пасхи утром в коридоре собрался сход всех арестантов, в том числе и киргизов, открыли мою камеру, потребовали и меня на сход. Оказалось, что за ночь исчезли из запертых ларей несколько окороков, куличей, большая партия яиц. Тюрьма судила надзирателей и дежурного из них, у которого находился ключ от кладовой. Судьбище было оригинальное и пристрастное: арестанты состязались в тюремном красноречии, богатом необычайными непечатными оборотами и красочными словами, – киргизы, к моему удивлению, не отставали от русских товарищей – разносили надзирателей, которые в ответ молчали и потели.

После часовой брани, когда все ораторы высказались, староста предложил: «С паршивой вши ничего не возьмешь, не стоит жаловаться на них начальству; пусть вся тюрьма на Святой и Фоминой будет открыта целый день».

Надзиратели с полной готовностью согласились. И тюрьма две недели пользовалась полной свободою.

Что бы было на Руси, если бы от времени до времени из государственных ларей не исчезали народные окорока?

15 апреля 1906 года меня перевезли в омскую тюрьму, откуда выпустили 30 апреля, когда стало известно, что я единогласно избран выборщиком в своей волости.

Выборы в Степи

Во всех киргизских степях выборы были назначены в последнюю очередь. В Семиреченской области ко дню роспуска первой Государственной думы выборы даже не успели состояться. Киргизы имели массу свободного времени сговориться и столковаться относительно кандидатов выборщиков и членов Государственной думы. А когда настал момент выборов, то они производились быстро, как разыгранная пьеса. Только я в своей волости прошел в выборщики не без борьбы. Наш управитель, неграмотный человек, и его писарь оказались тонкими знатоками избирательного закона и толкователями его. Так как я не домохозяин, а приписан к семье матери, где домохозяином записан покойный брат, управитель и писарь не допустили меня к баллотировке. Из 27 выборных уполномоченных 18 составили приговор в том, что они выборщиком избрали меня, но, благодаря приведенному разъяснению управителя, выбран был другой выборщик, получивший 14 из 27. Уездная комиссия, которой дали неверные сведения, умолчав о смерти моего брата, утвердила выборы. Мы обжаловали их в губернской комиссии. Она назначила новые выборы, происходившие уже тогда, когда заседала первая Государственная дума. Настроение на местах повышалось, администрация и полиция соответственно чувствовали наступающий у них паралич. Мы по телеграфу сообщили в Степь о новых выборах. Управитель и писарь моментально забыли свое знание избирательного закона и свою роль толкователей его. Я был на этот раз избран выборщиком единогласно.

В начале июня в Семипалатинск приехали 176 из 184 выборщиков нашей области. По всей области в выборщики были избраны известные, уважаемые старики, хаджи и молодые богачи. Выборщики представляли всю степную интеллигенцию, тот класс населения, который на местах всегда занимается общественными и политическими делами. Мы стали устраивать группами (для всех не было подходящего помещения) избирательные собрания. На этих собраниях выяснилось, что вся область избирает меня. Никто соперником мне не выступал. Собрания проходили однообразно, они не напоминали избирательных собраний, проходящих в острой полемике противников. Вся борьба, сопряженная с выборами, была исчерпана в Степи, когда выбирали выборщиков. За два дня до выборов мы узнали, что против моей кандидатуры агитирует среди усть-каменогорских и зайсанских выборщиков (род Найман) известный старый доктор-киргиз и выставляет свою кандидатуру. Он не был выборщиком, но, пользуясь неведением киргизами-выборщиками избирательного закона, доктор А. преследовал какую-то неизвестную нам цель. Вечером я получил приглашение в гости к выборщику С. Чорманову, зятю доктора. Мои друзья, говоря, что я пройду в депутаты против усть-каменогорских и зайсанских выборщиков, советовали мне отказаться от приглашения; но я заявил им, что кандидату в члены Государственной думы не подобает избегать избирательных собраний, и отправился к Чорманову. У него была односторонне избранная публика: преобладали муллы, хаджи и старики, было их около сорока человек. Они учинили мне форменный допрос с пристрастием, интересовались вопросом, как я смотрю на религию, буду ли я защищать

религиозные интересы киргизов в Государственной думе? Не постеснялись ставить вопросы о моей семейной жизни. Доктор А. с интересом наблюдал за нашими прениями. Беседа наша затянулась до восхода солнца и завершилась фетвой старика хаджи, усть-каменогорца Кайранбая, заключившего свое благословение киргизской клятвой: «Пусть лишится жены и будет неверным тот, кто не выберет завтра Алихана». Доктор в то же утро выехал из Семипалатинска. Он, кажется, обманул надежды своих патронов.

Семипалатинский губернатор генерал Галкин пригласил нас к себе на беседу. Я говорил своим товарищам, что они приехали на выборы, а не в гости к губернатору, что не нужно ходить. Мне отвечал тот же Кайранбай: «Милый сын мой! когда бывало, чтобы нас в гости просил губернатор? Если мы дожили до настоящих красных дней, то что может нам сделать губернатор? Мы пойдем, послушаем, какой он соловей!».

Речь генерала Галкина для нас была стара. С нею киргизы были знакомы еще с зимы. Галкин давал слушателям наставление, кого следует выбирать и кого не следует выбирать в депутаты. Слушатели отвечали ему: «Рас! рас!», а на следующий день выбрали меня 175 шарами из 176.

Публикуется по изданию:
К десятилетию первой Государственной думы:
27 апреля 1906 г. – 27 апреля 1916 г.:
Сб. ст. перводумцев. Пг., 1916. С. 43–50.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ЕЗЕРСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ПЕРВОГО СОЗЫВА

Дума и революция

Для того, чтобы определить место, занимаемое Государственной думой первого призыва в ходе освободительного движения, и сыгранную ею роль, необходимо отступить несколько назад, и припомнить обстоятельства ее появления на свет.

С самого начала движения, еще во время «весны» князя Мирского, требование введения в России народного представительства стало всеобщим, хотя в рядах земской оппозиции голоса разделились и меньшинство готово было удовлетвориться законосовещательным учреждением, а в газетах конституция продолжала еще появляться под псевдонимом жены Константина. Впервые от лица всей страны это требование, впрочем, еще в форме всеподданнейшей просьбы, было заявлено в знаменитой речи князя Трубецкого 6 июня [1905 г.] в Петергофском дворце. Известно, во что обратился проект народного представительства в руках булыгинской комиссии: сам Государственный совет счел необходимым внести в него смягчения, например, предоставил право голоса евреям и исключил назначение председателя Думы высочайшей властью. Несмотря на эти легкие уступки, закон 6 августа [1905 г.] вышел настолько непригодным, что никого не удовлетворил. Рождение Думы не вызвало никакого отклика в стране и, может быть, тогда мало кто ожидал от Думы той роли, какую история судила ей сыграть, тем более, что срок выборов опубликован не был и была полная вероятность, что правительство надолго оттянет их.

До 17 октября [1905 г.] движение непрерывно нарастало, правительственные уступки и обещания неизменно запаздывали, а давление общества было дружным; каждая неудача на Дальнем Востоке подогревала оппозицию, революционные организации не растратили еще своих сил и смело шли в бой. Октябрьская забастовка, составившая эпоху в русской истории, добилась самых существенных уступок, но по внешности эти уступки были приурочены к той же Государственной думе, о которой никто из забастовщиков не думал, не возлагал на нее надежд как на народного защитника. Манифест 17 октября обещал расширение избирательного права в сторону всеобщего, расширение компетенции Думы в деле надзора за законностью действий властей и содержал обязательство верховной власти не издавать ни одного закона без согласия Думы. Хилый младенец, рожденный 6 августа, начал набираться сил и расти. Но движение пошло уже дальше. Одних

обещаний было мало, не довольно было и «расширения» избирательных прав. Только что одержанная победа внушала уверенность в силах революции и желание использовать момент и сразу осуществить то, что составляло для боевых элементов, участвовавших в движении, их идеал. Самые уравновешенные из членов левых партий возбужденно заявляли, что на меньшем, чем Учредительное собрание на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, они не помирятся. Движение разрослось в бурю. В момент, когда прилив достиг высшей точки, во время московского декабрьского восстания, вышел закон, предоставивший право голоса на выборах городскому пролетариату и интеллигенции, хотя все по той же системе, изобретенной г[осподином] Булыгиным. Этот закон до такой степени мало обратил на себя внимание за шумом событий, что многие только неделю спустя узнали о его существовании. Но одновременно с ним узнали и о совещании в Царском селе. Стало известно, что все четыре деятеля, приглашенные не из бюрократических сфер, г[оспода] Шипов, Гучков, барон Корф и граф Бобринский, высказались за всеобщее голосование, – и на закон 11 декабря [1905 г.] справедливо взглянули не как на уступку; а наоборот, как на реакционную попытку дать народу возможно меньше. То, что он прибавил Государственной думе, казалось слишком незначительно, и доля участия интеллигенции не была сразу оценена по достоинству.

Восстание потерпело неудачу, началась тяжелая полоса реакции. Граф Витте, ближайший виновник Манифеста 17 октября, умалился, Дурново возвеличился. После растерянности ноября и начала декабря правительство стало чувствовать себя бодрее, конституционные предрассудки потеряли для него всякую силу, и те слуги, которые начинали уже колебаться, какому господину служить, опять укрепились в верности двадцатому числу[1]. Твердыня оказалась прочнее, чем о ней думали шедшие на приступ, и весь расчет был ошибочен. Более того, в самом обществе наметилась струя реакции: дни свободы запугали, необычная резкость речей, широта предъявленных требований неприятно поразила благодушных людей, думавших, что революция пойдет только до той точки, до какой они бы желали. Непрерывный рост движения и победа крайних партий угрожали уже не только правительству: конечная цель движения шла дальше конституции, дальше республики, к социальному перевороту. Забастовки, фабричные реформы, введенные рабочими явочным порядком, аграрные погромы в деревнях, кое-где захват власти крайними партиями с конфискацией оружия жителей, обложением населения и прочее, оттолкнули от движения все те круги, которые в глазах левых заклеймены титулом буржуазных. Январь 1906 года был эпохой наибольшей реакции за все время революции. Воспользовавшись этим, правительство стало готовиться к выборам. Перед всеми политическими партиями стала задача, как отнестись к выборам, как использовать Думу и пользоваться ли ею вообще.

Крайние левые только что выдвигали против этой Думы требование Учредительного собрания, объявляли врагом народа всякого, кто пойдет в Государственную думу. Уже два восстания – в Севастополе и Москве – были

[1] 20 октября 1894 г. – первый день царствования императора Николая II и его жены Александры Федоровны. До 1917 г. эта дата была государственным праздником.

подняты во имя этого Учредительного собрания, и казалось, что пролитая кровь не позволяет отступиться от священного лозунга. Да, в первые месяцы реакции люди, охваченные движением, не думали, что эта реакция долга и прочна, не верили, что правительство все еще бодро, несмотря на все громы, сыпавшиеся на него. Дума, булыгинско-виттиевская Дума, казалась таким ничтожным, презренным обманом народа, что нельзя было унижать свое революционное достоинство каким-либо участием в ней. На левом фланге освободительного движения был объявлен бойкот Думы. Была ли хоть одну минуту надежда сорвать Думу? Или преобладало мнение, что Дума выйдет столь никуда не годная, что погибнет под гнетом собственной бездарности и черносотенства? Скорее – последнее. Предстояло пережить краткий эпизод существования куцего, подтасованного правительством парламента; чем короче будет этот период, чем нелепее поведет себя фальсифицированное народное представительство, тем лучше: оно расчистит дорогу и прояснит народное сознание именно своей подтасованностью. И левые решились на акт самоубийства, на бойкот, который имел смысл только при условии, если бы масса приняла в нем участие.

Таким образом, с революционной точки зрения Дума была шагом не вперед, а назад; введение народного представительства в такой урезанной форме было не победой, а поражением. Волна движения в декабре 1905 г. разбилась, частью схлынула, и общее мнение лиц, наблюдавших перемену в настроении общества, было таково, что если бы правительство поторопилось собрать Думу в январе, состав ее был бы значительно правее, чем он вышел впоследствии. Во всяком случае выборы в Думу производились уже в период понижения общественной температуры, производились под таким высоким давлением, что никакого прока от них ожидать, по-видимому, было невозможно, и Дума до своего появления на свет была объявлена оплотом не революции, а реакции.

Но рядом с этим течением шло другое, прямо противоположное. Под взволнованной поверхностью общественного моря шла работа в глубоких слоях народа. Чуждый политике, косный обыватель начал втягиваться в нее, деревня, взбудораженная аграрным движением, зашевелилась. Забастовки, погромы, новые мысли и речи, какие несли с собой городские люди и столичные газеты, пробуждали умственную деятельность, безотрадное положение деревни становилось яснее ей самой. Однако все, что левые партии предлагали народу, было так ново и чуждо, что коробило его в живых еще традиционных чувствах. Те средства, которые рекомендовались крайними партиями, были уже отчасти испробованы и оказались бессильными. Строго согласно со всем своим прошлым, со своей психологией, традициями, предрассудками, народ всей душей обратился к предстоящей Думе, не только надеясь, но твердо веруя, что Дума выручит, Дума отстоит его правое дело. Открытая борьба по многим причинам была совершенно не по плечу среднему русскому человеку, а выборы, напротив, открывали вполне мирный, закономерный путь политической деятельности. Все низы русский нации с вниманием смотрели на Думу, с благоговением шли к урнам, часто с крестным знамением опускали записку. Дума действительно становилась национальным учреждением. Верхи общества, все, что не было безнадежно враждебно всякой

идее обновления страны, с таким же упованием взирали на Думу, надеясь в ней найти успокоение опасностей революции; они действительно смотрели на нее с той точки зрения, которая левых заставляла обрекать Думу на бойкот. Каждая партия, кроме левых, шла с надеждой на победу, ибо «великий незнакомец и молчальник» – русский народ – еще не сказал своего слова, каждый имел право рассчитывать, что именно за ним пойдет масса, а несколько реакционное настроение ободряло правые партии. Вряд ли какая-нибудь из партий шла так гордо и уверенно на выборы, как Союз 17 октября, несший популярное еще знамя освободительного Манифеста. Поставленная на распутье между правыми и левыми, но более склоняясь влево, Конституционно-демократическая партия сама сперва как бы колебалась, какова будет роль Думы и ее собственная роль в Думе, возможна ли, нужна ли будет там органическая работа. Но в одном вопросе не было колебаний – что в Думу идти надо. Первая практическая задача, какую пришлось решать молодой партии, была решена правильно, как показали последствия, и этому шагу она обязана блестящим началом своей политической карьеры.

Совокупность всех этих условий создала ей исключительно выгодное положение на выборах.

Выборная кампания

К началу избирательной кампании, приблизительно в середине февраля, страх перед всеобщей революцией значительно ослабел, красный призрак побледнел от времени и от собственных неудач. Напротив, произвол правительства стал расти пропорционально уменьшению опасности. Очевидно было желание вернуться на старый путь, обратить в мертвую букву Манифест, принципы которого начали уже проникать в сознание народа и из партийного лозунга обращаться в национальный символ веры. Свежо было еще предание о Дальнем Востоке; по мере увеличения сознательности росло недовольство старым порядком, который не хотел умирать. Все это создавало ярко оппозиционное настроение. Даже у тех, кто был запуган революцией, рождалось сознание, что предотвратить ее можно только путем своевременных реформ, а их-то и не желало правительство. Вместо амнистии и умиротворения после победы оно стало сводить счеты с противником за все грехи эпохи освобождения. Чем бóльший круг лиц захватывали репрессии, тем шире становился и круг оппозиции. Не традиционный студент и интеллигент подвергался теперь преследованию, а рядовой рабочий, подлинный пахарь: народ почувствовал на себе самом всю тяжесть политического бесправия.

Таким образом, широкие слои населения были если не революционизированы, то отброшены в оппозицию, когда открылась выборная кампания.

Сообразно этому настроению избиратель стал оценивать и партии, выступавшие перед ним. Все крупные партии более или менее заявляли свое недовольство правительством; можно было опасаться, что обыватель запутается в их противоречиях, что он потонет в море программ, наконец, что личные симпатии будут руководить им больше, чем принципиальные соображения. Можно было думать, что кампания пройдет на лицах, а не на партиях. Некоторые, например

г[осподин] Локоть, находят, что оно так и было. То, что нам приходилось наблюдать, свидетельствует о противоположном: в довольно глухом городе Пензе, в центре земледельческой России, в выборщики проходили самые разнообразные, далеко неодинаково известные жителям, а между тем они получали почти одинаковое число голосов только потому, что все были включены в один список – в список Партии народной свободы. Напротив, очень почтенные и известные в своей местной сфере люди терпели поражение потому, что шли под знаменем другой партии, а это знамя тогда еще имело некоторый престиж – это был Манифест 17 октября.

Группировка большинства избирателей вокруг конституционно-демократических кандидатов объясняется как внешними обстоятельствами, так и внутренними достоинствами партии.

Несомненно, что первые выборы в стране, привыкшей к общественной спячке и безгласию, где быть конституционалистом еще год-два тому назад составляло преступление, ставили населению труднейшую задачу. Для совершенно нового дела надо было выбирать людей, годных именно для него, и надо было разобраться сразу в тысяче вопросов, одновременно выдвинутых революцией. Если обыватель справился с этой задачей и не запутался окончательно, то это потому, что у него образовалась одна руководящая идея – покончить с бюрократией. С этой точки зрения оценивались и партии, и лица. Все детальные вопросы программы стушевались перед этим главным – за или против приказного строя. Противники К.-д. партии справа старались перевести разговор, например, на вопрос об автономии Польши, думая, что в чисто русской центральной губернии избиратель испугается этого жупела. Ничуть не бывало, обыватель отнесся к этому подвоху равнодушно. Не больше враждебности вызвало и равноправие евреев: для людей, боровшихся за свое собственное равноправие, слишком очевидна была справедливость требований подчиненных России наций. Крайние правые партии никакого успеха не имели, анекдотический случай с Грингмутом, получившим, как будто на смех, по всей Москве один голос, лучше всего характеризует их положение. Они сами еще до выборов были уверены в своем поражении, не принимали деятельного участия в предвыборной кампании да и не понимали, как с этой заморской штукой справиться. Так же мало понимали это те официальные агитаторы от разных «правопорядцев»[1] и т.п., которые изредка пробовали выскакивать на собраниях. Про ошибочность тактики «левых», т.е. бойкот Думы, мы говорили. Оставались средние партии, главным образом, Союз 17 октября и К.-д. партия, которые в некоторых вопросах, казалось, говорили почти одно и то же, так что иные наивные люди удивлялись, отчего они ссорятся. Однако для внимательного наблюдателя видно было, что здесь то, да не то. Не столько в решении, сколько в самой постановке вопроса замечалась коренная разница: одна партия ставила их ребром, другая – экивоками. Вспомним длинный спор о том, стоит ли Союз за *равное* всеобщее голосование. Еще больше бросалась в глаза разница в обсуждении вопросов, в общем облике обеих партий. Обыватель требовал не просто признания конституционного режима.., а энергичного от-

[1] Автор имеет в виду Партию правового порядка.

стаивания его. И вот в этом К.-д. партия имела неоспоримое преимущество перед Союзом. Именно личное впечатление, неуловимое, психическое влияние тона речей, характера программных требований перетягивало симпатии избирателей на сторону «кадетов». Несомненно, крайние левые были еще гораздо решительнее в борьбе с режимом, но для русского избирателя того времени они перехватывали через край резкостью своих речей там, где они выступали открыто. Их повышенное настроение было чуждо большинству, а требование бойкота Думы, которое они предъявляли, не могло иметь ни малейшего успеха среди беспартийных избирателей. Из всех партий, шедших в Думу, одна К.-д. вызывала в избирателях надежду, что она решительно и крепко будет стоять за народные права. Бойкость речей на выборах, дружное сплоченное действие, энергия в распределении своих воззваний, несмотря на полицейские препоны, – все это заражало избирателей верой в партию. Ничего подобного этому подъему духа и энергии в правых партиях не наблюдалось. Мало того, Конституционно-демократическая партия благодаря тому, что во главе ее стояли люди, близко знакомые с западноевропейской конституционной практикой, была лучше технически приспособлена к выборной кампании, а состав ее членов, по преимуществу интеллигентный, давал массу бесплатных и усердных работников. При официальной численности вдвое и втрое менее, чем местный отдел Союза 17 октября, отдел К.-д. партии успевал сделать гораздо больше, а та самая теоретичность ее программы, в которой ее упрекали справа, помогала воспитывать политически обывателя, еще совершенно невежественного в вопросах конституционного права. Весьма значительное влияние на успех партии имело, конечно, и то, что в рядах ее стояли известные местные деятели, земские или из свободных профессий. Там, где Союз мог выставить выдающихся кандидатов, как граф Гейден или М. Стахович, он был способен одерживать победы, но таких кандидатов у него было немного, а в крупных центрах и это не помогало: в Москве не мог пройти под его флагом популярнейший московский земец Д.Н. Шипов.

Воспитание обывателя перед выборами шло поразительно быстро. Приводя в пример ту же Пензу, характерную именно по своей удаленности от центров политической жизни, мы можем сообщить следующие данные, которые иллюстрируют ход событий лучше всего. Если не считать маленького справочного листка, издававшегося по очень узкой программе в Пензе несколько месяцев во время войны, в Пензе не было частных газет в то время, когда кругом в России уже кипела борьба. С 1 января 1906 г. стала выходить небольшая газета к.-д. направления, хотя и не строго партийная. 8 января впервые опубликована была программа партии, в начале февраля состоялось первое учредительное собрание местного отдела партии, 15 февраля раздались в Пензе в первый раз политические прения, вызванные лекцией профессора Кизеветтера, специально для этой цели приехавшего в Пензу. Разъезды столичных лекторов были огромным козырем в руках К.-д. партии. Союз 17 октября совсем не прибегал к этому средству, да ему и посылать было почти некого. Тут, в зале городской думы, перед многочисленной публикой впервые померялись силами партии, и победа осталась за «кадетами». Лица, сочувствовавшие Союзу, утешались тем, что местные союзники спасовали

только перед столичным светилом. 12 марта состоялось первое предвыборное собрание, но, увы, опять без успеха для Союза, за ним еще три. На последнее, созванное К.-д. партией, союзники уже не явились вовсе. За неделю 12–18 марта настроение избирателей, сперва нерешительное, недоверчивое, воочию стало поворачивать в сторону «кадетов». Правительство помогало с своей стороны этой эволюции опубликованием бюджетных правил 8 марта, после которого один видный союзник с отчаянием говорил кадету: «Просто хоть к вам переходи!».

К.-д. партия была единственной в Пензе, отпечатавшей свои избирательные бюллетени. Избирательная комиссия накануне вечером решила считать их сомнительными. Постановление грозило сорвать весь успех партии. В ночь были напечатаны контризвещения с просьбой к избирателям перед голосованием переписать печатные бюллетени заново, и о том же предупреждали дежурившие в избирательном помещении члены К.-д. партии. В результате из 1000 розданных печатных записок было опущено в урну всего одиннадцать – пример партийной энергии и дисциплины, который удивил противников едва ли не больше, чем самая победа. Двое из кандидатов К.-д. партии получили абсолютное большинство, двое остальных – приближающееся к этому количество голосов; разница между отдельными кандидатами не превышала 130 голосов; все представительство губернского города было кадетским. Администрация и противники не сразу примирились с этим фактом. Выборы были кассированы по ничтожным поводам уездной избирательной комиссией, но утверждены затем губернской. Промежуток нескольких дней, протекший между противоположными постановлениями низшей и высшей инстанции, обнаружил, насколько неслучайно было полученное К.-д. партией большинство: созванное в течение этой недели собрание показало, как население отнеслось к попытке кассировать его выбор, а ходившие по городу толки еще более укрепили положение партии и ее выборщиков. Между первыми политическими представителями города и его населением начала уже завязываться дружеская связь.

Вторая ступень выборов была вне влияния городского населения, но тем важнее была задача выборщиков. Так как на съездах землевладельцев в большинстве прошли правые и такими же оказались многие из представителей уездных городов, крестьянство же было выбрано бессистемно, случайно, иногда по узелкам и жребию, то предстояла работа организации выборщиков от губернии. За эту задачу пыталась взяться какая-то темная компания, которую ставили в связь с полицией, ибо во главе ее стоял провалившийся на выборах кандидат Партии правового порядка, чиновник пензенского полицейского управления. Выборщикам-крестьянам рассылали по деревням приглашение пожаловать на бесплатную квартиру, водили их в трактир угощать водкой и пивом, якобы от имени городских обывателей распространяли всякие клеветы про выборщиков-кадетов – словом, разыгралась ерогинская авантюра[1]. Успех ее был тот же, что у Ерогина, то есть никакого.

Четыре выборщика от губернского города принадлежали к одной партии и это очень облегчило работу. Всем выборщикам губернии без исключения были

[1] О «ерогинской авантюре» см. наст. изд., с. 379.

разосланы приглашения на предвыборное собрание за два дня до губернских выборов. Почти все крестьяне и некоторые из представителей уездных городов откликнулись на него, сюда же примкнули два-три землевладельца. Один крупный землевладелец пришел на собрание, чтобы возражать кадетам, но как только пустился утверждать, что мы проиграли Японскую войну оттого, что слишком рано заключили мир, это вызвало такое негодование среди крестьян, бывших на войне, что оппонент сыграл лишь на руку кадетам. Разумеется, главным центром, вокруг которого вертелся разговор, был аграрный вопрос, но попутно задевали массу других, например, церковный, инородческий. Много времени было посвящено также выяснению техники губернских выборов: старались предупредить какие-нибудь случайные недоразумения. В самый день выборов состоялось последнее предвыборное собрание, на котором записками произвели пробный подсчет голосов. Намечены были кандидаты, не сообразуясь с формальной принадлежностью к К.-д. партии, по тому впечатлению, какое каждый делал на своих товарищей. Все торжественно обещались поддерживать выдвинутых кандидатов, и действительно, из 53 участников этого собрания 47–50 человек составили такое сплоченное ядро, что из шести кандидатов пять были проведены с места. На шестом выборы сорвались по разным причинам, и тогда обнаружилось все бессилие правых партий. В течение нескольких часов продолжалось утомительное катание шаров, ибо правым кандидатам оппозиция клала черные шары и ни одного своего они провести не могли. Шестым депутатом прошел беспартийный крестьянин, за которого голосовала и часть правых в радости, что он, по крайней мере, беспартийный, а не левый. Предводитель дворянства его уезда публично целовал его и просил его царю послужить, как он на войне служил (избранный был георгиевский кавалер). Но «беспартийный» по приезде в Петербург немедленно присоединился к трудовой группе. Вообще из депутатов только два остались в К.-д. партии и вошли в ее парламентскую фракцию, остальные, все по происхождению крестьяне, перешли в трудовую группу, сохранив, впрочем, связь с своими товарищами по губернии.

Таким образом, отсталая в хозяйственном, образовательном и каком угодно отношении губерния получила сплошь оппозиционное представительство. Во время выборов, видя безуспешные старания правых кандидатов провалить кадетов, один из выборщиков К.-д. партии иронически выразил свое сочувствие правому: «Вы сильны уж очень», – сумрачно ответил тот. «С нами Бог», – шутя объяснил кадет.

Открытие Думы

В Пензенской губернии произошло приблизительно то, что в большинстве других: выборы прошли под флагом народной свободы, и это не только сразу, еще до созыва очертило физиономию народившейся Думы, но имело важное практическое последствие. Первоначально полагали, что народные представители, впервые собравшиеся от разных «племен, наречий, состояний», долго еще будут знакомиться, пока научатся понимать друг друга. На деле Дума сразу заработала

как старый парламент, и даже выполнение необходимых парламентских обрядностей прошло очень быстро, благодаря партийной дисциплине. Когда эти люди с разных концов страны собрались вместе, оказалось, что большинство говорит на одном языке не только в том смысле, что почти все инородцы говорили по-русски и что в среде думцев было только два неграмотных, но еще в том, что у всех была общая почва идей, симпатий, стремлений, несмотря на разницу взглядов. Все воспитывались на тех же книгах и газетах, работали хотя в разных областях жизни, но под теми же впечатлениями и одинаково на них реагировали. Отсюда единодушие Думы, особенно в первое время. Все партийные счеты и разногласия пришли после. Когда речь шла об элементарных политических правах, о свободах, о равноправии, о борьбе с произволом бюрократии, все были заодно, большинство понимало друг друга с полуслова, и этим устранялась необходимость фактических разъяснений, взаимного поучения. Опасения непроизводительной траты времени депутатами оправдались так же мало, как опасения, что избиратели не успеют и не сумеют сорганизоваться для выборов. На этот раз, кажется, можно поверить иностранцам, их наивному удивлению, что первый в стране парламент может работать так гладко. Здесь сказалась могучая объединяющая сила современной культуры и, в особенности, печати, которая невидимыми нитями связала в одно целое интеллигенцию всей страны, познакомила людей друг с другом раньше, чем они встретились.

Единодушие Думы создавалось именно этой предварительной подготовкой, а вовсе не формальной принадлежностью большинства к одной партии, ибо, напротив, Партия к.-д. не имела даже большинства, национальные группы и трудовики, вместе взятые, перевешивали ее. Ее преобладание объяснялось тем, что выборы прошли под ее знаменем, она объединила выборщиков в провинции и естественно сохранила некоторый престиж и руководство в Думе. Подробнее об этом мы скажем ниже, а пока отметим также влияние и роль трудовой группы в деле сближения депутатов: к ней охотно шли беспартийные крестьяне, которые без нее может быть еще долго блуждали бы без пастыря, или, что хуже, могли бы по ошибке попасть под руководство господина Ерогина.

Те разрозненные, разнокалиберные элементы, которые попали в Думу в виде мелких национальных групп, беспартийных и т.п., заметно перемалывались и сплачивались вместе с прочим составом в течение работы в Думе. Если первая встреча депутатов в Зимнем дворце оставляла впечатление чего-то очень пестрого, благодаря внешнему различию одежды, то в стенах самой Думы чувствовалось, как зарождается глубокая связь на почве общего представительства, общей борьбы и работы между всеми разнообразными элементами Думы, как из них образуется действительно один народ, народ всероссийский, которого искусственно и тщетно хотело создать самодержавное правительство.

Однако была значительная разница между интеллигенцией и крестьянством в отношении к самой Думе и в настроении, с каким те и другие переступали порог Таврического дворца. Печать в свое время отмечала, что некоторые избиратели-крестьяне крестились перед избирательной урной. Такое же благоговейное настроение, такие же радужные надежды принесли депутаты из народа

в Думу: ведь это был первый раз, что голос народа мог звучать свободно, дойти до царя, – это крестьяне понимали совершенно буквально. Самый созыв Думы был для крестьянства подарком, потому что крестьянство еще мало принимало участия в освободительной борьбе, и ему казалось, что так же дешево достанется ему и все остальное. Оценить конституционную слабость Думы народ, конечно, тогда еще не мог.

Интеллигент знал и западни русской «конституции», и труд, с каким даже эта конституция была добыта. Он не создавал себе розовых иллюзий насчет приема, какой должны были встретить у высших сфер народные представители. Может быть, многие рассчитывали на победу, но предвидели упорную борьбу, и той радости и воодушевления, какие были бы позволительны в такой исторический момент, не было помину. «Надолго ли?» – вертелось в уме у каждого, входившего в белый дом на Шпалерной улице.

Правительство сделало все, что могло, чтобы рассеять иллюзии у самых неисправимых оптимистов; опубликование Основных законов – первое, что встретили в Петербурге народные представители, – должно было показать сомневающимся, каково будет дальнейшее поведение бюрократии. Под впечатлением этих Основных законов собирались депутаты в Зимний дворец на Высочайший выход. На крестьян посещение дворца сделало совсем не то впечатление, на какое по-видимому рассчитывали: контраст деревенской нищеты с богатством центра русской государственности бил в глаза, и, преувеличивая даже сумму богатств, скопленных там, крестьянские депутаты высчитывали, что этим золотом можно было бы прокормить всю Россию. Для интеллигентов церемониал был интересен, но с нетерпением ждали тронной речи. Она произвела неопределенное впечатление, несколько лучшее, чем от нее ожидали. Две особенности ее были отмечены: в ней не упоминались ни конституция, ни самодержавие, и недоумение, созданное 17 октября, не было рассеяно в таком подходящем, казалось бы, случае. Другой пропуск был умолчание об амнистии… Но ее все-таки ожидали на днях. В общем исторический документ произвел впечатление чего-то холодного, официально любезного. Ни в словах документа, ни в тоне, каким они были сказаны, не чувствовалось того подъема духа, которым должна была ознаменоваться реформа, равная по значению 19 февраля 1861 года. Искры воодушевления, рождающегося в искреннем чувстве и в проникновении важностью минуты, не хватало в первом акте, которым открывалась деятельность первого русского народного представительства. Сближение, которому в эту минуту мог бы быть заложен первый камень, несмотря на все прежнее, симпатия, которая смягчила бы трение, не были вызваны к жизни в таком благоприятном для этого случае, какой больше никогда не повторится. Старый идеал славянофилов был окончательно разбит в тот самый момент, когда он внешне был осуществлен.

Извлечение публикуется по изданию:
Езерский Н.Ф. Государственная дума
первого созыва. Пенза, 1906. С. 3–18.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КАРЕЕВ

ВЫБОРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Яркий день 27 апреля 1906 г. оставил неизгладимые следы в моей памяти. Я хорошо его помню, и притом не отвлеченно, а образно, так сказать, чисто зрительною и слуховою памятью, как бы само прошлое непосредственно воскресает передо мною. У человеческой памяти есть свои законы, и сама память допускает бесконечно разнообразные проявления. В моей лично памяти далеко не все сохраняется с такою конкретною живостью, как в только что указанном случае, и многое оставляет в ней после себя только неясные, более туманные следы, общий же закон памяти таков, что̀ слишком яркие впечатления оказываются крайне невыгодными для впечатлений менее ярких, им, этим ярким впечатлениям, незадолго предшествовавших.

Для каждого из нас, перводумцев, 27 апреля начинался ряд глубоких переживаний, сосредоточивавших на себе все наше внимание, и мы переставали интересоваться тем, что только что пережили, чем волновались, о чем заботились, чему радовались в дни, даже недели, предшествовавшие знаменательной дате 27 апреля. Выборная кампания, приведшая нас в первую российскую Государственную думу, как бы осталась где-то далеко позади, ибо все внимание, все мысли поглощались настоящим, и яркие впечатления этого настоящего заставляли бледнеть, тускнеть, стираться впечатления, полученные в столь недавнем прошлом. По крайней мере, со мною так было, быть может, и по индивидуальным особенностям моей памяти. Так бывало со мною очень часто при восхождениях на горы, с которых открываются перед взорами вашими грандиозные, охватывающие душу восторгом виды: по дороге к вершине горы тоже встречаешь красивые виды, любуешься ими, даже восхищаешься, но потом все это меркнет, куда-то уходит, исчезает перед поражающей тебя своею грандиозностью, потрясающей тебя до глубины души картиною, которая открылась на вершине горы.

Признаюсь даже, что не в памяти своей, а в газетах весны 1906 г. мне пришлось искать даты тогдашних петербургских выборов в Государственную думу. Тогда в обеих столицах выборы были двухстепенные: 20 марта были призваны к урнам избиратели, а через три с небольшим недели, 14 апреля, происходили выборы и самих депутатов, всего за двенадцать дней до открытия Думы. После этого население еще три раза призывалось к избирательным урнам, и вторые, третьи,

четвертые тоже заслонили собою те, которые были весною 1906 г. Память может смешивать разные мелкие и чисто внешние подробности этих выборов, но существенное, то, чего не было и не могло быть во время последующих выборов, особенно после акта 3 июня 1907 г., так и остается в памяти прочно приуроченным к выборам 1906 г. Прежде всего, впоследствии не было той относительной свободы предвыборной агитации, которая довольно беспрепятственно пользовалась тогда внешним «оказательством». Партийные комитеты мобилизовали значительные силы, между прочим, из учащейся молодежи, украшавшейся партийными значками и исполнявшей разные второстепенные функции агитации. Первичные выборы 20 марта чувствовались на улицах города как в праздничный день, но лично я с утра и до вечера провел в актовом зале университета, куда со своими бюллетенями являлись избиратели Васильевского острова. Говорю больше понаслышке и на основании того, что писалось в газетах. Позднее выборы уже не вызывали такого оживления на улицах города, и дни, когда они происходили, оставались для обывателей простыми буднями, так как административные мероприятия уже не давали места прежнему оказательству.

Мне вспоминается актовый зал университета, где, как я только что сказал, подавали свои голоса василеостровцы, белый, высокий, в два света зал с колоннами, видавший в своих стенах немало всяких собраний: и торжественных университетских актов, и заседаний ученых обществ, и съездов, и бурных студенческих сходок, и не менее бурных митингов в быстро промчавшиеся «дни свободы». Этот зал, носивший еще на себе некоторые следы только что пронесшегося шквала, имел необычный вид: перегороженный направо и налево от остававшегося посредине свободным прохода барьерами, за которыми стояли большие картонные коробки, на урны совершенно не похожие, и находились члены подкомиссий, проверявших документы избирателей, отмечавших их в списках, бравших из их рук и опускавших в урны их избирательные документы. Я был в числе членов одной комиссии и впоследствии исполнял не раз такую же должность, так что бывшее тогда и бывшее после слилось в моей памяти в одну общую картину. Могу только сказать, что потом у меня не было такого настроения, как во время этих первых выборов. Дело было не в одной новизне, непривычности, дело было в сознании торжественности момента, когда Россия фактически сделала первый шаг к осуществлению народного представительства, в важности того, кому на этих первых выборах отдаст свои голоса столица государства, и в вопросе, какая судьба постигнет тот список кандидатов в выборщики, в котором, между прочим, стояло и мое имя.

Известно, что на этих выборах победа досталась кандидатам Конституционно-демократической партии, за которую во всех двенадцати частях города было подано большинство голосов, самое меньшее – в 57 процентов – в Адмиралтейской части, самое значительное – в 68 процентов – в Нарвской части, средним числом для всего города в 62 процента. С «кадетскими» списками конкурировали списки блока четырех тоже конституционных партий, но максимум голосов, поданных за его кандидатов, везде оказывался ниже минимума, полученного последними.

Будущие историки разберутся в причинах этого факта, но и теперь можно

сказать, что, кроме ясности и определенности программы победившей партии, победа была подготовлена тем, во-первых, что в партии было много популярных имен, особенно известных в том социальном и культурном слое населения, к которому принадлежали избиратели, и, во-вторых, хорошо организованною, технически умелою и весьма энергичною пропагандой принципов партии на митингах, в воззваниях, в газетах, равно как агитацией перед самыми выборами. Нельзя сказать, чтобы петербургские граждане, пользовавшиеся правом голоса, наперерыв спешили к урнам в знаменательный день первых законодательных выборов в столице государства; всех их было внесено в списки 146 тысяч, явилось же к урнам только 68 с половиною тысяч, т.е. менее половины (46%), – процент не особенно высокий, который тогда же многих заставлял задумываться, но зато те, которые пришли исполнять гражданский долг, несомненно, принадлежали к наиболее интеллигентной и либеральной части цензовых избирателей тогдашнего Петербурга. Особенно бросалось в глаза мизерное количество голосов, которое выпало на долю «черносотенских» имен.

Организация выборной кампании активными деятелями Конституционно-демократической партии была целесообразной и умелой. Работал и городской комитет, работали и комитеты районные в отдельных частях города, да и партийная дисциплина не оставляла желать ничего лучшего в деле подготовки к выборам. В конце февраля Центральным комитетом партии было намечено восемнадцать лиц, которые могли бы быть партийными кандидатами в члены Думы, а из них партийный «плебисцит» отобрал ровно половину, девять человек, из которых потом шестеро и попали в Думу.

В выборах депутатов, происходивших 14 апреля в большом зале городской думы, должно было участвовать 175 выборщиков, в числе которых 15 человек представляли собою выборщиков от рабочих. Не явилось в собрание только шесть человек, что, конечно, не могло повлиять на голосование, в особенности при сплоченности большинства. Записками было намечено шесть кандидатов, за которых было подано от 159 до 145 голосов, за другие же имена подано было от одного до восемнадцати голосов. Все такие случайные кандидаты отказались от баллотировки, кроме трех рабочих, выразивших желание все-таки подвергнуться избранию шарами. При последнем цифры полученных кандидатами голосов мало отличались от тех, которые имелись по запискам, и избранниками Петербурга оказались, кроме пишущего эти строки, В.Д. Набоков, Е.И. Кедрин, Л.И. Петражицкий, М.М. Винавер и М.И. Петрункевич. Остальные три кандидата, выразившие желание баллотироваться, не собрали, за исключением одного, даже полных полутора десятка голосов специальных выборщиков.

Иного результата, впрочем, не могло и оказаться. Я только вспоминаю, что было, не входя в объяснение причин, которые были слишком сложны, и не ставя себе ни апологетических, ни полемических целей. В Москве из четырех депутатских мест одно было уступлено представителю рабочего класса, но в Петербурге такого соглашения не состоялось, и ни за одного из трех кандидатов образовавшееся большинство выборщиков шаров в избирательные ящики не опускало. Недовольство меньшинства выразилось не только в словесных протестах, но и

в отказе сняться вместе с остальными выборщиками в общей фотографической группе, когда неизменный в подобных случаях г[осподин] Булла явился в зал со своим аппаратом. Это был инцидент, не могший не омрачить светлое, радостное настроение дня. И теперь, конечно, он вспоминается с неприятным чувством, но тогда от этого в душе оставался прямо горестный осадок.

И вот тут я припоминаю еще одну полузабытую подробность, относящуюся к этому дню, – подробность, к которой, по крайней мере, память моя не возвращалась с того самого времени. После выборов, затянувшихся до довольно позднего времени, некоторая группа избирателей отправилась в старый ресторан Донона, чтобы за обедом поделиться впечатлениями дня. Центром разговора, сколько помнится, был только что рассказанный эпизод, и здесь же, за столом, общими силами была составлена некоторая записка, которая потом появилась в газетах. В сущности, однако, все это было только отголоском предвыборной избирательной борьбы со всеми теми обвинениями и заподазриваниями, которые делали совершенно невозможными некоторые соглашения.

Быть может, правда, многие заподазривания и обвинения по непривычности у нас самого дела предвыборной агитации, принимались болезненнее и острее, чем следовало бы и чем относятся к этому в странах, где такие вещи давным-давно сделались привычными, обыденными. Вспоминается мне и то, с другой стороны, моральное удовлетворение, которое получилось от выборов 20 марта и 14 апреля (и, пожалуй, от первых больше, чем от вторых), доказавших, что все, что ни делалось для дискредитирования программы, тактики и кандидатов партии, искренно и честно работавшей для общественного блага, не оказало большого влияния на столичных избирателей. По ходу некоторых митингов, на которых, правда, бывало много и не избирателей, можно было опасаться совсем иных результатов. Бывали в этом отношении и прямо огорчительные минуты, которые теперь, однако, через десять лет, вспоминаются иной раз не без сожаления о прошлом, к которому уже более не вернуться. Время было живое, радостное, исполненное надежд, хотя все-таки где-то, в темных глубинах души, таились сомнения, пойдет ли все так гладко и впредь, пускай с маленькими неприятностями, но лишь бы без больших разочарований.

Я очень теперь жалею, что от марта и апреля 1906 г. у меня не осталось никаких записей переживавшегося мною настроения, кроме одной статьи против бойкотирования выборов, не помню почему оставшейся в моем письменном столе. Впрочем, и это не то, что хотелось бы иметь. Как-никак, самая эта статья писалась для печати, а не была ни дружеским излиянием перед сочувствующим человеком, ни исповедью перед самим собою, которые могли бы запечатлеть интимные переживания. Будь у меня в руках такие записи, они напомнили бы мне многое такое и по части внешних обстоятельств, касающихся выборов весны 1906 г., а главное – помогли бы лучше выделить из всего комплекса переживавшихся тогда чувств те, которые специально, так сказать, были порождены выборами в первую Государственную думу и притом не относились к личному успеху. Я почти уверен в том, что то же мог бы сказать и каждый из перводумцев, сознававших важность минуты: личный успех совершенно стушевывался перед успе-

хом дела обновления родины, которое само представлялось как великая, ответственная задача, а где есть ответственность при малейшем сомнении в полной своей пригодности для данного дела, там не до того, чтобы особенно ярко переживать личный успех.

Могу только прибавить, что с 14 апреля меня не оставляло до самого открытия Думы оптимистическое настроение, но с 13 мая, всего через месяц после выборов, оно стало меркнуть после правительственного «lasciate ogni speranza»[1]!

Публикуется по изданию:
К десятилетию первой Государственной думы:
27 апреля 1906 г. – 27 апреля 1916 г.:
Сб. ст. перводумцев. Пг., 1916. С. 1–5.

[1] Lasciate ogni speranza voi ch'entrate! – Оставь надежду всякий сюда входящий *(итал.)*. Последний стих надписи над воротами ада (Данте, Божественная комедия, «Ад», III, 9).

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КИЗЕВЕТТЕР

НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ: ВОСПОМИНАНИЯ

18 февраля [1905 г.] наконец был обнародован акт, освещавший намерения власти. В рескрипте на имя Булыгина государь возвещал, что отныне он «вознамерился привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предложений». Тут же было определенно подчеркнуто, что далее совещательного представительства власть не намерена сделать ни шагу по пути политического преобразования. Было указано, что созыв народных представителей обусловливается «непременным сохранением незыблемости основных законов империи», а в особо изданном в тот же день манифесте осуждались крамольные посягновения разрушить существующий государственный строй с целью «учредить новое правление на началах, отечеству нашему не свойственных». Это были чрезвычайно неосторожные слова; ведь через восемь месяцев эти самые «начала» провозвещались в новом манифесте как «признанные за благо» с высоты престола!

Март и апрель 1905 г. прошли в кипучем возбуждении общества. Правительство выказывало в одно время и страх перед общественным движением, делая явно вынужденные уступки, и желание ограничить эти уступки гомеопатическими размерами. Такое поведение власти только взвинчивало общественные круги, охваченные политическим возбуждением, а трагические вести с театра войны придавали особенно зловещую мрачность картине общего положения. Как раз 12–24 февраля разразился двенадцатидневный бой под Мукденом, затмивший и размерами жертв, и грозностью неудачного исхода даже предшествующее ляоянское наше поражение.

Правительство предпринимало некоторые шаги, которые должны были свидетельствовать о повороте внутренней политики на новые пути. В марте вдруг были приостановлены недавние мероприятия в Финляндии, ломавшие финляндскую конституцию. 17 апреля был издан закон, предоставлявший широкие льготы старообрядцам и сектантам в их религиозном быту. Особое совещание под председательством Булыгина выработало Положение о совещательной Государственной думе. А в это время многочисленные мартовские съезды выносили резолюции с требованием созыва Учредительного собрания, по деревенской

России распространялись аграрные беспорядки, особенно в центральных губерниях и в Северо-Западном крае; убийства и покушения на убийства должностных лиц следовали одно за другим, во флоте разгоралось революционное движение, в учебных заведениях пришлось прекратить все занятия до осени.

В апреле кипучую деятельность проявили конституционалисты. В Москве под председательством И.И. Петрункевича происходил очень важный съезд, посвященный аграрному вопросу. В докладах Мануйлова, Кауфмана, Герценштейна, Петра Долгорукова и др. тут были установлены все основные положения аграрной программы будущей Партии народной свободы. А в 20-х числах апреля земцы-конституционалисты тоже в Москве обсуждали основы конституции, после чего последовало окончательное отделение группы «шиповцев», не принимавших конституции, в особую политическую группу.

А затем разразился новый удар, потрясший людей до глубины души: 14 мая эскадра Рожественского стала жертвою катастрофического разгрома у острова Цусимы. Летние месяцы этого года я проводил в Териоках, так как мои архивные работы для докторской диссертации находились в полном ходу и мне надо было использовать летнее время для занятий в петербургских архивах. Каждое утро отправлялся я из Териок в Петербург, в Государственный архив, и возвращался к вечеру на свою дачу с целым коробом вестей. События развивались безостановочно. Летом 1905 г. вспыхнули крупные волнения в Черноморском флоте. Броненосец «Потемкин», захваченный взбунтовавшимися матросами, открыл стрельбу и затем, спасаясь от преследования, ушел к берегам Румынии. В мае, июне, июле в Москве шли чуть ли не беспрерывные земские съезды[1]. 6 июня состоялся прием государем земской делегации в Петергофе, и всю Россию облетела речь Сергея Трубецкого, сказанная им государю о том, что участие в народном представительстве должно быть предоставлено всему населению без различия сословий. Николай II в своем ответе заявил, что его воля созывать народных представителей непременна, но тут же подчеркнул, что единение царя со всею Русью должно будет происходить как встарь, в согласии с самобытными русскими началами. Но через две недели – 21 июня – состоялась прямая контрдемонстрация. Государю представилась депутация от правых общественных групп, и граф Бобринский произнес при этом речь, явившуюся прямой полемикой с речью Трубецкого. Он заклинал государя призывать на совет выборных людей только от «освященных историей бытовых групп». «Вам говорили, – сказал Бобринский, прямо цитируя речь Трубецкого, – что русский царь уже не царь дворян и не царь крестьян, и болезненно содрогнулось сердце дворянства, свято памятуя слова державных предков ваших, называвших себя первыми дворянами России». И государь ответил: «Мне особенно отрадно то, что вами руководит чувство преданности к родной старине. Только то государство сильно и крепко, которое свято хранит заветы прошлого». Все это давало мало уверенности в готовности верховной

[1] Работа земских съездов очень волновала правящие круги. Но власть уже не решалась наложить на них руку. Трепов вел кампанию за недопущение съездов и пользовался при этом перлюстрацией писем участников съездов, вставляя выдержки из этих писем в свои доклады государю. Трепов составил проект речи Николая II к земской депутации 6 июня, но потом речь была несколько изменена (см. «Русское прошлое», IV, 1923 г.) *(прим. А. Кизеветтера).*

власти идти навстречу новым требованиям жизни.

Между тем в Москве съезды земских деятелей соединились со съездами городских деятелей, и на этих съездах в течение июля был подробно обсужден и принят проект Основного закона, т.е. конституции, подготовленной Муромцевым, Кокошкиным и Н. Щепкиным. В результате всех этих обсуждений было решено, что земские съезды свою политическую роль уже выполнили и что теперь встает задача образования политической Конституционно-демократической партии.

6 августа появились Положение о Государственной думе с законосовещательными функциями и Высочайший манифест. В это время мирные переговоры с Японией в Портсмуте шли уже полным ходом. 16 августа мы только что отужинали и сидели за чаем в своей даче в Териоках. И вдруг загремели пушечные выстрелы со стороны Кронштадта. Они следовали равномерно друг за другом, наполняя своими звуками воздух мирной летней ночи. Мы удивленно посмотрели друг на друга и тотчас же воскликнули хором: «Это – мир!».

К концу сентября я вернулся в Москву и сразу попал в атмосферу политического возбуждения. Все лето Москва кипела, как в котле. Земские съезды были в центре внимания всей России. Администрация пыталась было наложить veto. Но земцы открыто отказались подчиняться этому распоряжению и явочным порядком продолжали свои занятия. Рассказами об этих летних впечатлениях была полна вся Москва. Однако начались уже и новые осенние заботы. Издание Положения о Госуд[арственной] думе 6 августа ставило на очередь вопрос: следует ли участвовать в выборах в это учреждение, никого не удовлетворявшее. Земцы-конституционалисты решили вопрос в утвердительном смысле, считая тактику бойкота в корне ошибочной; крайние левые группировки, напротив того, стояли за бойкот, более всего опасаясь, что участие в выборах в законосовещательную Думу отвлечет массы от чисто революционных выступлений. На всевозможных собраниях, которые были тогда то и дело созываемы в разных частях Москвы, только и речи было, что по этому жгучему в тот момент спорному вопросу. 12–15 сентября в Москве происходил новый съезд земских и городских деятелей, к участию в котором были приглашены М.М. Ковалевский и П.Н. Милюков. Публика устремлялась на эти заседания, словно в парламент. Здесь еще раз были обсуждены все части политической и социальной программы, которую предполагалось положить в основу Конституционно-демократической партии. Много говорили в обществе, между прочим, о дебатах, возникших там по польскому вопросу; тогда А.И. Гучков выступил против автономии Польши, мысль о которой была выдвинута конституционалистами, и на защите этой мысли пожинал на этом съезде первые лавры политического дебатера Ф.Ф. Кокошкин.

По докладу того же Кокошкина съезд отверг тактику бойкота по отношению к Госуд[арственной] думе, и, напротив того, было признано необходимым, чтобы возможно бóльшее число конституционалистов прошло в Думу с тем, чтобы там добиваться расширения политических свобод.

На 12 октября постановлено было созвать организационный съезд Конституционно-демократической партии. Этот съезд и состоялся действительно, но при совершенно исключительной обстановке, которую за месяц до того

еще никто не предвидел.

Законосовещательная Дума по Положению 6 августа никого не удовлетворяла. В то же время чувствовалось, что ни развертывавшийся до тех пор напор общественного мнения, ни отдельные террористические акты не достигают той силы воздействия на власть, при которой последняя была бы вынуждена сдать совершенно позицию всевластия правящей бюрократии. Тогда родилась идея всеобщей политической забастовки. Она была выполнена и увенчалась успехом только потому, что она в тот момент зародилась как-то сама собой, в виде какой-то стихийной психической волны, вдруг прокатившейся по стране, явилась каким-то непроизвольным выражением общего чувства, что «так больше жить нельзя». Конечно, нужен был какой-нибудь аппарат, который бы наладил техническую сторону согласования забастовочных действий, на путь которых уже начали становиться отдельные профессиональные организации. Эту функцию взял на себя Союз союзов, представлявший собою объединение профессиональных союзов разного рода и возникший в 1905 г. по плану Союза освобождения.

В тот момент, когда в Москву в середине октября 1905 г. съезжались политические деятели – одни на организационный съезд Конституционно-демократической партии, другие – на съезд Крестьянского союза, – вспыхнула политическая забастовка, быстро охватившая самые разнообразные отрасли службы – государственной и общественной – и самые разнообразные отрасли труда. Жизнь замерла и остановилась. Казалось, страна сама себе отказывает в необходимых удобствах существования, только бы добиться политического сдвига с мертвой точки. Забастовка как планомерный прием борьбы всегда предполагает точное обозначение условий, на которых она может прекратиться, тех конкретных требований, которые выдвигаются как цена возвращения к нормальному течению жизни. Октябрьская всеобщая забастовка 1905 года была именно тем своеобразна, что она этому основному требованию не удовлетворяла. «Так больше жить нельзя и надо жить иначе» – это было слишком неопределенно как забастовочный лозунг. Просто имелось в виду, что правящая власть должна предпринять какой-либо акт, который не оставит сомнений в ее решении отменить самодержавие. Конечно, такая полустихийная забастовка не могла продержаться долго. И уже 16 октября появились симптомы, указывавшие на то, что порыв спадает и забастовка начнет расползаться. Но, с другой стороны, это было явление столь неожиданное и необычное, что власть вдруг оказалась оторванной от страны, изолированной во всех смыслах, и нельзя было понять, что там делается и что там таится в этой вдруг онемевшей и застывшей в жуткой неподвижности стране. Николай II обратился к оракулу этих дней – Витте. А Витте ответил: «Надо твердо решиться на одно из двух – или немедленно объявить конституцию (и на этот случай Витте предлагал свои услуги (в качестве конституционного премьера), или – объявить диктатуру и залить страну кровью» (но диктатором сам Витте быть не желал и советовал найти подходящего для того человека). Николай II колебался до последнего момента. Он вел параллельные совещания с двумя антиподами: и с Витте и с Горемыкиным. Из этих колебаний он был выведен прибытием в Петергоф великого князя Николая Николаевича, и, по-видимому, решающим

обстоятельством, положившим конец колебаниям, явились тревожные сведения о ненадежных настроениях в армии, которую предстояло эвакуировать с театра только что окончившейся войны. Но ведь если центральная власть не знала, что творится в стране, то и страна не знала, что делается там, наверху. Дни тянулись в томительной неизвестности, и вот, в бивуачной обстановке, созданной забастовкой (впрочем, забастовка была слишком коротка, чтобы бивуачность обозначилась сколько-нибудь резко), в обширных залах дома Долгоруковых (б[ывший] Орлова-Давыдова) шли заседания учредительного съезда К.-д. партии. Решив вступить в эту партию, я посещал эти заседания.

Дом кн[язей] Долгоруковых займет видное место и в истории земских съездов (наряду с домом кн[язя] Щербатова на Поварской), и в истории Конституционно-демократической партии. Сколько приходилось затем бывать там на заседаниях Центрального комитета этой партии и разных партийных комиссий! Громадный княжеский особняк, стоящий в глубине двора и окруженный тенистым садом, приютился в остром углу того колена, которое образуется изогнутым переулком, опоясывающим Художественный музей Александра III[1]. Дом двухэтажный. Во всю длину дома на втором этаже идет широкий балкон, на котором в погожие дни хорошо было освежиться в перерыве заседания. Тут во втором этаже в обширной зале, полуосвещенной в связи с забастовкой, шли заседания съезда.

Были тут все будущие московские лидеры К.-д. партии. Петербургских из-за забастовки было немного. Председательствовал Винавер. Он вел заседания превосходно. Никому не давал «растекаться мыслью по древу» и отлично формулировал прения. Впрочем, работа была нетрудная. В сущности – принимались, так сказать, в «последнем чтении» разные части программы, уже подробно обсужденные в предварительных совещаниях. В самом начале любопытный инцидент вышел с полицейским приставом. Пристав вдруг явился в зал и начал было что-то говорить. Винавер его прервал и внушительно заявил, что даст ему слово в очередь. К общему удивлению, пристав подчинился. Долго пришлось ему дожидаться «очереди», и когда она, наконец, наступила, приставу оставалось только выразить возмущение тем, что ему не дали возможности исполнить его обязанности. Этот самый пристав был впоследствии ретивейшим пресекателем всяких собраний нашей партии и очень скоро выучился делать то, не дожидаясь никаких «очередей».

Занятия съезда подходили к концу, и вот 17 октября, уже совсем к вечеру, в заседание вдруг явился из редакции «Русских ведомостей» сотрудник этой газеты Петровский. С крайне взволнованным видом он устремился к председателю и подал ему листок с газетной гранкой. Винавер взглянул на листок, побледнел как полотно, немедленно прервал говорившего оратора, встал и прочел нам... Манифест 17 октября!

Самодержавие прекратилось. Россия стала конституционной монархией. Были объявлены гражданские свободы. Государственная дума получала законодательные права. Витте был назначен главою кабинета.

Заседание было прервано. Долго не могли успокоиться от охватившего всех

[1] В настоящее время Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

волнения. И наконец заседание возобновили лишь на несколько минут, в течение которых Митрофан Павлович Щепкин, убеленный сединами старец, всю жизнь лелеявший мечту о конституции, произнес дрожащим от волнения голосом свое «Ныне отпущаещи».

Лишь промелькнула ночь, с раннего утра улицы Москвы наполнились народом. Забастовка немедленно прекратилась. Толпы народа валом валили к Театральной площади, где, как значилось на расклеенных кем-то по городу бумажках, предстояло «народное собрание». Конечно, никакого «народного собрания» не было, собирались в кучку, что-то говорили добровольные ораторы, никто их не слушал, все просто давали волю безотчетному возбуждению, никто не мог усидеть дома, и вот ходили по улицам, поздравляли друг друга, целовались, словно была какая-то Пасха. Конечно, на следующий день вступили в свои права будни с их тревогами, заботами, разочарованиями и огорчениями.

На очереди был вопрос, в каких формах и в каком порядке будут осуществляться возвещенные вольности. И прежде всего – кто будет подготовлять их осуществление, т.е., иначе говоря, как Витте составит свой кабинет? Начались переговоры Витте с популярными общественными деятелями. Ему очень хотелось расцветить свой кабинет несколькими популярными именами. Но одним из непреодолимых камней преткновения для успешности этих переговоров являлось предрешенное свыше условие, что важнейший пост министра внутренних дел должен остаться за одним из самых дискредитированных матадоров старого режима – Петром Николаевичем Дурново.

Но была и другая важная задача. Надо было добросовестно разъяснить малосведущим людям истинный смысл Манифеста, перевести его юридические формулы на удобопонятный для всякого простолюдина язык. Это было тем более необходимо, что агитаторы, преимущественно социал-демократические, начали уже пускать в ход толкования вкривь и вкось, имея в виду чисто партийные свои цели.

Я тогда написал листовку, в которой самым понятным и простым языком изложил применительно к содержанию Манифеста основные понятия конституционного права. Я отдал листовку для издания И.Д. Сытину, не сомневаясь в том, что его фирма всего лучше распространит эту листовку повсеместно, в том числе и по деревням. Сытин с удовольствием ухватился за эту мысль, и листовка моя имела большой успех.

Благодаря этой листовке стал я то и дело получать приглашения прочитать объяснение Манифеста в той или иной народной аудитории. Помню, читал я о Манифесте в одной воскресной школе. Пригласили меня туда работавшие там мои слушательницы по женским курсам. Но другие учительницы той же школы – социал-демократки – забили тревогу, стали протестовать; произошла маленькая буря в стакане воды. Порешили на том, чтобы меня все же пригласить, но с тем, чтобы я только изложил Манифест, не вдаваясь ни в какие толкования. Задача была почти неисполнимая, ибо всякое изложение непременно есть уже и толкование. Тем не менее я согласился. Социал-демократки, опасавшиеся, что я произнесу митинговую речь не в духе их учения, могли успокоиться: я сознательно

воздержался от какой-либо пропаганды, а просто объяснил, что именно разумеется под тем или другим выражением Манифеста. Работницы, составлявшие мою аудиторию, слушали затаив дыхание. Окончив, я предложил задавать мне вопросы. После долгого молчания одна работница с испуганным лицом наконец сказала еле слышным голосом: «Вот говорят, не надо выбирать в Думу, будет обман». Тут, видя пред собой «одну из малых сих», протягивающую руку за искрой света, я уже отбросил в сторону всякие казуистические различения «изложения» и «толкования» и прямо ответил: «Что же будет, если рабочие не станут выбирать? Другие-то ведь своих представителей выберут. Кто же тогда в Думе ваши интересы представит?».

Вот этот коротенький диалог вызвал потом среди учительниц школы великие споры и ссоры. Социал-демократки кричали, что нельзя допускать буржуев говорить с народом. Так велик был страх перед свободным обменом мнений, так велико было желание замкнуть искусственно мысль рабочего в круге понятий, предписанных партийной шпаргалкой и не допустить до него никакой иной мысли, дабы он не начал «сметь свое суждение иметь».

Между тем политические дискуссии все сильнее стали захватывать общее внимание. До настоящей политической кампании было еще далеко. Но митинги уже устраивались повсеместно. Это еще не была пропаганда определенных программ и платформ. Это были пока споры по самым общим вопросам политического поведения, и снова на первую очередь выдвигался вопрос о бойкоте Думы. Хотя речь шла уже теперь не о законосовещательной, а законодательной Думе, тем не менее социалистические партии по-прежнему настаивали на бойкоте выборов в Думу и на продолжении революционной борьбы за Учредительное собрание.

Конституционно-демократическая партия после октябрьского съезда уже сформировала в Москве свой городской комитет, деятельными руководителями которого сразу явились Н.М. Кишкин, Н.Н. Щепкин, П.Д. Долгоруков. Комитет решил сделать опыт устройства своих докладов в самом рабочем районе Москвы, который социал-демократы считали своим исключительным достоянием. Разумеется, заранее надо было ожидать, что социал-демократы примут все для срыва наших выступлений. Первым докладчиком имели неосторожность послать С.Ф. Фортунатова, большого знатока конституционной истории, имевшего громадный успех у студентов и курсисток в качестве великолепного лектора. Но он был совершенно неприспособлен к тому, чтобы стоять лицом к лицу перед мятущейся митинговой толпой. Лишь только он начал свой доклад, сразу обнаружилось, что в переполненной народом зале народного театра присутствует враждебная лектору клика. И после какой-то фразы докладчика, задевшей социал-демократическое правоверие, поднялся такой рев, что пришлось отказаться от продолжения собрания. Но мы решили опыт продолжать, и через неделю в том же самом помещении был назначен мой доклад. Тут-то я и получил боевое митинговое крещение. Опять набралась тьма народу. Опять отдельные фразы доклада сопровождались аккомпанементом ворчливого ропота все из одного и того же угла, где явственно помещалась клика. Наконец подошел «ударный момент», и разразился рев, в котором тонули все отдельные попытки сказать что-либо.

Председательствующий Кишкин делал умиротворяющие жесты без всякого результата. Я заранее ожидал такой сцены и имел свой план действий. Я спокойно стоял, не подавая ни малейшего признака растерянности. Надо было дать кричавшей кучке выкричаться и уловить момент, когда ее крик от утомления спустится тоном ниже. И вот, лишь только такой момент наступил, я вдруг, выпрямившись во весь рост, громовым голосом прямо в тот угол, откуда несся шум, крикнул одно слово: «Молчать!». Это было так неожиданно, что шум моментально смолк. После мгновенной паузы раздался всего только один голос, но и то уже значительно спавшим тоном: «Нельзя так обращаться с публикой». Тогда я, грозя кулаком в сторону говорившего, снова крикнул: «Молчать!». Все окончательно стихло, а я немедленно начал продолжать доклад и кончил его тем, что гневно обрушился на партийные раздоры в то время, когда надо сплачиваться для укрепления политической свободы. Мои последние слова были покрыты громовыми криками всей залы, но это была уже овация по моему адресу.

Бой был мною выигран, а главное – потерпела крушение попытка вырвать из наших рук арену для выступлений перед рабочей аудиторией в рабочем районе. И наши доклады могли теперь продолжаться, опираясь на сочувствие значительной части аудитории.

Октябрь, ноябрь, декабрь 1905 г. прошли под знаменем величайшей сумятицы, охватившей всю Россию. Россия только что отпихнулась от старого берега, но новый берег виднелся вдали еще в самых туманных очертаниях. И это промежуточное состояние как нельзя более способствовало взрывам и столкновениям давно накопленных страстей.

Прежде всего, никто не знал, каким же нормам будет подчиняться течение жизни немедленно по обнародовании Манифеста 17 октября и впредь до издания новых законов, одобренных народным представительством. В целом ряде случаев было бы просто нелепо продолжать применять старый порядок, в корне противоречивший только что возвещенным в Манифесте новым началам. Но Манифест содержал в себе лишь простое провозглашение разных свобод, а соответствующие им юридические нормы еще предстояло создать в виде специальных законов и регламентов. Но жизнь предъявляла свои требования немедленно, не дожидаясь, пока образовавшаяся в строе управления своего рода «торичеллиева пустота» чем-либо будет наполнена. И вот «свободы» начали осуществляться «явочным порядком», самопроизвольно, вне каких-либо легально утвержденных рамок и форм. Так, например, изданные 12 октября 1905 г. правила о публичных собраниях по издании Манифеста 17 октября явно уже не годились; новые правила – временные, впредь до издания соответственного закона при участии Думы – появились только 4 марта 1906 г. и не вызвали одобрения общества. Но граждане немедленно по издании Манифеста 17 октября с неудержимым пылом предались митингованию и делали это, ни о каких правилах не думая и утверждаясь в опасной мысли, что свобода означает отсутствие всяких ограничений. Университетские аудитории были захвачены всевозможными организациями, в один и тот же вечер там шли одновременно в разных местах митинги разных политических партий, железнодорожных служащих, часовщиков, чиновников,

зубных врачей, воспитанников среднеучебных заведений и проч[ее], и проч[ее].

Точно так же нельзя было ни одного дня оставаться и при прежних правилах о печати, и собрание делегатов от повременных изданий постановило с 22 октября приступить к фактическому осуществлению полной свободы печати. И когда в этот день после продолжительного перерыва вышли газеты, то столбцы их так и пестрели словами, на которых еще неделю тому назад лежал строжайший запрет: «стачечный комитет», «демократическая республика» и т.д. А рисунки иллюстрированных изданий, можно сказать, сплошь были залиты красной краской – символом социальной революции. Однако «фактическая свобода печати» вне всяких норм и уставов тотчас обнаружила и свои шипы: появилась также и явочная цензура – уже не со стороны правительственной власти, которая на время стушевалась, а со стороны типографских рабочих. Рабочие заявили, например, что слова «учредительное собрание», «совет рабочих депутатов», «союз союзов» они будут набирать не иначе как с большой буквы. Этого мало – рабочие отказывались набирать неугодные им по направлению издания, тем самым фактически декретируя их приостановку.

Не одно это внезапное исчезновение всяких регулирующих норм в отправлении общественной жизни сообщало движению характер бурного водоворота страстей. В еще большей мере содействовал тому сейчас же вскрывшийся наружу социальный раскол. Уже в октябре на митинге союза типографских рабочих была провозглашена резолюция: «Ввиду выяснившейся роли городских и земских деятелей, а также представителей других либеральных элементов общества в освободительном движении, мы, как представители труда, заявляем о своем полном антагонизме с либеральной буржуазией». Беру эту резолюцию как образчик. Много посыпалось тогда и других по тому же трафарету. Агитаторы социалистических партий ревностно работали над углублением и обострением этого раскола, как будто «старый порядок» был уже в прахе, как будто делить шкуру неубитого медведя значило проявлять политическую мудрость высшего сорта!

В октябре состоялись в Москве похороны князя Сергея Николаевича Трубецкого. Талантливый философ, блестящий профессор и публицист, энергичный общественный деятель, он особенно прогремел на исходе самодержавного режима страстной защитой университетской автономии. И когда наконец автономия была признана властью, совет профессоров тотчас избрал Трубецкого ректором. Он умер внезапно от разрыва сердца во время обсуждения в министерстве вопросов, касавшихся университетской жизни. Его похороны превратились в грандиозную политическую демонстрацию. Громадная процессия провожала гроб от университетской церкви к Донскому монастырю. Студенты шли густою толпою, и студенческий хор пел вперемежку то «Святый Боже», то «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Все Трубецкие были глубоко религиозны, и семья покойного несколько раз просила студентов не соединять церковных песнопений с революционными песнями. Но просьба семьи уважена не была. Политика властвовала над всем, и все должно было ей подчиняться. А когда уже по окончании погребения я вышел из ворот кладбища, передо мной предстала такая картина. На поле за кладбищенской оградой шел митинг рабочих. Множество рабочих вни-

мало агитатору – социал-демократу, который надорванным хриплым голосом выкрикивал проклятия… не старому режиму, а вот этим самым «буржуям», которые только что хоронили выборного ректора университета, ратовавшего за свободу и университетскую автономию. Поодаль стояли конные жандармы, внушительно вооруженные. И казалось, весь воздух был насыщен зловещим электричеством междоусобной классовой ненависти.

Разливавшееся по стране революционное настроение выражалось во все более острых эксцессах. Начались бунты в войске. В конце октября вспыхнули мятежи среди матросов и солдат в Кронштадте, разразился бунт запасных во Владивостоке, в Севастополе разыгрались такие сцены, словно начиналась открытая междоусобная война: взбунтовавшиеся суда на рейде со своих батарей обстреливали город и предприняли затем штыковую атаку береговых казарм. В Воронеже возмутился дисциплинарный батальон и, будучи осажден местным гарнизоном, перед сдачей сжег осажденное здание. В Киеве 17 ноября вспыхнул бунт многих военных частей и был подавлен с большим кровопролитием. В Царстве Польском, в Прибалтийском крае было введено военное положение. Прибалтийский край был охвачен настоящей гражданской войной, и там были совершены многочисленные казни. В Варшаве, Риге, Либаве, Москве, на Кавказе пошли расстрелы и другие репрессии.

А в то время как революционные смуты достигали все больших размеров, стала поднимать голову и черносотенная реакция, которая требовала восстановления старого порядка и отмены Манифеста 17 октября. В Твери при самом обнародовании Манифеста разразился черносотенный погром; толпа осадила земскую управу, подожгла здание и избивала спасавшихся оттуда служащих. В Томске сотни людей погибли в огне. В Уфе, Харькове, Минске и многих городах черносотенные группы устроили грандиозные погромы, избивали и топили в воде людей. В Москве в противовес революционным процессиям была устроена процессия сторонников самодержавия, и этот день также ознаменовался кровопролитными столкновениями.

В этой взбудораженной раскаленной атмосфере земские конституционалисты продолжали свою борьбу за конституционные начала.

В ноябре состоялся новый съезд земских и городских деятелей. Он открылся 6 ноября в Москве. Любопытно отметить ту обстановку, в которой он протекал. Ровно за год перед тем земцы приняли знаменитые «11 тезисов», собираясь по частным квартирам, и самое большее, чего они могли достигнуть, было обещание Святополка-Мирского смотреть на их собрания сквозь пальцы. А теперь съезд собрался публично, земства и города формально избрали на него своих представителей, польские политические партии прислали делегатов, так же как и области казачьих войск, Кавказ, Сибирь. Иностранные газеты откомандировали на съезд корреспондентов. Масса публики посещала заседания. А Витте прислушивался к постановлениям съезда и соразмерял с ними свои планы. Большое место уделено было на съезде польскому вопросу. Группа, возражавшая против идеи автономии Польши, осталась в решительном меньшинстве. Подавляющее большинство высказалось за польскую автономию, подчеркивая, что автономия

не имеет ничего общего с отделением Польши от России, а, напротив того, должна скрепить единство империи. А так как введение в Польше военного положения было мотивировано обнаруженными там автономическими течениями, то съезд высказался за отмену там военного положения, и Витте в скором времени это указание съезда осуществил: военное положение было снято. Гвоздь съезда состоял в определении общей политической позиции земцев-конституционалистов. Съезд высказался за поддержку кабинета Витте, поскольку он будет стоять на почве конституционных начал. Предложение высказаться за созыв Учредительного собрания было отклонено значительным большинством голосов (137 против 80), и этим была проведена грань налево. Но в то же время съезд высказался (204 голоса против 23) за предоставление Государственной думе учредительных функций в виде выработки Думою новой конституции на основе всеобщего избирательного права. Комитет Социал-демократической партии выступил против этого съезда с резолюцией о том, что единственным выходом из положения должно быть свержение существующего правительства посредством вооруженного восстания и затем созыв Учредительного собрания с целью установления демократической республики и удовлетворения всех требований пролетариата. В ближайшее время действительно были сделаны попытки революционного переворота. В начале ноября конспиративная организация объявила вторую всеобщую забастовку. Она потерпела совершенную неудачу. Население не обнаружило желания примкнуть к этому призыву. Эта попытка была просто-напросто политически безвкусна. Инициаторы ее не понимали, что весь успех октябрьской забастовки состоял в том, что она вылилась стихийно из общего напряженного настроения и что такие эксперименты нельзя повторять ежемесячно по произволу никому не ведомых вождей. Были впоследствии и другие попытки такого же рода. 8 декабря появилось общее воззвание от совета рабочих депутатов С.-Петербурга, от партийных комитетов социал-демократов, социалистов-революционеров и еврейского Бунда о новой всеобщей забастовке впредь до созыва Учредительного собрания. И это воззвание повисло в воздухе без всяких практических последствий. Затем в декабре же 1905 г. в Москве произошло нечто вроде вооруженного восстания. В течение некоторого времени на митингах, на концертах, на лекциях открыто производились сборы пожертвований на вооруженное восстание. Помню один концерт, на котором выступал Шаляпин. После его пения на эстраде появился Тан и сообщил публике, что «его величество народ желает заявить свою волю с оружием в руках, и Федор Иванович сейчас сделает нам честь, обойдет публику для сбора пожертвований на восстание». Происходило это в частной гимназии Фидлера, в которой был устроен один из операционных пунктов восстания, и училище было разгромлено из артиллерийских орудий. Декабрьское восстание в Москве было предпринято чрезвычайно легкомысленно; воздвигнуты были баррикады в некоторых переулках; какие-то люди рубили телеграфные столбы; была стрельба; это тянулось около недели, но с самого начала было очевидно, что восстание нисколько не подготовлено и лишь предоставляет правительству удобный и легкий случай проявить свою победоносную силу. В Москву был прислан из Петербурга Семеновский полк (командир его Мин был вскоре за тем убит революционера-

ми; то была месть за подавление восстания), и против восстания были приняты самые суровые меры. Наиболее сильное сопротивление было оказано в рабочем Пресненском районе, и «Пресня» была подвергнута полному опустошению. Это быстрое подавление восстания укрепило положение власти, что немедленно отразилось в ряде фактов. Гораздо серьезнее было положение дел в Прибалтийском крае. Там, в сущности, началась борьба латышских крестьян против немецких баронов, властвовавших в крае при поддержке петербургского правительства. Восставшие провозгласили Латышскую республику. Правительство двинуло туда военные силы и назначило временного генерал-губернатора. Военные репрессии были там применены с большой жестокостью, и внешнее водворение порядка сопровождалось скоплением глухой, подавленной злобы в местном населении, что и дало себя знать позднее, при ином сочетании условий и обстоятельств.

В этой разгоряченной, взбудораженной атмосфере 5–11 января 1906 г. состоялся в Петербурге второй съезд Конституционно-демократической партии. Я поехал на этот съезд, принял участие в его дебатах и был избран в члены центрального комитета партии, каковым и продолжал затем состоять вплоть до того момента, когда центральный комитет в своей значительной части эмигрировал после большевистского переворота за черту досягаемости большевистской власти, а я был одним из немногих оставшихся на месте и обрекший себя тем самым на частые и продолжительные тюремные заключения, постоянные обыски и ежеминутную опасность внезапно быть «выведенным в расход».

Второй съезд К.-д. партии имел большое значение для партии. Учредительный октябрьский съезд происходил впопыхах при ненормальной обстановке всеобщей забастовки. Очень многие лица, и среди них некоторые очень видные участники политического движения, приведшего к учреждению Конституционно-демократической партии, совсем не могли попасть в Москву из-за забастовки и не приняли участия в учредительном съезде. Теперь, накануне выборов в Государственную думу, необходимо было окончательно закрепить постановления учредительного съезда и определить предстоящую линию политического поведения. Этот съезд был очень многочислен. Зала Тенишевского училища была переполнена делегатами и публикой.

Перед Центральным комитетом стояла нелегкая задача. Тотчас после образования К.-д. партии число ее членов быстро стало разрастаться, и стало ясно, что это будет многочисленнейшая и авторитетнейшая партия, которой предстоит важная роль в политической жизни страны. В сущности, в К.-д. партию хлынула вся та часть русской интеллигенции, которая не примыкала ни к реакционерам и к охранителям, ни к сторонникам социальной революции в смысле немедленного переустройства общества на социалистических началах. Но ведь в этих пределах открывалась возможность чрезвычайно широкого разнообразия мнений, настроений и политических темпераментов. Это обусловливало сильный численный рост партии; но это же и создавало опасность разноголосицы в среде самой партии. И противники партии и справа, и слева с самого же начала стали предсказывать, что партия не выживет и что она обречена на раскол, на распадение на куски. Такие предсказания возобновлялись перед каждым съездом К.-д.

партии, и ни разу действительность их не оправдала. Чем можно объяснить это явление? Искусным составлением компромиссных формул? Конечно, такое объяснение было бы слишком поверхностным. Нельзя не признать, что П.Н. Милюков, обыкновенно выступавший на партийных съездах с основным тактическим докладом, обнаруживал чрезвычайное искусство по части изобретения таких формулировок, в которые удобно укладывались разнообразнейшие оттенки мнений. Но: 1) сглаживать и примирять разноречия можно вообще только до известного предела, поскольку эти разноречия все же не колеблют некоего основного общего принципа, к котором и заключается существо дела; 2) для успеха примирительных формул все же необходимо наличие внутреннего желания спорящих прийти к соглашению. И если, несмотря на пестроту и социального состава, и политических настроений, отличавшую Партию к.-д., предсказания о неминуемом расколе не подтверждались, это, конечно, зависело всего более от того, что в основе всей жизни и деятельности партии лежали некоторые идеи, имевшие высшую ценность для всех, кто объединялся под ее знаменем. Мне думается, что таких основных идей было две: 1) правильный общественный порядок, могущий обеспечить нормальное развитие духовных и материальных сил страны, должен основываться на сочетании политической свободы с установлением социальной справедливости мерами государственного воздействия. Именно идея неразрывного сочетания того и другого была характерна для того течения общественной мысли, которое воплотилось в Партии к.-д. Либералы манчестерского[1] типа, как известно, в принудительных социальных реформах усматривали насилие над свободой. И именно такие тенденции сказывались в конституционных партиях, стоявших правее к.-д., – как, например, Партия торгово-промышленная и Союз 17 октября, – которые хотели конституции с сохранением незыблемости социальных привилегий имущих классов. Партия к.-д. в противоположность тому выдвигала требование глубоких и решительных демократических социальных реформ, не останавливаясь перед принудительным отчуждением потребной для таких реформ части имущественных благ состоятельных классов. С другой стороны, в социалистических кругах русского общества долгое время господствовало предубеждение против конституционного строя как против «господской затеи», могущей только укреплять властное положение состоятельных классов и пригнетение классов неимущих. Это течение в политической свободе видело опасность для социальной справедливости и полагало возможным достигать последней диктаториальными приемами. Эти первоначальные народнические иллюзии, правда, с течением времени отступили на задний план, и неонародники от них уже отказывались, признавая все значения политической свободы в ходе борьбы за народное счастье. Но все же отголоски этих былых иллюзий в той или иной форме сказывались подчас в известных кругах интеллигенции. Партия к.-д. порывала с такими отголосками решительно и целиком. Только на почве закономерной свободы считала она возможным здоровое и плодотворное усовершенствование социальных отношений на началах социальной справедливости. И вместе с тем

[1] Имеется в виду так называемое манчестерское направление в политэкономии, сторонники которого выступали за свободу торговли и невмешательство государства в экономическую жизнь. Возникло в Англии в последней четверти XVIII в.

политическая свобода являлась для нее и сама по себе великим благом, удовлетворяющим стремления, глубоко заложенные в природе человеческого духа. По всем этим причинам достижение подлинного конституционного строя ставилось этой партией во главу угла политической работы. Отсюда вытекала и другая основная идея представленного этой партией течения: не отрицая необходимости и неизбежности революционных методов борьбы в исключительные моменты политической жизни, партия всегда считала более предпочтительным путь закономерной эволюции. И это предпочтение проистекало из той идеи, что способы и приемы борьбы за известные идеалы сами по своему существу не должны этим идеалам противоречить, но должны представлять собою своего рода школу, воспитывающую людей в духе этих самых идеалов. Вот почему и вооруженное восстание и установление всяких деспотических диктатур не вызывали сами по себе никакого энтузиазма в людях этого умонастроения, и раз появилась в виде Государственной думы арена для закономерной борьбы за свои идеалы, – работа на этой арене признавалась этой партией предпочтительной пред всякими революционными эксцессами, покуда не были бы исчерпаны все способы закономерного характера. Вот почему Партия к.-д. не сочувствовала ни идее бойкота выборов в Государственную думу, ни повторным попыткам произвести всеобщую забастовку, ни планам вооруженного восстания.

Такова была совокупность идей, к которой всегда была обращена стрелка на политическом компасе К.-д. партии. И это именно обстоятельство создавало возможность достигать согласительных решений при внутрипартийных спорах. Тем не менее такие споры всегда существовали, ибо в указанных пределах были возможны многообразные оттенки. И, конечно, именно на первых порах, в начале существования партии приходилось применять особые усилия для закрепления известной средней, равнодействующей линии, на которую можно бы нанизать отклонения в сторону крайностей направо или налево. В этом отношении II съезд и являлся первым, а потому и особенно важным пробным камнем.

Основное значение съезда состояло в том, что на нем руководителям партии удалось свести некоторые пылкие крайние увлечения, прорывавшиеся на съезде, к более осторожным положениям, диктуемым реальной политикой текущего момента. Это касалось и программы и тактики. Первоначальный текст программы, принятый на октябрьском съезде, совершенно умалчивал о форме правления. Объяснялось это тем, что партия никогда не придавала выбору формы правления принципиального значения. Для правых партий монархия являлась священным устоем. Для левых – республика служила одним из членов политического символа веры. Для Партии к.-д. выбор между тем и другим был не вопросом принципа, а вопросом целесообразности, лишь бы были утверждены конституционно-демократические начала. Однако надо было определить, какую же из этих двух форм надлежит признать практически осуществимой при наличном сочетании жизненных условий. И вот II съезд и признал, что требование установления республики не может быть введено в данное время в число задач практической политики. И в программу было введено, что Россия должна быть конституционной парламентарной монархией. Это вовсе не исключало возможности участия

в партии лиц, исповедующих республиканский идеал. Это только означало, что партия смотрит на свою программу не как на собрание идеальных норм, а как на систему практически осуществимых в данное время положений. Соответственно той же тенденции требования созыва Учредительного собрания с всею полнотой власти, выдвигавшегося крайними левыми партиями, съезд противопоставил требование предоставления Государственной думе учредительных функций в смысле составления «основного закона».

По этим вопросам соглашение было достигнуто без особых затруднений. Зато большая разноголосица развернулась по аграрному вопросу. Ряд делегатов высказывался за полную национализацию земли. Другие, признавая необходимым сохранение частной собственности на землю, шли в ограничении ее гораздо дальше первоначальной редакции партийной программы. Тут сказалось то обстоятельство, что в партию – в особенности в провинции – вошло немало людей, которые в прошлом были довольно тесно связаны с социалистическими народническими кругами и, отделившись от этих кругов по чисто политическим вопросам, продолжали исповедовать их идеологию в области вопросов социальных. В основном, партия осталась при той аграрной программе, которая была выработана комиссией экономистов – Чупровым, Герценштейном, Мануйловым, Кауфманом – и земских деятелей – Петрункевичем, Якушкиным, Черненковым, Мухановым и др. То был проект широкой аграрной реформы на основе образования государственного земельного фонда при помощи принудительного отчуждения части частновладельческих земель за узаконенное вознаграждение. Но возникшие на съезде продолжительные дебаты вызвали необходимость уточнить ряд вопросов, и съезд кончил избранием особой комиссии для дальнейшей разработки этой части программы.

Еще острее проявились на съезде отзвуки крайних левых течений в вопросах тактики: многие провинциалы явились в Петербург на съезд, разгоряченные живыми впечатлениями от суровых репрессий, которыми местная власть начала отвечать на революционные эксцессы. В самом деле, Россия представляла собою в тот момент картину, всего менее обещающую возможность правильной предвыборной кампании и правильных выборов. В 41 губернии – или по всей губернии, или в части – применялось военное положение, в 27 губерниях действовала усиленная охрана и в 15-ти чрезвычайная. «Как же приступать к выборам?» – спрашивали ораторы из провинциалов, и одни стояли за бойкот Государственной думы, другие за невозможность приступать в Думе к органической законодательной работе, пока не будет введено всеобщее избирательное право и т.п. Вот тут потребовалось стилистическое искусство, с помощью которого в конце концов, под покровом осторожных и не режущих радикальное ухо выражений были-таки проведены постановления, оставлявшие будущим членам Думы от Партии к.-д. полный простор для законодательной работы.

Съезд надо было скорее кончать: в стране уже начиналась настоящая избирательная кампания.

Февраль и март 1906 г. прошли для меня как в чаду. Пришлось расплачиваться за ораторский успех, одержанный мною в рабочем театре при объясне-

нии Манифеста. Московский комитет включил меня в число ораторов, которые должны были пропагандировать партию на митингах. А митинги происходили почти ежедневно! Ах, что это была за зима! Конечно, на все мои научные кабинетные и архивные занятия пришлось махнуть рукой. Докторская диссертация должна была терпеливо подождать очереди. Ежедневно председатель ораторской комиссии Н.М. Кишкин составлял расписание митингов и распределял по ним ораторов. Митинги устраивались во всех частях Москвы и всегда привлекали многочисленную публику из самых разнообразных слоев населения. Интерес к избирательной кампании был очень велик, и, несомненно, эта зима сильно прояснила политическое самосознание московского обывателя и расширила его горизонты. Мы разъясняли программу нашей партии, и многое там было ново для малоинтеллигентной обывательской массы; порою доклад превращался в целую лекцию по государственному или финансовому праву или по вопросам народного хозяйства. Затем после доклада происходили дебаты. Крайне правые и октябристы совсем не выступали с возражениями на наши доклады. Они предпочитали устраивать собрания в своем кругу, в присутствии лишь единомышленников, и не обнаруживали охоты публично отстаивать свои положения. Чрезвычайно редко выступали на московских митингах и эсеры, внимание которых было устремлено не на города, особенно столичные, а на деревню. И вот на нашу долю выпадало сражаться на митингах почти только с социал-демократами. Однако из среды социал-демократов лишь очень редко выступали сколько-нибудь серьезные ораторы. Помнится, пришлось мне один раз диспутировать с моим коллегой по университету Рожковым и один раз с М. Покровским. В виде же общего правила выходила либо совсем зеленая молодежь, либо профессиональные малоинтеллигентные агитаторы, всегда с зажатой в руке шпаргалкой, с заученными интонациями все одних и тех же шаблонных фраз. Помню, как-то раз возражал мне один такой горе-оратор. Он стоял на эстраде совсем рядом со мной, и, когда он начал слишком уже бесцеремонно перевирать факты, я сказал ему тихо: «Послушайте, вы же ведь врете», – он вдруг оторопевшим и умоляющим голосом зашептал: «Ради Бога, ради Бога, не прерывайте меня, у меня все в голове смешается». В громадном большинстве случаев речи этих ораторов содержали в себе грубейшую демагогию и довольно-таки надоедали публике своим однообразием. Всего интереснее бывало на этих митингах, когда выступал кто-нибудь из среды серой публики и начинал импровизировать. Бывало это редко, но обыкновенно вносило в дебаты неожиданные красочные подробности. Помню, как однажды после моего доклада один мелкий лавочник заявил буквально следующее: «Что вы там, профессор, ни говорите, а я, как фактический гражданин, хочу быть господином своего произвола».

Громадный успех в Москве на этих митингах имели блестящие ораторские выступления Кокошкина и Маклакова. Когда Кокошкин начинал говорить, слушающий его впервые человек сначала недоумевал, на чем основывается слава этого оратора: его произношение было очень нечисто, он не выговаривал шипящих звуков, которые выходили у него как свистящие; его голос был однообразно криклив, лишен приятных модуляций. А между тем через две-три минуты слу-

шатель уже был в плену у оратора, весь уходил в слух, с наслаждением следил за тем, как развертывалась богатая доводами речь оратора. Кокошкин не ошеломлял слушателя изысканными ораторскими эффектами или взрывами страстного темперамента. Но он очаровывал остроумной аргументацией, настолько ясной и убедительной, что слушателю начинало казаться, что оратор воспроизводит его собственные давнишние мысли, только облекая их в удивительно искусную по убедительности форму. И слушатель был в восторге и чувствовал какое-то личное влечение и личную духовную близость к этому оратору. Это умение довести до предельной прозрачной ясности излагаемую мысль и обставить ее всесторонними доводами и составляло тайну ораторского успеха Кокошкина. Слушателю, к его великому удовольствию, казалось, что ему поданы в мастерской форме его собственные мысли, а между тем на самом деле в основе в высшей степени популярных докладов Кокошкина всегда лежала мысль очень сложная, требующая для ее восприятия серьезного умственного взлета. И слушатель, в сущности, проделывал, следя за оратором, серьезную умственную работу, но только благодаря умелому руководительству оратора эти умственные усилия казались слушателю приятнейшим духовным возбуждением. Кокошкин умел как никто дать почувствовать аудитории художественную красоту логической ясности мысли. Посудите же, каким драгоценным руководителем являлся Кокошкин, вводя внимавших ему обывателей в лабиринт сложных политических вопросов, о существовании которых они еще незадолго перед тем даже и не подозревали. Вместе с тем Кокошкин был блестящим полемистом. Легко уловив ахиллесову пяту в рассуждениях противника, он немедленно подавлял его богатым обилием доводов, которые свободно и непринужденно вытекали из, казалось, совершенно неисчерпаемых запасов остроумных соображений, имевшихся наготове в его уме. Слушая полемические речи Кокошкина на заседании земского съезда, один англичанин, видавший виды по этой части, недаром с восторгом воскликнул: «Вот – настоящий дебатер!».

Такой же обаятельной логической ясностью блестели речи В.А. Маклакова. Особенностью его ораторского дарования является необыкновенная простота интонации и манеры речи. Перед тысячной аудиторией он говорит совершенно так, как будто он говорит перед пятью-шестью приятелями в небольшом кабинете. Ни малейшего налета аффектации. Он особенно силен в освящении органической связи юридической стороны обсуждаемого вопроса с его бытовой жизненной стороной. А как полемист он более всего берет тем, что всегда с благородной предупредительностью отдает должное всем выгодным сторонам в положении своего противника, не умаляя, а великодушно подчеркивая их. Разумеется, это затем только усиливает значение его дальнейших метких нападок на слабые стороны противника.

Кокошкин и Маклаков своими выступлениями на митингах добивались каждый раз двойного результата: они просвещали несведущих и доставляли истинное наслаждение знатокам.

Многими ступенями ниже на лестнице политического красноречия стоял Мандельштам. Это был оратор размашистых, сусальных эффектов. Порою они

были очень красивы, эти эффекты. Но они были рассчитаны на средний вкус толпы. Конечно, на митингах в этом и состояла их сила. Мандельштам мог «перекричать» кого угодно не только силою голоса, но и смелой развязностью эффектных оборотов. А ведь на митингах часто побеждает именно шум – и физический и духовный. В самом начале митинговой кампании был устроен митинг, на который собралась самая низкопробная в интеллектуальном отношении публика. Маклаков рассыпал перед ней свой бисер. Но тотчас выступили очень топорные социал-демократические демагоги и совсем забили Маклакова, напирая все на то, что только социал-демократы по-настоящему страдали за народ при старом режиме. И вот тогда-то поднялся во весь свой рост Мандельштам. Громовым голосом он начал докладывать публике, что он чуть не всю жизнь не выходил из тюрем, погибал в Сибири и т.д. и даст каждому социал-демократу вперед несколько очков в этом отношении. Восторг публики был неописуемый и эсдеки[1] были посрамлены. Я нарочно взял для примера столь противоположные фигуры. О других московских митинговых ораторах нашей партии говорить уже не буду, их было немало, и потребовалось бы много страниц для характеристики всех. Ораторские силы партии были очень богаты. И велики были их митинговые триумфы. Вот что считаю нужным только отметить. Как ни привычно убеждение в том, что митинговая толпа в общем более падка на грубые эффекты, нежели на тонкую и содержательную мысль, я считаю такое убеждение ошибочным. Конечно, толпа требует ясного, отчетливого, образно-красивого слова; требует от оратора остроумия и находчивости; митинговую речь нельзя строить как журнальную статью; митинговая речь должна действовать на настроение, ударять по сердцам. Но все же для настоящего, глубокого, а не эфемерного успеха необходимо, чтобы за всем этим стояло серьезное содержание и действительная убежденность. Одними ораторскими фиоритурами толпы покорить нельзя. Красивым фразам всегда будут аплодировать, но если все только фразой и ограничено, то, отхлопав ладоши, слушатели все же сейчас же «перейдут к очередным делам», и дело с концом. Вот почему ораторы типа Кокошкина и Маклакова властвовали над толпой в гораздо большей степени, нежели сусальные краснобаи.

Выступая на митингах в Москве, я должен был также предпринимать поездки и по провинциальным городам. Одну продолжительную поездку сделал я вместе с Павлом Дмитриевичем Долгоруковым. В 90-х годах читал я по провинции научные лекции. Теперь мне приходилось вести политические дискуссии. Как не похоже было теперь состояние провинциального общества на ту картину, что развертывалась передо мной за несколько лет перед тем! Теперь русскую провинцию нельзя было узнать. Исчезла эта вялая монотонность, на фоне которой популярная лекция приезжего лектора уже являлась целым событием. Теперь и здесь бурлила жизнь, хотя нажим администрации чувствовался в провинции гораздо сильнее, нежели в столицах.

На провинциальных митингах одно различие сравнительно со столичными сразу бросалось в глаза. В Москве, как я уже говорил, правые и октябристы совсем не посылали своих ораторов на междупартийные митинги и полемика шла

[1] Здесь и далее эсдеки, с.-д. – с[оциал]-д[емократы].

почти исключительно между к.-д. и с.-д. В провинции было иначе. Там во многих городах социалистические ораторы боялись раскрыть рот. В Тамбове, куда мы с Долгоруковым приехали на митинг, перед началом прений по моему докладу нам подали записку, в которой было написано, что с.-р.[1] и с.-д. не могут участвовать в прениях по полицейским условиям. И тут пришлось полемизировать с двумя октябристами и одним представителем Партии правового порядка, – несмотря на громко либеральное название, то была партия чиновников очень охранительного направления. В Рязани произошел курьезный случай. Когда я кончил свой доклад и перед прениями был устроен антракт, ко мне в лекторскую комнату явился молодой человек, почти юноша, довольно унылого вида, и обратился ко мне с такими словами: «Я социал-демократ; моя партия откомандировала меня возражать вам; но у нас такие суровые репрессии, что я, право, не знаю, что я мог бы говорить, не подвергаясь опасности. Скажите мне, пожалуйста, что бы такое я мог возразить вам без особого риска для себя». – «Я право, не знаю, что посоветовать вам, – отвечал я, – ведь я не знаю ваших местных условий. У нас в Москве социал-демократы на митингах прямо требуют Учредительного собрания и республики. Очевидно, вы здесь на это не решаетесь. В таком случае критикуйте нашу экономическую программу; вероятно, это будет безопаснее». – «Ах, скажите, пожалуйста, – оживился мой молодой человек, – что вам в Москве возражают социал-демократы по экономическим вопросам?». Мой собеседник начал забавлять меня. Я добросовестно изложил ему обычные нападки с.-д. на нашу экономическую программу. Он слушал жадно и, поблагодарив меня, удалился. А когда заседание возобновилось, он попросил слова и с апломбом преподнес мне все то, что я ему только что изложил. Я был настолько великодушен, что не выдал его тайны, но, конечно, вслед за тем позволил себе по косточкам разобрать его возражения. Впрочем, не везде социалисты безмолвствовали. Я даже подозреваю, что и в Тамбове они просто струхнули перед столичным оратором и спрятались за ссылку на репрессии. А когда я приехал в Орел, где состоялся многолюдный митинг, – обширная зала Дворянского собрания была переполнена, – то там пришлось отстреливаться на два фронта – от октябристов и от с.-р.

Чем ближе время подходило к выборам, тем сильнее разгоралась предвыборная кампания. Март прошел уже прямо в каком-то вихре. Митинги происходили ежедневно. 20 марта в Петербурге К.-д. партия одержала блестящую победу: все 160 выборщиков по Петербургу оказались к.-д., что предрешало и выбор в члены Думы кандидатов этой партии. Через неделю предстояли выборы по Москве. Крайне левые партии бойкотировали выборы и не выставляли своих кандидатов, их ораторы выступали на митингах только для пропаганды своих взглядов. Итак, конкуренция предстояла лишь справа. Но октябристы на наши митинги не шли. Оставалось нам пойти к ним.

Накануне московских выборов приехавший из Петербурга Милюков и я явились на октябристское собрание и произвели-таки там порядочное смятение. День выборов прошел в Москве чрезвычайно оживленно. Избиратели шли к урнам густо. Все были в приподнятом, одушевленном настроении. Были трогатель-

[1] Здесь и далее с.-р. – с[оциалисты]-р[еволюционеры].

ные эпизоды. Один больной генерал велел на носилках нести себя к урне, чтобы подать свой бюллетень. Была такая сцена. Приходит в вестибюль городской думы пожилой господин. Кучка подростков бросается к нему, предлагая партийные бюллетени. «Да неужто вы думаете, – говорит он, – что у меня еще не приготовлен свой бюллетень? Ведь я всю жизнь мечтал об этом дне, мечтал дожить до него». Таково было настроение многих. По приглашению избирательной комиссии я в этот день дежурил у урны. И я видел, в каком торжественном настроении подходили многие к урне, чтобы исполнить свой гражданский долг. Смотря на эту картину, можно было понять, что призыв к бойкоту выборов не имел никаких шансов на успех в широких общественных кругах.

На следующий день подсчет бюллетеней показал, что московские выборы явились для Партии к.-д. точным повторением петербургской победы. И по всей России успех к.-д. был огромный. Цвет этой партии, все почти ее лидеры прошли в Думу. Милюков не вошел в состав Думы, конечно, только потому, что администрация устранила его от участия в выборах, придравшись к какой-то формальности.

К 22 апреля, по подсчету комитета К.-д. партии, из 302 избранных членов Государственной думы 199 (около 66%) принадлежали к Партии к.-д.

Извлечение публикуется по изданию:
Кизеветтер А.А. На рубеже столетий:
Воспоминания: 1881–1914.
М., 1996. С. 265–289.

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ

МОЯ ЖИЗНЬ

Моя журнальная деятельность[1] временно была прервана наступившим периодом выборов. Я решился выставить свою кандидатуру в Харьковской губернии, где мною удержано было при продаже именья количество земли, достаточное для ценза.

Прежде чем решиться на этот шаг я счел нужным посоветоваться с профессором В.О. Ключевским, только что вернувшимся в Москву из Царского Села. Мне совершенно ясным представлялась недостаточность таких полномочий, какие даны были Думе булыгинским проектом. Но я в то же время никак не мог стать на точку зрения тех, кто стоял за необходимость уклониться от всякого участия в выборах. Мне хотелось узнать от Ключевского, пойдет ли правительство на расширение прав Думы. Мы пробеседовали часа два, и я как теперь помню его заключительные слова: «Проект Думы – это гуттаперчевый пузырь, который можно раздувать в разные стороны». Если так, подумал я, то наше представительство ждет та же судьба, что и представительство других стран. Правительство давало мало, депутаты требовали большего и добивались перехода власти в свои руки. Ведь и английский парламентаризм начался с простого допущения уполномоченных графских городов к выслушиванию правительственных предложений и подаче ни для кого [не] обязательных советов.

Тотчас по приезде в Харьков я вошел в сношения с комитетом, образовавшимся при газете «Утро» для руководительства выборами. Хотя преобладающим направлением среди его членов было кадетское, но они единогласно решили выставить мою кандидатуру, как только я пройду на выборах от уезда. К счастью для меня, в числе уездных деятелей оказался старый товарищ по гимназии – адвокат В. Гуров. Как защитник по делам старо-заимочным, он был популярен среди крестьян-землевладельцев. Не рассчитывая в то же время пройти сам от крупных собственников, он решился поддерживать мою кандидатуру. Сам я в уезде мало кому был известен. Выбыл я из Харькова по окончании университета, жил за границей или в Москве. Случилось, однако, так, что уездный предводитель был сын моего товарища по университету князь Голицын, которого я уже ранее встречал на земских съездах и которому я рекомендован был князем Петром Долгоруким. Губернским предводителем дворянства также был мой старый знакомый, кото-

[1] В 1905 г. М.М. Ковалевский издавал газету «Страна».

рого я потерял из виду со времени университета. Другие помещики слышали обо мне только то, что я учился успешно, состоял профессором, а в последнее время жил за границей. Так как никто особенно не стремился сделаться депутатом, опасаясь, как бы не навлечь тем самым на себя беды, то отношение было более или менее следующее: «хочешь лезть в петлю, ступай – мы тебе препятствовать не будем». Ни о каком постоянном жаловании депутатам не было и речи, можно было рассчитывать самое большее на поденное. Ну, а долго ли продлится вся эта затея с народным представительством, оставалось для всех вопросом.

Мои шансы попасть в число выборщиков внезапно увеличились благодаря следующему обстоятельству. Созвано было экстренное дворянское собрание от губернии для выбора кандидата в Государственный совет. Дочь известного земского деятеля Ст. Гордеенка, того самого, который, правда, шепотом, выразил Александру III надежду, что он местное представительство восполнит всеобщим, передала мне свой голос на выборах. Я не счел себя вправе не пойти на собрание, располагая, таким образом, двумя голосами. Так как никогда, ни раньше, ни позднее, мне не приходилось бывать на дворянских собраниях и я более 18 лет прожил за границей, то никакого дворянского мундира у меня не оказалось. Я заменил его фраком. Но этого было достаточно для того, чтобы восстановить против меня целую группу членов первенствующего сословия. Вожаком явился старый предводитель, если не ошибаюсь, Ахтырского уезда – Кованько. Губернский предводитель растерялся, по-видимому, не уверенный в том, чтобы можно было считать голос дворянина, выходящий не из дворянского мундира. Уездный предложил мне прямо уйти заднею дверью. К немалому смущению обоих я потребовал слова и стал настаивать на своем праве. В собрании оказалось несколько профессоров и чиновников, дослужившихся до д[ействительного] стат[ского] советника и до кавалера ордена св[ятого] Владимира III степени. Они меня поддержали. Сконфуженный ими предводитель попросил меня занять мое место. Немедленно вслед за этим открылись двери и в собрание проникло еще шесть «фраков»; послышались протесты, но дело протестующих было наперед проиграно. У меня сразу оказалось в собрании достаточное число сторонников, чтобы провести меня в выборщики членов Государственного совета, но я отказался наотрез, объявляя, что хочу попасть в Думу. Известие о происшедшем разнеслось с быстротою молнии сперва по Харькову, а затем и по всей России. В разных газетах, местных и столичных, напечатаны были прозой и стихами шутливые отзывы. Так как между землевладельцами Харьковского уезда далеко не все были дворянами, то прослыть в их среде жертвою дворянской спеси или, так наз[ываемой] чести мундира, оказалось выгодным. На предвыборном собрании мне пришлось произнести речь и коснуться в ней, между прочим, и аграрного вопроса, единственно сколько-нибудь интересовавшего помещиков. Так как я не требовал от них отказа от всех имуществ, за исключением 100 дес[ятин], признавая в то же время необходимость бороться с крупной собственностью, которой, кстати, в Харьковском уезде не имеется, то на последовавшем за собранием ужине уже пили за мое здоровье как за будущего избранника. На уездных выборах я получил наибольшее число голосов. Вслед за мною прошел и князь Голицын, и

один член уездной управы.

На избирательном собрании в губернии председатель, которым согласно закону был губернский предводитель дворянства, обратился ко мне с просьбой растолковать собравшимся, какие качества особенно желательны в избраннике и какие цели он должен поставить для своей ближайшей деятельности. Я, разумеется, не был настолько наивен, чтобы рекомендовать такие качества, которых нельзя было признать за мною, и указывать на цели иные, чем те, к которым я сам стремился. По-видимому, эти цели и качества были не совсем те, о которых по окончании моей речи думал сам председатель, так что, он, правда, шепотом, сказал мне: «Вы не вполне отгадали мою мысль». Желательное впечатление, однако, было произведено на большинство и в смысле благоприятном для оппозиции. В этом легко было убедиться по тем нападкам, какие на следующий день посыпались на нас со стороны правых. Дворян хотели запугать разговорами о принудительном отчуждении, а крестьян заявлением, что финляндская автономия мешает русским крестьянам торговать своим товаром в княжестве. Пришлось снова выступить с защитой оппозиционной программы. Мне долго не хотели простить того, что я объяснил крестьянам значение автономии; я указал им на то, что они сами владеют ею в волости, это, однако, не мешает ни целости, ни единству империи.

Несмотря на затраченное с обеих сторон красноречие, никто, однако, не был уверен в исходе выборов до тех пор, пока волостному крестьянству не удалось провести от себя, согласно действовавшему в то время закону, особого уполномоченного. Он поистине сыграл в Харьковской губернии, как и в других, роль «великого избирателя». Его мнениям подчинились крестьяне, частные владельцы, что и обеспечило большинство тех кандидатов, которым он оказал свое предпочтение. Ими, разумеется, оказались те, кто готов был признать земельный голод крестьянства. Когда в первую очередь прошел мой выбор, предводители дворянства позвали меня в особую комнату и предложили мне выступить в роли посредника между их кандидатами и членами оппозиции. Под условием проведения первых, хотя бы в меньшинстве, они соглашались принять весь наш список. Но я уклонился от этой роли и посоветовал им обратиться к председателю кадетского избирательного комитета. Последний же не пошел ни на какие уступки. Своих кандидатов правым провести не пришлось. Но в отместку они, собрав все свои силы, всадили в нашу депутацию старого жандарма. В его обществе мы снялись на следующий день у фотографа, и эта группа обошла всю печать вместе с жандармом. Последний оказался совершенно благодушным и в Думе вотировал по моим указаниям.

По возвращении в Петербург мне пришлось выступить вскоре в роли народного избранника и ходатайствовать перед русским правительством за судьбу одного из выборщиков г. Харькова. Им был не кто иной, как профессор Гредескул, декан юридического факультета, вызвавший меня в Харьков для прочтения в Юридическом обществе реферата о булыгинской Думе[1]. Едва избранный в выборщики, он отправлен был по этапу местным начальством в Архангельск. Меня

[1] Ковалевский М.М. Действительная природа Государственной думы. Харьков, 1905.

уведомили из Харькова о его судьбе выбранные одновременно со мною депутаты от губернии. В их телеграмме значилось, что они ждут от меня предстательства пред главою нового правительства, которым в это время был граф Витте. Я не знал лично графа, но, принимая всерьез мои права «народного избранника», я тотчас же написал ему письмо, говоря, что надеюсь представить ему серьезные соображения в пользу отпуска на свободу одного из выборщиков Харькова и доведу до его сведения некоторые данные, оставшиеся ему неизвестными. Два дня спустя я получил от графа обстоятельную записку, гласившую, что он охотно примет меня в такой-то день и час, хотя и не рассчитывает услышать что-либо новое. Витте занимал в это время помещение во дворце, выходящее на набережную Невы. Он принял меня немедленно, предложил папиросу и завязал разговор. Я высказал ему недоумение по поводу того, что за несколько дней до выборов удаляют в административном порядке одного из намеченных кандидатов, и предсказал, что это обстоятельство побудит г. Харьков послать в Думу именно профессора Гредескула. «Какая польза правительству, – заметил я, – создавать «дешевых мучеников». – «Я вполне разделяю Вашу точку зрения, – последовал ответ, – и ее же высказал в письме на мое имя министр народного просвещения граф И.И. Толстой». Сказав это, граф вручил мне письмо министра. Я мог убедиться, что министр высказывал буквально те же соображения, какие представлены были мною. «Я ухожу от Вас успокоенным за судьбу моего товарища, – сказал я, подымаясь с места. – Раз глава правительства в Вашем лице и глава ведомства стоят за освобождение проф[ессора] Гредескула, я надеюсь вскоре увидеть его в Петербурге». – «К сожалению, я не разделяю Вашей уверенности,– ответил мне Витте. – Министр внутр[енних] дел П.Н. Дурново держится иного мнения и не дал благоприятного ответа». – «Но, граф Сергей Юльевич, в печатном сообщении, которым сопровождался Манифест 17 октября, Вам угодно было заявить, что ныне у нас будет солидарное правительство. Вы – его глава. Может ли быть, чтобы мин[истр] вн[утренних] дел не подчинился Вашему решению?». – «Солидарности правительства у нас не было, и, по-видимому, не будет», – ответил мне Витте. – Прошу не делать меня лично ответственным за то, если Ваш товарищ продолжит свой путь в Архангельск. Недели через две Вы узнаете причину, [по] которой я бессилен исполнить желание, выраженное министром народного просвещения».

И действительно, даже ранее этого срока мне удалось выяснить, что Витте в это время только продолжал считаться главою правительства. Выход его из министерства был приостановлен волею государя, чтобы не помешать счастливому исходу переговоров о займе в Париже. Несмотря на оказанную мне любезность и желание задержать меня для разговоров о переживаемом Россией моменте, я ушел от председателя Совета министров в настроении, которое так верно передала напечатанная в ближайшем номере «Страны» статья о том, что нет более жалкого положения, как то, которое заставляет председателя Совета министров оправдывать меры, принятые правительством, упорством того или другого из его членов. Когда на расстоянии нескольких недель, почти накануне открытия Думы, последовала смена правительства и во главе его стал Горемыкин, я, встретившись на съезде кадетов с баронессой Вар[варой] Ив[ановной] Икскуль, при-

глашенной в тот же день на обед в семью Горемыкина, шутя сказал ей: «А спросите Вашего хозяина, насколько применимо с чувством законности отправлять в административную ссылку выборщика от Харьковской губернии». – «Я исполню Ваше желание, – отвечала мне баронесса, – и пришлю Вам ответ по телефону». В тот же день Вар[вара] Ив[ановна] уведомила меня о следующем. Горемыкин сказал ей, что ему «не нужно было напоминания профессора Ковалевского, чтобы распорядиться об освобождении Гредескула». Несколько дней спустя я увидел моего товарища в Петербурге, но уже депутатом г. Харькова. Он был выбран заочно, а перенесенное им «дешевое мученичество» послужило причиной тому, что кадетская партия наметила его в кандидаты на пост второго тов[арища] предс[едателя] Государственной думы.

Извлечение публикуется по изданию:
Ковалевский М.М. Моя жизнь:
(Из воспоминаний М.М. Ковалевского) //
История СССР. 1969. № 4. С. 66–69.

ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МАКЛАКОВ

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
(Воспоминания современника)

Глава II
Отношение Думы к предстоявшей ей работе

Что представляла из себя в это время если не народная масса, которую разгадать всегда трудно, то, по крайней мере, ее избранница – Дума? Выборы – один из несовершенных способов определять «народную волю». Ее вообще невозможно выразить именем «кандидата», не говоря о других затруднениях. А главное, у народа как целого ни своей воли, ни своего голоса нет. Он напоминает ребенка, который говорить не умеет и издает только нечленораздельные звуки. По ним можно догадываться, где ему больно и чего ему хочется; но то, что ему нужно, определять должны другие. В этом должно было быть настоящее назначение Думы.

Про результаты выборов говорят, что они похожи на «разбитое» зеркало. И в разбитом зеркале можно многое видеть. Так и выбранная Дума напоминала Россию; напоминала ее прежде всего своей разнородностью. Как всякое представительное учреждение по культурному уровню она в общем была выше страны. В ней безграмотных не было. Но все же большинство ее было серой, для законодательства не подготовленной массой. Зато в ней было блестящее, далеко поднимавшееся над средним уровнем меньшинство. В первой Думе оно было особенно ярко; позднее самое участие в Думе уже делало репутации; репутации членов первой Думы были ими созданы раньше. Они делали честь стране, которая сумела их оценить.

Состав Думы наглядно отразил и главную черту этого времени – моральное крушение старого строя. Сторонников его в чистом виде в Думе не было вовсе. Репутация консерватора тогда губила людей. Даже такие исключительно популярные, легендарные люди, каким был Ф.Н. Плевако, по этой причине не прошли по Москве. На правых скамьях, на которых мы видели позднее Пуришкевича, Маркова и Замысловского, сидели такие заслуженные деятели освободительного движения, как гр[аф] Гейден или Стахович. Они сами не изменились ни в чем, но очутились во главе оппозиции справа. Эта правая оппозиция в первой Думе выражала подлинное либеральное направление; именно она могла бы безболезненно укрепить в России конституционный порядок.

Присутствие оппозиции обыкновенно придает интерес парламентским прениям. В первой Думе за него мы обязаны почти исключительно Гейдену и Стаховичу; всю тяжесть борьбы с большинством вынесли на себе эти два человека. Среди их сторонников были люди, которые потом в другой обстановке сыграли видную роль (напр[имер], гр[аф] Олсуфьев). Но в первой Думе они молчали. Оба правых лидера были разные люди, но дополняли друг друга. Оба по происхождению принадлежали к привилегированной среде, были застрельщиками ее борьбы за либерализм и долго шли в первых рядах, пока демократическая волна их не обогнала. Предводитель, земский деятель, председатель Вольного экономического общества гр[аф] Гейден сделался «конституционалистом» давно; ум трезвый и ясный, он видел, как под блестящею оболочкой разлагалось самодержавие и понимал, что без поддержки либеральной общественности погибнет монархия. Отсюда его одинаковая преданность конституции, как и монархии. Но он не делал себе иллюзий относительно зрелости не только глубинных слоев, но и верхушки нашего общества. Когда перводумская демагогия стала доказывать, что спасение России только в полном «народоправстве», он стал обличать эту ложь с той же настойчивостью, с которой боролся против лжи старого строя. Он без устали напоминал Думе азбучные истины правового порядка, что надо уважать чужие права, если хотеть требовать и к своим уважения, протыкал иронией мыльные пузыри громких фраз, которыми тогда заменяли серьезные доводы. Он не возражал против реформ, не брал на себя защиты правительства, которое считал главным виновником того, что случилось; но среди первой Думы он был проповедником «здравого смысла» и «серьезного» отношения к делу. С лицом американского «дяди Сэма», он не был ни многословен, ни красноречив, не искал словесных эффектов, тем более что заикался и временами как-то «мычал». Но был всегда содержателен, всем доступен, и его речи не только производили впечатление, но внушали лично к нему уважение даже противникам.

Иной фигурой был М.А. Стахович. Мне пришлось знать его близко; я познакомился с ним в Ясной Поляне, куда он приезжал в 1898 году в день семидесятилетия Льва Николаевича. Позднее мы очень сдружились. Он был младший и самый даровитый представитель большой, на редкость интересной и оригинальной семьи. Перед ним была блестящая будущность, но «карьера» его не прельщала. Едва ли он и мог бы остановиться на определенной дороге; все его привлекало. Его разносторонность, жажда жизни во всех проявлениях (жизнь есть радость, – говаривал он), избалованность (баловала его и судьба, и природа), вечные страстные увлечения и людьми, и вопросами в глазах поверхностных наблюдателей накладывали на него печать легкомыслия. В политике он долго оставался сторонником самодержавия. В протоколах «Беседы» мне пришлось прочесть диспут, который однажды на эту тему там состоялся. Стахович почти один отстаивал самодержавие. И характерны его главные доводы. Он, во-первых, настаивал, что самодержавие создано и поддерживается «волей народа», который иного порядка не понимает; и затем, – это главное, – что ни один режим не сможет так быстро и полно провести социальные реформы, которые необходимы России. Стахович представлял собой довольно редкую разновидность «идеалистов» самодержавия,

которые считали, что самодержавие может быть опорой и «политической свободы», и «социальной «справедливости». Он от него этого искренно ждал. Жизнь ему показала, как он ошибался в этой оценке. Будучи камергером и губернским предводителем, на миссионерском съезде в Орле он произнес речь о необходимости полной свободы религиозной совести. Ему, глубоко верующему человеку, это казалось вполне очевидным; но речь вызвала целый скандал, и нужны были его связи, чтобы он не пострадал. Он без всякой задней мысли принял участие в съезде земцев у Шипова (1903 год) перед началом сельскохозяйственных комитетов и, передавая ему Высочайший выговор за это участие, Плеве был именно с ним особенно агрессивен и резок. Участвуя на одном процессе в качестве сословного представителя, он имел случай воочию увидеть, что может делать слепой произвол местных властей, и написал об этом в «Праве» статью за полной подписью; статью запретили, но она без его ведома дошла до «Освобождения», где ее напечатали. Это вызвало против Стаховича громы кн[язя] Мещерского, откуда получился любопытный и в свое время очень сенсационный процесс по обвинению последнего в клевете. Стахович никогда не отказывался хлопотать за тех, кто к нему обращался – сколько людей к нему посылал Лев Толстой, – и узнавал от них, что творилось в низах, как далека действительность от идеального самодержавия. Но – и это любопытная и для него характерная черта – он все-таки конституционалистом не делался. Это многих его друзей удивляло. «Я присягал самодержавному государю и свое слово назад взять не могу», – он мне не раз говорил. Многим это казалось неискренне; что такое «присяга»? Кто с ней в наше время считается? Но в этом отношении он был старомоден. Зато, когда сам государь от самодержавия отказался, он это приветствовал с радостью и за этот шаг монархии тогда все простил. Он стал «конституционалистом» по Высочайшему повелению», как про него и про себя самого острил Хомяков. Конституционный строй в его понимании мог монархию оздоровить и спасти, и провести все те реформы, необходимость которых он усвоил давно из первых же рук. «Стиль первой Думы», ее нетерпеливость, нетерпимость, несправедливость к противникам, грубость, вытекавшая из сознания безнаказанности, – словом, все то, что многих пленяло как «революционная атмосфера», оскорбляло не только его политическое понимание, но и эстетическое чувство. Атмосфере этой он не поддался и потому стал с ней бороться. У него не было кропотливой настойчивости, как у Гейдена; он был человеком порывов, больших парламентских дней, а не повседневной работы. Но в защите либеральных идей против их искажения слева он мог подниматься до вдохновения. Напоминавший бородой и лицом микеланджеловского Моисея, когда он говорил, он не думал о красноречии; речь его не была свободна, он подыскивал подходящие слова, но увлекал трепетом страсти. Его выступления по амнистии, по обращении Думы к народу, подымались на ту высоту, которой не всякий может достичь.

Гр[аф] Гейден и Стахович были, конечно, не единственными лояльными конституционалистами первой Думы. Больше всего их было в кадетской партии; дисциплина и ложная тактика партии их обезличили. Но и вне этой партии были крупные и заметные люди, свободные от дисциплины, которые могли бы консти-

туцию защищать. И однако они не делали этого. Нездоровая атмосфера Думы этого не позволяла; а они не имели смелости ей не подчиняться.

Возьму как пример М.М. Ковалевского. Человек исключительных дарований, ученый с мировою известностью, он долго жил за границей, создал в Париже Высшую школу, где выгнанные из старой России профессора читали лекции для выгнанных из России студентов. Был близок не только с ученым, но и с политическим миром Европы и знал его оборотную сторону. К самодержавию он относился вполне отрицательно, не только как проповедник «правового начала» в государственной жизни, но и как человек, от самодержавия сам пострадавший. Он с интересом следил издали за ходом освободительного движения в России, и каждый мой приезд в эти годы в Париж я у него должен был делать доклад. Приехав в Россию в разгаре движения, приняв участие в земских съездах, он был разочарован в зрелости и серьезности русского общества. «Я видел там, – сказал он мне с грустью, – только одного государственного человека; это Гучков». В кадетскую партию он не пошел, так как осуждал ее непримиримую тактику, которая к добру привести не могла. Революционная вспышка после 17 октября его не удивила, но очень встревожила; он уехал опять за границу полный мрачных предчувствий. Своим историческим опытом он верил, что все «образуется», но что оздоровление будет нелегким. Когда революция была остановлена силой, он снова вернулся и был выбран в Думу. Его знания, таланты, его независимость позволяли ждать от него очень многого. Он и сам себя высоко ценил. Его первые слова в первой Думе были полны горделивости, к которой мы не привыкли. Он говорил как власть имущий. «Я друг той партии, – заявил он на заседании 3 мая, – которая называется Партией народной свободы, но я в то же время сохраняю за собою свободу самостоятельного суждения. И с этою оговоркой вы только и можете рассчитывать на мою поддержку». А между тем, что получилось от его многочисленных выступлений? Можно было подумать, что он лицо свое потерял и что все, что видел, забыл. Он не замечал, что правовой идее тогда грозила опасность не справа, а слева, что нас толкали в революцию, которой он совсем не хотел. На примере его обнаружилось, что либеральная общественность на своем левом фронте биться не умела или не хотела. Почти все его выступления по адресу, по декларации, по отдельным законопроектам подливали масла в огонь и без того бушевавший. Его присутствие в Государственной думе оказалось бесполезным, если не вредным. Когда после роспуска Думы он стал членом Государственного совета, он там оказался на месте. Там была нужна борьба на правом фронте, надо было защищать «права человека» против властей и конституцию против их произвола. Там он умел заставить слушать себя не без пользы для тех, кто его слушал. Он там был собою. В Думе же «атмосфера» его погубила.

Возьму еще другого «дикого» – Кузьмина-Караваева. Он принадлежал к Партии демократических реформ, состоявшей из четырех человек. Никто его не стеснял. Не имея дарований М. Ковалевского, вообще по талантам будучи средним, он имел все-таки большой опыт и заслуженный авторитет. Был профессором Военной академии, земским гласным, имел чин генерала; участвуя в земских съездах, вел конституционную, но разумную линию, часто сражался с кадетами.

После 1917 года он имел мужество восстать и против реформ в нашей армии, и против обращения с офицерами; в эмиграции был в правом секторе. Но что же делал он в первой Думе? Он не пошел «против течения», а поплыл по нему. Его выступления по «смертной казни», по «обращению к народу», т.е. тогда, когда был нужен голос знания и благоразумия, были плачевны; свой авторитет он клал на весы демагогии. И его погубила та же перводумская атмосфера.

Откуда же дул этот вредный политический ветер, который заслепил наших испытанных «конституционалистов»? В наиболее беспримесном виде мы найдем его на левых скамьях, в так называемой «трудовой группе». Она была подлинным героем этой Думы.

Кадеты относились к ней со снисходительным высокомерием. Когда в июне Милюков занимался образованием думского кабинета, он писал в «Речи» 18 июня, что «трудовиков» в нем не будет; «у них для этого не имеется достаточно подготовленных лиц». Он в последнем, конечно, был прав. Ошибался лишь в том, что видел подготовленных лиц у кадет и вообще в либеральной общественности. Другим основанием для пренебрежительного отношения к трудовикам было отсутствие у них определенной программы. Это делало группу их разношерстною; в ней насчитывали 10 различных подгрупп, причем одна из наиболее многочисленных (18 человек) носила живописное название – «левее кадет»[1]. Такой партии программные доктринеры – кадеты – понять не могли. Но у трудовиков было больше единства, чем у кадет с их дисциплиной; у них было единство не программы, а политического их настроения, и в нем была их несомненная сила.

Один из самых культурных трудовиков, проф[ессор] Локоть в очень интересной книжке «Первая Дума», выпущенной в 1906 году, под свежим впечатлением пережитого, дает ключ к их пониманию.

Трудовики исходили из убеждения, будто вся страна «стихийно-революционно» настроена, даже гораздо более революционно, чем ее интеллигентская верхушка. Представляя такую страну, Дума, по их мнению, и не могла быть «государственным установлением»; она должна была просто стать органом «революционной стихии». «Народная волна была разрушительной и революционной, а потому и Дума не могла быть иной, как разрушительной и революционной», – откровенно говорит Локоть.

Этому должна была соответствовать и думская тактика. Центр тяжести при таком взгляде переносился на революцию, на «революционное настроение народных масс», а вовсе не на правильное функционирование конституционной машины. Что надо было в ней делать? «Надо усиливать революционное настроение и состояние; сорганизовать, сплачивать и дисциплинировать революционные силы стихийной волны... Такова ближайшая цель момента и задача выдвинутого историей политического органа для осуществления этой цели – первой Государственной думы» (Локоть. Первая Дума. С. 142).

Это та тактика, которую когда-то освободительное движение применяло против самодержавия. Разнуздавшаяся революционная стихия именно потому, что она стихия, и после конституции шла прежним путем. Для нее все оставалось по-

[1] Подсчет взят из книги Езерского «Первая Дума» *(прим. В. Маклакова).*

старому. Она хотела сначала существующий государственный порядок добить. В этом трудовики видели задачу и Государственной думы.

Трудовики были наиболее чистыми представителями этого взгляда; поэтому, по мнению Локтя, они и должны были этой Думой руководить. Думать о «созидании» в рамках не уничтоженного еще старого строя было нельзя. Надо было сначала довести до конца революцию и сбросить существующую власть. Тогда появятся и новые силы, которые создадут новый порядок, может быть, очень непохожий на тот, о котором мечтали наивные разрушители. Но это созидание не было задачей трудовиков и вообще первой Думы. В непонимании этого, по мнению трудовиков, была коренная ошибка кадет. Кадеты могли быть только партией будущего. «Позднее их время придет. Но в России оно пока еще для них не настало. Оно настанет тогда, когда революционная волна разольется на ряд более покойных потоков, по которым и «кадеты» сумеют плавать так, как это будет соответствовать их натуре и их классовым или групповым интересам» (Локоть. Первая Дума. С. 118).

Итак, задача трудовиков была только разрушительной: продолжается революция. Дума – орган революционной стихии. Задача ее – помогать этой стихии, бороться со всем, что мешает ее торжеству. Трудовики в этом последовательны, если принять их исходную точку, что вся страна революционно настроена. Если это настроение достаточно глубоко и сильно, то оно может власть сбросить; если такая перспектива представляется полезной для России, то нужно служить именно ей, а не «играть в конституцию».

Так и ставили свою задачу думские лидеры трудовиков. Умеренный, искренний Жилкин, журналист по профессии, школьный учитель Аникин, озлобленный третий элемент, принимавший личное участие в аграрных погромах и, наконец, Аладьин. Это любопытная фигура этого времени. Мне пришлось познакомиться с ним в 1904 году, когда я в первый раз ездил в Лондон. Мои знакомые, жившие там: Шкловский, Гольденберг – рекомендовали его мне в качестве гида по Лондону; он его знал хорошо и был в это время свободен. Я провел с ним несколько дней. Он меня заинтересовал как оригинальная личность. Был страстным поклонником Англии. Я увидел в нем особенную разновидность русских англоманов, «демократического англомана». Русские революционные партии он тогда зло высмеивал; стоял за постепенность реформ, за предпочтение «практических достижений» чистоте идеала, за сотрудничество, а не войну с государственной властью. Так переделало русского революционера знакомство с английской жизнью. Когда позднее я узнал из газет, что он вернулся в Россию и был выбран в Думу, я от него многого ждал. Я думал, что он будет представителем практического «левого направления», которое спустится наконец с облаков. Заразила ли его вредная атмосфера России или он был просто неискренен в прежних разговорах со мной, но в его демагогических, заносчивых выступлениях в Думе я не узнал своего интересного «гида» по Лондону.

Настроение трудовой группы было, конечно, несовместимо с установлением «правового порядка». Но сила трудовиков была в том, что это настроение тогда встречало отклик повсюду. Оно было общедоступно; почти каждой душе оно было

понятно и сродно. Оно было примитивным мировоззрением, для всех соблазнительным. И если говорить только о Думе, то ясно, что ни тонкая критика Гейдена, ни либеральный пафос Стаховича не могли этого настроения в ней одолеть. Они оба сами были от него слишком далеки, чтобы его понимать и с успехом оспаривать. Стахович и Гейден для своей прежней среды казались изменниками, и их там осуждали; но освободительное движение их обошло, от них отмежевалось, и не им было его повернуть.

Здесь начиналась историческая ответственность кадетской партии как таковой. Она одна могла бороться с этим настроением. Значило ли это навязывать ей задачу, которой она не хотела? Напротив, она сама всегда именно так ее понимала, и в этом была ее настоящая сила.

Ведь даже когда освободительное движение шло под отрицательным лозунгом «долой самодержавие», кадеты им не удовольствовались и попытались написать «конституцию». Она для России совсем не годилась, но среди разрушительного разгула стихии была здоровой попыткой. Кадеты приготовили для Думы и деловые «законопроекты»; они были очень наивны, больше всего их «аграрный» проект; но это было все же созидательным делом. Кадеты понимали, что задача не в одном добивании власти; они не исключали своего участия в ней не при революции, а при государе. Милюков потом вел даже тайные переговоры об этом. Если посмотреть более позднее время, то настроение кадет еще более ясно. Во время войны они создали Прогрессивный блок, который был выражением именно этой идеи. И недаром после 1917 года они стали главным объектом революционного озлобления и слово «кадет» сделалось «ругательным словом». Потому не идеология их, а злополучная тактика их вождей скрыла их сущность; она подсказывала им правильные шаги только тогда, когда с ними было уже опоздано, и заставляла отталкивать благоприятные возможности, когда они им представлялись. Такую возможность они упустили, когда в октябре 1905 года Витте послал свое приглашение земцам; упустили ее и в первой Государственной думе.

Укрепить в России данную ей конституцию было настоящим кадетским призванием; они могли это сделать, если бы захотели. Первая Дума собрала все, что среди них было лучшего; патриархов освободительного движения, заслуженных общественных деятелей и молодые восходящие силы в науке, юриспруденции, журналистике. Имена их известны и их слишком много, чтобы всех перечислить. Кадетская плеяда была головою выше других, горела жаждою дела; хотела насадить, а не развалить конституцию. «Мы с вами врожденные парламентарии, – с грустью говорил Кокошкин Винаверу, – а идем другою дорогою». Бесполезно высчитывать, сколько для лояльной конституционной дороги можно было бы в первой Думе набрать голосов. Милюков в июне («Речь», 18 июня) подсчитал, что для кадетского министерства (без трудовиков) прочное большинство (305 голосов) обеспечено. Важно не это. Кадеты могли поднять «встречное течение», увести за собой колеблющихся и беспартийных, которых было везде большинство; у них на это бы хватило талантов; для этого им только надо было остаться собой и дать настоящий бой революционной стихии за начала конституционного строя. Такая идейная борьба в Думе была достойнее их дарований и их исторической роли,

чем запоздалое обличение уже признанных грехов нашего прошлого. Но вести борьбу за конституцию надо было без оглядки налево, полным голосом, а не так, как они ее повели во время аграрного обращения, когда появилась перспектива кадетского министерства.

Кадеты не вступили на лояльную дорогу, когда это могло быть спасительно, потому, что на них тяготело их недавнее прошлое.

Чтобы вести борьбу за конституцию против революционной стихии, надо было прежде всего самим «принимать» конституцию. Когда она была октроирована[1], можно было быть ей недовольным и ее стараться улучшить. Но лояльная партия не могла ее отрицать: она была объявлена законною властью и в законном порядке. А между тем кадетская партия после апрельского съезда, накануне первых заседаний Думы, опубликовала по поводу Основных законов такое постановление: «Партия народной свободы и ее представители в Гос[ударственной] думе объявляют, что они видят в этом шаге правительства открытое и резкое нарушение прав народа, торжественно признанных за ним в Манифесте 17 октября, и заявляют, что никакие преграды, создаваемые правительством, не удержат народных избранников от исполнения задач, которые возложены на них народом».

Эта фальшивая и неискренняя фразеология есть или только «сотрясение воздуха», или означает, что кадеты не признают конституции. Как же они в этом случае могли бы ее защищать? Как они могли бы отстаивать самый принцип законности? Когда в книге 65 «Современных записок» Вишняк мне ставит в упрек, что я нахожу соблюдение официального права обязательным «не только для тех, кто его создавал, но и для тех, против кого оно было направлено», и считает это с моей стороны «недоразумением», он, может быть, и последователен; но только потому, что он и теперь остался «революционером» и думает, что 1906 год надо трактовать как «революцию». С этим прямолинейным воззрением и должны были бороться «кадеты». Ведь если в то время «конституции» не было, то ни о каком «правовом порядке» речи быть не могло; тогда торжествовала бы сила, и только. Тогда было бы то, что показал нам 17-й год; «правительство» спасовало перед «Советами», а пресловутое Учредительное собрание разбежалось от матросской угрозы. В этом была главная опасность этого времени, и от нее кадеты должны были защищать государство. Но это стало им не к лицу после их резолюции; это, впрочем, не мешает им теперь говорить, будто врагом конституции была власть.

Этого мало. Конституция ни для кого, кроме профессиональных политиков, не была самоцелью; она была нужна как орудие для проведения реформ, в которых нуждался народ. Преобразование России было главной задачей момента; его ждали массы. А между тем кадетская партия на январском и апрельском съездах запретила «органическую» работу, пока не будет изменена конституция. Правда этот «запрет» был только хитрою фразою, чтобы скрыть разногласие и избегнуть раскола; под его прикрытием кадеты все же предполагали «работать». Но идейную позицию они этим сдали; политиканство интеллигентов было поставлено

[1] Октроированная конституция – так называется конституция, дарованная монархом в силу его законодательной власти без предварительного обсуждения в Учредительном собрании и без народного голосования. Такие конституции, как правило, оставляют за монархической властью более широкие права и ограничивают компетенцию народного представительства.

выше понятных для народа его интересов. И, отложив удовлетворение интересов страны до полной конституционной победы над властью, кадеты все же обвиняли власть в том, будто это она не хотела «реформ»!

Вот какая «гипотека» революционной идеологии лежала на кадетах тогда, когда на их долю выпала обязанность защищать правовой строй в России против революционных атак. После уступки, которую самодержавие сделало, перед ними стояла дилемма: или идти старым путем, уступившую власть добивать, как врага, который показал свою слабость, или уступку принять, сговориться с властью на конкретных задачах и их осуществлять, сопротивляясь вместе с властью дальнейшим революционным попыткам. Но нужно было выбрать определенную линию. От поведения кадет зависело тогда направление Думы; в ней могло быть два большинства, для обеих политик. Это был тот исторический момент, когда от руководителей партии зависело ближайшее будущее.

Мы знаем, в чью пользу кадеты разрешили эту дилемму; но не менее интересно, как они ее разрешали. Вопрос, от которого зависело все, перед партией не был даже поставлен. Он являлся предрешенным всем прошлым; поглядеть кругом себя партия не хотела. Накануне открытия Думы, рассказывает ее верный летописец Винавер, состоялось первое «объединенное заседание оппозиции», кадет и трудовиков. Устроителями этого заседания были кадеты. Председательствовал на нем Милюков, членом Думы не бывший. «Предмет занятий был, во избежание замешательства, строго вперед определен; наперед были намечены ораторы К.-д. партии для докладов и разъяснений».

Было, конечно, естественно накануне официального открытия Думы собрать ее на частное совещание. Но это не было частным совещанием Думы. Это было собранием ее левого большинства. Правые группы, на которые впоследствии рассчитывал Милюков при составлении своего кабинета, на совещание не приглашались. Большинство было левое с трудовиками.

Была ли заранее установлена программа этого левого блока, формулировались ли условия, на которых он был заключен, как это было во Франции при образовании Front Populaire?[1] Ничего подобного. Просто все осталось по-прежнему, как будто освободительное движение еще продолжалось и между кадетами и трудовиками принципиального разногласия не было.

Так прошлое владеет людьми. Во время освободительного движения либерализм вместе с революционными партиями шел против самодержавия. 26 апреля они продолжали идти вместе, даже не поставив вопроса, не стоят ли они теперь, после введения хотя бы и несовершенной конституции, уже по разным сторонам баррикады? Вопрос не ставился, как будто со времени победы освободительного движения ничего нового не случилось. Для масс такая политика была, быть может, понятна; их сущность – инерция, которая одинаково определяет и их покой, и их движение. Дело «руководителей» было понять, что самое прежнее направление должно заставить их перейти на другую дорогу; нельзя свою дорогу искать по «соседям» и идти только за ними. Почему же руководители пошли вместе с ними?

Больше всего потому, что у нас руководительства не было. Дело руководите-

[1] Народный фронт *(фр.)*.

лей сводилось к тому, чтобы задним числом объяснять якобы необходимость того, что случилось. Гамбетта сказал в последней своей парламентской речи: «Cela ne s'appelle pas gouverner, cela s'appelle raconter»[1] (18 июля 1882 г.). А что наши руководители потом об этом «рассказывали», я уже указал во вступлении и возвращаться к этому больше не стану.

Одна любопытная подробность этого совещания 26 апреля и этого думского «блока». Внутренний смысл его освещается тем, что это большинство назвало себя «объединенною оппозицией». Почему «оппозицией»? Эта терминология не обмолвка Винавера. Она в книге его не раз повторяется. Так же выражалась в то время вся кадетская пресса. Думское «большинство» было ею превращено в «оппозицию». Когда в третьей Думе кадеты, занимавшие узкую полосу слева, называли себя оппозицией – это было понятно. «Меньшинство» и «оппозиция» понятия родственные. Но почему в первой Думе большинство, которое было в ней полным хозяином, назвало себя «оппозицией»? Кадеты во всем жили психологией прошлого; это отразилось и в этом названии. При самодержавии все, кто были против него, объединялись под общим именем «оппозиции». Тогда Струве писал: «Так как всякая оппозиция в России трактуется как революция, то революция стала простой оппозицией», – красивая мысль, оправданная, может быть, для определенной эпохи, но опасная при новом порядке. Но какой смысл был в этом названии для таких любителей и знатоков парламентаризма, какими были кадеты? Только тот, что, как говаривал Н.Н. Баженов, кадеты продолжали жить «по старым учебникам». Так, вместо того, чтобы практиковать и защищать конституцию, кадеты пошли за трудовиками, за их разрушительной, революционной стихией. Свои таланты, знания и искусство кадеты стали применять к мелкой и никому не нужной задаче; революционные тенденции Думы по мере возможности облекать в конституционную видимость.

Заняв эту подчиненную роль, кадеты все-таки претендовали на лидерство в Думе. Их личные качества им на него право давали. Дума, конечно, пошла бы за ними, если бы они повели ее по своей, т.е. по конституционной дороге; на ней у кадет соперников быть не могло. Но лидерствовать на чуждых для них путях революции было для кадет парадоксальной задачей. В революционной тактике трудовики были последовательнее и потому стали внушать больше доверия. Только роспуск Думы показал всем ложь трудовицкой исходной позиции. Но кадетов погубила их тактика; то большое дело, на которое именно их призвала история, оказалось им не по силам.

Таково было настроение Думы в момент ее открытия. Ясно, что немедленный конфликт между правительством и ею был неизбежен. Но можно ли утверждать, что только «злостное правительство» оказалось в нем виновато?

Извлечение публикуется по изданию:
Маклаков В.А. Первая Государственная дума.
(Воспоминания современника).
Париж, 1939. С. 37–48.

[1] Это называется не править, а болтать *(фр.)*.

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ МИЛЮКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Часть VI
Революция и кадеты (1905–1907)

Наша сомнительная победа (первая Дума)

Общей чертой, отличающей 1906 год от 1905-го, является выступление на политической арене открытых политических партий и соответственное появление, в более или менее «явочном» порядке, политической литературы, журнальной, брошюрной и особенно – газетной. Нет больше «симуляции» революции, прикрывавшей собою единый фронт общественных настроений: революция действует от своего собственного имени, и от нее тянется длинный спектр политических партий, ей дружных, нейтральных и враждебных. «Партия» вытеснила «союзы», разбившиеся на партийные группы и сохранившие лишь свое профессиональное ядро. Я мог в этом отношении считать свою цель – или свой прогноз – достигнутым. На очереди стояла та задача, которая для «парламентской» политической партии была центральной: выборы в орган народного представительства. К этой задаче по необходимости было привлечено теперь все общественное внимание. «Шелест избирательных бюллетеней» становился реальностью. Появились «ящики», отсутствием которых оперировал Лутугин. Как же использовали эти избирательные ящики правительство, избиратели, либералы, оппозиция, революция?

Витте, еще державший в руках решение, потерял шанс использовать выборы для всенародного плебисцита в пользу самодержавия. По словам Крыжановского, он «долго и мучительно колебался в этом вопросе». Всеобщее избирательное право, в сущности, вовсе не было требованием одних «левых». Тот же Крыжановский рассказал в своих «Воспоминаниях», как ему приходилось присутствовать на совещании у Витте при попытках даже таких умеренных деятелей, как М.А. Стахович, Е.Н. Трубецкой и Д.Н. Шипов, убедить всесильного премьера согласиться на введение всеобщего избирательного права. С.А. Муромцев даже представил свой проект избирательного закона: к сожалению, при его конспиративности в этих «экстратурах», мы не знаем, был ли это проект, выработанный при его участии Партией к.д. Витте поручил, во всяком случае, Крыжановскому «обезвредить» проект Муромцева. В Совете министров Гучков и Шипов этот проект защищали.

Но в конце концов восторжествовал маг и волшебник конституционного права Крыжановский; его куриальный проект с многостепенными выборами, предназначенный для булыгинской Думы, прошел с некоторыми поправками на либерализм в Положении о выборах, опубликованном 11 декабря. Избиратель получал время оправиться от испуга реакции, собраться, столковаться – два, три, четыре раза перед последним «ящиком». Выборы растянулись...

При таком положении – и при приподнятом общественном настроении, пережившем декабрьскую московскую катастрофу и даже окрепшем после нее, – можно было быть уверенным, что никакие недостатки избирательного Положения 11 декабря не помешают этому настроению отразиться на выборах. Самый процесс выборной кампании должен был послужить могущественным средством для политического воздействия на массы. И тем не менее левые партии вновь проявили тут свое доктринерство, объявив бойкот выборов.

Для меня это было большим разочарованием в политической прозорливости моих ближайших друзей, с.-р.-ов-народников типа «Русского богатства»[1]. Я просто не понимал таких людей, как Анненский, как Мякотин. Народническая идеология через аграрный вопрос вливалась широкой струей в наши партийные ряды, и обвинение нас нашими противниками в «социализме» было в этом отношении не совсем безосновательным. При содействии народников мы могли рассчитывать на понимание и сочувствие к нам крестьянства. Тут лежал путь к расширению и углублению избирательной борьбы. И в этот самый момент мои друзья проявляли полное непонимание положения, уходя в сторону от предстоявшего боя во имя неизжитых иллюзий.

Сравнительно с народниками, с.-д. – особенно меньшевики – все же вели себя умнее, некоторые аргументы меньшевиков были довольно серьезны, шли параллельно с нашими собственными, – и мне, в эти самые месяцы, случалось хвалить Плеханова за его статьи в «Дневнике социал-демократа». Отношение их к бойкоту Думы было далеко не безусловным. Они готовы были сознать свои ошибки, переменить тактику, хотя и сохраняя единство цели. Понять это было можно, хотя ошибку промедления поправить было нельзя.

Во всяком случае, мы на этот раз оказывались «счастливы в товарищах своих». Их уход с арены избирательной борьбы оставлял для нас место свободным. Мы оставались единственной, самой «левой» партией в той единственно доступной обывателю борьбе, которую представляли выборы. Только через нас он мог выразить свое оппозиционное настроение. Появившиеся уже на свете, наскоро сколоченные, правительственные и «министерские» партии в счет не шли: их правизна и их истинные антинародные цели были слишком прозрачны, а их избирательные приемы – слишком насильственны.

Что представляла из себя наша собственная партия, оказавшаяся, благодаря взятой на себя роли, в столь благоприятном положении? В нее вошли, несомненно, наиболее сознательные политические элементы русской интеллигенции. Недаром ее называли иногда «профессорской партией». Ее наиболее актив-

[1] «Русское богатство» (с 1914 г. – «Русские записки») – ежемесячный литературный, научный и политический журнал неонароднического направления (1876–1918).

ными в стране элементами были прогрессивные земские и городские деятели: единственная группа людей, испытанных в общественной борьбе и далеко не ограничивавшихся узкими рамками технической работы в тогдашних земствах. Они были, с другой стороны, связаны и с народными низами, особенно через посредство так называемого «третьего элемента»: профессиональных служащих в земских учреждениях – врачей, агрономов, учителей и т.д. В пользу партии говорило и то, что все ее предсказания относительно провала крайней революционной тактики оправдались на деле. Провинциальные отделы партии, организованные еще в 1904 г. по решению харьковского съезда, работали энергично, распространяя идеи партии. Сочувствие к ней сказалось в быстром росте ее сторонников. Перед выборами, в январе 1906 г., партия насчитывала около 100 000 зарегистрированных членов. Таким образом, Партия народной свободы могла считаться тогда наиболее широко организованной, наиболее политически подготовленной, совмещавшей принципиальность демократического направления с деловитостью подхода к политической борьбе. Ее шансы на победу в чисто парламентской борьбе были очень велики. Но – была ли борьба «чисто парламентской»? Помимо опасных конкурентов слева и неопасных справа – что происходило в ее собственной среде?

Несмотря на отход от партии, в самый момент ее образования, «левых» освобожденцев, партия еще не стала единой и цельной. Она должна была сделаться такой в процессе реальной борьбы; но этот результат был еще впереди. В партию не вошли некоторые идейные вожди русской интеллигенции, как К.К. Арсеньев, М.М. Ковалевский и др., много поработавшие над подготовкой ее же идеологии. Непривычка ли к коллективному действию и взаимным идейным уступкам, индивидуальность ли личностей, жизненных привычек и взглядов, – как бы то ни было, эти общественные деятели, даже пытаясь объединиться, разбились по кучкам и образовали ряд замкнутых политических клубов, которые не могли иметь влияния на ход политической жизни в стране. Одним из них «кадеты» казались слишком умеренными, другим – слишком радикальными. Они и остались наблюдателями событий и критиками – со стороны.

Те, кто вошел в партию, тоже принесли с собой не столько разные взгляды, сколько разные настроения. Сказалось, конечно, прежде всего, и отсутствие политического опыта: в России его было неоткуда взять. Отразилось и повышенное настроение в стране. Для меня лично провал революционного движения в декабре 1905 г. был, как сказано, сигналом общего понижения кривой общественной борьбы. Печальный исход первого открытого политического конфликта общественности с властью я уже склонен был считать предрешенным. Большинство политических единомышленников судило иначе. Новый подъем настроения, созданный выборами, представлял, в самом деле, источник новой силы. Нужно было только суметь ею распорядиться. О, если бы я был на самом деле таким «гувернером», каким меня считали петербуржцы или если бы Витте оказался таким союзником, каким изображал себя в словах нашей последней встречи! Но ни того, ни другого не было налицо.

Самое образование партии не было еще закончено, ввиду неполноты

октябрьского съезда. Окончательные решения по вопросам тактики, идеологии и организации партии должны были быть приняты на втором партийном съезде 5–11 января 1906 г. Мне было поручено, в согласии с Центральным комитетом, составить для съезда тактический доклад. Моей целью было, конечно, притянуть оба крайние фланга партии к центру, чтобы партия могла получить собственное лицо. Без этого невозможно было установить и отношение партии к предстоявшим выборам. Идя навстречу левым настроениям в партии, я решил, прежде всего, отделить вопрос о выборах, как тему существенную саму по себе, от вопроса о поведении партии в Думе. Эта вторая задача была, конечно, гораздо сложнее первой – уже потому, что мы не знали, как пройдут выборы и в каком количестве и качестве мы будем заседать в Думе. Даже в случае поражения на выборах, говорил я, нам предстоит «благоприятная роль – политической оппозиции». Но шансы на успех, доказывал я, вовсе не безотрадны. Каково бы ни было давление правительства, самая отсрочка выборов, неумение власти использовать свою декабрьскую победу и дискредитация правых партий облегчают наш успех. Мне, наконец, предстояло, помимо всех этих аргументов против бойкота – и именно ввиду возможного успеха, – приблизить нашу программу к реальным условиям легальной борьбы в парламенте. Другими словами, нужно было продолжить то, чего уже достиг отчасти ноябрьский съезд 1905 года, вопреки громам и молниям левых друзей и противников. Эта часть моей задачи была, пожалуй, самая трудная.

В ноябре мы постановили, что «учредительная» работа нуждается в «утверждении государя». Теперь мы развернули формулу дальше: «Россия должна быть конституционной и парламентарной монархией». Борьба за «демократическую республику» этим окончательно вычеркивалась из задач партии. «Учредительное собрание» уже было в ноябре заменено «Думой с учредительными функциями». Я пояснил, что, «вводя (факультативно) термин Учредительного собрания, мы, во всяком случае, не думали о собрании, обеспеченном полнотой суверенной власти». Этим толкованием устранялась внесенная на январском съезде поправка – вернуться, вместо Думы, к требованию созыва Учредительного собрания. Эта поправка была отвергнута 137 голосами против 80, что обнаружило компактное большинство съезда. Чтобы удовлетворить меньшинство, была, однако, предоставлена «местным группам – свобода в употреблении терминологии» (но не смысла) Учредительного собрания.

Далее шло определение того, что входило в «учредительную» деятельность Думы. Сюда относилось обязательное изменение избирательного закона и закрепление законом гражданских свобод, обещанных в Манифесте 17 октября (Витте соглашался заменить их лишь «временными правилами» в ожидании думского «законодательствования»!). Но должна ли Дума, ограничившись проведением этого «учредительного» материала, затем потребовать своего роспуска – как толковали тогда очень многие? Мы уже на ноябрьском съезде пошли по другому пути, желая расширить компетенцию Думы до того, что тогда обозначалось вызывавшим подозрения термином «органической работы». Но тогда Дума превращалась «в нормальное (законодательное) учреждение». И съезд «органическую работу» отверг. Но он принужден был тотчас же (91 голосом против 4, при 7 воздержавшихся)

расширить программу думских занятий, «кроме избирательного закона, также на законодательные мероприятия безусловно неотложного характера, необходимые для успокоения страны». Тут разумелся прежде всего, конечно, аграрный вопрос, для которого единственно и шли в Думу крестьяне. Но могло разуметься и многое другое. Поставлен был вопрос: нужно ли перечислять эти «неотложные» задачи – и отвергнут съездом большинством 73 голосов. Тогда последовало обходное предложение Струве и Родичева: «Партия не может не поставить (при осуществлении главной задачи) в своей платформе тех реформ, настоятельная необходимость которых указывается самой жизнью, в том числе реформы земельной, рабочей и удовлетворения справедливых национальных требований». Такое предложение съезду пришлось принять; но наш блюститель принципов Кокошкин провел свою поправку, которая различала между обязательствами перед избирателями осуществить главную задачу, после чего должен был стать на очередь роспуск Думы и новые выборы, – и планами дальнейшей деятельности. Тут сказалась попытка вернуть съезд к доктринерской декларации перед Витте. Так проходила, в порядке голосований, борьба между разными настроениями внутри партии. Это же сказалось и в заявлении моего содокладчика М.М. Винавера: «Всю свою силу партия полагает в возможно широкой организации общественного сознания всеми возможными средствами пропаганды и агитации»; цель последней должна состоять в «восстановлении веры в ту силу, при помощи которой с ноября 1904 г. двинулась вся волна освободительного движения, – веры в то, что будить умы и укреплять волю в широких общественных кругах есть дело, а не слова, – веры, которая, под влиянием настроения момента, как будто начинает умирать». Это красноречие было словесной уступкой левым настроениям. Все знали, конечно, какая «сила» подняла «волну»: она и называлась «Ахеронтом»[1]. А с другой стороны, Струве в это же время все еще призывал к «соглашению монархии с нацией» путем создания «общественного министерства»! Ни то, ни другое: ни идиллия Струве, ни утопия Винавера – к данному моменту не подходили. Но Струве развивал свою идиллию в своем личном органе «Полярная звезда»[2], а поклон Винавера в сторону левых вызвал только иронию гр. Ландау и непримиримый окрик гр[афа] Павла Толстого в органе освобожденских сецессионистов «Без заглавия»[3]. Я предпочел, не оглядываясь ни в ту, ни в другую сторону, подчеркнуть в своем заключительном слове, что, вопреки опасениям Центрального комитета, партия оказалась на своем втором съезде однородной по взглядам своего большинства, настроенной уверенно и деловито в своих основных решениях. «Партия нашла сама себя, говорил я, почувствовала в себе наличность коллективной мысли и воли… Это чувство солидарности и сознание каждым ценности самого факта принадлежности к большому целому явилось на съезде чувством новым, которого мы давно и нетерпеливо ждали и с восторгом приветствуем». Я даже решился сравнить это чувство с «крещением корабля» Киплинга, в уверенности, что и у нас треск в пазах

[1] Ахерон – в древнегреческой мифологии болотистая, медленно текущая река в подземном царстве, через которую Харон переправляет души умерших к воротам Аида. В публицистике начала XX в. – иносказательное обозначение разрушительной революционной стихии.

[2] «Полярная звезда» – петербургский журнал. П.Б. Струве был его редактором в 1905–1907 гг.

[3] «Без заглавия» – политический еженедельник партии кадетов, выходил с января по май 1906 г.

скрепит все наше сооружение и кадетский «корабль» сможет смело двинуться в экспедицию, усеянную многими подводными скалами.

Уже не могу отдать себе отчета, сам ли я верил в сказанное или хотел внушить эту веру другим. Вероятно, тут было и то, и другое. Я во всяком случае рассчитывал, что опыт научит тому, чего не хватает в голой вере.

Началась избирательная кампания – в обстановке отнюдь не благоприятной для партии. Слева ее травили, справа преследовали. С мест приходили все чаще известия о насильственных мерах правительства. Наши сочлены, один за другим, становились их жертвами. Мы открыли, что воздействие на провинциальных властей идет из центра, протестовали, получали уклончивые разъяснения. Витте заявлял печатно, что приписываемый ему «взгляд на необходимость парализовать деятельность К.-д. партии лишен всякого основания». Тем не менее преследования продолжались. В лучшем случае, это означало, что Витте сам устранен от влияния на выборы. Но если не он, то кто же, спрашивали мы: Дурново? Трепов?

С февраля 1906 г. у нас явилась возможность ставить эти вопросы печатно. Появился, наконец, на свет орган партии и ее политических единомышленников – газета «Речь»[1]. Солидно финансировал газету инженер Бак. Это был уже не Проппер с его «Биржевкой»[2]. Бак преследовал не спекуляцию на к.д., а чисто идейные соображения, верил в нас и не вмешивался в денежные, а тем более в редакционные дела газеты. Нашим казначеем стал И.И. Петрункевич; редакторами были мы двое с И.В. Гессеном; нашим помощником остался незаменимый М.И. Ганфман. Я сделался почти бессменным передовиком. Мои политические статьи тех месяцев собраны в книге «Год борьбы». Кто хочет ощутить лихорадочное биение пульса этого года, может перечитать их теперь: это не история, а ежедневная запись, заменяющая дневник.

Здесь я не могу описывать подробно, как, день за днем, неожиданно для нас самих, менялась политическая декорация выборов. Мы шли на худшее, и преследования правительства не могли внушить нам оптимизма. Мы только могли с тяжелым чувством заносить в нашу хронику боевые подвиги генералов, как Ренненкампф или Риман, адмирала Чухнина, Абрамова и Жданова, цензора Соколова и т.д. Но вот... с марта департамент полиции стал получать из провинции «тревожные вести». Сбывалось то, о чем мне приходилось говорить неоднократно после декабря 1905 г. «Страх перед революцией проходил» у обывателя. Правда, первичные собрания, на которых выбирались уполномоченные от крестьян и рабочих, проходили вяло, с большим абсентеизмом. До этих народных низов еще не дошли ни правительственные меры воздействия, ни партийная пропаганда левых. Именно к этой стадии могло больше всего относиться обвинение против Витте, что он «не сумел» устроить выборов. Рабочие мало сообразовались с приказаниями с.-д. о бойкоте выборов. Но крестьяне уже знали, чего они хотели. Слабо реагировала и курия мелких землевладельцев. Она предпочитала выбирать «своих», особенно священников. К середине марта эта картина стала

[1] «Речь» – ежедневная газета, орган партии кадетов. Выходила в Петербурге (1906–1917).

[2] «Биржевка» – газета «Биржевые ведомости».

меняться. Политическая окраска выборов определилась – раньше даже всяких влияний партий – с одной стороны, общим оппозиционным настроением масс, с другой – чересчур прозрачным нажимом правительства. На следующей ступени – на собраниях выборщиков, где началась борьба партийных списков, стало выясняться и настроение в пользу к.д.

Официоз Витте, «Русское государство», тогда попробовал переменить курс и начал обсуждать в благоприятном смысле возможный результат победы к.д. Рассуждения о создании «министерской партии» были отложены в сторону. Когда во вторую половину марта к.д. получили блестящие триумфы на столичных выборах в Москве и Петербурге, то официоз прибег даже к лести. «Русское государство» поздравляло нас с «наступающей весной»; сыпались лирические призывы к «любви» и к «забвению», нас приветствовали как «желанных гостей» в Думе – «если гости придут не с революционными намерениями». Продолжали только игнорировать наши действительные намерения... Когда все эти излияния встретили у нас холодный прием, то – примерно с начала апреля – со столбцов официоза послышались иные тона, прямо угрожавшие. Нам ставили на выбор: или представители к.д. «поправеют» и изменят своей программе, или же... тут следовали злорадные предсказания о том, что будет, если Дума «дискредитирует себя» радикализмом. А левые партии уже грозили нам, если Дума дискредитирует себя – умеренностью! Мы только повторяли: «Борьба не может кончиться. Но от правительства зависит – ввести ее в культурные рамки». Мы напоминали правительству, что сам Манифест 17 октября предоставлял суждению Думы дальнейшее развитие избирательного права. Сам Витте, писали мы, признавал, что только Дума может издать «законы» о свободах вместо «временных правил». Это и была уже наша «учредительная» работа...

А в это самое время в тайниках правительства уже готовился не простой «закон», а «конституционный акт» сверху, чтобы предупредить попытку Думы провести его парламентским путем. Редакция «Речи» имела возможность достать этот проект «основных законов» прямо из типографии, напечатала его и раскритиковала. Кое-какие поправки, в результате нашей критики, правительство все-таки сделало. Но в эти дни, за неделю до созыва Думы, пало само правительство Витте. Он был больше не нужен после того как, благодаря ему, правительство успело получить заем в Париже, а войска вернулись из Маньчжурии. Военные и материальные силы правительства были теперь достаточны, чтобы не бояться Государственной думы. Место Витте занял И.Л. Горемыкин, в числе заданий которого, как мы узнали позднее, было – распустить Думу, если она захочет проводить свой аграрный законопроект. Вместе с этим рухнули и все приготовления к сколько-нибудь приличной встрече с Думой. Думу, видимо, решено было взять измором.

Таким образом, над Думой, еще не собравшейся, уже нависла угроза конфликта с властью. Он тогда еще не представлялся неизбежным, особенно для наших провинциальных членов; но руководители партии достаточно ясно представляли себе всю его серьезность. Под этой нависшей угрозой собрался третий съезд партии, оказавшийся в странном положении: она располагала большин-

ством, но правительство не хотело сдаваться. Хотя и не будучи членом Думы, я должен был опять выступить на съезде докладчиком от Центрального комитета по труднейшему из вопросов момента – вопросу о тактике партии.

Основным вопросом, который должен был бы стоять первым, но который я отложил до конца доклада, был: «Должны ли народные представители при таком положении рассчитывать на революционный или на парламентский образ действий?». То есть, по существу, продолжается ли в России революция или она закончилась? Я предложил не решать этого вопроса – не потому, чтобы для меня лично он был неразрешим, а потому что, «при возможной наличности двух различных ответов в нашей собственной среде, можно было бы ни к чему общему не прийти». Это значило, что уже заранее я чувствовал, что под впечатлением избирательного успеха партия приходит в Думу далеко не такой монолитной, какой представлялась три месяца назад, идя на выборы. Члены съезда приехали с мест, прежде всего, под впечатлением, что выборы обязывают, что они представляют теперь не одну только свою партию, но и то выдвинувшее их настроение страны, которое было перенесено на них вследствие самоустранения левых партий. Это настроение было вполне естественно; но оно совсем не отвечало более трезвой оценке положения в нашем центре.

Понимая это, Центральный комитет партии пытался удержать парламентскую фракцию от неравной борьбы путем введения ее настроений в русло решений январского съезда. Пусть конфликт грозит; пусть даже он неизбежен. Но нужно создать для него наиболее благоприятную почву. Нужно успеть дать материал стране для суждения о смысле конфликта. Для этого нужно не только «быть в Думе», но и остаться там на более или менее продолжительное время. На это время нужно избегать самим острых столкновений, предоставив инициативу конфликта правительству. Следовательно, надо начать с наиболее для нас безопасных вопросов, какими я продолжал считать наши законодательные предположения о всеобщем избирательном праве и о «свободах». По резолюции Струве – Родичева – Кокошкина в этом состояла и наша партийная обязанность, за выполнением которой следовали дополнительные задачи, в сущности, самые трудные. Нельзя было, однако же, скрыть ни от себя, ни от собрания, что совсем не тут лежали невралгические пункты. Предстояли в ближайшую очередь острые расчеты с правительством и столкновения из-за формальностей закона, ограничивавших права народных представителей. Для Думы были обязательны ограничения, введенные Учреждением 20 февраля. Мы предлагали ввести нашу законодательную работу в рамки этого Учреждения, так же как и те «проявления общественного негодования», которые накопились в изобилии против старой администрации. Наш аргумент был тот, что старые деятели уже ушли, а новое министерство ничем еще себя не проявило. Это значило, конечно, игнорировать политический смысл отставки Витте и замены его Горемыкиным. Не меньшей ошибкой было с нашей стороны утверждать, что первые шаги к проведению нашего аграрного проекта сами по себе не вызовут конфликта. При своем новом настроении фракция таких наших «рамок» признать не могла. Наши предложения просто не соответствовали положению, создавшемуся перед самым открытием Думы.

Прения и обнаружили полностью расхождение съезда с осторожным тоном моего доклада и с его «холодным расчетом» плана действий Думы. Раз на выборах победила «не партийная программа, а повышенное настроение народа», отвечали мне, то мы обязаны «идти до конца, без компромиссов», «спокойно и уверенно»; тогда «народ нас поддержит». Конфликта нечего бояться: он «уже существует»; он начнется «с первых же дней», а потому следует просто игнорировать правительство, игнорировать и законы, изданные после 17 октября, игнорировать Государственный совет, провести всю нашу законодательную программу в форме «ультиматума» или «декларации». Если правительство не уйдет, то мы обратимся к народу с «воззванием» о поддержке. Если понадобится, мы «умрем за свободу». Говорили же крестьяне своим избранникам: «Иди и умри там со славой; иначе умрешь здесь со стыдом». Но, ободрял нас Родичев своей пламенной речью, «Дума разогнана быть не может; с нами голос народа». Сила Думы – в «дерзании», и «сталкивающийся с народом будет столкнут силою народа в бездну». Родичеву, тоже при «бурных аплодисментах» съезда, вторил А.А. Кизеветтер: «Если Думу разгонят, то это будет последний акт правительства, после которого оно перестанет существовать».

Очевидно, при таком настроении никакого конкретного плана действий для Думы составить было невозможно. Оставалось предоставить ход событий случаю – и решениям парламентской фракции. На съезде еще можно было кое-как справиться с ораторскими страстями, и мой доклад, с небольшими поправками, был принят. Но было ясно, что те же настроения перейдут и в Думу. Предзнаменования были самые плохие. А тут, в последнюю минуту, под занавес съезда, мы были оглушены «событием чрезвычайной важности». Упомянутый проект «октроированной» конституции, намеченный еще Витте и опубликованный «Речью» в порядке lex ferenda[1], был издан в виде «основного закона», наложившего на народное законодательство новые путы. Этим правительство «поставило всю политику своей власти под чрезвычайную охрану неприкосновенных для Думы» законодательных норм и тем «покрыло все, что ставит преграды выражению воли народных избранников». Говоря это, я должен был признаться съезду, что, с согласия Центрального комитета, я выкинул из своего доклада отдел о возможности подобного покушения на права народа. «Теперь мы приобрели право быть резкими», – говорил я, сам чрезвычайно взволнованный… «На этот обман народа мы должны отвечать немедленно». ЦК составил спешно проект резолюции, которая заканчивалась заявлением, что «никакие преграды, создаваемые правительством, не удержат народных избранников от выполнения задач, возложенных на них народом». Это был уже стиль первой Думы. Но из рядов съезда раздались восклицания: «Слабо; надо резче; это не выражает нашего настроения». Только по настоянию Родичева съезд принял нашу резолюцию единогласно…

Извлечение публикуется по изданию:
Милюков П.Н. Воспоминания.
Т. 1. М., 1990. С. 351–363.

[1] Законопроект, внесенный на обсуждение *(лат).*

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ ОБНИНСКИЙ

ДЕВЯНОСТО ДНЕЙ В ОДИНОЧНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ: ТЮРЕМНЫЕ ЗАМЕТКИ

Жизнь властно требовала создания новых форм и выделяла для этого созидающие элементы. Старые не хотели капитулировать, приходилось разрушать их, и та же жизнь выдвинула разрушающие. Все это было органически просто и совершалось согласно общих для всего живого законов природы; больные места нарывали и, по удалении гноя, заживлялись здоровой кожей.

Созидательные цели вдохновляли и членов Союза освобождения, впоследствии расширившего свою деятельность привлечением к обсуждению конституционных вопросов некоторых общественных и земских деятелей. Я сделался участником совещаний еще будучи предводителем дворянства и не могу и теперь передать то чувство радости и удовлетворения, что испытывал тогда и которое похоже на ощущение человека, долго бредшего грязной, болотистой дорогой, когда, наконец, он выбирается на прямое до самого горизонта, хорошо содержимое шоссе. Первое время я просто отдыхал душевно в этой чистой атмосфере, где никакие личные соображения не руководили никем, где всякий вопрос являлся перед собеседниками вне скорлупы утилитаризма, в том, быть может, несколько академическом освещении, которое понятно было в обществе, не преследовавшем личных целей. Способствовать каждому на своем месте водворению конституционных начал пропагандой или работой, сообразуясь с положением вещей, которое большинству было знакомо по деятельности в земстве и других учреждениях; наконец, подготовлять отдельные законопроекты, – вот что входило в программу совещаний, делавшихся все чаще и чаще, и многолюдней. Я слушал и учился. Те немногие практические знания, что я приобрел за время моей службы, те, еще более скромные сведения по общественным наукам, которые я, как получивший военное образование, дополнял лишь бессистемным, хотя и усердным чтением, – все это ставило меня в этом обществе на самое незаметное место, с которого я и старался затем не сходить, подчиняясь только необходимости или обстоятельствам, толкавшим меня к тому или иному выступлению. Но эти собрания будили мысль, заставляли изучать политические и социальные вопросы в той последовательности, которая заменяла мне схематичность университетского образования. Думаю, что и для многих, лучше меня подготовленных участников этих интимных съездов, было в высокой степени полезно обсуждение хотя и извест-

ных им вопросов, но в такой именно обстановке, где отсутствие раздражения, спокойные возражения и перекрестные вопросы новичков заставляли вырабатывать речь ясную, понятную, излагать в немногих словах богатые содержанием мысли, – словом, создавать будущих парламентских деятелей. Скажу прямо: эти совещания обеспечили порядок и стройность земских съездов, как эти последние, – тот внешний вид думских заседаний, который так многих удивил, как здесь, так и за границей, и который позволил первому и боевому, так сказать, русскому парламенту сделать за первые семьдесят два дня своего существования больше, чем какой либо из его собратьев революционных эпох в других европейских государствах. Здесь, на заседаниях съездов, покойно выслушивались крайние даже мнения, здесь очень скупились на знаки одобрения, здесь готовились серьезно к предстоявшим в следующий раз докладам. Тут можно было слышать последние новости, исходившие из высших сфер. Тут же лежали и кипы «Освобождения», издававшегося тогда П. Струве в Штутгарте. И кто бы мог тогда подумать, что редактор, издатель этого журнала, казавшегося таким страшным и революционным, человек, тост за которого на обеде в одном высшем учебном заведении стоил карьеры одному моему знакомому инженеру, что этот человек будет через два года числиться в самых умеренных рядах конституционалистов, оставаясь, в сущности, на старой своей позиции[1]. Так все сразу и дружно двинулось влево за этот короткий для истории промежуток времени. Прекрасное, одухотворенное лицо покойного графа П.А. Гейдена освещало ровным, немеркнущим светом идеализма, сочетанного с житейской мудростью, ряды лиц, окаймлявших длинный стол в красивой зале обычного нашего хозяина, Ю.А. Н[овосильце]ва, и его юношески свежий голос часто раздавался там, ставя точки над i и вводя отклонявшееся обсуждение в намеченные рамки. Здесь предпринимались отдельные выступления в земствах и печати, давался сигнал для известных шагов в обществе.

Я не помню теперь, когда зародилась идея первого земского съезда; повторяю, негласные совещания Союза освобождения как-то незаметно разрослись до того состава, который и преобладал на первом съезде. Представительство отдельных земств было далеко от полноты; в то время нельзя было говорить на земских собраниях об этих съездах и тем более производить выборы уполномоченных; само собою вышло, что только оппозиция решилась принимать в них участие и что поэтому так дружно и в таком внешнем порядке протекали заседания съездов.

После прочтения на первом же съезде приват-доцентом Московского университета Ф.Ф. Кокошкиным доклада о народном представительстве вся дальнейшая программа съездов на долгое время вперед определилась: здесь собирались приверженцы конституции и здесь они ее вырабатывали. Не буду перечислять всех вопросов, подвергшихся детальному обсуждению в период 1904–1906 гг., – это дело историка съездов. Скажу лишь, что неизменно поражала там всякого бодрая, словно озоном пропитанная атмосфера, в которой оживлялись самые меланхолически настроенные умы, блестели старческие глаза, развязывались самые скупые на слово языки. Дисциплина вырабатывалась незаметно; речи не

[1] Еще менее можно было ожидать встретить П.Б. Струве в 1909 г. во главе богоискателей и людей «звериного числа». Но Русь и не такие видывала метаморфозы *(прим. В. Обнинского).*

перебивались, постоянное бюро умело вело нелегкую работу организации и осуществления нелегальных, хотя теперь и всем известных собраний, и посетители заседаний увозили на свои места здоровый запах новой жизни, веру в скорое осуществление своих идеалов, которые вносили и в провинциальные круги желание объединяться, работать, вместе противостоять тем прямым ударам и подземным ходам, которыми встретило правительство первые же шаги на почве земского и городского объединения.

Еще Плеве мечтал об изловлении зловредного Союза освобождения; он наперечет знал главных его участников, но это была лишь молва, документальных улик не было, конспирация была совершенна, и это выводило из себя всемогущего министра. При его жизни и совещания, помнится, были нечасты: только события на театре войны, аграрные волнения 1905 года и растерянность властей – верные признаки разложения – ускорили и участили созывы земских съездов, пока, наконец, земский съезд в мае [1905 г.] не решил послать к царю депутации для изложения положения вещей и указания на необходимость законодательной, а не законосовещательной Думы; на так называемый «булыгинский» проект, ставший в августе того же года законом, никто не надеялся. Его Дума была расширенным «советом сведущих людей», что еще Плеве собирался наладить для отведения беспокойных взоров от своей политики. Помню, что депутация эта очень волновала нас; малейшая заминка могла надолго затормозить деятельность и самих съездов, уже имевших небольшие столкновения с московским градоначальником; да и губернаторы наши прозрачно намекали на репрессии против служащих участников, запрашивали о причинах отлучки в Москву и т.д. И Офросимов[1] насмешил меня таким официальным запросом; я официально же отвечал ему, что бывал на земских съездах, что по его просьбе всегда рассказывал ему самому обо всем, не требовавшем скромности участников. С тех пор он меня не тревожил, но на члена управы Кашкарева очень нападал. Было даже сенаторское расследование, производившееся сенатором Постовским и прославившимся потом прокурором Камышанским; но, несмотря на все желание, крамола не отыскивалась; ревизоры не без удивления признали, что наши пожелания касаются действительно неотложных перемен в строе и что преследовать нас нелепо.

Каждое слово речи князя С.Н. Трубецкого, уполномоченного говорить царю, было взвешено и выработано сообща с членами депутации и бюро съездов. А.Д. Дб-ский рассказал, что Трубецкой у него в доме одиннадцать раз, якобы, произнес речь, чтобы запомнить наизусть, и только благодаря искусству составителей и дикции Трубецкого строго обдуманный документ обратился в живую, непринужденную речь.

Участники этого исторического свидания расскажут когда-нибудь о своих впечатлениях, я не имею права предварять их здесь своей передачей; но я живо представляю себе обстановку этой встречи, где жизнь столкнула после долгих лет разъединения два полюса государственного строя – абсолютного монарха и представителей населения, пусть избранных на незаконном сборище, но сильных поддержкой общественного мнения и верой в правоту своей миссии. Я вижу отсюда,

[1] А.А. Офросимов (1852–1935) – калужский губернатор.

как должен был пронизывать царя мудрый, орлиный взор ветерана борьбы с самодержавием, недавно лишь возвращенного из ссылки И.И. Петрункевича, про которого Николай сказал князю Урусову, что уж Петрункевич-то сюда не взойдет. Судьбе угодно было показать на ярком примере эфемерность абсолютистского принципа... самодержец не оказался даже и во власти не принять у себя неприятного человека.

На чуткую, мечтательно настроенную душу князя С. Трубецкого прием этот произвел глубокое впечатление; видимо в нем кружились в этот час какие-то основы его политического миросозерцания и, сойдя в глубоком молчании вниз с длинной дворцовой лестницы, он мог только выговорить: «И это царь!».

Во дворце тоже были видимо взволнованы: и молодая царица не скрывая своего гнева, называла состоявшийся после речи Трубецкого разговор торгом, и следует вообще признать, что в смысле личных впечатлений знакомство было неудачно, мало доброго обещая и в будущем. Но в обществе все это игнорировали; речь Трубецкого и ответ на нее царя были напечатаны, в сотнях тысяч оттисков разлетелись по всей России и сыграли большую роль для подготовки крестьян к созыву народных представителей, тем более, что ответ царя был благоприятен и мог быть истолкован даже шире того содержания, какое хотели в него вложить. Реакционная пресса негодовала, обзывала состоявшийся визит разбойничьим нападением и призывала дворян к достойному ответу. Ответ выразился в слабой «дворянской» депутации и не мог ничего изменить в создавшейся конъюнктуре; правительство видело уже пропасть под своими ногами и знало, что булыгинской Думой этой пропасти не заполнить. Затем, когда октябрьские события разыгрались, ничто не помешало ему, конечно, оказаться неподготовленным, и, как известно, проект Манифеста был составлен в какие-нибудь два часа времени, а Положение о выборах запоздало и носило на себе все следы бюрократической неспособности создать что-либо в короткий срок и продуманно.

Как бы то ни было, избирательный закон был опубликован, и надлежало, после всех репрессий, длившихся с погромной полосы и вооруженного московского восстания, дать некоторую свободу собраний и слова для возможности сколько-нибудь осмысленно провести выборную кампанию. И для нас, в Калуге, наступало время выступить перед будущими избирателями. Как выступить, это был вопрос. Конституция, опоздавшая, быть может, на целое столетие, все же застала общество в полном игнорировании конституционных принципов. Писать и говорить о них раньше не позволялось – самые термины были достаточным предлогом, чтобы ссылать и сажать по тюрьмам произносивших заповедные слова[1]. Жизнь в берегах реакции была такова, что, кроме узкого течения у левого берега, все остальное пространство ее заросло тиной повседневных маленьких забот; крах государства, как свалившийся с неба метеор, всколыхнул эти ветхие, покойные слои, разбудил сонные воды, но не направил их течения в какую-нибудь определенную сторону. Таким образом, сама собой нарождалась задача для нас, кандидатов в Думу, ознакомить избирателей с самыми основами конституцио-

[1] Впрочем, теперь было восстановлено: лекция в Смольном была обусловлена губернатором тем, чтобы лектор, читавший о Людовике XVI, не произносил слов: «революция» и «социализм» *(прим. В. Обнинского).*

нализма, поделиться с ними знаниями, которые большинство из нас и само-то усвоило недавно. Союз освобождения и земские съезды сыграли здесь огромную роль, подготовив не только кадр политических ораторов, но и людей, совершенно сходившихся во взглядах на решение главнейшей задачи момента.

Нужно сказать, что дифференциация в среде земских съездов совершалась сначала довольно незаметно, и лишь со знаменательного обсуждения вопроса об автономии Польши резко обозначались два течения, конституционно-демократическое и октябристское. Лишь долго спустя от последнего отделились еще более умеренные ручейки, не сыгравшие затем никакой роли в общем движении. Автономистский же вопрос, на котором старались нас поймать на митингах и предвыборных собраниях ораторы умеренных партий и к которому я не раз еще возвращусь, и был тем рифом, отделившим от ядра земских съездов таких почтенных деятелей, как граф Гейден, М. Стахович и др. Затем аграрная программа к.-д. не могла не отпугнуть помещичьи круги, и вот почему. В то время в среду октябристов попали смешанные элементы: с одной стороны старые борцы за конституцию, с другой – те беспринципные господа, что всегда готовы следовать команде правительства; это и дало повод князю Е. Трубецкому остроумно назвать октябристов «партией последнего правительственного сообщения».

Итак, мы приступали к подготовительной работе, не надеясь на собственные силы, мы с адвокатом Новосильцевым, единственные тогда открытые кандидаты, пользовались помощью более опытных московских товарищей и, официально заявив о своей принадлежности к К.-д. партии, начали вербовать сторонников путем бесед на собраниях избирателей. Давления администрации пока не замечалось, собрания разрешались свободно и посещались даже женщинами, что потом было запрещено. Первые наши ораторские успехи ободрили нас, и мы перестали бояться нападений как слева, так и справа. Популярность наших кандидатур превзошла самые смелые мечты, избрание в выборщики по г. Калуге было обеспечено. То же происходило с кадетами почти во всех городах. Министерство встревожилось, полетели снова шифрованные депеши губернаторам, и картина выборной кампании начала несколько меняться. Чиновники, присутствовавшие на собраниях, сделались строги. На калужских площадях снова какие-то сомнительные господа в чуйках кричали, что «Обнинский хочет Россию разделить», прежние неумные попытки дискредитировать прогрессистов были пущены в ход. Я имел в первой стадии выборов три шанса, баллотируясь в Боровском уезде как крупный землевладелец, в Малоярославецком как мелкий и, наконец, в Калуге по служебному цензу. В уездах, где избиратели находились под давлением земских начальников[1] и других администраторов, руки губернатора были развязаны, и так как в числе выборщиков преобладали священники, исполнявшие волю архиерея, продиктованную последнему из Синода, то я торжественно провалился в обоих уездах, т.е. на своей родине. Настал и день выборов по Калуге: список нашей партии прошел подавляющим большинством голосов, временно обескуражив губернатора, которому мерещился уже парламент, битком набитый такими же ра-

[1] Земский начальник – в 1889–1917 гг. должностное лицо из дворян. Контролировал деятельность органов крестьянского общественного управления; первая судебная инстанция для крестьян.

дикалами и виделся конец собственной карьеры. Пришлось прибегнуть к решительному средству. Нужно заметить, что в это время открытая принадлежность к партии к.-д. считалась для чиновников уже предосудительной и они избегали наших партийных списков, оставаясь единомышленниками и голосуя на выборах за наших кандидатов; эти «тайные кадеты» очень озабочивали всякое начальство, бессильное бороться с новым злом своих затхлых канцелярий, и были иногда истинными их бичами. Благодаря им, например, появился в «Освобождении» текст донесения Офросимова к Плеве по следующему поводу: в начале Японской войны, когда выяснилось бессилие Красного креста организовать все дело помощи раненым, в среде земских деятелей возникла мысль об общеземской организации такой помощи. Плеве страшно испугался этого: во всякой организации ему чудилась сила, готовая свалить его и его идеи; поэтому он немедленно разослал губернаторам циркуляр, вменяющий им в обязанность всячески тормозить присоединение губернских земств к этой организации. Так вот, Офросимов сообщал министру, что как бы предвосхитив эту мудрую мысль, он уже озаботился о недопущении даже разговора о земской организации на предстоявшем калужском собрании. Тогда, по опубликовании этого лакейского документа, министерство сделало Офросимову нахлобучку за неуменье чиновников его канцелярии держать язык за зубами. Однако, несмотря ни на какие старания, сношения почтительных вицмундиров с крамольным миром развивались пуще прежнего, и вот благодаря чему я избавился от крупной неприятности и попал в конце концов в Государственную думу.

Однажды вечером получаю я от своего товарища по партии записку такого содержания: «Губернатор хочет Вас арестовать, примите меры». Через четверть часа из другого, более близкого к губернатору источника, получилось подтверждение; еще через четверть часа явился и совсем уже осведомленный человек. Оказалось, что Офросимов депешей запрашивал министра внутренних дел о разрешении арестовать меня. Тут же подъехали несколько друзей, и мы решили, что дать арестовать себя с целью агитационною имело бы некоторый смысл, если бы выборы были далеки; но когда все клонилось к тому, чтобы изъять меня из обращения только на дни выборов, неразумно было оставаться пассивным. Жена одобряла наше мнение, что нужно немедленно ехать в Петербург, и через час я уже сидел в полутемном купе вагона, несколько опасаясь погони. Впоследствии оказалось, что я напрасно тревожился жандармов; губернатор настаивал, чтобы полковник Ш[1]. произвел у меня обыск и чтобы, в целях спасения, вероятно, отечества от такого крамольника, обыск должен был иметь результаты. Очевидно, что бакинская история, где все равно выплыл наружу подброс компрометирующих документов и вещей в кабинеты лиц, подлежавших «уборке», ничему не научил Калугу, да в случае чего и руки можно было бы умыть. Но начальник жандармского отделения, зная наверное, что у меня абсолютно не может быть ничего нелегального, т.к. я никогда не скрывал ни своей жизни, ни политической деятельности ни от кого, наотрез отказался производить обыск и потом чуть не лишился из-за этого своего места, так был раздосадован ретивый губернатор. Через день

[1] В.П. Шлейфер, в 1902–1907 гг. начальник Калужского губернского жандармского управления.

я был уже в Петербурге, вероятно предваренный новой депешей, ибо отъезд мой из Калуги не мог остаться неизвестным Офросимову. Прямо с вокзала я заехал к моему другу Л.Ф. Рогозину, председателю медицинского совета министерства внутренних дел, посоветоваться с ним. Добрый старик, реагировавший на все дурное с искренностью и негодованием ребенка, узнав о возможном моем аресте, немедленно надел все свои многочисленные регалии и заявил, что немедленно едет к Дурново, хотя ни разу еще у него не был после назначения его министром; кроме того, он же должен был побывать и в департаменте полиции. Дурново не застал дома, а в департаменте полиции, не удивясь нисколько, очень расспрашивали, откуда все известно, и уверяли взволновавшегося моего друга, что без очевидных доказательств моей вины не арестуют меня. Я же отправился к князю Урусову, которого тогда мало еще знал, но в помощи которого не сомневался; он тоже очень был поражен таким откровенным предприятием, как арест председателя губернской управы для снятия кандидатуры в Думу, что тогда было еще в диковинку, ибо министерство стеснялось очень-то давить на выборы, и в тот же день был у Дурново. Подтвердив Урусову, что не позволит арестовать меня и на всякий случай сказав, что Офросимов и не посылал приписываемой ему депеши, Дурново спросил Урусова:

– Скажите, князь, а Вы думаете, что Обнинский попадет в Думу?

– Думаю, что попадет, – отвечал Урусов, в то время уже решивший выйти в отставку и баллотироваться в Думу, а потому и бывший осведомленным о калужских настроениях.

– И Вы считаете, что это подходящий кандидат?

– Считаю.

– Это ужасно, – воскликнул Дурново, – да знаете ли Вы, что Обнинский вот на этом самом месте требовал с меня, ни много ни мало, отставки губернатора!

Он забыл уже о своем письме Офросимову – ветер резко переменился наверху.

– Что же Вы ужасаетесь? – спокойно заметил князь, – я понимаю еще, если б Обнинский требовал смещения царя, а то он говорил об Офросимове, которого Вы так же хорошо знаете, как я и как Обнинский.

– Нет, все-таки это ужасно, – заключил министр, уже опасавшийся парламента, наполненного все такими же противниками губернаторов вроде Офросимова; для него самого это было бы крушением, и оно состоялось. Дурново не посмел явиться в Думу, вместе со своим союзником, Витте, – оба ушли в отставку перед ее открытием.

В тот же вечер я уехал домой, покойный за участие в выборах. Дело губернатора сорвалось, нужно было пытать иные средства. Результаты выборов в уездах были темны для нас и скорей неблагоприятны; масса крестьян была совершенно неизвестна, а среди дворян прошло много реакционеров; другие помнили поражение свое на земском собрании, третьи, наконец, думали лишь о том, чтобы сбыть меня куда-нибудь из управы, и решали голосовать за меня против своих убеждений. Со стороны губернатора сделаны были последние попытки не пропустить меня в Думу; одни из его помощников в этом почтенном деле втолковывали крестьянским выборщикам ужас польской автономии, другие обещали голосо-

вать за крестьян, лишь бы они от меня отказались; наконец, дворяне заключили союз с купцами, тоже против меня. Клялись, жали друг другу руки, шептались по всем углам. В эти же дни в к.д. главной квартире шли последние приготовления к бою.

Наши кандидаты отвечали на все вопросы собравшихся выборщиков, среди которых число крестьян все возрастало; их, видимо, тянуло послушать иных речей, чем те, что говорили им местные интриганы, они хотели знать, что мы думаем о земле, о министрах, о надоевшем им попечительном начальстве.

Тут же помещики дипломатически пытали князя Урусова, впервые присутствовавшего на политическом собрании, видимо, боясь, из чувства сервилизма, провалить бывшего товарища министра, который вдруг возьмет да и сделается министром и может быть полезен, наши аграрии чувствовали, по всей прежней деятельности Урусова, ненадежность для них его кандидатуры. К.-д. решили уже голосовать за Урусова, хотя он и обнаруживал тогда, помимо слабого знакомства с конституционно-демократической, да и со всеми остальными русскими политическими программами, еще и осторожность, понятную, впрочем, в суждениях человека, сразу свалившегося из министерского кабинета в котел, где уже кипели всякие скрытые и явные политические страсти.

Накануне выборов мы все еще были в полном неведении; я начинал уже испытывать какое-то тоскливое чувство, видя, что не могу противопоставить врагам их оружия. Я решительно не был способен угощать выборщиков завтраками и давать несбыточные обещания; выборы в первый парламент казались мне священнодействием, а аллюры реакционеров – кощунством.

Наступил и первый день выборов. Всеми правдами и неправдами, иногда явным беззаконием были проведены в выборщики наиболее надежные для реакции люди и теперь предстоял решительный бой. Первый день прошел дурно; почти до вечера крестьяне выбирали своего депутата, и т.к. всем хотелось попасть в Думу, – десять рублей депутатской диеты совершенно опьяняли этих простых людей, – то были забыты все клятвы и рукопожатия, и крестьяне один за другим отходили от ящиков, получая лишь по одному своему шару за и все остальные против. Кое-как, чуть ли не простым жребием, наметили кандидата и выбрали его. В вечернем заседании намечены были записками князь Урусов, Новосильцев, князь Е. Трубецкой, я и несколько «правых» кандидатов. Князь Трубецкой, которому я никогда не забуду его доброты и снисходительности, человек, хотевший, конечно, быть в первой Думе и имевший лучшие, даже, чем Урусов, шансы пройти туда, еще накануне снял свою кандидатуру в мою пользу, хотя я тогда уже открыто расходился с ним во взглядах на задачи Думы и тактику нашей партии. На общем совещании, где крестьяне почему-то не присутствовали, решено было поделить четыре депутатских места пополам, между правыми и левыми, и так как князь Урусов выставлялся как кандидат правых, то от нас шли только Новосильцев и я. Порядок баллотировки установили поочередный. Новосильцев прошел. Дальше шел Урусов – прошел блестяще, ему изо всех групп клали избирательные шары. Третьим иду я и проваливаюсь, не добираю двух, кажется, шаров. Очевидно, блок на мне раскололся, и мы в свою очередь забаллотировали правого кандидата.

Заседание за поздним временем отложили до утра. Тоска усиливалась. Урусов тоже был не весел – ему все казалось, как будто он отбил у меня место, хотя ничего подобного и не было. На другой день, не веря уже октябристам, мы решили создать новый блок, с крестьянами, уступив им одно место. После новых долгих споров крестьян о своем кандидате, который тоже намечен был простым жребием, образовалась группа в шестнадцать крестьян, давших слово голосовать за меня, мы же обязывались проводить их ставленника. Впоследствии эти «жеребьевые» депутаты оказались кадетами, а один из них, по возвращении из Думы, чуть не попал на каторгу за оскорбление величества.

Подали записки. Я получил большинство. Стал баллотировать – прошел двумя голосами. На сердце все непокойно, так как было известно, что правые и остальные крестьяне будут проводить кого угодно, лишь бы побить меня. Следующие кандидаты из дворян и купцов были забаллотированы, я держался. Затем правые, с целью расколоть наши шестнадцать крестьянских голосов, начали класть направо всем крестьянам. Соблазн был велик: если б наши союзники положили кому-нибудь три шара направо, я был бы за флагом, т.к. добросовестно проводя крестьянского депутата, мы дали ему больше голосов, чем получил я. Началась настоящая травля: крестьяне проходили двумя, тремя шарами меньше меня; после каждой баллотировки все сразу набрасывались на ящик, чтобы по внешнему виду кучки шаров поскорее определить шансы. Председатель, блистая недавно полученной Станиславской лентой и горевший желанием угодить губернатору и своим, с явным неудовольствием досчитывал последние шары; стук их до сих пор стоит в моей голове, словно кастаньеты на могиле моей кандидатуры. Урусов и Трубецкой ходят по залу совершенно бледные; я решаю, если пытка продлится, отказаться вовсе от избрания. Наконец, после нового шушуканья, идет баллотироваться один из предводителей дворянства, которому ровно никакого интереса не было идти в Думу, просто, чтобы свалить меня. Считают шары, одного не хватает, чтобы перебить мои. Вздох облегчения – кажется, больше нет желающих. Тогда Булычев, забыв всякие приличия, вообразив себя на аукционе, трижды выкрикнул бодрым голосом, несмотря на гробовое молчание, в зал: «Господа, не желает ли кто еще баллотироваться? Никто не желает? Господа!». По третьему разу какой-то старый крестьянин, решив, вероятно, что неспроста же человек в ленте так старается, поднялся со своего места и хотел было идти, но на него закричали другие, стыдя его, и он снова успокоился.

Скрепя сердце подписал председатель протокол собрания, прочел список депутатов и ушел с печальной вестью обо мне к губернатору. Прошло три дня, кассационного повода не откопали, и вот я член парламента. Собравшиеся у меня в тот день новые депутаты и несколько политических друзей не предавались ликованию победой, а с надеждой и тревогой старались заглянуть в ближайшее будущее. Правительство усиливало репрессии; с другой стороны, известия о победах К[онституционно]-д[емократичес]кой партии делались все чаще и чаще. Все предвещало жестокий бой, и о результате его нельзя было чего-нибудь загадывать.

Как бы то ни было, день избрания в Думу был лучшим днем моей жизни;

далекий от политиканства, искренне отдававшийся всякому новому делу с верой, и теперь крепкой, в конечное торжество честных принципов и вечных идеалов человечества, я видел в победе своей надо всеми препятствиями как бы награду за претерпенные волнения и заботы и, хотя был совершенно разбит и заболел в тот же день, но чувствовал себя счастливым, как никогда. Я не бросал работы в управе, но не писал уже новых докладов, зная, что не придется их защищать. Сослуживцы, жалевшие, что я ухожу, отнеслись в этом случае необычайно радушно ко мне. Все улыбалось в будущем; в свете победы прогрессивных элементов контуры армии врага не казались большими, вера в свои силы была у всех нас тогда велика.

Извлечение публикуется по изданию:
Обнинский В.П. Девяносто дней в одиночном заключении:
Тюремные заметки. [Ч. 1.]. М., 1917. С. 76–87.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ ОБОЛЕНСКИЙ

ВЫБОРЫ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ

В Алуште

Ярко и бодро светит крымское весеннее солнце, и так же бодро и радостно у меня на душе: я еду по пыльной алуштинской дороге к новому зданию ночлежного приюта, в котором должны производиться выборы выборщиков от мелких землевладельцев в первый русский парламент.

Около ночлежного приюта в ожидании открытия собрания расположилась лагерем большая толпа татар, среди которой озабоченно снует и отдает какие-то распоряжения низшим полицейским чинам становой пристав[1].

При выборах в первую Думу татары южного берега Крыма могли участвовать в двух куриях – в курии крестьянской, как члены сельских обществ, и в курии мелких землевладельцев, как владельцы земельных участков на праве полной собственности. И неожиданно для всех татары нашего района свое право двойных выборов использовали весьма широко.

В Алушту собрались домохозяева не только ближайших, но и отдаленных на 40–50 верст деревень. Последние вышли еще накануне и брели пешком целую ночь, чтобы утром поспеть на выборы. Среди явившихся было много древних стариков, для которых подобное путешествие далось не легко.

В то время, как в других местах той же Таврической губернии на съезды мелких землевладельцев являлось по одному-два процента из лиц, имевших право голоса, здесь пришли почти все поголовно. Конечно, объясняется это не более высоким уровнем политического сознания среди татарского населения южного берега Крыма, а скорее необыкновенной его внутренней дисциплиной и вековой привычкой беспрекословно подчиняться своим национальным и религиозным авторитетам. Таким непререкаемым авторитетом в период 1905–[190]6 гг. пользовались всероссийские съезды представителей мусульман, на которых было постановлено, что мусульмане должны принять самое активное участие в выборах.

Рядом с необыкновенной избирательной энергией, проявленной татарским населением, поражало полное равнодушие к выборам со стороны русских мелких землевладельцев, которых все-таки довольно много в окрестностях Алушты.

---

[1] Становой пристав – в XIX – начале XX в. полицейское должностное лицо, заведовавшее станом (часть уезда, включала несколько волостей).

Из этой категории избирателей явилось на выборы всего пять человек.

Этим пяти представителям интеллигенции среди тысячной толпы избирателей пришлось взять на себя нелегкую обязанность – помочь председателю съезда по организации процедуры выборов.

Прежде всего нужно было озаботиться, чтобы, согласно избирательному закону, в помещение, где будут происходить выборы, никто из посторонних не проник. С этою целью, вооружившись списками избирателей, мы сели за столики в дверях, ведущих с лестницы в большой зал, находящийся во втором этаже ночлежного приюта и предназначенный для выборов. Избиратели должны были подходить к нашим столикам и называть себя, а мы – разыскивать их в списках и отмечать.

Но с первых же шагов нашей работы мы оказались в совершенно невозможном положении. Списки были составлены не в алфавитном порядке, а в порядке расположения изб в деревнях, потому приходилось затрачивать массу времени на нахождение в них каждого избирателя. Между тем полиция открыла наружные двери ночлежного приюта, и вся огромная толпа, ожидавшая с ночи этого момента, сразу хлынула в них и стала подыматься по лестнице.

Не успели мы разыскать в списках первых десять человек, как уже убедились, что дальше исполнять предписание закона мы не будем в состоянии…

Пока татары, которых мы опрашивали, терпеливо помогали нам разыскивать свои имена в списках, на них сзади все с возрастающей силой напирала толпа, не понимавшая совершенно причины задержки.

Они тщетно сопротивлялись этому натиску, хватаясь за наши столы. Напором толпы их несло внутрь избирательного помещения.

Наконец и наши столы не выдержали, и мы вместе со столами тоже двинулись впереди толпы… Еще минута – и вся зала наполнилась татарами в шапках, чалмах и фесках.

Пришлось признать себя побежденными. Это было бы еще с полбеды, но вместе с нами был побежден и закон… и восстановить его силу было уже нельзя. Во-первых, объяснить всей этой массе татар, плохо понимающих по-русски[1], что, несмотря на то, что их впустила полиция, они здесь не имеют права находиться, – не представлялось возможности, а, кроме того, если бы пришлось снова начать разыскивать каждого являющегося по двадцати деревенским спискам без алфавитного порядка, то на одну эту процедуру необходимо было бы затратить не менее целого дня.

Мы решили, за невозможностью выполнить букву закона и рискуя создать кассационный повод, произвести проверку по спискам перекличкой.

Расставили свои столы по разным концам помещения, распределили между собой списки и начали перекличку:

– Амет-Мемет-Рамазан!

– Здесь!

– Мемет-Али!

[1] Хорошо понимающие и говорящие по-русски встречаются преимущественно среди татарской молодежи, а на выборы пришли домохозяева, в большинстве своем люди почтенного возраста *(прим. В. Оболенского).*

– Здесь.

– Эмирсали-Амет!

– Нема, не пришел.

– Эмир-Усеин-Джават-оглу!

Татары переглядываются удивленно.

– Нашей деревне нема такой, – говорит староста, разводя руками и пожимая плечами.

– Как же он попал в список? В списке здесь показано, что ему принадлежит $5^1/_4$ десятин.

– А-а! Знаем, знаем, кто! – вдруг кричит кто-то из задних рядов. – Это Аметка-Али[1].

Сделавший это открытие татарин протискивается вперед и, сильно жестикулируя, что-то доказывает своим односельчанам. Староста наклоняется над списком, тычет в него корявым пальцем и рассудительно говорит:

– Да, пиши Аметка-Али, не Эмир-Усеин-Джават, вот этот Аметка-Али хозяин.

Староста вытаскивает из толпы улыбающегося Аметку.

– Почему же писать Аметку, если в списках значится Эмир-Усеин?

Аметка, ничего не понимающий по-русски, продолжает добродушно улыбаться и вопросительно смотрит на старосту.

– Эмир-Усеин давно помер, дядя бул, теперь той земля Аметка хозяин.

Оказывается, что списки так и пестрят мертвыми душами…

Если лишить эти мертвые души права представительства на выборах через посредство живых, явившихся к урнам их наследников, придется отстранить от выборов добрую треть присутствующих с полным сознанием своего права избирателей. На это мы не решаемся, а снова нарушаем букву закона: в списке избирателей зачеркивается давно похороненный Эмир-Усеин, и в него заносится живой, улыбающийся Аметка.

Часа три подряд мы возились над списками, а в это время председатель съезда занят был организацией технической стороны выборов.

Закон тогда требовал, чтобы баллотировка на съездах землевладельцев производилась непременно шарами (теперь, по закону 3 июня, допускается и баллотировка записками), а потому председатель привез из Ялты три баллотировочных ящика и около сотни шаров. Но сразу стало ясно, что, если ограничиться этими приспособлениями, выборы, в которых участвует около тысячи избирателей, могут затянуться на несколько дней. Пять избирательных ящиков удалось достать в алуштинской городской управе, но откуда достать потребное количество шаров для баллотировки? Кому-то из присутствующих пришла блестящая мысль заменить баллотировочные шары орехами.

Сказано – сделано: послали на базар купить пуд орехов…

Когда мы наконец окончили работу по проверке списков, мы увидели, что все уже готово для баллотировки. На длинном, накрытом зеленым сукном столе водружено восемь избирательных ящиков, а рядом, прислонившись к стене, стоит большой мешок, полный фундучных орехов.

---

[1] Имя «Амет-Ака» татары произносят как «Аметка» *(прим. В. Оболенского).*

Председатель, став за зеленый стол, объявил избирательный съезд открытым и предложил присутствующим указать кандидатов в выборщики, чтобы поставить их на баллотировку.

По числу образовавшихся цензов предстояло выбрать двадцать одного выборщика, а следовательно, при наличности всего восьми ящиков, нужно было три раза всей толпой проделать избирательную процедуру.

Но как такой толпе малограмотных, а по-русски и вовсе неграмотных людей наметить кандидатов? Ведь не записками же!

Татары, однако, как народ в высшей степени дисциплинированный, быстро вышли из затруднительного положения. Они сейчас же образовали комиссию из представителей всех деревень и поручили ей назначить по числу вакансий двадцать одного кандидата.

В каждой татарской деревне есть почтенные старики, которые пользуются полным доверием своих односельчан. Это большею частью обладатели либо значительного имущественного, либо религиозного ценза – хаджи, т.е. побывавшие в Мекке. Вот эти-то почетные граждане и вошли в комиссию, причем собственно выборов даже и не было, а все вышло как-то само собой.

Комиссия удалилась в соседнюю комнату и минут через десять уже возвратилась с полным списком кандидатов. В список были включены представители всех деревень, принимавших участие в алуштинских выборах, причем маленькие деревни получили по одному представителю, а большие пропорционально размерам их земельных владений, – по два и по три. Удивительную корректность проявила комиссия к нам, русским избирателям: несмотря на то, что татар было около тысячи человек, а русских – человек пять-шесть, татары все же не нашли справедливым лишать нас представительства среди выборщиков и включили двух русских в число кандидатов.

Перед началом выборов произошел маленький инцидент. Алуштинские татары остались недовольны решением комиссии, находя, что Алушта должна быть представлена бóльшим числом выборщиков, чем сколько значилось в списке. Не найдя поддержки у остальных татар, алуштинцы решили действовать самостоятельно и выставили, независимо от списка комиссии, своих трех кандидатов.

Как только коварство алуштинцев стало известно, поднялся невообразимый шум и гвалт, чуть не дошедший до потасовки, но раздался звонок председателя, и выборы начались.

Самая техника выборов была организована так: у конца стола с избирательными ящиками стоял один из избирателей со списком, по которому вычитывал имена помещенных в нем лиц, а рядом староста соответствующей деревни, как резонатор, повторял произнесенное имя зычным голосом. Вызванные избиратели подходили к столу с ящиками, около каждого из которых стояло по два распорядителя (частью из русских, частью из более развитых татар); один из них заведовал орехами, кладя перед приближением каждого избирателя по одному ореху на крышку избирательного ящика, а другой должен был называть каждому подходящему имя баллотирующегося и затем указывал, где избирательная и где не избирательная сторона ящика. Избиратели непрерывной вереницей дефили-

ровали вдоль стола с другой его стороны, откуда и бросали в ящики орехи.

Вначале эта сложная процедура шла медленно, но постепенно мы приспособились, и работа пошла, как на фабрике. «Мемет-Рамазан», – произносил читающий список. «Мемет-Рамаза-а-а-н», – выкрикивал староста. «Аметка-Али» – «Аметка-Али-и-и».

И один за другим длинной вереницей тянулись татары к избирательным ящикам. А в это время стоящие при ящиках распорядители звучно ударяли ладонями поочередно по правой и левой их стороне, мерно выкрикивая: «Биас, кара, биас, кара!» – т.е. «белый, черный, белый, черный». И это однотонное выкрикивание имен вместе с равномерным постукиванием и перебоем восьми голосов, неукоснительно повторяющих: «Биас, кара, биас, кара!» – производило действительно впечатление какой-то фабрики.

По правде сказать, выборы тоже носили как бы характер фабричной работы по заранее установленным образцам. Все знали, что раз «совет старейшин» решил, что нужно выбирать таких-то, то они и будут выбраны.

«Кара, биас, кара, биас!» – гудела фабрика, и один за другим двигались татары в чалмах и шапках, в синих проводницких костюмах, длиннополых халатах или коротких овчинных куртках и клали всем кандидатам комиссии «биас», а трем «самовольным алуштинцам» – «кара». Одни только алуштинцы составляли по-видимому оппозицию и, чтобы провести своих, чернили отдельных кандидатов общего списка.

Несмотря на предрешенность исхода выборов, участники их относились к делу с благоговейной серьезностью. Многие татары из глухих деревень, по-видимому, не усвоили самой техники выборов и, став перед ящиком, совершенно терялись и не знали, что им делать с врученным им орехом. Но лица их были строгие и сосредоточенные, видно было, что они глубоко чувствуют всю важность совершаемого ими дела.

Я обратил внимание на одного старика из отдаленной деревни, который с самым серьезным видом брал орех, нацеливался им издали, чтобы попасть в отверстие избирательного ящика, и затем торжественно бросал его туда, окидывая окружающих победоносным взглядом. Куда затем падал его орех – направо или налево, ему, по-видимому, совершенно было безразлично…

Поздно вечером закончилась баллотировка первых восьми выборщиков; выборы же остальных были отложены на следующий день. Начался счет шаров…

Если бы какой-нибудь европеец вошел в эту минуту в наше избирательное помещение, он, наверное, не догадался бы, что присутствует при парламентских выборах.

Мы действительно представляли собой довольно странную картину.

Около стола с ящиками при тусклом свете двух свечей стояла кучка человек в десять с председателем во главе, занимавшаяся счетом шаров. Вся остальная масса избирателей расположилась в живописных группах на полу. Среди них слышался тихий разговор и аппетитное чавканье проголодавшихся за день людей. Острый запах чеснока повис в воздухе…

Мало-помалу разговоры стихали, а чавканье сменялось похрапыванием и

присвистыванием. Ночлежный приют, в котором происходили выборы, уже исполнял свое естественное назначение, и только мерный, несколько охрипший голос председателя, считающего шары, напоминал о том, что выборы еще не закончены: «Шестьсот двадцать пять, шестьсот двадцать шесть, шестьсот двадцать семь»…

Собственно говоря, счет шаров был ненужною формальностью. Можно было бы с тем же успехом написать на листе бумаги фамилии всех кандидатов и против каждого проставить небольшое количество неизбирательных и большое – избирательных шаров. Дело в том, что ящики по своим размерам совершенно не соответствовали числу голосовавших избирателей; а так как почти все избиратели клали всем баллотирующимся направо, то правые ящики быстро наполнялись до краев, после чего орехи начинали понемногу пересыпаться в левые. Получились таким образом невольные черняки, которые совсем неотделимы были от черняков истинных. С таким положением приходилось мириться, ибо во всех ящиках число белых шаров все-таки значительно превышало число черных.

Окончив этот ненужный подсчет шаров, разбитые и усталые от пережитой сутолоки, мы, наконец, осторожно перешагнув через разметавшихся по полу сонных татар, разбрелись по домам, чтобы на следующий день начать снова ту же процедуру.

Она началась и снова продолжалась до вечера. Опять заработала фабрика и зазвучали ее колеса: «Биас, кара, биас, кара, биас, кара»… К вечеру все выборщики были избраны и взаимно поздравляли друг друга.

– Знаем, знаем, наша партия! – говорил мне избранный вместе со мною седой хаджи, добродушно похлопывая меня по плечу.

В Симферополе

В отличие от мирно-патриархальных алуштинских выборов, городские выборы в Симферополе носили довольно странный политический характер. Так как крайние левые бойкотировали выборы, а Союза русского народа еще не существовало, то борьба шла лишь между двумя партиями – Партией народной свободы и октябристами.

Нужно отдать справедливость нашим противникам-октябристам – они вели агитацию гораздо интенсивнее, чем мы, кадеты. Нам удалось устроить только один митинг, на котором главную массу публики составила левая молодежь. Ораторы, выступавшие против нас, высмеивали наше «законопослушное шествие в Государственную думу», видели в этом измену нашей программе, в которой начертано всеобщее, прямое и т.д. избирательное право, одним словом, забрасывали нас столь известными политическим деятелям того времени аргументами из бойкотистского катехизиса. Чтобы ознаменовать свою победу над нами, они демонстративно рвали в клочки раздававшуюся на митинге программу Партии народной свободы и усыпали ими как снегом весь пол помещения, в котором происходил митинг.

Помню, как я, возражая своему оппоненту, товарищу Владимиру, сказал, что

в настоящее время в России к свободе и праву не проложено еще ни одной широкой и ровной дороги, а есть только одна проселочная дорога с ухабами, колеями и рытвинами, и эта дорога идет через несовершенную, но все же законодательную Государственную думу. На это неосторожное сравнение я получил реплику: «Ну, и сидите в грязи на вашем проселке, а мы за вами не пойдем!». Реплика вызвала шумное одобрение и хохот…

Нашим противникам в голову не могло прийти тогда, что через полгода по той же дороге потянутся во вторую Думу обозы социал-демократов и социалистов-революционеров, а еще через год, когда дорога будет совсем приведена в негодность актом 3 июня [1907 г.], вся русская оппозиция и революция будут ползти по ней, едва вытягивая ноги из грязи всевозможных «воздействий»…

Как бы то ни было, наш митинг жестоко провалился.

Октябристы были счастливее нас.

Впоследствии, когда во время выборов во вторую Думу возник Союз русского народа, октябристы в Симферополе как-то сразу перестали существовать, так как почти все, in corpore[1], вошли в эту новую почтенную организацию[2]. Но при выборах в первую Думу они были хорошо организованы. На их митингах, на которых выступали ораторы с самой откровенной погромной агитацией, никто из инакомыслящих не решался высказываться из опасения за целость собственной головы. Потому протекали эти митинги беспрепятственно и дружно, без каких-либо внутренних диссонансов.

Что касается прессы, то и в этом отношении октябристы имели большое перед нами преимущество. У них был свой орган, в котором они проводили свою линию грубо и вульгарно, но все-таки совершенно свободно. Читателей у этого органа было гораздо меньше, чем у нашей прогрессивной газеты, но в редакции последней вместе с кадетами принимали участие и представители других левых течений, стоявшие за бойкот выборов.

Газета только что возникла, и раскол в редакции грозил ей гибелью. Поэтому, во избежание раскола, газете приходилось писать о выборах в Думу статьи какого-то промежуточно-компромиссного характера, не удовлетворявшие ни писателей, ни читателей.

Правда, по мере развития избирательной кампании наши газетные бойкотисты сдавали одну позицию за другой, и газета в конце концов обрела настоящий язык, но часть драгоценного для агитации времени была уже упущена.

Все эти обстоятельства, несомненно, мешали нашему успеху, но мы все-таки не унывали.

Избирательная арифметика говорила за нас.

Симферополь – разноплеменный город. Кроме русских в нем проживает много татар, евреев, греков, немцев и других, более мелких национальностей. Как будут голосовать русские, мы не знали, но все-таки были уверены, что получим

---

[1] В полном составе *(лат.)*.

[2] Союз 17 октября, во главе которого стояли общественные деятели с безупречной политической репутацией, во многих провинциальных городах, благодаря особенностям политической конъюнктуры того времени, попал в руки черносотенцев, от которых октябристам удалось отделаться лишь после возникновения Союза русского народа *(прим. В. Оболенского)*.

хотя бы половину русских голосов. Что касается инородцев, то отношение их к выборам было заранее известно: греки и немцы подадут голоса за октябристов, а евреи и татары за нас. Так как последние две национальности более многочисленны, то наша победа была почти обеспечена.

Вообще, из всех многочисленных инородцев, населяющих Таврическую губернию, только греки и немцы на выборах в первые три Думы примыкали к правым партиям, причем немцы скорее тяготели к более умеренным октябристам, греки же неукоснительно поддерживали черносотенцев. Когда после указа 3 июня администрация получила возможность в широком масштабе применять так называемую избирательную геометрию, греки всегда для нее являлись излюбленным балластом, который она бросала на правую чашку весов в тех куриях, где имелись хоть какие-нибудь шансы перетянуть ее левую чашу.

Так, мне вспоминается курьезный анекдот с перекидыванием греков из одной курии в другую, случившийся перед выборами в третью Думу.

Городские избиратели первого разряда города Симферополя были разделены на две курии: одну русскую и другую нерусскую. На месте за основу разделения приняли вероисповедный признак и всех православных занесли в русскую, а инославных – в нерусскую курию. Когда сведения о таком делении дошли до министерства внутренних дел, оно поторопилось разъяснить, что списки составлены неправильно и что в основу разделения на курии следует положить не вероисповедный, а национальный признак. Очевидно, Петербург, далекий от местных комбинаций, убоялся проникновения в православную курию крещеных евреев. Списки были переделаны. Но когда новые списки попали в руки черносотенцев, они пришли в ужас: все греки оказались занесенными в инородческую курию, где их голоса терялись среди татарских и еврейских голосов, а в то же время русская курия, очищенная от греков, тоже давала шансы на победу оппозиции. Сейчас же полетели соответствующие телеграммы в Петербург, и министр внутренних дел не замедлил прислать телеграфное распоряжение об отмене своего прежнего циркуляра. Греки вместе с несколькими крещеными евреями снова водворились в русскую курию, и благодаря им в выборщики прошел большинством нескольких голосов союзник.

Во время выборов в первую Думу администрация, хотя и сочувствовала октябристам, но явного давления на выборы не оказывала. Поэтому мы не столько опасались административного воздействия, сколько сомнительных поступков наших политических врагов. Ходили слухи, что они скупают на базаре избирательные повестки и раздают их свои адептам. Опасались мы и прямых нападений на наших избирателей в день выборов.

Очень хорошо помню этот ясный весенний день.

Хотя я был членом избирательной комиссии, но, как один из кандидатов, находил для себя неудобным принимать участие в ее работе, а потому либо сидел в бюро нашего партийного комитета, либо гулял по улицам и наблюдал за толпой.

В отличие от выборов в последующие Думы, совершенно не отражавшихся на внешнем облике симферопольских улиц, в день перводумских выборов, в особенности на улицах, прилегающих к базару, замечалось большое оживление.

То там, то сям, на углах собирались кучки людей, оживленно обсуждавшие кандидатов и их программы. Местами кучки эти принимали значительные размеры, превращаясь в небольшие митинги, на которых выступали никому не ведомые ораторы из публики. Октябристы развили сильнейшую агитацию, главным образом антисемитского характера. Слово «жид» склонялось во всех падежах. Мы, ставленники «жидов», были, по их словам, конечно, куплены на «жидовские» деньги. Нас защищали не менее энергично. Особенно много защитники наши говорили об аграрной программе, которая привлекала к нам сердца демократических избирателей-горожан, еще не порвавших связи с деревней.

Использовали этот день и наши левые «бойкотисты», но положение их было странное: выступая против октябристских ораторов, им волей-неволей приходилось агитировать за нас. Они сами потом признавались, что в этот день, в атмосфере напряженной политической борьбы они не могли совершенно выдержать своей позиции и усиленно пропагандировали наши кандидатуры. Одного «бойкотиста» я встретил перед входом в помещение, в котором происходили выборы.

– Вы куда?

– Не выдержал, иду вас выбирать, нельзя же способствовать победе этих…

И он, конечно, был не единственным нашим избирателем из «бойкотистов».

История нашей молодой политической жизни знает уже немало случаев, когда кажущиеся стройными и логически обоснованными построения политической тактики разбивались вдребезги от соприкосновения с подлинной жизнью…

Наши противники не ограничивались словесной агитацией. На всех улицах, ведущих в избирательное помещение, расположились их пикеты, которые останавливали более серых избирателей, запугивали их, отнимали наши бюллетени, говоря, что они незаконные, и всовывали свои – «законные». Татарская организация, узнав об этих проделках, стала снабжать каждого избирателя-татарина двумя бюллетенями: один избиратели беспрекословно отдавали октябристам, а другой под шапкой проносили в избирательное помещение и опускали в урну.

Наткнувшись на одну из таких сцен насилия, я обратился к неподалеку стоявшему полицеймейстеру, прося его прекратить это безобразие. Он немедленно исполнил мою просьбу и послал городового разогнать кучку октябристов, устроивших заставу для избирателей. Однако через пять минут кучка эта снова стояла на прежнем месте и открыто продолжала вести свою работу.

Фальсификация выборов производилась в больших размерах. Днем, вероятно, прошло много подложных избирателей с чужими повестками, но заниматься их уловлением у членов избирательной комиссии не было времени. Вечером же, когда толпа поредела, они стали ловиться, как мухи. Способ ловли был установлен очень простой: член комиссии, отбирая повестку, спрашивал [у] избирателя его имя, отчество и фамилию. Подложные избиратели, почему-то являвшиеся чаще всего с повестками на имя кого-либо из железнодорожных служащих, обычно не выдерживали и такого простого экзамена.

Когда я под вечер зашел в помещение, в котором удостоверялись личности избирателей, не получивших повесток, то наткнулся на такую сцену: в двери вваливается совершенно пьяный толстый человек в поддевке и сапогах бутылками.

– Ваша фамилия? – спрашивает его один из членов комиссии.

– С-с-синицын.

В списках Синицын не находится.

– Синицына в списках нет.

– Ну, наплевать, ищи В-в-ворробьева. Синицын – Воробьев – Чижиков – все одно. Я уже вон три раза ходил выбирать. Рразохотился. Нужно четвертый раз пойти…

Наши противники все-таки чувствовали, что дела их плохи, и решили пойти на своеобразный компромисс. В наше партийное бюро явились двое их представителей и предложили нам такую комбинацию: так как неизвестно, чем кончатся выборы, и шансы у обеих сторон более или менее одинаковы, то не лучше ли заключить соглашение. Пусть обе стороны дадут друг другу обязательство за своих двух кандидатов, что в случае победы один из них откажется от избрания и, таким образом, уступит место одному из противников. Когда это предложение было отвергнуто и по достоинству квалифицировано, они стали нас пугать: «Напрасно вы, господа, так легко отвергаете наше предложение. Вы должны же понимать, что страсти в городе разгорелись и что в случае провала наших кандидатов могут произойти события, за которые вы будете ответственны. Мы с себя ответственность снимаем, так как, сделав вам наше предложение, мы сделали все, что могли, для предупреждения могущих возникнуть беспорядков».

На следующий день подсчет голосов ясно показал политическое настроение Симферополя. Наши противники из 4000 голосов собрали всего 1200–1300. И обещанного погрома не произошло.

В это время погромы были уже не в моде.

Публикуется по изданию:
К десятилетию первой Государственной думы:
27 апреля 1906 г. – 27 апреля 1916 г.:
Сб. ст. перводумцев. Пг., 1916. С. 31–42.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ОГОРОДНИКОВ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ
(27 апреля 1906 г. в воспоминаниях депутата)

И через десять лет он сразу встает в памяти, незабываемый и полный очарования день открытия первой Государственной думы.

Конец марта и первая половина апреля с ранней в этом году Пасхой (2–8 апреля) прошли в переживаниях некоторого утомления от большой непривычной политической работы по выборам первых народных представителей и томительной тревоги, вызванной слухами, что ввиду результатов выборов Дума вовсе не будет созвана и, во всяком случае, не соберется в ближайшие месяцы. Едва хватало сил переносить боль этой тревоги, которой не уничтожило и появление указа о дне открытия Думы. Заветная мечта нескольких поколений лучших людей страны, о которой десятки лет нельзя было сказать, не рискуя подвергнуться тяжким испытаниям тюрьмы и ссылки, «и возможной, и близкою стала»... И так стихийно быстро, так неожиданно, с недосягаемых, казалось, высот политической мысли в России сошла в самую жизнь, в города и даже деревни, и всем стала близкою и понятною прекрасная мечта, еще недавно такая далекая, почти призрачная. Она, сначала бесплотная и таинственная, скоро приобрела живые очертания земного существа не только с достоинствами и положительными качествами, но, как у всего земнородного, и с несомненными недостатками и признаками несовершенства. Она воплотилась в дорогой, теперь такой далекий, светлый образ первой Думы.

Огромному большинству общественно настроенных русских людей начала девятидесятых годов самая мысль о приобщении России к числу конституционных государств представлялась несбыточною в пределах их поколения. Это было сказкой о красивой жизни, которую увидят лишь внуки.

И вдруг дивный сон свершается наяву: уже близок день, когда желанное устрояющее нашу бедную, отсталую народную жизнь начало, организованное силами самого (и в вековом пленении!) великого народа, мощно и неотвратимо войдет в жизнь. Судьбой так решено: нам суждено пережить и увидеть воплощение в действительность красивой сказки из мира грез.

И в туманном сыром Петербурге изредка бывают ранней весной прелестные солнечные дни. У меня в памяти более не сохранилось, однако, воспоминания, чтобы где-либо или когда-нибудь еще я переживал это удивительное чувство гар-

монии между впечатлениями пронизанного насквозь золотыми лучами животворящего солнца, ликующего весеннего дня и внутренними радостными переживаниями бодрости и веры в свои силы и в великое значение предстоявшей в Государственной думе работы, глубокий смысл которой уходил далеко за пределы самого выполнения ее.

Сияло на безоблачном голубом небе солнце, пьянил душу прозрачный, напоенный светом и теплом воздух, и позабывшая, казалось, все гнетущее толпа шумно наполняла улицы и площади столицы. Ни облачка на небе, ни тени сомнения и усталости в душе, ни малейшего следа пережитых страданий в ликующем народе… Полное забвение всего тяжелого, прошлого, безотчетное упоение ожиданием близкого неизбежного возрождения к новой, красивой жизни под сенью права и свободы.

Когда я по залитым солнцем и кишевшим народом, расцвеченным попраздничному национальными флагами улицам и Дворцовой площади подъезжал к Зимнему дворцу, в душе на один миг всколыхнулось несколько болезненное ощущение контраста. В памяти промелькнули неясные разрозненные картины из всего слышанного о другом, недавнем еще тогда народном движении во имя слепой веры в грядущее освобождение и о совершившемся тогда на этой великолепной площади[1].

Но таково уж было чудодейственное влияние светлого дня: жалость и боль прошлого едва коснулись взволнованной настоящим души. Родилась и крепла мысль, все сводившая к значению переживаемого в тот момент. Росла уверенность, что действительно прочно и неотъемлемо то, что добыто ценою тяжких жертв народных. С таким настроением я на роскошной мраморной лестнице дворца смешался с разнообразной, пестрой, красочной толпой депутатов и придворных. Очень быстро прошло некоторое замешательство и чувство одиночества, неизбежные в толпе, в незнакомой обстановке. Множество знакомых лиц депутатов… В блестящем гвардейском полковнике с особо молодецкой выправкой и на редкость могучей фигурой я с удовольствием узнал симпатичного черниговского депутата А.А. Свечина, ненавистного администрации энергичного председателя губернской земской палаты.

Вблизи него депутат во фраке, с оригинальным, хотя и некрасивым лицом. Это также черниговец, А.А. Муханов, потерявший должность губернского предводителя и мундир камер-юнкера вследствие посылки государю телеграммы о необходимости созыва народных представителей. Красивым национальным мазурским костюмом и своей сильной фигурой обращает на себя общее внимание молодой люблинский депутат И.М. Наконечный. Значительное количество крестьянских депутатов в малорусских свитках и в русском национальном платье.

Останавливает на себе внимание интересная, безукоризненно изящная фигура петербургского депутата В.Д. Набокова, европейца-парламентария до кончиков ногтей. Странное впечатление должен был бы производить этот талантливый молодой ученый и выдающийся общественный деятель в мундире камер-юнкера, который только в 1904 г. за участие в освободительном движении был им

[1] Имеется в виду расстрел шествия рабочих 9 января 1905 г. в Петербурге.

утрачен вместе с профессурой уголовного права в училище правоведения.

При выборах в первую Думу не получилось «гипертрофии» специфически духовного элемента, и так естественно было видеть в рядах народных представителей небольшие группы православного духовенства с производящим впечатление силы и мужественности молодым депутатом от Донской области о[тцом] Клавдием Афанасьевым впереди и католического духовенства, во главе с виленским депутатом епископом бар[оном] Роопом, в живописной малиновой сутане, с его тонким умным лицом аскета и всегда как бы прищуренными проницательными глазами.

Выделяется сразу милая сердцу, всем знакомая, несколько грузная и чисто-русская фигура харьковского депутата М.М. Ковалевского, всемирно известного ученого и профессора государственного права в университетах России, Англии, Франции и Швеции. Рядом с ним кажется такою крошечною фигурка гродненского депутата М.Я. Острогорского, крупного специалиста в области конституционного права, некоторые работы которого изданы почти на всех европейских языках.

Трудно обобщить все мимолетные, разрозненные впечатления от исключительного богатства людей, действительно выдающихся умом, знаниями, талантом и преданностью всенародному делу, собравшихся впервые в этот день у трона. Долгий перечень их все был бы неполон и отрывочен.

Вся эта разнохарактерная, такая крупная и живая сила народная в четыре сотни избранников совершенно потонула в огромной сдержанно-дисциплинированной толпе расшитых золотом придворных. Блеск придворных мундиров и количество их произвели большое впечатление на депутатов-крестьян, которым в первый раз пришлось столкнуться вблизи с таким внешним проявлением знатности, богатства и роскоши.

Подойдя приветствовать председателя думской фракции [Партии] народной свободы, тверского депутата И.И. Петрункевича, я узнал, что 30 лет тому назад, в этот самый день он был отправлен в ссылку в Варнавин Костромской губ[ернии]. Когда я с особым чувством пожал руку стойкого и вдумчивого поборника свободы и общественности, во мне еще сильнее загорелась вера в новую жизнь, в невозможность возврата к старому произволу.

Томительно долгим показалось время ожидания Высочайшего выхода в большом Георгиевском зале. Я занял место в первом ряду депутатов, и судьба послала мне в соседи покойного графа П.А. Гейдена, который мог назвать мне по именам довольно большое количество появлявшихся чинов. С этой первой встречи началась глубокая симпатия моя к этому прекрасному человеку, который в первой Думе украшал собой вместе с престарелым новгородским депутатом Н.Ф. Румянцевым правые скамьи. На них тогда не было никого из тех развязных отщепенцев от народа, которые присвоили себе прозвище истинно-русских людей. Гр[аф] Гейден не был оратором. Его манера говорить была несколько тягучей, лишенной яркости. Но действительная убежденность его и неизменная преданность общему благу и началам истинной справедливости и прогресса, в связи с благородным рыцарским отношением к его идейным противникам, быстро завоевали этому незаб-

венному лидеру «правых перводумцев» единодушные уважение и расположение всех фракций Думы.

Напротив, в переднем ряду членов Государственного совета, возвышалась монументальная фигура главы недавно павшего кабинета, гр[афа] С.Ю. Витте. В этот день во дворце опальный властелин, умом и талантами так же, как и ростом, бывший выше всех остальных звездоносцев своей эпохи, с нескрываемым любопытством оглядывавших представителей новой России, совместная законодательная работа с которыми оказалась для них такой трудной, – был особенно мрачен. Некрасивое лицо его становилось угрюмым, когда он наклонялся изредка к невысокому царедворцу, в неприятных чертах небольшого отталкивающего старческого лица которого я без труда узнал памятный по карикатурам облик П.Н. Дурново. Жестокий и сильный когда-то директор департамента полиции, которого злой рок подсунул гр[афу] Витте в его кабинет «обновленной» России, был, насколько я мог заметить, единственным собеседником отставленного премьера. Никто более не подошел во все время приема к рухнувшему с огромной высоты всесильному еще на днях сановнику, и одиночество и опала его неприятно бросались в глаза.

Звуки музыки и начавшееся движение чинов, торжественно несших на особых подушках знаки государственной власти, возвестили начало церемонии. Появился, наконец, государь, и начался молебен. А затем была произнесена историческая тронная речь, законченная, как известно, следующими знаменательными словами: «Да знаменуется день сей отныне днем обновления нравственного облика Земли Русской, днем возрождения ее лучших сил… Я же буду охранять непоколебимыми установления, Мною дарованные…».

И опять бодрое чувство веры в совершившийся бесповоротно разрыв с отжившим прошлым нескрываемым волнением охватило все сердца.

Предостерегающие уроки бесстрастной мировой истории, даже совсем недавний урок собственной истории в виде издания Основных законов 23 апреля 1906 г., – все было заглушено этим порывом ослепленной веры. Ни в ком, конечно, не мелькнуло в этот день и тени предчувствия, что слишком коротка будет, одухотворенная одной идеей политического возрождения родины, жизнь первой Думы, что скоро «лучшие люди» будут осуждены как преступники, коронным судом. Невероятною показалась бы самая мысль о возможности того, что всего через год с небольшим Россия узнает о созыве третьей Государственной думы по закону 3 июня 1907 года.

Вышли депутаты из дворца на набережную, и воздух огласился радостными кликами в честь Государственной думы окружавшего дворец и толпившегося по обоим берегам Невы народа. Это были первые приветствия народа не отдельным избранникам, весьма в Петербурге популярным профессорам Карееву, Набокову и Петражицкому, адвокатам Винаверу и Кедрину и доктору Петрункевичу, которых, впрочем, тотчас же узнавали в толпе и с гордостью называли по фамилиям, но Думе в целом.

«Ура, Государственная дума!».

Хотелось идти пешком и ближе слиться с этой возбужденной толпой, чув-

ствовавшей сильно и непосредственно духовную близость к ней всех этих людей, съехавшихся из разных концов России ради одной желанной и великой цели – упрочить в стране гражданскую свободу и право. Но до Таврического дворца было не близко, а необходимо было туда спешить.

Тут же, против Зимнего дворца, депутаты садились на небольшие финляндские пароходики. Широкая полноводная Нева чудесно сверкала и переливалась своими серебристыми в полуденном освещении волнами и казалась такой могучей и свободной в сковавшем ее граните. С обоих берегов за пароходиками все время неслось несмолкаемое «ура». Взрывы мощного привета усиливались при приближении пароходиков к переполненным народом мостам через Неву, с которых депутатам махали шляпами, платками…

В этот день жила в народе не надежда лишь на грядущую свободу, но живое чувство самой прекрасной свободы. Народ был участником широких помыслов о творческом созидании, и так далек он был от всякой мысли о разнузданности и произволе.

И невыносимо тяжела была яркая картина насилия и гнета тюрьмы, которая вставала перед депутатами, когда пароходики подходили к переполненным «Крестам». За решетками бесчисленных открытых окон огромной тюрьмы виднелись узники, встречавшие депутатов громкими криками и махавшие из каждого окна белыми платками и рубашками. Не было сил перенести тягостное зрелище того, как из душных одиночных казематов лишенные свободы, в огромном большинстве не преступники, а увлеченные борцы за свободу приветствовали еще не виденных ранее никогда «неприкосновенных» граждан, носителей свободы. Все на пароходе были растроганы до глубины души и взволнованы до слез.

Одно чувство, одна мысль вылились в дружном ответном приветствии далеким и таким близким в этот момент узникам: «Амнистия! Полное забвение прошлого!». Как бы в ответ на это, толпа народа на улице вместе с криками приветствия первоизбранникам неизменно повторяла этот клич. Это требование свободы для политических борцов принесли представители народа и в первые фракционные совещания в стенах Думы перед открытием первого заседания.

Настроение всех депутатов было единодушным. Но возникли большие сомнения в том, возможно ли заявление о необходимости неотложной и полной политической амнистии облечь немедленно в решение Государственной думы. Допустимо ли обсуждение этого вопроса прежде, чем Дума конституируется и даст ответ на тронную речь? Ответный адрес государю признавался всеми необходимым. Он должен был выразить с исчерпывающей полнотой все, чем, по общему признанию, жила страна, – все ее насущнейшие запросы и все явные и скрытые язвы, препятствующие ее безостановочному развитию, подтачивающие ее могучий организм. Он должен был раскрыть пред государем, пред родиной, пред всем миром, наконец, самую душу первого народного представительства России и сразу же дать ему надлежащее место в мировом парламентском общении.

Знатоки конституционного права и парламентских регламентов и обычаев утверждали, что невозможно довести до сведения верховной власти формулу Думы об амнистии ранее принятия ответного адреса, так как двух ответов

на тронную речь допущено быть не может, а немедленное принятие формулы об амнистии и явилось бы таким ответом на обращение монарха к народным представителям. Но живая жизнь так настоятельно требовала забвения прошлого, столько страдания и озлобления вносили в начинающуюся творческую работу эти переполненные по-старому тюрьмы, что было невозможно ждать и спокойно шаг за шагом творить новые формы жизни, не открыв немедленно выхода этому воплю наболевшей души.

Мне дорого и отрадно вспомнить, как много было сделано для принятия того решения, которое и было осуществлено в Государственной думе неотразимыми по глубине переживаний и силе аргументации речами в этом совещании костромского депутата Зах[ара] Гр[игорьевича] Френкеля, который был избран членом Центрального комитета и секретарем комитета думской фракции [Партии] народной свободы.

В окончательном выводе было решено, что Государственная дума немедленно выразит свое отношение к вопросу об амнистии и председатель Думы при докладе о последовавшем избрании его доведет об этом до сведения государя как о факте в едва начавшейся жизни Думы, а не как о юридическом акте ее.

В пять час[ов] пополудни статс-секретарь Фриш, вице-председатель Государственного совета открыл первое заседание Государственной думы для избрания председателя Думы.

Красивый и теперь зал заседаний, переделанный после обвала потолка во второй Думе и получивший свет через стеклянный потолок, в прежнем виде был прямо великолепен. Дневной свет он получал лишь чрез окно полуциркульного зала, находящегося сзади председательской трибуны и в настоящее время отделенного от зала заседаний стеной. Эта переделка уменьшила зал, изменила к худшему его вид, не улучшив, кажется, акустики. В прежнем зале был недостаток света и приходилось рано зажигать электричество. При освещении à giorno[1] зал принял особо блестящий и торжественный вид. Все депутатские места были заняты. Лица у всех взволнованные и сосредоточенные. Ложи министров, Государственного совета и прессы полны. Хоры переполнены самой избранной публикой. В дипломатической ложе обращал на себя общее внимание японский посланник, который выдвинулся за барьер и замер в таком положении, стараясь услышать каждое сказанное внизу слово. В средней придворной ложе можно было видеть недавно еще не жалевшего патронов Трепова, который старался, видимо, не афишировать своего присутствия. В одной из лож наверху я заметил П.Н. Милюкова, смотревшего со спокойным вниманием на закрытую для него тогда арену политической борьбы. Он никогда не оставался зрителем в общественной работе, всюду он был в первых рядах борцов за новую жизнь, и было обидно и тяжело видеть, что правительство все-таки сумело временно «обезвредить» эту силу.

В приветствии своем депутатам, которое он считал для себя высокою честью, действительный тайный советник Фриш нашел возможным подчеркнуть, что основным законом об учреждении Государственной думы избранники русского народа поставлены в полную возможность дружно и усиленно работать над

[1] По-дневному *(итал.)*.

водворением в дорогом отечестве законности и порядка. Искушенный опытом долгой службы обветшавшему строю, в котором отсутствие свободы слова и служебная тайна на всех ступенях были краеугольным камнем государственности, старец вместе с тем признал, что в обновленной законодательной деятельности депутатам «выпала счастливая доля работать при полном свете публичности и гласности и при полной свободе слова».

Весьма непродолжительна была процедура подписания членами Думы листов с торжественным обещанием. Остроумные исторические изыскания и временами страстные, а в общем утомительные прения накануне в общих совещаниях всех фракций Думы, вызванные текстом этой «присяги», были в действительности полезны и даже необходимы. Они прочно поставили этот чисто формальный акт на его место не только для первой Думы, но и на будущее время. Благодаря этому предварительному обсуждению легко и свободно создалось в Думе вполне определенное настроение: довольно отвлеченных споров о словах и канонах, скорее к делу, к единодушным действиям на благо народа.

Быстро поданы были 436 записок с именем кандидата в председатели Государственной думы. Было одно только имя у всех на устах, имя депутата от Москвы Сергея Андреевича Муромцева, и некого было поставить рядом с ним в этих выборах, несмотря на все исключительное духовное богатство первого народного представительства.

В первые же дни по приезде в Петербург членов Государственной думы для каждого сразу как-то становилось вне спора, что председателем Думы должен быть этот человек, с исключительной очевидностью предназначенный судьбой для выполнения высокой исторической миссии. Было как-то странно слышать, что кроме 426 записок с именем Муромцева, поданы еще три записки за С.Т. Варун-Секрета, впоследствии товарища председателя в четвертой Думе, и по одной с именами И.И. Петрункевича, М.М. Ковалевского, В.Д. Кузьмина-Караваева, А.Ф. Аладьина и других. Результаты баллотировки записками произвели впечатление на председательствовавшего, и статс-секретарь Фриш после заявления И.И. Петрункевича о том, что С.А. Муромцев является единственным кандидатом, а баллотировка шарами была бы лишней тратой времени, поставил на голосование Государственной думы вопрос: угодно ли считать избрание С.А. Муромцева единогласным? Как один человек, встала вся Дума[1]. Еще минута, и оглушительный гром аплодисментов встретил поднявшегося на председательское место избранника всей Думы, всех народных представителей единой России.

Я не представляю себе, что переживал в эти минуты сам Муромцев. Поднявшись на председательскую трибуну пред очами полной пламенной веры в Думу России, он был, как всегда, спокоен, с его прекрасным матово-бледным лицом и изящными неторопливыми и ритмическими движениями. Как человек, нашедший свое настоящее призвание, он сразу сросся с этой трибуной, как будто он давно-давно ждал ее и знал ее. И у избравших его не было сомнения, что избранник их до самого конца безупречно выполнит свой долг перед страной, что это спаявшее всех в одно целое избрание – символ большой моральной силы

[1] Открытое голосование в Думе осуществлялось вставанием.

многоголового собрания и залог его дальнейших успехов. Всех бодрило сознание хорошо удавшегося начала и радовало предчувствие близости еще более трогающих переживаний начавшейся за свободу и счастье народа борьбы.

До самого конца своей недолгой жизни Дума оставалась под властью совершенно особенного пиетета к личности своего председателя. Нельзя было не любоваться Муромцевым всякий раз, как он появлялся на председательской трибуне. С ней неразрывно связан его чарующий образ. Вырастала перед Г[осударственной] думой эта красивая благородная фигура, с каким-то особым достоинством и изяществом брал Муромцев в руки звонок, и вскоре в зале водворялась тишина. Председательствовавший кроме Муромцева в первой Думе товарищ председателя курский депутат кн[язь] Петр Дм[итриевич] Долгоруков всегда с полным успехом вел заседания Думы. Но когда, чаще всего с двух часов дня, председательское место после него занимал Муромцев, все как-то невольно подтягивались и начиналось совсем иное, всегда торжественное законодательствование. Муромцеву никогда не нужно было делать усилий, брать себя в руки, сдерживаться. Он должен был только оставаться и всегда оставался самим собой. Прекрасно было ничем непоколебимое спокойствие, с которым он выполнял каждую мелочь во взятом на себя ответственном деле. Это оно оказывало сильное влияние и на наиболее страстных членов Думы и сдерживало всех в разгаре самых бурных прений. Мне представляется, что для художника-скульптора Муромцев был на редкость совершенною моделью для чудесного изваяния, которому можно было бы дать одно название: «достоинство».

Он был художественно законченным воплощением именно достоинства, лучшего благородства человека, гражданина, носителя права, этой благороднейшей силы общественной. На председательской трибуне Думы во весь рост встал пред Россией этот изумительный человек. Муромцев перейдет, вернее, уже перешел в историю как символ, как гармоническое олицетворение мощи и красоты народа, сумевшего после долгих лет рабства, разобщенности и темноты, при переходе к новым формам политической жизни выдвинуть такую крупную одухотворенную силу, как первое народное представительство России.

В разговорном языке простых людей Муромцев нередко превращался в Муромца. Он был и в самом деле художественным воспроизведением творчества наших дней, как старший богатырь Илья Муромец был несравненным художественным образом древнего народного эпоса.

Одновременно с картиною первого появления Муромцева на председательской трибуне встает в моей памяти и другое торжество первоизбранника Думы. В Выборге, когда собрались все съехавшиеся туда подавленные случившимся депутаты, И.И. Петрункевич предложил избрать председателем совещания С.А. Муромцева. Чтобы понять, чем был Муромцев для первой Думы, надо было видеть и пережить этот неудержимый неподдельный энтузиазм, этот взрыв единодушного восторга, с которым было встречено это предложение. Словно вихрь мгновенно сорвал всех с мест, когда с тем же несокрушимым спокойствием и неподражаемой изящной простотой, с какими он всходил на председательское место в Таврическом дворце, Муромцев поднялся и пошел к небольшому столу,

стоявшему у одной из стен плохо освещенной залы приютившей перводумцев гостиницы «Бельведер».

С упоением рукоплескали вместе с кадетами любимому председателю и социал-демократы, и трудовики; у всех одинаково светилось в глазах восхищение этим красивым цельным человеком, сумевшим до конца остаться верным самому себе и своей Думе, – у многих блестели слезы. Уныния и подавленности уже не было, и стройно, как в Таврическом дворце, шло длительное заседание. И только окончив его, выехал Муромцев в Петербург.

В те мрачные дни, когда правительство Столыпина демонстрировало пред русским обществом свою силу, инсценируя торжественный спектакль всей полноты власти в виде выборгского процесса, в костромской глуши простой народ убежденно говорил: «Муромцева не посмеют посадить в тюрьму». С тем же достоинством вошел Муромцев и в свою одиночную тюремную камеру и вышел из нее, с каким он входил в свой кабинет в Думе, изумляя чиновников Госуд[арственной] канцелярии способностью работать без отдыха по 18 часов в течение всех 72 дней существования первой Думы. Светлый образ первого председателя Думы за тюремной решеткой не утратил своего обаяния в народе, который с небывалою торжественностью и с глубокою скорбью проводил Муромцева в могилу.

И недалеко то время, когда незабвенный образ Муромцева в прекрасном творении художника, непременно на высоком постаменте в виде его трибуны в Думе, встанет на открытом взору каждого гражданина месте и навеки сохранится в памяти народной.

Прежде чем Муромцев мог что-либо сказать в шуме заканчивающихся приветственных рукоплесканий, попросил слова И.И. Петрункевич, и, по приглашению председателя Думы, первым вошел на парламентскую трибуну.

Надо было видеть, как были напряжены изумленные лица министров и остававшихся в зале чинов Государственной канцелярии, не ожидавших в этот день ничего, кроме выборов. На мгновение в зале воцарилась тишина, и созвучным откликом на заветные ожидания всей страны с большой силой прозвучала задушевная речь тверского депутата.

Волнение и сочувствие всех к почину справедливости и государственной мудрости неудержимо разрастались во время этой речи. Многие депутаты сидели, закрыв лица руками. Многие с бледными трепетными лицами встали со своих мест, словно идя навстречу тому, о чем говорил оратор.

Всего в нескольких словах выразил И.И. Петрункевич глубину и боль мучительно волновавшего народных представителей сознания того, что нельзя идти к свободе мимо жертв борьбы за свободу. Государственная дума стихийно сливалась в одном чувстве, и старинный, залитый светом зал дрожал от рукоплесканий на всех скамьях – и левых, и правых – при заявлениях, что долг чести и совести повелевает, чтобы первая мысль, первое свободное слово было посвящено тем, кто пожертвовал своей свободой за освобождение дорогой всем родины; что из всех переполненных тюрем в стране тысячи рук протягиваются с надеждой и мольбой, и Дума просит мира и согласия, а свободная Россия требует освобождения всех пострадавших.

Едва умолкли рукоплескания, а сердца еще взволнованно стучали, и по ресницам у многих катились слезы, как всю Думу сразу приковал к себе спокойный, но такой властный и убежденный голос, раздавшийся с председательского места. Вспоминая первую речь несравненного председателя отошедшей ныне в историю первой Думы, я и сейчас переживаю этот холод потрясающего восторга пред красотой и силой сказанного. И она была немногословна, эта речь. После другие председатели Думы не раз говорили значительные и содержательные речи, находившие отзвук и в Думе, и в стране. Но ни одна из этих речей не производила такого впечатления, какое не только на Думу, но и на всю читающую Россию произвел Муромцев простыми, ясными словами, проникновенно вскрывшими самую глубину объединявших Думу затаенных чувств и стремлений, весь смысл исторического события, совершившегося в этот день.

«Совершается великое дело, – со своей неотразимой величавой простотой возвещал всей России Муромцев, – воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду. Пожелаем друг другу и самим себе, чтобы у всех нас достало достаточно сил для того, чтобы вывести его на своих плечах на благо избравшего нас народа, на благо родины. Пусть эта работа совершится на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного монарха и на почве совершенного осуществления прав Государственной думы, истекающих из самой природы народного представительства».

Опять вся Дума безраздельно слилась в неудержимом порыве свершить подвиг самопожертвования на благо народа и в этой торжественной клятве до конца осуществить все конституционные права народного представительства.

И, суммируя все яркие впечатления первого дня первой Думы и пробужденные им ожидания тогда истомившейся в тяжкой внутренней борьбе за свободу, а ныне безропотно напрягающей все свои силы в кровавой войне за независимость великой страны, я с щемящей грустью о моем прошлом и с неугасимой верой в будущее России повторяю и перефразирую слова поэта:

Как мало прожито, как много пережито.
Надежды светлые, и юность, и любовь…
И все оплакано, осмеяно, забыто,
Погребено, но возвратится вновь[1].

Публикуется по изданию:
К десятилетию первой Государственной думы:
27 апреля 1906 г. – 27 апреля 1916 г.:
Сб. ст. перводумцев. Пг., 1916. С. 51–62.

[1] Парафраз отрывка из стихотворения С.Я. Надсона «Завеса сброшена…» (1882 г.):
Как мало прожито – как много пережито!
Надежды светлые, и юность, и любовь…
И все оплакано… осмеяно… забыто,
Погребено – и не воскреснет вновь!

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПРОТОПОПОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЫБОРАХ В ПЕРВУЮ ДУМУ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Памяти почивших товарищей-депутатов, прямому, смелому народу заволжских степей, их простору и дикой воле посвящаю я эти воспоминания.

Конец ноября и декабрь 1905 г. я провел в Петербурге, временно покинув Самару, где непреодолимые противоречия тогдашнего положения казались запутаннее, чем где бы то ни было. Неясно в головах было и в Петербурге, но там уже образовался круг людей наиболее культурных, и в то же время отзывчивых, которые старались трезво смотреть на данное очень запутанное положение. Самару же я оставил во власти фантастических и неясных представлений о близком установлении «народовластия», в полном сомнении относительно будущего: крестьяне ли всем завладеют и учредят «народное правление», социал-демократы ли установят свою диктатуру. Насчет одного не было почти ни у кого сомнений: реакции никогда уже не торжествовать.

Приняв участие в январском съезде партии[1], я спешил в Самару, где уже шло фактическое образование партии и подготовление к выборам. Юридически она была основана в Самаре 26 сентября [1905 г.], и делегаты на октябрьский съезд (состоявшийся в Москве) не попали только из-за забастовки; но существование партии до января было нереальное: ничем она себя не проявляла; вступившие в ее ряды чувствовали себя как-то неуверенно, как бы стыдясь за ее умеренность.

Декабрьские события, имевшие место в Москве и в других городах, в том числе и в Самаре, сильно изменили настроение: вера в восстание народа осталась уделом либо крайних организаций, либо людей, очень далеких от общественных дел.

В Самаре я застал настроение иным, сильно притихшим. Одна карта – вера в немедленный переворот, в деятельность союзных организаций – была бита. Надо было отыгрываться, ходя другой картой – выборами в Государственную думу, на которую те, кто не стоял за бойкот, возлагали величайшие надежды.

---

[1] Второй съезд Партии конституционалистов-демократов проходил 5–11 января 1906 г. в Петербурге.

Я приехал в Самару 16 января, а как раз накануне происходило собрание образовавшейся группы Партии народной свободы. Люди переговорили, ближе познакомились. В гор. Бузулуке возник уездный комитет. В других местах это не удалось сделать – не находилось подходящих элементов. В Самаре был устроен партийный клуб.

Выборы выборщиков по городу должны были происходить только в первых числах апреля. Выборы же уполномоченных от крестьян уже были произведены или производились. Уездные выборы должны были быть в начале марта, а губернские – 28 марта. Времени оставалось мало, а в уездных городах, кроме Бузулука, почти ничего не делалось в смысле партийной агитации. Мало делалось и в самой Самаре, в смысле уездного города. Все силы были устремлены на городские выборы. Между тем, независимо от самого состава городских жителей, Самара, в конце концов, давала одного депутата в Государственную думу, а губерния – двенадцать.

Подготовление к городским выборам состояло в том, что были своевременно добыты списки всех избирателей гор. Самары; они сплошь читались в присутствии лиц, хорошо знавших город. В списках, согласно отзывам этих компетентных людей, делались соответствующие отметки. К колеблющимся направлялись увещатели.

Подходил март. Весна была очень ранняя: водяная птица прилетела еще в феврале, – почти неизменная примета неурожая (он и был в 1906 г.). Дороги портились. Надо было ехать в уездный город, куда нас собиралась довольно дружная компания землевладельцев, один даже из Петербурга, наш родственник, сын реакционного члена Государственного совета.

В свой уездный город Николаевск, за 130 верст, я приехал в начале марта.

Странный это, несуразный какой-то был город: все больше трехоконные избы – и вдруг большой, блестящий магазин или склад сельскохозяйственных орудий, или просторный, солидный дом. Посреди города – безбрежная площадь с собором безобразной архитектуры и с просторным, эффектным зданием уездной управы. А кругом чернеющие на зимнем снегу рощи и сады вдоль извилистого Иргиза и убегающие вдаль синеющие сырты.

В тесных и грязных номерах Корнилова, где всегда, как бы по традиции, останавливалась наша «молодая» партия, собрались мы и теперь и держали совет. Подготовки агитационной не было предпринято никакой, но за нас было самое время с его тенденциями. Впрочем, кое-кто из представителей мелкого землевладения – уполномоченные – оказались несколько обработанными, особенно жители известного торгового села, ныне города, Балакова. Там действовал С.Г. Мельников, богатый мельник, в то время бывший председателем уездной управы. (В скором времени старая партия, выкинувшая черносотенный стяг, выжила его из председателей, несмотря на его энергичную деятельность или, вернее, вследствие ее). Что председатель управы, богатый к тому же человек, на нашей стороне, это имело по уездному, несомненно, большое значение и помогало нам немало. На наши совещания, происходившие иногда в председательском кабинете, охотно поэтому приходили даже духовные лица, выражая нам свое сочув-

ствие. Зато было несколько представителей крестьянского землевладения, настроенных против нас совершенно враждебно. Их настроение вызывалось естественным страхом за землю; это чувство, конечно, всячески культивировалось противной партией, застращивавшей землевладельцев. Что касается уездного города, то он для нас был потерян, – им всецело завладели наши противники, заранее подготовлявшие почву на собраниях, где особенно выделялись служащий в удельном ведомстве[1] Родзевил и один из соборных причетников. Кроме того, по причинам естественным, горожан в выборах должно было участвовать гораздо более, чем землевладельцев, которым приходилось съезжаться по невозможным дорогам, с риском возвращаться обратно по еще худшим. Действительно, из значительного числа собственников, их управляющих и арендаторов приехало ничтожное число – около 22 лиц. И это на уезд в 28 000 кв[адратных] верст, почти равный по размерам Московской губернии. Кроме распутицы, влияло и то глубокое равнодушие, с которым землевладельческий класс вообще относился ко всему общественному, ко всему политическому. «Ну, что еще там выдумали: Дума какая-то, выборы! Тащись за 100 верст! И без нас, чать, управятся».

И это говорили люди, для которых проехать по денежному или личному делу на лошадях 150–200 верст и обратно ровно ничего не составляло.

Приехал я шестого марта, а восьмого должны были быть выборы. Время проходило в переговорах с кучкой нам сочувствовавших участников первого собрания, происходивших иногда на базарной площади, куда в приволжских и заволжских городах тянет всякого приезжего и куда часто заглядывает и местный житель. Это – своего рода ἀγορα[2] древних греческих городов.

Правые устроили накануне самых выборов предвыборное собрание в тесных и грязных комнатках уездного казначейства. Но из собрания ничего не вышло. Они и мы тяжело молчали и лишь изредка кто-нибудь из менее ожесточенных, формы ради задавал вопрос, посвященный технике выборов. Рознь и вражда между нами и нашими противниками родилась на земской почве – мы в 1904 г. осенью, за год до 1905 г., вытеснили их из уездной управы[3], из цитадели, где старая партия держалась с самого основания земских учреждений. Лишиться власти, окладов, влияния – это было для них ужасно, поэтому они вели с нами ожесточенную, беспощадную борьбу.

В тот же вечер или накануне мне пришлось прослушать из соседней комнаты предвыборное собрание крестьян. Допускали в обширный зал уездной управы одних крестьян, но голоса у них настолько громкие, особенно когда они говорят с одушевлением, что их вполне было слышно из соседней комнаты. Уезд наш, сравнительно был многоземельный – приходилось около пяти с лишним десятин на душу. На сиротском наделе сидели весьма немногие селения. И тем не менее, собрание только и говорило, что о земле. Кое-кто из молодых заговорил и о расширении прав; его поддержали, но без особого энтузиазма. О земле говорили как

---

[1] Удельное ведомство – центральное государственное учреждение. В 1892–1917 гг. Главное управление уделов министерства императорского двора. Ведало удельными землями и имуществами.

[2] Агора *(греч.)* – рыночная площадь, центр городской общественной жизни.

[3] Уездная земская управа – исполнительный орган уездного земства.

о даре Божьем, которая должна-де всем принадлежать, которая создана для человека. Между тем она в руках немногих богачей, которые даже и на войну-то не ходили, и т.д. Говорили с подъемом, с ожесточением. Нужно сказать, что всю предыдущую зиму среди крестьян шла сильная аграрная агитация, хотя волнений аграрных почти что не происходило. Но в крестьянах быстро разгорелась общая стихийная жажда земли, причем ее требовали, как и в других, впрочем, местах, и селения многоземельные.

В общем, должен признаться, речи крестьянских уполномоченных меня поразили в смысле универсальности крестьянских требований того времени. Не имея никаких сношений с другими губерниями, наши крестьяне говорили буквально то же самое, что крестьяне большинства местностей России.

Настал день наших выборов. Обширный, холодный и грязноватый зал уездного съезда в нижнем этаже дома земской управы. Хмурая, сырая мартовская погода. Нас собралось всего человек сорок. Были нам совершенно незнакомые люди. Отношение сил было почти равное, что и показали первые же баллотировки. Мое настроение к результату выборов было довольно безразличное. Мне была ясна ответственность звания депутата в это время, когда люди моего склада убеждений подвергались самой жестокой критике со стороны крайних элементов. Но я чувствовал, что в эти минуты, пока считали стукавшие по дну ящика шары, решалась судьба моей дальнейшей жизни.

Выборы кончились поздно, потому что очень многие землевладельцы из крестьян и некоторые управляющие, совершенно незнакомые с техникой выборов, непременно хотели баллотироваться, считая, вероятно, малодушным отказаться от формального предложения председателя. Мы все прошли очень тонко, ничтожным большинством. Я, например, получил 22 избирательных против 19 неизбирательных.

Дело было сделано – выборщики были избраны – по бóльшей части прогрессивного направления. Надо было ехать в Самару. Мы туда ехали через Саратов, Пензу, Сызрань, опасаясь иначе застрять в дороге. Была совсем весна, чернели серые пашни.

В Самаре опять вопрос о городских выборах занял первое место, совершенно оттеснив вопрос о губернских выборах. Устраивались частные предвыборные собрания, на которых ораторы наших взглядов обыкновенно подвергались жестоким и придирчивым нападкам со стороны левых, все еще, несмотря на московское восстание и другие неудачи, не утративших ни внутренней веры, ни внешнего обаяния на довольно обширные общественные круги. Вопросы обсуждались самые широкие: в Самарской, например, слободе, грязном, выросшем буквально на кучах навоза заречном предместье, населенном почти исключительно содержателями постоялых дворов и трактиров, и рабочими, ставился вопрос, как же поступить при несомненно грядущем отобрании земель, фабрик и процентных бумаг с маленькими людьми, владеющими небольшим количеством процентных бумаг и не могущими работать (старушки, например). Кто-то из умеренных предложил, чтобы за ними был оставлен получаемый ими доход в виде пожизненной пенсии. Еще чего! На кой черт какие-то там пенсии? – загремело в ответ со сторо-

ны местных аборигенов. Факт, типичный и как показатель того особого положения, в которое в то время попали люди энергичные, сильные, прямолинейные, но обыкновенно совершенно невежественные и некультурные вообще, а в вопросах государственных в особенности. О том, как вести реальную политику, – об этом не было представления у громадного большинства даже и кадетов, не говоря уже о других партиях. Председатель самарского губернского и городского комитета Партии к[онституционалистов]-дем[ократов], покойный А.Н. Хардин[1], развивал напр[имер], мысль о полной реорганизации армии как о вопросе самом очередном: необходимо было поднять состав Главного штаба и тогда можно было ввести милиционное устройство. А некоторые социал-демократы серьезно рассуждали о немедленной отмене «милитаризма». И это за восемь лет до 1914 года!

После 25 марта стали съезжаться выборщики. Вся сила была в крестьянах, на которых избирательный закон 11 декабря 1906 г. строил весь свой неудавшийся расчет. Из 140 выборщиков в нашей губернии, 90 были крестьяне, из которых очень значительное большинство были настроены в духе требований «земли и воли». Свое решающее значение крестьяне, конечно, прекрасно сознавали; понимали это и «правопорядцы». Поэтому с первого дня приезда крестьян их начали зазывать на собрания. На наши собрания они шли охотно; на собраниях же противников не бывало почти никого. Было, кроме того, несколько «общих» предвыборных собраний, где ломали копья ораторы обеих сторон. Мы собирались в помещении приказчичьего клуба, так как у нас в клубе было бы тесновато, да и часть крестьян под влиянием уговоров некоторых выборщиков не хотела посещать чисто партийный, кадетский клуб. Уже тогда зарождалась та рознь, которой суждено было столь ярко вспыхнуть в Думе, в лице кадетов и трудовой группы. Помню, как в первые же дни в нашем клубе собралась часть крестьянских уполномоченных. Немецкий колонист Лейменс и некоторые другие резко не допускали входа в комнату не крестьян. Г.Н. Костромитинов[2] дал достойную отповедь этому решению, сказав, что он всю жизнь работал для того, чтобы в России больше не было сословий, а теперь находятся люди, которые отстаивая передовые начала, в то же время хотят сохранить прежнее деление на сословия. Собравшиеся были очень поражены этими словами и признали возможным оставить Костромитинова в собрании.

На эстраду зала в помещении приказчиков обыкновенно выходил оратор и произносил речь либо общего содержания, программную, либо отвечал на вопросы присутствующих – о земле, об отмене смертной казни, об амнистии и т.п. Слушали внимательно.

Сущность отношений между выборщиками-интеллигентами, группировавшимися около комитета К.-д. партии, и крестьянами, сводилась к тому, что первые хотели провести волю комитета – выбранными должны быть те, кого он укажет. Вторые же не признавали власти партии и «какого-то комитета». Им, главным образом, хотелось, чтобы в Думу прошло возможно более крестьян. Еще в Николаевске слушая дебаты крестьянского предвыборного собрания, я обратил

[1] А.Н. Хардин (1842–1910) – присяжный поверенный, общественный деятель.

[2] Г.Н. Костромитинов (1853–?) – земский деятель, мировой судья, член первой Государственной думы.

внимание на их резкий протест против всякой партийности: «Какие еще там партии! Мы все крестьянской партии! Вот и все тут».

Наши предвыборные собрания в зале клуба приказчиков и сводились поэтому по мере приближения выборов к ожесточенным спорам из-за мест. Мы объясняли крестьянам, что мало знать крестьянскую нужду, чтобы быть дельным членом Думы. Требовали мы немногого: крестьянам, вместе с обязательным крестьянином, мы отдавали семь мест, а интеллигенции оставляли пять мест. В последний день перед выборами мы предложили крестьянам баллотировать поуездно своих кандидатов в члены Думы. На это ушел целый день, так как крестьяне непременно все хотели попасть в Думу и друг другу не уступали, предпочитая решать «жеребьем». Нужно заметить, что крестьянам было трудно остановить сразу свой выбор на ком-нибудь из своего сословия потому, что они мало знали друг друга, будучи, однако, жителями одного и того же уезда: известных всему уезду (а уезды Самарской губернии очень многолюдны – в Николаевском было около 400 000 ж[ителей]) лиц из крестьян никого не было. Отсюда и попытки выйти из затруднительного положения путем «жеребья».

С величайшим трудом установили, наконец, кандидатов из крестьян для каждого уезда. Их, а также нас, партийных кандидатов, заставили выходить на эстраду зала и излагать свое политическое исповедание веры. Крестьянских кандидатов подробно спрашивали, каким количеством земли каждый из них владеет и не занимается ли торговлей; сказывалась обычная крестьянская нелюбовь к «торгашам», одновременно обыкновенно ростовщикам и земельным хищникам. Проделали затем пробную баллотировку, давшую результаты удовлетворительные. Но и мы, и крестьяне, очень, в сущности, опасались друг друга, боясь, что в последнюю решительную минуту мы взаимно не положим друг за друга обещанных шаров.

Настал, наконец, день выборов в Г[осударственную] думу, 28 марта. К 12 часам собрались мы в Доме дворянства. Не явилось только двое или трое выборщиков. Губернский предводитель дворянства А.Н. Наумов (ныне министр земледелия) держал себя очень корректно, хотя и принадлежал к правым. Быстро прошли выборы «обязательного мужика».

Огромным числом голосов был избран крестьянин Покровской слободы Новоузенского уезда Пустовойтов[1]. Он известен был устройством в своем доме зимой 1905 г. «крестьянских банкетов» (я был на одном из них). Пустовойтов сразу приобрел среди крестьян-выборщиков большую популярность, хотя ни ранее, в качестве губернского гласного, ни потом, как член Думы, он ничем не выделялся. (Впоследствии, при Столыпине, он рьяно работал по устройству хуторян и, кстати, очень округлил собственные земельные владения).

Затем, для того, чтобы у крестьян не было сомнений, первыми на баллотировку пустили их кандидатов. Крестьяне, видимо, успокоились, когда убедились, что их кандидаты проходят, получая условленное число шаров. Процедура выборов шарами, хотя и нескольких кандидатов сразу, берет очень много времени при

[1] И.И. Пустовойтов (1871–?) – волостной старшина, земский гласный, член I Государственной думы.

около 140 человек баллотирующих. Неудивительно поэтому, что, начавшись в 12 часов дня, выборы затянулись до позднего вечера. Сперва предводитель снабжал собравшихся угощением, но потом, видя, что дело поворачивается в сторону прогрессивных элементов, угощение убрал и выборщики соблюдали остальную часть дня «пост невольный», к чему, впрочем, крестьянин привык.

Выборы продолжали давать все те же результаты, и мы, партийные ставленники, проходили 118–105 голосами из 138. Противники употребили было такой прием: они предлагали крестьянам отдать им все места – с тем, чтобы они выбирали указанных им крестьян. Но этот прием не удался. Крестьяне в резких выражениях отрекались от барских ставленников, более доверяя партийной интеллигенции. «Эти, мол, что-нибудь для мужика, может быть, и сделают, а от наших господ да купцов чего ждать».

Около 11 часов вечера выяснился результат выборов. Партийными кандидатами прошли следующие: доктор Андреев (ныне покойный), примкнувший в Думе к трудовикам; землевладелец Костромитинов, упорный земский боец, чуть не единолично отстаивавший в 1901–1903 гг. земские заветы лучших времен; землевладелец Племянников (ныне покойный), б[ывший] председатель губ[ернской] зем[ской] управы, человек решительный и стойкий; автор этих страниц; поселянин колонист Шельгорн, торговец и владелец типографии в Саратове, опытный уездный и губернский земец. От крестьян прошли, кроме упомянутого «обязательного» Пустовойтова, интеллигенты только от уездов Николаевского (книжн[ый] торговец Шувалов, ныне покойный) и Самарского (народн[ый] учитель Балясников, состоявший в К.-д. партии). Остальные четыре человека были самые рядовые крестьяне, желавшие только земли. Один из них, крестьянин Ставропольского уезда Шарков, был известен участием в аграрных беспорядках, имевших место в имении Борки гр[афа] Орлова-Давыдова; его жестоко высек бывший самарский губернатор Брянчанинов[1].

В этих крестьян все-таки верили и чего-то от них ожидали.

После выборов мы громадной компанией вместе с крестьянами пошли в Коммерческий клуб, в этот центр местной жизни, и там, после некоторых усилий, добились напитков и кое-какой еды. Завсегдатаи и старшины злобно косились на нас, но терпели наше присутствие – такое было уж время; силен был напор нового, неизведанного.

За импровизированным ужином полились искренние, горячие речи. Крестьяне молчали и закусывали грибами, потому что еще был пост. Адвокат Гиршфельд, член партийного комитета сказал шутливую речь, в которой рисовал картину возможной встречи члена Государств[енной] думы Шаркова с членом Госуд[арственного] совета Брянчаниновым, «по должности» самарского губернатора высекшим Шаркова[2].

2 или 3 апреля, на второй день Пасхи, имели место выборы выборщиков от города Самары. Был почти летний, уже пыльный день. Мы своими воззваниями

---

[1] А.С. Брянчанинов (1843–1910) – самарский губернатор в 1891–1904 гг., член Государственного совета.

[2] На торжественном открытии Государственной думы, помимо ее членов, присутствовали и члены Государственного совета.

и бюллетенями прямо испещрили часть Дворянской улицы, прилегающую к помещению городской управы, где происходили выборы. Противники делали то же самое, но в размерах более слабых, причем очень характерно было то, что воззвания и бюллетени «народной свободы» (так сокращенно нас называли) раздавала интеллигенция собственноручно, а «правый порядок» поручал это дело каким-то уличным оборванцам. Мы опередили своих противников и в том отношении, что издали большие плакаты-афиши, на которых написали свою краткую программу и потом по пунктам сравнили ее с программой «правого порядка».

Выборы происходили по четырем участкам и, как, по-видимому, везде в то время, без давления со стороны администрации. Но «правопорядцы» кое-где чинили насилия, хотя, в общем, и незначительные. Помню, как в сенях городской управы схватились и боролись секретарь нашего комитета, увлекающийся и энергичный А.Г. Елшин, я и какие-то купцы (кажется, с Комаровым во главе). Они уверяли, что Елшин у кого-то отнял бюллетень [Партии] правового порядка и изорвал его. Пришла полиция и дело обошлось. На следующий день выяснилось, что во всех участках громадным большинством прошел наш список, чего, впрочем, мы и ожидали.

Отовсюду неслись вести об избрании депутатами либо крайних, либо к.-д. Особенное ликование слышалось у некоторых по поводу того, что в Симбирске прошел Аладьин, которого считали типом интеллигентного крестьянина.

14 апреля происходили городские выборы.

Адвокат А.Н. Хардин (ныне покойный), председатель местного комитета, являлся нашим естественным кандидатом, но его своевременно привлекли по знаменитой 129 статье за издаваемый им «Волжский вестник», и разъяснили[1]. Мы все-таки решили спорить и доказывали право Хардина баллотироваться. Не помню тонких юридических аргументов, приводившихся нашими юрисконсультами в споре, имевшем характер довольно односторонний, так как городской голова Посников никаких возражений привести не умел, путался и только ссылался на бумагу губернатора. И хотя все выборщики – 78 из 80 принадлежавшие к Партии народной свободы – настойчиво требовали постановки ящика для Хардина[2], – Дума-де потом разберет, – он ящика таки не поставил.

Первое собрание не дало никаких результатов и потому пришлось созвать избирателей снова. На этот раз, выразив протест по поводу действий городского головы, избрали единогласно врача П.П. Крылова, человека, пользовавшегося в городе заслуженной репутацией врачебной и общественной, в качестве энергичного деятеля в годы голодовок.

Публикуется по изданию:
К десятилетию первой Государственной думы:
27 апреля 1906 г. – 27 апреля 1916 г.:
Сб. ст. перводумцев. Пг., 1916. С. 6–14.

[1] Т.е. отстранили от участия в выборах.

[2] Ящик для шаров.

ФЕДОР ИЗМАЙЛОВИЧ РОДИЧЕВ

ВЫБОРЫ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ[1]

Я хочу рассказать о встрече первой Государственной думы. Началось с выборов в Весьегонске в марте 1906 года.

Ехал я туда через Устюжну, где собирался ночевать. Ехал не один, а с двоюродным братом жены И.С. Зарудным, добродушнейшим и несчастнейшим молодым человеком. Был он морским офицером, возил царей, потом бросил службу, кончил курс в бельгийском политехническом институте и обслуживал один из Половцевских заводов на Урале, где был избит рабочими, по подозрению в противоцарской крамоле. После избиения болел, впал в меланхолию и приехал поправляться к нам в деревню.

Захотелось ему посмотреть выборы. От нас до Устюжны 70 верст. (Город этот знаменит тем, что некогда в нем произошла история, давшая повод Гоголю написать «Ревизора»). Дорога была из неудачных. Верст 20 до Устюжны нам чуть не ежеминутно приходилось разъезжаться с подводами устюжских избирателей, возвращавшихся с выборов. Мы скромно уступали им дорогу и сворачивали в снег.

Приехав в Устюжну поздно и, не ночуя, продолжали путь на Весьегонск (54 версты). Погода испортилась, и приехали мы усталые и унылые. Я был за предводителя дворянства, и мне пришлось председательствовать в собрании, почти сплошь мужицком. Мужики были взволнованны, внимательно слушали, но стеснялись еще ораторствовать. Разговорились на другой день во время крестьянских выборов. Всем хотелось попасть в выборщики. Очень уж было соблазнительно обещание выборщику прогонов. Но всех больше хотелось попасть в выборщики какому-то питерскому лавочнику, который, щупая почву, ошибся и стал произносить черносотенные речи. Его поддержал один старый выжига из волостных старшин, но кончилось тем, что провалились оба. Оба интриговали один против другого. Никто же не был в состоянии отказаться и не попытать счастья. Все баллотировались, и все провалились.

Начали выборы сначала. Опять всех пробрали, но сколько надо выбрали, не помню кого. Потом, кажется, уже на следующий день, стали выбирать выборщиков от всех. Выбрали П.А. Корсакова, А.С. Медведева, председателя управы Пояркова, меня и еще не помню кого. Господа избиратели не очень хорошо по-

---

[1] Впервые опубликовано в газете «Последние новости» (Париж) 10 мая 1931 г.

нимали свою роль, и один так усердно поздравлял Корсакова, что тот дал ему пятишницу на чай.

Вечером, взволнованные, мы рано легли спать, чтоб выехать не позже двух часов и поспеть на железную дорогу, за 86 верст к одиннадцати часам.

Отправились вовремя, в санях-розвальнях. Я сладко спал и проснулся только, когда взошло солнце. Было великолепное теплое, солнечное утро. Медведев командовал нашим поездом, ямщики с возбужденным любопытством, весело везли нас с пожеланиями всего хорошего.

Попили чаю в доме у старого, умного мужика, который очень радовался провалу черносотенцев. На станции встретили кашинских судей, которые недоумевали, какую ноту им взять, радостную или огорченную.

Мы были весьма веселы и верили в успех. Вот и Тверь. От землевладельцев всюду были выбраны старые знакомые. А крестьяне были terra incognita.

Губернский предводитель Головин пробовал распропагандировать старицких мужиков, но это ему не удалось. Головин жаловался: «Кого прислали из Старицы? – Мошенников».

Начались совещания в гостинице. Официальные собрания выборщиков в доме гимназии начались уже после выборов в Государственный совет. Выборы эти не состоялись. Открыл земское собрание губернатор Слепцов – элегантный господин, друг Михаила Стаховича, безмолвный свидетель и попуститель избиения черной сотней тех лиц, которые вечером 17 октября 1905 года собрались в губернской управе для обсуждения положения.

Левая земского собрания прочила в Государственный совет Е.В. де Роберти. Считали голоса. Много неясных. Но другого кандидата, запасного, мы не выставляли. Слепцов произнес коротенькую речь и ушел. Председатель Головин пошел проводить Слепцова до двери, вернулся, сел на свое место и открыл рот, чтоб произнести приветствие. В эту минуту раздался взрыв, потрясший все стекла в доме.

Головин не докончил слова и бросился к дверям.

– Что такое?

– В губернатора бросили бомбу, его разорвало на части, и на стенах дворянского собрания куски его мяса и мозги.

Головин заявляет, что не может председательствовать. Что делать?

Нужно, чтоб его место занял тверской уездный предводитель дворянства, да тот не хочет. По настоящему, законному порядку, председательство должно перейти к новоторжскому уездному предводителю М.И. Петрункевичу. Да как осуществить это? Как оформить?

Правые ушли. Собрание не состоялось.

На утро выборы в Думу. Пошли выборщики в зал гимназии совещаться.

Черносотенные ораторы очень надеялись на впечатление убийства губернатора. Мы тоже боялись, что избиратели метнутся вправо. Никакого впечатления. Мне даже жутко стало от такого равнодушия. Предложение осудить убийство вообще успеха не имело: «не наше дело».

Проиграв эту карту, черносотенцы стали с негодованием говорить о проекте

принудительного отчуждения даже церковных земель.

– А то как же? – послышалось из крестьянских рядов.

Вечером на собрании в гостинице языки развязались. Наибольшее сочувствие встретила Партия народной свободы. Знали по имени Ивана Ильича и меня. И мне пришлось поддержать В.Д. Кузьмина-Караваева признанием, что Партия демократических реформ, это все равно что Партия народной свободы.

Интересен был новоторжский крестьянин Карандашев, который заявил: «Главное – свобода. Будет у нас свобода, будет и земля, а не будет свободы – на что нам земля?».

Легли спать поздно, утром в соборе подписывали присягу, архиерей говорил речь с предостережениями – никто его не слушал. Из собора пошли в собрание. Начали с выбора крестьянского депутата, кончили довольно скоро. Выбрали страхового агента Субботина, студента технического училища, с умным, симпатичным лицом. Образование, очевидно, импонировало крестьянству. Потом, после провозглашения Субботина депутатом, начались другие выборы, и прошло довольно быстро.

Выбраны: И.И. Петрункевич, Кузьмин-Караваев, Ф.И. Родичев, Карандашев, Субботин, Масленников, бежецкий страховой агент Медведев, и не вспомню фамилии кудрявого депутата. Его потом я встречал в Москве, где он с членом Думы Иваницким работал в конторе медного синдиката. Все, кроме Кузьмина-Караваева и Субботина, – Партии народной свободы… Не скажу, чтоб я совсем не волновался, но сомнения были довольно слабы.

В Твери я не стал засиживаться, уезжал в Петербург в каком-то тумане радостном, но утомительном. В Петербурге началась для меня другая процедура – петербургские выборы. Там опять все прошло как по маслу, весь список Народной свободы прошел огромным большинством. Не было борьбы и неуверенности, но не было подъема и одушевления, как при избрании выборщиков, когда в одном порыве объединилось все население, когда даже пристав Литейной части поздравлял к.-д. с успехом.

Время между выборами и собранием Думы прошло в приготовлениях всевозможных законопроектов. Помню, за два дня до собрания Думы на меня было возложено поручение составить проект упразднения земских начальников, восстановления института мировых судей и новой организации волостного управления. Все казалось легко, по силам и просто. Вспоминая потом эту зиму с ее агитационными собраниями, поездку в Весьегонск, в Тверь, приготовления к Думе, самую Думу, не раз приходилось задавать себе вопрос: да неужели все это я мог перенести? Перенесли все, и не будь фиаско – роспуска Думы – все бы сошло благополучно.

Публикуется по изданию:
Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме.
Newtonwille(Ma), 1983. С. 90–92.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ САВЕЛЬЕВ

ГОД РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ И В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ ПОСЛЕ ИЗДАНИЯ МАНИФЕСТА 17 ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА

6 августа 1905 года было обнародовано – при особом манифесте – Учреждение Государственной думы. Основная тенденция манифеста выражалась в указании, что Дума является законосовещательной и что основной закон Российской империи «О существе самодержавной власти» сохраняет свою неприкосновенность.

Как бы то ни было, но закон опубликован и вокруг него образовались различные отношения к нему в различных кругах и слоях общества. Главнейшие из этих течений могут быть определены следующим образом.

Прежде всего осталось неизменным отрицательное отношение к нему прогрессивных земских и городских кругов, выработанное и принятое на июльском съезде[1], но тактика относительно этого закона – с формальной стороны – изменилась. Было признано необходимым (в резолюции сентябрьского съезда) идти в Государственную думу в возможно бо́льшем числе с целью усовершенствования закона на основании принципов, выработанных земско-городскими съездами. С изданием закона 6 августа получалось два течения в обществе и литературных кругах. С.Д. Протопопов писал мне из Петербурга 15 августа:

«Почти все здешние органы печати стоят против бойкота Думы. Исключение составляет только «Русское богатство», для которого в этом духе пишет статьи Мякотин. Если цензура пропустит, то прочитаете».

В следующем письме он же 6 сентября пишет: «2 сентября в заседании Вольного экономического общества собралось человек 60 писателей и обсуждали вопрос о бойкоте Думы. Большинство высказалось против бойкота, а «за» говорили кое-кто из «Сына отечества» и «Русского богатства». По всему видно, что широкого бойкота не будет».

Правительство и после издания закона 6 августа продолжало относиться к собраниям с недоверием. Отношение свое к ним оно изменило, однако, в начале сентября после издания закона о сходках. Перед созывом совещания земских и городских деятелей, по обыкновению, должно было собраться бюро съездов. Приглашение на заседание бюро я получил 11 сентября. Но прежде чем состоялось это заседание, Ф.А. Головин в письме от 5 сентября писал мне, что разреше-

[1] 6 июля 1905 г. в Москве проходил общий делегатский съезд земских и городских деятелей.

ние на съезд не дано, съезд допущен не будет. Князь Г.Е. Львов говорил о съезде с Треповым и последний высказался в том духе, что съезд будет допущен и что 6 сентября должен появиться новый закон, по которому подобные съезды будут допускаться.

«Одним словом, – писал Федор Александрович, – надо ожидать, что по тем или иным причинам, но съезд состоится и каких-либо серьезных репрессивных мер принято не будет».

Я прибыл в Москву 12 сентября и пробыл до 15, а останавливался, по обыкновению, в гостинице «Париж» на углу Тверской и Охотного ряда. Официальный характер съезда был виден еще из того, что на нем все время присутствовал чиновник особых поручений г[осподин] Воронов, прикомандированный администрацией.

Съезд имел некоторые отличительные черты (от прежних съездов) как с внешней стороны, так и с внутренней. Прежде всего, он носил полуофициальный характер и проходил в присутствии представителя власти. Съезд открылся в квартире Ю.А. Новосильцева в доме наследников князя Щербатова на Никитской. На первом заседании съезда собралось 179 человек (97 – по уполномочию земских собраний, 66 – от городов, 16 – от окраин). Всего на съезде было 193 представителя земств и городов. В числе явившихся был некто Ушаков, назвавшийся представителем Ярославской губернии, земский начальник, член Союза русского народа. Это был старик 80 с лишним лет, бывший член союза Петрашевского. На съезде он произнес возмутившую всех речь, направленную не только против съезда, но и против всякого развития свобод. По проверке оказалось, что никакого полномочия он не имел и потому был удален со съезда.

Рассказывали, что он был приговорен к смертной казни, введен на эшафот, но помилован. Впоследствии он принес покаяние и достал должность земского начальника.

На съезде кроме депутатов были корреспонденты газет, а также некоторые иностранцы, один из них – член английской палаты общин маркиз Элибенк. Из корреспондентов выделялся знаменитый мистер Стэд. Он выдавал себя за сторонника введения преобразований в управлении Россией, выступал за представительный образ правления. С этой целью, по его словам, он обращался к министрам и содействовал освобождению из тюрьмы П.Н. Милюкова.

По поводу стремлений земских и городских деятелей Стэд, по словам священника Г.С. Петрова, ехавшего с ним по железной дороге, высказал следующий анекдот, опубликованный в «Русском слове». Лучшее, говорил он, придет скорее, чем вы думаете. В этом убеждает логика вещей. Позвольте вам рассказать одну басню-притчу. Если кто начал картину и на полотне нарисовал туловище лошади, то ясно, что на этом остановиться нельзя. Ей необходимы ноги. И не одна, не две, а все четыре. Будут все четыре ноги и у вас, т.е. у вашей Думы. Пока ваша Дума – лошадь, но лошадь без ног. Она и лежит. На ней ездить нельзя. Ей необходимы ноги. Все четыре ноги. Первая нога – это свобода выборных собраний. Какие могут быть выборы, если выборщики ранее не наметят, не определят, не обсудят, кого выбирать? Надо собираться и обсуждать. Это право должно быть дано. И оно

будет дано, я это знаю. Вторая нога думского коня – право свободного учреждения политических обществ и союзов. Иначе кто же будет созывать собрания? Как руководить им, если не будет организации по партиям? Третья нога – это свобода печати; наконец, четвертая – это свобода личности, неприкосновенность гражданина: то право, которым англичане по закону пользуются уже сотни лет.

Сообщив эту притчу священнику Петрову, Стэд говорил, что художник должен нарисовать у лошади и голову. Как лошадь не может быть о 12 головах, так и Дума должна иметь дело не со всеми министрами, а с одним – первым министром, облеченным доверием государя. Он ответствен перед Думой за остальных своих товарищей по министерству. Содержание этого анекдота стало известно и вызвало разные толки среди депутатов.

Для представителя администрации действительного статского советника А.А. Воронова был поставлен особый стол. При открытии съезда Ф.А. Головин предложил послать телеграмму отсутствующему члену Н.Н. Львову, избитому в Балашове хулиганами, и подвергнувшемуся высылке Ярошенко. Это встретило протест со стороны г[осподина] Воронова, находившего, что съезд этим выходит из программы. Ф.А. Головин доложил следующую, разрешенную правительством программу занятий съезда:

1. Об участии общественных деятелей в предстоящих выборах в Государственную думу.

2. Об организации на местах выборной кампании: а) установление единообразного понимания на местах закона об организации выборов в Государственную думу; б) установление общей программы для будущей избирательной кампании.

3. Об организации общеземской помощи населению губерний, пострадавших от неурожая.

Кроме того, для занятий были поставлены такие условия: на совещании должно присутствовать лицо, командируемое генерал-губернатором. Совещание не должно быть публичным, и представитель правительства обязан закрыть собрание, если оно существенно отклонилось от предложенного предмета его занятий, если в собрании будут высказываться суждения, возбуждающие вражду одного класса против другого, если в собрании будут распространяться противоправительственные воззвания или издания, если будет нарушен порядок в собрании противоправительственными возгласами или заявлениями, восхвалением или оправданием преступных деятелей, возбуждением к населению, или к неповиновению властям или иными преступными деяниями.

При наличии этих условий представителю правительства предоставляется право требовать от председателя закрытия собрания. Если же это требование не будет исполнено, то присутствующий представитель администрации своей властью закрывает собрание.

Программа, разрешенная правительством, не была строго выдержана съездом. Отступления были, и даже очень существенные. Например, в вопросах о правах национальностей. Однако справедливость требует отметить, что представитель администрации держал себя чрезвычайно корректно. Столкновений не было, кроме одного незначительного и не вызвавшего особых затруднений в

заседаниях. После этих предварительных действий был избран председателем граф П.А. Гейден (Псков), товарищами его Ф.А. Головин и Н.Н. Щепкин (оба из Москвы) и секретарями В.А. Розенберг и Н.И. Астров.

Первым рассматривался самый существенный вопрос: об участии земских и городских деятелей в Государственной думе. Совещание земских и городских деятелей 6–8 июля, обсуждая вопрос об опубликованном частным образом в газете проекте Булыгина, отнеслось к нему по существу отрицательно. Но в то же время нашло, что земским и городским деятелям следует войти в булыгинскую Думу в возможно бóльшем числе и соответственно внести такое постановление относительно устройства Государственной думы, которое соответствовало бы истинным нуждам народа. Но так как официально проект еще не был обнародован, то совещание поручило бюро, по выходе в свет проекта, немедленно созвать съезд и предоставить ему свой доклад.

Во исполнение этого постановления бюро внесло свой доклад по этому предмету, составленный главным образом В.Г. Якушкиным. В докладе высказывается взгляд, что из возможных двух направлений – бойкота или участия в Государственной думе – следует предпочесть участие в ней. Исходя из того, что в Высочайшем манифесте от 6 августа говорится «о дальнейшем усовершенствовании учреждений Государственной думы, когда жизнь сама укажет необходимость тех изменений в ее учреждении, которые удовлетворили бы вполне потребностям времени и благу государственному», доклад бюро доказывает, что нужно прогрессивным земско-городским элементам населения дружно сплотиться и провести в Государственную думу соответствующее его взглядам большинство членов, которые внесут в закон необходимые преобразования.

Наоборот, при бойкоте Думы нельзя рассчитывать, чтобы выборы не состоялись вовсе, в таком случае может получиться Дума ретроградская. Если земские и городские деятели, говорится в докладе, энергично выступят у себя в губерниях на выборах как известная партия, создадут необходимую дисциплину и установят по данным местным условиям ту или другую избирательную тактику, можно быть уверенным в победе той политической программы, которая выставлена здесь, на съезде. Бюро предоставило съезду эту политическую программу, сущность которой состоит в следующем: 1) Права гражданина и человека. 2) Всеобщее избирательное право, участие в осуществлении законодательной власти и в государственном управлении. Внося подобные доклады по этим вопросам, докладчик замечает, что при тех началах, на которых основан закон 6 августа, не может быть и речи об истинном народном представительстве и при таких условиях члены Государственной думы должны только выступать с требованием необходимой политической реформы, но, прибавляет бюро, есть очень важные вопросы, и не входящие прямо в политическую программу, но тем не менее с ней связанные, по которым тоже необходимо высказаться. Политическую программу, по мнению бюро, надо дополнить еще следующим положением: 3) Местная автономия и права национальностей. 4) Суд, крестьянский вопрос, местное самоуправление, народное образование. 5) Экономическую программу. Бюро оговаривается, что последняя еще не разработана съездами, и потому могут быть изложены лишь

самые общие экономические начала.

После доклада последовали прения. Все выступавшие (князь Волконский, де Роберти, Шишков, Белявский, Колюбакин, Родичев и др.) высказались против бойкота Государственной думы. «С нашей стороны не идти в Думу – преступление», – сказал один из выступавших. Съезд большинством (178) против одного отверг бойкот и принял резолюцию, которую предложил Ф.Ф. Кокошкин: «Совещание земских и городских деятелей, полагая, что Государственная дума, имеющая быть созванной на основании закона 6 августа 1905 г., не явится народным представительством в истинном смысле этого слова, но вместе с тем, имея в виду, что выборное собрание, объединяющее значительную часть общественных сил на всем пространстве Империи, может послужить сосредоточием и точкой опоры для общественного движения, стремящегося к достижению политической свободы и правильного народного представительства, признает желательным, чтобы русские граждане, примкнувшие к политической программе, установленной совещаниями земских деятелей 6–9 ноября 1904 г. и 20–26 сентября 1905 г. и совещанием городских деятелей 15–16 июня 1905 г., вошли в возможно бо́льшем числе в Государственную думу и образовали там сплоченную группу с целью достигнуть через нее гарантий гражданской свободы и равенства, указанных в постановлениях совещания 6–9 ноября 1904 г., и введения народного представительства на началах, установленных тем же совещанием земцев».

После решения этого – основного – вопроса В.Е. Якушкин прочел доклад о предстоящих выборах в Государственную думу и об организации центрального бюро. Деятельность этого бюро приурочивалась к выборам и должна была иметь консультативный характер для местных деятелей: доставление справок, разных материалов по выборам. Указание кандидатов в Государственную думу было отвергнуто. 14 сентября было выбрано само бюро, его местом пребывания был избран Петербург. Членами бюро были избраны К.К. Арсеньев, граф П.А. Гейден, В.Д. Набоков, В.Д. Кузьмин-Караваев, Ф.И. Родичев, М.П. Федоров, М.И. Петрункевич, Н.А. Оппель, С.А. Муромцев, А.Н. фон Рутцен, П.Н. Милюков, М.М. Ковалевский. Созвать комитет уполномоченных должен был М.П. Федоров...

Ко времени заседаний сентябрьского съезда земских и городских деятелей образовалось множество различных союзов и обществ, имевших в значительной степени политическую окраску, а именно: академистов, адвокатов, агрономов, статистиков, врачей, ветеринаров, железнодорожных служащих, журналистов и писателей, еврейский, инженеров, учителей, фармацевтов. Впоследствии образовались еще союзы: лесников, сценических деятелей, чиновников, служащих в страховых обществах. Все эти группы были объединены так называемым Союзом союзов.

Несколько ранее сформировался Крестьянский союз «для получения непосредственно от населения ответа на демократические требования интеллигенции». Инициаторами его образования стали радикальные кружки московской интеллигенции, входившие в Союз союзов.

Первое организационное собрание этого Союза состоялось в Москве 31 июля

и 1 августа [1905 г.], на нем присутствовало 100 представителей из 38 губерний (Владимирской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Калужской, Казанской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Черноморской, Ярославской и Донской областей). Кроме упомянутых ста представителей губерний на съезде присутствовали 25 лиц из интеллигенции. Своей задачей съезд ставил, главным образом, вопрос о земле, которая должна быть отчуждена от частных владельцев принудительно, за вознаграждение, а земли казенные, монастырские и другие отобраны без выкупа.

В Крестьянском союзе я участия не принимал и непосредственно с его организацией не знаком. Однажды в ноябре я был приглашен одним из его руководителей, присяжным поверенным Сталем, на обед в гостинице «Метрополь» – для взаимного ознакомления и обмена мнениями. Мне этот союз показался созданным довольно искусственно.

Перехожу к очерку событий, связанных с сентябрьским съездом или имеющих отношение к моменту тогдашней политической и общественной жизни. Сюда относится отношение к булыгинской Думе, образование Партии народной свободы или, вернее, превращение в эту партию Союза освобождения.

В историческом 1905 г. почти параллельно существовали две политические организации, весьма сходные по своей программе – это съезды земских и городских деятелей, из которых сентябрьский уже был разрешен официально, и Союз освобождения. Съезды возникли из так называемых шиповских обедов, начало которых относится к 1902 г., когда в Москве были созваны земские деятели для обсуждения вопросов по народному образованию и агрономии.

На обедах, служивших видимым предлогом для собраний, обсуждались первоначально те затруднения, которые были созданы Плеве для деятельности земств почти по всем важным вопросам земского дела и положения, которое должны были занять земцы по вопросу об усовершенствовании сельскохозяйственной промышленности. Постепенно, однако, состав участников обедов расширялся, стали собираться почти открыто.

Ужины, служившие предлогом для собраний, обыкновенно устраивались в гостинице «Эрмитаж» (Каретный ряд), причем после ужина стол накрывали зеленым сукном, ставились свечи, чернила, бумага. Велись в известном порядке прения в присутствии служащих гостиницы. Председательствовал обычно Д.Н. Шипов.

В отношении начала земских съездов надо, однако, сделать оговорку. Шиповским съездам предшествовало два официальных собрания земцев – одно в Петербурге в 1895 г., в губернской земской управе, во время собрания земских представителей для поздравления с восшествием на престол царя, разрешенное министром внутренних дел [...] Дурново, а другое в Нижнем Новгороде во время Всероссийской выставки 1896 г. из представителей губернских управ, тоже с разрешения министра.

Съезды эти в смысле прогресса в развитии начал государственного управления и земского дела последствий не имели. На шиповских же съездах обсуждение

земских вопросов и вопросов государственного устройства постепенно расширялось. В ноябре 1904 г. выработанные земским съездом в Петербурге положения были сообщены правительству; в июне 1905 г. избранная съездом депутация, как уже упомянуто, обратилась лично к государю; в сентябре съезд добился официального признания своего существования со стороны правительства.

В 1902 г. возникла и организация Союза освобождения, которая отличалась от земских съездов тем, что была во-первых, конспиративна. Заседания происходили очень секретно и собирались на них обыкновенно поодиночке, озираясь, как бы о приходящих не проведала полиция. Во-вторых, сам состав Союза освобождения был отличен от земских съездов, т.к. в нем участвовали не одни земские и городские деятели, но и лица, не входящие в состав земств: литераторы, ученые, адвокаты. В-третьих, Союз освобождения имел свой печатный орган «Освобождение», издаваемый в Штутгарте под редакцией П.Б. Струве.

В 1902 г. во время кустарной выставки в Петербурге, по инициативе одного из видных литераторов возникла мысль об издании за границей литературного органа под названием «Освобождение». Мысль эта вскоре и была осуществлена. Затем, 20 апреля 1903 г., на литературном ужине, которые время от времени устраивали петербургские литераторы, была высказана мысль об образовании политической партии под названием Союз освобождения. Этот Союз и был образован под председательством И.И. Петрункевича. В состав его входили земские деятели, литераторы, ученые: кн[язья] Долгоруковы, Н.Н. Львов, кн[язь] Д.И. Шаховской, Родичев, де-Роберти, Струве, Граве, Милюков, С.А. Котляревский, С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, Туган-Барановский, Кистяковский, писатель Яковлев (Богучарский), Жуковский, Прокопович, Шрейдер, Юрицын, Пешехонов, Анненский, Короленко, Соколов и др.

Относительно образования открытой Конституционно-демократической партии вопрос был поднят на III съезде земцев-конституционалистов, после окончания съезда земских и городских деятелей в Москве 9 июля 1905 г. Съезд поручил уполномоченным на то 20 лицам вступить в соглашение с близкими по направлениям работы группам и составить вместе с лицами, которые будут уполномочены этими группами, временный комитет партии.

В конце августа состоялся и IV съезд «Союза освобождения», на котором с целью выработки программы партии было избрано 40 членов, а для окончательного ее утверждения решено созвать 12 октября съезд.

Таким образом, в образовании Конституционно-демократической партии приняли участие как члены съездов земских и городских деятелей, так и члены Союза освобождения, которые, сходясь в общем в своих убеждениях, не заключали в себе крайних элементов ни справа, ни слева, как это определенно было выражено П.Н. Милюковым в его вступительной речи при открытии съезда конституционалистов 12–18 октября.

Организационное бюро, образованное во время съезда земских и городских деятелей 15 сентября, составило воззвание об учреждении партии, которое было разослано различным общественным деятелям и напечатано в газете «Русь» от 21 сентября.

Вскоре после возвращения своего из Москвы я получил это воззвание. Вот его содержание:

«М[илостивый] г[осударь] А[лександр] А[лександрович], согласно решению, принятому на совещании конституционалистов-демократов во время последнего общеземского съезда в Москве 15 сентября, организационное бюро имеет честь уведомить Вас, что съезд, созываемый для окончательного утверждения разрабатываемой в настоящее время программы открытой Конституционно-демократической партии и для обсуждения избирательной платформы и тактики на предстоящих выборах в Государственную думу, назначен в Москве на 12–15 октября. Существующая в настоящее время группа конституционалистов-демократов – как те, которые сложились в среде деятелей городского и земского самоуправления, так и те, к которым принадлежат более широкие слои общества, пришли к единодушному убеждению, что предстоящее открытие выборов в Государственную думу делает необходимым в видах планомерного и успешного ведения избирательной борьбы, объединение всех их сторонников в открытую политическую партию, скрепленную единством программы, определенностью и планомерностью тактики и рациональной партийной дисциплины. В этих видах соединенным комиссиям общественных групп, принявших весьма близкие между собой конституционно-демократические программы, поручено выработать проект общей партийной программы, которая и должна быть представлена на утверждение съезду 12 октября вместе с представлением устава Конституционно-демократической партии. Необходимо, чтобы участие в этом съезде приняли представители по возможности всех губерний и областей России, посему число лиц от каждой губернии ввиду существенных внешних условий не может быть более трех, причем признается весьма желательным, чтобы этими тремя лицами были как местная интеллигенция и земские деятели, так и крестьянство, насколько это окажется возможным. Организационное бюро ввиду данных ему полномочий покорнейше просит Вас пригласить на представительное местное совещание единомышленников Ваших, по возможности из всех слоев общества, и предложить им избрать означенных трех лиц представителей на предстоящий съезд. Представляется очень желательным, чтобы при этом была обсуждена с точки зрения местных нужд и обстоятельств программа Конституционно-демократической партии, причем за точку отправления можно было бы взять напечатанную в № 87 «Новостей» за нынешний год программу Союза освобождения. Не менее важно получить от прибывших на съезд депутатов все данные об условиях, в каких будет происходить в каждой данной местности предстоящая избирательная борьба.

Ввиду важного значения этого съезда и предстоящего открытого выступления на путь гласной политической деятельности желательно, чтобы от приезда на этот съезд не уклонялись авторитетные деятели разных профессий. Если почему-либо местное совещание не могло состояться, благоволите прибыть на съезд лично Вы и пригласить по своему усмотрению двух других сотоварищей. В случае перемены дня съезда Вы получите своевременное уведомление об этом. Не откажите в свою очередь уведомить, по возможности заблаговременно, о ре-

зультатах принятых Вами мер».

Получив это письмо и не имея возможности – по недосугу – лично созвать совещание и вообще сделать надлежащее распоряжение, я обратился с просьбой к своему знакомому присяжному поверенному Федору Павловичу Владимирову принять на себя эти хлопоты. Для этого я просил его переговорить в редакции газеты «Нижегородский листок», сочувствующей новому направлению, и просил редактора ее Евсевия Марковича Ещина созвать в помещении редакции совещание близких нам по убеждениям людей. Это совещание состоялось 2 октября в присутствии Ф.П. Владимирова, гласного городской думы В.А. Горинова, доктора Г.С. Поляка, присяжного поверенного И.А. Рождественского, председателя казенной палаты[1] Н.П. Нечаева (бывшего когда-то председателем Новгородской губернской управы), литератора, заведующего редакцией «Нижегородского листка» С.И. Гриневицкого, издателя «Нижегородского листка» присяжного поверенного Е.М. Ещина и помощника присяжного поверенного В.И. Серебренникова. Совещание избрало председателем Ещина и секретарем Серебренникова. Ознакомившись с письмом, собравшиеся занялись обсуждением вопроса – создавать ли партию с определенной программой, принимая во внимание уже имеющиеся директивы, и выработать постановление, или обсудить только вопрос о выборах делегатов. Большинство стояло на первом. Затем было постановлено образовать бюро, составить список лиц и поручить бюро выработать и представить съезду программу. В состав бюро были избраны Владимиров, Ещин, Гриневицкий, Поляк, Рождественский и Серебренников. Председателем решили просить быть меня, заместителем Рождественского, секретарем Серебренникова.

Следующее заседание комитета было 6 октября. На нем присутствовали все члены (кроме автора этих строк) и приглашенные в заседание участники земских съездов: член губернской управы Г.Е. Килевейн и городской голова А.М. Меморский. В заседании рассматривалась намеченная бюро программа по вопросам экономическим, областным и прочим, а затем было постановлено, что нужно созвать общее собрание членов партии 9 октября в Коммерческом клубе явочным порядком, известив губернатора и полицмейстера, что группа членов партии собирается для обсуждения вопросов, связанных с выборами в Государственную думу.

Собрание, однако, состоялось не 9, а 10 октября. На него явилось 27 человек (вместе с бюро), избравшие председателем Ф.П. Владимирова и секретарем Серебренникова. На заседании рассматривалась выработанная программа, но ее рассмотрение не было закончено и отложено до 12 октября. На это заседание пришли 26 человек, которые большинством (15 против 11) приняли такую формулировку: «Член Партии конституционалистов-демократов может оставаться в Государственной думе лишь с целью добиться осуществления прав гражданина и человека и издания избирательного закона на демократических началах, изложенных в программе конституционалистов-демократов».

Затем были избраны делегатами на съезд Ещин, Килевейн, присяжный

[1] Казенные палаты – в 1775–1917 гг. губернские органы финансового ведомства (с 1802 г. министерства финансов). Ведали сбором налогов, управлением государственными имуществами, винными откупами и др.

поверенный Пунинский и кандидатами Савельев, Рождественский, Гриневицкий.

На последних двух заседаниях нижегородской группы Конституционно-демократической партии я не был по болезни. По той же причине я не присутствовал и в Москве на съезде Партии народной свободы 12–18 октября, хотя А.А. Корнилов прислал мне телеграмму 12 октября о том, что съезд состоится и продолжится, и просил приехать.

Между тем в сентябре месяце началось образование выборных комитетов в Государственную думу. Я, как председатель Нижегородской губернской земской управы, 28 сентября 1905 г. получил сообщение от и[справляющего] д[олжность] губернатора барона Фредерикса и от председателя окружного суда А.М. Ранка о том, что на основании 25 ст[атьи] Положения о Государственной думе я вхожу в комиссию по делам о выборах. Председатель окружного суда кроме того уведомил меня, что заседания комиссии будут проходить в здании суда в канцелярии его председателя. В то же время городская и все уездные управы получили предложение губернатора о разделении местностей на участки и составлении избирательных списков. Эта работа была исполнена. Город был разделен на четыре участка (по полицейским частям), списки составлены, и были избраны по каждому участку председатели избирательных комиссий. Эти работы впоследствии, с изданием закона 11 декабря 1905 г., пришлось значительно переделать, т.к. по этому закону и число категорий жителей, и число имеющих право на участие в выборах увеличилось в несколько раз. По указу 11 декабря были введены несколько новых категорий избирателей (живущие умственным трудом, а также живущие вне городов). Кроме того, отдельной категорией шли мелкие землевладельцы, рабочие на заводах и фабриках и прочие.

Несмотря на уверенность правительства в возможности ввести закон 6 августа, недовольство им все разрасталось. Даже такое умеренное по своим тенденциям и взглядам учреждение, как наша городская дума, сочло необходимым обратить внимание правительства на несовершенство закона. На это указывает постановление Нижегородской городской думы, состоявшейся 17 августа 1905 г.

В этом заседании, после совершенного кафедральным протоиереем с соборным духовенством торжественного молебствования, председательствующий в Думе И.В. Богоявленский обратился к собравшимся гласным думы с речью, в которой, подчеркивая значение акта 6 августа как «грани между прошедшим бесправием и новым политическим правовым положением народа», высказал следующее:

«Быть может, этот акт как всякое великое начинание в громадном деле является несовершенным, тем более он велик по принципу, введенному в нашу государственную жизнь, он впервые дарует бесправному в политическом отношении народу через своих избранников право участия в государственном законодательстве и государственном управлении».

На этом основании председательствующий находил возможным принести государю сердечную благодарность городской думы «за дарование народу политических прав с надеждою, что эти права в ближайшем будущем будут расшире-

ны, при более решительном применении основных начал гражданственности». Сообразно с этим было предложено послать государю телеграмму с выражением благодарности следующего содержания: «Повергнуть к стопам возлюбленного монарха искреннее выражение горячей благодарности за великий акт дарования народу политических прав, действительно созидающих общение и единение Престола и народа и открывающий широкий путь для плодотворной деятельности народных сил на благо дорогой Родины. Городская дума глубоко верит, что дальнейшее и скорое усовершенствование нового строя государственной жизни последует на еще более решительном применении начал справедливости, равноправности и свободы». Городская дума этот проект единогласно приняла.

По поводу закона 6 августа высказались и другие местные учреждения и группы обывателей. Например, 11 сентября состоялось совещание, созванное председателем Нижегородской уездной [земской] управы А.А. Остафьевым, на которое явилось семь крупных землевладельцев и 17 крестьян. 18 сентября было проведено совещание в губернской управе о выборах в Государственную думу. Собрались представители управ и некоторые гласные. Открыв совещание, я заявил, что необходимо выяснить ряд недоразумений о выборах в Государственную думу: о том, кого вносить в списки (арендаторов, женщин, неотделенных сыновей и прочих) и кто имеет право на выборы. Вопросов относительно применения закона возникло столько, что нужно было, по моему мнению, изменить сам закон.

Было также совещание в среде дворян. Губернский предводитель дворянства А.В. Баженов созвал это совещание на 8 часов вечера 11 октября в доме дворянского собрания для обмена мнениями между дворянами, имеющими право участвовать в выборах в Государственную думу. Прибыли несколько дворян из уездов. В среде присутствующих выяснилось два направления: одно – строго консервативное, другое – умеренно либеральное. Представительство крайних элементов было незначительно. Совещание признало, что каждый выборщик может в качестве частного лица устраивать предвыборные собрания для разъяснения Положения о Государственной думе, порядка выборов и оценки кандидатов в выборщики и члены думы.

11 октября провел совещание и городской голова А.А. Меморский с председателями выборных комиссий. 15 октября к городскому голове «вследствие тревожного настроения, установившегося в городе» поступило заявление с предложениями о том, что следует предпринять. Точно также было подано заявление в Биржевой комитет, в котором говорится: «Мы умоляем немедленно дать эти реформы», «Россия стоит перед лицом ужасов». В это же время (15 октября) в мужской гимназии в 8 часов вечера было совещание в присутствии родителей. Для успокоения собравшихся признали необходимым провести совещания родителей.

Кроме центральных губернских учреждений, обсуждение закона 6 августа о Государственной думе и создавшегося положения происходило и в некоторых уездах.

В Балахнинском уездном земском собрании 1 октября было обсуждение резолюций земских и городских деятелей. Собрание примкнуло к состоявшимся постановлениям московского съезда. Очень подробные дебаты происходили

в Нижегородском уездном земском собрании 2 октября. Председатель собрания А.А. Остафьев прочитал доклад. Было высказано пожелание, чтобы огромное большинство трудящихся получило право участвовать в выборах и чтобы была объявлена амнистия. Затем были предложены две резолюции: одна от двенадцати гласных во главе с Остафьевым и Рождественским, и вторая – от тринадцати во главе с гласным Каргером. По мнению первой, закон 6 августа не может умиротворить страну, а разрешение кризиса принадлежит народным представителям, причем законодательному собранию должно быть предоставлено решающее право голоса.

По резолюции, предложенной Каргером, Государственная дума «сама исправит несовершенство закона и займется устройством страны на основаниях, согласных с желанием народа».

В Нижегородском уездном [земском] собрании было и третье течение, незначительное по численности. Это течение было представлено уездным предводителем дворянства Кутуаром де Бионкуром. Он раздавал в собрании воззвание, в котором порицался съезд земцев и указывалось на то, что Дума не должна быть самостоятельной и прочее. Характерно в этом направлении и отношение к памяти князя С.Н. Трубецкого. Незадолго до собрания были получены известия о его кончине. Земства и города посылали телеграммы соболезнования. От нижегородского земства ездил в качестве уполномоченного гласный крестьянин Ломтиков, произнесший речь на могиле князя. Катуар протестовал против этого (находя, что Ломтиков на это собранием не уполномачивался), но встретил отпор в самом собрании.

Весьма интересное отношение к закону 6 августа выяснилось в Макарьевском земском собрании, бывшем в начале октября. Председатель управы А.В. Иконников, участник земских съездов в Москве, указывал, что организация Думы является не свободной, т.к. выборы производятся через различных бюрократических чиновников. Против учреждения самостоятельной Государственной думы на собрании возражал бывший председатель губернской управы, а затем директор Кавказских минеральных вод В.В. Хвощинский. Он находил, что и при законе 6 августа может быть умиротворение, если же восторжествует отрицательное направление против закона 6 августа, то будут приняты суровые меры, не исключая диктатуры. Девять голосов против шести высказались за резолюцию Хвощинского. Против такой резолюции в следующем заседании земского собрания подал протест гласный Беляев, заявивший, что он не считает себя возможным оставаться в такой душной общественной атмосфере, а потому отказывается от звания гласного. После этого он оставил собрание.

Отрицательное отношение к самостоятельному положению Государственной думы было и в Васильевском земском собрании. Его руководители издавна были известны как рьяные консерваторы. В собрание поэтому была внесена записка гласного А.И. Зыбина, видного деятеля общедворянских съездов. В ней предлагалось высказаться за совещательную Государственную думу, а в первой статье учреждения указать, что самодержавие должно оставаться незыблемым.

Надо заметить, что при действии Земского положения 1890 г. состав собра-

ний, рассчитанных на исключительное преобладание дворянства, не всегда являлся полным выразителем мнения населения и во многих уездах было довольно односторонним и случайным. Умеренно-либеральные земские и городские круги общества мирились с создавшимся положением государственного устройства, более радикально и прогрессивно настроенная часть общества и сознательная демократическая часть населения с таким положением не мирились, и потому в скором же времени последовал ряд протестов против закона 6 августа, сначала в форме забастовок, а затем и в форме вооруженного выступления в Москве и других городах.

В Нижнем Новгороде прекращение железнодорожных перевозок началось 7 октября (пятница): прекратилось движение поездов к Москве по Казанской дороге, а с 9 октября – и по Московско-Нижегородской. Поезда, вышедшие 7 октября, доехали только до Павлова, а остальные 60 верст до Москвы приходилось ехать на лошадях, уплачивая по 25–30 рублей за пару. С воскресенья 9 октября движение поездов от Нижнего проводилось лишь до Коврова. Н[ижний] Новгород и губерния вследствие этого остались без почты. 11 октября в Н[ижний] Новгород пришли два поезда – пассажирский и товарный, а в обратном направлении ушли два поезда только до Гжели. С ними была отправлена только простая корреспонденция и газеты.

В это время в Нижний пришел слух из Москвы о забастовках аптек и служащих губернской управы, о попытке разгрома почтамта. Губернатор Нижегородской губернии барон Фредерикс поместил в газетах объявление, что он попытки к погромам будет подавлять самым энергичным образом. В городе в предупреждение погромов обе железнодорожные станции (Московско-Казанская и Московско-Нижегородская) охранялись войсками, а поезда также уходили с вокзала под охраной войск. С 15 октября прекратилось и телеграфное сообщение с Москвой. Почтового сообщения со столицами уже неделю не было, газеты не приходили, кроме случайных, не было также подвоза продовольствия по железной дороге. В учебных заведениях занятия были приостановлены...

Железнодорожная забастовка в Нижнем произвела сильное и удручающее впечатление на население. Наступила пора растерянности в обществе, которое повлекло за собой заявление городскому голове и председателю Биржевого комитета. То же мы видим и в земстве...

В день выхода в свет Манифеста 17 октября об этом ничего не было известно. В Нижнем Новгороде он появился в печати лишь 18 октября, в вечерних вестях. В течение всего же 17 октября все еще усиленно занимались обсуждением создавшегося тяжелого положения, ограждения жителей от погромов и разных хулиганских выходок подонков общества.

В губернской управе по окончании работы служащие обсуждали все эти вопросы и остановились на выборе депутации из пяти лиц, которая должна была предъявить городскому управлению требование об удалении из города казаков, отказаться от выдачи им довольствия, об улучшении положения полиции, об организации городской милиции – при участии и контроле из выборных от разных просветительных обществ, а также организации самообороны с выборным

комитетом во главе. После составления резолюции служащие пригласили меня как председателя управы и потребовали осуществления их требований. На это я заявил, что могу лишь сообщить об этом земскому собранию и довести до сведения городской думы.

В особенности нижегородцев угнетала возможность выступления «черной сотни», которая в июле произвела в Нижнем грандиозное избиение на Острожной площади. Признаки возможности повторения этого заставили различные общества и общественные круги обсуждать меры безопасности. В этой связи в 8 вечера 16 октября в первой гимназии состоялось совещание родителей с педагогами. Было указано, что приходящие в учебные заведения ученики младших «классов подвергаются большой опасности, а потому гимназию на некоторое время следует закрыть.

В самый день напечатания в Нижнем Манифеста, вечером – в час ночи с 17 на 18 октября – у городского головы происходило совещание гласных и многих посторонних лиц по вопросу мер безопасности в городе. Об издании Манифеста 17 октября в это время еще не знали, и о нем не было сказано ни слова. Чем это объяснить, мне неизвестно. Вероятно, отсутствием железнодорожного и телеграфного сообщения, а может быть, и чем-либо другим. На совещание явилось довольно много, были споры о мерах, которые следует принять, присутствующие делились на две группы: одна часть в создавшемся положении винила прогрессивную часть общества, которая не желает мириться с тем, что уже дано, хочет добиться бóльшего и волнует население. Другая же, наоборот, упрекала ретроградов и приверженцев старых порядков, указывая, что они стараются во что бы то ни стало затормозить введение у нас свободы, нового строя и проч. Помню, что особенно волновался старик купец из Канавино Н.Ф. Ходанев, крупный подрядчик по доставке товаров, человек по своим взглядам далеко не заскорузлый.

Совещание ни к каким определенным видам не пришло, решение принято не было, все разошлись по домам поздно ночью. Придя домой, я только что лег спать, как послышался телефонный звонок. Звонили из клуба всех сословий и, поздравляя меня, сообщили, что последовал Манифест о введении в России конституции и свобод. Вслед за тем последовали по телефону сообщения из редакций местных газет – «Волгаря» и «Нижегородского листка». Это было ночью 18 октября. Так был возвещен у нас в Нижнем Новгороде новый строй государственной и общественной жизни в России.

Утро 18 октября напоминало Пасху. На улицах наблюдалось большое оживление, прогуливались толпы народа. Сохранялся образцовый порядок, хотя и стражников, и полиции не было. Видимо, население Нижнего было достойно полученной им свободы и отнеслось к Манифесту в первый день его издания вполне серьезно. С 11 часов утра на Благовещенской площади был митинг, на котором выступали представители социал-демократов и социалистов-революционеров. Они считали, между прочим, недостаточным расширение свободы и высказывали пожелание учреждения демократической республики. Указывали также, что объявленная свобода не прочна. С площади толпа тысяч в пять или больше двинулась по Покровке со знаменами, на которых было: «Да здравствует свобода!»,

«Да здравствует революция!». В толпе распевали Марсельезу, играл оркестр музыки из добровольцев. У окружного суда толпа остановилась, раздались слова, что в то время, когда празднуется свобода, в тюрьмах томятся пострадавшие за эту свободу. В это время один из присяжных поверенных, выйдя из суда, заявил, что в этот день заключенные по политическим делам освобождены, кроме двоих, освобождение которых зависит от судебной палаты. Освобождение было совершено товарищем прокурора Галиновским, который летом участвовал в их аресте.

От окружного суда толпа прошла вверх по Покровке до Арестантской (Ново-Базарной) площади, где остановилась перед тюрьмой (так называемые арестантские роты), где снова заявила требование освободить заключенных по политическим делам. Для удостоверения в этом в тюрьму отправилась депутация, которая, осмотрев все камеры, вернулась на площадь. Депутация заявила, что никого из заключенных по политическим делам не нашла – все они были освобождены. С этой площади толпа пошла на так называемую Острожную площадь, где снова говорили речи и пели «Вечную память» убитым на этой площади в июле борцам за свободу.

Кроме этой процессии шла еще и другая вслед за ней. Правительственные и частные учреждения были закрыты, а также приостановлена торговля. Трамваи были остановлены в пути и отправлены в депо…

Извлечения публикуются по изданию:
Савельев А.А. Земство и власть.
Из истории местного самоуправления в России.
Арзамас, 1995. С. 170–175, 183–195.

АРИАДНА ВЛАДИМИРОВНА ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС

НА ПУТЯХ К СВОБОДЕ

Преддумье

В январе 1906 года в Петербурге состоялся первый съезд кадетской партии. Это было событие в политической жизни России. Либеральные идеи давно носились в воздухе. Первые семена либерализма были посеяны еще Екатериной II, внимательной почитательницей Монтескье. В ее по тогдашнему времени просвещенном, гуманном абсолютизме уже были зачатки позднейшего русского либерализма. Ее блестящий, до сих пор не разгаданный внук Александр I принялся было выращивать эти всходы, потом остыл. Не смог? Не захотел? Сбили вихри наполеоновских войн и неугасающие искры революций? Или просто история была против него? Не настало для России время? Кто знает? Во всяком случае после Александра I, в течение тридцатилетнего царствования его брата Николая I, либерализм был в опале, считался преступлением. Но это не остановило ни роста либеральных идей, ни, что особенно удивительно, воспитания людей, способных их осуществить. Эти идеи сразу вскрылись, расцвели, когда на престол вступил Александр II. Царь-Освободитель не только раскрепостил крестьян, но ввел судебную и земскую реформу, переменил весь административный уклад и для этого дела нашел помощников даровитых и вдумчивых. Среди вынужденного затишья николаевского царствования незаметно складывались характеры, выявлялись понятия о гражданских обязанностях, воспитывались кадры просвещенных деятелей и политически мыслящих людей. Они годами в замкнутых дружеских кружках обдумывали необходимые реформы и, когда явилась возможность действовать, помогли молодому царю провести в жизнь намеченные им коренные преобразования. Но часть общества нашла реформы недостаточными. Радикалы хотели добиться от правительства народного представительства. Судя по тем проектам, которые двадцать лет спустя Александр II поручил Лорис-Меликову разрабатывать, эти домогательства отчасти могли бы и осуществиться. Александр II не испытывал такого органического отталкивания от выборного начала, как его отец, как позже его сын, Александр III. 1 марта 1881 года Александр II подписал приготовленный Лорис-Меликовым проект учредить две комиссии для рассмотрения финансовых и административных преобразований. В них, кроме чиновников, должны были войти выборные от земств и городов. В тот же день царь был

убит революционерами. Его преемник, Александр III, не хотел предоставлять выборным людям какое бы то ни было участие в государственных делах. На время ему удалось обессилить оппозицию, притушить конституционные надежды. Зато его сыну, Николаю II, пришлось царствовать среди непрерывных политических волнений. Он был вынужден пойти на уступки, но делал это медленно, с колебанием, с опозданием. Через одиннадцать лет после своего вступления на престол, 17 октября 1905 года, он издал Манифест, который давал русскому народу политические права. Вслед за этим 11 декабря того же года было опубликовано Учреждение о Государственной думе. Это было исполнение обещаний, высказанных в октябрьском Манифесте. Наконец осуществлялось то, к чему стремилось несколько поколений русских образованных людей. Весной народное представительство должно было приступить к работе. Но парламент без партий – мертворожденное дитя. А партий не было. До 17 октября учреждать партии считалось государственным преступлением. В подполье действовали две конспиративные организации: с.-д. и с.-р. Они называли себя партиями, на самом деле это были тайные кружки революционных заговорщиков, которые не считали себя обязанными отчитываться перед общественным мнением, даже не видели в этом нужды.

Не было даже правых партий. Хотя, конечно, были сторонники неограниченного самодержавия. Они были недовольны последними манифестами государя, были противниками Государственной думы. Но правые не были сплочены в партию. После издания Манифеста 17 октября был наскоро сколочен Союз русского народа. Признаюсь, я за его рождением не следила, им не интересовалась, из кого он состоял, не знаю. У Союза не было влияния, не было видных вождей и, что, может быть, удивительнее всего, не было средств. Не находили для себя почвы и умеренные конституционалисты. Слишком еще ярко пылали костры оппозиции. В них подбрасывали хворосту и революционеры и либералы. Связь между ними еще далеко не была порвана, но уже все резче сказывались расхождения. Умеренные социалисты, которые состояли в Союзе освобождения, не видели больше нужды оставаться попутчиками либералов. Рьяная освобожденка Е.Д. Кускова, обдавая собеседника настойчивым, властным взглядом красивых серых глаз, твердила, что с освобожденской программой нельзя «подойти к массам». Эту фразу я от нее слыхала часто и на разных перекрестках русской политики. Ей, бедной, так и не удалось стать водительницей масс, но на некоторых городских интеллигентов ее волевой напор производил впечатление. Около нее всегда было несколько человек, которых она держала под началом. От нарождающейся кадетской партии она оттянула некоторых возможных попутчиков слева. И прежде всего своего мужа, С.Н. Прокоповича, хотя по складу своего смирного ума он больше годился заседать с нашими кадетскими профессорами, с ними вместе производить свои невинные, а порой и наивные статистические выкладки.

Отход части освобожденцев произошел еще на съезде в Москве, когда благодаря забастовке образование либеральной партии было отсрочено. Приходилось выжидать, чем кончится всенародное движение, вернее, всенародная остановка жизни. После Манифеста 17 октября положение стало ясным. Народное представительство будет созвано. Освободительное движение победило. Самый термин

этот сразу устарел, стал все реже и реже употребляться, заменился для одних словом «оппозиция», для других более крепким выражением – «революция». И либералы, и революционеры стали готовиться к выборам, но по-разному. Либералы принялись создавать партию, которая должна была осуществить еще небывалое в России дело – провести выборы в первый русский парламент. Надо было утвердить программу, выработать платформу, наметить кандидатов, расширить круг единомышленников, снабдить партию финансами, узнать друг друга, сговориться, спеться. Сколько задач, и все спешные. Конституционно-демократическая партия, которая в январе 1906 года родилась на петербургском съезде, сразу с большим подъемом за них взялась.

Вспоминая этот трехдневный съезд, я прежде всего вижу легконогого, летающего Д.И. Шаховского. Он всюду поспевал и многое подготовил. Он всех знал, и его все знали. Он сближал людей, намечал их будущее место в партии. Он смеялся, сыпал шутками, быстрыми, неожиданными, меткими. Было в нем такое горение, такая подлинность гражданского пафоса, такая вера, что, даже вспоминая эти дни, моя душа светлеет.

Полукруглый амфитеатр Тенишевского училища, где происходили заседания, был переполнен. Люди съехались со всей России. Живописно выделялся крупный широкоплечий Караулов, бывший политический каторжник, замешанный, насколько помню, в террористических делах, превратившийся теперь в конституционалиста. Он предлагал назвать еще не окрещенную партию Партией народной свободы. Его речь была одной из первых политических речей, на которую я отозвалась всем сердцем. К сожалению, его предложение не прошло. Его отвергли книжники. Они выдумали тяжеловесную, из двух иностранных слов сложенную этикетку – Конституционно-демократическая партия. Это была выдумка горожан, потерявших чутье к русскому слову или никогда его не имевших. Во всяком случае с таким громоздким, нерусским названием «подойти к массам» было нелегко. Магия слова много значит не только в поэзии, но и в политике. Правда, название «Партия народной свободы» все-таки как-то самочинно сохранялось, иногда употреблялось, а длинное нерусское название скоро было в упрощенном порядке сокращено. На избирательных собраниях мы превратились в кадэ, потом стали кадетами. Но то, что вместо понятного и привлекательного русского названия главари предпочли окрестить себя двумя иностранными прилагательными, было для партии характерно. В ней были люди от земли, привыкшие слышать вокруг себя неиспорченную крестьянскую русскую речь, но было в ней немало кабинетных начетчиков, правоведов, горожан. Из этих двух элементов партия должна была создать один политический сплав.

О программе на съезде спорили мало. Она была заранее обдумана, подробно обсуждена на местных совещаниях, на земских съездах, не раз была подробно изложена в «Освобождении». Об этой программе по всей России толковали за самоваром. Она обеспечивала гражданам все права и свободы, охватывала все отрасли русской жизни, отвечала самым последним изобретениям либерального государствоведения, книгам самых передовых профессоров. И вся эта премудрость скреплялась авторитетом лучших русских ученых-юристов. Кому, как не

им, знать, какая должна быть конституция самого последнего образца? А России именно такая и нужна – самая ученая, самая свободная, самая модная.

Хотелось бы мне сейчас заглянуть в отчеты этого съезда, чтобы проверить, прозвучал ли среди нас хоть раз голос предостерегающего мыслителя, напомнил ли кто-нибудь в этом собрании людей, горячо, искренне преданных общему благу, что население России еще не может осилить всей сложности государственных задач, не может понять их. По-моему, такого трезвого смельчака не нашлось. Я не могла бы забыть его голоса. Если и были возражения против программы, то это была критика слева, требования все большего нажима на правительство, стремление увеличить права Государственной думы, расширить избирательные права всех народов России. Их еще называли слитным именем «инородцы». Они сразу потянулись к либералам, которые, задолго до Вильсона[1], провозгласили право национальностей на самоопределение.

На съезде красочным пятном выделялась группа мусульман. Некоторые из них были в ярких халатах, в расшитых золотом тюбетейках. Это были волжские татары. Их разыскал и привел Шаховской. Не все члены татарской делегации хорошо понимали по-русски, вряд ли могли они следить за быстрым потоком слов, сыпавшихся с привычных уст наших юристов, тем более что русские речи ораторов пестрели иностранными терминами. Лидером татар был молодой Юсуф Акчурин, сын богатого казанского купца. Он учился в русской гимназии, по-русски говорил не безошибочно, но бегло. Позже Акчурин перебрался в Стамбул и, благодаря гимназическому образованию и некоторым общественным навыкам, привезенным из России, занял видное положение среди младотурок и панисламистов.

Акчурин вместе с Милюковым подстрекнули меня на мою первую публичную речь, если не считать моего выступления в судебной палате, где я говорила при закрытых дверях, не при народе. Раздразнили они меня своим отношением к правам женщин. Священная, похожая на заговор, формула – всеобщее избирательное право, прямое, равное, тайное, без различия национальностей, – была принята в Москве на незаконченном съезде. Там же была сделана попытка вставить «без различия пола». Поднялись споры. Далеко не все были согласны признать за женщинами политические права. Одним из самых упорных противников женского равноправия оказался Милюков. Одной из самых страстных защитниц – его жена Анна Сергеевна Милюкова. Между ними в Москве произошел открытый бой, кончившийся вничью. Все-таки женское равноправие вскочило в либеральную программу одним боком, как примечание к параграфу об избирательном праве, как дополнение допустимое, но не обязательное.

Я не берусь объяснить, почему Милюков упирался. В то время вопрос о женском равноправии в прогрессивном общественном мнении был уже как будто разрешен. А вот он, правоверный радикал, вопреки своему обыкновению, не пошел по равнодействующей, а занял очень резкую антифеминистическую позицию. Может быть, отчасти потому, что, как большой любитель женского общества, он боялся, что политические будни помрачат их женское обаяние.

---

[1] Вильсон Вудро (1856–1924) – президент США (1913–1921).

Возражая против введения женского равноправия в программу, Милюков указывал на отсталость русских крестьянок, на их малограмотность и неподготовленность к политической жизни. Женское избирательное право вызовет недовольство среди крестьян, не привыкших смотреть на женщину как на равную. Для партии это будет невыгодно, уронит ее в глазах многих, оттолкнет от нее.

Я слушала его с недоумением, которое быстро перешло в негодование. Раньше я не задумывалась над женским вопросом, не читала ни Бебеля, ни его верной последовательницы Лили Браун – двух самых популярных тогда пропагандистов женских прав. Вообще ни одной книги о положении женщин не прочла. Все это я проделала позже, когда пришлось читать лекции и писать статьи о женском равноправии. Но мне и в голову не приходило, что образованный человек, видный либерал может отрицать мою с ним равность. Я совершенно твердо, без всяких колебаний, чувствовала себя не лучше, но и не хуже мужчин. Они могли быть умнее, но могли быть и глупее меня, даровитее и менее даровиты, чем я, более или менее меня образованны. Но не в этом дело, а в том глубоком ощущении себя как человеческого существа, которое хочет участвовать в жизни, в ее строительстве, иметь право голоса, суждения и осуществления этого суждения. В России до Манифеста 17 октября мужчины и женщины равно не имели политических прав. Быть может, благодаря этому в русском образованном классе не было такой стены между мужским и женским миром, как в Европе. Мы вместе мечтали о свободе, о правах и обязанностях гражданина, вместе их добивались. Как же теперь, на полдороге, выбросить женщин из длинного списка прав для всех, всех?

Моя голова кипела. Еще горячее раскипалось мое сердце. Все во мне взрывалось. Но что делать? Милюкову возражали, но как-то слабо, неуверенно. Сумею ли я сказать крепче? Могу ли я публично излагать мысли, да еще не выношенные, заранее не обдуманные, внезапно хлынувшие в душу?

Рядом со мной сидел Вильямс. Его так привыкли видеть на всех собраниях и съездах оппозиции, что казалось вполне естественным, что англичанин, журналист сидит не на местах для прессы, а среди делегатов. Я шепнула ему:

– Я сейчас попрошу слова.

Он с опаской взглянул на меня, потом лукавое одобрение мелькнуло в его улыбке.

– Отчего же нет. А вы знаете, что будете говорить?

Я пожала плечами. По моему лицу он видел, что я набираюсь сил для прыжка. К счастью, раньше меня прыгнул казанский делегат Юсуф Акчурин. После Милюкова он неторопливо взобрался на кафедру и с восточной важностью заявил:

– Мы, мусульмане, против женского равноправия. Так не полагается ни по нашему закону, ни по нашему обычаю. Наши женщины не желают равноправия. Если вы вставите в вашу программу, что и женщины должны голосовать, тридцать миллионов мусульман не дадут вам своих голосов. Я против.

Действительность не оправдала его мрачного прорицания насчет мусульманских голосов, но слова его звучали гордо. А Милюков, слушая такого опасного единомышленника, с досадою расправлял усы.

Стремительно взобралась я на кафедру, стараясь не замечать сотен глаз, с любопытством уставленных на меня. Некоторые делегаты, может быть, читали мои статьи в «Вопросах жизни». Другие знали меня по отчету о моем судебном процессе, напечатанном в «Освобождении». Но для большинства я была новенькая. Последние бурные полтора года, когда люди легко выдвигались, встречались, сближались, я провела в Париже. Я еще не заняла своего места в рядах. Я это сознавала, но что поделать? Промолчать я не могу. Не хочу. Я должна ответить и татарину и профессору.

И я ответила. Я сказала, что нельзя русских женщин равнять по мусульманкам. Надо сделать обратное: прояснить сознание мусульман, поднять их женщин до нашего уровня, а не нас тащить вниз. Как можно говорить о всеобщем голосовании, о демократических началах, отбросив половину населения?

– Вы говорите, бабы не подготовлены. А разве мужики подготовлены? Да и вообще, кто подготовлен? Всем придется учиться: и нам, и вам. Участвуя в освободительном движении, русская женщина доказала свою зрелость. Политические права пока даны только мужчинам, но ведь борьбу вели вместе, вместе шли в тюрьму, иногда и на эшафот.

Я говорила недолго, но мой жар пробежал но рядам. Впервые почувствовала я те токи, которые идут от слушателей к оратору, услыхала аплодисменты, увидала, как от моих слов меняется выражение лиц, вспыхивают в глазах искры. Это было хорошее чувство.

Я поняла, что говорить публично совсем не страшно, не может быть страшно, если есть мысли и потребность передать их другим.

Вслед за мной взошла на кафедру А.С. Милюкова. Она сияла от удовольствия, что нашла такую горячую единомышленницу, что съезд дружными рукоплесканьями выразил свою поддержку моим мыслям, которые были и ей близки, дороги. Ей оставалось только повторить то, что она говорила в Москве, и скрепить мои доводы. Она это сделала со своей обычной деловитостью, но с необычным для нее жаром. Павел Николаевич слушал, слегка улыбаясь. И члены съезда не могли удержать улыбок, наблюдая этот поединок между мужем и женой.

Нам на подмогу выступила и русская юридическая наука в лице профессора Л.И. Петражицкого. С изысканной ясностью изложил он основные доводы за женское равноправие. Получив такого ученого единомышленника, мы были уверены в успехе. После него и менее заметные делегаты поддержали нас. Общими усилиями мы вытащили русскую, а вместе с ней и мусульманскую женщину из незаметного примечания мелким шрифтом, под строкой, внизу страницы и торжественно водворили ее в кадетской программе на заслуженное место. Сколько потом эти неуклюжие слова «без различия пола» порождали более и менее остроумных выпадов и шуток на митингах и в Государственной думе!

В новых условиях жизни мне пришлось потом крепче задуматься над женским вопросом. На съезде я только была удивлена, что он вызвал такое столкновение мнений, когда во всем остальном, не исключая несравненно более жгучего аграрного вопроса, голоса сливались в уже спевшийся хор.

Моя неожиданная стычка с сильным противником была только одним из

эпизодов моего первого деятельного соприкосновения с политической дружиной, готовящейся в парламентский поход. Съезд быстро промелькнул, но мы успели построиться в ряды. Первый съезд был озарен верой в себя, в свои силы, в неограниченные возможности, которые народное представительство открывало перед Россией. Это было собрание победителей, пробивших брешь в самодержавной крепости. Это сознание победы придавало съезду праздничный характер, помогало организаторам провести намеченную программу. С первых же шагов сказалась товарищеская дисциплина, которой отличались кадеты. До съезда трудно было угадать, сумеют ли спеться эти люди, съехавшиеся со всех концов огромной страны для такого непривычного, ответственного дела, как создание политической партии. Шаховской, главный вербовщик, лично знал всех делегатов. Но и он не совсем был уверен, какую смесь даст это сборище. Толпа легко вырабатывает настроения, несходные с психологией каждого отдельного человека.

Все прошло отлично. В последний день съезда Шаховской, пролетая мимо меня, с торжествующей улыбкой объявил:

– Ну, слава Богу! Донесли драгоценный сосуд.

Такую же радость я видела на многих лицах. И от всей души ее разделяла. В этой праздничности мы прожили до созыва Думы, до Таврического дворца. Партия была построена. Либеральная мысль могла не только высказываться, но и претворяться в действия – законодательствовать. Либералы сомкнутым строем могли повести избирательную кампанию. В первый раз за тысячелетнюю жизнь России население получило возможность через своих избранников участвовать в выработке законов. Немудрено, что у новоиспеченных политиков кружилась голова.

На съезде, созванном среди неостывшей лихорадки забастовок и революционных волнений, нарушавших течение жизни, ясно определился состав и психология только что образовавшейся партии. Большинство членов как тогда вошли в партию, так и оставались в ней до конца. За все существование партии в ней не было ни дробления на фракции, ни болезненных внутренних разногласий. Люди сошлись не случайно. У них были сходные политические взгляды и, что не менее важно, родственные политические темпераменты, которые не всегда совпадают с личным темпераментом. Была общность культурных привычек. В кадеты шли верхи русского образованного общества. Это не раз во всеуслышание провозглашали наши противники слева и справа. Один из самых умных и страстных наших противников П.А. Столыпин в разговоре с Маклаковым назвал кадетов «мозгом страны».

Состав партии был двоякий. Ее ядро, ее первую, основную ячейку составляли помещики: Шаховские, Долгорукие, Родичевы, Мухановы, Свечины, Петрункевичи. К ним примкнула разночинная городская интеллигенция. Среди профессоров, адвокатов, врачей были люди всех классов, но многие из них тоже были дворяне. Классовые определения не имели значения. Никому не могло прийти в голову выставлять свое дворянство на вид. Это просто было бы смешно. Кадеты были государственные идеалисты, верили, что Россию можно перестроить по безукоризненному образцу. Они не отстаивали интересов какого-нибудь

класса, меньше всего дворянского. Их аграрная программа это достаточно ясно подтверждает. Стремясь демократизировать власть, они совершенно забывали, что они сами, как господствующий класс, составляют часть власти, которая издавна принадлежала их предкам. Власть – это самодержавие, и только. Это жадный узурпатор, не желающий делиться с гражданами правом участия в законодательстве и в управлении государством. В течение десятилетий в передовом дворянстве отмирало классовое сознание. Это вносило благородный, рыцарский оттенок бескорыстия в их жизнь и деятельность. Но для России, может быть, было бы выгоднее, безопаснее, если бы дворянство крепче держалось за свою руководящую роль, яснее сознавало свое значение для культуры. На тех дворян, у которых такое сознание было, смотрели в лучших случаях с усмешкой. Дворянская фуражка с красным околышем, которую еще иногда носили помещики в глухих местах, многим представлялась символом захолустной заносчивости, дикости, отсталости.

Но и среди просвещенных дворян были такие, которые гордились заслугами своего сословия. Они так же, как Пушкин, помнили, какое место занимали их предки в развитии Российской державы. Некоторые дворяне находили, что жизнь еще не приготовила для них смены, что им еще рано уходить со своего поста. Их отпугивала кадетская аграрная программа с принудительным отчуждением помещичьих земель в пользу крестьян. Они считали, что исчезновение старых дворянских гнезд обеднит Россию. В преддумье эти редкие голоса были мало слышны. Позже они громче прозвучали и в Государственной думе, и в Государственном совете. В 1906 году их еще заглушало бушующее, наступательное общественное мнение, на которое кадеты имели немалое влияние.

Кадеты и после Манифеста 17 октября продолжали оставаться в оппозиции. Они не сделали ни одной попытки для совместной с правительством работы в Государственной думе. Политическая логика на это указывала, но психологически это оказалось совершенно невозможно. Мешала не программа. Мы стояли не за республику, а за конституционную монархию. Мы признавали собственность, мы хотели социальных реформ, а не социальной революции. К террору мы не призывали. Но за разумной схемой, которая даже сейчас могла бы дать России благоустройство, покой, благосостояние, свободу, бушевала эмоциональная стихия. В политике она имеет огромное значение. Неостывшие бунтарские эмоции помешали либералам исполнить задачу, на которую их явно готовила история, – войти в сотрудничество с исторической властью и вместе с ней перестроить жизнь по-новому, но сохранить предание, преемственность, тот драгоценный государственный костяк, вокруг которого развиваются, разрастаются клетки народного тела. Кадеты должны были стать посредниками между старой и новой Россией, но сделать этого не сумели. И не хотели. Одним из главных препятствий было расхождение между их трезвой программой и бурностью их политических переживаний.

За долгие годы разобщения между властью и наиболее деятельной частью передового общественного мнения накопилось слишком много взаимного непонимания, недоверия, враждебности. Правительство и общество продолжали

стоять друг против друга, как два вражеских лагеря.

Русская оппозиция всех оттенков боялась компромиссов, сговоров. «Соглашатель», «соглашательство» были слова поносительные, почти равносильные предателю, предательству. Тактика наша была не очень гибкая. Мы просто перли напролом и гордились этим. В то же время программа кадетов была несравненно умереннее социалистических, за что мы слева неизменно терпели поношение. Это нас нисколько не смущало. Свою программу мы от чистого сердца целиком отстаивали от правых и левых нападок.

Одной из главных государственных задач того момента было отделить назревшие государственные потребности от разбушевавшихся политических страстей. Этого ни правительство с его давним государственным опытом, ни оппозиция сделать не сумели. Русская интеллигенция все еще упивалась негодованием и себя обуздывать не желала. В этом грехе повинны и социалисты, и либералы. Духом непримиримости были одержимы не только руководители, но и избиратели. Это взвинчивало ораторов на выборах. А позже, в Думе, обессилило кадетов, толкало их на ложный путь. Но такая же непримиримость ослепляла и правящие круги. Они тоже не проявили никакой благожелательности, никакой потребности сговориться, вместе с общественностью подумать, чем должна быть Государственная дума, как она должна работать.

В результате в Думу все шли как на бой. Вместо того чтобы думать о предстоящей общей государственной службе, о государственном строительстве, думали о том, как больнее уязвить противника. А ведь вокруг выборов сосредоточилось все, что было в стране сколько-нибудь живого. Очень показательно для общего настроения, что во время выборов правых не было слышно. Они были отброшены, смыты наводнением. В провинции сторонники неограниченного самодержавия наскоро сплачивались, устраивали где манифестации, где погромы интеллигенции, печатали малограмотные листки, посылали верноподданнические телеграммы. Но все это было бездарно, слабо, худосочно, совершенно не соответствовало мощи той исторической власти, которую крайние правые мечтали сохранить во всей ее самодержавной цельности. Н.Н. Львов, бессменный депутат всех четырех Дум от Саратова, очень забавно рассказывал, что только что созданный в Саратове отдел Союза русского народа был настолько беден людьми, что председатель прибежал к Львову и у этого заведомого либерала, представителя ненавистной им кадетской партии, попросил в долг несколько рублей на отправку царю верноподданнейшей телеграммы.

– Я, конечно, дал! – с хохотом добавлял Николай Николаевич.

В Петербурге на избирательных собраниях правые не выступали. У них не было ораторов, почти не было образованных людей, им было не под силу спорить с кадетами и социалистами. Вокруг них не было той просвещенной питательной среды, которая окружала Партию народной свободы с первых дней ее рождения. Избиратели и посетители митингов не отзывались не только на призывы защитников уже надломленного неограниченного самодержавия, но даже на доводы умеренных конституционалистов, сплотившихся в Союз 17 октября.

На избирательную кампанию наложили особую печать социалисты. Они в

ней участвовали не для того, чтобы проводить своих кандидатов, а для того, чтобы убеждать избирателей бойкотировать Государственную думу, ни за чьих кандидатов не голосовать. Такую директиву дали партийным социалистам их комитеты. Но в России было много расплывчатых беспартийных социалистов. Они в Думу идти хотели и в избирательной кампании приняли живейшее участие. За этими индивидуальными кандидатами не было никакой организации. А все-таки при общем разброде и левизне они имели успех.

Но выборы в первую Думу вели организованно, дисциплинированно, на европейский манер только кадеты.

Когда я пытаюсь подробнее восстановить эти головокружительные первые месяцы 1906 года, изменчивая намять выбрасывает только отрывки. Разъезды по Петербургу с одного избирательного митинга на другой. Всюду битком набито. Всюду с напряженным вниманием ловят каждое слово. Социалисты, бойкотирующие Думу, приходят на наши митинги, чтобы доказывать избирателям, что стыдно идти в Думу, созываемую по такому несовершенному избирательному закону. Позорно принимать от самодержавия такую жалкую политическую подачку, надо снова объявить забастовку, снова поднять массы и добиться созыва Учредительного собрания. Оно определит будущий строй России, передаст всю власть народу. Участвовать в куцей Думе – значит изменять народу. Сколько раз эти слова «кадеты – изменники народа» летели в нас слева. Позже их стали бросать в нас справа, только придавая им другое значение.

Городская интеллигенция валом валила на митинги, упивалась новым для нее искусством красноречия. Речи наших профессоров, адвокатов, земцев, привыкших излагать свои мысли публично, выслушивались внимательно, иногда вызывали шумные аплодисменты, несмотря на то, что они не разжигали, а сдерживали пробудившиеся политические аппетиты. С первых же собраний было ясно, что кампания бойкота не пройдет, что петербуржцы голосовать будут и проведут кадетских кандидатов.

Но и социалисты часто срывали аплодисменты. Они тоже умели заливаться соловьем. Знали, как, чем всколыхнуть воображение. На наши собрания они приходили кучкой, усаживались вместе и восклицаниями, вопросами, замечаниями, то насмешливыми, то негодующими, перебивали ораторов. Их задачей было вызвать беспорядок и в зале и в умах, обострить противоречия, но сделать это так, чтобы у полицейского офицера не было повода сразу закрыть собрание. Не знаю, какие пределы свободы слова были указаны в полицейской инструкции, но в начале 1906 года на собраниях говорили очень свободно, вплоть до прямых и безнаказанных призывов к вооруженному восстанию. Одной из причин, почему социалисты бойкотировали Государственную думу, был их страх, что самое существование народного представительства может внести успокоение, остановить революцию. Революция продолжается! Этот воинственный клич социалистов, то притихая, то усиливаясь, звучал вплоть до захвата власти большевиками.

Они прекратить революцию сумели.

Эволюция или революция? – вот где проходила грань между кадетами и социалистами. Мы шли конституционным путем. В нашей и только в нашей среде

были люди, давно готовившиеся к парламентской деятельности, стремившиеся к ней. Если бы и кадеты бойкотировали Думу, она была бы сорвана, выборы приняли бы совершенно хаотический характер. Кадеты, группируя избирателей вокруг будущей Думы, образовали некоторый оплот против революционного хаоса. Они старались отвести всколыхнувшуюся народную энергию на сравнительно спокойное парламентское русло. Все же социалисты отчасти еще оставались нашими попутчиками. Мы продолжали вместе с ними добиваться от власти дальнейших уступок. Только социалисты призывали к борьбе на баррикадах, а кадеты обещали вести борьбу в Государственной думе и в законных рамках. Большая разница.

В эти месяцы преддумья толпа сразу наметила своих любимцев. На первом месте был Родичев. Кандидатуру свою он выставил у себя в Тверской губернии, но выступал часто в Петербурге. Он подкупал слушателей не только ярким блеском словесного мастерства, но и своей необычайной, неподдельной искренностью. Это соединение не так часто встречается.

Другим популярным кандидатом от Петербурга был В.Д. Набоков. Хотя эпитет «популярный» плохо вяжется с его элегантным, изысканным обликом. Баловень судьбы, он был воспитан на тех светски-бюрократических верхах, где хорошие манеры были необходимой частью хорошего образования. Говорил он так же свободно и уверенно, как и выглядел. Человек очень умный, он умел смягчать свое умственное превосходство улыбкой, то приветливой, а то и насмешливой. Глядя на этого полного жизни, красивого удачника, кто бы мог угадать, что впереди его ждет горькая эмигрантская бедность и ранняя смерть от руки убийцы.

В Петербурге же была выставлена кандидатура М.М. Винавера. Видный адвокат, образованный юрист, он славился уменьем ловко подбирать и строить свои доводы. Говорил он как опытный судебный оратор. Но чего-то в нем не хватало, чтобы стать трибуном, хотя его честолюбие этого настойчиво требовало.

П.Н. Милюков кандидатом в Государственную думу не мог быть выставлен. Министерство внутренних дел вычеркнуло его из избирательных списков, придравшись к какому-то старому административному обвинению в неблагонадежности. Под этот термин можно было всякого подвести. Полицейские уловки не помешали Милюкову выступать на многих митингах и стать одним из главных руководителей избирательной кампании. В речах Милюкова, как и в его писаниях, не было блеска. Но он ясно, точно, умно ставил и развивал политические вопросы, делился с аудиторией своими обширными знаниями, развивал политическое понимание избирателей, будил в них сознательное отношение к общественным делам. Это были речи опытного лектора, привыкшего обучать студентов.

С левыми Милюков на митингах не церемонился. Они платили ему тем же, налетали на него, как петухи. Такие стычки вносили большое оживление, были спортивным развлечением избирательной кампании. У Милюкова завелся свой специальный хулитель. Часто на митинге, после речи Милюкова, от группы социалистов стремительно отрывался плечистый, низкорослый человек в блузе. На трибуну он никогда не подымался, останавливался около ее ступенек и с перекошенным от митинговой ярости лицом, стиснув, как хороший бульдог, зубы,

бросал в толпу высоким тенором:

– Надо иметь государственное невежество какого-то Милюкова, чтобы воображать, что русский пролетариат ограничится кадетскими подачками…

В зале раздавался добродушный хохот. Каким нелепым казалось это слово «невежество», примененное к Милюкову. Да еще кем! Мальчишкой, студентом! Будущий советский сановник скрывал тогда свое настоящее имя под партийной кличкой – товарищ Абрам. Этот товарищ Абрам преследовал Милюкова с митинга на митинг, как тень иль верная жена. Он пользовался кадетскими собраниями, чтобы развивать большевистскую программу, которая мало кого тогда интересовала. Пролетариат, на требования которого ссылался товарищ Абрам, на митингах не показывался. Что думает немногочисленная большевистская фракция, отколовшаяся от С.-д. партии, тоже немногочисленной, казалось, имеет мало значения.

Настоящая фамилия Абрама была Крыленко. Этот Крыленко после большевистского переворота поднялся до высокого звания красного генерал-прокурора. На нем лежит ответственность за многие смертные приговоры. Он стал одним из советских палачей. Это произошло двенадцать лет спустя. А в 1906 году перед нами просто был мальчишка, дерзкий до смешного. Не знали мы тогда, кто в этой игре будет смеяться последним.

Митинговая игра всех увлекала новизной, кипеньем слов и мыслей, небывалой еще формой общения со знакомыми, полузнакомыми, совсем незнакомыми людьми. Русские люди говорить любят и умеют. Но одно дело разговаривать в гостиной, в студенческом кружке, на палубе волжского парохода, другое дело произносить речи с эстрады, где разговорщики, приподнятые даже физически над толпой, чувствуют, как она следит за их жестами, улыбками, за выражением их лиц, а не только за их словами и мыслями. Слово, произнесенное с эстрады, иначе раздается, отражается, толкуется. От ораторов, как от актеров, льются волны, исходит эмоциональная заразительность, между ними и слушателями устанавливается связь, создающая сходность мыслей и чувств, которая может дорасти до политического созвучия. Толпа следит за человеком на трибуне, но и он, с трибуны, следит за ней, ловит оттенки и переходы ее настроений. Его все видят, но ведь и он всех видит, читает в глазах одобрение или скуку, следит за тем, как до них доходят его доводы. Оттуда, из рядов, из глаз, обращенных на оратора, тоже исходят токи, порой не менее повелительные. Это один из соблазнов демагогии. Владеть толпой, держать в руках ее настроение, чувствовать, как ваше «Я» накладывает печать на этих людей, – это тонкое наслаждение. Величавый Цицерон признавался, что в политике заключено глубокое сладострастие. Он не объясняет, дается ли оно сознанием своего таланта или вот этой сладостью обладанья толпой душ, которой допьяна упиваются великие ораторы. Достается порой этот хмельной напиток и на долю ораторов меньшего калибра.

Для русских раньше такое пиршественное наслаждение ума было малодоступно. Только церковным проповедникам, отчасти профессорам удавалось чувствовать вокруг себя отголоски массовых переживаний. Но и те и другие были стеснены условиями своего положения. После 17 октября 1905 года открылись

шлюзы. Наконец можно говорить о чем угодно, и говорить свободно, без опаски, без оглядки. И у тех, кто говорил, и у тех, кто слушал, голова пошла кругом. Досыта и наговорились, и наслушались. В этом новом состоянии повального словесного упоения влетели народные представители в Государственную думу.

А в стране под шум выборного красноречия брожение продолжалось. Бунтовали окраины. Польша была на военном положении. Да и не одна Польша. Все национальности волновались. Оппозиция им сочувствовала. Социалисты предлагали обратить империю в федеративную республику, с полным самоопределением народов. Коммунисты потом это и сделали, по-своему толкуя и федерацию, и республику, и самоопределение. Кадеты были против республики, против расчленения России, стояли за ее цельность, неделимость, но считали необходимым дать инородцам право учиться на родном языке, употреблять его наравне с русским в местных учреждениях, земских и судебных. В польском вопросе шли дальше. В кадетскую программу входила автономия Польши. В Государственной думе скоро выяснилось, что это не удовлетворит поляков, живущих в Царстве Польском. Но некоторые поляки, особенно те, что родились и выросли в самой России, шли вместе с нами, были кадетами. Из них самыми выдающимися были профессор Петербургского университета Л.И. Петражицкий и московский адвокат А.Р. Ледницкий.

Надо сознаться, что многие кадеты, а тем более подававшие за них голоса избиратели не разбирались в малоисследованной, пестрой этнографии России, не знали, где все эти народы и племена живут и чего, собственно, им не хватает. Путали латышей с литовцами, калмыков с киргизами, не говоря уже о сартах, туркменах, узбеках, о всех живописных, где-то кочующих народах. Это невежество не охлаждало благородного желания дать этим неизвестным все нрава, все свободы. Самодержавие им в чем-то отказывало, как-то их притесняло. Надо притеснения прекратить и дать как можно больше. Красноречивые кадетские ораторы, ссылаясь на высокий авторитет европейских ученых-юристов, убедительно доказывали, что в правовом государстве все это полагается давать, что право самоопределения народов есть право священное.

Я не хочу высмеивать или обвинять моих товарищей по партии. Мы все горели искренним, бескорыстным, неутолимым желанием как можно скорее ввести в России самый усовершенствованный строй. Я это желание от всего сердца разделяла. Если на меня иногда нападали сомнения, не в целях, а в методах, то на меня обрушивали такой груз книжного знания, что я с трудом из-под него выкарабкивалась. Особенно тяжелые аргументы сыпались на мою женскую голову, когда меня забрасывали цитатами из профессора Листа[1]. Я о нем ничего не знала, но очень быстро поняла, что Листа не перешибешь. Я и теперь не знаю, что он писал и где печатался. Кажется, в Берлине. Но теперь я знаю, что мир был бы несравненно счастливее, если бы хорошие русские люди меньше поддавались заморским ученым и больше приглядывались бы к русской жизни, вдумывались бы в прошлое и настоящее своего народа. Самое имя – Лист – вспоминается мне как

[1] Лист Фридрих (1789–1846) – немецкий экономист, один из организаторов Всеобщей ассоциации германских промышленников и купцов. Развивал идею «воспитательного протекционизма», требующую активного вмешательства государства в экономическую жизнь.

что-то враждебное, как черный заговор.

Во время выборов такой гул шел по земле русской, что даже более грамотным людям было трудно разобраться в новых понятиях, пожеланиях и возможностях. Что же должно было твориться в неграмотных головах? А таких было подавляющее большинство. Они даже газет не читали. Да и газеты, случалось, не проясняли, а затемняли мозги. Правда, крестьянство проявило удивительную русскую способность схватывать, соображать. Но где же им было осилить, переварить политику, основанную на Листе, да еще иногда с примесью Карла Маркса. И как устоять против сладких посулов, без которых никакие выборы не обходятся.

Вольные социалисты разных оттенков, не связанные партийными директивами, в выборах участие приняли. Они шли в Государственную думу в партизанском порядке, россыпью. Только накануне открытия Думы была создана многолюдная, расплывчатая Трудовая группа. Несмотря на этих соперников слева и на то, что левое кипение еще далеко не кончилось, кадеты все-таки собрали самую большую парламентскую фракцию. У них оказалось 287 мест[1]. Какое это было торжество, когда в кадетский клуб на Потемкинской улице, с окнами на Таврический сад, зеленевший апрельской листвой, стали приходить со всех концов России телеграммы о наших победах. А со всех избирательных районов Петербурга возбужденные женские голоса сообщали по телефону победоносные цифры столичных выборов.

Голоса были женские, потому что всю черную работу по выборам взвалили на себя главным образом женщины. Они раздавали и разносили партийную литературу, собирали деньги, обходили квартиры, устраивали митинги. Они были полны энтузиазма, который придает политической работе красоту, политическим деятелям, в особенности начинающим, силу.

А начинающими были все. Все были новички. Все пьянели от безграничных возможностей, как будто открывавшихся перед избранниками земли русской. Так стали величать членов Государственной думы.

С.М. Ростовцева, жена знаменитого историка, которая очень усердно вела в своем Адмиралтейском районе кадетскую предвыборную кампанию, с обычным своим юмором описывала, как светский, изящный В.Д. Набоков ворвался в ее гостиную с восклицанием:

– Выбрали!

Он был в таком восторге, что не только не дождался, чтобы горничная о нем доложила, но даже забыл снять грязные калоши и перепачкал дорогой, светлый ковер Ростовцевых.

Государственная дума должна была открыться 27 апреля. За несколько дней перед этим собрался второй кадетский съезд, все в том же Тенишевском училище, которое стало привычным местом всяких политических собраний. На этот раз на полуциркульных скамьях сидели люди, уже хлебнувшие горькой сладости популярности. Все они принимали участие в выборах, многие были избраны в

[1] Явная ошибка автора. Лидер кадетов П.Н. Милюков так оценивал представительство своей партии в Думе: «Наша победа на выборах оказалась вовсе не такой полной, как нам казалось сгоряча. Кадетов было в Думе только треть всего ее состава – 34% (153 члена вначале; потом это число поднялось до 179, то есть 37,4%) (Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 363).

Государственную думу. Они весело обменивались неостывшими избирательными впечатлениями. От них еще струилось напряжение борьбы, не до конца израсходованное, ищущее нового применения. Из глубины России принесли они с собой не тишину, а бурю. Непримиримостью дышали избранники. Еще непримиримее были избиратели. Они посылали своих представителей в Думу не для мирного законодательства, а для давления, для напора на власть, для новых требований. Они заражали, подстрекали, взвинчивали своих избранников. Они толпами собирались при их проезде на станциях, вручали им писаные наказы, кричали:

– Добудьте нам землю и волю!

Но железнодорожные линии, по которым катились поезда, везшие депутатов, – это только тоненькие, далеко друг от друга отстоящие черточки. А в стране шла обычная жизнь. Мужики пахали, купцы торговали, обыватели покупали, Россия, еще не познавшая лишений, своего довольства не сознавала. Напротив, и справа, и слева кричали, что все пропало, что все разваливается. Винили в этом партии, винили правительство, слева – за его нежелание идти на дальнейшие уступки, справа – за излишнюю уступчивость. Террористы продолжали свою страшную работу. Они убивали и мелких, и крупных представителей власти, и урядников, и губернаторов. И почему-то никто не спрашивал с них: кто дал право анонимным судьям подписывать смертные приговоры?

Тяжелый эпизод разыгрался на кадетском съезде. Во время заседания кто-то с кафедры сообщил, что в Киеве убит террористами генерал-губернатор граф А.П. Игнатьев. И вдруг сорвалось несколько аплодисментов. Это сейчас же вызвало резкий протест. Аплодисменты сразу оборвались. Председатель высказал строгое порицание тем, кто рукоплескал. Но факт остался фактом. В центре либеральной оппозиции, считавшей себя монархической, отрицавшей революционные методы, нашлись люди, нашлись члены Государственной думы, публично выразившие одобрение убийцам.

Через день или два царь принимал народных избранников в Зимнем дворце. С каким чувством он и его министры вглядывались в этих новых людей, с которыми они должны были вместе устраивать и перестраивать Русскую державу? Могла ли власть рассчитывать на них как на надежных сотрудников по водворению внутреннего мира, этой первой, самой насущной потребности всякого государства?

В Таврическом дворце непримиримая противоположность двух миров и их взаимное непонимание выступили еще ярче.

Таврический дворец

Объявив созыв Государственной думы, власть плохо отдавала себе отчет, какое детище она родила, какие у правительства обязанности по отношению к этому новому государственному учреждению, поднявшемуся из революционного хаоса, как его использовать в интересах народа, империи, исторической власти. Ограничились тем, что для русского парламента приспособили великолепный Таврический дворец. Это было отлично сделано. Но для тех, кто должен был за-

седать в этом дворце, правительство не позаботилось составить ни общий план предстоящей законодательной работы, ни хотя бы несколько законопроектов. Пусть это странное сборище съехавшихся в столицу незнакомцев, претендующих на участие в государственной работе, сначала само себя покажет.

И депутаты не отдавали себе отчета в своем положении, в своих обязанностях по отношению к государственной власти, на которой столетиями стояла Россия. Они считали, что пришли не как помощники, а как смена. Они не понимали, какое драгоценное орудие для переустройства русской жизни вложила история в их неопытные руки. Оппозиция, как и правительство, не знала, как обращаться с Государственной думой, какую пользу можно и должно из нее извлечь. Народные представители, увлеченные борьбой, оглушенные забастовками, восстаниями, террористическими актами, казнями, опьяненные политическими возгласами, обличениями, требованиями, не сумели сразу приняться за то, ради чего Дума была созвана, чего они сами добивались с такой бурной энергией, – за законодательство. Слишком еще кипели в них страсти, слишком обуревала их неудержимая потребность на всю страну выкрикнуть то, о чем раньше говорилось только шепотом. Хотя с появлением народного представительства часть этих криков и лозунгов теряла свое значение.

Перед открытием Государственной думы между правительством и народными представителями не произошло никакого общения, никаких не только сговоров, но даже переговоров. Думцы и министры впервые встретились в Таврическом дворце, куда обе стороны притащили с собой тяжкий груз и путы враждебности, недоверия, нежелания подойти друг к другу ближе, найти почву для сотрудничества.

И власть с неостывшей обидой побежденного, и народные представители с злорадным торжеством победителей помнили, что Дума пришла не сверху, а была навязана снизу. В этом резкое отличие Манифеста 17 октября 1905 года от Манифеста 19 февраля 1861 года. Александр II еще наследником понял, что реформы необходимы, неотвратимы. Он им сочувствовал. У его внука Николая II не было такого сочувствия к конституционной реформе, которую он был вынужден скрепить своей подписью. Государственная дума явилась в результате широкого самочинного освободительного движения, которое многие просто называли революцией. До 1905 года царь и его правительство не допускали даже мысли о народном представительстве. Самое слово «конституция» считалось преступным, как я на собственном опыте испытала.

Правда, в день открытия Государственной думы государь принял в Зимнем дворце депутатов, признал в них своих сотрудников, приветствовал их, как «лучших людей земли русской», сказал им:

«Господь Бог да благословит труды, предстоящие мне в единении с Государственным советом и Государственной думой, и да знаменуется день сей отныне днем обновления облика земли русской, днем возрождения ее лучших сил».

Для депутатов это было слишком туманно. Они предпочли бы определенную, законченную политическую формулировку. В их сердцах тронная речь никакого отклика не нашла. Призывать на их труды благословение Божие им в лучшем

случае казалось излишним. Они больше верили в магическую силу юридических заклинаний, чем в молитвы. Короткий, лишенный всякого личного общения царский прием был для них живописной, но мертвой формальностью. Они были связаны не с самодержавием, а с народными силами, открывшими перед ними двери Зимнего дворца и, что было для них бесконечно важнее, двери их собственного, Таврического дворца. Вступая в него, народные представители знали, что для власти они сотрудники непрошеные, царю навязанные. Это наложило печать на их настроение, на их речи, на их действия.

Депутатов вынесла на своем гребне бурная народная волна. Им казалось, что она все еще растет, подымается. На самом деле Государственная дума была ее высшей точкой и скоро должен был начаться отлив. А им на пороге Думы казалось, что они обязаны продолжать наступление. Тогда термин «историческая власть» еще мало был в употреблении, просто говорили «самодержавие». Или еще проще – ОНИ. Они – это правительство. Мы – это не только оппозиция, но вообще весь народ. Это были две воюющие армии.

Депутатов этот непроходимый водораздел не тревожил. Чего им бояться? Они уверены и в слабости правительства, и в его идейной неправоте, убеждены в силе народа, в правоте своих идей. Освободители, они входили в Таврический дворец в приподнятом, торжественном настроении.

Рамка была для них приготовлена праздничная. Екатерина II была одарена воображением, но вряд ли ей могло сниться, что великолепный дворец, который она построила для своего ветреного любовника и верного помощника в делах державства и войны, станет для России в весенние годы ее парламентской жизни символом народоправства, что самое название – Таврический дворец – прозвучит как радостный клич, как обещание обновленной, свободной жизни. И как призыв к борьбе. До замирения, даже до перемирия было еще далеко.

В Петербурге 27 апреля, день открытия первой Государственной думы, был общенародным праздником. Школы и присутствия были закрыты. Магазины тоже. Большинство заводов не работало. Улицы были залиты народом. Всюду флаги, радостные лица. Утром вереницы экипажей и извозчиков направились в Зимний дворец, оттуда, после короткого царского приема, они отправились в другой, свой дворец. Ясный весенний день, ясные надежды в сердцах. Твердое, искреннее желание первых избранников не обмануть народных надежд. Общее чувство могучей волны, по которой легко, дерзко скользит наш корабль. И эта детская, неповторимая вера в себя, в будущее, в Россию.

Красавец Таврический дворец, проснувшийся от векового сна, выглядел щеголем. Весь белый снаружи и внутри, он царственно раскинул гармонический простор своих зал, переходов, обширных покоев, всем своим приветливым великолепием напоминая о державной пышности века Екатерины. Казалось, сама Россия, гостеприимная хозяйка, ласково принимает гостей, собравшихся со всех концов русской земли. Сквозь высокие, от пола до потолка, окна виднелся старый, еще при Потемкине насаженный сад. Точно Дума собралась не в столице, а в старинной усадьбе. Большинство депутатов выросло в таких дворянских гнездах. Первая Дума если не количественно, то качественно была дворянской Думой, и

это подчеркивало ее нарядность.

На председательском месте сидел С.А. Муромцев. Не сидел – восседал, всем своим обликом, каждым движением, каждым словом воплощая величавую значительность высокого учреждения. Голос у него был ровный, глубокий, внушительный. Он не говорил, а изрекал. Каждое его слово, простое его заявление – «Слово принадлежит члену Государственной думы от Калужской губернии» или «Заседание Государственной думы возобновляется» – звучало, точно перед нами был шейх, читающий строфы из Корана…

Извлечение публикуется по изданию:
Тыркова-Вильямс А. Воспоминания.
То, чего больше не будет.
М., 1998. С. 376–398.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ХИЖНЯКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ ЗЕМСКОГО ДЕЯТЕЛЯ

Наступил 1904 год. Общественное недовольство, вызванное жестокою реакцией и особенно Японскою войной, достигло высшей степени напряжения. Самые умеренные люди горячо высказывали, что так жить нельзя и что коренные реформы настоятельно необходимы.

При таком настроении в конце ноября открыто было очередное губернское земское собрание. В одном из первых его заседаний собрание, по предложению председателя, постановило послать приветственную телеграмму новому министру внутренних дел князю Святополк-Мирскому по поводу произнесенных им при вступлении в должность слов о «доверии правительства к общественным силам страны».

Гласные были в чрезвычайном возбуждении. Текущая работа собрания подвигалась вяло. Все почти сознавали, что наступил момент, когда представителям населения молчать нельзя и они обязаны заявить о необходимости существенных преобразований в существующем законодательстве. 53 гласных подали председателю собрания заявление о представлении в таком смысле всеподданнейшего адреса. Составленный этими гласными проект адреса в течение двух вечеров обсуждался в частном совещании всего состава собрания. После жарких прений и по содержанию, и по редакции, адрес, с некоторыми изменениями в представленном проекте, был утвержден огромным большинством.

5 декабря во время краткого перерыва в занятиях собрания адрес был окончательно проверен и подписан. В городе знали, что заседание собрания в этот день будет особенно интересно, и места для публики были переполнены. Когда заседание снова было открыто, после звонка председателя наступила мертвая тишина.

Председатель собрания А.А. Муханов сказал несколько слов о том, что собранию предлагается сделать постановление по вопросу, выходящему из пределов ведения земства, – но мы переживаем момент, когда невозможно удержаться в рамках, указанных законом земству. Затем своим звучным и внятным голосом он прочел адрес.

В начале адреса выражено «глубокое убеждение собрания, что правильная деятельность общественных учреждений и всего государственного управления совершенно невозможны при тех условиях, какие давно уже переживает Россия».

«Бюрократическая система управления, – сказано далее в адресе, – создав полную разобщенность верховной власти с населением, ревниво устраняя всякое участие общества в управлении и охраняя полную обособленность и безответственность своих действий, довела страну до крайне тягостного положения. Личность русского человека не ограждена от произвола властей; свободы совести он лишен; оглашение в собраниях и в печати злоупотреблений и нарушений закона в управлении строго преследуется; значительная часть России находится под действием усиленной охраны, крайне тягостной для населения и дающей полный простор широкому произволу администрации; суд стеснен и ограничен в деле ограждения правды и закона. Такое положение дел создает неисчислимые бедствия населения во всех проявлениях его частной и общественной жизни и вызывает всеобщее недовольство».

Выразив в заключение, что «водворение в стране порядка, права и правды может быть достигнуто единственно установлением тесного общения верховной власти с народом», адрес заканчивается просьбой «услышать искреннее и правдивое слово русской земли, для чего призвать свободно избранных представителей земства и повелеть им независимо и самостоятельно начертать проект реформ, отвечающих столь близко им известным основным нуждам русского населения, и проект этот дозволить непосредственно представить Вашему Величеству»[1].

Адрес был утвержден единогласно, и собрание поручило своему председателю немедленно представить его по телеграфу[2].

Несколько секунд продолжалось в зале торжественное молчание. Наконец раздались такие неистовые рукоплескания публики, такие шумные выражения радости и приветствий собранию, что А.А. Муханову едва удалось успокоить это волнение и предотвратить меры пресечения, для выполнения которых властями был приготовлен в зале надлежащий персонал.

10 декабря в «Губернских ведомостях» помещено было следующее сообщение:

«Председатель Черниговского губернского земского собрания, губернский предводитель дворянства, представил Его императорскому величеству по телеграфу ходатайство означенного собрания по целому ряду вопросов общегосударственного свойства. На телеграмме этой Его Величеству государю императору благоугодно было собственноручно начертать:

---

[1] Адрес этот полностью напечатан в 1 томе Свода постановлений Черниговского губернского земского собрания за 1900–1909 гг., стр. 74 *(прим. В. Хижнякова).*
По сохранившимся у меня заметкам, такие же адресы почти одновременно представлены полтавским, калужским, ярославским и орловским губернскими земскими собраниями. В Киеве на банкете 20 ноября 1904 г., в котором участвовало более 500 человек, в значительной части людей с солидным служебным и общественным положением, выражено было полное сочувствие постановлениям земского ноябрьского съезда в Санкт-Петербурге и убеждение в необходимости участия в управлении народных представителей. Киевский политехникум, в ответ на запрос министра финансов о причинах студенческих волнений, составил 24 ноября 1904 г. резолюцию, подписанную директором и всеми профессорами, что правильное течение академической жизни возможно только при введении в России представительного образа правления с прочными гарантиями политических прав всех граждан *(прим. В. Хижнякова).*

[2] В частном совещании 9 гласных решительно не соглашались с содержанием адреса и протестовали против его представления. Они не желали подчиниться большинству и заявляли, что в собрании будут возражать против адреса. А так как прения по такому вопросу неудобны, их едва уговорили не входить в зал собрания при решении вопроса об адресе. Они в это время стояли за порогом соседней комнаты *(прим. В. Хижнякова).*

«Нахожу поступок председателя Черниговского губернского собрания дерзким и бестактным. Заниматься по вопросам государственного управления не дело земских собраний, круг деятельности и прав которых ясно очерчен законами».

С недобрыми предчувствиями сошлись мы в собрание в этот день. Оказалось, что Муханов уже телеграфировал министру внутренних дел о своей отставке. По открытии заседания гласные заявили, что ответственность за представление адреса они вполне разделяют с председателем собрания и потому отказываются от звания губернского гласного. 30 гласных вышли из заседания. Председатели десяти уездных земских управ выразили сожаление, что они не могут присоединиться к отказавшимся гласным, так как участвуют в собрании по должности. Наличные уездные предводители тоже заявили, что считают себя обязанными оставаться в собрании по должности. Председатель и члены губернской управы (кроме одного, Солонины) выразили, что они, отказываясь от звания губернского гласного, остаются в своих должностях до замены их другим составом управы.

Осталось 24 гласных, и председатель объявил, что настоящее заседание состояться не может. Еще четыре дня делались безуспешные попытки привлечь отсутствующих гласных, и 14 декабря сессия собрания была закрыта.

В мае 1905 года созвано было экстренное губернское земское собрание. На его обсуждение, на основании Высочайших указов 12 декабря 1904 г. и 16 февраля 1905 г., управою представлен был доклад «О видах и предположениях об усовершенствовании государственного благоустройства и народного благосостояния». Сущность доклада заключается в следующем:

Нужды населения неисчислимы и давно уже вопиют об их удовлетворении. Бюрократия глуха к этим нуждам и в своих попытках проводить некоторые частичные реформы она показала полную свою несостоятельность. Необходима коренная реформа государственного строя и привлечение к управлению государством общественных сил. Этот обширный, прекрасно мотивированный доклад сводится к следующим заключительным положениям:

Обновление всех сторон русской жизни и умиротворение общества возможны лишь при введении народного представительства с предоставлением всем гражданам свободы совести, слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности и жилища.

Представительные учреждения должны состоять из двух равноправных палат, которым будет присвоено участие с решающим голосом в законодательстве, утверждение государственного бюджета и контроль над действиями администрации. Одна палата созывается путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов; другая образуется из представителей реорганизованных на демократических началах и распространенных на всю империю учреждений местного самоуправления.

Только собрание, созванное после свободной предвыборной агитации, на началах всеобщего, равного и тайного голосования, может обладать доверием населения, компетенцией и авторитетом, которые необходимы для учреждения, имеющего задачей коренную реформу государственного строя.

Задача особого совещания под председательством министра внутренних

дел должна ограничиться лишь подготовительными работами к организации Учредительного собрания.

Участие в этом совещании представителей земства желательно, но при условии, если они будут приглашены по выбору земских собраний, с правом решающего голоса, и если им будут гарантированы свобода слова, неприкосновенность личности и право участия во всех стадиях работы совещания. Управа просила уполномочия постановления собрания по этому докладу представить в Комитет министров.

Доклад подробно обсуждался в закрытом совещании комиссии, в которой участвовали все гласные. Большинство членов комиссии согласилось с докладом и признало нужным поручить управе напечатать и распространить среди населения Высочайший указ 12 декабря 1904 года, рескрипт 18 февраля 1905 г., настоящий доклад и постановление по нему собрания. Заключение комиссии подписано без оговорок 27 гласными.

К журналу комиссии приложено несколько особых мнений.

Первое представлено мною. В нем я изложил два возражения:

1. Необходимость верхней палаты не доказана. Ее функции и отношение обеих палат между собою не выяснены. Способ образования верхней палаты идет вразрез с всеобщим избирательным правом. Верхняя палата по своему составу может быть в антагонизме с нижней, и это явится тормозом в управлении и в прогрессивном развитии государственной жизни;

2. В докладе допускаются на первых порах двухстепенные выборы, ввиду невежества населения, его неподготовленности к прямым выборам и возможных при этом давлений. Но в огромном большинстве случаев народ поймет, кому он должен вверить защиту своих интересов. Давление же при двухстепенных выборах производить гораздо легче. К представительному собранию, образованному путем двухстепенных выборов, народ может отнестись с недоверием, и тогда не успокоится все растущее возбуждение населения.

Под моим мнением подписались шесть гласных, соглашаясь со вторым пунктом, и четыре, согласившиеся с обоими пунктами[1].

Во втором мнении, подписанном только его автором, выражено, что с принципом голосования, предложенным в докладе управы, можно согласиться в идее, но, при невежестве народной массы, при разноплеменности населения и разобщенности классов, применение у нас этого принципа едва ли возможно. Нельзя ожидать, чтобы народ, воспитанный в рабстве и невежестве, отнесся к выборам сознательно, и ловкие люди могут эксплуатировать избирателей и направлять выборы в свою пользу. Необходим образовательный ценз и, по указанию опыта других парламентских стран, необходим и ценз имущественный. Многостепенные выборы дадут представителей более достойных, более подготовленных к государственной деятельности. Народы Запада дошли до нынешних форм управления путем продолжительной эволюции, а мы хотим сразу сделать большой скачок в область неизведанного. Необходима постепенность, сообразованная со временем

[1] В числе последних был известный профессор Локоть, депутат-трудовик первой Государственной думы, который потом «сжег все, чему поклонялся, и поклонился всему, что сжигал» *(прим. В. Хижнякова).*

и обстоятельствами.

В третьем мнении, подписанном двумя гласными, приведены два возражения против доклада:

1. Предрешать вопрос о том, одну или две палаты нужно образовать, не следует, так как для этого нет достаточных данных;

2. Выборы должны быть двухстепенные, с небольшим имущественным цензом, чтобы не отстранять от них крестьян, так как население еще не подготовлено к прямой и всеобщей подаче голосов.

Подписавшие четвертое мнение, отнесясь вполне отрицательно к докладу управы, изложили следующие положения:

Избранным представителям нельзя предоставлять правящей власти. Только самодержавная власть в настоящее смутное время может объединить разноплеменное население в цельный государственный организм.

Состав народного представительства тогда только может быть авторитетным и работоспособным, если в него войдут люди, раньше практиковавшиеся в государственной и общественной работе. Таких людей дадут организованные сословия и общественные учреждения.

Первому представительному собранию нельзя присваивать роли учредительного. Пока есть прежняя государственная власть, основные законы могут исходить только от самодержавного монарха. Задача народного представительства – выражать перед государем народную мысль по коренным жизненным вопросам и реформам.

Представительное собрание, не ограничивая самодержавной власти, будет, с правом законодательной инициативы, обсуждать новые законы, бюджет и контроль отчетов по его исполнено и наблюдать за закономерностью действий администрации, с правом запроса министрам, ответственным перед верховной властью.

Это мнение подписано 20 гласными[1]. Два из них приложили к нему еще следующие свои дополнения:

Для России должна быть выработана особая форма государственного устройства, органически вытекающая из бытовых и духовных условий страны.

Рассматриваемый вопрос полезно передать на обсуждение уездных земских собраний.

К обязанностям представительного собрания нужно прибавить: «и обсуждение других дел, которые будут переданы государем на рассмотрение народных представителей».

Выборы должны быть многостепенные, с ограничениями относительно возраста, оседлости, образовательного и имущественного цензов. Для привлечения более развитой, способной к политической деятельности части населения, полезно избирать предводителей дворянства, председателей губернских земских управ и представителей высших учебных заведений.

Для развития в обществе способности к политической деятельности необхо-

[1] В том числе 9 предводителей дворянства и 8 лиц, состоящих на казенной службе *(прим. В. Хижнякова).*

димо установить в провинции широкое выборное начало для всех ведомств. Эти выборы, под контролем правительственной власти, могут быть предоставлены дворянству и лицам других сословий с небольшим имущественным цензом и образовательным, не ниже средних учебных заведений. К избранным население будет относиться с уважением, и из них выработается значительный персонал лиц, полезных для государственной службы и для народного представительства[1].

22 мая при закрытии утреннего заседания председатель собрания объявил, что обсуждение доклада и заключения комиссии будет в вечернем заседании, и прибавил, что заседание это будет происходить при закрытых дверях, в силу полученного им распоряжения губернатора, которому он обязан подчиниться.

Вечером, после открытия заседания, несколько гласных выразили протест против того, что за стенами собрания стоит полиция и приготовлены казаки.

По предложению председателя губернской управы Свечина, собрание сделало следующее постановление: «Земское собрание, не входя в настоящее время в рассмотрение вопроса о законности распоряжения губернатора, но принимая во внимание, что публичность является обычным условием занятий собрания, что обсуждение столь важного доклада не может быть в достаточной мере полным и спокойным, постановило: в обсуждение этого доклада и заключения комиссии не входить и поручить управе и доклад, и заключение комиссии, и особые мнения представить в Комитет министров, вместе с копией настоящего журнала собрания».

В ту же сессию представлен был управою доклад о преобразовании земских учреждений. Решено было передать его на обсуждение уездных собраний и, по получении их заключений, поручено особой комиссии его переработать. Через два года он предложен собранию в переработанном виде. Вот вкратце основные его положения:

Являясь выразителем всего населения, а не отдельных его классов, земство должно быть всесословным.

В отведенной ему сфере деятельности оно должно быть вполне самостоятельным. Правительству принадлежит право контроля закономерности действий земских учреждений, но не существа. Вопрос о незакономерности разрешается судом, а не администрацией.

Необходимо расширить компетенцию земства в разных отраслях местной жизни и управления, без ограничения ее одними хозяйственными интересами, и предоставить ему право петиций не только в сфере местных, но и общегосударственных интересов.

Необходимо изменить существующую систему выборов в целях допущения возможно широкого участия населения в делах местного самоуправления.

Необходимо предоставить земским учреждениям право устраивать явочным порядком районные и всероссийские съезды земских представителей по вопросам земского хозяйства и управления.

Необходимо изменить существующий порядок замещения служащих в зем-

---

[1] Все изложенное по этому боевому докладу управы напечатано в упомянутом уже «Своде», т. 1. С. 75–80 *(прим. В. Хижнякова).*

стве по выборам и по найму.

Необходима отмена исключительных законов, ограничивающих права земства в разных отраслях его деятельности.

В конце доклада выражено, что деятельность земства при указанных преобразованиях будет обеспечена лишь при условии, если будут изменены и общие начала государственного управления.

Казалось бы, вопрос этот явился в собрании 1907 года достаточно подготовленным: он обсуждался в уездных земствах, переработан в комиссии, и все изложенные положения подробно мотивированы в докладе управы. Можно было бы уже губернскому собранию и постановить определенное решение. Но вышло не то. После продолжительных прений, в которых указывалось на неполноту и неясность доклада, снова решили передать его в уездные собрания и в комиссию. В результате он, как и доклад о мелкой земской единице, похоронен в архиве[1].

Это является еще одним ярким примером силы классовых тенденций, преобладающих в большинстве нынешних земских гласных.

Опубликование булыгинской конституции 6 августа встречено было всеми с глубоким разочарованием. Об этом громко заговорили в некоторых, очень немногих, уездных земских собраниях.

При открытии черниговского уездного собрания в конце сентября 1905 года, гласный И.Н. Соколовский произнес горячую речь о крайне тревожном настроении сельского населения. Тяжелые экономические условия, малоземелье, отсутствие правовых гарантий, ожидание возвещенных реформ – все это вызывает в селах самые извращенные толки и опасное возбуждение, выражающееся иногда у нас насилиями, грабежами, поджогами и убийствами. Успокоить население, направить его протесты на легальный путь, внушить ему надежды на удовлетворение его нужд при народном представительстве могли бы беседы, чтения интеллигентных людей в селах и распространение соответственных брошюр. Но у нас это невозможно. Такое общение неофициальных лиц с населением преследуется администрацией. Необходимо скорейшее установление свободы слова, печати и собраний.

Тот же гласный заявил, что, ввиду предстоящих выборов в Государственную думу, необходимо переизбрание состава волостных сходов, чтобы сходы эти образовать из более сознательных и передовых лиц. А такое переизбрание законом не воспрещается. Комиссия, обсуждавшая эти вопросы, признала, что установление неприкосновенности личности и свобода слова, печати и собраний являются неотложными нуждами: без этих способов для рассеяния нелепых толков в селах и успокоения населения Черниговской уезд может в очень скором времени сделаться очагом самых ужасных потрясений[2].

---

[1] Недавно, в 1914 г., была попытка извлечь этот вопрос из архива. Я внес в собрание доклад о земской реформе на началах, тождественных с изложенными положениями. Председатель собрания не допустил его обсуждения *(прим. В. Хижнякова).*

[2] Опасение это, как известно, скоро оправдалось, и по некоторым уездам нашей губернии пронесся ураган самых диких и жестоких поджогов и грабежей, повлекший за собою ряд таких же диких и жестоких карательных экспедиций, успокаивавших население ужасными поголовными истязаниями и даже сожжением сел *(прим. В. Хижнякова).*

Собрание согласилось с этим и с другим заключением комиссии, что Положение 6 августа о Государственной думе весьма несовершенно и что для удовлетворения населения народное представительство должно быть образовано на началах, установленных съездом земских и городских деятелей 12–15 сентября, причем главнейшею заботой преобразованной Думы должны быть поставлены на первую очередь вопросы об аграрной реформе и о правах и нуждах рабочего люда.

Собрание ограничилось занесением в журнал этих пожеланий.

Затем собрание приняло предложение о том, чтобы, для выяснения сельскому населению настоящих событий и значения народного представительства, приобрести на счет уездного земства и распространить в селах брошюры и листки соответственного содержания, причем особенно рекомендовалась брошюра Сватикова «Созыв народных представителей»[1]. Собрание поручило управе приобрести этот материал и ассигновало для этого 50 рублей.

Вопрос о переизбрании состава волостных сходов, вследствие воспрещения губернатора, председателем собрания не допущен был к обсуждению.

Заслуживает внимания еще один эпизод, происшедший в этом же собрании. В собрание поступило заявление гласных-поселян (они не назвали себя крестьянами), вызванное, несомненно, предвкушением свобод и изменения общественного строя, о том, что многие в селах уже не удовлетворяются скудным курсом начальной школы и в черниговском четырехклассном училище и в средних учебных заведениях обучаются уже несколько детей лиц сельского состояния; ввиду больших затрат на это обучение заявившие просили земское собрание принять на себя плату за право учения этих детей. Собрание удовлетворило эту просьбу, ассигновав для указанной цели 600 рублей.

Еще решительнее высказалось в это время Городнянское уездное собрание. В постановлении своем оно признало, что учреждаемая законом 6 августа Государственная дума не может внести умиротворения в страну. Учреждение ее не сопровождается законодательным обеспечением основных прав граждан, отменою исключительных положений и амнистией по отношению к так называемым политическим преступникам. От участия в выборах народных представителей устранен класс городских промышленных рабочих и бóльшая часть интеллигентных сил страны.

Выборы установлены многостепенные, связанные с имущественным цензом. Думе не предоставлено решающего голоса в законодательстве и в установлении бюджета. Это остается по-прежнему в руках чиновников. Всякое влияние Думы на ход государственных дел сводится к нулю установлением чисто бюрократического учреждения – Государственного совета. Все усилия населения – выражено в заключительной части постановления – должны быть направлены к тому, чтобы в Государственную думу были избраны люди, единственною целью которых должно быть достижение обеспечения прав личности, свободы слова, печати, собраний и союзов, установление выборов в Думу на основе всеобщего, прямого,

[1] Имеется в виду брошюра: Сватиков Г.С. Созыв народных представителей. 2-е изд., перераб. Ростов н/Д.: Изд. Н. Парамонова «Донская речь», [1905].

равного и тайного голосования, предоставления ей решающего голоса в законодательстве и установлении государственного бюджета и права действительного контроля над исполнительной властью.

В Чернигове в это время среди интеллигенции всех степеней было большое оживление. Группировались в политические партии; собирались сходки в частных домах и довольно многолюдные митинги в публичной обстановке, и велись до поздней ночи горячие прения с резкою критикой настоящего и проектами будущих реформ и измененного общественного строя.

Особенно многолюдный митинг был устроен представителями Конституционно-демократической партии в довольно большом зале дворянского собрания, вмещающем больше тысячи человек. Целый ряд ораторов произносил поражавшие среднюю публику своею смелостью речи о современном бесправии и произволе, о желательной организации народного представительства, об аграрной реформе, об изменении системы налогов и т.п. Речи говорились совершенно свободно. Публика обращалась иногда к ораторам с вопросами и делала свои замечания, но она, видимо, очень интересовалась необычным содержанием речей, и в зале в течение нескольких часов тишина ничем не нарушалась. Тогда еще не народились местные Пуришкевичи для скандальных вторжений в эту тишину. Полиция нисколько не вмешивалась во все происходившее на митинге.

Не всегда, впрочем, митинги наши проходили так благополучно.

Однажды А.А. Муханов устроил в своей квартире немноголюдное совещание, чтобы столковаться о предстоящих выборах. Собралось 45 лиц. Огромное большинство составляли земские гласные. Было три предводителя дворянства и несколько представителей сельского населения.

Едва мы уселись, чтобы приступить к делу, явился полициймейстер с нарядом полиции. С ним вошел частный пристав, а прочие стояли «в готовности» у подъезда. Полициймейстер выразил хозяину требование, чтобы все немедленно разошлись. Муханов заявил, что присутствующие приглашены им не для каких-нибудь антиправительственных действий, а для обсуждения вопроса об осуществлении Высочайшего указа 6 августа, а потому он и его гости не признают возможным подчиниться предъявленному требованию. Об этом полициймейстер составил протокол, подписанный всеми собравшимися. Затем полициймейстер объявил, что он останется здесь, пока все разойдутся.

Председателем совещания избран был М.В. Красовский (тайный советник, сенатор и председатель Санкт-Петербургской городской думы, теперь уже покойный).

Муханов напомнил историю общественно-политического движения в последнее время и в заключение изложил сущность постановлений съезда земских и городских деятелей 12–15 сентября. Затем он объяснил, что цель настоящего совещания – образование губернского и уездных комитетов для подготовки правильного хода выборов по закону 6 августа и для направления этих выборов в том смысле, чтобы представители губернии в Государственной думе были выбраны из лиц, склонных проводить в Думе положения, установленные сентябрьским съездом.

Во время прений о задачах первого народного представительства прибыл правитель канцелярии губернатора и прочел вторичное его требование немедленно разойтись, так как прибегать для прекращения совещания к имеющимся в его распоряжении мерам он не желал бы ввиду участия в совещании лиц с значительным служебным положением и из опасения вызвать уличное волнение[1].

Председатель объяснил, что совещание, как выражено уже и полициймейстеру, не может подчиниться такому требованию. Оно собралось для законного обсуждения вопросов, вытекающих из Высочайше утвержденного положения о Государственной думе.

Правитель канцелярии удалился.

По поводу вторжения в совещание полиции один из представителей сельского населения выразил недоумение относительно того, что в селах совершенно свободно ведется проповедь пожаров и грабежей, распространяется масса возбуждающих население листков, – а здесь мы собрались для мирной законной цели и полиция предъявляет нам запреты и угрозы. Другой участник совещания добавил к этому, что современные условия создали в селах крайне опасное брожение, и в недалеком будущем могут возникнуть ужасы, перед которыми, как он выразился, пугачевщина покажется детскою игрушкой. Между тем у нас преследуются и разумная книга, и разумная беседа с населением, которые могли бы успокаивать его и направлять его протесты на мирный путь.

В результате совещание согласилось с резолюциями сентябрьского съезда и образовало подготовительные к выборам комитеты.

Состав депутатов от Черниговской губернии в первой Государственной думе показывает, что эти комитеты сделали свое дело[2].

Извлечение публикуется по изданию:
Хижняков В.М. Воспоминания земского деятеля.
Пг., 1916. С. 222–237.

---

[1] Я был секретарем этого совещания и имел под рукою все подробности о нем *(прим. В. Хижнякова).*

[2] Исключительная для того времени обстановка этого совещания объясняется особенной причиной. Губернатором был тогда А.А. Хвостов, бывший с Мухановым в очень натянутых отношениях. Вообще в действиях Хвостова личные отношения и политическое разномыслие играли большую роль. Когда, немного позднее, в Городнянском уезде вспыхнули крестьянские волнения, и обезумевшие толпы разоряли дотла усадьбы нескольких «левых» землевладельцев, для защиты их не было послано ни одного полицейского и ни одного солдата *(прим. В. Хижнякова).*

ОКТЯБРИСТЫ

ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ БАРТЕНЕВ

ОПОЧЕЦКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ГРАФЕ П.А. ГЕЙДЕНЕ

Я знал графа П.А. Гейдена по Опочке лишь последние три года. О его прошлой местной деятельности слышал от других. Все говорили о нем как о передовом земце, особенно отстаивавшем интересы народного образования. Был он образцовым председателем земских собраний, всегда привлекавших много публики. Благодаря этому в Опочке была особенная связь между земством и городской интеллигенцией. В значительной степени благодаря Петру Александровичу, а также и председателю уездной земской управы Н.М. Плену, земский третий элемент не в пример другим уездам Псковской губернии состоял из интеллигентных людей. Третьему элементу жилось довольно свободно, особенно врачебный персонал пользовался большой самостоятельностью.

У П[етра] А[лександровича] всегда была страсть к общественной организации всякого дела, к устройству собраний, на которых он и свои взгляды проводил, и другим давал высказываться. Его всегда охотно выбирали председателем разных собраний, и он крайне добросовестно и умело руководил прениями…

Но опочецкая жизнь мало давала пищи для деятельной натуры П[етра] А[лександровича], тем более что по своему складу он собственно не был культурным работником в тесном смысле этого слова. Всеми мелочами и деталями земского дела и хозяйства он не занимался постоянно. Правда, когда ему приходилось соприкасаться с каким-нибудь вопросом, он всегда вникал в него и тщательно разбирал его, удивляя всех своею необыкновенною работоспособностью и уменьем быстро схватывать суть дела. Но его всегда влекла более широкая арена, поскольку она тогда была в России в области легальной политической борьбы. Участие его на различных земских съездах, даже его роль на губернских собраниях в Пскове были мало известны в Опочке до 6 ноября 1905 г., когда и у нас заговорили о знаменитых резолюциях московского съезда.

Но вот объявлен Манифест 17 октября 1905 г. Движение, охватившее всю Россию, не оставило и Опочку, и тут П[етру] А[лександровичу] пришлось сыграть блестящую, хотя и довольно тяжелую для него лично роль.

Уже при первой забастовке началось брожение в городе, вскоре из частных телеграмм мы узнали о Манифесте. Слух об этом дошел и до крестьян, у которых он возбудил их вечную надежду насчет прирезки земли. П[етра] А[лександровича] тогда в Опочке не было. Манифест был торжественно объявлен в городском соборе 22 октября.

В собор набралось очень много наряду, было много крестьян. Чтение

Манифеста разочаровало их; они ждали чего-нибудь «насчет земли», а тут «какие-то свободы». Многое было совершенно непонятно и вызывало недоразумения. Например, «свобода совести» было выражением совершенно чуждым народному языку и могло пониматься у нас скорее всего как свобода от совести на всякого рода бессовестные поступки. Один извозчик стал как-то особенно громко ругаться при публике трехэтажными словами и оправдывался тем, что, мол, сам государь дал теперь «свободу слова». О свободе печати говорили, что теперь, значит, волостные правления не будут больше прикладывать своей печати на паспортах и, следовательно, не будет и сбора с паспортов. Вообще Манифест был встречен крестьянами с каким-то странным недоумением.

Когда по выходе из собора, оркестр вольного пожарного общества проиграл гимн, то «ура» было очень жидкое.

Между тем в городе чувствовался небывалый подъем, было сильное стремление к тому, чтобы собраться и потолковать. Сначала собирались на частных квартирах, потом устроили собрание 6 ноября в зале клуба…

[В конце 1905 года] собрания прекратились, настало ужасное время, тем более что иногда прекращалось получение газет вследствие забастовок. То было время, когда Россия переживала вторую и третью забастовки. Графа Гейдена долго не было, он участвовал на бывших тогда съездах. В середине ноября он приехал в Опочку. Он был очень бодр и весел; осуществилась мечта его жизни: России вступала на путь конституции!

Наше уныние ему совсем не понравилось, оно ему было просто непонятно. Какое тут уныние, когда самое время действовать! Момент показался ему самым удобным для внушения как крестьянам, так и городским обывателям начал истинного конституционализма.

Он исхлопотал разрешение устроить собрание крестьян со всего уезда и, чтобы могло собраться как можно больше народу, назначил собрание в городском манеже, где мог свободно поместиться целый батальон, который в прежнее время стоял в городе. Собрание приняло характер настоящего крестьянского митинга… Оно… было до крайности хаотично. Надежды графа Гейдена на то, что ему удастся поставить наших мужичков на путь истинного конституционализма и разъяснить им, чти надо понимать под разными свободами и участием народа в управлении – на этот раз не оправдались.

Перед лицом седого идеалиста оказались не европейские пейзаны и не немецкие «мальчики в штанах», а настоящие «скопские» мужички во всей своей натуральности. Перед этой дотоле безгласной, покорной серой массой точно взвился громадный занавес, и крестьянин вышел на внезапно открывшуюся ему арену… Он вышел и принес с собою все свои вековые нужды и всю злобу на господ, сидевших на его шее.

Собрание скоро приняло хаотический характер. В начале еще все шло хорошо. Граф Гейден прочитал Манифест своим ясным, звучным голосом. Потом он стал разъяснять. Вдруг раздались крики: «Мы вам не верим, а где же насчет земли?!». Некоторые пытались говорить, но их заглушил крик толпы. Слышались только отдельные возгласы: «Это не настоящий Манифест! Ни к чему нам свободы

эти! Нам земли надо! Отменить земство! Почему я за корову шесть рублев плачу?». Наконец и отдельных голосов не стало слышно, толпа гудела, как пчелиный рой. Над толпой виднелась серебряная голова графа, видно было ее равномерное покачивание в такт словам его речи. Лицо его было совершенно спокойно и выражало самое искреннее желание разъяснить мужичкам основы самого настоящего конституционализма. Пронесся говор, что графа хотят бить. Побледневшая публика стада уходить. А П[етр] А[лександрович] все разъяснял и разъяснял. Около четырех часов митинг прекратился. Часам к пяти на городскую квартиру П[етра] А[лександровича] собрались знакомые и взволнованно обменивались впечатлениями. Граф был как всегда весел и бодр. Его громадный опыт на всевозможных собраниях, а также какая-то изумительная сила и стойкость его нервной организации совершенно не позволяли ему падать духом. «Я не могу разделять ваших опасений, – говорил он собравшимся, – собрание, по-моему, обнаружило только недостаточную способность сосредоточивать свое внимание на отдельных вопросах». И затем прибавил: «У меня теперь свободный вечер, хорошо бы собраться сегодня же в клубе, – зачем терять время?». На выраженные опасения П[етр] А[лександрович] ответил: «Главное, что надо помнить при всех собраниях – это не опаздывать. А то у нас в России такая скверная привычка: назначено собрание в 7 часов, а публика собирается в 8 и 9. А вот в Англии этого никогда не бывает». На вопросы, кому можно прийти на собрание, П[етр] А[лександрович] ответил: «Да пусть приходят все, кроме пьяных».

Вечером собралось человек 60–80. Многие не пришли из страха. Кое-кто из пришедших нервно ощупывали в карманах револьверы. Граф пришел ровно в 7 часов и, смотря на часы, ворчал на запоздавшую публику и говорил об английской аккуратности. Его, конечно, выбрали председателем. Он открыл собрание, предложил желающим высказаться. Ни малейшего утомления или волнения после бурного дня в манеже не видно было на его спокойном лице. Собрание прошло в образцовом порядке. Выступали отдельные ораторы, каждому давалась возможность договорить до конца. Были затронуты самые разнообразные вопросы. Между прочим, и аграрный. Ораторы более демократического оттенка настаивали на возможно более скором и полном переходе частной земли к крестьянам. П[етр] А[лександрович] возражал со своим обычным, спокойным юмором, указывая, что «конечно, очень легко посулить крестьянам всю землю и внушить им, что это сразу поправит их положение, но не так просто это устроить и не с этого надо начинать».

После этого собрания П[етр] А[лександрович] вздумал объехать весь уезд для того, чтобы поговорить с крестьянами по поводу Манифеста 17 октября. Пришлось ехать в сопровождении исправника[1]. П[етр] А[лександрович] объехал почти все волостные правления, всюду собирая крестьян, раздавая при этом экземпляры Манифеста целыми кипами. П[етр] А[лександрович] находил, что этот Манифест – просто клад для оратора-конституционалиста и с жаром принялся за дело. Собрания крестьян были часто довольно хаотичны и бестолковы. На одном таком собрании графу очень мешал какой-то дед, который все приставал, что у

[1] Исправник – глава уездной полиции.

него девять душ и всего один надел. Граф терпеливо объяснял ему, что это вопрос частный, а тут надо выяснить то, что имеет более общее значение. Плохо понимали мужички про свободы. Особенно путались они со свободой совести. Самое выражение «свобода совести» звучит на народном языке как свобода на бессовестные поступки («хватило у тебя совести»). Когда им разъясняли, то они вяло говорили: «Ни к чему нам это; да нам, впрочем, татарин не мешает, что он своему Магомету молиться будет». Участием населения в управлении интересовались более. Поверять министров, выбирать людей в Думу, которые с царем могли бы свободно про всякие дела говорить, – это все им улыбалось. Но самую Думу она понимали как какое-то огромное челобитное собрание, где надо «вопить» о прирезке земли. Многие сряду собирались выбирать в Думу по два человека от каждой волости. Тогда П[етр] А[лександрович] разъяснял, что это никак невозможно, так как тогда пришлось бы послать чуть не двадцать тысяч депутатов от одних только крестьян. «Ничего, у царя хватит палат и на двадцать тысяч, да можно и на улице собраться и так завопить о нарезке, что самое лучшее действие произведет», – возроптали мужички. Но потом многие соглашались, что так нельзя, и тогда им рисовалась картина какого-то патриархально-семейного собранья, где депутаты будут сидеть с царем и вместе чай пить. Много волновались мужички по поводу высоких окладов жалованья министрам и вообще чиновникам. Крестьяне и в земстве всегда стоят за всякие сокращения. Некоторые додумались до такого проекта: «Уж больно много всяких чиновников развелось, надо бы для общего управления оставить только двух министров: одного для внутренних дел, а другого для иностранных, да каждому положить жалованья по 500 рублев в год, да каждому дать в подмогу по два писаря, каждому в год по 300 рублей; вот и полно будет!». По этому проекту все наше центральное управление обошлось бы всего в 2200 рублей в год! Правда, до такой экономии доходили далеко не все, но вообще оклады в 20–30 тысяч приводили крестьян положительно в ярость.

Когда потом началось движение – сменять волостных старшин и писарей, то им стали сильно сбавлять жалованье: вместо обычных 300 рублей стали назначать 150 и 100 рублей в год. Надо, однако, заметить, что это движение очень скоро прекратилось, и старые оклады были восстановлены вследствие сознания самих крестьян, что за меньшую плату работников не найти.

Собрания крестьян часто бывали довольно бурны и иногда довольно опасны: сказывалась застарелая вражда и недоверие к барину. Раз как-то среди общего шума прозвучал голос: «Братцы, чего глядеть, возьмем граха за козлиную бороду и выволокем из волостного правления, чего он про всякия глупости болтает, а про землю скрывает». Граф нисколько не смутился. «Подойди, любезный, поближе, я туг на ухо, и повтори, что ты сказал», – обратился он к тому. Мужичок сконфузился и замолчал. Тогда другие крестьяне стали сами высмеивать неудачного подстрекателя. Было и неудобство другого рода: собрания происходили в помещениях волостных правлений, которые не могли вместить всей толпы; теснота и духота бывала страшная. Но П[етр] А[лександрович] стоически выстаивал по целым часам в спертой атмосфере и все старался объяснить как можно понятнее. Говорил он с крестьянами довольно хорошо: без всякого подлаживания под местный го-

вор, но ясно, просто, толково. После каждой поездки он возвращался домой веселый, оживленный; рассказывал разные комические эпизоды. В это время он жил полной жизнью и пользовался случаем познакомить население с конституцией. Вероятно, кое-что осталось в головах от его разъяснений, хотя крестьяне больше всего интересовались тем, о чем в Манифесте не упоминалось, т.е. земельным вопросом…

Деревня волновалась. Прислушиваясь к толкам наших мужичков, всюду приходилось наталкиваться на какую-то бестолочь, например: на собрании одной волости какой-то грамотей составил резолюцию из 16 пунктов; крестьяне одобрили и подписали. Но когда потом пришлось спрашивать некоторых участников, и притом сравнительно довольно толковых, о содержании резолюции, то они помнили только, что «вобче больно хорошо было написано», но что именно, не упомнят, – что-то о прибавке земли, о смене земской управы, об уменьшении жалованья земским служащим, а более ничего не помнили.

Городские мещане и рабочие местных кожевенных заводов тоже иногда высказывались. Больше всего их, кажется, в то время возмущали крупные оклады сановников и генералов. Цифры этих окладов выкрикивались с ожесточением. Некоторые шли и дальше, и предлагали, чтобы всякий труд оплачивался одинаково, например, по 50 копеек в день. «Мы сами столько получаем, ну и пусть всякий столько же получает: и учитель, и доктор, и инженер, и чиновник! Всем одинаково хлеба надо! Каждый одним животом ест, а не двумя!».

Высшие и средние классы городского общества все стояли за конституцию: все желали созыва Государственной думы, все стояли за ответственность министров (впрочем, очень редко кто понимал разницу между простой юридической ответственностью и собственно парламентской). Голосов за старый порядок совсем не было слышно.

Что касается до крестьян, то если попытаться резюмировать их требования, то можно было в то время прийти к такой платформе: 1) сохранение самодержавия, однако с непременным созывом Думы и с ответственностью министров; 2) уничтожение земских начальников; 3) смена теперешнего состава земской управы и возможно большее сокращение расходов при уменьшении жалованья служащих приблизительно до 20–30 рублей в месяц; 4) вообще уменьшение оплаты всякого интеллигентного труда; 5) выдача продовольственной ссуды по возможности безвозвратно и, главное, – 6) прирезка земли крестьянам.

Очень характерным являлось отношение крестьян к Государственной думе. Четырех избирательных хвостов они не понимали, в этих деталях они не разбирались и самую Думу понимали до чрезвычайности «вообще». Некоторые относились более сочувственно к совещательной Думе, законодательная же их пугала. Крестьяне боялись, что их обойдут и что Думой завладеют «господа» и вообще разные их хитрые враги. Довольно, мол, и того, чтобы мужик там мог свободно разговаривать с царем («с царем сидеть и чай пить»), который авось и внемлет народному голосу. Но большинство в то время относилось к Думе равнодушно или скептически: «Нам некого выбрать, нас каждый пропьет! Как попадет в Питер, так и закружится, и станет только о том думать, как бы в карман побольше! Хоть

господина выберем, хоть своего брата, все единственно продадут и пропьют».

И вот народная масса напала на другой исход: вымогательство путем забастовки и насильственных захватов. Пошел разговор между крестьянами: «перестанем платить подати, пусть казна сидит без денег, пока нам не дадут земли! Чего там Дума? И без нас законы напишут! Не наше это дело! Небось, как денег в казне не хватит, живо за ум возьмутся!». И вот, идея забастовки становится все популярнее. Ее хотят применить и к казне, и к земству, и к помещикам (из-за аренды, найма на работы). Эта тактика – тактика младенца, который кричит благим матом, предоставляя родителям угадывать, что ему нужно: родители пробуют и то и другое, а он себе кричит, пока те не поймут и не найдут средств удовлетворить его…

Как раз в это самое бурное время – конец ноября и первая половина декабря – графа не было в уезде: он занят был на земских съездах, организовал новую партию – Союз 17 октября. Вероятно, если б он был на месте, то не утерпел и поехал бы в Полянскую волость разъяснять крестьянам всю «неконституционность» их образа действий. Впрочем, подобные поездки могли бы встретить препятствия со стороны администрации, получившей к тому времени стражников. Администрация и раньше косилась на графа за его собеседования с крестьянами. Исправник, который ездил с графом, был переведен или смещен.

Граф приехал в г. Опочку в самом конце декабря и, конечно, первым долгом на 29 декабря созвал собрание. П[етр] А[лександрович] привез с собой программу недавно образованного Союза 17 октября, которую он тут же читал и комментировал.

Тут же был выбран комитет местной группы Союза 17 октября. В него вошло 12 человек, среди которых были чиновники, купцы, помещики, врачи, один священник.

На другой день П[етр] А[лександрович] созвал первое собрание этого новоизбранного комитета. Председателем, конечно, выбрали графа. Затем были выбраны секретарь, казначей. Составили обращение к обществу с приглашением записываться в местный отдел Союза 17 октября. Решили регулярно собираться раз в неделю. На собрания комитета постановили допускать и посторонних, желающих ознакомиться с программой новой партии. Само собою разумеется, П[етр] А[лександрович] принес с собой целую охапку отпечатанных программ Союза, которые тут же были розданы для распространения. Затем граф уехал в свои вечные странствия.

Началась деятельность местного отдела. Но тут сразу встретилось множество препятствий. Прежде всего исправник не дал разрешения на отпечатание объявления об образовании местного отдела. Обратились к графу, тот лично исхлопотал такое разрешение у губернатора. Но… тут встретилось новое затруднение: объявление было подписано секретарем комитета – местным чиновником. Между тем вопрос о праве чиновников участвовать в политических партиях представлялся не совсем ясным. Правда, было министерское разъяснение, что чиновники могут быть членами партий, кроме революционных, но… должны больше заниматься службой; кроме того, старшие представители ведомств ни в

каком случае не могут занимать места председателей и секретарей разных бюро и комитетов. Секретарь нашего комитета не был старшим представителем своего ведомства в городе. Союз 17 октября, несомненно, нельзя было причислить к «явно противоправительственным» партиям, но... все-таки сомнительно! Тем более, что из Пскова дошло известие, что там чиновникам вообще не разрешили записываться в Союз 17 октября. Решили запросить свое начальство. Через некоторое время пришел из Пскова официальный ответ: «Участие чиновников таких-то ведомств в Союзе 17 октября признается нежелательным». Вопрос был теперь ясен: все чиновники вышли из комитета. Что касается до остальных, то и они были озадачены и стали опасаться, как бы не влетело, тем более что в то время – по миновании дней свобод – слово «ловушка» было очень уж у всех на языке. Наконец, у некоторых из членов комитета под влиянием последовавших по всей России репрессий, стало крепнуть левое настроенье, стали переходить в кадеты. Собрания комитета стали все малочисленные и реже; деятельности никакой не представлялось, и ко времени следующего приезда графа Гейдена комитет совсем сошел со сцены.

История нашего отдела Союза 17 октября немало удивит читателя и даже может показаться не совсем вероятной. «Как же это так? – спросит он. – А почему же в Петербурге и Москве администрация ничуть не стесняла этой партии? Почему там даже в Конституционно-демократической партии могли в то время открыто участвовать чиновники?». Да просто потому, что в Петербурге и вообще в больших городах существуют и другие, более левые партии, и Союз 17 октября там является противовесом их. А в нашем городишке никаких организованных партий не было и местный отдел Союза явился единственным выразителем свободной общественной самодеятельности, который, несомненно, будил политическую мысль. Поэтому в г. Опочке отдел Союза был, с точки зрения администрации, ненужным и его надо было задушить. Впрочем, как будет видно из дальнейшего изложения, эти административные соображения не оправдались: в результате получилось только размытие левого настроения.

1906 год начался очень скучно для Опочки. Собраний никаких не было, в газетах приходилось читать про повсеместные репрессии, про расстрелы после только что усмиренного московского восстания и т.п.

Скоро, однако, опять приехал граф Гейден, который, казалось, один только и мог оживлять нашу уездную общественную жизнь. 4 февраля он решил устроить собрание лиц, сочувствующих Союзу 17 октября. Но... администрация не разрешила. П[етр] А[лександрович] поехал объясняться к исправнику. «Телеграфируйте губернатору о разрешении, – советовал исправник, – но я не могу». «Я могу только телеграфировать жалобу на вас за то, что вы не разрешаете моей законной просьбы, – ответил ему П[етр] А[лександрович]. – Ведь мое заявление подано за три дня до собрания, я указываю ответственное лицо...». Тем не менее, пришлось опять обратиться в Псков, и, наконец, собрание было разрешено на 17 февраля.

Это собрание должно было быть своего рода смотром для местного отдела Союза 17 октября, так как официально оно и было «собранием лиц, сочувствующих Союзу 17 октября. Но на самом деле собралась обычная наша митинговая

публика, человек 100–120: городская интеллигенция с небольшой примесью «народа», рабочих и крестьян, неловко теснившихся кучкой около входных дверей. Собрание началось с заявления, что никакого местного отдела уже не существует, что и самый комитет, избранный каких-нибудь $1^1/_2$ месяца тому назад, отцвел, не успевши расцвесть. После того прения невольно перешли на те стеснения, которые угнетают всякую политическую самодеятельность. Ряд ораторов заговорил о том, что выборы в Думу будут происходить под штыками, что тюрьмы переполнены будущими избирателями и кандидатами, что теперь расстреливают без суда и т.д. Указывали и на разного рода факты местной жизни, вроде увольнения одного чиновника, совсем еще молодого человека, за несколько, в сущности, довольно невинных слов, сказанных еще на митинге 6 ноября, указали на запрещение концерта в пользу голодающих через Вольно-экономическое общество и т.д.

Тщетно граф Гейден возражал, что в общем положение не так уж неблагоприятно, что собрания, которые не носят явно революционного характера, у нас все еще возможны. «Надо стоять на легальной почве, надо пользоваться хоть существующей свободой, надо что-нибудь делать». Он защищал свой Союз 17 октября, говорил о конституционности его программы, которая притом достаточно широка и для России могла бы дать очень много весьма существенного. Но ему возражали, что эта программа и неопределенна, и слишком узка, что не того хочет народ и не октябристам бороться…

Его забрасывали фактами нашей суровой действительности, указывали, что при теперешних условиях на собраниях могут говорить только лица с независимым общественным положением или особенно смелые; маленькому же серенькому человеку или служащему остается молчать… Октябристы почти не поддерживали графа. Особенно неловко себя чувствовали чиновники – бывшие члены местного отдела, недавно принужденные выйти из него под внешним давлением. Защищать графа они не могли, так как налицо были слишком недавние факты стеснений местного октябристского комитета и вынужденного ухода его членов, да и являлось сомнение, можно ли чиновникам вообще-то публично выступать, разве что под флагом Союза русского народа. Кое-кто из правой и умеренной публики хотел было выразить свой протест против левых ораторов шипением и свистом, но этот способ, столь удачно примененный 29 декабря, теперь потерпел фиаско: их попросили выражать свои взгляды более членораздельными звуками, и они замолчали. Граф остался один. В конце концов за Союз не высказался никто. Не было и речи о возобновлении выборов в комитет, и… опочецкое отделение Союза 17 октября было объявлено несуществующим.

Все опять частью разбрелось, частью ушло в подполье. Остались только небольшие кружки единомышленников, собиравшихся частным образом, варившихся в собственном соку и «пущавших революцию промежду себя». Когда через год у нас возникла «группа гейденистов», то и они собирались в небольшом числе, частным образом, без правильной организации.

После всего описанного политическая жизнь города, вероятно, опять замерла бы, раз само общество отрицательно отнеслось к человеку, который только один и мог ее оживлять. Но тут подоспели выборы в первую Думу.

Граф Гейден принял самое деятельное участие в избирательной кампании и сумел поставить ее на европейский манер. В большинстве других уездных городков нашей губернии дело очень часто сводилось к тому, что собравшиеся избиратели сразу, иногда даже совсем без всяких предвыборных собраний, подавали избирательные записки, и выборы проходили втемную. У нас было не так. Правда, инициатива предвыборных собраний принадлежала не графу, а главным образом его антагонисту на выборах как в первую, так в во вторую Думу – Н. А. Л. Старый земский врач-народник и демократ до глубины души, питавший какое-то органическое недоверие к «аристократизму» графа, Н. А. Л. выступил его главным противником. Он приобрел довольно большую популярность своею смелостью и независимостью. На собраниях он нисколько не смущался остроумными сарказмами графа и неутомимо возражал ему своим простым и ясным языком. Демократической публике нравился этот язык, она видела в Н. А. Л. своего человека, своего трибуна. Кроме того, Л. подкупал своим добродушным оптимизмом, создававшим самое радужное настроение.

Первое предвыборное собрание было созвано в конце февраля по инициативе Н. А. Л., но там присутствовал и граф, избранный председателем. Было предложено записками наметить кандидата. Большинство голосов получил Л., граф получил всего 9 голосов, но это потому, что тогда еще граф не решил ставить свою кандидатуру в городе, и предполагалось, что он выставит ее на съезде землевладельцев. Может быть, граф так и думал, но скоро выяснилось, что там пройти совершенно невозможно. Дело в том, что в силу тогдашнего избирательного закона съезд землевладельцев превратился чуть ли не в съезд крестьян. Крестьяне-уполномоченные от мелких собственников составляли две трети всего съезда. Это произошло отчасти вследствие корректности графа, который, как предводитель дворянства, назначил 15 избирательных участков, чтобы дать возможность участвовать в выборах возможно большему числу мелких собственников. Выборы же у крестьян проходили под влиянием крайне обостренного классового чувства и крайнего недоверия к господам: «От господ никого не пропускать, которые в сюртуках или при калошах, тех нам не надобе, выбирать надо своего брата-мужика, который сам нашу нужду испытал». На первых стадиях господствовал даже ценз бедности, но в последней стадии всякие цензы уступили место простой случайности и чуть ли не жребию. При таком настроении крестьян при выборах в первую Думу (потом это несколько изменилось на выборах во вторую Думу) не имел шансов пройти на съезде землевладельцев ни один помещик. Да не только помещики, а и разного рода интеллигенция крестьянского происхождения. У нас было много интеллигентных лиц, вышедших из крестьян: учителя, земские служащие, которые могли быть выбранными и от волостных сходов; но и там их шансы сильно упали. Эта крестьянская интеллигенция отвратила от себя народ частью своим отрицательным, а быть может, просто осторожным отношением к начинавшемуся было аграрному движению, а частью тем, что толковала больше «про свободы там разные, да про законы, как их там писать, а нам это ни к чему, нам земля нужна, а законов нам не писать; когда нам землю дадут, так мы своих и выбирать в Думу не будем, пущай господа законы пишут». Если и пользовались

интеллигенты какою-нибудь популярностью среди крестьян, то разве только некоторые очень молодые люди, горячие головы, которые носились с эсеровскими прокламациями и кричали «о всей земле без выкупа и всей воле». Такие, действительно, были часто героями дня. Когда кое-кого из таких арестовывали, то иногда собиралась толпы крестьян, грозно требуя их освобождения. Такие могли бы быть выбранными и в Думу, несмотря на крайнюю молодость и отсутствие сколько-нибудь серьезных общественных заслуг.

При таких условиях граф Гейден, само собой разумеется, не мог рассчитывать пройти от «землевладельцев». Граф выставил свою кандидатуру в городе.

Когда на следующем предвыборном собрании П[етр] А[лександрович], выбранный председателем, предложил всем намеченным кандидатам изложить свои платформы, то большинство оробело и стало отказываться. Некоторые ограничивались краткими заявлениями о том, что необходимо понизить обложение городских имуществ, причем нельзя было понять, желают ли они этого для всех городов или для одной Опочки. Были и такие речи: «Я несведущ в политических программах, но тем не менее принадлежу к Союзу 17 октября». Возражения из публики были тоже сначала очень краткие: поднялся один старый дед и, обратившись к какому-то кандидату, изрек: «Если тебя выбрать в Думу, то ты там будешь только сидеть и… воздух портить» (оратор употребил другое выражение, но до такой степени простонародное и непарламентское, что публика только ахнула, а граф смутился и не решился сделать замечания). Наконец, выступил Л. В обстоятельной, горячо сказанной речи он развивал программу, которую сам назвал ближе всего подходящей к партии «демократических реформ». Он особенно налегал на аграрный вопрос и требовал широкого наделения крестьян землей, сильно нападал на помещиков-дворян, видя в них корень зла. Речь Л. очень понравилась избирателям: ему много аплодировали, сказалось то левое настроение, которое усилилось у нас после зимней реакции. После говорил граф Гейден: он спокойно, методически разбирал широкие проекты своего противника: «Самое легкое дело и в то же время для кандидата самое выгодное – это посул; на посуле, как на стуле! Обещать можно все, рассчитывая на то, что избиратели не знают, как трудно исполнить то или другое». Графу опять возражал Л. Казалось, что сочувствие большинства было на его стороне.

Приближалось 16 марта – день выборов. Сторонники Л. составляли довольно плотное ядро: около 70 евреев, земский третий элемент, радикальная интеллигенция, часть мещан и вообще городской демократии, органически не переносившей «аристократа» и «земца». В противном лагере не было такого единодушия, правда, там было очень твердое ядро, главным образом из чиновничества и вообще интеллигенции, для которой «если б граф Гейден не был выбран в Думу, то это был бы позор для всей губернии», но ядро это, руководившееся общегосударственными соображениями и считавшее, что в числе четырех депутатов от губернии «графу Гейдену должно же быть место, так как Дума должна быть средоточием всех талантов, а не свалочным местом для всяких серых бездарностей», – это ядро было довольно малочисленно. Очень многие горожане были сильно настроены против графа на том основании, что он не городской, а уездный

житель, да притом глава земства, а горожане ненавидели земство из-за высоты земского обложения городских имуществ. Да и вообще горожане хотели бы выбрать «своего» – горожанина, который бы и в Думе отстаивал интересы мелких городов, да и родной Опочки не забыл. Но трудно было найти достаточно выдающегося кандидата. Очень многие остановились на И.Ф. Кудрявцеве – богатом кожевенном заводчике, человеке, не лишенном природного ума и довольно прогрессивном, во всяком случае понимавшем, что «к старым порядкам возврата быть не может и не должно». Но г[осподин] Кудрявцев сам снял свою кандидатуру, о чем и заявил на последнем предвыборном собрании. Да и вообще в последнюю минуту наша буржуазия сумела отрешиться от чисто городских предрассудков, и на одном частном совещании «сочувствующих Союзу 17 октября», где было около 100 человек, значительное большинство решило выставить графа Гейдена.

16 марта 1906 г. состоялся в Опочке съезд городских избирателей для выбора одного выборщика в губернское избирательное собрание. Из 867 избирателей (в том числе: проживающих в городе 382 и в уезде 485) голосовало 392, т.е. 45 процентов, процент довольно значительный, если принять во внимание, что большинство проживало в уезде, откуда приехать в город при начинавшейся весенней распутице было довольно затруднительно.

На выборах сказалась прежде всего та подготовка, которую получили избиратели благодаря частым предвыборным собраниям и вообще довольно широкой агитации. Записки подавались только за двух кандидатов. Победил граф Гейден, получивший 233 голоса против Л., получившего их 149. Только 9 записок было диких.

17 марта на выборах уполномоченных от волостных сходов прошли трое рядовых крестьян.

18 марта на съезде землевладельцев прошло тоже трое таких же крестьян-землепашцев.

27 марта произошли выборы в г. Пскове четырех членов Государственной думы.

Результатов этих выборов ждали с волнением и нетерпением. Большинство выборщиков (42 из общего числа 61) были крестьяне, а крестьянские выборы всюду проходили под общим лозунгом: «господ не надо, а надо выбирать настоящих крестьян, которые… и т.д.». Поэтому исход выборов предвиделся двоякий. Или будут выбраны одни крестьяне (это предположение основывалось на том недоверии к «господам», т.е. ко всем, ходящим в немецком платье, которое крестьяне достаточно ярко проявили во время всей избирательной кампании), или же, кроме трех крестьян, будет выбран еще один интеллигент, которого крестьяне проведут в качестве руководителя или хотя бы просто для справок по объяснению разных трудных слов, вроде «автономия», «амнистия» и т.п. Этот интеллигент всего скорее должен быть человек, прежде всего не имеющий земельной собственности и не дворянин. Наши кадеты сильно надеялись, что таковым окажется кто-либо из Партии народной свободы (левее кадетов выборщиков в первую Думу не было). Что касается до выборщиков-крестьян, то надеялись, что они выберут сознательных и сравнительно развитых мужиков. Но в действительности вышло не то: из

интеллигентов был выбран граф Гейден – предводитель дворянства, крупный землевладелец и член Союза 17 октября. Что касается крестьян-депутатов, то это все оказались люди безличные, ничем не выдающиеся, попавшие случайно.

Графа Гейдена крестьяне выбрали потому, что знали его больше других, но совсем не как октябриста, а просто как честного и умного человека. Много помогло графу Гейдену и то, что одновременно он баллотировался в Государственный совет от земства, но провалился, потому что высказался за принудительное отчуждение помещичьей земли. Это, конечно, стало известно крестьянам и сильно подняло его шансы.

Извлечения публикуются по изданию:
В.Б. Опочецкие воспоминания о графе П.А. Гейдене:
(Эпизод из истории освободительного движения
в глухой провинции) //Русская мысль.
1907. Кн. XI. С. 63–71, 73–74; кн. XII. С. 46–51.

НИКАНОР ВАСИЛЬЕВИЧ САВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ

В Государственной думе

Карьера по ошибке

После смерти отца на моих руках осталось большое запущенное имение, материальное положение семьи было трудное, братья еще учились. Пришлось переехать в деревню, начать перестраивать хозяйство на новый лад.

Я жил очень уединенно, почти никого не видал, в город ездил лишь по делу на очень короткое время, ни с кем из обитателей Сумского уезда знаком не был, словом – жил отшельником.

Поэтому велико было мое удивление, когда однажды я из местной хроники в газете «Южный край» узнал, что меня выбрали гласным сумского уездного земства.

Осенью я получил повестку, вызывавшую меня на очередную сессию земского собрания. Я поехал.

Состав гласных был мне совершенно незнаком, даже И.Д. Траскина, нашего предводителя дворянства, я до того ни разу не видел. Я начал отбывание новой повинности с того, что сделал ему визит. Он оказался очень милым, симпатичным человеком, уже пожилым, хорошо знал когда-то моего отца, принял меня приветливо, но у него была, видимо, какая-то нотка не то недоверия, не то настороженности в отношении к моей будущей земской деятельности.

Только потом, в конце сессии, он мне поведал, что это было вызвано тем, что меня предложила на выборах в качестве кандидата в гласные группа «либералов», как он называл партию нашего уездного председателя управы. То были годы, предшествовавшие волне «освободительного движения», которая у нас пока что выражалась в громких застольных речах да в сильном разбухании земской сметы. Уезд был богатый, поэтому было с чего «гнать деньгу» на нужды младшего брата.

Председатель управы, И.М. Линтварев, был человек энергичный, любил популярность, конечно, принадлежал к левому крылу общественности. Сам мелкий землевладелец, он сумел установить близкий контакт с группой гласных-крестьян, с помощью которых успешно боролся с «правой» группировкой, все

стремление которой выражалось в одном слове – экономия.

В этой борьбе интересов собрание раскололось почти на две равные группировки, каждый голос был на счету, поэтому казалось несомненным, что либералы выставили мою кандидатуру потому, что были уверены в моем «либерализме», т.е. в готовности вотировать возможно больше новых расходов. Траскин очень удивился, когда я ему сказал вскользь, что «никого из гласных не знаю и прошу его, нашего предводителя, меня познакомить с коллегами по собранию и в первую очередь с председателем управы».

На земском собрании мне повезло. Собрание, как всегда, началось с выбора секретаря. Обычай был, что эту повинность отбывают по очереди самые молодые по годам и по избранию члены собрания. В данном случае таким оказался я, и на меня возложили обязанность секретаря. У меня была острая память, способность схватывать сущность прений, умение почти стенографически записывать речи ораторов – словом, мой первый же журнал произвел благоприятное впечатление, моя карьера земского гласного была обеспечена.

Очень скоро я вошел в курс наших земских дел, быстро разобрался в вопросах, стоявших на очереди, понял причину происходившей в собрании борьбы.

Будучи естественником по образованию, пройдя суровую хозяйственную школу в период приведения в порядок своего собственного дела, я развил и укрепил прирожденный инстинкт, побуждавший, с одной стороны, к улучшению и развитию всякого дела, за которое я брался, а с другой – к стремлению соблюдать во всем возможную экономию, избегать всякого расхода, который не является строго необходимым для развития дела.

Поэтому в происходящих прениях в идущей среди гласных борьбе я занял среднюю линию – я поддерживал все начинания, имевшие целью развитие основных задач земского дела, и боролся против всякого ненужного раздувания сметы, к чему у нас стремился третий земский элемент, не заинтересованный в политике сберегания денег плательщика и уже пропитанный социалистическими устремлениями. В результате первой сессии собрания меня выбрали во все земские комиссии, что дало возможность иметь уже большое, часто решающее значение в направлении дела.

Когда сессия кончилась, меня пригласили гласные «левой» группы участвовать в их товарищеском ужине. Тут я не удержался, спросил их, почему они, совершенно меня не зная, выставили мою кандидатуру в гласные.

Брат председателя управы, Г.М. Линтварев, впоследствии перводумец, признался, что «вышла ошибка». За выбытием кого-то из числа гласных имелась вакансия, а подходящего кандидата у их группы не было. Они опасались, что будет выбран кто-либо из сторонников «консервативной партии», т.е. из лиц, которые намерены были ставить препятствия к расширению земского хозяйства. Они знали, что в глуши уезда, в селе Беловоды, живет один из братьев Савичей, человек еще молодой, который недавно приезжал в местный суд по какому-то делу. Его они не знали, но слыхали, что он помощник присяжного поверенного Петербургской палаты. А раз он молод и притом принадлежит к сословию адвокатов, значит, должен быть «прогрессистом». Вот почему они выставили эту канди-

датуру. Но никто не знал, как зовут этого Савича, а в списке избирателей Сумского уезда было несколько лиц этой семьи. Стали наводить справки, кто-то из управляющих сказал, что беловодского Савича зовут Никанором – вот они и выставили его кандидатом. Потом оказалось, что они имели в виду моего брата Николая, который действительно был помощником присяжного поверенного. Но делать было нечего, выборы состоялись, я был уже выбран, как оказалось, по ошибке.

Так началась «по ошибке» моя земская карьера. Вскоре я увлекся земским делом, приобрел известное влияние у себя в уезде. Отныне дальнейшее мое переизбрание было обеспечено, я оставался гласным до революции.

Наступили трудные времена. На Дальнем Востоке шла тягостная война. Внутри нарастала революционная волна, которая уже выражалась не в безобидных застольных спичах, а в кровавом зареве «иллюминаций»[1].

Однажды я получил повестку от предводителя, который созывал гласных земского собрания для совещания по поводу текущих событий.

Как раз в то время происходили съезды земских и городских деятелей, формировались кадры будущей партии кадетов. Все чаще в печати и в обществе дебатировался вопрос об отчуждении частновладельческой земли, о формах будущей конституции, об избирательных системах в будущее народное представительство.

Я, конечно, поехал. В здании земской управы я застал, кроме земских гласных, значительное число лиц, мне неизвестных: землевладельцев, промышленников, купцов – словом, все сливки сумского общества. Места для публики были переполнены. Траскин довольно путано изложил, что он просил нас, собравшихся, побеседовать по злободневным вопросам, так как вопрос о созыве народного представительства близок к разрешению и надо заранее знать, как отнестись к разным вопросам, которые будут поставлены на очередь в новых законодательных учреждениях. Для введения в прения председатель управы любезно согласился сделать доклад о том, что он узнал во время последней поездки на съезд земских деятелей.

После этого Линтварев сделал длинный доклад о решениях, принятых на съезде, и подробно развил программу об отчуждении земель. После него говорил очень богатый землевладелец Прянешников, убеждавший собрание принять эту программу, которая одна может спасти нас от катастрофы. Он, видимо, был в полной панике, ему мерещилась уже гильотина, окровавленные головы, катящиеся по земле.

Настроение собравшихся стало подавленным, никто не смел слова молвить, не только что возражать. Находившаяся среди публики молодежь шумно приветствовала обоих ораторов, устраивала овации каждому из их демагогических выводов.

В то время я очень много читал вообще, а на животрепещущие темы момента особенно. Литература затронутых вопросов мне была хорошо известна, у меня была хорошая память, все цифры, вся статистика вопроса была у меня в голове.

---

[1] В своем выступлении в Думе кадет М.Я. Герценштейн иронически назвал поджоги помещичьих усадеб восставшими крестьянами «иллюминациями». Это выражение стало чрезвычайно популярно.

Я мог цитировать любую таблицу по памяти. Поэтому я попросил слова, которое мне охотно дали, никто больше говорить не хотел или не смел.

Это была моя первая политическая речь. Я никогда не считал себя оратором, не думал, что могу говорить, увлекая слушателей. Но тут что-то меня подхлестнуло – я говорил более получаса. Сперва по пунктам я разбил, опираясь на статистические данные, выводы Линтварева, указал на отсутствие в его построении знания современных условий сельского хозяйства в России, затем перешел к политическому значению поднятого им вопроса, его крайней рискованности для экономического и хозяйственного развития России, опасности вызывать духов демагогии наружу, коих потом никто, менее всего вызвавшие, не будут в силах ввести в оглобли. Словом, я увлекся. Сперва мне оппонировали из публики, прерывали враждебными возгласами. Потом все затихло – люди слушали.

Когда я кончил, водворилось на момент гробовое молчание, потом начались аплодисменты.

Моя политическая карьера началась. Тут же, после заседания, меня окружили, пожимали руку, благодарили за то, что я так полно осветил вопрос об отчуждении земли и заставил стушеваться сторонников этой меры. Реакция от моего выступления была сильна не только среди крупных землевладельцев, но и среди крестьян-собственников.

Этот очень многочисленный в нашем уезде класс до последнего времени находился под влиянием группы земских гласных, объединившихся около председателя управы. Мелкие землевладельцы-крестьяне всегда принимали близко к сердцу интересы крестьянской массы, они всецело сочувствовали расширению деятельности земства в пользу обслуживания крестьянства, поэтому они были на стороне «либеральной» группы против слишком прямолинейной политики «консерваторов». Но у них, мелких собственников, был резко развитый инстинкт собственности, они по природе своей были хозяйственниками, ревниво относились к общественной копейке, были противниками всякого расхода, если таковой не был необходим для обслуживания насущных нужд крестьянства. Занятая мною позиция в вопросах земской деятельности им была близка и понятна, соответствовала их устремлениям. Поэтому за последнее время они делили свои симпатии между «либералами» и группой, организовавшейся около меня.

Начавшаяся революционная агитация в уезде их перепугала. Они близко стояли к массам, отлично сознавали, откуда идут «иллюминации», кто им сочувствует, кто против них не борется.

Их собственнический инстинкт был возмущен, они боялись и за себя, за свое имущество. Перепуганные и смущенные, они не знали, куда податься, за кем идти, на какую платформу им надлежит встать.

Мое выступление сыграло большую роль в деле политической ориентировки присутствовавших представителей этой среды: оно соответствовало их внутренней психологии, они и поспешили занять определенную позицию. Отныне можно было надеяться, что на будущих выборах этот очень многочисленный и потому влиятельный класс пойдет с нами, представителями умеренно-прогрессивного течения, и против левых, и против крайних правых.

Что касается крупных собственников уезда – они решили, что впредь при выборах в политические учреждения следует поддержать меня и тех, кто идет со мной. По крайней мере, один из наиболее влиятельных представителей крупного землевладения подошел ко мне и сказал: «Если будут выборы в Думу, вы – мой кандидат».

Эта группа будущих избирателей обратилась ко мне с просьбой записать сущность моей речи, чтобы они могли ее напечатать и распространить в уезде.

Негодованию группы «либералов» не было границ. Ведь это они вытащили меня из глуши почти насильно, а теперь я им встал поперек дороги.

Для них было ясно, что будущую избирательную кампанию, по крайней мере среди землевладельческой курии, они безвозвратно проиграли. Так оно и было, ни разу за все четыре избирательные кампании от этой курии не прошел ни один кадет или левый, хотя наиболее влиятельную по числу группу избирателей составляли уполномоченные от мелких собственников. Ибо эта избирательная коллегия была на моей стороне, она раз навсегда встала на известную политическую платформу, с которой ее могли сбить разве только события в стиле революции 1917 года.

С этого памятного дня мой уезд нашел свою политическую физиономию: земская среда и землевладельческий класс встали на октябристскую платформу, пошли по руслу умеренно-либерального течения.

Первые выборы в Государственную думу

Выборы в первую Государственную думу были моментом, который никогда не изгладится из памяти участников этой первой избирательной борьбы в русское вновь народившееся народное представительство. В этот момент все мы в отдельности и вся Россия в целом держали экзамен на политическую зрелость, ибо от исхода избирательной борьбы зависело не только ближайшее будущее русского народного представительства, но и судьба самой русской Державы, предрешение вопроса о том, пойдет ли наша история по пути мирной эволюции в результате совместной работы народного представительства с исторической властью, или же нашей Родине суждено будет пройти через величайшие потрясения, вызванные усилением революционного напора снизу и отчаянного сопротивления ему сверху, – словом, продолжением и углублением деления нации на «мы» и «они».

История доказала, что Россия 1906 года этого экзамена не выдержала, первая Государственная дума не сумела встать на путь соглашения и сотрудничества с еще сильной центральной властью, она приняла вызывающий тон, не использовала представлявшихся ей возможностей и проиграла в безнадежной борьбе, отрезав тем самым и себе самой, и своим наследницам путь к участию во власти, в управлении страной. Тем самым она сыграла на руку и реакционерам и революционерам в одно и то же время.

Впрочем, во время выборов в первую Государственную думу положение умеренных и более или менее зрелых в политическом отношении кругов русского общества было незавидное.

За двести лет, протекших после упразднения при Петре Великом последних остатков участия общественных представителей в управлении государством русское общество отвыкло от ответственного участия в распоряжении судьбами страны, оно все более и более привыкало к мысли, что власть есть символ всяческого утеснения обывателя, что позволительно всемерно с нею бороться, не считаясь с тем, как эта борьба отражается на судьбах государства и народа. Особой прямолинейностью в это время отличалось миросозерцание нашей мелкой служилой интеллигенции, вышедшей в большинстве из низших этажей социальной лестницы и пропитанной социалистическими идеями, которые притом плохо и примитивно ею переваривались.

В стране только что пронеслось революционное настроение, подавленное силою оружия и полицейской репрессией. Вся или почти вся провинциальная интеллигенция и полуинтеллигенция этому довольно хаотическому, но определенно революционному движению сочувствовала. В его подавлении эти элементы видели свое собственное поражение или, по крайней мере, поражение своих идеалов. На душе у них было разочарование, озлобление, жажда реванша.

Выборы давали легкий и легальный выход этим чувствам, возможность свести счеты с одними, насолить другим, во всяком случае, возобновить на легальном поприще борьбу, проигранную на путях открытой попытки силою захватить власть. Для этих очень влиятельных в провинции элементов выборы в Государствен-ную думу стали средством борьбы за власть, все остальное отходило на второй план.

Рядом с этими элементами, страстными и не искушенными в работе на общественной ниве, а потому политически не подготовленными к законодательной деятельности, имелись другие, прошедшие долгую школу в органах самоуправления, привыкшие к созидательной работе на общественном поприще. То были представители земских и городских общественных деятелей цензового периода наших самоуправлений. От них можно было ожидать, можно было требовать вдумчивого отношения к предстоящей работе новых законодательных учреждений. Ведь как раз из этой среды столько времени раздавались требования, слышались петиции и просьбы о необходимости увенчания здания, о создании органов народного представительства, о возвращении к тем отдаленным временам, когда земский собор постановлял, а государь приказывал на основании этого постановления.

Бюрократическая власть, перепуганная народным движением 1905–1906 гг., признавшая неизбежность созыва народного представительства, отлично понимала, что из всех элементов русского общества представители земских и городских органов самоуправления являются той единственной силой, которая может явиться естественным заместителем чисто бюрократического порядка управления страной. С ними и только с ними приходилось бы считаться, если бы у нас действительно установился представительный строй. Все остальное в стране она считала совершенно неподготовленным, а потому и неопасным для бюрократического самовластия. Особенно низко в этом отношении она расценивала крестьянскую массу. Она привыкла считать крестьян опорой самодержавия,

людьми, готовыми подчиняться начальству и гнуть спину перед любым становым, тем более перед губернатором или министром. Отсюда лозунг при составлении булыгинского избирательного закона в Государственную думу – «побольше добрых мужичков, поменьше либеральных земцев». Действительно, в губернских избирательных собраниях для выбора депутатов в Государственную думу в большинстве случаев численно наиболее сильной группой были крестьяне. Правда, если бы все остальные элементы были объединены, влияние крестьян не было бы подавляющим, но т.к. представители землевладельцев и горожан резко разделились на два враждебных блока, то фактически выборы зависели от того, с кем пойдут крестьяне, за кого они подадут голоса.

К несчастью для России, наиболее подготовленные к участию в управлении государством элементы, т.е. те классы, которые участвовали через своих выборных в организации и деятельности земских и городских органов самоуправления, не были единодушны в этот исторический момент, напротив, среди них воцарилась гибельная рознь, доходящая до явной вражды. Значительная часть наиболее активных элементов этих классов населения уже давно соединилась с бесклассовой или по крайней мере бесцензовой интеллигенцией, с третьим земским элементом и представителями либеральных профессий, в большинстве с резким социалистическим наклоном. В борьбе против всесильной до того бюрократией левое крыло земцев оторвалось от своего класса, идейно подчинилось влиянию городской интеллигенции, всегда далеко стоявшей от народа, его не знавшей, и вошло в состав партии кадетов. Под влиянием своих городских сочленов они приняли земельную программу, рассчитанную на уловление крестьянских голосов на выборах. Они не пошли так далеко по пути отрицания частной собственности на землю, как то делали их социалистические союзники, но тем не менее их программа резко расколола цензовую среду, внесла в нее внутреннюю рознь. Эта программа как бы стала линией водораздела: с одной стороны сгруппировалось все левое течение русской общественности, с другой – все, что было правее кадетов. Так мы предстали перед выборами в первую Государственную думу. Выборы в уездах происходили довольно хаотически, по крайней мере, с правой стороны не было ни руководства, ни единства, ни какого-либо подобия партийной организации. Выбирали, как кому Бог на душу положит. Поэтому было частым явлением, что землевладельческое избирательное собрание выбирало выборщиком кадета, т.е. представителя партии, настаивавшей на отчуждении земли, что было явно противно интересам этого круга избирателей.

В губернских избирательных собраниях дело обстояло уже иначе. Там обе стороны имели своих вождей, людей, прошедших стаж земской и городской деятельности, умевших разбираться в политической обстановке.

Столкнулись два блока: правый, где господствовали в большинстве случаев октябристы, т.е. представители умеренно-либерального течения общественной мысли, и левый блок с сильным социалистическим уклоном под руководством кадетов. Еще недавно главари обоих блоков работали совместно на земской и городской ниве, между ними еще не было вражды, часто они были приятелями или добрыми знакомыми. Но политически их разделила земельная программа. Она

на время заслонила перед их умственным взором все остальные вопросы, в том числе и проблему переустройства бюрократически-самодержавного строя в конституционную монархию.

Это разделение усиливалось тем фактом, что у кадетов с первых же шагов их партийной жизни очень сильно было чувство партийной дисциплины, подчинения периферии руководству центрального комитета партии. А там руководящую позицию заняли элементы, далекие от жизни провинции, находившиеся под сильным воздействием городской интеллигенции, лиц либеральных профессий.

Тем не менее соглашение между октябристами и кадетами в губернских избирательных собраниях было еще возможно и с общегосударственной точки зрения желательно. Оно позволило бы провести в Государственную думу лучшие элементы обеих партий, имевших разную психологию и различные программы, но которые долго работали совместно на общественной ниве, имели достаточную подготовку для политической деятельности, дополняли идейно друг друга хотя бы тем, что это, и только это, соглашение обеспечивало бы кадетам в новом законодательном учреждении выгодное центральное положение между двумя крыльями, которое давало им возможность парламентского маневрирования, полную свободу действий от давления каждого из крыльев, т.к. они всегда могли бы опереться на голоса другого крыла, чтобы противостоять натиску слишком требовательного союзника.

Это обстоятельство дало бы им некоторый шанс прийти лояльным образом к власти. Ведь участие в управлении в качестве министров, опирающихся на народное представительство, могло быть им предложено лишь в том случае, если бы они или располагали абсолютным большинством, что при нашей избирательной системе было исключено, или если бы они могли в случае нужды опираться на такого союзника, который не вызывал бы паники в верхах управления страной, который дал бы им возможность наложить вето на явно революционные устремления социалистической демократии. К несчастью для всех, этого соглашения не произошло.

Вот как, по крайности у нас в Харькове, произошли эти решающие для судеб страны выборы.

Как я уже говорил, самой сильной группой в губернском избирательном собрании были крестьяне. Состав их был пестрый, малограмотный, но среди них было несколько партийных работников, принадлежавших к левому крылу эсеров. Это были опытные демагоги с хорошо подвешенным языком. Они сразу в своей крестьянской среде завоевали руководящую роль, они распоряжались голосами этой группы. Следующей по численности группой был правый блок, тогда руководимый октябристами. Третьей группой был блок, руководимый кадетами. В составе последнего находился пр[офессор] М.М. Ковалевский, представитель Партии демократических реформ, которого провели в выборщики октябристы Харьковского уезда. Подсчет голосов показал, что ни одна из групп не может самостоятельно провести свой список депутатов. Нужен был блок двух для того, чтобы иметь абсолютное большинство голосов. Подсчитав голоса, мы решили предложить кадетам разделить депутатские мандаты, предоставив крестьянам

лишь то место, которое им обеспечивал закон. Такому сговору очень сочувствовал Ковалевский, далекий от партийной нетерпимости, достаточно европейски культурный человек, чтобы понимать, что нельзя впервые собираемый парламент загромождать людьми от сохи, хотя бы и подпавшими под руководство партийных вожаков. Среди местных кадетов-выборщиков эта точка зрения тоже господствовала, среди них наиболее влиятельными были губернские земские гласные, многолетние наши сотрудники на земской ниве.

Однако они не могли решать свободно, вопреки директивам, полученным из центра. Поэтому переговоры приостановились впредь до получения ответа на их представление о желательности блока с октябристами в последней стадии выборов, что обеспечит наиболее сильное численное представительство партии и даст возможность провести в депутаты наиболее им желательные элементы из нашей среды.

Но очень скоро получился, как они нам передали, решительный ответ центра: «Никаких блоков с группами правее Партии демократических реформ». Естественно, всякие соглашения с нами стали немыслимыми, притом не только на эти выборы, но и на все следующие. Это решение партийного центра предрешило по крайней мере на 10 лет невозможность блоков между единственно подготовленными для парламентской работы партиями. В частности, при выборах в первую Государственную думу нашим кадетам ничего не оставалось, как вступить в торг с крестьянской группой, вернее, с ее эсеровским возглавлением. При этом эти элементы, как более сильные числом, получили свою львиную часть мандатов. Правда, прошел один и из нашей среды, благодаря тому, что крестьяне уезда, где он был долгие годы предводителем, голосовали за него вопреки указке своих главарей. Прошел также пр[офессор] Ковалевский, за которого голосовали все октябристы и кадеты.

Как обстояло дело в других местах, я не знаю, но, судя по рассказам, подобная же картина наблюдалась в большинстве земских губерний.

Как бы то ни было, результат выборов был решительный и для будущности русского парламента печальный.

Правого крыла в Государственной думе практически не оказалось, т.к. малое число депутатов, принадлежавших к правому и национальному сектору, было в думской арифметике невесомой величиной. Тем самым кадеты были отброшены на скамьи правого крыла Государственной думы, центра не оказалось, а абсолютное большинство принадлежало многочисленной массе малограмотных, политически невежественных представителей революционной демократии, главным образом, эсеровского толка, принявших защитную кличку «трудовиков». Правда, кадеты были хорошо организованы, составляли культурную элиту левого блока. Они на первое время могли захватить дирижерскую палочку в Государственной думе, вести ее за собой, но могли сохранять это руководящее положение лишь постольку, поскольку их поддерживали вожди эсеров, т.е. пока они шли налево и еще налево. Они вынуждены были все время леветь, чтобы не остаться на мели, в меньшинстве, что было неизбежно, если бы они остановились на этом скользком пути.

Вследствие этого, несмотря на наличие на верхах сильного течения к соглашению, к передаче власти и ответственности министерству, составленному из кадетов (известно, что такой проект существовал), верховная власть была лишена возможности испробовать этот путь.

Ведь было ясно, что министерство, ответственное перед Государственной думой такого состава, могло держаться, только пока его поддерживало левое крыло, и должно было пасть в тот день, когда оно решилось бы положить предел вожделениям этого союзника, открыто домогавшегося ликвидации монархического строя и всего социального уклада тогдашней России.

Так лозунг булыгинского избирательного закона – «побольше добрых мужичков...» – в связи с невозможностью заключать избирательные блоки между кадетами и октябристами привел к неизбежности столкновения нового народного представительства с исторической властью. В результате последовал роспуск Государственной думы, Выборгское воззвание и углубление разрыва между властью и народом в лице народного представительства.

Первая Государственная дума должна была вырыть и вырыла такую пропасть между собой и Короной, которая стала непроходимым препятствием к соглашению между ее наследницами и сильной еще властью. Разделение на «мы» и «они» усилилось и привело всех к разбитому корыту.

Извлечение публикуется по изданию:
Савич Н.В. Воспоминания.
СПб., Дюссельдорф, 1993. С. 13–23.

СЕРГЕЙ ИЛИОДОРОВИЧ ШИДЛОВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ

Выборы в Думу и мое в них участие

Мне пришлось принимать участие в выборах в четыре Государственных думы, произведенных по двум различным избирательным законам. Конечно, все те наблюдения, которые остались у меня в памяти, относятся только к той губернии, в которой я жил[1], в других местностях все могло происходить иначе, но, тем не менее, я считаю, что местные эпизоды имеют значение как известный материал для общих выводов.

Идеальной формою для выборов по мнению всех либеральных и передовых партий является знаменитая четырехвостка – прямое, общее, равное и тайное голосование. В моих глазах эта, как будто общепризнанная, формула имеет гораздо более теоретическое значение, чем практическое, особенно у нас в России. Непременным условием тайны выборов является поголовная грамотность населения, так как если не все выборщики могут сами заполнять свой избирательный бюллетень, то ни о какой тайне не может быть и речи. Следовательно, при существующей в России степени распространения грамотности соблюдение тайны выборов совершенно неосуществимо.

Приходится выбирать либо всеобщее, либо тайное голосование, но совместить эти два признака в России абсолютно невозможно. Против равности голосования как принципа возражать, конечно, нечего, если понимать ее в том смысле, что каждый поданный голос равносилен другому, но при невозможности совместить тайну с всеобщностью должно отпасть и равенство, так как всякий грамотный, могущий подать свой голос тайно, будет иметь преимущество перед неграмотным, и никакого равенства в действительности не будет.

Прямое голосование, конечно, гораздо рациональнее, чем по каким бы то ни было степеням, но только при таком развитии политической жизни в стране, когда всякий голосующий может сам разобраться в конкурирующих между собою партиях и твердо, сознательно и независимо решить, которой из них отдать свой голос. Я думаю, что ни один из самых ярых сторонников четырехвостки не будет иметь смелости утверждать, что в России все эти условия налицо и поэтому нет препятствий для производства голосования на основании классической

---

[1] Воронежской губернии.

четырехчленной формулы. Я держусь совершенно обратного мнения, не будучи вообще поклонником отвлеченных формул в непосредственном применении их к практическим целям.

Выборы в первую и вторую Думы производились на основании выборного закона, гораздо более широкого, чем тот, на основании которого избирались последующие две Думы. Для избрания выборщиков в уездный город являлись избиратели, и зал уездного земства наполнился чрезвычайно разношерстной толпой. Собралось большинство крестьян, много священников, кое-кто из интеллигенции и терявшиеся в толпе местные земские деятели. Улей гудел, во всех углах собирались кучки народа, составлялись маленькие митинги, в которых ораторствовали разные лица. Здесь в первый раз в жизни пришлось мне услышать самую крайнюю речь революционного характера, произнесенную священником, впоследствии сделавшем карьеру на чисто черносотенной почве.

Говорили много о западноевропейских порядках, причем ораторы доказывали, что все они устарели, и почему-то особенно часто упоминалось о Новой Зеландии. Одним словом, происходило нечто в достаточной мере хаотическое и весьма возбужденное. Среди составлявших большинство крестьян весьма определенно намечалось настроение не выбирать господ, но относительно того, кого выбирать, ничего определенного не выяснилось.

Начались выборы и благополучно затем закончились избранием надлежащего количества выборщиков. Состав избранных был совершенно случайный, и никто не мог бы объяснить, почему оказались выбранными одни и забаллотированы другие. Единственною руководящею мыслью крестьянского большинства было не выбирать господ, а между тем несколько господ оказались избранными; среди же остальных элементов видна была полная случайность, и никто, даже из очень опытных в выборных делах, не мог бы сказать, чья кандидатура проводилась, чья провалилась и т.п.

Одним словом, на этом первом избирательном собрании было много шума, много разыгралось страстей, но выборами, в сущности, руководил не кто иной, как Николай-угодник, и только ему могло быть известно, каков будет их результат.

Избранные уездом выборщики поехали заблаговременно в губернский город с таким расчетом, чтобы принять участие в предвыборных собраниях. Таких собраний было несколько, не скажу, чтобы партийных, но, безусловно, левых по настроению. Попавшие в выборщики правые элементы посещали их, говорили речи, спорили с противниками – одним словом, шума было много, но деловитой подготовки к предстоявшим выборам, намечания кандидатов, собирания в их пользу голосов не происходило.

Настроение было таково, что предпочитали шуметь и митинговать, чем делать дело. Наконец настал день выборов. В большой зале дворянского собрания явились к определенному часу и даже много раньше выборщики. Это были в подавляющем большинстве крестьяне, в первый раз друг друга увидевшие, небольшое количество лиц, принадлежащих к составу местных земских деятелей. Речей никаких произнесено не было, а занялись исключительно выборами.

Среди крестьян, составлявших, как уже сказано, подавляющее большинство собрания, никаких сговоров относительно кандидатуры отдельных лиц не было, и они действовали при выборах каждый за себя, а отнюдь не все за одного. Когда в первую очередь было произведено назначение кандидатов записками, то обнаружилось, что ни одно лицо не получило значительного числа записок, названы же были все без исключения выборщики, так что баллотировались шарами все, кроме немногих отказавшихся, преимущественно земцев, понимавших всю безнадежность подобных выборов.

Крестьяне баллотировались все без исключения, даже получившие всего одну записку, и, по-видимому, считали это своим долгом. Они потребовали, чтобы баллотирующийся становился около своего ящика, что давало возможность видеть, на что он похож, а затем выборщик подходил, подробно осматривал стоявшего и по вынесенному впечатлению клал свой шар направо или налево, причем баллотирующийся низко кланялся, как бы прося почтить его доверием.

В первую голову был избран в члены Думы местный землевладелец-кадет, который, произнеся накануне речь на одном из предвыборных собраний и приглашая голосовать за кадетскую партию, между прочим, сказал, что кадеты в Думе в первую очередь проведут раздачу всех помещичьих земель крестьянам безвозмездно. Когда по окончании им своей речи кто-то из присутствовавших сказал ему, что ничего подобного в кадетской программе нет, то он сначала ответил, что он этого и не говорил, а когда был уличен другими присутствовавшими, то сказал, что эти слова, вероятно, вырвались у него бессознательно.

Как-никак, но наградой за эти сознательные или бессознательные слова было избрание его в члены Думы, и это считалось, по-видимому, наградой достаточною, так как ни одного другого кадета избрано не было. Крестьяне ничьей кандидатуры больше не поддерживали, ни личной, ни партийной, и определенно заметно было только то же течение – господ не выбирать, а выбирать из своей среды. Некоторые крестьяне старались добиться хотя бы равномерного распределения депутатских мест по уездам, по одному крестьянину от каждого уезда, но при полной неорганизованности крестьянского большинства получилось то, что от нашего уезда было избрано пять депутатов из крестьян.

Вообще выборы шли совершенно стихийно, и результаты тоже были случайные. Единственное настроение, которое можно было уловить, – это было настроение против господ, что и было осуществлено с успехом, но вопрос о том, кого пускать и кого не выбирать, был решаем по воле случая, а не по определенному желанию определенного большинства. Никакой борьбы между партиями не было, все тонуло в крестьянской массе, и последняя могла творить что хотела, будь она хоть немного сорганизована, но последнего не было, и все дело решал простой случай.

Извлечение публикуется по изданию:
Шидловский С.И. Воспоминания.
Ч. I. Берлин, 1923. С. 100–105.

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ШИПОВ

ВОСПОМИНАНИЯ И ДУМЫ О ПЕРЕЖИТОМ

Во время моего пребывания в Харбине, вскоре после моего приезда, в местных газетах был опубликован, сообщенный по телеграфу, Высочайший манифест 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной думы. Ознакомление с этим актом произвело на меня удручающее впечатление, так как он явился несомненным свидетельством, что им не разрешается удовлетворительно вопрос об организации столь необходимого взаимодействия государственной власти с населением, а, напротив, им вносится в этот вопрос еще большее обострение и предопределяется дальнейшее развитие политической борьбы в стране. Манифест 6 августа 1905 г., так же как манифест 26 февраля 1903 г.[1], служил новым подтверждением полного непонимания государственной властью существа основной идеи самодержавия и устоев исторического прошлого России. Манифест 6 августа 1905 года провозглашал в своем начале, что «согласие и единение царя и народа – великая нравственная сила, создавшая Россию в течение веков», но затем не было приведено никаких указаний – на какой основе создавались между ними согласие и единение и что именно придавало этим последним значение нравственной силы. При предстоявшей организации народного представительства стране было необходимо иметь вполне определенное и ясное представление о том, на основе какой идеи государственная власть признает нужным установить свое единение с населением. Согласие и единение царей с народом во времена земских соборов обуславливались не противопоставлением прав государя и прав народа, а сознанием обеими сторонами лежащего на них равно нравственного долга – содействовать общими усилиями возможному осуществлению в государственной жизни требований высшей правды. Земские соборы не стремились к ограничению царской власти, но в то же время представители верховной власти не считали возможным разойтись с народным мнением, с голосом народной совести. Обе стороны сознавали наличность моральной между ними солидарности, и только в этом сознании коренилась нравственная сила согласия и единения царя с народом. Взаимодействие власти с населением, построенное на такой основе, исключало вовсе вопрос о решающем или совещательном голосе земских соборов. Манифест же 6 августа 1905 года спешил провозгласить, что учреждаемая вновь

[1] Манифест от 26 февраля 1903 г. декларировал стремление властей продолжать политический курс, характерный для царствования Александра III.

Государственная дума должна быть установлением законосовещательным, и тем самым как бы признавал, что государственная власть свое взаимодействие с населением стремится организовать не на основе идеи нравственной, являвшейся главным устоем нашего исторического прошлого, а на основе идеи правовой, чуждой жизнепониманию и духу русского народа. Но, положив, таким образом, в основу своего взаимодействия с народным представительством правовую идею, государственная власть разрешала вытекавший отсюда практический вопрос не согласно с требованиями справедливости, а в ущерб прав народного представительства и в целях поддержания своего самовластия. Такое разрешение вопроса не могло не вызвать справедливого неудовольствия в широких кругах населения, и такая постановка вопроса облегчала задачу, преследуемую конституционалистами. Они получали возможность утверждать, что сама государственная власть признает неизбежным построить свои отношения к народному представительству только на основе идеи права, но разрешает этот вопрос односторонне и несправедливо. В то же время манифест даже исключал возможность исправления этой несправедливости по почину народного представительства, так как в манифесте было сказано: «Мы сохраняем всецело за собой заботу о дальнейшем усовершенствовании учреждения Государственной думы».

Через 15 дней по опубликовании в столицах сопровождавших манифест законоположений: Учреждения Государственной думы и Положения о выборах в Государственную думу – эти законодательные акты в виде особых приложений к газетам были получены в Харбине. Первый закон ставил Государственную думу в положение подготовительной комиссии при Государственном совете, который являлся бюрократическим учреждением, отделявшим народное представительство от государственной власти и препятствовавшим действительному единению царя с народом. О такой организации народного представительства как о первом шаге в этом направлении могла быть речь ранее, как, например, в 1881 году или даже в 1901 году, когда вопросы о необходимости устранения всемогущего влияния полновластной бюрократии и о создании взаимодействия государственной власти с населением были еще недавно поставлены на очередь развитием общественной жизни и не проникли еще вполне ясно и определенно в сознание широких кругов населения. Но с тех пор, вследствие последовательного противодействия правительства постепенному удовлетворению справедливых общественных заявлений, политическая жизнь и сознание всего населения получили за последние, хотя и немногочисленные годы, такое быстрое развитие, при котором народное представительство неизбежно и безотлагательно должно было получить самостоятельное положение. Положение о выборах в Государственную думу предоставляло участие в ней преимущественно представителям привилегированных, имущественных классов и лишало проектируемое учреждение возможности явиться действительным выразителем народной мысли.

Как манифест 6 августа 1905 года, так равно и опубликованные одновременно с ним законоположения свидетельствовали с достаточной ясностью, что государственная власть при их составлении руководилась желанием формально дать как будто известное удовлетворение пожеланиям общества, но сохранить при

этом в сущности прежний бюрократический порядок государственного управления. Проектированная организация Государственной думы, не открывая возможности живого общения и тесного единения власти с представителями населения, создавала лишь почву для неизбежных и постоянных между ними конфликтов. Вместе с тем, отсутствие искренности и готовности власти пойти прямодушно на путь сближения с народными силами и полное непонимание ею, в чем именно заключалась нравственная сила нашей государственной жизни в ее прошлом, невольно изолировали власть и удаляли от нее даже самые умеренные элементы общества. В назревавшем конфликте на стороне власти могли оставаться только слуги отжившего бюрократического строя и представители некоторых классов, видевшие в старых порядках сохранение своего привилегированного положения и обеспечение своих материальных интересов.

То, что обнародованные 6 августа 1905 года законы не получат своего осуществления и что правительство будет вынуждено внести в них предварительно существенные изменения, мне представлялось несомненным, как только я ознакомился с этими законодательными актами. Еще 6–8 июля происходивший в Москве многочисленный съезд земских и городских деятелей, заслушав доклад о составленном булыгинским совещанием проекте народного представительства, почти единогласно (за исключением двух голосов) вынес ему категорическое осуждение и признал, что такого рода организация народного представительства не может внести успокоение в страну, предотвратить все опасности, ей угрожающие, и вывести ее из состояния анархии на путь правильного и мирного развития на основах твердого государственного правопорядка. Тот же съезд одобрил проект «основного закона», представленного на его обсуждение организационным бюро, – проект, построенный на определенно конституционных принципах. Аналогичные постановления принимались одновременно различными многочисленными собраниями, и, следя во время моего пребывания в Манчжурии за развитием в России общественного движения по получаемым московским газетам, нельзя было не усмотреть, как стремительно нарастало недовольство в общественных кругах и возбуждалось общественное настроение. Неизбежность проявления политической борьбы обуславливалась в значительной мере тем, что правительство всем своим образом действий с убедительностью доказывало, что оно не способно понять истинное положение вещей в стране, не способно руководить общественным движением, потеряв в стране всякий авторитет, и что власть изъявляет готовность вступать на путь необходимых реформ только исключительно под угрозой и влиянием выступлений революционного характера, направленных против существующего строя. Такая политика власти предрешала неизбежность превращения лояльного общественного движения в движение революционное.

Во время нашего пятнадцатидневного путешествия из Харбина в Москву все чаще и чаще получались московские газеты, и мы ускоренным темпом переживали отражавшиеся в них общественные настроения, проявлявшиеся во всей стране с каждым днем все интенсивнее и в разнообразных формах. Приехав 28 сентября в Москву, мы увидели ее охваченной общественным возбуждением, ко-

торое в скором времени почти во всей стране проявилось общей забастовкой и в резких резолюциях, выносимых многочисленными митингами и собраниями. Все умеренные элементы общества принуждены были стушеваться, отступить на задний план и оказались бессильными внести умиротворение в возбужденное настроение широких и разнообразных общественных кругов.

Государственная власть была вынуждена капитулировать пред революционным движением и Манифестом 17 октября Государственной думе была предоставлена законодательная власть, были расширены избирательные права населения при выборах народных представителей, и одновременно удостоился Высочайшего одобрения доклад графа С.Ю. Витте о преобразовании нашей государственной жизни на строго правовых началах. В этих актах не говорилось уже об устоях нашего исторического прошлого, и изменение государственного строя предрешалось на основе начал конституционных. Принципиально я не мог сочувствовать введению этих начал в наш государственный строй, так как они противоречили и противоречат моему жизнепониманию, но я не мог не сознавать, что слепая политика власти привела страну к неизбежности такого государственного преобразования. Не теряя надежды и веры, что с течением времени в России может восстановиться единение государственной власти и всего народа на основе идеи нравственной, на почве необходимой между ними моральной солидарности, я не мог не сознавать, что при сложившихся условиях порядок, предначертанный Манифестом 17 октября, являлся единственным выходом в данное время из положения, в котором очутилась страна благодаря непредусмотрительности и беспринципности власти. Успокоенье нашей государственной жизни и постепенное направление ее в другое русло представлялось мне возможным в том лишь случае, если власть в переживаемый критический момент вполне искренно и честно вступит и пойдет по пути, указанному в актах 17 октября, осуществит с необходимой полнотой возвещенные реформы и тем восстановит доверие к себе населения и укрепит в стране свой авторитет. Хотя в это время я стоял в стороне от общественной жизни, но, тем не менее, сознавал, что если, быть может, силою обстоятельств я буду привлечен вновь к известному участию в политической жизни страны, то на мне будет лежать долг содействовать всеми силами осуществлению нового порядка государственного строя, стараясь в то же время, по мере возможности, согласовать свои действия при новых условиях с началами, лежащими в основе моего политического и общего жизнепонимания…

Организация народного представительства и предстоявшие выборы первых народных представителей вызывали необходимость политической группировки избирателей и образования в стране политических партий. Этот вопрос не мог не возникнуть и в земской среде, единение которой до 1904 года обуславливалось, главным образом, единодушным отрицательным отношением к политике государственной власти и к существовавшему бюрократическому абсолютизму, но это единение не могло не оказаться нарушенным, как только на очередь развитием событий были поставлены вопросы о желательных преобразованиях нашего государственного строя. В главах VIII и IX настоящих воспоминаний были уже приведены сведения о разномыслии, обнаружившемся на этой почве на зем-

ском съезде 1904 года и получившем более определенное выражение в течение следующего 1905 года. Это разномыслие, имевшее, как выяснено было выше, в основе своей принципиальный характер, предрешало неизбежность, в момент образования в стране политических партий, разделения земских деятелей и их присоединения к различным политическим группам. Земские конституционалисты, Союз освобождения и сочувствовавшие им члены съездов земских и городских деятелей, объединившись между собой, 12 октября 1905 года учредили Конституционно-демократическую партию, ставившую себе целью установление в стране конституционного строя на правовых началах путем ограничения верховной власти монарха и предоставления законодательной власти народному представительству. Образование Конституционно-демократической партии было предусмотрено и подготовлено руководителями конституционных течений заблаговременно; представителей же меньшинства земских съездов выдвинутый жизнью при переходе к новому государственному строю вопрос о партийной группировке избирателей застал не подготовленными. Это объясняется отчасти тем, что для первых признание партийной политической борьбы вытекало из основы их политического жизнепонимания, а для вторых мысль о необходимости такой борьбы не соответствовала их убеждениям, и они лишь примирялись с ней, как с неизбежным злом при развитии политической жизни. Однако после Манифеста 17 октября 1905 года представители меньшинства земских деятелей должны были признать вопрос о партийной группировке избирателей неотложным и требующим своего разрешения.

Манифест 17 октября предоставлял Государственной думе участие в осуществлении законодательной власти и в основу избрания народных представителей полагал начало всеобщего избирательного права, т.е. он предрешал применение в нашем государственном строе конституционного принципа и идеи народовластия. Таким образом, вопрос о направлении, в котором должно было последовать изменение нашего государственного строя, получал определенное разрешение, и это разрешение соответствовало пожеланиям большинства совещания земских деятелей 1904 года. Подчиняясь такому решению, последовавшему с высоты престола, и признавая необходимым, в целях умиротворения нашей государственной жизни, скорейшее осуществление обещаний Манифеста 17 октября, я, стоя в то же время пред вопросом, к какой политической группе мог бы я примкнуть при создавшихся условиях, прежде всего должен был остановиться на мысли о возможности для меня присоединиться к Конституционно-демократической партии. Разногласие мое с большинством съезда земских деятелей оставалось лишь в области принципиальной, так как спорный вопрос в области практической получил уже определенное разрешение Манифестом 17 октября, подчиниться чему я признавал неизбежным, и поэтому сохранившееся неизменным принципиальное разномыслие не могло служить безусловным препятствием для моего вступления в состав К.-д. партии. Не разделяя безграничной веры к.-д. в силу правовых форм и признания ими народного суверенитета как основы государства, я, тем не менее, имел в виду некоторые несомненные достоинства этой политической партии и условия, имевшие для меня привлекательную силу. В состав партии вошли

лучшие умственные силы страны, цвет русской интеллигенции, и в числе ее членов находилось много людей, с которыми меня связывали близкие товарищеские отношения, установившиеся и укрепившиеся на почве сотрудничества во всем нам одинаково дорогом земском деле. Вместе с тем я не мог не принять во внимание, что партия стремилась несомненно и искренно к осуществлению в политической и социальной жизни истинно демократических идей, а это стремление вполне согласовалось с моими убеждениями, хотя в этом вопросе мы, преследуя одинаковые цели, исходили из различных жизнепониманий.

Но если таковы были в активе К.-д. партии условия, меня к ней привлекавшие, то рядом с ними в пассиве ее баланса существовали факты, исключавшие возможность моего присоединения к ней. К числу последних я отношу свойственное к.-д. увлечение политической борьбой, при котором эта борьба являлась как бы самодовлеющею целью, причем в пылу ее нередко отрицательное отношение к произволу бюрократического строя превращалось в отрицательное отношение к государственному порядку вообще и игнорировалась обязанность всех граждан в поддержании и сохранении всегда необходимого в государственной жизни авторитета государственной власти. Считаю нужным привести несколько указаний на некоторые факты, которые я в данном случае имею в виду.

В главе VIII были уже приведены сведения о банкетах, устроенных членами Союза освобождения после земского совещания в ноябре 1904 года, на которых проявились определенно и открыто агрессивные настроения и отношение к государственной власти, вступавшие в резкое противоречие с тоном и духом земского совещания и явившиеся главной причиной, как это подтвердил мне князь Святополк-Мирский, неудачи сделанного совещанием шага к доброжелательному соглашению с властью. С начала 1905 года земскими конституционалистами и членами Союза освобождения по всей стране, но особенно в столицах, устраивались многочисленные совещания, собрания и митинги, которые имели главной задачей развитие и усиление политической борьбы. В этих целях были выдвинуты, между прочим, вопросы аграрный и рабочий. Постановка этих вопросов в такого рода собраниях должна была, несомненно, вызвать, и в действительности вызвала возбуждение в народных массах, в чем, конечно, представлялась большая опасность. Признавая насущную необходимость широких социальных реформ, я, однако, разделял убеждение, что постановке соответствующих вопросов должно предшествовать спокойное, мирное осуществление народного представительства и производство выборов народных представителей при возможно меньше возбужденном настроении населения. Только после создания нового законодательного аппарата казалось мне возможным поставить на очередь разрешение вопросов о сложных социальных преобразованиях, а до той поры обсуждение такого рода вопросов, в виде подготовительной работы, должно было бы происходить в немноголюдных собраниях специалистов и общественных деятелей, обладающих необходимыми знаниями и подготовкой. Но будущие к.-д., выдвигая в происходивших собраниях вопросы – аграрный, рабочий и т.д., не принимали во внимание неизбежность опасных для государственной жизни последствий привлечения таким путем к политической борьбе широких кругов населения.

Эта тенденция получила вполне определенную формулировку на совещании земских и городских деятелей, происходившем в Москве 6–8 июля 1905 года, в котором я уже не принимал участия. Организационным бюро был представлен специальный доклад: «О приобщении широких масс населения к работе по политическим вопросам». По обсуждении этого доклада совещание приняло ряд резолюций, из коих первая гласила: «Съезд признал неотложной задачей данной минуты для общественных деятелей войти в ближайшее общение с широкими массами населения для *совместного с народом обсуждения предстоящей политической реформы, для завоевания необходимых для ее проведения свобод*[1] и для подготовления к выборам». Во втором пункте указывалось, что *«к политической деятельности следует привлечь волостные и сельские сходы,* товарищества мелкого кредита и ссудосберегательные товарищества, сельскохозяйственные общества и другие самостоятельные организации», а третий пункт говорил так: *«Для наиболее широкого привлечения народных масс к сознательной работе государственного строительства,* общественным деятелям следует входить в сношения и совместно работать со всеми видами профессиональных союзов, соприкасающимися с населением, и раньше всего содействовать объединению на политической почве самого населения». По докладу «Об отношении общественных учреждений к стеснению их деятельности со стороны администрации» совещание приняло следующее заключение: «Съезд земских и городских деятелей, принимая во внимание, что осуществление естественных прав человека и гражданина при условиях существующего в России строя постоянно встречает препятствие в распоряжениях власти, полагает, что отстаивание естественных прав, указанных в резолюциях съезда 6–9 ноября 1904 года, должно быть совершаемо всеми мирными способами, *не исключая и неподчинения распоряжениям власти,* нарушающим эти права, *хотя бы подобные распоряжения и ссылались на формальный закон».* В заключение совещание, с целью «обобщить все пожелания о привлечении широких масс населения к работе по политическим вопросам», одобрило, и все члены совещания подписали пространное обращение к обществу. В этом обращении, между прочим, осуждался выработанный булыгинским совещанием проект закона о народном представительстве, «по которому предположено выборных избирать не всем населением, а близко к тому порядку, какой был по старому Земскому положению», и по этому поводу говорилось: «Если это будет так, то *перевес легко скажется за сильными,* а от крестьян в выборные попадут, пожалуй, только те, кому помогут земские начальники. Выборные эти сами не будут иметь права окончательно вырабатывать законы, а будут только давать царю советы, и то не прямо, а через чиновников, которые и теперь сочиняют законы в Государственном совете. Не таким выборным управиться с тяжкими последствиями войны, *с земельной теснотой, нуждами рабочего люда, со всем бесправием и обидою народными… Соединенными силами всего народа надо выступить против государственного разорения... И не вразброд, не поодиночке надо бороться,* защищая свою жизнь, свое право». В конце этого обращения было сказано: «Если все сообща решат, что им делать, тогда за их голосом будет такая

[1] Курсив, как здесь, так и далее в приводимых резолюциях, мой *(прим. Д. Шипова).*

сила, против которой не устоит никакой произвол и беззаконие. Путь, нами указываемый, путь мирный (?)». При посредстве отделений «Союза освобождения», констатирует И.П. Белоконский[1], изложенные воззвания и постановления июльского съезда земских и городских деятелей и конституционной группы быстро были распространены по всей России, и также быстро стали проводиться теми же отделениями в исполнение.

Обращение съезда земских и городских деятелей является в высшей степени показательным для характеристики тактики, которую избрала среда, вошедшая в скором времени в состав К.-д. партии, и которую последняя продолжала неизменно развивать в своей деятельности. Неуклонное стремление вовлечь народные массы в политическую борьбу не могло не иметь угрожающего значения и пагубных последствий для государственной жизни страны. Эта угроза была тем более реальна, а последствия избранной тактики тем более были чреваты опасностями, что культурный уровень народных масс был и, к сожалению, остается до настоящего времени очень невысок. Ценя свойственные русскому народному духу религиозное сознание и искание высшей божественной правды, нельзя было, казалось, не принять в то же время во внимание, что вследствие отсутствия просвещения, неблагоприятных экономических, а равно и правовых условий народным массам было совершенно чуждо понимание значения правового начала и сложных проблем государственной жизни. А между тем призыв населения принять участие в политическом движении был обращен не к сознаваемому народным духом чувству лежащего на всех людях долга пред Высшим Началом, управляющим миром, а имел целью вызвать и усилить в нем недовольство своим положением и пробудить в нем эгоистические интересы, чем невольно и неизбежно разжигались в народных массах грубые инстинкты, свойственные вообще материальной природе человека.

12 октября 1905 года состоялось учредительное собрание Конституционно-демократической партии. Вступительная программная речь при открытии съезда была произнесена П.Н. Милюковым. Речь эта, встреченная общим сочувствием, не вызвала никаких возражений, и поэтому мы вправе заключить, что развитые в ней мысли и установленные положения являются выражением настроения и политического жизнепонимания не одного оратора, а всего собрания. Указав и очертив те общественные группы, которые входят в состав вновь образуемой политической партии, и рассмотрев главные основания объединяющей их программы, П.Н. Милюков перешел к вопросу об отношении К.-д. партии к соседним политическим группам и сказал: «Жизнь уже ограничила данную группу от соседних. Справа против нас уже выставлены лозунги, которыми эта граница проводится от имени самих наших противников. Но надо сказать, что здесь граница проведена искусственно, с политическими целями, скрывающими истинные стремления наших противников, и нам предстоит задача разоблачить этот политический и избирательный прием. Против нас выставляют принцип единства России и неприкосновенности частной собственности, как будто мы отрицаем единство и частную собственность. Ни того, ни другого К.-д. партия, разумеет-

[1] И.П. Белоконский. Земское движение. М., 1904. С. 348 *(прим. Д. Шипова).*

ся, не отрицает, но она является непримиримым противником бюрократической централизации и манчестерства. Настоящая граница, таким образом, проходит совсем не там, где хотят провести ее в своих интересах наши противники справа. Эта граница там, где они выступят во имя узких классовых интересов русских аграриев и промышленников. Наша партия никогда не будет стоять на страже этих интересов». Отмежевавшись так определенно и резко от всех политических групп, стоящих правее к.-д., и приписав им всем, в том числе, очевидно, и представителям меньшинства земских съездов, совершенно голословно и не приведя каких-либо фактических подтверждений, отстаивание своих узких классовых интересов как единственный мотив их политической ориентации, П.Н. Милюков продолжал: «Между нами и нашими, мы хотели бы сказать, не противниками, а союзниками слева также существует известная грань, но она совершенно иного характера, чем та, которую мы проводим справа. Мы, подобно им, стоим на том же левом крыле русского политического движения. Но мы не присоединяемся к их требованиям демократической республики и обобществлению средств производства. Одни из нас не присоединяются к этим лозунгам потому, что считают их вообще неприемлемыми, другие – потому, что считают их стоящими вне пределов практической политики. До тех пор, пока возможно будет идти к общей цели вместе, несмотря на это различие мотивов, обе группы партии будут выступать как одно целое; но всякая попытка подчеркнуть только что указанные стремления и ввести их в программу, будет иметь последствием немедленный раскол. Мы не сомневаемся, однако, что в нашей среде найдется достаточно политической дальновидности и благоразумия, чтобы избежать этого раскола в настоящую минуту». Проведя затем параллель между К.-д. партией и интеллигентными западными группами, известными под названием «социальных реформаторов», и отметив, что программа к.-д. наиболее левая из всех программ аналогичных политических групп Западной Европы, оратор вернулся к определению отношения его партии к ее левым соседям. «Этот характер программы, – говорил П.Н. Милюков, – может быть не оценен по достоинству в момент такого высокого напряжения общественных сил, какое мы сейчас переживаем, но он будет оценен впоследствии. Для настоящего же момента на первую очередь выдвигаются вопросы тактические, которые и будут подняты на съезде после вопросов программных. Общее течение в обеих группах достаточно выяснилось и по тактическому вопросу: *вступление в Думу с исключительной целью борьбы за политическую свободу и за правильное представительство.* Едва ли может быть сомнение в том, что, добиваясь нашей цели, мы не можем рассчитывать ни на какие соглашения или компромиссы и должны держать высоко тот флаг, который уже выкинут русским освободительным движением в его целом, т.е. *стремиться к созыву Учредительного собрания,* избранного на основании всеобщего, прямого, тайного и равного голосования».

14 октября тот же съезд принял постановление, которым определялось отношение К.-д. партии к происходившему в то время движению организованных рабочих масс. Постановление это очень обширное, и я привожу здесь лишь ту его часть, которая представляет наибольшее значение для характеристики тактики к.-д.: «Требования забастовщиков, как они формулированы ими самими, сводят-

ся, главным образом, к немедленному введению основных свобод, свободному избранию народных представителей в Учредительное собрание на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и общей политической амнистии. Не может быть ни малейшего сомнения, что все эти цели общи у них с требованиями Конституционно-демократической партии. Ввиду такого согласия в целях, *учредительный съезд Конституционно-демократической партии считает долгом заявить свою полнейшую солидарность с забастовочным движением.* На своем месте и доступными партии средствами члены ее стремятся к осуществлению тех же задач, и, подобно всем остальным борющимся группам, *решительно отказались от мысли добиться своих целей путем переговоров с представителями власти».*

Приведенные цитаты из программной речи и из постановлений учредительного съезда К.-д. партии исключали для меня возможность мысли о присоединении к этой партии. Объявляя непримиримую вражду ко всем политическим группам, стоящим правее их, к.-д. выражали полную готовность вступить в союз с негосударственными элементами. Хотя обращение к широким массам населения, принятое июльским съездом земских и городских деятелей, заканчивалось указанием, что путь, на который съезд призывал население, «путь мирный», но подчеркнутые мной курсивом выражения в речи П.Н. Милюкова и в принятом учредительным съездом постановлении с убедительностью свидетельствовали о вступлении К.-д. партии на путь несомненно революционный. Желая видеть в социалистических партиях своих союзников, к.-д. тем самым как бы признавали, что в основе идеологии и жизнепонимания той и другой группы нет существенных противоречий, и это признание, думается мне, в значительной мере соответствовало действительности. К.-д., как и последователи социализма, склонны были рассматривать процесс развития социальной и политической жизни как процесс естественно-исторический, совершающийся под влиянием закона постоянной борьбы различных общественных, классовых элементов. Обе группы одинаково не допускали мысли о возможности постепенного переустройства государственной жизни мирным путем и признавали путь открытой политической борьбы неизбежным и единственно достигающим цели. Миросозерцание той и другой группы определялось, преимущественно, если не исключительно, работой человеческого разума, при отсутствии влияния религиозного сознания. Социализм объявляет непримиримую войну религии, рассматривает ее как вредную иллюзию, отвлекающую человека от действительности, и не видит в мире ничего, кроме действия материальных сил. Весь смысл жизни людей заключается, с точки зрения социализма, в установлении общественных отношений и в соответствующем изменении внешних условий жизни[1]. Если к.-д. не относились к религиозным запросам духовной стороны человека так отрицательно и непримиримо, как относится к ним социализм, то, во всяком случае, к вопросам веры и религии они проявляли значительный индифферентизм. Характерной чертой русской интеллигенции, вошедшей в значительном числе в состав К.-д. партии,

[1] Отношение социализма к религии очень верно и определенно выяснено в последнее время в книге П.И. Новгородцева «Об общественном идеале». М., 1917 г., см. глава II. С. 228–249 *(прим. Д. Шипова).*

является ее безрелигиозность, как это доказательно было выяснено в сборнике «Вехи». Безрелигиозность нашей интеллигенции, в частности к.-д., являлась главным препятствием для правильного понимания ими сущности народного духа и была главной причиной, в силу которой они, стремясь искренно к улучшению условий жизни народных масс и к проведению демократических реформ, вступали, однако, на путь, разрушавший религиозное настроение народа и разлагавший народную душу, чем постепенно создавалась благоприятная почва для пробуждения в народных массах под влиянием социалистической пропаганды классовой борьбы, чувства злобы и ненависти не только к имущественным классам, но и к представителям интеллигенции.

Программная речь П.Н. Милюкова на учредительном съезде К.-д. партии заканчивалась призывом стремиться к созыву Учредительного собрания, и этот призыв, не вызвавший 12 октября 1905 года никаких возражений, явился также новым свидетельством того, как быстро нарастало в среде к.-д. агрессивное настроение и изменялись соответственно их требования. Выше, в главе VIII, были приведены сведения о прениях, происходивших 8 ноября 1904 года в совещании земских деятелей, в которых земские конституционалисты горячо отвергали мысль о созыве учредительного собрания для разрешения вопроса об основаниях и формах организации взаимодействия государственной власти с народным представительством, но через 11 месяцев осуществление этой мысли признается уже необходимым, а 18 октября в постановлении того же учредительного съезда К.-д. партии по поводу обнародованного накануне Манифеста, между прочим, предъявлялось требование о немедленном введении избирательного закона на основании всеобщего голосования для непосредственного созыва, вместо Государственной думы по закону 6 августа, Учредительного собрания для составления Основного закона.

После опубликования Манифеста 17 октября 1905 года для всех, кому было дорого мирное осуществление преобразования нашего государственного строя, представлялось обязательным признать революционное движение в стране законченным и содействовать единодушными и доброжелательными усилиями возможно спокойному проведению новых начал в нашу государственную жизнь. Но не так отнеслись к этому вопросу к.-д. Они не захотели признать политическую борьбу завершенной, а продолжали вести ее с еще большей страстностью и непреклонностью. Кроме требования о немедленном созыве Учредительного собрания, они указанным постановлением 18 октября старались вообще подорвать в обществе доверие к обнародованному 17 октября акту, а когда им было предложено… вступить в состав образуемого вновь кабинета, который должен был подготовить переход к новому государственному строю, то они уклонились от такой ответственной задачи и предпочли остаться в положении безответственной оппозиции. Они не захотели считаться с необходимостью поддержания в стране авторитета государственной власти в переживаемое переходное время и продолжали развивать тактику, которая все более и более возбуждала настроение как общества, так и народных масс и устраняла возможность мирного разрешения политического кризиса. При наличности таких условий я не мог иначе, как отри-

цательно, разрешить вопрос о моем присоединении к К.-д. партии.

Придя к такому заключению, я в то же время не видел какой-либо иной сорганизовавшейся политической партии, войти в состав которой мне представлялось бы желательным и возможным. Вскоре после Манифеста 17 октября стали быстро возникать и образовываться многочисленные политические партии, стоявшие правее к.-д. Некоторые из них относились, несомненно, отрицательно к основам предстоявшего преобразования нашего государственного строя; другие, сочувствуя правовым началам, возвещенным Манифестом, опасались проведения широких демократических реформ и стремились к охранению своих классовых интересов, и затем в числе возникавших организаций было немало таких, которые имели преимущественно местный характер и не могли иметь значения для группировки избирателей во всей стране. Образование многочисленных партий мне представлялось всегда нежелательным и вредным явлением в политической жизни. Существование большого числа политических групп содействует усилению партийной розни, является серьезным препятствием для объединения избирателей и неизбежно оказывает вредное влияние на исход выборов. Группировка избирателей должна создаваться не на почве разномыслия по отдельным, нередко частным вопросам, по которым соглашение всегда может быть достигнуто между лицами, руководящимися общими основными положениями, а на основе положительного и отрицательного отношения избирателей к главному или к главным вопросам, выдвигаемым моментом развития политической жизни. После 17 октября эти главные вопросы заключались в осуществлении в нашем государственном строе принципов конституционной монархии и в проведении их мирным путем, избегая потрясений государственной жизни страны. В этих целях представлялось необходимым объединение всех политических групп и лиц, как принципиально сочувствующих началам, провозглашенным в Манифесте 17 октября, так равно подчиняющихся признанию их практической в данное время неизбежности, чтобы создать такой состав Государственной думы, который мог бы обеспечить утверждение в стране нового порядка при поддержании авторитета государственной власти и на основе взаимодействия правительственных и общественных сил.

На эти темы между А.И. Гучковым и мной происходили продолжительные беседы во время наших многочисленных поездок в конце октября и в начале ноября из Москвы в С.-Петербург и обратно. А.И. Гучков, сочувствовавший принципиально, по убеждениям своим, конституционному режиму и принадлежавший еще в то время к составу членов съездов земских и городских деятелей, отрицательно относился к агрессивному настроению земских конституционалистов, а равно к положению и тактике, усвоенным Конституционно-демократической партией, и со своей стороны признавал также необходимым стремиться к сплочению всех общественных элементов, которые могли бы составить при предстоявших выборах в Государственную думу противовес конституционалистам-демократам с примыкающими к ним слева союзниками. При этом А[лексей] И[ванович] отмечал, что в среде съездов земских и городских деятелей недовольство направлением деятельности его большинства разделяется многими лицами и что в бли-

жайшем времени предстоит неизбежное выделение из состава съезда более или менее значительной группы. Это предположение осуществилось в скором времени. 6–13 ноября в Москве происходило совещание земских и городских деятелей. По вопросу об отношении к положению, созданному Манифестом 17 октября, съезд, признав Манифест «драгоценным завоеванием русского народа», принял резолюцию, в которой предъявлялись требования о немедленном издании «акта о возможно скором созыве народных представителей на основе всеобщей, прямой, равной и закрытой подачи голосов и о формальной передаче первому собранию народных представителей учредительных функций для выработки, с утверждения государя, конституции Российской империи и закона об автономном устройстве Царства Польского». К этой резолюции шестнадцатью участниками съезда с М.А. Стаховичем, графом П.А. Гейденом и А.И. Гучковым во главе было представлено особое мнение, в котором выражалось отрицательное отношение к вопросу об Учредительном собрании, отвергалось предрешение вопроса об автономии Польши и указывалось, что съезд в тревожное время должен был бы способствовать успокоению общества и оказать поддержку правительству, а не диктовать ему условия своей требовательной программы. Представив свое особое мнение, подписавшие его дальнейшего участия в занятиях съезда не принимали.

Вскоре вслед за этим в Москве состоялось совещание нескольких лиц, устранившихся в разное время от участья в съездах земских и городских деятелей, и на этом совещании было принято решение создать новую политическую организацию общественных элементов, наименовав ее «Союзом 17 октября». Союз 17 октября ставил себе главной задачей содействовать скорейшему и, возможно, полному осуществлению в нашем государственном строе на основе Манифеста 17 октября начал конституционной монархии и скорейшему созыву Государственной думы и призывал к объединению всех тех, кто искренно желает мирного обновления страны и торжества в ней порядка и законности, кто отвергает одинаково и застой, и революционные потрясения и кто признает необходимость создания сильной и авторитетной власти, которая, совместно с народным представительством, могла бы внести в страну умиротворение путем созидательной законодательной деятельности. С этой целью приглашались войти в состав Союза и присоединиться к нему как отдельные лица, так и целые партии, программы коих в основных чертах совпадают с программой Союза. Вступление в Союз 17 октября, говорилось в его воззвании, не может нарушить или противоречить автономной самостоятельности отдельных партий, к нему присоединяющихся, и различия в убеждениях по отдельным вопросам политическим, социальным и экономическим не могут служить препятствием для организованного взаимодействия партий и лиц, преследующих в данное время одну, общую всем, главную цель. Не могут войти в состав Союза только те, которые, с одной стороны, не примиряясь с началом конституционной монархии, желают сохранения прежнего строя, а с другой – те, которые провозглашают требование демократической республики и желают, чтобы предстоящее собрание народных представителей служило целям революционным, ареной для политической борьбы с властью. Воззвание Союза было выпущено за подписью следующих его учредителей: граф П.А. Гейден,

Д.Н. Шипов, А.И. Гучков, М.В. Красовский, М.А. Стахович, князь Н.С. Волконский, С.И. Четвериков, Г.А. Крестовников, Н.А. Хомяков, М.В. Родзянко, С.Н. Маслов и Н.И. Гучков.

Одновременно с воззванием были опубликованы основные положения программы, которыми Союз имел в виду руководиться и которые в кратком изложении приводятся ниже: 1. Сохранение единства и нераздельности Российского государства при признании за отдельными национальностями самого широкого права на удовлетворение и защиту своих культурных нужд. Это положение имело целью отвергнуть идею федерализма в применении к русскому государственному строю, вполне допуская объединение отдельных местностей в областные союзы для разрешения задач местного самоуправления. 2. Развитие и укрепление начал конституционной монархии с народным представительством, основанным на общем избирательном праве, и установление тесного единения монарха с народом. 3. Обеспечение гражданских прав, а также неприкосновенность личности, жилища, переписки и собственности граждан. 4. Неотложность созыва Государственной думы для проведения политических реформ, направленных к усовершенствованию народного представительства, и для разработки и разрешения вопросов первостепенной государственной важности, как-то: а) крестьянский вопрос – приобщение крестьян к полноте гражданских прав наравне с остальными гражданами, урегулирование и расширение крестьянского землевладения путем признания государственных и удельных земель фондом для удовлетворения земельной нужды и допустимости в случаях государственной важности принудительного отчуждения части частновладельческих земель на справедливых условиях вознаграждения; б) рабочий вопрос – меры к обеспечению рабочих и их семей на случай болезни, инвалидности и смерти (страхование), меры к ограничению рабочего времени, признание свободы союзов и стачек при условии законодательного регулирования экономической борьбы и выделения производств, от коих зависит жизнь и здоровье населения и важные общественные и государственные интересы; в) развитие и укрепление начал местного самоуправления с привлечением его к участию в нем возможно широкого круга лиц; г) заботы о народном образовании; д) реформы судебные и административные; е) меры экономические и финансовые в целях осуществления более рациональной и справедливой налоговой системы, в частности, путем развития прямых налогов на основе прогрессивного подоходного обложения при постепенном понижении косвенного обложения предметов первой необходимости.

Призыв Союза к объединению в стране всех, стремившихся к мирному преобразованию нашего государственного строя на началах, провозглашенных в Манифесте 17 октября, был встречен сочувственно и вскоре в большинстве губерний и больших городов были образованы местные отделы Союза во главе которого находился в Москве Центральный комитет, состоявший из учредителей Союза, избравших меня своим председателем. Затем, как только в С.-Петербурге образовался местный комитет, то он был признан отделением центрального комитета, и для обсуждения и разрешения более важных вопросов оба отделения собирались в Москве в общем собрании. Председателем Петербургского комитета

был избран барон П.Л. Корф.

Вскоре по окончании своей организации Союз встретился при выполнении поставленных им себе задач с серьезными затруднениями и препятствиями, вытекавшими из образа действий правительственной власти. Предположение о привлечении общественных деятелей в состав вновь образуемого после Манифеста 17 октября кабинета, как известно, не получило своего положительного разрешения.., и переход от старого приказного строя к новому конституционному осложнялся тем, что разрешение этой задачи должно было быть произведено правительством, воспитанным в традициях отжившего режима. Председатель Совета министров, не встретив содействия со стороны представителей общества и постоянно опасаясь навлечь на себя неудовольствие влиятельных в придворных кругах лиц за проявленную им во всеподданнейшем докладе готовность пойти навстречу общественным требованиям, не сумел удержаться на избранном им курсе и приступить безотлагательно к установлению новых приемов в государственном управлении, руководясь новыми условиями, возвещенными Манифестом 17 октября. Нельзя не принять во внимание, что на образ действий графа С.Ю. Витте не могло не оказать влияние все более и более обострявшееся настроение многих общественных кругов и проявившееся остро во многих местностях революционное движение, превратившееся в Москве в вооруженное восстание. Эти обстоятельства не могли не заставить правительство принять строгие меры для подавления активных революционных выступлений, для восстановления необходимого порядка, но министерство внутренних дел, управление которым было возложено на П.Н. Дурново, вопреки настойчивым заявлениям, сделанным председателю Совета министров общественными деятелями, не оказалось способным удержаться при этом в границах, соответствующих новым условиям, и оказалось не в состоянии отступить от старых приемов. Борясь с революционными выступлениями, правительство по-прежнему было склонно отождествлять с ними все общественное движение и наряду с мерами, направленными к подавлению вооруженных восстаний, последовательно нарушало дарованные 17 октября населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Собрания воспрещались; печать подвергалась самому строгому преследованию; высылка лиц административными распоряжениями производилась энергичнее прежнего и во всей стране господствовал режим чрезвычайной или усиленной охраны. Правительство продолжало неизменно следовать по пути насилий и произвола.

Союз 17 октября смысл и значение своего существования видел в осуществлении Манифеста 17 октября и ставил себе главной задачей содействовать в этом деле правительственной власти. Но политика правительства являлась как бы глумлением над этим актом, от которого вся страна ожидала обновления своей государственной жизни, и исключала возможность создания взаимодействия государственной власти с обществом. Вместе с тем в «Новом времени» появились сообщения о высказываемых графом С.Ю. Витте мнениях, что будто Манифестом 17 октября не внесено никаких изменений в государственный строй и что власть

государя остается по-прежнему неограниченной. Эти условия побудили центральный комитет Союза обсудить создавшееся положение и определить свое отношение к политике правительства. 8 и 9 января 1906 г. в Москве состоялось, в этих целях, соединенное собрание обоих отделений Центрального комитета. Представители санкт-петербургского отделения комитета сообщили, что после происходившего в С.-Петербурге в декабре общего собрания местных членов Союза графу Витте особой депутацией была представлена принятая собранием резолюция, указывавшая, что медленное осуществление реформ, возвещенных Манифестом, и нарушение свободы собраний и других гражданских прав населения вызывают раздражение общества и его недоверие к правительству. Граф Витте выражал опасения по поводу неограниченной свободы собраний, говорил, что правительство в доверии общества не нуждается, что он сам знает, что нужно для спасения России, что опасения, будто Государственная дума не будет созвана, напрасны, и в заключение сказал: «Воля государя в осуществлении Манифеста 17 октября непреклонна». Вскоре, однако, после этих заявлений появилось в «Новом времени» сообщение об интервью с председателем Совета министров, во время которого граф Витте высказал, что и после Манифеста 17 октября государь остается неограниченным самодержцем и самый Манифест во всякое время может быть взят обратно. Все члены Центрального комитета относились с полным недоверием к политике графа Витте, но полагали, однако, что Союзу не следует содействовать падению кабинета в настоящее время, так как рассчитывать на замену его кабинетом прогрессивным нельзя, ввиду отсутствия подходящих людей в бюрократической среде и выяснившейся невозможности составить кабинет из общественных деятелей до созыва Государственной думы. В то же время комитет признал необходимым: 1) поместить в периодической прессе сообщение о своем отношении к политике правительства и к толкованию графом Витте положения, созданного Манифестом 17 октября, и 2) созвать в Москве съезд членов Союза и присоединившихся к нему партий для обсуждения политики правительства, насколько таковая выяснится ко времени съезда, и установления определенного к ней отношения Союза. Тотчас по окончании занятий Центрального комитета в газетах было помещено следующее сообщение:

«8 января 1906 г. происходило соединенное заседание московского и санкт-петербургского отделений центрального комитета Союза 17 октября. Ближайшим поводом совместного заседания послужили появившиеся в «Новом времени» сообщения о высказанном графом С.Ю. Витте в разговоре с некоторыми достоверными лицами мнении, что будто бы Манифестом 17 октября не внесено никакого изменения в основу нашего государственного строя и что государь император по-прежнему остается царем с неограниченною властью. Такие сообщения вызывали для Союза 17 октября необходимость обсудить и выяснить создавшееся для него положение, так как в своем воззвании Союз выражал готовность поддерживать правительство, исходя из уверенности, что министерство намерено искренне и откровенно осуществить провозглашенные 17 октября начала. Хотя ко времени заседания было уже опубликовано официозное разъяснение по поводу появившихся в «Новом времени» сообщений, тем не менее, Центральный

комитет признал необходимым определенно установить свое отношение к возбужденному вопросу. Центральный комитет разделяет убеждение, что государь император по собственному соизволению ограничил свою власть в области законодательства, установив «как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной думы», и предоставив выборным от народа возможность действительного участии в надзоре за закономерностью действий поставленных от государя властей, и потому комитет держится мнения, что Манифестом 17 октября в наш государственный строй вводится новое начало – начало конституционной монархии. Развитие и укрепление этого начала составляет одно из основных положений Союза 17 октября, и Союз ставит главной своей задачей стремиться неизменно к его осуществлению. Поэтому Союз может содействовать министерству постольку, поскольку оно будет последовательно и в должной полноте осуществлять права и свободы, дарованные означенным Манифестом 17 октября. На основании выраженной в этом Манифесте державной воли, государь со времени созыва Государственной думы не может уже почитаться монархом неограниченным, но это не противоречит сохранению за ним титула «самодержавный». В сознании русского народа слово «самодержавие» не отождествляется с понятием о деспотизме и самовластии. Согласно нашему основному закону, император именуется монархом самодержавным и неограниченным. Помещение этих двух слов рядом свидетельствует, что они – по мысли нашего законодательства – не синонимы. Первым самодержавным государем был Иоанн III, свергнувший татарское иго. Самодержавным царем именовался Михаил Феодорович, который, однако, был государем с ограниченной в значительной мере властью и управлял страной при участии выборных от народа людей. Титул «самодержавный» является нашим историческим достоянием и в представлении народа связан с понятием о монархе, а не о неограниченной власти. Исключение этого титула при богослужении могло бы внести смуту и раскол. По вопросу о том, должна ли быть государем императором по открытии Думы принесена присяга в сохранении дарованных им прав и свободы, комитет пришел к единогласному заключению, что Манифест 17 октября, выражая собою добрую волю государя императора, исключает вопрос о принесении им присяги и вопрос этот может относиться лишь к наследнику престола».

Первый всероссийский съезд делегатов Союза 17 октября состоялся 8–12 февраля 1906 года в Москве, в помещении Охотничьего клуба в доме графа Шереметева на Воздвиженке. Съезд был очень многолюдным и происходил при значительно возбужденном настроении собравшихся, обусловленном выяснившимся к этому времени с достаточной определенностью реакционным направлением деятельности правительства. Все собравшиеся хорошо сознавали лежавшую на них великую ответственность перед страной возвысить свой голос за попранную свободу и за неисполненные правительством обещания, возвещенные с высоты Престола.

Открыв съезд, как председатель Центрального комитета я обратился к собранию с речью, в которой, изложив условия и причины, вызвавшие организацию Союза 17 октября, и задачи, им преследуемые, я указал на необходимость об-

щими силами обсудить и разрешить вопрос о тактике, которой следует держаться Союзу при предстоящих выборах в Государственную думу, и затем сказал: «Одним из самых важных вопросов, подлежащих разрешению съезда, является вопрос об отношении Союза к современной деятельности правительства. Мы призываем все мирные прогрессивные партии сплотиться воедино для мирного проведения в жизнь реформ, возвещенных Манифестом 17 октября. Для наиболее успешного достижения этой цели необходимо было бы взаимодействие общества и правительства, но такое взаимодействие возможно лишь тогда, когда общество будет вполне уверено, что правительство искренне, честно и последовательно будет проводить в жизнь все начала Манифеста 17 октября. К сожалению, мы не видим с его стороны искренности, честности и последовательности в том великом деле, которое поручено ему, вменено в прямую обязанность и прямой долг державной волей. В особенности не видим этого за последнее время. До сих пор, например, нам все еще неизвестно, когда же, наконец, будет созвана Государственная дума, которая должна была быть созвана не позднее января? Правительство говорит нам, что задержка в созыве Думы произошла потому, что оно желало обсудить вопрос при содействии общественных представителей, которые, однако, не откликнулись на призыв правительства. Но, призывая к содействию общественных деятелей, правительство в то же самое время не считало нужным считаться с ярко выраженным общественным мнением, и, конечно, не мудрено, что общественные деятели при таких условиях отказались от содействия правительству, в искренность которого не верили, да и не могли верить. Ведь при искреннем желании осуществить державную волю правительство легко могло получить содействие общественных деятелей и избежать всяких отсрочек в созыве Государственной думы. Но такого желания со стороны правительства не было. Манифест 17 октября провозгласил гражданские свободы, а правительство не позаботилось до сей поры издать временные правила, которые регулировали бы эти свободы, и так как не было правил, нормирующих свободы, то меры, принимаемые властью, получили характер широкого произвола. Этот произвол вызвал взрыв революционного движения, а последнее, в свою очередь, вызвало жестокое подавление его крупными репрессивными мерами, повлекшими за собой сотни и тысячи жертв. Но когда, наконец, революционное движение было подавлено, то правительство по-прежнему продолжало идти и до сих пор идет по пути крутых репрессий и продолжает насилия и произвол над обществом. Грубо нарушаются все права и свободы, возвещенные Высочайшим Манифестом 17 октября. Но если можно мириться с подавлением грубой силою вооруженного восстания, то нельзя, не должно ни в каком случае мириться с тем, что правительство производит насилия над мирным населением и разрушает все права и свободы. Съезду необходимо разрешить вопрос об отношении к такой деятельности правительства. Только тогда объединенные Союзом партии смогут общими силами выполнить лежащие на них задачи и долг перед родиной».

А.И. Гучков в своей речи остановился подробно на обстоятельствах, при которых создался Союз 17 октября, и на причинах, вызвавших необходимость происходившего съезда, нарисовал картину нараставшего постепенно в стране

в течение последних лет освободительного движения до появления Манифеста 17 октября и по поводу его говорил: «Казалось, что он дал все. Явилась мысль объединиться вокруг этого Манифеста. Мысль о необходимости такого объединения вспыхивала и там и тут. Повсюду создавались очаги. И вот образовался наш Союз. В настоящее время мы все – свидетели того, что сталось с этим Манифестом. Члены нашего Союза все время участвовали в общем освободительном движении, пока, наконец, нам не пришлось расстаться с некоторыми группами и партиями. Еще на московском съезде в июле прошлого года наметилась дифференциация партий. Сентябрьский съезд городских и земских деятелей вполне точно определил эту дифференциацию. В числе отшатнувшихся были и мы. Нам казалось, что мы не можем относиться отрицательно к тому, что создано старой Россией. Нам казалось, что величие России, что славное имя ее, которое было так замарано там, в Манчжурии, должны быть восстановлены и обновленными перенесены в новую Россию. Нам казалось, что монархическое начало, которое сыграло в России такую громадную роль, тоже должно быть перенесено обновленным в новую Россию. Доктринерство крайних партий, их оторванность от всей исторической жизни России оттолкнули нас от них. Отстаивая те начала, которых не признавали крайние партии, и добиваясь народного представительства, всеобщего избирательного права, осуществления всех реформ, возвещенных Манифестом 17 октября, мы были уверены, что стоим ближе к народу и вернее понимаем его запросы и стремления. Нам казалось, что все, что мы отстаиваем, дает нам право считаться народной партией и что в этом заключается тот успех, которого мы достигли, тот залог победы, которую мы должны одержать. На почве этих верований и задач произошло наше объединение. Если здесь, на этом съезде, мы встретим разноголосицу, то пусть она не смущает нас. Основные начала нашего Союза – сильный цемент, который в состоянии сплотить нас в могучую политическую партию. В данный момент нам необходимо сказать свое авторитетное слово, и мы его скажем, и оно будет выслушано и произведет должное впечатление. Манифест 17 октября подвергся той же участи, которой и прежде подвергались все обещания с высоты престола. Мне невольно вспоминается русская пословица: «милует царь, да не жалует псарь». Нас и теперь не пожаловали. Наше отечество переживает такое недомогание, что врачевание его нельзя откладывать. Оно находится в ненадлежащих руках, и не настоящему кабинету вывести его на путь спасения».

Наибольшего напряжения достигло настроение собрания в заседаниях 9 и 10 февраля при обсуждении жгучего вопроса об отношении Союза к внутренней политике правительства. Докладчиком по этому вопросу выступил М.А. Стахович, который вместо прочтения доклада центрального комитета произнес горячую, прочувствованную речь, начав ее так:

«В точном исполнении правительством Манифеста 17 октября заключаются все основы наших задач, деятельности и пропаганды. От этого зависит, кроме того, и спасение нашей родины, прекращение в ней смут и неурядиц. Нужно ли говорить, что никто из нас не считает себя врагом правительства, что мы совсем не желаем низвергнуть или казнить его? Но правительство за весь пережитый нами период после Манифеста 17 октября глубоко не право перед страной, и мы

должны, мы обязаны открыто и прямо высказать это. Предвозвещая преобразование всего русского государственного строя на началах гражданской и политической свободы, Манифест 17 октября вменял в обязанность правительству: «не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, по мере возможности, соответствующей краткости до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав». Вот главная задача, которая была поручена законодателем правительству, и правительство не исполнило этой задачи. Оно всячески уклонялось от выполнения непреклонной Высочайшей воли и всеми силами старалось и все еще до сих пор старается оттянуть осуществление неприятного для него контроля со стороны народных представителей над целесообразностью и закономерностью своих действий». Выяснив далее порядок составления и недостатки закона 11 декабря 1905 года, М.А. Стахович продолжал: «Перехожу к другой заповеди Манифеста 17 октября, также не исполненной правительством. В первом пункте Манифеста сказано: «на обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непременной Нашей воли даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов». Нам всем уже давно надоело слышать от правительства, что все эти свободы будто бы не могли быть осуществлены и не могут быть осуществлены до тех пор, пока не прекратится революционное движение, широкой волной охватившее всю Россию. А под этим революционным движением правительство понимало все беспорядки и волнения. Но Высочайший Манифест не дает правительству никакого права на это. В Манифесте точно указано, что объединенное правительство (Совет министров) обязано неуклонно выполнить державную волю, независимо от успеха или неуспеха в деле устранения прямых проявлений беспорядка. И ни под какими отговорками правительство не имело права отменять Высочайшего Манифеста. Союз 17 октября открыто и резко отграничил себя с обоих флангов. Мы одинаково не сочувствуем и революции, и реакции: нам одинаково кажутся незаконными как насильственные революционные действия, так и ломка со стороны правительства основных начал Манифеста 17 октября. Мы одинаково выказали себя противниками как тех, которые путем насилий, с оружием в руках хотели заменить Манифест 17 октября и конституционную монархию иным социальным строем государства, так и тех, которые всеми силами стараются удержать выгодный для них старый, отживший строй. Манифест должен быть точно и непреклонно осуществлен, как он был дарован государем и принят от него народом. И для осуществления его не требовалось от правительства никаких исключительных мер. Нужны были только искреннее желание и сознание долга выполнить непреклонную волю Монарха. Мы понимаем, что исключительные события требуют и исключительных мер; мы понимаем, что вооруженное восстание нельзя подавить увещаниями и лекциями, что его можно подавить только вооруженной силой. Мы даже убеждены, что так всегда и нужно энергично подавлять вооруженное восстание. Но, водворив порядок, правительство обязано тотчас же, немедля, прекратить всякое насилие, к которому вынуждено было прибегнуть, нарушив тем самым священные основы гражданской

и политической жизни страны. После подавления вооруженного восстания насилия со стороны правительства не находят себе никаких оправданий. А между тем мы видим: необузданный произвол и насилия со стороны правительства продолжаются повсеместно, даже там, где не было никакого вооруженного восстания. Мы видим, что к революционерам причисляются миллионы русских граждан, что правительство хочет осилить всю Россию, недовольную его беззаконной деятельностью и протестующую против произвола и насилий с его стороны. И, видя все это, мы должны сказать правительству: «После Манифеста 17 октября вы не смеете делать этого. Вы не смеете посягать на наши свободы и стараться снова водворить тот порядок, который был главной причиной всех наших зол и несчастий». До чего доходит наглость приемов, практикуемых правительством, может служить характерным доказательством циркулярное распоряжение министра внутренних дел Дурново, изданное им еще 20 ноября, когда он был только управляющим министерством, но лишь недавно сделавшееся достоянием общей прессы. Это циркулярное распоряжение применялось уже десятки тысяч раз. Во исполнение его местные власти силой оружия разгоняли всякие собрания, подавляли всякий протест, арестовывали, ссылали без суда, следствия, даже дознания, и даже тогда, когда суды, не находя никакого состава преступления, оправдывали заподозренных администрацией в «крамоле» лиц. Последних, и после оправдания их судом, гноили в тюрьмах, не предъявляя к ним никакого обвинения. Десятки тысяч людей сделались жертвами этого циркуляра лишь за то, что, в силу требований своей совести, своего разума, исполняли волю государя, выраженную в Манифесте 17 октября. Бездушная механика в руках правительства нарушала все дарованные нам государем права и свободы. Какая неопытность, какое недомыслие со стороны правительства, воочию убедившегося в том, какой взрыв благодарности и восторга в населении страны вызвали первые же изъявления Высочайшей воли. Если в пользовании дарованными свободами люди иногда доходили до крайности, то ведь потому лишь, что чересчур изголодались в ожидании этих свобод. Почувствовав готовность общества содействовать в подавлении анархии, правительство позабыло о всяких законах и стало без всякого суда и всякой проверки виновности лишать свободы и прав всех неугодных ему людей. И, конечно, произошло то, что возмущенное общество окончательно отшатнулось от правительства. Для общества стало ясно, что правительство само расшатывает и как бы хочет опрокинуть весь государственный строй. Оно само готовит себе гибель. Но за этой гибелью может последовать гибель династии и гибель всей России».

Речь М.А. Стаховича вызвала большой энтузиазм в собрании и долго не смолкавшие рукоплескания. В последовавших после нее горячих и продолжительных прениях участвовало большое число ораторов, и в заключение съездом была принята следующая резолюция: «Съезд делегатов Союза 17 октября, обсудив в заседании 9 февраля доклад по вопросу об отношении Союза к текущей деятельности правительственных учреждений, ответственных за исполнение Манифеста 17 октября, нашел, что Совет министров, на который Высочайшею волею возложено объединение и направление всей правительственной деятельности,

проявляет крайнюю медленность в осуществлении благой и мудрой воли Его Величества. Он не проводит в жизнь начал, положенных в основу Манифеста 17 октября; он неизменно старается дать этим началам наиболее узкое и не соответствующее их сущности применение. Исключительные случаи требуют, конечно, исключительных мер; на революционные насилия, на вооруженные восстания правительство обязано отвечать энергичным подавлением; оно может даже ввести на срок военное положение. Но нельзя не осудить те случаи, когда правительственными лицами, с ведома Совета министров, допускались произвольные действия, напрасная жестокость в применении чрезвычайных карательных мер. Такое направление деятельности Совета министров увеличивает в стране недовольство и тем грозит России и ее государю возможностью новых опасностей. Скорейший созыв Думы является единственным надежным средством вернуть государственной власти ее пошатнувшийся авторитет и самым верным путем к успокоению страны. Поэтому общее собрание делегатов Союза 17 октября признает, что неотложная государственная необходимость требует: 1) ускорить всеми мерами выборы в Государственную думу; 2) определить точный и близкий срок ее созыва, не позднее 25 апреля сего года; 3) издать безотлагательно временные правила, обеспечивающие установленные Манифестом 17 октября свободы и ограждающие от злоупотребления в пользовании ими, отменив одновременно положение об усиленной и чрезвычайной охранах как меру неправосудную, возбуждающую в стране общее недовольство и не достигающую цели; 4) введение военного положения может быть вызвано только вооруженным восстанием или приготовлением к нему и должно быть отменено, как только минует крайняя в нем необходимость. Не следует злоупотреблять этим жестоким правом, а еще менее злоупотреблять его применением там, где оно по необходимости было введено. Во всяком случае применение смертной казни без судебного приговора в каких бы то ни было случаях должно быть немедленно прекращено».

Вынося резкое осуждение образу действий правительства, съезд не отождествлял правительство с главой государства и считал необходимым подчеркнуть, что он борется не с представителем верховной власти в государстве, а лишь с теми органами правительственной власти, которые нарушают его волю своими беззаконными действиями. Эта мысль на съезде была блестяще выражена Ф.Н. Плевако в его речи, в которой он предложил закончить наши думы и беседы о благе страны, обратившись к Его Величеству со следующими словами: «Государь! В Манифесте Вашем сказано: «Скорбь народа – скорбь царского сердца». Наша скорбь велика: мы видим, что Манифест, отделяющий ветхозаветную Русь от новозаветной, Русь бездушного произвола от Руси благодатного будущего, не приводится в исполнение. Повели, государь, приступить к немедленной работе – исполнить твою волю. Тогда великие слова твои, государь, о том, что скорбь народа есть твоя скорбь, восполнятся еще другой истиной: народная свобода – свобода его царя». Эта речь была встречена собранием с восторгом и, казалось, что все, как один человек, готовы встать и пойти сказать государю то, что так вдохновенно было высказано маститым оратором.

В следующих заседаниях съездом были рассмотрены заключения секций по

разным отдельным вопросам и приняты соответствовавшие мнению большинства резолюции. Когда обсуждение всех очередных вопросов было закончено, я перед закрытием съезда обратился к нему со следующей заключительной речью: «Съезд закончил свои занятия, и я прошу позволения резюмировать итоги наших занятий. На съезд прибыло 389 делегатов; в течение пяти дней было 8 заседаний. Кроме внесенных Центральным комитетом вопросов, рассмотрены еще: окраинный, рабочий и аграрный вопросы; и с внешней и с внутренней стороны съезд достиг полного успеха. Одной из главных задач съезда было, конечно, выяснение положения нашего Союза 17 октября среди других политических партий. И мы выяснили это положение; оно оказалось чрезвычайно устойчивым и крепким. Положение наше зиждется на почве Манифеста 17 октября, который служит выражением державной воли нашего монарха. Мы не умаляем и не расширяем этот Манифест, как это делают другие политические партии. Мы принимаем его во всей его полноте и ставим своей задачей стремиться всеми своими силами к мирному развитию и процветанию страны на благо и счастие всех населяющих ее народностей. Мы готовы поддерживать правительство постольку, поскольку оно искренне и неуклонно будет осуществлять начала Манифеста 17 октября. Но мы не поступимся ничем из дарованных нам прав и свобод и не можем молчать, не можем не возмущаться, видя насилия и произвол со стороны администрации, видя, как правительство беззастенчиво нарушает державную волю государя. Съезд своей резолюцией осудил беззаконные действия правительства и дал ему почувствовать, что общественное мнение не дремлет и стоит на страже всех прав и свобод, дарованных Манифестом. Мы отмежевались от левых и правых партий. От правых потому, что они стараются во что бы то ни стало, рассудку вопреки, наперекор стихиям сохранить старый приказный строй, приведший нас к Ляояну, Цусиме и всем внутренним неурядицам и кровопролитиям. От левых партий мы отграничили себя потому, что весь русский народ привержен идее монархизма. Мы – искренние монархисты по убеждению; мы видим в конституционной монархии противодействие идее деспотизма олигархии или массы. Монарх – выше всех политических партий, он – вне их интересов и борьбы, и поэтому свобода и право каждого гражданина наиболее обеспечены при конституционной монархии. Мы наравне с левыми партиями одинаково понимаем, что будущее России заключается в широких демократических реформах. Но наше понимание этих реформ несколько иное. Мне думается, что все члены Союза 17 октября одинаково разделяют убеждение, что человек должен быть не только свободным существом, но и должен быть проникнут сознанием нравственного идеала. Исходной идеей Союза 17 октября является признание высших начал свободы, правды и любви. Русский народ проникнут той же идеей, и потому Союз 17 октября более всех других партий имеет право называть себя народной партией. Мы все здесь, несмотря на мимолетные разногласия и опасения раскола, объединились в единую и тесную семью. Позвольте мне выразить надежду, что все члены Союза 17 октября приложат все силы к пробуждению нравственного сознания: в народных массах и во всех местах России привлекут к избирательным урнам наиболее достойных людей, которые могли бы содействовать умиротворению и благу

нашей дорогой родины».

Первый всероссийский съезд делегатов Союза 17 октября можно было признать вполне удавшимся, как по многочисленности участников, так и по преобладавшему в их среде настроению. Съезд определенно выяснил отношение Союза к политике правительства, задачи, преследуемые Союзом, и положение, занимаемое им среди других политических партий. С этой точки зрения результаты съезда не могли не доставить его организаторам некоторого удовлетворения. Но, однако, рядом с этими положительными фактами чувствовалось присутствие некоторых отрицательных явлений, в которых заключались указания на некоторые неблагоприятные условия для дальнейшего развития и направления деятельности Союза. Состав съезда оказался очень разнообразным, и определенно сознавалось, что далеко не все его члены связаны общностью своих политических убеждений. Хотя большинство съезда было, несомненно, проникнуто искренним убеждением в необходимости преобразования нашего государственного строя и проведения в жизнь широких демократических реформ, но, с другой стороны, являлось очевидным, что в состав Союза вошли элементы, принадлежавшие к числу, так сказать, испуганных развивавшимися событиями обывателей, а по существу, если не враждебные, то мало сочувствовавшие освободительному движению. Невольно возникала мысль, что эти лица присоединились к Союзу, главным образом, в расчете на то, что эта политическая группа скорее может обеспечить их имущественные и классовые, обывательские интересы. Наиболее определенно двойственность состава Союза проявилась на съезде при обсуждении и баллотировке резолюции по вопросу об отношении Союза к политике правительства. Во время прений, происходивших после речи М.А. Стаховича, и оглашения им проекта резолюции, предложенного Центральным комитетом, некоторые члены съезда горячо возражали против отмены военного положения и положения об усиленной и чрезвычайной охранах, и при первой баллотировке резолюции en bloc[1] за нее было подано 142 голоса, а против – 140. При повторном, поименном голосовании резолюция была принята большинством 157 голосов против 141. Ввиду такого разделения голосов, Центральный комитет предложил собранию рассмотреть и баллотировать резолюцию по пунктам, чтобы выяснить, какие именно ее пункты вызывают проявившееся разногласие. При последовавшем голосовании вступительная часть и первые два пункта резолюции были приняты почти единогласно, но третий и четвертый пункты вызвали вновь продолжительные возражения, и хотя при баллотировке число лиц, голосовавших против них, оказалось менее значительным, но было ясно, что многие воздержались от отрицательного вотума, имея в виду, что во всяком случае собрать на своей стороне большинство надежды не было.

По окраинному вопросу секция, состоявшая преимущественно из представителей русского населения Царства Польского, Северо-Западного, Юго-Западного и Прибалтийского края, представила проект резолюции, в которой говорилось о необходимости в интересах русской государственности и высшей справедливости ввести на окраинах принцип пропорционального избрания выборщиков и

[1] В целом *(фр.)*.

депутатов в Государственную думу по национальностям, предоставив право избрания, по крайней мере, одного русского члена Государственной думы каждой окраинной губернии и от Царства Польского, по крайней мере, двух депутатов. Против принятия этой резолюции по поручению Центрального комитета выступил А.И. Гучков, который выяснил, что Союз 17 октября, отрицая возможность автономии какой-либо из окраин, в то же время отрицательно относится и к политическому гнету национальностей, населяющих Россию. Все народности должны пользоваться полным равноправием, и ни одной из них не должно быть предоставлено никаких привилегий. Требования о представительстве русского населения окраин могут иметь свои основания в принципе представительства вообще меньшинства, но этот принцип не может быть осуществлен для одного русского населения. В заключение съезд принял следующую резолюцию, предложенную Центральным комитетом: «Признать, что при пересмотре избирательного закона должно быть принято во внимание справедливое представительство интересов меньшинства и отдельных групп населения». Принятие этой резолюции вызвало заметное неудовольствие со стороны представителей русского населения на окраинах.

При возбуждении вскоре после открытия съезда вопроса, будет ли предложен на обсуждение съезда аграрный вопрос, некоторые члены съезда признавали за лучшее обойти этот вопрос, а представитель Минской губернии (Шмидт) указывал на то, что Союз не представляет собой однородную партию, и говорил, что от разрешения аграрного вопроса зависит, останутся ли в Союзе многочисленные его отделения в Юго-Западном и Северо-Западном крае.

Проявившиеся на съезде разногласия свидетельствовали об отсутствии принципиальной солидарности между членами Союза и поселяли опасения, что дальнейший приток в него элементов, чуждых сознанию необходимости обновления нашей государственной жизни и социальных отношений на основе начал свободы, справедливости и равноправия, может пагубно отразиться в будущем на составе и характере недавно создавшейся политической организации.

20 февраля 1906 года был опубликован манифест об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы. Этим манифестом Государственному совету в области законодательства предоставлялись одинаковые права с Государственной думой, что вступало в несомненное противоречие с обещаниями Манифеста 17 октября 1905 года, которым устанавливалось «как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной думы». Между тем манифест 20 февраля 1906 года «без одобрения Государственной думы» устанавливал законодательную норму, которой существенно ограничивалось право, предоставленное Думе 17 октября 1905 года. Центральный комитет Союза 17 октября счел для себя обязательным обсудить в своем общем собрании значение вновь появившегося манифеста и выяснить к нему свое отношение. Свое мнение по данному вопросу Центральный комитет огласил путем помещения в газетах следующего сообщения:

«Собравшийся в Москве 6 марта Центральный комитет Союза 17 октября, подвергнув обсуждению обнародованные при Высочайшем манифесте от

20 февраля 1906 года положения о Государственном совете и Государственной думе, пришел к заключению, что эти законодательные акты существенно отклоняются от основных начал Манифеста 17 октября, вновь воздвигая в лице преобразованного Государственного совета то бюрократическое средостение, разрушения которого единодушно и законно домогается русский народ с той поры, как верховная власть, осведомленная о чувствах возраставшего недоверия и вражды его к чиновному властвованию, рескриптом от 18 февраля 1905 года решила призвать облеченных народным доверием избранников к совместным трудам по усовершенствованию государственного строя. Центральный комитет прежде всего усматривает, что преобразованному Государственному совету законоположения 20 февраля с[его] г[ода] предоставляют ничем не ограниченное право приостанавливать дальнейший ход всякого законопроекта, принятого Думою. Поэтому может случиться, что ясно выраженное народными представителями стремление к изменению предписаний закона, признаваемых стеснительными и даже вредными, встретит непреодолимое препятствие со стороны Государственного совета, не являющегося выражением действительного мнения страны. Кроме того, при таком столкновении даже глава государства окажется лишенным возможности осуществить меру, признаваемую им благодетельною и желаемую народом, но не встречающую сочувствия Государственного совета. Центральный комитет полагает, что преобразованному Государственному совету должно быть присвоено значение органа, по преимуществу имеющего своей задачею ограждение последовательного развития законодательства в государстве от возможных случайных и недостаточно разработанных решений Государственной думы, но ему отнюдь не должна быть присвоена власть ограничивать проявление воли монаршей и воли народной. Поэтому Центральный комитет признает желательным введение в положение о Государственном совете правила, в силу которого, при неодобрении Государственным советом решения, принятого Государственной думою, дело должно возвращаться на новое обсуждение в Думу и затем, в случае подтверждения ею своего постановления, это постановление должно быть представлено на усмотрение Верховной власти, и не одним председателем Государственного совета, а совместно с ним и председателем Государственной думы…

Кроме указанных коренных недостатков законоположений 20 февраля с[его] г[ода], по мнению Центрального комитета, имеются и многие другие, в числе которых наиболее существенным представляется отсутствие права петиций. По всем вышеизложенным соображениям, устанавливающим явную ненормальность взаимоотношений, с одной стороны, Государственного совета и Государственной думы, с другой – Государственной думы и поставляемых под надзор ее властей, Центральный комитет пришел к заключению, что акты 20 февраля с.г., бесспорно, противоречат установленным Манифестом 17 октября началам и явятся серьезною помехою для правильной и плодотворной работы народного представительства. Так как эти законоположения не введены в основные законы империи, то пересмотр их становится одною из главных задач, предстоящих Государственной думе первого созыва, что, однако, не должно задерживать текущей законодательной деятельности по жизненным для государства вопросам – земельному, рабоче-

му и другим, разрешение которых столь необходимо для умиротворения страны и для удовлетворения ее неотложных нужд».

Во время выборов членов первой Государственной думы Союз 17 октября потерпел крупную неудачу. Из состава его членов вошло в Государственную думу очень незначительное число лиц, а из состава его Центрального комитета были избраны членами Думы только трое: князь Н.С. Волконский, граф П.А. Гейден и М.А. Стахович. Такой исход выборов может быть объяснен следующими причинами. Политика правительства ко времени производства выборов продолжала оставаться неизменной и вступала в резкое противоречие с новыми условиями, вытекавшими из Манифеста 17 октября 1905 года. Образ действий правительственной власти возбуждал и обострял все более и более настроение в широких кругах общества и укреплял в населении убеждение, что рассчитывать на какое-либо соглашение с властью невозможно. Ввиду этого избиратели предпочитали отдавать свои голоса в пользу представителей партий, открыто заявлявших, что они стремятся войти в Государственную думу с исключительною целью борьбы за политическую свободу и для принудительного осуществления нового, обещанного стране строя. Так как Союз 17 октября стремился к мирному разрешению конфликта и не терял надежды на возможность создания доброжелательного взаимодействия государственной власти с населением, то выставленные им кандидаты в члены Государственной думы не встречали сочувствия со стороны избирателей. Известное влияние на результат выборов, несомненно, имело также с своей стороны недостаточное развитие, а нередко и полное отсутствие предвыборной агитации со стороны отделов Союза. Последнее в значительной мере находит себе объяснение в том, что агитационная деятельность вообще не привлекала к себе симпатии членов Союза, тогда как для конституционалистов-демократов и для примыкавших к ним более левых партий политическая агитация представлялась необходимым орудием политической борьбы. Не могло также не оказать отрицательного влияния на избирателей присутствие в составе Союза случайных, непрогрессивных элементов, которое придавало ему некоторый, неблагоприятный оттенок. В этом отношении немало повредило Союзу его сближение и соглашение с Торгово-промышленной партией. Эта партия образовалась ранее Союза и явилась, главным образом, представительством определенного класса, а не какой-либо самостоятельной политической программы. Хотя программа Торгово-промышленной партии не противоречила основным положениям, провозглашенным в воззвании Союза, и не выдвигала особых классовых интересов, тем не менее, блок Союза с этой партией во время выборов мог послужить поводом для заподозривания обеих групп в склонности руководиться классовыми интересами.

Мне пришлось принять участие в выборах по Московской губернии. В выборщики я был избран съездом землевладельцев Волоколамского уезда. Мое избрание в уезде встретило противодействия со стороны представителей левых партий, так как таковые в уезде почти отсутствовали, но против моей кандидатуры вели агитацию некоторые крупные землевладельцы, не сочувствовавшие Манифесту 17 октября. Они старались привлечь на свою сторону священников, что им отчасти

и удалось, но, тем не менее, я был избран довольно значительным большинством голосов. В губернском избирательном собрании выборщики составили три почти равносильные группы: 1) правые, представители так называемых монархических партий, 2) конституционалисты-демократы с присоединившимися к ним выборщиками от рабочих и 3) избранные из числа членов Союза 17 октября и Торгово-промышленной партии. Эти две последние организации, состоявшие в блоке, наметили по соглашению между собой кандидатами в члены Государственной думы от Союза 17 октября С.И. Четверикова и меня, а от Торгово-промышленной партии В.С. Баршева и барона А.А. Крюденер-Струве. При подаче, согласно ст. 51 Положения о выборах, записок с именами предлагаемых кандидатов выяснилось, что ни одна из трех групп выборщиков не может провести самостоятельно своих кандидатов. Во время происходившего после подачи записок перерыва руководители правой группы вступили в переговоры с В.С. Баршевым и бароном А.А. Крюденер-Струве, после чего последние сообщили С.И. Четверикову и мне, что правые предлагают вступить с ними в соглашение с тем, чтобы избрать от блока Союза 17 октября и Торгово-промышленной партии двух лиц, намеченных кандидатами Торгово-промышленной партии, а из числа правых А.Д. Самарина и графа П.С. Шереметева. Мы отнеслась отрицательно к такому предложению, а затем, переговорив с выборщиками, состоявшими членами нашего Союза, заявили, что наша группа отклоняет мысль о возможности такого соглашения, признавая ее принципиально недопустимой. При этом мы указывали на ст. 52 Положения о выборах, допускающую избрание членов Думы относительным большинством на третий день, если выборы абсолютным большинством в первые два дня не состоятся, и обращали внимание, что при этом условии наш блок имеет значительные шансы провести своих кандидатов. Однако, несмотря на наше категорическое заявление, В.С. Баршев, барон А.А. Крюденер-Струве и другие представители их партии сочли возможным вступить в соглашение с правыми. Когда в среде членов избирательного собрания стало известно о налаживающемся соглашении правых с Торгово-промышленной партией, тогда представители к.-д. обратились к представителям Союза 17 октября с предложением вступить в такое же соглашение между собой, причем при таком соглашении получалось абсолютное большинство голосов. С.И. Четвериков и я тотчас же отвергли это предложение, как совершенно для нас неприемлемое. Мы заявили: 1) что не можем подать своих голосов за кандидатов партии, с которой нас разделяют принципиальные разномыслия, 2) что мы не считаем возможным быть избранными голосами выборщиков от политических партий, к которым мы относимся безусловно отрицательно, и 3) что, независимо от образа действий представителей Торгово-промышленной партии, мы не можем отказать им в наших избирательных шарах ввиду состоявшегося вообще соглашения между этой партией и Союзом 17 октября. Когда собрание приступило к баллотировке заявленных кандидатов, то В.С. Баршев и барон А.А. Крюденер-Струве оказались избранными абсолютным большинством. Граф П.С. Шереметев не получил большинства избирательных шаров, после чего А.Д. Самарин от баллотировки отказался, а затем отказались и все остальные кандидаты. После большого перерыва и долгих переговоров

правые уговорили подвергнуться баллотировке князя Г.Г. Гагарина, клинского предводителя дворянства, изъявившего свое согласие, хотя он состоял членом Союза 17 октября, и Я.В. Ильина, члена Подольской уездной земской управы, крестьянина, являвшегося выборщиком от избирательного съезда города Подольска. Оба эти лица оказались избранными; князь Г.Г. Гагарин получил, вероятно, порядочное количество избирательных шаров от членов Союза 17 октября, а Я.В. Ильин, принадлежавший к правым партиям, можно предположить, получил избирательные шары как от представителей Торгово-промышленной партии, так и от выборщиков крестьянской курии. Этим выборы членов Государственной думы в губернском избирательном собрании были закончены.

10 апреля 1906 года было созвано чрезвычайное Московское губернское земское собрание для избрания члена Государственного совета. Чрезвычайное собрание происходило в составе губернских гласных, избранных на трехлетие в очередных сессиях уездных земских собраний 1903 года, во время расцвета освободительного движения, и поэтому в среде губернского собрания имели еще значительное преобладание прогрессивные элементы. При подаче записок с именами предлагаемых кандидатов большинство гласных выставило мою кандидатуру, а затем при баллотировке я был избран членом Государственного совета большинством 47 голосов против 21. Принося собранию благодарность за избрание, я отметил, что высоко ценю честь войти в состав Государственного совета от Московского губернского земства, с которым меня связывает крепкими духовными узами вся моя протекшая общественная деятельность, и заявил, что в Государственном совете я буду стремиться оказать посильное содействие осуществлению в должной полноте начал и свобод, возвещенных Манифестом 17 октября 1905 года, и мирному преобразованию нашей исстрадавшейся родины.

Извлечения публикуются по изданию:
Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом.
М., 1918. С. 328–333, 391–429.

ТРУДОВИКИ И БЕСПАРТИЙНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ КРЮКОВ

ВЫБОРЫ НА ДОНУ

Десять лет… Бывают не только дни короткие и длинные, бывают и годы разной продолжительности. Иные быстро, легко, незаметно уходят, как версты при хорошей езде «под уклон». Но бывают годы длинные-длинные, томительные, выматывающие силы, старящие. Трудные, как крутой подъем на гору по тропе, едва намеченной, пересыпанной обвалами. Так в отдельной человеческой жизни. Так и в жизни общественной.

Минувшее десятилетие – странствие памятное и трудное. Порой кажется: далеко, очень далеко отошел его начальный момент… Цепь промежуточных этапов, событий – малых и больших, и грандиозных – заполнила, как частая колоннада, пройденное расстояние, удлинила, раздвинула его. Странствие было шумное, спешное, трудное и… «неспорое», бедное удачей, достигнутыми результатами…

Но такова власть над сердцем и памятью пережитого ярко, тревожно и радостно: оглянешься на эти долгие, томительные годы – «вновь минувшее объемлет живо», чувствуешь, как мало еще отодвинулся от него, от тех дней, когда звучал многоголосый «зеленый шум» весны 1906 года, когда переживалось волнение заветных надежд и упований по-весеннему нарядных, по-весеннему нежных и обреченных довременному осыпанию. И взволнованная память с любовью задерживается на пережитом, невозвратно ушедшем….

Легче, чем другое – спокойно, безбольно – вспоминается мне маленький уголок огромного и многоцветного полотна – первые выборы в Государственную думу, первые шаги на стезе «нового строя»…

<…>

С лета 1905 года я за одно литературное прегрешение был переведен распоряжением попечителя Московского округа из орловской гимназии в учителя Нижегородского реального училища. Здесь в начале марта 1906 года я получил казенный пакет с печатью глазуновского станичного правления. Сообщалось, что глазуновский станичный сбор во исполнение Высочайше утвержденного Положения о выборах в Государственную думу выбрал меня выборщиком в окружное избирательное собрание по Усть-Медведицкому округу области Войска Донского.

Пошел я с этой бумагой к директору: нужен был отпуск, и для поездки из

Нижнего на Дон – немалый. Правда, занятия в учебных заведениях шли тогда с большими паузами – учащиеся бастовали по всякому удобному и неудобному случаю. А все-таки нам, учителям, приходилось стоять на своем посту неотлучно.

Директор долго читал и перечитывал уведомление станичного атамана. Сразу было видно, что в практике старого педагога подходящих прецедентов не было, и он затруднялся определить линию своего отношения к вопросу.

– Гм… да… конечно, исполнение гражданских обязанностей… – хмуро бормотал он, – я препятствовать не вправе… С другой стороны – отдаленность территории, так сказать, неопределенность срока… Как Вы думаете, Александр Васильич?

Делопроизводитель, в вопросах о законности и незаконности ориентировавшийся быстрее, чем все педагоги, вместе взятые, поправил галстук, кашлянул, помолчал. Потом сказал коротко и внушительно:

– Причина законная.

– В таком случае, – напишите.., – вздохнул директор, – что делать! Раз заварили кашу, будем расхлебывать…

Я получил отпуск на месяц.

Не без труда добрался до родного своего угла – Глазуновской станицы: по весенним грязям, через игравшие степные балки и ерики пятьдесят верст от станции железной дороги ехал два дня. Однако до выборов в окружном избирательном собрании времени еще было довольно – кажется, дня четыре оставалось. За эти дни у меня в гостях перебывали все цензовые выборщики, станичные обыватели, платившие земские сборы: лавочники, владельцы ветряных мельниц, кирпичных заводов, называемых у нас просто сараями, кожевник, овчинник. Приходили за советом: нельзя ли как уклониться от исполнения высокого гражданского долга? Очень уж труден путь до окружной станицы: через две реки переправляться надо, а переправы у нас – не дай Господи! К тому же и время рабочее, каждый час дорог.

– Ну, как она будет, эта Государственная дума? – отдаленно, дипломатическим путем начинал каждый посетитель.

Поначалу я принимал этот вопрос за искренний интерес к новому государственному строю и очень усердно просвещал иного собеседника касательно сущности конституции. Он слушал с непроницаемым видом, вздыхал, говорил иногда:

– Дай, Господи… Пошли, Господи… Дело неплохое, как видать…

Потом осторожно закидывал вопрос:

– Ну, а ехать-то как? надо, стало быть?

Я, разумеется, менее всего был склонен поощрять абсентеизм и отвечал твердо:

– Надо!

– А ежели не поехать?

– Нехорошо. Гражданский долг…

– Так-таки на шесть месяцев и присундучат?

– Почему? то есть… за что?

– А вот… тут сказано.

В повестке, которую совал мне в руку обладатель новых гражданских прав, точно был указан на оборотной стороне размер кары за незаконное присвоение избирательных прав…

Овчинник Василий Митрич, почтенный, богомольный, правильный старик с библейской бородой, смирный, очень боявшийся всяких начальств и учреждений, вздыхая, говорил:

– Я в ногах у атамана елозил, просил: ослобоните, ваше благородие! – «Не могу, говорит, там для тебя во дворце царском кресло приготовлено, сто рублей не зря заплачены…». Вроде смеху это ему…

Мой сотоварищ по выборной курии, о. Иван, жизнерадостный иерей[1], присутствовавший при нашей беседе, тоже прыснул. Смех хлынул из него неудержимым фонтаном, засвистел, зашипел, забурлил и заполнил всю маленькую горенку, где мы сидели.

– Ух-ху-ху-ху-ху… у-ух-ху-ху-ху-ху… – стонал батюшка, мотая черной гривастой головой. Отдохнул слегка и, сквозь слезы глядя на унылую фигуру старого овчинника, он с трудом выговорил:

– Да-а, братище… Василий Митрич… это тебе, друг, не овчинные квасы… Ух-ху-ху-ху-ху… А что ж ты думаешь? Очень просто… сядешь и в кресло…

– Сиденье-то у меня грубо для этого кресла, батюшка, – смиренно возражал овчинник.

<…>

Накануне дня окружных выборов выехали мы с о. Иваном в нашу окружную станицу – Усть-Медведицкую. Ехать предстояло всего 27 верст, но пугали две переправы через разлившиеся реки – Медведицу и Дон, потому выехали раненько, на рассвете.

Нас, станичных выборщиков, вез по наряду станичный почтарь. Цензовые выборщики, доставлявшиеся на собственное иждивение, предпочли апостольский образ путешествия, выступили пешком, – и так как дорога, поврежденная половодьем, не давала возможности быстро ехать, то к переправе через Медведицу мы все прибыли одновременно.

Водой плыли версты две. На другом берегу нас с о. Иваном должна была, по словам почтаря, ожидать подстава, т.е. обывательская подвода с хутора Зимницкого. Но подставы не было. О. Иван пощелкал языком, сказал:

– Какое невнимание! Дело, сами знают, не маленькое, а вот, извольте радоваться…

Цензовые избиратели вскинули за спины свои сумочки и пошли дальше. Мы поручили им поторопить подводу с Зимняка и сели в затишке, на завалинке у старенькой хатки, в которой жила кривая старуха-мельничиха. Когда-то была на этом месте мельница, около которой кормилась куча людей, шумно кипела жизнь, был целый поселок. Но река изменила русло, ушла на полверсты в сто-

[1] Священнослужитель.

рону, и мельница замолкла. Расползлись в разные стороны люди, кормившиеся около нее, перетащили с собой свои постройки, лишь старенькая хатка осталась около запущенных левад и садов. И в ней доживала свой одинокий век крупная, говорившая басом, кривая старуха, кругом обмершая.

С завалинки видна была река, теперь широкая, даже величественная, с крупной светло-коричневой зыбью и белыми курчавыми гребнями от ветра. Летом она сильно осыхает, зарастает зеленью, мелеет, оставляя широкие белоснежные песчаные косы.

Теперь – как море. На другой стороне, чуть видной на крепком берегу, лиловеет мелкий, голый дубнячок. За ним белеет станичная церковка. Под необъятным шатром серого неба и лесок, и гора, и церковка – серы, лишены ярких красот, кажутся маленькими, почти игрушечными. И как будто озябли, съежились от студеного ветра…

Я любил Россию – всю в целом, великую, несуразную, богатую противоречиями, непостижимую. «Могучую и бессильную»… Я болел ее болью, радовался ее редкими радостями, гордился гордостью, горел ее жгучим стыдом… Но самые заветные, самые цепкие и прочные нити моего сердца были прикреплены к этому вот серому уголку, к краю, где я родился и вырос.

Я так был горд его прошлым, которое мне представлялось в романтическом освещении вольнолюбивым и героическим, немножко идеализируя серое зипунное рыцарство старины, отгулявшее в истории шумный и головокружительный праздник, безалаберную, удалую вольницу и голытьбу. И горел я стыдом за настоящее, за ту роль, которая в годы тяжелой борьбы выпала на долю потомкам славных казаков, моим станичникам. Недоумевал и… бессильно сетовал…

Я любил казака землероба, повинного долгой воинской работе. Я издали угадывал родную фигуру в фуражке блином, в заплатанных шароварах с лампасами, в черыках, и благодушно смеялось мое сердце при звуках простодушной речи казацкой, трепетно отзывалось на тягучий мотив старинной казацкой песни. Живя вдали от родного края, я знал и видел его прогрессирующее оскудение, отсталость и неизбежное в будущем хозяйственное порабощение его пришельцами. Скорбел – бесплодно и бессильно. Тужил – маленький человек, «чужой», в штатском сюртуке, подозрительный для носящих лампасы…

В своих думах и мечтах я не смел гадать, что когда-нибудь судьба придвинет меня ближе к родному краю, к непосредственной работе ему. И вот как будто подошел такой момент. Что же я буду делать?

Как и все, я думал о созидательной работе будущего общими положениями и формулами: надо внести свет, раздвинуть стиснутую жизнь, вернуть ей старое хорошее – былую свободу самоопределения, привнести лучшее от новизны и т.п. Я смутно представлял себе, как это выйдет конкретно, как сдвинется жизнь с привычной колеи, как нащупается путь к лучшему, но я верил, что это возможно, что это не так трудно, что надо лишь сказать – и само собой станет всем ясно, и само собой легко будет сделано…

И все то, что я видел перед собой, скудное и оголенное, не будет уже таким маленьким, серым, все расцветет, зашумит обилием жизни…

<…>

О. Иван прозяб и заскучал. Встал с завалинки, подумал и зашел в хатку. Мне слышно было, как он, не закрывая двери, от порога вступил в переговоры с кривой старухой:

– Раба Божия! а-а, раба Божия!

– Тебе чего, батюшка? – пробасила старуха, видимо, с печки.

– А что, самоварчик у тебя есть?

– Есть, батюшка, самовар, да сахару-то не будет.

– Может медок есть? Взалкал я что-то…

– Медок есть, да арбузный он… нарде́к…

– Ничего, вкусим и арбузного… брюхо – не зеркало, как говорится… Пирог есть?

Я встал с завалинки и пошел по берегу. Когда увидел, что к хатке подъехал тарантас, запряженный тощей лошадкой, – вернулся. О. Иван не показывался – вероятно, еще предавался чревоугодию. Я постучал в окно:

– О. Иван, пора!

– О-о? Я вот чайку тут вздумал было…

– Надо ехать. Опоздаем.

– Ну, за̀раз. Оно и самовар-то уж закипает, спешить-то некуда бы… ну, быть тому делу…

О. Иван показался наконец в дверях, горстью обирая усы и широкую смоляную бороду. Поехали. На Зимняке опять пришлось ждать, пока перепрягали лошадей. А перепрягали потому, что у «хомутовых» казаков, подлежащих подводной повинности, были какие-то свои счеты и очереди. Заморенные работой лошади были худы и слабосильны – стоял сев, боронили, и наше путешествие, видимо, всем казалось досадным, и несвоевременным, и ненужным.

Версты четыре, не больше, мы проехали рысцой. Потом пошли пески, пришлось перейти на шаг, а когда тощие лошаденки стали становиться, широко водя боками, и кучер слез с козел и пошел рядом с тарантасом, слезли и мы с о. Иваном. Впереди нас и за нами тянулись подводы, и около каждой из них шло человек по пяти – по шести. По внешнему виду это были станичные и хуторские лавочники и обыватели той категории, которая поставляла цензового избирателя в городские курии. Похоже было, что это новые граждане тянулись в окружную станицу для исполнения гражданского долга, наняв в складчину по подводе человек на пять – на шесть, и следовали, может быть, из дальних поселений округа, этак из Даниловки или Островской станицы, верст за 140…

О. Иван, шагая по песку рядом со мной, говорил:

– О[тцу] настоятелю здорово-таки хотелось в Государственную думу, не выгорело дело…

Насколько я знал обоих священников своей станицы, между ними не было разногласия ни в политических взглядах, ни в программах, ни в платформах. Оба были прежде всего начальствопослушны и в общественных вопросах садились только на ту чашку весов, которая несомненно перевешивала. Разница была

лишь в том, что о[тец] настоятель был с семинарским образованием, а о. Иван прошел лишь какие-то миссионерские курсы, был сперва дьячком, потом пробился «во диаконы» и, наконец, увенчал карьеру иерейским саном. До духовного же поприща был вахмистром.

– Он, конечно, гордится ученостью, – продолжал о. Иван об о[тце] настоятеле, – а старикам нашим нужна простота, высокоумие им не нужно, а ты будь простей. Пришел к человеку – ежели он обедает, садись и ты, ешь все подряд: калун? ешь калун! кулага? вкушай кулагу! А не то, чтобы у тебя попадья на рояли играла – этого старички наши не уважают. Потому вот и выбрали в Государственную думу меня, грешного, а не его…

– О. Иван, до Государственной думы далеко еще, – возразил я.

– Да я и не поеду в нее! – махнул он рукой, – мне лишь до Черкасска бы доехать, хочу проведать Василия и Кольку, как они там, не балуются ли подлецы…

– Кого же будем выбирать? – спросил я, желая выяснить взгляд о. Ивана на предстоящую нам завтра гражданскую задачу.

Он помолчал, подумал.

– Кого угодно, лишь бы не социал-демокранта!

Так и сказал: *демокранта*. Твердо и убежденно. Потом снова вернулся к о[тцу] настоятелю:

– Какое же значение имеет его наука? Проповедь так же по книжке жарит, как и я. По службе я исправный, голос у меня внятный, явственный, а он – когда запоет, то заедет иной раз совсем не в ту оперу, как говорится.

– Но… это и с вами случается, о. Иван, – вступился я за отсутствующего о[тца] настоятеля, – вы меня извините…

– Ничего, я на правду не обижусь, – смиренно ответил о. Иван, – только как вы можете судить, когда в церкви не бываете? Может, это вам Алексеевич раззвонил, что я вчера на «Се жених» сбился? Ну, он и сам полутонил, старый пес…

И вместо программных обсуждений мы заспорили о церковном пении. О. Иван увлекался и стал демонстрировать свои голосовые средства, запел: «Се жених грядет во полунощи». Но петь на ходу было трудно: дыхание обрывалось. Певец смущался, откашливался. Начинал снова и снова обрывался. Потом сказал: «Давайте сядем, а то у меня калоши чижелые». Но из сострадания к лошадям, еле тащившим тарантас по песку, я не согласился, и наша церковная пря кончилась сама собой. Вдали уже сверкал стальным блеском Дон…

Приют мы нашли у моих дальних родственников, заботливо опекавших когда-то, в годы моего гимназического ученья, мое буйное отрочество. Старым радушием и теплом повеяло от обоих старичков, от их маленьких комнаток со слепыми окошками – после двадцатилетней разлуки я нашел почти все неизменно стоявшим и лежавшим на старом месте. А когда о. Иван заявил, что взалкал, то старая тетка с прежней, хорошо знакомой суетливостью, загремела самоваром – прислуги старики не держали.

Мы полюбовно и довольно быстро распределили с о. Иваном наши функции на первых шагах гражданской деятельности: он – пока отдастся насыщению и отдохновению после путешествия, я – за это время узнаю, как и что. Будет ли где

предвыборное собрание? Куда являться нам завтра для осуществления своих гражданских полномочий и прочее…

После 20-летней разлуки я увидел те же знакомые улицы и переулки, буераки и утлые мостики с провалившимися досками, по которым ходил восемь лет в дни далекого отрочества и первые годы юности гимназистом местной, теперь уже покойной, гимназии. Кажется, станица раздалась несколько вширь, выросла, кое-где появились новые двухэтажные дома, кое-где провалилась тесовая, обомшелая крыша на знакомых старых, но грязца была старая, тротуары, как и встарь, сохранили все атрибуты непроходимости, пешеходы пробирались, балансируя, как на узком карнизе или на канате, около самых заборов, в некоторых местах приостанавливались, долго нацеливались и – очень удовлетворительным акробатическим прыжком перемахивали с одного крошечного сухого островка на другой. Видно было, что навык выработан постоянными упражнениями…

Похоже по всему было, что уголок, милый моему сердцу по воспоминаниям о невозвратно прошедшей полосе гимназического познания добра и зла, в достаточной степени уберег себя от культуры и сохранил колорит первобытности почти в неповрежденном виде…

Вставал у меня вопрос: что докатилось сюда от шквала, пронесшегося над русской землей? Но ответа на него найти было пока не у кого – старички, мои родственники, стояли в стороне от новых волнующих вопросов. Правда, тетка, вытряхивая золу из самовара, сказала:

– Дьякон у нас тут есть молодой, он все, говорят, революцию разводит, книжки в кармане таскает. А и карман-то надорван, дьяконица не поглядит – зачинить бы надо… Хотя бы подрясник себе добрый справил…

Чтобы узнать о предвыборном собрании, я направился в станичное правление – для странствующих и путешествующих это, в сущности, самое доступное учреждение. Станичный атаман, урядник[1] Сенюткин, бравый артиллерист, сообщил, что предвыборное собрание казачьей курии назначено в восемь вечера в чайной общества трезвости.

– Вас мы поджидали, – любезно прибавил он, – вы, как писатель по казачьим вопросам, оборудуйте нам программу… чтобы для нас, казаков, была попонятнее, казацкую, словом сказать…

<…>

О. Иван не очень охотно выслушал мой доклад о предстоящем собрании в чайной общества трезвости. Ему, видимо, было очень хорошо на месте: он основательно подзакусил, в полную меру удовольствовался чаем и, сидя в грубых шерстяных чулках, без сапог («ноги занудились»), рассказывал не без украшений о своей выборной победе над о. настоятелем и поделялся мечтами, как он поедет в Черкасск на выборы и там проведает кстати своих чад – Василия и Кольку.

– Зачем мы в чайную? Я уже попил, – возражал он мне.

Я усиленно доказывал, что это необходимо, что равнодушие к обсуждению

[1] Урядник – унтер-офицер в казачьих войсках.

государственных вопросов может нанести даже непоправимый ущерб предполагаемой о. Иваном поездке к Василию и Кольке: вдруг возьмут и выберут не о. Ивана, а какого-нибудь иного, более деятельного выборщика, – вот и улыбнулись прогоны…

Последний довод подействовал: о. Иван вздохнул и стал обуваться.

От восемнадцати станиц округа было 36 выборщиков. Двух разъяснили: в станичном приговоре не нашли указания, что они баллотировались шарами, а избрание голосами, как подтвердили это сами приехавшие за 120 верст выборщики, признано было нарушением законного порядка и существенным поводом для кассации. Из остальных 34-х большинство были станичные атаманы из урядников (т.е. унтер-офицеров) и частью из бывших народных учителей, перешедших от скудно оплачиваемой профессии на более доходную выборную службу. Человек пять-шесть было интеллигентов разных категорий.

Собеседование не сразу наладилось. Председательствовал усть-медведицкий атаман, урядник Сенюткин, человек не из очень речистых. Открывая собрание, он коротко предложил:

– Ну, кому угодно, господа? Давайте посоветуемся: дело большое, новое дело… надо сообща обдумать…

Помолчали. Интеллигенты, видимо, ждали, что скажут казаки в чекменях[1]. Чекмени поглядывали выжидательно на интеллигентов. Чекмени по развитию и пониманию были людьми далеко не темными и не серыми. Не говоря об атаманах из учителей, и среди урядников едва ли нашелся бы хоть один, не выписывавший газеты и плохо разбиравшийся в вопросах тогдашней русской современности. Но, кажется, ни у кого не было привычки к публичным выступлениям, к речам. И у всех, пожалуй, была еще своеобразная выжидательная тактика житейского опыта: «хорошее слово – серебро, молчание – золото»…

Взял слово выборщик Островской станицы Н.В. Ефремов, бывший окружной предводитель дворянства. Он объявил себя разделяющим взгляды Партии монархистов-конституционалистов и начал излагать программу партии. Старался говорить толково и может быть слишком обстоятельно разъяснял аудитории основы конституционного строя вообще и некоторые пункты своей партийной программы в частности. Мы сидели в просторном зрительном зале чайной. Освещение было скудновато: одна свеча горела на столике, за которым сидели председатель собрания и оратор, а ряды стульев, на которых застыли в позах загадочных, капризно разбросанных монументов, выборщики, тонули в полумраке. В первом ряду сидело всего трое: о. Иван, клетский атаман С.В. Макаров, бывший когда-то учителем в Глазунове, и еще какой-то атаман, мне незнакомый. О. Иван облокотился на соседний пустой стул и, подперши рукой гривастую голову, замер в позе напряженного углубления в какую-то свою мысль.

Чувствовалось, что оратор говорит не то, что могло бы вызвать интерес в данный момент и у той именно аудитории, которая молча разглядывала его из сумрака зала. Не то, что оживило бы и вызвало бы обмен мнений. Слышались кое-где протяжные зевки, со вздохом, с благочестивым присловием: «Господи Исусе

[1] Чекмень – верхняя мужская одежда.

Христе»… Похоже было, что кто-то, верно с дороги, с ветра, бессильно боролся с дремотой и не мог преодолеть ее…

Клетский атаман перебрался из первого ряда назад, ко мне и, посмеиваясь, сообщил вполголоса:

– Сказали бы вы своему попу, чтобы хоть завтра в собрание не в исподниках, а в штанах пришел. А то уснет, как сейчас: полы кафтана разъехались, и красные исподники видны… Срамит станицу…

Я хотел было обидеться за своего сотоварища и, главное, за станицу, но поколебался: может быть, и не злостный это навет, что-то очень уж подозрительна поза у моего героя. Потихоньку, со стула на стул, подобрался я к первому ряду, обследовал позицию о. Ивана. Точно: спит сном ангела, и полы кафтана разъехались, обнаружив нечто вроде гусарских красных рейтуз.

Осторожно растолкал его.

– Ась? О чем разговор? – спросил он испуганным шепотом, оглядываясь кругом.

– Запахните полы!

Он сконфуженно поправился. Потом уперся взглядом в оратора, излагавшего национальную часть программы… Послушал, покрутил головой, и, обернувшись ко мне, басистым шепотом проговорил с восхищением:

– Все бы слушал умных людей, но… сон одолел… до того морит сон – мо̀чи нет!

И сладко, заливисто зевнул и перекрестил рот.

– Исподники не показывайте, – с сердцем прошипел я.

Он старательно запахнул полы и, заслонив рот рукой, оправдываясь, прошептал на всю залу:

– Это у меня шаровары такие – из бумазеи. Попадья для тепла велела сшить… Зимним бытом – чудесно!

После Н.В. Ефремова за отсутствием желающих говорить, выступил я. Та часть моей речи, которая касалась наболевших вопросов и нужд казачества, оживила аудиторию. Чекмени приняли целиком предложенную мною казачью программу. Умеренных немножко смущала резкость критической части. Кое-кто не то чтобы возражал, а так себе – как-то кряхтел и виновато кашлял. Но были и крайние, которые язвили и заглушали умеренных.

– Оно хорошо… все славно, явственно.., – говорил седой бородач в новой ватной теплушке с галунами и, помолчав, нерешительно прибавлял, – только министров-то вы… дюже…

– Чего «дюже»? – ястребом налетел на старика молодой в серой тужурке кременской станичный писарь.

– Да ведь… все-таки люди высокого звания… господа…

– А тебе жаль? Ты себя жалей, а министров нечего жалеть… Ишь, как они тебе приболели!

Фу, Господи! не приболели, а все-таки добром бы как-нибудь, любя…

– Ты заступись за них, заступись, а то они сами-то не в состоянии…

– Эх, ей-богу! да не об том: заступись… Ну, сменил их, – Господь с ними! а толь-

ко по-благому, чтобы никого не расквелить…

– Об том и речь, чудак: сменить, а других *выбрать…* понимаешь? выбрать!

Председателю вздумалось объявить перерыв. Пошли в буфет. Сели за длинный стол и… оживились. Тут-то в сущности и осуществилось настоящее предвыборное собрание с прениями, шумом и тайными соглашениями. Ефремов вцепился в меня за земельный пункт моей программы, в котором, между прочим, выяснялось историческое происхождение частного землевладения на Дону. О. Иван оживленно и громогласно доказывал, что коневодство на Дону поставлено никуда не годно.

– Жеребцов войсковых устранить! Они нас съели окончательно!

Клетский атаман веско доказывал необходимость поднятия сельскохозяйственной культуры и мимоходом касался своих трудов на сем поприще. Другие атаманы лишь иллюстрировали отечественный порядок сочными и красочными бытовыми примерами самодурства и бесправия…

Долго шумели. О переходе в зал никто не напоминал. Увлекшись спором с Ефремовым я не заметил, как вышло, что предвыборные вопросы были покончены и наметились соглашения именно тут, за столом, и в уголках чайной…

В начале двенадцатого подошел ко мне М.И. Малахов, популярный в Усть-Медведице адвокат, выборщик. Глухим, внушительным своим басом он сказал:

– Ну, не пора ли по домам? Зовите вашего Мельхиседека и пойдем. По-видимому вопросы все исчерпаны…

Я поискал глазами о. Ивана. Он, энергично тыкая пальцем в газету, что-то говорил рыжему старообрядческому священнику и краснокутскому выборщику в новой теплушке, взмокшему от долгого чаепития.

– Нехорошо поступают господа французы! – услышал я, подходя к их группе. Пришлось немножко подивиться: оказалось, что о. Иван так горячо говорил не о чем ином, как о преследовании католических конгрегаций во Франции.

Старообрядческий иерей осторожно кашлянул в свою клинообразную бороду, а краснокутский старик с трудом моргнул сонными, отяжелевшими веками и вздохнул.

Дорогой от Малахова я узнал, что наметились две партии: одна – исключительно из чекменей, она наметила и кандидата, которого надо было поддерживать на областных выборах; другая с преобладанием интеллигенции, в ней было уже несколько лиц, втайне лелеявших мечту о депутатском кресле и не очень доверявших друг другу. Я, по сведениям Малахова, был включен в оба списка.

Мне не пришлось деятельно участвовать в организации выборного боя, ни в самой борьбе на другой день. Сам я клал всем направо – и интеллигентам, и чекменям: по настроению все были в хорошем оппозиционном заряде, по партийности – никто, кроме, может быть, Н.В. Ефремова, не знал твердо, куда себя сопричислить, но у всех уклон был, несомненно, в левую сторону.

Выборы прошли не без сюрпризов. Были под конец и довольно сердитые пререкания. Я не был посвящен в тайную махинацию состязания соперничавших групп, но по непроницаемому виду чекменей догадывался, что махинация есть. И кто-то таинственный явил незаурядный тактический талант, спутал расчеты,

подсчеты и предварительные соображения. Чекмени прежде всего отвергли предварительную подачу записок.

– Чаво там писать ишшо! бумагу переводить! Рази мы не видим, кого выбирать? Кати старого предводителя! Николай Васильич, пожалуйте! Чего там? Тут сразу видать, кого катить… А то записки… Тринадцать имен надо написать да тринадцать фамилиев, а иному грамотею из нас это суток на двое хватит… Я скорее согласен две десятины спахать, чем писать две стороницы!

Погалдели минут десять по казацкому обычаю. Решили обойтись без подачи записок. Первым стали просить баллотироваться Ефремова. Просили дружно, все в голос, очень сердечно. Старый предводитель, человек безупречной репутации, много поработавший над расширением школьной сети в округе, не стал отказываться – для общественного и государственного дела из всех нас это был наиболее подготовленный человек. Одно: одобренная накануне казачья программа ни в коем случае не могла рассчитывать на его сочувствие. По-видимому, чекменям это было ясно. Потому и результат баллотировки поразил меня неожиданностью: предводителю положили 11 белых и 22 черняка.

Потом стали «катить» учителя Камышинского духовного училища, выборщика Арчадинской станицы.

– У меня земли своей нет, господа, я не помещик, – сообщил баллотируемый, выходя в сторону, как ему полагалось.

– Нам такого и надо, – одобрительно отозвался голос из нашей цепи, стоявшей «в затылок».

Безземельному кандидату, однако, положили всего девять избирательных.

Стали просить клетского атамана из учителей – С.В. Макарова. Но он уперся, опасаясь, по-видимому, какой-то злокозненной махинации:

– Позвольте, почему же меня? Можно и других…

Обратились к о. Ивану. О. Иван не стал упираться, «рискнул». Получил тоже всего девять белых. Писарь Корольков, скосив в сторону глаза, налитые лукавым смехом, сказал сострадательно, как бы утешая:

– Ящик, черт его, какой-то несуразный: дыра узкая, руку не просунешь как следует… Шарик пустишь на уру, а куда он упадет – и сам не знаешь…

После этого опять начались препирательства из-за очереди, ни у кого не было охоты проехаться на вороных раньше других. Пошумели-пошумели и решили «катить» в том порядке, в каком стояли станицы по списку: Александровская, Глазуновская и т.д. Обоих александровских выборщиков – атамана и казначея – забаллотировали, хотя они и были типичными чекменями. Из глазуновских, за выбытием о. Ивана, уже пробаллотировавшегося, подлежал баллотировке только я. Не скажу, чтобы с очень приятным чувством предоставил я себя в жертву капризной и лукавой балльной системе. Но меня не оконфузили: черняков было всего пять, избирательных – 28. В дальнейшей баллотировке из интеллигентов прошел еще адвокат Малахов.

Какое-то незначительное формальное упущение председателя избирательной комиссии – окружного предводителя – вызвало довольно шумный и сердитый протест со стороны забаллотированных. Возник повод для кассации. Выборы

были обжалованы, но обжалование не имело успеха.

О. Иван всю обратную дорогу из Усть-Медведицы хмуро молчал…

<…>

В Новочеркасск мы, тринадцать выборщиков от станиц Усть-Медведицкого округа, приехали на Пасхальной неделе. Долго искали по городу пристанище. Все мало-мальски сносные гостиницы оказались занятыми: как раз в это время стояла в городе вернувшаяся из Манчжурии дивизия, съехались выборщики в Государственную думу и Совет. Остались одни клоповники. Мы остановили свой выбор на весьма демократическом отеле, носившем громкое название, сейчас точно не припомню какое, кажется, «Золотой якорь». В обычное время к этому якорю причаливали свои ладьи станичные и хуторские иереи и диаконы, являвшиеся на расправу к владыке.

Как-то так вышло, что этот «Якорь» стал в ближайшие дни центром приюта всей подлинной выборной демократии – станичных и волостных выборщиков. Крестьянских выборщиков всех было, правда, немного, всего двенадцать. Но выборщиков от станиц было свыше 70, и бóльшая часть из них прямо с вокзала тянулась, руководясь расспросами, именно в наш «Якорь». Гурьбами вваливались они сюда с сумами за спиной, черные, заветренные, загорелые, наполняли все запахом сапог, крепкого пота, степной первобытностью, отдувались и спрашивали:

– Ну, как тут? иде? Казаки есть, ай нет?

– Сколько угодно.

– Ну, клади, станичники, сумки. Нечего нам искать больше…

Нумеров свободных не было, но станичников это не смущало. Располагались в нумерах, уже занятых другими, в коридоре. Спали на полу. У меня в нумере ночевало обыкновенно человека два-три, в других бывало и больше. Но время было уже теплое, спали при открытых окнах. Невзыскательная публика на полу, на своих шинелях и теплушках чувствовала себя вполне удовлетворительно – привыкла к ночевкам в степи и в поле.

В этом отеле мы прожили что-то около недели: дня четыре до выборов и три дня выборов. Впрочем, это никого особенно не удручало: время было кипучее, интересное, место – бойкое, народ – общительный. Значительная часть публики не без удовольствия проводила иногда время внизу, в трактире, оттуда порой долетал четкий стук бильярдных шаров и разливистый баритон: «Налево в угол!». Часть шаталась по городу. А вечером, иногда и днем, все мы уходили на собрания в народной читальне, где происходили горячие предвыборные бои между местными кадетами и правыми, тогда выступавшими под флагом «правового порядка».

Наш «Якорь» стоял в стороне от этих боев. Казачья группа, самая численная, была темной и тревожной загадкой для обеих борющихся сторон. Загадкой была она и для меня, несмотря на совместное житье под крышей «Якоря». Иногда, случайно, я слышал обмен мнений, но это было нечто, трудно поддающееся формулировке, беглое, отрывистое, хотя всегда с оттенком сочувствия к ораторам левой стороны. Порой тут обсуждались и оценивались возможные кандидаты на депу-

татское кресло – главным образом со стороны внешних данных.

– У Харламова голос дозволительный какой, – слышится в темноте коридора из груды улегшихся ночевать станичников, – скажет, аж как молотком придавит…

– А Елкин? – раздается новый голос. – Тоже с придавом… ятно говорит…

– Нет, вот Золотарев – фу-у, с… сын! И чешет же ловко! Про министров-то… а? Рукой махнет, как молонья сверкнет!

– Красноречие есть. Жалко: жид. А то бы можно положить шара…

– Жи-ид?

– Форменно.

– Ах, чтоб его… А чисто говорит, ловко…

Но это все было на поверхности. В глубине же сырой, медлительной, тяжкой на подъем казацкой глыбы шла, я чувствовал, какая-то работа серьезного соображения и взвешивания, мне невидимая. Я знал, что насчет партийных программ глыба довольно беззаботна. В борьбе партий крестьяне улавливали то, что им было интересно и нужно, но казаки с чисто академическим интересом лишь слушали, кто хлеще накладывает в загривок старому «прижиму», – в программах борющихся партий казачьим вопросам было отведено самое мизерное место (у правых все-таки больше, чем у кадетов). Однако с заднего хода в «Якорь», главным образом в трактирную и бильярдную его область, забегали агитаторы с правыми листками, говорили о жидах и продавшихся им кадетах, сообщали, что Петровский – пьяница, Харламов – не отчелся в каких-то деньгах, а все остальные кадеты – просто жулики, которым лишь с красным флагом ходить, а не дело общественное делать.

Однако и «Якорь» таил в своих недрах противоядие этой агитации: под гостеприимной его кровлей ютилась, кроме станичников, и разночинная мелкота из интеллигентных выборщиков, главным образом – народных учителей.

Последнее предвыборное собрание было в Доме дворянства. Председательствовал областной предводитель дворянства В.И. Денисов. На нем был шталмейстерский[1] мундир и генеральские брюки, которые на нашу серую публику из «Якоря» поначалу навели некоторую робость.

Урядник Петров в зимнем чекмене на вате и в смазных сапогах подмигнул мне:

– Посмотрим как теперь господа кадеты поговорят…

– А что? – спросил я.

– В читальне-то, без генерала, они бойки, а вот пущай они при генерале поговорят…

Кадеты не менее бойко заговорили и при генерале. Петров слушал с изумлением, потом мотнул головой, оглянулся. Потом достал кисет с махоркой, сделал собачью ножку и, рассевшись в кресле, закурил цигарку с самым независимым видом…

Казаки по привычке с опасением косились на генералов, а генералы чувствовали явную робость перед казаками: сила, немая, загадочная, темная сила…

---

[1] Шталмейстер – в пер. с немецкого – «начальник конюшни». Придворный чин третьего класса (соответствовал генерал-лейтенанту в армии, гражданскому чину тайного советника).

куда-то она навалится, на какую чашку весов?

Казачья глыба, действительно, немножко своенравно и неожиданно наваливалась то на левую чашку весов, то на правую. Обе борющиеся группы ожесточенно ломали копья красноречия перед ней и за нее. В стране векового молчания оказалось неожиданно много прекрасных политических ораторов. Казаки слушали и загадочно безмолвствовали. Изредка кто-нибудь из дальнего угла бросит как бы мимоходом вопрос:

– А земли сколько имеете?

Для правой группы это был вопрос неприятный – по тому времени. Но и сами правые поддевали некоторых левых ораторов наудачу:

– А какого вы вероисповедания?

Одним из лучших ораторов в Партии правового порядка был крупный землевладелец Мазаев, сектант. Я всегда с восхищением слушал этого тонкого, тертого, великолепно вышколенного человека, искусного и язвительного диалектика. Но, как это ни странно, на предвыборных собраниях его всегда топил невзрачный урядник Попов из Иловли, приземистый карапуз, обладатель сочного такого баска.

– А вы какой лерегии будете?

Мазаеву при этом вопросе всегда изменяла его великолепная выдержка:

– Такой, которая не препятствует мне баллотироваться в Государственную думу, – нервно бросал он в насторожившуюся тишину зала.

– Хмм… – едко басил Попов, – ну, мы, пожалуй, и без молокан обойдемся…

Кажется, именно «Золотой якорь» решил участь выборной кампании. В этот грязный трактирчик во время антрактов (выборы шли все три дня) забегали даже камер-юнкеры[1], выпивали и закусывали с серым «младшим братом» и усердно объяснялись ему в любви. «Младший брат» от дармовой рюмки не отказывался, но застланный почтительностью его взор неизменно говорил:

– Выпить-то я выпью, но кому я шар положу – там видно будет…

И клал камер-юнкеру… черняка.

Выборы закончились поздно ночью, на третий день. Из Партии правового порядка никто не прошел. Но четыре урядника, проведенных казаками, сели на правой стороне и за кратковременное бытие первой Думы вошли в тесный контакт с большим начальством. После роспуска Думы они все получили полицейские места, и два были произведены даже в хорунжие[2] – за усердие…

Но это потом было. А первый момент после нашего избрания – по-особому сильный, торжественно-трогательный, необыкновенный – первые народные избранники! – как будто спаял всех близостью осуществления лучших надежд и упований. В приветственных речах говорилось о свободе, о праве, о восстановлении старой забытой славы и достоинства… Много хорошего…

Я заехал в родной угол, в Глазуновскую станицу, попрощаться со своими родными. Брат, студент-лесник, посадил в палисаднике дубовый желудь: пусть вырастет дуб в память народного представительства – крепкое и долговечное

[1] Камер-юнкер – придворный чин.

[2] Хорунжий – корнет (прапорщик) в казачьих войсках.

дерево – живой, в бурю шумный и стойкий памятник. Но памятнику не суждено было вырасти: как-то зазевались – оставили раскрытой калитку, забралась в палисадник пестрая Хаврюшка, нашкодила в цветнике и выковырнула тупым своим рылом нежный росток нашего дубочка. Погиб памятник…

Публикуется по изданию:
К десятилетию первой Государственной думы:
27 апреля 1906 г. – 27 апреля 1916 г.:
Сб. ст. перводумцев. Пг., 1916. С. 157–173.

ИВАН ЕГОРОВИЧ ЛАВРЕНТЬЕВ

ВЫБОРЫ ОТ КРЕСТЬЯН В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Подходит десять лет с той поры, когда «лучшие люди земли русской» собрались впервые в Таврический дворец, чтобы осуществить заветные народные чаяния и надежды; когда рядовые деревенские люди в простоте сердечной со дня на день ждали радостной весточки, что непоколебимая народная вера в правду-справедливость и упование на новую светлую долю вот-вот восторжествует; когда всюду на безграничном просторе великой страны миллионы людей дружно готовились приступить к славному труду творчества и обновления; когда люди разных племен, наречий, состояний, как в светлый праздник, готовы были братски обнять друг друга, простив всем и все…

С этой чу́дной, славной поры прошло десять лет – долгих, унылых, мрачных… Но не забыла и долго не забудет деревня первую Государственную думу – «Думу великих народных надежд». Она стоит в памяти простонародья как милая мечта юности – чистая, светлая, прекрасная. С ней, первородной, у народа такое богатство отрадных переживаний и впечатлений.

Простой деревенский народ великие надежды возлагал на нравственный авторитет своих первоизбранников. Чуть ли не с постом и молитвою, как к святому таинству приступал он к выборам в первую Государственную думу.

Мы – современники и очевидцы этой редкой страницы родной истории – невыразимо счастливы, что на своем веку *пожили* некоторое время и видели вокруг настоящую жизнь – полную энергии, одушевления, жажды подвига, братского единения и содружества.

Отрадные воспоминания об этих славных днях живут в моей душе, и я люблю по временам, в минуты уныния и тоски, вспоминать это недавнее прошлое так же, как вспоминаем мы с любовью дни нашего милого детства, богатого, может быть, не удобствами, роскошью и довольством, а только силой и глубиной детских жизнерадостных ощущений и впечатлений.

Первая весточка о Государственной думе залетела в нашу деревню в августе 1905 года, когда получены были газеты и Положение о Государственной думе по проекту Булыгина. Деревня не сразу разобралась в тонкостях булыгинской политики и с радостью приняла эту важную, небывалую новость.

Помню августовский праздничный поздний вечер. У Павлычева двора артель

мужиков. Завтра чуть свет на работу, но стоят, не расходятся мужики. Читать уже темно, да и довольно почитали, и теперь говорят, говорят наперебой… И во всех почти речах, наивных, простых слышна радостная уверенность, что наконец-то настала пора, когда голос простого народа без задержки дойдет до царского престола, когда народного ходока не схватят на полпути, а допустят невозбранно до самого царя сказать всю правду про деревенскую жизнь, про деревенские нужды и печали. Вспоминают, как ходил до царя бетьковский ходок Полиоша, как с великим трудом и хитростями добрался он уже до царского крыльца, еще немного, передал бы прошение «из рук в руки», но сцапали его и засадили в тюрьму на целый год и до того измучили, что пришел домой, и не узнать человека.

– Теперь, небось, не задержат!

– Как можно! Теперь полным ходом, без задержки! – ликуют более доверчивые и наивные мужики, которым Государственная дума, видимо, представлялась наподобие московской боярской думы, где московский царь всея Руси выслушивал мнение каждого и тут же делал приказ: «Быть по сему».

Но в артели есть уже люди несколько испытанные, более опытные. Они себе на уме, слушают, да ухмыляются.

– Да, ребята, дело большое, сурьезное дело. И нам приходится подумать. Ведь не каждый туда идти согласится и не каждого, кто желающий, послать можно… Потому большое дело, и деньга там будет большая, соблазн, значит, и опять… начальство… помимо его не обойдешь, не объедешь.., иди-ка, сумей-ка с ними обойтись, да перехитрить… тут надо, да надо головушку…

– Да-а… А я думаю вот что, робята, я думаю, такого туда надо, чтобы знал он в нашей крестьянской жизни все дочиста… от чашки до ложки…

– Сказал тоже… Да рази там чашки-ложки спросят? Чудак человек! Это уж ты своей Акулине наказывай, чтобы «от чашки до ложки» все знала, а туда надо человека все-таки пофартовее, чтобы в грязь лицом не ударил… Вон, Игнатий Курапин: при царе служил, в гвардии, во дворцах не раз бывал, все порядки тамошние знает, и из себя бравый… вот такого бы…

– А что от него толку-то, что он ходит, как аршин сглотил? Там ведь, брат, не маршировка спросится… Выбери его, а он там и будет перед каждым расшаркиваться: «Слушаюсь!», «Рад стараться!», «Здравия желаю!», «Ура!», а больше ничего не знает.

– Да его никто и в уезде-то не знает, окромя наших обывательских, а разве туда никому не известный пройдет? Все нады, чтобы округа человека знала. Вот Конопатин членом управы две сидки был, на весь уезд человек известный.

– Да уж, известно, сколько они там, в управе-то, похапывают, руки-то нагревают… Вот где (на шее) его-то известность… Разве можно козла к капусте привязывать? Туда нужно такого, чтобы на деньгу не зарился, чтобы своего не жалел, вот как, а не то, чтобы «известный»… Кузьма Дарьин неизвестный человек, а он вон округ церкви ограду на свое соорудил… триста целковых встала!». Да и человек он бывалый: на Верхотурье к Симеону праведному, в Киев, в Саровскую пустынь ходил… а допрежь в Москве жил…

– Накулачил, да и замаливает теперь… Куда его! Если хочешь такого быва-

лого, так лучше уж торгового человека, что цены всему знает, а там на этот счет тоже речь вести придется, потому что товары зря дороги.

– Вот они, аспиды, сами и накладывают, а ты его еще в Думу хочешь!

– Ну, это, брат, больше казна заведывает… Слыхал про акциз? Ну вот то-то же…

– Мастерового туда, ребята, лучше, ремесленного, трудолюбивого, а то настоящего труженика-пахаря, вон как Гриша Вавилин, чтобы со всеми мозолями туда, с худобой своей и с лаптишками.

– Ну, уж, удивить задумал… боятся они твоих лаптей да мозолей. Выдумал тоже…

– Ученого бы лучше, чтобы грызться с ними мог…

– Православного, настоящего христианина, чтобы с молитвой, потому – дело это не малое, не пустяковое…

– Отчаянного надо, который бы всякому на горло мог наступить, чтобы смерти не боялся, на смерть за свое дело был готов…

И спорили, кричали, волновались до утренней зари и, не отдохнув, впрягали лошадей и ехали в «клин» за снопами.

<…>

Время шло, росло и ширилось сознание мужицкое. Не все понимали, конечно, чего это еще хотят там в городах, но мужики пограмотнее уже стыдились теперь своих речей, что были в августе. А тут еще приехал наш сельский из Кронштадта, речей новых, горячих, газет интересных привез. О Крестьянском союзе, о партиях социалистов-революционеров и социал-демократов узнали мужики, но организоваться и примкнуть – пороху не хватило. Все-таки дружным натиском сделали переворот в своем сельском самоуправлении. Десятидворников переизбрали, сельского старосту[1] и волостного старшину[2] новых выбрали «помягче» – старые были слишком властные и гордые люди, чуяли за собой власть земского начальника и не уважали «миру»[3]. Горячие головы земского даже все собирались арестовать, да более ровные и выдержанные уговорили, а были они поразвитее, и не слушать их было нельзя: «Напутаешь на свою голову, опосля и не разберешь». Общественный приговор составили 6 декабря 1905 года с требованиями «земельного надела», равноправия и политических свобод…

О земле на этой сходке много говорилось. Один смекалистый внес было предложение: «Не мешало бы нам, старички, всем обществом купить у карлинской барыни землю… напугалась барыня, дешево продает, а карлинские мужики у ней не берут: кто надеется – *так* отойдет, а кто не в силах и не сообчаются, а ежели, значит, нам поднатужиться – обчество наше большое, мы осилим», – речь мягкая,

[1] Сельский староста – во второй половине XIX – начале XX в. выборное должностное лицо. Избирался сельским сходом, обладал ограниченной административно-полицейской властью.

[2] Волостной старшина – выборное должностное лицо сельского самоуправления. Возглавлял волостной сход. Избирался на 3 года сходом, утверждался мировым посредником, затем земским начальником. Обладал административно-полицейской властью.

[3] Мир – сельская община.

рассудительная, серьезная.

И рявкнули на эту речь со всех сторон по сходке гневные окрики. Удивился даже мужичок, почему на него за такое умное слово такая напасть.

– Постыдился бы! Грех тебе будет! Ты знаешь, у барыни чья земля? Наша или карлинских мужиков та земля? А знаешь, у нас на душу три десятины[1], а у них три «чирка» ($^3/_4$ десятины), а ты остатки хочешь у них из-под носу утянуть оттого, что ты сильный, скупить можешь… Не сметь этого делать! Чтобы не было!

– Я что же, я, старички, ничего… и только к слову, – пересмяк добрый советчик.

Поспорили еще немало над предложением – упомянуть в приговоре: «Мы, крестьяне, очень просим крестьян других губерний не делать бесчинств и насилий над помещиками». А перед этим в газетах было, что местами крестьяне избивают помещиков, сжигают усадьбы, режут языки и хвосты у барской скотины.

– Написать надо, что это зря они делают, и нам нехорошо за такие поступки, и что мы не хотим этого…

– А зачем сами же земского арестовать хотели, а?

– Да он сам нас почти каждого арестовал! Кто клоповки не изведал?

– Ишь, как оно! Кто вам досадил, вы это чуете, а другим досадили, ваше дело сторона, они и руки не отведи!

– Да они зря там: людей бьют, добро сжигают, скотину режут…

– А ты был там? И поднялась словесная схватка. Много было сгоряча сказано глупого, обидного, но умные речи взяли перевес. Решили, что, не зная, что насколько верно, осуждать нельзя, но сами мы должны заявить и помнить, что грубое насилие над личностью и имуществом ближнего – недопустимо, и строго этого держаться.

Итак, были у нас новый староста и старшина, но люди были избраны сероватые, рядовые, не хотел никто из передовых занять эти должности, чтобы не было упрека, что все дело делали из-за общественного пирога и жалованья. Была в этом ошибка. Старшина со старостой подпадали часто под влияние писаря и мешали, сколько умели, но разве могли они тогда устоять против всеобщего одушевления, против всего деревенского мира.

«Мир – вода: затопит!» – говорят в деревне.

Прослышали наши, что и в других деревнях та же история творится, и все это без агитаторов, без прокламаций, без участия местной служилой интеллигенции, к стыду которой можно заметить, что подавляющее большинство ее относилось к этому в лучшем случае безучастно, а один из земских учителей сделал даже донос земскому начальнику на передовых мужиков, после чего был установлен надзор за над восемью, а затем – семьюдесятью двумя крестьянами нашего села.

Близились выборы в Государственную думу. Начались переговоры из деревни в деревню – кого выбирать.

И вот приезжают за мной на мирской подводе. А был я тогда захудалым приходским учителем в глухой деревеньке нашего уезда.

– Так и так, больше некого… Выручай… Не бойся, не осрамим, пройдешь всей

[1] Десятина – поземельная мера, равная 1,09 га (т.н. казенная) или 1,45 га (владельческая).

сходкой…

– Да вы из себя кого-нибудь, может быть есть желающие, а то могут обидеться?

– Да уж все было и думано, и говорено… Народ все ровный, ни на ком не объединишь… Ты уж не для себя, а для нас… выручай… Если откажешься, пройдет кто из кулаков, тебе грех будет, да и все наши труды пропадут…

Знают, что сказать… Согласился, да и не думал я, что пройти мне в Государственную думу… Имел я достаточное представление, что еще сквозь три решета просеивать будут, да и не увлекался, цену себе знал. Был уверен, что от 17 волостей уезда из 34 человек люди найдутся. Так и сказал своим избирателям: «Может быть вам хочется, чтобы я сквозь все решета прошел? Не надейтесь! Не чувствую в себе столько силы и знания, чтобы людей заинтересовать, а выборщиком быть, сознаюсь, мне интересно».

Очень хотелось знать, кто будут эти избранники деревни родного уезда. В ту пору я уже интересовался народной жизнью, литературой и втягивался в политику.

<…>

В воскресенье 5 марта 1906 года весь двор волостного правления[1] и часть улицы были покрыты народом. Члены волостного схода – десятидворные, запоздавшие придти пораньше, с трудом пробивались внутрь правления. Были присланы пятеро стражников и урядник[2]. Они не знали, как поступить с народом, который набился в сени и в первое отделение правления. Когда началась перекличка десятидворников и они едва могли выбиваться в чистую половину правления, в писарскую канцелярию, двое стражников задумали было выпроводить постороннюю публику из комнаты в сени. Почуяв это, из сеней хлынула народная волна.

– Не сметь выгонять! Здесь, может быть, судьба наша решается, а вы гоните, не даете посмотреть, послушать.., – крикнули из толпы.

Треснула перегородка, заскрипели, затрещали стулья, столы, а из сеней напирают все сильнее и сильнее. Стражников стиснули, что и рукой не отмахнуть. Шум и крик невообразимые. Напрасно старшина упрашивал толпу держать себя потише и очистить волостное правление. Мужики тянулись к стражникам и что-то зловещее и жуткое напирало оттуда.

– Катастрофа получится, – испуганно, и с какой-то укоризной заметил мне писарь, – попробуйте вы, может быть послушают.

Я метнулся к дверям. Поднял руки, чтобы вызвать внимание, и сразу со всех сторон послышались призывы:

– Ти-ше! Тише! Ш-ш-ш!

В минуту стало так тихо, что мурашки пробежали по телу и затуманило отчего-то в глазах.

– Послушайте, старички и… товарищи.., что я вам скажу: «Стражники сюда

[1] Волостное правление – орган местного крестьянского самоуправления во 2-й половине XIX – начале XX в. Состояло из волостного старшины, сельских старост и других должностных лиц, избиравшихся волостным сходом.

[2] Урядник – полицейский чин.

не самовольно приехали и обижать их не следует; есть приказ, чтобы полиция никого из посторонних на выборы не допускала…

– Как это можно? – кто-то закричал от порога.

– Тише! Погоди! – дай послушать! Тише! – закричали на него сразу десятки голосов.

– Я понимаю, что всякому желательно посмотреть, поэтому и предложил бы остаться здесь и вам, и стражникам, только с условием – не кричать, не прерывать хода выборов. Согласны ли так?

– Согласны! Согласны! – загудела толпа.

Приступили к выборам.

Волостной писарь предложил наметить от каждой деревни по кандидату, а затем их баллотировать в уполномоченные. Четыре деревни отказались и с нашими заявили, что намечают меня. Остальные выставили еще двоих русских и двоих татар. Наши сельские потребовали, чтобы каждый кандидат высказал ту программу требований, какую он стал бы поддерживать на уездных и губернских выборах и в Думе, если придется пройти туда. Волостные возражали, что этим выборы затянутся; к этому примкнули некоторые из десятидворников дальних деревень, но под конец согласились, заявив: «Ежели вы желаете, то сами и начинайте, а мы послушаем».

Признаюсь, мне не очень хотелось говорить. Я от роду никогда не выступал ни на каком собрании и от этого чувствовал неловкость, да и видел, что многие вопрос о выборах разрешили просто: избрать совестливого и толкового человека, чтобы порассказать там все по правде, по совести, – какая нехватка земли и как другое прочее, и больше никаких. И по их [мнению] выходило, что сегодня выбрали, а завтра уже можно и «на Думу» ехать. Станут ли слушать, проявят ли интерес? Но если назвался груздем, то полезай в кузов. Поднялся на стул, чтобы виднее было, и начал – сперва о том, для чего здесь собрались и что это благодаря тому, что лучшие русские люди десятки лет боролись и теперь многие борются за счастье народа, упомянул вкратце о декабристах, о событиях при освобождении крестьян, а затем о 9 января, о разнице законосовещательной и законодательной Госуд[арственной] думы, о Манифесте 17 октября, о Госуд[арственном] совете, где будут заседать лишь самые крупные помещики, самые знатные сановники, самые богатые купцы и заводчики. Согласится ли Совет с Думой, если она постановит отобрать все земли от помещиков и передать крестьянам…

– Обязательно отобрать, потому жить невозможно! Так и скажи: житья нет! – вырвалось у нетерпеливых.

– Тише вы! Слушайте! – кричали другие.

Затем сказал о системе выборов в Госуд[арственную] думу и закончил призывом, что, избрав уполномоченного, мы не должны, сложив руки, сидеть и ждать: вот поедет от нас депутат и привезет нам и земли, и всяких благ. Необходимо и самим следить за всем, что творится в родной стране, и постоянно быть на страже… Еще много предстоит впереди трудов и борьбы за землю и волю.

– Правильно! Знамо так! – стараться надо! И ты уж постарайся! Сам знаешь! – дружно отозвалась сходка.

Остальные говорить отказались, заявив, что и думают, и понимают так же:

– Ми тужа так думимся и так сагласни, – сказали и татары.

Один из русских намеченных кандидатов, Гурий Иванычев[1], выставил свою кандидатуру по предложению наших сельчан «на всякий случай». Он из соседней деревни. Накануне наши ездили туда и предлагали баллотироваться на выборах товарищу Гурия – Матвею Макарову, но тот решительно отказался: «Не желаю! Боюсь…».

– Чего «боюсь»?

– Всего… и народа боюсь, и начальства, да и не смею… я не знаю, другие как, а я хорошо понимаю, какое тут дело-то…

Наши к Иванычеву. Этот живо согласился.

– Мне все равно, что здесь пропадать, что в другом месте. А тебе еще, видно, жить можно, за то и боишься.

Первым на баллотировку поставили меня. Получилось: 68 избирательных, 28 неизбирательных. Второй – татарин Афлетунов: 36 избирательных, 60 неизбирательных. Третий – Иванычев: 66–30. Четвертый – татарин Исмагилов; татары стали просить русских, чтобы клали за их кандидата. Наши сельские обещали, но он получил меньше Иванычева: 58–38. Карлинцы выставили своего русского, волостного судью. Получилось 20–76…

<…>

В самую распутицу, мартовское бездорожье были назначены уездные выборы. Четверо уполномоченных из-за вскрывшейся реки не могли приехать. Явилось 30 человек, предвыборное собрание было назначено вечером в уездном съезде. В полчаса времени все были в сборе, но знакомство и разговоры налаживались туго. Большинство были татары, многие из них очень богато одетые, важные, державшиеся на особицу; трое старых седых, видимо, самых почетных людей волости. Русские мужики поровнее и общительнее.

– Ну, как? Кого станем? – спросил меня Иванычев и засмеялся. Казалось, никого не узнаешь и выбирать придется вслепую.

– Кого… все хороши! – отозвался вместо меня один из мужичков, подстриженный, в пиджаке. Мы все что ни на есть первые лучшие из волости. Вот, например, Шоткинская волость богата, так она вон каких откормленных да нарядных прислала, – и он указал на толстых и богатых стариков-татар. Лаптевская победнее, и уполномоченные пожиже, видать ведь, – и он засмеялся. Наша волость – барская, так вот такого только нашла, хоть перерви меня, да и другой-то не из сытых, даром татарин, не барский. Вот и глядите: сытых туда надо? – сытых и выбирай; тощих? – тощего… – и опять засмеялся.

На разговор подошли и другие. Слово за слово – оживились. Стали знакомиться, кто из какой волости. Русских набралось целый десяток «одного духу», а двое, тоже побогаче – около татар со стариками, про торговлю речь завели.

– Пускай их там трутся, – весело засмеялся Осипов, тощий из барской воло-

[1] Имена и фамилии несколько изменены *(прим. И. Лаврентьева).*

сти, – а мы еще кой-кого из татар победнее переманим, я вот скажу своему, подобьет сюда кто попроще, у них тоже есть с понятием-то.

– Видишь, ишь, они тоже артельками, в одно-то не сообщаются.

– А все-таки, как узнаешь, кто хорош, кто не совсем? – беспокоился Иванычев.

– Погодите еще, не сразу, приглядитесь сперва, – успокаивал Михаил Мих[айлович], степенный опрятный мужик, старовер-начетчик. Приглядывайся…

И было заметно, что каждый действительно очень усердно «приглядывается»: оглядывали друг друга, как лошадей на базарной площади. Ловили каждое движение, каждое слово. Особенно интересно осматривал каждого один крестьянин – видный, ровный в движениях и очень внимательный к каждому; звали его Петр Павлыч.

– Вы вот что, – сказал он нам, – здесь надо по правде, как «на духу», стыдится нечего, потому – не от себя, а от волости… и дело великое… За тех вон я, например, не положу шара, – он указал на стариков и двоих русских около них: они почет себе ищут, а не правду, за меня тоже не надо: я только сюда обещал: выберем подходящих людей и домой… там у меня сад, пчелы, некогда будет… А кто желает дальше, то сказывайте прямо… тех и будем исповедывать – как и что…

Все смущенно переглянулись. Осипов засмеялся.

– Я бы вот и в Думу пожелал, да туда, может быть, тощих-то не надо совсем: начальство таких не любит.

Засмеялись и смолкли. Из боковой двери вышел уездный предводитель дворянства, кругленький плотный господин с приятными манерами, и любезно предложил уполномоченным занять стулья, расставленные вокруг стола. Уселись самые нарядные и почтенные в первом ряду, а за ними остальные, попроще.

– Итак, господа, – начал председательствующий, – во-первых, я должен вас приветствовать как лучших людей волости, на долю которых выпала великая задача избрать самых умных, честных и достойнейших людей в выборщики на губернское избирательное собрание. По Высочайшему соизволению государя императора на 27 апреля будет созвана Государственная дума. Может быть, из вас кому-нибудь судьба быть избранным в члены Госуд[арственной] думы; поэтому вы должны делать выборы осмотрительнее – и он пустился в подробные объяснения, каков должен быть избранник народа – «честный, неподкупный, рассудительный, православный, т.е. верующий в Бога по своему закону, чтящий царя». Далее председатель коснулся земельного вопроса, который сразу развязал у крестьян языки, причем некоторые высказывались очень категорически о необходимости отчуждения помещичьих земель. Все заседание было посвящено обмену мнений по данному вопросу, причем и мне пришлось выступать с речью.

На следующий день в десять часов утра все были уже в собрании. Председателя еще не было. У стола Григорий Грохов, один из почтенных богатых мужиков, вчера дремавший на собрании, теперь оживленно раскладывал какие-то листовки. Мы с Иванычевым подошли поближе. Оказалось – воззвание Союза истинно-русских людей.

– Откуда вы это добыли?

– Да наш батюшка в губернию ездил, ему там и дали, а я у него взял.

– И охота вам с этой дрянью возиться?

– «С дрянью…» тожа… а сами-то и не знай, что ль, какие; знаем мы вашего брата, студенцы, права! – долго наварчивал Грохов у стола.

Понемногу стало заметно, как уполномоченные собирались артельками и подманивали к себе подходящих людей. Около стола, где Грохов раздавал воззвания, собралось трое русских и большинство татар во главе со стариками. Они казались сплоченнее, чем остальные. Наши разбились, и небольшими кучками сновали из угла в угол. Осипов в стороне немного о чем-то перешептывался оживленно со своим «земляком»-татарином. Затем «земляк» подошел к одному из богатых и бойких татар помоложе – Саитову – и в чем-то стал горячо его убеждать. К ним подошли еще двое-трое. Позвали одного высокого степенного татарина в очках, стали ему говорить. Он внимательно выслушал, а затем сам принялся в чем-то убеждать Саитова. Заговорили сразу в несколько голосов и перемешались – не разберешь, о чем и куда тянут.

– Дело, брат, на мази, – весело сообщил мне Осипов, – татары раскалываются. Сперва они никого не хотели пропускать из наших, а только вон Грохова, да Калсанова – лавочников, да своих самых старых, а теперь Саитов да вот тот, в очках, не по богатству уговаривают выбирать, а по голове. Дельный старик, да и Саитов – молодчина. Вот погоди, они как настроят… Теперь своих-то надо подтянуть.

Григорий Грохов, видимо, почуял, что наступает важный момент, оторвался от своих листочков и задвигался от одной артельки к другой. Остановился около Петра Павлыча и старовера-начетчика Мих[аила] Мих[айловича] и стал что-то им толковать. Мы с Иванычевым подошли послушать. Грохов с детской наивностью превозносил себя, сообщая слушателям, как он близко знаком с духовными своего села, как батюшка к нему очень благоволит за его благочестие и как его начальство уважает.

– Это все не так важно, – с улыбочкой заметил ему Петр Павлович, – а ты нам скажи, как будешь отстаивать наши интересы, если мы выберем тебя выборщиком?

Грохов покраснел, понатужился, и, подумав немного, выпалил:

– Да я разве не православный, аль у меня душа-то не хрещеная.

– Ну, а дальше – больше как? – с усмешкой спросил Мих[аил] Мих[айлович].

– А дальше? Что же дальше… ничего, как Бог даст…

– Ну, вот, давно бы так сказал…

Вскоре явился председатель.

Ну-с, господа, приступимте к выборам… познакомились друг с другом?

И все сразу как-то притихли и заспешили, бестолково суетясь около стола. Разобрали карандаши, бумажки.

Нужно было набрать десять кандидатов. Первый пяток я набрал скоро, а тут дело стало. Кого лучше? Из татар стал перебирать. Выбрал троих, а остальных – хоть к чужим занимать идти. С Осиповым посоветовался и еще двоих

татар записал.

– Поровну сделаем, а то они строго следят – запишем мы их аль нет, а вся сила в них, – говорил он.

Собрали записки, прочли, подсчитали голоса, оказалось кандидатов свыше двадцати! Большинство записок за татар, и это понятно: их больше (татар было 17, русских – 13). Мы с Осиповым и Мих[аилом] Мих[айловичем] посреди. За нами Грохов, а его приятель Калсанов выше нас. Татары поддержали: говорить по-татарски мастер, да, видимо, старое знакомство среди татар есть, иначе нечем объяснить. За все время не заикнулся и никто не мог знать, каков он. Грохов приуныл, и было смешно смотреть на его понурую грузную фигуру.

Началась баллотировка. Избранными оказались: семеро татар (Саитов, в очках, двое стариков и др.) и трое нас, русских: Калсанов, Мих[аил] Мих[айлович] и я. Мы, двое последние, чуть-чуть. А после выборов татарин в очках мне сообщил, что многие татары были против меня в отместку, что в нашей волости вместо русского и татарина прошли оба русские.

– Да Саитов за тибя бульна старался… и русский та вся бульна просил, Осягин та, Павлуха та, да Мих[аил] Михайлысь … ява татар мала-мала слушали.

<…>

Дней за пять до губернского избирательного собрания от городского выборщика (уездного) Гр[игория] Петр[овича] Леванина получена была записка: «М[илостивый] г[осударь], немедленно выезжайте на выборы, заверните ко мне, а записку перешлите ближайшему выборщику. Мой адрес такой-то». Я живо собрался и поехал. Отправились на пароходе вместе с Гр[игорием] Петровичем. К нам еще пристал по пути какой-то молодой человек, знакомый Леванину. Мне почти первый раз пришлось быть лицом к лицу с интеллигентными людьми и вся серость моя теперь выставлялась наружу. Так, они завели разговор на политические темы, в доказательство своих положений приводили выдержки из Карла Маркса, Плеханова, Бебеля и др., втягивали меня в разговор, но для меня все это было ново и едва понятно. Отвечая на вопросы, я краснел, путался и только когда речь зашла про деревню, я нашел что сказать. Студент (это был студент с.-д. агитатор) взглянул на Гр[игория] Пет[рови]ча и тихонько спросил, кивая в мою сторону: «Вероятно, эсер?».

– Да, пожалуй… Эсерствующий, – ответил тот также вполголоса.

И мне так было стыдно, что я не знаю даже, что это за слово «эсер», «эсерствующий». В газетах, помню, уже встречал, но не успел уяснить их смысла.

– Ну, куда я с таким посконным рылом в суконный ряд полез? – укорял я себя всю дорогу. И какие мы там, в деревне-то, серые, темные, бедные. Ничего-то не видим, ничего не знаем. Вот из уездного городка, и то, какие люди, а там?! Говорят, профессора будут на выборах, – и сердце сжималось от боли…

Партия народной свободы деятельно организовывала блок с татарами и другими мелкими инородческими группами и русскими крестьянами прогрессивного направления.

Первое организационное собрание выборщиков было назначено в квартире профессора. Огромный зал, электрическое освещение, сотня стульев, пузатых кресел, оживленная и чистая публика, ровный свободный говор и кучка – десятка полтора русских мужичков в уголке сидят, поджав ноги, – вот что я увидел, когда вместе со своим вожаком Гр[игорием] Петровичем пришел на организационное собрание Партии народной свободы. Я прошел к «своим», тоже в уголок. Спросил соседей: «Откуда?», – а затем понемногу начал приглядываться к собранию. Чистая, знатная публика! Ну что, мы, серые, здесь поделаем, если они задумают нас обойти? А это возможно. Вот, например, эти два важных господина, так гордо посматривающих в нашу сторону. Вот тот, с очками, светлыми пуговицами и погонами, тоже. Да к любому подойти боязно… Оттого-то наши и присмирели. Присмиреешь!

Профессор-хозяин – веселый, бодрый господин – произнес речь. Немногое уловил я из нее, что-то свое роилось и шумело в голове, но речь была красива и, слушая ее, представлялось: широкая величавая матушка Волга в знойный полдень, и любо плыть по ней, и погружаться в ее светлые прохладные струи. Речь закончилась уже прозаическим вычислением – из какого числа выборщиков составляется избирательный блок. До сорока выборщиков-татар, около двадцати других инородцев и двадцать каде[тов] составляли уже большинство. Татары были дружны и готовы были голосовать как один за кого укажет комитет. Кадеты, конечно, также. Более сомнительными казались мы – русские, к тому же наших было еще так мало. Кандидатов комитет намечал так: от русских крестьян – два, от татар-крестьян – два, от других инородцев – один, от кадет – три и от рабочих – один.

– Я надеюсь, господа, что никто не будет иметь ничего против кандидатуры рабочего, так как рабочий класс сделал самый большой вклад в дело освободительного движения, – сказал профессор.

Ответом ему были дружные хлопки.

Мы, крестьяне, считали, что от нас нужно не два, а три кандидата. На этой почве возникли споры, и вопрос был отложен до другого дня.

Мужики прибывали, но уже пошла пестрота: были и дельные ребята, и серые, и черносотенные, и себе на уме, и «вашим и нашим»… Григ[орий] Петрович снял очень просторный номер гостиницы, и я остановился с ним. Сюда начали сходиться выборщики и знакомиться друг с другом. Душою всего этого был Григ[орий] Петрович. Он был хороший оратор, но как горожанин и с.-д. он не совсем знал мужицкую «подоплеку», и часто среди его речей мужики пялили глаза и недоумевающе переглядывались. Я чувствовал себя не совсем здоровым в этот день и мало принимал участия в собрании. И только в иных местах речей Григ[ория] Петровича, когда слушатели расспросами запутывали еще больше вопрос, я брался за разъяснения, и мне это удавалось.

– А, да, вон это что! вон к чему! так-так-так! – говорили мужики, и я опять уходил в сторону. И у них вдруг представилось обо мне такое мнение: «Говорит мало, но завсегда дельно, прямо за нутро берет; значит – «голова» и в Думу, должно, не зарится, а то бы больше лез, старался. А нам таких и надо. Охотников-то

в Думу мало ли, да что в них: кто, может, на деньги зарится, а то на чины аль на что другое. Значит, его выбираем и больше никаких». Так мне потом рассказывал Мих[аил] Мих[айлович], мой земляк – старовер-начетчик. А тут и кадеты помогли своими расспросами мужиков про меня. А когда вечером были опять на собрании у профессора, то с различными запросами обращались чаще ко мне, и это, видимо, еще более выделило меня из других. Ввиду «неблагонадежности» некоторых русских мужичков и оттого, что и сегодня мужики съехались далеко не все и нельзя было ручаться, какого они будут направления, решили третью кандидатуру каде[тов] разделить с мужиками – наметить представителя из интеллигенции, но чтобы по выбору крестьян. И тут же избрали одного народника – присяжного поверенного.

Теперь было ясно, что возможна и моя кандидатура. Как же быть: отказываться, или согласиться? Некоторые теперь же решительно заявляют, что «ни за что» в Думу не пройдут. А мне как? Пожалуй, если согласиться, да выберут, то все время сердце будет болеть, как теперь, да еще хуже… Могут быть пересуды, подозрения, непонимание моей деятельности со стороны народа…

Собрали всех, стали записки писать, и большинство получилось за меня и Гаврилова Макара Никитича.

Вечером накануне выборов состоялось предвыборное совещание, которое было прервано вторжением частного пристава[1] с городовыми и дало повод профессору (тоже кандидату каде[тов]) сказать красивую и сильную речь о «свободах», о неприкосновенности личности и о том, за что стоит Партия народной свободы. Затем говорили другие намеченные кандидаты и желающие со стороны. Одни ровно, спокойно, другие повышенно и горячо.

На утро все выборщики собрались в зале Дворянского собрания. Кадеты раздавали листки с напечатанными фамилиями кандидатов и воззванием: «Партия народной свободы приглашает голосовать за нижепоименованных кандидатов!». Этот невинный по себе прием всполошил некоторых из русских черносотенных выборщиков. Было их человек 8–10, все богатые и форсные мужики. Один, член управы, особенно краснобай, двое приказчиков, лавочники.

– Где такой-то? – называли они мою фамилию, написанную первой в списке. – Тебя кто выбирал?! Какой ты такой депутат?

– Никакой.

– А зачем тебя здесь пропечатали? Кто это смел? Это жидовская партия… знаешь ли ты это?!

– Возьмите и вы напечатайте, кого хотите. Это только предлагают – хотите избирайте, хотите нет. А вы бы позаботились, пораньше приезжали, а вы только вчера из дому! хорошо позаботились!

Говорю так, а они, человека три, вцепились в меня – рвать готовы.

– Жидовский ставленник! – кричат.

– Пожалуйста, выбирайте любого, дело еще не опоздало, соберите всех мужиков и намечайте, а я тогда откажусь. Собирайтесь, хотите, я попрошу…

Но меня подхватили свои и потащили в соседнюю комнату, где заседали

[1] Частный пристав – полицейский чин.

члены избирательного комитета.

– Вот человек! отказывается!

– Что такое? почему?

Я стал объяснять.

– Эх, вы! Как же вы в Думе-то устоите? Двое-трое шарлатанов вас упрекнули, да и неосновательно, и вы уже на попятный… Так общественному деятелю нельзя! Тверже будьте!

Недовольные потребовали у председателя предвыборного собрания. Он указал им на особую комнату, куда нас всех, крестьян, и заперли. И что только тут было! Наши посмеиваются, любопытствуют, а человек десять мечутся из угла в угол, взмокли, кричат с надсадой, каждый убеждая слушать лишь одного его. Кричат, призывают к вниманию, к тишине, и сами же своими выкриками мешают друг другу. С полчаса метались и ничего не достигли, только перегрызлись между собою. Да и целый день таким способом никто ничего бы не достиг. Один тянет слушателей к себе, другой к себе. Этот хвалит себя, тот – тоже. Послушают, посмеются и отойдут.

– Знаем, куда ты гнешь, охота в Думу попасть!

Через полчаса двери отворились. Начались выборы. Кадетский блок вполне победил…

После выборов меня окружили мои избиратели-крестьяне и некоторые избиратели от других сословий. Было людно и шумно. Кто сует мне свой адрес и просит сообщить, что там будет интересного, кто дает наставление, чего и как держаться в Думе. Просьбы, указания, наставления, пожимания рук, приятельские похлопывания – так и сыплются со всех сторон. Одни все это делают любовно, доброжелательно, другие – требовательно, строго и нет возможности не только дать ответ на каждый вопрос, но и выслушать многих. Стоном стоит мужицкий говор о земле. Но и кроме того, много дельных указаний и вопросов со стороны самых невзрачных мужиков о равноправии, о свободах, о народном образовании.

<…>

Через неделю меня провожали в путь семейные и сельчане, и было заметно, что не уверены мы – увидимся ли мы когда еще или нет. Была весна, луга зеленели, сады распускались – жизнь закипала, а мысли невольно почему-то больше были о смерти, чем о радости жизни и победе. В назначенный день мы условились с М.Н. Гавриловым быть в городе и отсюда вместе отправиться в Питер. Я нашел его по данному адресу, но не застал: ушел к губернатору за свидетельством. Нужно было и мне идти туда же. Прихожу в дом губернатора[1]. Из-за величавых колонн появился еще более величавый швейцар, спросил, что угодно, и величаво удалился в покои. Через 2–3 минуты вышел и сказал, что его превосходительство принять не может, не вполне здоров. Обратитесь в канцелярию… по выходе направо, первое крыльцо.

Вхожу туда. Объясняюсь.

[1] В этот период казанским губернатором был М.В. Стрижевский.

– Вам нужно обратиться к его превосходительству.

– Но я уже был у него.

Переглянулись, спросили фамилию, за другим столом пошушукались, и один из чиновников встал и направился к губернатору.

– Вот извольте получить, – сказал он, возвращаясь с удостоверением и оглядывая меня с любопытством.

Теперь Макар Никитич был дома и весело начал мне рассказывать, как любезно принял его губернатор: посадил около себя и даже по коленке погладил. Спрашивал, есть ли знакомые в Петербурге.

– Если вы там никогда не были, то на первых порах там легко растеряться… город огромный! Знаете ли, я вам могу дать адрес, где вас примут и помогут устроиться на первых порах…

– А вот и адрес этот, – и Гаврилов дал мне надушенный листик с адресом (Кирочная, нумер забыл).

– Поехали. В Москве на вокзале повстречали еще одного депутата-земляка от инородческой группы. Разговорились, и он тоже показал адрес от губернатора, что и у Гаврилина. При отъезде купили мы газету, кажется, «Товарищ», и там прочли обращение к товарищам депутатам от Аникина, Онипко, Жилкина, Аладьина и других, с указанием адреса: Невский, 116, куда призывали вновь приезжающих депутатов-крестьян обращаться. А дальше было предостережение, чтобы депутаты-крестьяне избегали квартиры – Кирочная, нумер такой-то.

Посмотрел Гаврилов свой адрес от губернатора – точь в точь! – и тут же его изорвал.

В Петрограде явились по адресу: Невский, 116. Затем отправились к нашему депутату-профессору. Он пригласил нас на собрание Конституционно-дем[ократической] партии. Здесь публика оказалась все солидная, важная и по виду именитая, а мы против них заморыши какие-то.

«Нет, здесь нам не рука», – думалось невольно, хотя с нами конст[итуционалисты]-дем[ократы] были очень любезны. Наш профессор показал нам уромцева. Тогда он мне показался несколько чопорным, но после я его полюбил. Когда шли с собрания, решили, что на Невском публика попроще, пусть и не так внимательна и любезна…

Так мы и записались в трудовую группу.

Публикуется по изданию:
К десятилетию первой Государственной думы:
27 апреля 1906 г. – 27 апреля 1916 г.:
Сб. ст. перводумцев. Пг., 1916. С. 15–30.

ТИМОФЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОКОТЬ

ПЕРВАЯ ДУМА: СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ БЫВШЕГО ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Выборный период. Роль политических партий в провинциальных выборах

Какую картину в смысле политического состояния и настроения населения представляла наша провинция во время выборов в первую Государственную думу?

В общем, несомненно, малоутешительную, неопределенную, бесформенную, туманную, хотя при всем этом и весьма оппозиционную. Провинция во время выборов, в сущности, не знала и не признавала никаких политических партий, провела свои выборы почти без всякого влияния партий как таковых, руководствуясь в гораздо бóльшей степени соображениями относительно свойств и качеств личности кандидатов, чем относительно программ, свойств и качеств тех партий, к которым принадлежали эти кандидаты. В этом смысле провинциальные выборы могут быть охарактеризованы как *личные,* но не *партийные.*

Да и могло ли быть иначе? Были ли у нас в первый выборный период такие открытие политические партии, которые действительно могли бы взять на себя дело правильных партийных выборов, могли бы рассчитывать при этом на сколько-нибудь сознательные симпатии избирательных масс, могли бы выступить с такой политической и социально-экономической программой, которая удовлетворила бы массы, увлекла бы их за этой программой?

Думается нам, что таких политических партий в провинции, особенно чисто земледельческой, у нас во время первых выборов не было. Обыкновенно считали и, вероятно, до сих пор продолжают считать, что такой политической партией в провинции была Партия конституционно-демократическая. Такое мнение, конечно весьма охотно поддерживаемое самой Конституционно-демократической партией, представляет сплошное недоразумение – даже при наличности несомненного факта – реального результата выборов, давшего столь значительную «победу» именно Конституционно-демократической партии. Мы не можем, конечно, отрицать этой «победы», но не можем указать и «врага», над которым эта победа одержана. А если нет врага, то нет и победы.

Фактическая картина выборов по Черниговской губернии покажет нам, как в действительности происходили выборы и какую роль при этом играла Конституционно-демократическая партия. Эту картину мы нарисуем дальше. Теперь же мы остановимся на тех общих соображениях, которые уже сами по себе, a priori, должны бы показать, что Конституционно-демократическая партия как таковая, как политическая организация даже и не могла иметь того активного значения при выборах, какое ей многие, особенно сама она, приписывают.

Отвлечемся от условий жизни и характера выборной кампании в крупных городских, особенно университетских центрах, где для деятельности и реальных успехов Конституционно-демократической партии еще могли быть некоторые шансы, и перенесемся в условия однообразно-земледельческой провинции. Представим себе, не сходя с самой реальной, статистически точной почвы, характер и соотношение избирательных сил и элементов такой провинции. Представим себе, с другой стороны, с той же строго-статистической точностью состав и характер местных отделов Конституционно-демократической партии, степень возможности этих отделов входить в живое, ясное, органическое общение с избирательными массами, степень близости и доверия этих масс к данным реальным составительным элементам провинциальных отделов Конституционно-демократической партии. Нарисуем себе объективно, хотя бы даже в самых общих чертах, все эти реальные условия реальной действительности, и мы убедимся, что для серьезной исторической роли Конституционно-демократической партии во время первых выборов в провинции не было места.

Весьма живо припоминается мне следующая чрезвычайно характерная сценка, свидетелем и участником которой мне пришлось быть на предвыборном собрании съезда землевладельцев и уполномоченных по Борзенскому уезду Черниговской губернии. Предвыборное собрание не без значительных трудов и препятствий со стороны администрации было устроено председателем уездного отдела Конституционно-демократической партии, земским начальником г[осподином] К. Собрание было устроено накануне самых выборов, так что съехались почти все уполномоченные, избранные в уездных избирательных участках, число которых по уезду было весьма значительное. В уполномоченные прошли почти исключительно мелкие землевладельцы – казаки и крестьяне, два-три священника и почти ни одного из мелкопоместных дворян. Число крупных землевладельцев с самостоятельным избирательным цензом оказалось по уезду крайне ничтожным по сравнению с количеством уполномоченных от мелких земледельцев-крестьян. Было очевидно, что выборы будут всецело в руках крестьянских уполномоченных. Для «победы» кандидатов Конституционно-демократической партии необходимо было завоевать симпатии и доверие этой подавляющей массы крестьянских избирателей. С этой, конечно, целью и было устроено предвыборное собрание. Устроитель собрания был и наиболее видным, в сущности – почти единственным кандидатом в выборщики от местного отдела Конституционно-демократической партии.

Началось собрание. С напряженным вниманием, с высоким подъемом гражданских чувств, впервые признанных и допущенных к свободному проявлению,

слушали крестьяне-избиратели речь председателя собрания, земского начальника г[осподина] К. С деловой объективностью г[осподин] К. изложил программу Конституционно-демократической партии, заявив, что он лично принадлежит именно к этой партии и будет, конечно, считать своим долгом твердо защищать те принципы, положения и требования, какие изложены в этой программе.

Много хорошего услыхали при этом избиратели-крестьяне! Все в программе, казалось, было направлено в пользу крестьянских масс, все обещало действительную защиту их интересов и гарантию общих политических прав населению.

Оратор кончил. Послышались легкие вздохи. Наступило на некоторое время сосредоточенно-задумчивое молчание. Но затем начались сначала робкие, отрывочные, затем все более решительные и настойчивые перекрестные вопросы и даже почти допросы, в которых задевались и личности возможных кандидатов в выборщики от Конституционно-демократической партии, и, наконец, один из крестьян-избирателей в упор председателю собрания, земскому начальнику г[осподину] К. в моем присутствии задает вопрос на своем родном, украинском языке:

– Ну, скажить мыни на мылость, чого се теперь паны такимы добрыми поробылись? До сих пор тылько те и зналы, що давыли нашего брата-мужика, а теперь – дывысь – як ангелы! Шось мыни не дуже вирыться в сю паньску доброту!

Избиратели, слышавшие это вопросительное замечание, дружно поддержали его многозначительными молчаливыми улыбками и сочувственными покачиваниями головой, а кандидат Конституционно-демократической партии ясно почувствовал, что его кандидатура безнадежно проваливается.

Между подлинно демократическими избирателями и сомнительно демократической, хотя и конституционной партией, особенно же сомнительными демократическими ее членами, совершенно естественно, неизбежно, без всякого, конечно, постороннего влияния, сразу установилась атмосфера чисто стихийного недоверия, которое делало совершенно невероятной нормальную, не обусловленную искусственными или случайными причинами «победу» кандидатов Конституционно-демократической партии.

Из *кого*, из каких *социальных* элементов состояли и могли состоять в первую выборную кампанию местные отделы Конституционно-демократической партии? Известно, что партия эта возникла и питалась почти исключительно из недр российского земства, притом главным образом из недр правящих слоев этого земства, а не из недр служилого, третьего элемента земства[1], который еще мог бы придать партии истинно демократической характер в смысле представительства и выражения классовых интересов широких масс провинциальной, почти исключительно земледельческой демократии. Но ни для кого же не тайна, что третий элемент земства, поскольку он являлся действительно органически демократическим, не обнаружил никакой склонности вступить в ряды Конституционно-демократической партии: он весь оказался левее этой партии, он отнесся с большим недоверием к демократичности этой партии. Он не удовлетворился одной

[1] Третий элемент – условное название лиц, служивших в земстве по найму (врачи, учителя, статистики, агрономы, ветеринары и др.), в отличие от администрации («первый элемент») и земских гласных («второй элемент»).

ее конституционностью, да и в самой конституционности партии, в ее чисто политической программе он нашел существенные пункты, вызывавшие сомнение и недоверие. Между действительно демократическим, сознательным третьим элементом земства и между правящим дворянско-землевладельческим и буржуазным слоем земства всегда лежала более или менее резко обозначенная грань классового характера, и эта грань даже в самом начале активной политически-организационной жизни страны не дала возможности усилить Конституционно-демократическую партию активными, творческими силами третьего элемента в той степени, в какой, казалось бы, это было возможно. Из третьего элемента земства в Конституционно-демократическую партию пошли или только верхи его, и то, конечно, в очень скромных размерах, – врачи, статистики, агрономы, по складу жизни уже приближающиеся к «кадетам», или менее сознательные, а следовательно, и менее активные, инертные элементы, усиливавшие партию только количественно, создававшие ей только чисто внешний успех.

При этом необходимо отметить чрезвычайно характерное значение и влияние даже той незначительной количественно части третьего элемента земства, которая вошла в состав Конституционно-демократической партии: как и в земстве, третий элемент и в Конституционно-демократической партии, несомненно, поддерживал и усиливал течение влево, тянул всю партию влево и то одерживал в этом отношении победу над более умеренными элементами партии, то создавал диссонанс, последствия которого рано или поздно будут иметь роковое значение для партии. В этом смысле мы до известной степени вправе сказать, что именно третий элемент партии с одной стороны создал тот относительно крупный успех партии в первую выборную кампанию, которым партия как целое поспешила так возгордиться. С другой стороны – этот же третий элемент партии определит и дальнейшую политическую судьбу ее.

Если третий элемент ассимилируется с центром и правым флангом партии, партия сохранит политически-жизненный характер либерально-конституционной оппозиции, сохранит и то крупное политическое значение, какое может и должна будет еще долгое время иметь такая оппозиция в совершающейся русской революции. Но если третий элемент Конституционно-демократической партии решительно сознает и признает свой демократический характер, решительно и твердо определит свое политическое место и положение в рядах более последовательных демократических групп и партий, то в нынешней Конституционно-демократической партии произойдет огромный, радикальный по своему значению раскол и от конституционно-демократической партии останутся одни воспоминания.

Однако к этому вопросу мы еще вернемся ниже, теперь же продолжим наши общие соображения о положении и роли Конституционно-демократической партии в первую выборную кампанию. Мы подчеркнули, что третий элемент земства решительно не мог вступить в ряды быстро возникшей Конституционно-демократической партии в тех количественных размерах и с той искренностью и убежденностью, которые только и могли создать Конституционно-демократической партии сколько-нибудь прочное положение в земской

провинции. Насчет каких же общественных элементов могла расти и крепнуть К.-д. партия в провинции? О том, чтобы в партию эту пошло рядовое крестьянство, особенно в такой напряженный, революционный момент – и революционный не только в политическом, но и в социально-экономическом смысле, – смешно даже и думать. Рядовое крестьянство, измученное нищетой и бесправием, если не сознательно, то стихийно шло только за ярко-революционными лозунгами и партиями. В его среде могли иметь успех представители Социал-революционной, отчасти Социал-демократической партии, Крестьянского союза и различных промежуточных, но, во всяком случае, ярко-демократических и революционных групп и мировоззрений. Для рядового крестьянства в силу совершенно понятных причин и условий не играли роли названия и программы партий в том смысле, как это наблюдалось в более крупных центрах, с более сознательным, развитым, политически воспитанным населением. Для рядового крестьянства были важны яркие лозунги – прежде всего искренно и глубоко демократические, подкупавшие перспективой действительного освобождения настрадавшейся личности полуголодного, угнетенного насилием и произволом крестьянина; затем лозунги революционные, т.е. обещавшие решительную, неуклонную, твердую борьбу за новый гражданский и политический строй России, борьбу теми средствами – не грубо насильственными, не кровавыми, которые, органически подчиняясь глубоким велением народной совести, признает и одобряет народ как целое. Для рядового крестьянства необходимы были, наконец, весьма определенные, отвечавшие наболевшим потребностям крестьянской массы лозунги экономические, прежде всего – земельные. Не «наделения» крестьян землей по трудно уловимой «справедливой оценке» ожидали и требовали крестьянские избиратели, а перехода всей земли в руки трудящихся, если не без всякого выкупа, то по самой минимальной и притом ясно определенной, вполне доступной для крестьянского понимания оценке. Если мы прибавим сюда тот несомненный факт, что в рядовом крестьянстве, несмотря на все трудности и препятствия, была широко распространена организация и земельная программа Крестьянского союза – отпрыска Социал-революционной партии, то для нас станет совершенно понятным, почему Конституционно-демократическая партия и программа не могла иметь никакого сколько-нибудь прочного успеха в рядовом крестьянстве, в крестьянских массах.

Несколько бóльшим, казалось бы, успехом могла бы пользоваться Конституционно-демократическая партия в среде еле народившегося у нас буржуазного крестьянства, в среде зажиточных крестьян, в среде «богатырив», в среде старшин, писарей, мелких деревенских лавочников-крестьян, подрядчиков и т.п. Этот слой буржуазного крестьянства до известной степени чувствует уже свою обособленность от рядового крестьянства, от крестьянской массы. Но он в то же время не чувствует и своей близости к тем слоям и элементам, из которых составились руководящие центры Конституционно-демократической партии. Мало того, буржуазная часть крестьянства явно или тайно чувствует и признает в «господах», из которых строилась и строится Конституционно-демократическая партия, своих социально-экономических противников, конкурентов или – и прямо врагов. Насчет «господ» в значительной степени создавалось

и создается социально-экономическое благополучие и будущее господство деревенской крестьянской буржуазии. В «господах» и для крестьянской буржуазии, пожалуй, даже не в меньшей степени, чем для рядового крестьянства, чувствуются настоящие господа крепостных времен: жизнь, конечно, изменила крепостные отношения, но старый крепостной дух еще чувствуется подчас в отношениях «господ» и дает себя знать тем больнее, чем фактически независимее положение нынешних «зажиточных мужичков». Никогда им не идти искренно, дружно и сознательно в одной партии с бывшими «господами»! Да и «господа» чувствуют, конечно, что зажиточные «мужички» ждут не дождутся окончательной экономической ликвидации бывших господ.

И экономические, и политические интересы у дворянства и у крестьянской буржуазии, несомненно, противоположны, и трогательное единение их в одной политической партии, отчасти наблюдаемое в Конституционно-демократической партии, – явление временное, и больше – по недоразумению. Как только народится у нас политическая партия, которая в состоянии будет объединить демократически-буржуазные элементы деревни, крестьян в Конституционно-демократической партии больше не будет даже «на украшение», как это наблюдалось у нас в первую выборную кампанию.

Но не одни только эти более или менее строго классовые причины не позволили и не позволят элементам деревенской крестьянской буржуазии прочно входить в состав Конституционно-демократической партии. В первую, по крайней мере, выборную кампанию мы совершенно отчетливо могли наблюдать еще одно крупное явление – не столько строго классового, сколько, так сказать, стихийно-психологического характера: мы видели, что самые разнообразные общественные элементы, экономические, классовые интересы которых не вполне или даже мало совпадали с интересами рядового крестьянства, широких народных масс, тем не менее, стихийно подчинялись тому движению, которое мощным, всенародным потоком поднималось из глубин народных; которое собственно и являлось основным, питающим источником охватившей Россию социально-политической революции.

Русская революция – глубоко народная революция, а потому – не буржуазная, не политическая только революция. Самые жизненные, самые основные интересы широких народных масс, т.е. главным образом масс малоземельного и безземельного крестьянства сделали исторически необходимой, неизбежной великую русскую революцию, успех которой единственно только и может спасти политическое существование и дальнейшее политическое развитие русского государства. Русская революция поэтому – глубоко демократическая революция, и ни одна политическая партия в России, пока не закончится русская революция, не может отказаться от демократических принципов и требований, если она желает играть хоть какую-нибудь действительно политическую роль. Чисто буржуазные партии, у нас объединяемые пока общим именем *правых* партий, если сюда же причислить и реакционные партии, у нас совершенно естественно, исторически и логически неизбежно осуждены на крайне жалкую в политическом смысле роль, как это отлично обнаружилось и в первой Думе. Эта участь, вероятно,

долго еще будет предстоять всем нашим недемократическим партиям, начиная по меньшей мере с Союза 17 октября.

Указываемая стихийно-психологическая причина, несомненно, оказала весьма большое влияние и на возникшую в земской среде Конституционно-демократическую партию. Эта, по существу, только конституционная партия инстинктивно угадала дух времени, дух русской революции и более или менее удачно поспешила присоединить к своему истинному названию еще и название демократической. Будь бы в России только буржуазная, только политическая революция, мы бы никогда не имели той «конституционно-демократической» партии, которая в первую выборную кампанию и в первой Думе сыграла все же такую видную роль. Только признание демократических принципов и требований, если не всегда по духу, то хотя бы по форме, в программе доставило Конституционно-демократической партии то положение, каким она пользовалась в первый думский период.

Только этим, глубоко-захватывающим, стихийно-народным, демократическим характером совершающейся русской революции мы можем объяснить такие, казалось бы, противоречащие реальному пониманию исторических событий явления, как «проникновение» демократическими принципами и настроениями значительной части нашего дворянства и даже, конечно уже далеко не в такой степени, нашей крупной буржуазии. Демократические принципы и требования несомненно противоречат классовым интересам дворянства, и тем не менее, это дворянство, поскольку оно примкнуло к Конституционно-демократической партии, признавало и проводило, хотя бы и с грехом пополам, эти принципы и эти требования в первый думский период. Можно сказать, пожалуй, что это уступка со стороны дворянства и буржуазии за ту помощь со стороны демократии, какую она оказывает в борьбе за буржуазно-политические интересы. И это положение отчасти справедливо. Но еще больше это явление может быть объяснено действием той непосредственной, захватывающей социально-психологической силы, какую всегда проявляют широкие народные движения.

Бóльшая сила всегда покоряет, подчиняет себе силы мéньшие, и это мы несомненно должны наблюдать и в социальной жизни. Этими же социально-психологическими причинами мы можем объяснить, например, и ту роль русского дворянства в эпоху освобождения крестьян, на которую у нас так часто ссылаются как на исторический пример глубокого бескорыстия и благородства нашего поместного сословия. Несмотря на то, что о «бескорыстии» дворянства при освобождении и крестьян даже и говорить не приходится, общественная роль дворянства и в эпоху освобождения, и в эпоху других «великих реформ» все же была окрашена своего рода «историческим идеализмом». И объяснить этот идеализм мы можем именно захватывающим и покоряющим действием социально-психологических сил, которые проявляются в период крупных глубоко народных движений, в период глубоко народных революций.

Эти силы в переживаемый Россией исторический момент заставляют многие недемократические общественные элементы как бы сливаться с демократическим мощным народным движением, заставляют подчиняться ему. Вот

почему буржуазные крестьянские элементы особенно не могли в первый думский период открыто отделиться от родных им широких народных масс, не могли поэтому в сколько-нибудь значительном количестве войти все-таки в «господскую» Конституционно-демократическую партию.

Каковы же дальнейшие общественные элементы, насчет которых могла нормально и успешно расти и развиваться Конституционно-демократическая партия? Сельское духовенство, влияние которого на население при известных условиях могло бы быть весьма значительным, оказалось, в сущности, инертным в лучшей своей части и прямо враждебным даже Конституционно-демократической партии – в худшей своей части, являвшейся или послушным орудием в руках духовной и светской бюрократии, или враждебной народному движению в силу грубо понимаемых личных интересов. К счастью или к несчастью для русского народа, наше духовенство никогда не имело сколько-нибудь самостоятельного, независимого положения в нашей общественной жизни, а потому и влияние его на эту жизнь, в сущности, всегда было весьма ничтожно. Участь, постигшая священников-кадетов, заявивших о себе в первой Думе, вероятно, надолго придавит и ту слабую оппозиционную струю в нашем духовенстве, какую все же успело создать народное движение в первый думский период. Или на основании законов действия и противодействия репрессии против бывших членов Думы – священников только усилят оппозиционную струю в нашем духовенстве? Ответ на этот вопрос даст предстоящий думский период.

Провинциальное чиновничество тоже, конечно, весьма мало могло содействовать успеху Конституционно-демократической партии, как несомненно оппозиционной, а потому не пользовавшейся никакой поддержкой руководящих слоев и центров чиновничества.

Остается еще один, весьма важный благодаря своей активности, слой провинциального населения, сочувствие которого имеет огромное значение для всякой политической партии. Это евреи. В какой же степени евреи поддерживали Конституционно-демократическую партию? В сколько-нибудь крупных городских центрах, в еврейском населении которых явно преобладают буржуазные элементы, евреи оказали весьма значительную поддержку Конституционно-демократической партии. Демократическая и революционная часть еврейского населения в этих центрах, как известно, в значительной степени совершенно уклонилась от выборов. В мелких городских центрах и в деревне евреи явно обнаруживали склонность быть «левее кадетов», по-видимому, потому, что личный состав провинциальных отделов Конституционно-демократической партии не всегда внушал им полное доверие в искренности и твердости местных членов этой партии и кандидатов в выборщики – в той части программы, которая особенно близко касалась тех вопросов и интересов, в разрешении и защите которых евреи особенно заинтересованы. В мелких провинциальных центрах евреи поэтому не только не входили в Конституционно-демократическую партию, но даже и на выборах предпочитали кандидатов «левее кадетов».

Что же оставалось, таким образом, для Конституционно-демократической партии в провинции? Из каких общественных элементов она могла там строиться

и развиваться? Очевидно, круг и характер этих элементов оказался чрезвычайно узким, ограниченным. «Земские люди», земские служащие, изредка представители крестьянской и торгово-городской буржуазии, еще реже представители чиновничества и духовенства – вот все те элементы, из которых формировались провинциальные отделы Конституционно-демократической партии. Широкие народные массы, на которых единственно могут строиться сильные политические партии, оказались чуждыми Конституционно-демократической партии, и уже одно это обстоятельство вполне определенно решало, устанавливало истинное политическое положение и значение этой партии. Если мы прибавим сюда то обстоятельство, что в Конституционно-демократической партии, особенно в провинциальных ее отделах, совершенно естественно руководящее положение заняли представители именно земского, землевладельческого дворянства, не исключая даже предводителей дворянства и земских начальников, почувствовавших призвание проводить не только конституционные, но и демократические принципы, то мы вполне поймем и то более или менее явное недоверие к К.-д. партии, которое обнаружилось в широких массах демократических избирателей, и то, в сущности, весьма скромное положение и значение во время выборов, которое выпало на долю этой, казалось, столь блестящей и сильной политической партии. Широкие круги избирателей скорее терпели кадетов на выборах, чем поддерживали их. Терпели потому, что уж лучше кадет, чем какой-нибудь более правый, но о том, чтобы кадеты создали и провели выборы в первую Думу в провинции, не может быть даже и речи.

Крупные левые партии, т.е. Социал-демократическая и Социал-революционная, как известно, бойкотировали выборы. Но даже и такое чисто отрицательное влияние левых партий на выборы в провинции сказалось весьма мало. Социал-демократическая партия в нашей земледельческой провинции вообще не имеет почти никакого распространения и значения. Небольшие группы и отдельные сторонники социал-демократии, правда, существуют и в земледельческой провинции; они даже участвовали, по-видимому, в выборах, как бы вне партии. В числе выборщиков по Черниговской губернии оказалось даже два сторонника Социал-демократической партии – один рабочий и один присяжный поверенный, формальная принадлежность которых к Социал-демократической партии остается, однако, для меня не установленной. Но это были совершенно единичные случаи, которые, конечно, ничего не говорят о роли Социал-демократической партии во время выборов в провинции. Попытки проповеди бойкота тоже не имели никакого успеха на массы крестьянских избирателей. Это одинаково относится как к социал-демократам, так и к социал-революционерам.

Гораздо бóльшую роль сыграл во время выборов Крестьянский союз. Несмотря на всю трудность сколько-нибудь свободной выборной работы для сторонников этого союза, число этих сторонников, успевших пройти в выборщики, и в Черниговской губернии оказалось весьма значительным. Среди крестьян-депутатов первой Думы, как известно, число членов и сторонников Крестьянского союза оказалось тоже вполне заметным. Широкие массы малоземельных крестьян-избирателей дружно поддерживали кандидатов Крестьянского союза и

несомненно, что при бóльшей свободе выборов успех Крестьянского союза был бы еще значительнее. Правда, в силу «нелегальности» союза кандидатами в выборщики от этой организации оказались почти исключительно крестьяне, которых администрация хотя и преследовала, но все же не настолько энергично, чтобы везде устранять их от выборов; руководители же местных отделов Крестьянского союза, как интеллигенты, редко где могли проскользнуть в выборщики, минуя зоркого глаза администрации; бóльшая же часть их оказалась или на положении «нелегальных», или по тюрьмам с исключением из списка избирателей. Действительная сила сторонников Крестьянского союза в первой Думе была таким образом существенно ослаблена. Но сочувствие крестьянских депутатов в самой Думе к идеям и положениям Крестьянского союза было настолько очевидно, что сомневаться в мощности и в успехе Крестьянского союза во время выборов еще на несколько думских периодов едва ли возможно. Крестьянские массы будут поддерживать идеи и кандидатов Крестьянского союза до тех пор, пока земельный вопрос так или иначе не разрешится в сколько-нибудь удовлетворительных для массы крестьянства формах.

Значительным успехом на выборах пользовались также внепартийные, независимые радикально-демократические и социалистические элементы, которые выступали, так сказать, сами за себя, не ссылаясь на принадлежность к каким бы то ни было партиям, с более или менее самостоятельными, но всегда радикально-демократическими программами. Такие позиции занимали иногда и левые кадеты, которые и проходили, в сущности, не как конституционалисты-демократы, а, так сказать, сами по себе, как радикально-демократически и даже революционно настроенные кандидаты. Вообще, как мы уже отметили выше, масса избирателей оценивала и избирала кандидатов как определенных лиц, а не как представителей определенных партий. Поэтому и в выборе кадетов играли гораздо бóльшую роль личные качества и отношения кандидатов, чем их принадлежность к К.-д. партии.

Наконец, партии правее к.-д. если где и имели успех, то чисто искусственным, механическим путем – путем особой «обработки» избирательных списков и самих избирателей или благодаря безнадежному отсутствию какой бы то ни было предвыборной агитации со стороны левых партий и кандидатов. В Думу же «правые», в сущности, почти совсем не прошли, если не считать поляков, у которых выборы прошли при совершенно особых условиях и обстоятельствах.

Таким образом, вопрос о роли политических партий в первых выборах в Думу едва ли даже имеет какой-либо практический интерес. Первые выборы в Думу были, в сущности, совершенно не партийные, а почти исключительно личные. Поэтому в дальнейшем нашем описании выборов вопросу о роли партий будет посвящено лишь самое второстепенное внимание.

Предвыборные собрания и ход выборов

Весь ход первой выборной кампании в Думу является прекраснейшим и убедительнейшим доказательством того, насколько бессильны правительственные

репрессии, направленные против правильного выражения народной воли, народных требований, народных настроений, если только *народ* действительно допущен к участию в выборах. Тот избирательный закон, по которому происходили выборы в первую Думу, для земледельческой провинции давал уже достаточно полное участие *народа* в выборах. Крестьянство, может быть в силу «особых» соображений правительства, имело, по крайней мере по букве и по смыслу закона, почти полную возможность осуществить свои избирательные права при выборах в первую Думу, и оно действительно осуществило их так, как это отвечало его стихийному политическому настроению. Правительству, излишне понадеявшемуся на консерватизм крестьянства, пришлось потом только сожалеть о допущенном «недосмотре», а теперь, вероятно, придется подумать и об изменении избирательного закона, чтобы этим, более надежным путем гарантировать «успех» вторых выборов.

Конечно, и во время первых выборов правительство не могло не чувствовать некоторой опасности от широкого участия крестьянских масс в выборах, которых не пришлось сделать даже сословными, куриальными. Уступка настойчивым демократическим требованием и течениям со стороны правительства, выразившаяся в избирательном законе 11 декабря 1905 года, привела к тому, что при малейшем «недосмотре» администрации как в городских, так и в земледельческих избирательных собраниях, в конце концов решающую роль должны были играть малоземельные крестьяне и мелковладельческое городское население, являющееся у нас тоже в значительной степени земледельческим. Таким образом, сама сила вещей, сила жизни отдала первые выборы в руки именно основной массы того трудового населения России, которое наиболее жизненным способом и в наиболее сильной степени является заинтересованным в ликвидации старого государственного строя, в замене его новым, основанным на началах полноправного и широко-демократического народного представительства.

Свободный голос массы земледельческого населения в первом русском народном представительстве являлся бы самым убедительным историческим документом и историческим указанием, которое должно было или санкционировать начавшуюся великую русскую революцию, или совершенно отвергнуть необходимость ее, указать другие, не революционные пути для выхода государства из того трудного, тяжелого положения, которое привело к необходимости созыва народного представительства. Голос народа при этом, конечно, должен был быть совершенно свободным. Это было признано и подтверждено даже правительством, для которого голос народа был голосом Божиим, был народным, историческим судом за всю вековую политику государства. И правительство не раз подтверждало на бумаге, что оно желало бы гарантировать свободу выборов, свободу выражения народного настроения.

Необходимость таких подтверждений со стороны правительства являлась отчасти результатом тех причин и тех сил, которые заставляли правительство идти хотя бы на внешние, формальные уступки настроению страны, отчасти же – и отражением тайной надежды… на консервативность крестьян. Но эту приятную надежду тревожил тот неприятный факт, что и в крестьянскую среду все же нахо-

дят, нередко даже значительный, доступ «злонамеренные элементы», вмешательство которых может поколебать консерватизм даже крестьян. Тревожило правительство, хотя уже и не в такой степени, и распространение Конституционно-демократической партии, хотя влияние этой партии на деревню даже и для правительства, вероятно, не представлялось особенно опасным и маловероятным.

Как бы то ни было, но наряду с торжественными заявлениями о свободе выборов были приняты и «зависящие меры» домашнего порядка для законного пресечения и предупреждения нежелательных влияний – прежде всего, конечно, на предвыборных собраниях. Устраивать предвыборные собрания вообще было чрезвычайно затруднительно. Полиция, этот властитель провинции, вообще не одобряла стремление обывателей устраивать собрания, а тем более обывателей, за которыми была хоть тень репутации «беспокойных», т.е. принадлежащих или примыкающих к воззрениям всех партий левее Союза 17 октября. Сторонники же партий вправо от к.-д. предпочитали или устраивать келейные, домашние собрания, на которых участвовали только избранные обыватели и обсуждались только способы устранения намечавшихся избирательных трудностей, или же прямо обделывать такие дела, как невключение в списки нежелательных избирателей, способы возможно меньшего осведомления избирателей о выборах, наконец, другие простейшие способы привлечения сторонников и устранения противников. В тех случаях, когда в руках «правых» находилась власть – городские головы, председатели земских управ – подобные дела и способы до известной степени удавались, особенно если среди обывателей не находилось достаточно энергичных «левых», которые могли бы парализовать махинации «правых». А ведь недостаток энергичных «левых» в провинции или парализованность их действий благодаря воздействию администрации – явление слишком обычное и общеизвестное. Предвыборная картина в провинции поэтому сплошь и рядом представлялась почти совершенно мертвой.

В родном моем уезде – в Борзенском уезде Черниговской губернии – почти до момента начала выборов, в сущности, не было ни одного сколько-нибудь заметного предвыборного собрания ни в городе, ни в деревнях. Первым толчком к устройству предвыборных собраний явилось экстренное уездное земское собрание в конце февраля 1906 года. Выборы приближались. Управы уже заканчивали составление и печатание избирательных списков. Среди гласных земского собрания начались оживленные разговоры о предстоящей выборной кампании. Представители «правого» дворянства в земском собрании уже явно обнаруживали беспокойство за успех выборов в желательном для них смысле, а между тем год тому назад от них можно было слышать, например, такие замечания: «Что там ваша конституция, ваши выборы? Ручаюсь, что меня выберут хоть китайским императором, если не пожалею нескольких бочек спирту из моего завода!».

Так смело уверял меня год тому назад представитель нашего уездного дворянства. Теперь он посматривал даже на «своих» старшин, земских гласных уже исподлобья, с скрытым недоверием, несмотря на то, что они даже на собрании все еще иной раз по старой привычке говорили ему: «Точно так» и «никак нет»! Но эти ответы вырывались уже больше по ошибке. В настроении крестьян-гласных, не-

смотря на то, что это были сплошь старшины или зажиточные мужички, уже было что-то почти вызывающее и раздраженное по отношению к «господам» в земском собрании. А когда мною в собрании при обсуждении вопроса о недоимках и об источниках усиления средств земства был поднят вопрос об изменении системы обложения земельных имуществ в сторону прогрессивности, крестьяне-гласные выразили настолько явное и сильное сочувствие этой идее, что даже председатель собрания, все время упорно возражавший мне, при голосовании принципиальной стороны затронутого мною вопроса не нашел удобным подняться против, может быть, и из соображений о практической неважности голосования. Но тут же председатель в частном разговоре заметил мне: «Я понимаю Вас только в том случае, если вы затронутым вопросом начинаете предвыборную кампанию!».

Признаюсь, этой мысли у меня тогда совершенно не было. Но идея, брошенная в саркастическом тоне председателем собрания, чувствовавшим, что теперь не только в китайские императоры, а даже и в губернские выборщики на одном спирте пройти будет невозможно, была мною с полнейшей готовностью подхвачена, и я, не откладывая дела в долгий ящик, обратился к уездному исправнику с заявлением о том, что мною будут устроены в три ближайшие дня три предвыборных собрания городских избирателей г. Борзны. Добродушный старичок исправник, ожидавший со дня на день бумаги об отставке и бывший уже почти не у дел, довольно скоро согласился дать мне разрешение на собрания, хотя не без беспокойства заметил при этом: «Но так как Вы земский гласный и профессор, то, надеюсь, из этого ничего дурного не выйдет! Впрочем, я ведь не разрешить не могу, не имею права, только пожалуйста, чтобы не вышло чего!».

На следующий день после этого разговора с исправником должно было состояться первое городское предвыборное собрание. Однако даже добродушный старичок исправник, очевидно, пришел в смущение и беспокойство от предстоявшего события, которое, несмотря на всю простоту и законность его, очевидно, взволновало прежде всего саму уездную администрацию. По-видимому, помощник исправника, человек более в курсе дела, более знавший и угадывавший то, чего хотело и требовало от полиции высшее начальство, признал мою «затею» особенно нежелательной. На другой день я получил от полиции бумагу о том, что до представления мною точного списка всех *участников* собрания таковое мне разрешено быть не может.

Понятно, эта бумага уездной полиции была явным нарушением закона, который требовал указания только ответственных устроителей собрания, но, конечно, не всех его участников. Но поди докапывайся и добивайся «законной правды» со стороны полиции, да еще за одну-две недели до выборов. Не сомневаюсь, что предположенные мною собрания так бы и не удались, если бы... не благодушие все того же старичка исправника.

Так как «участниками» предвыборных собраний по точному смыслу не столько закона, сколько логики являются все избиратели, то мне не оставалось ничего другого, кроме представления полиции печатного или писанного списка городских избирателей. Так я и сделал. Не менее счастливая случайность же помогла мне достать печатный список городских избирателей у городского головы, кото-

рый, конечно, легко мог или не иметь такого списка в личном своем распоряжении, или не дать мне его, хотя бы, например, и из чисто личных или партийных соображений. Но… я получил список и представил его в полицию. Исправник, по-видимому совершенно не ожидавший такого выхода из того затруднения, в которое полиция, несомненно, намеренно поставила меня, долго нерешительно перелистывал печатный список, заключавший не менее двух тысяч городских избирателей и, наконец, вопросительно поглядывая на своего помощника, недружелюбно и упорно молчавшего, начал сдаваться:

– Ну, что ж? Список представлен… Все избиратели, действительно, имеют по закону право на участие в предвыборных собраниях… Перебирать их, – допускать одних и не допускать других, мы не можем… Значит, приходится разрешить! Как вы думаете, г[осподин] помощник?

– Вы исправник! Ваше дело – разрешить или не разрешить! Вы же и отвечать будете, в случае чего!

– Ну, да что ж отвечать-то! Приходится по закону! Делать нечего – устраивайте, только смотрите – в случае чего, Вы будете отвечать! – обратился исправник уже ко мне с той же угрозой, которая была видна в ответе помощника исправника самому исправнику, – и тут же сделал наряд чуть ли не всему составу полиции присутствовать на собрании. Надзиратель и городовые, все время с напряженным любопытством вслушивавшиеся в мои переговоры с исправником, были уже в полной готовности, так как часа через два-три собрание должно было начинаться.

Не могу не припомнить при этом одного маленького, но характерного курьеза. Получивши накануне словесное согласие исправника на первое предвыборное собрание, я, чтобы успеть за такой короткий срок оповестить избирателей, написал личные обращения ко всем городским священникам с уведомлением о разрешенном мне предвыборном собрании и с просьбой оповестить об этом прихожан в церкви во время воскресного богослужения (дело было как раз накануне воскресенья). Все священники, независимо от оттенков направлений, сообщили о моем к ним обращении своим прихожанам в церкви, а это, конечно, моментально сделалось известным полиции.

Все священники были немедленно вызваны в полицию и два-три из них явились туда.

– Какое Вы имели право оглашать по просьбе частного лица о собрании? Вы знаете, что отсюда для нас произойти может? Ведь на собрание повалят все пять приходов без различия пола, возраста и состояния? Где мы возьмем городовых, чтобы сохранить при этом порядок?

Так «распекала» полиция священнослужителей, пригрозив в заключение донести по начальству. Священнослужители были, конечно, в смущении, хотя, очевидно, в их действиях не было ровно ничего незаконного, а тем более противозаконного: объявляют же в церквах о приеме в школу, о привитии оспы, о каких-нибудь душеполезных чтениях и т.п. Неужели же объявление о предвыборном собрании, деле, касавшемся вопроса такой огромной государственной важности, как выборы в Думу, не должно было найти отклика в центре прихода – в церкви?

Но... это не угодно было *полиции,* и полиция показала, насколько она важнее по своему положению в государстве, чем церковь. Церковь была морально придавлена, запугана полицией, и священнослужители, вероятно, не станут больше объявлять о предвыборных собраниях, не получив на то предварительно одобрение полицейского участка. Этот маленький эпизод является как нельзя более лучшей и чисто жизненной иллюстрацией того, насколько церковь у нас подчинена бюрократии, насколько она сама бюрократизована, если не в силу существа своего собственного предназначения, то в силу могущественного, всеподчиняющего и всеразлагающего влияния центральной полицейско-бюрократической власти. Бюрократия даже и церковь сумела низвести до простых органов местного своего воздействия, если не власти. В русском духовенстве не нашлось ни культурной, ни материальной силы для противодействия такому обезличивающему влиянию центральной государственной власти. И если бы в русском духовенстве остались хоть следы стремления к независимости, к самостоятельной роли в духовной и в общественной жизни страны, духовенство не задумалось бы в настоящий исторический момент стать на сторону глубокого народного движения. Необходимость этого должно бы подсказывать ему даже простое чувство общественного самосохранения: народ признаёт и признáет только то духовенство, которое всегда с ним и за него!

Но возвратимся к предвыборному собранию.

Полиция, конечно, совершенно напрасно боялась наплыва публики не только «без различия пола, возраста и состояния», но даже и специально избирательной. Население было настолько еще не приучено даже к самой мысли о предвыборных собраниях и, вероятно, настолько побаивалось, вслед за полицией, «как бы не вышло чего», что на первое собрание явилось всего каких-нибудь двести-триста человек. Но и то полиция прилагала все усилия к тому, чтобы хоть измором заморить собрание.

Прежде всего избирателей пропускали в зал собрания по одному. Надзиратель с печатным списком в две тысячи лиц сидел у входных дверей и отыскивал по списку каждого входившего, отмечая его там зачем-то красным карандашом. Хотя надзиратель отлично знал всех своих обывателей, знал их имущественное положение, а следовательно, и право на занесение в избирательный список, но тем не менее, он за каждым таким обывателем тратил нередко 5–10 минут, отыскивая его по списку. Избиратели толпились на дворе, у входных дверей. Прошло больше часу, а в зале собрания сидело еще только каких-нибудь человек пятьдесят.

Очевидно, избиратели могли, наконец, запротестовать и... разойтись, чтобы не подвергаться такому несоответствующему достоинству «граждан» полицейскому испытанию. Пришлось в свою очередь настаивать перед полицией, чтобы она таким косвенным способом не делала фактически невозможным самое собрание.

Полиция согласилась, наконец, впустить сразу всех избирателей и потом уже отыскивать и отмечать их по списку.

Собрание было объявлено открытым. Полицейский надзиратель, ссылаясь на приказ своего начальства, заявил, что он будет присутствовать в собрании.

Председатель собрания, ссылаясь на п. 6 ст. XII указа 11 декабря 1905 года, стал настаивать на том, что в самом собрании чины полиции присутствовать не должны, а могут только «наблюдать за тем, чтобы посторонние лица не имели доступа в помещение, в котором происходит собрание». Надзиратель заволновался и послал за своим высшим начальством. Вскоре явились исправник и его помощник с номером местных «Губернских ведомостей» в руках, где были помещены такие статьи закона, которые давали право полиции на присутствие в подготовительных собраниях избирателей. Пришли и уселись. Председатель собрания заявил, что он обжалует действия полиции, а полиция тут же стала прерывать речи ораторов, по-своему расценивая их уместность или неуместность и грозя закрыть собрание в случае, если «неуместные» речи будут продолжаться.

– Но где же Ваши инструкции о том, что уместно и что неуместно?

– А это уже наше дело! Зачем вы тут разговариваете о разных системах выборов, о земле, о еврейском вопросе, о финансах и долгах? Известное дело, что долги – вещь неприятная! Но вам-то до этого какое дело? Соберется Дума, она и рассудит, а пока Думы нет, вы говорите только о том, что вам положено, – о выборах по тому закону, какой издан и какого изменять нам не предоставлено! Если будете уклоняться, сейчас закроем собрание!

Сказали свое веское, безапелляционное слово чины полиции и, как коршуны, стали впиваться в каждое слово ораторов. Только что выльется мысль, как полиция бесцеремонно останавливает речь и доказывает ее неуместность, еще и еще раз грозя закрыть собрание. Положение собрания делалось невозможным. Его сравнивали потом с мышкой, пойманной котом, которому доставляло почему-то удовольствие не сразу съесть добычу, а, натешившись сначала ее бессилием, [не позволить] уйти из когтей хищника, несмотря на то, что он милостиво разрешал ей под своим зорким оком «свободу».

Но судьба и здесь спасла собрание. Мышка, благодаря слепой, но счастливой случайности, ушла из когтей хищника. Кто-то из избирателей сообщил о происходящем в собрании находившимся вблизи в каком-то заседании предводителю дворянства и уездному члену окружного суда. Те немедленно приняли сторону собрания, встали на защиту «свободы» его, вызвали к себе исправника и его помощника, сделали им внушение, после которого чины полиции сочли за лучшее скрыться. В собрании в это время оставался один надзиратель. Но вскоре явился в собрание член суда и громогласно, перед всеми просиявшими обывателями-избирателями объяснил надзирателю незаконность присутствия полиции на собрании. Сконфуженный надзиратель вышел из зала собрания. И едва дверь закрылась за надзирателем, как зал собрания огласился неистовыми, бесконечно искренними и дружными аплодисментами, исходившими, видимо, из самой глубины души этого первого в городе Борзне избирательного собрания. Победа обывателя над всемогущей, всегда безнаказанно давившей его администрацией была, видимо, самым лучшим, самым дорогим для пробуждавшихся «граждан» моментом из всего первого избирательного собрания! Не раз избиратели проявляли свое удовольствие и на этом первом, и на следующем втором предвыборном собрании, но ни разу это удовольствие не проявлялось так дружно, так искренне,

как при «изгнании» полиции из зала собрания! Изгнание это, конечно, далось совершенно случайно; оно оказалось даже не вполне законным, так как п. 6 ст. XII указа 11 декабря касался собраний выборщиков, а не собраний избирателей, но радость и ликование обывателя были бесконечно велики и искренни. В этой радости сказалась вся жизненная глубина того внутреннего раздражения и скрытого протеста против административного гнета и произвола, которые являются одним из сильнейших рычагов оппозиционного или прямо революционного настроения народных масс в переживаемый нами период.

Когда на собраниях говорилось об экономической нищете и эксплуатации трудового населения, избиратели с тяжело сосредоточенным вниманием слушали эти речи, вдумывались в них, сочувствовали им, переживали как бы все те ощущения, которые связаны с этой стороной их существования. Но они чувствовали при этом, что живого, реально-непосредственного виновника нищеты и эксплуатации они все же не видят; они чувствовали, что эта нищета и эксплуатация связана с каким-то очень сложным и бесконечно сильным общим экономическим строем, против которого возможна только медленная, вековая борьба, которого к тому же словами и речами не победишь, а разве только – выяснишь, поймешь. И избиратели слушали эти речи только с сосредоточенным вниманием и спокойными, хотя и глубокими вздохами.

Когда говорили о народном образовании, об источниках духовного света, избиратели оживлялись, как бы сами загорались жаждой этого света, как бы переживали удовольствие от одного предвкушения этого света. Но это было удовольствие спокойное, тихое, без тени отражения какого-либо внутреннего раздражения и неудовлетворенности. Когда говорили о национальном вопросе, т.е. о вопросе еврейском, избиратели-русские спокойно, с сознанием глубокого человеческого достоинства сознавали свое полное гражданское единство с сидевшими тут же избирателями-евреями, а всякое удачное слово евреев, по этому ли или по другим, затрагивавшимся в собрании вопросам, вызывало дружное, вполне искреннее и непринужденное одобрение и удовольствие. Но это было удовольствие пробуждающегося сознания гражданина, это был только подъем гражданского чувства и гражданского самосознания.

Но когда заговорили о полиции, когда нарисовали хорошо известную обывателям картину полицейского произвола и самовластия, когда выставили простое и ясное положение, что полиция должна быть не самовластным властителем, а лишь слугой народа, от которого она, как и всякая власть, питается, – то эти речи вызывали такие искренние и дружные взрывы аплодисментов и удовольствия избирателей, что только слепой мог не видеть, как глубоко в душу проникали эти речи и из какой глубины души вырывались восторги удовлетворенной гражданской мысли и гражданского чувства слушателей!

Только граждански слепые люди могли и могут говорить и повторять избитую казенную мысль о том, что проявляющиеся в беспорядочных, малосознательных и нередко малокультурных формах протесты населения против администрации являются чем-то навеянным со стороны, чем-то искусственно возбужденным, каким-то продуктом дурного воздействия на дурные страсти народа, который

будто бы можно подвигнуть на все, что угодно!

Предвыборные собрания, как и сколько-нибудь свободные собрания с участием широких народных масс и со свободным, непринужденным и ни к чему не возбуждающим обменом мыслей по основным, близко затрагивающим народные интересы вопросам, как нельзя лучше могут доказывать, насколько глубоко чувствуется, если не сознается, административный гнет и произвол бесконтрольной, самовластной бюрократии в широких народных массах, и насколько, с другой стороны, самое свободное, с полным признанием гражданских прав народа, обсуждение этой стороны общественно-государственной жизни может удержать народные массы от выступления на путь каких бы то ни было насильственных форм протеста против этого гнета и произвола!

К несчастью, те, от кого зависит направление рычагов нашей внутренней политики, отношений власти к населению, не умеют или не хотят смотреть на вещи с тем объективным спокойствием, с тем объективным реализмом, который единственно пригоден и обязателен в политике. Отсюда бесконечная, напрасная трата личных и материальных общественных сил в борьбе старого с новым, конечно только ослабляющая общественный и государственный организм.

Однако возвратимся к предвыборным собраниям и, прервав на минуту повествовательное описание их, которое даст нам еще немало интересных моментов, попытаемся сформулировать те «народные требования и ожидания», которые успели выясниться уже и на первых двух описываемых собраниях (третье собрание было уже запрещено телеграммой черниговского губернатора, как об этом я расскажу ниже).

Эти народные требования и ожидания были так удивительно ясны, очевидны с самого начала предвыборного общения избирателей, с таким удивительным сходством и однообразием повторялись на всех предвыборных собраниях как в уезде, так и в губернии, что читатель не посетует на нас, если мы теперь же сформулируем эти народные требования и ожидания, и при этом сформулируем их так, как мы формулировали их тогда же, под свежим впечатлением предвыборных собраний и первых дней работы первой Государственной думы. То, что читатель прочтет в следующем отделе настоящей главы, представляет именно ту формулировку народных требований и ожиданий, какую мы дали еще в апреле и в начале мая нынешнего года под свежим впечатлением выборов и первых дней работы Думы.

Народные требования и ожидания

20 апреля 1906 г. Велика и тяжела ответственность членов первой Думы перед народом, перед избирателями! И тем тяжелее эта ответственность, что истинные требования народа от его представителей в Думе не могли быть выяснены с достаточной полнотой и определенностью: этому мешали и систематические препятствия действительной свободе выборов, предвыборной агитации, и коренные недостатки самой избирательной системы – выборы были не прямые, не равные и не всеобщие.

Если Дума должна быть действительным представительством *народа*, а она должна быть таковым, выборы должны быть непременно *прямые, равные и всеобщие*. Народные массы, насколько можно было ознакомиться с их требованиями на выборах, безусловно, стоят за прямые, равные и всеобщие выборы. Огромная масса избирателей упорно отказывалась понимать, как это и почему она выбирает в какие-то избирательные собрания, а не прямо в Думу. Избранник народа должен идти прямо в Думу, должен защищать там именно те интересы, которые указывают избиратели, и народ будет видеть нарушение своих избирательных прав, если там, где-то, в каком-то уездном или губернском избирательном собрании, будут избраны народными представителями совсем не те, которых народ облек своим доверием тут, на местах. Простой, здравый разум подсказывает всю неестественность, всю нежелательность таких условий выборов, при которых, например, от губернии в Думу могут попасть представители только одного какого-нибудь уезда, а выборщики всех остальных уездов возвратятся на места только с тем, чтобы объявить своим избирателям о таких, может быть совершенно случайных результатах выбора.

Масса избирателей совершенно ясно и определенно высказывалась за прямые выборы, и Дума должна будет твердо помнить эту волю народа. Дума должна будет, безусловно, уничтожить те совершено искусственные, произвольные перегородки в виде различных избирательных съездов и собраний, благодаря которым выражение истинной воли народа только затемнялось и тормозилось различными посторонними влияниями.

Что выборы должны быть равные и всеобщие – это в глазах народа – самая простая, элементарная истина, так как народу органически противно всякое неравенство, от которого он так долго и так тяжело страдал под гнетом тех цепей, которые поддерживали у нас это неравенство.

Везде, где была хоть малейшая свобода предвыборной агитации, где на предвыборных собраниях свободно затрагивались и обсуждались недостатки действующей у нас многостепенной избирательной системы, – везде массы избирателей определенно высказывались за прямые, равные и всеобщие выборы. Первые народные представители будут являться поэтому в глазах народа недостаточно прямыми, непосредственными представителями и выразителями народной воли. Вот почему – тем тяжелее ответственность первой Думы перед народом!

Нужды народные так велики, так многочисленны, с такой остротой отзываются в народном сознании, что народ вполне естественно, неизбежно возлагал огромные надежды даже на таких, хотя бы и недостаточно прямых своих представителей в первой Думе! Народ, по крайней мере огромная масса крестьянского земледельческого населения, верит в Думу. Верит в то, что Дума облегчит народную нужду, народную бедность, народное бесправие.

Эта надежда и эта вера поддерживаются еще и тем глубоко засевшим в народном сознании взглядом на права и полномочия Думы, который единственно может питать эти надежды и эту веру в Думу: народ считает, что воля Думы – воля народа, воля государства! Что скажет Дума, то скажет народ, и никто, кроме Думы, кроме народных представителей, не может разрешить и облегчить ве-

ликой народной нужды, основных неустройств народной жизни. Народ не будет считаться ни с какими формальными требованиями и препятствиями, какие будут поставлены перед Думой: народ твердо верит, что его представители найдут в себе мужество быть прямыми, неустрашимыми защитниками народных интересов, как бы ни трудна была эта защита, какие бы препятствия ни стояли на пути к этой защите. Дума должна будет изменить все старые законы и создать новые, способные облегчить трудности народной жизни, удовлетворить требования и ожидания народа. Все, что нужно для достижения этой цели и что будет признано Думой, должно иметь силу закона, так как голос Думы – голос народа.

Вот почему на предвыборных собраниях, где это было возможно, народ живо интересовался вопросом об отношении Государственного совета к Государственной думе и вполне определенно высказывался за безусловную законодательную самостоятельность и независимость Государственной думы. Обособленное законодательное учреждение, да еще и составленное на началах бюрократизма и сословно-капиталистических преимуществ, глубоко противоречит народному сознанию, народным требованиям и ожиданиям.

По тем же причинам народ не менее определенно высказывался и высказывается за полную ответственность министров перед Думой: министры, по народному сознанию, должны быть только ответственными представителями исполнительной власти, исходящей от власти законодательной, от народных представителей, от Думы.

Народ так живо, так глубоко чувствовал на себе весь гнет сословно-бюрократического и административного произвола, что уничтожение этого произвола должно явиться в глазах народа одним из первых требований Думы, а для достижения этого требования исполнительная власть государства должна быть в безусловной зависимости от законодательной власти, от Думы. Только при этом условии возможна действительная гарантия той личной, гражданской и политической свободы, необходимость которой так глубоко сознается народом, несмотря на вековой гнет бесправия и полного отсутствия этой свободы. Народ ждет и надеется, что Дума установит законодательным путем полную ответственность министров перед народными представителями…

Несколько месяцев даже не полной гражданской свободы и относительной свободы печати сделали даже земледельческую провинцию положительно неузнаваемой: от более близкого, непосредственного соприкосновения с массой избирателей даже те, кому, казалось бы, надлежало играть роль руководителей, вожаков, сами делались более активными, более живыми, более чуткими в политическом отношении! Политическое настроение, темперамент масс влияли на интеллигентных, безусловно, прогрессивно настроенных избирателей, делали их более решительными, более радикальными в политическом отношении, а не наоборот.

Массы в выборной период были настроены, несомненно, более революционно, чем интеллигенция, и глубоко ошибаются те, которые революционность масс в первый думской период объясняют влиянием интеллигенции. Это неверно не только по отношению к интеллигенции вообще, но даже и по отношению к

той ее части, которая может быть названа специфически революционной. И эта активно-революционная часть интеллигенции, в сущности, только отвечала тем глубоко назревшим запросам и потребностям, которые предъявляли к ним народные массы при попытках сближения; революционная интеллигенция только угадывала настроение и запросы народных масс, но никак не сознавала их.

Народные массы, точнее – народные нужды создали революцию и революционеров, но никак не обратно. В таком взаимоотношении масс к единицам, по крайней мере в периоды крупных народных движений, заключается, конечно, самый элементарный закон социальной жизни, к сожалению так грубо игнорируемый у нас даже теми, в чьих руках находится руководство механизмом государственной жизни.

И именно в силу этого глубоко народного характера переживаемой нами революции мы и наблюдаем то живое, в сущности, вполне сознательное, хотя просто выражаемое отношение широких народных масс не только к социально-экономическим, но и к чисто политическим вопросам, какое проявилось и на предвыборных собраниях. Все основы действительной гражданской свободы вошли в политическое сознание именно самых широких народных масс. Это живой несомненный факт, как бы ни старались уродовать его и издеваться над ним органы реакционной печати и реакционная часть нашего общества. А изредка наблюдаемый скептицизм в этом отношении некоторой части прогрессивных кругов нашего общества обычно свидетельствует только о лживости старого, «господского» отношения к «мужику», не больше. Стоит «господам» в простых, доступных формах войти в действительно близкое общение с «мужиком» по всем этим вопросам, и скептицизм должен будет исчезнуть…

Выше мною было упомянуто, что третье предвыборное собрание избирателей г. Борзны, устраивавшееся под моей ответственностью, было уже запрещено администрацией, о чем я – в самый день собрания, 28 февраля, получил такое лаконическое уведомление от местной полиции (за № 217): «Господину профессору Тимофею Локтю. Согласно телеграмме господина черниговского губернатора уведомляю, что устраиваемое Вами сего дня собрание допущено не будет. Помощник исправника Колодий».

Текст телеграммы губернатора мне предъявлен не был. Основания запрещения собрания губернатором так и остались неизвестными как для избирателей, так и для меня. Из частных объяснений с полицией и из частных источников выяснилось только, что полиция упорно стояла на своей точке зрения, что собрание «вышло из рамок», затронувши такие вопросы, как земельный, финансовый, национальный и т.п. Об этом после первого же собрания полиция телеграфировала губернатору, а тот решил, что всего проще – совсем запретить собрания.

На действия полиции и губернатора я заявил протест в уездную по делам о выборах комиссию, которая не без страстных споров в своей собственной среде передала мой протест в губернскую комиссию. Последняя, по-видимому, обратилась по поводу вопросов, возбужденных в моем протесте, в Сенат, который истолковал вопрос, конечно, не так, как решил его г[осподин] черниговский губернатор: в «Важных разъяснениях Сената», опубликованных в № 44 «Русского государ-

ства» (от 24 марта 1906 г.), в п. 10 сказано: «За участниками подготовительных собраний избирателей признается право обсуждать вопросы общественной и государственной жизни, поскольку обсуждение это вызывается необходимостью выяснить программы лиц, намечаемых кандидатами (в выборщики) и при условии соблюдения законного порядка в собрании».

Т.е. Сенат почти буквально подтвердил ту формулировку вопроса, какая была приведена в п. 4 моего протеста: «Имеет ли собрание право обсуждать интересующие избирателей программные вопросы с целью выяснения взглядов возможных кандидатов в выборщики на основные вопросы общественной и государственной жизни как на предмет законодательной деятельности Государственной думы?».

По п. 3 моего протеста – «имеет ли полиция право присутствовать в собрании» – Сенат дал тоже утвердительный ответ, и, таким образом, оказалось, что мы напрасно обидели полицию, удаливши ее с наших предвыборных собраний, хотя это и доставило огромное удовольствие избирателям.

Запретивши, даже по телеграфу, собрания под моей ответственностью, губернатор тут же разрешил их под ответственностью лиц, партийная окраска которых приближалась к Союзу 17 октября или даже правее. Интерес избирателей к собраниям, однако, был так велик, что и эти собрания привлекли массу избирателей. Устроители торжествовали, но не надолго: когда дело дошло до выбора председателя собрания, избранным – подавляющим большинством снова оказался член собрания «левее кадетов», и собрание прошло в том же духе; оно только укрепило настроение избирателей. На выборах выборщиков от города из 800 с чем-то поданных записок намеченные уже на предвыборных собраниях кандидаты «левее кадетов» получили более 700 записок. Самые видные кандидаты «правее кадетов» получили только около сорока записок! Кадетских кандидатов от города совсем не было.

Поражение «правых» было настолько грандиозным и ярким, что объяснить его какими бы то ни было случайными, внешними, механическими причинами было совершенно невозможно. У «правых» была отнята всякая возможность говорить о подкупах, еврейских происках (еврейских записок было не более 300) и т.п. Для всех было очевидно, что единственная причина победы «левых» – полное соответствие их требованиям избирателей, выяснившееся на предвыборных собраниях.

Столь же явно и поразительно сказалось настроение избирателей и на выборах от съезда землевладельцев. Подавляющее большинство этого съезда составляли уполномоченные – мелкие земледельцы. Относительно кандидатур крупных землевладельцев – «панов» – не только правых или кадетов, но даже и «левее кадетов», речи которых, несомненно, встретили весьма большое сочувствие, крестьяне-избиратели прямо и открыто заявили:

– Панов нам не нужно! Мы им не доверяем! Хотя некоторые говорят и очень хорошо, но как они будут держаться в Думе, кто их знает!.. Мы выберем самых бедных крестьян!..

И, действительно, в первую же очередь были поставлены два малоземельных избирателя, относительно которых председательствовавший предводитель

дворянства не удержался тут же громогласно заявить:

– Да зачем же вы, господа, будете их избирать, коли их завтра же губернатор арестует! Ведь их давно полиция разыскивает!..

Но крестьяне выбрали именно этих двух и категорически отказались от продолжения баллотировки.

– Пусть только арестуют, мы все как один поднимемся за них, и никого больше выбирать не будем! – так с вполне сознательным упорством заявили крестьяне-избиратели в ответ на предположения о возможности ареста избранных ими выборщиков. Однако выборщики эти арестованы до Думы не были. Правда, они скрывались; полиция к ним, действительно, являлась, но они благополучно прибыли на губернские выборы, как и многие другие такие же «крестьянские» выборщики от других уездов. А во время Думы, когда уже начало обнаруживаться бессилие Думы в борьбе с «насилием чиновников», в борьбе с административным произволом, таких выборщиков-крестьян стали понемногу расхватывать и даже выселять административным порядком, как это было, например, с выборщиком от Городнянского уезда (Черниговской губернии) г[осподином] Чугаем, относительно которого я в свое время внес запрос в Государственную думу и писал министру внутренних дел. Мне ответили из министерства сначала, что наведут справки, а потом, 2 июля 1906 г. за № 13871, товарищ министра г[осподин] Макаров сообщил: «В дополнение к письму от 24 июня сего года за № 13686, имею честь Вас уведомить, что по сообщению черниговского губернатора Григорию Чугаю за противоправительственную агитацию среди крестьян предположено воспретить жительство в Черниговской губернии на основании ст[атей] Положения о государственной охране».

Запрос же и письмо в министерство были вызваны такой телеграммой ко мне: «Муж мой, Григорий Чугай, подписавший посланный Вам общественный приговор о нуждах крестьян, по настоянию местного земского начальника полицией арестован и заключен в тюрьму. Он больной; детей малых четверо осталось; больная старуха я, разорилась окончательно. Слезами умоляю спасти. Екатерина Чугаева».

Через некоторое время я получил подобную же телеграмму от крестьянского выборщика моего уезда – того самого выборщика, при выборах которого предводитель дворянства предсказывал скорый арест его, выборщика, губернатором. Телеграмма гласила: «15 июня арестован без причины выборщик в Думу села Великой Зогоровки Павел Толстый. Требуйте освобождения. Казак Антон Толстый».

Вскоре после телеграммы я получил и письмо-приговор с массой подписей жителей того же села. Вот текст этого характерного документа (с сохранением подлинности): «Депутату Тимофею Васильевичу Локтю. 15 июня арестованы наши односельчане – Павел Антонов Толстый, Максим Леонтиев Иванченко Аврам Васильев Индик. Толстый и Индик арестованы предательски: были вызваны земским начальником на разбор дела, но никакого дела не разбиралось. Иванченко, бывший свидетель по делу Толстого, тоже арестован, а причина ареста неизвестна. Все нижеподписавшиеся жители села Великой Загоровки,

возмущенные насилием над нашими уважаемыми собратиями, доводим об этом до Вашего сведения и просим заступничества о немедленном освобождении арестованных. Все три арестованные оставили без работников большие семьи... Мы понимаем, что конец насилиям будет положен тогда, когда Дума добьется свобод, почему выражаем Думе сочувствие в ее борьбе за свободы и обещаем поддерживать ее. Уездный исправник, пристав с казаками, урядниками и стражниками приезжают до нас в село ночью и беспокоят нас и предупреждают, что будем бить нагайками. В ту же самую ночь, в первом часу ночи, стражник Герасим Чернюк напал на церковных сторожей, дал два выстрела из ливорвера, который угнался за одним сторожем Карнеем Мотричем на колокольню, где был запертый на колокольне под замком с первого часа ночи до шести часов утра. Который Чернюк был выпущен уездным исправником. В том подписываемся...». Следует более 50 подписей грамотных и около 70 – неграмотных.

Таким образом, к июню два губернских выборщика от крестьян уже были в тюрьме. Что было с другими выборщиками, особенно после закрытия Думы, пока неизвестно. А таких выборщиков-крестьян, как Толстый и Чугай, в черниговском губернском избирательном собрании было очень много, и, во всяком случае, именно такие выборщики определяли общее настроение крестьян в собрании, а следовательно, и общий результат выборов, так как крестьянских выборщиков было почти подавляющее большинство.

Все это были сознательные и стойкие сторонники той социально-экономической и политической программы, которая в общем может быть охарактеризована словами «левее кадетов». Это выяснилось уже на первых же собраниях губернских выборщиков, как общих, так и частных, происходивших в квартирах выборщиков. Крестьянские выборщики и здесь очень скоро сформулировали тот вопрос-сомнение, какой, по-видимому, везде формулировался ими на уездных выборах. Вопрос этот: «Выбирать или не выбирать панов, хотя бы и кадетов?».

С этим вопросом в первый же день съезда группы выборщиков-крестьян обращались между прочим и ко мне как к человеку, во всяком случае происходящему не из панов, а из таких же казаков, какими были по бóльшей части крестьянские выборщики, притом – не землевладельцу, а интеллигенту, основные программные взгляды которого выборщикам были уже заранее известны, хотя бы по моей земской и литературной деятельности. Вопрос ставился именно прямо о «кадетах», к которым я не принадлежал, хотя комитет черниговского отдела к.-д. и включил меня уже заранее в число кандидатов в Думу, которых к.-д. предполагали поддерживать наряду с двумя другими кандидатами «левее кадетов». Кстати, не могу не отметить, что эти два другие кандидата, несмотря на обещанную к.-д. комитетом поддержку, при первом предварительном, пробном голосовании, в котором участвовал и комитет к.-д., получили только по одному или по два голоса. Число голосов, полученное тогда же мною, было хотя и значительно, но я не мог не высказать опасения, что к.-д. и мне едва ли пощедрились на голоса. Свои голоса я считал главным образом голосами крестьянских выборщиков и, конечно, выборщиков «левее кадетов», и только отчасти – самих кадетов.

Как бы то ни было, после частных совещаний по вопросу о том, выбирать или

не выбирать панов-кадетов, выборщики «левее кадетов» решили дать место трем кадетам, остальные же семь мест – для более левых кандидатов. Перед самыми выборами начались было сожаления и о такой щедрости по отношению к кадетам, но было уже поздно; мысли этой не было дано общего хода, и выборы прошли по намеченному списку, даже с одним «лишним» кадетом, которому крестьяне-выборщики положили белые [шары] больше потому, что хотели кончить выборы по возможности в первый же день. Я.А. Гужовский, сидевший в это время в тюрьме, был избран в члены Думы в качестве кандидата «левее кадетов», хотя в Думе он причислял себя к кадетам, участвуя, однако, и в собраниях трудовой группы.

Таким образом, выборы в Черниговской губернии прошли по блоку, хотя под конец и не особенно гладкому, крестьян и других выборщиков «левее кадетов» с кадетами. Последние количеством были, в сущности, весьма не сильны, и если бы блок не состоялся, выборы едва ли бы прошли так успешно для кадетов, как они прошли благодаря блоку. Настроение кадетских кандидатов в их программных речах на предвыборных собраниях в Чернигове было значительно бодрее и решительнее, чем оно оказалось в Думе. Но это – явление общее для всей России. Конечно, этим я не желаю сказать, что блок был ошибкой и, тем более, что он был бы ошибкой и при предстоящих вторых выборах. Напротив, в таких сложных и мало благоприятных для открытой выборной работы левых партий и элементов условиях, какие были в первый избирательный период и будут, вероятно, во второй период, блок с кадетами полезен и неизбежен. Жаль только, если кандидаты «левее кадетов», несмотря на блок с кадетами, будут на пробных выборах получать по одному, по два голоса! Жаль также, если этот блок, неизбежно обязывающий кадетов несколько леветь и в программном отношении, в действительности после выборов уже не оказывает такого действия.

В заключение нашего описания выборного периода в Черниговской губернии упомянем еще, что и в Чернигове со стороны администрации и всего, что по духу к ней примыкает, тоже были попытки «повлиять» на выборы: квартиры крестьянских выборщиков с раннего утра осаждались «казенными пророками», как их окрестили крестьяне, убеждавшими не подавать голосов за таких кандидатов, как Муханов, Свечин, Шраг, Гужовский, Локоть и т.д.

Эти жалкие попытки если и имели какое-нибудь значение, то разве лишь в совершенно обратном для их вдохновителей смысле: раз «казенные пророки» не советуют подавать голосов, значит, именно и нужно подавать голоса за тех, против кого агитируют «казенные пророки»! Все эти кандидаты прошли в Думу подавляющим большинством голосов.

Извлечения публикуются по изданию:
Локоть Т.В. Первая Дума:
Статьи, заметки и впечатления
бывшего члена Государственной думы.
М., 1906. С. 15–62, 89–91, 96–106.

АНТОН САНЦЕВИЧ

КАК СОСТОЯЛИСЬ ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

(Рассказ выборщика от крестьян Волковыского уезда)

Я близко стоял у этого дела и играл немаловажную роль в выборах, и могу сообщить только о том, в чем сам лично участвовал и чему был непосредственным свидетелем. Все мы, выборщики, роль свою выполнили и теперь разъезжаемся по домам. Разумеется, по приезде каждый из нас будет рассказывать и даст отчет своим избирателям, но мне кажется, что не все выборщики, особенно из крестьян, поняли ход гродненских выборов и для некоторых и теперь в выборах есть много непонятного. Одно только они поняли, что выборы губернские не то, что волостные и даже уездные: это какой-то Вавилон, в котором каждый шаг надобно делать обдуманно, чтобы не попасть впросак. Инстинктивно крестьянские выборщики из более простых пережили столько же бессонных ночей, столько же волновались и болели душой, как и их вожаки. К каждому заявлению своих вожаков они прислушивались и всей душой старались помочь, где только была какая-либо возможность. Думаю, что крестьяне Гродненской губернии за церковной службой Благовещения и в Вербное воскресение немало возносили горячих молитв за ваш успех.

Да, братцы! В эти праздничные дни мы горячо и искренно работали на пользу и славу родного крестьянства! Постараюсь рассказать вам весь ход пережитого губернскими выборщиками, чтобы оправдать свое назначение.

Большинству крестьян выборы представлялись в виде волостных или уездных, и они никогда не предполагали, что для того, чтобы выбрать пять крестьянских членов, потребуется четыре дня и четыре бессонных ночи беспрерывных хлопот и тревоги.

Еле-еле оправившись, разбитый, удрученный и на семь фунтов убавившись в весе, под свежим впечатлением хотя вкратце изложу ход губернских выборов и подготовительную для этого работу.

Предписанием свыше от нас требовалось, чтобы выборщики всех уездов съехались в Гродно 25[-го] вечером, где будут встречены они выборщиками Гродненского уезда и лицами, предназначенными нарочно, чтобы крестьяне, впервые приезжающие в Гродно, не затерялись и не стали бы блудить по улицам, как в Минске, а прямо с вокзала попали бы в Народный дом, где им предоставлено

было помещение для ночлега.

Настолько я узнал, к некоторым таким предписаниям присовокуплялось, что перед отъездом следует заезжать к уездным предводителям дворянства для получения кое-каких указаний и лучшего разъяснения предстоящей сложности выборов.

О чем говорилось и толковалось у предводителей, мне неизвестно, но я таких инструкций не получал. О распоряжении съехаться 25[-го] в Гродно я лично узнал в канцелярии волковыского уездного предводителя дворянства. Бесед никаких не вел и соображался не с напутствиями, а как мне подсказывала совесть и какой способ борьбы мог действительно быть полезен во благо крестьян. Еще 21 марта я получил приглашение от белостокского уездного предводителя дворянства, чтобы 24 марта по пути в Гродно заехать к выборщику М.М. Ерогину, где съехавшиеся выборщики будут иметь возможность познакомиться друг с другом.

Прекрасно сознавая важность губернских выборов, где требуется тщательная подготовка, я выехал из м[естечка] Россь еще 22 марта. К сожалению, в Белостоке приезжих выборщиков еще не было, но зато я познакомился с энергичным коллегой Г.О. Данилевичем. После обмена мнений и намечания плана действий мне явилась необходимость вроде рекогносцировки поехать в Гродно и разузнать, что думают и как себя чувствуют партии горожан и землевладельцев. Признаюсь, что слово «землевладелец» мне кажется очень длинным, и оно ничего не выражает в выборном деле, так как начиная с крупных землевладельцев-тузов до мелких включительно на выборах были все «паны». Всем им хотелось, ох, как хотелось, попасть в члены Государственной думы, не с целью получать, разумеется, 10 рублей в сутки, а быть участниками «сейма». Много воспоминаний вынес бы каждый из них, если бы попал в члены «цесарской» Думы; какие красноречивые протесты и речи они повели бы в тех случаях, когда холопская громада возымела бы дерзость посягнуть на неприкосновенность их собственности! В нашей губернии пан на пане сидит; у них все захвачено, а тут крестьянство лезет! Что им надо, зачем им в Думу? Сидели бы дома да работали хорошенько, а то вдруг ни с того ни с сего в Думу! Знаем мы вас, панове! Знаем, как на крестьянство вы смотрите! По преданиям безвозвратно прошедшего времени для вас крестьянин до сих пор не более, как «движимое имущество».

Найдя в Гродно некоторых городских выборщиков, я имел продолжительные разговоры с ними и счел нужным предупредить горожан, чтобы они, не дай Бог, чего я очень боялся, не завели переговоров с панами, представляя крестьянство чем-то несуществующим. Обе партии уже сидели в Гродно, хорошо организованные и сплоченные и вполне могли приступить к переговорам и торгам из-за мест.

От меня потребовалось, чтобы крестьяне, став на твердой почве, сорганизовав сильную партию, имели минимум 35 голосов, и лишь тогда могут вестись переговоры и наступит возможность вступить с ними в союз. Я дал слово горожанам, что крестьянские выборщики сорганизуются, дадут требуемое число голосов и настолько дисциплинируются, что о такой организации панам и во сне не снится. Городские же выборщики мне заявили, что и у них есть непременное желание соединиться с крестьянами, так как паны еще на уездных выборах вели

себя некорректно и нет гарантии, что паны в Гродно и горожанам изменят, как по уездам изменили крестьянам. В общем, сводилось к тому, что паны – элемент ненадежный и горожане воздержатся от соединения с ними, если крестьянство окажется дисциплинированной партией. Возвратившись из Гродно в Белосток ночью с 23 на 24 марта, я нашел выборщиков крестьянских на вокзале, и г[осподин] Зинкевич, нарочно предназначенный для этого, их группировал в кучку по мере прибытия поездов. Сейчас же с вокзала отправились мы на покой в белостокскую гостиницу «Метрополь» – довольно комфортабельную. Немного неловко чувствовали себя г[оспода] выборщики в этих покоях: не верилось, что это именно помещение предоставлено им для ночлега; но расположились и заслушали от меня о результатах поездки в Гродно. 24 марта с утра в канцелярии белостокского предводителя дворянства, имея налицо 23 православных выборщика, началось совещание по вопросам – к кому, по мнению крестьян, лучше присоединиться; кто в Думе может обеспечить успех крестьянам и какого образа действий держаться ради проведения в Думу возможно бóльшего числа крестьянских кандидатов? Первые два голоса от крестьян высказались, что лучше было бы примкнуть к тем, кто крест имеет, но большинством эти голоса были подавлены на том основании, что эти-то крещеные в некоторых уездах так несправедливо и жестоко обманули, что и некрещеный вряд ли додумается до этого. Выборщик М.М. Ерогин осторожно, в общих чертах, поддержал сомнение большинства. Г. Данилевич имел речь на тему, насколько евреи могут навредить в аграрном вопросе и какую роль будут они играть в Думе. Мною было высказано, что с панами едва ли споешься, зная их гоноры, с которыми они не перестают носиться. Обсуждалось также, что и евреи немало крови высосали и как они при получении равенства с христианами должны будут держаться...

Оказалось, что все, кто не зевал, в достаточном количестве эксплуатировали крестьянство. Но в Думе все это выскажется, а поэтому является обязательной необходимостью провести в Думу возможно бóльшее количество крестьянских членов. А так как при соединении с горожанами можно надеяться на них более, чем на панов, потому что все они люди интеллигентного класса и обещают дать четыре места, кроме обязательного, то решено было примкнуть в союз с горожанами и составить с ними блок.

В Белостоке от горожан имелся агент, который давал знать в Гродно об успехе Крестьянского союза. К этому агенту гродненские городские выборщики просили обращаться за содействием и через него телеграфировать в Гродно.

Во время обеденного перерыва послали за агентом от горожан, но, к сожалению, его не нашли: поехал к больному. Через некоторый промежуток времени опять послали за ним, но и вторично не застали дома. Это обеспокоило несколько наше собрание. Наконец поймали его на квартире. Оказалось, что агент получил телеграмму из Гродно, что несколько отдельных выборщиков от горожан едут с поездом в Белосток. Тем не менее, решительного ответа от горожан не было.

Поданные подряд несколько срочных телеграмм в Гродно с определением наших сил наводили нас на мысль, что партии горожан и панов ведут переговоры и в любой момент могут сойтись, оставив крестьян за бортом. Такая неизвест-

ность ужасно волновала нас и мы настоятельно просили, чтобы белостокские городские выборщики снеслись по телеграфу с гродненскими коллегами и дали ответ к шести часам утра. С шестичасовым поездом 25 марта мы решили уехать в Гродно. Почему-то думалось, что в Гродно что-нибудь можно выиграть, а сидя в Белостоке, можно все дело провалить. На крестьянах, вообще флегматичных по складу души, так отразилась эта неопределенность положения, что они забыли сон и все на свете, ожидая шестичасового поезда и почти половина выборщиков ушла на вокзал к трехчасовому. Каждому хотелось собственными силами и непосредственным участием помочь горю и скорее выяснить неопределенность своего положения. К этому времени получилась телеграмма, что категорический ответ будет дан до шести часов утра. Опять сгруппировались наши выборщики в гостинице и бесповоротно решили ехать в Гродно шестичасовым поездом, – какой бы ответ ни был получен. Еще больше волнение наше усилилось, когда перед моментом отхода поезда ответа из Гродно все еще не поступало. На наши вопросы отдельные выборщики горожан только разводили руками и больше этого ничего не могли сказать.

О выезде крестьянских выборщиков из Белостока дано было знать в Гродно телеграммой с тем, чтобы кто-либо из городских выборщиков встретил их на вокзале. Но по приезде своем в Гродно никем встречены они не были.

Расположившись в Народном доме, крестьянские выборщики сейчас же приступили к делу и держали совет об избрании уполномоченных для ведения переговоров с той или другой партией, смотря по обстоятельствам. Крестьянские уполномоченные отправились в гостиницу, в которой свили себе гнездо и сосредоточивались городские выборщики, чтобы выяснить свое неопределенное положение и приступить к переговорам, но застали лишь малое количество горожан. Воздержанность городских выборщиков в словах, уклонение отвечать на ребром поставленный вопрос и чуть заметная скрытность приводили нас на мысль, что творится что-то неладное и выход из безвыходного положения следует искать другой.

Заслушав доклад своих уполномоченных и результаты переговоров с горожанами, крестьянские выборщики имели продолжительное совещание и решились попытать счастья и завязать сношение с польской партией, т.е. панами, и хотя таким путем выяснить свое положение.

Стоянку свою польские паны имели в Московской гостинице. Уполномоченные от крестьян ни одного пана там не нашли, так как паны были заняты выбором в члены Государственного совета, и, разумеется, им было не до переговоров с крестьянскими выборщиками. Пришлось на улице случайно встретиться с одним из выборщиков от панов, который благодаря малому земельному цензу не попал в ихний легион. Он нас предостерег, что для крестьян еще не все потеряно, что и паны разбиты почти на два лагеря, так что о какой-либо панской солидарности говорить преждевременно.

От таких вестей немножко на сердце отлегло, и уполномоченные сейчас же поделились хорошей вестью со своими коллегами, ожидавшими нас в Народном доме с напряженным нетерпением.

Так как через некоторое время в Народный дом были присланы делегаты и от горожан с особыми предложениями, то небезынтересно будет познакомить [читателя с тем], что делали горожане с панами и что горожан заставило сделать такое предложение нам. Представляя крестьянскую силу чем-то неопределенным, горожане и паны, более обрусевшие, столковались, что следовало бы не забыть и о крестьянах православных, которых в нашей губернии немало.

Некоторые из еврейских выборщиков встретились с некоторыми польскими выборщиками в условленный час и заявили, что, ввиду значительного числа евреев в Гродненской губернии и важности их интересов, они считают себя вправе требовать свою долю представительства в Государственной думе и вместе с тем выдвинули вопрос о предоставлении места православному крестьянскому населению; они доказывали, что этого требует справедливость и общая польза.

С пятницы на субботу, т.е. с 24 на 25 марта, с 5 ч[асов] вечера до 5 $^1/_2$ ч[асов] утра дипломаты-паны вели утомительные переговоры и наконец согласились предоставить горожанам два места из числа шести, но о православных крестьянах ни слова.

Несколько времени спустя городское выборщики собрались и, заслушав доклад о происшедшем соглашении, решили вновь напомнить полякам относительно необходимости дать одно место русскому православному крестьянству; при этом решено было, что если поляки не согласятся дать это место православному крестьянину из оставшихся четырех мест, то евреи поступятся в пользу православных крестьян одним из своих двух мест. Имелось в виду в случае соглашения на это, чтобы представитель крестьянства не был пешкой, а защитником крестьянских интересов и чтобы избранное лицо было поляками принято бесспорно.

Но прежде чем заявление об этом было сделано полякам, городские выборщики отправили к крестьянам делегатов, о которых я уже упомянул, с заявлением, что они обеспечивают во всяком случае православному крестьянину одно место; при этом имелось в виду, что если поляки не дадут этого места из своих четырех, то евреи дадут это место из своих двух.

Польский уполномоченный, которому евреи заявили о принятом ими решении, обещал переговорить со своими товарищами и дать ответ. Ответ, однако, не поступал, а времени оставалось для переговоров мало; томительное и напряженное состояние видно было и у горожан, которым хотелось скорейшей развязки. Не дождавшись ответа, некоторые выборщики из горожан сами отправились к польским уполномоченным за ответом и после тщетных розысков успели встретить одного из них; он заявил от имени своих товарищей, что они, к сожалению, не могут согласиться на предложение относительно предоставления одного места русскому православному крестьянину, что это у них камень преткновения.

В третьем часу пополудни 25 марта делегаты, прибывшие от еврейских выборщиков с заявлением от имени своего собрания, что они обеспечивают православному крестьянству одно место, при этом напомнили, что еврейские выборщики рассчитывают также, что в случае чего крестьянские выборщики поступят подобным же образом по отношению к евреям.

Крестьяне, не ответив ничего по существу сделанного им заявления, предложили категорический вопрос: согласны ли горожане вступить с крестьянскими выборщиками в союз или нет – и заявили, что желают получить ответ не позже, чем через час или полтора.

После совещания крестьянских выборщиков были выделены вновь уполномоченные для переговоров с горожанами и посланы в место обычного у горожан собрания. Однако наши уполномоченные в собрании городских выборщиков не нашли в полном составе (их заседание, прерванное перед обедом, еще не возобновилось). Отдельные выборщики из горожан заявили им, что определенного ответа еще не имеют и что крестьянские выборщики свободны действовать по своему усмотрению и могут даже не раздеваться.

Проглотивши такую пилюлю, выборщики наши пришли в отчаяние; хотелось хоть во сне забыться после нескольких бессонных ночей, но и сон в такую минуту, как на грех, не брал.

Эти несколько часов показались нам вечностью. Поток ненавистных мыслей по отношению к евреям, обманывающим в такую критическую минуту крестьян и готовым на сделку с панами, готов был нарушить всякую сдержанность и вылиться через край. Была снаряжена тотчас же экспедиция из числа польских крестьян и шляхты, чтобы, если есть хоть малейшая возможность, привлечь часть польских делегатов к нам, с непременным условием, чтобы в число их попал и один ксендз. Преднамерение это основывалось на том, что, имея 33 православных, 18 католиков, склоненных на крестьянскую сторону, 5 ксендзов и хоть 3 пана, тяготеющих к крестьянам, успех наш будет обеспечен.

В таком положении мы оставались вечером 25 марта. Выборщики мало говорили, а больше нервно шагали из угла в угол, а подчас даже заглядывали на сцену Народного дома. «Уж был денек!» – остается только сказать…

Ответ поляков и нам, и горожанам медлил, и, не дождавшись этого ответа, двое выборщиков от горожан отправились в Московскую гостиницу, где стояли паны, но никого там не застали: они телефонировали в Станиславово, где происходило собрание всей польской группы, но никто не откликнулся на многократные звонки. Некоторое время спустя упомянутые выборщики из горожан вторично отправились в гостиницу и на этот раз встретились в дверях с одним из польских уполномоченных. Он заявил, что, к сожалению, их собрание не согласилось на предложение горожан о предоставлении одного места представителю православного крестьянства и что из-за этого расходятся с ними: «Мы свободны и вы свободны», – сказал делегат.

Вот тут-то и пошла потеха…

Около Народного дома загрохотали извозчики, замелькали цилиндры, котелки и даже кокарды. Сюртуки, пиджаки и свитки забегали вовсю…

Суматоха, поднятая у Народного дома, была около девяти с чем-то часов вечера.

Наши послы, отправленные к польской партии, вернулись в Народный дом и объявили выборщикам от крестьян, что паны вести переговоры согласны, следует только выслать уполномоченных для переговоров, но с неограниченными

полномочиями. На скорую руку мы обменялись мыслями и отправили наших вести переговоры с польской партией. В это время два польских выборщика попали в нашу среду и старались агитировать между нами. Спустя несколько минут подъехали и выборщики от горожан и, увидя крестьянских выборщиков, мирно беседовавших с польскими за вечерним чайком, немало удивились.

Им также это не понравилось, они не находили места себе и нервно шагали, как и мы несколько часов назад. Ко мне послышались запросы: «Что и как? неужели ни малейшей надежды? Ведь горожане и разошлись из-за того только, что поляки не хотели дать места представителю православного крестьянства, и нравственная обязанность крестьян не забыть о горожанах». У меня не хватило духу ответить: «Вы свободны и можете не раздеваться». Переговорив с некоторыми вожаками, мы снарядили тотчас же выборщика-крестьянина, чтобы одному из уполномоченных для переговоров было передано, что еще не все потеряно. Наш маневр несколько успокоил горожан и они объяснили мне и другим – из-за чего и как все получилось. Конечно, тут верилось и не верилось, но я раньше был ознакомлен обходным путем с ходом переговоров горожан с панами, мне не верилось, чтобы горожане оказались радетелями крестьян настолько, что рисковали потерять свое место. Выборщики горожан убедительно меня просили, чтобы поехать в Станиславово, резиденцию кн[язя] Друцкого-Любецкого, в своеобразный на время выборов «сейм», и ускорить переговоры.

По прибытии в Станиславово я застал отдельного выборщика от крестьян стоявшим у подъезда; он мне сказал, что поручение им выполнено и слова переданы в точности.

В коридоре дворца-сейма я услышал шумок со стороны, где происходили прения уполномоченных, и сразу сообразил, что пророчество мое сбывается: паны упрутся на своем, и домкратом их не сдвинешь. В это время один пан вышел и на ходу сказал, что он уезжает и больше, пожалуй, не приедет.

Сомневаться больше не было в чем, и я, вполне уверенный, что союз с панами еще не состоялся, возвратился и облагонадежил горожан. Паны-агитаторы уехали и их место заступили еврейские выборщики. Трактовались паны на все лады, обнаружились вещи, которые еще более компрометировали панов и нас, если мы составим блок с панами. От панского агитаторства осталось немногое, и часто пришлось слышать, что крестьяне-выборщики, питая ненависть к панам, скорее согласны войти с евреями в союз, чем с панами.

Появились из Станиславова уполномоченные наши и доложили собранию, что польская группа желает вступить с крестьянами в союз, считая переговоры с горожанами окончательно прерванными, и, чувствуя себя свободными на этом основании, дают нам два места. Хотя паны, быть может, и уступили бы еще одно место, так сказать, поделились бы: вам три и нам три, но для этого нужно было бы времени, по крайней мере, до утра следующего дня. У панов слабость не меньше, чем у евреев, изводить всех длинными, многословными речами, поэтому мы старались напоминать, что для наших крестьян словоизлияние и красноречие с иностранными словами совершенно излишни. Обсудив наскоро и запросто своим собранием, что требуется, мы пригласили городских выборщиков.

В собрании выборщиков двух групп уполномоченные от крестьянских выборщиков, которые вели переговоры с польской партией, доложили, что паны согласны вступить с крестьянами в союз. Дают два места, а себе берут четыре, но если поторговаться, то, пожалуй, еще что-нибудь спустят.

Уходя от поляков с этим любезным предложением, наши уполномоченные просили, чтобы панове через часик заглянули в Народный дом. Тем временем горожанам было предложено гарантировать одно место. Второе место, на которое горожане рассчитывали, крестьянское собрание предоставить не может, так как в Гродненской губернии существует много помещиков и было бы несправедливо из-за личных счетов совершенно подорвать панский престиж и ударить по самому чувствительному месту, по «самолюбию».

Между панами есть довольно светлые личности, поэтому долг требует пустить и одного пана в Думу от нашей губернии. Горожане с горечью выслушали наше предложение и рядом зажигательных речей доказали, что нравственная обязанность крестьян заключается в том, чтобы поступить с панами таким точно образом, как и паны поступали по отношению к крестьянству. В конце концов решено было дать два места горожанам, но чтобы они поступились в пользу ксендза или пана одним местом, предоставленным с бою.

Один польской крестьянин-выборщик, яро защищая панов, высказал мысль, что если ни один пан в Думу не попадет, то паны пойдут в революцию. Слова сказаны были с апломбом, убедительно и настолько мне понравились, что я не мог удержаться, чтобы не засмеяться.

Стоит только пустить в мятеж панов, воскреснет Муравьев[1], и сервитуты[2], и пастбища по угодьям панским для крестьян будут обеспечены. Тут же я от чистого сердца пожелал панам успеха в революции и крест им на дорогу.

На самом месте преступления застали нас польские уполномоченные.

Наше собрание объявило польским уполномоченным, что союз с горожанами фактически состоялся; место панам не обеспечено, но собрание крестьян надеется на искусную дипломатию польской группы; паны с горожанами могут продолжать переговоры, так как в Народном доме крестьяне приступят теперь к выбору своих кандидатов в Думу.

Уполномоченные от горожан объявили польским уполномоченным, что, прученные переговорами прошедшей ночью, горожане не желают вступать в переговоры с панами. По смыслу условия союза крестьянские выборщики не могут настаивать на непременном предоставлении места пану, распоряжаясь же своими двумя местами, горожане панам ничего не могут дать. Ушли наши паны не солоно хлебавши… Но тут выборы кандидатов были прерваны…

Поверхностно заинтересованное, но скорее даже нейтральное лицо объяви-

---

[1] Имеется в виду М.Н. Муравьев (1796–1866), «Муравьев-вешатель» – генерал-губернатор Северо-Западного края, руководивший подавлением Польского восстания 1863–1864 гг.

[2] Сервитуты – ограничения собственности, сообщающие лицам, в пользу которых они установлены, самостоятельные вещные права пользования (так назыв. «права в чужой вещи») чужим недвижимым имуществом в точно определенном размере. В части Западного края (Киевской, Подольской и Волынской губерниях) существовал своеобразный вид сервитутного права, сводившийся, как правило, к одностороннему праву крестьян пасти свой скот на помещичьих землях общего севооборота (регулировался указом от 4 апреля 1865 г.).

лось в Народном доме и стало упрекать крестьянских выборщиков. Слов-то, слов было, Господи, Твоя воля! И что совестью мы будем мучимы, что это неблагородно и что панские тени нас будут преследовать.

Паны были охарактеризованы в таком благородном виде, как и сами себя они никогда не видали. Собрались мы в кружок, слушали: пусть, думаем, распинается. Когда лексикон сердцещипательных слов израсходовался, некоторые выборщики возымели поползновение возражать, но сейчас же «лицом» были оборваны. Такой участи подверглось нисколько человек, но на мне это препирательство остановилось. Я был удостоен словца, что с интеллигенцией у панов счет другой, а с совестью их приходится нам считаться.

Нам время очень дорого было, потому-то я и просил милостиво дать нам возможность возобновить выборы. «Лицо» охотно согласилось, очистив совесть свою.

Когда вновь мы приступили к обсуждению, кого выбрать в кандидаты, то пошло что-то туго. Крестьянство из более простых, отчасти выборщиков-мироедов («лицо» тоже подмигнуло, чтобы мне подставить ножку), разбилось на маленькие кучки и вело совет приблизительно такой, что все тут крестьяне равны, у всех одинаковы души, всем в наказание за грехи Бог послал панов, поэтому следует положиться на Бога.

По-видимому, крестьяне были утомлены, а если отдохнут, то иначе будут рассуждать. Г. Данилевич тотчас же по уходе горожан объявил крестьянскому собранию, что он от своей кандидатуры в Думу отказывается. При этом он высказался, что следует сделать выборы правильные, по оценке человека, а не играть вслепую. Каждое общество, каждое сословие и партия выбирает людей, чем-нибудь выделяющихся, а у крестьян идет наоборот: вслепую, по жребию! Легли выборщики спать, но шептались немало.

Утром, в пять часов, более половины стояли за то, что выбирать в Петербург может только Бог. Г. Данилевич как лицо, не заинтересованное в кандидатуре, должен был давать указания. М.М. Ерогин у южных крестьян нашей губернии был особого рода «кумиром». М.М. завоевал симпатии и других крестьян; на его стороне был и я.

Оценивая выборщиков с точки зрения коллег сознательных, мне казалось, что второе место после М.М. Ерогина принадлежит г[осподину] Бондюку.

Г[осподин] Бондюк – человек со средним образованием, настоящий крестьянин, умеренного направления, с политической подготовкой, и постоять за дело сумеет.

Хотя немного неудобно самому себя рекомендовать, но третье место по праву принадлежало мне. Кроме образования, я еще имею то преимущество, что, оставшись сиротою в бедноте, горя натерпелся сколько хочешь и гнет терпел до 18 лет в подданстве графа Потоцкого с его управляющими.

Эти паны и их подпанки от юности мне насолили, да и теперь солят. Некоторые из выборщиков высказались, что и я могу тянуть за панов, потому что и я пан, но из крестьян. Но у меня есть оседлость в $2^3/_4$ дес[ятины] земли, а пастбища – ни гугу. Кругом меня, куда ни сунься, – все панское…

Больше этого сомнения никто против меня ничего не имел. Почти единогласное было суждение, что если выборы будут не по-Божьему, а умственно, то Санцевича выберем обязательно.

Мне хотелось, чтобы из нашей среды были выбраны как один люди развитые, а коренного – можно и из-под плуга, но чтобы за словом в карман не лез. Нелишне упомянуть, что не пострадали бы умственные выборы, если бы избраны были г[оспода] Болтрик, Шелест, Шишко, Кузьмич и др., фамилии коих забыл, но еще можно насчитать человек пять.

Междоусобие я раньше предвидел, но не в такой острой форме, как оно оказалось. Возня с выборами могла открыть глаза, что помимо бескорыстия, честности и беззаветной преданности крестьянству, надо еще иметь ум и немалую подготовку. Все это отчасти все понимали, но 10 руб[лей] в сутки – был лакомый кусочек для людей, которые привыкли учитывать всякий грош.

Имея в виду, что без маленького разногласия не обойдется, мы хотели, чтобы это осталось лишь между нами, а союзникам осталось бы неизвестным.

Из еврейских кандидатов М.Я. Острогорского мы желали провести непременно. Еврейские выборщики на это согласились, и 25 марта около 12 часов ночи с союзниками дело покончили, оставив остальное сделать утром 26 марта. Умственные выборы могли бы пасть на немногих – 6–10 человек, а желающих попасть в Думу оказалось много, поэтому крестьяне из более простых упорно стояли на том, что самое справедливое, если по жребию Бог укажет членов в Думу.

Около семи часов утра, до прихода М.М. Ерогина и Г.О. Данилевича, я имел в собрании беседу, что, судя справедливо, наш успех зависел от крестьянских вожаков. Их мы знаем, и будет нечестно, если мы при выборах обойдем их имена.

Эти выборы в Думу не последние; в крестьянской среде всегда найдутся более образованные и сознательные люди. Мы оттолкнем их от себя, если они будут знать, что в будущем они представлены будут не оценке их достоинств, а жребию и воле судьбы. Выборщики образованные нигде себя не запятнают, и в Думе они лучше постоят за своего брата-крестьянина.

Мною было все испробовано, и крестьяне почти все соглашались, что иначе и быть не должно, что слова мои идут от чистого сердца, без каких-либо вожделений и интриг.

Прибывшие г[оспода] Ерогин и Данилевич высказались в таком же духе. Но в этот момент один из крестьян высказался, что достаточно одного образованного М.М., а остальных – кого Бог выберет. Другие крестьяне из простых поддерживали этого человека, и выборы членов в Думу пошли по-Божьему, т.е. по жребию.

«Плохо делаете, господа», – говорил я, – но подчиняюсь установленной выборной дисциплине. Делайте, как хотите, когда-нибудь пожалеете; я же от жеребьевки отказываюсь и жребия тянуть не стану».

Тринадцати католикам мы дали одно место. Православные выборщики сгруппировались по уездам и бросили жребий. Билетики поделали из моих же окурков. Перед тем как вынуть из шапки жребий, выборщики крестились, но не могли скрыть кислой физиономии, когда кто пустой билет захватит. От Волковыского уезда православных было двое: Болтрик и Санцевич. Болтрик тоже заготовил

билетики, но тянуть их я не захотел. Г[осподин] Болтрик вполне отдавал мне преимущество, но только высказал опасение, что для Божеских выборов я слишком грамотный и через это он кандидатуры лишается, а таким образом от Волковыского уезда может ни одно лицо не попасть.

От девяти уездов воссели в ряд девять кандидатов в Думу; кандидатов этих следовало перебаллотировать, чтобы выбрать большинством три человека, включая сюда и казенного. Я сел последним. К великому огорчению, как только приступили к баллотировке автоматическим ящиком, отломалась бородка в ключике и застряла в скважине ящика. Признак посчитался нехорошим, и более из суеверных заключили, что эта хитрая выдумка только для панов, а нам следует жребий опять бросить. Г. Данилевич выручил тем, что, баллотируя при экспертах, делал подсчет и определял количество полученных голосов.

Время так быстро летело, что я, следя за часами, сидел как на иголках. Половина десятого было, а кандидаты еще не были определены. Горожане все время неотступно приставали, чтобы поторопиться, иначе выборы могут быть кассированы. Осталось двоим баллотироваться, в том числе и мне, но когда вновь заговорили относительно жребия для ускорения, то я и от Думы, и от жребия отказался, только бы поскорее эту кутерьму кончить. Казенный выбран был по-моему вполне сознательный крестьянин, и ради себя не стоило дело проваливать.

За тот малый промежуток времени, который остался в нашем распоряжении, следовало написать 142 записки с семью кандидатами и дать наставление – какой тактики должны держаться союзники, чтобы не подать повода к кассации выборов панами. М.М. Ерогин объяснил и допустил возможные вещи со стороны панов и какой тактики следует держаться. Потом я разговаривал на эту же тему, и опять М.М. Ерогин напомнил обо всем и чтобы крестьянами уездные выборы не были забыты.

В этот разгар были присланы уполномоченные от панов с предложением, что они готовы поддержать крестьянство, но чтобы из горожан никто не попал. В общем, на всякие компромиссы паны к нашим услугам, только бы евреев провалить, а крестьяне ехать в Питер могут все семь.

Случайно я нарвался на уполномоченного и выложил тут же перед ним всю наглость этого предложения, что такими предложениями после состоявшегося союза паны нас унижают, уже не говоря о тех господах, которые честь и совесть на время выборов совсем потеряли.

Отправляя делегатов с такими полномочиями, паны были настолько просты, что предполагали у крестьян легкое согласие на измену данному слову и [что] они охотно пойдут на панский крючок; они забыли, что если крестьяне изменили бы на первых выборах, то лишены были бы доброго имени в будущем.

Получилось обратное: всю фальшь, хитрость и неприглядное заискивание панов я сразу понял и все это экспромтом вылил в своем собрании в присутствии панского делегата. Уполномоченный попался очень милый человек, и я почувствовал неловкость своего порыва, но он поспешил меня заверить, что с моими словами он вполне согласен, что помещики действительно вели себя не по-пански; мои же слова по адресу обещался передать в точности. Кажется, все уже

было сделано и оставалось лишь идти баллотироваться, но у православных было недоверие к товарищам католикам, что они под влиянием ксендзов могут изменить союзу и, дав клятвенное обещание, чуть ли не с целованием креста, могут нам навредить и расстроить наш блок. Это приходилось слушать мне и другим из многих лиц, поэтому на всякий случай должны были иметь такое обстоятельство в виду. На эту тему я имел не одну беседу с католиками-крестьянами.

Тринадцати католикам-крестьянам дано место, и они должны быть очень благодарны за это православным, так как православные одни только в числе 33 и горожан 25 человек могли, составив блок, обеспечить себе успех. Католики с известной польской божбой и заклинаниями дали слово, что долг гражданский у них на первом плане, что они признают всех крестьян, как братьев, без различия вероисповедания.

М.М. Ерогин перед выходом из собрания напомнил еще раз крестьянам, что если паны будут вызывать на дерзость или позволять выходки, так чтобы от крестьян на такие вызовы не было грубых отпоров, которые можно истолковать за угрозу, а после в этом найти повод к кассации выборов: в таких случаях следует обращаться за указаниями к вожакам. Если пан ножку подставит, то придется упасть, но потом встать и молчать.

Поступки панов, так сказать, ставились невменяемыми, чтобы они ни делали; в противном случае они прибегнут к брестскому средству и обжалуют выборы.

Перед отходом, за 20 минут, горожане представили своих кандидатов на второе место: Якобсона и Яновского; одни стояли за Якобсона, а другие за Яновского. Мы предоставили евреям поинтриговать, как было и у нас. Большинством голосов был выбран г[осподин] Якобсон.

Перед выходом из Народного дома на записках наших значились: казенный кандидат Кондрашук. От горожан М. Острогорский и Якобсон. Предполагаемыми кандидатами в Думу значились: Куропацкий, Лещина, Жуковский и Ерогин. Вышли из своего собрания мы чинно, но как-то страшно делалось, что там, в съезде, при стеснении агитации, пожалуй, паны воспользуются простотой крестьян и, употребив всякие средства, наш блок расстроят. Положа руку на сердце, с ними трудно будет справиться, но более половины крестьян-выборщиков чувствовали себя очень хорошо и даже беззаботно.

Местом губернского избирательного собрания должен был служить Гродненский уездный съезд, куда мы и отправились кучками и гуськом. На повороте в Кирочный переулок стояла рогатка из полицейских и пропускала по предъявлении именной повестки. Заботливая администрация оградила нас от предполагаемых случайностей, и чины полиции пестрели то тут, то там. При входе в зал повестки от нас отбирались и чиновник указывал, где занимать места. Паны уже сидели в первых и последующих рядах с правой стороны. За ними уселись горожане. Крестьянам-выборщикам предоставлена была вся левая сторона. Как я уже упомянул, паны были согласны на всякие компромиссы, поэтому на вожаках и более сознательных крестьянах лежала обязанность следить за более подозрительными, по нашему мнению, крестьянами, особенно за католиками.

Под шумок установки стульев под сиденье некоторые крестьяне, судя по одежде, с претензией на панство, обменялись приветствиями с панами и сами присели на панской стороне. Паны также не преминули подойти в нашу сторону; замечено было, что пошла и агитация. Чтобы устранить влияние панов на крестьян, следовало изолировать крестьянство, что мы и сделали; а чтобы не лишать удовольствия крестьян, засевших направо, хоть раз посидеть с панами, мы оставили их в покое, так как председатель стал читать закон о выборах в Думу. Очень нас удивило, что председатель, кроме того, что требуется от председателя, счел нужным заговорить о совести. В угоду панам (иначе нельзя думать) на тему о совести председатель имел длинную речь, поэтому нам следовало быть еще более осторожными. От горожан я узнал, что паны им предлагали поддержать евреев, только бы не прошли крестьяне, а особенно чтобы организатора крестьян г[осподина] Ерогина провалить. М.М. Ерогин, не предчувствуя, что ему грозит, сидел за столом, состоя членом комиссии, поэтому я переговорил с крестьянами, чтобы по отношению к Ерогину как любимцу православных крестьян и желательному члену Думы было поступлено добросовестно; нашептывание панов можно выслушать, но в точности передать вожаку и непреклонно слушать указаний его на этот предмет. Наговорившись вдоволь, председатель приступил к раздаче записок, объясняя и разъясняя при этом, как следует поступать, на каком купончике и каких следует писать кандидатов. Записки состояли из восьми купонов: на восьмом, чистом значились фамилии, кому вручается записка. Седьмой купончик предназначался для пометки имени, отчества и фамилии желательного кандидата от крестьян – обязательного; восьмой купончик отрывался и оставлялся у себя, седьмой же после заполнения следовало отдать председателю. Паны, имея преимущества везде, тут получили лишь семь купонов, и все принялись заполнять записки желательными кандидатами. Председатель объявил, что писать должен всяк себе, помарок не должно быть, зачеркивание не допускалось, а написано должно быть отчетливо и правильно (может, еще и красиво?). Паны и горожане написали быстро, только у крестьян шло туго, и появилось несколько перечеркнутых и зачеркнутых. Я обратился в комиссию, чтобы выдали другую [записку], но мне указали, что всяк за себя должен хлопотать. В этот момент паны и даже ксендзы стали агитировать, но при приближении крестьянских вожаков делали невинные физиономии и разговор прерывали. Евреи обратились ко мне и другим сознательным крестьянам с заявлением, что если не принять энергичных мер и не устроить, так сказать, контрагитации, то союз правильно не пройдет. Агитация по закону в помещении избирательного собрания воспрещается, и такой способ мог дать повод панам кассировать выборы, поэтому решено было бесцеремонно удалять назойливых агитаторов противника с левой стороны, а крестьян не допускать в правую. Удалили человека два, остальные сами ушли, и, как бы тонко намекая, что панам на левую сторону ходить не следует, я стал маневрировать по проходу зала. Со своей стороны председатель заметил, что агитировать в собрании нельзя и что он будет следить строго за этим.

Действительно, мне пришлось часто встречать взгляд председателя даже в тех случаях, когда выборщик из более простых обращался ко мне за указания-

ми. Купоны № 7 с пометкой кандидата, обязательного от крестьян, были отданы по принадлежности, и, справившись с остальными шестью купонами, на которых следовало наметить кандидатов нашего блока, также сдали на стол председателя комиссии. Получив купоны записок и удостоверившись в полном их числе, председатель объявил, что целесообразно было бы открыть заседание подачи голосов сейчас же и приступить к баллотировке. Выборщик от горожан М.Я. Острогорский возразил председателю, что по смыслу закона о выборах в Думу открывать заседание можно только в 12 часов и с этого времени оно, разумеется, будет лишь законным. Это возражение понравилось крестьянам. Все, у кого только были часы, полезли в карман. На моих по вокзальному времени значилось 12 ч[асов] 7 мин[ут]. Оказалось, однако, что часы у всех идут разно, как заметил председатель. Г. Данилевич возразил, что в данном случае следует смотреть на стенные, на которых было 11 ч[асов] 42 мин[уты]. В выжидательном положении сидели мы молча. При гробовом молчании часы пробили 12, и как только затихли удары часов, председатель объявил собрание для баллотировки открытым; приступили к разбору записок. Комиссия, составленная из наших выборщиков и горожан, еще в Народном доме договорилась, что порядок баллотировки, если паны не поместят наших кандидатов, должен быть следующий: баллотируется два крестьянских кандидата, потом горожанин; опять два крестьянских, один горожанин, и последним католик. Обязательным крестьянин[ом] значился г[осподин] Кондрашук, и за него по внутренней дисциплине крестьяне все, как один, должны были подать голоса. При разборе записок, которые были заполнены в избирательном собрании, на купоне № 7 оказалось, что несколько выборщиков подали свои голоса за Куропацкого, который должен был пройти блоком, а не одними крестьянами. Крестьяне приступили с вопросами, кто это изменил? Оказалось, что крестьяне из более простых, по ошибке или по незнанию, пометили Куропацкого теперь, но это важности не представляло. Еще более крестьяне удивлены были и недоверчиво отнеслись к своим вожакам, когда вожаки разъяснили, что Куропацкому следует теперь класть все черные. У крестьян явилось подозрение, что вожаки одурели или хотят так устроить, чтобы Куропацкий – этот избранник Божий – не попал в Думу. Дисциплина гласила, что белые следует класть на всех своих избранников, а тут вдруг Куропацкому – жеребьевому избраннику – и черные!.. Кондрашук прошел, но и Куропацкий почему-то получил несколько голосов, несмотря на разъяснение, которое крестьяне, по-видимому, поняли. Во время разбора записок председатель объявил, что выборщики могут получать прогонные деньги у чиновника в дверях при предъявлении восьмого купончика. Стали делать два дела: деньги получать и записки подбирать.

Около часов трех председатель объявил, что желающие выйти на двор могут отлучиться, заручившись повестками. Вожаки предупредили крестьян, что председатель, объявляя отлучку, не объявил, к какому времени следует возвратиться. Но если бы и было объявлено, к какому сроку, то крестьяне, не имея часов, могут не успеть вернуться к сроку и таким образом потеряют право голоса. Крестьяне согласились с нашими словами и перерывом не захотели воспользоваться. При подсчете записок крестьянин-католик по числу полученных голосов стал пер-

вым; другие наши избранники попали не в таком порядке, как мы назначили, поэтому-то вожаки вновь преподали наставления, какого образа действий следует держаться.

Чтобы была для читателя более понятна техника наших выборов, считаю необходимым предварительно упомянуть, с какими силами мы приступили к баллотировке шарами. Горожан было 26 (25 евреев и 1 пан), от землевладельцев было 36 человек: между ними несколько мелких землевладельцев, но большинство панов были тузы; в числе их был один товарищ прокурора – православный и земский начальник. От крестьян 43; из них 13 католиков и 30 православных. Два рабочих католика держались на запятках у панов. По группам партий выборщики разделились так: под названием «горожанин-выборщик» было 25 евреев, горожанин-пан присоединился к панам. Под флагом землевладельцев было 32 пана, в том числе два чиновника; к партии панов примкнули рабочие, сейчас же как только приехали в Гродно; они к крестьянским выборщикам не заходили. При соединении горожан с панами блок состоял бы из следующих сил: 25 горожан и пан от города, 30 панов, 2 чиновника, 2 рабочих и 13 католиков-крестьян. Противник блока из православных крестьян и землевладельцев имел бы силу в 34 голоса; между тем как противный блок состоял бы из 73 человек. Православные крестьяне были бы затерты; два рабочих в кандидаты не попали бы; крестьяне-католики, также не получив ничего, уже по привычке старались бы угождать пану.

Составив блок из крестьян и горожан, мы имели бы 25 евреев, 33 православных крестьянина (крестьян – православных землевладельцев, купивших землю чрез Крестьянский банк, я тоже считаю крестьянами), 1 православный помещик чиновник и 12 католиков крестьян. Тогда мы имели бы силу в 72 голоса, противник же блока – 33 пана и 2 рабочих – имели бы 35 голосов. При отделении крестьян-католиков мы составили бы блок из 25 евреев, 33 прав[ославных] крестьян и помещика, т.е. из 59 голосов. Противник же имел бы лишь 48. Выделив еще двух подозрительных православных крестьян, наш блок был бы в 57, а у противников 50. Составившимся блоком при союзе горожан и крестьян-православных и католиков мы имели 72 голоса, которыми и соперничали с панами. Если бы рабочие примкнули к нам, то в случае выигрыша имелось в виду дать место и им, хотя их было лишь двое.

Мы остановились на крестьянах-католиках. Предоставляя место католикам-крестьянам, мы надеялись, что они выполнят союз наш в точности; кроме того, мы были благодарны католикам за то, что в разрыве горожан с панами и они помогали немало нам. За Жуковского, кроме нашего блока, подали свои голоса, по-видимому, 4 ксендза и 2 пана. При баллотировке Куропацкого, за которого подано 65 голосов, оказалось, что от блока отстало 7 католиков-крестьян. При баллотировке Острогорского отстало 10 католиков и 2 подозрительных крестьянина православных, так как Острогорский получил лишь 60. Ерогину и Якобсону, думаю, ни один католик не положил шара, и отстали от блока 3 православных крестьянина, так как оба они одинаково получили по 56 голосов. Перед баллотировкой Лещины, избранника вслепую (по жребию), было доложено вожакам, что Лещина человек очень хороший, но необдуманно вписался в какой-то реакционный союз

и даже принял присягу; он, пожалуй, не будет требовать земли, что не соответствует крестьянским интересам, а поэтому их неизменное желание – провалить и заместить его мною. Лещину провалили. Чтобы этим не нарушать союза, если можно так выразиться, имелось в виду сделать Лещину кандидатом, и для этого г[осподин] Данилевич подобрал подходящее число голосов, но подбор не удался, так как противники не положили ни одного шара, а крестьянских голосов не хватило для кандидатуры. Дело было нескольких минут, и трудно было всех крестьян наставить и предупредить, что Лещина будет забаллотирован. Когда узнали крестьяне при объявлении голосов, что Лещина провален, то никак не могли понять, как это случилось. Православные стали роптать на католиков, а католики отговариваться на евреев. Пока объяснили крестьянам, они не могли сообразить, как это сделалось, и верно ли это, что вожаки с десятком сознательных крестьян говорят: быть может, хотят пана на его место втюрить. Много требовалось ловкости и смекалки, чтобы убедить крестьян, что Лещину провалили не по расстройству блока, а с намерением, что аттестацию такую дали о Лещине крестьяне, близко знавшие его.

В самую горячую минуту на левую сторону зашли два ксендза и один пан, которых я не заметил в пылу. От одного ксендза услыхал, что он, обращаясь к крестьянину, слезно просил не постыдить его и хоть один свой шарик положить. После агитаторы сели баллотироваться. Мне крестьяне заявили, что один из ксендзов очень хороший для крестьян и панов всегда с амвона совестит и до того с панами в контрах, что и калиткой той не пойдет, через которую пан ходит; он хотя и не фанатик, но больше католиков обстаивает. Выслушав объявление председателя о получении 57 голосов, ксендз Сонгайло быстро вылетел из-за ящика и на ходу у перил произнес, что кому Богом суждено, того Бог и выбрал. Так-то так, но зачем же мое место занимать. Говоря справедливо, Бог тут ни при чем, а крестьяне пошатнулись под давлением агитации; но в этом сам же я виноват, что допустил: следовало бы против него меры принять, а не подтасовывать его в кандидаты на 53 голоса. Баллотировалось и еще несколько крестьянских кандидатов, кроме избранников, но мы все черняки клали. Г. Бондюк в начале от кандидатуры отказался, но после согласился баллотироваться. Согласие его получилось по просьбе панов, которые с ним вели беседу; горожане следили за этим и передали. Крестьянам были преподаны инструкции класть всем черные, а когда дойдет очередь до меня, то получат новые указания. По требованию г[осподина] Данилевича мне следовало заручиться 29 голосами у крестьян и, получив от горожан 25, я мог иметь 54 голоса и тогда считался бы первым кандидатом. Трудно было сделать такой подсчет, поэтому я заручился всеми крестьянскими голосами с тем, чтобы горожане положили 8 шаров на меня. Еще прежде этого, следя за подачей голосов, мы убедились, что паны кладут белые всем, и от нашего блока отстало уже девять. Кого бы ни баллотировали, в белых было 44, а в черных 63; я от крестьян узнал, что они все кладут черные, поэтому сомневаться было не в чем, что паны хотят провести большинство[м] кого бы то ни было, лишь бы провалить М.М. Ерогина. Я держался неприступно к панам, следил за всяким действием своих и панов; паны на меня смотрели сентябрем, и я думал, что мне не положат

паны, но каково мое было удивление, когда паны за меня согласились подать 44 голоса! Ловко, думаю, не только кандидат в Думу, а настоящий член ее… Ерогину готовилось крушение, так как при баллотировке, т.е. перебаллотировке Ерогина и Якобсона, паны положили бы Ерогину непременно черные. Евреям было безразлично, я ли в Думу попаду или Ерогин, поэтому они ожидали указаний до самой последней минуты, когда я сяду баллотироваться.

Чтобы не мозолить глаз упоминанием своего «я», считаю за лучшее продолжить рассказ о себе в третьем лице.

В числе последних лиц, подлежавших баллотировке, был А. Санцевич. Положенное число членов Государственной думы от Гродненской губернии было уже избрано. Новое лицо, получившее большинство, было бы зачислено кандидатом на случай выбытия впоследствии кого-либо из гродненских членов Думы, или же, в случае получения значительного количества избирательных голосов, лицо это вытеснило бы того из избранных уже членов, который получил меньшее количество избирательных голосов. Имея это в виду, поляки предложили А.М. Санцевичу подать за него все свои голоса, и так как он наверно получил бы значительное число голосов и от горожан, и от крестьян, то он неминуемо вытеснил бы одного из избранников ненавистного полякам союза крестьян с горожанами. Санцевич был достаточно проницателен, чтобы понять этот умысел поляков. Он рассудил, что как бы лестно ни было для него избрание в члены Государственной думы, избрание это, состоявшееся в указанных условиях, было бы нападением из-за угла на одного из избранников союза. Оно могло бы казаться изменою данному слову со стороны крестьян и набросить тень на их честность. С другой стороны, избрание это могло быть истолковано невыгодно и для самого Санцевича. При существующем среди крестьян некотором недоверии к наиболее интеллигентным из них принятие Санцевичем избрания в Думу в указанных условиях могло бы показаться искательством с его стороны или интригой для получения почетного и хорошо оплачиваемого звания. Считая честь крестьянства и свою личную выше всяких личных выгод, Санцевич решил скорее пожертвовать званием члена Государственной думы, чем сыграть в руку панам, сделаться орудием их замысла и позволить набросить тень на правдивость и честность православного русского крестьянства. Санцевичу, как вожаку, поставлено было бы в упрек, что он ради личных выгод воспользовался крестьянским к нему доверием и явным желанием, ничем не оправдываемым, не допустил лица, желательного в Думу, на которого крестьяне возлагали большие надежды в качестве авторитетного выразителя их желаний в Думе. При полном знании нашего крестьянина, Санцевич все же не смог сломить упорства более темных из них, чтобы в Думу попали лучшие силы, а не лотерейные. При вытеснении лица, на которого крестьянство возлагает свои надежды, Санцевич должен был взять на себя ответственность такую же. Во избежание нареканий и неправильного толкования по адресу его, он, отдавая предпочтение желательному кандидату М.М. Ерогину, со своей стороны не хотел умалять и своего значения в том смысле, что, будучи крестьянином, он не поглощен материальною выгодою и ради ее не станет слепым орудием. Санцевич доказал, что при здравом взгляде на жизнь крестьянства, по-

сулами крестьянство не ослепишь, и панам надобно бросить устарелый взгляд и признать в нас таких же людей, как и паны. Может быть, в лице Санцевича, не попавшего в Думу, православное крестьянство потеряло многое, но еще тяжелее была бы потеря, если бы Санцевич вытеснил М.М. Ерогина.

В благодарность православным, которые положили шары ксендзу Сангайло и всем крестьянам, пожелавшим лотерейных выборов, а не как Санцевич убедительно просил, Санцевич не хотел при таких условиях стремиться попасть в члены Думы, а должен был идти параллельно с желанием большинства и как того требовала дисциплина, установленная самими же вожаками.

Поэтому на вызов председателя баллотироваться Санцевич снял свою кандидатуру, выразившись «торжественно отказываюсь». Этим самопожертвованием честь крестьянства осталась незапятнанной; союз горожан и крестьян был проведен с честью от первого момента выборов до последнего.

Мне плакать хотелось, а не досадовать, глядя в глаза крестьян и слушая укоры панов («какая неблагодарность с моей стороны»). Другие стали поздравлять и свидетельствовать свою признательность за то, что я стал героем выборов, что настолько предан крестьянству, что согласился на самопожертвование. Вся эта путаница меня убивала, я принимал все это как автомат – я не мог разобраться: правильно ли я поступил, или нет? Но укоров и признательностей можно было мне не делать.

Крестьяне думают, что Дума даст землю: отнимет у панов и предоставит ее бесплатно крестьянам; крестьянам за бедностью нет ходу в училища, а если и есть возможность, то за панскими детьми не доступишься. По этим соображениям следует в Думу назначать крестьян самых бедных, чтобы они, получая по 10 р[ублей] в сутки, могли улучшить свое скудное экономическое положение. Глядя на наивных и безграмотных крестьян, правительство со своей стороны постарается поднять крестьянство на уровень с другими сословиями. Приятно и отрадно было бы, если бы действительно так случилось. Так советуют доброжелатели крестьянства – паны, евреи и немцы. Но зачем же эти господа посылают в Думу свои лучшие силы? Очевидно, здесь что-нибудь скрывается. Безусловно, что в Думе найдутся вожаки, но как трудно будет им бороться за крестьянство, и это будет тем труднее, чем больше будет лотерейных членов от крестьян в первой Думе. У одних только крестьян было стремление попасть в Думу из-за 10 рублей, а ведь другие сословия посылают в Думу желательных членов в ущерб их материальным интересам, так как некоторые из посланных далеко больше получают, чем 10 руб[лей] в сутки. Что в Думу посылается член не 10 руб[лей] получать, а дело делать, в этом я не сомневаюсь, и все крестьяне со мною согласятся, а раз это так, то следовало и посылать туда дельцов, людей всесторонне развитых, образованных, понимающих, где кроется зло и как его исправить, людей, преданных крестьянству и заслуживших доверие своею честностью. У всех было желание провести в Думу Ерогина, а зачем же положили 50 шаров Канонюку, севшему баллотироваться после меня? Зачем от нашего блока отпало 15 голосов? Вот видите, как нехорошо! Вожаки, кроме того, что старались провести бóльшее число крестьянских членов, стремились, чтобы везде блок шел устойчиво и сознательно. Выполняя

такую тактику на первых выборах, мы заслужили бы добрую славу в будущем, и на следующих выборах мы могли бы играть более видную роль, чем теперь. Приглядевшись ко всему и изучив личности выборщиков волостных, уездных и губернских, я пришел к заключению, что в будущем, если будут выборы, следует выделять для этого по преимуществу честных, не сребролюбивых людей, которые не поддаются чужому влиянию, а тверды в своих убеждениях. Судьи, старшины, председатели и вообще волостные власти в данном случае будут лишь вредны делу. Будучи умными в волости, но ретируясь в непосильных местах, они лишь взбудораживают доверчивых крестьян, чтобы извлечь себе пользу.

В Белостоке мы познакомились с программой [Партии] народной свободы и всю ее одобрили, только три места не понравилось. Из программы крестьяне усмотрели, что люди, составившие такую программу, за панами и начальством тянуть не станут, и земских начальников, пожалуй, тогда не будет. Не понравилось равноправие и еще два места. Когда узнали, что Лещина реакционер, т.е. противник «свободы», крестьяне стали просить, чтобы уволить Лещину, а то он по-пански думает: «по-старому – ничего не хотим». Если только так судят крестьяне, то я скажу противное. Разве паны, будучи реакционерами, истинно русские люди, как они себя называют? Разве, денно и нощно мечтая об автономии, они могут желать добра России? Мы, коренные литвяки, русские, имея фамилии на …ичи, …оки, …яки – люди самые обездоленные, между тем как пришельцы – польские магнаты и сеймовые полоподметатели – …укие, …ские, захватили в крае все и приросли к земле. Кто из наших изменил вере, то обеспечился еще, а непослушных лишали всего. У панов к крестьянству нет ни доли сострадания. Управляя своими поместьями через подпанков, паны дают возможность подпанкам безнаказанно совершать преступления и их скрывать. Паны, пользуясь своими познаниями, как нельзя лучше используют законы все на ту же шею крестьян; в глазах пана крестьянин – вор, мошенник, четвероногому подобное создание лишь потому, что крестьянину не дают возможности жить, а с коммерческою целью он продаст скорее еврею, чем русскому. Рабочие, примкнувшие к панам, не знаю, чем руководствовались. Какая параллель в нуждах пана-богача и рабочего? Если мы бойкотировали панов и старались всячески отплатить за ихнюю доброту к нам, то безусловно, что и рабочие должны были сочувствовать нам.

Когда мы возвратились в Народный дом, к нам зашел и[справляющий] д[олжность] губ[ернского] пр[едводителя] дв[орянства] г[осподин] Неверович. Поздравляя членов Думы с высоким званием, г[осподин] Неверович сказал слово напутствия, как члены должны держаться в Думе. От лица всех выборщиков я благодарил г[осподина] Неверовича как инициатора по устройству нам ночлега в Народном доме. Придавая большое значение такой благой идее, как сосредоточение крестьян в одном доме, запросто приспособленном под ночлег крестьян, я выразил глубокую благодарность инициатору, позаботившемуся о нас, и высказался, что если что-либо произошло по долгу выборщика, то я должен был так поступать.

Крестьяне с энтузиазмом подхватили мои слова и единогласно поблагодарили г[осподина] Неверовича. Встретившийся тут же М.М. [Ерогин] обхватил меня в

объятия и тут же мне высказался, что он хотя и был обо мне самого хорошего мнения и получил хорошую аттестацию обо мне еще до знакомства, но лишь теперь убедился, что я человек, преданный долгу, правдивый и личных выгод, кроме общих для дела, у меня нет. Хорошо, думаю, говорить так выбранному, но каково слушать забаллотированному, если я был желательный член Думы.

Разъехались выборщики вечером 26 марта, и только четверо остались ночевать. Чувствуя себя усталым, я также остался до следующего дня. Я из Гродно уехал последним. Уже с деревни шлю бывшим коллегам от себя и крестьян Росской волости сердечный привет и великое спасибо за совместный и тяжелый труд.

Крестьяне радуются пока хоть тем, что пана не пустили в Думу, а об остальном следует только обождать. Всем товарищам, сочувствовавшим идее Данилевича и К° выбрать лучшие силы, объявляю глубокую благодарность. Быть может, еще раз придется столкнуться на этом поприще – тогда постараемся пробелы заполнить.

Публикуется по изданию:
Санцевич А.М. Как состоялись выборы в Государственную думу.
(Рассказ выборщика от крестьян Волковыского уезда).
Оттиск из «Гродненских губернских ведомостей».
Гродно, 1906. С. 1–49.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

А. БЕЙЛИН

НА ИЖОРСКОМ ЗАВОДЕ

По обе стороны от реки Ижоры широко раскинулся Колпинский посад – горемычная «Ижорка». Разбежались вкривь и вкось маленькие улочки и переулки. Убогие и тоскливые разместились но улицам посадские дома. Над улицами и площадями, над низенькими домишками колпинских старожилов, над деревянными мостками, над извилистой речкой Ижорой, над всей колпинской горемычной жизнью распластался, точно страшное чудовище, государственный Адмиралтейский ижорский завод.

Чиновники из военного ведомства, заводские генералы и офицеры старательно оберегали ижорских рабочих от влияния революционных идей. Рабочий не должен был интересоваться тем, что делалось за стенами завода. Тяжелый, изнуряющий труд давал ижорцу жалкие гроши – их не хватало и на прокорм семьи. Семья голодала.

Уйти с Ижорского завода было нельзя – во всем Петербурге, по всей стране у ворот заводов и фабрик стояли тысячи голодных людей, кочевавших из города в город в поисках работы.

Поздним вечером после работы расходились ижорские рабочие по домам. Убогое жилье. Стул, стол, узкая железная кровать, ветхий комодишко, куча тряпья на полу – вот и все, что нажито было за долгие годы тяжелого подневольного труда.

Те же, кто был помоложе и поступил на завод недавно, ютились вместе с такими же, как они, рабочими в маленьких каморках, по углам.

И только немногие привилегированные ижорцы – их прозвали «огородниками» – имели свой домик, при домике огород. Это были колпинские старожилы, высококвалифицированные мастера, которых огородом и домиком навечно закрепляли за казенным заводом.

А в цветущем саду у дома, где жил начальник завода, неумолчно раздавался веселый смех, пение, музыка.

У начальника завода по вечерам собиралась колпинская «знать».

Быстро проходили годы. Менялись на заводе начальники, мастера, а порядок оставался прежним. Но передовые ижорские рабочие упорно искали выхода из своего нищенского, полуголодного, бесправного положения.

И вот пришел год первой русской революции. Широкая революционная волна захватила и ижорских рабочих. Поднялся Ижорский завод, зашевелились

люди Колпинского посада.

Появились в Колпино большевики. На митинги, в цехи, к станкам понесли они рабочим революционную правду.

Не раз в 1905 году бастовал Ижорский завод. Но и тогда, когда снова возобновлялась работа, не успокаивались рабочие в цехах. То здесь, то там вспыхивало недовольство. Взбешенные мастера то и дело натыкались на революционные листовки, в которых большевики простым языком говорили о тяжелой жизни ижорцев и призывали к борьбе с угнетателями.

Не помогло начальнику завода поголовное увольнение всех рабочих, не помог и полицейский фильтр при новом наборе. С тех пор, как проснулся Колпинский посад, борьба не прекращалась ни на один день.

В начале 1906 года царское правительство назначило выборы в I Государственную думу. Петербургский генерал-губернатор уведомил начальника Ижорского завода о том, что нужно составить списки ижорцев, которые, согласно Положению о выборах в Государственную думу, имеют право принять в них участие. Начальник завода генерал-майор Гросс был зол на рабочих, которые в течение всего года беспокоили генерала забастовками и категорическими требованиями.

Прочитав уведомление губернатора, Гросс закричал:

– Не допущу их к выборам!

И настрочил свой генеральский ответ, в котором не было и капли здравого смысла и лишь дикая злоба сквозила в каждом слове:

«Уволенные после забастовки, они все работают только один месяц и потому участвовать в выборах не могут».

По царскому избирательному закону, предусматривавшему для рабочих тысячи ограничений, участвовать в выборах по рабочей курии могли только те рабочие, которые проработали на предприятии не менее одного года.

Гросс был доволен – он отомстил рабочим за все. Он их всех лишил права выбирать в Думу. Но торжество генерала было преждевременным.

Нелепость такого решения была очевидна, и во избежание обострения конфликта губернатор повторил свое распоряжение и назначил выборы на 5 марта.

В назначенный день трубная мастерская заполнилась колпинскими рабочими.

Как только рабочие стали появляться в мастерской на станок взобрался неизвестный колпинцам агитатор, приехавший из города большевик, и обратился к рабочим с речью. Он говорил, что царская Дума не сможет быть выразительницей интересов народа, что черносотенная Дума будет верной прислужницей царя, капиталистов и помещиков.

– Долой, долой, – взревели черносотенцы, – бей агитатора! – и в говорившего полетели гайки и куски жести. Рабочие пытались утихомирить черносотенцев, но те не унимались.

В это время от трубной мастерской через двор к заводоуправлению быстро шли сыщики, подосланные на собрание полицейским надзирателем Шилейко.

Полицейский надзиратель не дремал. Он заблаговременно подготовился к

выборам. Воинская команда была приведена в боевое положение.

– Избиратели – народ ненадежный, – говорил Шилейко, – нужно быть готовым к тому, что придется вмешаться в ход выборов.

Шилейко был наготове. Получив сообщение сыщиков о том, что на собрании выступают с революционными речами, он взял с собой воинскую команду и стремительно отправился в трубную мастерскую. При появлении полицейского надзирателя неизвестный агитатор пытался скрыться, но, окруженный со всех сторон черносотенцами, был передан в руки полиции. Во время обыска у него не нашли ничего, кроме проездного билета. Назвать свою фамилию большевистский агитатор отказался.

На этих выборах не присутствовали многие революционно настроенные рабочие. Часть из них была уволена после забастовки, часть не была включена в избирательные списки.

Довольный исходом выборов, начальник Гросс писал в Петербург, что мастеровые Ижорского завода избрали трех уполномоченных: один октябрист, один монархист, а один – так, «средней партии».

Извлечение публикуется по изданию:
Как выбирали в Государственную думу.
Л., 1938. С. 74–77.

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ БАСАЛЫГО

АКТИВНЫЙ БОЙКОТ ВЫБОРОВ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

...Объявление о выборах в Государственную думу дало толчок к новым, довольно горячим спорам. Эти споры были не только с меньшевиками и эсерами, которые уже начали торжествовать «победу», но и среди самой большевистской организации.

Как известно, по вопросу об участии в первой Государственной думе между большевиками существовало два течения. Одни считали, что участие в выборах и в работах самой Думы есть затемнение классового самосознания рабочего класса, который должен не успокаиваться, а непреклонно добиваться Учредительного собрания с широкими политическими правами для трудящихся; другие же доказывали, что участие во всей этой, отрицаемой нами процедуре, дает возможность ярче выявить несостоятельность самой системы выборов и работы Государственной думы, в которой пролетарские представители будут «через головы» говорить всему населению, что при самодержавном режиме будет удобная трибуна пропагандирования своих идей.

Харьковская организация большевиков занимала в своей работе непримиримую линию. Точно также и [по] данному вопросу организация стала на первую точку зрения – бойкота и повела в этом направлении широкую пропаганду.

Но комитет считал недостаточным одной пропаганды. На одном из своих заседаний (кажется, в феврале 1906 г.) было вынесено постановление – активно противодействовать выборам. Решено было избрать более легкий способ: «конфисковать» составленные избирательные списки.

Выполнение этого задания, естественно, было поручено боевикам, с тем, однако, чтобы не применять кровопролития при «конфискации», прибегая к таковому только в крайнем случае самозащиты. При таких условиях задача была несколько трудная. Руководство исполнением было поручено мне. Взяв по три человека на каждый участок, решено было «попробовать счастья» во время вечерних занятий. В самом опасном и большом районе – в городской управе, где были списки главным образом буржуазии, я решил участвовать и руководить сам. В установленный день к семи часам вечера я и еще двое рабочих железнодорожных мастерских были на условленном месте.

В комнату секретаря управы, где находились избирательные списки, первым

должен был войти я, затем, через минуты две – второй, и вслед за ним третий, чтобы не вызвать подозрения.

Условившись таким образом, я направился. В коридоре, возле двери секретаря, сидел швейцар. Вхожу в комнату, в которой застаю городского голову, секретаря и двух переписчиков. Заявляю, что пришел осведомиться, занесена ли в списки такая-то фамилия (говорю вымышленную фамилию и адрес).

Начинаем разыскивать. Входит другой товарищ и обращается с таким же вопросом. Через минуты две входит третий боевик и останавливается у двери.

– Что вам нужно? – спрашивает секретарь вошедшего.

Даю знак, и, выхватив браунинг, наводим на присутствующих и предлагаем не двигаться. Заявляю, что мы должны забрать все списки. Секретарь не соглашается и начинает спорить со мной, чтобы выиграть время.

Городской голова под направленным на него мною браунингом забивается в угол и, скрестив руки на груди, жалобно просит: «Что хотите делайте, только не стреляйте».

Решительным движением забираем со стола объемистые томы избирательных списков, прячем их на себя под одежду и заявляем, чтобы никто не двигался с места, ибо часовой с бомбой стоит за дверями.

Выходим из комнаты мимо ничего не подозревающего, дремлющего на своем стуле швейцара, быстро спускаемся по лестнице и рассыпаемся в разные стороны.

Неизвестность, что сделано в других районах, не дает мне покоя. Одеваю бурку одного товарища и на голову мохнатую шапку, закрывающую почти все лицо, сажусь на извозчика и еду возле городской управы на установленную явку. Возле городской управы суматоха. Бегают городовые и жандармерия, усиленно всматриваясь в проходящих и проезжающих.

«Уже все известно», – мелькает у меня в голове. Но внешность моя сильно видоизменилась, и я совершенно спокойно, непринужденно проезжаю мимо них дальше.

Через некоторое время приходят товарищи из других районов и заявляют, что у них ничего не вышло, ибо было много народу и они не решились делать нападение, чтобы не создавать перестрелки. Сильно досадую, но делать нечего: время упущено.

На следующий день газеты были полны описанием «происшествия», причем довольно точно описывали наши физиономии, но терялись в догадках, какая организация это сделала, ибо мы, чтобы не вызвать обысков и арестов, умышленно не сказали, кто мы.

Извлечение публикуется по изданию:
Басалыго (Дальний) К. Революционное движение
в Харькове в 1905–1906 гг. //
Летопись революции. 1924. № 1. С. 132–134.

ВЛАДИМИР САВЕЛЬЕВИЧ ВОЙТИНСКИЙ

ГОДЫ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

В конце января [1906 г.] вопрос о Государственной думе еще представлялся отвлеченным, академическим – почти в такой же мере, как вопрос о будущем «Временном правительстве»: неизвестно было, когда соберется Дума, да и вообще соберется ли она. Но 12 февраля появился манифест, назначавший на 27 апреля созыв народных представителей. Теперь нужно было без всякого промедления решить вопрос о выборах.

Впрочем, у большевиков было уже готовое решение этого вопроса.

Дело в том, что еще в декабре 1905 года был созван общепартийный съезд РСДРП. Он не состоялся вследствие вспыхнувшего восстания. Но часть делегатов-большевиков все же успела собраться и составила фракционную конференцию, которая вынесла ряд резолюций, в том числе и по вопросу об отношении к Государственной думе.

Эти резолюции были приняты в момент, когда многим оказалось, что вооруженная борьба народа против царизма лишь начинается и будет в дальнейшем непрерывно развиваться, принимая все более решительный характер. В феврале положение было уже не то. Но декабрьская резолюция о Государственной думе (предлагавшая бойкот выборов) являлась для большевиков исходной точкой рассуждения. Не требовалось рассматривать вопрос в целом заново, достаточно было выяснить, должна ли быть сохранена в силе эта резолюция без всяких оговорок или в нее следует внести те или иные изменения?

Этому вопросу был посвящен доклад, прочитанный партийным работникам-большевикам Лениным.

Доклад состоялся в середине февраля в одной из классных комнат Тенишевского училища. Слушателей было человек 100–120 – наполовину рабочие, наполовину партийцы-интеллигенты. Были приняты всевозможные предосторожности для ограждения собрания от внезапного набега полиции.

Мне приходилось и раньше встречаться с Лениным, но здесь я впервые мог оценить его как докладчика по вопросу о революционной тактике.

Говорил он, с внешней стороны, не блестяще – без образов, без пафоса, без длинных периодов, без эффектных цитат. По несколько раз повторял одну и ту же мысль, одними и теми же словами – будто повторными ударами молота забивал гвозди в головы слушателей. Порой долго останавливался на положении, которое

было само по себе очевидно. И все же его речь ни на миг не казалась скучной. Основной особенностью ее была непоколебимая уверенность оратора в том, что он знает, каким путем идти и что иного пути нет и быть не может. Ленин почти не снисходил до возражений противникам. Он приводил их аргументы лишь для того, чтобы заметить: «Да ведь это смешно, товарищи! Они и сами знают, что это смешно. Это для малых детей ясно». О меньшевиках он отзывался с открытым презрением, называл их «либеральными дурачками».

Ленин отстаивал безусловный бойкот Государственной думы. Положение рисовалось ему в виде дилеммы: или конституционное строительство – или революция; или Дума – или восстание. Принять один путь – значит отказаться от другого пути. Кто за революцию, тот должен быть против Думы; кто за Думу, тот против революции. Свою мысль он формулировал еще и так: все дело в том, в каком году мы живем – в [18]47 или в [18]49? Если мы живем в 49 году, нужно идти к избирательным урнам; если у нас 47 год, то никаких выборов, ничего, что отклоняло бы народ с единственно прямого, единственно правильного пути восстания! И далее сыпались соображения о том, что [18]48 год еще впереди: объективные задачи революции не разрешены; классы, составляющие силу революции, не удовлетворены; революционная борьба продолжается – в партизанской форме – и подавить ее правительство бессильно.

Но это были скорее иллюстрации, подтверждавшие мысль докладчика, нежели доказательства. Вообще, Ленин избегал доказательств. Он не рассуждал, а приказывал.

Выставив определенное положение, он делал из него выводы, потом делал выводы из этих выводов, и так дальше. Все – в порядке строгой дедукции, все – с непререкаемой уверенностью, со снисходительным смешком и презрительным замечанием но адресу противника.

От этой манеры веяло огромной силой.

Много раз впоследствии слышал я Ленина, но ни разу особенности его речи не представлялись мне в столь отчетливом виде, как на этом его докладе в защиту бойкота Государственной думы.

И не на меня одного, на всех слушателей его доклад произвел неотразимое впечатление. Казалось, что и вопроса не могло быть о пересмотре тактики по отношению к Государственной думе.

Разумеется, нужно оставить в силе резолюцию декабрьской конференции!

Разумеется, бойкот!

После доклада Ленина были прения, но прения особого рода: «оппоненты» во всем соглашались с докладчиком и лишь приводили новые соображения в пользу его выводов. Говорили о московском восстании, о безработице, о настроениях в деревне. Докладчик принимал все эти замечания, подчеркивая их значительность.

Мы расходились не только уверенные в спасительности бойкота предстоящих выборов, но и полные надежды, что эта тактика вернет нас к золотым октябрьским дням.

Вступая в избирательную кампанию с лозунгом бойкота Государственной

думы, мы надеялись сорвать виттевскую Думу, подобно тому, как была сорвана в 1905 году Дума Булыгина. От этих надежд вскоре пришлось отказаться. Уже в марте стало ясно, что бойкот проходит исключительно в рабочей курии и что нечего думать о том, чтобы помешать созыву Думы в назначенный срок. Из средства «срыва» Государственной думы бойкот превратился в форму борьбы с «конституционными иллюзиями», являющимися помехой для восстания.

Меньшевики в вопросе о Государственной думе заняли другую позицию.

Я не знаю, как вырабатывалась их тактика и как обосновывалась она на меньшевистских собраниях. Но на межфракционных дискуссиях меньшевики отстаивали свою точку зрения как-то неуверенно – будто сами сомневались в правильности ее, и это представляло разительный контраст с прямолинейной, решительной аргументацией Ленина.

Вопрос об участии социал-демократии в выборах меньшевики отделяли от вопроса об участии в Государственной думе. Они не предлагали участвовать в Думе, но не предлагали и не участвовать в ней, а просто обходили этот вопрос как несвоевременный, еще практически не поставленный жизнью.

Для меньшевиков все сводилось к допросу о поведении на первых стадиях выборов. И здесь они противопоставляли бойкоту свою тактику: выставление кандидатов, избрание уполномоченных и выборщиков.

В пользу этой тактики – в пользу участия в выборах, но отнюдь не в пользу участия в Государственной думе приводились соображения трех родов: 1) относительно агитации и политического воспитания народных масс, 2) относительно мобилизации революционных сил, 3) относительно реорганизации партии (путем создания легальных избирательных комиссий и комитетов).

Каждый довод в отдельности казался довольно убедительным. Убедительными представлялись также соображения о неосуществимости в широком масштабе активного бойкота выборов и о недостаточности пассивного бойкота.

Но все эти аргументы превращались в ничто, лишь только противники ставили меньшевикам вопрос:

– Что же, в конце концов, вы предлагаете? Идете вы в Государственную думу или нет?

На этот вопрос у меньшевиков не было ответа.

И Ленин побивал меньшевистскую тактику полубойкота, заявляя:

«Тактика массовой партии пролетариата должна быть проста, ясна, пряма. Выборы же уполномоченных и выборщиков без выбора депутатов в Думу создают запутанное и двойственное решение вопроса. С одной стороны, признается легальная форма выборов по закону. С другой стороны, «срывается» закон, ибо выборы производятся не в целях осуществления закона, не в целях посылки депутатов в Думу. С одной стороны, начинается избирательная кампания; с другой стороны, она обрывается в самом важном (с точки зрения всех выборов) пункте, при определении непосредственного состава Думы. С одной стороны, рабочие ограничивают свои выборы (уполномоченных и выборщиков) нелепыми и реакционными рамками закона 11 декабря. С другой стороны, на эти рабочие выборы, заведомо неполно и неверно отражающие передовые стремления пролета-

риата, возлагается задача осуществлять эти стремления помимо Думы (в форме какого-либо нелегального представительства или нелегальной Думы или народной Думы и т.п.). Получается бессмыслица: выборы на основании несуществующего избирательного права в несуществующий парламент»[1].

Эта аргументация производила впечатление на рабочих.

В пользу большевистской тактики бойкота была не только ее «простота, прямота и ясность», но и настроения рабочих.

Бойкотистские настроения – результат усталости, разочарования, пассивности – были в то время разлиты в воздухе; отголоски их можно было встретить даже в умеренно-либеральной среде, которая несколько позже объявила бойкот провокацией и злостным измышлением большевиков.

Правительство со своей стороны делало все, чтоб убить в радикальных кругах всякую охоту участвовать в выборах. Особенно грубо вмешивалась администрация в выборы по крестьянской курии. На этот счет Дурново дал земским начальникам точные инструкции: через «доверенных лиц» следить за теми из ораторов, которые, «ставя себе целью проникновение в Государственную думу, обольщали бы крестьян несбыточными надеждами на даровое наделение частновладельческими земельными участками»; удалять их, как беспокойный элемент через тех же «доверенных людей»; поступать точно также с «крикунами»; озаботиться накануне выборов о недопущении в помещения для выборщиков лиц, зарекомендовавших себя со стороны неблагонадежности; обращаться, в случае надобности, к содействию воинской силы» и т.д., и т.д. Инструкция заканчивалась приказанием: «Все сие подлежит строгому выполнению, не вызывая нареканий со стороны населения».

Подобные мероприятия укрепляли недоверчивое, враждебное отношение к будущему подтасованному народному представительству.

И будто нарочно для того, чтоб еще более усилить эти настроения, в самый разгар избирательной кампании был издан закон, угрожавший тюремным заключением за призыв к бойкоту Государственной думы. Этим правительство признало, что оно боится бойкота Государственной думы. Какое еще требовалось доказательство того, что тактика бойкота – самая правильная, самая революционная?

Все эти обстоятельства привели к тому, что предложения большевиков легко восторжествовали в партии.

Для решения вопроса об избирательной тактике социал-демократии в Петербурге в первых числах марта, в Финляндии, кажется, в Териоках, была созвана общегородская конференция районных делегатов.

Участвовало в ней человек 50–60, преимущественно рабочие. Защитниками противоположных платформ выступали Ленин и Ф. Дан. Прения были непродолжительные, – с самого начала выяснилось, что большинство собрания за бойкот.

Конференция приняла резолюцию, предложенную Лениным: бойкот выборов и использование избирательной кампании для агитации.

---

[1] Из статьи Ленина «Государственная дума и социал-демократическая тактика», помещенной в «дискуссионной» брошюре «Государственная дума и социал-демократия» *(прим. В. Войтинского).* Цит. по: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 12. М., 1968. С. 168.

Но избирательная кампания в Петербурге началась до конференции, еще в феврале. И с первых же дней мы вели ее под лозунгом бойкота.

Застрельщиками в предвыборной кампании в Петербурге выступили конституционалисты-демократы. Они открыли избирательную кампанию критикой действий правительства, причем вначале пытались фиксировать внимание избирателей на двух фактах: на истязаниях М. Спиридоновой и на казни лейтенанта Шмидта.

Первые речи к.-д. ораторов были построены по такой, приблизительно, схеме:

«Вот, граждане, что творится в России. Можете ли вы одобрить подобные порядки? Нет? Так не голосуйте за тех, кто эти порядки поддерживает, голосуйте за нас, ибо мы эти порядки изменим».

Партия ожидала, что в предвыборной борьбе ей придется иметь дело, главным образом, с противниками справа.

Но правые вызова не приняли. Ни один из них не поднялся на трибуну.

В то же время против к.-д. выступил противник слева, и им пришлось повернуть фронт в эту сторону.

Помню первое предвыборное собрание.

Большой зал, кажется, Соляного городка, переполнен. В передних рядах – черные визитки, просвечивают лысины, поблескивают очки. Позади – публика попроще и помоложе, немало студентов и курсисток. На эстраде, за длинным столом устроители собрания – районный избирательный комитет Партии народной свободы. Тут же, за особым столиком, полицейский чиновник.

Говорит докладчик. Длинно, красноречиво высчитывает преступления власти. Заканчивает свою речь приглашением высказаться тем, кто не согласен с развитыми им положениями.

Я прошу слова.

Начинаю с вопроса: не бесполезное ли занятие доказывать, что наше правительство никуда не годится? Это все давным-давно знают. Поговорим лучшее о способах изменить положение.

– Вы, – обращаюсь я к докладчику, – обещаете, что эта задача будет разрешена без участия народа, Государственной думой, если в Думе будет ваше большинство. А мы говорим – эта задача будет разрешена народом без Думы, и притом лишь тогда, когда Думу графа Витте постигнет та же участь, какая постигла Думу Булыгина…

Собрание принимало призыв к бойкоту настолько сочувственно, что докладчик и его единомышленники должны были сосредоточить все красноречие на защите участия в выборах.

На следующих собраниях повторялась та же картина.

А в дальнейшем кадетские ораторы прямо начинали с полемики против бойкотистов.

Защитниками бойкота выступали, главным образом, большевики. Эсеры в избирательной кампании почти не участвовали; меньшевики выступали мало и, по-видимому, без определенного плана. Выступлений беспартийных бойкотистов я совершенно не помню.

Кампания сводилась к борьбе между к.-д. и нами.

Должен признаться, что силы наши были неравны.

Со стороны Партии народной слободы выступала целая плеяда ученых профессоров и блестящих адвокатов – Милюков, Набоков, Родичев, Винавер, Кедрин и др.; большевизм же был представлен полудюжиной молодых агитаторов-митингеров. С нашей стороны чаще всего выступали: Абрам (Крыленко), Николай (Коновалов), я и Свидерский.

Из товарищей, не входивших в «ораторскую коллегию», выступали И. Гольденберг и П. Румянцев – первый с исключительным успехом, второй весьма неудачно.

Самым опасным нашим противником был Милюков. Он импонировал слушателям, и рядом с пожилым профессором защитники бойкота не могли не казаться задорными мальчишками. Серьезным противником был также Набоков.

Зато праздником для нас были выступления «тверского Мирабо» Ф.И. Родичева. Несмотря на свои преклонные годы, Родичев держался на трибуне не лучше и не хуже, чем любой из нашей «коллегии»: «ляпал», не взвешивая слов, возмещая недостаток мысли избытком темперамента.

Мы обыкновенно выпускали против него Абрама (Крыленко). Противники были как будто созданы друг для друга. Но на стороне Абрама была молодость – неоценимое преимущество в споре, принимающем форму петушиных наскоков. А Родичев, в отличие от других к.-д. ораторов, вел спор именно в этом тоне.

В виде образчика его выпадов достаточно привести, как он изображал движение 1905 года.

– Пока мы шли все вместе, – восклицал он, – мы были непобедимы. Но в октябре социал-демократы отделились от освободительного движения, чтобы провозгласить социал-демократическую республику.

Это не было случайной обмолвкой: о «социал-демократической» республике он говорил десятки раз.

Отличался Родичев также в спорах о судьбе будущей Думы.

В основе тактики К.-д. партии лежала уверенность, что правительство должно будет уступить голосу общественного мнения, выраженному Государственной думой. Выступая против «конституционных иллюзий», мы ставили представителям Партии народной свободы вопрос:

– Что помешает правительству разогнать вашу Думу, если она откажется служить орудием его политики?

Этот вопрос должен был бы подвести вплотную к самой существенной задаче момента, к задаче организации общественных сил для борьбы с царизмом. Но углубиться в изучение этой задачи столкнувшиеся в предвыборной борьбе партии не могли: к.-д. не видели этой задачи, так как хотели вести борьбу против «бюрократии» без народа; мы проходили мимо этой задачи, так как не считали, чтоб она была связана с вопросом о Думе.

Таким образом, спор сводился к почти анекдотическому вопросу:

– Может или не может правительство разогнать Государственную думу?

И вот тут-то выступал на сцену Родичев. Один аргумент казался ему наибо-

лее убедительным и он повторял его повсюду:

– Сияет крест над Казанским собором… Трудно ли сбросить его с высоты? Но нет безумца, который дерзнул бы на это преступление.

В ответ мы напоминали об иконах и хоругвях, расстрелянных 9 января.

Посещавшая предвыборные собрания публика знала заранее: Родичев здесь, значит, будет о кресте говорить, а потом – большевик об иконах, а потом – помощник пристава сделает предупреждение о закрытии собрания за богохульство…

Трудно сказать, кто имел бóльший успех в ходе описываемой кампании. Пожалуй, защитникам бойкота аплодировали громче, чем защитникам участия в выборах. Но сомнительно, чтоб эти аплодисменты исходили от избирателей. Дело в том, что на петербургские предвыборные собрания весной 1906 года мог приходить кто угодно.

Это были не собрания избирателей, а митинги граждан, и именно *не*избиратели проявляли на них наиболее радикальное настроение.

В общем и целом первая избирательная кампания мало дала для политического воспитания и организации петербургского населения. Но она встряхнула столицу. Обыватель осмелел.

В рабочей курии предвыборная кампания прошла тускло и вяло. Бойкотистские настроения царили здесь безраздельно.

Большевикам нечего было агитировать за свою тактику. Меньшевики не пытались защищать свой план.

Эсеры не показывались. Не было борьбы, то есть того, что составляет сущность всякой избирательной кампании.

Устраивались все же и нелегальные заводские митинги и легальные рабочие собрания. Но на них говорили о чем угодно, только не о Государственной думе, которая меньше всего интересовала рабочих.

Обслуживать эти собрания приходилось нашей «ораторской коллегии». Часто выходило так, что прямо с заводского митинга нужно было ехать на «кадетское» собрание. Это было очень неудобно, так как условия конспирации и установившегося этикета требовали, чтоб на митинге оратор был в высоких сапогах и косоворотке, а на избирательном собрании – в крахмальном воротничке и брюках на выпуск. Я приспособился: на завод приезжал в косоворотке, поверх жилета, имея в кармане про запас воротничок и галстух, а после митинга на явочной квартире выпускал брюки поверх сапог, одевал воротничок, а косоворотку заворачивал в газету и засовывал в карман. В этом виде я более или менее удовлетворял требованиям, которые предъявлялись на «буржуазном» собрании оратору-большевику…

Отсутствие всяких следов предвыборного оживления среди петербургских рабочих составляло яркий контраст с шумной избирательной кампанией в городской курии. По газетам и по рассказам приезжавших из провинции товарищей у меня осталось впечатление, что в других городах контраст между рабочей и городской курией был менее ощутителен. С одной стороны, в провинции рабочие проявляли больше интереса к Государственной думе. С другой стороны, там предвыборная борьба в городской курии была менее оживленной, чем в Петербурге.

Что касается до крестьянской курии, то о предвыборной кампании в ней мы

знали очень мало. Социал-демократическая партия не могла уделить даже малых сил работе в этой области.

Пошучивали:

– О крестьянской курии товарищи эсеры позаботятся. Мужичок – это по их части.

Но и социалисты-революционеры, стоявшие на платформе бойкота выборов, широкой кампании в крестьянстве не вели. Из известий, появившихся в печати, складывалось представление, что крестьяне относятся к Думе с интересом и подходят к ней как-то по-своему, вне всякого влияния партии и партийных лозунгов.

Деревня, не обсуждая вопроса о том, участвовать ли в выборах или нет, сразу решила участвовать, но решила не по-кадетски. На сельских и волостных сходах выносились приговоры с требованием земли. В этих приговорах звучала надежда на Думу, порой даже надежда на царя, но с этой надеждой странным образом уживалась мысль о необходимости поддержки народных представителей народными массами.

Как представляло себе крестьянство поддержку, которую оно заранее обещало своим депутатам, сказать трудно. По-видимому, идея была неясная, не додуманная до конца неповоротливой, медленной мыслью мужицкого мира: красный петух, погром, бунт с вилами и топорами…

Так тремя разъединенными руслами протекала предвыборная кампания в первую Думу: расцвет либерализма в городской курии, смутные революционные мечты в деревне, ни надежд, ни иллюзий в рабочих кварталах.

В середине марта состоялись в Петербурге выборы от рабочих. Заводские районы были наводнены полицией и войсками. Ожидали кровавых столкновений. Но день прошел спокойно.

Кое-где накануне после работ были устроены у заводских ворот летучие митинги; проголосовали резолюцию: «в выборах не участвовать». В других местах ограничились распространением листков и сговором по мастерским.

На многих заводах в назначенное для избирательного собрания место не явилось ни души. Там, где были опасения, что черносотенцы и «любимчики» мастеров за спиною рабочей массы проведут выборы, рабочие приходили на избирательное собрание и требовали голосовать предварительный вопрос: «производить или нет выборы?». Вопрос разрешался отрицательно, председатель объявлял собрание закрытым и рабочие расходились.

Ни речей, ни споров. Лишь кое-где картина скрашивалась неожиданными искорками юмора.

На одной фабрике (кажется, у Паля) кто-то заметил:

– Раз приказано выбирать уполномоченного, нужно выбирать.

В ответ раздалось:

– А ну-ка, собаку Розу в уполномоченные выберем!

Предложение понравилось. Проголосовали, выбрали и составили протокол.

На другом заводе «выбрали» заводскую трубу. Было еще несколько выходок в этом роде.

Результаты выборов по рабочей курии мы учли как победу нашей тактики. На следующий день на городских предвыборных собраниях мы указывали на эти результаты в доказательство того, что за Государственной думой не будет опоры народных масс.

Помню подробность: ораторы-большевики ссылались на «собаку Розу» как на мерило презрения рабочих к будущему парламенту. Но эта ссылка, казавшаяся нам весьма ядовитой, принималась городской аудиторией с ледяной холодностью. А кадетские ораторы отвечали:

– Если таковы результаты вашей агитации, то об этом можно лишь пожалеть, а радоваться здесь нечему.

Спустя два-три дня появилось официальное извещение – не помню, градоначальника или губернатора – о результатах выборов по петербургской рабочей курии. По этому сообщению выходило, что бойкот прошел далеко не повсюду, что приблизительно на половине фабрик и заводов выборы были произведены. Сперва мы думали, что это полицейская выдумка. Но нет! На собрание уполномоченных действительно явились «представители» полутораста фабрик и заводов, – и это на точном основании закона 11 декабря. Ибо этот закон за голосующую единицу принимает, как известно, не рабочего, а предприятие, и ничто не мешало администрации признать представителем завода кандидата, получившего хоть два-три голоса.

И вот, в то время, как рабочие считали, что у них выборы сорваны, кучка черносотенцев где-нибудь в отдаленной мастерской открывала собрание и производила выборы.

В общей сложности из 200 000 петербургских рабочих приняло участие в выборах тысяч 5–6, едва ли больше.

На выбранных «уполномоченных» рабочие смотрели как на ставленников полиции. Иным из них пришлось во избежание неприятности рассчитаться с завода. Другие приходили на работу с револьвером в кармане, в сопровождении дружинников из числа Союза русского народа.

Впрочем, вскоре об этих «рабочих выборщиках» забыли.

Сведения, поступавшие из других городов, говорили, что и там рабочие более или менее единодушно бойкотируют выборы.

Полнее всего был проведен бойкот в Польше, где социалисты не задумывались пускать в ход револьверы и силой заставляли меньшинство подчиняться решению большинства.

Там, где бойкот не поддерживался «боевыми» действиями, повторялась – с небольшими уклонениями в ту или другую сторону – петербургская картина.

В глухой провинции, как общее правило, крупные предприятия бойкотировали выборы, а мелкие в выборах участвовали.

Всего слабее проводился бойкот на юге.

В итоге, состав рабочих «выборщиков» оказался пестрый: преобладали среди них черносотенцы, но были и революционно настроенные беспартийные, были и социал-демократы – правда, в ничтожном числе.

Я хочу отметить здесь одну характерную черту: известия об избрании чер-

носотенцев не вызывали в нашем кругу ни удивления, ни тревоги – такие выборы доказывали лишь, что по рабочей курии никто, кроме черной сотни, в голосовании не участвовал; наоборот, на сообщения об избрании «примыкающих к социал-демократам» и социал-демократов мы реагировали, как на весть о срыве забастовки нашими же товарищами.

На другие избирательные курии тактика бойкота не оказала заметного влияния.

В частности, в крестьянской курии, если память не обманывает меня, не было отмечено ни одного случая сознательного уклонения от участия в выборах.

Интерес, проявленный крестьянами к выборам, не только не поколебал в нас уверенности в правильности принятой нами тактики бойкота, но явился для нас лишь свидетельством того, насколько сильны в русской деревне «конституционные иллюзии». Казалось, что до преодоления этих иллюзий нечего и думать об участии крестьянства в революционном всенародном выступлении. И потому, по мере того, как выяснялись результаты выборов по крестьянской курии, все острее вставала перед нами задача разоблачения связанных с Думой иллюзий.

Торжеством «конституционных иллюзий» завершились и выборы по городской курии: здесь почти повсюду победа осталась за Партией народной свободы.

Первая стадия выборов закончилась в Петербурге 20 марта. Государственная дума должна была собраться 27 апреля.

Наша партийная организация была в это время занята подготовкой к общепартийному съезду. Шли дискуссии по «платформам» двух фракционных течений.

Большевики отстаивали ту линию, которую установила их декабрьская конференция. Во главу угла ставилась необходимость и неизбежность в ближайшем будущем вооруженного восстания.

Отношение к Государственной думе определялось несовместимостью подготовки восстания и конституционного строительства. Дума представлялась силой антиреволюционной, так как, питая в стране конституционные иллюзии, она должна отвлекать народ от восстания.

Много внимания уделялось «партизанским боевым действиям». Нападения на полицию, отстрелы при задержании, экспроприации, террористические акты оценивались как симптом продолжающейся революции и пролог восстания. Отмечалось, что подобные выступления необходимы для боевого воспитания и военного обучения партийных боевых дружин.

В общем и целом большевистская платформа была проникнута бунтарски-повстанческим духом, который сторонникам ее представлялся революционно-марксистским пониманием текущего момента.

Платформа, выдвинутая меньшевиками, в центре задач партии ставила вопрос об использовании Государственной думы для политического воспитания и организации пролетариата, а также, само собой разумеется, для усиления революционного натиска против самодержавия.

Вопросом большой важности признавалось создание в самой Думе опорного пункта в виде с.-д. фракции (или группы). Это был полный разрыв с той тактикой,

которой следовали меньшевики во время выборов. Это был также скрытый разрыв с идеей вооруженного восстания – по крайней мере, в том виде, как воспринималась эта идея обоими течениями партии в 1905 году.

Положение большевиков в предсъездовской борьбе с меньшевиками оказалось значительно труднее, чем в той борьбе, которая незадолго до того велась на почве вопроса об отношении к выборам в Государственную думу. На этот раз меньшевики имели успех.

Возможно, что этому успеху способствовали испытанные рабочими неудачи, которые, как будто говорили против тактики, которой они до сих пор придерживались. Московское восстание окончилось поражением... Бойкот ни к чему не привел... Государственную думу сорвать не удалось... Все это учитывалось партийными рабочими.

Были, вероятно, и другие моменты, которые не остались с достаточной отчетливостью у меня в памяти. Во всяком случае перед съездом меньшевики собрали чуть ли не больше голосов, чем большевики.

Та партийная ячейка, в которой я работал, – приказчичий кружок – высказалась единогласно за большевистскую платформу. Представителями кружка на конференцию ремесленного района выбрали меня и одного приказчика-гостинодворца.

Конференция собралась в помещении какого-то танцкласса на Загородном проспекте. Присутствовало человек 30. От меньшевиков должен был выступать докладчиком Мартынов, оппонентом ему назначили меня.

Но не успели мы открыть собрание, как нагрянула полиция – помощник пристава, полдесятка околоточных, дюжина городовых. Не было, впрочем, ни команды «руки вверх», ни угроз оружием. Помощник пристава ограничился вежливым приглашением:

– Прошу вас, господа, не двигаться с места. Прошу пожаловать для объяснений г[осподина] устроителя собрания.

Мы решили заявить, что собрались для танцев. Вести переговоры отрядили меня и приказчика.

– Вы устроители собрания? – обратился к нам помощник пристава.

Отвечал приказчик:

– Какого собрания? Сошлись просто знакомые потанцевать.

Помощник внимательно оглядел нас и сказал:

– Непохоже. Публику, которая для танцев и которая для политики, отличить не трудно.

Приказчик обиделся:

– Почему, скажите, пожалуйста, не могу я провести вечер в танцклассе?

Полицейский снова оглядел его и заметил примирительно:

– Про вас я не говорю. А только дамы ваши неподходящие. Здесь ошибки быть не может.

Это было так неожиданно, что некоторые из наших расхохотались, и наша попытка конспирации была сорвана.

Тогда мы решили не давать полиции никаких объяснений и предоставить ей

самой разбираться, что у нас за собрание.

Компрометирующие бумажки мы успели уничтожить, документы на жительство у всех были в порядке. Значит, не было оснований волноваться.

Помощник пристава приступил к переписи задержанных. Составив список, он переспросил;

– Все тут?

– Все.

– Так! Значит, – он вынул из кармана бумагу и прочел отчетливо, – «Конференция ремесленного района при Петербургском комитете Р.С.-Д.Р. партии».

Было ясно, что мы выданы провокатором.

Из танцкласса нас отправили в ближайший участок, оттуда женщин – в Литовский замок, а мужчин – в арестный дом при Московской части, где мы разместились в трех довольно обширных и весьма грязных камерах.

Было далеко за полночь, когда мы улеглись на нарах. Несмотря на обилие клопов, заснул я сразу. Кажется, и товарищи не могли пожаловаться на бессонницу.

Но утром поднялись в довольно скверном настроении. Думали, что всех, на лучший конец, ждет административная высылка. Для семейных это представлялось катастрофой. Чтоб отвлечь товарищей от черных мыслей, я предложил приступить к дискуссии. Мартынов поддержал меня. Желавшие принять участие в обсуждении платформы собрались в кружок на нарах, и мы открыли собрание.

Мартынов говорил путано, так что было трудно уследить за его мыслью. Но аргументация его была интересна. Все внимание он сосредоточил на рекомендуемых большевистской платформой «партизанских действиях» и на их влиянии на различные общественные силы. Основную ошибку большевиков он видел в том, что они строят свою тактику, не считаясь с «общественным мнением». В таком виде его мысль была открыта для нападения со всех сторон и слушатели-большевики остались вполне удовлетворены тем, как я «разнес» ее. Но Мартынов не был ни в малой степени смущен. Свое второе слово он начал так:

– Очевидно, здесь никто ничего не понял из того, что я говорил…

И он принялся объяснять, что понимает он под «общественным мнением». Опять говорил длинно, запутанно, с бесконечными отступлениями в сторону. Слушателям его речь в защиту «общественного мнения» решительно не понравилась. Недовольны были даже рабочие-меньшевики. Но на меня слова Мартынова произвели некоторое впечатление, и я отвечал ему много сдержаннее, чем в первый раз…

Спорили мы с Мартыновым до вечера, продискутировали еще и весь следующий день – до ночи.

Для товарищей, следивших за нашим спором, смысл его сводился к тому, чтоб как-нибудь скоротать время. Но для меня эта дискуссия имела значение, о котором Мартынов по всей вероятности и не подозревал: впервые мне пришлось задуматься над различием большевистской и меньшевистской тактики, и я почувствовал, что нельзя отмахнуться от меньшевизма, как от «мелкобуржуазного соглашательства». В частности, я понял, что идеализируя «партизанские дей-

ствия», мы становимся на скользкую почву, что эта тактика может выродиться в пагубный для революции авантюризм. Короче, эта тюремная дискуссия нанесла чувствительный удар моему большевизму.

Окончилось наше заключение раньше, чем мы ожидали: дня через два или три нас всех выпустили без допроса. По-видимому, столь благоприятным оборотом дела мы были обязаны тому, что при обыске в руки полиции не попалось никаких «вещественных доказательств» и квартиры у всех оказались чистые. Таким образом, для создания «дела» не было никаких материалов, кроме оговора провокатора. А провокатор, на наше счастье оказался несерьезный – из начинающих[1], так что полиция не больно полагалась на его показания. Единственным последствием этого ареста для меня было то, что я не попал на предсъездовскую общегородскую конференцию, а равным образом не попал и на партийный съезд, собравшийся в Стокгольме в апреле и вошедший в историю российской социал-демократии под названием «объединительного».

О работах и решениях стокгольмского съезда я узнал из доклада Ленина, прочитанного им петербургским партийным работникам-большевикам.

Доклад был ярко полемический: на съезде восторжествовало мелкобуржуазное, оппортунистическое крыло партии; мелкие хозяйчики из «Бунда» и крестьяне с Кавказа подавили голос чисто пролетарских российских организаций, представленных большевиками; съезд принял ряд меньшевистских резолюций и избрал Центральный комитет, в который вошло семь меньшевиков и всего три большевика.

Все постановления съезда вызывали более или менее резкую критику докладчика, но всего хуже была резолюция о Государственной думе, которая, между прочим, признавала желательным, чтобы «при наличии с.-д. депутатов, работающих в партийной организации и подчиняющихся ее указаниям, в Думе была образована с.-д. группа». Этим решением партия заявляла готовность признать своими представителями людей, прошедших в Государственную думу более или менее случайно, под флагом беспартийности, а порой и с прямым нарушением партийной дисциплины. Были все основания ожидать, что думская группа будет состоять из антибойкотистских, а следовательно, и антибольшевистских элементов.

Опасность увеличивалась тем, что выборы в Думу не повсюду были закончены. Между прочим, предстояли выборы в губерниях Тифлисской и Кутаисской, где меньшевики рассчитывали провести своих кандидатов. И относительно предстоявших выборов резолюция съезда говорила:

«Всюду, где еще предстоят выборы и где Р.С.-Д.Р.П. может выставлять своих кандидатов, не вступая в блоки с другими партиями, она должна стремиться провести своих кандидатов в Думу».

Таким образом, меньшевики, захватившие после съезда в свои руки Центральный комитет партии, должны были получить еще новое оружие – легальное, думское представительство!

---

[1] У нас были подозрения на одного субъекта, явившегося на конференцию от несуществующего кружка и исчезнувшего при появлении полиции *(прим. В. Войтинского).*

При таких условиях Ленин призывал большевиков быть готовыми «внести революционные поправки действием» в оппортунистические решения съезда и в имеющие последовать еще более оппортунистические директивы ЦК, а главное – зорко следить за будущей думской группой.

Социал-демократической группе в Государственной думе предстояло иметь против себя не только классовых врагов пролетариата, но и значительную часть собственной партии.

Извлечение публикуется по изданию:
Войтинский В.С. Годы побед и поражений.
Кн. 2: На ущербе революции. Ч. 1: В строю (1906–1907 гг.).
Берлин, Пб., 1924. С. 21–43.

Б. ГЛЕБОВ, М. МИТЕЛЬМАН, А. УЛЬЯНСКИЙ

НА ПУТИЛОВСКОМ ЗАВОДЕ

Завод напоминал брошенную войсками крепость. Густые январские снега засыпали все пути на заводском дворе, улеглись сугробами у стен. От мастерской к мастерской протянулись узкие тропинки. Всего 149 человек числилось на заводе в первые дни нового 1906 года. Остальные 12 с лишним тысяч рабочих были рассчитаны.

Начальство с помощью черносотенцев составило списки рабочих, которых решено было не принимать обратно на завод как «беспокойный элемент». У заводских ворот толпились рабочие. Наем рабочих проходил медленно. Каждого принятого ощупывали десятки глаз смотрителей и полицейских, его проверяли по многочисленным спискам. Многих прямо из проходной отправляли в участок. В мастерской каждый вновь поступивший путиловец получил отпечатанный в типографии список рабочих своего цеха. От рабочего требовалось, чтобы против фамилий революционеров он делал пометки, а затем опускал список в особый ящик. Но этот провокационный план, разработанный директором Белоножкиным, потерпел полный крах: рабочие или вовсе уничтожали списки, или возвращали их с отметкой «крамольник» против фамилий отъявленных черносотенцев.

Черносотенцы, полиция, начальство ничем не могли сломить боевого настроения путиловцев. Вся страна была охвачена революционным брожением. Пушки царских усмирителей не успевали громить баррикады в одной части России, как они вновь возникали в другой. Революция еще не была разбита, и новый, еще более мощный подъем мог начаться в самом ближайшем будущем.

В такой обстановке происходили выборы в I Государственную думу, закон о которой был издан 11 декабря 1905 года.

Путиловские рабочие по призыву большевиков бойкотировали выборы в I Думу.

В день выборов 5 марта 1906 года по всем мастерским проходили собрания. Это были легальные, дозволенные властями собрания, но полиция и администрация сильно беспокоились. Рабочие собрания напоминали бурные митинги 1905 года. «Почтительно» проведенные на завод кадетские профессора повсюду терпели поражение. После речей тайно пришедших большевиков кадетам не давали говорить. Кто-нибудь заводил мотор, и профессор, но привыкший к такой обстановке, сбивался и замолкал.

В лафето-снарядной мастерской раздавались голоса:

– У нас уже есть выборный, да его в тюрьму упрятали!

– Отдайте нам Полетаева, тогда будем с вами разговаривать!

В помощь семье своего депутата т[оварища] Полетаева, избранного в Петербургский совет рабочих депутатов и арестованного царскими властями, лафетчики ежемесячно собирали сумму, равную его месячному заработку. И здесь во время избирательного собрания один из большевиков взял шапку и начал обходить товарищей. Все заговорили, опускали в шапку деньги в помощь товарищу и вовсе перестали обращать внимание на кадетского оратора.

На заводе единодушно принимались большевистские резолюции об активном бойкоте Думы.

На митингах шли сражения большевиков с меньшевиками. Предатели революции – меньшевики вели пространные речи о том, что революция разбита, растут бесчинства черной сотни и даже больше того, – будто черносотенцы чуть ли не начинают захватывать позиции в среде рабочих.

Этой наглой клеветой на рабочий класс меньшевики пытались запугать массы, спровоцировать их и совлечь на путь поддержки контрреволюционной черносотенной Думы.

В пушечной, новомеханической, паровозомеханической и других крупных мастерских большевики призывали рабочих к единодушному бойкоту Думы, разоблачали предательскую линию меньшевиков. Массы шли за большевиками.

В день выборов к избирательным урнам пошли единицы. Огромная масса путиловских рабочих с пением революционных песен вышла из мастерских. Во дворе их ждало необычайное зрелище. Группа рабочих соорудила из тряпок и соломы уродливое чучело, одела его в рваную блузу и штаны, повесила на шею дощечку с надписью: «Наш депутат». Под хохот и свистки чучело было поставлено на телегу, привязано к ней и собравшиеся покатили это сооружение к конторе – вешать и отпевать «депутата». Но там их встретила полиция. С песнями и смехом рабочие направились к воротам. 6500 человек – больше половины путиловцев – ушло в этот день с работы. Это была первая забастовка в 1906 году.

Извлечение публикуется по изданию:
Как выбирали в Государственную думу.
Л., 1938. С. 42–44.

Н.П. ПАЯЛИН

НА НЕВСКОМ ЗАВОДЕ

Царское правительство готовилось к выборам в I Государственную думу. Невская застава была наводнена войсками. Позади завода, на лужайке, расположилась пехота в полном боевом снаряжении и даже с походной кухней. По улицам и переулкам разъезжали казачьи и жандармские патрули. Были усилены и наряды полиции. Там, где обычно стоял один городовой, теперь было двое.

По всем предприятиям Невской заставы, в том числе и на Невском заводе, началась кампания выборов уполномоченных от рабочих. Большевики, следуя постановлениям Таммерфорсской конференции[1], повели кампанию бойкота Думы, стирались использовать предвыборную шумиху для того, чтобы разоблачить маневры царского правительства и еще выше поднять революционную активность пролетариата.

На заводах и фабриках появились плакаты с лозунгами: «Рабочие, бойкотируйте Думу». На предвыборных собраниях рабочих большевики разоблачали полицейские уловки правительства, стремившегося обеспечить в Думе черносотенное большинство, а также меньшевиков, предательски отвлекавших пролетариат от главнейшей задачи – подготовки вооруженного восстания.

Наступил день выборов. В модельной мастерской Семянниковского завода было выставлено чучело с надписью «Выборщик в Государственную думу».

На фабрике Паля рабочие «выбрали» в Думу... фабричную собаку Розку. Эти «выборы» рабочие объяснили тем, что «истощенной казне тяжело будет платить всем депутатам по 10 рублей в день, тогда как собаке Розке вполне достаточно будет и 15 копеек».

На Семянниковском заводе выборы состоялись, но из 5812 рабочих на собрание явилось только 112 человек.

На председательское место взобрался главарь черной банды Васька Снесарев. Выйдя на трибуну, он перекрестился, вынул из кармана револьвер, положил его на стол и открыл «выборы». В своем вступительном слове Снесарев говорил, что выбирать в Государственную думу необходимо только истинно-русских людей, «готовых душу свою положить за веру, царя и отечество».

Собрание приступило к обсуждению кандидатур.

---

[1] Первая конференция РСДРП, проходила 12–17 декабря 1905 г. в Таммерфорсе. Приняла решение бойкотировать Думу и использовать избирательную кампанию для агитации за вооруженное восстание.

– Ну, братцы, кого же нам? – спрашивал Снесарев.

– Ну, чего там, давай Принцева.

Кандидат извлекался из толпы чуть ли не за шиворот и ставился на трибуну.

– Еще кого, ребята? – вновь спрашивал Снесарев.

– Жарь Ярошенко, свой человек.

Таким образом были «выбраны» пять человек. Все они состояли членами Союза русского народа.

По окончании выборов часть выбранных напилась допьяна. Один из них чуть не сгорел около своего кузнечного горна. Его спасли стоявшие поблизости рабочие.

Этим и закончились выборы уполномоченных в I Государственную думу на Невском заводе.

Накануне открытия Государственной думы, которое состоялось 27 апреля, семянниковцы устроили своеобразную манифестацию – «похороны самодержавия». Они поставили на тачку пустой гроб, перед которым, несли венки с надписями: «похороны самодержца всероссийского Николая II» и пели революционные песни.

Извлечение публикуется по изданию:
Как выбирали в Государственную думу.
Л., 1938. С. 66–67.

ИСИДОР ИВАНОВИЧ РАМИШВИЛИ

ИЗ ТЮРЬМЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Манифест 17 октября застал меня в тифлисском Метехском замке. В этот день вокруг замка кипел весь Тифлис и требовал освобождения заключенных. Стали выпускать политических по степени их виновности, начиная с менее виновных. Меня в маленькой группе выпустили последним. В середине обширного четырехугольного тюремного двора положил я свой тюремный скарб и произнес прощальную речь, которую закончил словами: «Эту могилу оставляю могильщикам, а я иду в жизнь, освещенную лучами уже взошедшего на нашем небе солнца свободы».

Открылись двери тюрьмы, и я вмешался в бушевавшую кругом народную волну, которая втянула меня в себя. Помню, трое рабочих схватили меня и понесли через переполненные народом улицы на широкую Кахетинскую площадь, занятую громадной толпой людей, среди которых развевались большие и малые, богато убранные и совершенно простые красные знамена. Очутившись на плечах товарищей, я приветствовал здесь народную толпу, народную победу, и народ приветствовал освобожденных бойцов. При заходящем солнце мы с пением мерно двинулись по городским улицам в рабочий квартал – Нахаловку.

С этого дня началась лихорадочная работа по всем направлениям: устраивались грандиозные митинги, длившиеся ежедневно с утра до вечера, беспрерывно шла организаторская работа в городе и провинции. Работа эта захватила и меня в числе многих других, и об отдыхе никто не думал и не мог думать. Жизнь возложила на нас большие и ответственные обязанности, и мы по мере своих неопытных сил старались справиться с ними.

Помимо общих задач, выпавших на наших товарищей во всей стране, на нас, вместе с проявлением действий реакции, выпала специальная и очень серьезная задача – это устранение начавшейся резни между двумя кавказскими нациями – армянами и татарами, которую удалось нашими усилиями локализировать сначала в Баку, а потом и в Тифлисе. Хотя в Тифлисе она не могла найти такой богатой почвы и не могла развиться до тех колоссальных размеров, как в Баку, но она потребовала от нас всей нашей энергии и всего времени, потребовала и человеческих жертв… Все же нам скоро удалось потушить пожар. В жизни тифлисской демократии это должно остаться светлой полосой, могущей украсить страницы ее истории.

Впоследствии, однако, мир в Тифлисе был нарушен, и мне вместе с другими руководителями рабочих пришлось покинуть Тифлис и скрываться, не раз спасаясь от наемных убийц, вплоть до самого дня избрания меня в Государственную думу. В день выборов распространился слух, что губернатор распорядился арестовать меня при входе в зал, где будут происходить выборы. Разные доброжелатели, не товарищи, конечно, стали уговаривать меня покинуть город и скрыться, чего я не сделал, и губернатор тоже не привел в исполнение своих угроз.

По тактическим соображениям выборы в первую Думу на окраинах были произведены, как известно, с большим запозданием, сравнительно с центральными губерниями. Но это обстоятельство принесло правительству как раз обратные результаты. Как известно, большинство левых, кроме меньшевиков, бойкотировало выборы в первую Думу, и мы в силу известной дисциплины не могли бы принимать участия в выборах, если бы они были назначены на Кавказе одновременно с остальной Россией, и тогда у нас прошли бы более умеренные элементы, а не с.-д. Запоздание с выборами дало нам возможность дождаться Стокгольмского партийного съезда[1], на котором было постановлено принять участие в выборах депутатов в Думу в тех местах, где это еще будет возможно. Это оказалось вполне возможным на Кавказе, который послал в первую Думу по преимуществу с.-д.

В Думу в первый раз мы пришли 8 июня [1906 г.]. Лично я не придавал Думе особенно большого значения для осуществления тех целей, которые у нас были намечены, а потому больше времени отводил не работе в самой Думе, а работе вне Думы и был в постоянных разъездах. От рабочих организаций Петербурга и его окрестностей и Москвы поступали приглашения с просьбою прислать депутата для доклада о Думе. Такие приглашения поступали и от частных фабрик и заводов. Я охотно ездил всюду.

Замечательно одно: несмотря на бойкот, который рабочая масса объявила Думе, она все же постепенно входила в круг ее интересов и с живейшим вниманием следила за ней, за ее работой; ее преждевременная насильственная смерть вместо радости принесла рабочим огорчение и раздражение. Это государственное учреждение, выросшее на почве народного движения и стоявшее за народ, постепенно было оценено широкой рабочей массой, которая направляла туда, на имя рабочих депутатов, много телеграмм о своих нуждах.

Принципиальный теоретический бойкот, навязанный сверху, бледнел и исчезал перед этой живой жизнью. С невыразимым восторгом рабочие встречали везде своих депутатов и устраивали им шумные овации. В Москве митинг, устроенный союзом рабочих печатного дела, на котором я делал доклад о думских работах, был великим праздником, торжеством московского пролетариата. Таких митингов было в Москве несколько, а в Петербурге и в окрестностях его, конечно, еще больше. Думой заинтересовался даже отец бойкотизма тов[арищ] Л[ени]н, который находил для себя возможным делать нам некоторые указания и советы.

Одна из таких поездок и посадила меня на скамью подсудимых. 25 июня рабочие одного (порохового, кажется) завода пригласили меня в Шлиссельбург

[1] IV (Объединительный) съезд РСДРП, проходил 10–25 апреля 1906 г. в Стокгольме. Принял резолюцию меньшевиков, признававшую необходимость поддержки Думы и образования в ней социал-демократической фракции.

для доклада о Думе. Митинг прошел благополучно, и рабочие проводили меня на пристань. Здесь собралось немало народу, который хотел посмотреть и особенно выслушать депутата. А тогда депутат пользовался искренней народной любовью и симпатией без различия взглядов и направлений. От Думы и депутатов ждали многого, почти всего. Я произнес речь, в которой проводил ту мысль, что Дума сама без народной помощи бессильна и от нее ждать нельзя осуществления у нас политической справедливости. Сам народ должен толкать ее, поощрять, поддерживать в трудную минуту. Пусть правительство знает, что Дума не одна, а с ней и за нее стоит весь народ, и оно не посмеет ее распустить, а как только за спиной Думы оно не будет слышать народного голоса и чувствовать за ней народной поддержки, то не замедлит ее разогнать. Всероссийская Дума, – говорил я, – несокрушима и могуча, а маленькая Государственная дума из 500 человек слаба.

Вот за эту речь предали меня суду и после разгона Думы меня искали, чтобы засадить, но это долго не удавалось. Совершенно неожиданно для них и для себя самого я попал в их лапы накануне разгона II Государственной думы.

Публикуется по изданию:
К десятилетию первой Государственной думы:
27 апреля 1906 г. – 27 апреля 1916 г.:
Сб. ст. перводумцев. Пг., 1916. С. 174–176

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЧЕРДЫНЦЕВ

ДВА МОМЕНТА

Социал-демократическая партия в 1906 г. объявила бойкот выборов в первую Государственную думу; рабочие г. Екатеринбурга и окрестностей не сразу усвоили смысл этого решения. В Верх[не]-Исетском заводе рабочие говорили:

– Ну ладно, бойкот! Значит, не пойдем на выборы. А кто же тогда представит нужды рабочего перед царем? Кто постоит за рабочего, чтобы закон охранял его от капиталиста? Выходит, что как раньше, так и теперь, рабочий остается без защиты! На что тогда революция была нужна? Нет, в Думу выбирать нужно!

Партийные агитаторы пытались доказать им, что в Государственной думе рабочий класс не найдет выразителя своих интересов. Читался избирательный закон, рассматривались статьи о двухстепенных выборах, о делении населения на курии, об избирательном цензе, о числе избирателей каждой курии; о числе выборщиков, посылаемых каждой курией на выборы в губернию, наконец, о числе самих депутатов в Государственной думе. Выходило по избирательному закону, что самые малочисленные классы населения, но зато самые богатые и праздные, как, например, дворяне, одни посылают, в общем, в Государственную думу больше депутатов, чем рабочие и крестьяне вместе.

– Всякое постановление нашей Государственной думы, издать или нет тот или иной закон, принимается, как и во всех парламентах, большинством голосов. Рабочие никогда не будут иметь на своей стороне большинства голосов, потому что сам закон это большинство отдает в руки помещиков и капиталистов, – говорили рабочие социал-демократы.

Собрания в то время (начало 1906 г.) были уже запрещены правительством. Партия собирала рабочих нелегально. Это не нравилось рабочим. Казалось странным, как это так выходит, что, с одной стороны, у рабочих законное право выборов представителей для защиты их интересов в законодательной палате, а с другой – критика этого законного права происходит на нелегальных собраниях, исходит от людей, преследуемых властью даже после революции. Что-то, очевидно, в данном случае неверно, сомнительно и требует особого внимания. Поражало и то обстоятельство, что критика действительно как будто имеет под собой прочное основание. Как же в самом деле рабочие будут отстаивать свои интересы в Государственной думе, когда их представители войдут в нее в ничтожном меньшинстве сравнительно с дворянами, капиталистами, интеллигенцией,

попами и т.п.?

– Что же тогда делать? – Недоумевала масса, мало еще затронутая пропагандой в предшествующие годы.

– Готовиться к вооруженному восстанию и добиться собрания истинно народной полноправной Думы, а не царской, – отвечала С[оциал]-д[емократическая] партия.

Ответ не удовлетворял рабочих. На многих фабриках и заводах хозяева и администрация пытались привлечь рабочих к участию в выборах в надежде, что этим будет на долгое время подорвано влияние социалистических партий, зовущих пролетариат к продолжению революционной борьбы. Ввести борьбу в мирную парламентскую колею – вот была мечта некоторых передовых заводчиков и фабрикантов. Консервативная часть их смотрела иначе и к выборам относилась враждебно.

– Рабочим права дали! Возмущались они. – Рабочие и так только бунтуют, а теперь с ними совсем ладу не будет!

И рабочих они, случалось, запугивали отказом от работы за участие в выборах.

Это обстоятельство страшно запутывало вопрос для рабочих масс. Все вместе перемешалось: Думы не надо, нужно вооруженное восстание! В Думу выбирать надо, раз сам закон дает на это право! Закон зовет в Думу, да хозяин не позволяет! Разберись-ка тут уральский рабочий! И это при полной политической безграмотности, психической придавленности, в которой жил тогда екатеринбургский пролетариат.

В Верх[не]-Исетском заводе С.-д. партия давно уже имела ячейки, но немноголюдные и опасавшиеся еще открыто выступать с лозунгами партии перед массами рабочих. Это обстоятельство, а также пропаганда за участие в выборах, которую вело через низший служебный персонал заводоуправление, сделало то, что, когда день выборов от рабочей курии был официально объявлен, оказалось, что в общем рабочие разделялись на три неравномерные группы. Одна, численно слабая, стояла за бойкот выборов, другая, численно более сильная, стремилась уклониться от участия в выборах, как от дела темного, а может быть, и опасного, непонятного. И, наконец, видимое большинство желало выполнить волю начальства и выборы произвести.

Перед самыми выборами назначено было легальное предвыборное общее собрание верх[не]-исетских рабочих. С.-д. партия, ушедшая к тому времени уже в подполье, не нашла возможным послать на него кого-нибудь из своих профессиональных агитаторов, [это] было рискованно ввиду полицейских преследований. Но партийные ораторы из самих рабочих все же нашлись. На собрании дело у них сначала шло плохо. Против них выступали сторонники заводоуправления и на призывы к бойкоту выборов с большим убеждением и энтузиазмом приглашали рабочих к участию в них. Подавляющее большинство собравшихся явно склонилось на их сторону.

Тогда заговорил знаменитый Платоныч (помощник заводского техника Мельников) он одним из первых вошел в с[оциал]-демократическую партийную

ячейку В[ерхне]-Исетского завода (по тогдашней терминологии – район) и был убежденным и ревностным членом партии[1].

Видя, что идея бойкота того и гляди провалится окончательно, он со всей яростью обрушился на избирательный закон, разнес его в пух и прах и ставил перед рабочими альтернативу: или самим о себе позаботиться – и тогда вместо выборов заняться подготовкою к вооруженному восстанию, или предоставить заботиться об их нуждах хозяевам – и тогда по их указке толочь воду в ступе, избирая выборщиков в Думу, из которых может быть ни один в самую Думу и не попадет, думских депутатов будет избирать еще губернское собрание выборщиков, где рабочих соберется один-другой, да и обчелся, потому что губернское собрание составится в главной массе из выборщиков всяких других курий – заводчиков, фабрикантов, коммерсантов, попов, интеллигенции и т.п. Собрание поколебалось, страстный тон речи Платоныча и его аргументы подействовали. Ничего существенного не могли возразить и сторонники выборов. Платоныч воспользовался моментом, надбавил еще жару и закончил возгласом:

– Ну ее к черту Государственную думу! К черту эти царские выборы! Айда по домам товарищи! Да здравствует вооруженное восстание!

Настроение рабочих резко изменилось, и в ответ ему собрание закричало, повторяя:

– К черту Государственную думу! К черту выборы! Да здравствует вооруженное восстание!

Запели Марсельезу и разошлись.

Победа, казалось, была на стороне партии. Заводоуправление, однако, тоже не дремало. Его агенты не успокоились и повели деятельную, хотя не столь открытую агитацию и сумели-таки сбить некоторую часть рабочих. Поэтому в день выборов избирательное собрание на заводе все же состоялось, хотя и при ничтожном числе рабочих, и от завода какие-то выборщики оказались избранными.

Почти везде на фабриках и заводах около города произошло что-нибудь подобное, за немногими исключениями, и выборы кое-как и кое-где были произведены. Официальный мир и либералы затрубили, что С.-д. партия со своим бойкотом потерпела у рабочих фиаско. А партия указывала, что для первого раза ее успех удовлетворителен, т.к. широкие массы пролетариата в целом в выборах участия не принимали.

С.-д. партия вела агитацию за бойкот Государственной думы не только среди рабочих, но и среди прочих городских слоев. Как нелегальная и революционная партия она не могла устраивать открытые агитационные собрания. На всякое собрание в 1906 г. нужно было испрашивать разрешения губернатора, который обычно собственной властью разрешения не давал, а запрашивал сначала министерство. Зато агитаторы С.-д. партии имели свободный доступ на предвыборные собрания, устраивавшиеся по инициативе кадетской партии и беспартийных групп избирателей. Кадетская партия уже хлопотала тогда о легализации и,

[1] В 1907 г. он, однако, перешел к эсерам, мотивировав это тем, что с[оциал]-демократическая аграрная программа не удовлетворяет его, не давая ничего существенного крестьянам. Речь идет об аграрной программе С.-д. партии в том виде, как она существовала до Стокгольмского съезда *(прим. Н. Чердынцева).*

хотя не получила ее, устраивала собрания более или менее свободно при условии лишь не допускать на них агитации за вооруженное восстание.

Кадеты не имели хороших ораторов и охотно допускали с.-д. агитаторов на свои собрания. Сами кадеты стояли, конечно, за участие в выборах, но под предлогом всестороннего выяснения вопроса нисколько не препятствовали социал-демократам говорить за бойкот. Был случай, когда один из руководителей екатеринбургских кадетов – врач Спасский сам сделал нечто вроде приглашения социал-демократам выступить на кадетском собрании. Социал-демократы не преминули воспользоваться случаем и, конечно, послали агитатора. Часто партия посылала нелегальных профессионалов сражаться с кадетами. Это были превосходные ораторы, легко овладевавшие настроением беспартийной публики. Кадеты слабо защищали свои позиции. Один-два оратора, редко больше с их стороны, говорившие без вдохновения, без эрудиции, без заправских манер, оказывались бессильными против трибунов С.-д. партии, к тому же являвшихся сплошь и рядом в числе пяти-шести человек. Кадеты того времени мирились с поражениями. И вообще они относились пассивно к тому, что их собрания превращались в конце концов в социал-демократские. Публика смотрела на это явление весьма своеобразно. Общее настроение было, как сказано, за участие в выборах, но с.-д. агитаторов встречали и провожали шумными приветствиями. За ними не шли, но ими увлекались, приятно возбуждались нервы смелыми речами о социализме и борьбе за него. Одно время большим успехом пользовался с.-д. Филипп (Введенский – младший).

Однажды имел место такой случай. После доклада Спасского оппонентом выступил т[оварищ] Чуцкаев, легальный оратор (служил в уездном земстве помощником секретаря). Опровергая доводы Спасского в пользу участия в работах Государственной думы, он доказывал, что выборы будут способствовать усилению у нас политической реакции, которая получит поддержку от буржуазных правительств Западной Европы. Уже идут переговоры с французскими и бельгийскими банкирами о крупном займе императорского правительства. Вопрос «дать или не дать» еще не решен, но, если население пойдет на выборы, оно покажет этим, что царское правительство удовлетворяет его, что оно пользуется доверием населения и денег ему дать можно. А на что нашему правительству нужны деньги? Тов[арищ] Чуцкаев прочитал проект увеличения расходного государственного бюджета, в котором чуть ли не главными статьями, требующими увеличения, были содержание дополнительного и расширенного штата полиции, подкрепляемой вновь учреждаемым институтом земских уездных стражников и заводских урядников, и постройка новых тюрем.

Лидер кадетов инженер Кроль несколько раз прерывал речи т[оварища] Чуцкаева возгласами протеста и возмущения.

– Господин Чуцкаев не является рабочим, насколько я знаю, – кричал он из ложи, – почему же так дороги ему интересы рабочего класса? Если позволительно ему хлопотать о рабочих, почему он отрицает за кадетами право со своей стороны подумать о рабочих? Дума будет служить на пользу не одной буржуазии, а и пролетариату!

Нотариус Ардашев, также кадет, из первого ряда кресел, тоже протестующе, несколько раз заявлял, что речь оратора длится слишком долго и пора ее окончить. Публика требовала продолжения речи.

Тов[арищ] Чуцкаев особое внимание собрания обращал на опасность русской свободе, если заграничный заем удастся.

Кроль не выдержал и закричал сверху на весь театр:

– Иностранная буржуазия не глупее екатеринбургских социал-демократов и сама понимает цену нашему правительству. Ни французские, ни бельгийские банкиры не дадут ему ни гроша!

– Если вы пойдете на выборы – дадут! – возразил Чуцкаев.

– Никогда! – последовал категорический ответ Кроля.

Несколько недель спустя можно было видеть, кто оказался правым, – кадет Кроль или екатеринбургские социал-демократы: заем был получен, а русское правительство в расчете на него еще раньше приступило и к вооружению земской стражи, и к расширению тюрем.

На выборах по заводам и фабрикам прошли в большинстве рабочие, настроенные сравнительно благоприятно к революционному движению пролетариата, но проскочили два черносотенца, именно: на заводах Коробейникова и Давыдова.

В городе выборы дали выборщиков весьма умеренно либеральных и частью умеренно правых и лишь одного более или менее радикально настроенного – железнодорожного врача Соколова. Про него даже говорили, что он тяготеет к С.-д. партии. В действительности с[оциал]-демократом он никогда не был, это доказывалось уже одним его участием в выборах.

Из местной прессы газета кадетов «Уральский край» вела открытую кампанию против бойкота. Газета же Певина «Уральская жизнь» вертелась и, не защищая участия в выборах, не имела решимости, как и в других важных случаях, объявить себя прямо на стороне бойкота.

События в Верх[не]-Исетском заводе она изложила в урезанном и искаженном виде. Третья газета «Урал» Чекана держалась принципа: как начальство велит.

Во время избирательной кампании в городе не прекращались обыски и аресты социал-демократов. Накрывались и захватывались их собрания, их агитаторам становилось почти невозможно появляться на заводах. Но, преследуя социал-демократов, полиция благосклонно относилась к либералам всех оттенков. Либералы не могли бы пожаловаться, что избирательная кампания проходит под административным давлением, при отсутствии надлежащей свободы. Либерализм полиции был чисто местного свойства. Полицеймейстер Хлебодаров пользовался большим доверием губернии и центра, и многое зависело в обстановке выборов от него лично. Он показал начальству, что либералы народ не опасный, их трогать не стоит и страшного ничего не случится. Так и вышло, либералы выбрали либералов, и даже умеренных правых, и страшного ничего не случилось.

Первая Дума все же получила нескольких представителей С.-д. партии. Меньшевики, воспользовавшись тем, что на Кавказе и в некоторых отдаленных

местностях Сибири выборы значительно запоздали, изменили партийной тактике бойкота, пленились лаврами либеральной оппозиции в Государственной думе первого созыва и решили выставить свои кандидатуры в Сибири и на окраинах. Они провели их с успехом. Таким образом, в Государственной думе образовалась первая с.-д. фракция из четырнадцати социал-демократов – меньшевиков. Работать им, однако, не пришлось, т.к. Дума была разогнана, как раз в то время, когда вновь избранные депутаты начали съезжаться в Петербург…

Извлечение публикуется по изданию:
Из прошлого. Сборник воспоминаний. 1903–1905 гг.
[Пермь, 1925]. С. 124–130.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ШЕМЕЛЕВ

ОКОЛО ДУМЫ

Весна 1906 года принесла с собою выборы в первую Государственную думу…

Бесправный законосовещательный орган, с выборами по многоэтажной системе, когда все предусмотрено для преобладания представительства дворянских и купеческих интересов с ущемлением прав народной массы – рабочих и крестьян… Что это, как не попытка обмануть народ новой «царской милостью»? Наша организация видела в Государственной думе лишь досадное препятствие на пути развития революции. До нас дошли директивы ЦК партии о бойкоте Думы и в этом духе были составлены наши «предвыборные» прокламации.

В лагере либеральной интеллигенции назначение выборов в Думу связывалось с надеждою на мирное конституционное развитие государства.

Стали готовиться к выборам.

Томская губерния на военном положении – никаких собраний и публичных митингов не разрешается. Избиратели остаются в полном неведении своих прав и обязанностей… Кадеты возбудили ходатайство о разрешении предвыборного собрания перед томским губернатором. И собрание было разрешено, *но только без речей*. Как провести собрание в молчанку, инициаторы его устройства удумать не могли. Собрание, разрешенное губернатором, так и не состоялось. Все же предвыборное слово было сказано. Оно взято было без губернаторского разрешения членом нашей организации…

Выборы происходят в Народном доме. Прилегающий к дому сад и улица заполнены толпой избирателей и просто любопытствующих. В толпе наши ребята ведут агитацию и распространяют прокламации. Особенно усердствует молодежь. Вот один молодой человек в очках (В.И. Николаев) взбирается на садовую скамейку, вокруг него густая толпа слушателей. Напряженное внимание… Наконец-то можно получить разъяснение, к чему эти выборы и кого можно выбирать. Оратор же доказывает необходимость продолжать революционную борьбу до конца и заканчивает призывом к бойкоту царской Думы.

Все внимание и явное сочувствие слушателей, несомненно, на стороне оратора, но окончательный вывод о необходимости бойкота Думы остается совершенно неусвоенным, непонятным. Кого же выбирать?

– Вот надо бы того очкастого, – указывают многие на социал-демократического оратора, который спешит замешаться в толпе, чтобы не искушать дальше

оплошавшую полицию.

Кадеты на публичное выступление без губернаторского разрешения не отваживаются. И только монархист Розанов, начальник Алтайского горного округа, не может утерпеть... Он вступает в спор с группами избирателей, пытается доказать гибельность и безнравственность учения социализма.

– Социалисты проповедуют общность жен...

Он ссылается при этом на социалистический роман «Что делать?» Чернышевского. С Розановым схватывается группа реалистов.

В результате выборов в качестве выборщиков от Барнаула на томский губернский съезд проходят кадеты.

Не мешает отметить, что во время выборов была получена агентская телеграмма, гласящая о том, что социал-демократический съезд в Стокгольме высказался за участие в выборах в Думу там, где они еще не прошли. В результате этого решения, мы знаем, прошли в Думу социал-демократы кое-где на Кавказе и в Сибири от Омска. Барнаульцы же были тверды в первоначальной большевистской линии бойкота, решив, что агентская телеграмма не что иное, как провокация.

На позиции бойкота наша организация держалась и дальше при выборах по крестьянской курии. Уполномоченные по выборам от волостей были еще более беспомощны на выборах, чем городские избиратели. Политическое руководство революционной партии для них было крайне необходимо. Но не было такой партии, которая могла бы правильно учесть и выразить крестьянские настроения.

Совместно с «Александром Ивановичем» и В.И. Николаевым мне удалось разыскать крестьянских уполномоченных на постоялых дворах и завязать с ними беседы без полицейских помех. Среди уполномоченных было несколько человек, бывших уже ранее под влиянием социал-демократической пропаганды и считавших себя сторонниками нашей партии (в их числе помню лишь уполномоченных из села Гоньбы). И здесь нас слушали с большим интересом. Засыпали вопросами. Разгорались горячие споры. Призыв к бойкоту Думы воспринимался... Но уполномоченные заявляли, что смысл-то бойкота они сами уяснили, а вот крестьяне, их избравшие, этого никак не поймут и, пожалуй, даже изобьют своих уполномоченных. Толку от этого будет мало... Под лозунгом бойкота нам удалось сплотить лишь небольшую группу, и наши сторонники оказались в меньшинстве. Дума уже заседала, и большое впечатление производили газетные и телеграфные известия о выступлении членов думской трудовой группы Аладьина, Аникина, Жилкина и других. В последний момент все же, махнув рукой на наш неудавшийся бойкотизм, мы провели через наших сторонников приветственную телеграмму от крестьянских уполномоченных на имя трудовой группы, подчеркнув необходимость революционного союза рабочих и крестьян в борьбе за землю и волю.

Выбрали в качестве выборщиков беспартийных крестьян, обязавшихся голосовать на губернских выборах за трудовиков.

С большой охотой крестьяне-уполномоченные разбирали наши прокламации... Одна из них была издана на лучшей бумаге и специально адресована к крестьянским уполномоченным по выборам в Думу. Хотя она и содержала

отвергнутый призыв к бойкоту, ее требовал себе каждый уполномоченный.

– В деревне все сгодится. Там разберемся.

Адреса многих уполномоченных мы впоследствии использовали для снабжения деревни революционной литературой.

Если позиция бойкота выборов была не совсем удачна, не отвечала действительной революционной зрелости народных масс, особенно крестьянства, то самую работу Государственной думы наша барнаульская организация использовала в полной мере, чтобы поднять эту зрелость. Каждый шаг работы Государственной думы освещался прокламациями. Наш нелегальный печатный станок работал исправно и без перебоев. Прокламации адресовались к рабочим, к крестьянам и ко всем гражданам.

Извлечение публикуется по изданию:
Шемелев В.И. Барнаул в 1905–1906 гг.:
(По личным воспоминаниям и материалам Сибистпарта) //
Сибирские огни. 1925. № 4–5. С. 197–199.

КОНСЕРВАТОРЫ

В.А. АВЕСКИЙ

ЗЕМСТВО И ЖИЗНЬ

Не могло, конечно, не произвести более или менее значительной пертурбации в земских кругах такое крупное явление, как первая избирательная кампания в Государственную думу.

Вторые и третьи выборы происходили уже как явление до некоторой степени привычное, как бы по усвоенному шаблону, с необходимыми лишь изменениями в способах и приемах по составлению списков и самого производства избирательной процедуры согласно со вновь изданными законоположениями. На вторых и третьих выборах в уездных избирательных собраниях не было уже того волнения и тех острых переживаний, как это естественно чувствовалось при первом осуществлении еще неизведанных до того избирательных прав.

С самого начала избирательной кампании члены избирательных собраний поделились у нас[1] и во многих других уездах на две главные группы: кадетов и октябристов; последние в первых выборах не успели еще в достаточной мере сформироваться и не могли противопоставить сколько-нибудь значительного сопротивления противникам, почему партия кадетов почти без боя заняла господствующее положение.

При сравнительно небольшом числе избирателей шансы той и другой стороны могли бы быть учтены совершенно точно, если бы не участие в выборах нескольких лиц беспартийных, не желавших связывать себя какими бы то ни было обещаниями и потому вносивших в предварительные расчеты лидеров неприятное колебание и томительную неясность.

На земские управы, как известно, законом возложено составление и опубликование избирательных списков по выборам от крестьян и уездных землевладельцев.

Эта работа очень ответственная и сложная, в особенности в отношении крестьянских избирателей, так как масса переходов земельных имуществ среди этой группы при широких операциях Крестьянского банка требует особого внимания и тщательной поверки признаков, определяющих приобретение и потерю избирательных прав, сопряженных с этими переходами.

Составление первых крестьянских избирательных списков помимо спешности и новизны дела чрезвычайно осложнялось еще крайней неясностью формулировки требований закона о выборах и разъясняющих его дополнительных

---

[1] В Смоленской губернии.

инструкций, которыми определялись права избирателей.

Так, например, нельзя было в точности определить, имели ли право участия в выборах крестьяне, купившие землю при содействии Крестьянского банка, являвшиеся как бы частными собственниками на эту землю, а такой земли по уезду числилось свыше 40 тысяч десятин.

Уже после того, когда были составлены управой избирательные списки со включением всех таких крестьян и разосланы объявления о выборах, последовало разъяснение о том, что право участия в выборах не распространяется на лиц, купивших землю при содействии Крестьянского банка, как не приобревших еще полных прав собственности на эту землю.

Можно представить себе, каково было положение тех председателей волостных или участковых избирательных съездов, которые уже по пути на выборы получили посланное с нарочными разъяснение уездной по делам о выборах комиссии о недопущении к участию в выборах крестьян, купивших землю при посредстве Крестьянского банка, в то время как такие крестьяне явились уже в волостные правления на выборы в составе целых селений и составляли значительное большинство шумной толпы, наводнившей все здание волости, двор и прилегающую дорогу.

Положение было не из приятных, тем более что многие избиратели уже успели подвыпить и волновали других, а все вообще, казалось, были преисполнены самым нетерпеливым стремлением впервые осуществить свои неизведанные еще избирательные права, тая в то же время пламенную надежду на успех собственной кандидатуры.

Затруднительность положения усугублялась еще излишним усердием волостных писарей, которые вместо простой рассылки объявлений о выборах разослали по всем деревням и поселкам гонцов со строгими приказами являться в волость на выборы всем домохозяевам без исключения, под страхом взыскания за неявку или опоздание. Внешним образом строгость этого своеобразного приказа закреплялась традиционным гусиным пером, приклеенным вместе с сургучной печатью старшины, что придавало снабженному этим украшением документу особую силу и обеспечивало быстроту исполнения, свойственную скорости птичьего полета.

Как бы то ни было, но приходилось считаться с совершившимся фактом и с недоумением разглядывать протягиваемые со всех сторон приказы с перьями, выслушивая просьбы о скорейшей записи явившихся в список.

При таких условиях многие из председателей участковых волостных съездов не решились привести в исполнение полученное разъяснение и произвели выборы, допустив к участию в них всех явившихся, и, конечно, такие выборы были отменены.

Помню, каких трудов стоило разъяснить подгулявшей и раздраженной толпе ошибку, допущенную волостными писарями, с которыми тут же хотели разделаться, и, соглашаясь в конце концов, что ошибка свойственна всякому человеку, тем не менее никак не могли простить невольной профанации с приклейкой пресловутого птичьего пера, авторитет которого был так явно и неожиданно поко-

леблен. Потом оказалось, что в некоторых местах такие приказы посылались с обдуманным расчетом увеличить состав выборщиков от мелких владельцев.

Только после долгих увещаний, а главным образом, как потом оказалось, после получения от провинившегося писаря с заднего крыльца соответственной искупительной жертвы, взволнованная толпа устраненных избирателей отправилась в соседнюю винную лавку. Здесь настроение толпы, переменчивое, как погода, очень скоро совсем изменилось, и, когда я, закончив выборы, уезжал в город, крестьяне высказывали мне сожаление не об утраченных правах, а о потерянном времени, уверяя, что если бы знали о необязательности явки, то и не поехали бы на выборы... Что здесь говорило – задетое ли самолюбие, тупое ли равнодушие к своим гражданским правам или полное непонимание их значения – трудно сказать, но впечатление получилось тяжелое.

Было немало случаев, когда прибывшие на выборы избиратели обращались к председателям избирательных съездов с убедительной просьбой освободить их от участия в выборах по недостатку времени и, с удивлением выслушав разъяснение, что это их право, а не обязанность, очень довольные уезжали домой.

В уездных избирательных собраниях в земской управе, где как я уже говорил, сразу появлялось деление на партии, жар избирательной горячки усиливался стремлением каждой из партии залучить к себе мужиков.

Представители партий заманивали их к себе наперебой, соблазняя преимуществами для крестьянских интересов той или иной программы. Приехавшие из губернии «кадеты», осведомленные о сознательности местных крестьян, особенно усердствовали, агитируя за своих кандидатов и обещая взаимную поддержку крестьянской партии, для которой уступалось к тому же лишнее место на выборах. Крестьяне были героями дня и предметом особого внимания кадетов с одной стороны и октябристов с другой.

Но дело оказалось не так просто: из всех явившихся в числе около 40 человек выборщиков от крестьян оказалось столько же и желающих баллотироваться кандидатов, так как всякий из них лелеял неотвязную мечту попасть в члены Государственной думы, и эта погоня за депутатской «десяткой» исключала возможность какого бы то ни было соглашения на том или ином кандидате, потому что каждый, желая испытать свое счастье, очень последовательно клал всем остальным налево. Никакие убеждения лидеров не действовали, и те в конце концов махнули рукой на свою затею и предоставили неподатливым избирателям полную свободу действий.

Таким образом, естественно, что все кандидаты крестьянской курии оказались забаллотированными, и разочарованные избиратели решили прибегнуть к последнему средству, решить свою судьбу игрой слепого случая, бросив жеребий и обязавшись друг перед другом пропустить тех, кому он достанется. Но все было напрасно и при баллотировке шарами повторилась та же история, и все вынувшие жеребий, вновь были забаллотированы, благодаря чему от уезда за крестьянскими избирателями остались только места, назначенные по расписанию, установленному законом для крестьянской курии, а все остальные вакансии были распределены между крупными землевладельцами из кадетов.

Очень характерно, что во многих избирательных съездах предпочтение отдавалось жеребьеметанию перед всякими иными способами выбора намечаемых для баллотировки кандидатов.

Лишь в редких случаях кандидат выдвигался сам собой, отличаясь какими-нибудь достоинствами в глазах избирателей.

Извлечение публикуется по изданию:
Авеский В.А. Земство и жизнь:
(Записки председателя земской управы) //
Исторический вестник. 1912.
Т. 127. № 2. С. 600–603.

ИВАН ФРАНЦЕВИЧ КОШКО

ВОСПОМИНАНИЯ ГУБЕРНАТОРА

Предстояли выборы членов Государственной думы. Я принимал в них участие в первой стадии и лично в губернские выборщики не попал[1]. Время это как-то совершенно стушевалось из моей памяти, оно не сопровождалось у нас сколько-нибудь яркими явлениями и не выдвинуло ни талантливых ораторов, ни людей крупной инициативы. Выбраны были в члены люди уравновешенные, скорее по направлению своему правые, за исключением члена от крестьян и г[осподина] Румянцева, землевладельца Череповецкого уезда, которые примыкали к либеральным фракциям. Наши депутаты в первой Думе роли не играли и совершенно были не заметны.

Из переживаемых за это время событий наибольшее впечатление оставила история с рабочими депутатами с Носарем во главе. Я считаю этот эпизод кульминационным пунктом нашей революции. Все террористические акты, обе забастовки были, конечно, явлениями ужасными, удручавшими всех спокойных людей. Но правительство все-таки в этих явлениях видело бунт и в той или другой степени с ними боролось. Между тем в рабочих депутатах, до самой ликвидации их деятельности, власть, [как] казалось всем русским людям, усматривала нечто себе равное, предоставила им полную свободу действий, унижалась до переговоров с вожаками. Это ведь было в сущности официальным признанием их могущества, а следовательно, являлось не менее официальной капитуляцией правительства перед смутой. С этой минуты русская интеллигенция уже не сомневалась в торжестве революции, и все то, что по своему нравственному укладу и склонностям сочувствовало освободительному движению или, будучи в душе к нему равнодушным, рассчитывало выдвинуться из толпы в этой передряге, открыто перекинулось на ее сторону. Весьма многие чины судебного ведомства, акциза, других учреждений министерства финансов вдруг стали самыми ярыми хулителями правительственной власти и умилялись душой более или менее искренно перед все растущими успехами русской революции. Правительство это знало, находило такой бунт своих чиновников, должно быть, малозначащим и закрывало пока на него глаза. Нетрудно себе представить, каким решающим козырем явилось такое отношение в глазах колеблющихся, все еще не решавшихся

[1] Речь идет о выборах членов Государственной думы от Новгородской губернии, где жил в то время автор воспоминаний.

так или иначе «самоопределиться».

И вот создалось положение, что все искренние сторонники порядка, которым казалось позорным идти под команду галдящих неучей и мальчишек, которые в служебной присяге и верности государю видели свою священную обязанность, совершенно поникли головой, ходили как оплеванные, и в душе уже видели себя обреченными на самую жестокую расправу бунтарей…

Существенные преимущества, предоставленные крестьянам в законе о Государственной думе, основывались, вероятно, на том расчете, что русское крестьянство в общем консервативно и душой предано монархическому принципу. Поэтому, казалось, весьма важно в нашем представительстве отвести обеспеченную роль крестьянству как твердому устою порядка.

Я лично, так долго прослуживший по крестьянским учреждениям и близко знакомый с народным бытом и воззрениями, держался также этого убеждения и глубоко надеялся, что с созывом Государственной думы кончится, наконец, так мучившая всех смута.

Увы, как горько пришлось разочароваться! Крестьянская группа дала Аладьина, Аникина, фракцию трудовиков и разных социалистов, которые задачу Думы скомпрометировали и привели к ее разгону и изменению избирательного закона.

Как же все это случилось и почему все так ошиблись в роли крестьянства?

Конечно, главную роль тут играла, мне кажется, наша общая неподготовленность к представительному строю. Мы, разумеется, теоретически хорошо понимали эту идею, но практически совершенно не представляли себе, как надо осуществить ее, чтобы наименее уклониться от идеального представления и преодолеть затруднения, которые неизбежно возникнут при проведении нового порядка в жизнь. Я не хочу сказать, что закон о Государственной думе написан неясно или несовершенно. Нет, мы просто не сумели по неопытности представить себе достаточно реально самый процесс выборов, каковым он должен был оказаться при наших привычках и склонностях, при нашем хозяйственном распорядке. На самых выборах мы учились и уже позднее, на основании горького опыта путем сенатских разъяснений вносили разные поправки, которые, однако, была полная возможность вперед предусмотреть и ввести в практику, ну хотя бы путем издания особой инструкции, предусмотрев, конечно, в самом законе возможность издания такой инструкции.

Возьмем, например, такой существенный вопрос: кого следует разуметь при крестьянских выборах под словом «выборщик»? По совершенно очевидному намерению законодателя им может быть только такое лицо, которое по своему образу жизни и занятиям, а следовательно, и по миросозерцанию, представляет собою тип русского крестьянина-землероба. Только исходя из такого представления закон и предоставил крестьянским выборщикам весьма существенные преимущества, совершенно справедливо полагая, что интересы группы в 130 миллионов человек должны быть особенно надежно представлены. Закон безусловно ясен. Но посмотрите, какова практика: крестьянским депутатом вдруг является – из Лондона какой-то господин Аладьин, который с крестьянством не имеет ничего

общего, миросозерцания крестьянина совершенно не знает и попадает в депутаты только на основании случайного признака, что по паспортной квалификации он числится крестьянином. Ведь тут двух мнений быть не может: закон таким избранием нарушен в самой существенной своей части и, тем не менее, выборы эти не кассированы.

Возьмите далее многочисленных сельских учителей, волостных писарей и т.п., тоже попавших в депутаты. Разве такой выбор может быть признан правильным? Нет спора, эти господа живут в деревне, в близком общении с крестьянством, но они делают такое дело, которого крестьянин не умеет и не может делать. А ведь не секрет, что люди разных занятий, у которых ум, наблюдательность, вкусы идут по разным дорогам, неизбежно вырабатывают в себе разные миросозерцания, так часто между собою расходящиеся до полного друг друга непонимания. Все это – очевидно, скажу более – элементарно, и тем не менее никто не подумал своевременно, что именно такое толкование закона может оказаться на практике, и никто не позаботился своевременно устранить столь нелепое искажение.

Вторая причина, на мой взгляд, заключается в неугасающей в глубине души многих русских крестьян мечте о черном переделе, т.е. чтобы земля принадлежала только тому, кто ее сам обрабатывает. Известно ведь, что все серьезные движения среди крестьянства всегда происходили во имя этой идеи. Несомненно, со временем, когда крестьянство разовьется, а особенно когда утвердится в нем единоличное землевладение, оно поймет неосновательность таких вожделений. Но пока такая мечта существует повсеместно в более или менее скрытом виде. Революционеры учли такую особенность психологии мужика и поманили его на эту удочку.

Когда на выборы выборщиков понаехали г[оспода] Аладьины, они обратили на себя особенное внимание крестьянства посулами земли. К этому присоединились развязанность языка, нередко зажигательное красноречие, и вот такие господа и оказались выборщиками и крестьянскими депутатами. Раз допущенную ошибку всегда потом трудно исправить. Речи Аладьина, Аникина и других слишком были распространены по России и имели настолько выдающийся успех, что создали собою как бы рецепт, по которому можно было улавливать крестьянские голоса. Естественно, что впоследствии все те, которые хотели пройти в Думу от крестьян, неизменно пользовались этим рецептом и часто достигали успеха.

Открытие первой Государственной думы, так страстно всеми ожидаемое, наконец, состоялось.

Вместо успокоения оно внесло в страну еще больше нервности и неуверенности в завтрашнем дне. Самые дебаты в Думе принимали все более и более страстный характер. Пышные кадетские декларации, блиставшие, якобы, конституционной корректностью, неизбежно обращались в демагогические выкрики и заставляли самих кадет постоянно терять чувство меры и тащиться за левыми ослами, по словам знаменитого Милюкова, в сторону невообразимых крайностей. Были внесены в дебаты совершенно нелепые приемы вроде ссылок на крестьянские наказы, способ фабрикации которых был, конечно, всем хорошо понятен.

Но все делали вид, что есть действительный голос крестьянства и этим наказам придавали цену неотразимых аргументов. Наконец, своим отказом вотировать осуждение террора как политического средства борьбы Дума эта сама вынесла себе приговор и показала всем русским людям, еще не потерявшим головы, свою полную несостоятельность как государственное учреждение. Она еще продолжала существовать, но с ней уже перестали серьезно считаться и возлагать на нее какие бы то ни было надежды. Государственная дума, к сожалению, открыто перестала заниматься страной и законодательством и обратилась в трескучий митинг самых неуравновешенных элементов.

Все это, конечно, было на руку революционерам; на почве думских дебатов вырос такой кровавый террор, в сравнении с которым все доселе наблюдавшееся было детской игрушкой. Во время этой же Думы пышно расцвело не наблюдавшееся до сего в таком масштабе явление, окрещенное с думской кафедры словом «экспроприация». Прежде это называлось попросту грабежом; но если грабитель из 100 награбленных рублей отдавал один рубль в пользу революции, то такой поступок уже окрашивался некоторым геройством и получал почтенное в глазах революционеров и им сочувствующих название «экспроприации».

Что будет с Россией при такой анархии, по-видимому, об этом в Думе никто не думал, а если отдельные лица и думали, то были бессильны что-либо сделать.

Ведь вот что поразительно, что в составе первой Думы было очень много, если не большинство, умных и порядочных людей, одухотворенных глубоким патриотизмом. Как могли эти люди не оказать своего влияния и не заставить других следовать за собой – совершенно непонятно. Точно они, не готовые к своей новой роли законодателей, требовали некоторого времени ориентироваться, а тут вдруг были захвачены, как на сельском сходе, крикунами и не сумели дать им надлежащего отпора…

Извлечение публикуется по изданию:
Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.).
Новгород–Самара–Пенза.
Пг., 1916. С. 32–37.

СЕРГЕЙ ЕФИМОВИЧ КРЫЖАНОВСКИЙ

ЗАМЕТКИ РУССКОГО КОНСЕРВАТОРА

Мне довелось быть свидетелем, а в известной степени и участником, перелома внутренней жизни России, наиболее крупного после преобразований Петра Великого. Нарождение нового строя было трудное и медленное, но все же он достался России легче и дешевле, чем другим странам. Потрясения, предшествовавшие на Западе перелому государственного уклада и его обусловившие или, по крайней мере, ускорившие, у нас имели весьма мало значения и, собственно, лишь сопутствовали изменению образа или, вернее, способа правления; они вспыхивали в те, наиболее переходные времена, когда растерянность или случайные личные сочетания ослабляли напряженность и решимость срединной власти, что в свою очередь отражалось и на действиях местных властей. Политические волнения, зарождавшиеся в тесных кружках и немедленно переходившие в хулиганство и разбой, как только они проникали в широкие слои населения, были явлениями местными и, в сущности, совершенно незначительными.

Некоторый облик силы и значения укреплен за ними лишь безграничным хвастовством политической кружковщины, в немалой степени еврейской, овладевшей повременной печатью и пытавшейся изо всех сил утверждать «мы пахали», да «товарищескими шайками», для которых сказка о кровью приобретенных правах, о завоеванном народном представительстве, о вырванной у «бюрократии» власти была выгодным боевым кличем, создавшим для них известное обаяние в среде неуравновешенной молодежи и радикально настроенной части общества. Так называемое «освободительное движение» не шло далее мелких проявлений кружкового значения, которые, будучи раздуты печатью, производили на некоторые слои общества впечатление чего-то крупного. Остальное было обыкновенным: бессвязные беспорядки, неизбежно возникавшие в обществе всякий раз, когда распадаются узы власти.

Постыдные неудачи на Дальнем Востоке, смутные вести, отсюда проистекающие, сосредоточение всех войск частью в Манчжурии, частью на западной границе, совершенное оголение от них внутренних губерний, где оставались одни резервные части, переполненные запасными, давно отбившимися и от строя, и от дисциплины, почти без офицеров, с одними прапорщиками запаса, полное почти отсутствие полиции развязали руки темным страстям. Темные подонки общества, никем не сдерживаемые, хлынули наружу. Мужики потянулись к

помещичьей земле, помня, что ее когда-то пахали деды. Начались погромы усадеб – старинное и знакомое на Руси явление, грабежи всякого рода, озорные убийства. Пользуясь ослаблением власти, все кинулись тащить, что можно. Общие забастовки проникнуты были одной лишь мыслью – сорвать что-либо с правительства: почтовые чиновники, железнодорожные рабочие требовали увеличения жалованья, фабричные – заработной платы и т.д., еврейская агитация, где могла, раздувала беспорядки, но в конце концов ничего не достигла.

Политические идеологи и прежде всего кадеты поспешили взгромоздиться к беспорядкам на запятки, объединить все это движение без разбора вокруг «борьбы за конституцию», которой в нем не было на грош. Насколько все это движение было бессвязно, видно из того, что П.Н. Дурново, когда в декабре 1905 г. у него развязались руки, одним дуновением смел все это движение. Для подавления московской «революции» оказалось достаточным одного полка в составе мирного времени и батареи артиллерии. «Революция» эта столь же мало имела связи с конституционным движением, как и прежние московские беспорядки, столько раз возникавшие на протяжении ее долгой истории.

Это не было революционное движение в смысле определенного стремления к чему-то новому, а лишь распад установившихся и плохо охраняемых уз власти, возможный и даже неизбежный при всяком государственном строе, при условии исчезновения руководящей власти. При прежнем порядке, когда не было открытой политической борьбы, власти мало заботились о подборе служащих, довольствуясь в большинстве случаев неясным признаком «благонадежности», под коим разумелось главным образом воздержание от явно крамольных. И, как следствие этого отсутствия подбора, явились сплошная трусость, равнодушие или даже явное отступничество служащих даже высших ступеней. Особенно заметно было это в среде судебного ведомства, где процветали передовые взгляды и склонность ругать правительство. Пришлось увидеть председателей окружных судов (например, Пресняков в Архангельске), шедших с ликующим видом за толпой административно ссыльных, несущих с соответственным песнопением красные флаги. Погромы усадеб не были новостью на Руси. Это было обычное и давно знакомое явление. Новостью были только их размеры, напомнившие давно забытые времена Пугачевщины.

В действительности русская конституция или, вернее, обновленный строй нарождались из внутреннего развития государства и уложения государственных задач, ставившего правительство в необходимость свалить со своих плечей ответственность, которая на нем до тех пор лежала, и создать новую точку равновесия (опоры), на которую можно было бы переложить и эту ответственность, и раздражение беспокойной части общества. Мысль эта жила в сознании правительственных кругов издавна, но высказывалась сравнительно робко, главным образом из опасения задеть личные чувства государя и привычное мировоззрение влиятельных кругов. По укоренившемуся в этих кругах ошибочному мнению, привлечение выборных от населения к участию в издании законов и гласному обсуждению принимаемых правительством мер как бы принижало и сокращало власть государя, тогда как наоборот – да это теперь видят все – власть и влияние

личности государя от перемены этой должны были лишь выиграть и в объеме, и в нравственном значении.

До перемены строя во всем, чем были недовольны, винили правительство, а исподтишка или иносказательно и государя. Не было в стране, если не считать отдельных лиц, ни сознательных защитников монархического начала, ни сторонников правительства. Самодержавие спутывалось в представлении большинства с произволом, а правительство с чиновничеством, и обыватели (и чиновничество?) ругали из всех сил и это правительство, и это чиновничество, не задаваясь мыслью, что же сами ругавшие делают и не на них ли лежит ответственность за то, чем они недовольны. На этой основе слагалась басня о каком-то таинственном общественном начале, о великих общественных силах и деятелях, скрытых где-то под спудом земской, задавленной правительством, деятельности, проявляющих там какие-то чудеса и могущих сделать что-то «ух, большое», как только им будет дана свобода.

Плеве, который чувствовал это положение вещей и видел, хотя и боялся громко назвать, выход и был охотник до пышных выражений, любил говорить, что «Россия представляется ему в виде огромного воза, влекомого по скверной дороге тощими клячами – чиновничеством. На возу сидят обыватели – общественные деятели – и на чем свет ругают лошадей, ставя им в вину и плохую езду, и дурную дорогу. Вот этих-то господ, – прибавлял покойный, – следует снять с воза и поставить в упряжку, пусть попробуют сами везти, а чиновника посадить с кнутом на козлы – пусть подстегивает». Плеве же, как это ни странно, пришлось быть первым проводником мысли о народном представительстве, приспособленном к обстоятельствам времени.

В 1903 г. мне поручено было им составить представление об учреждении Главного управления по делам местного хозяйства. Плеве стремился к положению первого министра и задумал разделить разросшееся министерство внутренних дел на ряд главных управлений как полусамостоятельных единиц, маленьких министерств, управляемых более или менее независимо под объединяющим руководством министра внутренних дел. К числу таких учреждений принадлежало (осуществляемое первым) Главное управление по делам местного хозяйства, в котором предполагалось сосредоточивать все отношения правительства к земским и городским общественным учреждениям. При управлении предположен был Совет по делам местного хозяйства из местных деятелей в областях управления дворянского, земского и городского по приглашению министра внутренних дел. Сам по себе Совет как мысль не представлял ничего нового, так как имел за собой целую нить совещаний при участии местных деятелей, созывавшихся по разным случаям. Новшеством было утверждение этой мысли в законе и возведение в общее правило положения, что никакая мера в области местного хозяйства не должна быть принимаема и вносима на законодательное рассмотрение иначе как по предварительном рассмотрении в сем Совете, равно как образование в составе Совета частных присутствий из представителей ведомств для совместного обсуждения тех дел, которые требовали по закону соглашения ведомств. Первое новшество являлось зародышем участия выборных от населения в некоторой

области законодательства, второе же полагало начало более прочной спайки деятельности отдельных ведомств в направлении к объединению ее во всей огромной области местного общественного устройства и управления. Первая мысль ярко подчеркивалась в самом изложении представления в Государственный совет, которое Плеве, хотя не без колебаний, но все же подписал.

Соображения эти вполне могли бы быть положены в основание мысли о широком привлечении населения к участию в законодательной деятельности. И когда два года спустя мне пришлось наскоро составлять первое «Положение о Государственной думе», я мог перенести дословно все эти соображения в записку, при которой первоначальное изложение закона о Думе внесено было в Особое совещание. Был такой забавный случай, что один из губернаторов (не помню сейчас, который именно, но он сам мне это передавал) приостановил постановление губернского земского собрания, в котором были воспроизведены дословно соображения из записки Плеве, как незаконное. Велико было удивление губернатора, когда ему разъяснили его ошибку.

Опасения правящих кругов перед всем, что могло отдавать некоторыми политическими вольностями, были, однако, столь велики, что когда представление Плеве рассматривалось в соединенных департаментах Государственного совета и одним из членов его, Шидловским, высказана была мысль, не следует ли включить в состав Совета по делам местного хозяйства членов по выбору земских собраний и городских дум, а не по приглашению министра внутренних дел, как то было предположено, то Плеве заявил, что, не возражая против этой мысли, он слагает с себя всякую ответственность за последствия этого порядка и выводы, которые из него будут сделаны. И предположение это среди некоторого смущения было единогласно отвергнуто.

15 июля 1904 г. Плеве был убит, не успев собрать Совет. Созыв последнего состоялся лишь три года спустя при Столыпине, причем самый состав Совета существенно расширился и изменился путем призыва членов от всех губернских земств и от крупнейших городов по выбору собраний и дум, и самое значение изменилось: Совету придано было значение «преддумья», выразителя мнения земской среды, представлявшей по сравнению со II Думой охранительное государственное течение общественной мысли. Главным же образом Совет послужил удобной плоскостью сближения между правительством того времени и земскими слоями, где они могли встречаться на равной более или менее ноге и при этом общении рассеять и устранить те прежние трения, которые во многом основаны были на взаимном недоверии полуподчиненных земцев и полуначальственного правительства.

В этих же целях при Совете был учрежден и успешно действовал справочный отдел, по которому установились непосредственные отношения местных деятелей с министерством. Способ сближения оказался чрезвычайно удачным. Былые противники, потолковав и освоившись, увидели, что прежнее расхождение было во многих отношениях мнимым и основанным на обоюдных недоразумениях, и что прежняя пропасть между правительством и земством обязана была своим расширением не столько правительству, сколько земским чиновникам. Совет

оказал в этом отношении много пользы правительству того времени и побудил земство пообтряхнуть с себя и прибрать к рукам облепивший его со всех сторон «третий элемент». С исполнением этой задачи и последовавшим разрывом между земством и министерством внутренних дел, пытавшимся вновь опереться исключительно на чиновничество при Макарове и на что-то неясное при его преемнике, Совет захирел и утратил значение.

4 ноября 1904 г. я был вызван к министру внутренних дел князю Святополк-Мирскому, которого до тех пор видел лишь мельком при представлении. Велико было мое удивление, когда он предложил мне составить верноподданнейшую записку о преобразованиях, назревших в общем строе государственного управления. Исходная точка – невозможность двигаться дальше по старому пути и необходимость привлечь общество к участию в делах законодательства. Указания князя были весьма неопределенны: ни в чем не затрагивать основ самодержавного строя, не намечать никаких новых учреждений, не касаться земских начальников, а с тем вместе облегчить общественную самодеятельность и наметить ряд льгот, могущих быть благоприятно принятыми общественным мнением и не угрожающих прочности ни государственного строя, ни порядка управления. Все это было высказано отрывочно и в значительной части в виде ответов на вопросы. Видно было, что мысль явилась у князя, или была ему указана недавно, неожиданно и что он сам мало еще с нею освоился и в ней разобрался; готов был идти на всякое предложение. В разговоре князь упомянул, что обратиться ко мне ему посоветовали, но кто именно, не сказал. По некоторым признакам я заключил впоследствии, что совет исходил от князя Ал. Д. Оболенского. Срок дан был две недели.

Нечего и говорить, как я был рад неожиданному поручению. Весь вечер я пробродил по набережной, размышляя, как приступить к делу, и чувствуя себя едва ли не вторым Сперанским. Задача была до крайности неясна, одно было очевидно: необходимость проскользнуть по узкой тропинке между недоверием сверху и преувеличенными ожиданиями снизу и найти то среднее, которое отвечало бы назревшим и достаточно очевидным потребностям страны и открыло бы возможность объединения правительства с руководящими слоями, сложившимися уже на местах, в части их, проникнутой чувством государственности.

К назначенному сроку всеподданнейший доклад был готов, и конечные выводы облечены в форму манифеста. В докладе проводилась мысль, которую я теперь считаю правильной, что правовой строй, необходимый для развития и общества, и государства, вполне совместим с самодержавием. Во главу угла были положены вверху – объединение правительства, укрепление надзора за законностью путем постановки в независимое положение Сената и призыв выборных от губернских земств и крупных городов в состав Государственного совета на равных с прочими членами основаниях; внизу – постепенная замена общинного владения единоличной собственностью и развитие деятельности местных самоуправлений с восстановлением православного прихода и по всей линии раскрепощение личности от отживших ограничений и от правительственной опеки в пределах, которые мне, всегдашнему стороннику сильной государственной власти, казались

возможными и согласными с сохранением преобладания русского народа как народа державного. Лишне, конечно, говорить, что доклад не заключал в себе чего-либо нового и не делал открытий. Все, отмеченное в нем, было выдвигаемо жизнью и не раз служило предметом суждений и мечтаний в правительственных и даже более высоких кругах.

Не будучи близко знаком с полицейским делом, я обратился по вопросу об усиленной охране к опыту директора департамента полиции Лопухина, который, как я узнал от Мирского, был посвящен в это дело. И Лопухин изложил свои соображения в особой записке, выжимку из них я включил в доклад. Вечером 18 ноября я прочел доклад Мирскому. Согласившись со всеми положениями не без колебаний, впрочем, в части, касавшейся изменения крестьянского владения, князь нашел, однако, нужным смягчить в изложении упоминание о постепенно назревавшем в обществе тяготении к перестройке государственности по западным нормам и пожелал вторично прослушать записку. Через два дня я прочел переделанную записку и проект манифеста Мирскому, причем на этот раз слушателями оказались А.А. Лопухин и Э.А. Ватаци, бывший в то время директором департамента общих дел, человек, близкий Мирскому. На этот раз записка не вызвала возражений, и на следующий день я отослал ее князю в двух изложениях, которые различались заключительными словами, приложив и манифест. За невозможностью по краткости срока самому диктовать переписчику и произвести считку, я пригласил для этой цели в помощь Н.С. Ченыкаева (впоследствии минского вице-губернатора), который диктовал всю ночь и считывал с подлинником и на молчание которого я мог положиться. Переписывал записку канцелярский чиновник Я.Я. Лимар, человек испытанной верности, мой неизменный сотрудник во всех последующих работах. Тайна была таким образом строго обеспечена.

1 декабря Святополк-Мирский сообщил мне, что государь, оставив у себя записку и проект манифеста, распорядился созвать на следующий день, 2 декабря, Особое совещание из высших сановников, в числе их Д.М. Сольского и С.Ю. Витте, для обсуждения изъясненных в записке предложений, причем определенно сказал, что Победоносцева он умышленно не приглашает как очевидного противника всякого новшества. Вечером 2 декабря, приехав к Святополк-Мирскому узнать, чем кончилось дело, я застал его пришибленным. Усталый, упавшим голосом, рассказал он подробности заседания. Оказалось, что Его Величество изволил изменить свое решение и поздно ночью послал Победоносцеву записку, в которой писал примерно так: «Боюсь, что мы запутались, приезжайте, помогите нам разобраться». В заседании, в которое прибыл и Победоносцев, первым открыл прения С.Ю. Витте, обрушившийся на предложение о допущении выборных от населения в Государственный совет, доказывая, что это есть шаг к ограничению верховной власти. Витте поддержал, конечно, Победоносцев. Прочие, за исключением очень немногих, тоже отнеслись враждебно к предположениям, изложенным Святополк-Мирским, и дело свелось к назначению Особого совещания для соображения, что именно следует сделать.

По словам Святополка, стремления Витте были направлены исключительно к тому, чтобы ценою чего угодно вырвать почин и захватить его в свои руки, как

это впоследствии и оказалось. Видно было, что Святополк отстаивал свои положения неумело и слабо и был сразу сбит с почвы более искусными противниками. На вопрос мой – был ли оглашен всеподданнейший доклад в совещании, Мирский сказал, что не успел сделать это, так как начал кратким словесным изложением, в середине коего сразу возникли споры, и что проект манифеста он передал С.Ю. Витте. Немного дней спустя я узнал кое-какие мысли и выражения этого манифеста в последовавшем Высочайшем указе 12 декабря 1904 года. Кто составил этот указ, не знаю, равно как не присутствовал и при бесконечных заседаниях Комитета министров и Особых совещаний, обсуждавших под руководством Витте способы осуществления изложенных в этом указе Высочайших предначертаний, которые, впрочем, в большинстве остались на бумаге.

В самом начале 1905 г. я перешел по приглашению А.А. Хвостова, в то время товарища министра юстиции, на должность директора Первого департамента министерства юстиции. Глухая и скучная канцелярщина, мелкая переписка по ничтожным случаям, мелкий формализм, постоянные колебания и нерешительность министра юстиции С.С. Манухина, человека очень умного и весьма порядочного, но не сумевшего занять определенного положения, во всем сомневающегося, низкопоклонство и искательство судебной среды сразу шибанули в нос после живой службы в министерстве внутренних дел и привольной тамошней жизни. Мне казалось, что я попал в глубокий темный погреб, еле освещенный маленьким окошечком, за которым по ту сторону блистало солнце, сверкала и гремела жизнь. Я затосковал и через месяц вернулся обратно в министерство внутренних дел на свое старое место, не смутившись насмешками и заслужив в глазах многих славу человека легкомысленного и пустого.

Немало способствовал моему решению и Высочайший рескрипт на имя Булыгина, возлагавший на него разработку оснований, на которых выборные от населения могли быть призваны к участию в делах законодательства. Это было предложение исторической работы, начатой при Мирском, и я надеялся к ней пристроиться. Я не ошибся. Через несколько дней по возвращении в министерство я был вызван Булыгиным, который мне сказал, что образует совещание для обсуждения этого вопроса и назначает меня в его состав. Впоследствии Булыгин говорил, что выбрал меня по совету С.Ю. Витте.

Вечером 12 марта, явившись к назначенному часу в квартиру министра внутренних дел на Фонтанке, где происходили в глубокой тайне эти совещания, я застал у Булыгина Ф.Д. Самарина, профессора С.-Петербургского университета И.А. Ивановского, помощника статс-секретаря А.Ф. Трепова и директора канцелярии министра финансов А.И. Путилова. Всех этих лиц, за исключением Трепова, я видел впервые. Это было предварительное совещание (если можно так назвать собрание столь неравноправных лиц), призванное наметить основания нового строя России. Начались заседания.

Первое заседание прошло в общих разговорах. Булыгин со свойственной ему наблюдательностью и отличительной чертой – способностью спокойно изумляться тому, что делается вокруг, и равнодушно негодовать – рассказывал о разных несообразностях, происходивших в заседавшем в то время Совещании по изыска-

нию способов осуществления Высочайшего указа 12 декабря 1904 года. Трепов ему вторил. Прочие, не освоившись еще с положением, помалкивали. Во втором заседании мы заслушали предположения Ф.Д. Самарина, который их изложил в длинной речи. Сущность его предположений, по всей вероятности одобренных заранее Булыгиным, явно сводилась к тому, чтобы [сколь] возможно затушевать вводимое в русскую жизнь новое начало и законопатить его в медвежий угол. Он предлагал создать три порядка рассмотрения вырабатываемых ведомствами законодательных предположений, а именно: более значительные и крупные из них сообщать на заключение губернских комитетов из выборных от сословий и засим обсуждать в Государственном совете при участии сведущих лиц, избранных этими комитетами. Для рассмотрения менее значительных предположений приглашать в департаменты законов выборных от сословий, образуя из них особое в составе департамента присутствие, как бы скамью «присяжных заседателей». И, наконец, по делам заурядным приглашать этих выборных в приготовительные совещания при Государственном совете. Участию выборных надлежало, по мнению Самарина, придать служебное значение и обосновать его на начале повинности. Раздробление же этого участия по разным ступеням должно было, по его предположениям, закрепить за выборными положение помощников правительства и предотвратить возможность опознания себя ими в качестве представительства политического, в чем он был, конечно, прав.

Проект почти не вызвал прений, поскольку очевидна была его неприемлемость. На следующее заседание Самарин не явился и более участия в деле не принимал. Заседания два прошли затем в общих и неопределенных разговорах. Булыгин вести дела не умел и к задаче своей относился первое время с плохо скрытым отрицанием. К пятому заседанию одним из присутствующих составлен был перечень возникающих из рескрипта [18 февраля 1905 г. на имя А.Г. Булыгина] вопросов, изложенный в виде логического развития основной темы и до заседания положен перед председателем. Повертев несколько раз листок, Булыгин отнесся к появлению его как к дару судьбы и, не спросив даже, откуда он появился, стал в дальнейшем его придерживаться. Дело пошло глаже.

Первым из основных вопросов был порядок участия, затронутый в первом заседании Самариным. Выдвинута была мысль, высказанная во всеподданнейшем докладе князя Святополк-Мирского, о включении выборных в состав Государственного совета на одинаковых основаниях с остальными членами. Но Булыгин и большинство его сотрудников мысль эту отвергли. Против нее приводились, с одной стороны, соображения о невозможности ввести значительное число выборных в Совет и невозможности ограничиться малым числом выборных членов, с другой – опасения, что этим путем нарушена будет прочность учреждения. Между тем это был, в сущности, единственный путь, на котором совещательное положение выборных могло быть выдержано в течение более или менее значительного переходного времени, а новое начало – быть введенным в государственную жизнь с известной постепенностью.

В дальнейшем перебрали все другие способы участия выборных, более или менее испытанные: местные совещания, советы, советы при министерствах и,

конечно, отвергнутые как явно неосуществимые. Тогда остановились на совещательном выборном собрании – Думе. С принятием этого решения было, конечно, ясно, что этой постановкой предрешался и вопрос о значении учреждения. Собравшись в этом виде и в огромном количестве, «выборные от населения» неизбежно должны были опознать себя как народное представительство и не могли примириться с подготовительным значением. Это был, конечно, будущий парламент. И, казалось бы, раз став на эту точку зрения, следовало сделать шаг дальше и предложить, хотя бы в скромных пределах, подлинную конституцию. Но Булыгин не сознавал этого, как, впрочем, долгое время поступало правительство даже после 17 октября 1905 г., не решаясь признать наличие конституции.

Система выборов требовала большой осторожности. Не было сомнения, что, при совершенной неподготовленности массы населения, крайние течения мысли могли первое время взять верх и опорочить надолго самую мысль о народном представительстве. [Это] вызвало много сомнений. Сословные выборы, в сторону которых клонилось сочувствие многих влиятельных лиц в правящих кругах, были, очевидно, невозможны за распадением самих сословий. Предположены были выборы через посредство земских собраний. Порядок этот представлял очевидные удобства. Во-первых, был привлекателен ввиду общего сочувствия к земствам; во-вторых, был прост; в-третьих, исключал возможность проникновения в Думу крикунов из крайне левой, устранял опасность наводнения Думы крестьянством, явно не подготовленным к государственной деятельности, и обеспечивал подавляющее большинство за просвещенными и умеренными слоями населения.

Но Булыгин боялся стать открыто на этот путь, сознавая и все отрицательные стороны этого порядка: опасность утверждения политиканства в земствах, которые могли бы стать как бы разветвлением Государственной думы, и те трудности, которые могли бы возникнуть для правительства в случае столкновения с Думой, имеющей столь прочные корни в сложившейся среде местных общественных учреждений. Поэтому Булыгин остановился на мысли построить такой порядок выборов, который, сохраняя выгодные стороны выборов через посредство земств, устранял бы неблагоприятные условия этого порядка. Остановились на особых выборах, построенных по образцу земских, протекающих в точном соответствии с ними и заканчивающихся образованием в уезде избирательного собрания, представляющего как бы нарочито созванное уездное земское собрание, в образовании которого население уезда должно было участвовать на тех же основаниях и в том же численном соотношении сил, как и в избрании уездных земских гласных. Предполагалось с тем вместе, что евреи, как не пользующиеся участием в выборах в общественные учреждения, не будут участвовать и в выборах в Государственную думу.

При оценке хода работы по созданию так называемой «Булыгинской думы» следует иметь в виду, что на А.Г. Булыгина возложено было поручение единственно лишь выяснить те основания, на которых представлялось бы возможным установить участие выборных от населения лиц в обсуждении законодательных предположений. Засим, по силе Высочайшего рескрипта, эти общие основания

подлежали обсуждению Совета министров, а окончательная затем разработка проекта закона об участии выборных в делах законодательства возлагалась на Особое под председательством того же Булыгина совещание, состав которого не был предуказан.

В соответствии с этой задачей соображения Булыгина, изложенные в форме записки, завершились перечнем вопросов, подлежавших обсуждению Совета министров. Средняя часть записки, касавшаяся финансовых вопросов, составлена была А.И. Путиловым, общая же часть и часть, касавшаяся выборов, равно как и приложенный к записке проект, – мною. Переписывал все Я.Я. Лимар. Никакие другие лица, вопреки распространявшимся впоследствии в печати слухам, участия в этом деле не имели. К записке был приложен составленный мною собственно для наглядности примерный набросок «Учреждения Государственной думы» и «Положения о выборах», соответствовавший в главных основаниях суждениям совещания и выводам записки, а в подробностях мною обработанный по руководству тою, главным образом, мыслью, что при введении в столь разношерстном государстве, как Россия, начал народного представительства и при совершенной неизвестности, каково будет это представительство (в то время никто решительно этого не знал), необходимо точно определить в законе все устройство и порядок действий вновь создаваемого учреждения, оставляя возможно менее места усмотрению в определении внутренней структуры учреждения будущим случайным составам первых выборных русской земли. При составлении этого первого «Учреждения» приняты были к руководству распорядок Государственного совета и предположения Сперанского об устройстве Думы, сохранившие во многом свое значение до наших дней.

Булыгин к составлению постатейных предположений и к приложению их к записке относился отрицательно, и ближайшее будущее показало, что он был, пожалуй, прав, но, по обычаю своему, не настаивал. В марте работы были окончены, и тайна осталась настолько соблюдена, что в печать не проникло сведений даже о лицах, которые делом этим занимались.

Труд Булыгина представлен был Его Величеству, и последовал долгий промежуток ожидания. Было ясно во всяком случае, что на этом шаге нельзя останавливаться и следовало сделать дальнейший. Создавая зачатки народного представительства, необходимо было устроить и правительство. Пользуясь свободным промежутком, я набросал проект объединения правительства в тех скромных пределах, которые вызывались крайней необходимостью, впоследствии представленный С.Ю. Витте и легший в основу нового «Учреждения Совета министров». Но Булыгин слышать об этом не хотел и дальше предположений о Думе не шел. Из слов его, довольно осторожных, я понял, что Его Величество колеблется и что разные придворные течения стремятся опорочить в глазах его даже тот скромный шаг, которым являлся булыгинский проект. Положение было весьма сложное, и малейшая случайность могла на несколько лет отодвинуть преобразование, положившее прочное основание объединению национального самосознания и созданию русской гражданственности…

Все обошлось, однако, благополучно. Его Величество соизволил на внесе-

ние проекта, но не в Совет министров, а в Особое под председательством графа Сольского совещание, представлявшее тот же Совет министров, но усиленное несколькими сановниками. Делопроизводство этого Совещания было образовано из статс-секретаря Колебяцкого, А.И. Путилова и меня при участии кое-кого из молодежи государственной канцелярии. Формально же делопроизводителем числился П.А. Харитонов. Потянулись долгие заседания, и тут выяснилось, что Булыгин оказался прав применительно к его характеру и поведению в Совещании, сводившемуся к молчаливому созерцанию происходящего, когда он возражал против приложения к его записке примерного постатейного проекта. Основные вопросы, выдвинутые в записке и вообще вытекавшие из дела, вовсе не подвергались обсуждению, если не считать поднятого в первом же заседании С.Ю. Витте вопроса о допущении к выборам евреев, который после кратких замечаний кое-кого из членов был решен в смысле, благоприятном для евреев. Совещание сразу ухватилось за готовый, хотя и явно несовершенный набросок и без долгих околичностей положило его в основание своих суждений.

Известно, как проходит обсуждение сложных проектов в многолюдных совещаниях. Все спешат делать свои замечания по статьям, не всегда соображая их связь между собой и нередко руководствуясь мыслями, только что возникшими. В голосовании многое происходит путем примирительных соглашений и является следствием случайных суждений, не объединенных предварительным общим суждением. Начинаются личные пререкания и прочее. Так было и здесь. Как только коснулись проекта, обсуждение разменялось на мелочи. К тому же сказалось свойственное поколению либеральных советников вроде Сольского и Фриша отсутствие и государственной мысли, и национального чувства. Каждый предлагал свои поправки, исходя один – из одних, другой – из других оснований. Пройдя все, возвращались к началу, чтобы снова возбуждать те же споры, разбавляемые вновь возникшими мыслями. Делопроизводство обречено было по окончании каждого заседания излагать проект согласно постановлениям дня с тем, чтобы на следующий день снова и снова его перекраивать. Изложение проекта было изменяемо последовательно семь раз, а некоторые статьи – свыше десяти. В этой толчее мнений и поправок проект мало-помалу терял и стройность, и определенность. Многое выбрасывали для сокращения, многое – для выгод изложения. В конце концов после седьмой правки граф Сольский, открывая заседание, должен был сознаться, что после стольких трудов совещание испортило первоначальный проект, который, по мнению его, был последовательнее и лучше. Под действием этого соображения стали вновь рассматривать законопроект, восстанавливая многое по первоначальному.

Еще хуже обстояло с частью, касающейся выборов. По предложению, не помню кого, порядок [выборов] в видах простоты был укорочен исключением уездного избирательного собрания и выборы от отдельных разрядов населения проведены отдельными путями прямо в губернское избирательное собрание. Это был удар в самое сердце так называемой булыгинской системы. Но Булыгин молчал, и решение было принято.

Основная мысль – избрание выборщиков совместно всем уездом, представ-

ляющим (при всем разнообразии их размеров) все же более или менее сплоченное и сложившееся целое – отпала, и от уездов остались выборщики, избранные отдельными разрядами населения, не знающие в большинстве друг друга и спутывающиеся в общую разношерстную толпу в губернском собрании. В выборы членов Думы внесено было этим самым начало крайней случайности. Представительство живого целого – уезда, долженствовавшее дать в качестве выборщиков, а затем членов Думы от губернии, естественных и весьма знакомых вождей местного общества, обратилось в случайное собрание лиц, вынырнувших наверх в губернии на громких словах и всякого рода программных пузырях.

Выступал в утроенном значении вопрос о распределении выборщиков между отдельными разрядами местного населения, определявшем собою общий состав Думы. Он был решен сплеча, не заняв даже целого заседания. После недолгих разговоров решили распределить выборщиков в соответствии с размерами прямых налогов и местных сборов, лежащих на землях и других недвижимых имуществах каждого разряда избирателей. Это значило наполнить Думу крестьянством, то есть худшее, что могло быть для начала. В особой, составленной в один день записке о порядке выборов, внесенной Булыгиным в это время в Совещание, эта сторона дела была ясно отмечена и последствия ее предсказаны. Кажется, впрочем, что записку эту просмотрел один лишь граф Сольский, который утром перед последним заседанием говорил мне, что она его весьма смутила. Но в заседании Булыгин молчал, и основание распределения выборщиков было решено. Трое суток считали мы с В.С. Налбандовым и А.А. Буровым на арифмометрах и распределяли выборщиков согласно налогам. Получилась таблица, давшая в результате первую Думу.

Дальнейший ход дела лежал вне моего участия. Изложенный согласно заключениям Совещания графа Сольского проект был подвергнут рассмотрению и кое в чем изменен в Особом совещании под личным председательством государя…

После обнародования «Положения» 6 августа 1905 г. Булыгину поручено было составить правила о применении этого «Положения» на окраинах: Польше, Кавказе, Сибири, Туркестане. Правила эти и относящиеся к ним записки были составлены мною в сотрудничестве с В.С. Налбандовым и вносились по мере их изготовления в то же Совещание графа Сольского. Рассмотрение их протекало формально, с той лишь особенностью, что при обсуждении правил, относящихся к губерниям Царства Польского, Сольским приглашено было сведущее лицо – помещик, не помню какой из этих губерний, Добецкий, бывший впоследствии некоторое время членом Государственного совета по выборам. Появление его произвело неблагоприятное впечатление в смысле какого-то преимущества, предоставленного полякам по сравнению с коренной Россией, и действительно оказалось таковым, ибо под влиянием сладких речей Добецкого Совещание остановилось на мысли дать губерниям Царства Польского представительство по тому же расчету, как и коренным местностям империи, то есть по расчету одного члена Думы на каждые 250 тысяч населения.

Осенью 1905 г. начались приготовления к выборам. Работа была очень тяжелая ввиду множества возникших на местах сомнений, требовавших телеграфных

и письменных разъяснений; работа к тому же оказалась и совершенно бесполезной, так как скоро все изменилось.

Уже с самого начала поднялся поход против законосовещательной Думы. Политическая незрелость общества проявилась во всей полноте. Самые умеренные кричали едва ли не более всех. Газеты с Меньшиковым во главе твердили, что такая Дума недостойна общества, что никто в нее не пойдет, и прочее. Шум рос, и голоса благоразумных в нем тонули. Начались забастовки на железных дорогах, и хотя все это была одна лишь оперетка, поражавшая воображение своею новизною, но во главе правительства стоял граф Витте – человек трусливый, легко терявшийся и совершенно не знавший России.

17 октября, часов около одиннадцати вечера, меня вызвали по телефону к графу Витте. Днем ходили какие-то темные слухи о предстоящем Манифесте, но ничего положительного не было. Кто именно и при каких обстоятельствах составил Манифест 17 октября, достоверно не знаю. Говорили разное. Господствовал слух, что писали его князь Алексей Оболенский и Вуич на пароходе по пути в Петергоф, где жил тогда государь, и что написан он был на листе бумаги, вырванной из книги у буфетчика. По-видимому, акт этот насильно вырван был у государя графом Витте, действовавшим не столько из убеждения, сколько под влиянием главного его движущего мотива – испуга и желания держать нить событий в руках. Известную роль сыграл тут, по-видимому, и великий князь Николай Николаевич, страшно испуганный покушениями (или, вернее, приготовлениями к покушению) на его жизнь и запугавший государя. Сыграл роль и князь Оболенский, на которого, как говорили, произвело наиболее сильное впечатление то обстоятельство, что забастовка вызвала приостановку действия водопровода и не оказалось воды в ванне для его детей.

Приехав к графу на Каменноостровский, я у дежурного чиновника в приемной узнал о Манифесте и предстоящей переделке закона о Думе. У графа Витте, которого до тех пор я видел лишь издали в различных заседаниях, я застал князя Алексея Дмитриевича Оболенского и получил распоряжение заготовить проект изменения избирательного закона в смысле расширения круга лиц, участвующих в каждой линии выборов, без нарушения, однако, самой их системы. От Витте я поехал к Булыгину и на Царицыном лугу встретил первых демонстрантов, кричавших что-то о Белом Царе. Был второй час ночи. Булыгин ничего не знал официально о последовавших переменах, и лишь по моем прибытии ему принесли из редакции «Правительственного вестника» черновой оттиск доставленного туда для обнародования Манифеста 17 октября. Булыгин спокойно негодовал. Открывалась новая глава русской истории, и какой-то странной и малопонятной повеяло грустью, словно дорогого покойника выносили. Веяло космополитизмом, и, казалось, уходила в глубь веков Святая Русь.

18 утром ко мне пришел В.Д. Кузьмин-Караваев с письмом от графа Витте, который сообщал, что считал бы весьма полезными советы Кузьмина-Караваева в деле составления дополнений к избирательному закону. Я показал Кузьмину-Караваеву набросанные мною за ночь предположения о понижении цензов квартирного и земельного в сравнительно скромных размерах, и Кузьмин-Караваев,

посмотрев, сказал, что это более чем достаточно и вполне удовлетворит передовые общественные круги. В тот же день или на другой заходил ко мне Д.Н. Шипов, не помню, по собственному ли почину или по посылу от графа, и, ознакомившись с изменениями, проектированными в составе лиц, допускаемых к участию в выборах, также вполне их одобрил. Это был единственный раз, что мне пришлось иметь политический разговор с этим нашумевшим в свое время деятелем Он удивил меня спутанностью своих взглядов и суждений. Его политическое [кредо] поражало несообразностью. По словам Шипова, он в душе убежденный сторонник самодержавия, но его понимание самодержавия настолько расходится с господствующим взглядом, что он принужден скрепя сердце присоединиться к господствовавшему, по его словам, в образованном обществе конституционному направлению.

Неясность понятий была, впрочем, общею. Несомненно, что в сознании большинства деятелей того времени: графов Витте, Сольского и других, равно как и общества (даже пресловутого издателя «Гражданина» князя Мещерского), преобладала мысль, что дана конституция в смысле формального и бесповоротного отречения государя от неограниченного самодержавия.

Дополнения к избирательному закону подверглись обсуждению в Совете министров под председательством графа Витте, где возбуждали много споров. Особенно много спорил и сомневался Шванебах, старый чиновник-теоретик, весьма искусный в осуждении, большой острослов и мастер рассказывать исторические и иные анекдоты, но человек пустой, лишенный как способности предлагать положительные решения, так и смелости в случаях, когда нужно было довести данное положение до логических выводов из него, так, в особенности, понимания того, что стройные программы и убеждения, не идущие ни на какой компромисс, возможны лишь на бумаге, но не в политике.

После долгих споров дополнения были приняты, так как ничего другого придумать не могли. Мысль опереть выборы на уездные земские собрания [была] отвергнута на том основании, что мера эта равносильна была бы устранению от участия в деле тех интеллигентных классов, которым признавалось необходимым дать участие в Думе и которые в выборах земских гласных участия не имеют.

Положение было тем более трудное, что все рассуждения шли, в сущности, вслепую. При отсутствии политической жизни самая физиономия населения, направления и взгляды его отдельных слоев никому, в сущности, известны не были, на какой слой следовало опереть Думу, никто не знал, и, как только сходили с дорожки земских выборов, попадали в дремучий лес.

Вскоре, однако, взгляды графа [Витте] изменились. Кучка москвичей, сыгравшая, на мой взгляд, фатальную роль в карьере графа Витте как председателя Совета министров – князь Е. Трубецкой, А.И. Гучков, Д.Н. Шипов и Муромцев – подсунула графу проект выборов, основанный на всеобщей подаче голосов. Москвичи произвели на Сергея Юльевича сильное впечатление. Уроженец юга, там выросший и проходивший железнодорожную службу, граф совершенно не знал внутренней России и уверовал в то, что москвичи эти суть как бы духовноуполномоченные русского народа, носители его помыслов и стремлений, тогда как

они были просто либеральные московские баре, [имевшие] склонность щегольнуть крайними взглядами там, где они не задевали их собственной шкуры. Граф уверовал в москвичей, насколько мог уверовать человек, как он, во всем колеблющийся, и под их влиянием сильно сдался влево; так он катился, увлекая многих, пока московские беспорядки не прояснили горизонты. Москвичи отпрянули, граф очнулся, но было поздно, он оказался одинок и очутился на мели.

Эти-то москвичи и подсунули графу Витте проект избирательного закона на началах всеобщей и равной подачи голосов, составленный, кажется, Муромцевым. Мысль призвать все полуграмотное и безграмотное русское и пестрое инородческое население империи к участию в выборах в представительное учреждение, каковым являлась преобразованная Дума, притом – прямых, была мысль нелепая. Идти на это – значило ввергать участь выборов в руки тех демагогов, которые сказочными посулами увлекли бы за собой народ, не говоря уже о полной невозможности сколь-нибудь сознательных выборов в тех, громадных по преимуществу, избирательных округах, на которые распалась бы Россия.

Витте хоть и чувствовал несообразность этой мысли, но не решился ее отвергнуть сразу. Дело было новое. Мысль об утверждении Думы на всенародном избрании завоевала умы, ударяя по ним прежде всего своей простотою и кажущеюся справедливостью. Мне поручено было привести в порядок правила этого проекта, и затем оба проекта были подвергнуты обсуждению в ряде заседаний Совета министров при участии так называемых общественных деятелей – С.А. Муромцева и других. Проект всеобщей подачи голосов нашел горячих сторонников в среде Совета в лице Кутлера и Философова. Кутлер, быстро преобразившийся из покладистого чиновника, гонителя местных свобод, в мрачного демократа, занял по отношению к проекту самую радикальную позицию; Философов тоже старался проявить передовые взгляды. Помню, его доводы всех позабавили. Доказывая, что начала равенства и стремление к уравнению долей участия каждого глубоко заложены в душе русского крестьянина, он ссылался на пример недавних перед тем погромов, где крестьяне, деля между собою увезенное из разграбленной усадьбы имущество, разрубили фортепиано, находя несправедливым отдать его кому-либо целиком, и разобрали по частям.

Большинство, однако, высказалось против всеобщей подачи голосов, и проект москвичей был отвергнут. Принят был расширенный по указаниям графа Витте прежний избирательный закон. Получилось, таким образом, внутреннее противоречие. Закон, предназначенный для совещательной Думы, принят был для Думы законодательной. Но время было горячее, и никто на этом не остановился.

Во время обсуждения этих проектов мне пришлось докладывать их государю, которого я при этом случае видел близко впервые. С.Ю. Витте свез меня как-то с собою в Царское, и мы провели у Его Величества около полутора часа. Государю были доложены существующие в главнейших государствах порядки выборов в политические собрания и те два проекта, рассмотрением которых занят был в то время Совет министров. Оказалось, что государь помнит хорошо основание «булыгинских» выборов и вообще очень легко и точно разбирался в избирательной

арифметике. Меня поразила та нерешительность и неопределенность, с которыми высказывался Витте. Он был вообще взволнован и как-то не в своей тарелке. Чувствовалась какая-то натянутость в его взаимоотношениях с государем, он как-то ежился и мялся, хотя Его Величество, как, впрочем, и всегда, держал себя очень просто и милостиво. На обратном пути Витте горячо и много (мне показалось даже, что слишком горячо и слишком много) говорил о том, как ему жаль государя, так много перестрадавшего во время японской войны и ныне находящегося в столь трудном положении, когда приходится на каждом шагу делать выбор, не зная, что из этого выйдет.

Разработанный Советом министров законопроект был подвергнут рассмотрению в Особом совещании под председательством Его Величества…

Были приглашены и общественные деятели: Шипов, Гучков и граф В.А. Бобринский. Все они высказались за всеобщую подачу голосов. Шипов заверял, что крестьяне, будучи весьма решительны в земельном вопросе, окажутся строгими охранителями в остальном, твердой опорой государя и престола. Бобринский заплакал, раскаиваясь в прежнем своем предубеждении против всеобщих выборов. Принят был, однако, старый проект. Причем, однако, его окончательно испортили подсыпкой в соответственные разряды самих мелких владельцев. Демократизация эта была произведена, смешно сказать, по почину П.Н. Дурново и Д.Ф. Трепова.

После избирательного закона правительство принялось за переделку Учреждения Думы. Заседания, в делопроизводстве которых и мне приходилось принимать участие, имели место большей частью на дому у графа Сольского и сводились к внешней перекройке Учреждения в соответствии с изменившимся значением Государственной думы. Около того времени я подал графу Витте записку о преобразовании Государственного совета, необходимость которого стала очевидной. Учреждение Государственного совета было также пересмотрено под председательством Сольского. Проект закона о выборах в Государственный совет был составлен кем-то из членов Государственной канцелярии и изобиловал противоречиями и недомолвками…

Шли выборы. Правительство, следуя началу, провозглашенному Булыгиным, в них не вмешивалось. По назначении министром внутренних дел П.Н. Дурново попытка вмешательства была сделана. Растущая агитация радикальных партий, московский бунт и последовавшие беспорядки побудили Дурново поднять вопрос о вмешательстве. Переписка по этому вопросу с графом кончилась, однако, ничем. Граф высказался за вмешательство, но находил, и справедливо, что было поздно и ничего сделать нельзя. Тогда Дурново, к тому времени значительно окрепший, решил действовать на свой страх и послать доверенных лиц внушить губернаторам необходимость прибрать выборы к рукам.

Для этого избраны были А.А. Лопухин, в то время находившийся не у дел, князь Шаховской, погибший впоследствии при взрыве дачи П.А. Столыпина, Л.В. Половцев, впоследствии член третьей Думы. Лица эти снабжены были за подписью Дурново глухим письмом на имя губернаторов с предписанием в точности исполнить то, что будет им передано. Посланные должны были объехать

преимущественно поволжские губернии, по три на каждого. Помню, что Лопухин просил дать ему губернию Саратовскую, ссылаясь на то, что саратовский губернатор Столыпин – его приятель. Поездка не имела последствий, было уже поздно, да и никто не знал, как взяться за дело, по неизвестности, на кого опереться.

Столыпин же, который в то время, по-видимому, заигрывал с местными передовыми кружками и, во всяком случае, дружил с Н.Н. Львовым, по словам Лопухина, уклонился от принятия этого поручения. К концу выборов, когда неблагоприятный и, во всяком случае, неделовой состав первой Думы выяснился и всем стала очевидной нелепость мысли опереться на крестьянство, Дурново получил предложение от члена Государственной думы по Гродненской губернии Ерогина, подавшего мысль сплотить в Думе надежные силы из крестьянства, поставив во главе лицо, могущее оградить их от политических влияний. Предложение это имело свои основания, тем более, что со стороны левых партий было сделано многое, чтобы в С.-Петербурге принять мужиков в свои объятия и обработать по-своему.

Кадеты предполагали даже, как о том ходил упорный слух, одеть всех мужиков к открытию Думы во фраки, чтобы придать вид «граждан», но встретили неодолимые к тому препятствия. Кадеты многих, однако, из крестьян успели обработать по-своему, иногда даже хватая через край, что было, например, с Аладьиным, которого проводил и поддерживал Набоков. Аладьин, как потом выяснилось, подобно многим «политическим» деятелям того времени, начал свою карьеру с краж. Он воспитывался в симбирской гимназии, откуда был исключен за кражу золотых часов у Бутурлина (впоследствии сослуживца моего по Государственной канцелярии), за ним числилось и много других подвигов в этом же роде.

Дурново ухватился за мысль Ерогина, и губернаторам послана была тайком телеграмма прощупать избранных в Думу крестьян и тех, которые поосновательнее, направлять к Ерогину. Странное ли стечение обстоятельств, или умысел тут был, или неопытность, но распоряжение это получило огласку на месте по Саратовской губернии, где губернатор П.А. Столыпин стал приглашать избранных в Думу крестьян к себе через урядников. Для того, чтобы Ерогину было где встречаться и столковываться с крестьянами, устроены были для последних дешевые квартиры. Затея, однако, не удалась, так как Ерогин оказался человеком неподходящим, да вдобавок и весьма ограниченным. Мужики скоро от него отхлынули и попали в другие тенета…

Извлечения публикуются по изданию:
Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора //
Вопросы истории. 1997. № 2. С. 116–127, № 3. С. 121–123.

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ НАЗАРЕВСКИЙ

ПЕРЕД ВЫБОРАМИ

Мне вспоминается день первых выборов в Государственную думу в Москве. Не знаю, как у других, но у меня от этого дня остался какой-то смутный и горький осадок на сердце. Я видел, как люди суетились, старались показать, что этот день должен быть особенно торжественным, особенно радостным для всей России, и, тем не менее, я сознавал, что на самом деле это не так, что на самом деле люди только настраивают себя на этот лад, а в глубине души чувствуют что-то совершенно другое.

Прежде всего надо отметить, что коренная народная масса осталась глубоко равнодушной к выборам. Если в Москве на выборы явилось сравнительно с другими городами очень много народу, то в провинции, наоборот, в дни выборов большинство сидело дома, как будто совершенно не отдавая себе отчета, к чему назначены эти выборы и зачем нужна будет впоследствии сама Государственная дума. Теперь можно смело сказать, что крестьянство почти совсем не сыграло никакой роли в распущенной Государственной думе: от одних областей оно совершенно не было представлено, от других, если и были крестьяне в Думе, то они молчали и только прислушивались, что в Думе говорили другие. А ведь голос-то русского крестьянина был наиболее нужным, был наиболее ценным. Вековой молчальник так и не высказался, так и не услышали его ни Россия, ни царь... От имени крестьянства брались говорить очень многие, некоторые из них, вроде Аладьина, Жилкина, Аникина – даже крестьяне по происхождению, но только по происхождению, по паспорту и не больше. Все эти мнимые крестьяне давным-давно оторвались от матери сырой земли, давно позабыли, да, наверно, и не знали никогда, каковы настоящие, насущные нужды крестьянства, в чем легла его вековая печаль, его бесконечная тоска о лучшим будущем. Возьмем хоть Аладьина – что он из себя представляет? Учился в гимназии, был исключен, примкнул к революционерам, надолго уехал из России за границу – там окончательно на улицах Лондона потерял свой русской облик и свою русскую душу, вернулся в Россию и какими-то неисповедимыми путями попал в выборные от земли Русской в Думу. О чем же он мог говорить там, как не о требованиях той революционной партии, к какой он принадлежал и которая ничего общего с русским народом не имеет.

Постараюсь выяснить, что прежде всего произвело на меня крайне тяжелое впечатление в дни выборов. Один французский писатель, Жан-Жак Руссо, по-

борник самой неограниченной свободы личности, говорил, между прочим, про англичан, что, в сущности говоря, они свободны только тогда, когда они подают голоса за своих депутатов в парламент[1]. Во всяком случае, этот день должен быть днем полной свободы совести каждого гражданина – его дело нелицеприятно, по строгому обсуждению подать свой голос за того, кто, как ему кажется, лучше представит интересы народа перед царем. Никакого внешнего давления на совесть подающего голос быть не должно, иначе выборы будут недействительны.

Что же мы видели на выборах?

Длинная вереница молодых людей, барышень, разных господ перед входом… Они в буквальном смысле пропускают сквозь строй избирателей. Избирателю протягивают пачки бюллетеней с напечатанными именами, во многих местах у избирателей вырывали из рук их бюллетени и заменяли своими.

«Бюллетени народной свободы!», «Граждане, подавайте же голоса за выборщиков Партии народной свободы!», «Помните, что вы совершаете преступление, если вы не подадите голос за Партию народной свободы»!

Перед каждой избирательной комиссией стояла огромная толпа этих «агитаторов» Партии народной свободы. Другие партии были представлены значительно слабее. От одной избирательной комиссии к другой летали на лихачах лучшие ораторы Партии народной свободы и произносили то там, то здесь самые горячие речи. Иной раз между агитаторами «народной свободы» и агитаторами других партий или просто избирателями вспыхивали перебранки, завязывались сначала споры, потом эти споры переходили прямо в ругань, глаза наливались кровью, на лицах отражалась самая неподдельная злоба, сжимались кулаки. Говорят, кое-где даже были драки.

– И это-то и есть всенародное святое, дело?

– Это что! – утешали сведущие люди, – вон, в Америке, говорят, дело на выборах обыкновенно кончается револьверными выстрелами».

В некоторых избирательных участках чрезвычайно успешно агитировали в пользу Партии народной свободы красивые барышни, очень ловко подсовывавшие избирателям свои бюллетени.

– А вот в Париже, – передавали сведущие люди, – так прямо за большие деньги нанимают в качестве агитаторов самых красивых кокоток, и дело идет очень успешно.

Когда после долгого стояния на улице входишь наконец в дом, чтобы подать свой голос, то видишь прежде всего огромные плакаты, наклеенные на стене: эти плакаты повторяют то же самое, что говорят агитаторы данной партии. Больше всего плакатов, конечно, от Партии народной свободы. Написаны эти объявления огромными буквами, и почти каждое такое объявление начинается словами «Царь и народ». Дальше идет программа партии или, вернее, целый ряд обещаний: равенство всех граждан перед законом, всевозможные свободы, земля кре-

[1] Автор имеет в виду следующее место из трактата Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре…»: «Английский народ считает себя свободным: он жестоко ошибается. Он свободен только во время выборов членов Парламента: как только они избраны – он раб, он ничто. Судя по тому применению, которое он дает своей свободе в краткие мгновенья обладания ею, он вполне заслуживает того, чтобы он ее лишился» (Руссо Ж-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 222).

стьянам и так далее, и так далее.

Но, странно, вся эта обстановка напоминает отнюдь не всенародное святое, дело, а какое-то громадное торжище, какую-то ярмарку, где торговцы на разные лады выкрикивают свой товар, расхваливают его всячески, стараются заманить покупателя только к себе и отвлечь от соседей. Это базар, и, глядя на происходящее, слыша, как та же Партия народной свободы усиленно восхваляет себя и ожесточенно ругает других, невольно приходишь к заключению, что здесь кто-то кого-то хочет обмануть.

Помните в бессмертной повести Гоголя «Вий» эту бессмертную сцену киевского базара.

«Торговки с бубликами, булками, арбузными семечками и маковниками дергали наподхват за полы тех, у которых полы были из тонкого сукна или какой-нибудь бумажной материи.

– Паничи! паничи! – говорили они со всех сторон, – ось бублики, маковники, вертычки, буханци хороши! ей-богу, хороши! на меду! сама пекла!

Другая, подняв что-то длинное, скрученное из теста, кричала:

– Ось сусулька! паничи, купите сусульку!

– Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная – и нос нехороший, и руки нечистые…».

Разве не то же самое мы слышали и на выборах?

Указывают, что то же самое, даже в еще бóльших размерах, происходит и в Западной Европе, и в Америке. Но неужели же мы так рабски преклоняемся перед теми государствами, что даже должны перенимать у них все дурное? Известно, что там на выборах различными партиями тратятся миллионы на подкуп избирателей и на их угощение, чтобы выманить у них голоса в свою пользу. В некоторых местах, к сожалению, и у нас в России, давали деньги и угощали избирателей, но, слава Богу, не в таких громадных размерах, как это делается на Западе, хотя и там это строжайше запрещено законом. Так значит, чтобы нам в этом не отставать от Запада, нужно тоже собирать побольше денег и подкупать темных или продажных людей. Но ведь на Западе уже дошли до того, что лучшие люди с глубоким презрением стали относиться к самому народному представительству: так, один из талантливейших французских писателей – Ги де Мопассан – назвал его «навозной кучей всеобщей подачи голосов».

Думаю, что всякий согласится со мною, что подача голоса только тогда и действительна, когда вы подаете свой голос совершенно свободно, после зрелого обсуждения. На травлю ехать – собак кормить – смеется народная мудрость над теми, кто начинает спешно готовиться к какому-нибудь важному делу, когда уже пришла минута действовать решительно. Если я иду на выборы, я твердо знаю, за кого я подам свой голос, если же я еще колеблюсь, если я еще не решился, то какую же цену имеет мой голос? А уж если я иду на выборы совершенно не зная, за кого мне голосовать и только прислушиваюсь к тому, какая партия мне больше всяких свобод и благ пообещает, за ту я и голос подам, то моему голосу уже не грош цена, я сознательно приношу вред своей родине, потому что я не о ее благе забочусь, а о своем собственном, потому что меня, значит, каждый убедить может,

у кого глотка поздоровее, потому что, если я в этом важном деле самостоятельности проявить не могу, то и вообще куда же я годен?

Полагаю, это так ясно, что пояснения не требует, но тогда зачем же вся эта толпа агитаторов? Мне кажется, что на выборах она является прямо вредной, потому что она рассчитана на слабых людей или просто на таких, которые ничего не понимают в таком важном деле, для которого они пришли. Выборы должны быть свободны, но где же была эта свобода на прежних выборах? Толпа агитаторов, громадные афиши с самовосхвалениями, речи ораторов очень опытных и очень красноречивых – все это является насилием, и наглым насилием, над совестью простых людей, явившихся для дела общегосударственного. И что всего страшнее, что такое насилие исходило именно от той партии, которая, больше всего кричала о свободе и даже назвала себя «Партией народной свободы».

Эта Партия народной свободы одержала верх на прошлых выборах. Вполне естественно, она пустила все средства в ход. До выборов она называла себя «Конституционно-демократической партией» (к.-д., почему ее называли «кадетской» партией), перед самыми выборами она переменила свое название специально для простого народа, чтобы заманить его в свою лавочку: она назвалась «Партией народной свободы». Но это ничего. На многочисленных митингах перед Рождеством минувшего года ораторы этой партии требовали с пеной у рта, чтобы царь не имел никакой власти, чтобы власть из его рук перешла к народным представителям и чтобы царь был связан по рукам и ногам; эти ораторы, между прочим, обращаясь к социал-демократам, говорили: «Вы стоите за республику (то есть за полное уничтожение монархии), мы ничего не имеем против республики, но лишь на известных условиях». Настали выборы – и кадеты круто переменили свой фронт: они стали кричать на всех перекрестках, что первая цель их партии – это единение царя с народом, и на их предвыборных плакатах первыми словами были жирно напечатанные слова «Царь и народ». Мы видели, что «кадеты» известным насилием над совестью избирателей привлекали голоса на свою сторону – они не погнушались и сознательным обманом, чтобы обеспечить своей партии победу. Они припрятали свою настоящую программу и выставили другую, полную разных громких слов и самых широких обещаний для той же цели – для победы на выборах.

Если принять в расчет, что русский народ впервые за все свое существование шел на такие выборы, совершенно не зная выработанных в Западной Европе предвыборных штук и фокусов, а «кадеты» и приготовились, и знали все эти штуки прекрасно, то можно ли считать те выборы действительными?

Чем же кончились выборы?

Блестящей победой «кадетов», или Партии народной свободы. Первая Государственная дума почти вся состояла из кадетов.

К чему привела победа «кадетов»?

К роспуску Думы, которая за два с половиной месяца не сделала решительно ничего, чтобы облегчить тяжелое положение России.

От чего же это зависело?

Это зависело от того, что собирались делать «кадеты» в Государственной

думе. Русский народ в своем большинстве надеялся и верил в Государственную думу. Он думал, что когда соберутся облеченные народным доверием люди в стенах Таврического дворца, то наконец смута кончится как по мановению волшебного жезла, народные нужды доведутся наконец во всей своей наготе до сведения государя и царь совместно со своим народом в лице его представителей разрешит все вопросы и положит конец всем неустройствам, всем несправедливостям, всем печалям своего народа. Как это все произойдет, вряд ли кто себе представлял вполне ясно, но что это должно будет так произойти – в это верило большинство русских людей.

Поэтому задача облеченных доверием народным людей была ясна: нужно было, во-первых, принести в Таврический дворец всю глубокую истину народного горя, а во-вторых, суметь вместе с царем найти разрешение многих и трудных вопросов этого народного горя.

Время не терпело, не ждало. Казалось, сама земля горела под ногами у будущих членов Государственной думы. Ко времени ее созыва стояли позади два года войны, но какой войны, и полгода смуты, но какой смуты! Наша родина жила тогда, да и живет теперь словно в безумном бреду какой-то ужасной, изнурительной болезни. Прежде всего война с Японией... Два года мы жили в трепетном ожидании, что, может быть, Бог смилуется над нами и дарует нам победу. Но этому не суждено было исполниться. В начале войны мы смотрели на японцев как на ничтожного врага, но наши войска, которые мы привыкли считать непобедимыми, отступали перед их напором шаг за шагом... После неслыханных по своему ожесточению морских битв наш флот погиб и уснул навеки на дне Тихого океана. После долгой геройской защиты взят Порт-Артур. До нас доходили слухи, что где-то свила свое гнездо гнусная измена... Сердце исходило кровью от боли невознаградимых утрат и тяжести надвигающегося позора. И пришел этот позор... именно в то время, когда наши войска были собраны в достаточном количестве, когда они приготовились дать достойный отпор коварному и дерзкому врагу – тогда война оборвалась печальным, позорным Портсмутским договором, который еще вдобавок старались выдать за чрезвычайно выгодный для интересов России.

Кто виноват в этом? Когда дело проиграно, то все кажутся виноватыми, кроме нас самих. Победителей не судят, говорит пословица, но побежденных, даже если они и не так виноваты, судят беспощадно строго.

Извлечение публикуется по изданию:
Назаревский Б.В. Перед выборами.
М., 1906. С. 1–13.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ НАУМОВ

ИЗ УЦЕЛЕВШИХ ВОСПОМИНАНИЙ

В мой приезд в столицу [в марте 1906 г.] пришлось мне по некоторым делам видеться с двумя товарищами министра внутренних дел – С.Е. Крыжановским и В.И. Гурко. С первым я имел в виду обсудить некоторые вопросы по выборному производству. Дело в том, что губернские предводители согласно новым правилам продолжали оставаться председателями губернских избирательных собраний. У меня возник целый ряд вопросов, связанных с исполнением предстоявшей мне ответственной деятельности.

Сергей Ефимович Крыжановский был видным, средних лет, энергичным мужчиной, установившим за собой в высших бюрократических сферах прочную репутацию исключительного по своим способностям работника. Он умел быстро схватывать и талантливо излагать на бумаге порученные ему свыше задания. Им одинаково скоропалительно были набросаны – сначала «булыгинская», а за ней и «виттевская» конституции. Видимо подобная работа вполне соответствовала его природной беспринципности, перебросившей его из ярых революционеров в молодости на самые верхи чиновной службы самодержавному государю. Разговор у Крыжановского был нервный, краткий и сухо-деловой. Получив от него необходимые разъяснения и указания по части выборного производства, я собирался уже от него уходить, но был на некоторое время им задержан памятным для меня разговором.

Сергей Ефимович поинтересовался узнать, какие меры приняты были у нас в губернии для проведения в выборщики желательного элемента. Я сообщил ему все, что нами было предпринято, и как на главное средство указал на издававшуюся нами газету «Голос Самары». Тогда Крыжановский предложил мне принять некоторую сумму имевшихся в распоряжении министра внутренних дел денег – тысяч 25 и больше – для поддержания нашей прессы, а также на «непредвиденные расходы при производстве выборов». Я наотрез от этого отказался. Сергей Ефимович покачал головой и самым циничным образом посоветовал мне следовать установившимся в заграничном конституционном быту обычаям – путем подкупа достигать желательных выборных результатов. На это я ему ответил: «Непривычно, да и не следовало бы нам, русским людям, брать пример с гнилого Запада…».

У другого товарища министра внутренних дел – В.И. Гурко я был по делам на-

шего земства в связи с продовольственными операциями. Говорил Гурко хорошо и быстро, слегка в нос и с заметным горловым оттенком.

Сын фельдмаршала, героя Турецкой кампании, Владимир Иосифович был человеком даровитым и умным, быстро прошедшим иерархическую лестницу, вплоть до назначения в сравнительно молодые еще годы товарищем министра внутренних дел. На этом посту его постигла вскоре после моего с ним знакомства памятная «лидвалевская» история, превратившаяся, в силу особо возбужденного состояния умов того времени, а также шума, поднятого левой прессой, в грандиозный скандал. Столыпину волей-неволей пришлось пожертвовать своим сотрудником и отдать его под суд…

Казалось бы, что после этого для Гурко должна была бы раз навсегда закрыться дальнейшая служебно-политическая карьера, но, настойчивый и энергичный, он не сдался и стал вновь завоевывать себе доброе и видное имя по другому пути служебного стажа. Сначала он появлялся от тверских сословных и земских собраний на съездах объединенного дворянства, потом от своего же тверского земства он попал в члены Государственного совета. Пылкий, увлекающийся и несомненно сведущий по вопросам, связанным с земско-городским хозяйством, крестьянским укладом и земельным в стране положением, Гурко был находчивым оратором, про него можно было сказать, что он «за словом в карман не полезет». Гурко отличался при своих выступлениях редким самообладанием, граничившим даже со своего рода мужеством. Он это показал в своих боевых речах в первой Думе по поводу аграрного законодательства.

В разговоре со мною при первом нашем с ним знакомстве Владимир Иосифович проявил явный интерес к тому, что происходило у нас на местах в смысле подготовки к выборам в Государственную думу. Выслушав с огромным вниманием мой доклад о принятых нами мерах и общих настроениях, Гурко, нервно перебирая пальцами по столу, отрывисто сказал: «Возьмите у нас побольше денег – без них при этих выборах, пожалуй, не обойтись… Умоляем вас – дайте в Думу хороших людей!».

Вот что мне, как будущему председателю самарского избирательного собрания, пришлось услышать из уст обоих наиболее видных руководителей министерства внутренних дел по поводу техники предстоявших думских выборов.

Помню, как тяжело переживалось мною циничное отношение столичных верхов при разговорах по поводу появления на Божий свет давно желанного всей либеральной западнофильствовавшей Россией ее «конституционного» детища…

В условиях петербургской жизни, теряясь в шумной столичной толпе или находясь в уютной обстановке дружеских бесед с моими милыми коллегами, я душой отдыхал от тяжкого самарского гнета, от непрестанной газетной и уличной травли и неослабного подпольного террора. Тем не менее, местное дело, которому я целиком себя отдал, неудержимо влекло меня вновь в мою родную Самару, куда спешил вернуться с окрепшими нервами и кучей столичных впечатлений и интересных для моих провинциальных друзей новостей.

Впереди предстоял ряд собраний не только местного, но и общегосударственного значения. Подходили выборы в Государственную думу. В то же вре-

мя я должен был созвать два экстренных собрания: дворянское – для избрания двух лиц на всероссийский съезд для выборов от дворянской курии 18 членов Государственного совета. Другое собрание – земское, для выбора одного члена в Государственный совет. Все это предстояло мне как председателю провести в течение марта месяца.

В уездах начались повсеместно предусмотренные особыми правилами предвыборные собрания, на состав и деятельность которых было обращено нашим партийным советом особое внимание. В «Голосе Самары» помещались соответствовавшие моменту воззвания к населению с призывом идти всем на выборы под флагом Партии [правового] порядка, на началах Манифеста 17 октября. Рассылались из нашего губернского центра руководящие инструкции в уездные партийные отделы. Одним словом, в пределах возможного и допустимого с точки зрения нашей совести было сделано все.

В результате наших усилий мы достигли партийного объединения почти всего землевладельческого класса в губернии. Загадкой для нас оставался состав крестьянских выборщиков. Слухи доходили разные: из одних мест нам сообщали сведения утешительные, из других, напротив, – предупреждали о самом отчаянном составе выборщиков с преобладанием лиц, «геройски» отличившихся в последних погромах помещичьих усадеб.

Наступил, наконец, лихорадочно ожидавшийся момент, когда все 181 выборщик явились в губернский город за два дня до открытия мною губернского избирательного собрания. К тому времени я по соображениям чисто технического свойства официально сложил с себя обязанности председателя Партии [правового] порядка и ее совета, считая сохранение этих обязанностей несовместимым с предстоявшей мне на губернском избирательном собрании ролью ее ответственного руководителя. Впоследствии, при выборном производстве в остальные три Думы, я считал долгом снимать свою кандидатуру даже в выборщики, чтоб занимать опять-таки совершенно независимую позицию председателя упомянутого избирательного собрания.

Съезжавшихся со всех уездных концов губернии крестьянских выборщиков не столько встречали, сколько попросту перехватывали ловкие агенты враждовавшей с нами «кадетской» партии, у которой в этом отношении организация оказалась более налаженной и действовала, как говорится, без всякого «зазрения совести», в духе отмеченных мною выше «министерских» советов.

Благодаря заботливости упомянутой партии для приезжих крестьян-выборщиков были заранее взяты постоялые дворы, где им был обеспечен надлежащий комфорт и некоторый запас освежительных напитков. Там же шла раздача напечатанных в редакции «Волжского слова» назидательных предвыборных листовок, всецело направленных против воззваний и программы Партии [правового] порядка – по кадетской терминологии именовавшейся «партией дворян и купцов». Вся левая местная печать была направлена к тому, чтобы разжечь классовую вражду и восстановить «крестьянскую трудовую массу» против «помещичьего засилья». Со стороны той же «кадетской» партии были пущены в ход все средства, чтобы забрать в свои руки крестьянских выборщиков. Ее лидеры от-

лично понимали, что если произойдет серьезный раскол в крестьянской группе, численность коей достигала 101 человека, то победа перейдет к нашей партии, успевшей образовать сплоченный землевладельческий блок в 75 выборщиков.

С нашей стороны для заманивания крестьянских представителей никаких мер не предпринималось. Были только разосланы наши воззвания и номера «Голоса Самары», и то в ограниченном количестве, так как адреса большинства съезжавшихся крестьян нам были неизвестны; на путь же ловли, кормежки, спаивания и подкупа мы не считали возможным становиться.

За день до открытия губернского избирательного собрания мы решили назначить предусмотренное законом общее предвыборное собрание всех съехавшихся выборщиков, о чем было оповещено во всех газетах и в особых уличных объявлениях. Инициативу этого созыва взял я на себя, как ставропольский выборщик, пригласив всех остальных пожаловать в здание Дворянского собрания.

Пришлось мне, между прочим, всесторонне обсудить вопрос о месте для означенного собрания. В конце концов я остановился на Дворянском доме как на наиболее безопасном месте.

Я продолжал получать множество угрожающих предостережений террористического содержания. Силою вещей с ними приходилось считаться. Устраивая предвыборное собрание у себя в Дворянском доме, я мог принять меры предупредительного характера, за другие же городские помещения ручаться было невозможно.

В назначенный час и день зала Дворянского собрания сплошь заполнилась всевозможными людьми, добрая половина которых имела (да простит меня великий создатель октябрьской конституции!) не столько мужицкий, сколько определенно разбойничий вид. Противно было видеть, как между ними шныряли и явно перед ними заискивали записные «народные либералы» из разряда разорившихся или вовремя успевших через Крестьянской банк распродать свои земли. Эти типы всем собравшимся в зале земельным общинникам, давно и исторически отравленным мечтой о желанном «черном переделе», беззастенчиво и нагло расточали сладкоречивые обещания – поднять, если они попадут в Государственную думу, вопрос о справедливой разверстке помещичьих, казенных и удельных земель среди крестьянского населения. Наиболее заметен был в этой роли дворянин, землевладелец Д.Д. Протопопов.

Собравшиеся, тесно разместившись в нашем небольшом зале, удостоили меня избранием в председатели. Это могло быть сочтено за благоприятный признак. Открыв заседание, я выступил с приветственной речью, указал на важность предстоявших выборов и призывал всех к деловому дружному объединению. Слова мои вызвали общее одобрение. Настроение стало создаваться мирное, если можно так выразиться – благоразумное, что совершенно не входило в расчет кадетских лидеров. После меня выступил с обстоятельной, спокойно сказанной речью Т.А. Шишков, выяснивший собравшимся основы предлагаемого Партией [правового] порядка объединения. Его ясное изложение немало импонировало крестьянам, которые внимательно прислушивались и стали все смелее выкрикивать: «Правильно!».

Кадеты не на шутку заволновались, стали между собой перешептываться и начали произносить речи. Первым заговорил матерый земец, всюду и всегда злобно протестующий, – В.А. Племянников. За ним выступил Протопопов, позволивший себе, очевидно в чисто провокационных целях, ряд лживых выкриков по адресу Партии [правового] порядка. Он с апломбом заявил, что их Конституционно-демократическая партия является единственной, которая открыто и честно готова в Государственной думе отстаивать интересы крестьянского населения, «обездоленного помещичьим засильем». Все это было высказано в приподнятом, вызывающем тоне. Протопопов стал делать резкие выпады против правительства, «проливающего невинную кровь восставших за свободу граждан, объявляющего целые округа на военном положении, для того, чтобы без суда расстреливать мирное население…». Тут я его остановил, указав на неуместность извращения фактов и выставления в односторонне-претенциозном виде того самого правительства, которое ныне все делает для привлечения к законодательной работе народных представителей.

Начали выступать ораторы обеих партий. Речи стали принимать острый и страстный политический характер. Особенно запечатлелось в моей памяти выступление одного выборщика от Николаевского уезда г[осподина] Родзевича, служившего в удельном ведомстве, с которым на этом собрании я впервые познакомился. Родзевич был, несомненно, «Божьей милостью» одаренный оратор, с прекрасной дикцией, удивительно ясно и логично умевший излагать свои мысли. Он говорил без пафоса, просто, красиво, но каждое слово как бы вколачивал в головы зачарованных им слушателей.

Выступая на нашем предвыборном собрании, он сразу объявил, что является убежденным сторонником Партии [правового] порядка и противником конституционно-демократов, в особенности после только что выслушанного им «самовосхваления» одного из их лидеров – г[осподина] Протопопова, речь которого Родзевич раскритиковал со всей силой своего выдающегося ораторского таланта. То был немилосердный по логичности разбор протопоповских митинговых выкриков, от которых живого места не осталось.

Впечатленье получилось в зале огромное. Кадеты вновь заволновались… Надо было им действовать более решительно, иначе крестьянство уйдет из их рук. Нежданно-негаданно тот же Родзевич им помог; он встал на защиту поносимого Протопоповым правительства. Родзевич заявил, что, по его мнению, власть обязана оберегать мирное население от преступных и вредных элементов вроде «убийцы Машки Спиридоновой» и ей подобных.

При этих словах поднялась такая буря, стали раздаваться такие неистовые вопли со стороны кадетских сторонников, что мой председательской звонок оказался бессилен. Сигнал был дан, чтобы сорвать неблагоприятно складывавшееся для них собрание. Кадетские лидеры вскакивали со своих мест, кричали на всю залу: «Нам здесь не место! Позорно слушать подобные речи! Крестьяне, идите за нами – вашими действительными защитниками…» и прочее. В зале начался такой беспорядок, что я вынужден был закрыть заседание, объявив продолжение его на следующий день, в канун открытия губернского избирательного собрания.

Карта наша оказалась бита... Не мытьем, так катаньем кадеты добились своего, скомкав удачно начатое нами предвыборное объединение.

За последние сутки кадетская агентура приняла самые беззастенчивые меры, чтобы отвлечь крестьянство от объявленного мною продолжения предвыборного собрания.

Накануне выборов кто-то из кадетских лидеров устроил предвыборное собрание в одном из второразрядных трактирных заведений, куда – кого калачом, а кого и силком – кадетские «молодцы» заманивали растерянных мужичков-выборщиков. Были невдалеке от Дома дворянства расставлены специальные люди, распространявшие слух, что я запретил пускать в него в этот день крестьянских представителей, которым предлагали идти на кадетское собрание в упомянутый трактир, где все было заготовлено для «приличного» угощения.

Одним словом, за эти сутки кадеты по-своему сумели так обработать крестьянскую сотню выборщиков, что в день выборов все они, за исключением небольшой группы, отдали свои шары за кадетской список и наш землевладельческой блок, численностью в 75 человек, несмотря на присоединение к нему десятка еще других лиц, оказался в меньшинстве. В среднем кадетско-крестьянский список прошел против нашего большинством лишь десяти шаров. В него вошли три интеллигента и десять человек, принадлежавших к крестьянскому сословию[1]. В число первых попали Протопопов и доктор Крылов, оба впоследствии участвовавшие в подписании Выборгского воззвания.

Разумеется, победители торжествовали и во все колокола звонили по поводу поражения нашей партии. В ответ была помещена в «Голосе Самары» превосходная статья под заголовком «Победителей не судят», на которую не смогло реагировать даже кадетско-подпольное «Волжское слово»...

Извлечение публикуется по изданию:
Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний, 1867–1917.
Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 79–85.

[1] На Самарскую губернию, согласно узаконенному расписанию, полагалось избрание тринадцати членов Государственной думы *(прим. А. Наумова).*

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ОГЛОБЛИН

ПЕРВЫЕ ВЫБОРЫ В ДУМУ
(Из деревенских настроений)

Как сдали крестьяне нашего уезда[1] свой первый экзамен на аттестат политической зрелости? Вопрос очень любопытный и сам по себе, и тем более ввиду особого характера нашей местности. Раз мы знаем, что здешнему крестьянину не только «жить можно» в теперешних его условиях, но и действительно ему живется хорошо и много лучше крестьян других губерний (даже не голодающих), то с нашего мужика больше надо и спрашивать на его первом политическом экзамене.

Интерес к поставленному вопросу должен удвоиться, когда мы вспомним, что наш уезд принадлежит к числу самых коренных уголков исстаринной Русской земли. Финские имена сохранились здесь только в названиях более крупных рек и речек, а почти все селения (за крайне редкими исключениями) носят русские названия и между ними немало очень древних, от которых веет эпохою Русской правды, если не более ранним периодом язычества русских славян. Если где всего больше, то именно над здешним населением пронеслось целое тысячелетие нашей государственной жизни. И неужели же наш мужик представляет такой редкостный фрукт, который не может «созреть» даже в 1000 лет?!

На этот страшный вопрос уже ответили по своему вкусу наши политические Маниловы, пришедшие в умиление и восторг от «сознательного» якобы отношения к выборам не только московской чуйки, но и самого сермяжного мужика, того самого мужика, который на этих же выборах решительно отвернулся от своей «соли земли» и вместо нее посылал в Думу сотни мужиков «неизвестного направления», в том числе несколько безграмотных, малограмотных и т.д. Конечно, мужик берет пример с русской же интеллигенции, которая также в выборах в большинстве отвернулась от своих лучших людей, предпочитая им рядовую посредственность и заурядность…

Оставим, однако, Маниловых с их розовым настроением и смело посмотрим правде в глаза, хотя бы на маленьком примере нашего уезда: как здесь, где «освободительное» движение превратилось в «гамазейное», сквозь которое чуть-чуть прорезываются слабые проблески… «правды», как здесь сдал мужик свой первый экзамен на политическую зрелость?

В нашем уезде, как и везде почти, самый развал смуты относится к октябрю

---

[1] Юрьевский уезд Владимирской губернии.

и ноябрю [1905 г.], а в декабре она стала постепенно замирать. Разные активные проявления смуты исчезли и заменились одною мужицкою словесностью, всегда грубою, а теперь еще более погрубевшей. Словно мужик проснулся с большого похмелья – сердитый, угрюмый, с угарным чадом в голове и трезвоном в ушах. Опохмелиться ему не дали, и он зол на весь свет и срывает свою злость на ком и на чем попало…

Конечно, на первом плане стоит «барин» – источник всех мужицких бед от начала мироздания и до скончания веков… И теперь «барин» оказался виноватым, что мужику не дали ни напиться как следует свободою, ни опохмелиться после того по-настоящему. И мужик стал за то донимать бар словесностью… И всегда-то он охотно придерживается такой аксиомы:

– Нет вреды, коли и припугнуть барина: мягче станет…

А тут мужик стал «пужать» барина вовсю, сколько языка хватало:

– Этто што было! Пустяковина! Вот погоди! Не то еще будет, коли мужик разомнется как след… Ужо покажем! Дай срок! Дождемся своего! Сами будем баре… Капут барину пришел!

Едет злосчастный барин на ямской подводе. Навстречу четыре бабы, не имеющие никакого отношения к тому барину, не затронувшему их ни единым словом. Но только что он их миновал, как бабы с неописуемою злостью извергают вслед ему:

– А, штоб вас, богатых! Носит вас тут… бить вас всех до смерти! …

Как, однако, ни хулиганствовали мужики напоследок, а несомненно было, что угар их проходит, и, действительно, к Новому году везде у нас наступило давно желанное затишье.

Отчего утихомирился наш мужик? Психология его так сложна, что прямо ответить на этот вопрос немыслимо еще теперь под свежим впечатлением только что пережитой смуты. Возможно лишь указать на некоторые факторы, повидимому повлиявшие на перемену настроения наших мужиков.

Так, несомненно, что мужиков страшно перепугали забастовки – фабричные, почтовые и железнодорожные. Первые угрожали им лишением крупных заработков. Почтовые разобщили их с массою крестьян, уходящих в отхожие промыслы, а это также отзывалось крупными денежными потерями, например, одна наша волость получает денежных посылок на пять тысяч рублей в год. А железнодорожные забастовки вместе с двумя первыми довершали общую сумятицу, прежде всего наносившую «большую вреду» именно материальным интересам мужика, дороже которых у него ничего нет…

Цены на хлеб стали быстро расти и его можно было выгодно продать, но железная дорога забастовала, и цены начали падать. Овес пал до 40 копеек, да и за эту цену никто не брал: даже из Москвы писали, чтобы больше ничего не присылали – «нет денег»… А кто из местных скупщиков посылал хлеб туда, у тех вагоны или где-то затерялись или застряли на остановившихся дорогах. Пришлось мужикам везти хлеб обратно с базаров. Не было конца их проклятиям по адресам и забастовщиков, и самой «свободы», и революции…

Сильно напугал мужиков и московский декабрьский мятеж и сам по себе –

своею неопрятностью, загадочностью и страшным варварством обеих сторон, а особенно опасением за целость живущих и работающих там здешних крестьян. Большинство их стало удирать из Москвы всякими способами (за остановкою железных дорог) – пешком и на лошадях… Эти московские беглецы разнесли по селам и правду о мятеже, и массу преувеличений, басен и легенд… Мужики рассказывали, что в Москве бой идет, «как в Мукдене», и имеются «80 тысяч убитых», «вся Тверская улица разрушена», «пальба слышна в Троице» и т.п.

Большие толки вызывали речи какого-то приезжего «оратора» на последнем митинге, состоявшемся на одном заводе уже после усмирения московского «неудовольствия» (как величали мятеж некоторые дипломаты-мужики). Оратор сознался в неудаче восстания, но обнадеживал, что «скоро» опять оно поднимется, что революционеры «получат оружие из Англии» и прочее…

К Новому году наш мужик совсем стал приходить в себя. Мужики засуетились, забегали, торопясь заметать следы разных своих «свободных» деяний… Прежде всего они заторопились уничтожать разные сомнительные общественные приговоры вроде «присяги республике», «отделения церкви от самодержавия», «забастовки земского начальника» и т.п. На всех приговорах были подписи мирян, и об уничтожении их всего более хлопотали мужики. Некоторые приговоры успели уже попасть в волость, и, чтобы выручить их оттуда для уничтожения, мужикам пришлось сильно раскошелиться… Выходило для них одно огорчение от всех этих проявлений недавней «свободы»… Будь она неладна, коли всего больнее бьет она по мужицким «животам»…

Мужики стали усиленно каяться и «пошли в Каноссу»… Когда они собирались «забастовать» одного земского начальника, то для каких-то прелиминарных переговоров с ним послали депутацию, которая ворвалась к нему в самый кабинет и вела с ним разговоры в таком вызывающем тоне, что земский даже «заплакал», как рассказывали депутаты…

А теперь… те же самые мужички-депутаты, посыпав главы пеплом, вооружились «Божиим милосердием» – захватили иконы и устроили экстренный крестный ход к тому же земскому, уже вышедшему в отставку. Теперь слеза была пролита, кажется, уже с обеих сторон и примирение состоялось…

С таким настроением мужики вступили в Новый год, когда предстояло им сдавать свой первый политический экзамен. Нельзя, однако, утверждать, чтобы это настроение было всеобщим среди крестьян. Как всегда и везде, так теперь и у нас не умолкла вековечная борьба «отцов с детьми». Если «отцы» начинали решительно, по-видимому, становиться на сторону порядка и мирного решения вопросов, то «дети» продолжали настаивать на возможности добиться путем беспорядков насильственного разрешения своих желаний. Дети по-прежнему внушали отцам: «Все берите даром, ничего не платите, никого не слушайтесь».

Разумеется, эти «мужицкие идеалы» очень дороги одинаково всем – и отцам не меньше детей, и первые были бы бесконечно рады, если бы вторые добились осуществления этой мужицкой «свободы», которую так недавно все они чуточку попробовали и одобрили… Но, ожегшись на этой «свободе» раз, отцы отказались от новых попыток достижения ее и, насколько могли, сдерживали детей, продол-

жавших бурлить и мечтать о своих «идеалах». Отцы превратились в оппортунистов, мечтающих о весьма немногом, достижимом в данную минуту. На вопрос, обращенный к «отцам»: «Что вам сейчас требуется?» – они выкладывали такие умеренные desiderata[1]: «Да вот землицы бы малость прирезать, да налоги бы немного поскостить, да чтобы церковные доходы шли на нашу церковь…».

И только! Один волостной старшина прибавил еще к этому «освобождение от начальства», под которым он разумел не радикальную «свободу» от всяких властей, а необходимость крестьянского самоуправления и освобождения его от излишней бюрократической опеки и всяких вредных тисков. Конечно, у мужиков были и другие пожелания, и не такие скромные, но они таили их теперь от «начальства» и «господ». И очень часто «борьба отцов с детьми» носила, в сущности, характер явной комедии, искусно разыгрываемой мужиками для отвода глаз…

Оттого-то в описываемое время (январь–март [1906 г.]) перед выборами получались такие противоречивые сведения о настроении крестьян. Даже такой «сердцевед», как урядник, говорил в январе:

– Слава Богу! Настроение мужиков совсем переменилось, и ничего прежнего не осталось… А все-таки они чего-то ждут в марте…

Наши земцы – действительные знатоки деревни как-то очень загадочно прорицали:

– Если весна пройдет спокойно, то и дальше ничего не будет…

Почтенный директор завода, около 20 лет живущий в нашем уезде и отлично знающий заводского мужика, говорил насчет весны как-то нерешительно и, повидимому, ждал осложнений, если административная реакция и всякие репрессии усилятся. Удельный чиновник, имеющий частые сношения с крестьянами, не допускал возможности взрыва весною аграрных волнений, для которых у нас нет почвы ввиду состоятельности мужиков и отсутствия «земельного голода». Но он же больше верил заявлениям крестьян, что «ничего-де не будет», не допуская в своей наивности, чтобы мужики были «так фальшивы»… Он не подозревал, какие это великие дипломаты!

Однако сами крестьяне иногда откровенничали и, если одни выражались неопределенно, что «весною что-то будет», то другие прямо говорили:

– Весною пойдет всемирная забастовка… и тогда мы станем пахать, где хотим…

Наше столбовое дворянство (не уездное, а губернское) тоже отличилось немало… Оно послало в феврале куда следует горькую слезницу, в которой расписало, будто наша губерния находится совсем накануне «пугачевщины» и что ей грозит опасность превратиться «в пустыню», ежели не остановят мужика сейчас же, до собрания Государственной думы… Авторы слезницы вспомнили даже «Краткого Иловайского» – выудили у него знаменитое изречение Петра Великого на реке Пруте и применили его к своему положению, т.е. кощунственно приравняли местное дворянство к… Петру Великому! Они говорят: «А о N-ском дворянстве ведай», что оно бережет свои животы совсем не для себя, а для «отечества», и потому-де не хочет отдавать их мужику, разве «по справедливой оценке»…

[1] Пожелания *(лат.)*.

Не одной этой жалкой слезницей, но и разными деяниями эти господа доказывают, что они ровно ничего не способны придумать для обуздания мужика, кроме «спасительного страха»... И вот, пока одна сторона пыталась разогнать «страхом» призраки пугачевщины, будущие пугачевцы все более и более сами «пужались» и приходили в полное недоумение и от того, что творилось вокруг да около, и от всяких, шедших изредка слухов, толков и известий... Припоминаются, между прочим, такие «политические» рассуждения одного старика-мужика:

– А ведь царя-то у нас нет!

– Как так?

– Да где же он?! И газеты пишут, и все говорят о каком-то графе... только и знать, что граф, да граф: и то он сказал, и то он сделал... все он!..

– Граф Витте?

– А шут его знает, как он прозывается!.. Граф, да граф – только мы и знаем...

Так подошло у нас время первых выборов, смутивших мужика окончательно...

Наша губерния вправе гордиться, что она первая по всей России открыла выборную кампанию, и именно тогда, когда даже самому «графу» и его коллегам еще не снился срок открытия выборов... Не дожидаясь никаких указов и циркуляров на этот счет, наш мужик самостоятельно приступил к выборам, когда признал, что время для того уже назрело...

Случилось это не в нашем уезде, а в другом, и случилось в волости, носящей почему-то (вероятно, по фантазии кого-нибудь из местных столбовых дворян, любивших давать своим резиденциям поэтические имена) райское название – Эдемской. И вот в одной из деревень этой Эдемской палестины уже в январе райские мужички заторопились выбрать «депутата от деревни», спешно снарядили его в Государственную думу, в Питер, но догадались предварительно послать в свой уездный город, чтобы добыть там «языка» насчет далекой путины... Депутат пожалел мирских денег и пешком отмахал тридцать верст до своего города, где и заявился пораженным властям в качестве уже готового депутата. К удивлению, власти его не арестовали... Хотя деяние эдемских мужиков было явно «революционное», но так как оно нигде еще не было занесено в рубрику «преступлений», то депутата отпустили домой, не без надлежащего внушения, чтобы впредь эдемцы не смели предупреждать желаний начальства...

Но и позже, когда уже появились насчет выборов надлежащие указы, циркуляры и т.д., и тогда мужики долго воображали, что депутаты потребуются от каждой деревни обязательно... Помилуйте! Как можно поручать интересы своей деревни мужику чужой деревни, который будет «гнуть свою линию» и защищать только «свои» интересы?!.. И велико же было их разочарование, когда они стали разжевывать всю сложную механику трехстепенных выборов для крестьян... Это было первое разочарование мужиков насчет Государственной думы, решительно не оправдавшей их надежд... Они обиженно говорили: «Зачем хотят просевать наших выборных сквозь не одно решето?!».

Даже более развитые из крестьян плохо усваивали выборную технику, даже крестьянские выборные власти были очень слабы тут. Почти накануне выборов

пришлось говорить с одним волостным старшиною, очень неглупым мужиком, и тот чрезвычайно путался, толкуя о предстоящих волостных выборах, которыми он должен был руководить... Наш уезд должен был избрать шесть губернских «выборщиков», а старшине казалось, что все они будут от одних крестьян и т.д. Этот же старшина очень наивно предъявлял к Государственной думе такое требование, чтобы она «издала закон против беспорядков»... Представитель власти не знает, что таких законов у нас видимо-невидимо...

Что несколько помирило мужиков с Думою, так единственно – десятирублевое вознаграждение депутатам... Мужики ахнули, когда узнали, что на такую благодать каждый из них имеет право... Правда, счастливцев будет немного, но тем лестнее попасть в число их. Эти мечты о «красненькой» сделали предвыборную кампанию чрезвычайно отживленною, а «борьбу» кандидатов необычайно злостною... Все остальные надежды на Думу отошли на задний план и над всеми доминировала одна мечта: дорваться до хорошего куша от казны за «пустое дело» – за разговоры, до которых мужик и задаром всегда охоч...

Любопытно было бы посмотреть, как отнеслись бы мужики к выборам, если бы не была объявлена эта злосчастная «красненькая»... Да и одни ли мужики польстились на нее?!.

26 февраля происходили выборы «уполномоченных» во всех 14 волостях нашего уезда. В выборах могли участвовать одни «десятидворные» (т.е. представители на волостных сходах от «десятков» дворов), которых у нас не переизбирали на этот случай (как было дозволено). В числе их состоят и все крестьянские выборные власти. Нельзя утверждать, чтобы десятидворные очень стремились к исполнению своего гражданского долга: вряд ли и половина их пошла на выборы... В двух ближайших к нам селениях полагается по два десятидворных, но из них пошли в волость только двое, причем один «десятский», обязанный ходить на все сходы. Самый отзывчивый из этих четырех не пошел, говоря:

– Пусть идут заводские: они умнее нас, мужиков...

И, действительно, заводские и фабричные шли охотнее рядовых мужиков и пробовали расшевелить последних по-своему...

Это особенно сказалось на выборах в Подгородной волости, самой обширной в уезде (6 тыс. мужских душ). Десятидворных здесь собралось только 180, но зато явилась и «публика» – около 1000 человек фабричной и вообще деревенской молодежи. Она настойчиво потребовала, чтобы и ее допустили к выборам, чтобы последние происходили на площади, рекомендовала своих кандидатов-радикалов и прочее.

Разумеется, «отцы» отвергли все требования «детей», и при содействии шести стражников десятидворные пробрались не без труда в волостное правление и приступили к выборам под председательством волостного старшины. Молодежь погалдела несколько и, понявши, что выборов ей не сорвать, скоро разошлась.

В начале заседания была, по-видимому, попытка дать нечто вроде «наказа» уполномоченным (что бывало в других губерниях): более «свободомыслящие» элементы подняли вопрос о земле и именно в смысле «отобрания помещичьей земли». Большинство, однако, замяло вопрос, заметивши, что в волости находится

всего одно помещичье владение, а все остальные частновладельческие земли – купленные. Кто-то высказал такую своеобразную мысль:

– Ежели отнимать купленные земли, тогда надо все отнимать у всех, начиная с царя…

Этот тонкий довод подействовал, по-видимому, на всех… Дебаты оборвались, и приступили к выборам. Голосами наметили четырех кандидатов и первых двух стали баллотировать шарами. Когда оказалось, что эти двое получили избирательное большинство (115 и 111 шаров), то от баллотировки остальных двух кандидатов отказались и с миром разошлись по домам, «промучившись» целый день, «не пивши, не емши…».

Избранные волостные «уполномоченные» оказались рядовыми крестьянами из состоятельных и «неодиноких» в семье, т.е. не особенно боящихся потратить время и деньги на исполнение гражданского долга. Кажется, это был единственный мотив, оправдывавший избрание этих лиц. Но, разумеется, таких состоятельных и «неодиноких» мужиков немало в волости и, если избраны именно эти два, то совершено случайно: горланы почему-то выкрикнули их имена, когда намечались голосами четыре кандидата, и двое из последних почему-то стали баллотироваться первыми… Почему не баллотировали остальных двух кандидатов, хотя они могли быть лучше первых? Да просто потому, что надоело целый день сидеть в душном волостном правлении и хотелось поскорее развязаться с этим «зряшным делом»… Конечно, «красненькая» решительно всех манила, но раз судьба указала уже на двух счастливцев, чего тут спорить с нею и тянуть такую скучную канитель?!

Десятидворные, часто собирающиеся на волостных сходках, отлично знают друг друга и легко могли бы остановить свой выбор на лучших людях волости. Но они этого не сделали и не могли сделать, так как каждому кандидату было «лестно» добиться для себя будущей «красненькой»… Много греха она везде наделала – погубила почти все выборы… и изобретателя ее следовало бы предать вселенской анафеме…

Итак, в указанной волости прошли в «уполномоченные» далеко не лучшие люди. Положим, крестьяне из недалеких были как будто довольны выборами, отзываясь об избранных, как о «хороших мужиках». Но развитые крестьяне прямо говорили, что один из счастливцев «ничего себе» (т.е. слава Богу, что не хуже…), а другой «совсем тупой человек».

В других волостях было то не лучше, то много хуже… В одной волости случайно прошли «хорошие мужики» – оба церковные старосты, хотя, впрочем, у нас не полагается им быть сугубо благочестивыми людьми, даже напротив: кулаки очень добиваются этого звания, очевидно, для того, чтобы лучше замаливать свои грехи… В другой волости прошел один «хороший мужик», а другой – «подлец», бывший волостной судья, уличенный во взяточничестве… В нескольких волостях одного земского участка «все выборы прошли плохо» и именно в том смысле, что выборные оказались плохого качества.

Ни радикальной и никакой другой публики не собиралось в остальных волостях, и нигде более не было попыток поднимать принципиальные вопросы в смыс-

ле «наказов» уполномоченным. Можно еще, пожалуй, отметить тенденцию, ясно выраженную – не пропускать в выборные своих волостных и сельских властей. Не допускалась кандидатура даже бывших отставных старшин и т.п. Исключение было сделано только для церковных старост, да в одной волости случайно проскочил сельский староста.

О единственных представителях действительной деревенской интеллигенции – учителях, среди которых есть немало крестьян, мужики не вспомнили, конечно… Позором для нашей губернии служит тот факт, что на всю губернию попал в уполномоченные и в выборщики всего один народный учитель…

Недели через две 28 волостных уполномоченных нашего уезда собрались в городе для избрания двух губернских «выборщиков». Заседание было жалости подобное… У всех ясно сквозила одна тенденция – всякими правдами-неправдами пробраться в выборщики, чтобы приблизиться хотя на один шаг к соблазнительной «красненькой»… Целый день «излюбленные люди» галдели, ругались, пикировались друг с другом, все расплевались между собою… Едва-едва удалось несчастным провести ничтожным большинством одного выборщика. Затем закрыли заседание и вышли на улицу, где долго галдели все о том же. Двое уполномоченных уехали домой, не подозревая, что одному из них негаданно улыбнется счастье…

Остальные 26 обратились к председателю земской управы и попросили возобновить заседание. Добродушный человек не мог отказать им в том. Теперь мужики стали баллотировать всех 26 человек – всех провалили!.. Тогда кто-то вспомнил о двух удравших выборных и предложил «метать жребий» между ними. Все волею-неволею согласились и, таким образом, народился второй «выборщик»… Не знаю, была ли законна эта жеребьевка, но, во всяком случае, уезд мог себя «поздравить» сдачею первого экзамена политической зрелости – два мужицких выборщика (сельский староста и крестьянин) были избраны…

Приходить в восторг от подобного «сознательного» отношения мужика к выборам могут одни Маниловы, хлопочущие больше всего о том, чтобы определить, какой икс скрывается под «неизвестным направлением» мужика… Они забывают, что у мужика есть только мужицкое направление, которое будет любо ему всегда, хотя бы поверх мужицкой сермяги он вырядился в красненький мундирчик «кадета» или в лохмотья «социала»…

Та же жалкая комедия мужицкого недомыслия и погони за «красненькой» повторилась и на губернском съезде выборщиков. Целый день они галдели без толку и не могли остановиться на «лучшем» человеке, ибо таковых между ними не было, а каждый считал самого себя наилучшим. Проделали массу баллотировок и ничего не добились. Озлобленные и осатанелые от всей этой сутолоки и бестолковщины, мужики, наконец, обратились к «персту Божию» и узрели, что он почиет на самом скромном и молчаливом выборщике, не проронившем за все время ни единого слова. Этого молчальника, оказавшегося бывшим волостным старшиною, собрание и провело кое-как в члены Государственной думы. Будет ли он и там только молчать да «такать» или вдруг разверзнет уста, поживем – услышим…

Но я забежал несколько вперед, не покончивши еще с участием мужиков в остальной выборной кампании нашего уезда. Тут тоже было немало характерного

из области «мужицкого направления»…

Все с нетерпением ожидали съезда «мелких землевладельцев», чтобы узнать, как отнесутся мужики к представителям единственных своих духовных интересов в жизни – к своему духовенству. Кроме религии, у мужика нет ровно никаких высших, нематериальных идей, и если первая ему действительно дорога, то неужели же он отвернется от носителей ее?! Пусть он постоянно воюет с попами из-за поборов и других материальных вопросов, но ведь не в одном же этом заключаются все его отношения к попам и церкви? Он несет к ним и душу свою, и немощи свои духовные, он жаждет их помощи во всех важных случаях жизни, он не прочь посоветоваться с ними во всяких житейских делах… И, наконец, не все же попы – обязательные корыстолюбцы и алчники: есть немало таких, пред духовным авторитетом которых и мужик сознательно склоняется…

Лица, не участвовавшие лично в выборах, но жаждавшие того, чтобы в выборщики попадали люди более культурные, конечно, стояли за духовенство предпочтительно пред мужиками. Сельские попы – лучшие знатоки деревни и мужика, притом лично не заинтересованные в его нуждах и могущие отнестись к ним объективно, а как люди, более или менее интеллигентные, – сознательные противники «мужицких идеалов». Нечего уже говорить о том, как много в последнее время обнаружилось среди духовенства истинно прогрессивных и свободомыслящих людей. Призраки же клерикализма никогда у нас не были серьезны и замечаются больше среди монашества, исключенного из выборов. Словом, у нас ожидали, если не полной, то очень значительной победы духовенства на выборах и наперед учитывали добрые результаты ее. В нашем уезде 125 приходов, а 125 попов-избирателей – это такая дружная, сплоченная и дисциплинированная партия, пред которой должно спасовать и вдвое большее, но разрозненное стадо остальных мелких землевладельцев, преимущественно крестьян-собственников (более 200).

И, действительно, первые известия о результатах этой избирательной курии были поразительны: в «уполномоченные» были избраны 27 попов, 1 чиновник (наш почтенный почтмейстер) и 6 крестьян… Ликовали и попы, и все те, кто попа предпочитает мужику… Дворяне же и вообще «крупные землевладельцы» пали духом, чувствуя, что на решительном съезде для избрания «выборщиков» всем будет крышка от попов… Зоилы подсмеивались ввиду подобных же побед духовенства в других местах, что будущая Государственная дума будет чуть не целиком «рясофорною»…

Угнетенное настроение дворян несколько прошло, когда великодушные победители-попы объявили, что они смилостивятся – «пропустят одного дворянина», а другое место выборщика возьмут себе. Увы, торжество духовенства было непродолжительно… Скоро стали известны подробности о съезде мелких землевладельцев, свидетельствовавшие о том, что победа попов заключала в себе и поражение их… Попы переборщили, и чересчур… Попов собралось 95 (из 125), а крестьян-собственников (и несколько дворян, чиновников и других мелких владельцев) 115 (из 200 с чем-то). Понятно, что если бы последние спелись в одну группу, то могли бы провалить всех попов и провести всех 34 «уполномоченных» из

своей среды. Но мужики и тут проявили свое «мужицкое единение», разбившись на кружки, только мешавшие друг другу. Собранные со всего уезда, они не знали друг друга и прямо говорили, что «не знают, кого выбирать»... Предвыборного собрания у них не было. Попы же, часто собирающиеся на разные свои съезды, отлично знают друг друга и по каждому благочинию[1] наметили 3–4 кандидата, действительно из лучших людей, которых и провели. На своем предвыборном собрании они решили взять себе 27 мест, а остальные 7 отдать крестьянам и другим мелким землевладельцам. Так и вышло на собрании: 95 попов действовали как один человек, а 115 мужиков и другие шли вразброд... попы пропустили только почтмейстера и 6 крестьян, а всех остальных стали забаллотировывать, оставив все места за собою. Когда мужики убедились, что попы больше не пропустят никого, кроме себя, мужики страшно разобиделись, кричали, что им «тут нечего делать», и 50 из них сейчас же покинули залу собрания, за ними ушло 10 человек, потом еще и еще... Поле битвы осталось за попами... Только пять крестьян остались до конца и упорно клали всем попам отрицательные шары...

Это утомительное собрание длилось почти сутки (с 12 часов дня до 8 часов утра следующего дня), не прерываясь и ночью. Был небольшой перерыв вечером (на час), чтобы избиратели могли покормить себя и своих коней. В собрании не было устроено даже чайного буфета, только сторожа приносили булки, да запасливые отцы и мужики вытаскивали из карманов «мерзавчики» и, отойдя в уголок, бульбукали прямо из горлышка...

Стоит упомянуть об одном маленьком, но очень характерном для мужика эпизоде, случившемся на этом собрании. В «механическом счетчике» сломался ключик, но один мужик-избиратель выручил из беды – предложил свой, подходящий ключик, найденный в кармане. Его стали благодарить, однако для мужика показалось этого мало, и он содрал с товарищей 40 копеек за ключик... В уездном избирательном собрании мужики отнеслись крайне подозрительно к механическому счетчику и отказались пользоваться непонятною им машиною, опасаясь, нет ли тут какого подвоха со стороны «господ»... Они потребовали старый баллотировочный ящик, которым и пользовались, тогда как остальные избиратели прибегали к посредству новой машины.

Почти накануне этого решительного собрания, на котором крупные и мелкие землевладельцы должны были избрать двух губернских «выборщиков», стало известным, что вследствие протеста крестьян-собственников губернская о выборах комиссия сильно урезала победу духовенства. Комиссия признала «законно избранными» только 7 попов и 5 крестьян, т.е. тех, которые избраны полным составом избирателей. Всех же остальных – 20 попов и двух мелких собственников – она не утвердила уполномоченными, мотивируя отказ тем, что, когда 110 избирателей покинули собрание, то остальные 100 человек представляли уже меньшее количество цензовой земли и не имели права избирать представителей за отсутствовавших, за которыми числилось большее количество земли.

Не знаю, насколько законен этот мотив, но в разумности его можно усо-

[1] Благочиние (благочиннический округ) – в Русской православной церкви – часть епархии, объединяющая группу церквей, находящихся в непосредственной территориальной близости друг от друга. Возглавляется благочинным.

мниться. Ведь таким путем можно сорвать всякие выборы и никогда ничего не добиться. Добровольно ушедших нужно считать уклонившимися от выборов, так как они могли воздержаться от баллотировки, не выходя даже из собрания, или как уклонились те 100 крестьян-собственников, которые совсем не явились на собрание. Между тем все явившиеся были законными представителями и всех отсутствовавших. Притом же, у 110 протестантов было в руках самое законнейшее и могучее средство побить всех 95 попов: стоило первым сговориться – и ни один поп не прошел бы… Как бы там ни было, но попы были решительно обескуражены неожиданным поворотом судьбы против них. Теперь они пожалели, что не вошли в соглашение с крестьянами и не разделили 34 места пополам между собою и ими. Дружная группа 17 попов имела бы решающее значение на уездном съезде крупных землевладельцев и уполномоченных от мелких.

Последнее собрание происходило 15 марта. Из 100 человек собралось всего 38, из них – 17 крестьян (12 крупных и 5 мелких землевладельцев), 14 дворян и 7 попов. Решающее значение и здесь могло принадлежать последним: только в союзе с ними крестьяне или дворяне могли провести своего кандидата (требовалось избрать двух губернских «выборщиков»). Однако попы и тут сглупили: вместо того, чтобы вступить в союз с дворянами, которые сдержали бы свое слово, попы вошли в соглашение с мужиками, кои обязательно их надули… Попы исполнили свое обещание – поддержали и провели крестьянского кандидата, а мужики наложили черняков поповскому кандидату – отцу уездному наблюдателю церковных школ, хорошо известному всему уезду и человеку уважаемому. Мужики, надувши попов, предпочли поддержать дворянского депутата.

Голоса дворян разделились между двумя своими кандидатами, и один из них взял верх благодаря тому, что «побеседовал» с крестьянами и обещал со своей «партией» поддержать их кандидата, если они поддержат его. Соглашение состоялось, и в «выборщики» прошли именно этот дворянин и крестьянин – крупный землевладелец, богатый промышленник, старик. Дворянин-«октябрист» получил 26 голосов, крестьянин – 22, второй дворянин – 16, отец наблюдатель и молодой фабрикант-«радикал» – по 8, остальные кандидаты, получившие по запискам 1–5 голосов, от баллотировки отказались.

О богатом крестьянине-выборщике отзывы противоречивые: одни говорят, что это человек не развитой и полный нуль в общественном смысле, хотя человек не глупый, доказавший свой ум уже тем, что из заурядного крестьянина превратился в богатого промышленника (производство валяной обуви и прочее), тысячника… Однако, несмотря на все эти качества, люди знающие утверждают, что этот избранник 17 крестьян далеко не может быть назван лучшим среди них. Его «уважили» больше всего за его богатство… За ним разве одно достоинство, что он нисколько не гнался за «красненькою» и жаждал одного почета.

На городском съезде прошли также бесцветные «выборщики» – двое местных фабрикантов, председатель и секретарь здешнего кружка «октябристов». Третьим кандидатом был и провалился тот самый молодой «радикал», который конкурировал с отцом наблюдателем на уездном съезде и вместе с ним провалился.

Итак, в губернские выборщики от нашего уезда попали трое крестьян, два

фабриканта и один дворянин, последние трое «октябристы», а первые трое «неизвестного направления». Все они прокатились на губернский съезд, но в члены Государственной думы не попали, хотя некоторые и покушались баллотироваться. Ах, зачем было огород городить!..

Можно себе представить, с каким негодованием и презрением встретили мужики своих неудачников-выборщиков, не заполучивших права на «красненькую»... И сами-де ее не добились и другим «хорошим мужикам» помешали попытать «своего счастья». Немудрено, если местами и побили выборщиков... Теперь мужики уже не скрывают, что выбирали они далеко не лучших и чисто случайных людей, над которыми сами же печально разводят руками, да скорбно чешут затылки. Подействует ли на мужиков этот урок? Сомнительно, если суть их вожделений – «красненькая», останется... Стоит, однако, попробовать: много ли найдется среди состоятельных мужиков (да и не их одних) истинных радетелей общего блага, готовых идти в Государственную думу без содержания?.. Прелюбопытный вышел бы опыт!..

Между тем и при нынешней системе выборов есть средство, дающее возможность провести в Думу лучших крестьян. Оно уже применяется относительно рабочих, которых выбирают в Думу не одни рабочие, но вместе с выборщиками других сословий. Так по всей справедливости должно поступать и относительно крестьян: лучших из них скорее могут указать другие выборщики, чем сами крестьяне, лично заинтересованные в выборе. Может быть, тогда больше пройдет в Думу почтенных и развитых «крестьян», которых теперь везде глушит масса «мужика».

Только чересчур наивные люди, кабинетные деятели, совсем не знающие деревни, могут приходить в восторг от союза с народом, т.е. с «мужиком», который везде и всюду, даже под самым радикальным флагом, будет проводить только «мужицкие идеалы», сторонясь всякого общения с интеллигенцией страны, что он ясно показал уже на выборах. Не рукоплескать, а надо посыпать главы пеплом ввиду того, что чересчур много мужика идет в Думу, где он – враг всякой культуры – будет руководить нашими судьбами... И не знаю, найдется ли такая сила, которая может помешать ему там окончательно раскрыть свои карты и еще раз «удивить Европу»... Сомнительно, чтобы даже г[оспода] кадеты одолели мужика...

Утверждать все это приходится на основании не одних данных нашего уезда, но и отовсюду идущих известий о выборах. Как у нас, так и везде, за крайне редкими исключениями, мужик решительно провалился на своем первом экзамене «политической зрелости». Только иронически можно говорить о «сознательном отношении» мужика к выборам, о его «оппозиционном настроении», о «широком размахе его общественной мысли» и т.п. благоглупостях. Единственно серьезное, что внес сейчас мужик в нашу жизнь, – это те трагикомические материалы для литературы, которыми она долго еще будет пользоваться...

Извлечения публикуются по изданию:
Оглоблин Н.Н. Первые выборы в Думу //
Исторический вестник. 1906. Июль. С. 87–93, 96–109.

ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЯШВИЛЬ

ВОСПОМИНАНИЯ О СИМБИРСКЕ

Получилось известие о созыве Думы на 27 апреля. Наши кадеты никогда не могли спеться со своими главарями в Москве. Ничего не понимая и занимаясь политикой только в форме осуждения правительства, они никак не могли попасть в тон и не отдавали себе отчета в ближайших задачах партии. Все же им непременно хотелось действовать. Вот почему они сочли необходимым послать телеграмму Витте о помиловании «верного слуги царя и отечества лейтенанта Шмидта», они же постановили выразить неудовольствие своему Центральному комитету за то, что он ничего не предпринял против займа за границей…

Партия 17 октября, во главе которой стал Беляков, тоже начала делать собрания, но представители ее никогда популярностью не пользовались. Одно из собраний кончилось скандалом. В Годнева пустили яйцом, попали в его соседку. В уездах дело пошло еще хуже, там просто никого не было и, в сущности, не было кандидатов в Думу.

Закон поставлен очень неправильно, депутатами не могут быть чиновники, а также платные деятели на земской службе. Значит, надо быть или богатым человеком, или неудачником, чтобы попасть в Государственную думу. Очевидно, победа должна была оказаться на стороне кадет, вот почему: в эту партию записались социал-демократы и даже революционеры, как Астахов, Швер и Владиславлев. Из среды последних чуть было не прошли в выборщики Шоломович и Швер, хотя они и не были намечены. Таким образом, в Симбирске выбирали тех, кто заявил себя так или иначе против правительства и не стеснялся делать обещания. В это время наши провинциальные кадеты не довольствовались уже законодательным голосом, а требовали Думу с учредительными функциями и ответственным министерством. Они стремились к власти во что бы то ни стало.

Мы получили указание, чтобы крестьянские выборы были совершенно свободны, но в то же время поручалось смотреть, чтобы посторонние не имели доступа на сходы. В этом тоже подтвердилось, насколько Петербург был в заблуждении. Предполагалось, что крестьяне выберут патриархов-хлебопашцев, и Поливанов, который мог бы знать ближе народ, говорил Филатову: «Я вас затру мужиками». Крестьяне послали трудовиков, а Поливанов не мог даже попасть в выборщики.

6 марта в Симбирске прошли выборы благополучно, но получились неожиданности. Городской голова Волков получил только 700 голосов, его политикан-

ство всем надоело. В Сызрани городской голова получил 1700 голосов. Первым в Симбирске оказался князь Баратаев, который стал особенно популярен после травли консерваторов на земском собрании. Конечно, за него подавали и служащие в управе, и мелкие чиновники, и приказчики. Вообще поборники всеобщего избирательного права должны бы подумать – и в Симбирске, и в Сызрани из 6000 избирателей явилось к урнам 2100 человек. В Сенгилее выборы чуть не кончились крупным скандалом для патриархов. На съезде землевладельцев выбрали сначала двух полупьяных и безграмотных мужиков и интриговавшего за них священника. Мотовилову с трудом удалось убедить просить баллотироваться Мещеринова и перетащить его через попа. О Ермолове никто и не подумал, ни теперь, ни при баллотировке в члены Государственного совета. Мещеринов приехал торжествующе, но когда стали известны подробности, сконфузился. В Симбирске и Курмыше (в последнем несмотря на погромы) выбранными оказались только дворяне. В Буинске провалился Бонч-Осмоловский, интриговавший за конституционно-демократов, а в Ардатовском уезде наилиберальнейший Кирмалов. Самые благоразумные выборы, оказалось, были в Корсунском уезде. Протопопов прошел 40 шарами из 42, причем один из черных был положен братом-дворянином. Кроме него, выбранными оказались еще дворянин, два священника, два фабриканта и два землевладельца из крестьян.

Крестьяне Проскуровской волости выбрали Аладьина, приобревшего впоследствии особую известность. Перед выборами мы получили от графа Витте предложение сообщить сведения о выбранных членах в Государственную думу с указанием, кто из них выделяется работоспособностью. Простой справки о благонадежности, очевидно, было недостаточно. О выбранных Микешине и Метальникове нечего было говорить. Пустошкин человек способный, но изболтался совершенно. Князь Баратаев отличался всегда особенною молчаливостью. Он стал в свое время председателем управы только оттого, что противником его был Михайлов, принадлежавший к очень опасной в денежном отношении компании. Андреянов был избран в Сызрани, как пострадавший от Дурново. В Думе он имел благоразумие не сойтись с трудовиками, но скоро умер от запоя, хотя Пустошкин и объявил, что он заболел от огорчения, что ответный адрес не был принят через депутацию. Самым важным выбором был выбор от крестьян, и депутатом от них стал Аладьин. В настоящее время он стал известен всей России, а мне ставится в упрек, будто я ему содействовал и проводил его. При том настроении, которое было в публике, мое содействие могло ему повредить. Моей задачей было, согласно полученным разъяснениям, обставить крестьянские выборы так, чтобы на них не имели влияния посторонние. Когда он ко мне пришел, я должен был ему разрешить все собрания, а потом, действительно, содействовал, чтобы собрания происходили в зале уездного съезда, для чего познакомил его с Зимнинским и Афанасьевым. К тому же Аладьин покорился всем моим требованиям, так например, изменил свое приглашение на собрание, заменив фразу: «собрание разрешено законом» – более скромным: «разрешено губернатором». Так как мне нужно было выяснить его будущую физиономию, я каждый раз, что видел его, ставил несколько приготовленных вопросов; на месте его никто не знал, так как его лет

десять не было в России. Вот его история, так как он мне ее рассказал:

Он сын крестьянина, но вышедшего уже из хлебопашцев и живущего в городе. Был в последнем классе гимназии, но за полгода до окончания, поссорившись с директором, должен был уйти. Басня о том, будто он украл у товарища часы, выдумана уже теперь, и чуть ли не в Петербурге. Афанасьев, его товарищ, про это никогда не слыхал[1]. Сначала Аладьин думал прямо ехать за границу, но его уговорили держать экзамен в университет, куда он и поступил, но на втором курсе был арестован, просидел восемь месяцев в тюрьме и выслан в Симбирск под надзор полиции. Решивши, что он никогда не станет в России полноправным гражданином, он вместе с товарищем бежал сначала в Бельгию, а оттуда – товарищ его в Америку, а он заехал в Англию. Он думал, что, разорвав навеки с родиной, ничто более его с ней не связывает; но, живя между англичанами, он понял, что они не могут уважать человека, не любящего свою родину и он нашел в себе некоторые струны, привязывающие его к России. Он решил вернуться при первой возможности, а пока приобрел солидные познания по электротехнике, читал лекции, писал в газетах, обучал русскому языку офицеров (при этом несколько сконфузился). Признаюсь, что этот рассказ и заявление, что он никогда бы не бежал от воинской повинности и что в его семье есть люди, с гордостью носящие Георгиевский крест, меня подкупили в его пользу, и он показался мне гораздо почтеннее господ земцев, воспользовавшихся слабостью правительства для устройства революции, устроивших все съезды, на которых требовали заключения мира. На вопрос – к какой партии он себя причисляет, он ответил, что всегда считал себя социал-демократом, но тут же отнесся очень пренебрежительно к нашим русским социалам, так как, говорил, они ничего не имеют общего с заграничным понятием об этой партии, к тому же в России рабочий вопрос стоит совершенно иначе, нежели за границей. Он говорил, что всякое убийство ему противно, так как прежде всего уродливо, не понимает ту нежность, которую выказывает публика к революционерам, так как тот, кто взялся за револьвер, всегда должен рассчитывать получить пулю. Говорил, что суд и следствие над Шмидтом – комедия и что не следовало вовсе его брать в плен, а следовало утопить или пристрелить. По земельному вопросу он говорил, что община разоряет крестьянство, что даром ничего давать не следует, что строить благосостояние можно только на почве личного труда и личной энергии, что, с другой стороны, крестьянское и волостное управление нуждается в надзоре и предоставить крестьянство волостным писарям невозможно. Когда он был выбран, к нему являлись и цильнинские татары, и он требовал, чтобы они и не думали занимать чужую землю силою. То же он говорил и выборщикам, и говорил им о спокойствии в деревнях, так как законодательная деятельность невозможна во время бунтов. Чтобы кончить с его физиономией, должен прибавить, что его письма к крестьянам, хотя были более умеренные, чем слова, и речи в Думе, шли вразрез с его действиями. Я знаю наверно, что, говоря в Думе о наделении и отобрании земель у помещиков без всякого вознаграждения, он хлопотал в банке о разрешении ссуд крестьянам для покупки земли, а когда к нему поехал староста Сенаторов

[1] См. наст. изд., с. 379.

из Промзина, повторил, что никаких волнений в деревнях не нужно, и они могут принести только вред. Так как он бывал у меня, а после выборов был с визитом и завтракал, а я отдал ему визит и не препятствовал ехать в Курмышский уезд, что он хотел сделать, то на местах группа глупых революционеров и озлобленных на достигнутое им влияние, провозгласила его Гапоном. На него злились, так как, захвативши в свои руки крестьян, он провел в депутаты только тех, кого захотел. Консерваторы в лице Поливанова и Мещеринова тоже захотели поинтриговать, пригласили как-то бывшего писаря, посадили его на кресло, попробовали через него действовать и совершенно провалились.

23 марта губернское земское собрание выбрало в члены Государственного совета Поливанова. Это, конечно, была тактическая ошибка, непопулярный Государственный совет не станет популярнее, если будет состоять из Поливановых. Когда я его спросил, зачем ему это избрание, он ответил, что из выбранных членов легче попасть в «настоящие». 24 состоялись выборы от дворянства, избранниками оказались Мещеринов и Беляков. Было очевидно, что они только даром проедутся в Петербург, так как никто их там не знает.

26-го состоялись первые выборы в Государственную думу, и надо сказать, что они были обставлены очень торжественно. Мужики молились на коленях, настроение было приподнятое. Я был приглашен присутствовать и по необходимости обратился с речью. Просил избрать людей, любящих родину и способных содействовать успокоению и водворению мира на почве строгого и для всех равного закона. Первым был выбран Аладьин, потом выбирали Баратаева, Метальникова, Андреянова. Без всякого удовольствия, только в силу пресловутой дисциплины, выбрали Микешина и других. Протопопова забаллотировали, хотя он единственный человек, который и по воспитанию, и по положению был вполне способен и достоин попасть в законодатели.

Сахаров и Волков, так много мутившие, так много старавшиеся, получили: один четыре; другой два голоса. Выборы кончились, наступило сравнительное затишье.

Извлечение публикуется по изданию:
Яшвиль Л. Воспоминания о Симбирске, 1905–1906.
Киев, 1906. С. 44–49.

Раздел II. ВЫБОРЫ ВО ВТОРУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ (январь–февраль 1907 г.)

verstka1.indd 408 18.03.2008 22:00:26

КАДЕТЫ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КИЗЕВЕТТЕР

НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ: ВОСПОМИНАНИЯ

Все предвещало скорое наступление выборной кампании. Столыпин спешил до созыва Думы провести по 87 ст[атье] законодательные меры, которые должны были, по его мнению, «выкурить» из деревни революционный дух, противопоставив ему крепкую группу независимых от общины крестьян – земельных собственников. 9 ноября [1906 г.] вышел известный указ о мерах, облегчающих выход из общины и образование крестьянских хуторов. А затем, уже непосредственно в связи с предстоявшими выборами, Сенат начал целыми пачками издавать «разъяснения» к различным статьям Положения о выборах, и эти «разъяснения» совокупно с циркулярами министерства внутренних дел все были направлены на существенное стеснение свободы выборов. Наконец, в начале декабря был назначен созыв Государственной думы на 20 февраля, и тем самым официально открывался предвыборный период.

Опять пошли бесчисленные митинги. Теперь они были разнообразнее по содержанию дискуссий, ибо, с одной стороны, левые партии, сомкнувшиеся в блок, теперь боролись уже за проведение в Думу своих депутатов и потому посылали на митинги не одних только социал-демократических подростков, но и серьезных ораторов, а с другой стороны, более деятельное участие в предвыборной кампании приняли теперь и те партии, которые стояли правее к.д. Притом же предметом дискуссий служили теперь более определенные, реальные вопросы: ведь пищу для них давало рассмотрение деятельности первой Думы.

Мне опять пришлось чуть ли не ежедневно выступать на митингах. Я был намечен одним из кандидатов во вторую Думу, и, как ни мало эта перспектива привлекала меня, тосковавшего по научным работам, я не видел возможности отклоняться от этой гражданской повинности.

Тогда-то я совместно с В.А. Маклаковым составил брошюру «Нападки на Партию к.д. и ответы на них», которая могла служить пособием для партийных ораторов при выступлении на митингах. Брошюра была составлена в диалогической форме и потому получила кличку «Кизеветтеровского катехизиса».

Предвыборные дискуссии перед первой Думой носили по преимуществу характер разъяснения и пропаганды программных положений. В сущности, то не была настоящая предвыборная борьба: противниками кадетов на тогдашних митингах выступали представители таких партий, которые сами кандидатов в Думу сознательно не выставляли, а партии, намеревавшиеся конкурировать с кадета-

ми на выборах, от споров с кадетами на митингах уклонялись. Теперь и те, и другие поняли свою ошибку. Левые отказались от идеи бойкота Думы, а октябристы несколько собрались с духом и извлекли из предшествующего опыта то поучение, что таинственные невидимки не имеют никаких шансов на успех в политической борьбе. Итак, митинги в бо́льшей степени приобрели теперь характер борьбы за определенные кандидатуры.

А другая отличительная черта второй избирательной кампании состояла в том, что теперь власть стала проявлять гораздо больше усилий для оказания своего давления на предвыборную борьбу и на возможный исход выборов. Я уже упоминал о ряде распоряжений в форме сенатских «разъяснений» и министерских циркуляров, касавшихся правил выборной процедуры и направленных на то, чтобы охранительные элементы могли получить при выборах те или другие преимущества перед элементами оппозиционными. А сверх того полиции теперь было предписано деятельнее следить за ходом митингов и энергичнее пресекать речи ораторов, неугодных власти. Конечно, и во все времена первой избирательной кампании на всех митингах присутствовали полицейские агенты. Но, по крайней мере в столицах, они вели себя обычно довольно сдержанно, не считая, конечно, отдельных исключений. Приходит мне тут на память один курьезный эпизод. Был первый митинг, устроенный К.-д. партией в самом начале избирательной кампании первой Думы. Председательствовал Н.М. Кишкин. Перед началом митинга предстал перед Кишкиным некий субъект в пиджаке и предъявил бумагу о том, что он откомандирован от полиции для наблюдения за ходом митинга. Подавая бумагу, он взглянул на Кишкина и тотчас проявил признаки крайнего смущения, а Кишкин, посмотрев на него, покровительственно усмехнулся и сказал: «Вот вам столик, садитесь и наблюдайте». И сидел этот наблюдатель все время ниже травы и тише воды, с оторопевшим видом. Потом Кишкин, от души смеясь, объяснил нам суть дела. «Ведь это же мой давний пациент, – говорил он, – лечился в моей лечебнице (у Кишкина была невропатологическая лечебница), но он никогда не говорил мне, что служит при полиции; переконфузился-то как, увидев меня за председательским столом!».

Во вторую избирательную кампанию такие эпизоды были уже невозможны.

Теперь на митингах являлись полицейский пристав, или его помощник, или даже оба вместе в форме, и очень часто прерывали ораторов или и совсем закрывали собрания посреди прений. Удивительно только, как властям не приходило на мысль, что такие меры достигали результата, прямо противоположного тому, на какой они были рассчитаны. Публика возмущалась нарушением свободы прений, а прерванные ораторы пожинали лишь тем больший успех: заманчив ведь плод запретный!

Вмешательства полицейских чинов часто носили характер довольно нелепый и прямо увеселяли публику. Вот одна из характерных сценок. Маклаков выступает на митинге докладчиком и начинает разбирать действия К.д. партии в Думе, употребляя местоимение «мы». «Кто это мы? – Грозно спрашивает пристав, прерывая оратора. «Я и мои единомышленники», – отвечает Маклаков. «Я запрещаю говорить мы, – продолжает пристав, – вы принадлежите к Партии к.д., значит, вы

говорите о кадетах, а это партия преступная, о ней говорить нельзя». – «Хорошо, вместо «мы» я буду говорить «они». В публике смех, а пристав неожиданно удовлетворяется такой постановкой вопроса.

Такие курьезы объяснялись тем, что пристава – за немногими исключениями – были люди без надлежащего образования и очень плохо разбирались в тонкостях тех вопросов, которые затрагивались в прениях. Всего было хуже, когда появлялся пристав, на мундире которого гордо красовался университетский значок. Это были – самые несносные. Они, видимо, стремились отличиться перед своим начальством умением, что называется, «срезать» патентованного оратора и придирались для этого ко всякому случаю – удобному и неудобному, причем этот самый университетский значок нисколько не предохранял их от сумбурной путаницы в мыслях, но выступали они с этим сумбуром с самоуверенным апломбом. А пристава-«простецы» нередко чувствовали себя довольно растерянно. По-видимому, данные им инструкции не были ясны и определительны для них и они сплошь да рядом становились в тупик. Как поступить? Проморгаешь какое-нибудь преступное слово оратора – под ответ попадешь, ибо по митингам ходили в партикулярных одеждах тайные ревизоры и над самими приставами, а сунешься невпопад с замечанием оратору – и можешь в дураках оказаться, он же тебя на смех поднимет... Положение такого «недреманного ока», которое само хорошенько не знало, где именно торчит запрещенная крамола, было не из завидных.

Помню, как-то раз я, излагая на митинге свой доклад, уловил краем уха шепот, которым обменивались пристав и его помощник, сидевшие за столиком у самой кафедры. «Что он, не опасно говорит?» – спрашивал пристав своего помощника. «А черт его знает, – шепотом отвечал помощник, – кажется, пока ничего». Однажды нашелся и такой пристав, который, видимо с отчаяния, подошел ко мне перед началом митинга и сказал: «Уж вы, профессор, будьте так добры, если я вас буду останавливать, не подымайте меня на издевку». Это был старик, редкая седая щетина торчала у него на голове, лицо выражало одну мысль: «Черт бы побрал всю политику, вот она где у меня сидит...». Никак не ожидал этот человек, что на старости лет придется ему раскидывать мозгами над такими неслыханными вопросами, в которых сам черт ногу сломает. Мне по-человечеству стало его жаль, и я обещался «не поднимать его на издевку».

Наконец можно было вздохнуть свободно: предвыборная кампания кончилась. В Петербурге и Москве опять полная победа досталась кадетам. От города Москвы прошел в Думу и я вместе с Павлом Долгоруковым, Маклаковым и Тесленко. Открытие Думы было назначено на 20 февраля 1907 г.

Политическая физиономия второй Думы сильно отличалась от первой. Центр вместо кадетов заняли теперь «трудовики»: фракция, состоявшая из густой труппы крестьянских депутатов, которыми руководили три-четыре интеллигента, в том числе доктора Караваев (потом убитый) и Березин. Впрочем, как увидим, иногда эта крестьянская армия решительно выходила из повиновения своим вождям. Кадеты, отодвинутые с прежних мест «трудовиками», составили во второй Думе левую окраину правого крыла. Правее их шла прослойка из небольшой группы октябристов и умеренных правых, и затем крайне правое крыло состави-

ли «истинно русские», т.е. черносотенные депутаты с такими матадорами Союза русского народа, как Пуришкевич, Келеповский, Крушеван. На правой окраине левого крыла находилась небольшая кучка народных социалистов (во главе их были Волк-Карачевский, умерший при большевиках в тюрьме, и Демьянов, умерший в эмиграции в Праге, затем следовали социалисты-революционеры и крайне левое крыло было занято социалистами-демократами: меньшевиками и большевиками. Лидерами меньшевиков были грузины Церетели и Джапаридзе, а от большевиков всего чаще выступал Алексинский. Чрезвычайно оригинальное явление представлял собою депутат Наливкин: вице-губернатор одной из среднеазиатских областей и автор дельных научно-географических работ, вошедший в состав большевистской фракции. Когда он защищал с думской трибуны позицию социал-демократов, не упуская случая при этом поставить на вид свое вице-губернаторство, это всегда производило эффект чрезвычайный.

Итак, вторая Дума по своему политическому составу была значительно левее первой, но в то же время в ней была темпераментная и шумная труппа крайних правых, которые совсем отсутствовали в первой Думе. Конституционалисты-демократы не могли уже рассчитывать на ту руководящую роль, которая принадлежала им в первой Думе. Тем не менее, роль им предстояла довольно значительная. Ни одна фракция не имела в своей среде людей, настолько подготовленных к парламентской деятельности, каких было немало во фракции к.д. И все чувствовали, что без к.д. не удастся наладить думской работы. Вот почему и председатель Думы (Головин), и секретарь Думы (Челноков) были избраны из фракции к.д., хотя от намерения провести своего кандидата и на место одного из товарищей председателя кадетам пришлось отказаться вследствие несогласия на это других фракций, и в товарищи председателя были избраны трудовики Березин и беспартийный Познанский. Во всех думских комиссиях кадеты играли очень значительную роль, точно так же, как и в общих собраниях Думы в общем направлении дел многое зависело от выступлений кадетских ораторов, среди которых была такая унаследованная от первой Думы ораторская сила, как Родичев, и такой блестящий по ораторским и тактическим дарованиям новый депутат, как Маклаков, и еще ряд других выдающихся юристов и экономистов (Тесленко, Пергамент, два Гессена, Струве, Булгаков и др.). Кузьмин-Караваев не принадлежал к Партии к.д., но по духу он, конечно, шел с ней рука об руку во всех основных вопросах. Веская роль принадлежала вступившему в Партию к.д. Кутлеру, имевшему большой служебный опыт и ушедшему из рядов высшего чиновничества после отвержения составленного им проекта аграрной реформы, почти совпадавшего с аграрной программой Партии к.д. Был тут и впервые вступавший на парламентское поприще Шингарев, впоследствии уже в третьей и в четвертой Думах выросший в крупного парламентского деятеля, всегда выступавшего одним из главных оппонентов Коковцова при обсуждении бюджета.

Итак, фракция к.д. и во второй Думе располагала достаточными силами. Но теперь ее задача была очень трудна и неблагодарна. На ее долю выпадали ответственные усилия, направляемые на укрепление авторитета народного представительства, а между тем руль второй Думы находился вовсе не в ее руках, и

ей было очень нелегко проводить те постановления, которые ей представлялись необходимыми, среди господствовавшего во второй Думе разброда, вытекавшего из крайней дробности ее политического состава. Было несколько очень критических моментов в жизни второй Думы, когда вообще оказывалось невозможным достигнуть какого-либо определенного большинства по вопросам первостепенной важности или когда сформирование такого большинства зависело всецело от того, на чью сторону склонится «польское коло» – небольшая группа депутатов от губерний царства Польского.

Перед открытием второй Думы со всех сторон слышались указания на необходимость «беречь Думу», т.е. заботливо воздерживаться от резких демонстраций, которые могли бы вызвать ее довременный роспуск. Крестьянские депутаты только и говорили о «бережении Думы» и ссылались на то, что крестьянство, пославшее их в Думу, хочет, чтобы Дума добилась для крестьян земли и достигала бы этой цели настойчиво, но терпеливо и не «лезла бы на рожон» из-за шумных демонстраций. Интеллигентные лидеры тех левых фракций, которые стремились играть роль выразителей желаний и потребностей крестьянских масс, повторяли вслед за крестьянскими депутатами тот же лозунг – «беречь Думу». Тогда получило популярность рассуждение, что вместо «штурма власти», которым занималась первая Дума, теперь надо вести «осаду власти» – осмотрительную и терпеливую, не давая правительству вызывать Думу на рискованные шаги, как это произошло с первой Думой в эпизоде с воззванием по аграрному опросу. Могло казаться, что это настроение «бережения Думы» должно было перенести центр тяжести думской деятельности на законодательную работу, что соответствовало тактической линии Партии к.д.

Несмотря на все это, требовалось много наивного прекраснодушия, чтобы окрыляться надеждой на то, что вторая Дума счастливо минует опасные подводные камни, которыми был усеян ее фарватер. Опасности, грозившие второй Думе, были многочисленны и многообразны. Во-первых, во второй Думе было два крайних крыла: черносотенцы и социал-демократы, которые шли в Думу с определенным намерением, прямо противоположным лозунгу «бережения Думы». Те и другие, но по совершенно различным мотивам, стремились не беречь Думу, а вызвать ее разгон, взорвать изнутри и в целом ряде случаев готовы были для этой цели протянуть друг другу руки. Черносотенцы с Пуришкевичем во главе то и дело устраивали для этого неприличнейшие скандалы, дабы дискредитировать Думу, а социал-демократы, с одной стороны, подчеркивали в речах, что они не ставят Думу ни в грош, а с другой стороны, подбрасывали Думе апельсинные корки в виде разных рискованных предложений демонстративного характера вразрез с решениями всех думских фракций.

Все это было, однако, еще не так опасно, если бы прочие фракции, за исключением двух крайних крыльев, могли объединиться вплотную около некоторой общей линии и если бы сама власть обнаружила готовность пойти на существенные уступки в основном вопросе – в земельном.

Крестьянство хотело «беречь Думу» в надежде таким путем получить землю. Но требование земли в правящих сферах как раз и принималось за недопустимое

и опаснейшее проявление революционного духа. Широкая постановка аграрной реформы в легальной и закономерной форме парламентского законопроекта принималась «наверху» как самая ужасная из голов революционной гидры. Столыпин, старавшийся в противоположность Горемыкину, стать в позу конституционного министра, – насколько это было можно при необходимости для него считаться с антиконституционными течениями высших сфер, от которых он зависел, – в вопросе аграрном, в сущности, повторил горемыкинское «недопустимо» по отношению к принципу принудительного отчуждения и сводил земельную проблему к замене общинного землевладения хуторами. К этой основной идее Столыпина можно относиться как угодно, но и те, кто видели в ней для будущего ключ к разрешению социального вопроса, должны были бы понять, что для данного момента необходимость прирезки земли к крестьянским владениям оставалась в полной силе и проведение этой меры в широких размерах законодательным путем могло бы сыграть решающую роль в предотвращении катастрофы, жертвою которой через несколько лет стала Россия.

Однако в этом именно пункте между властью и общественными стремлениями стояла глухая стена, и пробить в ней брешь «бережением Думы» было безнадежно. Наконец, ко всему сказанному надо прибавить еще и то, что лидеры социалистических партий, хотя и собирались «беречь Думу», но не думали для этого поступаться некоторыми, как бы сказать, формами социалистического этикета. Так, когда в Думу был внесен бюджет, социалисты-революционеры вместе с социалистами-демократами настаивали на том, чтобы Дума отвергла бюджет en bloc, не передавая его в комиссию. Точно так же и при внесении в Думу законопроекта о военном контингенте левое крыло голосовало за отвержение законопроекта. Конечно, все это была вода на мельницу тех партий в правящих сферах, которые только и мечтали что о скорейшем роспуске Думы. Сами левые это понимали и этого не желали, но не считали возможным выйти из пределов социалистического этикета. Перед голосованием законопроекта о призыве новобранцев некоторые члены фракции с.-р. подходили к нам, кадетам, и говорили: «Господа, вся надежда на вас, пожалуйста, голосуйте все дружно за принятие законопроекта, мы-то ведь, как социалисты, за него голосовать не можем, а если проект провалится, то Думе несдобровать». Мы отвечали: «За проект мы будем голосовать и без ваших просьб, но вот что любопытно – будете ли вы, как социалисты, нас за это ругать в ваших органах?». – «Конечно, будем», – отвечали они.

Итак, несмотря на лозунг «беречь Думу», никак нельзя было рассчитывать на ее долговечность. Крайние правые с самого начала откровенно вопили: «Долой Думу». Через восемь дней по открытии второй Думы главный совет Союза русского народа выпустил циркуляр, в котором говорилось: «Когда в «Русском знамени» (органе Союза русского народа) на первой странице появится знак креста, начинайте посылать настойчивые телеграммы государю и Столыпину с требованием роспуска Думы и изменения избирательного закона». А страницы «Московских ведомостей» непрерывно пестрели сакраментальными словами: «Долой Думу». В самой Думе крайние правые то устраивали хулиганские скандалы, попирая правила самого элементарного приличия, – особенно усердствовал по этой части

Пуришкевич, – то выступали с явно провокационными предложениями, вызывая Думу на рискованные для судьбы Думы шаги. А крайние левые раздваивались между теоретическим признанием необходимости беречь Думу и всегдашней готовностью фактически дать волю революционному темпераменту и ни в чем не отступить от требований партийного этикета.

Все это делало чрезвычайно тягостной работу в Думе. Сознание, что Дума висит на волоске, полное отсутствие определенности в направлении думских работ, впечатление тяжелого сумбура от постоянно меняющегося соотношения многочисленных фракций, на которые Дума была раздроблена, бесконечная тягучесть междуфракционных совещаний и крайняя неустойчивость их решений, – бывало, чуть ли не всю ночь договариваемся мы с «трудовиками», договоримся наконец до общего решения – глядь: наутро все уже пошло насмарку, тяжелая атмосфера междуфракционной грызни на общих собраниях Думы, неприличные скандалы черносотенцев – все это выматывало душу, доводя ее до изнурения…

Извлечение публикуется по изданию:
Кизеветтер А.А. На рубеже столетий:
Воспоминания: 1881–1914. М., 1996. С. 304–312.

ВЛАДИМИР ГАЛАКТИОНОВИЧ КОРОЛЕНКО

ЗЕМЛИ! ЗЕМЛИ!
(Наблюдения, размышления, заметки)

Впечатление крестьянских выборов

Итак, первая Дума совершенно обманула наивные ожидания самодержавия, рассчитывавшего отделаться одними обещаниями. При этом оно особенно рассчитывало на крестьян и на царившую когда-то среди них царскую легенду... Но и представители крестьян пошли за кадетами, рукоплескали обличительным речам левых депутатов, во время прений по земельному вопросу кричали: «Герценштейн, Герценштейн[1]». Поэтому после роспуска первой Думы выборный закон был изменен, а крестьянское представительство сильно сокращено.

В первых выборах я участия не принимал, так как был в это время под судом по литературному делу. Ко времени выборов во вторую Думу дело это закончилось амнистией, и я получил выборные права. Мне пришлось осуществлять их в г. Полтаве, в Миргородском уезде, где у меня есть усадьба.

С большим интересом я отправился сначала в большое село Шишак, где должны были состояться сельские выборы. Впечатление было неопределенное и смутное. Прежде всего, руководство выборами не только формально, но и по существу находилось в руках земского начальника и администрации. Привычка к слепому повиновению была еще слишком сильна в сельском населении. Средняя крестьянская масса уже охотно слушала оппозиционные речи, но влиятельных оппозиционных групп в деревне почти не было и действовали они не открыто.

Мои местные знакомые сначала были уверены в успехе: черная сотня и крупное дворянство будут добиты. Но уже в зале волостного правления эти надежды рассеялись. Когда один из моих знакомых обратился к одному выборщику, на сознательность которого рассчитывал, – «неужели вы подадите голос за такого-то», – тот ответил простодушно:

– Нельзя иначе. За него очень стоит начальство...

Скоро к этому человеку подошел земский начальник и стал давать ему какие-то наставления. И распоряжения земского начальника исполнялись просто в силу привычки повиноваться.

---

[1] М.Я. Герценштейн (1859–1906) – экономист, профессор Московского сельскохозяйственного института, земский деятель, кадет, член I Государственной думы. В Думе активно выступал за решение аграрного вопроса. Убит черносотенцами.

Присматриваясь к выборной публике, я заметил на скамье в углу седого старика очень почтенного вида. На лице его было выражение какой-то торжественной грусти. Я подсел к нему и стал расспрашивать, что он думает о происходящем. Он не был из богачей, а только рядовой крестьянин, но о происходящем думал только печальные думы. Прежде было так: люди знали, что надо верить в Бога и повиноваться царю... А теперь...

Он скорбно махнул рукой. К нам присоединилось еще два-три таких старика, и полились такие же речи. Я чувствовал, что настроение этих стариков непосредственно, искренно и твердо. Новое казалось еще неустоявшимся и смутным.

Во время самых выборов, когда стали вызывать к ящикам, была выкрикнута еврейская фамилия... Я почувствовал, что кто-то толкнул меня в бок. Рядом со мной стоял молодой крестьянин, высокий, худой, красивый, но, видимо, сложившийся под тяжестью тяжкого труда с самого детства. Это был казак-хуторянин, представитель самой богатой, но и самой консервативной части населения. На его рябом лице маленькие живые глазки сверкали раздражением, любопытством и почти испугом.

– Жид... Ей-богу, жид. Да разве и ему можно?

Я объяснил, что никто из полноправных обывателей не лишен избирательных прав. Он слушал с недоверием и изумлением. Потом он отошел от меня и стал толкаться среди народа, тыча пальцем в еврея и в меня. И я видел, что его чувства находят отклик среди других. Я невольно думал: что могут дать выборы, где еще столько непонимания, темноты и слепого повиновения.

И действительно, результаты их были предопределены. Прошли несколько «сознательных», но наряду с ними прошло еще больше ставленников земского начальника. И, наверное, за тех и за других часто голосовали одни и те же люди.

Выборщики стали съезжаться в Полтаву. Предзнаменования для прогрессивных партий были плохие, и нам казалось сначала, что выборы будут сплошь черносотенными. Через некоторое время выяснилось, что надежда у нас есть. Между прочим, из Лохвицы приехала тесно сплоченная группа передовых земцев и довольно малосознательных крестьян, настроенных прогрессивно. Ядро у нас составили кадеты, но к ним же примыкали и социал-демократы. Социал-демократы были настроены против кадетов, лохвичаяне – против социал-демократов, но только блок мог спасти прогрессивную партию. Поневоле пришлось идти на компромисс. От крестьян был, между прочим, выборщиком харьковский студент Поддубный, исключенный из университета и тогда занимавшийся в своей деревне сельским хозяйством. Это давало ему тогда выборные права. Он принадлежал к Социал-демократической партии, и лохвичане наконец согласились отдать ему голоса, не как социал-демократу, а как крестьянину. А за это социал-демократы согласились голосовать за наш список.

Еще более трудностей предстояло нам с выборщиками-крестьянами. В их психологии была особенная черта. Перспектива быть выбранному самому, связанный с этим почет и особенно депутатское жалование в три тысячи – оказывали на них неотразимое обаяние. И вот, почти каждый из них явился на выборы с тайной надеждой лично попасть в депутаты. С мечтой о депутатстве каждый рас-

ставался трудно и со вздохами, и нам стоило больших усилий добиться сокращения списка. Нам много содействовали в этом социалист-крестьянин и один очень хороший священник. В конце концов соглашение достигнуто, список сокращен и тогда оказалось, что если мы выдержим это соглашение, то большинство за нами обеспечено.

Тогда администрация пошла на крайнее средство. В самый день выборов комиссия собралась чуть не в 6 час[ов] утра и еще несколько наших выборщиков были устранены, в том числе студент и священник. Последнего призвал к себе тогдашний архиерей и потребовал, чтобы он немедленно уезжал в приход. Священник со слезами рассказывал нам об этом, но у него была большая семья, он боялся лишиться прихода и повиновался.

Это были ходы явно незаконные. Устраняемые не имели времени для обжалования, но удар был рассчитан метко. Наш блок, заключенный с таким трудом, сразу рассыпался: крестьяне не выдержали. Наивные личные вожделения выступили вперед, покрыв общее дело. Почтенные селяне-выборщики разбились на кучки и стали шептаться: «Ты выбирай меня, я стану выбирать тебя…». При вызовах к урнам почти никто из них не отказывался. Получали смешное число голосов, порой вызывающее злорадный смех противников, но все-таки угрюмо, безнадежно, со стыдом шли на баллотировку и проваливались. Соблазн был слишком велик, сознание общих интересов слишком ничтожно.

Другая сторона, наоборот, сплотилась образцово. Администрация употребила все свое влияние на массы, и это влияние было еще очень значительно. Когда выборщики отправлялись в город, то кое-где священники приводили их к присяге, что они будут непременно баллотировать за принятый список. В городе старались поместить их на особых квартирах, куда ежедневно доставлялась им местная черносотенная газета, не останавливавшаяся ни перед какой клеветой, чтобы очернить кандидатов прогрессивного блока. Кое-кто из этих выборщиков, приехав в город, уже спохватился, что попал он в ненадежную для крестьянства компанию…

– Я уж вижу и сам, – отвечал один такой выборщик моему знакомому на его убеждения, – та ба. Присяга, ничего не поделаешь.

В первый же день мы провалились. Заметное число голосов получил только я и Г.Е. Старицкий. Поражение нашего блока было очевидное и самое жалкое. И его причиной была измена наших крестьянских выборщиков.

Деревня посылает черносотенных депутатов

Под конец этого первого выборного дня я сидел в отдаленном конце Дворянского собрания, где происходили выборы. Мысли мои были печальны. На наших собраниях мы тщательно разъясняли крестьянам, что только поддерживая прогрессивные партии, они могут рассчитывать на земельную реформу. Но масса была еще темна и так узко своекорыстна, что даже очевидный общий интерес не мог сплотить ее.

В это время рядом со мной сел один из выборщиков другой стороны. Это

был человек деревенский, коренастая фигура, одетая в городской костюм – широчайшую черную пару, очевидно только для парада. Мне показалось, что он с каким-то своеобразным участием посмотрел на меня и заговорил о погоде и о необходимости скорее кончить выборы. Это был, очевидно, хлебороб из того зажиточного деревенского слоя, который еще так недавно имел влияние в деревне. К нему вскоре подсел другой, такого же типа, только попроще: на нем был уже прямо деревенский костюм. Я подумал, что именно люди этого типа, может быть, стояли во главе противопомещичьего движения. Теперь они придали силу блоку правых дворян и черной сотни (у нас октябристы и крайние консерваторы выступали вместе).

– Вот, это господин Короленко… тот самый, что пишет, – сказал тот, что подсел ко мне первый.

– Знаю, – сказал второй, кланяясь и подавая мне руку.

– Что же именно вы знаете, – сказал я, улыбаясь и думая, что они знают меня по местной репутации, – не то ли, что я учу крестьян поджигать помещичьи скирды и резать ноги экономической скотине.

– Нет… Этого мы не знаем…

– Это каждый день пишут для вас в «Вестнике».

– Ну, это брехня… Мало ли, что пишут. Мы читали другое, – сказал первый.

Они были знакомы с моими статьями в «Полтавщине», с брошюркой «Сорочинская трагедия» и с «Письмами к жителям городской окраины». К моему удивлению, к моей литературной деятельности они относились с сочувствием.

– Почему же вы теперь голосуете с черной сотней? – спросил я.

По лицу первого моего собеседника прошла как будто тень. Я узнал впоследствии, что его дети учатся в гимназиях и высших учебных заведениях и теперь, быть может, от этой своей молодежи он слышит тот же вопрос.

– Надоело уже, – сказал он угрюмо.

– То-то вот и оно, – подхватил второй, – что надокучило. Грабежи пошли, разбойство… Дед у деда суму рад вырвать. Если это такие новые права, – то Бог с ними.

– Да, – сказал другой, – грабежи пошли, разбойство… Прокинешься ночью и слушаешь: может, какой добрый сосед уже клуню подпаливает. Потому г-н Короленко, возьмите то: кричат, поровнять землю. А вы знаете, как иному земля досталась. Мы не помещичьи дети, не богатое наследство получили от батьков… Каждый клок земли отцы и деды горбом доставали. И дети тоже с ранних лет не доспят, не доедят… Все в работе. Одна заря в поле гонит, с другой возвращаются… А теперь кричат: поровнять. Отдай трудовую землю какому-нибудь лентяю, который, что у него и было, пропил.

Я знал, что это правда. Эти хлеборобы-собственники из казаков – настоящие подвижники собственности. Многие из них живут хуже рядовых крестьян, откладывая каждую лишнюю копейку на покупку земли. Ко мне одно время возил деревенские припасы один довольно жалкий на вид старик. Он был одет как нищий, но я потом узнал, что это деревенский богач. Вся семья питается ужасно, детям не дают ни масла, ни яиц, – все идет на продажу… Детей даже не отдают в школу.

И все для того, чтобы прикупить лишний клок земли.

Между тем крылатое слово, кинутое в 1902 году на кочубеевской усадьбе, теперь росло, ширилось. Лозунг «поравнять» уже гулял в деревне. Я как-то приводил в «Русском богатстве» свой разговор с крестьянином. Он спрашивал моего соседа: можно ли «по новым правам» покупать землю: у него с братом девять десятин на двух. Они хотят прикупить еще три. Значит, придется по шесть десятин на душу. А, может, по равнению это выйдет много, так могут отнять... Не пропали бы даром деньги.

Понятно, с каким испугом и враждой должны были эти люди относиться к стихийному движению, которое уже тогда сказывалось в деревне. Я видел, что мои собеседники – люди разумные и сравнительно даже просвещенные, я спросил, слыхали ли о проектах перводумской земельной реформы.

– Читали кое-что, – сдержанно ответили они.

– Ну, а что вы думаете? Если все останется по-старому, если у ваших безземельных соседей по-прежнему будут плакать голодные дети, – будете ли вы спать спокойно в своих коморках? Впрочем, – закончил я, вставая, – дело ваше. Но если вы хотите знать мое мнение, то я вам скажу. Россия загорается. Первая Дума хотела сделать многое, чтобы потушить пожар и указать людям выход. А вы теперь в этот пожар подкинули еще охапку черносотенного хворосту.

Я попрощался и отошел в сторону, где происходил счет шаров. Наши противники продолжали торжествовать. Консервативные дворяне и священники, известные черносотенной пропагандой, ходили с гордо поднятыми головами. За них было много крестьянских голосов. А наши кандидаты все так же позорно проваливались, и проваливали их тоже крестьяне.

Мои собеседники остались на том же месте, подозвав к себе еще некоторых других, уже положивших шары. В этой кучке шел какой-то оживленный разговор. Через некоторое время ко мне подошел один мой знакомый и сказал:

– Сейчас ко мне подошли вот эти два выборщика и сказали: мы видели, что вы знакомы с Короленко. Скажите ему, если он будет перебаллотироваться завтра, то у него будет четыре лишних голоса.

Я баллотировался и, действительно, к 78 голосам, которые я получил в первый день, прибавилось как раз четыре. Это было абсолютное большинство. Но в эту ночь наши противники приняли самые экстренные меры, привезли на тройках еще несколько своих выборщиков, и я попал только в кандидаты.

Вторая Дума оказалась уже совершенно покорной, и земельная реформа была похоронена.

Вскоре после выборов мне пришлось быть в камере одного из полтавских нотариусов. Недалеко от меня сидел, тоже дожидаясь очереди, старенький помещик с благодушным лицом и круглыми птичьими глазами. К нему подошел другой помоложе, и у них начался разговор о выборах.

– Все очень хорошо, – говорил старик, – прошли почти все наши... Теперь бояться нечего. Вторая Дума наша.

– Д-да... – подтвердил младший, кидая взгляд в мою сторону... Теперь разным Герценштейнам не дадут ходу.

Впоследствии я часто вспоминал этот разговор. Я не знал фамилий ни этого благодушного старика, ни его совсем уже не благодушного собеседника. Где-то они теперь и находят [ли] по-прежнему, что Россия в тот момент более всего нуждалась в устранении и Герценштейнов, и их проектов государственного решения земельного вопроса…

Что было бы теперь, если бы в течение четырнадцати лет со времени японской войны уже проводилась планомерная земельная реформа? Но состав последующих Дум был далек от этих забот, а крестьянство, благодаря «разумным мерам», посылало в Думы в большинстве черносотенных депутатов.

Извлечение публикуется по изданию:
Короленко В.Г. Земли! Земли!
(Наблюдения, размышления, заметки) //
Голос минувшего. 1922. № 2. С. 143–147.

ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МАКЛАКОВ

ВТОРАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
(Воспоминания современника)

Глава V
Выборы во вторую Думу

Отказ «либеральной» общественности помочь Столыпину в период первого междудумия, неловкие меры, которые он относительно нее принимал, привели к разрыву между ним и теми, кто, как и он сам, хотели правового обновления нашей страны. Общественной опорой Столыпина благодаря этому стали те, кто реформ его не хотел и видел в нем только «сокрушителя революции». Этот лагерь «людей испугавшихся» был тогда очень велик; к нему примкнули и бывшие «либеральные» люди, участники освободительного движения, которых оттолкнула перспектива революции и демагогии первой Государственной думы. Столыпин стал их героем. Таковы, прежде всего, стали земцы. На банкете в честь их представителей новый председатель Московской губернской управы Н.Ф. Рихтер, коренной земский деятель, в 1905 году читавший на дворянском собрании особое мнение от «либеральных дворян», человек твердый и вполне независимый, теперь мог говорить, обращаясь к Столыпину: «Я не нахожу слов, да их и во всем русском словаре не найдется, чтобы выразить всю глубину чувств, завоеванных вами в наших сердцах». Столыпин при таком отношении к себе прежнего руководящего класса мог стать «временщиком».

Но у нас была конституция, и Столыпин от нее не хотел отрекаться. Каков бы ни был избирательный закон 11 декабря, которым в свое время возмущались левые партии как недемократичным, этот закон обеспечивал голос на выборах и тем, кто остался заветам освободительного движения верен. Столыпину нужно было поэтому добиться поддержки тех слоев населения, которые не шли покорно за властью и посылали в Думу определенно оппозиционные партии. Заключительным актом первого междудумия, который был бы показателем успеха Столыпина, должны были быть удачные выборы в новую Думу.

Именно с этой целью, чтобы примирить с собой этот слой избирателей, Столыпин и хотел провести ряд полезных и популярных реформ. Они, как я указывал, не могли этой цели достигнуть. Но он решил не пренебрегать и более легким приемом – нажимом власти на выборы.

Инициатива этого шага, как почти всех главных ошибок Столыпина, исходила опять от государя.

В октябре 1905 года в докладе Витте, который государь предписал «принять к руководству», помещена была фраза: «Правительство должно поставить себе непоколебимым принципом полное невмешательство в выборы в Думу». Витте ее поместил не из уважения к «воле народа». Несмотря на малое знакомство с «общественностью», он понимал, что при ее отношении к власти вмешательство в выборы приведет к результатам обратным. Это соображение я потом слыхал от него самого. Было ли предписанное им невмешательство на местах исполнено точно или встретило противодействие со стороны «патриотических обществ» и министра внутренних дел П.Н. Дурново – трудно судить. Но при Витте давление, если и было, происходило не явно.

Эта позиция и вызвала неодобрение государя. В его письме в ответ на прошение Витте об отставке есть слова: «Дума получилась такая крайняя не вследствие репрессивных мер правительства, а благодаря широте закона 11 декабря, инертности консервативной массы населения и полнейшего воздержания всех властей от выборной кампании, чего не бывает в других государствах». Упрек за «невмешательство» странен в устах государя, который этот принцип предписал принять «к руководству». Зато теперь вмешательство было одобрено. В чем же оно могло выражаться?

Одно – влияние авторитета власти на умы избирателей. Но при нашем отношении к ней, где население ее винило за все, даже за то, в чем она была неповинна, вмешательство власти было бы опасно для нее же самой. Правительственная рекомендация стала бы губить кандидатов, как губила казенную прессу, которая по одному тому, что казенная, не находила читателей. Это наследие прошлого могло исчезнуть лишь постепенно, с опытом жизни и политическим воспитанием.

Столыпин это как будто бы понял; он не ставил официальных кандидатур, не рекламировал их, предоставил партиям сражаться друг с другом, но зато он стал терпеть и поощрять более бесстыдное дело – насилие над избирателем. Этим он увеличил озлобление против себя.

Размеров этого насилия не нужно преувеличивать. Мы позднее насмотрелись на то, до чего может оно доходить. Если при большевистской революции голосование совершалось открыто, если теперь можно было предлагать избирателям общие официальные списки и называть это выборами, смешно говорить о давлении при избрании второй Государственной думы. В России в 1907 году ничего подобного не было и быть не могло. Вмешательство в выборы старались скрывать. Но и население к нему было чрезмерно чувствительно. Малейшая подобная попытка его оскорбляла и оно уже жаловалось на давление там, где его, в сущности, не было. Так, когда по предложению министра внутренних дел Сенат дал толкование некоторым статьям выборного закона, это обогатило наш язык ироническим термином «разъяснение». Так стали называть всякое «нарушение права».

Это было остроумно, но несправедливо. В сенатских разъяснениях речь шла о проблеме конфликтов, неизбежных при куриальной системе. Таким был вопрос, – где голосует крестьянин, имеющий личную собственность: в крестьянской

или в землевладельческой курии? Где голосует рабочий, имеющий квартиру: по рабочему или по квартирному цензу? От решения этих вопросов могло много зависеть. Было правильно установить для всех таких случаев какой-то общий порядок, а не предоставлять каждое отдельное дело усмотрению заинтересованных лиц или местных властей. Передача этих вопросов на единообразное разъяснение их Сенатом была приемом, который было нужно одобрить. В нем было одно из прямых назначений Сената. А между тем именно в этих «разъяснениях» было усмотрено неприличное воздействие на ход выборов.

Были и возмутительные злоупотребления власти, которая, пользуясь «исключительными положениями», арестовывала или высылала предполагаемых кандидатов. Сообщениями о таких махинациях была полна пресса этого времени. Но реального значения и их не нужно преувеличивать. Подобные действия власти ни у кого права быть избранным отнять не могли, если избиратели на своем кандидате хотели настаивать. Опаснее была возможность лишить кандидата избирательных прав привлечением его к судебной ответственности; статьи о принадлежности к незаконному обществу или о распространении преступных суждений позволяли легко ими пользоваться. Популярные выборщики накануне выборов неожиданно привлекались к следствию по этим статьям и тогда из списков совершенно вычеркивались. Но как ни действителен был этот прием для судьбы отдельного человека – на общий исход выборов и им влиять было трудно. Чтобы изменить в избирательном собрании партийное большинство, нужно было бы устранять столь многих лиц, что это стало бы слишком заметно. На это не все бы решились. Для привлечения нужно, кроме того, и соучастие судебного ведомства, которое традиции приличия еще сохраняло. За это его и не любил государь. 12 января 1906 года он писал своей матери: «Мне очень нравится новый министр юстиции Акимов; очень энергичный, с честными взглядами, начал сильно подтягивать свое поганое ведомство». Но как ни подтягивать, для судебной уступчивости в России тогда были пределы. А главное: статья избирательного закона 1905 года предписывала, в случае отмены Государственной думой избирательного производства, возобновлять его с той ступени, до какой оно было отменено. Эта перспектива была острасткой для администрации; ее плутни могли выйти наружу и повлечь неприятности «за излишек усердия». Знаменательно, что эта острастка и была уничтожена в Положении 3 июня 1907 года. По новому Положению, манипуляции для избрания выборщиков оставались вне контроля Государственной думы. Потому этот прием и стал особенно проявляться со времен третьей Думы.

Но даже с помощью этих приемов партийный состав депутатов изменить было трудно. Он только устранял отдельных заметных людей и этим искусственно понижал уровень новой Думы. Ее критики справедливо указывали на ее ненормально серый состав. Она не могла идти в сравнение с первой, в которой были почти все громкие имена нашей общественности. Во второй Думе в подавляющем большинстве были homines novi[1], из которых только впоследствии некоторые стали известны. Главной причиной такого упадка было, конечно, Выборгское воззвание, пользуясь которым правительство левую общественность искусствен-

[1] Новые люди *(лат.)*.

но обезглавило. Но к тому же результату в меньшей мере приводили и предвыборные административные ухищрения.

Если правительство ставило это понижение уровня целью вмешательства, то ее оно в известной мере достигло, но зато в смысле «партийном» результаты его стараний были обратны. Правительство старалось мешать соперникам своих фаворитов, но этим им делало только рекламу.

Приведу, как иллюстрацию к этому, выборы по Москве.

При двухстепенном избрании нельзя было обойтись без содействия партий. При прямых выборах кандидат мог рассчитывать на личную свою популярность; голоса подавались за него. При двухстепенной системе, когда для выбора четырех депутатов от Москвы надо было выбрать 160 выборщиков, избиратели для выбора излюбленного депутата должны были избирать не его, а подходящих неизвестных им выборщиков. Это требовало партийной организации. Избирателям приходилось писать на записках имена людей, которых они могли не знать и даже совсем не хотеть. По необходимости выступали на сцену партии, которые составляли списки выборщиков и являлись ручательством, что избрание их обеспечит и избрание данного депутата. В противоречии с этой, им введенной системой, правительство стало разрешать открыто выступать только тем политическим партиям, которые были легализованы.

Этого мало, им стали давать и незаконные привилегии, которые для исхода выборов были очень действительны. Возьму пример. Без опоры в законе было постановлено, чтобы избирательный бюллетень писался на специальных бланках, выдаваемых городской управой. Так как в избирательном бюллетене избиратель должен был помещать имена многих выборщиков, то при праве избирательных комиссий браковать те бюллетени, где были описки в имени или адресе, было естественно не полагаться на аккуратность самих избирателей, а раздавать им готовые списки. При выборах в первую Думу эта система практиковалась в широких размерах; все избиратели были засыпаны готовыми списками. Но теперь было решено, что только «легализованные партии» могли получать в неограниченном числе официальные бланки, следовательно, только они могли изготовлять и рассылать избирателям готовые списки. Этой возможности не было у нелегализованных партий. Легко представить себе их положение; их противники получали в управе неограниченное число бланков, их заполняли и рассылали всем избирателям; они же могли располагать только теми, за которыми их сторонники обязаны были лично являться в управы. Эта несправедливость вызывала законное негодование. Но практически и она оказалась бессильной. Поддержка, которую гонимым партиям давало за это общественное мнение, возмещала все неудобства. Кадеты не могли списков кандидатов в выборщики опубликовать от имени партии; они их печатали как будто по рекомендации частных лиц; население понимало, что это значит. Легализованные партии оповещали о своих дежурствах; у кадет такие оповещения делались тоже, но от «популярных имен» и к ним приходили. От таких же «популярных имен» были напечатаны просьбы к избирателям доставлять им лишние бланки и их ими засыпали. Избиратель поддерживал их против властей.

Атмосфера борьбы с давлением власти отразилась и на собраниях. Они не были так свободны, как прежде, когда на них мог ходить кто угодно и куда администрация не показывалась. Теперь на них допускали лишь «избирателей», права которых полиция проверяла у входа, что отнимало много лишнего времени; в собрании сидел чин полиции. Характер прений переменился. Выборы являются всегда голосованием какой-то идеи. При выборах в первую Думу шел спор между самодержавием, конституционной монархией и революцией. Для посвященных это было элементарно, а для среднего обывателя ново. Он на собраниях мог коечему научиться. Представителями идеи конституционной монархии были кадеты и эта идея дала им победу. Этот спор не был окончен; кадетам после их неудач с первой Думой вести его стало труднее и против левых, и против правых. Но позиция правительства изменила прежнюю почву для спора; перед избирателем был поставлен более простой и понятный вопрос: за кого он, за правительство или за его врагов? Идейный интерес собрания этим очень понизился. По существу политической идеологии спора уже не было. Все было проще. Собрание назначалось для нескольких избирательных участков совместно, чтобы предполагаемый докладчик, кандидат в Думу, мог выступать вне своего округа. Он в один вечер мог посетить несколько мест. Ему было легко в любой момент собрание прекратить, чтобы ехать дальше. Для этого стоило начать говорить о «кадетах». Полицейский чин вмешивался, так как партия «не легализована», собрание закрывалось, оратор становился свободен и ехал в другое собрание. Нельзя было придумать для него лучшей рекламы, чем та, которую власть взяла на себя.

Легко представить себе, что выходило из выборов в такой атмосфере. Важные проблемы, которые надлежало если не решить, то поставить, были забыты перед мелкой задачей не поддаться влиянию власти, дать ей урок. Мы были политически молоды и особенно чувствительны к уклонениям от добрых нравов. В России живее, чем на Западе, возмущали попытки правительства подкупить и развращать людей в нашем лагере. Даже те, кто нам не сочувствовал, помогали нам давать этим попыткам отпор. 22 января [1907 г.] Лев Тихомиров записывает в своем дневнике: «Вчера на выборах Московского уезда революционеры одержали победу; из восьми выборщиков – три социалиста и пять кадет. Неужели в городе будет то же самое? Нелегализованные, от Столыпина денег не получают, а бьют всех напропалую. Молодцы»[1]. Если так чувствовал враг, мудрено ли, что выборщики из «оппозиции» забывали о прежних своих разногласиях и на губернских избирательных собраниях друг друга поддерживали против всех, кто был угоден правительству? Являлась возможность этим способом отплатить за все, в чем винили правительство. Бестактное вмешательство в выборы так уродливо поставило этот вопрос и еще раз сблизило кадет с революцией.

Неопытность Столыпина, когда речь шла о настроении общества, сказалась и в том, что исхода этих выборов он ждал с оптимизмом. Его подчиненные его в этом поддерживали; шла война правительства с оппозицией, а главным оружием войны уже и тогда была ложь. Официальные «донесения» систематически искажали результаты выборов, преувеличивали успехи правительства и скрывали его

[1] Красный архив. Т. 61.

неудачи. Воспоминания Коковцова передают конфликт на этой почве между министерством внутренних дел (по отделу печати) в лице Бельгарта и Телеграфным агентством в лице А.А. Гирса; оба доставляли о выборах противоположные сведения. Бельгарт обвинял Гирса в тенденциозном извращении фактов; негодовавший на это Столыпин потребовал от Коковцова его устранения. Коковцову удалось его отстоять до окончания всей кампании, обещав, «если Гирс окажется не прав, с ним поступить по заслугам». Любопытно, что Бельгарт Коковцову этого никогда не простил.

Правда и не замедлила обнаружиться. Выборы оказались первой, но зато очень большой удачей Столыпина. Она была заслужена. Нужно быть последовательным. Меньшинство может «насилием» управлять большою страной, не считаясь ни с желаниями ее, ни с интересами. Но тогда нужно идти до конца. В таких странах не делают выборов, не допускают свободы печати, ни слова, ни личности, не позволяют критики действий властей; это условия самого существования для этой власти.

Столыпин не хотел идти этим путем; он хотел быть проводником в России конституционного правового порядка. Избирательного закона он не изменил и выборы сделал. При всех «нажимах» это были все-таки выборы. Его половинчатое вмешательство в них имело один результат: озлобило население, и его настроение отразилось на выборах. По своему официальному составу Дума оказалась негодной, чтобы работать и конституционный строй укрепить. В этом себе надо дать полный отчет.

Когда Столыпин рекомендовал местным властям поддерживать приемлемых для правительства кандидатов, их поддержка пошла на пользу «правых». Столыпин еще не понимал их «вреда» и даже видел в них опору против революционной опасности. У них к тому же были покровители помимо Столыпина и сильнее его. Все давление старой администрации потому пошло в пользу их. Страна их не хотела; в результате правым удалось протащить около десяти человек на всю Думу, точнее – шесть человек. Но польза, которую, с точки зрения власти, они во второй Думе могли принести, была уничтожена вредом, который их присутствие производило; они компрометировали собой то разумное «меньшинство», которое прошло в эту Думу, и которое в ней было нужно. В этом меньшинстве были октябристы, т.е. по своему происхождению «либеральная партия», и те правые, которые себя отмежевывали от «крайних» правых принятием характерного имени: «умеренно правые». Эти «умеренно правые» Манифеста 17 октября не добивались, но его приняли, были тоже сторонниками Столыпина. Но все это правое меньшинство – даже вместе с крайними правыми – поначалу регистрировало около 90 человек. В этом была вся опора Столыпина.

Если выборы и дали заметное усиление правого фланга, то их главной чертой было все-таки непомерное увеличение левых, социалистических и революционных партий. В них было около 220 человек (с[оциал]-демократы, соц[иалисты]-революционеры, народные социалисты и знакомые по первой Думе трудовики). В числе этих 220 человек было около 60 человек с[оциал]-демократов, не только хорошо организованных и дисциплинированных, но и находившихся в тесном

контакте с международной социал-демократической партией. Усиление левых было не одобрением их программы и тактики, но последствием озлобления населения против властей.

Подлинный же разгром на выборах потерпел конституционный центр, т.е. кадеты; их вошло в новую Думу около 90 человек, т.е. они уменьшились вдвое. Кадеты полагали, что они стали жертвой гонения администрации, которая, что было правдой, иногда предпочитала им явных революционеров. В этом объяснении, однако, они ошибались. В Москве по собственному опыту я могу утверждать положительно, что преследования нам служили полезной рекламой. Главная причина кадетского поражения была последствием их тактики в первой Думе, т.е. их стремления сочетать оба пути – конституционный и революционный и оба противоположные пафоса. Этим они не удовлетворили ни тех, ни других; те, кого они оттолкнули игрой своей с революцией, четырехвосткой, принудительным отчуждением и т.п., т.е. главным образом земские элементы, ушли к «октябристам» и «умеренно правым», а те, кто были революционно настроены, но голосовали за них в первую Думу, веря в то, что они сумеют добиться своих целей конституционным путем, разочаровались в их искусстве и пошли к более левым, которые «конституционные утопии» давно обличали. Кадетам было только полезно, что администрация их притесняла; без этого их разгром мог быть еще больше.

Кроме названных партий, в Думе было еще около 130–150 голосов беспартийных; часть их входила в национальные и профессиональные группы – поляки, мусульмане, крестьяне, казаки; часть же так и назвала себя «беспартийными». При голосовании они распадались и шли с разными группами. Только польское коло, около 45 человек, было сплоченно, голосовало единодушно, но вело свою польскую линию.

Достаточно сопоставить эти цифры, чтобы видеть трагическое положение новой Думы. Если определять ее состав в 500 голосов (на деле всегда голосовало несколько меньше), то одни социалистические левые партии составляли в ней немного менее половины (220 голосов). Если правых присоединить к ним, то они давали большинство – но только большинство красно-черного блока, заведомо нерабочее, годное для одного отрицания. Несомненное большинство получалось бы и в том случае, если с левыми голосовали кадеты; для этого кадетам было нужно перейти к левой тактике и от конституционных путей отказаться. Роспуск Думы и изменение избирательного закона были бы тоже тогда обеспечены. Достигнуть этого было легко.

Совсем иначе стояла задача – создать работоспособную Думу. Если кадет присоединить ко всему правому меньшинству, что было очевидно невозможно, то и тогда их общее число не превысило бы 150 человек. Это не было еще большинством. Рабочее большинство могло бы составиться, только если кадетам удалось бы присоединить к себе не только б льшую часть правого меньшинства, но и не определившихся еще беспартийных и более левых. Возможность образования подобного большинства и сделалась испытанием жизнеспособности этой Думы.

Когда эти цифры стали известны, разочарование политических партий было всеобщим. Я эти настроения помню. Могли ли главные победители – левые –

радоваться? Они знали отлично, что революционная волна убывала, что до нового подъема ее еще очень далеко, а к конституционной работе они не готовились. Кадеты были разбиты, вышиблены из привычной комбинации союза с более левыми. Чтобы спасти и сохранить эту Думу, надо было идти совсем новым путем, создать иное большинство, но руководители партий и их пресса не привыкли признаваться в ошибках и не решались им это советовать.

Но что замышлял в это время Столыпин? Главным побежденным на выборах оказался именно он. А ведь он не был ни уступчив, ни гибок. Поползли немедленно слухи, что Думу распустят раньше первого ее заседания или искусственно придумают и создадут предлог, чтобы ее распустить. Правые торжествовали заранее; непригодность для России конституционного строя этим будет доказана. Все эти слухи оказались неверны. Каковы бы ни были мотивы Столыпина, он на этот путь не вступил. Он учел урок выборов и сделал из него единственный правильный вывод. Надо опыт конституции довести до конца; не распускать и не провоцировать избранной Думы, попытаться с нею работать, а для этого прежде всего согласиться с кадетами, которых он еще недавно преследовал. Это тотчас пронюхали справа и были скандализованы. Лев Тихомиров записывает в своем дневнике 8 февраля: «Правительство решило всячески ухаживать за кадетами и Думой, лишь бы добиться ее союза с властью»[1].

История второй Думы и есть история этой попытки. Она кончилась неудачей, но было бы неправильно судить о ней только по ее конечному результату. Если быть справедливым, то надо будет признать, что, несмотря на нее, в Думе и благодаря Думе начался тогда интересный процесс оздоровления политических партий, возвращения к началам конституционного строя. Этот процесс не всеми был замечен; пресса его не отмечала и не ценила. Он шел снизу, в глубине думской работы, во фракциях и в рабочих комиссиях Думы, часто против журнальных шаблонов и старых директив политических лидеров. Он может остаться незамеченным и для истории, если те, кто изблизи его наблюдали, о нем не напомнят.

Извлечение публикуется по изданию:
Маклаков В.А. Вторая Государственная дума.
(Воспоминания современника).
Париж, б. г. С. 55–63.

[1] Красный архив. Т. 61.

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ МИЛЮКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Часть VI
Революция и кадеты (1905–1907)
Потухание революции (1906–1907)

Предстояло… решить, с чем пойдет [Конституционно-демократическая] партия на выборы во вторую Думу. Собрать для этого сокращенное совещание, вроде териоковского, было недостаточно. Нужно было созвать новый съезд. Сделать это в пределах русской территории было явно невозможно. Оставалась та же Финляндия. Центральный комитет остановился на Гельсингфорсе. Гостеприимные к нам финляндцы дали для наших собраний обширное помещение Societetshuset. Члены партии собрались в значительном количестве, и съезд имел обычный характер. Я, к сожалению, не удержал в памяти даты съезда[1]; протоколы съезда не могли быть напечатаны, так как съезд имел полуконспиративный характер, и я только по воспоминаниям и по позднейшим намекам могу восстановить политическое значение решений съезда. Помню только, что на нем проявила себя вновь довольно значительная «левая» оппозиция; особенно горячи были речи Мандельштама. Но общая линия тактики партии была установлена еще на съезде (III), предшествовавшем открытию первой Думы: его решения мы считали выполненными в этой Думе, насколько позволяла обстановка. Однако теперь эта обстановка глубоко изменилась, и тем, кто хотел продолжать линию строго парламентской деятельности в будущей Думе, предстояло идти дальше по пути приспособления к новым условиям. Позиция была тем более невыгодная, что позади стояла наша партийная святыня, принятая Думой и ставшая национальной: адрес первой Думы, нами проведенный и содержавший все наши прежние desiderata[2]. С другой стороны, вновь выдвинулся в первой Думе и приобрел известную реальность коренной вопрос и основная предпосылка парламентской деятельности в нашем смысле: создание ответственного министерства, опирающегося на прочное большинство Думы. Наконец, мы должны были считаться с нашими законопроектами, рассчитанными на законодательное осуществление нашей политической и социальной программы. А революция быстро шла на

[1] Съезд проходил 24–28 сентября 1906 г.

[2] Пожелания *(лат.)*.

убыль, как бы ни старались мы держать высоко наше знамя. При условии этого убывания результат будущих выборов и имеющая сложиться во второй Думе обстановка парламентской деятельности представлялись мне в довольно мрачном свете. Никакой надежды на продолжение работы хотя бы в прежнем виде у меня не было. Но надежды эти сохранялись в нашем левом крыле. Не помню, к этому ли гельсингфорскому съезду относилось шутливое замечание Винавера, что от «крыльев» у партии остались только «перья». Помню только, что прения на съезде, приведшие к этой неизбежной операции над «крыльями», были очень бурные, операция была болезненная и производить ее – и нести одиум[1] за нее – пришлось, главным образом, мне.

В несколько затушеванной форме мы провели основной принцип общего изменения тактики: «не штурм, а правильная осада». Собственно, это было даже не изменение, а только более последовательное применение того, что мы делали и в первой Думе. Но сказать это, сделать откровенный вывод из «конфликтов» в первой Думе было труднее, чем создавать отдельные факты, сложившиеся в этот общий итог. И, раз высказанный, принцип отказа от «штурма» обязывал. Прежде всего он обязывал положить наконец окончательную грань между нашей тактикой и тактикой левых. И это было второе решение, обрисовавшееся, сколько помню, уже в Гельсингфорсе. На выборах в первую Думу, при бойкоте Думы слева, нас поддерживали левые голоса и левые настроения. Теперь, как легко было предвидеть, бойкот будет снят, левые придут в Думу сами и будут действовать от собственного имени. И Партия народной свободы должна была уже на выборах выступить также с собственным лицом, не опасаясь ударов критики и всевозможных извращений, не перестававших сыпаться на нее и слева, и справа.

Я не помню, какие дальнейшие выводы были уже на этом съезде сделаны из этих общих положений. Выборы были отсрочены до начала нового года и конкретизировать задачи партии пришлось лишь по мере накопления материала, уже в осенние месяцы этого года. В ноябре (октябре?) Центральный комитет созвал в Москву представителей губернских комитетов партии, которые пересмотрели прежние тактические директивы. Здесь повторены были основные директивы гельсингфорского съезда, но было подчеркнуто, что предварительным условием для их осуществления является наличность прочного большинства в Государственной думе. Не принимая на себя, таким образом, никаких обязательств до выяснения исхода выборов, партия, однако, установила наперед свои правила «осады» власти при худших условиях. Мириться с министерством роспуска Думы она никоим образом не предполагала, но в интересах «бережения» Думы, в целях «осады» устанавливала допустимые приемы временного мирного сожительства. Сюда относилось устранение прямых конфликтов, отказ от выражения прямого недоверия министерству, что влекло бы за собой законный роспуск, создание свободной от «штурмов» атмосферы для спокойной законодательной работы, выбор на первую очередь проектов, совпадающих по темам с министерскими законопроектами, участие в обсуждении этих проектов и бюджета, со внесением отдельных поправок, строгий контроль при внесении запросов и т.д.

---

[1] Вражду (odium, *лат.*).

Что касается собственных проектов партии, вносимых в порядке ограниченных законодательных прав Думы, московская программа решила пересмотреть их, чтобы сделать их осуществимыми не в будущем, а в настоящем. В этом году на первой очереди стоял аграрный законопроект, внесенный в первую Думу лишь от имени группы членов партии. Чтобы закрепить свою победу над народным представительством, Столыпин прибег тут также к параграфу 87 Основных законов. С.Е. Крыжановский в своих воспоминания открыл секрет, что в мероприятиях Столыпина не было ничего оригинального: он просто принимал и осуществлял предложения дворянства. Прикрытием, как бы либеральным, служило при этом намерение окончательно уравнять крестьян в правах с другими сословиями. Это было, конечно, приемлемо. Но действительной целью было при этом – уничтожить крестьянское отдельное общинное землевладение путем мобилизации неприкосновенных до тех пор крестьянских наделов, отвлечь внимание крестьянства от «принудительного отчуждения» дворянских земель. Чтобы противопоставить этому покушению на благосостояние всей крестьянской массы в интересах одного зажиточного слоя, партия решила представить свой проект в наиболее приемлемом виде. Она устранила из первого думского проекта «социалистический» привкус, заключавшийся в создании постоянного «земельного фонда», из которого земля раздавалась бы не в собственность, а в пользование.

Это вызывало громы и молнии по поводу покушения партии на священные права собственности. Центральный комитет собрал своих лучших специалистов (включая Н.Н. Кутлера), устраивал областные совещания для выяснения местных условий крестьянского землевладения, отпечатал ряд докладов их; работа длилась всю зиму и партия готовилась внести в Думу детально разработанный проект по самому капитальному из спорных вопросов между населением и властью. Пересмотрены были и другие законопроекты, приготовленные для первой Думы нашими московскими законоведами.

Мы видели, что Столыпин готовился к созыву второй Думы по-своему. К концу года и его приготовления стали энергичнее и последовательнее. Для дальнейших мероприятий по выборам все политические партии были разделены на легализованные и нелегализованные: к первым были причислены Союз русского народа, октябристы и – после некоторых колебаний – те «мирнообновленцы», которые отказались быть соучастниками Столыпина в его министерстве. Партия народной свободы была объявлена нелегальной. Это значило, что все формальные проявления ее участия в выборах были ей запрещены. Чиновникам и «служащим» (в самом широком смысле) было запрещено в ней участвовать. Напротив, духовенство указом Синода 12 декабря было «призвано к деятельному участию» и обязывалось «непременно явиться». Круг избирателей всячески суживался. Изданная к самому моменту выборов инструкция указывала ряд дальнейших уловок, чтобы удалить от урн нежелательные элементы и сосредоточить покровительствуемые властью, а также устранить газетную и устную агитацию оппозиции. Но всего тут не перечислишь.

Дворянство и черносотенцы приложили со своей стороны все усилия, чтобы провести выборы в своих интересах. Больше всего те и другие опасались того, к

чему стремились к.д.: спокойной и корректной Думы. Если «не к чему будет придраться, – говорилось на экстренном съезде дворянства 24 ноября, – то под защитой авторитета, завоеванного внешней законностью действий, она проведет законы, гибельные для государства». «Таким образом, укрепится в России парламентаризм, и Дума станет постоянным учреждением». Отсюда директива, данная Пуришкевичем, – где нельзя будет выбрать правых, выбирать «крайних левых». «Так решает Союз русского народа!».

Словом, без изменения избирательного закона дальше идти было некуда. Что же получилось в результате? Приведу сравнительную таблицу партийного состава первой и второй Дум:

1.	Крайне правых	?	63
2.	Умеренных правых (октябристы, умеренные)	38 (8%)	34 (7%)
3.	Беспартийных (большей частью скрытых реакционеров)	112	22
4.	Кадетов	184 (38%)	123 (24%)
5.	Польских депутатов	32	39
6.	Трудовиков и вообще «левее к. д.»	85 (18%)	97 (20%)
7.	Социалистов (с.-д., с.-р., народн[ых] соц[иалистов])	26 (5%)	83 (17%)

Правительству удалось обессилить Думу, лишив ее прочного большинства. Но ему не удалось сделать Думу своею. Мало того, маленький избирательный бюллетень, несмотря на все попытки искажения выборов, сделал свое дело – он показал действительное настроение громадного большинства русского населения: вторая Дума вышла гораздо левее первой. Кадетские голоса лишь перешли частью к левым и к социалистам, впервые выступившим от своего имени. Правительство получило всего пятую часть состава Думы. Это была блестящая победа оппозиции и неожиданный по глубине и серьезности провал правительственной политики.

Таково было первое впечатление. Но по существу дело стояло иначе. Крайние правые достигли своей цели. Дума делилась не на две, а на три части. Правая и левая, черносотенцы и социалисты, одинаково стояли на почве внепарламентской борьбы – на точке зрения насильственного государственного переворота. Строго «конституционным» оставался один кадетский центр. Правда, в первый же месяц к нему в голосованиях примкнули национальные и профессиональные группы: поляки, мусульмане, казаки. Вместе они составляли 180–190 чел[овек]. Но это еще не было большинство и элемента прочности в себе не заключало. Ехидные голосования правых с левыми всегда могли его майоризировать[1].

Самый состав фракции к.д. значительно изменился. Выбыли из строя «выборжцы» – и вместе с ними отошел от практической политики целый слой сколько-нибудь искушенных в политической борьбе русских граждан.

Это были в основе своей земцы-конституционалисты, закаленные в борьбе земства с режимом Плеве. На их место пришли люди, достойно представлявшие русскую интеллигенцию, но вышедшие из рядов, мало связанных с поли-

[1] Увеличить; от *франц.* majorité – большинство.

тической деятельностью. Во главе шли идеологи (Струве, Новгородцев), ученые (Кизеветтер), профессиональные юристы (В.А. Маклаков, Н.В. Тесленко, Вл. Гессен), специалисты разных отраслей (Н.Н. Кутлер, Герасимов) и т.д. По высоте культурного уровня фракция продолжала стоять на первом плане; ее техническая работа также доминировала над другими. Но политической инициативы в ее среде не было. Она нуждалась в руководстве извне и следовала решениям партии и ее установившейся традиции.

У меня лично уже не оставалось в среде фракции таких тесных связей, которые соединяли меня с вождями первой Думы. Не оставалось и тех надежд, которые заставляли прочно запречься в ее колесницу. В сознании потухания революции я не мог верить ни в ее прочность, ни в возможность для нее проявить тот напор, который составлял моральную силу первой Думы. Не стоя уже не гребне волны, фракция брала своей работоспособностью, своими знаниями, своей готовностью к самопожертвованию. За малыми исключениями, она была хорошо дисциплинирована и идейно сплочена. Свою неблагодарную задачу спасать идею народного представительства и парламентарной тактики она выполняла стоически. Я, однако, не отходил от раз занятой и признанной за мною позиции главного рупора и толкователя деятельности фракции. Второй сборник моих статей в «Речи» за сто дней существования этой Думы свидетельствует о внимательном наблюдении за деятельностью фракции и о постоянном подчеркивании – иногда и критике – политического смысла ее поведения. Отдана здесь дань и моему пессимизму относительно окончательного исхода – пессимизму, который, впрочем, широко разделялся не в одних только наших рядах. Это настроение набрасывало какой-то флер на всю нашу работу, но, хотя надежда убывала, уныния у нас не было. Мы честно делали свое дело, не уступая ни нападкам слева на наше бессилие, ни уговариваниям и намекам из правящих сфер на возможность компромисса, ни издевательствам и злорадству правых по поводу нашей неприступности. Мы были довольны тем, что добросовестным заблуждениям и извращениям нашей роли на этот раз не было места. Мы шли своим путем, делали свое дело и оставляли свой урок – если не для настоящего, то для будущего.

Извлечение публикуется по изданию:
Милюков П.Н. Воспоминания.
Т. 1. М., 1990. С. 413–418.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ЧЕТЫРЕ ДНЯ НА ВЫБОРАХ

Выборы двух членов Государственной думы от Енисейской губернии закончены, четырехдневное сидение осталось позади, и теперь наступил момент, когда является возможность дать некоторый отчет о происходившем.

Губернское избирательное собранье было назначено столь неожиданно быстро, всего за четыре дня до выборов, для столь огромной территории, как Енисейская губерния, что большинство выборщиков, хотя и съехались на избирательное собрание в Красноярск, но собрались, не получив на местах никаких официальных уведомлений о дне выборов, а по приглашению частных лиц или партийных организаций или случайно оказались в это время в Красноярске.

Те же из выборщиков, которые обитали вдали от телеграфа и железной дороги, как напр[имер], в Ачинском, и особенно в Енисейском уезде по р. Ангаре (около 600 верст от телеграфа), не только не имели никакой физической возможности прибыть ко дню выборов, но, пожалуй, и получить приглашение.

Для ознакомления друг с другом и совместного обсуждения программных вопросов и тактики оставался один только день – 13 марта [1907 г.], в который председателем и было назначено два собрания – утреннее и вечернее.

На предвыборные собрания выборщики собирались медленно, вместо назначенных десяти часов утра большинство выборщиков пришли в двенадцатом, вместо шести вечера в восьмом.

После приветственных слов председателя собрания (городск[ого] головы П.К. Гудкова) к выборщикам и сообщения о том, что два выборщика от Минусинского уезда – Д.Е. Монаков и И.И. Ермолаев находятся в тюрьме, семь не прибыло, всех собравшихся 22, предвыборное собранье было объявлено открытым. Некоторыми выборщиками был возбужден вопрос о том, что ввиду ареста двух выборщиков и отсутствия некоторых из отдаленных районов, вследствие спешности созыва, нельзя ли предпринять соответствующие ходатайства, чтобы арестованные товарищи приняли участие в выборах, а также дождаться прибытия остальных и употребить это время на бóльшее ознакомление друг с другом, отсрочив самые выборы на день-два.

На это было выяснено, что Монаков привлекается по 129 ст[атье] и лишен права участия в выборах, выборы же Ермолаева кассированы, а откладывать день выборов, ввиду уже состоявшегося Высочайшего назначения, невозможно.

За краткостью оставшегося времени для предвыборных собраний развивать программы тех или других политических партий не представлялось возможности, а потому было решено взять хотя несколько вопросов и рассмотреть их с разных точек зрения.

Одним из представителей Партии народной свободы первым был поднят вопрос о необходимости ответственного министерства и о расширении прав Государственной думы. Все были согласны в том, что пока власть будет находиться не в руках министерства, пользующегося доверием большинства Думы, все лучшие народные стремления, требования, решения Думы не получат надлежащего разрешения и не будут проведены в жизнь. Возражал против этого один представитель партии Союза русского народа от[ец] Варсонофий Захаров, который, указывая на отсутствие ответственного министерства в Германии и других странах, находил, что ответственное министерство у нас в России едва ли будет соответствовать желаниям самого народа. В защиту вопроса об ответственном министерстве было сказано несколько слов и св. от[цом] Бриллиантовым…

Затем перешли к обсуждению переселенческого и аграрного вопросов, и мнения по этим вопросам уже значительно разошлись. По переселенческому вопросу некоторые из крестьян находили желательным, за отсутствием свободных земель в Сибири, прекращение переселений, как дорого стоящих государству и разорительных для самих переселяющихся крестьян. Другие допускали возможность переселения на свободные места, но чтобы эти переселения не задевали интересов сибирских крестьян и их норм надела; они указывали, что сибирская земля по своим качествам для земледелия далеко уступает российской, особенно черноземной полосы. Что же касается до разрешения аграрного вопроса в России, вызываемого крайним малоземельем, то часть крестьян, разделяющая взгляды Крестьянского союза, стояла на точке зрения национализации земли, что земля Божья и должна принадлежать всему народу и перейти в государственный фонд вместе с частновладельческой без всякого вознаграждения.

Представители Партии народной свободы, отстаивая необходимость сохранения норм надела для сибирских крестьян, вполне обеспечивающих их хозяйственный быт (причем при переселениях из Европейской России интересы сибирских крестьян не должны страдать), изложили свою аграрную программу в смысле дополнительного наделения малоземельных и безземельных крестьян землею, для чего должны поступить в государственный земельный фонд, кроме государственных, все удельные, кабинетские и монастырские земли без всякого выкупа, частновладельческие же земли с выкупом по справедливой оценке за счет государства. Они указывали на этот путь как на единственно возможное мирное разрешение вопроса, так как безвозмездное отчуждение частновладельческих земель не только может затруднить, но сделать проведение самой земельной реформы невозможной и, кроме того, конфискация частновладельческих земель противоречит общественной справедливости.

При национализации земли, да еще без выкупа, все земли должны поступить в государственный фонд и от государственной законодательной власти будет зависеть выработать и установить нормы крестьянского надела с небольшими ко-

лебаниями по местным условиям. Вряд ли сами крестьяне согласятся передать все свои земли в государственный фонд для справедливого перераспределения между ними земель, особенно те, у коих настоящие наделы окажутся выше будущих норм. Если принять за среднюю норму надела в настоящее время в пределах Европейской России две с половиной десятины на душу, то и при переходе всех земель, пригодных для земледелия в государственный фонд с выкупом или без выкупа, насколько позволяют судить сборные статистические данные, прибавка к существующим в настоящее время наделам выразится не более [в] полуторах или двух десятинах на душу. Можно себе представить, какое огромное сопротивление будет встречено при осуществлении национализации земли, не говоря о дарственных имениях, а со стороны мелких собственников и крестьян, имеющих земельные участки выше этих, могущих быть установленными, норм надела, кои путем долгого труда и сбережений были приобретены ими, а теперь должны будут поступить в государственный фонд, да еще без выкупа, если сибирские крестьяне только что высказывались за сохранение в неприкосновенности их 15-десятинного надела на душу, полученного из свободных казенных земель без всякого с их стороны вознаграждения?

Как бы ни разрешился аграрный вопрос в пределах Европейской России, но если принять во внимание прирост населения империи в два миллиона душ, то переселенческая волна из Европейской России в Сибирь не остановится, и с этим неизбежно нужно будет считаться. Сибирь вряд ли будет считаться какой-то особой колонией, с особыми формами землевладения, и при национализации земли эти нормы надела землей коснутся и Сибири, и вряд ли сибирские крестьяне охотно согласятся отдать половину или две трети своих наделов в государственный фонд, поэтому взгляд части сибирских крестьян, высказывающихся за национализацию земли и передачу ее в государственный фонд, есть скорее продукт недоразумения.

Представитель Социал-демократич[еской] партии И.К. Юдин находил несправедливым выкупать частновладельческую землю, а согласно своей партийной программе высказывался за отобрание всех земель и от частных владельцев без всякого вознаграждения и передачу их народу в форме муниципализации, т.е. передачи в руки организованных на демократических началах земств, областных организаций и пр. Члены Партии народной свободы на это возражали, что такое решение земельного вопроса в корне противоречит всему строю воззрений социал-демократии.

Эта классовая партия должна стремиться скорее капитализировать и концентрировать все отрасли производства как в области индустрии, так и в сельскохозяйственной промышленности в руках немногих капиталистов, и, когда это будет достигнуто, тогда обобществление средств производства будет достигнуто легко. Поэтому обеспеченный землей крестьянин явится только лишней помехой на пути к осуществлению социалистического идеала. По существу своих идей они, соц[иал]-демокр[аты], должны стремиться к скорейшему переходу крестьянства в пролетарские массы. Так, по крайней мере, было видно и из их первых аграрных программ, в которых они обещали крестьянам только «отрезки», и

только впоследствии, когда увидали, что с такой программой нельзя привлечь на свою сторону крестьянские массы, они переделывали свои аграрные программы неоднократно на своих партийных съездах, но чисто из тактических соображений, чтобы не отпустить крестьян из-под своего влияния.

Что ж касается несправедливости выкупа земли из частной собственности, как выразился соц[иал]-дем[ократ] И.К. Юдин, то на это члены Партии народной свободы возражали, что от такого разрешения аграрного вопроса пострадали бы не только помещики, но и многочисленные мелкие капиталисты, внесшие свои сбережения в ссудно-сберегательные кассы, где они обращены в процентные бумаги, а также многие крестьяне, употребившие свои сбережения на покупку земель.

Лишение собственников земель без вознаграждения было бы вообще актом высшей несправедливости по отношению [к] лиц[ам], вложившим свои капиталы и сбережения в землю.

Если проводить принцип конфискации по отношению земель, то логически и справедливо было бы проводить его и по отношению всех форм частной собственности, будет ли таковая заключаться в недвижимых имуществах, фабриках, заводах и денежных знаках, но на это не решаются в настоящее время и сами социал-демократы, и говорят, что осуществление широкого социалистического идеала – дело далекого будущего. Такое разрешение аграрного вопроса, как рекоменд[ует] Соц[иал]-демокр[атическая] партия, вызовет огромное сопротивление в стране и сделает самую реформу невозможной. С вопроса аграрного перешли к тактике партий в Государственной думе и вне Думы.

Представители Партии народной свободы подвергли критике и разбору тактики политических партий, остановившись на различии тактик крайних левых партий и Партии народной свободы. Доказывая невозможность в настоящее время революционной борьбы, за которую стоят крайние левые партии, по чисто техническим соображениям, они находили единственно возможной мирную борьбу, даже в тех узких конституционных формах, которые имеются в настоящее время, а средства к тому имеются в руках, а именно: займы, хотя и ограниченное бюджетное право, скорейшее проведение реформ местного самоуправления и организация общественного мнения на местах. Если народ спокойно, твердо, устойчиво пойдет этой дорогой, то победа в этом случае, может быть, будет и не так скоро, как было бы желательно, но она будет надежнее и обойдется народу гораздо дешевле, т.к. необходимость в революции, вряд ли возможной в наше время, сама собою исчезнет.

Партия народной свободы будет продолжать в Думе то, что начала; она идет в Думу с целым рядом выработанных законопроектов; она не рассчитывает на штурм, а на немедленную осаду, потому будет беречь Думу, чтобы она сделалась дорогим учреждением для народа, и стремится добиться на первое время хотя частицы свободы, чтобы народ мог бороться за всю свободу.

Партия эта придерживается той же тактики – мирной парламентской борьбы, какой держатся лучшие вожди и учителя… социал-демократии в Германии, там, где нет ответственного министерства и с которой никак не хотят согласиться

представители наших крайних левых партий, которые смотрят на Думу как на революционную трибуну. Революционный путь и тактика крайних левых партий в первой Думе уже были ими испробованы, – они были роковой ошибкой и повели к роспуску Думы и усилению кровавой реакции.

Повторение этих приемов и тактики во второй Думе может повести к страшнотягостным последствиям, от этого может зависеть судьба народного представительства в России, и тогда это будет уже больше, чем роковой ошибкой. Хотя выборщики из крестьян высказывались в общем мало, но общее настр[оение] было резко оппозиционное.

Около двух часов дня был сделан перерыв до вечера, и утреннее предвыборное собрание было закрыто.

После перерыва, на вечернем заседании, на которое прибыли еще несколько выборщиков из уездов, первым возник вопрос об освобождении арестованных выборщиков и об арестах и репрессиях, чинимых администрацией в Минусинском уезде, и последовавшее вслед за этим решение отправить председателю [Совета] министров известную телеграмму, уже напечатанную в газетах, было встречено единодушно всеми выборщиками, за исключением св. от[ца] Варсонофия Захарова.

Продолжались еще некоторое время прения по аграрному вопросу, и от[ец] Варсонофий Захаров высказал, что предлагавшиеся решения аграрного вопроса нарушают институт частной собственности, который крепко поддерживается правительствами всех стран, и нигде еще аграрный вопрос не разрешался так, как его хотят решить у нас, но на это ему возражали, что принудительное отчуждение частной собственности в общегосударственных целях существует в современных законодательствах, что при освобождении крестьян от крепостной зависимости правительство тогда еще признало возможность отчуждения помещичьих земель для передачи крестьянам, и, наконец, за последние годы произведена земельная реформа в Ирландии, близкая к указанному выше принципу.

Затем С.В. Востротин коснулся чисто сибирских вопросов. Сибирь была до последнего времени по отношению к метрополии как бы пасынком у злой мачехи, и ее не коснулись реформы освободительного движения 60-х годов. Волна эпохи Великих реформ не докатилась до Сибири, – до сих пор Сибирь не имеет земства, суд, хотя и введен за последние годы, но уже искалеченный позднейшими изменениями и без его лучшего украшения – суда присяжных. Представительство Сибири в Государственной думе весьма слабое по числу членов на столь огромную территорию, весьма разнообразную по своим условиям и жизни. Сибирь не имеет своих представителей в Государственном совете, поэтому естественно, что среди коренной интеллигенции родились мечты о сибирской областной думе, но это пока мечты, осуществление которых возможно ожидать только тогда, когда они проникнут в сознание широких масс сибирского населения.

Кроме этих реформ чисто гражданского благоустройства, есть еще вопрос, имеющий большое экономическое значение для Сибири и, в частности, для всей Енисейской губернии, это вопрос о восстановлении беспошлинного ввоза иностранных товаров через устье реки Енисей. Изложив краткую историческую

справку об этом пути, он подробно остановился на том огромном значении, какое этот путь мог приобрести для бассейна реки Енисей с точки зрения вывоза различных сибирских дешевых и громоздких продуктов до разных районов губернии, которые не могут пробиться на рынки ни на запад, ни на восток, вследствие высоких железнодорожных тарифов, по дальности расстояния и остаются мертвым капиталом.

Начиная от низовьев реки Енисей с его рыбными и минеральными богатствами, где нашли бы себе занятие и заработок как местное, так и вымирающее от нищеты и болезней инородческое население Крайнего севера, поднимаясь выше по реке, пошел бы за границу лес, который дал бы огромный заработок населению неземледельческой полосы и увеличение общегосударственного дохода. Из верхних частей бассейна Енисея вывозились бы продукты сельского хозяйства и животноводства, которые испытывают в настоящее время угнетенное состояние рынка, вследствие упадка промышленности в крае и извозного промысла с проведением Сибирской железной дороги в уездах Ачинском, Красноярском и Канском; в будущем же, с увеличением населения от естественного прироста и переселенческого притока, угнетенность рынка будет еще более увеличиваться. Путь этот важен и с точки зрения ввоза – в смысле удешевления всех товаров, облегчения для возникновения мелкой кустарной и крупной промышленности, развития судоходства, удешевления обмена товаров и в результате развития производительных сил страны и повышения экономического благосостояния населения всей губернии. Тормозом всему этому служит правительство, которое закрыло беспошлинный ввоз через устье р. Енисея в угоду небольшой кучке крупных российских промышленников, исходатайствовавших это.

Предложение о том, чтобы будущие депутаты от Енисейской губернии поддержали эти сибирское вопросы в Государственной думе, было сочувственно принято всеми выборщиками. Говорилось несколько о милиции или регулярной армии, о необходимости постоянной связи между будущими членами Государственной думы и населением при посредстве выборщиков, и в конце от[ец] Варсонофий Захаров поднял вопрос об отношении к разным национальностям в России, кончившийся личным столкновением инициатора вопроса с представителем социал-демократии И.К. Юдиным, при общем нежелании остальных выборщиков даже обсуждать этот странный и неуместно поднятый вопрос. Все национальности и все вероисповедания должны быть равны – было общим мнением выборщиков.

Было уже около десяти часов вечера, два заседания в течение одного дня уже достаточно утомили всех, и председатель к общему желанию прекратил прения, предложив выборщикам остановиться на кандидатах в члены Государственной думы, так как завтра предстоят выборы, начало коих назначено в 12 часов дня.

Передав выборщикам приглашение преосвященного пожаловать на молебен в кафедральный собор к десяти часам утра, председатель объявил предвыборные собрания законченными и закрыл заседание. Кстати заметить, что избранный на другой день в члены Государственной думы от[ец] Бриллиантов на предвыборных собраниях 13 марта по программным вопросам и тактике не сказал почти ни одного слова и не обнаружил своей политической платформы.

В кафедральном соборе, в который я попал к назначенному времени, было очень мало молящихся, – небольшая кучка выборщиков не более 8–10 человек сгруппировалась около одной колонны в ожидании молебна и прибытия остальных выборщиков. Солнечные лучи весеннего дня проникали через большие окна и наполнили светом внутренность храма, но отсутствие молящихся и томительное ожидание делало храм одиноким и пустынным. Время монотонно тянулось, священники выглядывали с клироса, ожидая прибытия кого-то. Присутствовавшие в храме выборщики из крестьян начинали беспокоиться, что молебен начнется поздно и они не успеют попасть к 12 часам на избирательное собрание, двери которого после 12 закроются, и никто не будет впущен. Они начинали доказывать, что ожидать остальных нет оснований, так как вчера еще многие не рассчитывали присутствовать на молебне. Около 10 с половиной часов прибыл в собор енисейский губернатор и молебен начался. Вскоре после начала молебна подошли разом почти все остальные выборщики и одновременно с ними св. от[ец] Бриллиантов. Другой свящ[енник], выборщик от г. Красноярска, Варсонофий Захаров участвовал в архиерейском служении молебна соборне.

Преосвященный обратился к выборщикам с речью, сущность которой сводилась к тому, что им предстоит совершить по воле самодержавного государя высокую миссию – избрать двух представителей в Государственную думу от Енисейской губернии. Указав на внутренние смуты, разъедающие Россию, «главными виновниками коих являются инородцы и иноверцы», он призывал выбирать истинно-русских людей, крепко стоящих за царя, за веру православную, за Русь, [сказав, ч]то лучшими защитниками этих устоев могли бы быть священники, но не те священники-отступники, развивающие крамольные мысли, которых все же немного на Руси. Эта речь при том настроении выборщиков, в котором они находились, производила на всех обратное впечатление.

После обычного многолетия и целования креста выборщики быстро спешили покинуть храм, чтобы вовремя поспеть на избирательное собрание. На пути от собора до собрания выборщики, двигавшиеся группами, делились впечатлениями службы и речи преосвященного, и в этих безыскусственных беседах невольно сам собою решался церковный вопрос – церковь должна быть иной.

«Если бы два года тому назад, – говорил один крестьянин, – я попал в губернский город, в этот собор, на такое же служение, у меня полились бы слезы умиления от всего этого, теперь же я испытываю совсем другие чувства».

В 11 с половиной часов все выборщики, съехавшиеся ранее в Красноярск, были уже в зале собрания; за несколько минут до закрытия дверей вошел еще выборщик, приехавший из ближайшего района Енисейского уезда, П.А. Иванов, едва попавший только к выборам. В 12 часов председатель объявил собрание открытым и, познакомив с законоположениями о выборах, объявил перерыв на полчаса для совещаний. Выборщики разделились на группы, но уже чувствовалось заранее принятое решение у большинства. Предполагалось по примеру прошлого года избрать одного депутата из интеллигенции от городов и другого из крестьян. Трагическое положение было выборщика от Енисейского уезда, прибывшего, как сказано выше, за несколько минут до выборов и не успевшего озна-

комиться не только со взглядами выборщиков, но даже с лицами; он мотался от одной группы к другой, и в разных группах ему предлагали разных кандидатов, и он просил только хотя показать то лицо, на которое указывали как на желательного кандидата в Думу.

Звонок председателя собирает всех выборщиков по местам. Предлагается предварительно на записках указать кандидатов и избрать ассистентов из выборщиков для счета голосов и записей. Записки поданы, производится подсчет голосов, из которого выясняется, что наибольшее число голосов по запискам – 14 из 27 получил от[ец] Бриллиантов, затем идут два крестьянина Канского уезда – Черепанов и Круглов, затем другие. Перед началом баллотировки поднимается вопрос, что, ввиду полученного от[цом] Бриллиантовым большинства записок, на основании чего можно предполагать, что он и будет избран членом Государственной думы, желательно остальным выборщикам познакомиться с его политическими взглядами и тактикой, каких он будет держаться в Государственной думе, так как на предвыборных собраниях он совершенно не высказывался по этим вопросам.

Раздаются голоса: «Желательно выслушать, иначе мы не знаем, за кого баллотируем», на это отвечают другие сплоченные голоса: «Не надо, мы знаем его, это может повредить ему». Приступают к баллотировке шарами, и от[ец] Бриллиантов получает 14 избирательных и 12 неизбирательных. Вслед за ним баллотируются два крестьянина Канского уезда: Д.И. Черепанов и Н.А. Круглов – и не получают большинства, остальные тоже. В избирательном собрании среди выборщиков почувствовался раскол, начались взаимные упреки. Всех было предложено по запискам семь человек, и число полученных голосов шарами распределяется след[ующим] образ[ом]:

	Избирательных	Неизбирательных
Священник А.И. Бриллиантов	14	12
Д.Н. Черепанов (крестьянин)	11	15
Н.А. Круглов (крестьянин)	10	16
И.К. Юдин (социал-демократ)	9	17
С.В. Востротин (член Партии народной свободы)	9	17
И.Г. Корн (член Партии народной свободы)	9	17
В.А. Кузнецов (крестьянин)	7	19

Председатель объявляет продолжение выборов на следующий день для выбора второго депутата и закрывает собрание. Группа выборщиков просит от[ца] Бриллиантова познакомить с его политической программой после собрания, он обещает это исполнить на следующий день, собравшись часом раньше назначенного времени для выборов. Насколько можно было выяснить происшедшее из разговоров с выборщиками, ход дела представляется в следующем виде: минусинцы в составе десяти выборщиков, за исключением двух арестованных и лишенных избирательных прав, явились на выборы, частью связанные партийной организацией, частью словом единства уезда, с определенным решением –

избрать двух депутатов в Государственную думу из своей среды.

По приезде в Красноярск сплоченная часть минусинских выборщиков вела в этом отношении деятельную агитацию среди крестьянских выборщиков других уездов. Потеряв полную уверенность в этом отношении после предвыборных собраний 13 марта, накануне выборов они решили пожертвовать одним из своих намеченных выборщиков из минусинских крестьян и, подметив стремления двух выборщиков из крестьян Канского уезда – Черепанова и Круглова быть избранными членами Государственной думы, предложили поддержать их своими голосами, если в свою очередь большинство канских выборщиков из крестьян поддержит одного из кандидатов, выставляемых минусинцами. Канцы, по-видимому, сдержали свое слово, но когда дело коснулось до выборов депутата от крестьян из канцев, то у минусинцев вернулась надежда, провалив канцев, провести и другого депутата из своих, найдя поддержку среди других выборщиков.

На следующий день раскол чувствуется еще сильнее, принимает открытую форму. Выборщики из крестьян замыкаются в себе и разбиваются по уездам, утрачивается доверие друг к другу, и является полная невозможность объединить[ся] на каком-либо кандидате. Никто уже не поднимает вопроса о достойном и желательном кандидате в Думу. Против кандидатов из минусинцев восстают остальные уезды, и, в свою очередь, нельзя согласить все остальные уезды остановиться на одном каком-либо кандидате из своих выборщиков. У многих крестьян возникает желание попытать счастье баллотироваться в члены Думы. Минусинцы выставляют из своей среды Снегирева и Лаптева.

По запискам предложно 11 кандидатов. Начинается слепое катание шаров, и все намеченные кандидаты не получают большинства.

Вчерашний кандидат из канских крестьян – Черепанов, получивший 11 голосов, сегодня получает только 6, Круглов вместо 10 – 8, относительно первого крестьяне-выборщики открыли, что он служил урядником. Из прочитанных председателем законоположений видно, что завтра третий и последний день, и выборы будут считаться окончательными, хотя бы лицо, избранное в депутаты, и получило только относительное, а не абсолютное большинство. Атмосфера выборов принимает характер азартной игры – утрачивается спокойное и высокое отношение и исчезает всякая нравственная сдержка в важной и ответственной задаче выборов.

Собрание закрыто, и выборщики расходятся без желания сговорится на каком-либо кандидате. От[ец] Бриллиантов ни в этот, ни на следующий день не удовлетворил желания остальных выборщиков познакомить их со своей политической программой.

Минусинские выборщики, утратив всякую надежду привлечь на свою сторону голоса выборщиков других уездов и не оставив мысли провести депутата в Думу все-таки из своей среды, зондируют почву среди городских выборщиков. Один даже из выставленных минусинцами кандидатов из крестьян обращается с запросом к группе городских выборщиков – кого они желали бы иметь вторым депутатом в Думе – крестьянина или социал-демократа? Если городские выборщики не присоединятся к минусинским выборщикам, то мы – минусинские кре-

стьяне – решаем отдать свои голоса социал-демократу, вполне сознавая, что программа социал-демократической партии не подходит крестьянству, но он может быть товарищем по оружию. Часть городских выборщиков выражает готовность отдать свои голоса прогрессивному крестьянскому выборщику, но намеченному большинством крестьян без различия того или другого уезда, а не партийной организацией или выборщиками одного уезда.

16 марта последний и решительный день. Выборщики все в сборе. Делаются все возможные попытки остановиться на каком-либо кандидате. Никакого согласия, чувствуется полный раскол. Прогрессивный крестьянин Минусинского уезда Кравченко выставляет свою кандидатуру, его поддерживают некоторые, однако один из минусинских выборщиков из крестьян высказывается, что если он отдаст половину жалования, то его кандидатуру будет поддерживать, большинство же крестьянских выборщиков остальных уездов отказываются баллотировать за него как минусинца.

Выборщики остальных уездов, кроме Минусинского, собираются на совещание в отдельной комнате, чтобы наметить кого-либо из своей среды, но и здесь никакого объединения на каком-либо кандидате. Чувствуется угнетающая атмосфера, характер выборов теряет свое моральное значение и превращается в слепую игру. Поднимается даже вопрос среди группы выборщиков, что, ввиду утратившегося среди выборщиков спокойного и высокого отношения к выборам и нежелания взять на себя нравственную ответственность перед пославшим их населением, после всех безуспешных попыток привести и прийти к единодушному решению, о готовности их покинуть избирательный зал, вследствие возможности совершенно случайного выбора.

Председательский звонок призывает по местам. Начинается писание записок; выставлено 10 кандидатов, из коих шесть получило по одной записке; затем в порядке постепенности [проводилось] голосование.

Число полученных шаров, предложенных по запискам кандидатами в порядке относительного большинства следующее:

		Избирательных	Неизбирательных
И.К. Юдин (соц[иал]-дем[ократ])		11	15
П.Ф. Кравченко (кр[естьянин], пр[огрессивный])		11	15
С.В. Востротин ([член Партии] народной свободы)		9	17
С.С. Медведев	Крестьяне прогрессивного направления	8	18
Н.А. Круглов		7	19
А.Я. Снегирев		7	19
И.А. Ячменев		6	20
Д.Н. Черепанов		6	20
Ф.Е. Лаптев		6	20
Ф.Р. Тарханов		2	24

И.К. Юдин и крестьянин Минусинского уезда Кравченко получают одинаковое относительное большинство голосов – по 11 из 26. Вопрос, говорит председатель, должен быть решен по жребию. Пишутся записки, на одной – «член Государственный думы», на другой – «выборщик», запечатываются в конверты и кладутся в избирательный ящик. Азарт игры достигает высшего напряжения, идет последняя ставка.

Первым вынимает по жребию И.К. Юдин, и из распечатанного конверта вынимается записка «член Государственной думы».

Лотерея окончена. И.К. Юдин обращается к выборщикам с несколькими словами, в которых высказывает, что хотя он и удостоился высокой чести быть членом Государственной думы, но этим он обязан простой, слепой случайности, надеется в своей дальнейшей работе на поддержку выборщиков и населения.

Так закончились вторые выборы от Енисейской губернии двух членов Государственной думы. Из 27 выборщиков за три дня голосования 15 лиц баллотировались в члены Государственной думы.

Хотя избранный депутат в Государственную думу от[ец] Бриллиантов и не познакомил остальных выборщиков со своей политической программой и тактикой, каких он намерен держаться в Государственной думе, программа и тактика второго как социал-демократа, известны, но оба они, как говорят лица, близко знающие их, – хорошие люди. Пожелаем им от души успеха в столь серьезной, трудной и ответственной работе, пожелаем, чтобы их политические взгляды и тактика отвечали чаяниям и стремлениям большинства населения Енисейской губернии, но если взгляды и тактика не будут отвечать этим желаниям, то вся ответственность в этих выборах должна лечь на нелепый избирательный закон, предоставляющий тридцати выборщикам от всех уездов решать судьбу выборов всей губернии.

Публикуется по изданию:
Четыре дня на выборах.
Красноярск, 1907. С. 1–22.

ОКТЯБРИСТЫ

ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ БАРТЕНЕВ

ОПОЧЕЦКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ГРАФЕ П.А. ГЕЙДЕНЕ

Со времени созыва Государственной думы П.А. [Гейден] надолго покинул Опочку, и жизнь снова замерла. Еще во время Думы публика увлекалась газетными отчетами. Интерес к Думе был большой. Дума была в общем довольно популярна; особенно крестьяне ждали от нее скорой нарезки земли.

Речи графа большинству не нравились: они шли вразрез с общим настроением, которое все левело. Впрочем, графу был послан сочувственный адрес, подписанный более, чем ста лицами. По мере того, как разгорался конфликт с правительством, среди крестьян подымались разговоры о поддержке Думы. «Если Думу разгонят, то вся Россия взбунтуется, – говорили многие из мужиков. – Мы тогда податей платить перестанем и в солдаты не пойдем». Податей, т.е., главным образом, земских сборов, они и так не платили, но водку пили, как никогда.

В 1906 г. продажа казенного вина была самая большая со времени введения в нашей губернии монополии. Но вот Думу распустили; известие об этом подействовало ошеломляющим образом, но фактических проявлений негодования не было. Выборгские воззвания ходили по рукам, но идея финансового и рекрутского бойкота не представляла у нас ничего нового. Финансовый бойкот и так до известной степени шел, пока осенью полиция не стала взыскивать, и тогда покорно стали платить. О рекрутской забастовке были одни разговоры, но на деле не было ни одного случая во время призыва новобранцев в октябре 1906 г.

Насчет собраний стало хуже, чем во времена Плеве: тогда хоть собирались по частным квартирам и полиция не обращала почти никакого внимания. Теперь стало не то: городовые стали внимательно следить за домами, где бывали хоть небольшие собрания. Октябристы и кадеты совсем перестали собираться летом 1906 года, особенно с осени; продолжали или, вернее, начали собираться одни левые. Собрания происходили вполне конспиративно, и полиция о них ничего не знала. Приезжали, говорят, и ораторы из других городов. Движение уходило в подполье, но, кроме того, – и это было новым у нас в городе, – оно распространилось шире в глубине простонародья, которое становилось все более оппозиционным. Полицейский надзор там был не действителен: глухо бродившие глубины народных масс выражали свои оппозиционные и демократические чувства словами, не поддающимися начальственному уловлению, именно потому, что слова-то эти «обывательские», а не «политические». Среди крестьян тоже совершался какой-то перелом: вера в прежние авторитеты сильно поколебалась. Сплошь и

рядом приходилось слушать разговоры, радикализм которых просто поражал. Один старичок мне жаловался: «Просто диву даешься, что это такое приключилось? Ведь год тому назад сам народ за такие слова на клочки бы разорвал, а теперь – ничего!». Многие предполагали, что народное негодование за разгон Думы обрушится прежде всего на господ. Однако никакого аграрного движения не поднялось. Помещиков никто не винил. «Господа в Думе, слышишь ты, почти все согласны были нам земли прибавить, только спорили о том, как именно это сделать: за выкуп, али дармá, и тому подобное, а все ничего не вышло! Тут, стало, не они виноваты», – слышались разговоры среди крестьян. Народное негодование пошло выше, мимо господ и местного начальства. Но за разрушением прежнего мировоззрения не следовало образование чего-нибудь нового. Оставалось пустое место. Возглас: «Долой!» разрушал старое, не давая ничего нового взамен.

17 августа [1906 г.] гр[аф] Гейден устроил собеседование о бывшей Думе. Народу собралось по нашему городу очень много, человек 300–350. И немудрено. Опочка со дня выборов совсем не знала публичных собраний, так как никто даже и не пытался испрашивать разрешения, – все равно не позволили бы. И это собрание было выхлопотано графом у губернатора.

И вот перед большой и разношерстной толпой снова появился наш маститый, но вечно бодрый и неутомимый депутат.

Он довольно подробно рассказывал о ходе работ, о партийных группировках и проч[ем], но все время чувствовалась какая-то недоговоренность... Связан ли он был какими-нибудь условиями со стороны администрации, которая в то время во всей России крайне опасливо относилась к публичным отчетам бывших депутатов, или его стесняла неизвестность настроения нашей публики – этого сфинкса, который как бы говорит каждому оратору: «Разгадай меня, или я тебя пожру, а чего мне надо – я и сам не знаю», но граф часто давал объяснения не вполне определенные и как-то обходил многое.

Относительно конфликта он винил в равной степени и Думу, и министерство. Думу он винил в излишней горячности, резкости, в доктринерстве, а министерство – в неуступчивости и еще в том, что оно не приготовило проектов новых законов и тем предоставило Думу самой себе. Говоря об аграрных законопроектах, он сообщал, что многие из крестьян, подписавших проект трудовиков, на самом деле были ярыми сторонниками частной собственности и в частных разговорах высказывались против земельного фонда, распределяемого и перераспределяемого по трудовой или потребительной нормам. В то же время граф вообще отозвался о крестьянах-депутатах, что они вели себя в Думе очень хорошо, но это касалось только «настоящих» крестьян. О трудовиках и особенно о социал-демократах граф отзывался с видимым раздражением. По окончании доклада было предоставлено предлагать бывшему депутату вопросы. Первый вопрос был: что говорилось в Думе об интересах уездных городов? Граф отвечал, что в этой области ничего пока не успели сделать. Затем попросили дать более подробные сведения о работах комиссии о равноправии, причем разговор скоро перешел на вопрос о равноправии евреев и вообще о национальностях. Граф сообщил, что эти вопросы при разработке в комиссиях представились гораздо более сложными, чем это

могло казаться по речам на общих собраниях: «Так, многие полагали, что достаточно взять синий карандаш и вычеркнуть из Свода законов все старые законы, ограничивающие права евреев, чтобы еврейский вопрос был решен. Мы видим, однако, что еврейский вопрос существует и в Западной Европе».

Затем начались кое-какие возражения. Но они были очень слабы. Радикальные ораторы боялись, «как бы не забрали», и потому большинство их мрачно молчало. Решились выступить два местных кадета, независимость положения которых (они оба были дворянами-помещиками) давало им бóльшую возможность говорить. Один из них задал вопрос – находит ли граф конституционным со стороны правительства, что оно распустило Думу, не объявив о том в заседании самой Думы и назначив новый созыв после Нового года, причем бюджет на 1906 год не мог быть утвержден парламентом? Граф ответил, что роспуск Думы состоялся на основании закона, «но если вы меня спросите: хорош ли такой закон? Я скажу: нет!». Встал один приезжий оратор г[осподин] К. и произнес речь в духе «мирного обновления» о погибающей России и о необходимости объединиться, забыв партийные раздоры. Но г[осподин] Л. заметил, что такой призыв слишком неопределенен: «надо лучше призывать к объединению для борьбы с произволом старого режима». На это последовало возражение г[осподина] Е., что еще страшнее произвол толпы. Обоим ораторам хлопали одинаково потому, что оба говорили одинаково сильно и горячо.

Председатель собрания, видимо старавшийся поскорей прикончить, предложил благодарить гр[афа] Гейдена как депутата, оправдавшего доверие избирателей, что и было исполнено посредством вставания.

В общем, публика осталась довольна, графа просили приехать еще раз для собеседования о новой Партии мирного обновления. Но эта беседа не состоялась, и вообще до выборов в январе 1907 года никаких митингов больше не было.

Чем более приближалось время выборов, тем более выяснялось, что шансы графа в городе сравнительно с прошлым слабее. Не то, чтобы общее настроение стало левее, но дело в том, что на сцену выступил новый элемент, который раньше стоял в стороне или голосовал совершенно случайно. Этот элемент – низшие слои городского населения: заводские рабочие, ремесленники, вообще городская беднота. Под влиянием общих событий («работа» самого правительства), а отчасти и некоторой работы демократической интеллигенции (октябристы, наоборот, по обыкновению спали, а отчасти не могли действовать и собираться в силу своей боязливости и лояльности), стало пробуждаться народное сознание и, как это всегда бывает вначале, направилось в крайнюю левую сторону. Все чаще слышались разговоры о том, что, мол, «довольно господа да чиновники наши управляли, пора и простому народу ход дать. Надо выбирать своего человека, который попроще, который сам из народа вышел и нашу нужду знает и будет за наши права стоять, а не за дворян». Это пробуждение сознания народных масс создало ту массу избирателей, которые инстинктивно не доверяли сколько-нибудь правому кандидату и, наоборот, столь же инстинктивно тяготели к более левому, более простому. Никакой определенной программы не было; в наших партиях масса не разбиралась: все эти эсеры, эсдеки, кадеты были для них пустыми звуками. Тем не менее,

масса твердо стояла на почве своих, может быть, и не вполне разработанных и определенных, но вполне прочувствованных демократических стремлений. Этот сырой, необработанный демократизм, или, точнее сказать, мещанский радикализм представил благодарную почву для противников гр[афа] Гейдена. Одним из главных центров левой оппозиции (если не считать слабых в то время зародышей социал-демократии) был земский третий элемент. Несмотря на то, что именно отчасти благодаря гр[афу] Гейдену положение земских служащих было у нас лучше, чем в других уездах, они были восстановлены против него так, как ни в одном уезде. Все это были довольно интеллигентные люди типа земского статистика, которые держали себя независимо. Земские врачи были очень хорошо поставлены в нравственном отношении: их медицинский совет пользовался большою самостоятельностью. Недурно было и положение народных учителей: их часто созывали на особые съезды, где все могли свободно высказываться о своих нуждах, впоследствии допустили трех депутатов от учителей в училищный совет с правом совещательного голоса, причем земская управа постановила ходатайствовать о предоставлении им и решающего голоса. Была довольно хорошая библиотека для земских служащих. Но как раз «сознательная» часть народных учителей была восстановлена против гр[афа] Гейдена больше всего. Отрицательное отношение высшего, вполне интеллигентного земского персонала – вещь вполне понятная: это факт обычной партийной или фракционной вражды. Гр[аф] Гейден был для них человеком другой партии – этим все сказано.

Но нелюбовь низшего персонала, т.е. собственно учителей, была довольно любопытным знамением времени. Если исключить учителей пожилых и еще часть учительниц, питомиц местной прогимназии, относившихся к графу безразлично, то остальная и притом наиболее живая и сознательная часть учителей видела в нем своего врага и относилась к нему хуже, чем даже ко многим завзятым реакционерам. Это тоже может быть объяснено первою ступенью сырого демократизма. Волна революции озарила головы молодежи и они стали относиться к «представителю буржуазного либерализма» со всем задором и пылом ненависти неофита. Гр[аф] Гейден был виноват тем, что среди прочих мягкотелых и индифферентных земцев, являясь более крупной, энергичной фигурой, был на виду, был борцом и потому он стал каким-то символом враждебного мира, и на него главным образом и сыпались стрелы. Было еще обстоятельство, которое усиливало вражду и делало невозможными добрые отношения. Это крайняя грубость некоторых оппонентов гр[афа] Гейдена. Если бы они предъявляли свои требования в более культурной форме! Гр[аф] Гейден, при всем своем либерализме, был все-таки человек старого воспитания и он совершенно не мог выносить, когда какой-нибудь юнец на собрании кричал ему: «Да ну вас к черту!». Подобный тон раздражал старого графа, разумеется, совсем к этому не привыкшего, и он сам становился иногда резок, а порой, быть может, и несправедлив. Затем он совершенно не мог помириться с бойкотом школ, практиковавшимся учителями в случаях перевода учителя из одной школы в другую в виде наказания.

На этой почве отношения с очень многими учителями обострялись до такой степени, что когда кое-кого из них арестовывала полиция, то графа с самым се-

рьезным видом обвиняли... в доносах, и в «Псковский голос» из Опочки летели корреспонденции, где граф назывался «доносчиком», «черносотенцем», «реакционером», и писалось, что «графу место не в Государственной думе, а около дворцовых конюшен».

Когда граф объявил свою кандидатуру в городе, то вся волна нашего мещанского радикализма обрушилась на него еще с большей силой, чем раньше.

Вторая выборная кампания велась так же широко, как первая: было несколько предвыборных собраний, привлекавших массу избирателей. Соперником графа опять выступил Л., но рядом с ним выходило много других ораторов. В пользу графа тоже выступало много сторонников. Обе партии на этот раз выпустили довольно пространные печатные воззвания к избирателям. Велась ожесточенная полемика в местной прессе: за графа стоял «Псковитянин», против – «Псковский голос».

Вообще борьба на этот раз велась с более широким размахом и была ожесточеннее, чем раньше, несмотря на то, что ко второй Думе население в массе относилось индифферентнее, чем к первой. Здесь сказалось выросшее политическое сознание и выступление на арену избирателей из простого народа, которые раньше держались как-то в стороне.

Гвоздем прений был вопрос: какова должна быть новая Дума? Граф проводил ту мысль, что она должна быть работоспособным, прочным и долговечным органом для устройства России; для этого она, конечно, не должна идти на буксире данного министерства, но, с другой стороны, она не должна предъявлять правительству невыполнимых требований, не должна обращать парламента в митинг, должна сосредоточить свое внимание на терпеливой, обдуманной обработке законов.

Граф Гейден говорил, что не надо смешивать правительства с министерством, он указывал, что если министерство Горемыкина проявило неуступчивость, то ведь оно могло быть смещено и заменено другим, как потом оно и вышло, хотя и поздно. Он указывал, что в Германии чуть не 50 лет существует порядок, где даже нет ответственности министерства перед парламентом, и тем не менее дела идут так хорошо, и парламент находит возможность работать с правительством.

Очень много места было уделено роли дворянства в России. В дворянстве противники графа видели причину всех зол: «из-за Совета объединенного дворянства была распущена Дума, только ради интересов дворянства правительство не хочет решить аграрного вопроса. Дворянство у нас – главный тормоз прогресса – и в то же время оно представляет сплоченную силу, где все более или менее заодно и против народа». Вывод, к которому клонились подобные речи, был вполне ясен: раз все зло происходит от дворян, а граф Гейден дворянин, то значит, не следует «народу» избирать графа Гейдена. Затем много говорилось о высоком обложении городских имуществ земством, во главе которого стоял будто бы один гр[аф] Гейден.

Эти речи сильно действовали на массу избирателей: понемногу страсти разгорались, выступали народные ораторы-мещане, и вопрос все более сворачивался на узко-сословную почву, а затем просто толклись на разных мелочах

местной жизни и все время зудили и пилили, что граф Гейден – дворянин, дворянин, дворянин... На возражения графа, что он никогда не отстаивал дворянских привилегий, публика отвечала злобно-скептическим фырканьем... Многие относились к графу Гейдену совершенно так же, как будто это был какой-нибудь Пуришкевич или Шульгин. Агитация против графа порой производила крайне тяжелое впечатление.

По ходу прений можно было предвидеть, что граф Гейден не пройдет от города. К тому же многие решили голосовать против него, так как выяснилось, что он все равно может пройти от съезда землевладельцев, где должны были пройти теперь одни помещики, и являлось желание, чтоб от города прошел демократический выборщик.

20 января состоялись выборы от города. Гр[аф] Гейден не прошел. Этого так и ждали, можно было ожидать, что он будет забаллотирован значительным большинством, но оказалось, что перевес был всего в десять голосов. Он получил 280 голосов, а г[осподин] Д. – 290.

Бюллетеней в пользу других кандидатов не было ни одного. Всего голосовало 570 чел[овек] из общего числа избирателей – 943, что составляет 61 процент, причем больше трети избирателей были уездные.

23 января на съезде землевладельцев гр[аф] Гейден был выбран сорока избирательными голосами против двадцати пяти неизбирательных. На этом съезде (не так, как в прошлом году) большинство составляли помещики и вообще крупные собственники. Незначительное число крестьян объясняется причинами административного характера, общими по всей России (оповещение мелких избирателей не личными повестками, а общими объявлениями по волостным правлениям, сокращение числа избирательных участков, требование удостоверений личности, исключение тех, кто купил землю через Крестьянский банк). Но кроме графа не прошел ни один из его сторонников.

6 и 7 февраля происходили в Пскове выборы четырех членов в Думу. Все 58 выборщиков были разделены на две приблизительно равные партии: блок левых и блок правых с умеренными. Левые вообще действовали очень дружно. У них было решено предварительно наметить кандидатов, причем никто, кроме намеченных, не смел самовольно выставлять своей кандидатуры. Граф Гейден одно время думал присоединиться к левым, но ему поставили условием, что если он не будет предварительно намечен, то должен отказаться от выставления своей кандидатуры. Граф на это не согласился.

Что касается правых, то там шла разноголосица. Ядро их составляли типичные аграрии-помещики, для которых и гр[аф] Гейден казался левым. Тем не менее по правилу «из двух зол выбирай меньшее» они должны были сплотиться, чтоб провести хоть его и не дать пройти более левому, тем более что ни у кого из них серьезных шансов не было.

К аграриям-помещикам поневоле примкнули семь крестьян Псковского уезда, не принятых в левый блок. Левые крестьяне не хотели иметь дела с таким «дубьем стоеросовым», из которых каждый хотел к тому же пролезть в Думу исключительно с «десятирублевой» целью. Но эти правые крестьяне тоже были против

гр[афа] Гейдена, Бог знает почему. Из них особенно выдавался один. Лохматый, черный, как уголь, он заслужил прозвище «лесовика». «Родные вы мои, – взывал он к другим выборщикам, – чего вы тут кафкаете, бросьте гомонить, кинем лучше жребий: Бог лучше знает, кому в Думе быть!». Он бросал свой шар в избирательный ящик на конек внутренней перегородки, предоставляя ему катиться по воле Божией; перед этим он истово крестился. По странной иронии судьбы он-то и оказался выбранным и попал в члены Государственной думы.

Нет сомнения, что если бы правые решили отдать все депутатские места крестьянам (кроме одного для Гейдена) да сами постарались получше сплотиться во имя своих хотя бы классовых интересов, а не личных, то они могли провести графа. Но оказалось, что наши правые далеко отстали от своих левых противников в смысле нравственной силы и самоотречения. Это были почти все – люди, основательно прошедшие школу мелкого земско-дворянского интриганства на почве себялюбивых расчетов.

Официально чуть не все правые принадлежали к Союзу 17 октября, который огласил свое желание, чтобы все октябристы голосовали за гр[афа] Гейдена. Но у наших октябристов не хватило даже элементарной партийной дисциплины.

Оказалось, что большинство из них прежде всего сами стремились попасть в Думу и потому клали Гейдену черняков, как наиболее опасному конкуренту!

Правда, когда был выбран Рокотов и осталось только две вакансии, то все дворяне сплотились и собрали в пользу Гейдена 23 голоса, но уже было поздно, да и правые крестьяне не соглашались голосовать за него.

А так как гр[аф] Гейден не был поддержан и левыми (хотя среди некоторых кадетов и кое-кого из крестьян он мог бы сначала найти поддержку), то он и не прошел, и, таким образом, Дума лишилась несомненно яркого и сильного парламентского деятеля.

Неизбрание в Думу, несомненно, было тяжелым ударом для графа Гейдена. Он был прирожденным парламентарием. Дума была ему необходима, только в ней он мог вполне развернуться. После своего провала он как-то заметно осунулся.

В Опочке больше собраний он не устраивал.

В третью Думу он прошел бы наверное. Но 15 июня он скончался, еще полный сил.

Он умер именно тогда, когда мог бы быть всего полезнее. Теперь он боролся бы с крайними правыми, развертывая лучшие стороны своей души, отстаивая дорогие ему начала истинного конституционализма.

Извлечение публикуется по изданию:
В.Б. Опочецкие воспоминания о графе П.А. Гейдене:
(Эпизод из истории освободительного движения
в глухой провинции) //Русская мысль. 1907. Кн. XII. С. 51–59.

СЕРГЕЙ ИЛИОДОРОВИЧ ШИДЛОВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ
Выборы в Думу и мое в них участие

Во вторую Думу мне даже не пришлось попасть в выборщики, так как выборное собрание, съехавшееся в уездном городе, приблизительно в таком же составе, как и предыдущее, пробаллотировало целый день и никого не удостоило большинством. Баллотировке подверглось подряд все наличное число избирателей, но никого не выбрали; так губернское избирательное собрание и осталось без выборщиков от нашего уезда.

Баллотировок было произведено около десяти, и я вспоминаю как курьез, что и мне пришлось быть десять раз подряд в один и тот же день забаллотированным на одну и ту же должность. Таким цензом едва ли многие могут похвастаться.

Я все-таки считаю, что выборы во вторую Думу производились сознательнее, чем в первую; сознательность эта была ошибочна, но, во всяком случае, проявилась сильнее, чем в первые выборы…

Осталось то же крестьянское большинство, могшее сделать все, что ему было угодно, но не умевшее взяться за это дело надлежащим образом, да к тому же и не знавшее точно, чего ему хочется и что ему нужно, и поэтому приложившее к этим выборам ту мерку, которую оно прилагало к привычному выбору своих уполномоченных для ходатайства перед начальством о восстановлении утраченных прав.

В таких случаях крестьяне обыкновенно выбирают лиц, прошедших огонь, воду и медные трубы, таких, которые, по их выражению, ничего не боятся и все на своем веку видели, одним словом, отчаянных. И вот в составе второй Думы было значительно заметнее присутствие именно этих элементов, придававших всей Думе специфический характер.

Мои товарищи, сидевшие со мною впоследствии во время революции в созданном Керенским под названием Государственного совещания учреждении, более известном под названием Предпарламента, и бывшие в свое время членами второй Думы, говорили мне, что этот Предпарламент им напоминает вторую Думу. Насколько это правильно, не знаю.

Извлечение публикуется по изданию:
Шидловский С.И. Воспоминания.
Ч. I. Берлин, 1923. С. 107–108.

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

СТЕПАН СЕМЕНОВИЧ КОНДУРУШКИН

НА ВЫБОРАХ

В деревне

Девятнадцатого августа 1906 года я получил в Петербурге от старосты села Липовки Самарского уезда письмо следующего содержания:

«Милостивый государь, Степан Семенович! Имею честь сообщить вам, что крестьяне села Липовки на полном сельском сходе, бывшем 13 сего августа, изъявили единогласное желание иметь вас своим представителем по выборам в Государственную думу, о чем и поручили мне сообщить вам и просить вас ко времени выборов прибыть в село Липовку для участия в выборах». Подпись и печать.

Это письмо меня радостно взволновало. Я долго ходил по комнате, думал и даже мечтал. Село Липовка – это мое родное село. Уже лет пятнадцать тому назад, как я его покинул и заезжал туда лишь изредка.

Голод, нужда и неискоренимое в человечестве стремление к знанию, свету вызвало меня и многих таких же из глухих деревень великой России на широкий простор Божьего мира. Деревня рылась в земле, задыхалась и пухла от голоду и холоду, чтобы доставить нам, немногим счастливцам, пищу и одежду и дать нам возможность чему-нибудь научиться. А вот теперь, пробудившись от своего рабского, тяжелого сна, она требует нас обратно, чтобы мы отдали ей на служение свои знания и силу…

И я мечтал, как мы, вышедшие из деревни, вскормленные и вспоенные ее плотью и кровью, в благодарность за все ее труды и лишения завоюем ей свободу и довольство и, как добрые сыны, успокоим на старости нашу несчастную мать…

И вот в декабре месяце минувшего года я ехал на родину на выборы.

Через три дня езды останавливаюсь на станции Безенчуг Самаро-Златоустовской железной дороги, чтобы ехать дальше на лошадях. Через пять минут поезд запыхтел, засвистел, и облупленные снегом вагоны с вонючим табачным воздухом, с бесконечными разговорами о политике потянулись дальше. Мой багаж уже во власти ямщика, и я иду за ним, с удовольствием вдыхая свежий, морозный, «родной» воздух.

Раньше, бывало, путешествуя по России, в каждой местности слышишь особые, местные разговоры. Неудачное предприятие крупного местного хищника, причуды начальства, семейный скандал в доме губернатора, цены на местные товары, местные интересы и нужды… Все местное, свое. Теперь всюду разговоры на

общие политические темы. Явный признак, что страна начала жить общею жизнью. Всюду политика и политика. Проснувшаяся, но еще слепая политическая мысль русского народа беспомощно ползает, стараясь ухватиться за что-нибудь определенное, устойчивое и радостно крикнуть: «Стойте, вот дорога, вот опора!». Разговоры и обобщения близоруки и наивны. Каждый обыватель до сих пор жил интересами своего маленького мирка: земский начальник, полицеймейстер, губернатор, ближайшее начальство – вот те столпы, которые заслоняли собой весь свет. А теперь вдруг горизонты расширились, открылась какая-то политическая даль, и прежние мерки жизни стали непригодными. Но люди по-прежнему продолжают мерить ими людские отношения.

– Главное зло русской жизни – земское начальники! Уничтожьте земских начальников и сразу все изменится…

– Фу-у-у! Подите со своими земскими начальниками. Не в них дело. Нужно земство иначе устроить… И мелкую единицу – вот в чем спасенье. А земские – тьфу!

– А по-моему, самое главное – нам нужно собраться с силами и снова на японца ударить. Победим японца, тогда Россия снова будет первоклассной, богатой и могущественной державой. А все эти ваши земства и земские – одна ерунда…

<…>

Кучер завозился, обнаруживая явное желание обернуться ко мне. Он замотал на козлах вожжи, придержал лошадей, свернул и закурил цыгарку. Так как вполоборота говорить ему было трудно, то он совсем обернулся ко мне лицом и положил в сани, точно две свиньи, замерзшие валенки.

– А ты, как погляжу я на тебя, видно, не настоящий барин, – сказал он, затягиваясь махоркой.

– Почему видно?..

– Да уж так. Я тебя, может, пять раз кнутом задел, а ты – ни слова. Барин, тот бы раскричался, стал бы ругаться. А ты по-божески, смолчал… Так ты меня, – имени, отчества твоего не знаю, – извини. Это я по дурости моей беспокоил тебя кнутом. Понимаешь, злоба такая на сердце, что, кажись бы, каждому барину харю разбил… Ты сам-то из мужиков, что ли, вышел?

Когда я сказал кучеру, кто я, он пришел в удивление и смущение.

– Батюшки мои! Да неужто это ты, Степан Семеныч?! Вот бы не узнал никогда. Значить, к родителю едете?

– Да, на выборы… Приглашали меня липовцы.

– Ка-ак же, знаю, слыхал. Говорят давно про тебя всей волостью…

Кучер обернулся к лошадям. Заиндевевшие лошаденки запрыгали. Колокольчик задребезжал. Мы въезжали в Липовку.

<…>

На следующий день с раннего утра наш дом наполнился народом. Пришли

родственники и знакомые поглядеть, поговорить. Святки, все свободны, да и приятно хоть на часок забыть свою нужду, не видеть голодной семьи, ожидающей первого удара колокола, чтобы идти в земскую столовую… Начались расспросы.

– Ну, как там у вас, в Петербурхе-то?

Вопросы тягучие, неопределенные, конфузливые. Собеседники не знали, с чего начать спрашивать, с какого бока приступить к разговорам о том мире владык земных, которые решают дела всей русской земли. Вероятно, сильнее всего хотелось им узнать о том, что эти земные владыки замышляют теперь про мужиков, насчет земли, да как-то вопросов таких на язык не подвертывалось. Мой крестный, старый старик, вышел из этого затруднения.

– Ну, а царя видаешь часто?

Когда я сказал, что царь в Петербурге не живет, то все лица опахнуло выражение какой-то враждебной скрытности. Все замолчали. Опять тот же старик, крестный, задал вопрос:

– Не слышно там, сынок, насчет милости нам, хресьянам? Будет, что ли, нам какая-нибудь милость?

Все подняли на меня выцветшие глаза, загрубевшие от морозов и зноя лица. На них было написано ожидание – и мне казалось, ожидание какого-нибудь утешения. «Хоть соври, да утешь», – казалось, говорили мне выжидательные взгляды и напряженно согнутые позы мужиков. Мне стало жалко их, жалко до боли. В то же время в сердце закипела обида, раздражение. Неужели эти бородатые младенцы верят? Неужели они все еще способны довольствоваться мечтами о счастье и ждать?

– Никакой милости не будет, – ответил я резко.

Старики совсем подняли головы и разинули от напряженного недоумения рты.

– Как же мы жить дальше будем? – обронил кто-то.

– А это уж как хотите…

Мужики пошевелились на местах, нервно переменили позы, проглотили слюну.

– Что же делать нам теперь? А так жить никак невозможно.

– Требовать надо, добиваться, – сказал Воят, – что делать. Что возьмем сами, то и наше будет. А добровольно никто и ничего нам не даст. Разве вам делали когда-нибудь добро, если вы не волновались, не требовали?

Все замолчали, припоминая прожитую жизнь.

– Вот недоимки скащивали, – радостно вспомнил до сих пор молчавший мужик.

– Так ведь мы их все равно не заплатили бы! – с раздражением оборвал его молодой рябой мужик.

– Не заплатили бы, – это точно. Потому нечем, – раздались голоса.

– Вот нонче по пять пудов с десятины уродилось. Ну-ка, уплати подати! – опять заговорил рябой мужик, – а ты – ми-и-илость! Знаем мы эти милости! Разве ты из милости на овце в зиму шерсть оставляешь?! Весной эту шерсть ты с овцы возьмешь, а на зиму оставляешь, чтобы она с холоду не подохла. Ну, вот так и

правительство с нами поступает.

– А у царя, поди, кажный год рожь-то хороша родится? – коварно спросил мой сосед, кузнец Левонтий.

– Ну, что зря болтать! Говори про дело, – благодушно журили Левонтия старики.

Заговорили о Крестьянском банке, об удельных землях, которых так много в Самарской губернии, о новых законах, о стражниках. Кузнец Левонтий часто прерывал наши разговоры ехидными вставками, вроде:

– А министры, чай, захворали все от забот о хресьянах?!

Или:

– Скоро, говорят, к каждому мужику по стражнику приставят, чтобы не бунтовался.

Уже к концу нашей беседы пришел еще старик в рваном полушубке, рваной шапке, весь лохматый и серый. Он поздоровался, послушал немного и сказал:

– Погляжу я на тебя, гоже ты живешь, Степан Семеныч.

– А что?

– Да вот гляжу я на твою одежу: хорошо ты одет. Ну, и пищея, чай, хорошая, и все…

– Разно живу, – сказал я, – иногда – ничего себе, живу хорошо, а иногда и худо.

– Чай, на фатере живешь там?

– На квартире.

– А сколько платишь?

– Пятьдесят рублей в месяц.

Наступило молчание. Что-то холодное и враждебное пахнуло в комнате.

– В месяц! Э-э-э! – протянул с удивлением тот же старик.

– Ну, а сколько, к примеру, этот пинжак на тебе со штанами стоит? Чай, поди, рублей семь?

– Нет, больше.

– Сколько же?

Мне уже становилось тяжело отвечать на расспросы. Но я собрался с духом и ответил.

– Семнадцать рублей…

– Семна-а-адцать!..

Старик поджал губы. Другие опустили головы и начали рассматривать свои корявые, согнутые пальцы с черными ногтями. Напрасно бывалый и толковый мужик, Павел Данилыч, доказывал, что всякая жизнь требует своих расходов и то, что в деревне кажется богатством, в городе – нищета, настроение было испорчено. Разговор не клеился. Скоро все встали и начали прощаться. Тот же лохматый старик, проходя мимо моего пальто, провел костлявой рекой по его убогому меху и, покачав головою, сказал:

– Слава Богу! Хорошо ты живешь, Степан. Слава Богу! Ну, а мы вот с папашей твоим худо здесь живем, ей Богу, худо.

– Будет тебе! И чего зря болтать! – раздались укоризненные голоса.

Заволновалось, заговорило все село. Каждое услышанное от меня слово переходило из уст в уста, преломлялось в сознании целых сотен людей, приобретало особенный смысл и значение. Несмотря на то, что о моем приезде на выборы все село знало уже полгода, тем не менее, обсуждать это принялись только теперь. «Будет ли он отстаивать наши нужды в Думе? Какой ему интерес идти на погибель?».

До меня доходили лишь обрывки этих разговоров, но и по обрывкам можно было судить, что мужицкая мысль работает усиленно. Предположения были бесконечны. Осколки липовских вопросов, сомнений и надежд приносили с собой новые посетители, которые уже успели обменяться мнениями с другими мужиками, бывшими у меня раньше.

Только к вечеру освободился я от посетителей и вышел на морозную, всю занесенную снегом улицу... Мучительные воспоминания подгоняли меня. Я ходил по темному селу, здороваясь с каждым знакомым местом и попадая в сугробы. Каждый дом, каждый переулок, каждая погребица говорили мне старые слова о вековом унижении, голоде и невежестве деревни, о ее бесправии и безысходных страданиях.

Как яркая противоположность в моем воображении рисовался Петербург с его громадными домами, магазинами, театрами. За зеркальными стеклами, облитые электрическими огнями, лежат роскошные туалеты, золото, бриллианты, дорогие вина, картины, статуэтки, изображающие голых женщин в сладострастных позах... И вот этой культурой гордятся люди! Культурой, которой живут трипять миллионов людей, а сто двадцать миллионов едят хлеб с землей, живут в вонючих избах и дохнут от болезней, как скот в падеж.Так жить нельзя. Но...

Фабрики и заводы громыхают своими машинами, мужики пашут землю, чиновники пишут бумаги, солдаты стреляют, в кого им прикажут, – в мужчин, женщин и детей... А Петербург сидит и приказывает всем ста тридцати миллионам. И эти миллионы отдают ему свои последние крохи, льют для него пот и кровь. Пот и кровь превращаются в золото, а Петербург берет это золото полными горстями, швыряет его безумно, топчет ногами, как отжиревший конь топчет в грязь свежее душистое сено.

А между тем ведь он слаб и бессилен, этот страшный, громадный, сверкающий огнями город-повелитель! Он беспомощен, как ребенок!

Если завтра мужики из соседних сел не привезут ему хлеба, масла и овощей, если прислуга откажется исполнять там свои грязные работы, если рабочие на фабриках и заводах перестанут выделывать для него разные вещи, а солдаты не будет стрелять, в кого им прикажут, – то завтра же от голодной боли заноет брюхо гордого, сильного Петербурга, и из повелителя он превратится в жалкое существо, которое будет лизать руки у мужиков, солдат и рабочих, чтобы они его накормили и защитили... Где же конец этому безумию людей, покоряющихся бессильному и бессердечно-жестокому ребенку?!

Прочный фундамент построил ты для своей власти, Петербург, из людского невежества и страха. Но растрескался этот фундамент, и твоей власти грозит великое падение.

<…>

На следующий день село оживилось. Назначен сельский сход для выбора десятидворных представителей в волость по выборам в Думу. Ранним утром перед сходом ко мне зашел мой бывший товарищ по школе Афанасий Чекин. Он поведал мне те думы, которыми жило и волновалось село вчерашний день и прошедшую ночь.

– Много разных разговоров идет по селу, Степан Семеныч. Все про тебя да про Думу говорят. Старики боятся. «Первую Думу, – говорят, – разогнали. Пошлем мы его, а он тоже правительству перечить будет; нам никакой земли и не дадут…». Так ты старикам всех слов не говори. Скажи им по ихним понятиям про землю, про удел… Ты уж знаешь как… Это старики так говорят, самые темные. Другие же, большинство, насчет другого сомневаются. «Зачем, – говорят, – ему нужно голову свою в пасть волку совать? Ведь уж коли в Думу идти, так надо до смерти за народное дело стоять». И еще говорят: «Если он из таких, из социалистов, так почему же он на воле ходит, а не в тюрьме сидит? Боимся, не от правительства ли он подослан. Может быть теперь он одно говорит, а в Думе-то на сторону правительства перекачнется. Вот чего пуще всего боимся…».

Тяжело было мне выслушивать о себе эти мужицкие сомнения. Главное – свои люди, те, которые знают с детства меня и которых я знаю с детства. Правда, впоследствии я узнал, что сомнения – «как бы он на сторону правительства не перекачнулся» – возбуждались везде и относительно всех видных кандидатов в Думу. Всюду таким людям говорилось: «Если ты на сторону правительства откачнешься, а за наши нужды не постоишь, – не возвращайся обратно… Не обессудь, тебе уж не жить больше на свете…». Как ни плохо знают в наших местах о работе первой Думы, но слыхали, что «были там такие мужики, ерогинцы, должно быть, из села Ерогина, кои тоже на правительственную сторону перекачнулись…».

Часов в двенадцать за мной пришел десятник с бляхой за пазухой и с палкой в руке. Я пошел на сход. Ради такого важного случая поплелся со мной и старик-отец.

Было морозно и светло на улице. Снег блестел так, что глазам было больно. Небо было синее, чистое, и только далекий горизонт кудрявился белыми облаками. Галки с криком перелетали с одной крыши на другую, жались к белым, освещенным стенам церкви, чтобы погреть зазябшее, исхудалое тело. Из столовой с чашками и ложками, с кусками хлеба за пазухой расползались по селу старые старики, бабы и дети. Со всех концов по улице задумчивой походкой стягивались мужики на всхожую избу, где собралась уже большая толпа. Тут же вертелись мальчишки и собаки. Даже коровы и лохматые телята вышли со двора и, прочищая языком ноздри и помахивая испачканными навозом хвостами, с изумлением пялили на толпу свои выпуклые глаза. И они чувствовали, что сегодня село занято важным вопросом, от разрешения которого зависит, может быть, и их коровье благополучие.

Всхожая изба набита людьми. Сидели на лавках, на печи, стояли вплотную посредине. В переднем углу за столом сидели староста, коренастый мужик

с большой бородой, и сельской писарь. С палатей свешивался целый ряд детских головок с блестящими от любопытства глазами. На меня испытующе смотрели сотни серых, выцветших глаз, круглых, точно у испуганных сов. На мое приветствие все ответили сдержанно-вопросительно. Сидящие около старосты потеснились и уступили нам с отцом на лавке место. Староста доложил сходу дело. Намечено семнадцать представителей от села Липовки на волостной сход по выборам в Думу. В числе этих десятидворных был и я. Староста выразил надежду, что я пройду в Думу и буду отстаивать крестьянские интересы. Приговор составлен. Нужно его подписать.

– Принимаете, что ли, старики?

– Принимаем! Знамо, принимаем! – раздались нерешительные возгласы.

– Кто грамотный, выходи, подписывайся, – предложил староста.

Толпа мужиков качнулась, завозилась. Все начали оглядываться друг на друга.

– Ты, что ли, Петруха, начинай.

– Да вот, чай, Матвей…

– Тарас! Эй, Тарас! Он у нас первый писака. Иди сюда, Тарас.

– Да нет, что мне… Пишите друг за дружкой, как стоим.

Из толпы с решительным видом протискался маленького росту мужик Савелий, бросил рукавицы на пол, засучил рукава и протянул к писарю за пером корявую руку.

– Давай, што ли, перо-то…

– Погоди, Савелий, – отстранил я его, – дай слово сказать.

– Брось, Савка, постой! – закричали на него отовсюду, – слышь, хочет слово сказать.

Савелий остался у стола в ожидании и с засученными рукавом.

Мною охватило волнение, точно школьника на экзамене.

– Слышал я, старики, что со времени моего приезда в селе пошли разные разговоры. Некоторые сомневаются во мне, боятся, как бы я, попавши в Думу, не забыл о мужицких интересах…

– По глупости болтают! Темнота наша! Не мы говорим – горе наше говорит! – раздались голоса из толпы.

– А все-таки мне хочется поговорить с вами обо всем на чистоту…

– Правда! Ну, вот спасибо тебе. Оно так-то лучше завсегда.

Опять настала выжидательная тишина. Прямее всех смотрело на меня недоумевающее Савельево лицо. Лицо у Савелья отличается одной особенностью: на нем всегда скрыта добрая улыбка, будто видишь улыбающегося человека за кисейной занавеской. Занавеской для его улыбки служат густые брови, клочки бороды, редкие усы и пупочкой нос. Улыбка прячется за них и видна ясно только через серые влажные глаза.

При взгляде на Савельеву улыбку я как-то сразу успокоился и начал говорить. Я говорил, что мой единственный интерес в Думе – отдать на служение народу свои знания и силы. Мои политические убеждения сложились не в довольстве и роскоши, а в бедности, в тяжелой жизненной борьбе. Бедность – хороший учитель, и заветов этого учителя я не забуду до могилы.

– Кроме того, – закончил я, – я уеду от вас, а вот здесь останется мой отец. Могу ли я опозорить изменой народу его старую голову?

Должно быть, сказанное мною было убедительно. Собрание радостно встрепенулось, зашумело, заговорило.

– Нет, что и говорить, рази можно! Ты уж не сердись, Степан Семеныч! Если кто и произнес такие слова, так по глупости! Уж больно затравили нас – друг друга боимся.

Мужики наперебой потянулись теперь подписывать приговор. Корявые руки плохо слушались своих хозяев.

Перо брызгало, делало кляксы. Из толпы сыпались добродушные шутки над «писаками». А лист покрывался ужасными каракулями, точно по нему долго ходили грязными ногами бестолковые куры.

Вечером поднялся страшный буран. И без того слабое, заброшенное в степях село, во время бурана оно кажется еще более слабым и несчастным. Все забились в грязные избы и со страхом прислушиваются к вою бури и к звону церковного колокола. Может быть, на полях теперь плутают по снежному морю люди и замерзают в одиноком и бессильном отчаянии. Удары колокола редкие, безнадежно тоскливые. Кажется, что колокольные звуки сами сознают свою слабость перед всесильной бурей; зародившись наверху, они бросаются с колокольни вниз и со страхом торопятся скрыться где-нибудь поблизости. А буря шумит и гремит в поле, падает на село снежной лавиной и ходит по улицам с победным воем и свистом.

Несмотря на буран, вечером состоялось собрание. Мужики входили в избу, точно масленичные снежные бабы, отряхали снег с тулупов, шапок, бород, отчего у двери образовался толстый снежный пласт, который соскоблили скребком.

С напряженным вниманием слушали все мое сообщение о деятельности первой Думы, прерывая изредка восклицаниями:

– Вишь ты! А ведь нам здесь совсем не так рассказывали. С толку сбивали. В «Сельском вестнике» писали, что депутаты совсем и земли-то мужикам не требовали.

Буря стучалась в стены, выла над потолком, била снегом в окна. Иногда колокол испуганно, торопливо звучал совсем близко, точно под самыми окнами. Все невольно вздрагивали, оглядывались назад. Потом колокольный звон улетал куда-то далеко и слышался, точно стон замерзающего человека.

Когда зашла речь о земле, о мужицких нуждах, то все начали говорить враз, не слушая друг друга, махали руками и на исхудалых, корявых лицах проступило выражение мучительной боли и злобного отчаяния. Так кричат и стонут больные; стонут не потому, что хотят, чтобы их услышали, а просто потому, что крик, стоны и ругательства заглушают боль. Около меня махал руками рыжий мужик с толстой бородой и выкрикивал:

– Им гоже так говорить. На словах-то у них все Христос да царь. А где у них Христос в делах?! Всех нас бьют да теснят; слова сказать не дают, в тюрьму тащат… Слышно, и расстреливают… И про царя они напрасно говорят. Им при царе тепло живется, ну вот они и кричат много про царя. Если они к царю приверже-

ны, так где же манифест-то царский о свободах, куда они его давали? В нужное место бросили! Эх, вы, христопродавцы! Все туману в деревню пускают, чтобы мы друг друга не видели. Будет уж, понимаем, что значит – за веру, царя и отечество! Это значит – не шевелись, молчи и издыхай…

Другие тоже выкрикивали смелые слова. То и дело слышалось: «Министры! Царь! Мы видим! Ровно пеленка с глаз упала! Только бы нам знать обо всем доподлинно! Ты нам, Семеныч, газету присылай… Книжку, газету, газету! Газету хорошую, где правда пишется!».

Под этот шум и гам мне вспомнилось, что когда прошлым летом ехал я из Севастополя в Москву со скорым поездом, вдоль полотна железной дороги то с той, то с другой стороны появлялись мужики, бабы, парни, девки, дети, махали руками и что-то кричали. А что кричат, никак не поймешь. Поезд мчится быстро и вместе с грохотом колес в окно врывается одно только настойчивое, молящее:

– А-а-а! Га-а-а!

Если не глядеть в окошко, то кажется, что от самого Севастополя кто-то бежит за поездом, не отставая, и через каждую минуту выкрикивает:

– А-а-а! Га-а-а!

И только в полдень на другой день, подъезжая к какой-то станции, я разобрал, что выкрикивают вдоль железной дороги:

– Газету! Газету!

Десять лет езжу я по России с севера на юг и с запада на восток, а этот крик слышу в первый раз. Казалось, вся русская деревня собралась к полотну железной дороги, машет отчаянно руками и кричит:

– Газету, газету!

Это было в начале июля, когда Петербург уже копал могилу первому народному представительству. Чуяло народное сердце измену и нервно, настойчиво кричало:

– Дайте нам знать о том, что творится на белом свете. Какой же помощи ждете вы от нас, если мы не знаем, что вы сделали и что хотите делать? Газету, газету, правдивую газету!

Недалеко от станции стоял, махал руками парень лет семнадцати и, точно загипнотизированный, повторял одно и то же слово, которое он выкрикивает около железной дороги, вероятно, уже целый месяц.

– Газету, газету!

Из окна переднего вагона упал белый газетный лист и развернулся у самых колес вагона. Я успел прочитать заглавие: «Московские ведомости».

Извольте, вот вам правдивая газета!

Парень схватил газетный лист и побежал к соседнему перелеску. Там жали рожь мужики и бабы. Они обступили парня с газетой и стали слушать…

Поезд остановился на минуту и снова с грохотом и свистом помчался дальше. Я в волнении ходил по вагону. А в окнах опять звенел настойчивый крик:

– Газету, газету!

Когда собрание несколько успокоилось, некоторые из грамотных мужиков завели разговор о социализации земли.

– Теперь многие советуют, чтобы землю нельзя было покупать и продавать. Кто хочет трудиться на ней – трудись; не хочешь – другому уступай! Ну, как это по-твоему, Семеныч? Хорошо, ай нет?

– По-моему, хорошо, не знаю, как по-вашему.

– Да ведь и по-нашему выходит тоже не худо. Только мы все думаем, нет ли тут нам, мужикам, какого обману? Вон земский, так тот говорит, что это нам во вред будет. Теперь, говорит, ты сам себе хозяин, а тогда тебя каждый с твоего места согнать может…

Когда все уяснили себе, в чем заключается социализация земли, то одобрили.

– Это бы очень хорошо! Куда лучше…

Только один мужик, Сорокин, упрямо отказывался высказать свое мнение. Он твердил одно:

– Не выйдет это дело никогда. Как было, так и будет. Нечего и толковать…

Однако в обсуждении вопроса, сколько может обработать своими силами один работник с женой, тот же Сорокин принял самое горячее участие.

– Да ведь по десяти десятин на человека, надо быть, обработаем, – сказал он.

При этом его заскорузлые пальцы зашевелились, глаза прищурились, точно он смотрел в далекое поле на десять десятин черной, влажной, своей земли; ноздри его расширились, будто уже обоняли запах ее весенних испарений. Но другие мужики с ним не согласились. Решили, что по пяти десятин на работника за глаза достаточно.

Сорокин уныло опустил свою лохматую голову в землю.

Поздней ночью разошлось собрание. Уходили все с какими-то просветленными лицами.

– Спасибо тебе, Степан Семеныч. Уж вот как ты нас этим разговором ублаготворил, что лучше всякого угощенья. Кабы нам почаще такие разговоры! Эх, темнота наша, темнота!

При выходе из дома, в сенях мне сунул в руку серебряный рубль тот самый молодой мужик, который все озлоблялся на правительство.

– Купи мне книг, – прошептал он.

– Каких же тебе книг?

Мужик замялся, подумал и сказал:

– Не знаю. Тебе виднее. Только купи таких, где бы вся наша жизнь к черту отрицалась. Правительство, леригия – надоело все… Так вот, как это по-новому устроить? Таких книжек купи.

Неохотно расползались мы по домам под вой бури и унылые звуки колокола. На улицах лежали громадные сугробы снегу. Некоторые дома уже попрятались в волнах бесконечного снежного моря.

<…>

Двенадцатого января в селе Студенцах был волостной сход для выбора уполномоченных. Мы выехали туда ранним утром. Было морозно и светло. Недавняя метель покрыла поля толстыми волнами снегу, закидала овраги, залепила лесные

опушки. Морозный поземок с сердитым шипеньем ползает и перетягивает дорогу поясами из мелкого снежного песку. Узкая, еще девственно-чистая дорога устало вьется между снежными волнами без надежды дойти до ближайшего села. Если приходится свернуть с дороги при встрече, то лошади вязнут по брюхо и долго барахтаются в снегу, пока опять не выберутся на узкий путь.

Село Студенцы расположено на глинистых буграх по сухим оврагам реки Безенчуга. С каждой весной, с каждым проливным дождем глинистые овраги все обваливаются, ширятся и подбираются ближе к домам. Дома пятятся от них со страхом, толпятся на взлобинах холмов, точно стадо овец перед волками, и всеми своими глазами смотрят в разинутые глиняные пасти. Глиняные рвы подползают к домам медленно, уверенные в том, что жертвы от них дальше никуда не уйдут. Кроме того, овраги пустили от себя вглубь села новые ветки; эти ветки расползаются по улицам, пересекают их, точно западни, и делают непроходимыми.

Что-то бесконечно грустное в этой беспомощности большого села перед глинистыми рвами, в безропотной покорности целых миллионов людей перед всеми стихиями: засухи, бураны, пожары, саранча, обваливающиеся рвы, наконец, самая правительственная власть, которая тоже, как безграничная, беззаконная стихия со своими генерал-губернаторами, стражниками и казаками, бушует на русских полях, а десятки миллионов людей в страхе толпятся перед ними, как стада бестолковых животных. Зато и сам народ мстит своим притеснителям, тоже как буйная стихия. Воистину, Россия еще не вышла из области стихийных отношений.

Медленно, на тощих клячах подъезжал к волостному правлению из соседних сел народ. Волостное здание кругом обставлено сугробами и только у дверей в снегах прорыт подъездной путь.

К часу собрание было объявлено открытым. Собралось девяносто пять человек. Приготовили баллотировочный ящик и накрыли его какой-то тряпкой. Волостной писарь прочитал от губернатора бумагу с известными «разъяснениями» Сената и удалился.

– Ну, старики, сговоритесь, кого желаете уполномочить от нашей волости, – предложил старшина.

– Да ведь кого нам: вот Степана Семеныча пошлем. Он знает дело и наши нужды застоит, – раздались голоса.

– Согласны ли, старики, послать Кондурушкина? – спросил старшина.

– Согласны, согласны!

– А другого кого же?

– Другого Семенова.

– Согласны ли, старики, другого Семенова?

– Согласны.

– Ну, теперь будем баллотировать.

– Чего там баллотировать. Пустое дело. И так гоже, без шаров. Это – господская затея, шары… Мы по совести посылаем, от души, – слышались голоса.

– Никак нельзя, старики, – сказал я, – надо баллотировать шарами. Иначе наши выборы будут сочтены незаконными.

– Ну, тогда ин ладно. Шары покатаем, потешим начальство.

Минут через пять меня позвали в собрание, чтобы произвести при мне подсчет шаров. Оказалось – 85 избирательных и 10 неизбирательных. А.И. Семенов получил 75 направо и 20 налево. Больше кандидатов не выставляли и сход был закрыт.

Я попросил слова и сказал о том, что если мы посылаем депутатов, то на этом наше дело не кончилось. Мы должны и здесь на местах работать так же, как и они там, в Думе. Для этого мы должны объединяться и обсуждать, как можно помочь делу. Без народной же поддержки значение депутатов ничтожно. Правительство не желает удовлетворить народные нужды и будет бороться с народом до последней крайности. И нужно, чтобы депутаты чувствовали за собой крепкую опору в лице тех, кто их выбрал, чтобы они свободно и смело могли бороться с правительством и бросить ему в лицо народное негодование…

Сухие, волосатые лица, воспаленные глаза, открытые от напряженного внимания рты. Глаза многих блестят слезами, лица дрожат негодованием. Я чувствую, что спазмы давят мне горло и бросаю говорить. Несколько мгновений собрание ждало, не скажу ли я еще чего-нибудь, потом зашумело.

– Поддержим как сумеем! Да и ты нас не оставляй, коли в Думе будешь… Чтобы мы знали, как там дело идет. Тогда, может, и придумаем, что нам делать.

Подходит ко мне сгорбленный старик, весь пепельно-серый: серое лицо, серая борода и серый от древности овчинный полушубок. Он разогнулся, поднял на меня слезящиеся с красными жилками глаза, взял костлявыми пальцами меня за руки и, видимо волнуясь, сказал:

– Все не верю я, сынок. Болтают теперь, что быдто сам царь не хочет нам землю и волю давать. Быдто и царь вместе с министрами да помещиками. Так ты, будешь в Думе, скажи ему лично, царю-то, что вот, мол, как народ хресьянский живет, вот как бедствует. Смерть – лучше…

Старик заплакал; голова его затряслась от волнения.

– И уж если после этого то же будет, – продолжал старик, – если и после того облегченья нам не будет, тогда… Тогда ты напиши нам, сынок. Сам-то я помру скоро, только я внукам своим закажу, заклятье положу на них, чтобы никому не верили, никому, кроме Бога…

– Я же не депутат еще, дедушка.

– Тебя выберут, это верно говорю, выберут.

– Потом, царь депутатов не принимает и не выслушивает. Вон, в прошлом году даже председателя самой Государственной думы не принял. А председатель-то вот и хотел про народные нужды рассказать…

– Не принял, говоришь? – удивленно спросил старик.

Это известие, видимо, его поразило. Он не нашел, что сказать, и, опустив голову, привалился сгорбленной спиной к горячей печке.

Через час я уже ехал в соседнее село Ольгино. Над снежным полем спускался тусклый зимний вечер. Тощая мохнатая пятнистая лошаденка, похожая на корову, бежит только до тех пор, пока кучер подхлестывает ее кнутом. Когда же он перестает хлестать, лошадь сразу останавливается и оглядывается вопро-

сительно назад. Наконец, кучеру надоело хлестать. Ему хочется поговорить. Посвистывая и почмокивая на лошадь, чтобы та не забыла совершенно о седоках, он обернулся ко мне.

– Скажи, пожалуйста, Степан Семеныч, когда это к нам в Расею свобода придет? А?

– Свобода ниоткуда прийти не может, – отвечаю я, – свободную жизнь создают себе сами люди.

Кучер помолчал, видимо что-то обдумывая. Потом лукаво улыбнулся и сказал:

– Теперь, выходит так, что правительство нас уму-разуму учит…

– Как так?

– Да очень просто. Спасибо ему, правительству-то. Видит оно, что мужик не совсем в разум вошел, бить, значить, мало. Ну, и послало к нам стражников да казаков. И стали они над нами измываться… Били они нас, били – и ведь, что ты, привели в разум! Теперь даже старые старики и те образумились. «Э-э-э, – говорят. – Так-то вы об нас заботитесь. Ну ладно, и мы об вас позаботимся». Только, думаю я, – заметил он грустно, – мы-то так уж и сдохнем в голоде да в грязи. Вот разве наши дети получше жить будут… Большая ихняя сила. Не скоро ее сломишь. Весь мир неправдой живет. Как ты ее, правду-то, скоро разыщешь…

В городе

В Самару приехал я ночью… На другой день я с утра отправился в редакцию местной газеты, чтобы войти в курс городской жизни и узнать предвыборные новости. На улицах встречалось много учащейся молодежи, хозяек с провизией и рыжих мужиков.

За время войны Самара очень выросла. Тут, как и во всех городах по Сибирской железной дороге, остался не один кровавый миллион денег… Но Самара город не промышленный. Как и большинство русских городов, она оживает только на зиму, начиная с осени, когда крестьяне уберут хлеб. Тогда город превращается в гигантский ворох зернового хлеба. Тут закипает вся жизнь: светятся магазины, театры, рестораны. Сюда, как вороны на добычу, съезжаются торговцы, монахи, генералы, проститутки; сюда же тянется в расчете на заработок голодный, рабочий люд. Даже крысы и мыши сбегаются сюда вслед за хлебом из опустевших мужицких гумен и амбаров. Город оживает, как больной, принявший обычную дозу морфия: на лице появляется подозрительный румянец, глаза блестят, движения становятся уверенны и размашисты, голос звенит вызывающе-крикливо. Но зато вокруг города глохнет и мертвеет вся жизнь. В городе пир и ликованье. Тут переливается из одного помещения в другое золотое хлебное море, а в деревнях – пустые амбары и желудки, худосочные дети, голодный тиф и все болезни проклятой мужицкой жизни. И чем меньше у мужиков родится хлеба, тем торопливее они вывозят его сюда из своих амбаров и ссыпают в барки и купеческие амбары за бесценок.

Но торговые площади, базары и теперь кишат мужиками. Везут остатки де-

ревенского богатства: сено, солому, скотину, птицу. Мычат телята, визжат нервные свиньи… Голодная деревня молча, угрюмо приносит себя в жертву у ног всемогущего города.

В провинциальном городе трудно иметь секреты. Там даже обывательские мысли и тайные намерения непостижимыми путями становятся известны всем раньше своего осуществления. Редакция газеты «Волжское слово» находится на одной из людных центральных улиц Самары. Она и была таким местом, куда ежедневно с раннего утра стекались все городские новости. Сюда забегали подозрительные, пугливые, оглядывающиеся по сторонам эсеры, самоуверенные кадеты и эсдеки, раздраженные и на правительство, и на революцию октябристы, а также все «дикие» политики и политиканы – рабочие, доктора, чиновники, адвокаты… Все здесь курили, торопливо обменивались несколькими фразами и бежали дальше, каждый по своим делам: кто – разнести по постоялым дворам революционные прокламации, а кто – в суд, судить революционеров за распространение прокламаций. И вот к концу дня непостижимым для всех образом все знали о намерениях и планах друг друга.

– Кто же донес?! – восклицают и правые, и левые.

– Тут без шпионства невозможно. Такие подробности могут знать только близкие люди! Надо следить…

В редакции было тесно, душно и людно. Три стола сотрудников занимали почти всю комнатку. Посетители вертелись между столами, сидели на столах, на диване и громко разговаривали о городских выборах.

– Это все эсдеки, черти, мутят! – говорит местный адвокат, – они вздумали свои отдельные списки по всем частям проводить. «Нам, говорят, классовое самосознание дорого… Подсчет сил…». До подсчета ли сил тут, когда черная сотня на носу. Вон вчера опять в трех местах собрания истинно русских были. Коренев со своими дочерьми молебны пел.

– К черту истинных! Ничего не сделают! – кричит толстый, бритый артист местной труппы, – все равно пройдут левые! Губернатор, говорят, уж в департамент полиции телеграмму дал, что, несмотря на все принятые им меры, левые везде проходят. Просит указаний…

Взрыв смеха. Шутки.

– Ну, положим, они еще не все средства-то исчерпали, – многозначительно говорит судейский чиновник, – они еще кое-что в запасе имеют. Погодите, придет решительный момент, так они нам кузькину мать покажут…

Начались знакомства.

– Наконец-то. Давно вас ждем, – здоровался со мной сотрудник газеты В.А. Кудрявцев, – только, к несчастью, уездная комиссия в порядке надзора исключила шестерых из состава уполномоченных, а в том числе и вас…

– Не может быть…

– Это верно. Я встретил сегодня секретаря дворянской опеки. Он мне сообщил.

– На каком основании?

Собеседник мой пожал плечами.

– На каком основании? На таком, что вы своими руками землю не пашете. По этому же и еще пятерых исключили. Уездная комиссия постановила: «Так как такие-то не проживают в месте своего домохозяйства, а следовательно, не могут вести такового, то…». Вы понимаете: «Не проживают, следовательно, не могут вести…». Какова логика! Только они в калошу сели с этим заключением. Этого не только в законе, даже в сенатском разъяснении не отыщешь. Кроме того, четверо из исключенных, действительно, не живут в месте своего домохозяйства, но двое, Белов и Соловов, всегда живут в своем селе и домохозяйство сами ведут. Тут уж прямо что-то непостижимое. Дневной разбой…

Таким образом, с первых же шагов в Самаре начался тот предвыборный бег с препятствиями, который для всей оппозиции устроила русская реакция. В здании уездного съезда мы имели разговор с председателем уездной комиссии г[осподином] Ставровским. На его желтом и сморщенном лице плавала любезная улыбка, когда он излагал нам постановление уездной комиссии. Изъяснялся он при помощи безличного глагола «стало», который сопровождал каждое его слово.

– Земское начальники, стало, доносят нам, стало, что вы не сами ведете хозяйство… Ну, вот, стало, вас и исключили, стало, поэтому. Но вы можете обжаловать, стало, в губернскую комиссию…

Вечером того же дня мы все, лишенные избирательных прав, собрались в квартире одного присяжного поверенного и до полночи писали жалобу в губернскую комиссию. Ссылки на закон, тяжеловесные юридические фразы и целые страницы рассуждений о том, что ясно без слов, как божий день. Если бы правительство не было заинтересовано в изгнании интеллигентных сил из состава выборщиков, то Сенат не «разъяснял» бы избирательного закона, никто не исключал бы нас из списков и сомнения в нашем избирательном праве всякому показались бы просто сумасшествием. Но правящему классу нужно обессилить своего врага; в его руках сила, вот он и гонит нас… Нужно ли писать мудреные слова, приводить статьи закона и притворяться, что не понимаешь сущности дела. Не лучше ли бросить всю эту словесную дребедень и написать: господа, вы поступили нечестно, у вас есть время исправить это, и вот мы вам об этом напоминаем…

Жалобы, однако, написаны и поданы. Но уверенности на успех у нас было мало. Если уездная комиссия исключила, то губернская, думалось, подтвердит… Не терял надежды только, кажется, один Ф.К. Белов. Это энергичный старик, похожий на Черномора: низенький, коренастый, с большой бородой, кверху широкий, книзу тонкий, точно волчок. В течение нескольких дней он без устали день и ночь ездил из Самары в свое село Обшаровку и обратно, доставал какие-то приговоры, копии, удостоверения, вообще был в полной готовности доказать то, что и без бумаг ясно, т.е., что он, Белов, крестьянин: родился, жил и думает умереть в Обшаровке; у него свой дом, два надела земли, которую он и обрабатывает, и вообще он, Белов, полноправный член сельского общества… Возможно, что на случай сомнения в его рождении, крещении и существовании на свете он захватил и метрики…

К великому нашему удивлению, губернская комиссия под председательством председателя окружного суда г[осподина] Филиппова отменила поста-

новление уездной и таким образом восстановила нас в избирательных правах. Постановление губернской комиссии было сформулировано весьма определенно и резко. Она признала за всеми нами бесспорные избирательные права и решила, не доверяя уездной комиссии, уведомить нас о своем решении непосредственно.

Это вызвало негодование уездного дворянства и администрации и нападки местной октябристской газеты «Голос Самары». У губернатора состоялся совет. Постановили обжаловать решение губернской комиссии в Сенат, но не по существу, что сделать было затруднительно, а по формальным соображениям. Нашли, что состав губернской комиссии был незаконный. Когда об этом узнал председатель комиссии, то, говорят, в раздражении ответил: «Еже писах – писах. Пусть жалуются, куда хотят».

<…>

Но, как бы то ни было, перепрыгнув первое препятствие, мы продолжали наш предвыборный бег.

В девять часов утра 23 января тесные и грязные помещения уездного съезда были полны народом. В дверях стоят полицейские. В передней приветливой улыбкой встречает меня швейцар.

– Что, господин, выплыли? Ну, слава Богу. А я думал уж, что вам капут будет.

Уполномоченные переходят из комнаты в комнату, сталкиваются, сходятся кучками и снова расходятся. Все вглядываются друг другу в лица, заговаривают, нащупывают, стараются решить мучительный вопрос: кто друг и кто враг? Как бы не промахнуться и не ввериться тому, кто не будет в силах или не захочет отстаивать народные нужды!

Часто из толпы выделяются взволнованные люди, сплетаются парами, отходят в сторону или темный угол и долго шепчутся и машут руками, некоторые переходят от одной группы к другой с тупым и безнадежным выражением лица. Дескать, все равно, ничего из этого не выйдет.

Там спорят о том, за плату или без платы нужно взять землю от частных владельцев. Выскакивает низкорослый, бойкий мужик и начинает горячо говорить и махать мозолистой рукой. Но слова его не слушаются. Он чувствует в себе глубокую, яркую, выношенную в течение всей трудовой мужицкой жизни мысль, но у него нет таких же ярких и сильных слов. Он безнадежно взмахнул рукой и отошел в сторону, только блестящие от волнения глаза говорили ясно, что он не высказал того, что хотел высказать.

Спорят, как выбирать. Многие предлагают выбрать в кандидаты по два человека от каждого участка земского начальника. Так говорят, главным образом, те, которые метят в выборщики, но не надеются выделиться чем-нибудь из массы. Когда им возражают, что интересы крестьян в первом и в пятом участке одинаковы, а потому нужно выбирать не участки, а людей, они умолкают, отходят в сторону и в другой кучке снова заводят те же песни.

Часов в одиннадцать появились списки кандидатов, предложенных эсеровским комитетом: большинство с юга. Это произвело переполох среди северян.

Многие усмотрели в этом «захват власти».

Ко мне подходит уполномоченный с севера, здоровый мужик, с виду напоминающий собою старшину: толстая шея, кулаки по самовару и умное вкрадчивое лицо. Его в списке не было.

– Это нехорошо, Степан Семеныч! К чему эти списки? Конечно, мы не против некоторых. Вот вас, к примеру, или Макарова мы уж знаем и выберем. А других нам пусть не навязывают…

Около нас собирается толпа. Кто-то просит у собеседника список кандидатов и спрашивает его:

– Вы не согласны голосовать за этот список целиком?

– Никак не согласен.

– Так вот что сделайте с ним…

Он разрывает список и бросает обрывки на пол. Простота, с какой все это произошло, возбуждает общий смех. Но северян это не удовлетворяет. Там немцы, имеющие по нескольку десятков, даже сотен десятин земли, богатые мужики и татары. Все они насторожились и стали сплачиваться около своих вожаков. Прогрессивный юг и консервативный, разноплеменный север начали расслаиваться на две враждебные силы.

Прошел председатель, уездный предводитель дворянства, чисто вымытый, маленький, прилизанный человечек с деревянными движениями. Он старался не глядеть на мужиков, ибо не ожидал почтительных поклонов. Однако некоторые невольно поднялись и покорно нагнули свои лохматые головы.

– Здравствуйте, ваше сиятельство!

Сдержанные протесты и насмешливые взгляды молодежи.

– Кому кланяетесь? Тому, кто из нас же кровь сосет! Так вы уж у него и ручку поцелуйте!

Ровно в 12 часов заседание было открыто. Председатель прочитал статьи закона о выборах и предложил наметить кандидатов при помощи записок. Как и следовало ожидать, в записках повторились имена почти всех участников съезда. Абсолютное большинство по запискам получил один я. Остальные – от 31 и ниже. Многие имели по одной и по две записки.

Началась долгая и томительная баллотировка. Баллотировали сразу в четыре ящика. Крестьяне потребовали, чтобы те, кого будут баллотировать, вставали сначала каждый у своего ящика, показались бы всем, а потом уже шли в отдельную комнату. Я вместе с другими тремя кандидатами удалился в соседнюю комнату. И странное чувство испытывал я, прислушиваясь к сдержанным звукам, которые доносились через закрытую дверь из зала собрания. Мне казалось, что в соседнем зале за закрытыми дверями судьба пишет своей рукой наш приговор. Стальные шары скатывались в ящики с легким стуком. Ноги шаркали об пол. Слов почти не слышно. Чувствуется только, что за закрытыми дверями совершается таинственное и важное дело. Напряжение чувства передается из зала ко мне и властно охватывает все мое существо.

– Пожалуйте в зал!

Вот они, эти таинственные ящики, выкрашенные наполовину в черный,

наполовину в белый цвет. Они притаились и молчат, хотя знают уже тайну народной совести; они, точно неведомые пестрые зверьки, свернулись клубками на длинном столе и ждут последних наших шаров.

Раз, два, три. Я положил другим свои шары и отошел в сторону. Председатель открыл клапаны.

– Кондурушкин! Сорок восемь направо и двадцать налево. Избран. Макаров! Тридцать семь направо, тридцать один налево. Избран.

Остальные двое оказались неизбранными.

Ко мне тянутся с поздравлениями десятки заскорузлых рук. Передо мной мелькают бородатые лица с широкими улыбками.

– Пишите нам, извещайте, приезжайте к нам из Думы! – слышу я возгласы.

Дальше пошла долгая, молчаливая и упорная война. На баллотировку ставили одну смену кандидатов за другой, и все оказывались забаллотированными. Северяне клали влево южанам, южане – северянам. С брезгливым выражением лица председатель спрашивает мужиков:

– Желаете ли баллотироваться?

– Пусть уж просеют! Что же делать, надо баллотироваться, – отвечали даже те, у кого было по две, по одной записке, становились около ящиков, потом удалялись в соседнюю комнату. Все это делалось упорно, сосредоточенно. Многие считали, что они не вправе отказываться от баллотировки. И только немногие на председательский вопрос отвечали:

– Не желаю, ваше сиятельство! Покорно благодарим за приглашение.

Воронкой пятнадцать раз обернулось собрание около избирательных ящиков. Пробаллотировали почти всех 69 человек. Все напрасно. Никто, кроме меня и Макарова, выбран не был.

Около пяти часов приступили к повторной баллотировке. Председатель предупредил собрание, что если второй баллотировкой не будут избраны остальные выборщики, то Самарский уезд останется при двух представителях.

Снова и снова шестьдесят девять человек проходят мимо длинного стола, покрытого зеленым сукном, снова председатель вскрывает ящики, уполномоченные собираются около него толпою и нервно затихают.

– Двадцать два направо, сорок шесть налево… Не избран!

– Черт знает что такое! – раздаются возгласы, – товарищи, нужно сговориться. Ведь дело серьезное.

На скамьях отдельными кучками сидят угрюмые северяне и смотрят на всех исподлобья. Подхожу к ним.

– Господа, поговорите между собой. Нужно же кого-нибудь выбрать.

Встречаю холодные, даже враждебные взгляды.

– Выбрать? Надо бы выбрать, да, видно уж, не станем. Наших закатали, ну и ваши не пройдут.

Зажгли огни. В полумраке комнат вяло двигается голодная толпа людей. Осунувшиеся лица, воспаленные глаза мелькают в дымном, туманном воздухе. Полицейские или спят у дверей, или мучаются приступами зевоты и с ненавистью смотрят на движущиеся лохматые фигуры. Кто-то из уполномоченных ле-

жит в темной комнате на диване голодным животом вниз и безнадежно спрашивает проходящих:

– Ну, что, не выбрали? Нет! О-о-о!

А в зале воронкой вертится около урн толпа. В дымном, липком воздухе мелькают бородатые маски, слышатся подавленные вздохи, раздраженные слова. Здесь, около избирательных ящиков, столкнулась старая и молодая Россия, богатые мужички – с обычным, голодным, рядовым крестьянством, темные ста рики – с новым, молодым поколением. Но между этими двумя силами находилась еще какая-то третья сила, нерешительная, безвольная, которая топила своей тяжестью и правых, и левых. Пестрые избирательные ящики и тем, и другим выносили неуверенный, но неизменно отрицательный ответ: нет, не избран. Было много таких: 34 и 34 – не избран; 33 – 35, 32 – 36 и т.д.

Баллотируются снова все. Председатель со злобой смотрит на упорные лица мужиков: ему хочется есть. Только к своим он относится ласково и даже подсказывает мужикам их кандидатуры. Баллотируется вторично истинно русский немец, член земской управы Мейзенгельтер. Он в нерешительности.

– Вот уж и не снаю, што мне делайть?

– Конечно баллотируйтесь, – предлагает председатель, – чай, образумятся, наконец…

Но избиратели не образумились. Мейзенгельтер снова получил только восемнадцать белых.

Наконец раздались возгласы:

– Избран! Шишкин избран. Потом вскоре были избраны Комариков, Хаяров, Денисов, Гришин, Грачев и Кириллин, избраны в большинстве случаев те, которые при первой баллотировке сами отказались от своих кандидатур. Вероятно, они большинству казались безразличными по своим политическим убеждениям.

После выборов все мы, выборщики по Самарскому уезду, отправились в ближайшую гостиницу пить чай. Никанор Иванович Шишкин – степенный, спокойный и уравновешенный; он всегда долго наблюдает, потом скажет что-нибудь дельное, нужное. Дмитрий Федорович Денисов – коренастый мужик, борода лопатой, быстрые, но мягкие движения и быстрая речь. Его слова бегут одно за другим и сам он готов тотчас же броситься за ними в погоню. Михаил Иванович Хаяров – сухощавый, высокой, чисто одетый, похож на землевладельца средней руки; он резок, вспыльчив, с замашками деревенского деспота, но толковый и энергичный человек. Комариков – худощавый мужик, старшина, ведет политику на обе стороны. Гришин и Грачев – скромные, тихие, симпатичные крестьяне. Кириллин – рыжий, желтый, поломанный трудом мужик, но все еще искренний, увлекающийся и живой, точно юноша. Иван Федорович Макаров, бывший сельский учитель – желтый, нервный, порывистый и подозрительный человек.

Недолго продолжалась наша первая беседа. Многие торопились уехать из города, и все устали до последней крайности. Зашел разговор о том, какие сведения дать о наших политических направлениях в газету. Сначала одобрили слово «прогрессисты».

– А кто такие прогрессисты? – спросил Шишкин.

– Прогрессисты – это беспартийные люди, которые, однако, не назад тянут, не говорят, что у нас все хорошо, а стремятся к улучшениям, к изменению существующего строя, – пояснил Макаров.

– Что же, это ничего. Назовемся прогрессистами, – одобрили некоторые.

Кто-то предложил назваться трудовиками.

– Вот это дело! Трудовики – это нам самое подходящее слово. И русское, и понятное, ой, какое понятное!

Слово «социалисты» отвергли, как страшное и опасное.

Подходит Кирилин и грустно говорит:

– Не возьму я, Степан Семенович, на себя такого позора – трудовиком прозываться. Я – социалист, так уж и в газете написать нужно это слово…

Милый Кириллин! Газета поименовала его прогрессистом, но правительственные отчеты поименовали его, вероятно, как и повсюду крестьян: православный, монархист.

<…>

Первое губернское предвыборное собрание состоялось второго февраля [1907 г.] в доме общества приказчиков. Накануне был арестован выборщик по Бузулукскому уезду г[осподин] Костромитинов, бывший член Государственной думы.

С самого начала собрание занялось обсуждением этого случая. Составили телеграмму Столыпину и послали депутацию к губернатору с просьбой освободить выборщика из тюрьмы. Губернатор жаловался депутации на то, что арест произведен по приказанию жандармского начальника, а этот начальник на хорошем счету в департаменте полиции, поэтому он, губернатор, ничем помочь не может и т.д. «Они и за мной следят», – плакался губернатор.

– Стою я сзади губернатора, – рассказывал мне один из депутации, – смотрю, голова у него дряблая, вроде гнилой дыни; волосы местами повылезли. Слушаю его жалобы, и такая меня злоба взяла! «Зачем же ты сидишь у власти, если у тебя ее нет! – говорю себе, – все вы, верно, так: как хочешь зови, только сладко корми». И так у меня руки судорогой злобной свело, чуть удержался… Даже страшно стало. А потом самому противно сделалось…

Много усилий было потрачено на то, чтобы убедить крестьян отказаться от поуездного представительства, а выбирать достойных из общего состава прогрессивных выборщиков. Но вполне эту точку зрения разбить не удалось, и уезды оставили за собой право рекомендовать непременно своих кандидатов в Думу. А это вызвало в уездах сильную борьбу, которая продолжалась до пятого февраля.

В особенности много вышло разногласий в Новоузенском уезде. Это был один из самых численных и наилучше представленных уездов. Народ все больше интеллигентный, энергичный, молодой. Но с самого начала он разбился на два враждебных лагеря, которые к пятому февраля помирились на том, что «ни вы, ни мы». Новоузенский уезд выставил без всяких споров только кандидатуру

ссыльного инспектора народных училищ г[осподина] Архангельского.

В других уездах тоже было немало споров, даже ссор. Только один Самарский уезд без всяких разногласий выставил кандидатуры мою и г[осподина] Макарова. И до тех пор, пока уезды не пришли к окончательному соглашению относительно своих кандидатов, общие собрания носили унылый характер. Чувствовалось какое-то общее упорство, недоверие, раздражение и даже недоброжелательство.

Землевладельцы тоже не дремали. Среди крестьян они составили небольшую кучку своих единомышленников и через них вносили в уезды и на общие собрания постоянные разногласия и вражду.

– Вы думаете, что вы нас победили! – говорил мне хвастливо один из землевладельцев, – ничуть не бывало. Мы всю вашу музыку расстроим. Вы наметите кандидатов, а мы предложим в Думу тех, кого у вас обошли. Они и разобьют ваши голоса. А за десять рублей в сутки, которые дают в Думе, мужичишки не только вас, а отца, мать продадут. Хе, хе, хе!

Действительность показала, что помещик был не прав. Но нельзя сказать, чтобы десять рублей в сутки оказали благотворное влияние на выборы в русский парламент…

– Депутат Шарков в прошлом году привез из Питера семьсот рублей! – говорили мужики. И это действует обаятельно на воображение бедного крестьянина. Несколько сот рублей! Да ведь это же богатство! На эти деньги можно купить лошадь, корову, построить дом, приобрести землю… Там когда-то мы еще отберем у помещиков землю, а уж коли купишь, так хорошо будет. У мужика последнее не отнимут. Такого закону не будет…

Для выборщиков была снята гостиница с номерами, где с раннего утра до поздней ночи толпился народ, главным образом крестьяне. Часто туда заходили и землевладельцы и одиноко бродили от одной кучки мужиков к другой, возбуждая со всех сторон ядовитые замечания:

– Пришли перед выборами-то мужицкого духу понюхать. Теперь – граждане, али господа, а после выборов – сукины дети. Знаем мы вас.

Началось самое тяжелое и самое неприятное время предвыборной кампании.

Никогда я не чувствовал себя таким одиноким среди людей, как в эти несколько дней предвыборного кипения. Знаешь хорошо, что если ты упадешь, то тебя никто не поднимет. С кем бы ни встретился, в каждом слове, в каждом взгляде, в каждом его движении чувствуешь что-то недосказанное и враждебное. Нечто подобное испытал я на море во время крушения парохода. «Там, где могу спастись я, – ты не становись мне на дороге!» – читал я на лицах всех, раньше таких милых и деликатных пассажиров. И меня, помню, тогда привела в ужас не столько близость смерти, сколько именно это отчаяние одиночества, сознание полной враждебности всех людей… И в предвыборной борьбе тоже были такие моменты всеобщего отчуждения людей друг от друга. Временами, в особенности когда я, утомленный, возвращался ночью на квартиру, на меня нападала страшная тоска по близким, родным людям, которым можно все рассказать и которые под видом ласки не готовятся тебя потопить. И когда я вспоминал о таких близ-

ких и дорогих, то мне казалось, что они существуют только в моем воображении, а на самом деле их нет и не может быть.

А тут еще подлая и грязная клевета, которая ползла из враждебного политического лагеря и целилась в наиболее опасных врагов. При этом господа землевладельцы обнаруживали очень слабую изобретательность. Они уподоблялись гоголевской офицерской вдове, которая, как известно, сама себя высекла. Если они хотели кого-нибудь из нас уронить во мнении крестьян, то позорили его своим позором – называли черносотенцем.

– Он хоть и Аладьин, а черносотенец страшнеющий – говорили обо мне крестьянам дворяне.

Правда, это успеха не имело, но действовало на нервы, и без того издерганные всевозможными неприятностями.

Лучшим днем всей этой предвыборной сумятицы был день пятого февраля.

Я был бессменным председателем всех наших предвыборных собраний, а потому вынес из них может быть несколько своеобразные впечатления. Чаще всего я представляю себе выборщиков в виде одного большого взволнованного лица с сотнями возбужденных глаз, которые светятся сквозь синеватый воздух зала. Это многоглазое лицо охватывает меня взором со всех сторон, оно то напряженно молчит, слушает оратора, то смеется, то сердится, и на его глазах блестят слезы негодования или восторга. Собрание, как какое-то большое существо, то сидит смирно, то вдруг начинает шуметь, кричать, хлопать в ладоши, но стоит позвонить в колокольчик, – и оно покорно свертывается, затихает и снова напряженно слушает, слушает.

С десяти часов утра пятого февраля было назначено общее собрание. Но так как уезды в своей среде еще не пришли к полному соглашению, то решено было на это собрание утром всем не ходить, а сойтись предварительно в упомянутой гостинице, покончить там между собой все разговоры и явиться на собрание уже с намеченными кандидатами, которых и пробаллотировать.

В десять часов утра я был в доме общества приказчиков. Туда же начали приходить землевладельцы и все правые. Наших было немного, но и те вскоре ушли. За отсутствием выборщиков я объявил перерыв до пяти часов вечера и пошел в гостиницу.

Там были в сборе почти все уезды. Выборщики из тех уездов, которые уже пришли к соглашению, уныло ходили по длинному грязному залу гостиницы, не зная, чем заняться, подходили ко мне с одним и тем же назойливым вопросом:

– Чего же мы ждем? Надо бы скорее кончать.

Крестьянин Пустовойтов стучал ладонью по столу и нервно кричал:

– Нет, вы скажите мне, что вы думаете делать? Вы мне не теоретически, а конкретно…

В самом деле, положение было не из завидных. В присутствии землевладельцев крестьянские выборщики совсем свертываются, умолкают, точно воды в рот набрали. О кандидатах в Думу раньше времени не говорят – боятся ареста. Значит, на собрание надо явиться с намеченными кандидатами по всем уездам, а там все еще вражда, и неизвестно, когда она кончится. Подбегает молодой

выборщик от Николаевского уезда и с подергивающимся от волнения лицом хриплым голосом торопливо говорит:

– У нас баллотировку производили гривенниками. Гривенники клали в шапки… в две шапки. Руки опускали сразу в две шапки, чтобы незаметно было, кто куда кладет. А разве нельзя захватить гривенники из одной шапки, а потом переложить в другую? Разве невозможно?

– Конечно, возможно. Но…

– Вот видите, вы говорите – возможно. Значит наша баллотировка недействительна…

– Так вы и обсудите между собой.

– Да, но у нас есть черносотенцы. Они меня не желают…

И так далее без конца.

Встречаю Никанора Иваныча Шишкина. Он, как всегда, степенный, спокойный, деловитый.

– Если их ждать, – насмешливо говорит он, – так они и еще два дня проканителятся. Скажите, что надо кончать и идти на собрание. Они и кончат. Право, так…

Шишкин был прав. Как раз в это время пришла полиция и объявила, что если выборщики желают собраться, то пусть идут в помещение, на которое подано заявление, а здесь собрание не разрешается. Споры кончились, и часа в два пополудни мы большими толпами с баллотировочным ящиком, как с какой-то святыней, двинулись в дом общества приказчиков.

Так как уезды рекомендовали кандидатов больше, чем полагается от Самарской губернии депутатов, то долго спорили о том, как нужно относиться к рекомендованным уездами лицам: считать ли всех одинаковыми в уезде или которому-нибудь из них отдать предпочтение перед другими. Снова уезды разбились на кучки, и опять больше часу продолжались споры, пока, наконец, не установили такой порядок: каждый уезд сообщает имена своих кандидатов под номерами – первый, второй, третий – причем наиболее рекомендуется уездом первый из них, затем второй и т.д.

Часов в пять сделан был перерыв перед баллотировкой.

Наступило то торжественное, праздничное настроение, которое уже не покидало выборщиков до конца заседания. Споры окончены; кандидаты рекомендованы; нужно ждать, что скажет баллотировка. И только тут начала чувствоваться та общность и сплоченность наших сил, какой до сих пор все еще, как будто, не было. Те, которые желали попасть в Думу и не были рекомендованы, тоже примирились со своей участью. Одним словом, нарыв был разрезан – и наступило то желанное успокоение, которого так ждал политический организм.

Во время перерыва прямо из тюрьмы зашел на собрание г[осподин] Костромитинов. Выборщики встретили его приветливо. Он сказал, что слишком расстроен и измучен, чтобы присутствовать на собрании, и удалился.

После перерыва один из ораторов произнес короткую речь:

– Товарищи! Мы только что радовались тому, что из тюрьмы выпустили нашего товарища, выборщика Костромитинова. Может быть, его выпустили по на-

шим настояниям, может быть – по другим каким соображениям. Мне неизвестно. Но этот случай лишний раз напоминает нам о том, что для нашего правительства нет ничего святого; ему не дороги ни свобода, ни благо, ни даже жизнь граждан. Оно душит все, что стремится к свободе. Мы сейчас радовались маленькому случаю – освобождению из тюрьмы одного человека. Но не должны мы забывать, что народ передал нам в руки неизмеримо важнейшее дело. И это дело мы можем совершить только общими усилиями: мы должны освободить из тюрьмы всю Россию!

Эти слова произвели поразительное впечатление. Несколько минут в зале стоял шум от аплодисментов и криков. В волнении оратор вставал несколько раз, а крики с шумом все росли и росли. Корявые мужицкие ладони издают не звонкие хлопки, поэтому многие стучали об пол ногами, двигали свободными стульями, сжимали в исступлении кулаки и кричали:

– Верно! Браво! Пр-р-авильно! Дышать невозможно, тюрьма давит…

Перед моими глазами волновалось одно широкое, бородатое стоглазое восторженное лицо. И еще долго потом его яркие глаза светились в сумраке догорающего зимнего дня.

Долго бились с вопросом о том, кто может принять участие в баллотировке. Теперь на собрании было уже много правых, и все они, очевидно, будут вносить путаницу в подсчет наших сил, будут класть менее желательным для нас кандидатам вправо, а влево – остальным. Наконец решено было так: в баллотировке намеченных кандидатов примут участие все те, которые участвовали в поуездных собраниях при рекомендации кандидатов общему собранию. Вообще же, право того или другого выборщика на участие в пробной баллотировке предоставляется решить каждому уезду в отдельности. Землевладельцы сначала было протестовали, потом начали расходиться.

Часов в семь приступили к баллотировке. Всего было рекомендовано двадцать одно лицо. Из них подлежали выбору двенадцать. Решено было, что каждый кандидат перед баллотировкой выскажет свои политические убеждения.

Баллотировка тянулась с семи часов вечера до часу ночи, и все время чувствовалось то светлое, хорошее настроение, которое овладело собранием с начала вечера. Временами мне казалось, что мимо моего председательского стола проходит длинная вереница мужиков не к баллотировочному ящику, а к церковному амвону во время пасхальной заутрени. На амвоне стоит с крестом сельский батюшка и христосуется со всеми прихожанами, а я, маленький мальчик, стою около перил и любуюсь на убогие наряды, крашеные яйца, смотрю на подсвечники, которые кажутся мне пучками зажженных свечей, и мое маленькое сердце бьется радостным боем. В ушах стоит смутный, сдержанный говор, слышится шуршанье ног, видны радостные, освещенные каким-то внутренним светом лица, и мне чудятся сдержанные возгласы: «Христос Воскрес!».

– Неужели сегодня воскрес Бог русской жизни, – думаю я, – неужели с настоящего дня он взглянет с неба на измученный, голодный народ и потребует к суду притеснителей?.. Неужели…

Увы, то был приятный самообман под наплывом детских воспоминаний!

Одни за другим выходят намеченные кандидаты и высказывают перед народом свою политическую веру. Некоторые говорят заученными словами, но в голосе иных чувствуется упорная вера, наболевшее сердце, глубокая решимость.

– Товарищи! Я не буду излагать перед вами свою программу. Скажу кратко: я буду бороться за всю землю и всю волю для трудящегося народа. В доказательство же того, что я честно понимаю свою задачу, я расскажу вам, сколько раз я сидел в тюрьме…

Дальше идет повесть о том, как его гоняло правительство из одной тюрьмы в другую, как высылало на север и восток обширной России, как морило голодом без работы и как отравляло жизнь тысячью тех способов, какие всегда найдутся у него под руками. И весь зал шумно рукоплещет. Какая перемена совершилась в понятии деревни! Я помню, какой ужас возбуждало во всех слово «острожник». Острожник-воришка внушал страх, но был понятен: он воровал по нужде, а нужда всем была известна. А политический острожник был менее понятен – он бросал вызов устоям жизни, Богу и царю, и казался страшнее вора и убийцы. Теперь же все знают, что тот, кто вызывает гнев правительства, достоин благодарности народа.

– Товарищи-крестьяне! Я сын помещика и буду говорить о дворянах. Крестьяне не доверяют нам, дворянам. Вполне понятно, почему. Что видели мужики от помещиков? Жестокие насилия и обиды. Но теперь, товарищи-крестьяне, настало время общей работы. И если плотнее сомкнулись ряды старого дворянства, все еще не желающего выпускать власти из своих рук, зато дальше отошли от них, сделались их врагами те из дворян, которые сознали вековое зло русской жизни и стали в ряды борцов за общенародную свободу и благо вместе с рабочими и крестьянами… Об этом красноречиво говорит нам статистика сосланных в отдаленные места, замученных, расстрелянных… Пролитая в борьбе за свободу дворянская кровь давно побраталась с крестьянской, и в отдаленных местах Сибири участь дворян и крестьян одинакова. Теперь нужно чуждаться не сословий, а людей…

– Товарищи, – слышится новый, нервный, звенящий голос, – теперь мы переживаем судную неделю, вторую судную неделю для всей России! Кто в эти дни не спросит свою совесть: зачем ты жил, что ты сделал хорошего и дурного, кому ты служил? И многие, друзья мои, у кого не пропал еще стыд и сердце не заросло бурьяном, многие ужаснутся в эти дни своей старой жизни и с воплями закричат, протянут руки к народу: «Я с вами, не оставляйте меня среди мертвецов!». И я громко говорю всей старой России: покайся, преступница!

А мимо моего стола снова и снова проходит длинная вереница людей к баллотировочному ящику. Многие улыбаются, кивают приветливо головами, шепчут что-то мне на ухо, и нечесаные бороды щекочут щеку.

Когда получил большинство голосов один из ставропольских кандидатов – И.Д. Сухоруков, то второй кандидат, Маштаков, отказался от баллотировки. Это великодушие вызывает бурю восторга. Маштакову аплодируют долго и радостно.

В первом часу выяснился результат баллотировки. Участвовало сто восемнадцать человек из ста семидесяти выборщиков по губернии. Из двадца-

ти одного в порядке большинства полученных шаров выбрано двенадцать лиц, в числе которых был и я. Список приветствовали аплодисментами. Говорились речи о том, что принятого здесь списка завтра нужно крепко держаться всем, кто сегодня баллотировал. Нужно забыть все личные счеты и голосовать за этих двенадцать человек целиком, иначе голоса наши могут разбиться и нас победят черные силы.

Но самарская реакция приготовила нам последний удар, какой была в силах нанести. Когда список двенадцати кандидатов был уже утвержден и силы наши ясно определились, землевладельцы весело расхаживали среди мужиков и уверенно говорили:

– Не пройдет ваш список, ни за что не пройдет.

Они были правы. Очевидно, им было уже что-то известно…

<…>

Губернская управа – одно из самых толкучих мест в городе. У губернской управы две двери: черная и парадная. В парадную дверь идет проситель крупный, сытый, наглый; в черную – мелкий, робкий, голодный. Черный ход кишит целый день народом. Из служащих самой управы по парадному ходу входят и выходят обитатели нижнего этажа. Здесь члены управы, бухгалтеры, контролеры, кассиры и прочие крупные люди. По-черному ходит верхний этаж. Там находится статистическое отделение. В политическом отношении нижний этаж – октябристы и кадеты. Верхний – направления социалистического. Какие там славные молодые лица! Сюда стекаются со всей губернии цифры, бездушные цифры человеческой жизни. За длинными столами под пером этой молодежи цифры складываются в столбцы; столбцы, в свою очередь, выстраиваются рядами, и вдруг все это мертвое поле цифр, как мертвое поле костей в видении Иезекииля, начинает одеваться плотью и кровью, оживать, проникаться единым духом, новой, неизвестной раньше никому мыслью, и, вместо предполагаемого «ура!», выкрикивают совсем другие, неприятные слова. Да, страшен и неожиданно своеобразен язык мертвых цифр русской жизни. И вот почему его так боится старая Россия…

К зданию Дворянского собрания со всех сторон подходили толпы выборщиков. У дверей – гордость самодержавной России, свет ее очей и радость сердца, полиция, снаряженная всеми сортами оружия, только пулеметов не хватало. При взгляде на русских полицейских мне всегда вспоминается Турция. Там все полицейские носят на груди медные дощечки-полумесяцы с надписью «Закон»! Меня умиляла эта трогательная откровенность турецкой власти. «Что бы и нашей так же!» – думаю я всегда, – и к чему напрасный стыд?».

Зал дворянского собрания – небольшая комната, заставленная по стенам громадными царскими портретами в золотых рамах. Весь пол тесно уставлен венскими диванами и стульями. Сзади – хоры для публики, а впереди, почти во всю ширину комнаты – длинный председательский стол, покрытый красным сукном и заставленный баллотировочными ящиками. Налево от стола, под арками, целый ряд комнат, разделенных драпировкой и устланных сукном и коврами. Там

толпились главным образом землевладельцы во фраках, сюртуках и мундирах. В зале преобладал пиджак и поддевка; был даже дубленый полушубок.

Между крестьянами шныряют какие-то личности, коих мы не видели раньше на своих собраниях. Они подсаживаются то к одному, то к другому из наших, что-то шепчут и подозрительно мечут глазами по сторонам. Живой и горячий малоросс, Прохор Кононец, вскакивает, как ужаленный, и с негодованием кричит, показывая мне на своего собеседника:

– И что он мне говорит! Я не могу с этим чоловиком сидеть! Говорит – надо налево нашим класть. Да как же это так, колы мы в роде как бы перед Господом Богом порешили?!

По рукам крестьян уже ходят списки правых. Там семь мужиков и пять землевладельцев.

Как только я очутился среди выборщиков, утреннее спокойствие мое исчезло и мне снова передается общее нервное настроение. Лица у всех немного взволнованны, но на них написано что-то торжественное. Так торжественны бывают лица молящихся в церкви перед началом службы. Только под колоннами, налево, в кучке помещиков светятся злые глаза, слышится негодующий шепот. Они подсчитали свои силы. Третья часть! Скверно! Они тоже изнервничались за эту неделю, и многие из них до того злы, что не могут сдержать себя. Помещик Поздюнин уже изругал одного выборщика из крестьян мерзавцем. Тот ходит от одной группы мужиков к другой и, бледный, растерянный от обиды и негодования, говорит:

– Что же мне делать, братцы? Он меня публично мерзавцем изругал.

К одному из вчерашних ораторов, К.Ф. Вознесенскому, подходит помещик Бугурусланского уезда Львов и с худо скрытым раздражением спрашивает:

– Это вы, говорят, обозвали нас вчера паразитами?

– Кого это – вас? – спрашивает Вознесенский.

– Меня, его, их… – тычет Львов рукой по направлению к своим.

– Я вас не знаю и никак не мог сказать о вас ничего подобного.

– Но вы говорили о паразитах?

– Да, я говорил о паразитах и под ними разумел тех, которые живут трудами других.

– Так вот мы и живем трудами других! – в запальчивости говорит тот, – значит, что же, мы паразиты? Да?

Среди землевладельцев особенно выдается своей озлобленностью какой-то старик с большой седой бородой. Проходя мимо главарей левой группы, он коробится, как береста на огне, и шепчет злобные слова: «Ишь, грабители! Проходимцы! Тоже, законодатели!».

– То есть, не будь у меня этой земли, – говорит мне один молодой землевладелец с открытым, умным лицом, в синей поддевке, – не будь этой земли, так я, может быть, социалистом-революционером был бы. Да. А вот земля… Ну, как я против своего живота, можно сказать, пойду? Как? Что я без земли? Нуль! Вот я и октябрист. Да-с, октябрист, черносотенец, коли хотите, только поэтому…

– Там губернатор об вас бумагу прислал, – тревожно шепнул мне на ухо один из выборщиков.

– Какую бумагу?

– Не знаю, бумага какая-то. Я сейчас проходил и слышал мельком. Предводитель дворянства пришел и справлялся при входе про вас, прошли вы в собрание или нет…

Я понял, что побежден.

Минут через пять в зал вошел предводитель дворянства, громоздкий, сырой человек во фраке и белом галстухе. Он попросил минуту внимания и прочитал полученную им от губернатора бумагу. В этой бумаге губернатор писал, что Правительствующий сенат известил его телеграммой об отмене постановления губернской комиссии, а следовательно, и о лишении меня и г[осподина] Макарова избирательных прав. Потому он, предводитель дворянства, просит г[оспод] Кондурушкина и Макарова удалиться из зала собрания как людей посторонних.

Поднялся шум.

– Как посторонние?! К черту ваши бумаги! Эдак вы нас всех разъясните! Не желаем. Они – наши избранники! Теперь поздно разъяснять…

– Господа, я – исполнитель, – плачущим голосом среди шума и гама говорил председатель, – я получил бумагу и должен ее исполнить.

– Ваше превосходительство, – кричит один из крестьян, – а где же телеграмма Сената?

– Должно быть, у губернатора, если он пишет об этом бумагу. Разве вы не верите губернатору? – наивно, с испугом спрашивает председатель.

В зале смех, шутки.

– Еще бы! Как отцу родному верим! Как Богу! – раздается из угла утробный бас.

– Допустим, телеграмма есть, – говорит крестьянин Пустовойтов, – так разве Сенат сносится телеграммами?

Закон ясно говорит, что Сенат сообщает свои решения указами…

Шум, крики правых.

– Прошу вас оставить зал; вы теперь посторонние, а при посторонних я не могу открыть собрание, – обращается к нам предводитель дворянства.

– Не позволим! Незаконно! – кричит зал, – открывайте собрание. Здесь нет посторонних!

Председатель волнуется, потеет. На его мясистом лице выступает румянец жженого кирпича. По лбу струится пот. Он не знает, что делать, роется в уставе о земских собраниях, находит там какую-то статью и немного приходит в себя.

– Тогда мы должны поставить вопрос на баллотировку, согласно статье о земских собраниях… – решает председатель, – кто за то, чтобы г[оспода] Кондурушкин и Макаров удалились, благоволят сидеть, а те которые против этого, благоволят встать…

Весь зал поднялся дружно, точно сплошная каменная глыба, выдвинутая внезапно подземным огнем. Помещики под колоннами стояли, потому что там нет стульев. Желая голосовать за удаление, они начали метаться по сторонам, чтобы найти места для сиденья. Многие присели впопыхах на корточки…

– Закрытой баллотировкой нужно решить вопрос! – кричат правые.

Председатель растерянно соглашается с этим предложением и забывает о произведенной им баллотировке. Он опять роется в книге, снова краснеет и обливается потом. Его белый воротник размяк, упал и прилип к ордену, висящему на шее. Наконец кто-то шепчет ему, что статья закона о земских собраниях предусматривает случай удаления членов собрания. Кондурушкин же и Макаров не члены этого собрания, а посторонние. Председатель охотно соглашается; закрытая баллотировка отставлена; он куда-то уходит в великом смущении.

Около часу все ходят по залу, поднимаются наверх пить чай, нервничают. Старик-землевладелец с седой бородой ходит мимо нас и ворчит со злобой:

– В свою пользу все законы толкуют! Больно жирно будет. И так много власти захватили…

– Не видали мы таких законов, кои в нашу пользу были бы написаны, – отзывается крестьянин, – законы-то пишете и толкуете вы… ваш брат. И всегда в свою пользу, а не в нашу…

– Ну, что делать нам теперь? – обступают меня мужики. Неопределенность положения, видимо, начинает уже их мучить, – вы только скажите, что делать, а мы сделаем.

– Что делать… Подождем, что еще скажут.

– Да ведь хорошего ничего не скажут. Не сдавайтесь, а мы поддержим. Это беззаконие!

Через час заседание было открыто. На лице председателя торжественная решимость. «Я открываю собрание, но я не примирился и теперь знаю, что сделать», – говорит каждое его движение. Долго тянулась канитель с чтением законов и проверкой присутствующих. Наконец все формальности кончены. Председатель встал и, расправляя на себе лопатками и локтями фрак, обратился ко мне:

– Прошу вас покинуть зал, так как в данном собрании вы являетесь посторонним человеком…

Раздался шум. Послышались нервные, звенящие крики:

– Мы не позволим! Если бы они сами ушли, мы не пустим! Так и знайте!

– Я спрашиваю г[осподина] Кондурушкина, – волнуясь, заявляет председатель, – позвольте ему отвечать.

Я встаю. На меня смотрят сотни возбужденных, блестящих глаз. Я не вижу ни лиц, ни фигур; я вижу только эти сверкающие, как хрусталь на солнце, колючие глаза, чувствую, как они меня волнуют, пронизывают насквозь. Я заявляю, что распоряжение губернатора, хотя бы основанное на телеграмме Сената, незаконно; посторонним себя не считаю и потому удаляться не намерен.

Глаза сверкнули, скользнули по моему лицу и переметнулись на тучную фигуру председателя. Председатель повторил свою просьбу второй и третий раз. Я отвечал то же второй и третий раз. И сотни сверкающих глаз светили то в мою сторону, то в сторону председателя. Казалось, что в зале повертывается какая-то громадная люстра и солнечные лучи, играя в ее хрустальных украшениях, блещут то в одну, то в другую сторону. Мне казалось, что председатель повторяет трижды одну и ту же просьбу для пущей торжественности и что после третьего раза разговоры будут окончены. Ничуть не бывало. Председатель, точно в забытьи, по-

вторил свою просьбу в четвертый, пятый и шестой раз. Наконец, очнувшись от оцепененья нерешительности, коснеющим языком он заявил:

– Тогда я буду принужден пригласить полицию…

– Не имеете права! Полиция не может сюда входить, – раздались крики.

Среди правых движение. Кто-то побежал пригласить полицию; ее долго нет. Послали какого-то графа. Тот побежал. Через минуту в дверях показался полицеймейстер с двумя приставами.

Поднялся невообразимый шум, крики, ругательства. Казалось, стена, пол и потолок здания вспыхнули пожаром.

– Долой полицию! Вон отсюда! Вон! Вон!

Всюду мелькают возбужденные до крайнего напряжения лица; красные и слезящиеся от волнения глаза. Около меня образуется тесное кольцо из выборщиков. Кто-то шепчет мне на ухо: «Умрем, а не выдадим!».

Полицеймейстер, ошеломленный криками и движением, несколько секунд не знал, что делать и куда идти. Потом спохватился, лихо подбежал к председательскому столу и, вытянувшись, по-военному крикнул:

– Что прикажете, ваше превосходительство?!

Но превосходительство совсем растерялось.

– Тогда я принужден буду закрыть собрание, – говорит он, растопыривая руки.

– Просим, просим! – слышатся голоса.

Собрание закрыто. Полиция вышла из зала.

Только обернувшись назад, мы заметили, что перед зданием Дворянского собрания на улице выстраивается сотня казаков. На правом фланге стоял казак с красным флагом.

– Казаки, казаки! Смотрите! А что значит красный флаг?

Около меня стоит выборщик, отставной солдат с грудью, увешанной медалями. Он взволнован, бьет себя в грудь по медалям кулаком и, обернувшись ко мне, твердит:

– Это боевой флаг, поверьте старому служаке… Боевой!

– Боево-о-ой! – проносится шепотом по всему залу.

– Боево-о-ой! – с ужасом повторяют все погромче, точно хотят постепенно привыкнуть к этому страшному слову.

– Боевой флаг! – кричат уже громко в разных концах зала, – вот тебе и народные представители. Получайте.

Степенный, сдержанный Шишкин кричит на весь зал:

– Вот она, российская свобода!

Ему аплодируют долго и дружно.

Говорят, что меня и Макарова хотят арестовать. Человек пятьдесят окружают нас, выводят из собрания и провожают по улицам. Полиция долго идет вслед.

Двое полицейских на углу уже обсуждают события.

– Что это, Кузьмич, такое случилось?

– Да вот, говорят, кто-то по подложному документу на выборы прошел. Так его в тюрьму и повели, голубчика…

– Известно, за такие дела редко хвалят... А кто это, Кузьмич, из русских, али сицылист?

– Знамо, сицылист. Все они, христопродавцы. Тьфу! И беспокойства этого с ними – страсть!

Рассказ мой кончен. За последним препятствием на предвыборных бегах нам устроили западню. Так, закрывшись ширмой ложной законности и бездушного формализма, правительство мешало народу избирать по совести и по сердцу. Говорят, что с нами обошлись еще очень хорошо, конституционно, – не посадили в тюрьму. И на том спасибо. А такие опасения за нас в то время были. Хотя я и не знал за собой никаких преступлений, но по настоянию друзей и знакомых ночевал в этот день на новом месте.

Конечно, седьмого февраля мы не пробовали идти на выборы. От первого министра была за ночь получена телеграмма, повелевающая действовать решительно и смело. Ну, а кто же дерзнет в России заявлять о своих правах, когда из Петербурга предписано действовать решительно и смело. Тут уж шепчи только: «Разумейте языцы и покоряйтеся», да вспоминай царя Давида и всю кротость его...

Двое полицейских проверяли бумаги выборщиков при входе в собрание еще на улице.

Вечером мы сидели в редакции «Волжского слова» и по телефону получали сведения о том, как по нашим нотам разыгрывались самарские выборы. Весь наш список прошел; места исключенных заняли другие, тоже прогрессивные выборщики, которых удалось наметить за ночь.

До свиданья, дорогие друзья! До свиданья, родные места!

Извлечения публикуются по изданию:
Кондурушкин С.С. На выборах //
Русское богатство. 1907.
№ 3. С. 84–85, 93–108,
№ 4. С. 80–89, 101–108, 113–119.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

ВЛАДИМИР САВЕЛЬЕВИЧ ВОЙТИНСКИЙ

ГОДЫ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

В июле 1906 года, после разгона первой Государственной думы, в обществе преобладало скептическое, недоверчивое отношение к обещанию правительства созвать 20 февраля 1907 года новый состав народных представителей.

Но к началу зимы появились признаки того, что правительство намерено выполнить это обещание и что в назначенный срок Дума действительно соберется.

К этому времени общее политическое положение выяснилось: революционное движение стремительно шло на убыль.

Утихли аграрные беспорядки. Крестьяне начинали покупать землю через банк. В рабочем движении наступило затишье. Стачки стали реже, революционные настроения притаились в партийном подполье. Тихо было и в войсках.

Столыпин выиграл ставку в своей азартной игре. Созывом Думы нового состава он рассчитывал закрепить свою победу. Народные представители должны были собраться для того, чтобы одобрить мероприятия правительства и засвидетельствовать перед лицом всего мира, что «лучшие элементы» общества, как и весь русский народ, стоят на его стороне.

Деятельность правительства по подготовке выборов не оставляла сомнения в том, что реакция стремится во что бы то ни стало собрать послушную Думу с прочным октябристским или – еще лучше – черносотенно-погромным большинством…

При таких условиях пришлось партии решать вопрос об участии в новых выборах.

Собственно, тут и вопроса не было.

Для бойкотизма не было почвы ни в объективных условиях, ни в настроениях народных масс. «Пролетарий» так изображал положение:

«Революция притихла. Правительство одно за другим отнимает у народа все его завоевания. Правительство непрочь бы отнять и Думу, да не может. Правительство склоняется перед силой выжидающего народа и дает Думу, дает нехотя, скрепя сердце, насильно заставляя бойкотировать Думу. На первый взгляд, роли переменились. В начале года правительство гнало в Думу, рабочие бойкотировали ее; теперь правительство отгоняет от Думы, рабочий идет туда. В чем дело? В том, что в апреле Дума была демонстрацией бессилия народа, теперь она – демонстрация силы»[1].

---

[1] «Социал-демократия и избирательная кампания», в № 7 от 10 ноября 1906 г. *(прим. В. Войтинского).*

Бросающаяся в глаза искусственность этого противопоставления показывает, как трудно было словесной формулой охватить сущность происшедшего сдвига.

Можно было бы, пожалуй, сказать, что мы признали необходимость участия в выборах, потому что убедились, что у нас идет [18]49-ый, а не [18]47-ой год, что революционный подъем у нас позади. Для настроений, царивших в партийных кругах (да и в рабочих массах) поздней осенью и зимой 1906 года, это было бы справедливо[1]. Но уже в начале августа, а может быть, даже в конце июля (когда мы жили еще целиком в «47-ом году»), у нас было решение участвовать в предстоящих выборах. И номер первый «Пролетария», не сомневавшийся тогда в неизбежности близкого революционного подъема, писал:

«Наступило время, когда революционные социал-демократы должны перестать быть бойкотистами».

Это положение мотивировалось ссылкой на «уроки кадетской Думы»: «История показала, что когда собирается Дума, то является возможность полезной агитации изнутри ее и около ее; что тактика сближения с революционным крестьянством против кадетов возможна внутри Думы… История беспощадно опровергла все конституционные иллюзии и всю «веру в Думу», но история безусловно доказала известную, хотя и скромную, пользу такого учреждения для революции, как трибуны для агитации, для разоблачения истинного «нутра» политических партий и т.д.»[2].

Это признание агитационного значения участия в Государственной думе, несомненно, означало переход большевизма с бойкотистских позиций на позиции, которые полгода тому назад защищали меньшевики. Но сближения между обоими течениями на этой почве не произошло. Ибо к этому времени произошел заметный сдвиг и во взглядах меньшевиков на Думу. Теперь меньшевики не довольствовались использованием думской трибуны в целях агитации. Они видели в Государственной думе возможный «общенациональный политический центр, который в сознании народа явится преемником самодержавной власти»[3]. Участие в выборах и дальнейшую работу в Думе они оценивали как средство принудить Думу «идти твердыми шагами по пути превращения в революционный орган власти»[4]. Именно в этом, а не в «агитационном использовании» видели они суть социал-демократической тактики в Думе. С другой стороны, большевики, может быть, чтобы прикрыть свой отказ от тактики бойкота, сосредоточили весь огонь своей критики на меньшевистском плане превращения Думы в центр революции.

Расстояние между двумя точками зрения – меньшевистской и большевистской – было не меньше, чем в период первой избирательной кампании. Пожалуй, даже теперь расхождение было резче, ибо теперь у того и у другого течения была

[1] У меня осталось впечатление, что от мысли о непосредственной близости восстания мы отошли в конце августа, когда провалились наши надежды на восстание «после окончания полевых работ» *(прим. В. Войтинского).*

[2] «О бойкоте», в № 1 от 26 августа 1906 года *(прим. В. Войтинского).*

[3] «Социал-демократ», № 1 *(прим. В. Войтинского).*

[4] «Социал-демократ», № 3 *(прим. В. Войтинского).*

определенная тактика, а во время первой кампании ясная тактика была только у большевиков.

Таким образом, отказ большевиков от бойкотизма не только не смягчил межфракционную борьбу в РСДРП, но, наоборот, дал этой борьбе новую пищу.

Спор сосредоточился вокруг вопроса о предвыборных соглашениях.

В самом начале большевики (в частности, Ленин) представляли себе тактику социал-демократии на выборах во вторую Думу в виде соглашения с трудовиками.

Первый номер «Пролетария» писал:

«Мы созовем пятый съезд партии; мы постановим на нем, что в случае выборов необходимо избирательное соглашение на несколько недель с трудовиками (без созыва пятого съезда партии дружная избирательная кампания невозможна, а всякие блоки с другими партиями безусловно запрещены постановлениями четвертого съезда) и мы разобьем тогда кадетов на голову».

И далее: «Надо сразу признать необходимость избирательного соглашения с.-д. и трудовиков на случай новых выборов»[1].

Но затем идея соглашения с трудовиками стала как-то тускнеть, выветриваться. О трудовиках говорили уже не как о ближайших союзниках, а как о «хитрых мужичках». И когда подошло время практической постановки вопроса об избирательной тактике, «Пролетарий» выступил уже с лозунгом: «никаких блоков, никаких соглашений на первой стадии»[2]. О том, чтобы разбить кадетов и получить во второй Думе большинство, уже не было речи.

Впрочем, эта новая тактика была принята в петербургской организации не всеми большевиками: часть местных работников осталась на первоначальной позиции – предвыборное соглашение с трудовиками.

Сторонники этой тактики получили в организации кличку «диссидентов». Это был редкий случай, когда в рядах большевиков образовалась официально признанная оппозиция.

Первыми на почву «диссидентской» платформы стали две партийных ячейки: приказчичий подрайон и военная организация.

Приказчичий кружок исходил из настроений приказчичьей массы: о партиях и, в частности, о РСДРП эта масса имела смутное представление; нечего было мечтать о том, чтобы торговые служащие стали голосовать за чистые с.-д. списки; но в этой среде преобладали левые настроения, замечалось сочувствие социалистам, и это давало основания надеяться, что приказчики отдадут свои голоса за объединенный список революционных партий, если таковой будет выставлен на выборах. А это имело бы большое значение не только в смысле противопоставления голосов торговых служащих голосам хозяев, но и в смысле влияния на исход выборов по городской курии.

В то время приказчики вообще были в большой чести. Правительство – в порядке подготовки выборов – издало правила о праздничном отдыхе для торговых служащих. Правая печать уделяла этой мере много внимания, подчеркивая, что

---

[1] См. цитированную выше статью «О бойкоте» *(прим. В. Войтинского).*

[2] «Пролетарий», № 7 от 10 ноября 1906 года *(прим. В. Войтинского).*

теперь приказчики увидят, откуда они должны ожидать улучшения своей участи, и будут на предстоящих выборах голосовать за правительственных кандидатов.

Начались заигрывания с приказчиками-избирателями и со стороны купцов-кадетов (таких в Петербурге было не много, но они были на виду, резко выделяясь из массы октябристско-черносотенного купечества)...

Мудрено ли, что приказчики получили преувеличенное представление о значении своих голосов и своими настроениями заразили кое-кого в партийной организации, в том числе и меня?

Военные работники тоже ссылались на настроения среды, в которой они вращались: о партиях солдаты ничего не знают; к армии можно обращаться лишь от имени всех революционных партий.

Немного позже, когда уже началась избирательная кампания в городской курии, к платформе «диссидентов» примкнула еще третья группа – наша ораторская коллегия, обслуживавшая собрания городских избирателей. На этих собраниях не было возможности развернуть чисто партийную точку зрения; борьба велась между либералами и сторонниками революционной тактики; трудовики, эсеры и народные социалисты оказывались здесь нашими естественными союзниками; представлялось непонятным, почему в последний момент мы должны предложить левым избирателям дробить голоса между четырьмя списками.

Так определился к середине октября состав «диссидентского» течения. Кроме меня, в известном смысле заварившего эту кашу, и военных работников, за «левый блок» стояли: Абрам (Крыленко), Игнатий (Севрук), Николай (Коновалов) и др.

Самым непримиримым нашим противником был Н. Рожков. Его точка зрения разделялась большинством организации, в частности, всеми заводскими районами.

Отмечу, что партийные рабочие (большевики) не только были против каких бы то ни было соглашений, но вообще высказывали неудовольствие тем, что мы ввязались в избирательную кампанию по городской курии: говорили, что эта кампания отвлекает из районов слишком много сил; на заводские митинги ораторы не являются, а на «кадетских собраниях» выступают по три-четыре человека один за другим.

Практический план избирательной кампании, предложенный Центральным комитетом партии, сводился к следующему:

«Всю предвыборную агитацию мы ведем совершенно свободно и самостоятельно, развертывая всю нашу программу. В рабочих куриях мы всюду, без всякого исключения, выставляем наши партийные кандидатуры. В других местах могут быть три комбинации: 1) там, где мы имеем шансы на успех, мы выставляем исключительно партийные кандидатуры, 2) в местах, где рядом с нами выступают партии, стремящиеся вместе с нами к созыву Учредительного собрания, и где мы не имеем шансов провести только партийные кандидатуры, мы вступаем с этими партиями в соглашение – соглашение местное – относительно общего списка кандидатов, 3) в остальных местах, если мы при этом рискуем пропустить реакционера и черносотенца, мы снимаем выставленные нами кандидатуры, рекомендуя голосовать за прогрессивного кандидата как представляющего для нас

наименьшее зло».

Этому плану большевистский центр противопоставил свой лозунг: «никаких блоков, никаких соглашений».

Казалось бы, платформа «диссидентов» могла бы явиться почвой для соглашения между обоими течениями. Ведь то, что мы предлагали, сводилось к местному (петербургскому) соглашению относительного общего списка кандидатов по городской курии с партиями, борющимися за Учредительное собрание, – а эта комбинация была прямо предусмотрена планом Центрального комитета.

В действительности, однако, получалось не то: против «левоблокистов» меньшевики обрушились еще с большей решительностью, чем против сторонников «чистых списков».

Они выдвинули против тактики «левого блока» три обвинения: 1) эта тактика срывает дело изоляции реакционных сил, 2) она толкает буржуазию вправо и загоняет клин между городскими и сельскими элементами демократии, 3) она подрывает самостоятельность с.-д. политики в рабочей курии.

Главный же довод против предлагаемого нами соглашения заключался в указании на «черносотенную опасность»: противопоставление кадетскому списку списка «левого блока» должно было привести к раздроблению голосов прогрессивных избирателей и к победе в Петербурге правительственных октябристско-черносотенных кандидатов.

Насколько основательны были эти опасения и обвинения?

Обращаясь к конкретным чертам тактики «левого блока», как вырисовывались они в описываемую кампанию, я должен признаться, что она, действительно, могла вызывать серьезные возражения.

Прежде всего, эта тактика не была обоснована теоретически.

Первоначально идея ее была брошена «Пролетарием» в виде лозунга «соединимся с трудовиками и разобьем кадетов». Затем защиту ее приняла на себя кучка практических работников, исходивших из совершенно случайных, частных соображений и впечатлений: из вкусов петербургских приказчиков, из условий революционной пропаганды в казарме, из настроений предвыборных собраний. Это была чистейшая эмпирика, и дальше ссылки на эту эмпирику «диссиденты», отстаивая свою точку зрения, не шли.

Таким образом, идея объединения революционных сил была затемнена у «левоблокистов» посторонними, привходящими соображениями, которые придавали их тактике односторонне кадетоедский характер. Именно против этого соуса, под которым подносилась идея «левого блока», а отнюдь не против самой этой идеи, и были направлены соображения меньшевиков.

Но в пылу полемики люди часто бьют дальше цели. И только этим психологическим законом можно объяснить практический вывод меньшевиков: или никаких соглашений, или соглашение с кадетами.

Нужно ли говорить, что фракционерам-большевикам такая постановка вопроса со стороны их противников была весьма выгодна? Начались речи о том, что меньшевики до такой степени любят кадетов, что не хотят без них идти в Государственную думу: «или войдем в Таврический дворец под ручку с Родичевым,

или не войдем вовсе».

Позиция меньшевиков усилила кадетоедский момент в тактике «левого блока» и привлекли к этой тактике симпатии крайних фракционеров, стоявших раньше за чистые списки:

– Меньшевики против? Значит, тактика революционная!

Само собой разумеется, что та же самая тактика получила бы совершенно иную окраску, если бы меньшевики не заострили в такой степени свою политику на идее соглашения с кадетами.

Впрочем, не выступи меньшевики против «левого блока», эта тактика вообще не была бы принята петербургской организацией и осталась бы бесплодной затеей маловлиятельной кучки «диссидентов».

Я отмечал уже, что большевистский центр проявлял большую терпимость по отношению к «диссидентам». Но к трем группкам, составлявшим данное течение, отношение центра было не совсем одинаковое.

«Ораторская коллегия» была под подозрением – не «окадетилась» ли она от постоянных выступлений на «кадетских» собраниях? Приказчики тоже считались народом ненадежным, Рожков прямо пророчествовал о них: «Надуют, за кадетов голосовать будут». Зато военные работники были вне всяких подозрений, и к их доводам сторонники «чистых списков» прислушивались с наибольшим вниманием. Никто из большевиков не сомневался в том, что при выработке избирательной тактики необходимо принимать во внимание потребности военной работы.

Но на этом мы не останавливались: мы считали признаком революционности рассматривать с точки зрения интересов революционной пропаганды в казарме весь вообще вопрос о задачах второй Государственной думы.

Такое подчинение вопроса о Думе соображениям об интересах работы в «военном районе» подчеркивало отсутствие в нас каких бы то ни было «конституционных иллюзий».

Военные работники настаивали на том, что вторая Дума должна в первую голову поставить на очередь солдатский вопрос и связаться с военной организацией. Эта точка зрения встречала в организации всеобщее сочувствие.

Как-то в ноябре, после одного фракционного совещания, на котором я, защищая тактику «левого блока», ссылался на мнение военных работников, Ленин предложил мне написать для «Пролетария» статью о том, что должна сделать вторая Дума для привлечения на сторону революции солдатской массы.

Это поручение я исполнил, статью написал, и она появилась в № 12 «Пролетария» в виде фельетона под заглавием «О некоторых особых задачах второй Государственной думы»[1]. Ниже мне придется еще говорить об этой статье.

На предыдущих страницах я характеризовал течения, боровшиеся в петербургской организации перед выборами во вторую Думу.

Что касается до партии в целом, то она в это время в вопросе об избирательной тактике представляла картину полного разброда.

Не помогла делу и общепартийная конференция, созванная Центральным

[1] Эта статья приведена в обширных выдержках в моем очерке «Дело с.-д. фракции второй Государственной думы и военная организация Петербургского комитета РСДРП», в № 1 «Летописи революции (стр. 107–110) *(прим. В. Войтинского).*

комитетом в начале ноября 1906 года[1]. Конференция была сравнительно малолюдная: от Петербургского комитета на нее был послан один делегат (не помню кто). Доклад, представленный им после конференции Комитету, был серый и скучный, – от него оставалось впечатление пустого места, – и именно в виде пустого места изображал докладчик всю конференцию.

Победа на ней осталась за ЦК: его резолюции собрали 18 голосов, тогда как большевики получили 14 голосов[2].

Признана была «допустимость местных соглашений с революционными и оппозиционно-демократическими партиями» в городской и крестьянской куриях в том случае, если в ходе избирательной кампании выяснится опасность прохождения списков правых партий». Большевики противопоставили этой резолюции свою платформу, подтверждавшую недопустимость каких бы то ни было соглашений на первой стадии выборов. Но оба течения сошлись на таком постановлении: «ЦК может запрещать местным организациям выставлять не чисто с.-д. списки, но не должен обязывать их выставлять такие списки»[3].

Большевики считали, что этим они в достаточной степени оградили себя – в частности, в Петербурге, от попыток ЦК навязать им ненавистное «соглашение с кадетами». И потому результаты конференции не очень огорчали их. «Пролетарий» следующим образом характеризовал сложившееся внутри партии положение:

«Перед партией две платформы. Одна – восемнадцати делегатов конференции, меньшевиков и бундовцев. Другая – четырнадцати делегатов, большевиков, поляков, латышей. Компетентные органы местных организаций вольны выбирать, видоизменять, заменять эти платформы новыми. После решения компетентных органов мы все, члены партии, действуем, как один человек. Большевик в Одессе должен класть в урну бюллетень с именем кадета, хотя бы даже большевика при этом тошнило. Меньшевик в Москве должен класть в урну бюллетень с именами одних только с.-д., хотя бы его душа и тосковала по кадетам»[4].

Но обещание строгой дисциплины на выборах было чистой «словесностью». Существенно было то, что решение, вынесенное конференцией, объявлялось не имеющим обязательного значения.

Борьба между фракционными течениями продолжалась.

Особенного напряжения достигла она в Петербурге при подготовке общегородской конференции.

Конференция должна была собраться после «обстоятельной дискуссии», на основании прямого и пропорционального голосования всех членов организации. Для подсчета голосов были назначены смешанные контрольные комиссии.

---

[1] Вторая конференция РСДРП («Первая Всероссийская»), проходила 3–7 ноября 1906 г. в Таммерфорсе. Приняла резолюцию «Об единстве избирательной кампании на местах», в соответствии с которой в пределах одной организации все члены партии независимо от фракционной принадлежности обязаны были проводить единую избирательную тактику, принятую руководящим органом данной организации.

[2] На стороне большевистской тактики были поляки и латыши; на сторону ЦК стал Бунд *(прим. В. Войтинского).*

[3] «Пролетарий», № 8 от 23 ноября 1906 г. *(прим. В. Войтинского).*

[4] Там же *(прим. В. Войтинского).*

Процедура была установлена сложная: на собрании каждого рабочего кружка должно было присутствовать минимум четыре человека из центра (два докладчика и два члена контрольной комиссии). Между тем, по условиям конспирации, на рабочих квартирах невозможно было собрать более десяти человек сразу. Легче было устраивать собрания по мастерским или в заводской ограде в обеденный перерыв, но такие собрания приходилось проводить на курьерских, в несколько минут, и нечего было думать развернуть на них «обстоятельную дискуссию». Равным образом, невозможно было доставить на такие собрания «контрольную комиссию».

При таких условиях подготовка общегородской конференции растянулась без малого на два месяца и в конце концов выродилась в фабрикацию мандатов.

В Петербургском комитете мне поставили вопрос: сколько голосов можно собрать за большевистскую платформу среди приказчиков?

В ответ я обрисовал положение в подрайоне. Регулярно собирается лишь один центральный кружок. Все члены его будут голосовать за большевиков.

– А сколько это будет?

– Голосов пятнадцать…

– Что? Вы шутите! 15 голосов! Это на 200 000 петербургских торгово-промышленных служащих!

– Других ячеек у нас нет.

Принялись убеждать меня:

– Но среди приказчиков, наверное, имеются сочувствующие, примыкающие к партии?

– Ну, таких наберется порядочно…

– Вы можете собрать их?

– Могу.

– Так сделайте это теперь же, до конференции!

– Но ведь это люди непартийные! Как будут они голосовать?

– А вы думаете, у меньшевиков такие не голосуют? В крайнем случае, устраивайте по два собрания: одно – так, а второе – для голосования.

Я передал моим приятелям из приказчичьего союза предложение комитета. Говорил осторожно – об «оформлении организации». Но они сразу смекнули, в чем дело, и выразили готовность поставить дело на широкую ногу.

– Мы с одного Гостиного двора сто человек сгоним, да апраксинцев столько же, да Мариинский рынок, да Александровский, да Васильевский остров… Тысячу человек представим!

Недели две спустя приказчики представили в Комитет сведения, что в их подрайоне имеется 313 организованных членов; устроить среди них дискуссионные собрания невозможно[1], но подрайонный комитет опросил свыше 100 человек, и все они высказались за большевистскую платформу.

На основании этой справки Петербургский комитет постановил дать при-

[1] Помню, в числе причин, делающих невозможным устройство собраний в приказчичьем подрайоне, указывалась близость Пасхи: перед праздниками идет, мол, усиленная торговля, магазины закрываются поздно, после закрытия приказчики принуждены оставаться для уборки товаров и т.д. *(прим. В. Войтинского).*

казчикам на конференции пять голосов, причем предоставил «руководящему приказчичьему коллективу» назначить делегатов. Отступление от требований инструкции мотивировалось особым значением приказчиков на предстоящих выборах по городской курии.

Возможно, что Петербургский комитет догадывался, что приказчики представили ему дутые цифры. Но ведь не многим лучше были и остальные цифры, поступившие в контрольную комиссию: погоня за мандатами шла вовсю, и наша скелетическая организация наполнялась «мертвыми душами»[1].

Впрочем, эти «мертвые души» не были еще главным злом – хуже была та демагогия, которой окрасились межфракционные дискуссии.

Случайно мне пришлось ознакомиться с тем, как преломлялась наша полемика в головах рабочих.

На общественных работах, которыми руководил Совет безработных, повсюду были партийные группы. Товарищи неоднократно предлагали мне выступать в этих группах докладчиком со стороны большевистской – хотя бы «диссидентской» – платформы. Но я от этого уклонялся, считая роль фракционного докладчика несовместимой с моим положением как председателя Совета безработных.

Однажды приезжаю я на постройку моста, где работало много плотников. Один из них, глава местной партийной ячейки, передает мне новость:

– А у нас, товарищ Петров, вчера собрание было, платформы сравнивали.

– Кто был от большевиков?

– Товарищ Андрей.

– А от меньшевиков?

– От них никого не было.

– Почему?

– Убоялся, верно, ихний оратор.

– Чего убоялся?

– А чтоб не зашибли его ребята за подлость евоную. Тут мост, тут вода – никто и не узнает…

– Что вы несете?!

– Да к тому, что ребята у нас постановили: если меньшевик к нам заявится – в топоры его, сукина сына, чтобы не продавал буржуям рабочего класса…

– А кто объяснил вам насчет меньшевиков?

– Товарищ Андрей.

Андрей незадолго до того появился в петербургской организации. Это был молодой человек с угреватым лицом и полуоткрытым ртом (тип губошлепа), безнадежно тупой и невежественный. Во избежание скандала ему не разрешали выступать на открытых предвыборных собраниях, и он посвящал свои силы «дискуссиям» с меньшевиками, стараясь устраиваться так, чтобы говорить в отсутствие оппонента.

Собрав плотников, я разъяснил им, что сведения, сообщенные о меньшевиках Андреем, не соответствуют действительности. А на другой день на явке

[1] Например, окружной район представил на конференцию мандатов, якобы от 450 членов партии, тогда как во всех ячейках районной организации в то время не было и 100 человек *(прим. В. Войтинского).*

П[етербургского] к[омитета] я рассказал об этой истории и заявил, что буду требовать партийного суда над Андреем. Товарищи были уверены, что я шучу. А когда убедились, что я говорю серьезно, обрушились на меня с упреками:

– Вы кампанию дезорганизуете. Может быть, товарищ Андрей хватил через край – так с кем это не случается? Вы бы послушали, что меньшевики про нас говорят!

Историю, разумеется, замяли.

Такова была атмосфера, в которой жила петербургская с.-д. организация во время подготовки городской конференции[1].

Конференция собралась в первых числах января [1907 г.] в Териоках. Съехалось человек 100. Образовали мандатную комиссию, в ожидании проверки полномочий разделились по фракциям и приступили к предварительному обсуждению плана действий.

Настроение у всех было тревожное. Ленин сказал:

– Меньшевики решили взорвать конференцию. Нужно держать ухо востро. Одно неосторожное слово – и все дело пропало.

В ожидании боя с меньшевиками обсуждали нашу тактику: «чистые списки» или «левый блок». У сторонников «левого блока» было голосов восемь или девять. Мы согласились, в интересах единства большевистской фракции, голосовать на конференции за чистые списки, которые были для нас «меньшим злом» по сравнению с соглашением с кадетами.

Между тем работа мандатной комиссии подвигалась вперед крайне медленно.

Большевики заявили, что ими получено 2200 голосов.

Но меньшевики оспаривали эту цифру, возражая, в частности, против приказчичьих голосов. В свою очередь, большевики оспаривали почти половину меньшевистских мандатов.

Конца спору не предвиделось. Тогда большевики предложили: дать решающие голоса тем делегатам, полномочия которых ни в ком не вызывают сомнений, и на их разрешение передать вопрос о спорных мандатах.

Это была военная хитрость: большевики заранее оспорили столько меньшевистских мандатов, что в составе бесспорных делегатов их победа была обеспечена.

Тем не менее, предложение было принято.

Конференция открылась. Здесь большевики повели примирительную линию: утверждались все спорные мандаты – и меньшевистские, и большевистские, – причем лишь повышалась немного норма представительства[2]. Этим спо-

---

[1] В моих воспоминаниях об этом периоде имеется пробел в две или три недели: в середине декабря я был арестован по старому боровенковскому делу и отправлен в пересыльную тюрьму, где просидел до Нового года. Затем мера пресечения по отношению ко мне была изменена, и я был освобожден под залог в 3000 р[ублей]. Эту сумму внес за меня, как председателя Совета безработных, Союз инженеров и техников, принимавший участие в организации советских столовых. В пересыльной я сидел сперва на одиночном коридоре, где встречался с каторжанами-вечниками и бывшими «смертниками», а под конец – в общей политической камере. Режим был в тюрьме сносный *(прим. В. Войтинского).*

[2] Так, например, приказчикам вместо пяти голосов дали четыре голоса. Соответственно «пощипали» и меньшевиков *(прим. В. Войтинского).*

собом был определен окончательный состав конференции: 42 большевика и 28 меньшевиков.

Перешли к вопросу об избирательных соглашениях. Слово получил докладчик ЦК Дан. Но вместо того, чтобы говорить по существу вопроса, он прочел постановление ЦК, предлагавшее конференции разделиться на две части, сообразно делению петербургских фабрик и заводов между избирательными округами города и губернии. Смысл этого предложения сводился к тому, чтобы устранить от участия в решении вопроса о выборах по г. Петербургу окраинные части организации, в которых были особенно сильны большевики. Таким путем из конференции были бы исключены все делегаты окружного района (давшего девять большевиков и одного меньшевика), а также часть делегатов заводских пригородов; остались бы лишь центральные районы, где силы большевиков и меньшевиков были приблизительно равны.

Разыгралась бурная сцена. Большевики рабочие кричали о «сенатских разъяснениях», о «партийных Столыпиных». Пришлось прервать заседание для совещания по фракциям.

На большевистском совещании я предложил подсчитать голоса и выяснить, что получится, если конференция исполнит требование ЦК: мне казалось, что у большевиков будет большинство в обеих частях конференции и что можно было бы разойтись в разные комнаты и потом объединиться вновь по свободному решению обеих частей собрания. Но кто-то возразил, что после разделения конференции меньшевики возобновят атаку против спорных мандатов и, если не добьются большинства, то так или иначе сорвут конференцию. Решено было не уступать.

Возобновилось заседание. Большевики внесли мотивированную резолюцию о том, чтобы продолжать занятия конференции в неразделенном составе. Меньшевики отказались от участия в голосовании этой резолюции, и она была принята 42 голосами при 28 воздержавшихся. Тогда Дан потребовал слова для формального заявления и прочел постановление ЦК, объявлявшее, что данная конференция не удовлетворяет установленным для такого рода собраний условиям и потому решения ее не носят обязательного характера для частей петербургской организации. Делегаты-меньшевики заявили, что они покидают заседание, и двинулись к дверям. Вслед им раздавались ругательства, насмешки:

– К кадетам уходите?

– Со своими-то товарищами-рабочими соглашаться не хотите, а с буржуями столкуетесь!

При общем волнении и шуме Ленин сидел за председательским столиком, опершись подбородком на сложенные руки, улыбающийся, торжествующий. Он понимал, что уход меньшевиков означает открытый раскол организации, и сразу оценил положение: раскол произведен грубо, повод для него выбран неумело, мотивировать его убедительным для рабочих образом меньшевики не смогут. В завязывавшейся борьбе все шансы были на стороне большевиков.

Теперь на конференции остались одни большевики. Но все же до возобновления официального заседания устроили частное фракционное совещание.

Рожков предложил подтвердить платформу меньшинства общепартийной конференции:

– Чистые списки! Никаких соглашений!

Но Ленин неожиданно для всех заявил:

– А я, товарищи, еще час тому назад был за чистые списки, а теперь стою за соглашение с эсерами. И вот почему. Как вы думаете, куда это Дан отсюда пошел? К кадетам! К Милюкову! Завтра они подпишут соглашение, эсеры и трудовики с ними соединятся, мы останемся одни, и с нами никто считаться больше не будет. Мы должны предупредить их: заключим соглашение с трудовиками и эсерами и поставим им условие – никаких переговоров ни с нашими раскольниками, ни с кадетами! Тогда получится: революционные партии с одной стороны, меньшевики и кадеты – с другой. С меньшевизмом будет кончено.

Речь Ленина была встречена взрывом восторга. Открыли вновь заседание конференции. Ленин сделал пятиминутный доклад, и после кратких прений было почти единогласно постановлено сообщить немедленно эсерам и трудовикам, что «Петербургский Комитет РСДРП готов войти в соглашение с ними под условием незаключения ими никаких соглашений с кадетами».

Я пытался отстоять включение в соглашение также и народных социалистов. Этот вопрос имел принципиальное значение: участие народных социалистов в «левом блоке» изменяло его облик – вся комбинация теряла при этом характер союза пролетарских пригородов и деревни против города, приобретала оттенок большей культурности. Но, должен сознаться, я не сумел поднять вопрос на принципиальную высоту и ограничился эмпирической аргументацией – ссылкой на настроения предвыборных собраний.

Ленин возражал в шутливом тоне:

– Вы и так уже сосватали нам и эсеров, и трудовиков. А за энесов покорнейше благодарим, эдак мы до кадетов докатимся.

Энесы явились для сторонников «чистых списков» козлами отпущения за совершенное грехопадение, и в резолюцию было внесено специальное примечание о том, что мы не только сами не вступаем в соглашение с Народно-социалистической партией, но и от трудовиков и эсеров потребуем отказаться от соглашений с нею.

Так закончилась эта конференция петербургской организации, памятная в летописях РСДРП.

Победа нежданно-негаданно осталась за «диссидентами».

Чуть ли не на другой день после общегородской конференции меньшевики опубликовали протест против ее решений. Основывался этот протест на ряде формальных соображений: неправильности при подготовке конференции, утверждении конференцией дутых мандатов и, главное, отказе ее подчиниться требованию ЦК о разделении.

На этот протест Ленин ответил брошюрой «Лицемерие Дана и 31 меньшевика». В ней меньшевики обвинялись в том, что они «перекинулись» к кадетам, «предали» рабочих, «продали» буржуазии рабочие голоса.

В смысле резкости эта брошюра превосходила все до тех пор появлявшееся в

нашей межфракционной литературе.

В Петербургском комитете поднялся вопрос, можно ли распространять в районах это произведение. Рожков, добродушно посмеиваясь, говорил:

– Да-с, вещь в высокой степени порнографическая!

Вообще, многие большевики были недовольны тоном брошюры. Но когда мы говорили об этом с Лениным, он объяснял свои «неудачные» выражения тем, что писать ему пришлось наспех, и потому он не оттенил достаточно ясно, что относится в его брошюре ко всем меньшевикам вообще и что – лично к Дану, по отношению к которому употребленные в брошюре выражения… еще недостаточно решительны.

Но в рабочих кварталах не обращали внимания на эти тонкости: там «разоблачения» Ленина принимались в полном объеме. И вот поползли по заводам слухи: меньшевики продали пролетариат и объединились с кадетами. Очень быстро эти слухи приняли более осязательную форму.

Продали… Но кому? За сколько? Откуда взялись деньги?

Молва давала ответ на все вопросы.

Купил рабочие голоса Милюков. Заплатил он 40 000 рублей. Деньги получены из Варшавы, от тамошних банкиров.

На этих подробностях молва не остановилась.

На заводах рассказывали:

– Деньги меньшевики меж собой поделили – кому тысячу рублей дали, кому больше.

В Нарвском районе один пропагандист-меньшевик пришел в кружок в новом пальто. Рабочие решили, что это пальто справлено на кадетские деньги. Отказались слушать пропагандиста, прогнали его, чуть не избили…

Вскоре появилось новое подтверждение получения меньшевиками варшавских денег: у меньшевиков оказались новые… самовары. Такой самовар – и при том серебряный – один из агитаторов-большевиков (кажется, Красиков) собственными глазами видел у Дана…

В эти дни – это было как раз во время выборов по рабочей курии – межфракционные «трения» в партийной организации достигли того предела, когда все слова сказаны, запас ругательств исчерпан, и остается либо пустить в ход кулаки, либо разойтись врозь. Большевики и меньшевики перестали разговаривать друг с другом, в районах ячейки открыто кололись. Центральный комитет назначил суд над Лениным[1]. Понятно, как должна была отразиться эта история на ходе выборов!

Но прежде чем перейти к результатам выборов на заводах, я должен вернуться несколько назад и рассказать о том, что происходило в это время в Петербурге в городской курии.

С середины октября политическая жизнь Петербурга сосредоточилась в избирательной кампании.

Сенат изощрялся в «разъяснениях» избирательных прав населения.

---

[1] Именно на этом суде Ленин формулировал свой взгляд на допустимые в полемике приемы, формулировал его в выражениях, которые впоследствии повторялись не раз противниками большевизма *(прим. В. Войтинского).*

«Разъяснили» рабочих-квартиронанимателей, железнодорожников, крестьян-интеллигентов. Путем предъявления 129 статьи депутатам, подписавшим «Выборгское воззвание», «разъяснили» почти всех лидеров Конституционно-демократической партии. Но, пожалуй, самым неожиданным «разъяснением» явилось требование, чтоб избирательные бюллетени были скреплены печатью городской управы с одновременным предписанием управам: не выдавать бюллетеней никому, кроме «зарегистрированных» партий. А «зарегистрированы» были: Союз русского народа, Партия правового порядка, Союз 17 октября и Партия мирного обновления[1]. Таким образом, оппозиционные партии лишались возможности раздавать избирателям бюллетени с именами своих кандидатов.

Но раздражение против правительства в различных слоях населения было слишком велико, чтобы политика сенатских «разъяснений» могла принести желательные для Столыпина плоды.

В смысле внешнем вторая избирательная кампания протекала в Петербурге приблизительно так же, как в прошлый раз: та же публика, те же борющиеся партии, те же лица за председательским столом и на ораторской трибуне. Но содержание борьбы было уже иное. Я сказал бы: кампания приобрела большую серьезность.

По-прежнему на авансцене шла борьба между большевиками и кадетами. Но как непохожа была эта борьба на лихие схватки прошлой кампании!

Тогда большевики с их бойкотом и кадеты с их «крестом над Казанским собором» соперничали в политическом легкомыслии. Те и другие одинаково сеяли иллюзии, без счета выдавали векселя, по которым не могли заплатить. Теперь, после опыта первой Государственной думы, спор между партиями принял деловой характер.

В частности, наша ораторская коллегия на этот раз относилась к делу со всей требуемой серьезностью. По поручению товарищей я внимательно перечел стенографические отчеты первой Государственной думы и сделал выписки из речей кадетских лидеров; затем мы наметили те моменты, на которых следовало остановить внимание избирателей: история с земельными комитетами, кадетские законопроекты о собраниях и о печати, обращение к народу по земельному вопросу. Эти моменты вскрывали различие двух тактик: нашей, подчиняющей думскую деятельность интересам организации народных сил для внедумской борьбы, и кадетской, отгораживающейся от народа и ставящей себе целью соглашение с правительством.

Что касается до Партии народной свободы, то она, как и в первую кампанию, первоначально пыталась устранить из спора тактические вопросы и поставить перед избирателями дилемму: или – за правительство Столыпина, или – за наследников традиций первой Государственной думы.

Но вскоре кадетам пришлось отказаться от этой постановки вопроса и принять бой с левыми на вопросе о тактике в борьбе с реакцией.

В самом начале избирательной кампании кадетская «Речь» опубликовала разоблачения по делу Гурко–Лидваля.

---

[1] Последняя удостоилась регистрации не сразу *(прим. В. Войтинского).*

Мы решили, что это сделано неспроста, что, выдвигая вперед дело Лидваля, кадеты хотят показать избирателям, что именно их партия призвана защищать народные интересы и бороться против злоупотреблений правительства.

Но деньги, которыми так ловко распорядился Гурко, были отпущены в распоряжение правительства первой Думой по настоянию кадетов, вопреки решительным возражениям со стороны социал-демократов, предсказывавших, что деньги будут раскрадены чиновниками, и предлагавших Государственной думе взять в собственные руки продовольственную помощь населению.

Мы решили напомнить кадетам это происхождение лидвалиады.

Первое предвыборное собрание состоялось, если память не обманывает меня, в Соляном городке. Докладчиком выступал Милюков. Речь его была посвящена прославлению первой Государственной думы.

– Избиратели, – говорил он, – должны решить спор между Думой и правительством. Если вы на стороне Государственной думы, на стороне законности и свободы, голосуйте за ту партию, за которую голосовали на прошлых выборах. Если вы верите обвинениям, выставленным против этой партии правительством, если вы сочувствуете военно-полевым судам, погромам, сенатским «разъяснениям» и той системе расходования народных денег, которая проявилась в деле Гурко–Лидваля, – голосуйте за правых.

Мне пришлось и на этот раз «открывать» кампанию со стороны социал-демократов.

– Борьбой между Думой и правительством, – сказал я, – не исчерпывается история тех 72 дней, о которых вспоминает П.Н. Милюков. Одновременно с этой борьбой в недрах самой Думы шла борьба двух тактик. Тяжба между народом и его угнетателями не может быть разрешена избирательными бюллетенями. Но вы должны на выборах высказаться по вопросу о тактике внутри Думы, дать вашим избранникам ясные указания: должны ли они воздвигнуть стену между собой и народом и без участия народа вести словесную борьбу с министрами, стараясь их усовестить и столковаться с ними, или вы считаете более правильным тот путь, который в первой Думе отстаивала с.-д. группа.

Затем я перешел к делу Лидваля и рассказал, как с.-д. фракция боролась против передачи в руки правительства сумм, предназначенных для помощи голодающим, и как кадеты отдали деньги Гурко.

Попытка возложить на Партию народной свободы ответственность за дело Лидваля вызвала страстные протесты со стороны кадетских ораторов; завязался спор, который продолжался до конца собрания.

В дальнейшем центральным пунктом борьбы стал вопрос о тактике. По большей части мы нападали; кадеты защищались. Порой, при благоприятном составе собрания, кадеты переходили в наступление: вспоминали о бойкоте первой Думы, о московском восстании, о второй (ноябрьской) забастовке 1905 года.

Противополагая свою осторожную политику нашей неосторожной тактике, представители Партии народной свободы охотно обращались к сравнениям из военной истории.

– Левые всегда предлагают штурм, – говорили они, – а мы рекомендуем

осаду власти.

За этим следовали примеры, доказывающие гибельность непрерывных штурмов против неприступных позиций и предпочтительность тщательно подготовленной осады (Плевна, Порт-Артур и т.д.).

Как и в первую кампанию, самым сильным противником социал-демократов был Милюков. Он добивался от нас точного ответа: в чем будет заключаться ваша тактика использования Думы для организации внедумских сил и почему для этого дела нужны вам думские мандаты?

– Дума, – говорил он, – сложный инструмент, и пользоваться им можно лишь для определенных целей. Возьмите скрипку, на ней можно играть. Но нельзя скрипкой заколачивать гвозди, для этого берут молоток.

Отсюда вывод:

– Не давайте скрипки людям, которые не умеют и не собираются играть на ней! Не выбирайте в Государственную думу представителей партий, которые не умеют и не собираются законодательствовать!

Но в общем и целом кадеты чувствовали себя в ходе второй избирательной кампании неуверенно: настроение избирателей было левее их. Чтобы сделать свой кандидатский список приемлемым сравнительно радикальным кругам, Партия народной свободы заявила, что она выставляет в Петербурге лишь пять кандидатов, а шестое место предоставляет рабочей курии. Затем в список кандидатов был включен М.М. Ковалевский, который в первой Думе по некоторым вопросам выступал вместе с социал-демократами и тем приобрел репутацию самого левого из русских либералов. Наконец, кадеты украсили свой список именем священника Григория Петрова.

Высокого роста, с правильными чертами лица, с целой копной седеющих волос, в длинной черной рясе, со строгим, прямым крестом на груди, Григорий Петров представлял собой наиболее эффектную фигуру второй избирательной кампании. Говорил он просто, задушевно, с чарующей искренностью. Словом владел мастерски – в минуты подъема речь его лилась, как белые стихи.

Но в политике он был типичным обывателем и, выставив свою кандидатуру по кадетскому списку, никак не мог усвоить ни тактики этой партии, ни отличия ее от других партий.

– Откуда страстность нашего спора? – вопрошал он. – Мы собрались вокруг постели тяжко больной и горячо всеми нами любимой родины нашей, России. Мы все желаем ей здоровья и сил, все ищем средств, чтобы скорее поднять ее с одра болезни и муки. Каждый из нас предлагает то средство, в которое верит, предлагает его с тем большим жаром, чем горячее пылает в его сердце любовь к страдающей родине…

Это был обычный тон речей Гр[игория] Петрова.

Его спрашивали:

– Почему выступаете вы с кадетами, а не с левыми?

Он отвечал:

– По-моему, чем левее партия, тем лучше она. Честь и слава тем, в ком достаточно мужества, чтобы работать в самых левых партиях. Но не все способны идти

этим кремнистым путем…

Публике это нравилось чрезвычайно. Но на собрании в театре Неметти[1] один рабочий, смуглый и черноволосый парень, указал Петрову, какую странную роль он играет.

– Да вы, батюшка, на себя поглядите, – говорил рабочий. – Разве такие кадеты бывают? Так на что же кадеты вас в Государственную думу проводят? А у них расчет простой. Пускай, думают, граждане за отца Петрова голосуют. У попа ряса широкая, он под полами в Думу пару кадетов протащит.

Из наших ораторов в начале кампании наибольший успех имел И.П. Гольденберг. Но полиция вообразила почему-то, что он – наш кандидат в Думу, и арестовала его после довольно невинной – великолепной по форме речи в Тенишевском училище.

Эту речь Гольденберг закончил словами:

– Храните связь с вашими депутатами! Подав голос за кандидатов РСДРП, ждите дня, когда ваши депутаты скажут вам: «Граждане! Вы нам нужны…».

Здесь, на середине фразы, пристав прервал оратора, заявив, что налицо – призыв к вооруженному восстанию.

Арестом Гольденберга нашей коллегии был нанесен тяжелый удар.

Рожков не мог говорить на публичных собраниях ввиду своего нелегального положения. Григорий (Зиновьев) отказывался выступать, ссылаясь на требования конспирации. Свидерский в самом начале кампании уехал в Прибалтийский край и там – кажется, в Риге, – был арестован.

Пытались втянуть в предвыборную кампанию Базарова, – оказалось, что у него не хватает голосовых средств для большой и неспокойной аудитории.

Опять главная тяжесть работы пала на «тройку» – Абрама, Николая (Коновалова) и меня.

Абрам на этот раз был слабее, чем во время первой кампании. Но и теперь он был незаменим в полемике с Родичевым. Меньшиков в «Новом времени» посвятил большую статью (чуть ли не целый подвал) описанию одной встречи Родичева и Крыленко – помнится, в Народном доме графини Паниной. Он изображал их схватку, как бой между старым волком и молодым львенком.

Но имея против себя более серьезных противников, Абрам начинал нести чепуху, так что нередко даже дружески настроенные слушатели не могли понять, чего он хочет. В этих случаях истинным спасением для него бывало вмешательство полицейского чиновника.

Помню такой случай. Абрам пришел на собрание в весьма «веселом» настроении. Во время речей докладчиков он то и дело заговаривал со мной, и я никак не мог заставить его сидеть спокойно и слушать. Вдруг председатель вызывает его фамилию. Абрам растерянно подымается.

– Ваше слово, г[осподин] Абрамов! – повторяет председатель.

Абрам шепчет мне:

– Ей богу, не знаю, о чем говорить.

---

[1] Петербургский театр В.А. Линской-Неметти (Офицерская ул., д. 39). Сдавался в аренду опереточным и оперным труппам.

Но собрание встречает его появление на трибуне аплодисментами. Он начинает речь:

– Товарищи и граждане!

Широкий жест и длинная пауза. На лице оратора печать глубокого раздумья. Снова взрыв аплодисментов. Помощник пристава начинает ерзать на своем стуле.

Абрам делает знак, что просит тишины, и бросает:

– Пришло время, когда…

И опять пауза. В зале напряженная тишина. Помощник пристава поднялся, с места.

Абрам повторяет:

– Пришло время, когда российский пролетариат…

Но его перебивает голос полицейского чиновника:

– Объявляю собрание закрытым.

Под гром аплодисментов оратор спускается с трибуны.

Ну, пронесло, – шепчет он мне. – Я ведь не знал, как кончить фразу. Молодец, выручил! Я пойду, поблагодарю его.

Руководство кампанией со стороны Комитета было слабое; выступали мы, в значительной мере, на свой страх и риск.

Наиболее фракционно настроенные большевики (как Зиновьев, Красиков) были недовольны нами и находили, что мы ведем кампанию не по-большевистски и «замазываем» острые вопросы. В ответ мы предлагали нашим критикам самим выступать на собраниях. Красиков принял это предложение, выступил – и провалился с треском. Желая дать нам образчик настоящей большевистской речи, он начал с того, что выругал отца Григория Петрова (помнится, обозвал его «безмозглым попом»). Из залы послышались свистки и крики «долой». Оратор задал собранию вопрос:

– Значит, вы не желаете слушать представителя РСДРП?

Ему ответил чей то спокойный голос:

– Мы готовы выслушать представителей всех партий, но вас слушать не хотим, так как вы не умеете вести себя.

Красиков, ретировавшись за кулисы, объяснял причины своей неудачи:

– Я не знал, что здесь черная сотня собралась.

Больше он не выступал.

Много неприятностей доставляли нам выступления неизвестно откуда появлявшихся большевиков, не входивших в нашу «ораторскую коллегию».

Помню одно многолюдное собрание. Говорил Милюков.

– Социал-демократы не признают Государственной думы. Зачем же с таким упорством добиваются они избрания в эту Думу?

После него получает слово какой-то незнакомый мне молодой человек, демократического вида, волосатый, в простеньком пиджаке поверх черной косоворотки.

– Вы спрашиваете, зачем мы идем в Государственную думу? Я вам скажу, зачем мы идем в Государственную думу. Мы идем ее взрывать.

В переднем ряду кто-то протянул с досадой и нетерпением:

– Ну–ну–ну…

Оратор остановился, прислушался и спросил строго:

– Кто там кричит ку-ка-ре-ку?

Взрыв смеха. Из задних рядов, действительно, раздается кукареканье. Председатель звонит и просит оратора продолжать. Тот, тряхнув волосами, гордо бросает:

– Российский пролетариат не боится вашего ку-ка-ре-ку!

Шум и смех усиливаются настолько, что представитель полиции подходит к председателю и предупреждает его:

– Если не будет восстановлен порядок, я принужден буду закрыть собрание.

Председатель энергично звонит.

– Г[осподин] оратор! Покорнейше прошу вас продолжать.

Но оратор молчит, видимо потеряв нить мысли. Наконец вспомнил. Сделал шаг вперед, протянул руку над толпой.

– Российская социал-демократическая партия…

Помощник пристава, вскочив со своего места, подбежал к председателю…

Но оратор уже кончил фразу:

– …не боится ваших ку-ка-ре-ку.

И он гордо сошел с эстрады.

Пытались мы «приспособить» к выступлениям на предвыборных собраниях наших приказчиков. Но из этого ничего не вышло: приказчики, недурно говорившие на собраниях своего союза, робели перед чужой аудиторией. Наоборот, удачной оказалась мысль о пополнении ораторской коллегии рабочими. Не только в демократических районах, но и перед цензовиками рабочие ораторы прекрасно справлялись с своей задачей.

Союз русского народа вел избирательную кампанию в своих чайных, в Михайловском манеже, в участках, трактирах. На предвыборные собрания, устраиваемые кадетами и левыми, союзники не являлись. Не видно было и представителей Партии правового порядка.

Октябристы развивали энергичную деятельность, но публичным выступлениям предпочитали обход избирателей и агитацию по квартирам.

Партия мирного обновления устроила всего лишь одно предвыборное собрание (в Народном доме Нобеля на Выборгской стороне). Прошло это собрание необыкновенно весело. По желанию устроителей оппоненты должны были отвечать докладчику в порядке левизны: большевик, меньшевик, эсер, трудовик, энес, кадет.

Я говорил сразу после докладчика. После моей речи, во время перерыва, докладчик Волков подошел ко мне и, горячо пожимая мне руку, сказал:

– Совершенно с вами согласен. Как вы нашу программу разнесли! Говорил я им: нельзя с такой дурацкой программой выступать на выборах…

– Как? – удивился я. – Вы считаете программу вашей партии дурацкой?

– Идиотской! – горячо подтвердил Волков.

Присутствовавший при разговоре Дан – он должен был говорить от

меньшевиков, но отказался от слова – поинтересовался:

– А о нашей программе что вы думаете?

– У вас, господа социалисты, – ответил мирнообновленец, – программа превосходная, и вы сами превосходные люди.

– Так запишитесь к нам в партию!

Подумав, Волков ответил:

– Не могу. Стар я, да и перед товарищами неудобно: хоть и дурацкая платформа, а вместе вырабатывали.

После перерыва говорил Пешехонов, от народных социалистов.

– Из программы мирнообновленцев и представленного ими доклада, – говорил он, – можно понять лишь одно: эти люди не выносят крови. Так мало ли кто чего не выносит! Это идиосинкразией называется. От этого нужно лечиться. От этого бром помогает, души холодные, обтирания. Но нельзя же на этом политическую партию строить!

После этого мирнообновленцы не созывали больше избирателей и не выступали на собраниях, устраиваемых другими партиями. А затем они и вовсе отказались от самостоятельной избирательной кампании, вступив в блок с кадетами.

Эсеры показывались редко.

С большим успехом выступали народные социалисты: Мякотин, с плавной, певучей, полной поэтических образов речью; Пешехонов, всегда нагруженный цифрами, серьезный, вдумчивый; Тан-Богораз, пересыпавший политические рассуждения неожиданными шутками, анекдотами.

Их речи сводились к критике Партии народной свободы и к выяснению необходимости внедумской борьбы. Так же, как и мы, они останавливались, главным образом, на вопросах тактики (а не программы).

Очень радикальную позицию занимали трудовики. В частности, В.В. Водовозов в своих устных выступлениях казался несравненно более левым, чем в своих статьях и брошюрах.

Народные социалисты и трудовики были горячими сторонниками предвыборного соглашения с кадетами. Я затруднился бы определить, какой мотив был для них решающим: если они исходили из стремления к сплочению всех оппозиционных сил, то непонятно, почему их выступления на предвыборных собраниях были столь ярко окрашены кадетоедством; если они, подобно меньшевикам, боялись черносотенной опасности, то непонятно, почему в дальнейшем они так легко вступили в «левый блок», который, с точки зрения «черносотенной опасности», представлялся наихудшей тактикой. Вернее всего, народнические группы руководились соображениями о получении мандатов. Этим, быть может, объясняется и то, что их переговоры с кадетами сорвались не на принципиальных вопросах, а на споре о распределении мандатов: кадеты согласны были дать два места народникам и одно рабочей курии, а народники требовали себе минимум три места (по одному для эсеров, энесов и трудовиков).

Беспартийные выступали редко и почти всегда на поверку оказывалось, что оратор, назвавшийся беспартийным, в действительности самый обыкновенный кадет.

Любимой темой речей «беспартийных» был призыв к соглашению между оппозиционными партиями и к выставлению общего кандидатского списка. В этих речах народникам доставалось за их чрезмерную требовательность, а кадетам – за их уступчивость – выражалось полное одобрение.

Видную роль играли в предвыборной кампании чины полиции. Получая ежедневно новые указания от начальства, они решительно не знали, какие речи допускать, какие «пресекать». На этой почве то и дело происходили недоразумения.

Однажды полицейский чиновник остановил меня, когда я, развивая мысль о парламентских и внепарламентских методах борьбы, воспользовался примером персидской революции. Я возразил, что Персия не подчинена Петербургскому градоначальству, и рекомендовал чиновнику запросить по этому вопросу более точных инструкций.

Чиновник сдался. Но дня через три мне пришлось вновь выступать в том же зале. Представитель полиции, заметив меня в толпе, подошел ко мне и сказал конфиденциально:

– Должен вас предупредить... Я имею указания: если будете о Персии говорить, я должен сразу собрание закрыть, а на вас протокол составить.

Я изумился:

– Как могли вы получить такое предписание, когда вашему начальству неизвестно, что именно буду я говорить о персидских событиях?

– Указано: если хоть слово будет о Персии, придерживаться того пункта, что собрание уклонилось от повестки.

В повестке вопрос о Персии, действительно, не был предусмотрен...

Два раза за время избирательной кампании полиция арестовывала меня.

Первый раз арестовали в театре Неметти за неуважительный отзыв о сенатских «разъяснениях». Дело кончилось протоколом «на предмет привлечения к законной ответственности».

Другой раз скандал разыгрался в зале Общества гражданских инженеров. На собрании присутствовал пристав Московской части, знаменитый в Петербурге Барач. Он был пьян и то и дело перебивал ораторов.

Речи вращались вокруг вопроса о методах воздействия Государственной думы на исполнительную власть. Я говорил об обращении Родичева к министрам.

– Вспомните, граждане, как г[осподин] Родичев в первой Думе взывал к министерской ложе: «Если есть у вас совесть, уйдите...». А в министерской ложе сидел Гурко. Два вывода должны вы сделать отсюда: 1) У наших министров нет совести, 2) у кадетов нет средств воздействия на бессовестных министров...

Барач крикнул:

– Прошу оратора замолчать! Не допущу, чтобы говорили, что у царских министров нет совести.

Послышался смех, Барач сконфузился, и я получил возможность закончить речь. Когда я спустился со сцены, ко мне подошел околоточный и попросил выйти на площадку к г[осподину] приставу, который желает со мной объясниться. Я вышел на лестницу. Там стояло не меньше десяти дюжих городовиков. Они моментально отступили меня кольцом.

– Это что значит? – спросил я.

Откуда-то снизу ответил голос пристава:

– Молчать, не разговаривать! Веди его!

– Куда? – вновь спросил я.

– Ко мне, в часть.

Но отправляться в 12-ом часу ночи в часть, в обществе пьяного пристава, мне не хотелось. Я обернулся к залу и крикнул:

– Я арестован. Прошу граждан сопровождать меня в полицию для составления протокола.

Затем спустился с городовыми вниз, взял в гардеробной свое пальто и шапку и спокойно ждал дальнейшего.

Публика высыпала на лестницу. Раздавались нелестные замечания по адресу полиции. У Барача соскочил хмель.

Захлебываясь, он подскочил ко мне:

– Что вы делаете?

– Жду свидетелей для протокола.

– Никакого протокола не будет. Я хотел лишь установить вашу личность.

– Всего-то? Моей визитной карточки с вас хватит?

– Да… Только скорее, пожалуйста! И успокойте публику!

Городовые ретировались, я вернулся в зал, поблагодарил граждан за содействие, и собрание продолжалось. А после окончания его несколько десятков человек проводило меня до Фонтанки, составлявшей границу владений Барача.

В общем, действия полиции, увеличивая раздражение обывателей, шли всецело на пользу крайних левых партий.

В рабочих районах избирательная кампания велась слабо.

Центральный комитет, правда, наметил весьма широкий план кампании, рассчитанный на то, чтобы в ходе выборов и на почве выдвигаемых ими вопросов перестроить партию на западноевропейский лад[1].

Но рабочие не возлагали на Государственную думу никаких надежд, не интересовались выборами, относились к избирательной процедуре, как к полицейской канители.

Можно было бы попытаться переломить эти настроения, но это требовало объединенных, согласованных усилий всей партии. А между тем большевистская часть организации была решительно против плана Центрального комитета.

Не отказываясь от участия в выборах, большевики вместе с тем поддерживали среди рабочих отношение к избирательной кампании как к делу, не достойному большого внимания: между прочим, наряду с более серьезными вещами, этим делом заниматься не зазорно, но отдавать ему все силы – никогда! Предлагать это могут лишь тайные кадеты.

И чем настойчивее Центральный комитет призывал к предвыборной мобилизации всех сил партии, тем больше усиливалась оппозиция этой тактике со стороны большевиков.

При таких условиях избирательная кампания среди рабочих не

[1] Эта идея была у меньшевиков уже во время первой избирательной кампании *(прим. В. Войтинского).*

могла развиваться.

Близость выборов не внесла в партийную организацию значительного оживления.

В этом смысле показательна была январская общегородская конференция. Подготовлялась она без малого два месяца, погоня за голосами со стороны обеих фракций шла отчаянная – и сколько же оказалось в организации членов?

По представленным обеими фракциями мандатам – не полных 4000 человек! Но эта цифра была преувеличена, по крайней мере, в два раза, а может быть, и в четыре раза.

Организация, как я отмечал уже, была не только приведена в скелетическое состояние, но и отравлена в небывалой степени ядом внутренней межфракционной вражды. Яростные нападки большевиков на Центральный комитет и столь же резкие выпады меньшевиков против Петербургского комитета дискредитировали партию в глазах массы. На заводах, вокруг и без того ослабленных партийных ячеек, создавалась атмосфера недоверия, враждебности.

В период междудумья и, в особенности, за время второй избирательной кампании, мы потеряли петербургский пролетариат не только организационно, но и идейно. И это сказалось на выборах по рабочей курии 7–14 января.

На большей части крупных заводов в уполномоченные были выбраны эсеры или беспартийные, сочувствующие эсерам.

Этот результат голосования явился для нас совершенной неожиданностью: эсеры не только не имели среди петербургских рабочих прочной организации – организацией и мы не могли в то время похвастать, – но у них работа велась лишь кое-где и кое-как. За неделю до выборов мы посмеялись бы над тем, кто вздумал бы говорить об «эсеровской опасности» на петербургских заводах. И вдруг – Семянниковский, Обуховский, Путиловский и другие заводы забаллотировали с.-д. кандидатов и отдали свои голоса кандидатам социалистов-революционеров!

Большевики винили за поражение партии меньшевиков.

«Пролетарий» писал: «Меньшевики повернули к кадетам – пролетариат петербургский отвернулся от меньшевиков. Эсеры использовали момент раскола в рядах социал-демократии, использовали негодование рабочих против кадетоподобных меньшевиков»…

Эта оценка положения давала газете основания разразиться далее такой тирадой: «Вот до какого позора довели социал-демократию эти жалкие оппортунисты, способные накануне выборов отказываться от рабочей партии ради того, чтобы торговаться о местечках с кадетами. Для всякого социал-демократа, который дорожит честью и добрым именем пролетарской партии, отсюда может быть только один вывод: беспощадная война с меньшевизмом в Петербурге. Мы должны изгнать из рабочих предместий людей, которые своей кадетской политикой отталкивают рабочих от социализма к революционной буржуазии. Мы будем преступниками, если станем считаться перед лицом насущных политических задач с формалистическими рамками и с заскорузлыми иерархическими соображениями…»[1].

[1] «Пролетарий», № 12 от 25 января 1906 г. *(прим. В. Войтинского).*

Но часть организации склонна была делать иные выводы из понесенного партией поражения: объясняли его межфракционной грызней, перешедшей границы допустимого…

Между тем собрались уполномоченные фабрик и заводов, выбранные 7–14 января, и оказалось, что 147 человек из их числа примыкают к С.-д. партии, 108 – к Партии эсеров, а 31 считают себя беспартийными.

Таким образом, у нас было все же большинство!

Произошло это в результате особенностей закона 2 декабря, дававшего одинаковое представительство заводу с 1000 рабочих и ремесленной мастерской с пятьюдесятью рабочими. Нужно сказать правду: социал-демократы подавили эсеровские голоса крупных заводов голосами городских мелких предприятий и, в частности, типографий.

Социал-демократическим кандидатом по рабочей курии шел Алексинский. Эта кандидатура была указана Петербургскому комитету из большевистского центра. Часть товарищей была против нее: говорили, что Алексинский человек ненадежный. Предлагали проводить самого Ленина: это было не трудно, так как Алексинский шел как корректор партийной (или полупартийной) типографии «Дело», и можно было записать на это место кого угодно. Но Ленин снял свою кандидатуру, ссылаясь на то, что неизвестно, долго ли просуществует Дума. Говорили о кандидатуре Базарова. Но он отказался.

Одно время Ленин, как будто уступая противникам кандидатуры Алексинского, заговаривал о том, что можно было бы провести в Думу Сергея Малышева.

– Чем это не кандидат? – говорил он. – Сразу видно, что рабочий. И в Думе он за себя постоит: коли что, не задумается председателю в морду въехать…

Но это была кандидатура несерьезная. И в конце концов соперников у Алексинского не оказалось.

Социалисты-революционеры, со своей стороны, проводили Евгения Колосова. Он работал монтером на заводе Шукерта и был известен в рабочих кругах под кличкой «монтер от Шукерта».

В собрании уполномоченных завязалась горячая борьба.

Эсеры настаивали на том, что на первой стадии выборов они получили больше голосов, чем социал-демократы. Алексинский возражал, что избирательный закон не дает средств проверить это утверждение, но петербургский пролетариат всегда шел за С.-д. партией. Кончился спор тем, что в выборщики были избраны исключительно социал-демократы большевики.

Это вызвало среди эсеров крайнее раздражение против социал-демократов. На смену притихшей немного межфракционной борьбе пришла межпартийная перепалка небывалой еще в рабочем Петербурге остроты и резкости.

В то время, как в рабочей курии разыгрались эти события, в городской курии дела шли у нас настолько успешно, что мы серьезно рассчитывали собрать на выборах большинство голосов.

Переговоры с народниками были возложены на Красикова, Теодоровича и меня. На наше заявление о недопустимости для нас соглашения с народными со-

циалистами, трудовики и эсеры ответили, что у них уже заключено общее соглашение с народными социалистами, но последние, исходя из интересов объединения левых партий и принимая во внимание решение петербургской организации РСДРП, готовы освободить своих союзников от всяких обязательств. С такой же предупредительностью народники приняли наши условия относительно распределения мандатов.

Не помню, кто именно вел с нами переговоры со стороны трудовиков. Но помню, что особенную уступчивость обнаруживал один пожилой господин, который на все наши предложения отвечал:

– Для нас это вопрос второстепенный: важен самый факт объединения левых. Мы согласны на ваши условия.

Так же ответил он на наше требование, чтобы во всех городских районах за социал-демократами было обеспечено большинство выборщиков[1].

После того, как протокол соглашения был подписан, мы решили поставить перед Петербургским комитетом вопрос о допущении в «левый блок» народных социалистов. Это представлялось тем более естественным, что народные социалисты, оказавшись за бортом «левого блока», не только не устранились из предвыборной кампании, но с удвоенной энергией ринулись в бой, оставаясь нашими ближайшими союзниками в борьбе против кадетов. Особенно удачно выступал в эти дни Мякотин.

Была созвана вновь конференция – точнее, ее большевистская часть, – и на ней было решено включить в «левый блок» и энесов, к большому огорчению Рожкова, который по этому случаю хотел даже выйти из Петербургского комитета.

Приступили, вместе с народниками, к составлению районных списков. Согласно предварительному условию, мы должны были назвать больше половины имен, то есть около 85 человек. Но оказалось, что нам называть некого. Меньшевики в наши списки не шли. Эсдекствующих адвокатов мы побаивались. Из наших лидеров и партийных работников одни были нелегальные. Другие состояли под судом и следствием, третьи не имели права жительства в столице, четвертые не достигли требуемых по закону 25 лет.

Между тем народники (в особенности, н[ародные] с[оциалисты]) предлагали нам в качестве выборщиков людей, известных всему Петербургу. Решили составлять списки по «деловому принципу». И действительно, списки получились у нас хоть куда.

Когда списки выборщиков «левого блока» были готовы, перед нами встало новое затруднение: сенатское «разъяснение» лишало нас возможности получить из городской управы штемпелеванные бланки для печатания бюллетеней.

Препятствие было весьма серьезное. Достаточно сказать, что Партия народной свободы, в значительной степени ради получения бланков, сочла необходимым вступить в соглашение с мирнообновленцами.

---

[1] Не знаю, как согласовать эту позицию народников с переговорами, которые они только что перед тем вели с кадетами и в ходе которых они с таким упорством торговались о числе мест. По-видимому, в народническом лагере, как и среди большевиков, перед самыми выборами произошел поворот тактики *(прим. В. Войтинского).*

Пешехонов частным образом сообщил нам, что он надеется раздобыть бланки: у него есть несколько знакомых священников, прогрессивно и даже радикально настроенных, и он собирается уговорить их «зарегистрироваться» в качестве политической группы и взять в управе бланки.

Мы заявили, что этот способ нас не устраивает. Начали искать другого способа, но не могли ничего придумать.

Когда я рассказал Ленину о нашем затруднительном положении, он усмехнулся и сказал:

– Пустяки! Будто трудно управскую печать подделать? Вот Михаила Сергеевича спросите.

«Михаил Сергеевич», заведовавший техникой и паспортным бюро большевистского центра, присутствовал при этом разговоре. Взяв у меня бланк избирательного бюллетеня, он долго рассматривал и щупал бумагу. Затем принялся изучать оттиск печати. Наконец, сказал:

– Бумага такая точно у меня найдется. Шрифты обыкновенные. А печать медная, резная. Если вы мне ее на два часа достанете, у нас точно такие будут. Ни один эксперт не отличит.

Ленин подхватил:

– Ну, вот! Добывайте печать.

Я возразил:

– Как бы не вышло неприятностей? Уголовщиной пахнет…

Ленин успокоил меня:

– Это совершенный вздор! Если так рассуждать, придется от всякой конспирации отказаться.

Перешли к выяснению подробностей. «Михаил Сергеевич» объяснил, что печать ему нужна для того, чтобы снять с нее копию электрическим (или, может быть, гальванопластическим) способом. Подсчитал, что вся операция (бумага, набор, печатание, подделка печати) будет стоить около 1000 рублей.

Ленин предложил:

– Условьтесь с народниками, чтобы расходы пополам. А сумму расходов покажите в 2000 рублей. Это справедливо: их деньги, наш труд.

Я возразил, что это неудобно:

– Михаил Сергеевич скажет нам, сколько стоила вся операция. Половину должны покрыть мы, половину возьмем с народников.

Ленин сказал:

– Ладно, Михаил Сергеевич назовет вам сумму.

На другой день мы раздобыли управскую печать (не помню точно, через кого была произведена эта часть «операции»). В условленное время печать была возвращена по принадлежности, а «Михаил Сергеевич» представил в П[етербургский] к[омитет] чуть не дюжину металлических печатей, оттиски которых, действительно, невозможно было отличить от оттисков на управских бланках.

На вопрос, зачем нам столько печатей, «Михаил Сергеевич» ответил кратко:

– Так надо.

Самая трудная часть задачи была разрешена. Мы заявили народникам, что

бланки будут. Наши союзники, по-видимому, подозревали, что мы «добываем» бланки не совсем легальными путями, но тактично воздерживались от расспросов: это давало им возможность, в случае провала дела, выйти сухими из воды и свалить все на нас.

Но полиция что-то пронюхала.

Прошло несколько дней. Утром пришел я на комитетскую явку. Секретарша с мрачным видом сообщила:

– Ночью полиция нагрянула в типографию «Дело». Захватили на машинах бюллетени.

Это было скверно, но не слишком: в печатании бюллетеней не было ничего противозаконного – уголовщина начиналась лишь со штемпелевания бланков поддельной печатью. Неприятно было только то, что мы оставались без бланков…

Но днем я встретил «Михаила Сергеевича». Справился у него относительно ночного провала. Он пожал плечами:

– Получите бланки вовремя. Будьте спокойны.

– Как? Разве полиция не забрала их?

– Нет. Только помещение опечатали.

– Во время изготовления бюллетеней?

– Мы уже кончали. Теперь все в сохранности.

Я так и не узнал толком, что произошло в типографии: удалось ли «Михаилу Сергеевичу» откупиться; или полиция по недоразумению опечатала не все двери помещения, где печатались бланки; или наши, попросту, сняли печати с дверей, проникли в помещение и, унеся оттуда бюллетени, вновь утвердили печати… Во всяком случае, когда днем в типографию явились следственные власти, печати на дверях были в полном порядке, а в помещении не было никаких следов, напоминавших о ночной работе…

Отпечатанные бланки были отнесены в Технологический институт и здесь проштемпелеваны поддельными печатями.

Тут обнаружилось, насколько предусмотрительно поступил «Михаил Сергеевич», изготовив несколько печатей: требовалось прихлопнуть печатью свыше 100 тысяч листов; если бы у нас была одна печать, то это взяло бы, самое меньшее, двое суток непрерывной работы; а теперь, при помощи добровольцев-технологов, работа была исполнена в один вечер, а к утру кипы готовых бланков были уже развезены по районам и рассованы в надежные места.

Мы торжествовали. А наши союзники по «левому блоку» уверяли, что наши бланки даже лучше управских, и без всяких разговоров уплатили ту сумму, которую мы спросили с них, как их долю в общих расходах. Сумма была небольшая, но я подозреваю, что «Михаил Сергеевич» определил ее с таким расчетом, чтобы малая толика осталась на текущие расходы большевистского центра.

В полицейских кругах появление бланков «левого блока» вызвало большой переполох. Назначили расследование.

Выяснили, что городская управа бюллетеней нам не давала и что от «зарегистрированных» партий получить бланки мы не могли. Назначили экспертизу. Но

эксперты единогласно признали наши бланки настоящими. В частности, была признана подлинной наша печать. Загадка осталась не разрешенной.

Выборы по городской курии Петербурга состоялись 6 февраля, когда почти повсюду в России первая стадия выборов уже закончилась.

Последние дни перед выборами прошли в спорах, существует или не существует в Петербурге «черносотенная опасность».

Кадеты, борясь против «левого блока», доказывали, что раздробление оппозиционных голосов между двумя списками (либеральным и левым) приведет к тому, что от столицы пройдут в Государственную думу октябристы. Основной клич их устной и печатной агитации был:

«Кто голосует за «левый блок», проводит в Думу октябристов».

Этот аргумент поддерживался и меньшевиками, которые до последнего момента были глубоко убеждены в наличности в Петербурге черносотенной опасности.

Я лично этого взгляда не разделял и считал его противоречащим всем данным избирательной статистики.

В городах 45 губерний было избрано к началу февраля 1061 выборщиков из 1221 (оставалось еще избрать 160 выборщиков от Петербурга). Среди избранных оказалось: 112 правых, 75 октябристов, умеренных и прогрессистов, 375 кадетов и 499 «крайних левых». Это доказывало, что кадеты представляют собой в городской курии не левый фланг, а правый центр. Характерно было далее, что в 12 губерниях ни один город не дал ни одного выборщика правее кадетов. В 20 губерниях число выборщиков правее кадетов колебалось от одного до пяти. Лишь в одной губернии (Вологодской) правые провели половину городских выборщиков, да в Московской губернии прошло среди городских выборщиков 33 человека правых и «умеренных».

Выборы по крестьянской курии свидетельствовали о том, что и в деревне нет «черносотенной опасности»: здесь из 1824 выборщиков официальная статистика отметила 354 «правых», 111 «умеренных» и 68 кадетов. В остальных 1289 чел. можно было угадать элементы, родственные перводумской «трудовой группе».

По рабочей курии выборщиками прошли исключительно социал-демократы.

И лишь в землевладельческой курии черная сотня торжествовала победу.

Это позволяло нам не только оспаривать ссылки на черносотенную опасность, но и писать в избирательных плакатах:

«Народ против черной сотни и против кадетов. Кто голосует за них – тот против народа».

Но обыватель уже привык верить в «черносотенную опасность», и никакие цифры не могли разубедить его.

Это определило победу кадетов на выборах 6 февраля.

Партия народной свободы собрала 28 800 голосов, левый блок – 16 700 голосов, октябристы – 16 600, крайние правые – 5300.

Не знаю, каким способом, но большевистские статистики высчитали, что если бы левому блоку удалось отбить у кадетов еще 1573 голоса, то мы провели

бы по городской курии 74 выборщика и, имея уже 14 рабочих выборщиков, получили бы в собрании выборщиков большинство в 88 голосов (против 86 голосов, которые в этом гипотетическом случае были бы у кадетов).

Таким образом, результаты выборов доказали, что для левых борьба за депутатские мандаты по Петербургу не была безнадежна: при иных условиях – если бы соглашение было заключено с самого начала, если бы кампания велась более планомерно и не дезорганизовывалась фракционной склокой, если бы, наконец, не жупел «черносотенной опасности» – мы могли бы победить…

Как бы то ни было, победили не мы, а кадеты. Им предстояло теперь исполнить обещание, данное перед выборами, и уступить одно из шести мест рабочей курии. Но Алексинскому как твердокаменному большевику не улыбалась мысль получить депутатский мандат из рук кадетов, он хотел войти в Таврический дворец без всяких соглашений с «буржуями». И потому, когда на собрании выборщиков кадеты обратились к рабочим с вопросом, кого хотят они провести в Думу от рабочей курии, Алексинский от имени 14 выборщиков ответил:

– Ни в какие соглашения, ни в какие переговоры мы с вами не вступаем.

И он потребовал, чтобы кандидат рабочей курии был намечен записками. Кадеты подали 160 пустых бумажек, с.-д. на 14 бумажках написали имя Алексинского. Таким образом, кандидат был намечен без соглашения. Затем, поставили шесть баллотировочных ящиков. Кадеты во все шесть ящиков клали белые шары, большевики голосовали за своего кандидата и против пяти остальных. В результате Алексинский собрал 174 голоса, а кадеты по 160 голосов.

Когда голоса были подсчитаны и имена избранников города Петербурга были оглашены, кто-то предложил выборщикам и депутатам сняться общей группой. Но Алексинский заявил, что с кадетами как с врагами народа сниматься не будет.

Эта демонстрация сразу подняла авторитет нового рабочего депутата на заводах: с этого дня даже рабочие, голосовавшие 7–14 января за социалистов-революционеров, признали Алексинского своим депутатом.

В статье о ходе выборов в Думу в газете «Зрение»[1] я так характеризовал обстановку, при которой должна была собраться вторая Государственная дума:

«Черносотенной опасности нет.

Кадетская опасность идет на убыль.

Рабочий класс революционнее всех других классов, и главная масса его идет за РСДРП.

Крестьянство не верит правительству, не верит кадетам и выделяет из своей среды левых, революционных вождей.

Городская мелкая буржуазия не верит правительству, изверилась в кадетах и склоняется от них влево.

Крупная землевладельческая знать стоит в рядах черной сотни на защите своих поместий.

Вот что читаем мы в каждой строке известий о ходе выборов во вторую Думу. И каждая строка этих известий твердит нам одно:

---

[1] За время второй избирательной кампании у нас было два легальных органа: «Простые речи» и «Зрение». Оба издания были закрыты на втором номере *(прим. В. Войтинского).*

Революция развивается, революция идет вперед, и никто не удержит ее на ее пути.

Не в конституционной, а в революционной России собирается вторая Дума».

Увы! это был самообман. Действительно, выборы обнаружили переход избирателей от более правых к более левым партиям. Но за этим «полевением» не было революционной активности. А главное, избирательная кампания не вдохнула энергии в население, терроризированное военно-полевыми судами, погромами, карательными экспедициями, не пробудила в нем духа протеста, не сплотила его раздробленных сил.

Напротив того: быть может, к открытию второй Думы силы населения были еще больше распылены, чем до начала предвыборной кампании.

Так обстояло дело, в частности, в Петербурге. Социал-демократическая организация вышла здесь из избирательной кампании почти совершенно разрушенной. Эсеры, несмотря на свою победу в рабочей курии, висели в воздухе.

Вражда между обеими партиями в рабочих районах усилилась в небывалой до сих пор степени (несмотря на их кратковременное соглашение в городской курии). Гегемонии кадетов среди городского населения были нанесены левым блоком чувствительные удары. Но на смену Партии народной свободы не пришла никакая другая партия, которая владела бы сердцами так, как владели ими кадеты при открытии первой Думы.

Население не верило правительству.

Но точно так же оно не верило ни в кадетскую, ни в революционную Думу, не верило ни в конституционные пути, ни в восстание.

Население не верило в себя.

Вторая Дума собиралась в стране, готовой склониться в прах перед торжествующей реакцией.

Извлечение публикуется по изданию:
Войтинский В.С. Годы побед и поражений.
Кн. 2: На ущербе революции.
Ч. 1: В строю (1906–1907 гг.).
Берлин, Пб., 1924. С. 113–161.

Б. ГЛЕБОВ, М. МИТЕЛЬМАН, А. УЛЬЯНСКИЙ

НА ПУТИЛОВСКОМ ЗАВОДЕ

После разгона I Думы большевики начали деятельно готовиться к новым думским выборам. Большевики решили пойти во II Думу для того, чтобы использовать ее как легальную возможность для революционной агитации в народных массах. Посылая в Думу «не ходатаев, а борцов», они сплачивали вокруг своих депутатов массы пролетариев и трудящихся для дальнейшей революционной борьбы. Избирательной кампанией большевиков непосредственно руководил В.И. Ленин, живший нелегально под Петербургом в финской деревне Куоккала.

В своих статьях, посвященных выборам в Думу, Ленин разоблачал меньшевиков, которые спекулировали на преувеличиваемой ими черносотенной опасности, призывали рабочих к блоку с кадетами и заявляли, что только таким путем можно избежать избрания черносотенных кандидатов.

На самом деле еще задолго до выборов во II Думу черная сотня на заводах Петербурга начала разваливаться. Рабочие заставляли черносотенцев каяться на митингах, судили их своим судом. Главарей черной сотни вывозили на тачках и требовали их удаления с завода. Молодые рабочие отнимали у черносотенцев значки и под веселые возгласы расплющивали их под паровыми молотами.

Однажды в помещении районного отделения Союза русского народа собралось несколько десятков путиловцев. Ждали какого-то «видного» черносотенного оратора. Он опаздывал. Тогда на трибуну поднялся пришедший на собрание большевик и начал говорить о рабочих нуждах. Его встретили сочувственно. Следующему оратору, тоже большевику, уже кричали «правильно» и аплодировали, а по предложению еще одного большевика решено было вовсе не пускать на собрание черносотенного оратора. Подоспевший пристав с нарядом полиции разогнал собрание.

На выборах во II Думу Путиловскому заводу полагалось избрать 11 уполномоченных. Но директор завода Белоножкин, хорошо зная революционное настроение рабочих, попытался сократить это число уполномоченных, предложив проводить выборы отдельно по каждой мастерской. Так как один уполномоченный избирался только от одной полной тысячи, то выходило, что вагонный отдел в 1900 человек и паровозный в 1800 человек по системе Белоножкина избрали бы всего двух уполномоченных вместо полагавшихся трех. Путиловцы, ссылаясь на закон, отвергли это предложение. Белоножкин предложил тогда, чтобы уполно-

моченных выбирали не сами рабочие, а их представители – по одному от каждого цеха. Это предложение также было отвергнуто.

Тогда директор завода применил массовые репрессии. Еще в декабре 1906 года из лафетно-снарядной мастерской было выброшено 300 человек. Теперь к расчету намечались все рабочие мастерской. Наиболее передовые мастерские были поставлены под угрозу закрытия и полного расчета всех работающих. Но и это не сломило сопротивления путиловцев. В день выборов большинство рабочих явилось на завод с твердым намерением – избрать полагающееся число уполномоченных.

Выборы по мастерским состоялись в воскресенье 14 января. Черносотенцы пытались сорвать выборы силой. В паровозосборочную, сопутствуемый бандой громил, ворвался главарь шайки Сашка Половнев.

– Вы что думаете, – закричал Сашка, взобравшись на возвышение, – вы думаете, раз меня нет, то можно продаваться крамольщикам?

С руганью он выхватил у только что избранного уполномоченного документы и разорвал их. Банда черносотенцев стояла за своим главарем с револьверами наготове. Но в тот же миг они принуждены были убраться из мастерской: толпа рабочих молча, но грозно начала надвигаться на них. Еще в двух цехах пытались громилы сорвать выборы, но отовсюду они вынуждены были поспешно удалиться, опасаясь расправы.

Меньшевики, которые спекулировали несуществовавшей черносотенной опасностью, были всюду посрамлены.

На Путиловском заводе, как и на других заводах Петербурга, меньшевики потерпели на выборах полное поражение. Среди путиловских уполномоченных не было ни одного меньшевика. По всей рабочей курии Петербурга и Петербургской губернии победа осталась за большевиками, и в Думу был выбран большевик, рабочий Охтенского порохового завода.

Извлечение публикуется по изданию:
Как выбирали в Государственную думу.
Л., 1938. С. 44–46.

АРШАК ГЕРАСИМОВИЧ ЗУРАБОВ

ВТОРАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА: (Впечатления)

Капиталистически развитая страна не могла и не может существовать в тисках азиатского самодержавия. И, подобно тому, как нельзя создать полуфеодальное, полубуржуазное общество, так невозможно совместить две взаимно исключающие формы политической жизни.

Конституция или самодержавие? Вот вопрос, выдвинутый самой жизнью, и никакие компромиссы недопустимы в этом отношении, и рано или поздно, а под мощными ударами народных масс историческая арена должна очиститься от последних остатков средневекового абсолютизма.

А пока что эта реакционная утопия, поддерживаемая штыками и грубым полицейским кулаком, есть реальный факт.

Народного взрыва после роспуска первой Думы не было, конечно, не потому, что кабинет Столыпина принял все меры против возникновения беспорядков, а потому, что самая поверхность революционного моря оставалась спокойной.

Если и мог какой-нибудь вопрос возникнуть после разгона первой Думы, как и в настоящее время, то только следующий: какая тактика является наиболее целесообразной для того, чтоб сократить длительность реакции.

Конечно, не выкриками о вооруженном восстании и не «техническими подготовками» можно «сократить пути родов», а углублением и расширением народного сознания, пользуясь для этой цели наиболее полно всем тем, что дается самой жизнью.

Итак, самодержавное правительство стремилось и стремится примирить конституцию с самодержавием, пока не наступит такой благоприятный момент, когда возможно будет произвести полную реставрацию.

Однако все общественные условия явным образом шли против этой утопии и поэтому нет ничего удивительного, что такой простой и обаятельный для самодержавия план, как фальсификация представительного учреждения путем устрашенья, оказался мертворожденным.

Военно-полевые суды и все меры заушения и запугивания не оказали на народные массы того действия, какое ожидала от них самодержавная бюрократия.

Наоборот, жестокие преследования и разгромы всех тех общественных

групп, которые борются с самодержавием, вызвали в народных массах озлобление и ненависть. Эта политика углубила народное сознание и убедила народ, что с господством бюрократии мириться нельзя, что нельзя с ней входить ни в какие соглашения, что, наконец, в разговорах с ней может и должен быть один только язык, преподанный еще Ф. Лассалем: «рукой за горло и коленом на грудь».

Правительство вовремя поняло, что вся междудумская политика потерпела полный крах. И вот сознание, что вторая Дума может быть повторением первой, заставляет правительство кидаться из стороны в сторону в поисках за новыми спасительными мероприятиями.

Выборгское дело оттягивается под разными предлогами из опасения, чтобы народные массы не послали тех же депутатов и во вторую Думу. Первый департамент Правительствующего сената, существующий для того, чтобы в трудные минуты самодержавия изыскивать юридические лазейки для него, вступает в исполнение своих обязанностей.

Правительство вступило на путь «разъяснительной политики», которой оно держалось вплоть до государственного переворота 3 июня [1907 г.]. Мотивы тех или других «разъяснений» были совершенно прозрачны.

Правительству ненавистен рабочий класс как авангард революции и последовательный борец за народовластие. Следовательно, его представители, преимущественно социал-демократы, должны быть изъяты из Думы. Сказано – сделано. Сенат «разъясняет» избирательные права рабочих и зачисляет их в особую рабочую курию.

Пусть они там выбирают своих представителей социал-демократов-выборщиков. Но зато, во-первых, их будет численно меньше, и, во-вторых, в общей курии рабочие кандидаты будут лишены поддержки рабочих голосов. А кому неизвестно, что буржуазия не пойдет подавать свои голоса за представителей рабочих – социал-демократов?

Так просто был решен вопрос о недопущении рабочих представителей – социал-демократов в Госуд[арственную] думу. Но и на этот раз, как всегда, правящая бюрократия, не способная понимать весь смысл общественных отношений, ошиблась в своих расчетах. К ее ужасу, в Думе очутилось 65 рабочих социал-дем[ократических] депутатов вместо тринадцати в первой Думе.

Почему же это так произошло?

Дело в том, что мы живем в дни революции, дни, когда идет ожесточенная борьба за демократическую Россию против самодержавия. Поэтому там и в тех случаях, где и когда отсутствует на арене действительная, а не мнимая буржуазно-демократическая партия, вся мелкая буржуазия подает свои голоса за социал-демократию как за наиболее последовательную и прямолинейную из всех демократических партий. На Кавказе социал-демократия почти повсеместно, кроме культурно отсталых губерний, оказалась победительницей, и не только в рабочих, но и общих куриях, и во второй Думе получила восемь мест вместо пяти в первой. Такой колоссальный успех социал-демократии на Кавказе объясняется отсутствием сплоченной и последовательной

буржуазно-демократической партии[1].

Тактика социал-демократов-меньшевиков не отталкивала демократические слои общества от социал-демократии, а, наоборот, концентрировала вокруг нее, доказала свою полную жизненность.

В техническом отношении насаждение чисто демократических самоуправляющихся организаций в виде «мелкобуржуазного бюро» в городах и крестьянских организаций в деревнях оказало громадные услуги социал-демократии при выборах. Следует также заметить, что интернациональный характер социал-демократической организации, [ее] программы и тактики, не отвлеченный, а конкретный, имел и имеет громадное моральное влияние на Кавказе, где разноплеменное население и взаимная племенная вражда, провоцируемая правящей бюрократией, дает о себе знать на каждом шагу. Трудящиеся массы, освобождаясь от кровавого кошмара резни и научаясь сознавать единство интересов всех трудящихся, понятно, становились под знамя международной социал-демократии[2].

Туркестан также дал сплошь левых, причем такие крупные культурные центры, как Ташкент, Самарканд и Ашхабад, дали социал-демократических депутатов.

Я жил и работал в Туркестане и знал этот чудный край. О некультурности и политической незрелости этого края могут говорить или крупные невежды, или же черносотенцы, стоящие на высших ступенях общественно-политической лестницы. К сожалению, размеры этой брошюры не позволяют мне подробно остановиться на этом весьма любопытном и райском уголке обширной России. Скажу только, что наблюдателю бросаются в глаза две крайне интересные особенности в общественно-политических отношениях в этом крае. Туркестан – окраина, заселенная сартами, киргизами, туркменами и другими народностями монгольского происхождения. Русского элемента там сравнительно немного. И вот в то время, как на всех окраинах: на Кавказе, в Польше, Прибал[тийском] крае и т.д. – туземный элемент является ядром оппозиционных и революционных сил, в Туркестане как раз наоборот. Весь русский элемент, за исключением, конечно, бюрократических слоев и офицерства, сплошь настроен крайне оппозиционно или революционно.

Ядром рабочих организаций служат рабочие Среднеазиатской и Оренбурго-Ташкентской железных дорог. Освободительное движение быстро захватило почти весь Туркестан, и социал-дем[ократическая] организация, можно сказать, стала руководительницей этого движения. Русские поселения в Туркестане заселены переселенцами из России, элементом более или менее сознательным и, во всяком случае, враждебным старому режиму, заставившему их бросить родные поля и деревни и перекочевать в неведомый и чужой для них край. Это одна особенность. Другая же заключается в настроении армии.

---

[1] Тифлис и Тифл[исская] губ[ерния] во вторую Думу дали всех четырех депутатов социал-демократов, также и гор. Батум, тогда как в первой Думе и от Батума, и два депутата из Тифл[исской] губ[ернии] были частью кадеты, частью грузинские федералисты *(прим. А. Зурабова).*

[2] После целого ряда армяно-татарских погромов с особенной интенсивностью стали распространяться среди татарского населения края социал-дем[ократические] идеи. В настоящее время имеется на татарском языке даже литература и пресса *(прим. А. Зурабова).*

Самодержавное правительство в своих постоянных и неусыпных заботах о том, чтоб армию отвлечь от народных интересов и сделать ее орудием своей внутренней политики, перевозило в Туркестан новобранцев со всех других окраин, а также и из наиболее «беспокойных» губерний. У самодержавия все время было убеждение, что Туркестан «свой край», а следовательно, и единственное место, куда можно сплавлять «вредный» и «беспокойный» элемент[1]. Таким путем вся туркестанская армия больше чем на половину состояла из инородцев (армян, грузин, поляков и евреев) и «крамольников» из России[2].

При таких условиях становится понятно, почему в г. Ашхабаде в октябрьские дни ядром манифестаций были солдаты местного железнодорожного батальона и других частей, дефилировавшие по городу полным строем с музыкой и красными знаменами.

Мало этого. Волнения и захват крепости в гор[оде] Ташкенте 15 ноября 1905 г., солдатские «беспорядки» в Ашхабаде и Н. Маргилане летом 1906 г., полная невозможность для ген[ерала] Ульянина[3] опереться на железнодорожный батальон при закрытии железнодорожных мастерских в гор[оде] Ташкенте в июне 1906 г.[4] затрудняли и тормозили дело реставрации старого режима.

Таково настроение в Туркестане. Самодержавное правительство, отдав его на растерзание своим сатрапам, не имело никакого представления о нем. Зная только, что это окраина (следовательно, необходимо ее обрусить и бороться против «сепаратности» ее), самодержавие держалось по отношению к Туркестану той же политики, какую оно вело так для себя плачевно на всех других окраинах. Исходя именно из этой политики, самодержавное правительство удовлетворило желание местного чиновничества иметь русскому населению отдельных представителей в Госуд[арственной] думе[5]. Местное русское население не замедлило воспользоваться этими льготами и… послало в Г[осударственную] думу крайних левых. Совсем иные результаты получились бы, если бы выборы производились в общей курии. Местные туземцы, сарты, киргизы, хотя и стонут под самодержавным режимом, но, в силу своей некультурности, в душе своей хранят еще большую дозу азиатской покорности.

В настоящее время по закону 3 июня Туркестан лишен представительства.

---

[1] В этом случае самодержавие паки и паки доказало, что армия в его глазах есть орудие для порабощения народных масс. В противном случае странным и непонятным становится поручать защиту границы с Афганистаном «вредному и беспокойному» элементу *(прим. А. Зурабова).*

[2] Так, в наборе 1906 г. находились даже лица, раненные на баррикадах в Харькове, Екатеринославе и других городах. В настоящее время правительство с ужасом для себя увидело, что оно и этого единственного места лишилось, и выдвинуло на первую очередь вопрос о реформе состава армии. См. законопр[оект] «О недопущении полицейско-поднадзорных в армию» *(прим. А. Зурабова).*

[3] Начальник Сред[не]аз[иатской] жел[езной] дор[оги], ныне убитый *(прим. А. Зурабова).*

[4] Ген[ерал] Ульянин закрыл мастерские потому, что одним из рабочих был надет мешок на голову инженера Шкаловского. Спустя месяц ген[ерал] Ульянин стянул из Самарканда, Мерва и Ашхабада железн[одорожный] батальон в Ташкент, чтоб заместить им рабочих. Но солдаты стали явно выражать свое сочувствие рабочим и неудовольствие начальству. Так, когда подходил воинской поезд, еще за Самаркандом рабочие встречали солдат криками «ура» и пением марсельезы. Солдаты братались с рабочими и изъявляли свое сочувствие *(прим. А. Зурабова).*

[5] Этот проект принадлежит черносотенцу Граменницкому, директору народн[ых] училищ в г. Ташкенте *(прим. А. Зурабова).*

Одним взмахом пера громадный край объявлен некультурным и политически незрелым. Такой шаг сам собой понятен. На всех окраинах и в местностях со смешанным населением выделены особо русские курии, чтоб дать возможность пройти в Думу «истинно русскому» элементу. А Туркестан? В нем уже испробовано это средство, и оно дало там уже обратные результаты.

Итак, военно-полевое правительство должно было горько разочароваться в том своем предположении, что за социал-демократов будут подавать голоса только городские рабочие. Социал-демократия сумела стянуть вокруг себя мелкобуржуазные слои в городах и вошла во вторую Думу в пять раз большем количестве, чем в первую.

Самодержавное правительство «разъяснило», как известно, и крестьян. Но, кроме чисто объективных условий, в виде, например, земельного голода и ожесточения против правительства за роспуск первой Думы, как раз накануне разрешения аграрного вопроса, трудовая группа первой Думы, ее боевые выступления, были слишком обаятельны для крестьян, чтоб они могли легко отказаться от нее. Другая же народническая партия – эсеры, бойкотировавшие первую Думу, – сумели также пройти в Думу через свои, главным образом крестьянские, организации.

Результаты выборов оказались, таким образом, весьма плачевными для правительства[1]. Политика «успокоения» и «разъяснения», политика военно-полевых судов, виселиц, штыков и нагайки потерпела полное поражение.

Народные массы, сплотившись тесно под ожесточенными ударами разыгравшейся реакции, избрали левых и крайних левых и сказали им: «Идите в Думу и стойко защищайте народные интересы. Высоко держите знамя борьбы с самодержавной властью. Боритесь с ней, не уступая ей ни одной пяди из наших интересов. Пусть погибнете вы в этой борьбе, но за вашими спинами стоим мы, народные массы, и если мы в момент нанесения вам, нашим передовым борцам, последнего удара, не будем в силах защитить вас и одним мощным ударом раздавить старый режим, то это значит, что мы еще недостаточно окрепли и сорганизовались». Но в борьбе мы будем черпать себе силы, борьба и только борьба закаляет нашу волю и кристаллизует наши организации. В процессе борьбы мы сорганизуемся, может быть, и медленно, но твердо для окончательного штурма самодержавия. Так боритесь же стойко и храбро до конца!

Правительство потерпело еще раз поражение. Все его расчеты иметь послушную Думу, чтоб с ее помощью ввести в док для ремонта сильно накренившийся корабль самодержавия, разбились о твердую волю народных масс.

Казалось бы, что военно-полевому кабинету Столыпина, после того как его политика с разгоном первой Думы и междудумским периодом потерпела крах,

---

[1] Следует, разумеется, сожалеть, что выборы в первую Думу бойкотировались. Социал-демократы и трудовики возросли количественно, а с[оциалисты]-р[еволюционер]ы и н[ародные] с[оциалисты] были как новые фракции во второй Думе. Число кадетов убавилось. Не будь бойкота, можно было бы точно учесть, за чей счет возросли крайние левые, хотя и теперь можно почти с уверенностью сказать, что тактика кадетов, принятая ими после роспуска первой Думы: отказ от Выборгского воззвания, «красная тряпка» Милюкова, борьба с крайними левыми, подчас в умилительном, хотя и молчаливом единении и соглашении с правительством и обществ[енными] слоями, его поддерживающими, – все это при полевении страны должно было оттолкнуть избирателей от г[оспод] кадетов *(прим. А . Зурабова).*

оставалось только уйти на покой. Но это только казалось.

Самодержавие отличается всегда, с одной стороны, своей заносчивостью и самонадеянностью, а с другой, грубым невежеством и абсолютным непониманием сил, знаний и намерений своих противников, на которых оно «победоносно» наступает, и той обстановки, точнее говоря, объективных условий, в которых ему приходиться бороться.

Вспомните русско-японскую войну. Вспомните ту заносчивость, с какой самодержавие шло на японцев, то пренебрежение, какое оно оказывало своему «врагу». А результаты? «Презренные и невежественные макаки» победили «просвещенного» «колосса».

Самодержавие невежественно, самодержавие заносчиво и самонадеянно! И вот военно-полевой кабинет, подобранный, как нарочно, из всех имеющихся налицо бездарностей, остался у власти.

Стремление получить послушную Думу потерпело неудачу. Что ж! Можно попытаться и из этой левой Думы состряпать некоторое подобие послушного представительства. А если это не удастся, если Дума будет угрожать самодержавию тем, что проведет в жизнь принудительное отчуждение земли без выкупа, «обидит» 130 000 культурных... зубров, эту единственную опору умирающего режима, то можно ее разогнать. А дальше? Дальше видно будет! Вот квинтэссенция той политики, которой решили придерживаться русские государственные мудрецы. Теперь вопрос заключался в том, какими средствами из красной Думы слепить Думу покорную.

В Думе есть большая группа лиц (кадеты), которые, если верить их заявлениям, желают «законодательствовать». И вот необходимо «повлиять» на них, хотя вся их программа и расходится коренным образом с желаниями и стремлениями самодержавного правительства, но ведь существует «верхняя палата», состоящая почти сплошь из бюрократов. Она не даст осуществиться программе кадетской партии. Хотя можно точно также поступить со всякими решениями даже красной, непокорной Думы, но разница все же большая. Левые партии во всех своих требованиях слишком уж резко расходятся с даже «либеральными» течениями в сферах. Но это не так важно, важно то, что они являются партиями широких масс, их непосредственными руководителями. В то время, как за кадетской партией стоит городская средняя буржуазия, либеральные земцы и интеллигенция, левые партии руководили и руководят грозным движением широких масс. Как бы даже подчас крайни ни были кадетские стремления, как бы они ни расходились с настроением в «сферах», все же самодержавное правительство хорошо сознает, что только на гребне народной волны эти желания и стремления могут представлять грозную, реальную опасность для дальнейшего существования старого режима. Только массовое движение способно реализовать кадетские акции, а без него их цена также неустойчива; как и цена четырехпроцентной ренты самодержавной России. Вот почему левые группы, а из них, главным образом, социал-демократия, так глубоко ненавистны прислужникам старого режима, вот почему они вполне естественно видят в них своих грозных врагов. Левые группы в Думе действуют как фермент для организации масс вне Думы в целях дальней-

шей борьбы с самодержавием, чтоб довести революцию до ее логического конца, до полного уничтожения азиатских порядков, до полного народовластия. А пока революционная волна отхлынула, пока народные массы укрепляют свои позиции и в процессе повседневной борьбы организуются и закаляют свою волю, программы таких партий, как кадетская, не могут ни в каком случае реализоваться. Этого мало. Сама эта «партия» лишена своей единственной базы – движения широких общественных слоев.

Из «общественного мнения», которое «создают» кадеты в средне-буржуазных слоях, шубы не сошьешь. Вся история нашего освободительного движения есть лучшее доказательство, что всякая оппозиция является совершенно бессильной в смысле творческой положительной работы, раз нет той народной массы, которая, борясь, как реальная сила с самодержавием, очищает почву и открывает пути для такой работы.

Поэтому громадную политическую ошибку совершают политические партии, вроде наших кадетов, объявляя войну тем самым силам, которые дали им не отвлеченную, а конкретную возможность занять позицию – Думу. Не следует никогда забывать одну истину из военной тактики, что важно не только взять у неприятеля позицию, но и укрепить ее, а для укрепления ее нужна армия, борющаяся реальная сила, которая может во всякий момент защитить позицию от новых посягательств неприятеля. А раз нет почему-либо этой силы на позиции, нужно ее стягивать, а не отворачиваться от нее и обрекать себя на полное бессилие и, в лучшем случае, на бесплодное топтание на одном месте.

Правительство знает это хорошо. Оно знало, что кадеты думают обновить Россию посредством Думы, отвернувшись от тех, которые шли в авангарде при взятии этой позиции. Правительство видело ясно, что кадеты цепляются за Думу, видя в ней единственное средство спасения России от анархии. Зная и видя все это, также и то, что армия, способная защитить эту позицию, в данный момент отхлынула, правительство в лице Столыпина решило держать кадетов под постоянным страхом роспуска, желая тем самым если не взять их целиком на буксир, то, по крайней мере, перебросить между собою и ими временный мостик.

Извлечение публикуется по изданию:
Зурабов А.Г. Вторая Государственная дума:
(Впечатления): с прилож. некоторых речей
и резолюций с.-д. фракции. СПб., 1908. С. 10–19.

БОРИС КОЗЛОВСКИЙ

НА РАБОТЕ В 1906 г.
(Из воспоминаний)

Избирательная кампания в Николаевске в 1906 году

Когда я приехал в Николаев, то здесь, в Ник[олаевском] комитете, было засилье меньшевиков. Лидерами их были Самуил Букерман и Александр Линков (кличка «Борис»). Из четырех районов один – «заводский» – был целиком в руках меньшевиков, два – «портовый» и «жел[езно]дорожный» – наши, «городской», возглавляемый Анной Штейнман и Ниной (забыл фамилию), – тоже как будто наш. Наша публика за меня ухватилась и настойчиво требовала, чтобы я остался в городе, так как при небольших усилиях меньшевиков можно было бы вышибить, для этого только нужны были люди. Я остался организатором портового района. В порядке дня стояли избирательная кампания во вторую Думу, соглашение с кадетами и организация газеты. Вопрос об участии в выборах не возбуждал споров. Началась кампания внутри организации. Большевистская часть организации была исключительно рабочей, большевиков-интеллигентов в то время в Николаеве не сохранилось. Активными работниками были рабочие: Ефимов Митрофан, Петр Волков, Денис Ильин, Иван Грабов, Филипп Андреев, Даниил Королев, Михаил Никитин, Михаил Щеглов, Виктор Тищенко, братья Петровы и еще несколько. Была созвана общегородская конференция, которая должна была решить два основных вопроса: о соглашении с кадетами и о соглашении с Бундом. Бундовская организация после Стокгольмского съезда продолжала существовать совершенно самостоятельно, как было и до съезда. На соглашение они шли при условии создания федеративного избирательного комитета и наименования его «Объединенный избирательный комитет Р.С.-Д.Р.П. и Бунда». Требование это было ультимативное. По численности на конференции большинство было за нами, правда, с городским районом. Первый вопрос был о соглашении с кадетами. Прения были весьма бурными, меньшевики все время козыряли «черносотенною опасностью» и доказывали, что пока нам с кадетами по пути. Мы им всыпали за это изрядно. Все дело испортили «большевики из городского района», как их потом окрестили. Выступившие от городского района тов[арищ] Штейнман и тов[арищ] Нина поддержали в этом вопросе меньшевиков. Наши ребята рвали и метали. Такого предательства мы не ожидали. Меньшевики торжествовали.

По второму вопросу также одержали победу меньшевики при поддержке того же района. Да он и был предрешен уже первым голосованием... После конференции мы созвали свое фракционное собрание, на котором решили участия в объединенном избирательном комитете и его органе не принимать и всю свою работу сосредоточить в рабочей курии, в адмиралтействе и ж[елезно]д[орожных] мастерских... Вскоре состоялось заседание объединенного избирательного комитета, в который вошли я, Букерман и один бундовец. На заседании я заявил решительный протест против неподчинения Бунда партийной дисциплине, подчеркнул позорную роль в этом вопросе николаевских меньшевиков, которые игнорируют решения Стокгольмского съезда, на котором они же задавали тон, поддерживают бундовский сепаратизм и т.п., а в конце заявил, что вследствие всего вышеизложенного выхожу из состава комитета. Этот комитет сыграл в кампании весьма жалкую роль и вся его деятельность свелась к выпуску нескольких нумеров газеты «Борьба». Соглашение с кадетами так и не состоялось, потому что кадеты больше одного места из четырех не давали. Кроме того, этот объединенный комитет никак не мог подыскать кандидата, и дело кончилось тем, что накануне выборов им была выпущена листовка с предложением всем избирателям вычеркивать кого-либо из кадетского списка, вписывать кандидата объединенного комитета и в таком виде голосовать за трех кадетов и одного бундо-меньшевика. Забыл фамилию кандидата, это был какой-то внепартийный с.-д., когда-то работавший в николаевской организации. По рабочей курии после предварительной работы мы выставили по адмиралтейству в качестве уполномоченных Михаила Никитина и Таранина (впоследствии с.-р., а потом провокатор). Они согласились на опубликование их фамилий в специальной листовке от имени организации; листовка была выпущена, и оба они прошли в уполномоченные подавляющим большинством. Железнодорожные мастерские тоже дали большевика, заводский район дал двух меньшевиков. Вскоре нас «ликвидировали». Дело наше вел начальник николаевского охранного отделения Ерандаков, который во времена Керенского играл какую-то роль в питерской контрразведке. Мне он предъявил обвинение в организации выборов в Государственную думу. Когда я спросил, какой статьей уголовного уложения это «преступное деяние» предусмотрено, то он заявил, что это, конечно, чепуха, что ему известно, что я с.-д. и он меня вышлет в Вятскую губернию. Тем мой допрос и кончился. День опубликования результатов выборов (прошли по городу кадеты) совпал с нашим отправлением в ссылку, но не в Вятскую, а в Вологодскую губернию. Дабы подчеркнуть силу власти, нашу группу арестованных, вопреки инструкции, провели по главным улицам города. Высланы были: я, Букерман, Михаил Востров (м[еньшеви]к), Тараненко-Брюмер (б[ольшеви]к), Д. Кокорев (б[ольшевик]), Анна Штейнман (б[ольшевик]) и еще несколько человек. Я попал в Усть-Сысольск в феврале 1907 года, получил одежные деньги и сбежал в Кострому.

Извлечение публикуется по изданию:
Козловский Б. На работе в 1906 г. (Из воспоминаний) //
Пролетарская революция. 1922. № 12. С. 177–179.

ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КОТОВ

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РАБОТА В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В 1906–1907 гг. В ПЕРИОД ВЫБОРОВ ВО II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Составление списка кандидатов в выборщики и предвыборная агитация

Вопросы об участии во II Думе, о рабочей курии по Екатеринбургу были выяснены, пришлось уже обсуждать проведение предвыборной и выборной кампании по городской курии. Все говорило за то, что нам надо дерзать – успех будет. Никаких соглашений ни с кем – вот что нам диктовалось всем ходом событий.

Решение конференции было правильно, и оно оставалось в силе – мы выступаем по городской курии самостоятельно со своим полным списком кандидатов в выборщики. Екатеринбургу полагалось выбрать 13 выборщиков. Итак, вслед за окончательным решением выступить со своим списком кандидатов встала следующая трудноосуществимая задача – выставить в списке наивозможно более популярных кандидатов, дабы иметь верный успех. Это было нелегко осуществить, потому что для участия в выборах по городской курии надо было иметь имущественный ценз, к примеру, такой: квартиру с отдельным ходом и особой кухней или очагом для изготовления пищи или иметь личное промысловое свидетельство и т.п.

Ну, а ведь насчет имущественных цензов у нашей братии всегда было, как говорят, «очистила пречистая». Пришлось пуститься на всякие натяжки и махинации. Тов[арищ] Назар[1] на заседании комитета подал идею о том, чтобы ему лично, как избирателю, принять участие в избирательной кампании, попытавшись легализоваться и приобрести, если удастся, избирательный ценз. Комитет, обсудив, нашел весьма желательным осуществить идею т[оварища] Назара. Комитет считал, что участвовать в выборах с фальшивым цензом вполне допустимо, и даже готов был бы провести в Государственную думу и нелегального. Выставить в списке кандидатуру т[оварища] Назара значило бы наверняка завоевать лишние голоса. Мы считали, что важно собрать голоса за свой список и тем самым победить другие партии, пусть даже потом расшифруют наших кандидатов – в гла-

[1] Назар – Николай Никандрович Накоряков – большевик, член областного и председатель екатеринбургского городского комитета РСДРП, литератор, пропагандист.

зах массы мы только выиграем от этого. Итак, было решено действовать. В этот раз вопрос о других кандидатурах не решался, так как нужно было обсудить еще очень существенный и решающий вопрос во всей этой кампании. Это был вопрос о деньгах. Избирательная кампания при всей нашей изворотливости и бесплатном использовании сил и т.д. требовала все же немалых, сравнительно, средств. Такие средства при всем напряжении сил Екатеринбургский комитет сам найти не мог. Некоторая надежда была на областной комитет. Деньги удалось получить от уфимских боевиков – 25 000 руб[лей][1], и наша финансовая комиссия в лице т[оварища] Конюхова добыла несколько тысяч. Это помогло нам с честью провести избирательную кампанию. Тов[арищ] Назар, чтобы легализоваться, поехал в Тобольскую губ[ернию] к отцу. За взятку в 25 руб[лей] ему удалось получить свой прежний настоящий паспорт.

Ценз тоже удалось получить. Приказчики магазина «Перец» обработали купца Мендельсона, и он согласился зачислить т[оварища] Назара задним числом приказчиком упомянутого магазина по его настоящему паспорту и выдал ему удостоверение в этом, на основании которого т[оварищ] Назар внес промысловый налог в размере 15 рублей, кажется, за год назад и тем самым приобрел избирательные права.

Тов[арищу] Герасиму тоже пришлось внести промысловый налог за такой же срок, как служащему в Обществе горных техников, дабы иметь избирательные права, так как он тоже был намечен кандидатом в выборщики.

Тов[арищ] Чердынцев, тоже внесенный в наш список, колебался вначале, несмотря на то, что был занесен в списки избирателей самими властями. Он находил, что не имеет избирательного права, т.к. самостоятельный очаг (печка) у него был в неисправности и давно он им не пользовался и что потому он будет раскрыт. Но в конце концов т[оварищ] Чердынцев согласился. Первым в списке кандидатов от С.-д. партии шел т[оварищ] Назар под именем Николая Никандровича Накорякова; вторым – т[оварищ] Герасим под именем Светлосанова и т[оварищ] Чердынцев. Надо было подобрать еще 10 кандидатур… Пришлось искать еще. Избирательный закон позволял рабочим отказываться от участия в выборах по рабочей курии в том случае, если у рабочего имелся избирательный ценз, если рабочий занимал, скажем, самостоятельную квартиру. Мы решили выставить кого-нибудь из обладающих цензом рабочих в списке кандидатов по городу, отказавшись от участия в выборах по рабочей курии. Но и здесь мы нашли немногих, да и то не партийцев, а только сочувствующих нам и надежных в том смысле, что за нас они везде будут голосовать.

Трудность отыскания и подбора кандидатур натолкнула комитет еще на один выход из положения. Для того, чтобы иметь полный успех среди приказчиков, контингент избирателей которых был очень большой и среди которых было значительно влияние эсеров, мы решили взять в список одного эсерствующего приказчика и одного беспартийного с обязательством, что они нас будут поддерживать на выборах.

---

[1] По свидетельству т[оварища] Назара деньги были от совершенной еще до Стокгольмского съезда экспроприации и сохранялись для нужд партии *(прим. Г. Котова).*

Итак, получился список кандидатов в выборщики от Соц[иал]-дем[ократической] партии следующий: Накоряков Н.Н. (профессиональный партийный работник), 2) Светлосанов Э.А. (секретарь Общества уральских горных техников и секретарь Екатеринбургского комитета), 3) Бартенев (типографский рабочий-партиец), 4) Ушаков (служащий товарной биржи – партиец), 5) Петров (конторщик Русского транспортного и страхового общества – партиец), 6) Чердынцев (публицист, социал-демократ), 7) Полузадов (домашний учитель – партиец), 9) Бобков (плотник) и 10) Скурихин (сапожник). Сочувствующие: 11) Кибардин (железнодорожный врач), 12) Михаэлис (эсерствующий приказчик) и 13) Банников (приказчик беспартийный). Нам пришлось несколько отступить от своих предварительных решений и составить компромиссный список кандидатов, но все же он был самостоятельным и без соглашения с другими партиями. Но этот список не был опубликован по полицейским причинам почти вплоть до конца выборов (был опубликован лишь за два-три дня до выборов)[1].

Организованная нами легальная «Уральская газета» нас не удовлетворяла именно потому, что она была легальной. Поэтому с выпуском легальной газеты мы не оставили своей подпольной печати и продолжали обслуживать себя нелегальными изданиями и даже наладили нелегальную газету «Уральский рабочий».

Рабочие предприятий не только не охладели к нашей нелегальной печати, но еще с большей жадностью ее принимали.

«Техника» наша была примитивная. Печатать целую газету в ней было почти невозможно, поэтому мы печатали ее в чужой, частной легальной типографии с ведома хозяина, но за денежное вознаграждение. Печатали наши ребята – большевики, все было шито-крыто, в случае провала условлено было хозяина выгородить. Такой типографией «нашей» была типография Алексеева, а одним из рабочих большевиков ее был Алексей Иванович Бартенев.

Наборщики из подпольной «техники» были обречены на пребывание в квартире типографии почти безвыходно.

Обычно для непосредственной связи с «техникой» выбирали людей вне всяких подозрений. Из «техники» непосредственно литература шла на склад, т.е. тоже на конспиративную квартиру, оттуда уже брали ее для районов.

Помню, такой оптовый склад литературы находился в квартире Бычковых. Сам я там не раз бывал и забирал для своего района известную долю литературы. Ее было очень много и в кипах, и в мелких пакетах. Разбирали и сортировали литературу, выдавали литературу из склада т[оварищи] Аня и Маруся Бычковы. Чтобы меньше бросалось в глаза и не привлекало внимание шпиков, рекомендовалось выносить литературу не пакетами и свертками в руках на виду, а прятать под пальто так, чтобы нельзя было заметить, что человек что-то несет. Делалось это так: человек обкладывался кругом равномерно, как широким поясом, литературой и затягивался ремнем, а для бóльшей гарантии и брюки застегивались поверх литературы.

В Екатеринбурге издавался еще с.-д. журнал «Уральское дело». Издавался он

[1] Тов[арищ] Назар вспоминает, что этот список в количестве 10–15 тысяч напечатан был тоже захватом в легальной типографии *(прим. Г. Котова).*

т[оварищем] Чердынцевым. Последний занимался публицистикой и не был связан какими-либо обязательствами с местной организацией.

Журнал его, помнится, выходил раз в две недели. Тов[арищ] Чердынцев никому и ни в чем не подчинялся и никакой устав для себя не считал обязательным. Поэтому и журнал у него выходил с его собственной выдержкой. Но надо, однако, отдать справедливость: иногда в этом журнале печатались дельные статьи. Тов[арищ] Чердынцев был довольно образованным марксистом. Он был не меньшевик и не большевик: его под эти мерки подогнать нельзя было. Журнал охотно читали и рабочие. И мы признавали его пользу в некоторых отношениях, а потому и не вели против него кампании.

Так обстояло дело с печатью.

Январь–февраль 1907 г. были наиболее плодотворными в нашей работе. Мы росли и вширь, и вглубь быстрым темпом. Те, которые до сих пор только сочувствовали и содействовали нам, стали членами партии и активными работниками в организации, а они обрастали большим количеством новых сочувствующих и содействующих. В тех же квартирах, где жила наша публика, крамолой заражались сплошь все, да так прочно, что и вытравить заразу нельзя было…

Предвыборные собрания

Предвыборная агитация стала переходить со страниц печати на предвыборные собрания. Этот момент в агитации был особенно важным. От того, как мы себя проявим и покажем на открытых и закрытых предвыборных собраниях, пожалуй, в конечном счете и зависел наш успех. Поэтому мы все сделали для того, чтобы иметь в нашем списке кандидатов хорошего агитатора и оратора, который выступал бы где только можно и тем самым популяризовал весь наш список. Ведь только из-за таких целей мы и легализовали такого крупного нелегального работника, как т[оварищ] Назар. Легализовав его, мы тем самым открыли и сделали доступным его для полиции и жандармерии. Необходимо было иметь еще нескольких товарищей – ораторов на предвыборных собраниях. Так как из местных товарищей трудно было подобрать необходимых ораторов без создания опасности вызвать преследования полиции, уральский обком применил очень полезное мероприятие, выручавшее и др[угие] организации в предвыборной кампании – обмен работниками.

Обком вызывал кого-либо из пермских работников в Екатеринбург, тот приезжал к указанному сроку, и его выпускали оратором на предвыборном собрании. После выступления при первой же возможности он из Екатеринбурга исчезал. Вместо него в Пермь таким же порядком посылался кто-либо из екатеринбургских работников.

Таким образом, в Екатеринбурге перебывало за время предвыборной кампании несколько пермских партийных работников, например, т[оварищи] Сибиряк, Игнат, Артем. Возможность таких смелых и открытых выступлений нужно было подготовлять, с налета этого делать было нельзя. В чем же состояла подготовка? А вот в чем: нужно было умело провести на собрание оратора, так как это были

всегда закрытые для избирателей собрания – снабдить его избирательным документом, дававшим право на вход и на выступления.

Бóльшей частью на собрании присутствовал и действительный владелец документов, приходивший обычно первым, а затем его пропуск передавали приезжему, и тот тоже проходил. Эти проделки нам удавались потому, что мы встречали сочувствие к нам в массах. На собраниях мы создавали нашему оратору сочувствующую среду и охрану. А после выступления надо было товарища сплавить незаметным образом через боковые или задние выходы, чтобы его не арестовали или не проследили. Каждый раз надо было приемы менять.

Выступать приходилось против кадетов, мирнообновленцев, черносотенцев и октябристов. Среди всей этой братии были известные имена, как, например: Доброхотов, адвокаты Мамин и Кромберг, нотариус Ардашов, инженер Кроль, врач Спасский и др. И тем не менее, мы им не уступали.

Ораторы наши всегда имели успех. Особенно был популярен т[оварищ] Назар, и его постоянно встречали и провожали громом аплодисментов. Популярность социал-демократов значительно выросла. Куда ни придешь, где ни послушаешь – разговоры везде о социал-демократах. Так обстояло дело в городской избирательной курии. За рабочую курию мы были спокойны. Там у нас конкурентов не было, даже эсерами не пахло; тем не менее мы здесь вели серьезную работу.

Агитация велась за активное участие в выборах, попутно разоблачались попытки правительства изменить и без того куцый избирательный закон. Имен же кандидатов и здесь нельзя было выставить до самого последнего момента, так как их обязательно арестовали бы до выборов.

Екатеринбургский комитет заблаговременно наметил кандидатов в уполномоченные по рабочей курии. Согласно закону, в Екатеринбурге можно было выбрать по одному уполномоченному только от трех предприятий: завода «Ятес», железнодорожных мастерских и Верхне-Исетского завода, а остальные предприятия не имели достаточного количества рабочих на право выборного уполномоченного.

Комитет выдвинул от завода «Ятес» кандидатуру т[оварища] Ордина, пользовавшегося значительным авторитетом на заводе. От железнодорожных мастерских выдвинули кандидатуру т[оварища] Гладких. От Верхне-Исетского завода выставили т[оварища] Михайлова. Если бы т[оварищ] Михайлов не был слаб насчет выпивки, то его кандидатура была бы самой желательной из всех вплоть до выставления в Государственную думу.

Это был развитой, авторитетный на заводе рабочий с большим производственным стажем. Рабочий горячего цеха, у него было красное лицо, сгоревшее и лупившееся, руки были как крюки, пальцы со специфическими наростами и во все стороны исковерканные. Это был чрезвычайно ярко выраженный тип промышленного рабочего, искалеченного капиталистическим производством. Его можно было бы прямо демонстрировать в Государственной думе, но все дело портила его склонность к выпивке.

После долгого раздумья комитет решил рискнуть и утвердил кандидатуру т[оварища] Михайлова.

Репрессии, пережитые «Уральской газетой»

Начав издавать «Уральскую газету», мы с первого дня издания были готовы к возможным репрессиям. Мы не хотели поступаться марксистскими принципами и из-за цензуры говорить эзоповским языком, не всегда доступным для массовика. Правда, иногда, в крайних случаях, приходилось поступаться простотой изложения, газета всегда давала принципиальные статьи, здесь компромиссов не делалось. Несмотря на все принятые меры, газета всегда выходила с плешинами – ненапечатанными местами. Но от этого мы вряд ли проигрывали, так как пустые места красноречивее всего говорили о свирепой цензуре. Эти пустые места как бы агитировали за нас, и газета наша поэтому только больше раскупалась и распространялась. Иногда цензор долго задерживал некоторый материал и, вернее всего, сознательно задерживал выход газеты, тогда газета печатала это без предварительной цензуры. В таких случаях номер конфисковался, но нам удавалось организовать дело так, что конфискация приходила тогда, когда газета уже вышла, распространяется газетчиками и разносчиками, и заводы успевали ее получить. Полиции удавалось конфисковать только жалкие остатки.

Из окружных заводов и городов требования и заявления на газету были на сотни и тысячи экземпляров.

Кроме конфискации отдельных номеров, газету еще штрафовали, а потом и совсем прихлопнули, арестовав и юридического, и фактического редакторов. Тов[арищ] Михайлов был привлечен к судебной ответственности по статье уголовного уложения «о возбуждении к ниспровержению существующего строя». Тов[арищу] Луганскому этой статьи не было предъявлено, но их обоих держали в тюрьме.

Существование нашей газеты было недолговечно. Тем не менее газета сыграла важную роль.

Выходила она не ежедневно, а по мере нашей подготовки газетного материала. Всего нам удалось выпустить четыре номера. Но я не думаю, что вышедшие четыре номера «Уральской газеты» лучше всяких прокламаций и агитационных речей пробудили живой интерес к вопросам политики, как это считает т[оварищ] Чердынцев в своей статье «Два момента» в сборнике воспоминаний «Из прошлого. 1903–1905 гг.».

Четыре номера «Уральской газеты» сделали то, чего не сделали и не могли сделать наша нелегальная печать и речи наших агитаторов в смысле пробуждения интереса у масс к вопросам политики. Но заменить нелегальную печать и нелегальных агитаторов наш легальный орган никак не мог, а иначе незачем было бы и создавать и вести подпольную работу.

Что сталось с т[оварищем] Михайловым, я не знаю. Тов[оварищу] Якову Луганскому обвинения в связи с газетой так никакого и не предъявили, но открыли, что он нелегальный, за что и предъявили ему обвинение в проживании по чужому паспорту. Его вскоре освободили под поручительство, кажется, Конюхова. Жить же в Екатеринбурге до суда не позволили, и он уехал в Нижний Тагил, дожидаясь суда за проживание по чужому виду. Дали ему за это не то две недели, не

то два месяца ареста.

Так началась и кончились история с нашей легальной «Уральской газетой».

Выборы

Весь январь шла у нас лихорадочная подготовительная работа к выборам. Многих пробудили мы от обывательской спячки и вовлекли в водоворот общественной жизни. Больше того, мы сумели еще завоевать сочувствие и голоса за наш список. Это и показали выборы. Перед выборами было ясно, что голосование за наш список пройдет в нашу пользу. Хотя мы избирательной кампанией преследовали больше всего цель агитации и организации масс и организации революции, но не отказывались и от мест в Думе.

Поэтому ко дню выборов решено было тоже мобилизоваться. Наш список кандидатов в выборщики только за 3–4 дня до выборов был объявлен на одном нашем так называемом беспартийном избирательном собрании, а затем он был отпечатан нелегально в виде листков и широко распространен. Кадетская газета после этого тоже соблаговолила его напечатать. Тов[оварищу] Семену удалось достать пустые избирательные бланки, которые мы заблаговременно ночами заполняли нашими кандидатами.

Роли между товарищами тоже были распределены: одни должны были неподалеку от избирательной урны сидеть в кофейной, пивной или чайной за столиком и быть готовыми заполнить в случае надобности пустой избирательный бланк нашими кандидатами, другие – встречать избирателей на дороге и толковать с ними о выборах, узнавать, за кого собираются голосовать и вербовать их в наши избиратели, а третьи – смотреть, не подстраиваются ли черносотенцами какие-нибудь незаконные махинации. В день выборов уже рано утром все товарищи оказались на своих местах. Выполняя роль организатора этого дела, я обходил все пункты нашей деятельности, наши посты.

Любопытны отдельные сценки. В одном месте товарищ, сидя за столиком с избирателем, объясняет ему, почему надо голосовать за список социал-демократов, и рассказывает отдельно о каждом кандидате; рядом товарищ тоже сидит с избирателем и заполняет его избирательный бланк нашими кандидатами. На улице – вижу – стоят трое: подхожу ближе, слышу, идет спор – наш паренек говорит: «Да, в списках с.-д. нет инженеров, адвокатов и нотариусов, а есть только образованные служащие, учителя и рабочие, но только им и можно доверить защиту наших интересов» и проч[ее]. А ему другой, бородач, отвечает: «Да что это за список, когда в нем неизвестно кто выставлен, не то приезжие какие, не то без определенных занятий, или такой, которого и своя-то улица не знает. Другое дело, вот список Союза русского народа – в нем все кандидаты известные люди и постоянные здешние жители, которых мы знаем и с которых можно спросить. Они не уедут и не уйдут от нас». А третий только слушает. Подойти и вмешаться в разговор нельзя, так как полиция следила за тем, чтобы никаких сборищ не было. Иду дальше, вижу – идет товарищ и беседует, должно быть, с избирателем, потом они остановились, товарищ дает ему заполненный бланк, тот читает, потом кла-

дет его в карман, товарищу отдает свой бланк и расходятся.

Погода в этот день стояла мягкая, градусов 6–8 ниже нуля. Целый день пришлось провести за описанным выше занятием. На улице можно было разговаривать только с одиночками. В кофейной же и пивной беседовать удавалось и с двумя, тремя лицами, сидя за столиком. Конкурентами нашими в этой агитации были только черносотенцы – Союз русского народа. Они, как и мы, тоже ловили на дороге избирателей и «обрабатывали» их. Однако мы вряд ли много потеряли и из-за этих конкурентов, так как сами при всех подходящих случаях маху не давали и разоблачали черносотенных кандидатов, что называется дочиста. Поэтому вряд ли кто из сомневающихся склонялся на их сторону, скорей наоборот – из намеревавшихся голосовать за них некоторых мы привлекли к себе; сочувствие мы встречали со всех сторон и в этот день мы завоевали не одну сотню голосов за социал-демократический список.

В течение всей предварительной кампании мы смело и рискованно действовали во всех направлениях, а в день выборов выступали на глазах у всех и агитировали словом и делом за социал-демократический список. Все это сходило безнаказанно, так как мы пользовались широким сочувствием и, действуя в этой благоприятной обстановке, мы не проваливались.

Но вот, наконец, стали известны и результаты выборов по городу Екатеринбургу. Наш список кандидатов в выборщики целиком прошел. Все 13 мест, предоставленные Екатеринбургу, достались социал-демократическому списку. Без всяких соглашений и без всяких блоков мы участвовали в предвыборной и выборной кампании и имели полный успех.

Партия, находящаяся в глубоком подполье, вышла победительницей. Полнота успеха превзошла наши ожидания. Ведь мы агитировали и завоевывали избирателя средствами честными, хотя и не всегда законными с точки зрения закона о выборах в Думу. Мы вынуждены были это делать потому, что были в подполье. Мы, подпольная партия, выступали одни против всех и победили. Против нас выступали все остальные легальные партии и провалились.

Другие партии такой неожиданностью были обескуражены. Кадеты просто недоумевали и растерялись. Первое время в своей печати они не знали, что сказать по поводу такого «скандала». Им стыдно было сказать о своем провале, имея на своей стороне все преимущества, а мы, преследуемые и гонимые, без громких имен в нашем списке, победили. И только потом уже они собрались с духом и начали обливать нас всякими нечистотами. Черносотенцы в большей мере сохранили самообладание, бессильно злобствуя по случаю неожиданного исхода.

Поводов отменить выборы никаких не было. Но взять реванш хотелось и черносотенцам и либералам. Начались поиски поводов и придирок к отдельным нашим товарищам, прошедшим в выборщики. Стали с позволения начальства или даже по приказу его проверять у них избирательный ценз и нашли, что Накоряков незаконно присвоил себе избирательный ценз, что Светлосанов не имеет законного избирательного ценза и Чердынцев также, поэтому они все трое отводятся из числа прошедших в выборщики, а вместо них проходят кандидаты других списков, получивших большинство голосов. Таковыми оказались кадетские кан-

дидаты: инженер Иванов и адвокаты Кромберг и Мамин. Кадеты воспрянули духом. Все же и они три места получили. А то, что эти места они завоевали не на выборах, а благодаря своим проискам и стараниям полиции, жандармерии и черносотенцев, да и то после выборов, путем произвола, об этом они умалчивали.

Зато о нас, как о позволивших себе «незаконно» воспользоваться избирательным цензом, они на страницах своих газет писали немало. Но все это было в порядке вещей по тогдашнему времени. Вот каковы были результаты нашего участия в выборах во II Государственную думу. Но местам в Государственной думе мы придавали третьестепенное значение. Главной же нашей задачей было организовать массы вокруг предвыборной и выборной кампании, организовать революцию для уничтожения Государственной думы – вот что мы преследовали. В этом отношении успех мы имели. Организация росла и крепла. Влияние ее распространялось очень широко, да и вглубь мы пускали немало корней. Как я уже отмечал, мы пользовались большим сочувствием, и именно этим объясняется то, что мелкобуржуазный и мещанский обыватель бóльшую часть своих голосов отдал нам.

Тов[арищ] Чердынцев в своей статье «Два момента» пишет: «Кроме некоторых слоев населения, голосовавших за с.-д. список, все прочее городское общество возмущалось избранием Петрова в законодатели: «Нашли кого выбирать! – говорили везде, где речь зародила о выборах. – Какой-то конторщик, ну и законодатель!». Значительная часть демократии была также недовольна. В ее глазах авторитет С.-д. партии вновь пал – после исключения трех социал-демократов из списка выборщиков. «Раз у людей нет ценза, зачем же партия выставляла их кандидатуры? – слышались возмущенные голоса. Это называется мошенничеством. Партия скомпрометировала себя, и в другой раз мы за нее голосов не подадим».

Это, по меньшей мере, сильно сказано т[оварищем] Чердынцевым. Если к числу «всего прочего городского общества» отнести только всю цензовую знать, а к «некоторым слоям населения» всех остальных, то с т[оварищем] Чердынцевым можно было бы согласиться. Но мне кажется, что т[оварищ] Чердынцев с таким подразделением не согласится, поэтому приходится сказать об этом еще кое-что. То, что крупные цензовики были недовольны т[оварищем] Петровым как законодателем, это понятно, в этом мы согласны с т[оварищем] Чердынцевым. Мы не считались и с этим. Но версию о недовольстве значительной части демократии и о падении авторитета Социал-демократической партии, который, якобы, подорвало исключение трех наших товарищей из списка выборщиков, т[оварищу] Чердынцеву не иначе, как кто-то из тех же высоких цензовиков внушил, так как в действительности это ни на чем не основанное заявление. Кто не знал, что социал-демократов арестовывают и всячески преследуют? Все знали также, что и с выборщиками социал-демократами могут поступать так, как вздумается начальству. Исключение наших товарищей из списка выборщиков явилось подтверждением того, что мы говорили перед выборами и на выборах и послужило как бы агитацией за нас после выборов. Это приходилось слышать и чувствовать во всех демократических слоях. Для нас это было и важно, и ценно.

Выборы уполномоченных по рабочей курии

За этот участок мы были спокойны, но агитацию за наши кандидатуры мы вели конспиративно и до выборов. Огласили же их только в день самих выборов. Порядок выборов уполномоченных по рабочей курии был иной, чем по городской. На собрании рабочих предприятия, имевшего по закону право избирать уполномоченного, официально являлся представитель полиции и объявлял, что собравшимся предстоит выбрать уполномоченного на губернское собрание, а уполномоченные, съехавшись со всей губернии, выберут выборщиков на губернское собрание, последние уже выберут депутатов в Государственную думу. После этого разъяснения собрание приступало к избранию председателя. Наши ребята в это время выкрикивают намеченную фамилию, голосуют – прошла. Избранный занимает место председателя. Затем обычно брал слово намеченный нами кандидат и произносил короткую речь, в конце которой призывал выбирать стойких за рабочие интересы людей. Ему аплодировали. За ним кто-либо еще говорил из наших ребят, выступали и беспартийные. В посторонних партийных агитаторах здесь нужды не было. Затем председатель приглашал наметить кандидатов. И в этот момент наши ребята дружно выставляли намеченную кандидатуру. Других кандидатур никто не выставлял. Подавляющим большинством голосов она проходила и собрание кончалось. Избранный получал все официальные удостоверения и бумаги от администрации предприятия, от которого он выбран, и от полиции. Таким порядком были избраны три товарища: на заводе «Ятес» т[оварищ] Ордин, в железнодорожных мастерских – т[оварищ] Гладких и на Верхнеисетском заводе – т[оварищ] Михайлов.

Губернская кампания вокруг съездов уполномоченных и выборщиков

По окончании избирательной кампании по городской и рабочей курии на первой стадии нужно было заняться столь же интенсивно работой на следующей стадии кампании – на губернском съезде уполномоченных от рабочих и на съезде выборщиков от всей Пермской губернии.

Прежде всего нужно было овладеть съездом уполномоченных от рабочей курии. В Пермской губернии помимо заводов в Перми и Екатеринбурге было еще очень много заводов и рудников, разбросанных по всей губернии. В то время своей работой и влиянием мы далеко не охватывали всех рабочих центров. Наша работа в округах тогда была сравнительно слаба, а местами она и совсем не велась. Поэтому и выборы уполномоченных на местах по губернии не дали тех результатов, какие имелись в Перми и Екатеринбурге. Состав уполномоченных из губернии был очень пестрый; в некоторых заводах имело место влияние эсеров, поэтому и уполномоченными оттуда были эсеры, на многих заводах прошли просто беспартийные. Этот пестрый состав уполномоченных, съехавшихся на губернский съезд для избрания выборщиков, необходимо было обработать. С этой целью мы провели предварительно работу с уполномоченными социал-демократами. Легально и нелегально обработав и сорганизовав их на партийно-

фракционных собраниях, мы через них же стали обрабатывать беспартийных и эсеров. И тут нам пришлось использовать некоторые нелегальные приемы. Мы не могли выдвинуть из уполномоченных своей «уральской горной рабочей артиллерии», которая с ораторской трибуны посылала бы уничтожающий огонь на противников. Поэтому приходилось посылать других товарищей на собрания под видом уполномоченных[1]. Подобные выступления придавали бодрость и смелость нашей братии, которая затем в свою очередь тоже выступала и в коротких речах высказывала много ценного и важного, а обстоятельства, а также наша закулисная агитация в результате завоевали нам большинство на губернском собрании уполномоченных от рабочих. Наиболее подходящим из уполномоченных социал-демократов в кандидаты в Государственную думу оказался т[оварищ] Шпагин – рабочий Пермских железнодорожных мастерских, а ранее рабочий Сормовского завода. Вторым кандидатом от рабочих был выставлен т[оварищ] Василий Чащин – рабочий Надеждинского завода. Эти кандидатуры на губернском собрании уполномоченных прошли большинством голосов в качестве выборщиков на губернский съезд. На этом губернский съезд уполномоченных от рабочих Пермской губернии закончился. Теперь в центре внимания стал губернский съезд выборщиков. Соотношение сил на этом съезде было не вполне определенное. Большинства ни у какой партии не было, но наше положение было не хуже кадетского. При нежелательном распределении беспартийных, главным образом, крестьянских голосов могло случиться, что победили бы черносотенцы. Поэтому и здесь надо было развернуть пропаганду и агитацию[2]. В результате все же пришлось пойти на соглашение с Крестьянским союзом и эсерами. Мы дали им, кажется, одно место, а сами выставили двух кандидатов от рабочих – т[оварищей] Шпагина и Чащина и одного из выборщиков, прошедших по городской курии Екатеринбурга – т[оварища] Петрова А.Е. При голосовании они и прошли в члены Государственной думы. Итак, в конечном итоге нашего участия в выборах во II Государственную думу по Пермской губернии в общем получились довольно удовлетворительные результаты. Три с.-д. от одной губернии – неплохо. Это значит, что избирательную кампанию мы хорошо использовали на всех ее стадиях. В Государственной думе наши депутаты возложенные на них задачи тоже с честью выполняли, за что т[оварищ] Петров прямо со скамьи Думы попал на каторгу, т[оварищ] Шпагин был осужден туда же, но успел скрыться.

Извлечение публикуется по изданию:
Котов Г.Н. Большевистская работа в Екатеринбурге в 1906–1907 гг.
в период выборов во II Государственную думу //
Пролетарская революция. 1929. № 4. С. 103–120.

---

[1] По словам тов[арища] Назара, в Перми с уполномоченными пришлось дело иметь и мне. В гостинице устраивались собрания и велась горячая борьба с эсерами и кадетами *(прим. Г. Котова).*

[2] По словам тов[арища] Назара, соотношение было такое: у нас 32–35 верных социал-демократов, такое же число социалистов-революционеров и Крестьянского союза вместе взятых, кадетов человек около 50 и 20–25 черной сотни. Шли с большим риском. Надеялись только на организованность и на влияние на «мужиков», которых обрабатывали в Сибирской гостинице в Перми. Здесь помогли мне Лядов и еще другие из пермского комитета, которые неделю сидели на этом под именами каких-то коммерсантов и по чужим паспортам *(прим. Г. Котова).*

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЧЕРДЫНЦЕВ

ДВА МОМЕНТА

Разогнавши первую Гос[ударственную] думу, царское правительство объявило, что право политического представительства за народом сохраняется и выборы в новую Думу будут назначены в свое время. С.-д. партия пересмотрела свое прежнее постановление о бойкоте и решила, что теперь на выборы она пойдет.

В пользу участия в Думу говорили различные соображения.

Продолжающееся усиление реакции все больше стесняло возможность революционной деятельности С.-д. партии. Треть России находилась на положении усиленной охраны, часть была объявлена даже на военном положении. Каждый день приносили вести о десятках арестов с[оциал]-демократов. Никакие собрания не были возможны. Закрывались только что зародившиеся профессиональные союзы рабочих. Социалистической прессы почти уже не существовало. Партия таким образом лишалась и трибуны, с которой могла бы обращаться к народу, и массовой аудитории, которая могла бы служить проводником в народ идей социальной революции. С другой стороны, замечались явления, которые как будто говорили за то, что в народных низах зреет настроение в пользу новых революционных выступлений. Показательным было необычайное развитие террора после разгона Думы, крайне быстрый рост организаций вроде «лесных братьев», экспроприаторов. В Свеаборге летом произошло восстание матросов судов военного балтийского флота, хотя весьма неудачное (организовано было с участием меньшевиков, но не без прикосновенности большевиков). В крестьянской гуще под влиянием аграрных мероприятий Столыпина шло глухое брожение. С-д. партия находила, что в подобной обстановке Гос[ударственная] дума может предоставить в ее распоряжение прекрасную политическую трибуну, с которой социал-демократы обратятся к русскому народу с призывом к продолжению борьбы прежде всего за свержение царизма, а затем и власти капиталистов.

С.-д. партия при этом усиленно подчеркивала, что если Гос[ударственная] дума первого созыва оказалась бессильной что-нибудь сделать для трудового народа и была разогнана за одну мысль – дать крестьянам землю за счет помещиков, то не больше в состоянии будет сделать и вторая Дума. Не для органической, не для законодательской деятельности решила идти партия в Гос[ударственную] думу, а исключительно для того, чтобы, пользуясь правом неприкосновенности депутата и депутатской свободой слова, указать с думской трибуны единствен-

ный правильный путь к улучшению условий жизни – вооруженное восстание и учреждение демократической республики.

При таком понимании задач своей парламентской деятельности партия находила, что для нее неважно возможно бóльшее число мест, которое она завоюет на выборах в Думу. Важно лишь, чтобы хоть небольшая группа революционной с[оциал]-демократии в Думе была. При наличии бесправия Думы, при наличии наглейшей реакции многочисленная группа революционеров в Думе сделает не больше, чем сплоченная, энергичная, хотя бы численно и весьма небольшая, революционная фракция.

Партия решила выступить на выборах открыто под своим знаменем и выставить собственный список кандидатов.

Обстоятельства, казалось, совсем не благоприятствовали намерениям партии. Избирательный закон подвергся сильному изменению благодаря так называемым сенатским толкованиям. Оставляя текст закона как бы неизменным, царское правительство, напуганное оппозицией Думы первого созыва, главная масса которой состояла из профессиональной интеллигенции, устами Сената перетолковывала каждую статью закона так, что шансы оппозиционной интеллигенции попасть в Думу сильно упали, наоборот, открывалась дорога к законодательной деятельности трудовой демократии – мелким собственникам, крестьянству. В этих элементах надеялось теперь царское правительство найти для себя опору. Изменение состава избирателей на первый взгляд, казалось, должно было оправдать расчет правительства. Раз дорога в Думу раскрывалась перед мелкими собственниками и крестьянами, она закрывалась, как будто перед революционными партиями, вожди которых выходили в те времена из рядов профессиональной интеллигенции. Это обстоятельство однако не смущало С.-д. партию. Она, как сказано, не рассчитывала и не гналась за тем, чтобы провести в Думу сколько-нибудь значительное число своих членов. Зато, выставляя собственный список кандидатов, она заявляла, что делает этим смотр революционной русской демократии и производит подсчет своих союзников. Число голосов, поданное на выборах за самостоятельный с.-д. список, покажет, как широки круги населения, стоящие на революционной точке зрения.

Екатеринбургский комитет С.-д. партии стал готовиться к выборной кампании. Произошло несколько курьезов. В городе нашлись представители буржуазной интеллигенции, которые говорили:

– Мы выставили официально свои кандидатуры от Партии мирнообновленцев и даже еще умереннее, а когда пройдем в Гос[ударственную] думу, перейдем на сторону социал-демократов – вот будет эффект!

Пришлось разъяснить этим господам, что С.-д. партии союзники подобного рода не интересны. Не без труда Федоровские, Доброхотовы и т.п. поняли точку зрения партии.

Предварительную агитацию за социал-демократических кандидатов, список которых к тому же не был еще опубликован, вести было очень трудно при тогдашнем полицейском режиме. Большую роль могла бы сыграть пресса. Но из трех газет в Екатеринбурге одна находилась в руках кадетов, другая в руках Певина, ко-

торый продолжал на словах твердить, что его программа левее кадетской, на деле же не хотел быть ничем полезным социалистам, в частности эсдекам, на стороне которых по какому-то недоразумению себя считал. Третья газета находилась в руках Чекана, крайнего правого октябриста. Явилась мысль издавать четвертую газету. Разрешение было добыто, но выставить социал-демократическую фирму в заголовке городской комитет партии не решился. Газета стала издаваться под флагом беспартийного демократизма. Называлась она «Уральская газета», и успех ее с первых же дней появления в январе 1907 года превзошел все ожидания. Она выходила не каждый день, тем не менее, свое дело она сделала, всякий видел и понимал, что, пропагандируя мысль подавать на выборах голоса за представителей демократических трудовых классов, «Уральская газета» призывает избирателей голосовать за социал-демократов. Из окрестных городов, заводов, сел посылались требования на сотни и тысячи экземпляров газеты. Это был своего рода праздник трудового народа на Урале – он в первый раз получил собственный печатный орган. Но начальство тоже не брало охулки на руку и на четвертом номере газета была закрыта, редактор ее – беспартийный Михайлов под ничтожным предлогом был привлечен к судебной ответственности по статье уголовного уложения «о возбуждении к ниспровержению существующего строя».

Было, однако, поздно: четыре номера «Уральской газеты» лучше всяких прокламаций и агитационных речей пробудили живой интерес к вопросам политики.

Но как ни были стеснительны полицейские условия для избирательной кампании, собрания избирателей все же были разрешены при условии недопущения на них сторонней публики. Так как избирательные списки были уже составлены и опубликованы и в число избирателей по городу прошло несколько партийных эсдеков, то С.-д. партия получила таким образом доступ на предвыборные собрания совершенно законным путем и посылала своих ораторов. На этих собраниях особым успехом пользовался агитатор Назар (Накоряков), вызвавший вновь интерес города к С.-д. партии, понизившийся было после разгона Гос[ударственной] думы из трепета перед силами реакции.

К моменту выборов (февраль 1907 г.) избирателям было предложено три партийных списка кандидатов: социал-демократический, кадетский и черносотенский.

Социал-демократический список не сразу удалось составить. Требовалось от города тринадцать выборщиков. Таким количеством своих членов, имеющих избирательное право, партия не располагала вследствие утраты ценза, благодаря толкованиям Сената. Например, некоторые социал-демократы раньше имели квартирный ценз, теперь Сенат определил квартирный ценз как наем только таких жилищ, при которых имеется особый очаг для изготовления пищи, а так как не во всех квартирах, снимаемых социал-демократами, имелся в наличности этот признак, то все такие социал-демократы были признаны не имеющими ценза. Недостающее число кандидатов нужно было пополнить другими элементами. Комитет партии обратил внимание на рабочих, из которых кое-кто имел два ценза: по фабрике, где работал, и по недвижимому имуществу или квартире,

которые у него имелись в городе. Таким рабочим было предложено воспользоваться имущественным цензом и голосовать в городской курии, отказавшись от заводской. Но и таких рабочих недоставало для заполнения списка, потому что нашелся только один партийный. Стали звать беспартийных рабочих. Несколько человек нашлось, они согласились принять партийную кандидатуру. И все-таки до тринадцати человек еще не хватало. Комитет решил принять предложение некоторых партийных эсеров, имевших избирательный ценз по личному промысловому налогу. Эсеры тогда бойкотировали выборы, но комитет партии разрешил отдельным членам с ведома его принимать кандидатуры в исключительных случаях от других социалистических партий. Список наконец составился. Негромки были имена кандидатов и не большим авторитетом пользовались они в городе. Кадеты заранее смеялись над С.-д. партией, рассчитывавшей, что какие-то неведомые конторщики, приказчики, репетиторы, газетные сотрудники, мастеровые и рабочие получат на выборах предпочтение перед инженерами, врачами, либеральными фабрикантами и коммерсантами, имена которых заполняли кадетский список.

Не смеялись черносотенцы. Они иначе расценивали положение вещей, имея в виду, что дело идет не об именах, не о личности, а о доверии, престиже С.-д. партии, симпатии к которой в городе, во всяком случае, были сильнее, чем к кадетам и к Союзу русского народа. И черная сотня развила невиданную еще в городе агитацию за свой список.

Некоторые из черносотенцев говорили тогда в отчаянии:

«Если не мы пройдем на выборах, то уж лучше пусть пройдут социал-демократы, чем кадеты! Хоть Социал-демократическая партия революционная и республиканская, но к жизни все же стоит ближе кадетов. Больно уж кадеты возносятся».

Серьезного значения, понятно, подобные заявления не могут иметь, слишком явна их провокаторски-агитационная подоплека. Но для историка подобные выходки черной сотни имеют свой интерес.

Выборы всколыхнули город снизу доверху. Заинтересовались даже иностранные подданные, проживавшие в городе, но не имевшие прав на участие в выборах. Некоторые англичане стояли за список социал-демократов. Известный писчебумажный заводчик Ятес говорил С.А. Полузадову:

– Надо выбирать революционеров! Вы видите, как бессовестно ваше правительство расправилось с Гос[ударственной] думой! Нужно, чтобы русский народ так же расправился с правительством. Иначе у вас никогда не будет ни свободы, ни законности!

Не так обычно смотрели немцы и французы. С их стороны слышались голоса:

– Революционеры сгубили Гос[ударственную] думу. Им доверять больше нельзя. Жаль, нет достаточно умеренного списка! Все партии, выступающие на выборах, крайние – и справа, и слева. Русские – несчастный народ: они не любят правительства и не умеют пользоваться законом.

На фабриках и заводах выборная кампания прошла на этот раз оживленнее, много способствовали талантливые агитаторы, приехавшие в Екатеринбург,

вследствие невозможных условий деятельности в других провинциях России. Рабочие избрали кандидатов, указанных партией или сочувствующих ей, и только двое (кажется, у Коробейниковых и Давыдова) прошли чужие, даже прославленные как черносотенцы. Но и эти двое протестовали против такого обвинения и говорили, что против партии и товарищей они не идут.

В городе список социал-демократов собрал большинство голосов. Этому в сильнейшей степени способствовали приказчики. Масса торговых служащих была еще слабо затронута соц[иал]-демократической пропагандой. Но приказчичий район уже существовал. Там работал М. Мандельштам (Лядов), основавший для приказчиков пропагандистскую школу. Эта часть сознательных приказчиков повела за собой других, но далеко не всю массу. Напротив, в 1907 году торговые служащие в Екатеринбурге делились на несколько групп. Сильна была группа, шедшая за кадетами, во главе которых в то время стоял Моксунов (впоследствии эсер). Социалисты революционеры также сгруппировали около своей партии порядочное ядро. Низшие слои приказчиков (лабазные и с толкучего [рынка]) тяготели к черной сотне. Но все же была значительна и группа приказчиков, тяготевших к С.-д. партии. На выборах голоса приказчиков раскололись, и, однако, число голосовавших за с.-д. список было столь велико, что дало ему перевес над списками кадетов и черносотенцев.

Необходимо отметить, что, несмотря на волнение, охватившее город, число избирателей, явившихся к избирательным урнам, было невелико. Шуметь шумели, а на выборы не пошли. На серого обывателя повлиял слух, что хотя выборы и происходят якобы на законном основании, а все-таки это дело революционное и за него можно пострадать, уж лучше держаться в стороне. Другие не пошли, ссылаясь на бесполезность выборов законодательной палаты, не обладающей надлежащей полнотой прав. Поэтому сравнительно так и невелики были цифры собранных разными списками голосов. Наивысшее число голосов по социал-демократическому списку получил Накоряков (1300), наименьшее по этому же списку получил беспартийный рабочий Скурихин (1100); по кадетскому списку наивысшее число голосов было 900 с лишком, собранное инженером Ивановым, по черносотенному – 800 с лишком поданных за В. Казицина.

Вот имена с.-д. выборщиков. Партийные интеллигенты: Накоряков (партийный профессионал-революционер), Светлосанов (секретарь О[бщест]ва уральских горных техников), Чердынцев (публицист), Полузадов (домашний учитель). Служащие партийные: Петров (конторщик Русского транспортного и страхового общества), Ушаков (служащий товарной биржи в Екатеринбурге). Рабочие партийные: Бартенев (типографский). Непартийные интеллигенты: Кибардин (ж[елезно]д[орожный] врач). Непартийные служащие: Михаэлис (приказчик, эсер), Банников (приказчик). Непартийные рабочие: Михайлов (слесарь), Бобков (плотник), Скурихин (сапожник).

Кадеты были немало смущены исходом выборов, который являлся, по-видимому, для них полнейшей неожиданностью. Их список был давно опубликован во всех местных газетах: «Уральском крае», Уральской жизни» и «Урале». За него шла продолжительная и открытая агитация. Список Социал-демократической

партии был опубликован за несколько дней до выборов на одном беспартийном собрании избирателей, затем выпущен и распространен нелегально в виде листков, которые были разбросаны по городу, и лишь в конце концов напечатан кадетами в своей газете. Агитация за него велась почти только тайно, так как упомянутое беспартийное собрание, на котором он был впервые опубликован, было и единственным. В интересах истины, однако, необходимо сказать, что Никитин, устроивший это собрание под флагом беспартийности, на самом деле был социал-демократом[1]. Было над чем задуматься.

Кадеты плохо учитывали настроение демократических кругов избирателей, в этом состояла их ошибка. Городская демократия почти совершенно отвернулась от С.-д. партии после того, как с начала 1906 г. партия вернулась в подполье. Ее агитация за бойкот еще более оттолкнула обывателя. Но когда предсказания партии сбылись и Государственная дума оказалась бессильной против правительства, когда террор достиг необычайной высоты развития, начались восстания во флоте и в войсковых частях и т.п., когда, наконец, партия заявила, что во вторую Думу она пойдет, хотя только с революционной целью, демократия, отделившись от крупной буржуазии и тяготевших к ней кругов городского общества, вновь увидела в С.-д. партии силу, которая одна способна что-нибудь сделать, чтобы положить предел правительственной реакции. За С.-д. партию голосовали совсем не одни сочувствующие социализму, каковых в среде городской демократии было не так много.

За нее голосовали элементы, сознательно тяготившиеся реакционным режимом. Так, я знаю случай, когда группа учителей разных средних учебных заведений города после переговоров, державшихся в строжайшей тайне, решила так: кадеты не имеют за собой народа и уже сейчас пошли на уступки реакции. Остается одна С.-д. партия, за которой идут массы рабочих. [Если] отдавать голоса, так нужно отдать их ей, или совсем воздержаться от выборов!

И они подали голоса за список социал-демократов.

Черная сотня тоже была немало обескуражена своим поражением на выборах. Более наглого давления на низы городского населения, на мещанство, при поддержке полиции, жандармов и других правительственных агентов, чем то, которое практиковал Союз русского народа, трудно себе представить. И в результате – все же поражение.

Черная сотня не пришла в уныние. Она уже вела собственными силами и при содействии полицейско-жандармского сыска расследование, кто такие с.-д. кандидаты и каковы их действительные права на участие в выборах. С другой стороны и губернатор тоже нашел, что победа С.-д. партии – это непорядок для его губернии, и по его поручению полиция тоже производила проверку ценза с.-д. работников. Результат получился такой. Накоряков имел ценз по личному промысловому налогу как приказчик купца Мендельсона. Когда полиция растолковала Мендельсону, что Накоряков есть страшный революционер и социалист и скоро будет чуть ли не сожжен живым за это, Мендельсон с испугу заявил, что

[1] Но под партийным флагом собрание не было бы дозволено, приходилось хитрить. И при таких-то обстоятельствах с[оциал]-д[емократия] победила *(прим. Н. Чердынцева).*

Накорякова совсем не знает и такого приказчика у него нет. Ценз Светлосанова состоял также в личном промысловом налоге как служащего в конторе Уральского союза горных техников. Полиция нашла, что налог уплачивается меньше года, а потому основанием для ценза служить не может. Наконец, Чердынцев имел квартирный ценз.

Полиция при проверке установила, что помещение, занимаемое Чердынцевым, не может быть признано за отдельную квартиру. Цензы остальных десяти кандидатов показались полиции как будто бесспорными. Таким образом, из списка с.-д. перед самыми губернскими выборами было вычеркнуто три социал-демократа-выборщика как неправильно избранных.

Их должны были заместить кандидаты других списков, получивших большинство голосов. Таковыми оказались три кадета: инженер И.В. Иванов и адвокаты Мамин и Кронберг.

Теперь кадеты торжествовали: в число выборщиков попали представители их партии, правда, прошедшие не по избранию населения, а через черную сотню и губернатора, но ведь как понимать дело! Иванов, например, говорил: девятьсот голосов мне не губернатор написал, а избиратели подали!

Социал-демократы же острили, что губернатор устроил им блок с кадетами, от которого они всеми мерами отбояривались. Нужно заметить, что мысль о таком блоке одно время казалась самой разумной довольно широким кругам городского общества, тем более кадетам. Комитет С.-д. партии не раз получал предложения от кадетов обсудить вопрос об общем списке. И когда С.-д. партия объявила, что на выборы идет самостоятельно, кадеты не переставали кричать о предательстве социал-демократов, разбивающих голоса оппозиционных избирателей и тем обеспечивающих победу черной сотне.

На губернских выборах в Перми из екатеринбуржцев в Государственную думу блоком крестьян и рабочих был избран с.-д. Петров, конторщик Русского страхового и транспортного общества, а блоком либералов был проведен черный кадет адвокат Мамин.

Мамин еще до разгона второй Государственной думы сложил депутатские полномочия под официальным предлогом болезненного состояния здоровья, а в действительности не сочувствуя оппозиционности, которой была проникнута Дума. Мамина звали черным кадетом за его уклон к черной сотне. Известно его выступление на одном собрании, где он высказался против равноправия женщин.

Кроме некоторых слоев населения, голосовавших за с.-д. список, все прочее городское общество возмущалось избранием Петрова в законодатели.

– Нашли кого выбрать! – говорили везде, где речь заходила о выборах. – Какой-то конторщик, ну и законодатель!

Значительная часть демократии была также недовольна. В ее глазах авторитет С.-д. партии вновь пал – его подорвало исключение трех социал-демократов из списка выборщиков.

– Раз у людей нет ценза, зачем же партия выставляла их кандидатуры? – слышались возмущенные голоса. – Это называется мошенничеством! Партия ском-

прометировала себя, и в другой раз мы за нее голосов не подадим!

Дальше начались инциденты. Петров был недостаточно опытным для того, чтобы суметь отстоять собственными силами позиции партии в тех случаях, когда он один на один подвергался нападению кадетов и правых. Между тем необходимо было перед отъездом в Петербург провести несколько собраний избирателей и объяснить, как партия намерена использовать свое положение в Государственной думе и какой тактики она будет придерживаться. Сознавая свою неподготовленность к выступлению на большом собрании, Петров пригласил к себе в соратники члена областного комитета С.-д. партии М. Мандельштама (Лядова). Собрание было разрешено Петрову губернатором. В городском театре сошлись избиратели и посторонняя публика. Но едва Мандельштам появился на сцене вместе с Петровым, как полицеймейстер Хлебодаров послал помощника пристава объявить Петрову, что не допустит собрания, если Мандельштам не удалится со сцены. Петров пошел к нему в коридор для объяснений.

– Я знаю, это не избиратель и говорить ему не позволю, – сказал Хлебодаров. – Если он хочет, пусть сидит среди публики.

Хлебодаров, очевидно, считал себя героем, что вопреки общим инструкциям позволил присутствовать на собрании кроме избирателей сторонней публике.

Петров пытался убедить:

– Я его пригласил! Он мне нужен, так как в одиночку мне трудно вести собрание.

– Как угодно, господин депутат! – ответил Хлебодаров, сделав под козырек и становясь во фронт.

– Я Вас прошу не препятствовать моему товарищу присутствовать на собрании, иначе я не могу, – продолжал убеждать Петров.

– Тогда закройте собрание, господин депутат! – отчеканил Хлебодаров, вновь козыряя.

– Я буду на Вас жаловаться в Петербург!

– Как Вам угодно, господин депутат! – снова козыряние и поза во фронт.

Петров сделал ошибку, не решившись вести собрание собственными силами и распустив его. Это подало повод к скандалу. Из публики раздался свист, крики и брань по адресу полиции. Хлебодаров вызвал земских стражников и велел разгонять толпившуюся публику, а наиболее выделявшихся криками арестовал.

И этот случай был поставлен в счет Петрову. Какой это депутат, раз без помощника обойтись не может!

Петров далеко не был так слаб, как его изображали враги. Это он доказал деятельностью в Петербурге, как организатор партийных групп Петербургского гарнизона.

Когда он поехал в Петербург, провожать его из города почти никто не явился. Но на вокзале было много другого народа. Перед отходом поезда, когда весть о том, что едет с.-д. депутат Госуд[арственной] думы разнеслась среди публики, Петрова окружила толпа. Он хотел сказать речь. После первых же слов откуда-то, словно из-под земли, вырос опять все тот же помощник пристава, поддержанный на этот раз жандармами, и стал ножнами шашек разгонять народ.

Петров пытался настоять на своем депутатском праве обратиться с речью к провожающему его народу. Но помощник пристава высокомерно ответил, что не мешает ему говорить, а разгоняет толпу, которая не имеет права собираться без разрешения властей.

– Помните, граждане, – крикнул Петров вслед удаляющемуся народу, – это последний случай такого насилия над вами. Скоро их не будет, в Петербурге я сообщу о том, что творит полиция здесь, что она позволяет себе проделывать над депутатом Госуд[арственной] думы!

– Я Вам не препятствую говорить! – повторил полицейский и, накладывая в шеи отстающим, заругался: «Ну, черти, шевелитесь скорей, а то стражников позову!».

Инциденты происходили во время губернских выборов. Создавши блок «социал-демократов с кадетами», губернатор создал блок этой партии с Союзом русского народа. Губернская выборная кампания была в полном разгаре. Как вдруг было получено извещение, что разъяснен еще один с.-д. выборщик – приказчик Банников, плативший промысловый налог, как оказывается, меньше года. Вместо него по большинству полученных голосов следовал кандидат черносотенцев – организатор екатеринбургского патриотического союза монархистов, редактор-издатель черносотенной газеты «Голос народа» Владимир Козицин. Он же один из организаторов побоища в Екатеринбурге 19 октября 1905 г. (разъяснение, однако, было сделано так поздно, что Козицин приехал в Пермь к самому концу выборов и к избирательной урне допущен не был).

Кандидаты с сомнительным цензом были и у кадетов. Так что около некоторых имен шел живой обмен мысли избирателей. Как на пример, укажу на доктора Спасского – редактора газеты «Уральский край». Еще больше фиктивных и сомнительных цензов было, конечно, у кандидатов черной сотни. С.-д. партия, выставившая четырех кандидатов с «сомнительным» цензом, была, таким образом, не исключением в этом отношении. Но при проверке цензов, однако, кроме С.-д. партии ни одна из прочих партий не пострадала, ни один кадет, ни один черносотенец не был исключен из списков. Суть, однако, еще не в этом. Не берусь судить о цензах Накорякова, Светлосанова и Банникова, хотя вряд ли их ценз больше поводов подавал к спору, чем ценз многих черносотенцев, что же касается меня, то дело происходило так. Список избирателей по городу Екатеринбургу для вторых выборов в Гос[ударственную] думу составлялся очень просто – по городу были разосланы старшие городовые, которые, обходя дома и квартиры, учиняли допрос – кто живет, чем занимается, какое помещение снимает, требовали документы и т.п. и затем тут же делали отметку – кто годится в избиратели. Видимо, все они были основательно инструктированы и тренированы в определенном политическом направлении.

Я был дома, когда заявился унтер и лично меня опросил. Я указал, что снимаю две комнаты, столуюсь у хозяев квартиры, своего хозяйства не веду. Унтер задумался.

– Сколько Вам лет? – спросил он наконец.

– Сорок пять.

– В газетах пишете, говорите?

– Да, пишу в журналах и газетах.

– Хоть у Вас и выходит комнаты, а не квартира, а все же я Вас запишу в избиратели, ну там Вы как хотите! потому нам таких и надо, кто постарше, да поумнее!

Но ведь начальство все равно вычеркнет меня, раз у меня нет ценза! – возразил я.

– А я считаю, что ценз есть. Потому Вы снимаете две совсем отдельных комнаты, и у Вас есть печь кухонная, хоть кушанья Вы не готовите в ней. Нет, я правильно говорю, и Вы обязаны идти на выборы, закон требует! Как же!

Кухонная печь рядом с моими комнатами много уже лет не годилась для пользования и оставалась без ремонта, тем не менее, по воле городового была зачислена за мною, и я стал избирателем. Когда партия на городской конференции назначила меня своим кандидатом в выборщики, я рассказал, как попал в избиратели. Товарищи ответили смехом над моим трагическим положением:

– Раз само начальство в лице городового хочет видеть Вас избирателем, чего же лучше! Опасаться какой-нибудь придирки вряд ли есть основание!

– Для С.-д. партии проверку обязательно сделают! – возразил я.

Но товарищи остались при своем решении. Я спорить не считал себя вправе. В партии же говорили:

– Интересно бы провести в Гос[ударственную] думу нелегального. Неужели стесняться перед требованиями царских законов, когда само царское правительство не соблюдает собственных законов!

Вся избирательная кампания была проведена в Екатеринбурге партией весьма оживленно и единодушно. Не входить в блок с кадетами и выставить самостоятельно список было решено еще до получения директивы от центра. Настроение несколько спало лишь после избрания выборщиков и исключения троих из них в пользу кадетских кандидатов. Факт исключения требовал какого-нибудь ответа со стороны партии, но городской комитет решительно не хотел ничем реагировать на него, мотивируя тем, что всякий протест в данном случае противоречит лозунгу: беречь на этот раз Гос[ударственную] думу. Между тем лозунг «беречь Думу!» был меньшевистский, тогда как Екатеринбург всегда был центром большевизма на Урале!

С.-д. фракция Гос[ударственной] думы второго созыва, как известно, почти целиком ушла в каторжные работы, уцелели лишь успевшие бежать за границу.

Среди прочих в каторжные работы ушел и екатеринбуржец Егор Алексеевич Петров.

Извлечение публикуется по изданию:
Из прошлого. Сборник воспоминаний. 1903–1905 гг.
[Пермь, 1925]. С. 132–142.

КОНСЕРВАТОРЫ

В. ЛАВРОВ

В ЕДИНЕНИИ – СИЛА
(Из воспоминаний о выборах во вторую Думу)

Каждый раз, как в газете, журнале или разговоре услышишь эту фразу: «в единении – сила» – невольно приходят на память события из выборов во вторую Думу как прекрасная, яркая иллюстрация к этой фразе.

Уездный городок В. губернии. На мелких выборах благодаря тому, что почти не было не явившихся, прошло с мелкими землевладельцами почти одно духовенство. Крупные выборы; нужно избрать двух выборщиков на губернские выборы. Состав: 24 помещика – октябристы на подбор, 21 священник, 2–3 бесцветных землевладельца и 7 чел[овек] убежденных левых. Городской протоиерей, которому поручили войти в предварительное соглашение, условился с помещиками разделить по одному выборщику от помещиков и от духовенства. Перед выборами духовенство сошлось, чтобы наметить от себя кандидата. Является уполномоченный от семи левых и говорит: «Отцы! мы все равно не пройдем – и не мечтаем об этом. Возьмите наши семь голосов и, пожалуйста, не пропускайте помещиков».

Отцы нерешительно переглянулись: с одной стороны – парламентер от самых темных сил, которые только что прошлись по уезду и начадили гарью революционных иллюминаций. С таким как будто и говорить непригоже особе духовного звания. А с другой стороны, он ведь ничего себе не просит, а нам дает семь голосов. Отчего же и не взять? Голоса взяли, от соглашения с помещиками отказались и провели двух священников большинством двух голосов. Не гладко прошли выборы, второго раз пять перебаллотировали, но надо правду сказать – это были внутренние настроения, убийственная зависть и местничество, а семь левых голосов неизменно были за указанного им кандидата. И невольно приходилось с завистью смотреть на это единодушие, на эту твердую настойчивость в стремлении к указанной цели даже и тогда, когда это им не сулило никакой выгоды. И думалось: эх! если бы вот у нас такое единение!

Губернские выборы. Состав: из 106 выборщиков 34 кадета, 16 рабочей партии, 24 или 26 выборных от волостей – в большинстве политических младенцев, остальные – беспартийные, в огромном большинстве по убеждениям правые… Но овцы без пастыря – разрозненные, незнакомые, растерявшиеся. И, знаете ли, читатель, что было на выборах? Кадеты и рабочие и на предвыборных собраниях спорили между собою за места, и на самых выборах откровенно, до цинизма, до возмутительной наглости спорили между собой за четыре места. Из четырех

мест кадеты требовали себе пропорционально численности три места, а четвертое уступали рабочим, но рабочие упрямо повторяли: «Наш Центральный комитет велел нам занять здесь два места, – и мы не уступим, не можем уступить. И вот, после быстро прошедших трех членов, на четвертом открылась жестокая война между кадетами и рабочими, и все баллотируемые беспощадно проваливались. Так прошел день, так подходил к концу другой. И только вечером второго дня Центральный комитет разрешил рабочим пойти на компромисс и выбрать не рабочего, не кадета, а из крестьян – и быстро согласились, и провели, конечно, «сознательного» крестьянина. А мы – правые, благонамеренные? Стыдно вспомнить: мы точно «при сем находились», мы, составляя, в сущности, абсолютное большинство, были только зрителями в этой трагической драке кадет с «товарищами» за четвертое место. Нас они не замечали, нас как будто и не было тут; как-то глупо, бестолково – подлинно как овцы, толклись мы около урны, каждый раз подходя с шаром в недоумении – не то положить налево и провалить, не то уж бросить направо, авось скорее конец, чтобы скорее бежать с этого срама, позора…

После выборов заговорил с одним помещиком – правым, который и пытался кое-что сделать перед выборами для объединения, да ничего не вышло.

– А что, Александр Александрович, ведь уж лучше бы нам поддерживать на четвертое место доктора-кадета. Крестьянин-то прошел, – оказывается, форменный трудовик.

А[лександр] А[лександрович] чуть улыбнулся: «Да вы из каких лесов-то, батюшка? Знаете ли вы, что десять «товарищей» лучше одного кадета?».

Я, привыкший читать справа налево по ряду и полагающий поэтому, что кадет мне все-таки ближе, как бы роднее, – выразил изумление на лице.

Ал[ександр] Ал[ександрович] помолчав, сказал: «А вы знаете, батюшка, молитву: «Спаси, Господи, от друзей, а с врагами-то я как-нибудь и сам справлюсь»? Не знаете? Читайте эту молитву каждый день, непременно читайте, да когда читаете ее, то помните: трудовики, эсеры, эсдеки – вообще все так называемые «товарищи» – это враги, с которыми надо бороться. А кадеты – это друзья. С ними, если только Бог поможет, нам самим не справиться. Поверьте, батюшка, я не шучу!». Припоминается все это, и невольно повторяешь про себя: да, в единении – сила. Все враги нашей многострадальной матери-родины давно это поняли и потому они, эти темные, адские силы – объединились, у них твердая, железная дисциплина. И если мы считаем себя в числе добрых сил, если мы, наконец, прозрели настолько, что считаем нужным в противовес тем темным, отрицательным, разрушительным силам выставить силы положительные, созидательные, то надо признать, что для успеха и эти силы должны быть также объединены, сплочены, скованы железной дисциплиной. Океан воды не может утопить щепку, а из той же воды скованная маленькая, сравнительно с океаном, льдина, пустила на дно «Титаника» – красу и гордость человеческого искусства.

Публикуется по изданию:
Лавров В. В единении – сила: (Из воспоминаний о выборах во вторую Думу // Томские епархиальные ведомости. 1912. Т. 33. № 16. С. 834–837.

СВЯЩЕННИК (НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР)

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЯ

Наступил и январь [1907 г.]. Во всех столичных и провинциальных газетах заговорили о предвыборных собраниях, об образовании новых партий, союзов и прочих приготовлениях к выборам в Государственную думу. Высшая церковная власть в лице Святейшего синода находит «желательным и благовременным призвать православное духовенство к деятельному участию и пастырскому руководительству своих пасомых в деле выборов представителей в Гос[ударственную] думу».

Епархиальным архиереям рассылаются указы – пригласить духовенство непременно явиться на предстоящие выборы. Наш владыка чрез «Епархиальные ведомости» «усерднейше просит духовенство Оренбургской епархии» о непременном исполнении указа Синода и усердном участии в выборах. Церковная печать настойчиво напоминает духовенству использовать свое право и проявить свой долг пред церковью и государством.

Слушая все это, размышляет и в глуши одиноко живущий, всеми забытый сельской пастырь. Вот теперь, пожалуй, проснется наша деревенская духовная братия, соберутся, потолкуют, воспользуются своими правами гражданина… не то, что было в прошлогодние выборы. Постыдятся, наконец, отвергнуть приглашение Синода и усердную просьбу своего архипастыря.

Кстати, можно воспользоваться январскими благочинническими съездами: здесь удобней всего отцам переговорить, столковаться и остановиться на комлибо. А как хорошо было бы в каждом округе при полном составе съезда, после своих окружных дел, порассудить и об общегосударственном деле, к которому мы призываемся. Но увы, на съезде наши отцы и братие голос, приглашающий к обсуждению вопроса о выборах в Г[осударственную] думу, оставили «вопиющим в пустыне». Если не считать двух-трех единоличных ответов в таком смысле: «все равно из новой Думы ничего не выйдет, пока не дадут равноправия…» и так дальше с повышением тона в духе демократов.

Другие отцы прямо отрицаются: одни массою приходских дел, другие болезнию детей и дальнею поездкой. Находились такие, которые соглашались проехать, если бы им подали тройку казенных лошадей и позволили бы провесть с собой и матушку в город. Некоторые удивлялись, почему не присылают повесток по примеру прошлого года. Бóльшая же часть как-то пассивно уклонялась от за-

тронутой разговорной темы: «Ведь являться-то не обязательно, архиерею об этом доносить не станут и штрафовать закон не будет, а в такую даль, чай, за десятку съездить не управишься...». В общем, получалось впечатление, что из двадцати настоятелей округа самое большее поедут на выборы два-три.

Такой первый шаг наш к предвыборному собранию показывал, что и в будущем едва ли можно ожидать чего-либо солидарного, утешительного. Время между тем приближалось, до выборов оставалось менее недели. В местной газете давно объявлялось от начальника губернии о времени и месте выборов. Для мелких землевладельцев они назначались в своем уездном городе. Становилось известным и то, что отдельных извещений не будет, но все это частно и потому неясно и смутно.

До 22 января остается два дня. Сердце томится, мучится неизвестностью, тревожится: ехать ли? но куда, с кем? Кругом почти все отказались. Спешу к благочинному за разъяснением. Тот сам не получал никаких официальных указаний, посылает к земскому начальнику. По дороге к последнему захожу к приставу, этот отвечает тоже, что и ему никаких распоряжений нет. Земский начальник болен, но и в постели любезно принимает, удивляется, говорит, что и он, как землевладелец, желал бы быть на выборах, если бы был здоров, все-таки, по его мнению, должны же быть разосланы повестки.

Случайно бывший здесь непременный член губернского присутствия подтверждает, что отдельных извещений не будет и что ехать нужно в уездный город. Мы все возмущаемся дальнею (слишком 100 верст) дорогою и холодною погодою. Не лучше ли было бы назначать выборы для мелких землевладельцев по волостям или, по крайней мере, в каждом земском участке и своевременно широко осведомить чрез полицию, волостные и сельские правления всех, имеющих право участия в выборах лиц, разослав списки избирателей... Однако время не ждет, мне советуют ехать. Благочинный дает письменное уполномочие, кроме него получаю еще пять.

Спешно еду домой. В субботу отправляю вечерню. Наскоро делаю распоряжения, и в ночь, оставив воскресную службу и приход, выезжаю в город. В тридцатиградусный мороз, по ухабам скучно-однообразной степной дороги, с опасением, как бы не опоздать, ночью же, на изнемогших конях, измятый кочками стоверстного пути, добираюсь до уездного города.

В гостинице встречаюсь с знакомым иереем. Нас озабочивает мысль – есть ли сегодня предвыборное собрание и где, в каком здании назначены выборы? Есть ли кто из приезжего духовенства? Обращаемся к услугам телефона. Спрашиваем уездный съезд, там ли назначено собрание. Долго ожидали, ответа не было. Вопрошаем знакомых горожан. Отвечают незнанием. Вызываем председателя. Дома нет. Итак, после энергичных, но тщетных попыток узнать что-либо определенное о выборах и собрании, мы оставляем попечение до следующего дня, чтобы утром вместе выйти на поиски места выборов.

С раннего утра 22 января на ногах. Рой мыслей, одна другой тревожней, назойливо теснятся в голове. Что-то принесет нынешний знаменательный день! Соберется ли духовенство и кого назовем достойнейшим избранником в выбор-

щики. В гостинице много приезжих: гуляют в коридоре, сидят на диванах, иные оживленно ведут разговор. Но о чем? Обо всем, только не о Думе и не о выборах.

У телефона встречаю незнакомого приезжего иерея.

– Вы на выборы?

– Какие?

– А в Думу.

– Когда они и где?

– Говорят, либо в съезде, или в театре, сегодня.

– Нет, мне не время, спешу ко владыке за антиминсом[1].

Вот еще отец, тоже незнакомый. Спрашиваю его. Но он приехал к учащимся детям. Спешу в номер к знакомому иерею, чтобы идти вместе на поиски, как ранее условились, но на дверях вижу замок. Опять одиночество, опять грустная дума туманит голову. Куда идти? С кем поделиться? Решаюсь обратиться за указанием к полиции, и первый городовой направляет меня в «съезд». Швейцар отвечает, что в съезде идет суд и советует «попытать» в Народном доме. Иду. У Народного дома по тротуару одиноко задумчиво гуляет знакомый батюшка.

– Вы знаете, кто прибыл из уездного духовенства на выборы? – спрашивает он. – Говорят, некоторые отцы здесь, и сегодня в кафедральном соборе назначено совещание.

Мы немедленно отправляемся в собор, но собор оказался заперт. Снова шествуем в Народный дом. Здесь уже было несколько человек священников и крестьян.

До выборов (12 часов) оставалось всего час. Приезжих не прибывало. Кто-то поднял вопрос, что, может быть, и не прибавится, а нам нужно бы сговориться – кого будем баллотировать. Решили прежде подсчитать, какой мы, прибывшие, составляем по владению избирательный ценз. Выходило земельного ценза около 2000 десятин на четыре выборщика. Если так, то два выборщика от духовенства и два от прочих. Намечает крестьян и рекомендует их православную и политическую благонадежность приходской настоятель. Все доверяют.

Предстоит решить вопрос, кого указать из отцов иереев. Налицо два популярных в уезде благочинных, один – священник из обширного прихода с шестью своими прихожанами, четыре остальные – заурядные сельские батюшки глухих приходов, конечно, без всяких шансов быть выборщиками.

Начинаем сговариваться, указываем первым кандидатом благочинного Х., вторым – священника К. или благочинного Р. Большая часть духовенства и крестьяне соглашаются подать голоса за двух первых. Один из иереев объявляет, что желательно, чтобы в выборщики прошли принадлежащие к партии монархистов, и отделяется со своими прихожанами для особого совещания. Время идет, уже оставалось полчаса. Снова подымается вопрос, кого же будем баллотировать. Молчанье и смущение. Выступает с заявлением хохол-крестьянин: «Це вже ж бачь теперь мы не жолаем благочинного выбырати, а ныхай будэ ихний батюшка», – указывая на двух крестьян, пояснял он.

[1] Антиминс – четырехугольный, из льняной или шелковой материи плат, на котором изображается положение Христа во гроб; по углам помещается изображение четырех евангелистов, а на верхней стороне вшиваются частицы мощей. Освящается архиереем.

Но вот и 12 часов. Приходит председатель. Начинается проверка по спискам, сначала духовенства. И что же?! Из 107 настоятелей церквей, имеющих право голоса по уезду, на выборы явились только семь: из V округа благочинный, священник с. Ново-Никитина, Максим Худоносов, с. Троицкого Алексей Покровский, с. Дедова Николай Балалаев, с. Екатериновки Порфирий Кожевников, с. Алексеевки Виктор Конторской, VII округа с. Ново-Махайловки (Молочая) Иоанн Набивач и VIII округа с. Михайловского благочинный Константин Розанов. Почти все, явившиеся из отдаленных приходов, от города – от 75 до 150 верст. Не явилось 100 человек; из них около 25 человек из ближайших к городу сел и станиц, другие – вблизи ж[елезно]д[орожных] станций.

Все поражаются, пожимают плечами.

– Ведь нас не осведомляли, – говорит один батюшка, – повесток не рассылали, ни нам, ни землевладельцам крестьянам. Избирательных списков мы тоже не видали. Что же это значит? Не умышленно ли держали нас в темноте, не указывая даже дома собрания[1].

– Говорят, списки печатались в «Губернских ведомостях», но кто их получает? Следовало бы печатать в «Епархиальных ведомостях», – резонерствует другой иерей.

– И «Епарх[иальные] ведомости» часто у нас лежат не разрезанными, дожидаясь переплетчика, – говорит третий, – спим мы отцы, спим. Безмятежно почиваем в приходах, и так, может быть, пройдет еще несколько избирательных лет, пока ветры буйные раскачают нас, проснемся, пожалуй, тогда, когда отберут у нас последние крохи казенного жалования, когда и Закон Божий будут изгонять из школ. И будем мы «ахать» и «охать» в пустой след.

– Стыдно за свое сословие, больно. Меня всего колотит, – говорил, волнуясь молодой иерей.

Всего из 4000 избирателей по уезду явилось 20, и из последних не допущены к выборам по доверенностям и не занесенные в списки – 6, оставалось 14: 4 крестьянина, 2 башкирина и казачий офицер, и 7 священников.

На вопрос председателя: наметили ли мы кого-либо к баллотировке – ответа не последовало. Солидарность сорвалась. Решено было баллотировать всех. Бóльшее число голосов получили след[ующие] лица:

		Избирательных	Неизбирательных
Священники	Николай Балалаев	8	5
	Максим Худоносов	6	7
	Константин Розанов	6	7
Крестьяне с. Дедова	Епифанцев	10	3
	Токарев	7	6

Итак, только три выборщика по большинству голосов прошли на выборы в съезд уездных землевладельцев: один священник и два крестьянина.

[1] Один иерей в день выборов (22 янв[аря]) побывал в нескольких городских присутственных местах и с великим трудом едва добился толку в канцелярии начальника губернии. Только за два часа до начала выборов стало известно место их *(прим. автора).*

Подписью баллотировочных листов и акта закончились выборы.

Скучно, буднично проходил знаменательный день, оставляя после себя какую-то пустоту и неудовлетворенность, но прошел час, и мы уже разменялись на мелочи житейской суеты: кто идет в консисторию, кто в магазины за покупками, а кто спешит уехать домой, туда, в глухой медвежий угол, где нас с важными новостями и свежими впечатлениями ожидают соседи, товарищи, прихожане и семья.

Явилась охота проследить, как дело выборов идет в других епархиях. Передо мною свежий номер газеты. Читаю телеграммы: «Лечичев Подольской губ[ернии]. Участие в выборах от мелких землевладельцев принимали 113 человек, выбрано 31 – все священники». «По Киевской губернии из 520 выбранных уполномоченных 313 священников».

А у нас в громаднейшем уезде из 107 священников едва прошел один!

На другой день, 23 января, случайно пришлось мне зайти в Народный дом – там было собрание уполномоченных от волостей крестьян. В зале уже не менее 60 человек. Один из крестьян – рослый, русый мужчина – стоял на скамье и говорил к тесно окружившим его речь о том, как им совершать выборы. «Нас будет много, – говорил, между прочим, оратор, – мы из разных далеких концов уезда, друг друга не знаем, на кого же мы укажем? По нашему мнению, положимся на волю Божию, бросим жеребья, и потом о жеребьевых спросим, что они за люди, верные ли они церкви и батюшке царю, пообещаются ли они нам в измену со смутьянами не входить, а если будут в Думе, то твердо держаться за государя, просить у него первым долгом земли. Накажем же им твердо, чтобы выборщики наши не шли на подкупы и посулы изменников. Если они, наши поверенные, пообещаются тут вот, пред миром, исполнять нашу волю, ну, тогда, как закон велит, будем их баллотировать и выберем в губернское собрание девятерых». Все крестьяне, видимо, остались довольны речью оратора. Некоторые высказывали желание помолиться пред началом дела. Далее что было – не знаю: полиция не позволила мне остаться в зале и просила удалиться.

Возвращаюсь домой в темную деревню. По дороге те же ухабы, а на душе «и скучно, и грустно»!

Публикуется по изданию:
Священник. Впечатления избирателя //
Оренбургские епархиальные ведомости.
1907. № 7. С. 101–108.

ВАСИЛИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ ШУЛЬГИН

ГОДЫ

Выборы

Поощренные относительным успехом своим в первой Думе, где польское коло насчитывало около сорока депутатов, польские помещики замыслили провести во вторую Государственную думу гораздо больше своих представителей. В Варшаве собрался съезд. На него явились представители от всех губерний, где имеются поляки, от всей Западной России, Литвы и Царства Польского. На съезде было постановлено:

Попытаться довести число депутатов-поляков во второй Думе до максимального предела, с таким расчетом, чтобы польское коло составило сто человек. Для этой цели везде, где поляки будут выбирать совместно с русскими, последних в Думу не пропускать.

Свое решение неизвестно для чего поляки распечатали в газетах. Это было, как говорится, «немножко множко» и вызвало отпор.

Спящие русские помещики проснулись. Инициативу взяли подоляне. Они созвали в Киеве съезд русских землевладельцев Юго-Западного края, то есть губерний Киевской, Подольской и Волынской. Это было в октябре 1906 года. Приглашались все, но приехало не так много, человек полтораста.

В нашем Острожском уезде было более пятидесяти человек, которые имели право участвовать в избирательном собрании уезда. В Киев приехали двое: Сенкевич и я.

Двое! Значит, из пятидесяти проснулось только четыре процента. К этому нелишне прибавить, что с Ефимом Арсеньевичем Сенкевичем я познакомился только на этом съезде, хотя от моего имения Курганы до его имения Лисичье всего пятнадцать верст, то есть час езды в хорошую погоду.

Остальных помещиков – участников съезда – я тоже не знал никого.

Съезд избрал председателем егермейстера Двора Его Величества брацлавского уездного предводителя дворянства Петра Николаевича Балашева. Бывший гвардейский гусар, рано вышедший в отставку в чине поручика, он принадлежал к петербургской аристократии и по отцу, и по матери. Предок его был сподвижником Петра Великого. Мать, Екатерина Андреевна, урожденная графиня Шувалова. Ее сестра, статс-дама Елизавета Андреевна, была замужем за намест-

ником Кавказа и главнокомандующим Кавказским военным округом генерал-адъютантом графом Илларионом Ивановичем Воронцовым-Дашковым. Его роскошная резиденция в Тифлисе (Тбилиси) сохранилась доныне. Там находится Дворец пионеров и школьников.

Балашевы были очень богаты, имели несколько имений в разных губерниях. Петр Николаевич жил в Подольской губернии, где был влиятелен. Он женился на княжне Марии Григорьевне Кантакузен, в гербе которой были две императорские короны. Кантакузены принадлежали к высокой международной знати.

Итак, съезд избрал председателем Балашева. Но избрал и почетного председателя. Кого же? Какого-нибудь великого князя? Нет, сына деревенского мельника, моего отчима, профессора Киевского университета Дмитрия Ивановича Пихно. Почему? Потому что он был, кроме того, редактором газеты «Киевлянин». Все эти помещики, не знавшие друг друга, хорошо знали «Киевлянина». Эта газета выражала их чувства и формировала сознание. «Киевлянин» был и программа, и утешение в трудные дни 1905 года, только что пережитые.

Съезд постановил:

Принять вызов поляков и употребить все усилия, чтобы во вторую Государственную думу поляки не явились единственными представителями Юго-Западного края.

Поручить всем явившимся на съезд организовать выборы в своих уездах.

Так как от Острожского уезда явилось двое – Сенкевич и я, то нас двоих и уполномочили работать в сем уезде по крайнему своему разумению. Это поручение мы приняли всерьез.

Я не имел никакого влечения к политике, хотя и вырос в политической семье. Меня притягивала история Волыни. Это выразилось в том, что я начал писать исторический роман из жизни XVI века под заглавием «Приключения князя Воронецкого». Я пишу его с 1903 года, то есть свыше шестидесяти лет. Не дописал и уже не допишу, естественно. Да и те тома, что были написаны, и даже два тома, что были напечатаны, находятся «в безвестном отсутствии». Что ж, приключения так приключения!

Два генерала

Мы, русские помещики Острожского уезда Волынской губернии, начисто провалились на выборах в первую Государственную думу по этому уезду. Мы были совершенно не организованы. Поляки же явились все как один, в числе пятидесяти пяти, если не ошибаюсь, и с некоторой торжественностью закидали черными шарами наших кандидатов. Меж тем они не были так плохи. Их называли «два генерала» и про них повторяли песенку, тогда модную:

Мы два генерала,
судьба нас связала,
на остров послала...

Генерал Ивков был настоящий генерал, то есть военный в отставке. Старик тихонько жил в своем имении, где построил обсерваторию. Днем отдыхал, ночью рассматривал звезды в телескоп. Он был один из тех, кто предчувствовал случившееся в наши дни, то есть, что человечество, и Россия в частности, предпримут «кампанию» в космос. Земными делами он мало интересовался, передав все управляющему.

Другой генерал имел высокие чины, но носил узкие погоны.

Его звали Георгий Ермолаевич Рейн. Все думали, что он из немцев. На самом деле он был чистокровный русак. Его настоящая фамилия была не Рейн, а Реин. И внешность этому соответствовала. Доктор медицины, он с 1874 года, как профессор-акушер, читал лекции в Петербургской военно-медицинской академии. В течение двадцати лет, с 1880 по 1900 год, занимал кафедру Киевского университета по гинекологии и акушерству, а затем снова перешел в Петербург, где был близок к высшим сферам. Как известный хирург, он оперировал сестру императрицы Александры Федоровны, великую княгиню Елизавету Федоровну. Человек большой энергии и работоспособности, он построил в Петербурге образцовую клинику. Целью его жизни было создать в России министерство народного здравия, которого не было. Это ему удалось. 1 сентября 1916 года он был назначен главноуправляющим государственным здравоохранением, но не пробыл на этом посту и полугода. За несколько дней до падения империи, 22 февраля 1917 года, Главное управление народного здравия по причине чрезвычайных обстоятельств военного времени и наступившей разрухи было аннулировано.

Конечно, такого кандидата, как генерал Рейн, поляки не имели. Тем не менее его провалили. Два генерала знали, что их провалят. Но они исполняли свой гражданский долг и провал не считали унижением.

Так было в Острожском уезде в 1906 году.

План кампании

Возвращаясь из Киева на Волынь, еще в поезде мы с Сенкевичем определили, что, начиная план кампании, прежде всего необходимо иметь карту. Карта у меня была и очень подробная. Масштаб три версты в дюйме. Карта эта занимала стену в моем кабинете в Курганах. Еще важнее были списки избирателей. Они были напечатаны, мы их достали, равно как текст закона. Когда мы изучили эти материалы, план кампании стал нам ясен.

Выборы в Государственную думу не были по «четыреххвостке», как этого требовали кадеты и партии их левее. Из четырех хвостов (всеобщая, тайная, равная, прямая подача голосов) сохранился один – «тайная». Выборы не были всеобщие. Кроме умалишенных и преступников лишены были избирательного права женщины. Впрочем, женщины могли передоверять свой голос мужьям и ближайшим родственникам. Не участвовали в выборах лица, находящиеся на действительной военной службе.

Выборы в Государственную думу были не равными, а цензовыми. Избиратели должны были иметь имущество. И в зависимости от величины ценза были их из-

бирательные права.

Не были эти выборы и прямыми, потому что они были многостепенными, что тоже будет рассказано на примере Острожского уезда.

Членов Государственной думы выбирали выборщики, присланные в губернское собрание из уездных собраний. Таких собраний в каждом уезде было два. Одно состояло из выборных от волостей.

Русская деревня с незапамятных времен имела свое самоуправление, называвшееся волостным. Волостной сход составляли все «хозяева» данной волости. Хозяином почитался каждый, кто владел «наделом», то есть участком земли, полученным в 1861 году при освобождении крестьян. Надел переходил по наследству. Волость как старинная форма самоуправления, хорошо знакомая крестьянам, и была положена в основу крестьянских выборов в Государственную думу. Волостные сходы выбирали делегатов в уездное избирательное собрание. Это последнее выбирало делегатов в губернское, в данном случае в Житомир, где уже выбирались члены Государственной думы от губернии.

Второе уездное собрание составляли землевладельцы, чьи выборные права основывались на личной собственности. Всякий, кто имел хоть какой-нибудь клочок личной земли, мог участвовать в этом уездном избирательном собрании, но далеко не на одинаковых правах. Закон различал полноцензовиков от более мелких собственников. В законе слова «помещик» не было. Но обычно, житейски, в то время помещиками называли лиц, имевших полный ценз. Величина ценза определялась законом для каждого уезда. В Острожском уезде ценз был определен в двести десятин. Так как у меня по купчей считалось триста десятин, то я был полноцензовик и имел те же права, как и помещик Герман, самый крупный в нашем уезде. У него было около десяти тысяч десятин. Те же лица, которые не имели полного ценза, то есть двухсот десятин, не имели и голоса в собрании цензовиков. Но они могли «складывать» свою землю. Эта сложенная земля давала неполноцензовикам столько голосов, сколько выходило, если общее число десятин «сложенной» земли разделить на двести. Так было в Острожском уезде.

Все это показалось нам поначалу чрезвычайно сложным. Но, изучив списки избирателей, мы поняли, что победа над польскими помещиками таится именно в этой сложности.

Делегаты от «сложенной» земли назывались «уполномоченными» от землевладельцев, не имевших ценза. Сколько же их явилось в Острожское избирательное собрание на выборах в первую Думу? Всего семь уполномоченных. А сколько их могло явиться, если бы они полностью использовали свои возможности?

В списках избирателей указывалось, сколько каждый имеет земли. Проделав утомительную арифметику по сложению этих клочков, мы узнали, что у всех «мелких» (для простоты так их называли) в совокупности имеется свыше шестнадцати тысяч десятин. Разделив сию цифру на двести, мы сделали потрясающее открытие: если мелкие используют всю свою землю, то их уполномоченные явятся в Острожское губернское избирательное собрание в числе восьмидесяти человек. Восемьдесят! Это обозначало, что в этом случае не цензовики будут хозяевами выборов, а уполномоченные.

Действительно, если бы даже все цензовики действовали сообща, русские и поляки, то, по нашим расчетам, у них восьмидесяти голосов все же не было бы. Но так как часть русских помещиков будет с нами, то нам не надобно восьмидесяти уполномоченных (цифра эта теоретическая), а достаточно и меньшего числа, чтобы забаллотировать поляков. На выборах в первую Думу их было пятьдесят пять человек, и это их максимальная возможность.

<...>

Но как из семи перводумских уполномоченных сделать, скажем, сорок втородумских?

Мы стали еще внимательнее изучать избирательные списки. Мелкие оказались очень пестрыми по размеру своих владений. Два-три полупомещика, около ста десятин каждый. Много средних и туча мелких. Как подойти к этим людям?

При дальнейшем разглядывании выделились три группы. Во-первых, деревенские священники. Исторически в нашем крае каждая церковь была наделяема землей. Это началось с давних времен. Русские, а иногда и польские паны наделяли церкви, построенные в их владениях, участками земли, с которых батюшки и жили. Закон о выборах в Государственную думу определил, что церковные земли дают право духовенству быть избирателями в уездном собрании наравне с личными собственниками. В Острожском уезде было свыше ста приходов. Размер земельного обеспечения церквей был разный, но в среднем можно считать сорок десятин на приход. Итого, если бы батюшки использовали полностью свои права, они могли бы прислать двадцать уполномоченных.

Вторая группа мелких были чехи. Императрица Екатерина II в предположении, что живой пример положительно подействует на русских крестьян, пригласила крестьян – немцев и чехов, которым было тесно у себя, переселяться в Россию. Эта царица думала, что русские крестьяне начнут подражать колонистам, убедившись, что культурное земледелие дает больше, чем первобытное. Колонисты наделялись мелкими участками, близкими к крестьянским.

Мысль Екатерины II была плодотворной. К началу XX века у нас на Волыни оказалось достаточно колонистов немцев и чехов. Они благоденствовали. Считалось, что колонист, имеющий шесть десятин, живет, как маленький помещик. Но часть этих колонистов, начав с малого, становилась богатыми помещиками, покупая землю.

Самым ярким примером этому был Фальц-Фейн в Херсонской губернии. Он был очень богат и основал в херсонских степях колоссальный заповедник, где жили самые разнообразные звери и птицы, в том числе страусы.

На Волыни тоже бывали разбогатевшие колонисты. Я знал милейшего Арндта. Его дед был рядовой колонист, но Иван Юлианович имел уже тысячу десятин... Он жил богато, но деловито, без ненужной роскоши и тунеядства. Его роскошью были дочери, здоровые на загляденье барышни, получавшие образование, но не отрывавшиеся для наук от деревни и домашнего хозяйства, как наши русские барышни. Последних воспитывали, очевидно, в предположении, что они

всегда будут иметь горничных и кухарок, что не оправдалось.

В Острожском уезде возобладали не немцы, а чехи. Из них только один разбогател настолько, что перешел в цензовики. Остальные были в разряде мелких, то есть могли попасть в уездное избирательное собрание через уполномоченных.

Третью группу составляли крестьяне, владевшие личной, то есть купленной землей помимо наделов. Эти имели двойные выборные права: в волостных собраниях по наделам и как личные землевладельцы. Состав их был чрезвычайно пестрый. Я знал одного, едва грамотного старика. Он нажил шестьсот десятин хорошей земли и четырем своим сыновьям дал университетское образование. Этот, разумеется, был цензовик.

Были и другие цензовики из крестьян. Но сейчас я говорю о крестьянах личных собственниках, но мелких. Среди них преобладали мелкие собственники, начиная с одной десятины. Но по количеству земли сообща они составляли группу весьма значительную.

Но как до них добраться?

Батюшки

Обмозговав положение, мы поняли, что создавать какой-то собственный агитационный аппарат немыслимо. У нас нет ни людей, ни денег, ни времени. В этом отношении я имел уже некоторый опыт. Конь Васька потому явился одним из участников в выборах во вторую Думу, что я на нем летом 1906 года поездил немало по Острожскому уезду. Я, как Чичиков, гонялся за мертвыми душами, которых надо было воскресить или пробудить для общественной жизни. Мой опыт показал: душа – это минимум день. Этих душ несколько сот. До выборов осталось четыре месяца. И каких месяцев! Грязных и снежных. Дождь и вьюга. Ясно, что тут чичиковские методы неприложимы.

Печать? Но эти люди газет не читают. Печатные прокламации? И не прочтут, и не поймут. Что же остается?

Остаются батюшки! Их не меньше ста лиц в нашем уезде. Они есть в каждом селе, и все в совокупности они знают чуть ли не поименно всю толщу народа. Кроме того, они сами по закону являются участниками в выборах. Батюшки – это ключ к положению.

Наш батюшка, то есть священник прихода, к которому мы относились, был отец Петр. Человек весьма достойный. Однажды он сказал мне, что духовенство местное очень хорошо ко мне относится, но есть нечто, что батюшек смущает.

– Что именно?

Зачем вы ездите польской четверкой?

– А если я вам скажу, что я езжу не польской четверкой, а архиерейской?..

– Как это?

– Разве вы не знаете, что митрополит Киевский и Галицкий спокон веков ездил и ездит именно такой четверкой?

Тут ничего нельзя было возразить, потому что это было правдой. Но дело не в этом, а в том, что если достойный человек и иерей отец Петр выказал себя не

только русским националистом, но и шовинистом, то значит батюшки поддержат всякую акцию против польских помещиков.

Так оно и оказалось. Мы создали некий предвыборный комитет, в который вошел и Острожский протоиерей Ястржемский. Надо сказать, что духовенство было самым дисциплинированным сословием в России. Мнение протоиерея, высшего священника в уезде, было если не все, то очень много. Можно было надеяться, что батюшки исполнят то, о чем комитет их попросит. А что комитет хотел просить у священников? Ничего противного их сану. Никакой агитации. Главный противник наш обозначился на выборах в первую Думу. Это был абсентеизм избирателей. И вот здесь могли помочь батюшки.

Я написал и послал свыше ста открыток одинакового содержания.

«В Вашем приходе, уважаемый отец такой-то, проживают такие-то лица. Им надлежит прибыть на выборы в Государственную думу туда-то тогда-то. Предвыборный комитет просит Вас напомнить им об этом их долге в ближайший к выборам праздничный день, после службы».

Эти невинные открытки и решили дело по существу.

Перехожу к выборам.

Не успели оглянуться, как настал решающий день: выборы уполномоченных от мелких землевладельцев.

Что даст наша тактика и стратегия?

Когда утром этого решительного дня я посмотрел на градусник, то подумал:

– Чего можно ожидать, если мороз 30 градусов? Кто поедет? Мороз в 30 градусов по Реомюру, по Цельсию около сорока, для Волыни вещь исключительная.

Но вечером приехали Сенкевич и Лашинские и привезли радостные вести.

Мороз не испугал. Явились! Приехали тучами. Но выборы едва не сорвались на том, что трудно было предвидеть.

Во всех трех избирательных пунктах уезда было одно и то же. Огромное численное превосходство наиболее мелких избирателей, назовем их для простоты однодесятинниками. Они быстро сообразили, что в их руках сила, и решили выбирать уполномоченных только из своей среды, то есть от бедноты. Тогда более зажиточные сказали:

– Если так, то чего же нам ждать, мерзнуть тут? Едем домой? Они и без нас сами себя выберут.

И вот тут и спасли положение наши агитаторы. Они пошли к однодесятинникам и сказали им:

– Вас-то много, да земли у вас мало.

– Ну так что?

– А то, что перед самыми выборами будут считать землю. Сколько у вас ее есть всего. Будут считать только землю тех, кто вот тут в собрании присутствует. А землю тех, что вот уже коней закладывают, чтобы домой уехать, тех землю считать не будут. Они уедут и землю свою увезут с собой. Посчитают только вашу землю бедняцкую. И вы выберете уполномоченных, кого хотите, но сколько? Мало, потому что вас много, а земли у вас мало. И эти наши уполномоченные в Остроге, на уездном собрании, не смогут осилить панов, и никто из вас не пройдет в Думу.

Однодесятинники поняли. И послали сказать зажиточным:

– Не уезжайте, не увозите землю. Как-нибудь сговоримся.

– И сговорились?

<…>

– Сговорились.

– И что же?

– А то, что не поверите! Избрано в трех пунктах шестьдесят уполномоченных! Шестьдесят!!! А в первую Думу было семь! Кто мог думать?

Действительно, это была победа, в которую и верить было трудно. Если бы приехали все, кто в списках, до последнего, то уполномоченных было бы восемьдесят человек. Шестьдесят – это 78 процентов от высшей теоретической возможности.

Сейчас, когда в выборах участвует до 99,9 процентов, этим никого не удивишь. Но тогда было иначе. Незадолго перед этим на городских выборах в Брюсселе, столице Бельгии, число явившихся к урнам достигало 75 процентов возможного.

Этот результат был отмечен повсеместно как результат высокой гражданственности.

Но то Брюссель, а то Волынь. Совершенно неподготовленное население. Мороз в 30 градусов, и притом ни денег, ни людей для агитации.

<…>

– Это дело батюшек, – сказал я.

– Это ваши открытки! – ответили мне.

– Батюшек и ваше! Вы блестяще помирили бедных и богатых. Слава миротворцам!

Так мы хвалили друг друга на радостях. Затем я сказал:

– Будем торжествовать, но не слишком. У нас шестьдесят уполномоченных. У нас, кроме того, двадцать цензовиков русских, что, вероятно, пойдут за нами. У поляков предельное число пятьдесят пять голосов. Восемьдесят бьют пятьдесят пять наголову, если…

– Если не поссорятся!..

Помещики

Наступил день уездных выборов. Было много опасений, что из шестидесяти уполномоченных многие не приедут. Но приехали все. Прибыли и двадцать русских цензовиков, хотя их могло бы быть около шестидесяти, если бы явились все, кто был в списках. Но как один прибыли все пятьдесят пять поляков.

Они гордились не без основания:

– Мы заставили приехать даже тех, кто был в Париже, Ницце и Монте-Карло.

А русские, как всегда: часть герои, остальные обломовы.

Один был такой помещик подолянин, впоследствии член третьей Думы и мой друг. С ним случился такой казус. Во время каких-то выборов в Подольской губернии он с женой был на Цейлоне. Муж стрелял тигров, она любовалась ловлей жемчуга. Они получили телеграмму от друзей: «Присутствие на выборах необходимо».

Он оставил жену ловить жемчуг, а сам поехал. В то время самолетов еще не было. Надо было переплыть океаны и моря и мчаться курьерскими поездами. Он приехал в день выборов, не сказал ни слова, так как был очень молчалив от природы, бросил шар в урну и на следующий день отправился обратно на Цейлон, снова переплыл моря и океаны и дострелил недостреленного тигра.

У нас в Острожском уезде не было героев таких «цейлонских», но Георгий Ермолаевич Рейн приехал из Петербурга, бросив академию и клинику. А астроном генерал Ивков, хотя и остался в своей обсерватории, но передал свой голос управляющему Латинскому, что законом разрешалось.

Барон Меллер-Закомельский приехал острить, как всегда. Год тому назад он послал телеграмму другому барону, Штакельбергу, который был волынским губернатором, такого содержания: «Если Ваше превосходительство не потрудитесь прекратить анархию во вверенной Вам Волынской губернии, то я объявляю себя диктатором Острожского уезда и наведу здесь порядок собственными силами».

Послав эту телеграмму, он основательно закусил в обществе собственного сына в городе Ровно. Возвращаясь домой в имение Витково, он решил испробовать свои диктаторские способности на юном собутыльнике, так как мальчишка стал дерзить отцу. В десяти километрах от дома он выбросил сынка в снег, а кучеру сказал:

– Гони!

Это мне рассказал Андрей, который до меня был кучером у Меллер-Закомельского.

<…>

Я хочу сказать несколько слов о мальчике, подававшем надежды. Он их оправдал. Товарищ его по университету, сын известного профессора, вздумал на последнем курсе жениться. Пригласив шафером молодого барона, он поручил ему отвезти невесту в церковь. Блестящий шафер исполнил просьбу и отвез невесту в церковь, но только в другую, где и обвенчался с нею сам. Потом молодожены инсценировали бегство, хотя их никто не преследовал. Но это нужно было для романтики. Они бежали в «дремучий лес», где были хорошие дубы, мимо которых я нередко проезжал. В некотором отдалении от дороги стояла белая хатка лесника. Там молодые супруги провели медовый месяц довольно спокойно, потому что лес принадлежал барону Меллер-Закомельскому отцу.

По окончании медовой луны юная баронесса переехала в Витково, стала хорошей наездницей и лихо скакала вместе с мужем. Потом…

Потом пришла война. «Герой» в кавычках превратился в героя без кавычек.

Он поступил добровольцем в армию, получил два «Георгия» и был убит.

А старый барон – это было, конечно, до потери сына, – делал свое дело, то есть острил.

Выборы во вторую Государственную думу он начал тем, что, приехав в Острог, пошел в конюшню «Европейской» гостиницы, проще сказать, к Шрайеру. Все мы там останавливались. Барон интересовался лошадьми.

Увидев мою «польскую» четверку золотистых коней, которую я подобрал на ярмарках, а кучер сильно раскормил, несмотря на гоньбу, Закомельский, заметив Андрея, сказал ему:

– Чем ты их кормишь? Наверное, «Киевлянином»?

После этого он вошел в гостиницу. Там его жена бранила Рухцю Шрайер, еврейку чрезвычайно умную.

Она держала в руках не только своего малоэнергичного мужа, но и самого Зусьмана, главного лесопромышленника уезда, а через него оказывала влияние на всю округу. Баронесса бранила Рухцю за то, что она отдала «перший (первый) номер» не ей, баронессе, а Рейну. Все номера в гостинице были дрянь, но «перший» был чуточку побольше. Однако Рухця поступила так потому, что она знала все, что было и будет и что выберут сегодня отнюдь не барона. На эту ссору пришел сам барон и сказал что-то жене по-французски. Рухця не знала по-французски, но все же как-то поняла, что барон сказал своей жене. И рассказывала впоследствии:

– Он ей сказал: почему ты так кричишь? Не потому ли, что ты баронесса? Но ты баронесса только потому, что я барон.

Затем последовал завтрак. Мы, несколько человек, завтракали в этом самом «першем номере» у Рейна. Кушали яичницу. Закомельский острил. И говоря об Ивкове, сказал:

– Он не только астроном, но и приличный человек. Но избирать его нельзя: у него в голове яичница!

На завтрак был приглашен и Латинский, управляющий Ивкова. Ему было неловко это слушать. Он сказал:

– Вы так говорите, барон, а генерал очень вас любит!

Барон несколько смутился. Но сейчас же нашелся:

– Любит? Любит меня? Так ведь я тоже… я ужасно люблю… яичницу!

Словом, каждый делал то, что ему свойственно. А положение все же было не такое простое. Предстояло выбрать пять человек от Острожского уезда.

Острог

Итак, пятеро поедут в Житомир и там вместе с другими выберут членов Государственной думы. Каждый из этих пяти, быть может, будет депутатом.

Пять! Но дело в том, что избиратели, которых было семьдесят девять, состоят из четырех групп, совершенно разных, хотя численно почти равных. Уполномоченные от мелких представляли такую любопытную картину: двадцать батюшек, девятнадцать чехов, двадцать один крестьянин-хлебороб. Затем было

девятнадцать русских полноцензовиков.

Все четыре группы собирались для разговоров отдельно, но все пришли к тому мнению, что батюшки, чехи, хлеборобы и помещики должны получить каждые по одному, итого четыре. Но что делать с пятым? Великодушно было бы отдать пятого меньшинству, то есть полякам. Но великодушного настроения в отношении поляков не было. Великодушие проявилось в другом направлении.

После долгих совещаний между уполномоченными к нам, полноцензовикам, пришли делегаты от крестьян и сказали так:

– Нас больше других, нас двадцать один. Некоторые думали, что пятого надо отдать нам. Но, поразмыслив, все мы на том стали, что так будет неправильно. Пятое место надо отдать русским помещикам, чтобы, значит, помещиков избирать двух, а от остальных по одному. Почему мы на это решились? Потому что хорошо понимаем, что все вы сделали, что без вас ничего бы не было, а поляки избрали бы одних поляков, вот почему.

<...>

Этот барьер казался мне самым трудным. Четыре дружины могли перессориться из-за пятого места. Когда теперь на старости лет я наблюдаю международную грызню государств, мне иногда кажется, что некоторым вождям и правителям еще далеко до того духа уступчивости и миролюбия, который обнаружили волынцы в конце января месяца 1907 года в городе Остроге.

Теперь остались только персональные вопросы. Кто будут эти несчастные счастливцы, которых пошлют в Житомир?

Четыре группы предоставили друг другу в этом отношении полную свободу, то есть без права отвода. Поэтому нам, полноцензовикам, оставалось только наметить двух кандидатов «от помещиков». И тут произошло то, чего я опасался.

Мне было двадцать девять лет. Я до сих пор, то есть до Государственной думы, мало занимался общественными делами и ничем другим тоже не выдвинулся. Кроме того, было и такое соображение. По закону достаточно было иметь двадцать пять лет, чтобы быть избранным в Государственную думу. Но был и другой закон, неписаный, по которому на важные общественные должности обыкновенно выдвигают людей постарше. Я думал, что эти два обстоятельства достаточно гарантируют меня от тяжелых неприятностей. Таковыми я считал избрание меня в Думу. У меня не было ровно никакого желания закабалять себя в политику. Я хотел жить в деревне. Немножко хозяйничать, немножко писать роман «Приключения Воронецкого». Не прочь был что-нибудь делать и по земству. Меня назначили попечителем по пожарно-страховым делам. Мне нравилось скакать на Ваське всюду, где произошел пожар, и там на месте составлять протокол. Это ускоряло получение страховой премии, что было важно для погорельцев. О более широкой и «высокой» деятельности я не мечтал и тушить всероссийский пожар не собирался. Я не был рожден «для распрей и для битв». Но судьба распорядилась мною иначе. Возня с выборами в Острожском уезде выдвинула меня против воли.

<...>

– Было в первую Думу семь уполномоченных. Сейчас шестьдесят! Кто это сделал? Шульгин и Сенкевич. Их послать! – таков был глас помещичьего народа.

Я не хотел, я просил пощадить. Но меня заставили следующими соображениями:

– Не хотите в Думу? До Думы еще далеко. Проведите выборы в Житомире. Там тоже будет всего.

Сенкевич был счастливее. Ему удалось отбиться. Кроме того, Г.Е. Рейн, академик-профессор, крайне энергичный, работоспособный и со связями в столице был кандидатура блестящая. И притом он явственно хотел пройти в российский парламент. Это его устраивало. Таким путем ему легче будет создать министерство народного здравия, что было целью его жизни.

В заседаниях, предшествовавших выборам, он неизменно выбирался председателем, а я секретарем. Было ясно: этим двум надо ехать в Житомир.

Однако поляки тоже не дремали. Они составили план сорвать выборы. Я это понял слишком поздно, и они выборы сорвали. Сделали они это довольно любопытно. В имении Оженино Еловицкие сидели очень давно, столетия. Они вели свой род от князей Святополя-Четвертинских и некогда жили в Четвертне. Тогда они были русские, православные, но потом ополячились. Во всяком случае, это была коренная волынская аристократия. Молодой Витольд Грацианович Еловицкий окончил со мной юридический факультет в Киеве. Он работал и у моего отчима по кафедре политической экономии. Еловицкий был чуть ли не единственный поляк, который однажды летом приехал с визитом к своему профессору. И именно он сорвал выборы хитрым образом.

Председательствовал в уездном собрании в Остроге за отсутствием предводителя дворянства мировой посредник. Этой должности не было в Восточной России, там они назывались земскими начальниками. Илья Павлович Ивашкевич был милейший человек. Между прочим, он любил, объезжая уезд, заезжать к нам в Курганы. И каждый раз рассказывал один и тот же случай. Он, Илья Павлович, когда-то, почему-то ехал вместе в карете с высокопреосвященнейшим Платоном, митрополитом Киевским и Галицким. Когда ехали через какое-то местечко мимо католического костела, зазвонили в колокола, что не могло быть не чем иным, как приветствием высокой духовной особе. При отношениях между католиками и православными это было необычно. Митрополит остановил карету и, войдя в костел, благословил ксендза, выслушав краткое богослужение. Затем поехал дальше.

Но этот случай произвел на Илью Павловича неизгладимое впечатление. И каждый раз, когда он это рассказывал, глаза его увлажнялись, и голова тряслась как-то преждевременно. Он не был дряхлый старик. По натуре своей он мог бы быть именно «мирный посредник», а не председательствовать в собрании, где люди сошлись под знаком национальной борьбы. Илья Павлович несколько растерялся, у него не было привычки председательствовать в такого рода собраниях. На это Витольд Грацианович и рассчитывал.

<...>

Собрание открылось чтением закона о выборах в Государственную думу. Когда законы были прочитаны, Еловицкий попросил слова и потребовал некоторых «разъяснений» от председателя. Илья Павлович, давая разъяснения закона, запутался. После задавали новые вопросы – он запутался еще больше. Мне стало ясно, что Еловицкий устраивает все это, чтобы иметь повод для кассации выборов. Он недаром стал адвокатом. Я попросил слова и дал разъяснения закона, чтобы помочь Илье Павловичу. Но я был рассержен на поляков и в особенности на Еловицкого за то, что он занимается провокацией. И тут у меня вырвалось несколько слов, которых не следовало говорить.

Дело было в том, что закон категорически запрещал всякую агитацию в день выборов. Все такое должно было кончаться накануне. А мои слова, которых, впрочем, не помню, в самом избирательном собрании, очевидно, можно было изобразить как агитацию. Как только я начал в этом стиле, поляки закричали:

– Слушайте, слушайте!

Я понял и замолчал. Но слово не воробей: вылетит – не поймаешь. Дело было сделано.

После этого поляки перестали просить разъяснений закона. И выборы прошли гладко.

Поставили пять ящиков с нашими именами. И мы получили точно: 79 белых шаров и 55 черных. Теперь оставалось ехать в Житомир. Выборы членов Государственной думы были назначены на 6 февраля.

Но Витольд Грацианович оказался ловчее меня. Его предки занимались выборным искусством уже целые столетия в сеймах и сеймиках. Словом, Еловицкий подал кассационную жалобу в том смысле, что выборы совершились с нарушением закона. И губернатор кассировал выборы и назначил новые. Срок для новых выборов был указан очень краткий. Обычным казенным путем, то есть через публикацию, было невозможно довести до сведения выборщиков, что им надо ехать в Острог вторично. И этот срок и не мог быть более долгим, так как в таком случае острожане не попали бы в Житомир к 6 февраля.

На этом и был основан хитрый расчет Витольда Грациановича. Но он упустил из виду одно обстоятельство. Во время сеймов и сеймиков не было телеграфа. А в 1906 году телеграф действовал, и неплохо. Каждый телеграфный пункт обслуживался, между прочим, мальчишками из села. Эти юные вестники пешком во всякую погоду днем и ночью доставляли телеграммы во всякое село или имение. Они назывались «нарочные» и получали плату десять копеек с версты, которую платил отправитель телеграммы, означив в адресе: туда-то нарочным, тому-то. Получатель, если хотел, давал мальчику на чай, деньги тогда были дорогие. Мальчик, доставивший двадцать пять телеграмм на среднее расстояние в десять верст, мог за двадцать пять рублей купить себе хорошую лошадку. Это не принял в расчет Витольд Еловицкий.

Я послал около восьмидесяти телеграмм, что мне стоило около двухсот рублей. От этого я не разорился, а мальчишки побежали марафонским бегом во все

концы уезда. Результаты?

Все уполномоченные, числом шестьдесят, явились как один. Телеграмма! Шуточное ли дело! Для некоторых из них это была первая телеграмма в их жизни, а может быть, и последняя.

Явились и девятнадцать помещиков. Выборы состоялись снова, и пятьдесят пять поляков были вновь положены на обе лопатки.

Итак, Острог был взят после второго штурма. Мы победили! Теперь пять человек должны ехать в Житомир и там избирать членов Государственной думы от Волынской губернии. Два русских помещика (Г.Е. Рейн и В.В. Шульгин), один русский крестьянин, один русский священник, один чех из колонистов. Все поехали порознь, потому что проживали в разных местах. День выборов был назначен на 6 февраля. Смотря на снежные поля, мелькавшие за стеклами вагона, я никак не мог себе представить, что нас ждет.

<...>

Жизнь в уютных домиках была дешева.

Но на главной улице были магазины, из которых некоторые стали гордостью города. Житомирские перчатки славились на весь край. Нарядные польки продавали и отменные духи. Они улыбались, как балерины, и серьги в их ушах вздрагивали горделиво.

Ждал нас отменный кофе в кавярнях (кофейных). Паненки очаровательно говорили «проше пана» и «бардзо дзенькую», но не без некоторой самомнительности. Они себе цену знали.

На главной улице стояли две гостиницы, одна против другой. Более шикарную, не помню, как ее название, заняли поляки.

Более скромная гостиница была «Рим». Ее заняли мы, русские.

Острожское восстание кончилось нашей победой. Но как будет в Житомире?

Однако ни польские паны, ни русские помещики не могли решить дела по существу. Соотношение «сил», то есть число выборщиков разных групп, было таково, что ни одна группа в одиночку не имела большинства. Следовательно, необходим был сговор. Самой многочисленной группой были крестьяне. Это были выборщики от волостей, то есть от хозяев, имевших наделы, и выборщики от крестьян, имевших собственную землю. По национальности они были русские, или, как тогда говорили, малороссияне, по нынешней терминологии – украинцы.

Второй по численности была группа польских помещиков, третьей – русских помещиков. Четвертая группа – горожан, которые почти все были евреи. Пятая – священников, русских по национальности. Наконец, шестая группа – чехи и немцы, колонисты.

Группировки по национальному признаку могли быть такие.

Русские, то есть помещики, батюшки и крестьяне, к которым присоединились чехи и немцы-колонисты.

Поляки, к которым примкнули евреи-горожане.

По классовому признаку мог быть блок всех помещиков без различия наци-

ональности, то есть союз русских и поляков. Если бы к этому союзу примкнули евреи-горожане, то такой блок имел бы большинство.

Это могло бы быть серьезным искушением. Революция собиралась сделать имущих нищими. Естественно, что ограбляемые могли соединиться вместе в борьбе против грабителей. Грабителями явились бы мужики, которым сулили помещичью землю. Но тогда на Волыни еще так не было.

Идея национального единства, поддержанная церковью, одержала верх.

Таким образом, ограбляемые решили объединиться с теми, кто при известных условиях мог стать грабителем. Мог, но пока что таковым не был. Кроме природной мягкости волынского хлебороба, здесь сказалась умиряющая рука духовенства.

<...>

Итак, русские помещики овладели «Римом». Это значит, что они захватили гостиницу «Рим» в Житомире. В этом «Риме» на совещаниях, а также во время совместных обедов и ужинов выяснилось, что настроение русских помещиков твердое: с поляками и евреями блокироваться не желаем, надо соединиться с крестьянами.

Итак, мы жили в «Риме». Но где поместились эти самые крестьяне? Их приютила церковь. Архиепископ Антоний через двух своих помощников: архимандрита Виталия и иеромонаха Илиодора – чрезвычайно искусно выполнил христианский долг уловления душ. Выборщики были простые люди, совершенно растерявшиеся, когда на них пала такая трудная задача – избрать из своей темной среды таких людей, чтобы помогли править народом... кому? Самому царю! Так им представлялась их будущая должность. Они были чрезвычайно рады, когда на вокзале их встретили ласковые монахи. Батюшки не только приютили их в своем подворье, дав им и кров, и пропитание, и притом даром. Архимандрит Виталий и иеромонах Илиодор стали поучать их уму-разуму, то есть как им поступать сейчас на выборах и потом в Государственной думе.

Они уже знали, что им будут платить за их службу десять рублей в день. Десять рублей! Это кружило голову беднякам. Ибо те, что кончили школу, знали: если Дума проживет, даст Бог, все пять лет, как ей полагается, то каждый из них получит 18 250 рублей. И станет серый хлебороб не то что каким-нибудь чехом или немцем, а самым настоящим помещиком. Но монахи им, должно быть, объяснили: чтобы стать помещиком через пять лет, надо сейчас поладить с теми, кто уже помещики, с теми, кто живет в гостинице «Рим», с теми, кто будет 6 февраля выбирать в Государственную думу. Без их помощи ни один хлебороб помещиком не станет.

Так должны были говорить монахи, но они так не говорили.

Когда я увидел архимандрита Виталия, я это понял. Он сидел в углу большой комнаты в подворье, но не в красном углу, то есть под образами, а в другом, напротив. И произошел конфуз. Я перекрестился не на образа, а на архимандрита, но вышел из положения тем, что подошел к нему под благословение. После этого он

пригласил меня сесть на скамью около себя. И, внимательно посмотрев на меня, сказал негромко и очень просто:

– О вас хорошо говорит народ.

Я и обрадовался, и смутился, но ответил:

– Этому я обязан не себе самому, а моему отчиму. Он иногда помогал людям.

– А вы сами?

Он чуть-чуть улыбнулся, смягчая этим строгость вопроса, перешедшего в допрос. Я тоже улыбнулся, и мне было легко ему ответить:

– Вот сейчас хочу помочь.

– Чем?

– С поляками и евреями мы, русские помещики, – я от их лица говорю – не пойдем.

– Похвально, Вам было бы выгодно, вы имели бы большинство.

– Не всегда выгода выгодна. Мы хотим идти с русским народом, которого мы часть. Но я предвижу затруднения.

– Какие?

– Затруднения могут возникнуть при дележе мест.

– Именно?

– Всех мест тринадцать. Надо установить, сколько кому достанется.

– Как же Вы о сем мыслите?

– Начну с легкого. Духовенству – одно место, чехам и немцам вместе – тоже, то есть одно место.

– Не возражаю. Остается одиннадцать.

– Остается одиннадцать. Мы думали так: помещикам четыре места, крестьянам семь. Итого одиннадцать.

Я остановился, ожидая ответа. Но ответ последовал не сразу.

Архимандрит, вероятно, думал о двух предметах. Удастся ли уговорить крестьян и можно ли верить помещикам? Не впадут ли они во искушение? Ведь поляки и евреи, вероятно, предложат им более выгодные условия.

А я не то что рассматривал, я силился ощутить истинную внутреннюю сущность архимандрита Виталия.

Худое лицо, впавшие глаза. Он строго постился и спал на голых досках, быть может, на этой деревянной скамье, где я сидел.

Редкая бородка, не стриженная, а потому, что не растет волос. Я не думал тогда, что так же изображают Христа. От этого человека исходило нечто трудно рассказываемое. Он говорил негромко, ставил трезвые вопросы и следил за моей несложной арифметикой, таившей, однако, весьма сложные переживания. Я был равнодействующая стоящих за мной людей. Правильно ли я их учитывал? А архимандрит Виталий как будто бы «что-то» знал, чего я не знал, а может быть, никто не знал. И это единственно важное «что-то» было настоящей сущностью этого человека. А внешность его и слова, которые он негромко произносил, были то неважное, что соединяло его с миром. Так тихо горящая лампадка есть то, что самое важное в келии. А остальное – стены, пол и потолок, скамьи и стол с куском хлеба, на нем лежащим, только неизбежная дань суетному миру.

Простые люди чувствовали благостное «что-то» этого аскета. И шли за ним.

Когда мистические мгновения размышлений, меня посетившие, кончились, архимандрит сказал:

– Мы вам поможем…

Он выразился неточно, потому что «лампадка» стыдлива. Но я понял. Монах хотел сказать:

– Господь вам поможет… Не только мне. Лампада, излучая свет всем, молится «за всех и за вся».

<…>

В каком-то большом зале мы встретились: крестьяне и помещики. Ну и батюшки, и чехо-немцы тоже.

Крестьяне были не лубочные, не подставные, не «пейзаны» из пасторали. Чистокровные хлеборобы, черная Волынь. Одни в домотканых свитках с самодельными пуговицами и застежками. Другие в кожухах шерстью внутрь. Лица знакомые, не злобные, приветливые.

А Прокопий и другие летописцы VII века повествуют, что они в VI веке нападали на Царьград. Тогда, надо думать, добродушием они не отличались.

Прошло четырнадцать веков, сердца смягчились. Однако люди, в самомнении своем считавшие себя культурными, делали все возможное, чтобы вернуть мирных земледельцев к звериной жизни.

Серо-коричневое пятно свиток и кожухов заняло две трети комнаты. Они разглядывали нас выжидательно. Мы, сюртучники в белых крахмальных воротничках, при галстуке, рассматривали «сермяжную Русь», старались угадать, чем она сегодня дышит.

До 1905 года мы ее знали, ощущали. Но эти два года последние всколыхнули всю страну. Общее настроение обозначившегося движения было революционным. Его лозунгом было насилие. Поддалась ли ему мирная Волынь?

Не помню, как началось. Из массы выделились главари. Они говорили тем языком, как выражаются наши волынцы, прошедшие через солдатскую службу. Смесь общерусского языка с местным.

Нет! Эти люди не хотели насилия. Они хотели сговора с русскими помещиками. А с польскими не хотели и с евреями – тоже.

Это значило, что в чувствах все были едины. И потому разговоры перешли на дележку мест. И тут согласие наскочило на подводный камень.

С батюшками и чехо-немцами быстро покончили.

Тем и другим дать по одному месту в Государственной думе.

А затем дело стало. Помещики хотели получить себе четыре места, а крестьянам дать семь. А последние предлагали помещикам три места, а себе требовали восемь.

На этом они уперлись. Пробовали обе стороны привести какие-нибудь доводы. Но какие могут быть доводы, когда люди просто торгуются? Хлеборобы говорили, что они никому не хотят «кривды», но три места помещикам достаточно.

А помещики утверждали, что правильно дать им четыре места в Государственной думе.

И то и другое было одинаково справедливо и несправедливо, то есть убедительно доказать ничего нельзя было. Поэтому разошлись с кислыми лицами, решив, однако, на следующий день собраться снова.

<...>

Ужиная, «римляне», то есть русские помещики, проживавшие в гостинице «Рим», обсуждали положение. Стало известно, что кто-то из поляков предлагает соединиться всем помещикам вместе и с помощью евреев получить большинство. Выслушали и постановили: блок с поляками и евреями отвергнуть, но и в отношении крестьян держаться твердо. Требовать четыре места. В случае отказа уехать, то есть не участвовать в выборах. И о таковом нашем общем решении объявить крестьянам поручили мне: «Наш пострел везде поспел!».

Собрались вторично. Снова пробовали убедить упрямцев. Нет, не поддаются. Тогда я встал и с некоторой дрожью в голосе сказал:

– Нам предлагали поляки и евреи с ними соединиться, и тогда у нас будет большинство, и мы выберем кого хотим и сколько хотим. Но мы им отказали. Мы русские и против русского народа не пойдем.

Но выходит так, что идти вместе с родным народом нам нельзя. Очень уж вы упрямые, братья-хлеборобы! Куда же мы пойдем? Никуда. Объявляю вам, что мы, русские помещики, в выборах участвовать не будем и разъедемся по домам. Прощайте!

И мы вышли из зала. Но ехать на ночь не хотелось. Куда же идти? Разумеется, все в тот же «Рим» – ужинать.

Во время ужина с горя, очевидно, некоторые подвыпили, и как-то все мы подружились. Настроение поднялось, потому что мы почувствовали себя в некотором роде героями – «лягу за царя, за Русь!». И очень много курили, в комнате был туман. Вдруг ко мне наклонился официант, подававший ужин, и сказал тихонько:

– Вас там требуют.

– Где?

– На крыльце.

– Кто?

– Мужики какие-то.

– Именно меня?

– Так точно. Именно вас.

Я выскользнул незаметно из объятия табачного дыма и вышел на крыльцо. Их было несколько человек. Это были наши упрямцы. Во главе с Гаркавым с «Георгием» на груди.

Я его уже хорошо знал. Он главным образом говорил вчера и сегодня. И теперь он обратился ко мне:

– Мы пришли к вам, хотя вы от нас ушли. Пришли вам сказать. Нам три рус-

ских помещика нужны.

– Зачем?

– Мы люди темные. Не знаем мы, как нам там быть, в той Государственной думе. Вы нам расскажете. Вот почему нам нужно трех русских помещиков. Мы их все равно хочь из-под земли достанем! Мы хотим вас и еще двоих, кого вы назначите.

Я ответил:

– Мы хотим четырех, как вы знаете. Но то, что вы мне сказали, я передам точно другим, сейчас же.

Они поклонились и ушли.

При этом разговоре присутствовал еще один помещик, который, случайно или нет, пошел за мной. Это облегчило мое положение. Войдя в облака дыма, я сказал:

– Прошу внимания!

Дым не разошелся, но говор стих. Я рассказал, что произошло, скрыв только, что они требовали, чтобы я «назначил» двоих. Но это разболтал слышавший разговор на крыльце. Я кончил и прибавил:

– Полагаю, что это не отменяет нашего решения не идти на выборы.

Но мое заявление не имело резонанса. И кто-то сказал:

– А я думаю, что отменяет. Надо идти на выборы, но голосовать за четырех наших кандидатов. Если хлеборобы одумаются, то они выберут четырех. Заупрямятся – выберут трех. В конце концов лучше получить трех, чем ни одного!

Это мнение восторжествовало.

– Если так, – сказал кто-то, – то нам надо немедленно выбрать, кого мы желаем послать в Думу. Записками мы выберем сейчас четырех, и они будут завтра баллотироваться.

Так и сделали.

Наутро в зале было выстроено четырнадцать ящиков с фамилиями кандидатов. Хлеборобы чинно подходили и клали шары. Думали, что они запутаются. Нет! Они положили белые батюшке, отцу Дамиану Герштанскому, чеху Ивану Федоровичу Дрбоглаву, восьми крестьянам, в том числе Михаилу Федосеевичу Гаркавому, и трем помещикам: Георгию Ермолаевичу Рейну, Григорию Николаевичу Беляеву и мне. Четвертого помещика закидали черными.

Поляки и евреи, насколько помню, своих кандидатов не выставляли, но всем нашим положили черные. И кончилось. Крышка гроба захлопнулась. Я был заживо погребен навсегда. Там я лежал – политик, политику ненавидящий.

В соборе архиепископ Антоний отслужил торжественный молебен. Райские звуки струил хор, но мне молебен казался панихидой. 6 февраля 1907 года я похоронил свою свободу.

Извлечение публикуется по изданию:
Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920.
М., 1990. С. 21–46.

Раздел III. ВЫБОРЫ В ТРЕТЬЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ (сентябрь–октябрь 1907 г.)

verstka1.indd 574 18.03.2008 22:00:35

КАДЕТЫ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ МИЛЮКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Часть VII
Государственная деятельность (1907–1917)

Физиономия третьей Государственной думы

Первая русская революция закончилась государственным переворотом 3 июня 1907 года: изданием нового избирательного «закона», который мы, кадеты, не хотели называть «законом», а называли «положением». Но провести логически это различие не было, однако, возможности: здесь не было грани. Если гранью считать Манифест 17 октября, то «положением», а не «законом» были уже, в сущности, «Основные законы», изданные перед самым созывом первой Думы; это уже был первый «государственный переворот».

Тогда и теперь победили силы старого порядка: неограниченная монархия и поместное дворянство. Тогда и теперь их победа была неполная, и борьба между старым, отживавшим правом и зародышами нового продолжалась и теперь, только к одной узде над народным представительством прибавлялась другая: классовый избирательный закон. Но и это было опять только перемирие, а не мир. Настоящие победители шли гораздо дальше: они стремились к полной реставрации.

Если борьбе суждено было продолжаться в том же направлении в порядке нисходящей кривой, то на этом новом этапе она должна была происходить между самими победителями. Равновесие между ними, достигнутое «положением» 3 июня, должно было оказаться временным. Так оно и случилось. Уже роль самого Столыпина в разгоне второй Думы и в спешном проведении дворянского избирательного закона была диссонансом в победе правых. Для него переход от министерских комбинаций с «мирнообновленцами» к Союзу русского народа, покровительствуемому Двором, был уже слишком резок.

В попытках создания собственной партии он унаследовал от гр[афа] Витте союз с октябристами, самое название которых уже было политической программой. И условием созыва третьей Думы, естественно, явилось проведение этих его союзников в Думу в качестве ее руководителей и членов правительственного большинства. Но октябристы были группой, искусственно созданной при участии правительства.

Даже по Положению 3 июня они не могли быть избраны в достаточном количестве без обязательной поддержки более правых групп, тоже искусственно созданных на роли «монархических» партий. По Положению 3 июня выборы оставались многостепенными, но количество выборщиков, посылавших депутатов в Государственную думу на последней ступени – в губернских съездах было так распределено между различными социальными группами, чтобы дать перевес поместному дворянству[1]. Так, с прибавкой из городов, были проведены в Думу 154 октябриста (из 442). Чтобы составить свое большинство, правительство своим непосредственным влиянием выделило из правых группу в 70 человек «умеренно-правых».

Составилось неустойчивое большинство в 224. К ним пришлось присоединить менее связанных «националистов» (26) и уже совсем необузданных черносотенцев (50). Так создана была группа в 300 членов, готовых подчиняться велениям правительства и оправдывавших двойную кличку третьей Думы: «барская» и «лакейская» Дума. Как видим, большинство это было искусственно создано и далеко не однородно.

Если Гучков мог сказать в первых же заседаниях Думы, что «тот государственный переворот, который совершен был нашим монархом, является установлением конституционного строя», то его обязательный союзник Балашов, лидер «умеренно-правых», тут же возразил: «Мы конституции не признаем и не подразумеваем под словами «обновленный государственный строй». А другой лидер той же группы, гр[аф] Вл. Бобринский, получавший жалованье от правительства, заявил более откровенно, что «актом 3 июня самодержавный государь явил свое самодержавие».

Другие платные депутаты на ролях скандалистов – Пуришкевич, П.Н. Крупенский, Марков 2-й, могли вести борьбу за полную реставрацию, опираясь на придворные круги и не считая себя ничем связанными. Сам Столыпин в интервью для правительственного официоза «Волга» заявил, что установленный строй есть «чисто русское государственное устройство, отвечающее историческим преданиям и национальному духу», и что Думе ничего не удалось «урвать из царской власти». Общим лозунгом, приемлемым для всей этой части Думы, оставался лозунг Гучкова: лозунг «национализма» и «патриотизма».

Не было, однако, в этой Думе единства и в рядах побежденных, хотя бы в той степени, в какой с грехом пополам оно все же сохранялось в двух первых Думах. Там мы могли считать, что в борьбе с самодержавием была побеждена вся «прогрессивная» Россия. Но теперь мы знали, что побежденных был не один, а двое. Если мы боролись против самодержавного права за конституционное право, то мы не могли не сознавать, что против нас стоял в этой борьбе еще один противник – революционное право.

И мы не могли, по убеждению и по совести, не считать, что самое слово «право» принадлежит нам одним. «Право» и «закон» теперь оставались нашей специальной целью борьбы, несмотря ни на что. «Революция» сошла со сцены,

[1] Каждые 230 земельных собственников посылали в это собрание одного выборщика, тогда как торгово-промышленный класс был представлен одним выборщиком на 1000, средняя буржуазия – одним на 15 000, крестьяне – одним на 60 000 и рабочие – одним на 125 000 *(прим. П. Милюкова).*

но – навсегда ли? Ее представители стояли тут же, рядом. Могли ли мы считать их своими союзниками? Нашими союзниками, хотя бы и временными, они себя не считали. Их цели, их тактика были и оставались другие. После тяжелых уроков первых двух Дум с этим нельзя было не сообразоваться. Я говорил, что уже во второй Думе Конституционно-демократическая партия совершенно эмансипировалась от тех отношений «дружбы-вражды», которыми она считала себя связанной в первой Думе. В третьей Думе разъединение пошло еще дальше.

По самой идее третьей Думы, в ней не должна была предполагаться наличность оппозиции. И на выборах правительство все сделало, чтобы ее не было. Избирательные коллегии тасовались так, чтобы надежные выборщики майоризировали ненадежных. Нежелательные элементы и «нелегализированные» партии преследовались местными властями, не допускались к участию в выборах и т.д. И, однако же, оппозиция проникла в Думу через ряд щелей и скважин, оставленных – как бы в предположении, что для полноты представительного органа какая-то оппозиция все же должна в нем присутствовать.

Прежде всего имелась налицо целая партия, легализированная Столыпиным, но не связанная с правительством договором вроде гучковского: партия, назвавшая себя теперь «прогрессистами». Зерно ее составляли те «мирнообновленцы», из которых Столыпин выбирал когда-то кандидатов в министры. Они были конституционалистами неподдельными и от времени до времени уже в Думе поднимали вопрос об организации «конституционного центра». Но октябристам с ними было не по дороге, и скоро их потянуло в обратную сторону. К ним, напротив, стали присоединяться отдельные более последовательные политически октябристы, недовольные своими, но не желавшие все же леветь до кадетов. И фракция прогрессистов, единственная, уже в Думе возросла с 23 до 40 членов, оставаясь… рыхлой, неопределенной и недисциплинированной.

Ход событий постепенно сблизил ее с кадетами, но это лишь развивало в ней стремление сохранить свою независимость и самостоятельность. В результате, от времени до времени, от них, как я уже замечал раньше, можно было ждать политических сюрпризов – вплоть до желания «перескочить» через к.д. влево. Роль настоящей оппозиции, идейно устойчивой и хорошо организованной, при таком положении сохранилась за Партией народной свободы. Самый способ выборов делал фракцию партии естественным рупором общественного мнения.

В пяти главных городах России (Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Риге) не только сохранились прямые выборы, но Положение 3 июня даже расширило избирательное право на квартиронанимателей.

Правда, и тут избиратели были распределены неравномерно между двумя куриями: в первую были включены очень немногочисленные крупные плательщики налога, тогда как во вторую входила остальная масса, владевшая сравнительно умеренным квартирным цензом. По такому цензу прошел, наконец, и я в Думу. Не только не делалось на этот раз препятствий моему выбору, но, по слухам, до меня дошедшим, Крыжановский решил, что лучше иметь меня внутри Думы, нежели вне ее (то есть в качестве тайного инспиратора, каким меня считали раньше).

Такой характер выборов по второй курии делал возможным вести публичную

избирательную кампанию и защищать партийную программу в открытом споре с политическими противниками. Успех был настолько очевиден, что и первая курия принуждена была последовать нашему примеру – с тем результатом, что местами вместо октябристов и правых там тоже стали проходить наши кандидаты.

Политическая деятельность фракции вне Думы не ограничилась предвыборными собраниями; она, в свою очередь, оживила деятельность партии. Петербург и Москва были и ранее разделены на районы, по которым сорганизовались районные комитеты зарегистрированных членов партии. Думская работа фракции дала им живой материал для организации периодических публичных выступлений с участием «неприкосновенных» членов фракции. Особое оживление придавал нашим собраниям свободный доступ, открытый нами для представителей других политических течений, и состязательный характер прений.

Правые, к нашему удовольствию, нас игнорировали и не вносили к нам своей черносотенной пропаганды, понимая, что наша публика не отнеслась бы терпимо к их присутствию. Не приходили к нам и официальные представители левых, не желая, очевидно, уронить свое достоинство. Зато рядовых левых ораторов, готовых сразиться с нами, было сколько угодно; ими обыкновенно заполнялся список выступавших у нас ораторов. Нельзя сказать, чтобы с ними было трудно сражаться. Мы были сильны прежде всего знанием дела и серьезностью трактовки; они обычно не шли дальше знакомства с брошюрной литературой, вносили много страсти в прения, но нашей публики не убеждали и выносили в своей обработке только то, что им нужно было для пропаганды.

Для примера приведу два эпизода со мной лично, ставшие ходячими аргументами против к.д. Я как-то сказал, взяв сравнение из боя быков, что не следует в борьбе дразнить красной тряпкой. В левом толковании это значило, что я оскорбил знамя социализма. В другой раз мой пример, взятый из известной басни Лафонтена, оказался еще более рискованным. Я сказал, что нельзя, следуя чутким советам, носить на себе осла. К «ослу» прибавили эпитет «левого» и вышло очень пикантно: я, значит, назвал социалистов «левыми ослами»! Отсюда, конечно, следовал вывод о моем социалистоедстве. О других эпизодах скажу позже.

Такого рода «прения» вести было нетрудно: они даже приносили пользу, развлекая публику. В одном только районе Петербурга – в рабочем Выборгском квартале – мы встречали сильное психологическое сопротивление аудитории. Там выступал против нас студент, «товарищ Абрам» – впоследствии советский «главнокомандующий» Крыленко, покончивший с Духониным, – он же и прокурор, предшественник Вышинского. С легким багажом выученных назубок грошовых брошюр, с хорошо подвешенным языком, он с невероятным апломбом разбивал наши аргументы. Рабочая публика гоготала, и нашим ораторам говорить было трудно. Но вообще городская демократия «торговых служащих» была на нашей стороне, и мы и из таких боев как-то выходили целы.

Наряду с публичными выступлениями фракция энергично действовала и через печать. После каждой годичной сессии Думы фракция издавала очередной отчет о своей деятельности. Мне в этих отчетах обычно принадлежали отделы о

тактике фракции в связи с общим политическим положением, о вопросах конституции и государственного права, о внутренней и внешней политике, о национальных вопросах. Это были те главные темы, на которые мне приходилось выступать и в Думе. Вторая половина каждого отчета заключала в себе наиболее важные речи членов фракции, произнесенные в Думе. Я очень жалею, что этих отчетов нет у меня перед глазами, чтобы развернуть полнее эту часть моих воспоминаний. Я не останавливаюсь здесь на роли нашей газеты «Речь», которую мы не объявляли формально партийным органом, но распространение которой повсюду в России, конечно, сделало больше для популяризации наших взглядов, чем все остальные способы публичной деятельности фракции.

Наши два репортера, излагавшие стенографические отчеты думских заседаний и передававшие впечатления о повседневной думской жизни – Л.М. Неманов и С.Л. Поляков-Литовцев, – приобрели себе на этой работе всероссийское имя, и наше истолкование смысла думской работы в передовицах «Речи» и московской «профессорской» газеты «Русские ведомости» сплотило около нас значительную часть читающей России.

Но пора вернуться к другим частям оппозиции в третьей Государственной думе. Национальные группы – польская, польско-литовская, белорусская, мусульманская – заняли своеобразное положение между оппозицией и правительственным большинством. Я уже говорил о своем осторожном отношении к национальному вопросу в первой Думе. Но там национальности, в ожидании общего освобождения, еще связывали свое дело с общерусским – и разместились между русскими политическими фракциями. Уже во второй Думе, разочаровавшись в исходе русской политической борьбы, они несколько отодвинулись от общерусского дела, все же оставаясь демократически настроенными. Они поплатились за эти настроения потерей б льшей части своих мандатов.

Положение 3 июня уменьшило число польских депутатских мест с 37 до 19–10, число депутатов от азиатских народностей – с 44 до 15, кавказских – с 29 до 10. На это ограниченное количество мест пришли депутаты, более консервативно настроенные – и обособились в отдельные группы от русских. Голосуя часто с оппозицией, они, в особенности поляки, не хотели, однако, разрывать с правительством. Резкое исключение составляли кавказцы – именно грузинские депутаты, заполнившие крайне левые скамьи социал-демократической фракции.

Не разделяя ни клерикально-феодальных, ни буржуазных тенденций других народностей, они считали себя частью общерусской социал-демократии, вместе с ней участвовали во Втором Интернационале и именно благодаря своим интернациональным стремлениям могли вести совместную с русскими с.-д. борьбу за создание общего «социалистического отечества». Дробление больших государственных единиц на мелкие национальные государства всегда вызывало противодействие социал-демократии. Все это объясняет, почему Гегечкори, Чхеидзе и др. оказались чуть не единственными представителями русской с.-д. фракции, вообще немногочисленной (14 депутатов). Это же объясняет и их полную обособленность от русских фракций думской оппозиции, и их неучастие в общей думской работе. Между ними и фракцией к.д. поместилась столь же немногочислен-

ная группа трудовиков (14), по традиции считавшаяся социал-революционерами. Но в третьей Думе она была самая бесцветная и состояла почти исключительно из крестьян с низшим или домашним образованием. Она ждала своего вождя – и это вакантное место позднее занял А.Ф. Керенский, поведший такую линию поведения, какую хотел.

Такова была обстановка, в которой кадетской фракции предстояло действовать в третьей Думе.

Извлечение публикуется по изданию:
Милюков П.Н. Воспоминания.
Т. 2. М., 1990. С. 3–9.

ОКТЯБРИСТЫ

НИКАНОР ВАСИЛЬЕВИЧ САВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ

Вторая Государственная дума оказалась еще более революционно настроенной и антигосударственной, чем первая. На выборах ярко оказалось преобладающее влияние малокультурной, но многочисленной крестьянской курии, на этот раз потерпели поражение не только октябристы и умеренные, но и кадеты, по крайней мере численность их партии в Государственной думе чрезвычайно сократилась, ее влияние уменьшилось, зато усилилось преобладание представителей революционной демократии и несколько анархического и хаотического многоголового левого крыла. Положение стало явно нетерпимым.

Встать на путь соглашения с Государственной думой такого состава верховная власть явно не могла, это было бы равносильно отказу от своего собственного бытия, от своей исторической роли, это привело бы быстрым темпом к крушению государственности, к распаду России.

Роспуск и новые выборы были тоже бесполезны. Опыт показал, что при существовавшем выборном законе не было надежды на то, что состав следующей Государственной думы может быть более государственно настроенным, менее революционным и анархическим, чем то имелось во второй Государственной думе, которую с первых же ее шагов окрестили «Думой народного невежества».

Первые же заседания этой Государственной думы поставили перед правительством и той частью общества, которая еще не потеряла инстинкта государственности, вопрос, что же делать дальше, куда идти, к чему стремиться.

В сущности, перед властью и страной было два пути: или повернуть круто вспять, открыто признать, что Россия еще не доросла до конституционного строя, или встать на путь изменения существующего избирательного закона, как то сделала когда-то при аналогичных условиях Пруссия. В последнем случае надо было делать ставку совсем на другие классы и слои населения, чем то было сделано при составлении первого избирательного закона в Государственную думу.

И тот и другой путь имел своих сильных на верхах бюрократии защитников, но в правительстве явно преобладало второе течение.

В этом пришлось очень скоро убедиться.

В то время в Петербурге организовался и процветал клуб «правых и умеренных» на Моховой ул. № 6. Там всегда было много народу: губернские и уездные земские гласные, предводители дворянства, выборщики, принимавшие участие в выборах в первые две Государственные думы – вот тот контингент, который

преобладал на собраниях клуба. Там же можно было видеть членов Государственного совета и Государственной думы, принадлежащих к правому сектору этих учреждений. После созыва второй Государственной думы заседания клуба приняли ярко политический характер и представляли собою большой интерес. Клуб стал штаб-квартирой депутатов правого блока, среди них особенно ярко выделялись Марков и Пуришкевич, гр[аф] Вл. А. Бобринский и Шульгин – представители партий правой и умеренной.

Здесь сразу и определенно решили, что ни соглашения, ни сотрудничества, ни просто совместного существования Государственной думы такого состава и правительства быть не может. Было ясно, что роспуск неизбежен, это было вопросом нескольких недель. Но что будет дальше, куда идти, в какую сторону следует толкать правительство – вот вопросы, которые стали предметом страстных дебатов. Из двух возможных путей – т.е. отмены Основных законов 1906 г. и возвращения к чисто самодержавному управлению страной или попытки изменить состав Государственной думы путем изменения избирательного закона – подавляющее большинство явно останавливалось на втором варианте. Всем было ясно, что существующий избирательный закон – печальное произведение творчества Булыгина и Витте – был главной причиной подбора в депутаты элементов, не имевших никакой подготовки для работы на общественном поприще, лишенных чувства ответственности за судьбы государства, у которых революционный пыл заглушал их слабый инстинкт государственности, если таковой у них вообще был.

Поэтому вопрос о необходимости изменить выборный закон, чтобы спасти народное правительство, был всем ясен и не вызывал разногласий. Но перед собранием вставало осложнение чисто юридического свойства: как, каким путем достигнуть намечаемой цели, каким способом провести в жизнь изменение избирательного закона.

Было ясно, что при наличии второй Государственной думы не было надежды добиться этого легальным образом, провести изменение в законодательном порядке. Путь 87 ст[атьи] Осн[овных] зак[онов] в данном случае был неприменим, в законе ясно было указано, что статья эта не может быть использована для изменения избирательного закона в Государственную думу.

Таким образом, как будто мы были в заколдованном круге: без изменения избирательного закона нельзя было иметь жизнеспособной Государственной думы, а от Государственной думы нельзя было получить согласие на такое изменение. Стало ясно, что выхода надо было искать только путем нажима на закон, только на путях государственного переворота.

Сразу же был намечен проект издания нового избирательного закона указом государя, который-де сохранил за собою «учредительные права».

Эта мысль, в основе коей лежал известный софизм, была принята общественным мнением как исход единственно возможный в создавшихся обстоятельствах. Нам было сообщено, что предполагается поднесение петиции государю от общественников, в коей высказывается просьба о скорейшем роспуске и об издании нового избирательного закона Высочайшим указом. Под этой петицией

собирались подписи. Помню, когда я ее подписывал, я обратил внимание на то, что она была уже подписана очень многими губернскими и уездными земскими гласными, предводителями дворянства, вообще лицами, принадлежавшими к правому крылу нашей общественности.

Подошел момент, когда правые и умеренные депутаты Государственной думы должны были представляться государю. Накануне этого дня в клубе шло обсуждение той линии поведения, коей следует держаться депутатам во время аудиенции.

В этот момент и верховная власть, и правительство уже сделали выбор пути, которым нужно было идти после неизбежного роспуска второй Государственной думы. Идея возвращения к самодержавно-бюрократическому правлению была отвергнута. Добровольная поддержка и моральное содействие депутатов правого блока, в громадном большинстве принадлежавших к классу земельных собственников и представителей наших земских и городских органов самоуправления, являлись показателем того, что, опираясь на «либеральных земцев», правительство может добиться возможности совместного существования и сотрудничества власти с новым народным представительством.

Тем самым наметился путь, по коему следовало идти Столыпину и его сотрудникам в деле развития и укрепления у нас представительного строя, постепенного перехода к конституционному правлению в России.

Столыпин в своей прошлой деятельности имел случай близко узнать работу на местах земского элемента, изучить его психологию, он прекрасно сознавал, что те элементы, которые в течение десятилетий выделяли из своей среды организаторов и деятелей русского самоуправления, являются наиболее подготовленными и для парламентской деятельности, по крайней мере в первый период работы новых законодательных установлений.

Ведь всего в законе предусмотреть все равно было нельзя. В деле развития и укрепления конституционного строя не менее важную роль играет традиция, выработка и укрепление известных правил и взаимоотношений между властью и народным представительством. Для этого нужна известная традиция во взаимных отношениях власти и народного представительства, вернее, тех классов населения, которые играют доминирующую роль на выборах.

Столыпин сознательно пошел по раз избранному пути, он делал ставку на земский элемент, на класс земельных собственников. Представительство этих элементов во второй Государственной думе укрепило его в этом намерении, дало ему вещественное доказательство правильности избранного пути.

Прошло несколько недель. Вторая Государственная дума была распущена. Последовал указ о новом избирательном законе, получивший название «Закона 3 июня». Закон был издан в порядке указа, он был по существу государственным переворотом. Но он спасал самую сущность нового конституционного строя – «представительного строя», как его называл сам Столыпин.

В той среде, к которой я принадлежал, этот закон встретили с нескрываемым ликованием. Для нас это было симптомом того, что, несмотря на нелепое поведение первых двух Государственных дум, «увенчание здания», которого столько

десятилетий добивались земцы, не получило смертельного удара, что сохранилось участие представителей общественности в деле управления государством, в контроле над деятельностью исполнительной власти. Вместе с тем мы полагали, что отныне путь революции будет оставлен, что общество убедится в том, что будущность и расцвет государства – в спокойной эволюции, в сотрудничестве представителей общества с наследственной властью. Мы сознавали, что новый закон, давая нам бóльшие права, тем самым налагал на нас бóльшую ответственность за будущее страны. Но тогда мы верили в свои силы, вернее – в свои добрые намерения. Мы были убеждены, что, став на путь созидательной работы совместно со Столыпиным, нам удастся прочно наладить отношения власти с народом в лице вновь созданного народного представительства.

Первые шаги третьей Государственной думы кончились неудачей, известным конфузом, в котором суеверные люди видели плохое предзнаменование для нового народного представительства. После довольно длинных прений по декларации правительства и ответному адресу Государственная дума не могла принять какую-либо мотивированную формулу перехода к очередным делам, оказалась бессильной высказать какое-либо определенное мнение.

Дело обстояло так.

Когда мы собрались в Петербурге после выборов, правительство считало, что громадное большинство депутатов принадлежит к крайним правым. Того же мнения держались и лидеры этой партии, да и мы, октябристы, боялись, что преобладающая роль попадет в руки Маркова и К°.

Причиной такого заблуждения было то, что на выборах не было яркого разделения между разными оттенками политических настроений среди того антиреволюционного блока, который объединил все консервативное, умеренное и просто перепуганное «иллюминациями» и разгромами имений глубоко мирное, имущее и цензовое большинство обывателей провинции. Выбирали не по принадлежности к той или другой партии, в этом еще не разбирались, а излюбленным кандидатом являлся тот, кто проявил наибольшую активность во время выборных кампаний против левого картеля.

В силу этого обстоятельства местная администрация причислила всех выборщиков, прошедших в уездах по списку правого блока, к правым. Губернаторы, в свою очередь, телеграфировали в министерство, что выбраны такие-то депутаты, принадлежащие к «правым». Поэтому официальная статистика давала сводки, согласно коим почти $^{2}/_{3}$ избранных принадлежали к партии «правых».

Когда мы съехались, к услугам новых депутатов правого блока было два места для сбора, для взаимных встреч. Оба помещения находились на Моховой, одно было – Клуб правых и умеренных, организованный еще во время второй Государственной думы. Хозяевами там были П.Н. Крупенский, Марков II-й и другие бывшие втородумцы. Другим местом собраний был Клуб общественных деятелей, где явно превалировали более либеральные деятели, в том числе многие видные октябристы. Съехавшиеся депутаты на первых порах ходили в оба места, слушали речи будущих ораторов, присматривались, словом – самоопределялись. Я был членом первого клуба с момента его образования, хотя и был опреде-

лившимся уже октябристом с первого дня образования этой партии. Поэтому в первые дни я заходил в клуб правого толка, чтобы посмотреть, с кем мы будем иметь дело в Государственной думе. Тут я наслушался крайне агрессивных речей Маркова II-го и К°, которые видели себя победителями, вершителями судеб Думы и мечтали использовать последнюю как орудие крайней реакции, вплоть до самоликвидации народного представительства. Для этой цели они хотели прежде всего захватить в свои руки весь президиум Государственной думы, составить его сплошь из членов своей фракции. Тут они впервые встретили некоторое возражение со стороны своих же сочленов, которые учитывали большой моральный, общественный и интеллектуальный вес представителей октябристской среды на местах, боялись ссориться с ней, отбросить ее в оппозицию. Тогда Марков в виде уступки этим соображениям милостиво согласился уступить октябристам «одно место в президиуме, – например, должность младшего товарища председателя», но и это при условии, что они будут поддерживать политику правых.

После этой речи я больше в этом клубе никогда не был.

Извлечение публикуется по изданию:
Савич Н.В. Воспоминания.
СПб., Дюссельдорф, 1993. С. 24–28.

СЕРГЕЙ ИЛИОДОРОВИЧ ШИДЛОВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ

Вторая Дума просуществовала недолго и была распущена, причем был произведен при этом государственный переворот в виде нового избирательного закона. Новый избирательный закон значительно сократил число выборщиков и в ущерб всеобщности установил правила, гарантировавшие участие в выборах бóльшего количества уравновешенных и имущих элементов. Входить в критику или рассмотрение нового избирательного закона я не намерен, но скажу только, что он был, конечно, гораздо менее демократичен, чем прежний, а хорошо это было или дурно, предоставлю судить каждому. Закон этот был написан очень наскоро, и мне рассказывал бывший тогда обер-прокурором Первого департамента Правительствующего сената Добровольской, бывший потом последним министром юстиции старого режима, что в сенатскую типографию, находящуюся в его заведовании, привозили исписанные еще непросохшими чернилами листы с текстом нового избирательного закона для скорейшего напечатания. Автором нового закона называли товарища министра внутренних дел Крыжановского. Выборы в Думу по новому закону протекали в совершенно других условиях. В ряды выборщиков прошло много земцев, привычных к выборной технике и сразу поставивших это дело на рельсы, не имевшие ничего общего с царствовавшим до того хаосом. В нашей губернии состав землевладения был таков, что при новом законе крестьяне явились на выборы в преобладающем количестве; правда, это было не абсолютное большинство, но, во всяком случае, они составляли около трети всего собрания и были численно самою крупною группою.

Вторая по численности была группа землевладельческая, или земская, а третья – духовенство. Затем следовало известное количество людей свободных профессий и единичных представителей революционных партий. Ни одна группа не была в состоянии провести своих кандидатов самостоятельно; было необходимо блокироваться с какой-нибудь другой группой, а для этого нужны были предварительные переговоры, взаимный торг и все, что полагается. В нашей губернии политические партии были весьма мало распространены, и хотя существовали ячейки всех партий, но особого влияния не имели, а потому кандидатуры выставлялись исключительно личные. Таким образом, работу по подготовке выборов пришлось взять на себя привыкшим к этому делу земцам. Прежде всего они обратились к крестьянам, которых было около 45 человек, с предложением

предоставить определенное количество мест крестьянам, гарантировать им все голоса земской группы, а за это получить все их голоса. Крестьяне согласились на это, и на следующий день – день выборов – им было отведено рядом с залом, где должны были происходить выборы, совершенно отдельное помещение, куда с раннего утра собрались все крестьяне. Они требовали туда то бумаги и карандашей, то конторские счеты и просидели там до 12 часов, когда по закону должны были начаться выборы. Когда их по выходе из совещательной комнаты спросили, наметили ли они своих кандидатов, то они ответили, что наметили, но когда их спросили, прочно ли это, они так же просто ответили, что непрочно, потому что, провозившись целое утро и не будучи в состоянии остановиться на определенных кандидатах, они в конце концов бросили жребий, который пал на двух совсем неподходящих лиц, за которых большинство голосовать не будет. Таким образом, все попытки сговориться с крестьянами потерпели крушение и пришлось наскоро налаживать что-то новое. Обратились к духовенству, которое считало, что раз оно принимает участие в выборах, то на одно место имеет неоспоримое право и после недолгих переговоров согласилось предоставить свои голоса кандидатам земцев, если земцы в свою очередь дадут духовенству два места. Так выборы и прошли скоро и просто, а крестьяне остались при одном депутате, который по закону должен был быть замещен непременно крестьянином. При таких же условиях протекли выборы и в четвертую Думу; точно также была сделана попытка блокироваться с крестьянами, точно также она оказалась неудачною, и пришлось вновь сговориться с духовенством. Вывод из сравнения обстановки выборов в первые две Думы и в последующие может быть сделан только один. Недостаточно созвать в выборные собрания массу народа, чтобы получить сознательно им избранных депутатов; для этого нужны надлежащая политическая подготовка масс и известный их уровень зрелости для использования ими своего права. Когда этого нет, может получиться результат случайный. Степень же зрелости народа для правильных выборов достигается не внезапно, а лишь под длительным влиянием того, что принято называть культурою. Такой, до известной степени случайный характер, носило народное представительство в Думе за все время ее существования, и это, конечно, не могло не отзываться на ее деятельности. Истинный характер Думы складывался не сразу, а постепенно, во время хода работы, потому что совместной работы нельзя вести неорганизованной массой и волею-неволей приходилось делиться на группы, объединенные известными лозунгами, накладывавшие в бóльшей или меньшей степени известную дисциплину на своих членов. Совершенно бесполезным было пребывание в рядах членов Думы так называемых диких, ставивших личную свою самостоятельность выше всего и не желавших ни в чем подчиняться партийной дисциплине. Эти люди оставались вне думской жизни, ни о чем не были осведомлены, в комиссии не попадали и никакого значения иметь не могли.

Извлечение публикуется по изданию:
Шидловский С.И. Воспоминания.
Ч. I. Берлин, 1923. С. 108–112.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ БОНЧ-БРУЕВИЧ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ГАЗЕТЕ «НОВЫЙ ДЕНЬ»

Помню, что в начале сентября 1909 г. я зашел в редакцию журнала «Современный мир», где встретил Н.И. Иорданского, озабоченного и энергично ведшего переговоры с несколькими товарищами, зашедшими туда, о какой-то газете. Он тотчас же, увидев меня, привлек к общему разговору, и тут я узнал, что дело идет о газете «Новый день», с которой удалось войти в соглашение.

Помню, что меня очень не удовлетворяла структура отношений между группой товарищей, которые должны были представлять социал-демократию в этой газете и старыми хозяевами. Н.И. Иорданский объяснил мне, что это единственный выход хоть как-нибудь, хоть где-нибудь печатать то, что нам нужно в целях агитации за нашего кандидата. Н.Д. Соколов ездил в Териоки в Петербургский комитет для более детального знакомства с товарищами и объяснения той платформы, на которой он сам лично стоит и того будущего своего поведения, которое он мог бы проводить в Думе, если его выборы увенчались бы успехом[1]. Петербургский комитет утвердил его кандидатуру и агитация за него была обязательна для всех нас. Газета «Новый день», взятая нами на эту выборную кампанию, сейчас же принялась за агитацию за утвержденного кандидата. Шансы на выборы были небольшие, так как против нас были не только правительство, не только октябристы, но и кадеты. Здесь, в этой политической игре, не помогла и популярность Н.Д. Соколова в кругах либеральных и радикальных.

Был очень важный вопрос о выборном бюллетене, так как правительственные партии всегда заготовляли бюллетени раньше со своими кандидатами, распространяя их решительно повсюду.

Очень многие лица, которые и не предполагали голосовать за того или иного кандидата, будучи политически совершенно инертными людьми, подписывали свои фамилии под готовыми бюллетенями и опускали их в урны. Напечатать нам свой бюллетень в типографиях не представлялось никакой возможности, так как все подобные заказы типографии строжайшим обозом были обязаны представлять на предварительный просмотр в цензуру, и, конечно, мы хорошо знали, что цензура сейчас же наложит свое veto на напечатание подобного бюллетеня. Н.И. Иорданский обращался ко мне с просьбой – нельзя ли как-либо устранить это препятствие с нашего пути. У меня были большие связи в типографских кругах

---

[1] Речь идет о дополнительных выборах члена Государственной думы от Петербурга, назначенных после исключения из Думы кадета А.М. Колюбакина.

Петербурга. Несмотря на то, что во многих типографиях я имел твердое, прочное и сочувственное к нам отношение со стороны владельцев типографий, где мы нередко выпускали не только брошюры, но и большие книги, которые, правда, скоро конфисковывались, но все-таки в известной своей части попадали в продажу и распространялись среди нужных нам читателей, несмотря на это, напечатать такой бюллетень никто не соглашался, так как все говорили мне, что владельцы типографий обязаны подпиской от градоначальника ничего не печатать по выборной кампании без самой тщательной регистрации у инспектора печати в градоначальстве и без разрешительной подписи инспектора печати и цензора. Подавать же в градоначальство такой бюллетень – стало быть навлекать на себя все те многочисленные неприятности, какие в то время могли делать градоначальство, охранное отделение, цензура и полиция.

Остался единственный выход – напечатать бюллетень в газете таким образом, чтобы на одной странице был самый бюллетень, а на оборотной стороне было пусто, чтобы читатель мог аккуратненько отрезать эту страничку, подписать свою фамилию и опустить в урну. Мы рассчитывали на то, что цензура не сразу спохватится конфисковать газету, для этого требовалось известное время, так как мы всегда изловчались посылать цензору номера рано утром, когда бóльшая часть газеты уже была отпечатана, и если цензор делал распоряжение о конфискации номера, то обыкновенно заставал уже очень небольшое количество экземпляров, так как все остальное мы успевали за это время вывести из типографии. Эту практику мы усвоили еще с 1906 г., когда издавали наши газеты: «Волна», «Эхо», «Вперед», и когда разгул реакции был настолько силен, что эти газеты постоянно конфисковывались, а то и вовсе запрещались. Надо было только на этот номер, где печатался бюллетень, поставить лучшую бумагу, чтобы при подписывании подпись не расплывалась, иначе мы могли бы дать повод избирательным комиссиям не признавать этот бюллетень как дефективный, испорченный.

Я сообщил о моем плане Н.И. Иорданскому, он сразу его понял, конечно, одобрил и был очень рад так же, как и все другие товарищи, моей технической изобретательности.

Я просил держать это в крайнем секрете, так как мы совершенно не были гарантированы в том, что в типографию уже не введены шпионы, которые должны были зорко наблюдать за каждым нашим действием. Верстая этот номер, мы оставили место для набора, о котором не говорили, и в самую последнюю минуту отдали в набор бюллетень, который сочувствующие нам наборщики, а таких мы находили в каждой типографии, в высшей степени быстро набрали, поместили в номер, и газета пошла в машину. Цензура, конечно, немедленно вознегодовала и дала знать в градоначальство о конфискации номера. Не помню сколько, но знаю, что полиция все-таки захватила изрядное количество газеты. Появление нашего бюллетеня было некоторого рода политическим скандалом в атмосфере тусклой петербургской общественности. И в Думе, и в учреждениях, и на заседаниях, и на улицах везде говорили об этом, но, в конечном счете, нам не помог и бюллетень, так как, в общей сложности, хотя мы и собрали несколько тысяч голосов, но их все-таки не хватило, чтобы наш кандидат прошел в Думу.

Должен отметить здесь, что главное руководство всей тяжести ведения газеты и энергичная напряженность в ее выпуске принадлежали всецело и почти исключительно Н.И. Иорданскому, который, несмотря на то, что не принадлежал к большевистской фракции, а был тесно связан с плехановской группой (как в этом случае, так и во время издания «Звезды», кроме тяжелого времени издания журнала «Единство», где неистовствовал Плеханов против Ленина и большевиков), он всегда помогал, чем только мог, нашей фракции, хотя мы с ним нередко расходились по ряду вопросов весьма кардинальных. Этим он выгодно отличался от той меньшевистской братии, которая употребляла все способы, лишь бы навредить большевикам, чем-нибудь и как-нибудь уколоть их и помешать им в их работе.

Я в газете «Новый день» также принимал некоторое литературное участие, но весьма небольшое. Помню, что написал несколько заметок, которые были напечатаны в газете, принимал участие в редакционных обсуждениях и т.п. Газета, несмотря на свое скромное содержание, все-таки впервые проявила в это крайне тяжелое время реакционной поры голос социал-демократа.

Когда по окончании выборов последовала ликвидация газеты, то у нас постоянно возникала мысль – «чем черт не шутит!» – может быть возможно было бы организовать нашу легальную с.-д. газету. Но так как средства мы ниоткуда достать не могли, хоть и обращались к различным лицам, помню, в том числе мне пришлось обращаться к Симонову, который нередко поддерживал нашу партию, но получить ту сумму, которая была нужна для организации газеты – минимум пять тысяч рублей – мы ниоткуда не могли.

Так это дело и заглохло ровно до тех пор, пока ЦК партии, находившийся в то время за границей, не приказал нам организовать газету и выслал для этого необходимые средства. И этой газетой была «Звезда».

Считаю необходимым здесь отметить, что никакой преемственной связи между газетой «Новый день» и газетой «Звезда» не было. Пишу это для того, что знаю, что некоторые журнальные деятели того времени думают, что эта связь была, и готовы сказать, что из «Нового дня» родилась «Звезда». Это совершенно неверно. Газета «Новый день» была временной, случайно попавшей в наши руки, издавалась только на выборный период. Газета же «Звезда» возникла по постановлению нашего ЦК партии и при совершенно других обстоятельствах.

Извлечение публикуется по изданию:
Бонч-Бруевич В.Д. Из воспоминаний о газете «Новый день» //
Пролетарская революция. 1928. № 6/7. С. 333–336.

Б. ГЛЕБОВ, М. МИТЕЛЬМАН, А. УЛЬЯНСКИЙ

НА ПУТИЛОВСКОМ ЗАВОДЕ

Задолго до выборов в III Государственную думу директор Путиловского завода пригласил к себе заводское начальство, чтобы подготовить своих холопов к выборам. Важно и надменно сидел директор Белоножкин в глубоком кресле. По обеим сторонам большого стола в его служебном кабинете расположились цеховые начальники и их помощники. Позже всех пришел начальник паровозо-сборочной, главарь черносотенцев завода Пузанов, бородатый человек в форме путейского инженера. За ним, робко переступая тяжелыми сапогами, вошли мрачные «сотенники» – главари Союза русского народа по мастерским, и расселись поближе к двери.

Директор встал и начал речь. Он обращался к «сотенникам» – вожакам заводских черносотенцев. Он говорил о большой чести, выпадающей на их долю, – добиться, чтобы выборные от Путиловского завода были «истинно-русскими людьми».

Директора сменил Пузанов. Он говорил столь же витиевато. Обещал силами своих молодцов окончательно искоренить революционный дух на заводе и провести своего депутата в Думу. Указывая на своих «сотенников», он сказал, что из этих преданных престолу людей каждый может быть депутатом и что они постараются послать от себя того, кто поддержит честь путиловского отдела Союза русского народа.

Черносотенцы встали, гаркнули в ответ по-солдатски одновременно «постараемся!» и больше не садились.

Их повели в соседнюю комнату, где были приготовлены закуски и водка. Начальство осталось обсуждать директорский план выборов.

В эти же дни Нарвский районный комитет Социал-демократической партии, состоявший исключительно из большевиков, созвал нелегальное собрание представителей цехов Путиловского завода – сборщиков, делегатов союза металлистов, чтобы обсудить вопрос о привлечении масс к думским выборам. Представитель путиловцев, ездивший к Владимиру Ильичу в Финляндию на специальное совещание по вопросу об избирательной кампании в Думу, передал собравшимся установки Ленина – разбить наблюдающееся равнодушие к Думе; в выборах обязательно участвовать; в качестве уполномоченных для избрания выборщиков выдвигать от завода людей сознательных, сохранивших перед лицом

реакции мужество и волю к борьбе. Он говорил об ошибочности линии бойкота, разъяснял позицию большевистской партии, выраженную в статьях Ленина и в решениях Петербургской конференции социал-демократов: в Думу пойти, чтобы использовать ее как трибуну для агитации и пропаганды социалистических идей, для развития революционного пролетарского сознания масс, для разоблачения черносотенного характера Думы и породившего ее третьеиюньского закона.

Когда перешли к докладам с мест и к обсуждению списка кандидатов, собрание было прервано полицией.

В классную комнату (собрание происходило в школе) ворвался пристав Пестов с толпой городовых. В обеих руках его было по револьверу.

– Вы арестованы, – крикнул он.

Пестов спрашивал каждого, кто из какой мастерской.

– Из пушечной.

– Налево. Ты?

– Из лафето-снарядной.

– Налево. Ты?

– Из мартеновской.

Пристав Пестов вгляделся в мартеновца.

– Как же тебя черт сюда занес?

Он был уверен в репутации мартеновцев, среди которых еще с 1905 года осталось немало черносотенцев.

Арестованных увели и продержали под арестом до конца выборов.

По мастерским завода черносотенцы пытались агитировать за своих кандидатов в уполномоченные. В механических цехах они не задерживались у станков: в тот момент, когда подходил черносотенец, у рабочего или находились весьма важные дела на стороне или станок требовал к себе такого пристального внимания, что времени на разговоры не оставалось. Возражать черносотенцу остерегались, чтобы не попасть за ворота.

В некоторых цехах черносотенцы собирали рабочих и рекомендовали «писать» за своего человека. При этом они многозначительно хлопали себя по карману, где лежал револьвер. Но и в этих мастерских рабочие упорно отмалчивались.

Выборы уполномоченных на Путиловском заводе были назначены на воскресенье 9 сентября 1907 года. Каждая мастерская выделяла у себя по одному так называемому «выборному», вместо того, чтобы выбирать уполномоченных непосредственно в цехах. Мелкие и средние цехи были объединены в один избирательный округ. Выборным от цехов надлежало затем избрать уполномоченных. Это было прямым и открытым нарушением и ухудшением и без того издевательского царского закона – директор ввел новую, четвертую степень.

В этом-то и состоял коварный план директора Белоножкина. Он пытался провести его еще при выборах во II Государственную думу, но тогда рабочие не дали осуществить этот план. Теперь же в Петербурге как никогда свирепствовали безработица и полицейская нагайка. Опасаясь расчета и репрессий, немногие решались возражать против повой степени в выборах – директорского дополнения к избирательному закону.

Маневр дирекции – протащить черносотенца – все же не удался. Среди 31 выборного не было ни одного ставленника черносотенцев. Избранные от Путиловского завода девять уполномоченных были или социал-демократами-большевиками, или поддерживали большевистскую линию.

На выборных собраниях в цехах осторожно говорили о том, что уполномоченным и выборным, возможно, придется пострадать, а для этого надо заранее подумать об их судьбе. Открыто к сбору средств на случай расчета или высылки уполномоченных никто не призывал, но по всем мастерским в несколько дней собрали значительную сумму – свыше тысячи рублей. Эти деньги вскоре пригодились. После открытия III Государственной думы большинство уполномоченных было выслано за пределы столицы.

Самым старым среди уполномоченных был Анисим Костюков, с виду простоватый старичок. Ему было больше 50 лет. Он работал токарем в лафето-снарядной. В организацию большевиков Анисима Костюкова вовлек его сын Ваня – молодой, чахоточный, но очень деятельный парень. Ваня помогал секретарю организации вести дела и был казначеем районного комитета партии. Жил он вместе с отцом и дважды устраивал у себя собрания кружка. Отец его присутствовал как хозяин квартиры. В третий раз кружок собрался в другом месте, но Анисим Костюков явился и на этот раз. Он стал одним из наиболее частых посетителей кружка и непременным членом собраний районного комитета; вскоре он стал выступать на собраниях. Говорил он хорошо, складно, умел зажечь слушателей.

Квартира Костюковых стала притягательным местом для большевиков-подпольщиков. Партийные профессионалы каждый раз, будучи в районе, считали своим долгом зайти к Костюковым. Там можно было узнать, что делается в районе, кому нужно помочь, что необходимо предпринять. Мария Васильевна – жена Анисима Костюкова – угощала их, рассказывала, вызывая смех, как она ругается с попами; если поздно засиживались – оставляла переночевать.

В дни избирательной кампании в Думу в квартире Костюковых было особенно оживленно. К Анисиму Костюкову приходили уполномоченные за советами и разъяснениями. Через него уполномоченные знакомились с кандидатами, выдвигаемыми Петербургским комитетом партии в качестве выборщиков по рабочей курии. Путиловский завод давал значительную часть из общего числа уполномоченных. Надо было сплотить и объединить их, чтобы на общегубернском собрании уполномоченных своей организованностью и политическим авторитетом крупного завода они могли повлиять на одиночек с мелких предприятий. Хотя некоторые из уполномоченных раньше не встречались, видели друг друга впервые на собрании выборных, – они на выборах действовали сплоченной группой. Вожаком их был Анисим Костюков.

В этом простом рабочем, в его складных, богатых примерами рассказах люди чувствовали живой практический ум и уменье всегда найти выход из трудного положения. Как раз тогда по указанию Петербургского комитета большевики подготовляли митинг протеста против суда над арестованными социал-демократами – членами II Государственной думы. Недавние выборы показали, насколько трудно, почти невозможно организовать митинг внутри завода. Все стали в

тупик. Костюков нашел выход.

Он предложил воспользоваться многочисленными нарушениями закона о выборах и под видом перебаллотировки неожиданно и напористо устроить собрание в одном из крупных цехов. Пока цеховое начальство одумается и начнет выяснять в главной конторе – полагается или не полагается перебаллотировка, митинг будет проведен, нужное будет сказано.

В день, намеченный для митинга, по цехам открыто возвещалось, что в пушечной, в сборочном пролете будет перебаллотировка. К начальнику пушечной за несколько минут до гудка явился какой-то элегантно одетый человек и веско, солидно заявил, что ввиду обширности сборочного пролета в нем будет проведено повторное избирательное собрание в отмену проведенных выборов. Начальнику было предложено присутствовать на собрании.

Митинг состоялся. Никаких перевыборов не было. Лишь два неизвестных человека произнесли речи о зверствах правительства, о суде над арестованными социал-демократическими депутатами II Государственной думы. Рабочими была принята резолюция протеста против царского суда. Впоследствии по призыву Центрального комитета РСДРП с успехом был проведен сбор по всему заводу на втородумцев, уже находившихся на каторге.

Подобный же митинг протеста против расправы над втородумцами провели и рабочие «Резиновой мануфактуры»[1]. Этот митинг был организован при помощи путиловских рабочих.

На Тентелевском химическом заводе митинг провести не удалось, хотя он и был заранее подготовлен. Накануне на квартире рабочего-химика собрался тентелевский кружок. Обсуждали вопрос о том, как провести оратора на завод, как оповестить людей. Выработали резолюцию. Не успели еще разойтись все собравшиеся, как в квартиру ворвались двое городовых с криками: «Руки вверх!». Затем вошел пристав. Около двери ему подвернулся рабочий. Направляясь во вторую комнату, пристав молча, сильным ударом сбил его с ног. Изо рта упавшего потекла кровь.

Обыск производили поспешно. Очищенную от книг этажерку отбросили с такой силой, что она рассыпалась на части. Подушки, белье, одежду свалили в кучу посредине комнаты. Один из городовых держал в руках своеобразный щуп – длинное блестящее шило толщиной в карандаш. Он протыкал шилом подушки и очень ловко вспарывал подкладку одежды.

В участке рабочих-химиков подвергали допросу. Пристав Пестов, производя дознание, выпытывал фамилию автора резолюции. Сначала он говорил ласково: он-де прекрасно знает интересы рабочих и не видит причин, почему они вмешиваются в борьбу каких-то интеллигентских групп против правительства.

– Вы же сами знаете, что ничего из этого не выйдет! Зачем же вы губите себя? – говорил пристав.

Арестованные молчали. Не добившись успеха, пристав стал угрожать и запугивать арестованных. Но рабочие отделывались ничего не значащими ответами: не знаю, не видел, не слышал.

---

[1] Завод «Треугольник».

Пристав передал рабочих городовым, а те, прежде чем отправить их в жандармское управление, жестоко избили арестованных.

Несмотря на свирепые полицейские расправы, аресты, высылки, рабочие всех заводов Петербурга собирались вместе и обсуждали вопросы, связанные с выборами в Думу.

В конце сентября губернское собрание уполномоченных избрало выборщиков от заводов. В числе их были Анисим Костюков и Николай Полетаев – старый путиловский рабочий с большим политическим опытом, приобретенным за 15 лет подпольной работы. Депутатом в Думу наметили Полетаева.

17 октября состоялось губернское собрание выборщиков для избрания депутатов Думы. Полетаев баллотировался дважды и оба раза был провален выборщиками от помещиков и буржуазии. И все же собрание вынуждено было избрать по рабочей курии старого питерского металлиста Н.А. Полетаева депутатом Государственной думы, так как все остальные рабочие-выборщики, как это было заранее условлено, баллотироваться отказались.

При голосовании Костюков не присутствовал. Лишь под самый конец выборов он вбежал в зал в рабочей замасленной одежде. Желая устранить его от участия в выборах, чиновники послали ему пригласительную телеграмму с вызовом на выборы лишь в последний момент.

Жена Костюкова, никогда не получавшая телеграмм, испугалась. Она побежала к мужу на завод. Костюков, в чем был, бросился бежать в городскую думу, полагая, что выборы происходят там. Но выборы происходили в помещении губернской земской управы.

Когда Костюков вошел в зал, ему был задан вопрос, желает ли он баллотироваться. Запыхавшийся и злой, он заявил протест против умышленно-запоздалого извещения его о собрании и против столь же умышленного несообщения ему адреса. От баллотировки он отказался и подал свой голос за Полетаева.

Через Полетаева узнавали путиловцы о происходящих и предстоящих делах Думы и социал-демократической фракции. Многие рабочие стали частыми посетителями его квартиры за Московской заставой, а сам Полетаев наезжал на Путиловский завод и в район.

Путиловцы внимательно следили за деятельностью своего рабочего депутата в Думе.

Извлечение публикуется по изданию:
Как выбирали в Государственную думу.
Л., 1938. С. 47–53.

АЛЕКСАНДР МАКСИМОВИЧ ПИРЕЙКО

ПАРТИЙНАЯ РАБОТА ВО ВТОРОМ ГОРОДСКОМ РАЙОНЕ ПЕТЕРБУРГА (1905–1910 гг.) (ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ)

На городских партконференциях, которые… происходили в Териоках по Финляндской ж[елезной] д[ороге], приходилось встречать даже тов[арища] Ленина, который тогда выступал против бойкота Г[осударственной] д[умы]. Я был тогда в числе бойкотистов и помню, как наша бойкотистская фракция собралась на совещание во главе с Николаем Выборгским. Это был известный Коновалов[1], писатель, покончивший жизнь самоубийством в 1910 г. Николай и другие громили тов[арища] Ленина за его «меньшевизм». Мне вспоминаются такие выражения некоторых бойкотистов: «Это-де захудалые большевики, которые идут за тов[арищем] Лениным». И когда собралась вся фракция большевиков для разрешения кардинального вопроса – участвовать в выборах в Г[осударственную] д[уму] или бойкотировать, долго пришлось меньшевикам нас ожидать, ибо обсуждение этого вопроса затянулось на фракциях. Внутри большевистской фракции голосование устроили поименное, после проверки мандатов, а мандаты тут долго проверяли, так как был ценен каждый голос.

Тов[арищ] Ленин победил только на один голос, и в силу парт[ийной] дисциплины бойкотисты вынуждены были сдать свои позиции. В особенности тов[арищ] Каменев, мне помнится, горячо защищал бойкот, говоря, что Г[осударственная] д[ума] не что иное, как полицейская процедура под европейской вывеской и нам незачем туда идти. Ильич парировал удары тов[арища] Каменева следующими словами: «Укажите мне, товарищи, хоть один парламент Европы, где бы мы, с.-д., могли законодательствовать. И мы туда идем не для того, чтобы законы писать, а для того, чтобы использовать думскую трибуну в своих революционных целях. И постольку, поскольку в ближайшее десятилетие революции не предвидится, мы должны использовать всякую возможность, в том числе и думскую трибуну, для подготовки революции». С Ильичом не соглашались, спорили, но в конце концов он победил. Конференция решила участвовать в выборах.

Разъехавшись по местам, мы, бойкотисты, стали принимать энергичное участие в выборах в Г[осударственную] д[уму] разноской бюллетеней, листовок по обывательским квартирам и таким образом агитировали обывателей, среди

---

[1]Как выяснилось в 1917 г., Иван Андреевич Коновалов («Николай») был провокатором *(прим. изд. 1923 г.).*

которых было много рабочих. Другие же рабочие гор. Петербурга, не имеющие на свое имя квартиры, избирательных прав не имели. Итак, до конца выборов в третью Г[осударственную] д[уму] убежищем для нашей партии были Териоки – там собирался П[етербургский] к[омитет] и городская конференция, оттуда привозилась нелегальная литература. Но скоро пришлось и этой возможности лишиться. Последняя конференция в Териоках была в конце октября 1907 г., где был гвоздем вопрос – кого от рабочих Петроградской губ[ернии] провести в Г[осударственную] д[уму] – большевика или меньшевика.

Меньшевики выставили В. Чиркина (это был очень талантливый, развитой рабочий), а большевики – Полетаева. Конечно, Полетаев по развитию стоял далеко ниже Чиркина, но Полетаев был большевик, его и провели в Г[осударственную] д[уму]. Эту конференцию с трудом удалось закончить, так как финляндская полиция целую ночь не давала нам покоя и приходилось переходить с места на место по лесам, болотам и в темноте. Наконец, под утро собрались все усталые, конференцию закончили и разъехались по домам. Больше мне в Териоках не приходилось бывать.

Извлечение публикуется по изданию:
Пирейко А. Партийная работа
во 2-м городском районе Петербурга
(1905–1910 гг.) (по личным воспоминаниям) //
Пролетарская революция. 1923. № 4. С. 152–153.

ФЕДОР НИКИТИЧ САМОЙЛОВ

ПО СЛЕДАМ МИНУВШЕГО. ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА

Избирательная кампания в третью Государственную думу

Когда третья Всероссийская конференция с[оциал]-д[емократии] высказалась за участие в третьей Гос[ударственной] думе, началась избирательная кампания, и партийная организация широко использовала эту кампанию, так же как и втородумскую, для развития устной и печатной агитации. В результате уполномоченными по выборам в Гос[ударственную] думу от рабочих фабрик и заводов Иваново-Вознесенска прошли в подавляющем большинстве большевики, за исключением двух-трех беспартийных и одного кадета (кажется, с фабрики Гарелина).

В октябре месяце, дня за два до выборов, выборщики съехались во Владимир на губернский съезд уполномоченных от рабочих по выборам в Гос[ударственную] думу, [было] свыше 160 человек таких уполномоченных.

По приезде туда публика разместилась в номерах разных гостиниц, поближе к большой чайной так называемого Народного дома. Утром накануне дня выборов подавляющее большинство съехавшихся собралось в большом чайном зале этого дома, а за чаем ознакомились между собой, причем оказалось, что большинство съехавшихся были большевики и сочувствующие партии.

Тут же быстро избрали уполномоченных для посылки к губернатору за разрешением устроить предвыборное собрание. В число избранных вошли: С. Воронин, Д. Потехин, я и кто-то еще.

Губернатор нас принял, но в просьбе решительно отказал. «Зачем вам это собрание, – отвечая на нашу просьбу, сказал он, – у вас ведь там, наверное, все социал-демократы. Нет, я разрешить вам собраться не могу». – «Но как же нам быть, г[осподин] губернатор, – сказали мы, – нужно же нам ознакомиться между собой, чтобы наметить кандидатов и чтобы знать, за кого голосовать». – «Это меня не касается, как хотите, так и голосуйте, а разрешить собрание я вам не могу, идите к полицеймейстеру, как хочет он, это его дело, а я не могу, не могу», – и с этими словами он ушел к себе в кабинет. Мы, выйдя от него, хотя и понимали, что дело уже безнадежное, хотя нам и было совершенно ясно, что если губернатор не разрешил, то уж от полицеймейстера тем более ждать было нечего, но мы

все же решили пойти к владимирскому полицеймейстеру (кажется, Иванов был тогда таковым), и этот, как мы и ожидали, на нашу просьбу ответил так же категорическим отказом, а когда мы с Ворониным указали ему на распоряжение правительства, согласно которому тогда разрешались предвыборные собрания, и заявили ему, что его отказ незаконен, он, стуча себе в грудь кулаком, громко закричал: «Никаких я законов не знаю! Вот вам закон, я – закон! Никаких собраний не разрешаю! И Боже вас сохрани собраться тайно: все будете арестованы и жестоко поплатитесь за это».

Мы молча повернулись и вышли от него. В чайной Народного дома нас уже ждали собравшиеся в большом количестве уполномоченные. Когда мы передали им о наших неудачах, то публика сильно заволновалась, посыпались вопросы: как быть? что делать? и т.д.

В это время в качестве руководителя выборами от Иваново-Вознесенского союзного совета с.-д. организации приехал во Владимир тов[арищ] И.Е. Любимов (Григорий), и мы, собравшись группой наиболее видных товарищей под его руководством, решили вечером устроить нелегальное собрание уполномоченных, о чем и оповестили съехавшихся. Против этого решения была лишь маленькая группа в несколько человек и отдельные лица из беспартийных, которые на предложение пойти на нелегальное собрание удивленно спрашивали:

– Как на нелегальное? ведь это запрещено, ведь нас могут арестовать!

– Ну, так уж за этим гоняться нечего, если взялся выполнить обязанности уполномоченного рабочих, так надо выполнить их, рискуя быть арестованным, и т.п., – в этом роде отвечали мы таким.

– Нет, – категорически заявили они, – мы не согласны идти на ваше тайное собранье, – и мы их оставили в покое.

Место собрания поручено было подыскать местным владимирским товарищам. И вот, когда уже стало темнеть, уполномоченные маленькими группками потянулись на собрание. Это происходило за городом у реки Клязьмы, в каком-то небольшом кустарнике.

Лесов близ Владимира нет на многие версты. Всюду вокруг города на большое пространство тянулись поля и огороды, и лишь в некоторых местах имеется небольшой низкорослый кустарник.

Публика собралась в большом количестве. Выступали с речами т[оварищи] Воронин, Лукичев, Авдеев, Абрамов, Колесников, я и некоторые другие. Темами речей были: текущий момент, обзор событий за время революции, наше отношение к Гос[ударственной] думе и т.п.

После речей, кажется, тут же наметили кандидатов в выборщики, которых требовалось по тогдашнему избирательному закону шесть человек от губернии. Публика между собой в бóльшей своей части была незнакома, и при намечении кандидатов из партийных товарищей отчасти пришлось руководствоваться произнесенными на этом собрании речами. Окончательное намечение кандидатов в выборщики производилось созданным для руководства выборами небольшим партийным коллективом во главе с тов[арищем] И.Е. Любимовым.

После речей собрание спокойно разошлось; несмотря на угрозы

полицеймейстера, власти, очевидно, прозевали собрание, а провокаторов, должно быть, не было.

Среди уполномоченных мы произвели денежные сборы в пользу привлеченного тогда к суду члена с.-д. фракции разогнанной Столыпиным второй Гос[ударственной] думы от рабочих нашей губернии – тов[арища] Н.А. Жиделева. Сбор производился посредством подписного листа, который, как будет видно дальше, при обыске был у меня отобран и послужил придиркой для полиции.

В этот же вечер руководящий выборами коллектив наметил в окончательной форме список кандидатов в выборщики, в который вошли: от Иваново-Вознесенска С. Воронин, Лукичев и я, от Орехово-Зуева – Авдеев и А. Колесников и Абрамов с завода «Гусь-Хрустальный».

Утром на другой день, уже перед самыми выборами выборщиков, полиция разрешила нам собраться часа на два, и когда мы собрались, в помещение прибыл представитель власти – полицейский пристав с отрядом городовых (это был Добротворский, бывший полицейский надзиратель на фабрике «Компания», который вместе с тремя другими товарищами меня арестовал во время моего выступления на митинге).

Выступали на этом собрании Воронин, Лукичев, Авдеев, Абрамов, Колесников, Потехин, я и другие.

Пристав сидел в помещении, а полицейские стояли за дверями, хотя по тогдашнему закону на разрешенных собраниях полиция присутствовать не имела права. Тем не менее, пристав не только присутствовал, но и останавливал многих товарищей, выступавших на собрании, придираясь к разным словам и фразам. Однако собрание прошло довольно хорошо и без особых инцидентов, не считая небольших пререканий между приставом и выступавшими ораторами. Присутствовал на собрании и тов[арищ] Любимов, пробравшись с мандатом одного из уполномоченных, но он не выступал в присутствии полиции – это было совершенно невозможно.

Вскоре после этого собрания в большом шикарном помещении, в так называемом зале Дворянского собрания под председательством городского головы гор[ода] Владимира, как это полагалось по тогдашнему избирательному закону, открылось и собрание всех уполномоченных от рабочих Владимирской губ[ернии] для производства выборов выборщиков.

Подавляющее большинство их, как я уже указывал выше, составляли большевики – члены партии и сочувствующие беспартийные. Никаких кандидатов от других каких-либо партий не было, только немногие беспартийные согласились на предложение председателя баллотироваться. Намеченные нами кандидаты прошли без всякого труда, а беспартийные получили чуть ли не одни свои собственные голоса и со смехом были провалены.

Таким образом, на первых двух ступенях выборов уполномоченных и выборщиков наша партия одержала блестящие победы, оставалось только провести третью и последнюю ступень – из шести выборщиков выбрать одного депутата, члена Государственной думы, но это не представляло труда. Главная и самая большая трудность заключалась в первой и второй ступенях, в особенности в первой,

когда дело приходилось иметь с беспартийной массой, а теперь, когда все шесть выборщиков были с.-д. большевики, дело уже могло считаться решенным: в Думу пойдет тот, кого пошлет партия. Остальные, в силу партийной дисциплины свои кандидатуры обязаны были снять.

После выборов шести выборщиков уполномоченные от рабочих разъехались по местам, а выбранные ими шесть выборщиков обязались через неделю снова ехать во Владимир на общее собрание губернских выборщиков для избрания депутата.

В это время председателем правления [Союза] ситцепечатников состоял я, и мне как таковому приходилось часто иметь сношения с полицеймейстером Виноградовым, который то отказывал прислать полицию к указанному времени на собрание членов Союза, потому что у него якобы не было свободных полицейских, и собрание поэтому не могло состояться, то заявлял всякие другие придирки к Союзу, и мне нередко приходилось ходить к нему для личных объяснений. Между тем, в связи с общим упадком рабочего движения, союзы наши слабели, чем дальше, тем все больше и больше, что еще сильнее окрыляло «деятелей» правительственной шайки, и у многих членов правления нашего Союза полиция начала производить обыски, а некоторых и арестовывать. Так были арестованы К. Гандурин, К. Лещенко и В. Иванов.

В октябре, за несколько дней до моего отъезда на выборы члена Гос[ударственной] думы, у меня также произвели обыск. В одну из темных октябрьских ночей, далеко за полночь, когда в маленьком старом деревянном с тремя окошечками домике все его рабочее население после трудового дня спало глубоким сном, раздался резкий стук в окошко. В домике сразу все проснулись. В квартиру ввалилась толпа полицейских, человек 8–10, во главе с полицейским надзирателем Простосердовым.

После вопроса: «Здесь ли квартирует Самойлов?» – мне предъявили бумажку от жандармского начальства с предписанием произвести у меня обыск.

Полицейские осмотрели мой небольшой сундучок с книгами и тщательно обыскали всю хату. Кроме нескольких легальных книг у меня нашли еще уже упомянутый выше подписной лист по сбору пожертвований в пользу тов[арища] Жиделева.

Этот документ был единственным «преступным материалом», обнаруженным у меня при обыске, и полицейский надзиратель при составлении протокола учинил мне по этому поводу целый допрос. Он спрашивал, известно ли мне, что сбор пожертвований в пользу такого важного государственного преступника, как Жиделев, есть также преступление? Я отвечал ему, что ничего не вижу преступного в том, что представители рабочих губернии оказали помощь своему депутату, хотя и арестованному. Затем он спрашивал, кто был инициатором этого дела; я отвечал, что не знаю. Он высказал предположение, что если листок обнаружен у меня, то этим инициатором, наверное, был я, и что за это мне придется строго отвечать, и с этими словами он вместе с остальной толпой полицейских удалился.

На другой день, сообщив об этом обыске А.М. Братенши, состоявшему тогда

юрисконсультом нашего Союза, я спросил его, что значит этот обыск у меня как председателя правления Союза, не есть ли это начало решительного похода против Союза со стороны полиции. Он ответил, что, вернее всего, это, так сказать, предвыборная агитация со стороны полиции. Я посмеялся и успокоился.

Через несколько дней после этого обыска вместе с товарищами С.А. Ворониным и Лукичевым я снова поехал во Владимир на выборы. Туда же приехал снова и т[оварищ] Любимов для руководства выборами.

Во Владимире за день до выборов депутатов кадетской группой выборщиков было устроено с разрешения начальства предвыборное собрание, на которое получили приглашение явиться и мы – рабочие-выборщики, а также и выборщики крестьян.

На этом собрании выступали представители всех политических партий: кадеты, октябристы, монархисты и др. От крестьян выступал Хромов и сказал довольно недурную речь, заявив, что как бы господа помещики ни старались одурачить крестьян, а крестьянин все-таки у них землю возьмет, что земля это его – крестьянина, что это он хорошо знает и никогда об этом не забудет и т.д. Затем выступил Воробьев – выборщик от второй курии городских избирателей, соц[иал]-демократ меньшевик; разбирая программу С.-д. партии, он довольно удачно доказывал, что она требует меньше всех других партий. Потом выступал тов[арищ] Воронин, который говорил о том, что только революционной борьбой рабочие и крестьяне смогут добиться своего освобождения, и за это был остановлен председателем-кадетом, заявившим, что «ни о какой борьбе вне стен Гос[ударственной] думы он говорить на собрании не разрешает». Потом говорил я, указав между прочим, что только тою борьбою, о которой не разрешает здесь говорить председатель, рабочие и крестьяне смогут улучшить свое тяжелое положение, за что так же был остановлен председателем. Дальше говорили остальные наши товарищи, выборщики от рабочих губернии.

На этом собрании у меня и Воронина произошел любопытный разговор с одним дворянским выборщиком, каким-то князем. Князь этот заявил нам откровенно, что мы, рабочие, добиваясь улучшения своего положения, вполне правы, что так мы и делать должны, но что они – дворяне-помещики – идут и всегда будут идти против нас и что иначе и быть не может, так как у нас противоположные интересы, и, значит, мол, борьба и борьба. «Мы всегда против вы», – как он выражался.

Все шесть выборщиков, как уже сказано выше, были с.-д. большевики, и это обеспечивало проведение большевика-депутата от рабочих Владимирской губ[ернии], задача партии теперь состояла только в том, чтобы из шести выборщиков-большевиков провести в Думу наилучшего. Для этого нужно было поставить дело так, чтобы рабочие-выборщики могли из нас шестерых сами выбрать депутата вопреки воле общего собрания губернских выборщиков, т.е. выбрать того из нас, кого мы желаем сами (или, вернее, партия).

Это зависело всецело от нашей дисциплинированности, а так как все мы как члены одной партии должны строго подчиняться партийной дисциплине, то цель эта являлась нетрудной.

По тогдашнему избирательному закону депутат от рабочей курии проходил обязательно, и общее собрание губернских выборщиков одного из нас шестерых выбрать должно было, а чтобы не предоставлять буржуазно-помещичьему большинству губернских выборщиков выбирать из нас депутата от рабочих, нам предоставлялось самим наметить (конечно, по указанию руководящих партийных органов) одного из нас кандидатом, а все остальные от баллотировки должны [были] отказаться.

На заседаниях руководящего выборами бюро теперь так же, как и во время выборов во вторую Государственную думу, между иваново-вознесенцами и орехово-зуевцами происходили большие споры о кандидатах в Думу. Ореховцы предлагали своего кандидата – Колесникова, а иваново-вознесенцы – С. Воронина. Но в конце концов все согласились на С. Воронине.

Мы, все пятеро остальных, должны были снять свои кандидатуры, когда нас будут выставлять на общем собрании губернских выборщиков.

Этим дело с выборами казалось законченным. Оставалось только строго провести этот намеченный план в жизнь.

На другой день, когда должны [были] состояться выборы, в большом зале Дворянского собрания собралось свыше 80 человек (кажется, 88 или 89) выборщиков от всех классов населения Владимирской губернии (всего было пять курий: рабочая, крестьянская, землевладельческая и первая и вторая городских избирателей). Когда мы явились туда, я был вполне уверен, что у нас дело пойдет гладко, хотя я с орехово-зуевскими товарищами раньше и не был знаком, но раз они большевики, члены партии, то никакого сомнения относительно их дисциплинированности ни у меня, ни у других моих товарищей иваново-вознесенцев уже не возникало, и я заранее, так сказать, предвкушал впечатление, которое получится от нашей «железной дисциплины» в момент выборов по нашей рабочей курии.

Однако на деле получилось другое. Когда очередь выборов дошла до нашей курии и председательствующий на собрании губернский предводитель дворянства (кажется, князь Голицын) стал, как это полагалось по тогдашнему закону о выборах, опрашивать нас по очереди – желаем ли мы баллотироваться, то вместо организованности и дисциплины в наших рядах получилась «заминка».

Сначала, когда опрашивали нас, иваново-вознесенцев, дело шло гладко. Мы двое – я и Лукичев, кроме Воронина, который намечен был кандидатом в Думу, свои кандидатуры сняли, а когда очередь дошла до Авдеева, он замялся. Мы, иваново-вознесенцы, моментально поняли, чем это пахнет и моментально же на него «насели». Я говорил ему, что если в нарушение партийной дисциплины он пройдет в Думу, то мы считать его своим депутатом не будем, притянем к партийному суду и т.д.

Между тем председательствовавший, видя это замешательство в наших рядах, еще раза два громко повторил свой вопрос: желает ли Авдеев баллотироваться. Положение стало критическим. Мы насели на Авдеева еще сильнее, и только под влиянием этого в последнюю секунду он, наконец, отказался от баллотировки.

Дальше такая же история произошла с Абрамовым и нам – остальным четверым выборщикам – пришлось напрячь все силы, чтобы заставить его подчиниться партийной дисциплине, и только благодаря этим условиям последняя в конце концов восторжествовала. В Думу был избран кандидат партии С. Воронин, но впечатление от происшедшей «заминки» осталось, и некоторые из выборщиков из кадетской партии, подходя к нам, ядовито посмеивались и задавали вопросы вроде: «Что, мол, у вас – али не все благополучно?» и проч[ее].

С крестьянами дело обстояло совсем плохо. Их – одиннадцать человек, из которых только один выборщик был порядочный. Это Хромов (кажется, от Шуйского уезда). Он, насколько помню, был трудовик, и из соображений тактики «наименьшего зла» мы пробовали собирать крестьян-выборщиков и агитировать их за то, чтобы они проводили в Думу этого Хромова. Но из всех наших усилий не вышло ничего. Крестьяне представляли такой кулацко-обывательский элемент, что с ними ничего невозможно было сделать. Всякий из них мечтал пройти в Думу, и все они баллотировались, т.е. выборы своего депутата, не в пример нам, рабочим выборщикам, они всецело предоставили на усмотрение черносотенного дворянско-помещичьего и буржуазного большинства собрания, что последние и сделали. От крестьян прошел какой-то кулачок, никому в политическом мире неизвестный до этого времени; я даже не помню его фамилии.

От губернии требовалось избрать шесть депутатов: пять от пяти избирательных курий – по одному от каждой, и один – шестой – от общего собрания губернских выборщиков.

При выборах этого шестого в разгаре борьбы из-за него между разными политическими группами заключались всякие блоки и соглашения. Между нами, рабочими-выборщиками и некоторыми присоединившимися на этот раз к нам крестьянами с одной стороны, и группой кадетов – с другой, состоялось соглашение. Они дали слово голосовать за нашего кандидата Хромова (которого мы выставили ввиду того, что он заявил нам, что будет работать в Думе вместе с нашей фракцией, а также и потому, что его поддерживали на этот раз несколько крестьян, и он имел порядочные шансы на успех), а мы обещали голосовать за их кандидата (теперь не помню уже, за кого именно).

Но из этого соглашения ничего не вышло. Оба кандидата – и наш, и кадетский – провалились. Шестым депутатом прошел какой-то поп. Этим выборы и закончились.

Было уже далеко за полночь, когда мы пришли в свой номер гостиницы, где нас ожидали И.Е. Любимов и другие, принимавшие участие в руководстве выборами.

После того, как мы рассказали подробно о ходе только что закончившихся выборов и о их результатах, то на вопросы – чем могут объяснить свое поведение Абрамов и Авдеев, они, оправдываясь, отвечали, что от Ив[аново]-Вознесенска один депутат уже был (т[оварищ] Жиделев по второй Гос[ударственной] думе) и что, мол, теперь очередь послать депутата от других мест губернии и т.п. Помню, что тогда мы решили поднять вопрос в соответствующих партийных органах о недопустимом поведении этих двух выборщиков.

По приезде с выборов в Иваново-Вознесенск через несколько дней, в день отъезда в Гос[ударственную] думу выбранному нами С.А. Воронину, так же как и тов[арищу] Жиделеву, городская с.-д. организация устроила проводы, на которые явилось много рабочих. За несколько часов до отхода поезда площадь перед вокзалом сплошь заняли рабочие, один из товарищей, членов нашей с.-д. организации, прочитал «Наказ рабочих своему депутату», на который тов[арищ] Воронин отвечал, а затем выступало еще несколько товарищей. Полиция не вмешивалась, и проводы прошли хорошо. Однако эти проводы были уже не те, что проводы Жиделева. Они уже не были так дружны и многолюдны, как первые. Это объяснялось, главным образом, упадочным настроением рабочих масс, а отчасти еще и тем, что опыты с разогнанными правительством первой и второй Гос[ударственными] думами вообще сильно понизили интерес рабочих к этому учреждению.

Член третей Гос[ударственной] думы от рабочих Владимирской губ[ернии] С.А. Воронин доклады о Думе делал в организации очень редко и среди некоторых товарищей в нашей организации наблюдалось отзовистское настроение…

Извлечение публикуется по изданию:
Самойлов Ф. По следам минувшего. Воспоминания старого большевика. М., 1934. С. 188–197.

КОНСЕРВАТОРЫ

ИВАН ФРАНЦЕВИЧ КОШКО

ВОСПОМИНАНИЯ ГУБЕРНАТОРА

Мне пришлось провести в Пензе выборы в третью Государственную думу.

Губерния так много выстрадала от революционных беспорядков, принявших в конце концов характер открытого разбоя, от которого одинаково страдали все мирные люди, что заранее можно было быть уверенным, что будет избрано спокойное представительство. Крестьянские выборщики, куда по разъяснению Сената был закрыт доступ мнимым крестьянам, тоже не внушали особых опасений. Сюда должны были попасть наиболее влиятельные люди. Так оно и случилось: попали, главным образом, волостные старшины и некоторые деревенское ходатаи. Депутатом от крестьян был избран волостной старшина Пензенского уезда Акимов – человек спокойный и неглупый.

Моя роль по отношению [к] крестьянским выборам заключалась лишь в организации пристального надзора за тем, чтобы в выборщики не прошли люди, не имеющие по разъяснению Сената на это права. Надзор был учрежден при посредстве земских начальников и местной полиции. По моей инициативе отменялись уездными комиссиями выборы крестьянских выборщиков лишь в двух или трех случаях на всю губернию.

Выборы по секциям крупных землевладельцев прошли совершенно спокойно и дали контингент уездных выборщиков вполне уравновешенный. Тут моя роль была совершенно пассивная, и ни прямо, ни косвенно я не мог оказать давления.

Возбуждала опасения секция мелких владельцев и духовенства, среди которого было значительное количество политиканствующего элемента. Хотя архиерей в выборы и не вмешивался, но предшествовавшая справедливая и довольно суровая расправа с батюшками красного направления, когда это направление было установлено, образумило большинство духовенства, потерявшего охоту позировать в качестве народных трибунов.

Выборы и по этой секции дали вполне благоприятные результаты.

Лишь в городах, и то покрупнее, как Пенза и Саранск, прошли в выборщики частью кадеты, но не были все-таки в большинстве. От Пензы, например, в депутаты прошел купец Евстифеев, примыкавший к октябристам. Окончательные выборы дали прекрасные результаты: в депутаты были избраны люди уравновешенные, частью правые, частью октябристы и лишь один депутат был по позднейшей номенклатуре прогрессистом.

Особой выборной борьбы не наблюдалось. Было, кажется, два предвыборных собрания, но они прошли деловито, без подъема и зажигательных речей. Даже кадетские выступления были совершенно спокойны.

Принято думать, что выборы в Государственную думу производятся непременно под давлением губернатора. Но это совершенно неверно, или, по крайней мере, такого давления в Пензенской губернии я не оказывал. Разумеется, я с огромным интересом следил за выборами, стараясь устранить от них всякое незаконное уловимое давление. Когда обсуждались достоинства того или иного кандидата, в частной беседе я высказывал свое мнение, но едва ли по совести можно это назвать давлением, так как каждый выборщик, даже желающий считаться с мнением губернатора, подает свой голос закрыто и никак не может быть уличен в том или ином голосовании.

По окончании выборов я устроил депутатам у себя обед и пригласил к нему всех избранных, в том числе и крестьянина Акимова. За обедом я нарочно посадил его около себя, чтобы прийти ему незаметно на помощь в случае каких-либо у него затруднений по части принятых обычаев. Явился он к обеду в отличной поддевке, лакированных сапогах, чрезвычайно благообразным. За столом, как умный человек, незаметно следил за манипуляциями соседей и держал себя так превосходно, точно он привык уже находиться в такой обстановке. Речь его была проста, всегда кстати, без тени какой бы то ни было принужденности.

Этот депутат очень часто потом меня навещал, и я всегда оставался в восторге от его такта. Депутаты наши в Государственной думе не выделялись, между ними ораторов не оказалось.

Извлечение публикуется по изданию:
Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.).
Новгород–Самара–Пенза.
Пг., 1916. С. 220–222.

СЕРГЕЙ ЕФИМОВИЧ КРЫЖАНОВСКИЙ

ЗАМЕТКИ РУССКОГО КОНСЕРВАТОРА

…Перегрузка выборов темными слоями крестьянства, сбитого в ту пору с толка мыслью о безвозмездном расширении своих земельных угодий, и в городах – неразвитым мещанством и рабочими, в связи с новизной политической жизни в России сделала свое дело. Наверх опять всплыли крикуны и агитаторы. Вторая Дума была, в сущности, еще хуже первой как по необразованному радикализму, так и по неспособности к какому-нибудь полезному труду. Стало очевидным, что без изменения избирательного закона и без предоставления решающего голоса тем слоям населения, которые воспитывались на земской работе, нельзя получить Думы, способной к государственной должности. Отсюда, казалось, был прямой выход вернуться к первоначальной мысли – опереть выборы на уездные земства, преградив тем самым на время доступ в Думу и крайне левым, и темным массам. Но Столыпин на этот шаг не решился. Мне поручено было видоизменить закон, но дано указание, исходившее, по словам Столыпина, непосредственно от Его Величества, сделать это так, чтобы ни один из тех разрядов населения коренной России, который допущен был действующим законом к участию в государственных выборах, не был лишен этого участия.

Я переработал действующий закон, сохраняя все его существенные черты, в двух изложениях. Первое сводилось к установлению полной раздельности выборов от землевладельцев, горожан и крестьян с предоставлением каждому разряду избрания определенного числа членов Думы и с выделением евреев в отдельную курию по особым округам в пределах черты оседлости. Второе сохраняло общее губернское избирательное собрание и предоставляло в нем преобладание выборщикам от частных землевладельцев; все выборы должны были идти в этом случае под их надзором. В устранение же крайностей за каждым разрядом выборщиков обеспечивалось наименьшее представительство в виде одного члена Думы, обязательно от каждого из них избираемого.

В том и другом случае сокращено было число членов Государственной думы от польских губерний, вовсе упразднено от Туркестана, степных областей (представительство от Кавказа было сокращено, но не упразднено ввиду настояний Воронцова), а равно от менее культурных губерний Европейской России; кроме того, городские выборы разделены на два разряда. Наконец, проведено начало державного значения русского племени путем установления особых выборов от

русского населения на окраинах.

Каждый порядок имел свои выгоды и свои недостатки. Обсуждению их были посвящены два заседания Совета министров, который в конце концов остановился на втором порядке. Обсуждение было поверхностное. Во избежание огласки проекты печатаны не были и докладывались мною в их существенных чертах устно с пояснением схематическими чертежами. Много говорил по обыкновению покойный П.Х. Шванебах, человек весьма начитанный, острый на язык, но страдавший неспособностью сойти с высот теории и предложить что-либо практическое. Кажется, 30 мая [1907 г.] жребий был брошен докладом Столыпина Его Величеству и окончательным принятием второго варианта. Вариант этот в шутку назван был при обсуждении дела в Совете «бесстыжим». Когда Столыпин докладывал государю, Его Величество изволил смеяться этой шутке и решительно сказал: «Я за бесстыжий».

В последующие двое суток я составлял закон в окончательном изложении, включив правило, предоставляющее министру внутренних дел право делить съезды по признаку национальности, размеров и рода имущества, и переработав расписание выборщиков с таким расчетом, чтобы в губернском собрании перевес был за представителями частного землевладения; сверх сего и в тех же видах из массы городских избирателей был выделен тот наиболее состоятельный класс, который близко содействовал современному составу городских и земских избирателей, и из него образована отдельная курия, обещавшая дать те же приблизительно выборы, как и курия землевладельцев; число выборщиков от сельских обществ было существенно сокращено и поставлены преграды прохождения в выборщики от крестьян лиц, ничего общего с крестьянами не имеющих. В этой спешной и сложной работе мне помогали А.К. Черкас и А.А. Евтифеев.

2 июня закон и все таблицы были готовы и отправлены в Петергоф с бывалым человеком – курьером Меньшагиным, передавшим их камердинеру государя для представления Его Величеству. Вечером утвержденный Его Величеством закон был уже у Столыпина в Елагинском дворце. Все было сделано с полным соблюдением тайны и с чрезвычайной быстротой. В 8 часов вечера новый закон был утвержден Его Величеством, который вернул его с весьма решительной запиской [«Пора треснуть» – *сост.*], а в 10 часов сдан в сенатскую типографию и утром продавался уже на улицах. Трудный вопрос, как обнародовать новый закон, изданный помимо Думы и Совета, был просто решен обер-прокурором Н.А. Добровольским. Он распорядился припечатать закон в Собрание узаконений, а определение об обнародовании его дать подписать сенаторам впоследствии совместно с другими. Все подписали без разговоров, приняв закон «как упавший с неба», по выражению одного из сенаторов. Всем стало ясно, что другого исхода нет. Внесение закона в Думу было невозможно, обсуждение же его в каких-либо особых совещаниях, к чему клонили некоторые их власть имущих, было бы явно бесполезно, так как этим путем невозможно было бы провести ничего цельного.

Новый закон дал в руки правительства сильное и гибкое орудие для влияния на выборы и открыл возможность – конечно, при благоразумном применении – создать народное представительство, достаточно уравновешенное и чуждое

крайностей как в сторону красного, так и в сторону черного радикализма. Закон вызвал, конечно, много нападок: левые поносили его за передвижение тяжести выборов на основу консервативного представительства, правые – за сохранение в составе Думы левого крыла, политики вроде Меньшикова обвиняли его одновременно и в том, и в другом.

Разумеется, закон далек был от демократических идеалов, равно как и от пожеланий курского дворянства, и будущие историки отметят в нем много искусственного, плохо сшитого и не проникнутого достаточной логической связью. Но более беспристрастные из них примут во внимание, что главная задача времени была создать Думу уравновешенную и государственную, а для этого приходилось выдавливать из современного общества, чуть ли не по крупинке, те немногие лица и начала, которые способны были к этому делу. И в этом отношении закон вполне достиг своей цели. Он дал земскую Думу, то есть приближенную к тому составу, который преобладает в земских собраниях; вместе с тем и неимущие, и интеллигенты, и рабочие не лишены были возможности отвести в Думе душу. Неправы были и правые, нарекая на допущение в Думу левых, даже из числа отрицавших существующий строй.

Нельзя было рассматривать Думу в тех политических условиях как ареопаг мудрецов, преданных Основным законам и имеющих просветить Россию светом своего разума; как собрание лучших людей России, самых умных, самых опытных, самых даровитых, как того требовали некоторые публицисты, как этого хочет Меньшиков. Никакое учреждение не может быть основано на гениальных личностях и апостольских подвигах. Те и другие крайне редки и в рамки учреждений не укладываются. Всякое установление, рассчитанное на живую повседневную деятельность, должно быть основано на среднем деятеле, на средних добродетелях и средних пороках и поставлено так, чтобы направление собственных выгод лиц, его образующих, совпадало до возможной степени с направлением общей пользы. Никакой закон не может этого обеспечить. Нигде в мире парламенты не образуются на основе этих требований, ибо побуждения, движущие избирателями при подаче голосов, ничего общего с этими требованиями не имеют, а сводятся к надежде на более или менее правильно сознаваемое удовлетворение своих интересов. Кто больше, более заманчиво и более убедительно обещает, того и выберет средний избиратель.

С особой силой эти влияния должны были сказаться и сказались на заре представительной жизни в России, и задачи этого представительства сводились и должны были сводиться к введению в русло общественных страстей и к созданию партий, направляющих свои усилия к достижению спокойного развития государственной жизни. И с этой точки зрения народное представительство в России достигло крупных успехов. До учреждения Государственной думы последние десятилетия были отмечены напряжением общественного неудовольствия, которое ответственность за все возлагало на правительство и государя. Все, чем были недовольны, приписывалось им. Все, что направлялось против правительства, всеми приветствовалось, и прежде всего самими чиновниками, сколь бы ни были безобразны и дики проявления,

в которых это неудовлетворение выражается…

Созыв Думы и деятельность третьей из них, то есть первой из занимавшихся делом, сразу изменили все положение. Политическое неудовольствие в значительной его части отхлынуло с мест в Думу и в ней сосредоточилось, как в трубе, а то, что осталось на местах и что ждало от народного представительства какого-то чуда, перенесло все свое раздражение на Думу. Правительство, правда, сильно ругали, но зато в стране могли сложиться течения, ставшие решительно на его защиту. Убийства приобрели уже значение насильственного и непрошенного вмешательства в общественную жизнь, как бы вмешательства в права Думы. Правительство выросло и стало увереннее. Еще более выиграла от совершившейся перемены верховная власть. Та более или менее бессознательная привязанность народа к царю, которая сохранялась веками как предание, наряду с верою в Бога, не представляла собою прочного государственного начала, и 1905 г. доказал, что за десятину земли крестьянин готов продать и царя, и Бога. В тех же слоях общества, которые восприняли уже кое-какое образование, монархических чувств, в сущности, не было. В образованном же обществе, за немногими изъятиями, господствовало совершенно отрицательное отношение.

1905–1906 гг. и введение представительства коренным образом изменили это положение. В России появились монархические общества, и отношение к царю как знаку единства государства и русского народа стало сознательным и определенным проявлением. С началом деятельности Думы это явление стало еще ярче и сказалось во внутренних в ней отношениях, так что в конце концов даже оппозиция, в начале выслушивавшая чтение Высочайших указов сидя.., переменила отношение и стала вести себя прилично. Чувство государственности с трудом давалось русскому обществу, и за третьей Думой в деле его уяснения и развития история отметит большую заслугу.

Извлечение публикуется по изданию:
Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора //
Вопросы истории. 1997. № 3. С. 127–129.

СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ ШАРАПОВ

«МАТРИКУЛИРОВАННЫЕ» ОКТЯБРИСТЫ, или КАК Я НЕ ПОПАЛ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Моя кандидатура в Думу. С чем и зачем я туда шел?

Читатели помнят мой рассказ о выборах в первую Думу. Ко второй мы, смоляне, уже заметно поправели и выдвинули октябристов, к третьей выборы очутились всецело во власти землевладельческого класса, т.е. дворянства, а так как наши дворяне только слегка и то вначале разинули рот перед революцией, а затем очень скоро ее раскусили, то можно было ожидать даже полного торжества правых, которые везде в земствах прошли у нас подавляющим большинством.

В Вязьме кадеты были разгромлены наголову и выборы закончились в полчаса. А так как то же самое, как оказывалось, произошло и в большинстве наших уездов, везде выдвинувших умеренных или правых, то моя кандидатура в Думу ставилась более или менее твердо.

Моя кандидатура в Думу! Читатель вправе задать вопрос: каким образом могу я ставить свою кандидатуру в такое учреждение, которое я принципиально отрицаю, считаю бессмысленным и вредным?

Да, совершенно верно! Государственную думу, какая бы она ни была: левая, кадетская, октябристская, правая, смешанная, революционная, мирно-слякотная или бурно-патриотическая, я считаю учреждением бессмысленным и вредным, как законодательная палата, как контрольный аппарат, наконец, как централизованный русский парламент, понимаемый в западноевропейском смысле. Я глубоко убежден, что Дума, какова бы она ни была, работоспособною быть не может и, конечно, еще более боюсь Думы умеренной и мягкой, чем крамольной и крайней. Последнюю разогнали два раза, разгонят и в третий, и делу конец. Умеренная Дума может обратить наш конституционализм из болезни острой в затяжную и укрепить эту заразу в России, т.е. исковеркать и изуродовать наш национальный дух, опоганить и потушить окончательно совесть, заменить земское здоровое начало партийным обманом и компромиссами, а самодержавие обратить в безличную конституционную механику, подменив могущего и долженствующего грозно повелевать полмиром русского царя в слабенького конституционного императора.

Да, я, непримиримый враг этой Думы – парламента, мог бы занять свое кресло там не только без всякого благоговения или уважения, но с явным омерзением.

Зачем же я шел туда?

А вот зачем.

Как ни отвратительна идея Думы, но есть еще нечто более ужасное, опасное и вредное, это – русская властвующая бюрократия, это тот, из живых людей состоящий, но по существу мертвый и механический государственный аппарат, который ныне распоряжается судьбами Родины. Эти господа, подведя Россию к бездне, покрыв ее позором и расстроив до конца управление и хозяйство полуторастамиллионного народа, не придумали ничего лучшего, как укрепить свое положение, подведя под бюрократию фундамент «народного представительства». Великую ложь требовалось подпереть и укрепить на лжи еще величайшей, последней и окончательной.

Мы видели как бюрократия кидалась из стороны в сторону, чтобы создать ту фикцию «народного представительства», которая была бы ей послушна. Дали широко-демократический избирательный закон – получили наверх все революционное подполье, которое чуть не разбило вдребезги и династию, и самое государство. Переработали этот закон заново, подчистили, подправили. Результат все тот же. Переработали еще раз, устранили ловким образом «демократию», дав ей роль декорации, взяли в опеку крестьянство, явно к государственному делу неподготовленное, взбунтованное и озлобленное, и передали выборы в руки состоятельных классов, которые к тому времени достаточно образумились и поняли опасность. Получили Думу, наконец, умеренную и мирную. Если крайняя правая, которая прошла в бóльшем количестве, чем было нужно бюрократии, не захватит роли прежних левых революционеров и не заставит на этот раз разогнать Думу, то правительство получит наконец то, чего добивалось: приличное, выдрессированное бомбами стадо, толпу людей очень почтенных, но совершенно несведущих в государственном деле, разношерстных и не могущих спеться, но вместе с тем запуганных революцией, а потому почтительных и покорных начальству. С этими элементами можно «работать», т.е. проводить всякие законы и реформы, выработанные чиновниками, вотировать всякие займы и налоги. Дума будет послушно идти за г[осподами] Столыпиным, Коковцовым и всею министерскою братией, так как будет бессильна не только что-нибудь противопоставить чиновничьему сочинительству, но едва ли сможет даже раскритиковать как следует сложные законопроекты или разобраться в фолиантах росписи. Беспомощность этой толпы била в глаза.

Прибавьте сюда парламентские интриги, борьбу партий, гнусные торги и компромиссы, личные счета, а затем неминуемый дележ пирога, и вы с ужасом отшатнетесь от отвратительного образа будущей парламентской и конституционной России. И эта мерзость при помощи г[оспод] умеренных и особенно октябристов обещает укрепиться на целые десятилетья, пока Россия не погибнет как государство!

Я шел в Думу, зная твердо, куда и зачем иду. Я шел не как рабочая сила,

которая там совершенно не нужна и проявиться никакой возможности не имеет, а как независимый человек, хорошо подготовленный к борьбе, насквозь знающий врага – бюрократию, постигший все ее тайны и изгибы. Я шел совершенно одинокий, без всякой партии, без союзников и сторонников, но я знал твердо, что в Думе не пропало бы ни одного моего слова. Меня нельзя было пригнуть ни до какой партии, оплести никаким компромиссом. Всякие честолюбивые замыслы, всякие искания карьеры или власти были мне совершенно чужды. Моя мечта была противопоставить великой коллективной лжи мою одинокую горькую правду, великому партийному криводушию и парламентской подлости – слово чуткой и независимой совести. Этою совестью, как прожектором, прорезать мутные и грязные волны того политического моря, куда мы устремились 17 октября и где тонут и наш патриотизм, и наша народная честь, и здравый смысл…

Прибавьте сюда, что изо всей «избранной» в депутаты публики правого и умеренного лагеря, совершенно в финансовых вопросах несведущей, я являлся в Думе единственным человеком, сколько-нибудь подготовленным. А другие дела? Тридцать с лишним лет непрерывной работы в качестве журналиста над самыми разнообразными государственными вопросами давали мне возможность не только не быть захваченным врасплох никаким министром, но каждого из них вывести на свежую воду, в каждом вопросе поставить на место резвое чиновничье сочинительство и выдергать павлиньи перья из сановных хвостов. И если меня невозможно было совершенно затолкать и замолчать в мерзкой жидовской печати, устроившей мне давно уже самый подлый бойкот, то что могли со мною сделать на трибуне, с которой каждое слово разносится по России?

Простите, читатель, за эти слова, в которых звучит, по-видимому, такое грубое самохвальство. Клянусь вам, мне тяжело все это говорить, но ведь это моя и политическая перед вами исповедь, мне нужно ясно определить, зачем и с чем я шел в Думу, куда вообще мне не должно бы быть дороги. Вам мои работы знакомы, знакома моя государственная программа, так давно, так упорно разрабатываемая. Вы знаете, как мне в этой работе ревностно помогали и наши будто бы патриотические элементы! Что ж тут надевать маску скромности и садиться на корточки!

Вот отрывок из одного письма ко мне из Петербурга, полученного тотчас после оглашения в газетах моего выбора в выборщики. Пишет лицо, отлично посвященное во все петербургские придворные и канцелярские дела:

«К*** (с Олимпа) восхищался брошюрой «У очага хищений». Говорит, что это лучшая из всех, так как основана на фактах, которые, «к несчастью, тождественны с истиной». Все министры трусят Вашего избрания, говоря: «Шарапов для нас куда опаснее всяких кадет. Он монархист, он русский дворянин и посвящен во все тайны министерств. Ему поверят, его не заподозрят в революционных замыслах, как бы он нас ни обличал, ни громил. Пожалуй, станет еще ежедневно писать государю, будет пропагандировать в Думе личные представления и объяснения с царем. Как депутата его не удержать, не остановить!!..».

Этот отрывок привожу тоже не для самохвальства, а для характеристики положения. Примите же во внимание еще одно обстоятельство важности чрез-

вычайной. Как мы ни погрязли в партийности, но совести в русских людях заглушить нельзя, если ее властно и умело вызвать. Затем в Думу прошло огромное количество правых, заранее объявивших себя беспартийными. По условиям избрания все это порядочные, независимые люди. Им пришлось бы или молчать, по полной неподготовленности к делу, или толкаться между Милюковыми и Пуришкевичами. Неужели, скажите по совести, эта группа независимых людей не сплотилась бы тотчас же вокруг меня в могущественную земскую группу, не дала совершенно новую окраску, а может быть, и новую судьбу Государственной думе?

Вот зачем я шел в Думу, как ни ненавистно мне это заведение, как ни тяжела представлялась мне эта борьба, как ни отражалось это на моих личных интересах, а главное, на здоровье, очень и очень пошатнувшемся. Уж, конечно, не несчастные суточные и не министерской портфель привлекали меня! Сейчас я зарабатываю больше, а на министерские посты смотрю давно уже сверху вниз, отнюдь не завидуя несчастным людям, в сей хомут попавшим; меня влекло повелительное чувство долга, моя тридцатилетняя государственная подготовка, желание отдать все силы Родине, послужить ей, чем могу и как могу.

В таком настроении я явился в Смоленск дня за три до срока выборов.

Предвыборное собрание у г[осподина] Мазаровича. Блок правых и октябристов. «Матрикулированные[1] октябристы»

В городе совершенно тихо и спокойно. Никакой агитации нет и следа, ничего праздничного, приподнятого. Даже единственный жидовский и радикальный орган исторического Смоленска – «Смоленский вестник» – пачкает бумагу по-обыкновенному, удрученный провалом левых и по-своему бойкотируя Думу. Ни собраний, ни воззваний – ничего. Г[оспода] победоносные октябристы не сочли нужным даже на эти дни выборов возобновить свою угасшую от безденежья, безобъявленья и бесталанности «Смоленскую газету». Хоть бы несколько номеров выпустили! Словом, мертвечина полная.

Направляюсь к нашему губернскому предводителю кн[язю] В.М. Урусову, человеку необыкновенно милому и приятному, но настолько трогательно верующему в 17 октября и конституцию, что этой веры не смогли пошатнуть даже несколько очень удачных поджогов в имении.

У князя в боковой комнате шло заседание комитета октябристов, но он был так любезен, что вышел ко мне побеседовать. Спрашиваю о выборах, говорим о том и другом, я даю понять, что намерен баллотироваться в Думу.

В.М. Урусов заявляет, что не только он лично, но и все смоленцы, умеренные и правые, сочли бы, вероятно, желательным мой выбор в Думу и охотно положили бы мне направо, если бы не странно составленный закон, по которому из числа шести смоленских депутатов один должен быть непременно крестьянин, один от первой и один от второй городской курии. Для землевладельцев остается всего

[1] Матрикулированные – от *лат.* matricula, *нем.* matrikel «список» – письменная запись известных лиц или доходов, например, список дворянских фамилий. Здесь – зарегистрированные члены партии.

три кресла в Думе и эти кресла уже предназначены для прошлогодних депутатов: г[оспод] Хомякова, Танцова и Опочинина.

Чуждый всякой партийности, я заявляю совершенно спокойно, что для дела я могу быть нужнее, чем два последние из этих господ, а потому было бы совершенно естественно, если бы кто-нибудь из них сам добровольно предложил мне свое кресло.

Князь приходит в священный ужас от такой неслыханной наивности, но, как человек архикорректный и всякие виды видавший, не возражает, а только качает головой и рекомендует попытаться добиться этого самому. Кстати же, сегодня собрание выборщиков «правого блока» в доме предводителя Мазаровича. Октябристы и всякого оттенка правые, победившие на выборах во вторую Думу, продолжают состоять в союзе и теперь. На собрание допускаются и приглашаются все выборщики правее кадетов.

День читаю газеты, правлю запоздалые корректуры, вечером иду на Кадетскую улицу, в дом кадета Гуминского, в квартиру октябриста Мазаровича, на предвыборное собрание блока октябристов с монархистами. Вот какие бывают адреса в России по нынешним временам…

Забираюсь, по неопытности, в срок, т.е. рано. Встречает милейший хозяин, уступивший свою квартиру под политические радения. Собралось всего человека два, говорят о погоде, о поджогах и пожарах.

Через полчаса собирается весь «блок», т.е. человек 20 выборщиков, поверивших в то, что надо в самом деле быть в Смоленске 11 октября, когда выборы 14-го. Определяется, что больше народу не соберется, и г[осподин] Мазарович приглашает перейти в зал, где во всю длину протянут стол заседаний с зеленым сукном, карандашами, печеньем в вазах и т.п. Рассаживаемся.

Приглашают избрать председателя, хотя естественный председатель – губернский предводитель – налицо. Дань уважения хозяину – просят г[осподина] Мазаровича.

Николай Иванович благодарит, садится и сразу все углубляются в «дело». Достается общий список выборщиков и начинается проверка одного за другим: к какой партии принадлежит и куда свой шар может положить. Справки наводятся у приезжих выборщиков соответственного уезда; скучно, томительно-однообразно и тошно.

И вдруг, представьте себе, я слышу собственными ушами нижеследующее:

– Нет, Николай Иванович, тут ошибка. Такой-то и такой – матрикулированные октябристы, а такой-то только присоединившийся.

У меня в глазах позеленело от этого термина.

Я как-то так несчастливо устроен, что болезненно «реагирую», выражаясь по-модному, на всякую пошлость, на всякую банальность. Но ведь «матрикулированный октябрист» – это же перл пошлости, квинтэссенция глупейшей банальности. И представьте себе, это слово не вырвалось случайно у перемудрившего «оратора» – это принятый здесь термин! Говорят совершенно сериозно: «мы, матрикулированные октябристы», как говорят: «мы, присяжные поверенные» или «мы, смоленские землевладельцы». Скажите читатель, если у вас ухо хоть не-

множко чутко и нервы от него идут к сознанию и совести: у человека, без всякого стыда налепляющего на свой дворянской гербовый лоб этакую бандероль, может остаться в сердце уголок для правды, для святой простоты и прямоты мысли, для любви к Родине, к своему уезду? Можно от этого человека ждать иного политического делания, кроме подсчитывания голосов и перекатывания шаров совершенно в виде спорта?

Но позвольте, ведь это же мираж какой-то! Ведь передо мною сидели смоленские дворяне, теснейшим образом связанные с самыми славными традициями. Войдите в наше дворянское собрание и вас охватит атмосфера героического 12 года. Вот дворянин Лесли, которого расстреливают французы. Вот горящий Смоленск, вот коллекция наших губернских предводителей, никогда не унижавшихся даже перед царями, вот славные исторические люди, которых в таком изобилии давало смоленское дворянство: Потемкины, Глинки, Энгельгардты, Храповицкие, Хомяковы. Да неужели же их потомки, вот эти типичные старые и молодые дворяне, здесь подсчитывающие шарики, только и годны в «матрикулированные октябристы»?

Нет, это вздор. Поисследуйте каждого из них, и там, внутри, вы найдете все те же элементы: высокую культуру, правду, честь, даже героизм. Все это цело, все это в крови, костях, тканях у этих людей, хотя, конечно, не в таком цельном и ярком виде, как у предков, но всего этого слишком достаточно, чтобы этому слою стоять по-прежнему во главе русского народа и составлять дорогой и могучий цемент Русского государства. В чем же дело? Что это за проклятие лежит на нас, что мы в любую минуту без протеста готовы надеть любую дурацкую шапку, честно и совестливо, даже с увлечением, отплясать любой подлейший канкан?

Дело – увы! – в нашей стадности, в поразительной атрофии у нас независимой мысли, индивидуального достоинства, личной инициативы.

«С народом ка̀лина!». Раздается призыв «Умрем за Родину!». Умираем честно, геройски, спокойно. Умирают героями даже слабые люди. «Идемте водку пить, господа!». Идут водку пить и хлопают рюмками даже непьющие, которые сами и не подошли бы к буфету. Мало того, крикнет человек, захвативший роль вожака: «пойдемте, господа, к...». И поверьте, вся компания тронется, и все очутятся в самом неприличном месте, причем и по дороге, и после более чистоплотные будут ругаться, но все-таки не уйдут, а за компанию проделают все, что полагается.

И вот при этакой-то стадности и личной слабости вместо героических, возвышенных лозунгов сверху – эта подлая и грязная революция, а за нею конституция! «Долой самодержавие – да здравствует Партия народной свободы!». И все бросились в кадеты, все стадом валят к урнам и выбирают кадет или еще левее. Провалились кадеты, но конституция все еще заманчива и обаятельна, и вот, все мы октябристы, да еще не простые, а матрикулированные. А отведите вы этого матрикулянта в сторону, да скажите ему: «Иван Иванович, неужели вам не стыдно, неужели это не пошлость?». Он вам тут же покается, что это величайшая пошлость и что он в ней только за компанию. Попал в кадеты или октябристы совершенно так же, как пошел водку пить или очутился в непотребном месте.

Распределение депутатских кресел. Моя речь

Считали, считали шары мои «матрикулированные октябристы» в первый день и насчитали, несмотря на отсутствие многих, что шансы все у нашего блока, что кадет меньшинство, как ни поверни, как ни прикидывай в их пользу сомнительные или беспартийные голоса. Казалось бы, и довольно, и надо вместо шарокатательной механики заняться вопросами более существенными, например, поговорить хоть бы о том, что делали наши депутаты во второй Думе и что собираются делать в третьей, так как намечены блоком они же, т.е. г[оспода] Хомяков, Танцов и Опочинин.

Об остальных трех не говорят, это своего рода политическая мебель, потому что выбрать совершенно некого. Крестьянам цену узнали и это увлечение прошло, среди горожан первой и второй курий нет совершенно в правом лагере никого. Здесь царство обгрызанного аршина с одной стороны, третьего элемента с другой. Выборы целиком в руках земельного дворянства, но курия курией не заменяется и, хочешь не хочешь, а начальству подай в Думу от Смоленской губернии непременно одного мужика, одного горожанина-домовладельца или фабриканта и одного «интеллигента» или чиновника.

К счастию, Господь послал мужика на редкость. Григорий Федоров, заурядпрапорщик с четырьмя Георгиями, член второй Думы, правый. Держал себя так, что не поддался ни на какие соблазны эсеров, эсдеков и трудовиков; стал человек на почву чистого патриотизма и никуда! Что он делал в Думе положительного, история умалчивает, но выбирать, разумеется, надо его. По первой курии фаворитом объявился наш вяземский владелец маслобойного завода Н.М. Лютов, тоже матрикулированный октябрист, а по второй – бельский городской голова Михайлов, оба политике совершенно чуждые и в Думе младенцы. Порасспросили о них у вязьмичей и белян и решили одобрить их кандидатуры.

Затем попили чайку, и делать стало совершенно нечего, хотя было всего не более 10 часов.

Вижу, что люди поглядывают на груду шапок в передней и стремятся кто в клуб, за роббер винта, кто куда, прошу слова.

Начинаю говорить о том, что тактика тактикой, но не мешает установить и некоторую нравственную и политическую связь нас, выборщиков и наших избирателей, с господами депутатами. Недурно бы послушать господ депутатов, что они делали во второй Думе и что намерены делать в третьей.

Пробую выяснить задачи правых в третьей Думе. К законодательству мы не годимся, подготовленных людей нет, но поставить правительству некоторые определенные требования и наблюсти за их исполнением можем. На первом плане стоит наша несчастная финансовая система, которая разоряет и иссушает страну и ставит всю нашу государственную политику, весь общественный уклад и все хозяйство в зависимость от хищников международной биржи. Об изменении этой системы, о ее согласовании с нуждами страны финансовое ведомство не хочет и думать. Министр финансов явно издевается над Россией, не давая средств для развития народного кредита, без которого нет хозяйства, нет куль-

туры, а будут только разорение и вечные грабежи, поджоги и всякое аграрные вопросы. Создать средства для народного кредита мешает «система», основанная на золоте и внешних займах. Но если так, то прочь эту систему и пусть правительство переходит к другой, ищет талантливых финансистов, но не губит народного хозяйства, не опустошает страну.

В этом году наше губернское дворянское собрание 1 июня единогласно постановило ходатайствовать перед государем императором о созыве всероссийского финансового съезда из лиц по указанию губернских земских и дворянских собраний и губернских по земским делам учреждений неземских губерний, съезда, который разобрался бы в нашей финансовой системе и указал правительству надлежащий путь. Это ходатайство по докладу Столыпина было Его Величеством отклонено из-за несвоевременности подобного съезда. Воля государя священна, но здесь мы имеем дело не с нею, а с теми мотивами, которые были представлены государю, т.е. с докладом г[осподина] Столыпина, по его собственному признанию, не сведущего в финансовых вопросах. Обязанностью наших депутатов является собрать нужное число подписей и предъявить председателю Совета министров запрос – на каком основании делал он свой доклад в отрицательном смысле и какие аргументы представил Его Величеству против ходатайства смоленского дворянства?

Я не могу помириться с такой обстановкой, которая явно указывает на произвольное извращение Высочайшей воли. Дума беспомощна в финансовых вопросах. На патриотической правой стороне нет ни одного финансиста, кадетам мы не верим. Только специальный съезд, созванный указанным нами путем, был бы в состоянии выяснить это дело. Если мне возразят, что это скомпрометировало бы наши финансы перед Европой, я скажу, что это вздор, что мог бы быть скомпрометирован только разве г[осподин] Коковцов как человек взявшийся за дело, о котором не имеет ни малейшего понятия, а русское финансы укрепились бы и выиграли, как они выигрывают всегда от всякого света, от всякой гласности.

Эта моя речь возбудила внимание и вызвала довольно живой обмен мнений. Я закончил тем, что пожалел об отсутствии на собрании Н.А. Хомякова, который в финансовых вопросах кое-что понимает и, может быть, будет завтра, чтобы дать нужные объяснения.

Мне хотелось перейти ко второму моему тезису и развить некоторые положения о роли будущих наших депутатов в Думе. Было необходимо указать на опасность канцелярского сочинительства и определить наше отношение к той группе законов, которыми г[осподин] Столыпин не поцеремонился внести страшный раскол в крестьянскую жизнь, лишь бы задобрить мужика и заполучить его голоса на выборах. Цель эта была слишком безнравственна, чтобы иметь успех, но тем не менее смута брошена, деревня сбита со своих исконных оснований, и сделанного не воротишь.

Не успел я перейти к этой теме, как в зале почувствовалось какое-то странное движение, точно все очень засиделись и куда-то торопились. Было много желающих продолжать заседание, но были и такие, кому было нужно его сорвать. Стали шептаться по углам... Кто-то сказал, что уже поздно, все с дороги и устали.

Начали разбирать шапки и прощаться. Я решил отложить дело до завтра, тем более, что на следующий день ожидался сам главарь здешних мартикулированных октябристов – Николай Алексеевич Хомяков.

Н.А. Хомяков. Опыт характеристики. Его роль в русской революции и конституции. Пророк под клещевиною

Позвольте мне остановиться на минуту на этой интересной личности и ее печальной парламентской роли. Прежде всего заявляю открыто и искренно, что я горячий сторонник и поклонник Н.А. Хомякова. Слово «поклонник» ставлю без всякого колебания. Это чувство возникает у меня ко всякой личности, на которой я вижу печать Божия перста, возносящую ее над толпой и причисляющую к истории. Как слабый и смертный человек эта личность может не только спотыкаться на своем пути, малодушествовать и пр[очее], но даже падать более или менее глубоко.

И тем не менее, помазание «пророчества» на ней пребывает и бессмертие обеспечено. Такое помазание чувствовалось у Аксакова, Вл. Соловьева, Гилярова, Скобелева, Черняева, Баранова, из живущих – у гр[афа] Н.П. Игнатьева, Н.А. Павлова и некоторых других исторических людей, которых я имею счастье знать лично и пользоваться их духовным общением.

Эту печать я ясно чувствовал и на Хомякове. В этом барине и лентяе есть та пророческая власть, которая заставляет людей повиноваться и идти за ним. Я видел минуты, когда из-за обычной шутливой иронии, которою всегда переполнена речь Хомякова, вдруг слышались раскаты Божьей грозы, и тогда слушателя невольно охватывал трепет. Эту власть, эту грозу ни воспитать, ни подделать нельзя. Она дается свыше. Но ее можно опрофанировать, втоптать в грязь, как это и делали преблагополучно многие пророки, которым после этого приходилось посыпать пеплом главу, препоясываться вретищем, садиться под «клещевиною», как Иона, и т.п.

Но у Хомякова есть нечто еще большее – это звук его имени, его фирма. Вы еще не успели увидать и опознать Божия перста на Хомякове, не видали Н[иколая] А[лексеевича] даже в глаза, а уже имя возносит его высоко над толпой. Крестник Гоголя, родной сын Алексея Степановича Хомякова, величайшего из русских мыслителей, одного из родоначальников и творцов национальной философской школы, – это титул, перед которым бледнеют и рассыпаются мишурой всякие гербы и летят под стол пергаменты департамента герольдии.

Помню, как я был сконфужен, просто лично оскорблен, когда вдруг Н.А. Хомяков из губернских предводителей пошел, по его собственному выражению, в лакеи, приняв должность директора департамента земледелия у Ермолова. Это было нечто почти неприличное, скандальное. Промаячил в Петербурге Николай Алексеевич несколько лет, затем опомнился, расплевался и ушел опять в свою Сычевку в уездные предводители. Помню, что в восторге от этого возрождения я написал даже стихи и напечатал их в одном из моих метеорологических сборников вместе с портретом Н[иколая] А[лексеевича]:

Скандал чиновной братии,
Шатание основ;
Но разве в бюрократии
Возможен Хомяков?

Ввиду разыгрывавшейся революции Хомяков оказался, как и следовало ожидать, в меньшинстве петербургского земского съезда, оставшемся при самодержавии, а после рескрипта 18 февраля 1905 года встал во главе основанного им кружка 18 февраля, где широкий, чисто земский либерализм стройно сочетался с нравственным началом как основою всей русской государственности. Это был именно завет А.С. Хомякова, и мне пришлось раз с удовольствием слышать, как ярко и талантливо защищал Хомяков это нравственное начало…

17 октября сорвало Хомякова с петель. Уверовал ли он в конституцию, как в нечто неизбежное и неотвратимое? Просто ли смалодушествовал, изверившись в учении своего отца? Это дело его совести. Ясно Хомяков не высказался, а только прикрылся такою формулою: «мы теперь конституционалисты по Высочайшему повелению».

Отсюда волна освободительного движения подняла и понесла его вместе с Д.Н. Шиповым и М.А. Стаховичем в гнусное болото «октябризма» – и вот, отмеченный Божьим перстом пророк, носитель русской независимой исторической мысли, оказался в рядах, если не во главе, самой пошлой и гнусной политической партии. Хомяков – «матрикулированный октябрист»! Одесную и ошую – Плеваки и Гучковы, граммофоны и пузыри октябризма, новой русской политической весны, спереди и сзади – Шиповы, Стаховичи, вчерашние защитники нравственного начала, сегодня защитники еврейского равноправия и российские конституционалисты…

Право, не так было бы горько, уйди Хомяков к кадетам или в социал-демократы. Не стерпела душа, взбунтовалась и в ад кувырком! Но сесть в грязную лужу двух вершков глубины, надеть на голову колпак благонамереннейшей всепошлости, вымазаться по уши в политической манной каше – это, воля ваша, для трибуна и пророка чересчур жестоко.

Дальше пошел ряд хаотических, почти не координированных движений. Перед вторыми выборами Хомяков демонстративно покидает Государственный совет, где он заседал по выбору дворянства и баллотируется во вторую Думу. Любуйтесь, россияне, на Хомякова с депутатским «мандатом» в руках! Зачем он пошел? Чтобы закончить постыдную игру в парламентаризм и похоронить наследие графа Витте? Или чтобы укрепить в России конституционные начала? Кто ответит на этот вопрос? Хомяков предпочел не проронить в Думе ни одного слова. Нелепость его положения и внутреннее недовольство и раздвоение бросались в глаза. Нравственной силы как не бывало! Никакие «глаголы» ничьих сердец не жгли, и пророк видимо попал не в свои сани. Оставалось ждать только одного, чтобы Хомяков, опомнившись и рассердившись на свое странное положение, вернулся к покинутому нравственному началу, отрекся от вонючего октябризма и встал перед Думой во весь рост, как сын своего великого отца и ее грозный су-

дия, чтобы в лице его проснулась и встала русская национальная мысль, русская совесть, негибкая и неломкая, иногда засыпающая и даже пропадающая, но никогда в обман не дающаяся…

Но Думу распустили раньше, чем Хомяков мог исполнить свою, казалось бы, столь естественную миссию… Так хотелось верить, так подсказывало сердце.

И вдруг… вообразите: только этого не хватало! Газеты приносят известие, что Н.А. Хомяков уже намечен как председатель будущей Думы, что «сферы» от этой комбинации в восторге, что там все уже условлено и благословлено. То-то здесь в Смоленске ходили в эти дни странные слухи о том, будто губернатор с князем Урусовым условились принять все возможные меры, чтобы Хомяков непременно прошел в Думу.

Хомяков – председатель, т.е. глава и душа русского парламента! Согласитесь, что это нечто совершенно ни с чем несообразное. Еврей – ктитор христианского храма, архиерей – содержатель скаковой конюшни или контрабандной конторы, мамзель Отеро – игуменья Страстного монастыря – такие капризы русской культуры могут встречаться иногда и, по нынешним временам, даже глаз особенно не мозолят. Но Хомяков – председатель виттевской Думы – это русская история, вывороченная наизнанку, это опоганенная до дна национальная совесть, это разрытые могилы великих основоположников славянофильства и выкинутые кости Алексея Степановича Хомякова…

«Горе тому, – восклицает Варсонофий Великий, – коего имя славнее дел его».

Можете себе представить, как я, убежденный славянофил и поклонник Н.А. Хомякова, даже «конституционалиста по Высочайшему повелению», беспомощно метался в потоке нахлынувших мыслей. Мне было стыдно и мерзко, как никогда ранее.

Хотелось бежать к Хомякову умолять, требовать, угрожать, все что хотите, но спасать это святое имя для России. Неужели у них там мало людей, которым так к лицу председательское кресло в Думе?

Но одно дело – ночь с ее видениями и грызущей наедине совестью, другое дело – пошлый октябрьский и октябристский день, когда солнце улыбается, как старая подмалеванная кокетка, ибо в октябре место не ему, а слякоти и туманам… Днем и меня грешного одолевает общественная цепь, сковывающая душу «приличиями», «тактом» и всеми теми условностями, которые исключают искренность, смелость, прямоту, патриотизм и человека обращают в пешку и паразита под внешностью политически благовоспитанного человека и «корректного джентльмена».

Разумеется, Хомякову я не сказал ничего.

Второе предвыборное собрание. Ночь и день

Хомяков появился в квартире Мазаровича вечером 12 октября на втором заседании «блока». Он скромненько сел около председателя – на этот раз В.П. Энгельгардта, поправевшего до октябристов. Заседание пошло своим чередом в составе уже более сорока человек и с полными печатными списками выборщиков. Шла та же самая предвыборная канитель с подсчетом голосов,

те же самые споры о том, является ли данное лицо «матрикулированным октябристом» или только присоединившимся и не способно ли оно отпасть или сделать предательство.

Мерзко у меня на душе было, невыразимо. Я чувствовал, что задыхаюсь среди густого тумана политической пошлости, окутывавшего все это странное и бессмысленное собрание. Цвет Смоленской губернии, ее культурное и историческое сословие, ее лучшие люди, призванные по теории спасать гибнущую Родину, на практике играют с увлечением в бирюльки, совершенно о Родине забывая, ни малейшим образом ничем не интересуясь, кроме пошлейшей выборной механики. Умные и честные люди обращаются в бессознательное стадо, которым руководят два-три пастуха-честолюбца, сами себя добровольно опутавшие глупой фикцией парламентаризма.

Нашли время, господа! На улицу нельзя выйти без револьвера, садясь в вагон, ждешь ограбления, расстрелов и бомб, а в деревне только и глядишь, не осветятся ли липы и тополя старой усадьбы герценштейновской иллюминацией. Казалось бы, собственная шкура, если уже не патриотизм и совесть, должна вопиять на г[осподах] дворянах против бессмысленного политиканства и этой гнусной игры в октябризм. Казалось бы, среди этого ужаса первое движение людей, собравшихся вместе, – оглянуться, спознаться, разобраться, поискать не «матрикулированных октябристов», а перебрать, переэкзаменовать всех наличных, бросив всякую партийность и всякие «вежливости» и «неловкости»… Но чего же требовать от нас, простецов, когда сами «лучшие из лучших» покорно подставили спину Сатане и он гарцует на них по парламентскому ипподрому?

Неужели можно миновать вопрос: господа Хомяков, Танцов и Опочинин, что вы намерены делать в Думе? Достаточно ли вы подготовлены и сильны, чтобы противостать бюрократии и распутать те тенета, в которых бьется Россия? Способны ли вы на творческую инициативу, поведете ли вы Думу за собою или сами пойдете в стадо?

Неужели все дело в том, чтобы были выбраны именно «матрикулированные октябристы», а не кадеты или кто-нибудь из беспартийных? Ведь это же такое беспросветное помрачение общественной совести, которого мы в России до сих пор никогда не видали! Ведь при этих условиях мы сами добровольно просимся в рабство, ищем ярма, ведь тут любой проходимец может делать с нами что угодно!

Отрекаться от своей мысли, от критики, от величайшего права собственного суда, заменять все это какими-то блоками, бумажками, подсчетами. Черт знает что! А между тем это так, в этом именно и состоит парламентаризм, конституционализм, октябризм и вся та гнусная пелена лжи и условностей, которую ловкая рука набросила на Россию.

Я ждал конца глупой комедии, и когда определилось, что наш блок – полный и безусловный хозяин положения, когда установили – кто будет избран нами от крестьян и от обеих городских курий, хотел просить слова, чтобы докончить вчерашнее обращение.

Но за мною наблюдали очень внимательно. Не успел я попросить слова, как

меня предупредили и мягко, и дружески, что на таком собрании, как наше, неудобно говорить ни о чем, кроме подсчета голосов. Г[осподам] инициаторам блока удалось, видите ли, сколотить с великими усилиями правых и октябристов. Достаточно только ступить на программную почву, чтобы явилась неминуемая опасность раскола, результатом чего будет дробление голосов и победа кадет. Мы сошлись не на программах, а на личностях, и потому всякие разговоры принципиального характера неуместны.

Пока я столь же мягко и дружески возражал против обращения серьезного дела в глупый выборный спорт, ловко направляемое стадо г[оспод] смоленских дворян порасхватало шапки и – кто куда! Опасные разъяснения были сорваны…

<…>

Ночь. Снова толпы непокорных мыслей, снова спущенная с цепи, словно сторожевой пес, злая совесть, днем запираемая в будку условностей и «такта». Не спится. Сажусь к столу и набрасываю нижеследующее обращение к выборщикам, которым ничего более не осталось, как записками фарисейски «наметить» уже твердо назначенных кандидатов в члены Думы, для чего решено собраться в последний раз днем 13 октября у того же Н.И. Мазаровича. Я писал:

«Господа!

Прежде чем мы приступим к писанию записок, я попрошу позволения сделать заявление.

В третий раз пересочиненный избирательный закон не позволяет членам одной избирательной курии замещать членов другой курии. Благодаря этому от разряда землевладельцев, естественно, наиболее богатого подготовленными государственными силами, может быть по нашей губернии избрано только три члена Государственной думы.

Эти члены уже входили в состав второй Думы, с честью исполняли там свои обязанности и общим соглашением господствующей партии намечены в третью. Четвертому выборному места нет.

Между тем как не было в составе второй Думы, так, вероятно, не будет и в третьей ни одного депутата из правых и умеренных элементов, который был бы специалистом в финансовых вопросах. Пробел этот крайне печален. Он делает Думу совершенно беспомощной и бессильной перед финансовою бюрократией, которая давно уродует, обессиливает и иссушает нашу Родину, мешая ей стать тою культурной страной, какою она должна быть.

В настоящую минуту во мне борются два человека. Один из них, тридцать лет своей общественной работы посвятивший государственным вопросам, главным образом, вопросам финансовым, и, по совести, достаточно с ними знакомый, чтобы отстаивать на этой почве истинные нужды России, чувствует повелительную обязанность идти в Думу, так как по несчастным условиям нашей государственной жизни только там можно сейчас сколько-нибудь плодотворно работать, хотя бы лишь в отрицательном смысле, хотя бы только не давая проделывать нелепых экспериментов и разорять Россию. Другой – разочарованный, забойкотирован-

ный и страшно усталый писатель просится на покой, подальше от этой нерусской и неудачно сочиненной Думы, чтобы тихо вести свои работы, которые тоже все направлены на посильное служение Родине.

Стараться всеми силами пройти в Государственную думу – это мой долг как гражданина и специалиста по финансам. Этого повелительно требует моя совесть, в то время как по душе и по моим политическим убеждениям мне эта роль глубоко противна, а мои личные дела и все мои личные интересы восстают против этого и хочется покоя и отдыха.

Голос совести заучит громче, а потому я предлагаю моим трем господам землякам, уже назначенным общим согласием в члены Государственной думы, уступить одно место мне. Я отнюдь не желаю вносить никакого раздора или раскола и хотел бы эту их патриотическую жертву видеть совершенно добровольною. Она нужна отнюдь не для меня, а для Родины. Я далек от всяких просьб и не ищу чести быть членом Государственной думы, а только готов наложить на себя очень тяжелые обязанности, готов идти на работу, тяжелую и почти безнадежную, ибо работать придется без поддержки, почти в одиночку.

И если мои уважаемые земляки мое предложение отвергнут и эту работу пожелают сохранить за собой, если наше собранье это их решение подтвердит и одобрит, то как человек я буду искренно благодарен. Моя совесть будет совершенно спокойна, так как я свое дело сделал, от работы не уклонился и, предложив себя, свой долг исполнил. Нравственная ответственность будет с меня снята и я спокойно вернусь к той скромной роли свидетеля, которую мне назначила судьба».

Эти строки были писаны нервами и кровью, но когда, окончив, я их прочел, то невольно расхохотался.

Ну не сумасшедший ли в самом деле я человек? Пускаться на такую проповедь! Воображаю себе изумленные физиономии г[оспод] выборщиков, остолбеневшего изящного князя Урусова, ласковые улыбки г[оспод] Танцова и Опочинина, какую-нибудь юмористическую выходку Хомякова… Только «идиот» у Достоевского угощал публику подобными откровениями. «Матрикулированные октябристы», «высшая политика» и вдруг – крик помешанного. Ползет язвительный шепот: «Уж так этому Шарапову хочется пролезть в министры, что, вон, даже на какие штуки пошел».

Я слышу этот шепот, вглядываюсь в эти физиономии, здоровый юмор разгоняет ночные видения, нервы успокаиваются и я засыпаю сном праведника.

Завтра будет видно.

Последнее совещание. Цыганская торговля и баллотировка. Я уезжаю накануне выборов. Цена думского кресла

Собрание – последнее накануне выборов – было назначено днем 13-го в половине третьего в той же квартире Мазаровича. Я немножко запоздал и застал на этот раз уже человек более пятидесяти, набивших битком залу и прилегавшие две комнаты. В атмосфере пахнет бурей.

Председательствующий В.П. Энгельгардт уговаривает собрание приступить

к писанию записок, чтобы наметить кандидатов. Эта баллотировка будет обязательна и для завтрашних выборов – такова сущность блока.

Только что приехавший М.О. Пегеллау, член московской управы Союза русского народа, горячо протестует и заявляет, что при таком решении вопроса он тотчас же уходит и с ним, вероятно, уйдут и другое правые, вошедшие в блок, так как его совесть не может вынести подобного насилия. Как это он может обещать подавать свой голос завтра за кандидатов, большинства которых он не знает?

Матрикулированные октябристы стоят на своем и требуют, чтобы баллотировка записками была произведена только раз и чтобы затем все клали за тех кандидатов, которые определятся.

Пегеллау демонстративно подвигается к дверям. Публика приходит в движение. Чувствуется близость разрыва.

Оказывается, что блок только двенадцатью голосами перевешивает левую. Уйди 12 человек из собрания, большинства нет ни у кого, а при перебаллотировках по относительному большинству победа неминуемо за кадетами. Кроме того, завтра могут быть и измены. Таким образом, выпускать правых из собрания невозможно.

Матрикулированные подаются. Пегеллау требует, чтобы записки писались не окончательно. Если кто-либо после первого подсчета заявит, что он на этих кандидатов не согласен, то произвести вторую баллотировку, а затем несогласные могут выйти и оставить себе свободу действий.

Это, в свою очередь, чрезвычайно не на руку матрикулированным. Если только определится, например, что за меня или другого правого кандидата – юхновского предводителя Лелюхина подадут 12 записок, мы окажемся хозяевами положения и тогда, конечно, октябристы будут вынуждены купить наши голоса ценою проведения, например, меня в Думу вместо Танцова или Опочинина. О Хомякове, понятно, нет и речи, его кандидатура стоит незыблемо.

Переговоры продолжаются битых полчаса. Страсти разгораются, идет возмутительная, грязная торговля, словно у цыган на базаре из-за лошади, которую имею честь изображать я. Я с ужасом наблюдаю, как у моих почтенных собратий по шпаге и земляков без шпаги надуваются жилы, глаза наливаются кровью, как разгорается это гнусное стадное чувство партийности и вся комната обращается в скаковой ипподром. Но если на последнем есть все-таки хоть здравый смысл и реальный интерес в том, какая кобыла обскачет, то почему нужно, чтобы в Думу прошло непременно три октябриста, а не два и один независимый правый? Заметьте, что лично против меня не только никто ничего не имеет, но если бы оказалось возможным мною заменить г[оспод] Лютова или Михайлова, все присутствующие написали бы меня чуть не единогласно. Заметьте еще, что никаких партийных программ, никаких твердых убеждений, никакой любви к этой Думе или веры в нее ровнехонько ни у кого не было. Эти почтенные люди даже не дают себе труда особенно сильно лгать и уверять в своей преданности конституции. Они смеются над нею в разговорах и не дадут трех копеек, чтобы активно поддержать «великие блага» Манифеста 17 октября. Все это только спорт, только стадное чувство, только разгоревшаяся страсть, и притом страсть в игре на чистые

орехи. Никакими своекорыстными планами, никакими материальными соображениями, как на Западе, где депутатские кресла требуют стотысячных расходов, здесь и не пахнет.

Кое-как успокоили публику и пошли на компромисс, т.е. обещали перебаллотировку, если кем-нибудь это будет затребовано. Разобрали бумажки, пошушукались каждый со своими, и через четверть часа целый десяток любителей стал у тотализатора, отмечая полученные результаты голосования. В.П. Энгельгардт развертывал и читал бумажки, делая паузу после первых трех:

Хомяков – Опочинин – Танцов.

Лютов – Михайлов – Григорий Федоров.

Первая строка изредка разнообразилась.

Шарапов – Лелюхин – Хомяков (или Танцов), но вторая была неизменна:

Лютов – Михайлов – Федоров.

Подсчет закончился и дал огромное большинство за Хомякова, Опочинина и Танцова, почти единогласие за Лютова и Михайлова и полное единогласие за крестьянина Федорова. Записок с моим и Лелюхина именами оказалось всего пять.

Это был результат тем более странный, что нашей группы беспартийных правых и монархистов разных организаций было на собрании по меньшей мере человек 15–18. Но мы не столковались, кандидатов не наметили, ни разу не собрались потолковать. Наших всех поодиночке запугали кадетской опасностью, завлекли в блок с октябристами и великолепно надули.

Торжество матрикулированных было полное.

– Надеюсь, господа, – провозгласил именинным тоном председатель, – что ввиду такого поразительного единодушия не может быть речи о перебаллотировке и г[оспода] присутствующие почтут себя нравственно обязанными голосовать завтра за намеченных кандидатов. Все согласны, возражений нет?

Послышался одобрительный шум голосов: «нет, нет, согласны». Только сзади меня кто-то крякнул и вполголоса:

– Эх, голубчики, провели вас, как баранов!

Наступила пауза. У меня мелькнула было мысль сделать в этот момент известное читателю заявление. Но пошлость и стадность таким густым слоем обволакивали всю нашу компанию, «октябризм» наш провинциальный, смоленский, «матрикулированный» висел таким туманом, что мысль тотчас же замерла, и, кажется, даже под пыткою я не произнес бы теперь того слова, которое так естественно сложилось ночью, так повелительно рвалось из груди.

Было физически тошно. Ванна пошлости была слишком горяча и продолжительна. Моим первым движением было выйти на улицу, глубоко набрать воздуху в легкие и идти скорее в гостиницу укладываться. Я не мог оставаться ни минуты. Не было силы проделать завтрашнюю глупую и недостойную комедию. Мой отъезд никоему не вредил, блок был силен и без моего одинокого голоса, я был никому и ни для чего не нужен.

Я уехал из Смоленска с ближайшим отходившим поездом. В вагоне, отдалившись уже на значительное расстояние от поля гражданских наших битв, я мог подвести итоги.

Буду искренен до конца. Чувство глупой, тупой и ноющей обиды смешивалось с чувством гадливости от всего пережитого, но обида брала верх. Я обязан был пройти в Думу, я имел право на это, я был нужен там – и был так грубо отстранен, чуть не вытолкан. А затем – малодушие и мелкое, пошлое самолюбие подсказывало, что мне, мне, Шарапову, предпочли Опочинина и Танцова, людей безусловно почтенных, но…

<…>

Через три дня встречаюсь с одним приятелем из нашей группы. Набрасывается на меня с пеной у рта.

– Вы с ума сошли – уехать! Вы наверно прошли бы в Думу! Ваш выбор был бы совершенно обеспечен, останься вы в Смоленске.

– Каким образом?

– Вечером в нашей группе говорили громко, что нас одурачили как баранов. Многие открыто заявляли, что соглашение для них совсем не обязательно, как взятое обманом. Затем заметьте: у Опочинина было всего 47 записок. Отнимите только два голоса и абсолютного большинства нет. А отпадало наших человек десять. Иди вы баллотироваться, вас бы выбрали наверняка, сами бы пришли просить, иначе прошли бы кадеты, так как блок уже разваливался. Но вы уехали и работать не стоило.

– Скажите, но как же с данным словом? Ведь это же… как называется?

– Эх, вы, предвыборный младенец! Это называется тактикой! Кого эти слова вяжут? Очень нужно, скажите пожалуйста!.. Да-с, вперед будьте умнее и ваши наивности бросьте.

Этот разговор закончил и разогнал всякие мои сожаления. Нет, милостивые государи, это путь не для меня, и я искренно рад, что так все вышло, т.е. что я не остался в Смоленске и не получил думского кресла этим путем. Довольно грязи. Слишком обязан и тем, что эти дни провел в болоте «матрикулированного октябризма». Нужно еще, чтобы и из-за меня несколько почтенных дворян оказались подлецами, нарушив слово! Слуга покорный. Пройти через грязь, по слову поэта, приходится каждому, но

Купаться в ней лишь свиньи могут.

Позвольте же не сокрушаться, а радоваться, что, не приобретя, по собственной наивности и глупости (как вам это угодно понимать), кресла депутата третьей Государственной думы, я не потерял права именоваться искренним и независимым публицистом и порядочным человеком.

Публикуется по изданию:
Шарапов С.Ф. «Матрикулированные» октябристы,
или как я не попал в Государственную думу.
М., 1908. С. 1–34.

ПЕТР ХРИСТИАНОВИЧ ШВАНЕБАХ

ЗАПИСКИ САНОВНИКА

Бывши со всеподданнейшим докладом в Царском Селе за несколько дней до рождественских праздников [1906 г.], я попросил государя назначить мне особый доклад по общеполитическому вопросу. Спустя почти месяц, 13 января [1907 г.] камердинер государя известил меня по телефону о приглашении в тот же день к 6 час[ам] вечера.

Вот то, что я сказал государю: «Прошу Ваше Императорское Величество верить, что то, что я имею Вам доложить, отнюдь не внушено мне чувством страха или боязни за будущее…».

– Это я знаю! Ваше беспристрастие мне известно.

– Думаю я, что в том… положении, в каком мы находимся, нельзя достаточно готовиться к грядущим событиям и всесторонне их взвешивать. В настоящее время, государь, Ваши министры неустанно заняты подготовлением материала для предстоящей совместной работы с Государственной думой. К этому прилагаются добросовестные старания, и все мы трудимся, не покладая рук. Однако никто не в состоянии сказать – удастся ли нам осуществить наши надежды на совместную плодотворную работу. Зависит это не от нас одних, но и от Думы. Между тем, кто же может сказать теперь – что будет представлять из себя вторая Дума; не будет ли она такою же, какою была первая, а то, того и гляди, быть может, менее еще работоспособная и более революционная?

Вот поэтому опасно было бы все наши планы будущего строить на одних оптимистических расчетах. Надо считаться и с возможностью быстрого разлада с Думою. Военная история учит, что много сражений было проиграно потому, что полководцы составляли себе предвзятое представление о предстоящем сражении. На деле же выходит иначе, и тогда являлась растерянность, приводившая к поражению. Мы должны быть обеспечены от этого. Необходимо теперь же, раньше, чем мы будем вовлечены в думскую игру, построить, так сказать, вторую оборонительную линию фортов, на которой и произойдет действие тогда, когда удержаться на первых позициях будет невозможно. Только ясное сознание, полная убежденность, что эти вторые позиции правильно избраны и надлежащим образом укреплены, обеспечит вашим слугам и спокойствие духа, и полную уверенность в работе. Это необходимо как на тот случай, что дело с Думой сладится, ибо обеспеченный тыл предохраняет нас от всяких недопусти-

мых компромиссов и роняющих достоинство правительства соглашений, так и в том случае, к сожалению, более вероятном, если б совместная работа с Думой оказалась невозможной.

То, что я позволяю себе говорить, не есть призыв к двоедушию и к макиавеллизму. Это реальная политика предвидения, это, государь, Ваш царственный долг…

– Вы обо всем этом говорили с П.А. Столыпиным?

– Нет, государь! И не говорил я потому, что П[етр] А[ркадьевич] настолько поглощен своею реформаторскою мыслью и настолько желает осуществить свои планы при содействии Думы, что у меня прямо-таки духу не хватило направлять его на путь столь необходимого, однако, раздвоения мысли.

– Вы, может быть, правы.

– Но я прошу разрешения В[ашего] И[мператорского] В[еличества] настоящий разговор передать во всей подробности П[етру] А[ркадьевичу].

– Конечно.

– В чем же, В[аше] И[мператорское] В[еличество], должна заключаться эта вторая оборонительная линия, на которую я позволяю себе указывать? Скажут, пожалуй, что если вторая Дума окажется революционною и неработоспособною, то и надо будет повторить то, что было сделано 9 июня 1906 года. Но в том-то и дело, что простой роспуск Думы ничего не разрешает и вывести Россию из заколдованного круга революционной смуты не может. Вы не можете, государь, Россию, так сказать, разыграть третий раз в избирательную лотерею. Россия Вам этого не простила бы. Подумайте, государь, о той огромной массе населения, которая активно себя не проявляет, но отлично чувствует, что она отдана на съедение политиканствующей братье. Как! – скажут эти люди, – краткая только передышка, а там опять выборная сатурналия, где мы окажемся бессильными против происков организованных шаек революционеров всяких толков! Да подумайте, государь, о том положении, в котором окажется Ваше правительство, коли роспуск второй Думы будет простым сколком роспуска первой. Опять сесть законодательствовать по ст[атье] 87 Осн[овных] зак[онов]! Да Вы не найдете министров, которые бы согласились выполнить настолько же тернистую, как и бесплодную задачу. Нет, государь, роспуск второй Думы, если от этого ожидать государственной пользы, должен быть поворотом в нашей политике. Теперь ведь до очевидности ясно, что зло в нашем положении не в том, если позволите прибегнуть к сравнению, что паровоз не функционирует правильно, а в том, что паровоз стоит на рельсах, упирающихся в тупик. Чтобы достигнуть цели, чтобы организовать представительство, необходимое России, надо дать задний ход, дабы выйти на путь, идущий вперед, но идущий туда правильным ходом. Роспуск второй Думы должен быть связан с установлением нового режима, конечно, далеко не окончательного, но настолько ясно намеченного, чтобы он служил переходною стадиею к будущему российскому строю.

В сих видах я считал бы безусловно нужным следующее:

1) Издание нового избирательного закона.

2) Созыв на основании сего закона новой Думы, в срок, не ближе года, дабы

правительство имело возможность вести борьбу с террором вне непосредственных забот о думских притязаниях.

3) Сохранение, при роспуске Думы, Государственного совета в качестве законосовещательного органа. В каком порядке следует издать новый избирательный закон? Кто говорит, что для этого следует созвать Земский собор. Но ведь это из области политического романтизма. Что может быть в действительности сегодня Земский собор? (государь и я en unisson[1] ответили на это – «собрание бояр в пиджаках»). Государственный совет? Но ведь Государственный совет имеет один, весьма существенный в отношении выполнения предполагаемый задачи недостаток. В нем слишком много лиц – поклонников политических формул. А тут не в формулах дело, а в осуществлении высокой степени практической задачи.

Остается, следовательно, одно только – выработка закона существующим правительством, при содействии выбранных ad hoc[2] лиц. Закон же надо издать одновременно с роспуском Думы, создавая тем в этот момент fait acompli[3], что и даст общественному мнению твердую почву.

Необходимо, государь, чтобы Вы повелели всем этим заняться теперь же, чтобы все до мельчайших подробностей было готово до собрания Думы. Раз начнется думская сутолока, будет поздно заниматься делом, требующим первее всего полнейшего спокойствия и хладнокровного политического анализа.

Государь меня выслушал очень внимательно и сказал, что о многом из того, о чем я говорил, он уже сам думал, но что мое изложение стройно излагает всю предстоящую к решению проблему. Государь упомянул и о том, что Крыжановскому поручена выработка нового избирательного закона. Указания же на какое-либо принятое решение в словах и в тоне государя не было.

На следующий день я передал Столыпину мой разговор. «Vous enfaucer une porte ouverte»[4], – сказал он мне, не входя, однако, в существо вопроса. Ясно было, что мысль о систематической работе в два фронта представлялась ему антипатичной, или, вернее говоря, [что она] выходит за границы его природы.

Тем не менее, в ближайшем закрытом заседании Совета [министров] премьер Столыпин вкратце повторил то, что я ему передал из моего разговора с государем, как бы в качестве программы, исходящей от него, Столыпина. Этим беглым и случайным заявлением все однако и кончилось, хотя после того я несколько раз возвращался к поднятому мною вопросу – каждый раз дело тушилось заявлениями вроде того, что о том, что предстоит делать в будущем, «даже своей подушке говорить нельзя». Эта наивная таинственность в оберегании секрета полишинеля продолжала господствовать в нашем кабинете и во время думской сессии, когда не утратившая смысл печать вопила о неработоспособной Думе – о «Думе народного невежества», как назвал ее гр[аф] Бобринский, и о необходимости изменения нелепого выборного закона…

Начались в первых числах мая [1907 г.] наши «конспиративные» совещания.

---

[1] Одновременно, в унисон *(франц.)*.

[2] Специально *(лат.)*.

[3] Совершившийся факт *(франц.)*.

[4] Вы ломитесь в открытую дверь *(франц.)*.

Я должен прежде всего отметить одну особенность этих совещаний: они не оставили по себе никакого видимого следа. В совещаниях участвовали одни министры; устранен был даже управляющий делами Совета [министров] Н.В. Плеве, искуснейший протоколист и бытописатель обычных наших заседаний. Вероятно, некоторые из коллег составят записки о прениях, происходивших в «конспиративных совещаниях». Это будет все, что от них перейдет в потомство: ни журнала, ни мемории, ни протоколов составлено не было, и государю о результатах наших занятий доложено было на словах Столыпиным. Не думаю, чтобы насчиталось много случаев в истории принятия столь решительной меры при столь безусловном отсутствии того, что могло бы дать потомству понять о происходивших суждениях и о возникавших по делу разномыслиях.

К сожалению, мною не было сделано заметок по каждому отдельному заседанию. Возможно поэтому, что в последующем изложении ход наших прений изображен в порядке несколько более систематическом, чем он был на самом деле. Со стороны Столыпина явственно господствовало стремление ограничить наши суждения принятием одной из трех избирательных схем, подготовленных Крыжановским. При этом в первых заседаниях получалось такое впечатление, что момент роспуска Думы отошел вдаль, ибо разговоры все опять убивались на возможность образования работоспособного центра, на какие-то совещания с вожаками кадетов, на утверждение бюджета, на меры предосторожности при летнем ваканте Думы. Столыпин опять пожал сомнительные парламентские лавры своею речью по аграрному вопросу и, видимо, прислушивался к пению кадетских сирен. Меня коробила та бесцеремонность, с которою всякие Челноковы, Струве и Гессены вызывали Столыпина к телефону, и мне все более и более представлялось, что нужен будет какой-нибудь из ряда выходящий скандал, дабы его вынудить расклещиться с Думою. Насколько в Столыпине живо было думофильство, это доказывают, между прочим, крайне бестактичные заметки его брата Александра.

По настоянию Коковцова моему разбору избирательных схем было предпослано суждение по двум коренным вопросам: 1) следует ли издание нового избирательного закона связать с самым роспуском Думы и 2) какой должен быть промежуток до созыва третей Думы?

Поставив эти вопросы, Коковцов предварительно имел по ним подробную беседу с государем, причем самым решительным образом высказался за то, чтобы избирательный закон, келейно разработанный á quatre mains[1] Крыжановским и Столыпиным, не был поднесен к утверждению государя, но чтобы в указе о роспуске Думы был лишь указан срок ее созыва (по мнению Коковцова – в январе–феврале 1908 г.) и было бы объяснено, что выборы будут произведены по закону, который Государственным советом будет поднесен на утверждение государя. Засим, по мысли Коковцова, Государственный совет не должен был быть распущен в междудумье, но должен был бы функционировать в качестве законосовещательного органа. Я к этой схеме присоединился, несмотря на то, что проведение избирательного закона через Государственный совет не согласовалось с теми

[1] В четыре руки *(франц.)*.

предположениями, которые я излагал государю 13 января. Но в то время речь шла о безотлагательной выработке закона, без всякой, однако, торопливости, ибо до думской сессии оставалось еще времени шесть недель. К тому же я тогда имел в виду выработать закон не одним только кабинетом, но и лицами, особенным царским доверием призванными к этой работе. Теперь же, подошедши вплотную к роспуску Думы, разработка выборного закона становилась, практически говоря, равнозначащею октроированию закона, подготовленного Крыжановским, без всякой возможности обдумать дело и критически к нему отнестись. Вот почему я вправе был сказать Столыпину в одном из первых «конспиративных» заседаний, что нам приходится собак кормить, когда уже пора выступать на охоту; что мы своевременно заблаговременно не подготовились к предстоящему экзамену.

Столыпин таким заявлением был очень раздражен. Видимо, что он этот закон, который промелькнул лишь перед кабинетом, ставил гвоздем всей своей политики coup d'état[1], проведенным им в полнейшей самостоятельности по какому-то едва ли не диктаторскому полномочию.

Свою точку зрения я развивал в Совете подробно. Было признано, что роспуск Думы с провозглашением нового избирательного закона есть coup d'état, но что без такового выйти из заколдованного круга, созданного нелепым избирательным законом гр[афа] Витте, нет возможности. Все, следовательно, были согласны с тем, что нам надо подать государю совет произвести этот coup d'état с принятием перед страной и историй всей ответственности за этот совет.

Затем мои суждения были таковые: делать coup d'état только ради того, чтобы исправить дефекты избирательной системы, и притом действуя в сем отношении наспех и, так сказать, ощупью – было бы крупною политическою ошибкою. Это все равно, как бы решиться на операцию и ограничиться тем, что поцарапать кожу пациента. Мы, 13 человек, отрезанных нашею келейностью от всякого общения с посторонним государственным опытом, мы слишком рискуем тем, что государя стесним в принятии более действительных мер, чем одно только исправление избирательной системы. Мы несомненно дошли до поворота: страна, вся здравомыслящая часть населения поняла, что не одно только избирательное производство нуждается в исправлении, но что не менее важно исправить самый думский строй, для того чтобы Думу эманципировать[2] от гнета черни и инородческих элементов.

Разве можно такую расширенную задачу решить келейно, в кругу лиц, утомленных текущею работой? Мы заграждаем государю идти к более полному и разумному повороту. Повороту не в сторону абсолютизма, а в сторону устроения представительного строя, глубоко скомпрометированного первою и второю хулиганскою Думою. То, что нам предлагает П.А. Столыпин, – это не более как политической coup d'état. Разъединив оба шага – роспуск и издание избирательного закона, – мы дали бы монарху возможность использовать момент для действительно созидательной работы, для создания нового русла в государственной жизни России.

---

[1] Государственный переворот *(франц.)*.

[2] Здесь – освободить, избавить.

Главнейшее и несколько раз повторенное возражение Столыпина на мое предложение заключалось в том, будто его исполнение вызовет такую всеобщую бурю, которая прямо-таки сметет Государственный совет. «Никто из нас до Государственного совета не доедет», – повторял Столыпин, – Совет взорвут бомбами»!

Эти возражения показались мне прямо-таки недобросовестными. «Понять не могу, – сказал я, – такие опасения! Верно то, что мое предложение будет более одиозно для кадет. Но ведь кадеты, сколь бы они ни были возмущены, сами бомб не бросают. Для бомбовщиков же, для которых министерство Маклакова мало бы отличалось от министерства Столыпина, я думаю совершенно безразлично, в каком порядке будет издан избирательный закон. Да надо же, наконец, бросить опасения насчет впечатления и оценки действий и решений правительства со стороны крайних партий и кадет, и считаться с оценкой огромной массы населения, исстрадавшегося от революции и политической агитации. Ведь масса населения, при всем своем безразличии, не может не отнестись отрицательно к закону, составленному келейно и наспех, и не может не почувствовать успокоенья, узнавши при роспуске Думы, что новая избирательная лотерея не начнется тотчас же и что самые условия выборов должны быть установлены в обычном совещательном порядке.

Прения по вопросу о порядке издания избирательного закона привели к следующему делению голосов: 1) Коковцов и я, как объяснено только что.

2) Братья Извольские – объявить о роспуске, ничего не говоря об издании избирательного закона. Затем, смотря по общественному настроению, какое обнаружится – издать новый закон или остаться при старом.

3) Щегловитов – третью Думу созвать по старому закону. Тут главным аргументом послужило заявление, с которого Крыжановский начал свой доклад о подготовленных избирательных схемах, – что нет той схемы, которая могла бы обеспечить консервативные выборы; что все зависит не от закона, а от общественного настроения и что пока общество останется настроенным революционно, и выборы, какой бы ни издай закон, будут революционными.

4) Все остальные министры примкнули к мнению Столыпина, причем очень характерной оказалась позиция Философова; он предлагал решение вопроса оставить открытым впредь до момента роспуска, а там решить – произвести ли выборы по старому или по новому закону. «Как же так, – спросили его, – тогда же – в одну ночь и составить этот закон?».

Установивши такое разномыслие, было решено, что Столыпин о нем доложит государю и передаст общую нашу просьбу, чтобы Е[го] И[мператорскому] В[еличеству] благоугодно было окончательно решить вопрос в заседании под личным своим председательством, усилив состав Совета министров приглашением некоторых членов Государственного совета. Тут же был составлен список лиц, коих Столыпин рекомендует вниманию государя. В этот список попали: Горемыкин, Акимов, Голубев, Гончаров, Ермолов, Самарин, Пихно, кажется, Витте и некоторые другие. Условились еще о следующем: что никто из нас не должен подымать портфельного вопроса в том случае, если его мнение не принято

государем. Государь же не должен быть стеснен в своем решении соображениями персональными. Каждый из нас наперед подчиняется решению государя и будет продолжать участвовать в обсуждении дела, хотя оно и шло бы в ином против его мнения направлении.

Я было предложил, чтобы о нашем разногласии был составлен журнал или мемория. Не потому, сказал я, чтобы кто из нас сомневался в полной объективности передачи наших мнений председателем, а потому только, что недопустимо, чтобы в деле столь крупного исторического значения не сохранился бы след. На это Столыпин отвечал с нескрываемою запальчивостью: «С этим я никак соглашаться не могу! Какая цель такой мемории? Желание иметь оправдание для себя на тот случай, что решение, состоявшееся в пользу ваших противников, привело к неудовлетворительным результатам!». После этих прений мы перешли в присутствии Крыжановского к рассмотрению его избирательных схем.

Но в промежуток между заседаниями, посвященными этому вопросу, произошел инцидент, который решительнее и быстрее, чем намечал Столыпин, привел к роспуску Думы. В воскресенье 20 мая мы были экстренно созваны в заседание, в котором Щегловитов и приглашенный им прокурор судебной палаты Камышанский сообщил о результате разбора бумаг, найденных в квартире члена Думы Озола при обыске 8 мая.

О деле этом я не пишу, так как все сюда относящееся изложено в постановлении судебного следователя о привлечении к следствию членов Соц[иал]-дем[ократической] партии, прочитанном в Думе 1 июня.

21 мая вечером я был у государя со всеподданнейшим докладом и в течение целого часа объяснял Е[го] И[мператорскому] В[еличеству] нашу – мою и Коковцова – точку зрения в вопросе роспуска Думы и издания избирательного закона. Я указывал на то, что 1) издание закона без надлежащего его обсуждения – недопустимо; получится впечатление важного государственного акта, принимаемого как бы украдкою. «Это будет, – сказал я, – простите, государь, откровенное слово, не по-царски!»[1]; 2) что окружать дело особенной таинственностью не следует. Напротив, слух о подготовлении нового избирательного закона должен был бы просачиваться во всеобщее сведение. Ведь Россия ждала этот закон, как манну небесную. Игра в жмурки тут была совсем неуместна. Удается все то, что несколько подготовлено в общественном сознании. К чему же поэтому весь так называемый coup d'état суживать? При столыпинской комбинации царская власть лишает себя возможности использовать все шансы данного момента для более прочного шага в устроении России. 3) Опасения, что революция сорвет работу Государственного совета, что никто из нас даже до Михайловской площади не доедет – лишены всякого основания; их даже можно назвать вздорными. 4) Нельзя управлять без учреждений. В Госуд[арственном] сов[ете] начала формироваться

[1] Я должен объяснить здесь разноречие между теперешними предложениями и теми, которые я делал 13 января, когда я высказался за автономное издание избирательного закона без Государственного совета. В то время я имел в виду подготовку этого дела таким составом лиц, которые de facto явились бы тем же Государственным советом, на котором я и настаивал теперь, говоря о проведении закона через Государственный совет; кроме того, я и тогда думал, что избирательный закон далеко не исчерпывает всего того, что могло бы быть сделано для упрочения представительного строя *(прим. П. Шванебаха).*

крупная работоспособная группа с определенным политическим направлением. Роспуск Государственного совета и его бездействие приведут этот орган к окончательной атрофии. 5) И это едва ли не наиболее существенное – нельзя тотчас же ввергать Россию в новую избирательную пляску, да притом еще осенью, в пору, которая с психологической и бытовой точки зрения наиболее благоприятствует революционным сплочениям и выступлениям. «Это все равно, что накладывать горчичник на воспаленное место».

Тут меня государь прервал: «Этого мне вам и доказывать не надо! Я сам слишком убежден в том, что пускаться почти без перерыва в новую избирательную кампанию было бы невозможно». В дальнейшем я говорил государю о необходимости при принятии важных государственных решений бросить этот вечный страх перед оценкою, какую эти решения встретят со стороны кадетов. Кадеты это – перекати-поле; судьбы России решат не политиканы, а пока безмолвно дремлющие силы стихийного консерватизма страны.

Посмотрите на море, государь (мы сидели перед открытым окном), – оно неподвижно, спокойно, но какая в нем всеподавляющая сила. Сумейте поставить турбину для использования этой силы, и, как архимедовым рычагом, вы сдвинете вселенную…».

Этот разговор, который государь испещрял оживленными вставками, был очень задушевен.

Прощаясь, государь крепко пожал мне руку и сказал: «Я вас благодарю, я вас душевно благодарю!».

В Петербурге после этого у нас стали перемежаться заседания с Камышанским по делу Озола, которое должно было дать формальный повод для роспуска Думы и заседания для окончательного обсуждения вопроса о порядке издания выработанного закона.

Здесь, это было едва ли не на следующий день [после] моего разговора с государем, произошел такой инцидент: Столыпин объявил, что он в таком только случае останется министром, если государь примет его формулу. «Я могу, – сказал он, – играть только на своем инструменте; если меня до этого не допустят, то пусть государь выбирает другого».

Коковцов и я были возмущены таким заявлением, шедшим вразрез с нашим соглашением. Оба мы и высказались, и притом в словах довольно резких.

«Вы возобновляете то же давление на государя, какое на него произвел гр[аф] Витте перед 17 октября?» – сказал я.

В зависимости от такой постановки нас не удивило, что и мысль об окончательном обсуждении дела под личным председательством государя оказалась устраненною. Вместо этого по повелению государя окончательное обсуждение состоялось с привлечением членов Государственного совета Горемыкина, Акимова, Ермолова и Булыгина. В трех заседаниях был обсужден сперва вопрос о порядке издания избирательного закона, а затем и самый проект по существу. И тут ни протоколов, ни журналов составлено не было. Обсуждение было вяло и отнюдь не соответствовало важности переживаемого исторического момента.

За нашу формулу категорически высказался один только Горемыкин,

стоявший при этом за созыв третьей Думы не ранее октября 1908 г. Но он обессилил свою позицию тем, что, высказавшись за издание избирательного закона через Государственный совет, он не устранился от рассматривания законопроектов по существу.

Очень слабым оказался Акимов. Я был у него между первым и вторым заседанием и вынес впечатление, что он мало понимает положение и только норовит, как бы уйти от нареканий, если б в дело оказался втянут Государственный совет.

Четыре представителя Государственного совета оказались представителями импотентности учреждения. Тут не было и пробы выдвинуть Совет на подобающую ему роль. Все четыре приглашенные высказались за то, чтобы закон не издавать при самом роспуске, но такое мнение носило скорей академический характер, ибо разговоры о дальнейших путях осуществления терялись в песках вялых и нерешительных соображений.

Не буду излагать в подробности суждений по законопроектам – как раньше бывших в нашем тесном министерском составе, так и суждении с четырьмя приглашенными.

Крыжановским были разработаны три схемы[1]:

1) Проект, в котором начало куриальных выборов было доведено до конца.

2) Проект, так называемый «бесстыжий», где торжество консерватизма должно обеспечиваться численным преобладанием в губернском избирательном собрании (в губ[ернском] мешке) землевладельческого элемента. Этот проект в конце концов оказался принятым.

3) Проект выбора депутатов земскими собраниями и городскими думами.

Этот проект был устранен с места после двух-трех слов самого поверхностного суждения. Первые выборы по этой системе – так было сказано, и могут, пожалуй, оказаться консервативными, потому что теперь все земства поправели. Но земства также могут и полеветь, и при тесной связи земства с Думою очень трудно будет сию последнюю распустить.

Отмечу то, что сказано было Крыжановским во вступительной речи по трем схемам: гарантии ни одна из них не дает, решает дело не избирательный закон, а общественное настроение. Пока оно остается революционным, и Дума будет революционная, каков бы ни был издан закон.

О дальнейших суждениях по законопроектам распространяться не буду. Не скажу, чтобы они отличались глубиной. Да ведь краткость срока, самое задание – создать не что-либо принципиально приемлемое, а лишь добиться того, чтобы обеспечить, хотя бы на сей раз торжество умеренных элементов – ставило дело на своеобразную почву. Законопроект, редактированный Крыжановским (не помню к первой или второй схеме) раз был бегло прочитан в заседании. Окончательная редакция была делом Крыжановского и закон мы увидели в готовом виде уже с надписью государя «утверждаю», когда в ночь перед роспуском документ вернулся из Петергофа.

В понедельник 29 мая в (уже Елагинском) дворце Столыпин объявил нам, что

[1] Нельзя не остановиться на этой работе в три фронта. Крыжановский явился в заседание, как портной с разными образчиками материй для костюма на выбор. Какая цена «государственным работникам», готовым принимать к исполнению такие заказы? *(прим. П. Шванебаха).*

государь окончательно согласился с его предложением. Тут же было решено Думе предъявить в пятницу 14 июня требование о привлечении к следствию Озола и его сподвижников. Так оно и было исполнено, причем после этого заявления, носившего и в представлении Думы характер ультиматума, Столыпин нам заявил, что для дачи ответа он даст Думе срок до субботы 6 час[ов] вечера. Дума передала правительственное заявление в комиссию и дело пошло в затяжку.

В субботу в 10 час[ов] вечера мы собрались на Елагином. Столыпин поставил вопрос: распустить Думу в воскресенье утром или ждать ответа думской комиссии, т.е. прибавить Думе лишний день жизни. За это очень распинался только что побывавший у Столыпина Мих. Алекс. Стахович, объяснивший премьеру, будто роспуск Думы после того, что последняя выдаст не всех, а только восемь обвиняемых, будет особенно для правительства выигрышным.

За придачу понедельника горячо, но сумбурно говорил Философов. Он напомнил мне m-me Dubarry на жаргоне с пресловутым «encore en moment, monsier le bourreau»[1]. Наоборот, прямо-таки возмущался мыслью об отсрочке бар[он] Фредерикс, впервые по этому делу поднявший голос в Совете.

Был приглашен полк[овник] Герасимов, начальник сыскного отделения, для освещения дела с точки зрения полицейской. Он категорически высказался за безотлагательный роспуск Думы. Тем временем дали знать Столыпину по телефону, что к нему едут кадеты: Маклаков, Челноков, Струве и Булгаков. Нас удивили эти негоциации en extremis[2] и мы всячески уговаривали П[етра] А[ркадьевича] не терять времени с кадетскими эмиссарами. Однако он с этими просидел час и 20 минут.

Когда эта entretions[3] кончилась, был уже второй час. Мы стали ждать возвращения из Петергофа курьера, посланного туда с манифестом и избирательным законом. Акты эти с подписью государя прибыли в 2 часа ночи. Приложено к ним было письмо государя, которое Столыпин прочел нам, не справившись сперва с его содержанием и не отдавая себе отчета, насколько государь экзасперирован[4] несчастною политикою «бережения Думы».

«Утвердил только закон о выборах, так как приложения никогда не утверждались мною. Я ждал целый день извещений ваших о роспуске проклятой Думы. Но вместе с тем сердце чуяло, что дело выйдет нечисто, а пойдет в затяжку. Это недопустимо. Дума должна завтра, в воскресенье утром, быть распущена. Решимость и твердость».

Извлечения публикуются по изданию:
Шванебах П.Х. Записки сановника.
Политика П.А. Столыпина и вторая
Государственная дума // Голос минувшего. 1918.
№ 1–3. С. 118–121, 129–138.

---

[1] Еще минуту, господин палач *(франц.)*.

[2] Буквально: на краю *(лат.)*, здесь – в последний момент.

[3] Беседа *(франц.)*.

[4] Раздражен, недоволен; от *франц.* exaspérer – раздражать, выводить из себя.

Раздел IV. ВЫБОРЫ В ЧЕТВЕРТУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ (сентябрь–октябрь 1912 г.)

verstka1.indd 640 18.03.2008 22:00:38

КАДЕТЫ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

АЛЕКСАНДР ПОРФИРЬЕВИЧ МАРКОВ

РУССКИЕ ГОРОДА ДО РЕВОЛЮЦИИ

Перед тем как рассказать о выборах депутатов в Саратове, следует напомнить об одном крупнейшем событии, происшедшем в 1912 г. Я имею в виду расстрел 4 апреля мирной рабочей демонстрации в Бодайбо на золотых Ленских приисках, принадлежавших английским предпринимателям. Тогда было убито 270 человек и ранено 250. Это событие взволновало всю страну и в первую очередь, разумеется, рабочих.

В Царицыне Ленский расстрел не вызвал какой-либо видимой реакции. Ни митингов, ни забастовок, ни демонстраций не было. Но он нашел отражение во время выборов думских депутатов в Саратове. Каким же образом?

На этом процессе в качестве защитника интересов рабочих выступил молодой петербургский адвокат А.Ф. Керенский. О процессе писали во всех газетах, и имя А.Ф. Керенского приобрело известность, которую тот решил использовать для своей политической карьеры.

Выборщики, собравшиеся в Саратове для выбора депутатов в Думу, за немногими исключениями друг друга не знали и еще меньше знали, к каким партиям кто склоняется или принадлежит. Но как-то вышло, что выборщики поделились на две группы: правую и левую. Это было очень условным делением. Кто были левые? Сюда входили люди разных взглядов – от кадетствующих до некоторого количества социалистов разных толков. Но об этом можно было судить лишь в частных беседах, так как на собраниях групп не обсуждались и не излагались какие-либо партийные программы.

Правильнее было бы назвать эти две группы – прогрессивная и правая. Правых было больше, чем прогрессистов, но определить заранее число голосов тех и других было невозможно.

По закону один депутат от губернии обязательно должен был быть от второго съезда городских избирателей. У правых таких кандидатов не было. Они были только у прогрессистов, к которым примыкал и А.Ф. Керенский. Молодой петербургский адвокат, он прошел выборщиком от второго съезда городских избирателей в небольшом волжском городке Вольске, где он квартировал. Прогрессисты сошлись на его кандидатуре. Говорили, что он принадлежит к очень небольшой партии умеренных социалистов, именовавшихся народными социалистами. Социалистом-революционером он себя тогда не называл. Однако решающим было то обстоятельство, что А.Ф. Керенский в качестве адвоката участвовал в су-

дебном разбирательстве событий на Ленских приисках.

От саратовских встреч с А.Ф. Керенским у меня остались не особо приятные впечатления. В памяти сохранилась фигура человека с ежиком на голове, который все время суетился, проявляя большое волнение. По правде говоря, глядя на эту беготню А. Ф. Керенского, мне было противно, противна была его несдержанность, нескрываемый аппетит обязательно стать депутатом. Керенский добегался и досуетился до того, что при баллотировании своей персоны проголосовал против себя, т.е. положил шар налево, о чем громогласно и заявил выборщикам: «Господа, позвольте вас заверить моим честным словом, что по ошибке я положил шар налево, поэтому кого-либо из выборщиков, еще не голосовавших и имеющих намерение голосовать против меня, я прошу опустить шар за мое избрание».

До сих пор я отлично помню эту сцену, героем которой был будущий председатель Совета министров.

Извлечение публикуется по изданию:
Новый журнал. Нью-Йорк.
1986. № 165. С. 249–250.

СЕРАФИМ ПЕТРОВИЧ МАНСЫРЕВ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Членом Думы я был избран от города Риги, по второй курии избирателей. В этом городе в числе немногих крупнейших городских центров введены были прямые выборы и полагалось два депутата. Население Риги до войны было смешанное. Из 500 слишком тысяч жителей около 70 тысяч было русских, до 60 тысяч – немцев, более 50 тысяч – евреев и около 30 тысяч разных национальностей, преимущественно поляков, литовцев и эстонцев. Вся остальная масса жителей (свыше 300 тысяч) были латыши, на стороне которых, таким образом, имелся безусловный перевес голосов.

Действительно, и в первую и во вторую Думы (когда от города полагался лишь один депутат) были избраны латыши; при выборах в третью Думу избиратели были разделены на две курии, причем по второй прошел почти без конкуренции латыш, по первой же, представлявшей состоятельные классы домовладельцев, крупных торговцев, промышленников и богатейших квартиронанимателей, как и следовало ожидать, был избран немец. Подобный же результат ожидался всеми и при выборах в четвертую Думу, тем более, что за пять лет число рабочих в городе сильно возросло, а социал-демократическое течение среди них весьма усилилось вследствие реакционной политики 1907–1912 гг. и всевозможных репрессий, особенно интенсивных именно в Прибалтийском крае. Русские, казалось, не имели никаких шансов на проведение своего депутата, лично я, конечно, и думать не смел о своей кандидатуре.

Выборам моим помогло стечение нескольких благоприятных обстоятельств, обнаружившихся довольно неожиданно.

Когда приблизилось время выборов в четвертую Думу, то в так называемом Либеральном клубе, объединявшем местные прогрессивные элементы несоциалистического пошиба, возникла мысль об объединении всех прогрессивных групп разных национальностей в общий избирательный блок, для чего и было организовано бюро. В него вошли: четыре латыша, трое русских и по два представителя от евреев, немцев, поляков, литовцев и эстонцев. Бюро выставляет своих кандидатов по обеим куриям, причем один из них должен быть латыш, как представитель большинства населения, а другой – русский, как имеющий наиболее данных при публичных выступлениях для защиты необходимости проведения реформ в крае, преимущественно касающихся весьма неблагоприятного для

латышей аграрного строя. Эта комбинация была принята всеми членами бюро единогласно, и оставалось наметить личные кандидатуры с распределением их по куриям. Здесь явилось неожиданное затруднение. По первой курии сколько-нибудь подходящего кандидата из русских не оказалось, почему последний должен был идти по второй курии; следовательно, латыш мог намечаться лишь по первой и предстояла борьба между латышом и немцем. Количество голосов избирателей той и другой национальности было почти одинаково, и все зависело от того, на чью сторону станут русские и евреи. Касательно первых сомнений быть не могло: купеческо-домовладельческая часть русских была почти поголовно настроена консервативно, а в силу своих деловых и торговых связей с немецкими банками и фирмами всегда примыкала к немцам; евреи же заняли выжидательное положение, которое затормозило ход предвыборной кампании почти на два месяца. Когда же, наконец, от них был затребован решительный ответ, они заявили, что, ничего не имея против русского кандидата по второй курии, они по первой пойдут не с латышами, а с немцами.

Итак, комбинация с двумя кандидатами провалилась, и, в частности, отпала возможность проведения русского депутата, так как нельзя было лишать Ригу возможности иметь хотя бы одного депутата латыша. Между тем время шло, и другие группы уже объявили своих кандидатов. Выборы были назначены на 18 октября, наступил уже сентябрь, а в нашем бюро никак не могли столковаться на личности кандидата латыша. Наконец остановились на некоем Фриденберге.

В 20-х числах сентября – до выборов оставалось с небольшим три недели – произошла внезапная перемена положения: избиратели евреи были «разъяснены» губернатором. По второй курии это обстоятельство, само по себе хотя и прискорбное, не могло иметь сколько-нибудь заметного влияния, но по первой, где благодаря «разъяснению» число избирателей евреев понизилось сразу с 1300 человек до 200, – ситуация резко изменилась. Явилась возможность вернуться к первоначальной комбинации и к выставлению русского кандидата. Что касается до первой курии, то латыши почти сразу заявили кандидатуру прис[яжного] пов[еренного] И.П. Залита, который и прошел в бюро единогласно. По второй дело было сложнее. Местная русская кадетская партия (между прочим, крайне малочисленная) выставила двух кандидатов: председателя партии Ф.А. Эрна, весьма почтенного и популярного в Риге педагога (был в 1919 г. министром народного просвещения в Сев[еро]-зап[адном] правительстве Юденича) и меня как председателя Либерального клуба и бюро. Мнения раскололись; латыши горячо поддерживали меня; к ним присоединились поляки, литовцы и эстонцы. Наоборот, немцы и евреи всецело поддерживали Ф. Эрна. Спор обострился и грозил распадом соглашения; наконец, Ф. Эрн снял добровольно сам свою кандидатуру.

Началась спешная предвыборная агитация – причем должен по справедливости сказать, что латыши путем газетной и устной пропаганды обнаружили столько энергии и работоспособности, что приводили нас, русских, в совершенное изумление, мы к такому образу действий не были способны. Единственно, что наша кадетская партия успела сделать – это привлечь на сторону моей канди-

датуры рижских старообрядцев – довольно многочисленную, но весьма инертную и совершенно некультурную группу. В общем же, русское население, как и следовало ожидать, в деле выборов совершенно распылилось.

Еще маленькая черта из области отношения русских к общественным вопросам. Бюро подсчитало сумму, необходимую для покрытия расходов на предвыборную агитацию. Оказалось около 3500 руб[лей]. Их распределили пропорционально численности избирателей по национальным группам. На латышей пришлось 2000; тут же один из них написал чек на требуемую сумму; все другие группы частью в тот же день, частью в ближайшие, внесли деньги; только русские члены бюро никак не могли добыть причитавшихся на их долю 400 руб[лей]. Мне лично приходилось обращаться по этому поводу к нескольким богатейшим русским рижанам, но неизменно я слышал в ответ приблизительно следующее: «А мне какое дело; играете в игрушки, так и платите за них. Да ничего и не выйдет у вас из этой истории…». Окончательно погашена была наша недоимка мною же лично, из сбора с моей лекции, читанной в Риге уже в 1914 г., незадолго до войны.

Выборами 18 октября дело еще не закончилось. По первой курии Залит прошел, но всего 34 голосами против своего соперника Стицинского. Кстати, с последним получился маленькой конфуз. Немцы были настолько уверены в своей победе, что подарили заблаговременно своему кандидату прекрасно подобранную библиотеку по экономическим вопросам и определили ему добавочное вознаграждение в 6000 руб[лей] в год за исполнение депутатских обязанностей, а накануне самих выборов чествовали его банкетом, в котором приняли участие и представители именитого русского купечества… По второй курии голоса раздробились, и так как абсолютного большинства не получил никто из кандидатов, то назначены были на 24 октября перевыборы.

Боже, что творилось за эти шесть дней. Без ужаса я о них вспомнить не могу. Мне приходилось с утра до ночи выступать на бесчисленных митингах и там состязаться с социал-демократами.

Наряду с митингами шла оживленная газетная кампания. У меня была подобрана интереснейшая коллекция рижских газет за эти дни: русских, латышских и немецких. Чего только не писали обо мне, каких агитационных приемов не пускали. В том числе и то, что я продался немцам.

Конечно, никому я не продавался и никто меня не собирался покупать, но переговоры с немцами, действительно, у меня были. Когда немецкие кандидаты и по первой, и по второй курии проваливались, то немецкое население оказалось в затруднительном положении; бóльшая часть его, находя, что оба подлежащие перевыборам кандидата, равно неприемлемы, рекомендовала выборщикам воздержаться от голосования. Наоборот, меньшая часть полагала, что возможен сговор со мною, причем поддержка меня на выборах должна будет связать меня известными обязательствами.

За три дня до выборов у меня на квартире происходило совещание с представителями немцев о возможности соглашения. Мне был предложен ряд вопросов, на которые я в общем ответил: немецкую культуру я глубоко уважаю, ни малейших различий между культурными запросами немецкой и других частей населе-

ния делать не желаю и не буду, обязуюсь всегда поддерживать интересы немецкой части населения постольку, поскольку они не противоречат интересам государства или других национальных групп; но заявляю, что я всегда был и впредь буду противником несправедливых и исключительных привилегий одной части населения в ущерб другой и буду бороться против всякого рода неравенства в правах и экономическом положении, а следовательно, и выступать против ныне существующего аграрного положения и сословного самоуправления. Ответ мой был напечатан в газете и тогда же состоялось постановление партии о поддержке меня на выборах. Таковые состоялись 24 октября и я получил большинство голосов, что, по заявлению «Рижского вестника», знаменовало собою «непрерывный рост истинно русского самосознания», а следовательно, и «победу».

Сессия Государственной думы должна была начаться 15 ноября и я, спешно ликвидировав свои дела, уже 10 ноября отправился в Петербург. Я испытывал смешанные чувства: с одной стороны, огромное нравственное удовлетворение от того, что я достиг осуществления мечты всей моей сознательной жизни; я нес с собою желание и готовность работать всеми силами на пользу русской государственности и интересов тех групп, которые мне выразили доверие; я искренно исповедывал начала прогресса и демократизма и поэтому душою предан был кадетской программе, которую я защищал перед избирателями… Но, с другой стороны, я чувствовал, что в родной моей среде между русскими рижанами я лишен твердой почвы; я не видел среди них ни сознательного отношения к политическим требованиям времени, ни понимания государственных задач, ни правильной оценки обстановки, ни, наконец, какой бы то ни было общественной сплоченности и единодушия.

Извлечение публикуется по изданию:
Историк и современник.
Берлин. 1922. № 2. С. 6–9.

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ МИЛЮКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Часть VIII
Четвертая Дума

От третьей Думы к четвертой

Убийство Столыпина 2 сентября 1911 года было естественным концом того этапа в истории нашей внутренней политики, который представлен третьей Государственной думой.

Если тут нельзя поставить достаточно явственной зарубки, то прежде всего потому, что короткое интермеццо председательствования Коковцова несколько затушевало политический смысл нового поворота.

Могло казаться, что переход от третьей Думы к четвертой есть простое продолжение того, что установилось за предыдущие пять лет. Но мы уже знаем, что и там ничего не «установилось», а «продолжалась» лишь внутренняя борьба между сторонниками старого и нового строя.

С появлением четвертой Думы эта борьба вступила в новую стадию. Сразу нельзя было предсказать, что эта стадия будет последней, ибо не было еще налицо того третьего фактора, который склонил развязку борьбы в сторону, обратную той, к которой стремилась власть. Этим фактором, решившим спор между страной и властью, была война.

Оставляя этот фактор пока в стороне, можно было, однако, уже сразу предвидеть, что в четвертой Думе борьба между самодержавием и народным представительством будет вестись при иных условиях, нежели она велась в третьей Думе. Там была сделана последняя попытка установить между борющимися силами хотя бы видимость некоторого равновесия.

Здесь эта видимость исчезла, и борьба пошла в открытую. В третьей Думе наступающей стороной была власть; общественность, слабо организованная, только оборонялась, едва удерживая занятые позиции и идя на компромисс с властью.

Суть перемены, происшедшей в четвертой Думе, заключалась в том, что компромисс оказался невозможным и потерял всякое значение. Вместе с ним исчезло и то среднее течение, которое его представляло. Исчез «центр», и с ним исчезло

фиктивное правительственное большинство.

Два противоположных лагеря стояли теперь открыто друг против друга. Между ними, чем далее, тем более, распределялся наличный состав народного представительства.

Трудно сказать, чем кончилась бы эта борьба, если бы противники были предоставлены самим себе. Не исключена была возможность, что победит и осуществит свои планы партия возвращения к старому.

Но тут вмешался этот третий фактор – война, который, прежде всего, окончательно вывел борьбу за стены Думы. В этом заключается коренное различие между переходной ролью, сыгранной в общественном конфликте третьей Думой, – и ролью четвертой. В третьей Думе борьба велась главным образом в пределах народного представительства.

Страна к ней прислушивалась, делала свои выводы, объединялась идейно, но не реально, около ее лозунгов. В четвертой Думе борьба вышла за эти пределы. Страна получила возможность организоваться самостоятельно, выдвинула собственные лозунги, поддержала боевое настроение думской общественности и вместе с нею перешла в наступление. В своем ослеплении власть пропустила момент, когда ценой существенных уступок она еще могла бы заключить новый компромисс – уже не в интересах победы, а в интересах своего дальнейшего существования.

Такова сложная политическая картина, развернувшаяся в четвертой Думе и уничтожившая всякую возможность сравнивать эту Думу с ее скромной предшественницей.

Войны могло бы и не быть как решающего фактора. Но процесс политической дифференциации, начавшийся раньше («восходящая кривая»), продолжался и сам по себе – и составляет основную черту, отличавшую с самого начала четвертую Думу от третьей, каковы бы ни были дальнейшие события. Это отразилось прежде всего на ходе и исходе выборов в четвертую Думу.

Было более или менее известно, что вопрос о влиянии правительства на выборы сводился прежде всего к вопросу о правительственных субсидиях. Впоследствии В.Н. Коковцов сообщил и точные данные.

Уже в 1910 г. Столыпин начал подготовку, потребовав от министра финансов на выборы четыре миллиона. «Все, что мне удалось сделать, – говорит Коковцов, – это – рассрочить эту сумму, сокративши ее просто огульно, в порядке обычного торга, до трех с небольшим миллионов и растянуть эту цифру на три года – 1910–1912». Ставши председателем Совета министров, Коковцов поинтересовался – на что пошли эти суммы.

«Все побывали тут, – замечает он, – за исключением к.д. и отчасти октябристов. Но «властно и нераздельно» господствует правое крыло. Тут и Марков 2-й с его «Курской былью» и «Земщиной», поглощавший 200 000 р[ублей] в год; пресловутый доктор Дубровин с «Русским знаменем»; тут и Пуришкевич с самыми разнообразными мероприятиями – до Академического союза студентов включительно; тут и представители Собрания националистов – Замысловский, Савенко, некоторые епископы с их просветительными союзами, тут и «Листок Почаевской

лавры», наконец... и видные представители самой партии националистов в Государственной думе».

Министр внутренних дел Макаров соглашался с Коковцовым относительно «бесцельности» этих расходов, но не хотел прекратить их за восемь месяцев до выборов. Националисты, правда, отказались от субсидий с декабря 1911 г. – после того, как оппозиция подняла вопрос о «темных деньгах». Но другие требовали даже прибавок.

В 1912 г. требования усилились. Марков 2-й и Пуришкевич обещали Коковцову «затмить самые смелые ожидания» относительно будущего состава Думы, если он не поскупится дать им... миллион («точная» цифра была 960 000 р[ублей] – чтобы польстить бережливости министра). Получив отказ, Марков 2-й пригрозил: «Вы получите не такую Думу, которую бы мы вам дали за такую незначительную сумму». В сентябре этого года (1912) вопрос обсуждался в собрании 14–15 губернаторов, съехавшихся в Петербурге.

Их сведения были очень неудовлетворительны. Тем более дано было им свободы для местных воздействий. Коковцов настаивал только, чтобы не прибегали к старому приему Крыжановского – произвольной тасовке выборных собраний. Но он разошелся окончательно с Макаровым, который передоверил ведение выборов своему чиновнику Харузину. И что это была за кампания! Все сколько-нибудь подозрительные по политике лица бесцеремонно устранялись от участия в выборах. Целые категории лиц лишались избирательных прав или возможности фактически участвовать в выборах.

При выборах присутствовали земские начальники. Нежелательные выборы отменялись. Предвыборные собрания не допускались, и самые названия нежелательных партий запрещалось произносить, писать и печатать. Съезды избирателей делились по любым группам для составления искусственного большинства. Весь первый период выбора уполномоченных первой стадии прошел втемную. Мелкие землевладельцы почти поголовно отсутствовали; зато по наряду от духовного начальства были мобилизованы священники, которые и явились господами положения.

В 49 губерниях на 8764 уполномоченных было 7142 священника, и лишь для избежания скандала было запрещено послать в Думу более 150 духовных лиц; зато они должны были голосовать повсюду за правительственных кандидатов.

Следующая стадия выбора выборщиков проходила более сознательно, но тут и вступали в силу все приемы политического давления. Только в городах – и особенно в пяти больших городах с отдельным представительством – возможно было открытое общественное влияние на выборы.

Здесь и проходили депутаты, известные своей оппозиционностью, и были забаллотированы октябристы (которых в то же время забаллотировывали и справа). Нарисовать сколько-нибудь полную картину организованного насилия на этих выборах было бы совершенно невозможно. Но что же получилось в результате? Взглянем на сравнительную таблицу партийных группировок в третьей и в четвертой Думе.

		III Дума	IV Дума	+ или –
Правые и правительственные	Правые и примыкающие	52	65	+ 13
	Националисты и умеренные правые	93	88	+ 27
	Группа центра		32	
Октябристы и примыкающие*		133	98	– 35
Оппозиция	Прогрессисты и примыкающие	39	48	+ 9
	К.д. и примыкающие	53	59	+ 6
Национальные группы	Поляки, литовцы и белорусы	17	15	– 2
	Мусульмане	9	6	– 3
Левые	Трудовики	14	9	– 5
	С.-д.	14	15	+ 1
Беспартийные		16	7	– 9

*Надо прибавить, что в течение сессии 1913 года 17 левых октябристов выделились в особую группу и за ними ушли еще 28 *(прим. П. Милюкова).*

На первый взгляд, разница не так велика – за исключением перехода голосов от октябристов к правым (–35 + 40) и уплотнением за их же счет обеих оппозиционных партий (+15). В действительности не только моральное, но и реальное значение этих перемен очень велико. Вместе с октябристами правые все еще составляли большинство (283 вместо 278 третьей Думы). Но захотят ли эти обе группы идти вместе? На выборе председателя Думы они сразу сосчитались. Правые требовали политического соглашения по всем вопросам думской работы. Октябристы отказались и сговорились с оппозицией на кандидатуре Родзянки, который и был выбран 251 голосом против 150. Политическое значение этого предпочтения было подчеркнуто вступительными словами Родзянко: «Я всегда был и буду убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах, который дарован России великим Манифестом 17 октября 1905 г., укрепление основ которого должно составить первую и непреложную заботу русского народного представительства». Та же ссылка на Манифест 17 октября была вставлена Коковцовым в текст правительственной декларации и повторена еще раз в заключительной формуле прогрессистов, принятой (15 декабря 1912 г.) 132 голосами октябристов и оппозиции против 78[1]. После выбора Родзянки пра-

[1] Общее осуждение оппозицией внутренней политики правительства выразилось в формуле, предложенной октябристами же по смете министерства внутренних дел и принятой 164 голосами против 117. «Ввиду того, что министерство внутренних дел, сохраняя после водворения спокойствия действие исключительных положений, возбуждает в населении общее недовольство и вполне справедливые чувства возмущения по поводу ничем не вызываемых стеснений; что необходимая во всяком государстве сильная власть может быть сильна, только опираясь на закон; что, поддерживая своими незакономерными действиями господство произвола и усмирения и уклоняясь от внесения на рассмотрение законодательных палат давно назревших реформ, предуказанных Манифестом 17 октября, министерство препятствует водворению в России правового порядка и убивает в народе уважение к закону и власти – и тем усиливает в стране оппозиционное настроение; что способом применения действующих законов по отношению к отдельным национальностям административная власть разъединяет русских граждан и ослабляет мощь России, – Дума настаивает на скорейшем осуществлении широких реформ» *(прим. П. Милюкова).*

вые и националисты демонстративно покинули зал заседания. Так дифференциация влево была сразу противопоставлена дифференциации вправо.

Другой подчеркнутый итог выборов – уплотнение оппозиции вопреки всем усилиям правительственного давления – имел не меньшее значение. Руководящая роль в оппозиции осталась за Партией народной свободы. Вторые курии главных городов сделались неотъемлемым достоянием к.д. Наш список в Петербурге далеко опередил все остальные, и я мог гордиться тем, что получил наиболее значительное количество голосов во всей России – 22 700 в третью Думу и, вопреки демонстративному голосованию против меня поляков и насильственному уменьшению числа избирателей, – 18 455 в четвертую. Октябристы получили 8–9 тысяч голосов в третью и 4 ½ тысячи в четвертую Думу, социал-демократы поднялись с 3–5 тысяч до 6–7 тысяч, Союз русского народа с четырех тысяч спустился до одной тысячи. Предвыборная борьба с левыми конкурентами была чрезвычайно легка: мы выступали во всеоружии знания, и наша принципиальная программа не исключала практических интересов городской демократии, тогда как наши противники слева растекались в абстракциях и в словесной риторике. В Москве главной сенсацией выборов было забаллотирование Гучкова по первой курии и увеличение процента голосов к.д. с 55 до 62; в общем итоге на стороне оппозиции оказалось вместо 75 процентов – 88 процентов избирателей. Только в Одессе и в первой курии Киева прошли правые.

Извлечение публикуется по изданию:
Милюков П.Н. Воспоминания.
Т. 2. М., 1990. С. 133–138.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ НОВИКОВ

ОТ МОСКВЫ ДО НЬЮ-ЙОРКА

Глава VI
Государственная дума

Ich fühle Mut, mich in die Welt zu wagen,
Der Erde Weh, der Erde Glück zu tragen,
Mit Stürmen mich herumzuschlagen
Und in des Schiffbruchs Knirschen nicht zu zagen.

Goethe. Faust[1]

Если гора не приближается к Магомету, то Магомет идет к ней. В соответствии с этой поговоркой я проделал длинный путь, полный всяческих затруднений и препятствий, к научной работе и к Московскому университету. Совершенно иначе определялось мое вхождение в общественную деятельность. Эта последняя, как могучая гора, без моей инициативы постепенно захватывала меня и поднимала на свою вершину, завлекая широкими перспективами служения добру и справедливости. Пример такого, почти автоматического, вхождения в [Московскую] городскую думу был мною приведен выше. Еще более неожиданным для меня, да и для многих других, было мое избрание в Государственную думу.

В ранней юности мои политические симпатии склонялись в сторону марксизма. Я сделался участником подпольного кружка, где таинственный Иван Иванович поучал нас социал-демократической премудрости, с удовольствием прихлебывая пиво, которое он величал, как поистине марксистский напиток. Меня он увлекал главным образом своими уверениями, что учение К. Маркса основано на новейших научных данных, преимущественно на естествознании.

Впоследствии, когда я самолично прочитал «Капитал» и другие произведения марксистской литературы, а с другой стороны, проник в самые глубины

---

[1] Я рвусь вперед, как во хмелю.
Тогда, ручаюсь головой,
Готов за всех отдать я душу
И твердо знаю, что не струшу
В свой час крушенья роковой.
Гете. Фауст. *(пер. Б. Пастернака)*

естественных наук, мое политическое настроение изменилось. Я пришел к общему убеждению, что в космосе разлита гармония, пронизывающая и его отдельные части, что даже дарвиновский принцип борьбы за существование, который марксисты обыкновенно подводят как основу под свое учение, должен быть понимаем не в качестве активной борьбы всех против всех, а как выживание наиболее приспособленных. Далее мне становилось все более и более ясным, что понятие эволюции, т.е. постепенного развития органического мира, которое фигурировало и в предшествовавшей литературе, но за которым Ч. Дарвин закрепил прочное место в науке, не может служить исходной точкой для проповеди внезапных насильственных революционных переворотов. Наконец, и в самом здании дарвинизма, сначала казавшемся таким прочно заложенным и логически обоснованным, появились с дальнейшим развитием научных знаний, трещины и провалы. Внимание биологов обратилось поэтому к другим научным теориям и рабочим гипотезам, более удобным в качестве базиса для научно-исследовательской работы. Гегемония дарвинизма в науке кончилась.

Невоинственный по природе я отвратился от доктрины, проповедующей непримиримую классовую борьбу. А сблизившись, после избрания в гласные, с деятелями Конституционно-демократической партии, или, как ее также называли, Партии народной свободы, я почувствовал, что она в полной мере отвечает моим общественным запросам. Выдержанная в строгих демократических принципах программа этой партии привлекала меня своей резкой оппозиционностью против реакционных тенденций тогдашнего правительства. Но в то же время она намечала мирные пути для насаждения в нашем отечестве гражданских свобод, устранения социальной несправедливости и поднятия культурного уровня народа. Итак, я стал деятельным членом партии, а впоследствии, после некоторого времени работы в Государственной думе, был введен в состав ее Центрального комитета.

Этот комитет собирался преимущественно в Петербурге как центре русской политической жизни. В Москве был местный комитет партии и, кроме того, мелкие районные комитеты. Однажды, когда в 1912 году кончался срок полномочий третьего созыва Государственной думы и подготовлялись выборы в четвертую Думу, ко мне пришел один из наиболее деятельных членов нашего Сущевского комитета П.А. Велихов (родственник депутата Велихова) – тогда доцент, а впоследствии профессор Института инженеров путей сообщения, и спросил меня – не желаю ли я выставить свою кандидатуру в члены Государственной думы. Я ему ответил, что я и без того перегружен научной и общественной работой, что раздумываю о том, не переехать ли мне в Харьков, куда меня приглашают на кафедру, и что моя всего лишь трехлетняя работа на общественном поприще не дает мне никакого основания рассчитывать на благоприятный для меня исход выборов. Давать же свое имя в качестве игрушки для предвыборной кампании мне не хочется. На этом разговор закончился, и я успокоился, польщенный предложенной мне честью, которая оказалась не связанной с какой-либо жертвой с моей стороны.

Но вот прошло несколько дней, и вдруг в шестом часу утра (а по тогдашне-

му московскому образу жизни это был почти ночной час) я был разбужен телефонным звонком. Думая, что это ошибка, я продолжал оставаться в постели. Телефон, однако, не унимался и вынудил меня встать. Оказалось, что заботливая секретарша Московского комитета О.А. Зернова беспокоилась о том, что мое имя не внесено в списки избирателей. Я успокоил ее, сообщив, что позабыл вовремя зарегистрироваться и поэтому внесен в дополнительный список. Она меня поблагодарила за справку, а я ее в душе выругал за то, что она из-за такого пустяка меня разбудила. Но только что я собрался продолжать мой прерванный сон, как снова загремел телефон. На этот раз звонили из редакции «Русских ведомостей» с тем же беспокойным вопросом об избирательных списках. На мой упрек – почему они так рано беспокоят меня из-за моего личного дела – я получил ответ, что дело это не личное, так как через полчаса выйдет в свет номер газеты, в котором на первой странице крупным шрифтом будет напечатано мое имя в числе четырех кандидатов в члены Думы, намеченных Партией народной свободы. Это было как гром с ясного неба. Вся моя жизнь поворачивалась по-новому.

Оказалось, что накануне состоялось заседание Московского комитета, на котором я не то по занятости, не то по легкомыслию отсутствовал и на котором «без меня меня женили». Мои сущевские друзья выставили мою кандидатуру, мотивировав ее моим знакомством с заграничной жизнью, политической твердостью и решимостью, нашедшей себе выражение в уходе из Московского университета, а также успешностью работы в качестве гласного. Лишь председатель комитета – испытанный общественный деятель, член первой Государственной думы, подписавший Выборгское воззвание, М.Г. Комиссаров высказал сомнение в возможности проведения моей кандидатуры, смягчив его, однако, замечанием, что по поводу этой кандидатуры придется сильно поработать. Я лично склонен объяснять свою кандидатуру отнюдь не наличием каких-либо особенных достоинств, которые и не могли бы проявиться за чрезвычайно короткий период моей общественной деятельности, но характерным «безлюдьем» в русской общественности вообще, а в частности, и в нашей партии, особенно после того, как подписавшие Выборгское воззвание члены Государственной думы были лишены права официального участия в общественной жизни.

Я сильно опасался – хватит ли у меня выдержки и напора для предвыборной кампании, в которой мне придется не диспутировать с академическими коллегами по научным вопросам, не беседовать с мирными городскими избирателями о хозяйственных и культурных проблемах Москвы, а сражаться с опытными политическими противниками по всем вопросам, еще так мало знакомого мне государственного управления. Как это ни странно звучит, принимая во внимание мои многочисленные общественные выступления, но я должен признаться, что по внутренней моей сущности я человек робкий и застенчивый – свойства, которые я унаследовал от отца. В течение всей моей жизни самым неприятным для меня делом было хождение по канцеляриям с какими-либо просьбами или для получения справок, причем надо было проявлять соответствующую развязность. При общественных же выступлениях, которые сами по себе меня всегда привлекали, как плавание по безбрежному морю – то спокойному, то бурному, как

общение с бездонными глубинами соборной человеческой души, мне нужно было преодолевать свою застенчивость упорным напряжением воли и систематическим самодисциплинированием.

Весьма опасным для моей кандидатуры обстоятельством, которое в глазах многих делало мои шансы на выборах иллюзорными, было то, что в качестве моего конкурента выступал А.И. Гучков как кандидат октябристской партии. В третьей Государственной думе Москва была представлена тремя кадетскими депутатами: М.В. Челноковым, В.А. Маклаковым и Н.Н. Щепкиным и октябристом А.И. Гучковым, который одно время был даже председателем Думы. На выборах в четвертую Думу Партия народной свободы, кроме своих старых депутатов, выставила на четвертое место мою кандидатуру. Некоторые скептики выражались даже в том смысле, что эта последняя была выставлена не всерьез, а лишь для «затычки». При таких обстоятельствах не только М.Г. Комиссарову, но и мне пришлось серьезно поработать. Я должен был оставить все остальные дела и посвятить себя исключительно предвыборной кампании. Существенную пользу мне при этом оказала моя лекционная работа в Народном университете, при которой мне приходилось выступать перед людьми самых различных состояний, приспособляясь к их интересам и к уровню их развития. Но несомненно, что самым главным фактором, повлиявшим на результат московских выборов, был рост оппозиционных настроений у населения и недовольство третьей, чересчур «законопослушной» октябристской Думой. Эта Дума явилась результатом coup d'état, который был произведен Столыпиным после роспуска второй Государственной думы, когда на место демократических прямых, равных и тайных выборов[1] Высочайшим указом от 3 июня 1907 года была заведена система выборов постепенных и куриальных. Это означало, что в широких кругах провинциального населения сначала избирались выборщики, на которых правительственные органы могли оказывать известное давление и которые уже из своей среды выбирали депутатов. В больших же городах избиратели были разделены на две курии – цензовую и общую, что давало правым течениям также некоторые преимущества. В разработке новой выборной системы принимали участие октябристы, а оппозиция направляла против нее неустанно стрелы негодования. Это было одной из причин того, что А.И. Гучков оказался в четвертую Думу забаллотированным, и от Москвы прошли все четыре кадетских депутата: из них Челноков и я по первой курии, т.е. от домовладельцев и торговцев, а двое других – Маклаков и Щепкин – от второй курии, от остального населения. Великое ликование в нашем лагере возросло еще более, когда пришло известие, что и в Петербурге прошли все четыре кадетских депутата.

Немедленно после оглашения результатов выборов был организован многолюдный банкет, на котором мы – новые народные избранники – должны были выступить с речами. Я, между прочим, указал на то, что избрание совершилось для меня неожиданно, что мне приходится от моих теоретических, умозрительных занятий перейти в самую гущу практической жизни. Но, следуя словам Фауста,

[1] Избирательная система по выборам в Государственную думу, сложившаяся после издания Манифеста 17 октября 1905 г., не была прямой и равной, ее также нельзя назвать демократической, как это делает автор.

приведенным в эпиграфе настоящей главы, я не останавливаюсь перед трудностями служения пославшему меня народу.

Так совершился новый, парадоксальный перелом в моей жизни. Профессор зоологии сделался представителем московского населения в Думе. Деятельность в Москве мне пришлось сократить до минимума. Но с преподаванием в Коммерческом институте я не мог расстаться, хотя продолжение его и было связано для меня с большим напряжением. Во время думской сессии я каждую пятницу вечером должен был из Петербурга направляться в Москву, чтобы там в субботу и воскресенье провести два часа лекций и четыре часа практических занятий – наименьшее число часов, определявших кафедру. Во внимание к моему особому положению мне было разрешено заниматься и по воскресным дням. В ночь с воскресенья на понедельник я возвращался в Петербург. К концу сессии две ночи, еженедельно проводимые в дороге, несмотря на удобство путешествия в спальном вагоне, давали себя чувствовать порядочным утомлением. Но это вполне искупалось не только интересом работы, но иногда и очаровательными переживаниями от перемены места. Весной, возвращаясь в Москву и проезжая с вокзала по улицам, богатым садами, я наслаждался ароматом цветов и свежей зелени. Приезжая в каменный Петроград, я чувствовал веяние соленого морского воздуха. А летом петербургские белые ночи, чарующие, но зовущие к бессоннице, и в противовес им – полные густой, бархатной черноты, успокаивающие ночи в Москве…

Извлечение публикуется по изданию:
Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка.
Моя жизнь в науке и политике.
Нью-Йорк, 1952. С. 163–169.

ОКТЯБРИСТЫ

МИХАИЛ ИЛЬИЧ СИМОНОВ

ПЕРВЫЕ ДНИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ IV СОЗЫВА

Нет надобности очень распространяться и выяснять, как велась выборная кампания. Достаточно вспомнить меры обер-прокурора Св[ятейшего] синода В.К. Саблера о мобилизации духовенства, о назначении к участию в выборах священников, особо аттестованных как благонамеренных с недопущением тех пастырей, которые когда-либо себя зарекомендовали возможностью обсуждать вопросы, а не прямо безропотно, слепо исполнять предначертания начальства, хотя бы последние и не соответствовали обстоятельствам дела и выдвинутой нужде. Пущены были в ход все средства – до угроз лишения прихода, если не будет исполнено требование епархиальной власти. А требование предъявлялось о провале лиц, неугодных правительству (на первом месте стояли октябристы), и поддержке всех кандидатов правого направления, для чего именно и считалось необходимым объединение духовенства. Объединенным по выбору епархиального начальства священникам через благочинных, руководимых архиереем, преподавались выработанные списки возможных приемлемых кандидатов светских с отметкой лиц, обреченных забаллотированию. Списки эти в кругу духовенства носили даже особое характерное наименование «синодиков»[1].

К чести духовенства надо отметить, что задуманный план был большинством священников осужден, и если по условиям быта и сложившихся обстоятельств не было явного протеста, то недовольства тем, что преподан был известный образ действий без права обсудить и поступать по своему разуму и совести во время выборной кампании, духовенство не скрывало.

Наконец, столь усердная мобилизация духовенства заставила обеспокоиться и министерство внутренних дел, несколько растерявшееся перед вырастающей возможностью иметь Государственную думу, в бо́льшей половине составленную из одного духовенства. Начались переговоры, которые привели несколько к урегулированию дела и к решению ограничиться тем же числом депутатов-священников, какое духовенство имело в III Государственной думе, то есть в пределах цифры 40.

С другой стороны, и административная власть занялась избирательной кампанией. Правда, во всех странах правительство стремится воздействовать на выборы с целью поддержки правительственной и умеренных партий, при образовании большинства которых в парламенте легче законодательная работа.

---

[1] Синодик – здесь: список умерших для церковного поминовения.

Но для этой поддержки применяются однообразные способы действия, дающие на основании закона возможность объединить власть агентов правительства в известных действиях, намеченных для данной цели.

Что же было у нас?

К сожалению, подобного объединения в действиях отдельных правительственных администраторов мы не видим. Наоборот, здесь вполне приложима русская пословица «сколько голов, столько умов» или «каждый молодец на свой образец». В зависимости от воли отдельного губернатора выборы производились такими приемами, которые вызывали лишь полное недоумение населения, незаслуженно накладывали темную тень на честь отдельных лиц и возбуждали общее недовольство самых умеренно настроенных жителей.

При этом поразительно, что правительство, увлекаясь преследованием центральной партии – октябристов, в III Государственной думе, вынесшей работу в течение пяти лет на своих плечах и доведшей Государственную думу третьего созыва до ее естественного конца, не заметило, что сыграло в руку левым организациям и, главным образом, усилило положение Партии народной свободы.

Более того, даже националисты третьей Государственной думы были взяты правительством под подозрение. Насколько они были взволнованы, свидетельствует известное воззвание петербургской группы националистов, приглашавшее к бойкоту выборов. Впрочем, в дальнейшем на этой почве произошли трения и неудовольствия среди националистов и, чтобы исправить сделанную ошибку и вновь приобрести доверие власти, был устроен в Киеве общий обед администрации и выбранных депутатов от юго-западных губерний. На этом торжестве восстановлено было прежнее тесное единение, а Центральный комитет разъяснил затем сделанное воззвание и отрекся от солидарности с ним.

Как бы то ни было, но партии октябристов, выдержавшей на своих плечах работу III Государственной думы, был нанесен во время выборов наиболее тяжелый удар. Были забаллотированы: в Москве глава партии А.И. Гучков, а в Петербурге видные члены партии – Анреп, Лерхе. В провинции правительство не стеснялось прибегать к исключительным мерам, к «виртуозному обращению с законом», чтобы забаллотировать и не пропустить отдельных неугодных лиц. И справа, и слева все торжествовали по поводу провала ненавистных октябристов. Газеты, подсчитывая результат выборов по официальным данным, давали цифры громадного преобладания правых, гораздо менее по газетным сведениям проходило националистов, а число октябристов не превышало пятидесяти.

Однако подсчет лиц, записавшихся в состав фракции Союза 17 октября уже в первый день собрания – 13 ноября [1912 г.], дал иные, против опубликованных цифр, результаты. Число записавшихся превышало 80 человек, а между тем далеко еще не все члены Государственной думы прибыли…

Извлечение публикуется по изданию:
Симонов М.И. Первые дни Государственной думы IV созыва:
Выборы президиума 15 ноября – 1 декабря 1912 г.
СПб., 1913. С. 6–10.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВИЧ БАДАЕВ

БОЛЬШЕВИКИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ И НАЧАЛО РАБОТЫ IV ДУМЫ

Глава I
Выборы в IV Государственную думу

1. Почему социал-демократы участвовали в выборах

Летом 1912 г. прекратила свои работы III Государственная дума – первая из Дум, просуществовавшая полностью положенный ей пятилетний срок. III Дума, по составу черносотенно-кадетская, была послушным орудием в руках правительства. Незначительная по количеству депутатов фракция социал-демократов и группа мелкобуржуазных демократов – так называемых трудовиков, конечно, не могли помешать Думе ставить штамп на всех законопроектах правительства. Либеральная буржуазия в лице кадетской партии, находившейся, якобы, в оппозиции к правительству, пуще огня боялась решительных слов и действий. Во имя лозунга «беречь Думу» кадеты и близкая к ним фракция прогрессистов старались быть тише воды, ниже травы и позволяли правому большинству делать все, что угодно. Правительство в лице III Думы получило то, что оно хотело – «законопослушное и работоспособное» народное представительство.

Оценивая пятилетнюю работу III Государственной думы, «Правда» на следующий день после закрытия Думы – 13 июня 1912 г., писала: «Вся деятельность III Думы направлена была, главным образом, к охране классовых интересов господствовавшего в ней большинства. Благодаря этому 5 лет «работоспособной» Думы нисколько не подвинули разрешения целого ряда назревших вопросов огромной важности для страны... А всякие попытки левых партий путем запросов вносить свет в темные стороны русской общественной жизни и привлечь к ним внимание страны господствующее большинство Думы подавляло своими голосами». «Скатертью дорога!» – так напутствовала закрытие III Думы «Правда», выражая общее отношение к ней и рабочего класса, и крестьянства.

На смену закрывшейся III Думе должна была прийти IV Дума. Избирательный закон сохранялся тот же, что и во время предыдущих выборов, а поэтому и боль-

шинство в новой Думе должно было получиться такое же черносотенное. Не могло быть никаких сомнений, что деятельность IV Думы также будет направлена против трудящихся и ее «законодательство» не принесет никакой пользы ни рабочему классу, ни крестьянству.

Несмотря на это, наша партия, как и перед II и III Думами, решила принять деятельное участие в выборах. Опыт предыдущих лет показал, какое огромное агитационное значение имеет избирательная кампания. На том же опыте партия и рабочий класс убедились, какую огромную роль играет думская социал-демократическая фракция. Наша фракция, отказываясь от участия в так называемой «положительной» законодательной работе, использовала думскую трибуну для революционной агитации в стране. Еще бóльшее значение имела внедумская работа социал-демократической фракции, становившейся организующим центром партийной работы в России. Все это подсказывало нашей партии необходимость активнейшего участия в новой избирательной кампании.

В выборах в IV Думу принимали участие и большевики, и меньшевики. Но в вопросе об избирательной тактике и будущей роли думской фракции линии большевиков и меньшевиков, как и во всех основных вопросах революционной борьбы, резко расходились.

Вопрос о IV Государственной думе был лишь одним из вопросов текущей партийной работы. Но в нем, как в капле воды, отразились основные линии политической платформы: с одной стороны – последовательно-революционных марксистов – большевиков, а с другой – ренегатов марксизма, меньшевиков, тянувших пролетариат на путь либеральной рабочей политики, т.е. на путь отказа от революционной борьбы.

Еще в январе 1912 г., за полгода до роспуска III Думы, Пражская конференция нашей партии выработала программу участия в предстоящей избирательной кампании. Конференция признала, что главной задачей партии на выборах, «задачей, которой должны быть подчинены все остальные, является социалистическая классовая пропаганда и организация рабочего класса». Общая тактическая линия партии на выборах должна быть следующая:

«…партия должна вести беспощадную войну против царской монархии и поддерживающих ее партий помещиков и капиталистов, неуклонно разоблачая при этом контрреволюционные взгляды буржуазных либералов (с Партией к.-д. во главе их) и их фальшивый демократизм.

Особое внимание в предвыборной борьбе должно быть уделено отмежеванию позиции партии пролетариата от всех непролетарских партий и разъяснению как мелкобуржуазной сущности мнимого социализма демократических (главным образом трудовических, народнических, с.-р.-овских) групп, так и вреда, проистекающего для дела демократии от их колебаний в вопросах последовательной и массовой революционной борьбы».

Избирательную кампанию в Государственную думу большевики рассматривали как возможность более или менее широкой революционной агитации и пропаганды, как один из путей организации рабочих масс. Стремясь провести своих кандидатов, большевики не превращали избирательной борьбы в борьбу только

за депутатские места в Думе. Деятельность большевистской фракции как в стенах Думы, так и вне ее имела большое революционное значение. Но не меньшее значение имела кампания по выборам; поэтому в этой кампании должна была быть полностью сохранена революционная позиция социал-демократии, не затушеванная никакими привходящими соображениями.

Как же рассуждали меньшевики-ликвидаторы? Оценивая предстоящую избирательную кампанию в IV Думу, они полагали, что на выборах будут бороться только два лагеря: реакционеры и черносотенцы с одной стороны, и либералы (намечавшийся в то время блок кадетов, прогрессистов, левых октябристов) – с другой. Отсюда они делали и соответствующие выводы, выставляя лозунгом избирательной борьбы необходимость «стремиться выбить реакцию из ее думских позиций», «вырвать Думу из рук реакции» и т.п. По существу позиция меньшевиков означала проведение избирательной кампании рука об руку с либералами, союз с контрреволюционной по своей сущности буржуазией, – иначе говоря, – сдачу рабочим классом своих революционных позиций.

2. Пражская конференция о выборах в IV Государственную думу

Расхождения между большевиками и меньшевиками еще более ясно видны при сравнении тех политических платформ, с которыми они выступали в избирательной борьбе.

В резолюции Пражской конференции большевики четко определяли свою политическую платформу, которая должна была проводиться на выборах в IV Государственную думу.

«Главными избирательными лозунгами нашей партии на предстоящих выборах должны явиться:

1) демократическая республика,

2) 8-часовой рабочий день,

3) конфискация всей помещичьей земли.

Во всей нашей предвыборной агитации необходимо возможно более наглядное разъяснение этих требований на основании опыта III Думы и всей деятельности правительства как в области центрального управления, так и местного.

В неразрывной связи с тремя вышеуказанными требованиями должны пропагандироваться все остальные требования с.-д. программы-минимум, как-то: всеобщее избирательное право, свобода коалиций, выборность судей и чиновников народом, страхование рабочих государством, замена постоянной армии вооружением народа и т.д.».

Три основных лозунга большевистской партии, получившие впоследствии название «трех китов», формулировали основные требования пролетариата и крестьянства России.

Лозунгом «демократическая республика» решительно ставился вопрос о низвержении царизма, хотя бы и прикрашенного куцым думским парламентаризмом. Уже сам по себе этот лозунг разоблачал «конституционные иллюзии» и показывал рабочему классу, что не может быть и речи о каких-либо надеждах на ре-

форматорскую деятельность Государственной думы и о возможности улучшения положения рабочего класса до тех пор, пока сохранится существующая форма правления.

Два следующих «кита» формулировали основные экономические требования трудящихся. Восьмичасовой рабочий день был основным требованием экономической борьбы рабочего класса. Почти все стачки и забастовки, число участников которых в это время непрерывно увеличивалось, сопровождались требованием введения восьмичасового рабочего дня. Лозунг конфискации помещичьих земель был лозунгом революционного разрешения аграрного вопроса и формулировал требования и настроения стомиллионного русского крестьянства.

Все остальные требования программы-минимум большевики выдвигали именно в связи с этими основными лозунгами, т.е. большевики подчеркивали, что остальные требования могут быть разрешены лишь при условии и после осуществления основных требований революционного движения…

На Пражской конференции вновь после длительного перерыва сконструировался боевой орган партии – Центральный комитет, в состав которого были единогласно избраны Ленин и заочно Сталин, бывший в то время в ссылке. В состав Центрального комитета вошли также Я.М. Свердлов, Г.К. Орджоникидзе и др[угие]. В числе кандидатов в Центральный комитет был избран М.И. Калинин.

В соответствии с решениями Пражской конференции ЦК РСДРП (б) в апреле 1912 г. выпустил избирательную платформу по выборам в IV Государственную думу, в которой были сформулированы намеченные в резолюции конференции требования.

Какова же была программа меньшевиков в избирательной кампании? Именно те дополнительные требования, которые большевики выдвигали лишь в связи с основными требованиями революционного движения, меньшевики выставляли как самостоятельные.

В противовес трем основным лозунгам большевиков меньшевики выдвигали урезанные лозунги, лозунги либеральной рабочей политики. Вместо «демократической республики» они говорили «полновластие народного представительства», вместо «конфискации помещичьих земель» они выдвигали расплывчатое требование «пересмотра аграрного законодательства» и т.п. Таким образом, в платформе меньшевиков основные лозунги, под которыми проходила революционная борьба рабочего класса, подменялись лозунгами и требованиями, приспособленными к легальному движению.

3. Царский закон 3 июня 1907 г. о выборах в Государственную думу

Избирательный закон, изданный правительством еще к выборам в I Думу, был построен так, что преобладающее большинство в Думе обеспечивалось буржуазии, помещикам, фабрикантам и дворянам. Выборы были многостепенные. От различных групп населения (помещики, крупные собственники в городах, крестьяне, рабочие и т.д.) избирались сначала выборщики, которые уже потом из своей среды выбирали депутатов.

По отношению к рабочим и крестьянам эта система была еще более сложной: рабочие выбирали сначала уполномоченных, которые избирали выборщиков, и уже затем выборщики участвовали в губернском избирательном собрании. Закон предусматривал различные рогатки по цензу, допуская, например, к выборам в городе лишь имеющих собственную квартиру.

Избирательная механика, примененная правительством при выборах в I и II Государственные думы, не дала, однако, желательного для правительства большинства. В первых двух Думах большинство было оппозиционное, и царскому правительству пришлось распустить их до срока.

Законом 3 июня 1907 г. была введена новая система выборов, еще более урезывавшая права избирателей и лишавшая права выборов в Думу новые значительные группы населения. Закон 3 июня 1907 г., диктаторски проведенный царским министром Столыпиным, знаменовал собой поворот правительственной политики на путь самой черной реакции. Правительство Николая II стремилось как можно скорее дочиста вытравить все следы завоеваний революции 1905 г.

Политический курс правительства, получивший историческое название «третьеиюньский режим», в первую очередь был направлен против руководителя и главного борца революции 1905 г. – рабочего класса. Естественно, что и новый закон о выборах в Государственную думу особое внимание обращал на рабочих.

«Рабочий класс России, – писала «Правда» 15 июля 1912 г., – уже очень давно попал в немилость. Еще при старом избирательном законе, при I и II Государственных думах, господа положения уделили от щедрот своих только 3 процента всего числа выборщиков рабочему классу. Многомиллионным рабочим массам России, тем, кто создает все ценности, главным устроителям нашей жизни, было уделено всего-навсего 208 выборщиков (3,36%). И это на всю Россию! И это при том условии, что кучке помещиков дано было 1 952 выборщика (31,48%), т.е. почти треть всех выборщиков.

Но когда 3 июня 1907 г., после роспуска II Думы, меняли избирательный закон, рабочих урезали еще вдвое. И число выборщиков от рабочих по всей Европейской России свели к 112 (2,13%). Зато одним помещикам обеспечили около 50 процентов (49,39%) всех выборщиков!».

Избирательный закон от 3 июня 1907 г. был чрезвычайно сложной, запутанной и хитрой выборной механикой. Выборы в царскую Думу были не прямыми, а многостепенными – по сословиям и различным группам населения, которые составляли так называемые курии. Таким образом царское правительство не допускало в Думу «опасных» депутатов. Отдельно выбирали крупные землевладельцы по своей курии, отдельно сельская буржуазия, отдельно городская буржуазия (фабриканты и крупные торговцы) – по первой городской курии, мелкобуржуазные городские избиратели – по второй городской курии, отдельно рабочие, отдельно крестьяне. По куриям избирались выборщики, которые на губернских избирательных собраниях уже выбирали депутатов в Думу.

В отношении рабочих и крестьян многостепенность выборов еще больше усложнялась: они сначала выбирали уполномоченных, а те – выборщиков. Крестьяне выбирали представителей на волостных сходах; избранные на этих

сходах уполномоченные выбирали выборщиков. Выборщики от рабочих и крестьян участвовали на губернских собраниях в общих выборах депутатов. Таким образом, для рабочих была трехстепенная система выборов, для крестьян – четырехстепенная.

Ясно, что такая сложная механика выборов помимо того, что помогала затушевывать неравенство выборов, давала еще широкий простор административному вмешательству и всякого рода полицейским искажениям системы выборов.

Царским избирательным законом от 3 июня 1907 г. были вовсе лишены избирательных прав целые области: Акмолинская, Закаспийская, Самаркандская, Семипалатинская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Тургайская и др. Особые ограничения применялись по отношению к трудящимся национальных окраин: в то время как в Европейской России один депутат приходился на 279 тысяч жителей, в Сибири один депутат приходился на миллион жителей.

Женщина в царской России была бесправна. И религия, и царский закон смотрели на женщину, как на вещь, как на частную собственность. Это бесправное положение женщины получило свое отражение и в избирательном законе. Царский закон лишал женщину права выбирать и быть избранной в представительные учреждения. Таким образом, половина населения России в лице женщин была лишена избирательных прав.

Лишены были избирательных прав также все так называемые «кочевые инородцы» – калмыки, киргизы, якуты и другие национальности. Не могли также в Думу быть избраны люди, не знающие русского языка. Так царское правительство на деле проводило свою политику жестокого национального угнетения и бесправия народов России.

Правительство не доверяло молодежи. Оно считало, что молодежь наиболее революционна, и приняло все меры, чтобы отстранить ее от участия в голосовании. Третьеиюньский закон установил возрастной ценз – 25 лет – для участия в выборах. Все трудоспособное население от 18 до 25-летнего возраста было лишено избирательных прав. Это составляло приблизительно 14 миллионов, не считая женщин.

Студенты, учащиеся, вне зависимости от возраста, были вовсе устранены от выборов.

Из крестьян правом выборов пользовались только дворохозяева. Таким образом, вся деревенская беднота, батраки, а также неотделившиеся члены семьи крестьянского двора были лишены избирательных прав. Из 92 миллионов крестьянского населения 51 губернии Европейской России в выборах могли участвовать лишь 14 миллионов.

Рабочие по рабочей курии выбирали уполномоченных лишь от тех предприятий (фабричных, горных, железнодорожных), где было больше пятидесяти рабочих.

Выборы по рабочей курии производились таким образом, что предприятия с количеством рабочих от пятидесяти до тысячи выбирали одного уполномоченного. Далее только полная тысяча рабочих давала право выбирать уполномоченного. Таким образом, и там, где было 50 рабочих, и там, где рабочих было 1999, т.е.

не хватало одного человека к полной тысяче, выбиралось по одному уполномоченному. Царское правительство понимало, что на крупных предприятиях пролетариат наиболее сознателен – вот чем объясняются эти ограничения по отношению к рабочим крупных предприятий.

Рабочему, чтобы быть избранным в уполномоченные, необходимо было проработать в одном предприятии не менее шести месяцев до начала выборов. Это давало возможность хозяевам предприятий отстранять от выборов политически неблагонадежных рабочих: стоило только уволить его с данного предприятия незадолго до выборов.

В дополнение к этому явному ограничению министерство внутренних дел издало постановление, по которому рабочие ремесленных заведений, хлебопекарен, булочных, городских железных дорог, телефонных станций, скотобоен, пароходных, чаеразвесочных и других предприятий, даже с числом рабочих более пятидесяти, лишены были прав избирать по рабочей курии. Рабочие этих предприятий, так же как и рабочие предприятий, где работало менее 50 человек, для участия в выборах должны были иметь имущественный ценз – снимать на свое имя отдельную квартиру (не комнату, а квартиру). Естественно, что по этому цензу могли выбирать лишь очень немногие рабочие.

Все осужденные или привлеченные к следствию отстранялись от выборов. Этим широко пользовалось царское правительство: надо устранить от выборов рабочего – привлекают его к следствию.

Из населения 51 губернии Европейской России, составлявшего 112 327 тысяч человек, только 77 миллионов, т.е. немного больше 15 процентов, принимало участие в выборах.

Вся система выборов была построена на вопиющем неравенстве разных слоев населения, на явном преимуществе помещиков и фабрикантов.

Курия крупных помещиков вместе с уполномоченными от мелких помещиков составляла всего 36 тысяч избирателей – одну пятисотую часть всех избирателей, а выбирала она 2644 выборщика, или 51,3 процента всех выборщиков.

Курия городских избирателей по первому разряду – домовладельцы и владельцы крупных фабрично-заводских и торговых предприятий – состояла из 149 257 человек и избирала 688 выборщиков, или 13,2 процента.

Курия городских избирателей по второму разряду – владельцы мелких предприятий и квартиронаниматели – составляла 832 361 человек и выбирала лишь 10,7 процента выборщиков – 570 человек. Между тем, если бы избирателям второй городской курии, т.е. более демократической, были предоставлены равные права с первой курией, они должны были бы избирать не 570, а 3888 выборщиков.

Крестьяне, из которых в выборах по всей России имели право участвовать только 15 миллионов человек, составляли, однако, почти 90 процентов всех избирателей, выбирали же они всего 1168 выборщиков, или только 22,4 процента.

Ленин в конце 1911 г. в «Звезде» писал:

«Избирательный закон 3-го июня 1907 г., как известно, всего больше «разгромил» выборные права именно крестьян. Достаточно напомнить, что чис-

ло выборщиков от землевладельцев этот закон увеличил с 1952 до 2594, т.е. на 32,9 процента, а число выборщиков от крестьян и казаков уменьшил более, чем вдвое: с 2659 до 1168, т.е. на 56,1 процента».

Рабочая курия, в которой имели право участия в выборах 750 тысяч человек, выбирала лишь 114 выборщиков, или 2,4 процента.

Итак, кучка помещиков и фабрикантов выбирала 64,5 процента всех выборщиков; миллионы крестьян и рабочих выбирали только 24,8 процента. Остальные 10,7 процента выборщиков выбирала мелкая городская буржуазия. Ясно, какое вопиющее неравенство создавалось на собраниях выборщиков, избиравших депутатов в Думу.

Неприкрытое стремление правительства обеспечить помещикам и крупным капиталистам подавляющее большинство на выборах приводило на практике даже к явным курьезам. Так, при выборах в III Государственную думу в некоторых уездах число выборщиков, подлежавших избранию на съезд землевладельцев, превышало число избирателей. Например, в Яренском уезде Вологодской губернии был только один крупный помещик, и он должен был избрать двух выборщиков. В Каргапольском уезде два избирателя – крупные помещики – избрали трех выборщиков. То же было и в Олонецком, Пудожском, Печерском и ряде других уездов.

Духовенство участвовало в выборах по землевладельческой курии. Сплошь и рядом на съездах мелких землевладельцев попы составляли подавляющее большинство и при поддержке местных властей проводили своих кандидатов.

Как сообщали корреспонденты «Правды», во время выборов в IV Государственную думу в Черниговской губернии на съездах мелких помещиков совместно с настоятелями церквей было выбрано в уполномоченные: мелких помещиков – 49, попов – 177. В Вятке на этих съездах прошли уполномоченными исключительно попы. В Курской губернии из 343 уполномоченных избран был 301 поп. И так – в большинстве губерний.

Духовенство проявляло лихорадочную деятельность на выборах: по епархиям и церквам посылались циркуляры, опубликовывались списки желательных кандидатов, с амвонов церквей попы уговаривали население не выбирать «смутьянов». Сколько-нибудь либеральные священники отстранялись от выборов, высылались в бедные приходы, иногда даже лишались духовного сана.

Попы «верой и правдой» помогали царскому правительству избрать «послушную Думу».

При составлении нового избирательного закона правительство не решилось, однако, совсем отрезать доступ рабочим в Государственную думу. Были выделены по всей России шесть губерний – Петербургская, Московская, Костромская, Владимирская, Харьковская и Екатеринославская, в которых от рабочих курий было обеспечено избрание по одному депутату. На эти шесть губерний приходилось всего 34 выборщика от рабочих, причем они распределялись неравномерно. Так, по Петербургской губернии на 70 уполномоченных приходилось шесть выборщиков, а в Харьковской на 134 уполномоченных – четыре выборщика. Таким образом, на весь трехмиллионный рабочий класс царской России предоставля-

лось всего шесть мест.

Депутаты от рабочих в этих шести губерниях выбирались из числа рабочих-выборщиков всеми выборщиками на общегубернских избирательных собраниях выборщиков. Отсюда ясно, насколько единодушно должны были рабочие выбирать истинно пролетарских уполномоченных, какую напряженную работу необходимо было вести большевистской партии.

Несмотря на все препятствия и рогатки, выборы по рабочей курии в этих шести губерниях, несомненно, должны были дать победу представителям левых партий. Не могло быть сомнения в том, что рабочие не отдадут своих голосов либералам, а тем более реакционерам. Иначе обстояло дело на общегородских выборах, в которых наряду с буржуазией принимало участие значительное количество демократических избирателей – приказчики, служащие, ремесленники, а также рабочие-квартиронаниматели.

В крупных городах – Петербурге, Москве, Одессе, Риге и Киеве – в выборах по второй городской курии участвовали многие тысячи демократических избирателей[1]. Борьба за них шла фактически между социал-демократами и кадетами. И здесь правительство применяло всяческие махинации, чтобы сузить круг избирателей.

4. Избирательные махинации царского правительства

Одним из способов сокращения числа избирателей было составление избирательных списков. Хотя правом выборов пользовались все квартиронаниматели, достигшие определенного возраста (25 лет), избирательные списки составлялись только на тех, кто платил квартирный налог, т.е. кто занимал наиболее дорогие квартиры. Вся же остальная масса квартиронанимателей, а также другие группы населения, вроде пенсионеров, должны были сами подавать заявления о включении их в число избирателей. Но избирателям, подававшим заявления, приходилось проходить через столько полицейских мытарств, что пропадала всякая охота участвовать в выборах. Прежде всего надо было получить удостоверение от полиции, которая всячески тормозила его выдачу. Приходилось ходить по пяти-шести раз к «господину приставу» и в результате можно было получить такое удостоверение, которое затем признавалось на выборах неправильным и недействительным. Избирателя обманывали, говорили, что он уже пропустил срок, а пока он доискивался правды, срок действительно оказывался пропущенным. Словом, применялись самые разнообразные ухищрения, чтобы лишить избирателя права участвовать в выборах.

Другим способом сокращения числа избирателей были знаменитые «разъяснения». Не говоря уже о «разъяснениях», т.е. о лишении избирательных прав под тем или другим предлогом отдельных, неугодных правительству кандидатов, «разъяснялись» целые группы населения. Одним росчерком пера были лишены права участвовать в выборах в IV Думу почти 95 процентов евреев,

[1] Городские избиратели делились на две курии: первую, к которой была отнесена крупная буржуазия, и вторую, в которую входили квартиронаниматели, чиновники, служащие, приказчики и т.д. *(прим. А. Бадаева).*

живущих вне черты оседлости и пользующихся так называемым «условным» правом жительства[1].

В «Правде» от 15 июня 1912 г. в статье «Новое разъяснение» т[оварищ] Молотов писал:

«12 июня в ответ на запрос министра внутренних дел Сенат признал, что «евреи, пользующиеся условным правом жительства, правом на участие в выборах в Государственную думу не пользуются».

Этим новым разъяснением Киев почти лишается избирателей-евреев, в Петербурге тоже около 6 тыс. евреев по второй городской курии оказались «разъясненными».

«Разъясняли», конечно, не только евреев. Каждый губернатор действовал по своему разумению, каждый пристав по-своему «толковал» избирательный закон.

Царское правительство во время выборов в IV Думу повторило уже проделанный им «удачный» опыт избирательной борьбы перед выборами в III Думу.

Сразу же после роспуска III Думы при министерстве внутренних дел был образован специальный избирательный аппарат, изобретавший поправки и дополнения к избирательному закону, обеспечивавшие правительству большинство. В одних губерниях создавались специальные курии духовенства, в других, где это было выгодно, духовенство присоединялось к помещикам.

Вообще попы играли большую роль на выборах в Государственную думу – во всех Думах было значительное количество депутатов в рясах. Армией попов командовал Синод. Синод давал попам инструкции – не только как улавливать души прихожан, но и как собирать их голоса на выборах.

На окраинах с преобладающим так называемым «инородческим» населением, среди которого оппозиционные настроения к правительству были достаточно сильны, создавались самостоятельные русские курии, т.е. выделялось в отдельные группы чиновничество, получавшее право избрания выборщиков, иногда в бóльшем количестве, чем все коренное население района.

Правительственный аппарат работал полным ходом. Особо открытым беззаконием в ограничении избирательных прав отличались действия губернаторов Черниговской, Нижегородской, Екатеринославской и других губерний. Екатеринославский губернатор пригласил к себе местного раввина и заявил ему: «Ваши евреи опять суетятся, намереваются принять активное участие в выборах Государственной думы. Входят в блок с прогрессистами. Они, очевидно, забыли недавнее прошлое. Блокирование с прогрессистами и предвыборная суетня могут обойтись евреям недешево. Можете сообщить об этом евреям». Этими словами губернатор явно угрожал еврейским погромом.

В Смоленске полиция возвратила 500 избирательных бюллетеней якобы за нерозыском адресатов, причем «неразысканными» оказались почти исключительно евреи.

Во многих городах Юго-Западного края, в которых население было

[1] По царскому закону вне «черты оседлости», в которую входило несколько юго-западных губерний России, евреи не имели права жительства. Право жительства вне «черты оседлости» предоставлялось лишь евреям, получившим высшее образование, купцам первой гильдии и некоторым другим немногочисленным группам *(прим. А. Бадаева).*

преимущественно еврейское, выборы выборщиков назначались на субботу с той целью, чтобы еврейские избиратели из верующих не могли участвовать в выборах.

При системе выборов по городским куриям, в которых участвовало значительное количество обывательски настроенных масс, в отдельных случаях выборы могли дать и черносотенных кандидатов. Поэтому избирательная тактика нашей партии на общегородских выборах была отличной от тактики на выборах в рабочих куриях.

Большевики считали необходимым в рабочей курии повсюду выставлять своих кандидатов и не допускать никаких соглашений с другими партиями или группами, в том числе и с меньшевиками-ликвидаторами. Что же касается так называемой второй курии городских избирателей (первая курия избирателей состояла из крупных собственников, и там демократические кандидаты вообще не могли пройти) и выборов от волостных обществ, то и здесь считалось необходимым выставление самостоятельных социал-демократических кандидатур, так как уже одно это имело большое агитационное значение. Однако в порядке страховки от победы реакционных кандидатов большевики признавали возможным на перебаллотировках[1] при избрании выборщиков от второй курии городских избирателей заключать соглашения с мелкобуржуазными демократами (трудовики и т.п.) против либералов, а затем с либералами против всех правительственных партий.

В пяти же крупных городах, в которых существовали прямые выборы с перебаллотировками, выставление самостоятельных социал-демократических кандидатов признавалось обязательным, причем ввиду явного отсутствия черносотенной опасности мы не должны были идти ни на какие соглашения с либеральной буржуазией.

Резолюция Пражской конференции, предусматривавшая всю нашу избирательную тактику, подчеркивала, что «никакие избирательные соглашения не могут относиться к выставлению общей платформы и не должны ни связывать с.-д. кандидатов какими бы то ни было политическими обязательствами, ни останавливать с.-д. в деле решительной критики контрреволюционности либералов и половинчатости и непоследовательности буржуазных демократов...». Соглашения, которые допускались большевиками при перебаллотировках, таким образом, отнюдь не носили характера блока политических партий.

Но наряду с этой решительной линией прямой борьбы с черносотенными и либеральными партиями и с непоследовательностью буржуазных демократов большевикам приходилось считаться также и с маскировкой, с обманной тактикой либералов. Анализируя расстановку партийных сил на предстоящих выборах, И.В. Сталин в статье «Как они готовятся к выборам» в газете «Звезда» от 19 апреля 1912 г. писал:

«Приближаются выборы в IV Думу, и враги освободительного движения мобилизуют силы.

---

[1] Перебаллотировки назначались в случае расхождения голосов при первых выборах и неполучения ни одним из кандидатов более 50 процентов голосов *(прим. А. Бадаева).*

Перед нами прежде всего контрреволюционные партии: крайние правые, националисты, октябристы. Все они так или иначе поддерживают правительство. На что они могут рассчитывать в предстоящей избирательной кампании? Уж, конечно, не на сочувствие широких слоев населения: партии, связавшие свою судьбу с судьбой правительства ленских расстрелов, не могут рассчитывать на сочувствие масс! Единственная их надежда – правительственные «распоряжения». А в «распоряжениях», как водится, не будет недостатка. Министерство внутренних дел уже разослало циркуляр губернаторам, где оно рекомендует «меры для обеспечения избрания в уполномоченные от волостей вполне благонадежных и не принадлежащих к левым людей». А к чему на деле сведутся все эти «меры» – мы знаем из практики: устранение из списков левых кандидатов, искусственно создаваемые против них процессы, арест, высылка – вот эти «меры»! С другой стороны, Святейший синод советует епархиальным епископам принять самое горячее участие в предстоящих выборах, проводить в Думу стойких защитников церковных интересов, с этой целью созвать предвыборные съезды епархиального духовенства, приступить к изданию специальных предвыборных газет и т.д.

Плохи, плохи дела правительственных партий, если даже отцам церкви приходится забрасывать из-за них «дела церковные» в угоду «дел мирских»!

Выборы под давлением духовных и светских губернаторов – вот, стало быть, на какие средства могут они рассчитывать.

Правда, есть еще одно средство – это приклеить марку беспартийности и, обморочив избирателей, пролезть как-нибудь в Думу, чтобы потом сбросить маску. Именно к этому клонят «дело» ковенские националисты, выступившие на днях в маске беспартийности. Но средство это тонкое и, должно быть, не подойдет к нашим неуклюжим зубрам…

Другое дело российские либералы: кадеты, мирнообновленцы, прогрессисты. Это публика вертлявая и ей, пожалуй, удалось бы до дна использовать марку беспартийности… А такая беспартийность нужна полинявшим кадетам, дозарезу нужна.

Дело в том, что за время III Думы обыватель научился критически смотреть на октябристов, кадетов. С другой стороны, люди «первой курии» – крупные городские буржуа – «разочаровались» в октябристах, не «оправдавших» надежд. Есть, стало быть, возможность «выбить из седла» октябристов – конкурентов ка-дэ на министерские передние. Но как перебросить мост к «первой курии», как не через прогрессивных мирнообновленцев? Поэтому – да здравствует союз с мирнообновленцами! Правда, для этого нужно «немножечко» поправеть, но что за беда: разве нельзя поправеть, раз это так выгодно?

Итак, равнение направо!

С другой стороны, «мелкий и средний городской люд» «второй курии» – интеллигенция, приказчики и прочие, успел порядком полеветь, особенно в связи с разрастающимися ленскими событиями. Кадеты чувствуют за собой тяжкие политические грехи, они слишком часто пытались изменить делу «народной свободы», они и теперь с радостью устремились бы в министерские передние, если бы были уверены, что пустят – Бог видит! Но именно поэтому городские демо-

кратические слои начинают косо поглядывать на ка-дэ. Надо ли еще говорить, что выступать перед таким избирателем без маски, с собственной физиономией либеральных изменников – опасновато? Но что же в таком случае выдумать для полевевшего городского люда, уже отходящего от ка-дэ, но еще не пришедшего к эс-дэ? Конечно, прогрессивный туман… то бишь – прогрессивную беспартийность. О, не думайте, что прогрессисты кадеты! Нет, они вовсе не кадеты, они будут только голосовать за кадетских кандидатов, они лишь «беспартийные» приказчики кадетов… И кадеты рекламируют «беспартийных» прогрессистов: нельзя иначе, надо хоть на словах полеветь в сторону… беспартийности!

Итак, равнение налево!

С одной стороны… с другой стороны… правее… левее… Такова политика партии либерального обмана народа, партии кадетов.

Морочить избирателя – вот на какое средство будут рассчитывать российские либералы.

И – это надо подчеркнуть – беспартийное шарлатанство может сыграть крупную роль на выборах. Оно может сыграть крупную роль, если социал-демократы не будут разоблачать либеральных господ в маске, если они не поведут энергичную кампанию в связи с наступающими выборами, если они не приложат всех имеющихся в их распоряжении сил к тому, чтобы городские демократические слои сплотились вокруг вождя освободительного движения, вокруг русского пролетариата»[1].

Правительство при выборах от крестьян обеспечивало избрание депутатов-кулаков. Как оно достигало этого? Прежде всего уполномоченные избирались не самими крестьянами-избирателями, а волостными сходами. Известно, что волостные сходы составлялись в основном из «крепких» дворохозяев. На выборы уполномоченных приезжали земские начальники и, не стесняясь, указывали на желательных им уполномоченных. Окончательное «просеивание» кандидатур проходило на общегубернских избирательных собраниях. Крестьянских депутатов по одному от губернии выбирали не сами крестьяне-выборщики, а весь состав избирательного собрания, в котором подавляющее большинство составляли помещики и попы. Ясно, что из числа крестьян-выборщиков выбранными оказывались кулаки.

5. Трудность работы в нелегальных условиях

Основная трудность борьбы на выборах состояла в том, что наша партия была на нелегальном положении и находилась под непосредственным непрерывным обстрелом царской полиции и охранки. Избирательную кампанию приходилось организовывать из подполья, под угрозой ежедневных разгромов, арестов и высылок.

Министерство внутренних дел разослало циркуляр с точным указанием, как надо действовать при выборах депутатов от рабочих. В циркуляре говорилось:

«1) На собраниях рабочих не допускать никаких речей, не относящихся непо-

[1] Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 240–243.

средственно к процедуре выборов.

2) На собраниях у зданий, на улице и в коридорах не допускать раздачи каких бы то ни было записок или списков избирателей.

3) Благомыслящим рабочим внушать, что рабочие должны быть признательны правительству за право выбирать депутатов и не должны допускать в Думу врагов существующего порядка».

Меньшевики были в лучшем положении как потому, что выступали с урезанными, приспособленными к легальным возможностям требованиями, так и потому, что располагали большими литературными силами. Лидеры меньшевиков – Дан, Потресов и др. – жили в Петербурге легально, открыто сотрудничали в печати, тогда как все руководящее ядро большевистской партии либо находилось в ссылке и тюрьмах, либо вынуждено было скрываться в эмиграции.

Тем не менее во время выборов в IV Думу большевики имели в руках одно сильное оружие, какого не было у них в предыдущие избирательные кампании. Этим оружием была ежедневная массовая рабочая газета «Правда».

«Правда», созданная за несколько месяцев до выборов в IV Государственную думу согласно указанию Ленина, по инициативе и под непосредственным руководством Сталина, сыграла огромную роль в избирательной борьбе. На страницах «Правды», являвшейся рупором передовых революционных рабочих, большевистская партия одновременно боролась с явным и замаскированным ликвидаторством, влиянием либеральной буржуазии.

На страницах «Правды», начиная с июня 1912 г., стали появляться статьи, заметки, корреспонденции и сообщения о предстоящих выборах.

Большую кампанию «Правда» провела против абсентеизма городских демократических избирателей, призывая их вовремя побеспокоиться о своих правах и заранее проделать все необходимые формальности. Из номера в номер «Правда» призывала избирателей следить за тем, чтобы их фамилии не были пропущены в избирательных списках, для чего им надо было подавать в избирательную комиссию соответствующие заявления. «Правда» обратилась с призывом к своим читателям, чтобы каждый из них привлек не менее трех избирателей из своих товарищей по станку или из своих соседей по квартире.

Еще бóльшую роль сыграла «Правда» в подготовке выборов по рабочей курии. В то время как для общегородских выборов некоторое значение имели предвыборные собрания, сопровождавшиеся, конечно, сильным полицейским нажимом, в рабочей курии закон запрещал предвыборные собрания рабочих. При таком положении агитация «Правды» приобретала особенно большое значение.

Глава II
Выборы в Петербурге

1. Избирательная кампания в Петербурге

Выборы уполномоченных на фабриках и заводах должны были состояться в начале осени 1912 г., но уже в течение летних месяцев шла организационная под-

готовка и агитация среди петербургских рабочих.

Придавая исключительное значение результатам выборов в Петербурге, Центральный комитет партии дал директиву петербургской организации как можно шире развернуть работу, мобилизовать на выборную кампанию все партийные силы. Петербургский комитет был пополнен рядом товарищей – представителями от районных организаций.

Ленин в «Невской звезде» от 1 июля 1912 г. писал о значении выборов в Петербурге:

«Борьба на выборах в Петербурге есть борьба за гегемонию между либералами и рабочей демократией во всем освободительном движении России.

Эта исключительно важная роль петербургских выборов приводит нас, между прочим, к двум практическим выводам. Кому много дано, с того много спросится. Петербургским рабочим приходится вести выборную кампанию в Петербурге во второй городской курии от имени всей рабочей демократии всей России. На их плечи падает великое и трудное дело. Они служат образцом. Они должны развернуть максимум инициативы, энергии и настойчивости. Они сделали это ежедневной рабочей газетой. Они должны продолжить великолепно начатое дело и на выборах.

Внимание всей России устремлено на выборную борьбу в Петербурге. И помощь всей России должна устремиться сюда. Без самой разносторонней помощи из всех концов России петербургским рабочим не осилить «неприятеля» в одиночку».

2. «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату»

В сентябре в Петербург приехал И.В. Сталин, бежавший из нарымской ссылки (пятой ссылки по счету). И.В. Сталин принял на себя руководство всей избирательной борьбой нашей партии. Приехав за несколько дней до выборов уполномоченных на заводах и фабриках, он сразу окунулся в гущу движения.

Впервые появился И.В. Сталин на нелегальном партийном собрании путиловцев. В своей речи он изложил основные задачи рабочего класса и исчерпывающе разъяснил все недоуменные вопросы.

В эту же ночь, после собрания, Сталин написал «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату». «Наказ» был принят на ряде заводских собраний по выборам уполномоченных и сыграл крупнейшую роль в избирательной борьбе.

Вот текст «Наказа петербургских рабочих своему рабочему депутату»:

«Выдвинутые движением пятого года требования русского народа остались неразрешенными.

Развитие реакции и «обновленного строя» не только не удовлетворило этих требований, а, наоборот, еще больше обострило их.

Рабочие часто лишены возможности не только бастовать, – ибо нет гарантии, что в них за это не будут стрелять, не только устраивать союзы и собрания, – ибо нет гарантии, что их за это не арестуют, – но и выбирать в Думу, так как их все равно «разъяснят» или вышлют: ведь «разъяснили» же на днях путиловцев

и рабочих с Невского судостроительного завода!

Мы уже не говорим о голодающем десятками миллионов крестьянстве, отданном на произвол помещиков и земских начальников…

Все это говорит о необходимости удовлетворения требований пятого года.

Состояние же экономической жизни России, уже появляющиеся признаки будущего промышленного кризиса и все усиливающееся обнищание широких слоев крестьянства делают необходимость разрешения задач пятого года настоятельной.

Поэтому мы думаем, что Россия живет накануне грядущих массовых движений, быть может более глубоких, чем в пятом году. Об этом свидетельствуют ленские выступления, забастовки-протесты против «разъяснений» и т.д.

Застрельщиком этих движений будет, как и в пятом году, наиболее передовой класс русского общества – русский пролетариат.

Союзником же его может быть лишь многострадальное крестьянство, кровно заинтересованное в раскрепощении России.

Борьба на два фронта – с феодально-бюрократическими порядками и с либеральной буржуазией, ищущей союза со старой властью, – вот какую форму должны принять будущие выступления народа.

И борьба эта будет победоносна лишь постольку, поскольку рабочий класс будет выступать во главе народного движения.

Но чтобы рабочий класс мог с честью выполнить роль вождя народного движения, он должен быть вооружен сознанием своих интересов и большой организованностью.

Думская трибуна и является одним из лучших средств при данных условиях для просвещения и организации широких масс пролетариата.

Именно для этого и посылаем в Думу нашего депутата, поручая ему и всей социал-демократической фракции IV Думы широкое распространение с думской трибуны наших требований, а не пустую игру в законодательствование в господской Думе.

Мы бы хотели, чтобы социал-демократическая фракция IV Думы и наш депутат, в частности, высоко держали знамя рабочего класса во враждебном им лагере черной Думы.

Мы бы хотели, чтобы с высоты думской трибуны громко раздавались голоса членов соц[иал]-дем[ократической] фракции о конечной цели пролетариата, о полных и неурезанных требованиях пятого года, о русском рабочем классе как вожде народного движения, о крестьянстве как наиболее надежном союзнике рабочего класса, о либеральной буржуазии как изменнице «народной свободы».

Мы бы хотели, чтобы в своей работе на почве вышеупомянутых лозунгов социал-демократическая фракция IV Думы была единой и сплоченной.

Чтобы она черпала свою силу в постоянном общении с широкими массами.

Чтобы она шла нога в ногу с политической организацией рабочего класса России»[1].

«Наказ» во время выборной кампании в Думу принимался на собраниях

[1] Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 250–252.

рабочих фабрик и заводов и являлся остро отточенным оружием против меньшевиков, выступавших с робкими требованиями частичных демократических свобод.

Для непосредственного руководства выборами Центральный комитет выделил из своей среды центральную избирательную комиссию, члены которой распределили весь город между собой по районам. Организаторами выборов по районам были Юрьев, Конкордия Самойлова, Михайлов (Политикус), Инесса Арманд и Савельев (Макс).

Избирательной кампанией в Невском районе, где я в это время работал, руководили Инесса Арманд и Савельев.

Вместе с М.А. Савельевым, В.Ф. Малаховским и рядом других товарищей мне пришлось бывать на предвыборных организационных собраниях, подготовляя выборы по рабочей курии нашего и других районов.

3. На заводах и фабриках

Фактическим центром и штабом избирательной кампании большевиков была редакция «Правды». Здесь кипела неустанная ежедневная работа. Помещение редакции служило местом встреч и собраний с представителями районов и отдельных фабрик и заводов.

Одновременно начались нелегальные предвыборные собрания по районам. При непрерывной слежке полиции за каждым «подозрительным» рабочим нам приходилось прибегать к самым разнообразным ухищрениям, чтобы собираться хотя бы небольшими группами. Обычно, чтобы не привлекать внимания полиции, созывались немногочисленные собрания – не больше 10–20 человек.

Помогало летнее время. Под видом прогулки за город группы рабочих отправлялись в пригороды, большей частью за Охту, и забирались в глубину леса. Лес был лучшим убежищем от полицейских шпиков. В чащу леса сыщики не рисковали идти: во-первых, там легко было от них ускользнуть, а во-вторых, шпики побаивались расправы в глухом, уединенном месте.

На собраниях шли горячие споры с ликвидаторами. Наша партия призывала рабочих идти на выборы под основными, неурезанными лозунгами и выбирать в уполномоченные исключительно большевиков. Ликвидаторы не переставали твердить о «единстве», необходимости выступить единым фронтом, бросить фракционные споры и, конечно, выбирать их кандидатов.

Кое-где появлялись и эсеры, настаивавшие на бойкоте выборов. Но их бойкотистские предложения не имели никакого успеха в рабочих массах. Основные споры на всех рабочих собраниях шли по линии борьбы ликвидаторов и большевиков.

К концу лета на «лесных» собраниях началось обсуждение будущих кандидатов в уполномоченные. Для успеха избирательной борьбы надо было, чтобы немедленно велась агитация за будущего кандидата среди всей массы рабочих данной фабрики или завода. Однако этой возможности мы были лишены: будущий кандидат в уполномоченные, если бы его имя стало широко известным, наверня-

ка был бы немедленно арестован. Не был в безопасности уполномоченный даже после выборов, кандидат же в уполномоченные неизбежно должен был попасть в полицейскую ловушку. Поэтому имена намеченных кандидатов держались в тайне и сообщались рабочим только к моменту выборов.

Какие политические партии боролись на выборах этих уполномоченных?

Черная сотня, представленная Союзом русского народа, Союзом Михаила Архангела и тому подобными махрово-черносотенными организациями, боялась и нос высунуть на фабрики и заводы. Никаких шансов среди рабочих не имели и партии либеральной буржуазии.

Кадеты, хотя на словах и утверждали, что они защищают интересы рабочих, однако хорошо понимали, что рабочие голосовать за них не будут. На фабриках и заводах кадетам делать было нечего. Рабочие массы прекрасно знали, какого рода защиту они могут ожидать от буржуазных партий, руководимых злейшими врагами пролетариата – промышленниками и купцами. Кадеты, хотя и не решались агитировать за своих кандидатов, но не смогли удержаться от попыток помешать избирательной кампании социал-демократов. В последние дни перед выборами они распространили слух, что социал-демократы бойкотируют Думу. Это была старая ложь, которой кадеты пользовались и в предыдущие избирательные кампании.

При полном отсутствии каких-либо шансов у правых и либералов, с одной стороны, и при бойкоте Думы эсерами – с другой, фактически на выборах по рабочей курии борьба шла исключительно между большевиками и меньшевиками.

Но одновременно необходимо было опасаться возможности выборов каких-либо случайных кандидатов, шедших под флагом беспартийности и могущих впоследствии сыграть какую-либо роль при избрании выборщиков. У таких «беспартийных» обычным доводом против кандидатов партии было то, что, мол, «не следует идти на поводу какой-либо партии, а надо выбирать просто честных и известных рабочим людей».

Большевики вели упорную агитацию против такой точки зрения, разъясняли вред ее для рабочего класса, указывая, что действительное представительство рабочего класса может быть осуществлено только членами партии, которая отвечает перед рабочим классом, имеет свою платформу, свою программу и руководит своими представителями.

Избирательная борьба проходила под общим руководством Ленина. Из Кракова (Галиция), где в то время находился Центральный комитет нашей партии, Ленин посылал в «Правду», пользуясь всеми доступными конспиративной технике путями, статьи, заметки, корреспонденции, посвященные выборам, присылал директивные указания партийным работникам. Петербургская организация под руководством И.В. Сталина практически проводила эти указания в жизнь, развернув в избирательной кампании горячий бой за большевистскую платформу.

Чем ближе подходил день выборов, тем жарче разгоралась борьба. Точный день выборов заранее не был известен: это тоже был один из избирательных «фокусов» правительства, которое неожиданным назначением дня избирательных собраний старалось лишить рабочих возможности провести необходимую под-

готовку и уменьшить число фактических избирателей.

В Петербурге выборы уполномоченных по рабочей курии были назначены на воскресенье 16 сентября. Между тем о дне выборов рабочие узнали только в пятницу, 14 сентября, а на некоторых предприятиях – даже в субботу. На Семянниковском же заводе объявление о выборах было вывешено как раз во время трехдневного заводского праздника, т.е. тогда, когда никого из рабочих на заводе не было.

Ко дню выборов большевики и меньшевики мобилизовали все свои силы. Призывая голосовать за большевиков, «Правда» в день выборов, 16 сентября, писала:

«Выборы по рабочей курии в Петербургской и Московской губерниях будут иметь огромное значение для пролетариата всей России, ибо здесь больше всего сознательных, передовых рабочих. Сплотившись на выборах уполномоченных, пролетариат сможет и дальше так же дружно работать для осуществления великих задач, стоящих перед рабочим классом в настоящий момент. Смешно, конечно, и думать о кандидатурах каких-нибудь черносотенцев или кадетов среди рабочих. Но не должны пройти и «беспартийные», т.е. люди без руля и без ветрил. Не отдадут своих голосов рабочие и тем колеблющимся, нетвердым рабочим демократам, которые плохо верят в силы самого рабочего класса и готовы идти на уступки и соглашения с либеральной буржуазией. У рабочих есть надежная путеводная звезда – это идеалы последовательной рабочей демократии. За нею шел всегда рабочий класс, за нею пойдет он и теперь. Товарищи-рабочие! Выбирайте достойных представителей, убежденных и последовательных рабочих демократов!»[1].

Усиленную подготовку вели меньшевики. К 16 сентября они приурочили выпуск первого номера своей газеты «Луч», которая была полна нападок на большевиков и призывала голосовать за меньшевистских кандидатов. «Луч» прикрывался фальшивыми призывами к единению и вместе с тем сеял рознь в рабочем движении, обвиняя «Правду» и большевиков в «раскольничестве» и прочих смертных грехах.

Выборы происходили в воскресный день одновременно на всех заводах и фабриках. Помещения для выборных собраний по закону должна была предоставлять фабрично-заводская администрация. Но даже и этот закон нарушался. На одном из крупнейших в Петербурге заводов – Обуховском выборы не могли состояться, так как в назначенное время все помещения завода оказались на запоре. На Ижорском заводе, хотя помещение для выборов и было предоставлено, но впуск в него был ограничен всего 15 минутами; после этого калитка была наглухо закрыта, и подошедшие позже рабочие были, таким образом, лишены избирательного права. Еще проще поступила администрация завода Сименс-Гальске, Международного общества спальных вагонов и ряда других предприятий, в особенности, находившихся за чертой города: рабочие этих заводов не были внесены администрацией в список избирателей по рабочей курии. Когда рабочие узнали

[1] В легальной печати под последовательными рабочими демократами подразумевались большевики *(прим. А. Бадаева).*

об этом и подали заявления протеста в избирательную комиссию, там им заявили, что уже поздно и восстановить их права комиссия не может.

Ряд мер принимался и для того, чтобы выборные собрания прошли «соответствующим образом». Кое-где полиция произвела аресты кандидатов в уполномоченные и наиболее активных, революционно настроенных рабочих. По закону на собраниях посторонние лица, в том числе заводская администрация и полиция, не имели права присутствовать. Зато около зданий заводов были расположены сильные наряды полиции, убедительно свидетельствовавшие о полицейском нажиме. Для того, чтобы сохранить повод для отмены выборов, на некоторых заводах администрация не дала списков рабочих, имеющих стаж работы, дающий право на участие в выборах. На Путиловском заводе администрация в самый момент выборов начала делить цехи на отдельные группы, заявив, что ремонтные рабочие должны выбирать отдельно, плотники отдельно, маляры отдельно и т.п.

Эти примеры, а их можно было бы привести еще много, показывают – в какой обстановке проходили выборы уполномоченных в Петербурге. Фабрично-заводская администрация всюду деятельно помогала правительству урезывать избирательные права рабочих. Неправильное составление списков, непредоставление помещений для собраний, 15-минутный впуск на завод – все это было рассчитано на то, чтобы уменьшить число участников избирательных собраний и не дать возможности превратить выборы в политическую демонстрацию.

Эти средства не достигли, однако, своей цели. Не говоря уже о том, что выборы по рабочей курии не дали ни одного либерального или черносотенного кандидата, почти на всех избирательных собраниях после выступлений рабочих принимались резолюции по основным вопросам, волновавшим в то время рабочие массы. Почти всюду рабочие принимали резолюции протеста против недопущения представителей профессиональных союзов на съезд фабричных инспекторов и резолюции с требованием немедленного созыва съезда для выборов в страховой совет. Наряду с этим принимались и резолюции общеполитического характера. Таким образом, выборы уполномоченных от рабочих показали, что петербургский пролетариат стоит на революционных позициях.

Выборы в Главных вагонных мастерских Николаевской железной дороги, где я в то время работал, прошли приблизительно в таких же условиях, как и на других петербургских фабриках и заводах. Наш завод, на котором работало около трех тысяч человек, издавна отличался революционными настроениями. Избирательное собрание на нашем заводе состоялось в Яме – так называлась одна из мастерских нашего завода, вмещавшая до десяти тысяч человек. В этом помещении, сыгравшем историческую роль, устраивались огромнейшие митинги всего района как в первую революцию, в 1905 г., так и впоследствии.

Избирательное собрание открылось общим докладом о выборах. После доклада начались прения о задачах избирательной кампании, о Государственной думе, об участии в выборах рабочих и т.д.

Еще за несколько месяцев до выборов, в середине лета, мне стало известно, что партийная организация намечает мою кандидатуру. По мере приближения выборов вопрос о кандидатах стал горячо обсуждаться в цехах и мастер-

ских завода. По прошлой моей работе меня хорошо знала вся заводская масса, поэтому моя кандидатура встречала общую поддержку и было ясно, что на выборах она пройдет подавляющим большинством. Вторым кандидатом от большевиков был т[оварищ] Мельников. Кроме нас были выставлены кандидаты и от меньшевиков; выдвигались и беспартийные.

О кандидатах спорили горячо; собрание обсуждало кандидатуру каждого в отдельности. Помимо политической платформы говорили и о личных качествах, об активности кандидата, о его авторитете на заводе, о стойкости и т.п. Выборы производились тайным голосованием. Когда подсчитали поданные записки, выяснилось, что моя кандидатура прошла единогласно. Прошел в уполномоченные и второй наш кандидат – т[оварищ] Мельников. Остальные кандидаты получили всего по два-три голоса.

Избранные по рабочей курии от Петербурга около 82 уполномоченных в огромном своем большинстве прошли как социал-демократы. Многие из них имели революционное прошлое, подвергались преследованиям полиции, были под судом, в ссылке и т.д. Некоторые из них, однако, еще недостаточно определились и колебались между большевиками и меньшевиками. Таким образом, не ясно было, кого даст вторая стадия выборов от рабочей курии – избрание выборщиков, состав которых предопределял и будущего депутата.

И меньшевики, и большевики начали усиленную агитацию среди уполномоченных, стараясь перетянуть на свою сторону тех, кто колебался. Избирательная борьба за кандидатов в выборщики была еще горячее, чем на выборах уполномоченных.

Закон о выборах в Государственную думу и здесь ставил ряд препятствий. Предвыборные собрания уполномоченных не допускались. Все попытки устроить под каким-либо предлогом такие собрания пресекались полицией, которая зорко следила, чтобы избранные от рабочих уполномоченные не общались друг с другом. Поэтому и во второй стадии избирательной кампании огромную роль играла агитация в печати.

«Правда» и меньшевистский «Луч» усиленно агитировали, призывая уполномоченных голосовать за своих кандидатов. Полемика между «Правдой» и «Лучом» перед избранием выборщиков была еще более ожесточенной, чем во время выборов уполномоченных. Большевики и меньшевики мобилизовали весь арсенал своих доводов.

Меньшевики-ликвидаторы обвиняли большевиков в нарушении единства рабочего класса. Этим «единством» меньшевики прикрывали свои попытки не допустить среди уполномоченных обсуждения политических платформ обеих фракций. Постановки вопроса о революционной программе ликвидаторы боялись больше всего, так как заранее знали, что по этой линии они будут биты. Заметая следы, они всячески обходили обсуждение политической платформы, взамен чего на все лады твердили о «соглашении», «единстве» и «персональных кандидатурах».

«Лишь соглашение между социал-демократическими организациями, – писал «Луч», – а если оно не осуществится, между социал-демократическими

уполномоченными в целях единого выступления на съезде уполномоченных и для избрания из числа социал-демократических уполномоченных – без различия оттенков – наиболее стойких, достойных и качественно подходящих выборщиков и депутатов есть единственный выход из трудного положения».

Этот выход был единственным для меньшевиков, так как под флагом «наиболее стойких, достойных и качественно подходящих» можно было провести кого угодно, человека с любой политической платформой, а значит и меньшевика, даже при том условии, если меньшевики не окажутся среди уполномоченных в большинстве.

«Правда», разоблачая меньшевиков, писала, что не следует бояться борьбы внутри рабочего класса, что эта борьба не нарушит единства, а, наоборот, укрепит его в будущем.

«Эта борьба неизбежна, – писала «Правда» 23 сентября 1912 г., – ибо рабочие должны решить, какого направления, какой тактики будет держаться социал-демократическая фракция в Государственной думе. Эта борьба, мы особенно подчеркиваем, ни капельки не ослабит единства рабочего класса, ибо речь идет только о выборе того или другого уполномоченного в выборщики. Рабочие должны и будут действовать едино, но именно ради этого единства пролетариата необходимо, чтобы депутат от рабочих представлял взгляды большинства, а не меньшинства рабочих».

Для того, чтобы узнать, на чьей стороне большинство, большевики предлагали выяснить голосованием число сторонников обеих политических платформ, предварительно обсудив их на собрании уполномоченных. Вопрос о платформе был тесно связан с подчинением большинству, а этого как раз и не хотели меньшевики-ликвидаторы, опасавшиеся, что результаты обсуждения сложатся не в их пользу.

Ленин в «Правде» от 16 октября 1912 г. писал:

«Запутывают дело те, кто теперь по вопросу о выборе одного депутата кричат о «единстве», запутывают, ибо подменяют вопрос и криком засоряют суть дела.

При чем тут «единство», когда надо выбрать одного и все согласны, что он должен выражать волю большинства сознательных рабочих-марксистов?

Ликвидаторы боятся сказать прямо, что они хотели бы выбора ликвидатора или «нефракционного» (т.е. колеблющегося), и, боясь прямо защищать свои взгляды, они протаскивают их обманом, крича о «единстве».

Большевистская постановка вопроса об избрании выборщиков, таким образом, сводилась к борьбе политических платформ, определявших тактику будущей социал-демократической фракции в Государственной думе, тогда как меньшевики пытались победить в этой борьбе, выдвигая личное начало, т.е. личные качества отдельных кандидатов.

Споры между большевиками и меньшевиками приняли ожесточенный характер. Эти споры шли как в верхушках партийных организаций, так и в низах – на фабриках и заводах и среди самих уполномоченных.

За неделю до избрания выборщиков состоялось нелегальное собрание уполномоченных в лесу, в двух-трех верстах от Пороховых заводов на Охте.

На собрании присутствовало человек тридцать уполномоченных и несколько представителей от Петербургского комитета большевиков и организационного комитета меньшевиков. Квалифицированный состав собрания давал возможность поставить вопрос со всей резкостью. Бой шел в открытую. Большевики доказывали необходимость избрания выборщиками тех товарищей, которые будут выполнять программу партии и подчиняться партийным директивам; ликвидаторы настаивали на своем: необходимо-де во избежание партийного раскола выбирать известных лиц, независимо от того, какой платформы они придерживаются.

С горячностью ораторы-большевики заявляли: «Мы сорвем с вас маски, которыми вы прикрываетесь; мы покажем рабочим, что скрывается за вашими фальшивыми фразами о «единстве».

Собрание, продолжавшееся более пяти часов, протекало очень бурно. Хотя наша резолюция и прошла абсолютным большинством, собрав две трети голосов присутствовавших уполномоченных, но ликвидаторы отказались ей подчиниться. Все попытки добиться какого-либо соглашения не привели ни к каким результатам. И та, и другая сторона выдвигала различные предложения, но эти предложения категорически отвергались противниками. Параллельно с переговорами об установлении какой-либо единой линии шла индивидуальная обработка отдельных уполномоченных.

В последний день перед избирательным съездом уполномоченных по рабочей курии меньшевики выступили с угрозой раскола, если не будут приняты их предложения. «Луч» писал, что если не будет достигнуто соглашение при избрании выборщиков, меньшевики выставят самостоятельно параллельных кандидатов и по второй курии Петербурга. Конечно, эта угроза не могла сколько-нибудь повлиять на наше решение.

4. Съезд уполномоченных по рабочей курии

Съезд уполномоченных по рабочей курии состоялся 5 октября. Как и в первой стадии выборов, правительство применило испытанный прием, опубликовав сообщение о выборах накануне, т.е. за несколько часов до съезда уполномоченных. Такая скоропалительность уже сама по себе была направлена к срыву избирательного съезда, но на этот раз готовили новый сюрприз. Одновременно с назначением избирательного съезда были «разъяснены» уполномоченные ряда фабрик и заводов. 4 октября, т.е. накануне избирательного съезда, рабочим 21 фабрики и завода было сообщено, что выборы уполномоченных признаны недействительными. Наконец, на самом избирательном съезде по экстренному уведомлению губернатора «разъяснили» уполномоченных еще восьми предприятий Шлиссельбургского уезда. В число «разъясненных» попали крупнейшие заводы, как Путиловский, избравший девять уполномоченных, Невский судостроительный, пославший трех уполномоченных, и т.д.

Избирательному съезду предстояло выбрать шесть выборщиков. Большевики и меньшевики выставили своих кандидатов. В «Правде» крупными буквами на

первой странице был помещен следующий призыв к уполномоченным:

«Сегодня выборы выборщиков по рабочей курии С.-Петербургской губернии. Товарищи уполномоченные! Выбирайте последовательных и стойких рабочих-демократов!

Голосуйте за социал-демократов: Леонида Федоровича Егорова – Сестрорецкий завод, Якова Ивановича Иванова – Охтенский завод взрывчатых веществ, Михаила Ивановича Зайцева – фабрика Паля, Игнатьева Петра Игнатьева – Охтенский пороховой завод, Василия Ильича Егорова – Ижорский завод, Алексея Егоровича Бадаева – Главные вагонные мастерские Николаевской железной дороги».

Этот список, заготовленный заранее, для того чтобы не подвергнуть возможности ареста кандидатов, был опубликован только в день самых выборов, 5 октября.

Выборы происходили в здании петербургской городской думы. Начало избирательного съезда было назначено в 12 часов дня, но большинство уполномоченных собралось уже за час до срока. Знакомясь друг с другом, мы старались выяснить, кто стоит на нашей позиции и кто будет голосовать за меньшевиков.

Официальным председателем съезда по назначению правительства был товарищ петербургского городского головы Демкин, махровый черносотенец, который, выполняя добросовестно свой полицейский долг, старался как можно выше урезать и без того урезанные выборы. На предварительное совещание для выяснения списка кандидатов Демкин предоставил только один час.

Среди пятидесяти уполномоченных беспартийных было всего пять-шесть человек, остальные – социал-демократы: большевики и меньшевики. Совещание, ограниченное только узким составом уполномоченных, было последним этапом борьбы, которая велась в предыдущие недели. Теперь предстояло уже окончательно установить, кого выбирать. Поэтому споры и прения на совещании приняли исключительно страстный и бурный характер. Каждая группа явилась со своим списком, со своим решением; не могло быть и речи, чтобы кто-нибудь уступил. Выступления имели целью перетянуть на свою сторону только тех уполномоченных, которые почему-либо еще окончательно не определились, не решили точно, за кого голосовать. Выступали преимущественно кандидаты, намеченные партией: от нас – Зайцев, Игнатьев, Л.Ф. Егоров и я; от меньшевиков – Петров и еще два-три человека.

Несмотря на противодействие ликвидаторов, мы все же настояли на том, чтобы приступить к обсуждению избирательных платформ. Первым говорил представитель меньшевиков. Когда же после него начал излагать избирательную платформу один из кандидатов-большевиков, в зал явился Демкин и прервал совещание, предложив перейти к самым выборам.

В зале были установлены избирательные урны по числу уполномоченных; на каждой была прикреплена карточка с фамилией уполномоченного. Баллотировка производилась тайным голосованием шарами. Прошло более часа, пока все шары были положены, и процедура выборов закончилась. Начался подсчет поданных голосов. Результаты выборов оказались следующие: П.И. Судаков (завод

Крейтон) – 41 голос, Н.П. Петров (Ижорский завод) – 27 голосов, П.И. Игнатьев (Охтенский пороховой завод) – 33 голоса, М.И. Зайцев (фабрика Паля) – 32 голоса, А.Е. Бадаев (Главные вагонные мастер-ские Николаевской железной дороги) – 31 голос, Л.Ф. Егоров (Сестрорецкий завод) – 26 голосов. Все избранные – социал-демокра-ты, причем большевиков по предложенному «Правдой» списку прошло четверо.

5. Забастовки протеста против отмены выборов

Обстановка, в которой прошел избирательный съезд, скоропалительные «разъяснения» уполномоченных почти от половины фабрик и заводов не могли не вызвать взрыва негодования среди рабочих Петербурга. Издевательства правительства зашли слишком далеко – рабочие ответили на них мощным протестом. 4 октября под руководством И.В. Сталина состоялось заседание исполнительной комиссии Петербургского комитета нашей партии. Решено было организовать объединенную забастовку протеста против «разъяснений» выборов по рабочей курии. Первым выступил Путиловский завод. В день самих выборов – 5 октября, после обеда рабочие, не приступая к работе, собрались по мастерским и объявили забастовку. Бастовал весь завод – около 14 тысяч человек. В 3 часа дня несколько тысяч рабочих вышли с завода и с пением революционных песен направились к Нарвским воротам, но были рассеяны полицией. За Путиловским заводом последовал Невский судостроительный, 6500 рабочих которого устроили митинг и политическую демонстрацию. К ним присоединились рабочие фабрики Паля, фабрики Максвеля, столярной фабрики Алексеева на Охте и т.д. В следующие дни к забастовке примкнули заводы Эриксона, Лесснера, Гейслера, «Вулкан» Дюфлона, Лангензипена, «Феникс», фабрики Чешера, Бека, Лебедева и др.

Забастовка распространилась по всем районам Петербурга. В ней участвовали не только те заводы, на которых выборы уполномоченных были отменены, но и те, на которых уполномоченные не были «разъяснены». Забастовка сопровождалась митингами и демонстрациями. На некоторых заводах рабочие к протесту против кассации выборов присоединили протест против преследования профессиональных союзов. Забастовка носила исключительно политический характер, никаких экономических требований не было выставлено.

В течение десяти дней забастовочное движение протеста против кассаций выборов уполномоченных охватило до 100 тысяч человек. Движение это показало, что рабочие не хотят отказаться от своих избирательных прав и понимают, какое исключительное значение имеют для них выборы и будущая работа рабочих депутатов в Государственной думе.

Забастовочная волна росла до того момента, пока правительство, увидя, что изъять рабочих избирателей не так-то легко, не назначило новых выборов уполномоченных на «разъясненных» предприятиях. В список предприятий были внесены многие заводы и фабрики, не участвовавшие ранее в выборах уполномоченных. В связи с этим были кассированы и выборы выборщиков, которые должны были состояться вновь после доизбрания уполномоченных. Это было крупной

победой рабочего класса, который, стряхнув с себя пассивность предыдущих лет реакции, выступал уже с огромной силой на борьбу за свои права…

Дополнительные выборы уполномоченных свыше чем на двадцати предприятиях были назначены на воскресенье 14 октября. Как и перед первыми выборами, «Правда» и наша партийная организация развили усиленную агитационную кампанию, призывая рабочих голосовать за большевистских кандидатов.

Выборы происходили в обстановке все продолжавшейся забастовки-протеста против лишения рабочих избирательных прав. Собрания на фабриках и заводах отличались большим революционным подъемом и еще более повысившимся интересом к избирательной кампании. На собраниях выступали десятки ораторов – и большевиков и меньшевиков. На ряде заводов на летучих собраниях выступал и И.В. Сталин.

Сталин проживал в Петербурге нелегально. Естественно поэтому, что выступления его были связаны с огромным риском. Рабочие организации и сами рабочие принимали меры к тому, чтобы оградить И.В. Сталина от преследовавшей его по пятам полиции.

На «разъясненных» предприятиях в большинстве случаев прошли те же уполномоченные, но на этот раз их снабжали наказом. Почти всюду принимался «Наказ» большевиков, выработанный Сталиным. Характерно, что наш «Наказ» был принят даже на некоторых предприятиях, где были избраны меньшевики. На Семянниковском заводе, например, избравшем одного большевика и двух меньшевиков, меньшевики попытались внести в наш «Наказ» «поправку», заключавшую один из меньшевистских лозунгов – о свободе коалиций. Эта поправка была отвергнута подавляющим большинством, принявшим проект «Наказа» без всяких изменений. Большевистский «Наказ» принимали и те фабрики и заводы, на которых были утверждены первые выборы уполномоченных. Под «Наказом» были собраны многочисленные подписи рабочих.

Сразу же после окончания выборов уполномоченных был назначен избирательный съезд, на котором снова должны были быть избраны шесть выборщиков по рабочей курии.

И на этот раз перед избирательным съездом не удалось договориться о едином списке кандидатов в выборщики. Переговоры, которые велись между обеими партийными организациями, носили такой же характер, как и раньше. И большевики и меньшевики твердо стояли на своих прежних позициях, отказываясь вступить друг с другом в какое-либо соглашение. Список кандидатов, выдвинутых большевистской партией, был в основном почти тот же, что на первых выборах.

17 октября на первой странице «Правды» крупными буквами было напечатано новое обращение нашей большевистской организации:

«Сегодня выборы выборщиков по рабочей курии С.-Петербургской губернии.

Товарищи уполномоченные! Выбирайте последовательных и стойких социал-демократов!

Голосуйте только за следующих товарищей: Егорова Леонида Федорови-

ча – Сестрорецкий завод, Иванова Николая Ивановича – Невский судостроительный завод, Зайцева Михаила Ивановича – фабрика Паля, Игнатьева Петра Игнатьевича – Охтенский пороховой завод, Бадаева Алексея Егоровича – Главные вагонные мастерские Николаевской железной дороги, Костюкова Анисима Федоровича – Путиловский завод».

На второй избирательный съезд, состоявшийся 17 октября, явилось почти в два раза больше уполномоченных, чем на первый. В зале городской думы собралось свыше 80 уполномоченных.

Забастовки и митинги протеста петербургских рабочих, видимо, произвели впечатление и на Демкина. Он уже не ограничивал времени предварительного совещания, продолжавшегося свыше четырех часов. С новой силой разгорелись жаркие споры между большевиками и ликвидаторами.

В связи с обсуждением избирательных платформ борьба развернулась по всей линии революционных задач, стоявших перед рабочим классом.

Считая необходимым использовать выборы для политической демонстрации, уполномоченные в конце совещания вынесли ряд резолюций по основным политическим вопросам: резолюцию протеста против происходившей в это время Балканской войны; резолюцию, обязывающую будущего депутата возбудить вновь вопрос о пересмотре дела втородумцев; резолюцию протеста против суда над матросами Черноморского флота.

В обращении к избирателям второй городской курии собрание уполномоченных призывало их голосовать за кандидатов социал-демократической партии как «единственно стойкой, революционной и бесстрашной защитницы народных интересов, как единственно непримиримого борца против политического бесправия во имя полной свободы и неурезанных прав народа».

В конце совещания единогласно был принят предложенный большевиками «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату».

Несмотря на единогласное принятие большевистского «Наказа», на последовавших затем выборах голоса подавались за два самостоятельных списка – большевиков и меньшевиков. Произведенное таким же путем, как и на первом съезде, тайное голосование шарами показало, что абсолютное большинство получили только пять человек. По нашему списку прошло двое: я получил 49 избирательных голосов и 33 неизбирательных, Костюков – 45 избирательных и 37 неизбирательных. Остальные трое были меньшевики: Гудков, Петров и Судаков. Произведенная на другой день перебаллотировка дала одинаковое большинство двум большевикам – Игнатьеву и Зайцеву, первый из которых после жеребьевки прошел в выборщики.

Вторая стадия выборов, таким образом, закончилась равными результатами для большевиков и меньшевиков: и мы, и ликвидаторы имели среди выборщиков по три человека. Партия требовала, чтобы все выборщики, за исключением кандидата, утвержденного партийной организацией, отказались от баллотировки, подчинившись решению большинства. При равенстве же голосов нельзя было ожидать, чтобы какая-либо из фракций добровольно отказалась выставить своего кандидата…

6. Выборы депутата

Те несколько дней, которые прошли от избрания выборщиков до выборов депутатов, были использованы для непрерывных переговоров между партийными комитетами и между самими выборщиками. Мы доказывали, что от петербургских рабочих в Думу может быть выбран только большевик, так как все обстоятельства указывают на преобладающие большевистские настроения в рабочей массе. Ход выборов и в предварительных стадиях был за нас. На первом избирательном съезде по нашему списку было выбрано четыре человека, а из остальных двух только один прошел как определенный ликвидатор, другой только после выборов присоединился к меньшевикам. На втором съезде тоже преобладали большевистские настроения, что прежде всего видно из принятия «Наказа». Случайное распределение голосов не должно было быть основанием для того, чтобы исказилась воля огромного большинства петербургских рабочих.

Никакие доводы на ликвидаторов не действовали. Они упорно стояли на своем. Более того, они отвергали даже предложение о жеребьевке, которое выдвигалось некоторыми большевиками, пытавшимися хотя бы таким способом установить единство действия на выборах. Отвергая жеребьевку, меньшевики, очевидно, рассчитывали, что выборщики от кадетов и октябристов при голосовании по рабочей курии предпочтут, несомненно, меньшевика. Об этом совершенно недвусмысленно проболталась буржуазная газета «Биржевые ведомости», которая в день самых выборов сообщала, что «кандидатура меньшевика считается желательной».

И большевики и меньшевики явились на губернский съезд выборщиков с твердым намерением провести своего кандидата в Думу.

В статье «К итогам выборов по рабочей курии Петербурга» в «Правде» от 24 октября 1912 г. И.В. Сталин писал о поведении меньшевиков на выборах выборщиков:

«Собрание уполномоченных подавляющим большинством высказалось за наказ, предложенный сторонниками «Правды». Этим оно определило свою физиономию. Восторжествовала политическая линия антиликвидаторов. Попытка ликвидаторов помешать этому провалилась.

Будь ликвидаторы политически честными, уважай они свои взгляды, они сняли бы своих кандидатов, предоставив все места сторонникам «Правды». Ибо ясно само собой, что кандидатами могли быть только сторонники наказа. Противники наказа в качестве защитников наказа – на это могли пойти только политические банкроты. Ликвидаторы пошли и на это! Скрыв перед уполномоченными свои взгляды, прикинувшись временно «своими», якобы «ничего не имеющими против» принятого наказа, играя в единство и жалуясь на антиликвидаторов, как на раскольников, они старались разжалобить нефракционного уполномоченного, как-нибудь «протащить» своих людей. И, действительно, они протащили их, обманув уполномоченных.

Было ясно, что авантюризму ликвидаторов не будет конца.

Не менее ясно было, что политическая линия «Правды», и только она,

встречает сочувствие петербургского пролетариата, что, согласно воле уполномоченных, депутатом от рабочих может быть только сторонник «Правды».

Бóльшей победы мы и не желали…»[1].

Съезд выборщиков состоялся 20 октября в здании губернской земской управы на Кабинетской улице. Всего от Петербургской губернии должно было быть избрано четыре депутата: один от крестьян, два от помещиков и домовладельцев и один от рабочей курии. От всех этих групп на съезде участвовало 66 выборщиков. Большинство составляли прогрессисты и октябристы, заключившие между собой соглашение против правых и националистов.

Назначенный правительством председатель – «светлейший» князь Салтыков, огласив соответствующие пункты закона и инструкции и проверив списки выборщиков, предложил приступить к выборам депутатов. Выборы производились закрытым голосованием – шарами.

Первым баллотировался кандидат от крестьян, среди выборщиков от которых были один прогрессист и четыре правых. По просьбе прогрессистов мы согласились голосовать за их кандидата, поставив ему условие – по рабочим законопроектам голосовать в Думе с социал-демократической фракцией. Намеченный кандидат был избран. От домовладельцев прошел тоже прогрессист, от помещиков – представитель октябристов.

Затем съезд перешел к выборам депутата от рабочей курии. Баллотировались все выборщики – большевики и меньшевики. Когда произвели подсчет поданных голосов, выяснилось, что большинство голосов подано за мою кандидатуру. Я получил 34 избирательных голоса и 29 неизбирательных. Ликвидаторы провалились.

Извлечение публикуется по изданию:
Бадаев А.Е. Большевики в Государственной думе:
Большевистская фракция в IV Государственной думе
и революционное движение в Петербурге.
М., 1954. С. 5–46.

[1] Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 257–258.

ВЛАДИМИР КАРЛОВИЧ ВАГНЕР

ДРУГАЯ АМЕРИКА

Господин депутат

В начале 1912 года царское правительство «поблагодарило» членов Государственной думы третьего созыва за верноподданническую пятилетнюю службу и объявило о подготовке к выборам в четвертую Государственную думу. Большевики начали подготовку к выборам своих уполномоченных. Загудели фабрики и заводы, но правительство было уже опытным и решило фильтровать выбираемых, чтобы рабочие не пробрались в Таврический дворец.

Исполнительная жандармерия бесновалась, выщупывая кандидатов от рабочих, отводила, арестовывала, передергивала сроки, объявляя, что время ушло, выборы кончились.

Дали и нашему заводу одно место в выборщики на губернский съезд – видимо, по рекомендации Романа Антоновича Ломана.

Рабочих на заводе было 500 человек, а если считать возчиков и резчиков со всеми причиндалами, то собралось бы тысячи полторы, так что мы могли послать одного выборщика.

Однажды летним утром приехал урядник Щимелинин, о чем-то посовещался с управляющим, изрядно выпил и уехал. Спустя несколько дней на завод заявился стражник – худой и длинный парень с бородавками.

Стражник торжественно объявил, чтобы после работы не расходились, так как будут выборы в Государственную думу. Рабочие, в большинстве из местных крестьян, смотрели на стражника с удивлением.

– Что это за штуковина такая – «выборщик»? Да на губернский съезд? Да еще в Государственную думу?

– Не иначе, как царю помогать…

Дал бородавчатый стражник сроку час для подготовки, как он выразился: «побеседовать свободно».

По роду занимаемой мною должности я принадлежал к заводской администрации, следовательно, должен был быть вне подозрения. Я быстро собрал свой скудный актив, рассказал, в чем дело, как нужно держаться и проводить выборы, и ребята, разбившись кучками, начали, как могли, агитировать рабочих.

Вдруг откуда-то донеслось:

– Ц-с-с-с!

Это был сигнал – идет начальство. Все рассыпались.

Пришел управляющий завода, рельефно выделяясь белым чесунчевым пиджаком. За ним шли остальные управляющие; управляющих было несколько: лесной, заводской, фирмы Рожнова: имения Неелово, имения Сергеевского, имения Владимирского, – каждый был окружен своими приказчиками. Они шли с женами и кучерами. Кучера – оплот администрации – на ходу потуже затягивались цветными поясами.

Скоро появился и сам урядник, сопровождаемый пятью стражниками. Веселые по-бальному стражники помахивали нагайками с лепешками из свинца, чтобы нагайка рубила лучше и до шкуры доставала.

Урядник был уже под хмельком. Он икнул, посоловелыми глазами обвел потолок и заплетающимся языком прочитал правительственные инструкции, потом объявил начало собрания и произнес длинную речь о том, кого следует выбирать, какие должны быть отличительные приметы – верующий, не пьющий, трудолюбивый, грамотный, начальством уважаемый и т.д., и т.д. без конца.

За урядником выступил управляющий Флинк. Тот начал Богом, кончил царем и выдвинул в выборщики кандидатуру бухгалтера Екимова.

Жены управляющих, образовавшие свою группу, пахнувшую всевозможными духами, заулыбались. Около рабочих пыхтя прошелся урядник.

Я не вытерпел, попросил слово и закатил речь на полчаса о том, кого рабочие и крестьяне должны выбирать, кто может защищать их интересы и кто имеет право быть выбранным и избираемым.

Управляющие стали беспокойно перешептываться, их надушенные жены, надувшись, стали расходиться, ко мне вплотную подошел урядник и, не моргая, внимательно смотрел в рот.

Стражники вытаскивали кисеты и крутили козьи ножки, кучера, почесавшись, ушли давать лошадям овса.

А рабочие улыбались, покачивали головами, подталкивая друг друга, и когда я кончил, как бы по команде рванули:

– Мы выдвигаем в выборщики в Государственную думу на губернский съезд Ка̀рловича!

Так и пришлось записать в протокол.

Урядник свернул бумагу в четыре перелома, запрятал в боковой карман и кисло поздравил меня. Управляющий заводом подлетел петухом и скороговоркой истерично прокричал:

– Защитник интересов!

В голосе его дрожало:

– Я тебе покажу!..

Бухгалтер Екимов тоже подошел: осмотрел меня со всех сторон, как какую-то редкость, и отошел молча.

На его лице было написано потрясающее удивление.

В один прекрасный день управляющий завода тыкнул мне газету «Смоленский вестник».

<…>

Читаю:

«На губернский съезд выборщиков избран депутатом механик деревообделочного завода Лемана, Дорогобужского у[езда], Владимир Карлович Вагнер, от депо Вязьмы – Гусев, от депо Смоленска… и т.д. Губернское присутствие просит всех немедленно явиться к такому-то часу дня».

По заводским делам обычно всегда подавалась хорошая заводская подвода, но на этот раз управляющий заявил срывающимся от злости голосом, что в функции завода не входит предоставлять транспортные средства для господ депутатов в Государственную думу, а потому подводы он не даст.

– И вообще не рекомендую ехать вам на губернский съезд, – прибавил он.

Чуть свет, вооружившись посошком, «народный представитель» двинулся в путь. Через лесочек напрямик было версты на четыре ближе до станции.

В то лето особенно много было лесных пожаров. Лес курился и лемановский, и поляковский.

Я шел лесом. Вдали, на десятки верст кругом, тучею стлался дым.

Скоро нагнал мужичка. С ухмылкой спрашивает:

– Мил человек, издалеча будешь?

– От Рожнова, – говорю.

– У-у-м, – заводские, значится. Лесок-то, лесок-то! Землица родить будет лучше. А?

– Ждите, когда она для вас будет родить лучше, – отвечаю я.

– Да трудновато сказать, когда… У-у-м… – говорит мужик. – Сказывают на деревне, что в Питере думать собираются?

– Ждите, когда надумают.

– Ась долго, сказываешь? Что ж, обождем…

Скоро он свернул в сторону.

<…>

Перед входом губернского присутствия стоял городовой в белом кителе и перчатках. То и дело сновали взад и вперед чиновники в парадных фраках. В прихожей у главного зала прохаживался пристав с надзирателями.

В зале большие, во весь рост, в тяжелых золоченых рамах с коронами, ярко разрисованные цари. Как пьедестал к портретам – покрытый зеленым сукном большой стол.

На столе, словно гроб под черным покрывалом, стоят избирательные урны.

Чистота, блеск, богатство – рассчитаны поражать.

Одиночками, не зная, куда себя девать в этом раззолоченном пространстве, слоняются выборщики. Их еще мало. Собрались не все.

Но скоро зал стал наполняться. Регистратор, веселый малый, отмечает явку. Рядом в темных очках стоит шпик, сверлит каждого.

Стали подходить попы с крестами во всю грудь.

Остановятся, сморщат обросшие лица, широко трижды перекрестятся, глядя в передний угол, потом любезно пожмут руку регистратору и человеку с темными очками, подозрительно качнут головами в нашу сторону.

Нас мало. Только семь человек.

«Их» – тринадцать.

Все стали как-то сами по себе разбиваться на группы. Из разговоров и по поведению определяли, к какому каждый относится лагерю. Никто точно не знал, что другой из себя представляет, но нюхом быстро определяли социальную и партийную принадлежность и определяли безошибочно.

Нашу группу составляли:

Печатник смоленской типографии, рабочий из вяземского депо, рабочий из Ярцева, из смоленского депо, двое крестьян и я.

Вот та семерка, которая была похожа на пролетарских представителей.

Около нас то и дело увивались очки.

Я взял на себя инициативу агитации за организованное баллотирование с тем, чтобы все голоса, вернее, «шары», отдавать только своим и ни одного, по нашему определению, нашим врагам.

От нашей группы решили выдвинуть мою кандидатуру. При этом если руководитель выборами будет спрашивать – с кого начинать, то я должен был начать баллотироваться.

«Они» стали подбираться к нам, заговаривать, выщупывать.

Заметно нервничают. Рекламируют себя, больше упирая на религию; на царя.

А в глазах бегает плутня.

Руководитель – городской голова Смоленска – прочитал инструкцию, посоветовал, кого следует выбирать.

– А, впрочем, без нравоучений, – заявил он, – кого хотите, сами выбирайте.

– Кто желает первый?

Мы молчим. «Они» переглядываются, переступают с ноги на ногу.

Вдруг руководитель спохватился:

– Маленькое упущенице произошло… Я, видите ли, не спросил вас всех. Все ли вы желаете баллотироваться? – и начал спрашивать по порядку.

Вот тут-то и выяснилась вся политическая подоплека.

«Они» все изъявили желание баллотироваться. И уж друг на друга не глядят.

На поповских лицах пропало мирское смятение. Что уж греха таить, всем захотелось кусочек власти иметь, а там хоть трава не расти.

Осеняя себя крестом, благочинный произнес:

– Руководители, сделаем маленький перерыв.

Его окружили пристава, «очки», и все, смеясь, удалились в соседнюю комнату.

Я снова сгруппировал свою семерку и резко стал убеждать, что мы провалимся, если не будем держаться принятого первоначального решения.

Наконец вернулись «они».

Руководители повеселели.

Снова приступили к вопросам.

– Кто желает первый?

Я выдвинулся и заявил, что желаю, если не будут протестовать другие.

Руководитель махнул в мою сторону рукой, давая понять, чтоб я минутку обождал.

Подошел пристав, пошептался с руководителем. Тот, обращаясь к нам, заявил:

– Господа выборщики, господин пристав желает вам нечто заявить.

Пристав, подогнувшись, дернул шпорами.

– Господа, – отчеканил он, – по поручению господина полициймейстера… После окончания съезда благоволите зайти в управление канцелярии его высокоблагородия полициймейстера… (пауза) за путевыми деньгами.

– Кажется, вы изъявили первым?

– Да, я.

– Ваша фамилия, имя, отчество, звание?

Говорю.

– Тэкс! С Господом Богом начинаем! Запомните, господа: когда направо шарик кладете, это – вы желаете данного господина избрать, а налево – это значит, вы не желаете данного господина избрать. Тэкс, господа, запомните. Подходите по порядку, не спеша, подумайте.

Стою я наблюдаю. «Они» стали подходить. Смотрят на меня хитровански. Улыбаясь, бегают глазами.

Наконец, открыли ящик. «За» – точно шесть шариков. Я думал и этого не получить.

После меня двое из нашей группы отказались баллотироваться.

Мне на ухо шепчут:

– Сейчас удерем домой. За деньгами не пойдем. В тюрьму еще посадят…

Я отговорил уходить.

Наконец, пошли «они». Прошло еще четверо.

Результаты – у кого два, у кого три, но не больше.

Руководитель кисло улыбается.

– Не желают ли господа депутаты сделать маленький перерыв?

«Они» шумно соглашаются.

Очередные беспокойно бегают, упрашивают отдавать им свои шарики.

Пожилой человек, с виду конторщик, со столыпинской бородкой, войдя после перерыва в зал, усердно перекрестился на юг, на восток, север и запад и подошел под благословение к благочинному.

Благочинный, елико находящийся в столь почтенном учреждении, не благословил конторщика, но дружески потряс его за руку, тем самым высказав свой либерализм. Когда он подошел к нам и попробовал агитировать наш оставшийся пяток – в перерыв те двое из крестьян все-таки сбежали – я улыбаясь, сказал:

– Вам куда надежней будет обратиться к благочинному и чмокнуть ему ручку, да лизнуть ручку и остальным попам, вот они вас и благословят в члены Государственной думы.

Конторщик вздрогнул, глаза его стали злые-презлые, на щеках заиграл нерв, но он промолчал…

Выборы шли ровненько, постепенно редел состав – недовольные уходили.

Вот и последний отбаллотировался.

Благочинный получил свои верноподданнические пять – попов было пять.

Огласили результаты: я получил больше всех.

Руководитель, окруженный приставами, – в стороне уставились на меня очки – сказал ехидную речь.

– Результаты выборов пойдут на санкцию начальства. Почтой будет сообщено, – он почему-то посмотрел на меня очень многозначительно, и добавил:

– Тэкс. До свиданья, господа.

Но тут выступил пристав и еще раз голосом, полным ласки, пригласил зайти за путевыми деньгами.

Но наша пятерка, не заходя в управление жандармерии, завернула в ресторан и, пообедав на свои кровные, разъехалась кто куда.

Я больше никогда не встречал, хотя бы на смех, кого-нибудь из смешных выборщиков в Государственную думу.

<…>

Спустя неделю в том же «Смоленском вестнике» значилось:

«Губернский съезд выборщиков, состоявшийся такого-то числа, по результатам выборов – баллотировки – считать не вполне достаточным. А посему, согласно правительственной инструкции, новые выборы назначаются от такого-то до такого-то».

Так закончилась моя роль народного представителя в Государственную думу…

С возвращением на завод мои опасения оправдались. Управляющий стал, что называется, грызть за всякую ерунду.

Однажды, по случаю порчи паровой машины, я в ночную смену остановил завод и распустил рабочих по домам. Утром, окруженный кавалькадой, приехал неожиданно на завод Леман.

Барин Леман редко появлялся в своих поместьях и на заводе, на котором распоряжались управители с обычным управительским норовом; Роман же Антонович показывался глубокой осенью или зимой, чтобы поохотиться на волков, водившихся в окрестностях. Кругом завода и далеко во все стороны он имел десять тысяч десятин землицы. А приезжая летом, любил разбираться в разных заводских делишках, главным образом, в претензиях рабочих по увечьям, назначая им либо самые незначительные единовременные пособия, либо прибавляя копеек пять к дневному заработку. Не забывались и мужички, которым неизменно делались прибавки к аренде за сданные в пользование луга, леса и прочие помещичьи угодья.

На этот раз барин приехал не в духе.

Когда Леман узнал, что завод стоит, он забрызгал слюной:

– Кто остановил работу?

Я в это время сидел в колодце: испортился насос, подающий воду в котел. Я поправлял, но что-то не клеилось.

Неожиданно, красный как рак, прибежал управляющий. За ним грузно шел сам Роман Антонович Леман.

Управляющий стал кричать, скверно ругаясь.

Я и мои помощники, два слесаря, Сергей Егоренков и Федор Петров, говорят:

– Карлыч, хоть наверх не вылезай.

Рассуждение идет на глубине тридцати пяти саженей. Не спавший всю ночь, измученный, я решил объясниться с начальством. При моем появлении наверх все набросились сразу. Леман брызгал слюной. Я кое-как объяснил остановку. Говорил я резко.

По взглядам, которыми обменялись хозяин и управляющий, я понял, что судьба моя решена.

Спустя несколько дней действительно явился нарочный стражник от пристава и потребовал меня в губернское жандармское управление.

Началась любезная беседа.

Пристав пробурчал:

– А, старый знакомый! Почему выбрали?

– Не знаю.

– Агитацию разводил?

– Нет.

– Сообщники есть?

– Нет.

– Кого из бунтовщиков знаешь?

– Никого, – говорю, – не знаю.

И так далее.

Арестовали. Мне инкриминировали поведение на съезде и отправили на два месяца в предварилку.

Когда, наконец, я вернулся на завод, управляющий, увидев меня, стал ругаться. Я возвратил ему обратно, как говорится, слово за слово. И пошло… Вопрос о моем пребывании на заводе был решен. Тот же урядник выкатил меня с семьей из квартиры в мгновение ока.

Это решило мою судьбу.

В довершение бед, накануне получения расчета, в деревне Ржавке, где жила моя семья, ночью вспыхнул пожар, уничтоживший барские угодья с хлебом и скотный двор; погиб в огне и лешановский бык-производитель.

Управляющий поместьем Иван Иванович отправил в столицу телеграмму с вызовом казаков, грозя разделаться с мужиками за поджоги. Старик не забыл вспомнить и меня, заявив, что это – плоды агитации за национализацию земли и что я пропитан вредными идеями, позаимствованными от Карла Маркса.

Заседание «семейного совета» было недолгим.

– Надо тебе уезжать, – советовали товарищи. – Злится он на тебя. Чего

доброго – в любой момент арестуют, сошлют и нам покоя не дадут. Не лучше ли дальше отсюда?

Вопрос об отъезде был решен…

Позади остались кособокие, вросшие в землю от дряхлости избушки, сморщенные, словно древние старушки.

– Чего же вы плачете? Не так страшен черт, как его малюют. Да перестаньте вы! Я же когда-нибудь вернусь…

Поезд пошел…

Извлечение публикуется по изданию:
Вагнер В.К. Другая Америка.
Л.; М., 1931. С. 19–27.

Б. ГЛЕБОВ, М. МИТЕЛЬМАН, А. УЛЬЯНСКИЙ

НА ПУТИЛОВСКОМ ЗАВОДЕ

IV Государственную думу выбирали по тому же столыпинскому закону, что и предыдущую.

Но времена уже были иные…

В течение трех летних месяцев с июня до августа 1912 года на Путиловском заводе бастовало десять мастерских. Четвертая часть рабочих – свыше 4300 человек – принимала участие в стачках. В паровозо-механической и пушечной мастерских пять экономических забастовок окончились победой рабочих.

В этих цехах ведущую роль играли большевистские группы, кровно связанные с рабочей массой, хорошо усвоившие тактику стачечной борьбы. Они могли, в случае необходимости, превратить небольшую стачку слесарей в стачку целого цеха. Мелкие стачки большевики умело связывали с большими политическими выступлениями, экономические требования – с революционными лозунгами пролетариата. Агитируя за политическую борьбу, разоблачая ликвидаторов-меньшевиков в их стремлении затормозить революционное движение, большевики поднимали интерес рабочих к политической жизни страны.

Осенью 1912 года центральным вопросом работы большевистской организации завода стала избирательная кампания в IV Государственную думу. На Путиловском заводе, как и во всем Петербурге, избирательная кампания по рабочей курии проходила в условиях острой борьбы с меньшевиками-ликвидаторами. Несмотря на безудержный вой ликвидаторской печати, большевики, вооруженные указаниями В.И. Ленина и И.В. Сталина, в предвыборной агитации все больше завоевывали массы. Ликвидаторы, а вместе с ними будущий фашистский обер-бандит и убийца Иудушка-Троцкий, были разоблачены, и предвыборная кампания прошла в Петербурге под знаком побед большевистской партии.

На Путиловском заводе из тринадцати с лишним тысяч рабочих избирательным правом пользовались около девяти тысяч. Они должны были избрать девять уполномоченных. Объявление о выборах администрация завода вывесила 15 сентября, за день до избирательных собраний, неожиданно для рабочих, чтобы не дать им времени столковаться. Самые выборы были назначены на воскресный день в расчете, что многие рабочие предпочтут сидеть дома. Явилось на выборы около пяти тысяч человек. По цехам были выставлены 32 кандидата, из которых выбранными оказались семь большевиков, в том числе старые

большевики-подпольщики: Анисим Костюков, Иван Козлов, Василий Орлов, Иван Изосимов. Двое из уполномоченных считались сочувствующими большевикам. Исключительно большевистский состав выборщиков показал, за кем идут массы путиловцев. И.Я. Козлова выбрали в дворовом цехе единогласно и без всяких речей. В мастерской какой-то пожилой рабочий по наущению попа путиловской церкви произнес речь о том, что надо выбрать человека религиозного, «самостоятельного». Из толпы слушающих кто-то крикнул:

– Нам надо того человека выбрать, который на масленице блины ел в охранке…

Все поняли, что речь идет о рабочем-мартеновце, который в феврале, перед забастовкой был арестован на собрании в профессиональном союзе и все дни масленицы просидел в участке. Он и был выбран в уполномоченные от мартеновской мастерской.

В механических цехах избирательные собрания прошли в жестоких схватках с меньшевиками. До выборов меньшевики вели разговоры с рабочими у станков, а на выборах выходили с речами к столу, аттестовали себя как передовых рабочих, поддерживающих всякое полезное рабочему классу начинание, выражали свое «недоумение» – почему в Думу от рабочих должен пройти обязательно сторонник «Правды» – большевик. Василий Иванов из лафето-снарядной брал для сопоставления себя и Анисима Костюкова. Какая между ними разница? Вчера еще оба сидели в профессиональном союзе, делали одно общее дело. Почему же сегодня Анисим Костюков оказался единственным законным представителем рабочих интересов, а меньшевики – врагами рабочего класса, дезорганизаторами?

Большевикам приходилось умело разоблачать такого оратора, пять лет боровшегося против нелегальной партии и лицемерно говорящего теперь о единстве. В официальных речах у стола, в присутствии полиции, нужно было избегать таких слов, как революция, социал-демократия, подполье. Говорить нужно было обиняками.

– Этот самый оратор, – сказал Костюков про меньшевика Иванова, – еще недавно говорил, что партия рабочему не нужна. Как так партия не нужна? Ведь если партии не будет, так это каждый нам на шею сядет и поедет и к «решительному моменту» мы не придем, и «светлого будущего» не увидим. Ясно, что он – дезорганизатор[1].

Голосование показало, что рабочие умели понимать недосказанное. Они понимали разницу между большевиком Костюковым, за плечами которого были годы подпольной работы, направленной на подготовку второй революции, и ликвидатором Василием Ивановым, который называл себя социал-демократом, но боялся революции, предпочитал политическое крохоборство и предавал интересы рабочего класса.

Путиловские большевики сумели у себя на заводе и в районе объединить на почве участия в нелегальной партийной организации многих рабочих, находившихся раньше под влиянием меньшевиков. Это было сильнейшим ударом

[1] Под словами «решительный момент» подразумевалась революция, под словами «светлое будущее» – социализм *(прим. изд. 1938 г.).*

по ликвидаторству…

…Массы пролетариата боролись и шли на выборы в Думу под лозунгами, выдвинутыми Пражской конференцией большевиков: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли.

Потерпев крах на выборах, ликвидаторы все свои усилия направили на то, чтобы найти себе сторонников в среде уполномоченных. Закоренелые враги рабочего класса, они всяческими ухищрениями, обманом, демагогией пытались оказать на уполномоченных свое влияние.

Царский избирательный закон, устанавливавший многостепенность выборов, наличие среди уполномоченных негородского элемента – представителей от уездов, поддержка ликвидаторов со стороны буржуазии – все это использовалось ликвидаторами в своих предательских целях.

Борьба рабочих за осуществление своих избирательных прав была в то же время и борьбой против меньшевиков-ликвидаторов.

Под руководством Ленина и Сталина «Правда» развернула борьбу с ликвидаторской опасностью в избирательной кампании. Одновременно был открыт огонь по примиренцам и «объединителям» и разоблачен главный лжеобъединитель, центрист, подлейший карьерист и фракционер Троцкий, пытавшийся использовать избирательную кампанию в своих подлых целях борьбы против партии большевиков и рабочего класса. По предложению большевиков рабочие Путиловского завода составили письмо и послали его в «Правду». Под письмом стояло 306 подписей. Триста шесть подписей под большевистским документом – это была огромная цифра во времена, когда в стране господствовал режим полицейской шашки, тюрьмы и каторги. Каждый из подписавших заявлял себя сторонником революционной партии большевиков, которую иносказательно в легальной печати называли «политическая организация».

Письмо было обвинительным документом масс по адресу ликвидаторов. Срывая маски с ликвидаторов, путиловцы объявляли их врагами рабочего класса.

«Прикрываясь маской единства на выборах… ликвидаторы прибегают к обману.

Кто ушел из политической организации? – ликвидаторы.

Кто срывал работы центра? – ликвидаторы.

Кто называл восстановление и укрепление политической организации рабочего класса утопически реакционной затеей? – ликвидаторы.

Кто предлагал распущение политической организации и практически способствовал этому? – ликвидаторы.

Пользуясь лозунгом «единство» как средством фракционной борьбы, ликвидаторы вносят раскол в наши ряды и служат нашей дезорганизации. Поддерживать ликвидаторов – поддерживать течение, враждебное рабочему классу».

Из девяти путиловских уполномоченных, в подавляющем своем большинстве большевиков, наиболее вероятным кандидатом в депутаты Думы был Анисим Костюков. Он считался политически более подготовленным, чем Орлов из прокатки или Изосимов из котельной.

На 5 октября было назначено официальное собрание рабочих уполномочен-

ных для избрания шести выборщиков. Накануне, поздно вечером, «Правде» стало известно, что 30 уполномоченных наиболее крупных предприятий, в том числе уполномоченные Путиловского завода, устранены правительством от выборов или, как тогда говорили, «разъяснены» по формальным причинам. Правительству оказалось мало ограничений, созданных для рабочей курии избирательным законом, и оно в обход законов лишило избирательных прав еще 22 предприятия.

Через час после получения известия о «разъяснении», по инициативе вождя партии товарища Сталина, руководившего избирательной кампанией, собралась исполнительная комиссия Петербургского комитета большевиков. Был составлен новый список большевистских кандидатов в выборщики и вынесено решение об однодневной забастовке-протесте. Об этом дали знать путиловским большевикам. В ту же ночь собралась заводская большевистская организация. Было решено: стачку по призыву Петербургского комитета начать завтра, а уполномоченным-путиловцам все же попытаться пробиться на выборное собрание уполномоченных для оглашения протеста против махинаций царского правительства.

Утром «Правда» опубликовала список большевистских кандидатов в выборщики. Этот список до последнего дня не оглашался потому, что кандидатов могли арестовать и, таким образом, отстранить от участия в выборах.

Выборы происходили в здании городской думы на Невском. Костюкова, Изосимова, Козлова и других путиловских уполномоченных не пропустили в помещение городской думы. Они пошли в редакцию «Правды», откуда их послали на завод для выступлений перед рабочими.

Уполномоченные вернулись на заводы, в мастерские якобы для работы. Специальные посланцы поехали за Невскую заставу, чтобы сообщить большевикам фабрики Паля и Обуховского завода о создавшемся положении. Путиловец Савинов отправился доставать спрятанный шрифт и искать наборщика, чтобы отпечатать листовку протеста.

Путиловский завод был остановлен в тот же день, 5 октября, с обеда. На общезаводском митинге была принята резолюция протеста против устранения заводских уполномоченных.

На митинге столкнулись две резолюции – большевистская и ликвидаторская. Меньшевики главным тезисом своей резолюции выставляли следующее: «Только всеобщее избирательное право в Государственную думу могло бы гарантировать право выборов».

Предложение меньшевиков было отвергнуто. Путиловцы, как и семянниковцы, приняли следующую резолюцию большевиков:

«Протестуя против нарушения наших избирательных прав, заявляем, что только низвержение царизма и завоевание демократической республики могут обеспечить рабочим право и действительную свободу выборов».

К трем часам рабочие покинули завод. Там осталась лишь часть рабочих мартена, задержанных выпуском плавки. Огромной демонстрацией, с пением революционных песен, пошли путиловцы к Нарвским воротам. Подоспевшая полиция вырвала из толпы нескольких рабочих и отправила их в участок с запи-

ской, где говорилось, что эти люди «позволили себе освистать чинов полиции». В дальнейших донесениях сообщалось, что полиция бессильна против возбужденно настроенной толпы и нужны подкрепления.

В самом начале забастовки, как только остановилась пушечная мастерская, начальник конторы по делам рабочих и служащих Фортунатов пытался вступить в переговоры с рабочими. Он вызвал уполномоченных в проходную.

– Из-за чего это вы бастуете?

– А разве вам это не известно? – спросили его. – Нас не допустили до выборов. Это попрание наших прав. Зачем было выбирать уполномоченных, ломать комедию?

– Наверное, тут какое-нибудь недоразумение, – лисой заюлил Фортунатов. – Надо подождать, пока выяснится. А вы сразу начинаете бастовать…

– Хорошее недоразумение, – ответили уполномоченные. Ведь самые-то выборы не отменены. Пока мы с вами говорим, выборщиков уже выбрали без нас.

Листовка с призывом ко всем петербургским рабочим поддержать путиловских уполномоченных печаталась в квартире молодого путиловца-медника на Богомоловской ул[ице], д[ом] № 32. Набирал листовку студент-политехник. Печатание продолжалось до ночи. К вечеру отпечатали 700 экземпляров, часть отнесли для передачи на Невскую заставу, часть отдали для Московской заставы.

Вечером 5 октября районный комитет большевиков совместно с уполномоченными собрался у Василия Орлова, чтобы наметить план действий на завтрашний день. Котельщик Павел Богданов и молодежь были за то, чтобы продолжать забастовку. Кое-кто говорил, что надо подумать о судьбе уполномоченных: в случае продолжения забастовки их арестуют, так как в «Правде» уже сообщалось, что путиловские уполномоченные – «последовательные рабочие демократы», т.е. большевики.

Другие возражали: полиция знала уполномоченных и прежде, а раз они теперь «опубликованные большевики», то и терять им нечего. В цехах настроение крепкое. Рабочие ждут, что скажут уполномоченные: скажут – бастовать, – будут бастовать хоть неделю. Районный комитет большевистской партии постановил продолжать забастовку.

На следующее утро рабочие пришли на завод, отметились и ушли. К забастовке присоединились печные рабочие из горячих цехов. В заводе остались только сторожа и служащие. К обеду стало известно, что за Невской заставой забастовали у Семянникова, Паля, Максвеля. На Выборгской стороне также забастовал ряд фабрик и заводов. Всего в эти дни в Петербурге бастовало около 100 тысяч рабочих. В резолюциях заводских митингов основной пункт – о поддержке «разъясненных» путиловских и других уполномоченных – стал обрастать новыми требованиями: рабочие протестовали против закрытия профессиональных союзов и конфискации рабочих газет, против царского страхового закона, против третьеиюньского избирательного закона в целом.

Правительство вынуждено было уступить и не только восстановить «разъясненных» уполномоченных, но и назначить выборы уполномоченных на несколь-

ких новых заводах, которые прежде не входили в список предприятий, имеющих право выбирать по рабочей курии.

Путиловские уполномоченные были восстановлены без новых выборов. В список шести кандидатов в выборщики, вторично опубликованный в «Правде», вошел и Анисим Костюков.

Помня о случае, происшедшем с ним при выборах в III Думу, когда власти умышленно хотели отстранить его от выборов, Анисим Костюков заранее, не ожидая извещения, постарался узнать о месте и времени общегубернского собрания уполномоченных.

Собрание происходило 17 октября в здании городской думы, куда в первый раз путиловцев, как «разъясненных», не допустили. Теперь же Костюков явился одним из первых. Он входил на думское крыльцо неторопливо и с достоинством. Так же неторопливо он прошел в зал, заявив о том, что он представитель Путиловского завода. Костюков испытывал острое удовольствие от своей медлительности, нарочито показывая, что он пришел сюда как победитель – как представитель 100 тысяч забастовщиков, заставивших правительство восстановить «разъясненных».

Собрание открыл товарищ городского головы. Слова его были теперь уже не столь решительны, как в прошлый раз. Рабочим уполномоченным время для обсуждения своих кандидатов в выборщики на этот раз не ограничивалось. Уполномоченных на собрании было почти вдвое больше прежнего. После большевистской кампании протеста интерес рабочих к думским выборам заметно повысился.

Обсуждение «Наказа петербургских рабочих своему рабочему депутату» на собрании уполномоченных со всей очевидностью свидетельствовало, что из-под ликвидаторов окончательно выбита почва, что рабочие массы твердо стоят за линию большевиков. Губернское собрание уполномоченных по рабочей курии также единогласно приняло большевистский наказ.

Депутатом в Думу от петербургской рабочей курии был избран большевик, слесарь Александровского завода А.Е. Бадаев.

Костюков же через некоторое время был арестован и посажен в тюрьму. Определенного обвинения ему предъявлено не было. Ему поставили в вину все его прошлое и к трем прежним высылкам автоматически прибавили и четвертую.

Извлечение публикуется по изданию:
Как выбирали в Государственную думу.
Л., 1938. С. 56–65

ВАСИЛИЙ ИЛЬИЧ ЕГОРОВ

РАБОЧИЙ КЛАСС ШЕЛ ЗА БОЛЬШЕВИКАМИ

1911 год, в котором я поступил на Ижорский завод, был годом, когда в России после периода реакции наступило значительное оживление в рабочем движении. Со всех концов страны шли вести о крупных, длительных стачках на фабриках, на заводах, вести об упорной борьбе рабочего класса с капиталистами.

В то время в Колпино большевистская организация была малочисленной. В цехах работали одиночки, в большинстве своем друг с другом не связанные, так как жестокая столыпинская реакция загнала большевистскую организацию в подполье. С первых же дней моего прихода на завод мы поставили перед собой задачу объединить в одну организацию всех большевиков, работавших в мастерских завода. Мы связались с правлением Союза металлистов и организовали в Колпино районное отделение Союза. Чаще стали появляться в Колпино большевистские газеты – «Звезда», а затем «Правда», руководимые вождями большевистской партии Лениным и Сталиным; они быстро нашли путь к передовым колпинским рабочим.

Первым серьезным выступлением ижорцев была руководимая большевиками стачка протеста против расстрела рабочих на Ленских золотых приисках в апреле 1912 года. Мы провели 19 апреля однодневную политическую забастовку. Была устроена демонстрация, которую у самых заводских ворот разогнали вооруженные конные стражники.

Однодневную стачку провели мы и 1 мая. Накануне мы распространили по цехам полученные из города листовки. За ворота завода вышли сотни демонстрантов. Но и на этот раз у Горбатого моста через реку Ижору на демонстрацию напали конные стражники, жестоко избили рабочих и разогнали их.

Летом 1912 года на заводе началась подготовка к выборам в IV Государственную думу. Нелегальная большевистская организация насчитывала в то время около 15 человек. От Петербургского комитета большевиков для руководства массовой агитационно-пропагандистской работой по выборам в Думу был прислан специальный агитатор.

Царский закон запрещал организацию и проведение каких бы то ни было предвыборных собраний и митингов. Не разрешались предварительное выставление и обсуждение кандидатов и агитация за них. Но не смущаясь угрозой полицейских преследований, арестов, высылок, большевики проводили нелегальные

предвыборные митинги, беседы, собрания. Чаще всего это носило характер невинной инородной прогулки где-нибудь в лесочке, за кладбищем или на берегу реки Ижоры, за немецкой колонией, или на островке в густом кустарнике.

На этих митингах и собраниях мы разъясняли рабочим – почему царскому правительству нужно вводить столько ограничений по рабочей курии, почему введены трехстепенные, или, как мы их называли, «трехэтажные» выборы. На многочисленных примерах мы разоблачали контрреволюционную политику царского правительства, делавшего все для того, чтобы в Думу не попали представители революционного класса – пролетариата. На собраниях мы агитировали за наших кандидатов-большевиков. Агитация за наших кандидатов проходила в тяжелых условиях полицейской слежки, под постоянной угрозой для агитаторов попасть в лапы полиции.

Члены нашей колпинской большевистской организации упорно и настойчиво готовили массы к выборам. Они собирали вокруг себя небольшие группы рабочих – по 3–4 человека – и уходили с ними за город, где разъясняли большевистскую предвыборную платформу. Однажды мы собрали в лесу за Красненьким мостиком массовку, на которой выступил пропагандист Петербургского комитета. С большим вниманием была выслушана его содержательная речь. Он говорил о революционном подъеме, о растущих политических стачках рабочего класса, о первомайском выступлении петербургского пролетариата. Говорил он о фактах революционного выступления в армии и во флоте.

– Государственная дума, – сказал он в заключение, – должна быть использована большевиками как трибуна, с которой нужно через головы царских прислужников говорить с рабочим классом о его повседневных нуждах, разъяснять пролетариату то бесправие и угнетение, в которое ввергнули его капиталисты, звать рабочий класс к революции, организовывать его на борьбу против своих злейших врагов – царизма и буржуазии.

После выступления агитаторов Петербургского комитета говорили наши ижорские большевики, говорили рабочие.

Собрание близилось к концу. Вдруг мы услышали условный сигнал, предупреждавший нас о надвигающейся опасности. Скоро появился патрульный. Он сообщил, что наше собрание окружают городовые. Участники массовки быстро стали расходиться. Мы направились в сторону железнодорожной линии. Когда городовые явились на место сходки, они не нашли там ни одного человека. Пользуясь наступившей темнотой, небольшими группками мы разбрелись по разным направлениям и отправились по домам.

На Ижорском заводе большевистской организацией была выдвинута в уполномоченные моя кандидатура. Она обсуждалась на нелегальных предвыборных сходках, агитировали за нее и в цехах, поодиночке беседуя с рабочими.

Меньшевики также готовились к выборам, стараясь оторвать от большевиков рабочих завода. За несколько дней до выборного собрания они пригласили через меньшевика Петрова одного из видных ликвидаторов на Ижорский завод. Интересно отметить, что меньшевики, жившие в дружбе с администрацией, узнали значительно раньше нас о дне выборного собрания.

Я же узнал об этом позже и тотчас же поехал в город в редакцию «Правды» за указаниями. С «Правдой» я был связан и раньше. Возил туда денежные сборы рабочих, информировал о положении на заводе, писал заметки, которые чаще всего подписывал «Крымский», «Ижорец».

В редакции «Правды» я обратился к товарищу Вячеславу Михайловичу Молотову. Я рассказал ему, что на выборах предстоит большой бой с меньшевиками и просил прислать к нам на завод большевистского агитатора. Товарищ Молотов направил меня к агитатору, который уже на следующий день был у нас в Колпино. Мы созвали узкое конспиративное совещание-дискуссию, на котором выступил прибывший из города товарищ. Собрание состоялось у меня на квартире на Новгородской площади, в доме чертежника Васильева.

Па этом собрании присутствовали и меньшевики.

Первым выступил агитатор-большевик. Он разъяснил собравшимся выдвинутую партией программу-минимум, так называемые «три кита»: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель. Выступил и я на этом собрании и призывал до конца поддерживать лозунги большевистской партии.

Выступавшие после нас меньшевики злобно ругали нас, пытались дискредитировать наши лозунги, призывали прекратить активную революционную борьбу и ограничиться мирной парламентской думской деятельностью.

Мы разоблачали враждебную демагогию меньшевиков – верных прислужников буржуазии.

Проведенная накануне выборов дискуссия вызвала у подавляющего большинства присутствовавших сочувствие к большевикам. Была принята предложенная нами большевистская платформа.

15 сентября 1912 года было вывешено объявление начальника Ижорского завода генерала Воскресенского о назначенных на следующий день выборах уполномоченных. Выборы должны были состояться в бронеотделочной мастерской № 2, причем впуск рабочих разрешался только через главные ворота, и то, в течение 15 минут. При входе каждый должен был опустить свой рабочий номер.

Это извещение, вывешенное накануне дня выборов, не могло стать известным всем рабочим; ограничение впуска рабочих пятнадцатью минутами также отсеивало от участия в выборах многих ижорцев.

В день выборов с утра у главных ворот дежурил наряд полицейских стражников.

В бронеотделочной мастерской собралось около тысячи рабочих. За столом президиума заняли места меньшевик Петров, эсер Демский и другие. Петров предложил сразу же приступить к выборам. Большевики резко возражали против такого порядка и настаивали прежде всего на оглашении председателем предвыборной платформы той организации, от которой он выступает.

Петров отказался. Тогда попросил слово один из большевиков, но Петров не дал ему слова и снова предложил перейти к выборам. Эта предательская тактика лишила большевиков возможности воспользоваться собранием для агитационных выступлений.

Собрание называло фамилии кандидатов. Кандидат, после того как фамилия его была названа, показывался собранию и заносился в список. Затем, после персонального обсуждения каждой кандидатуры, производились выборы открытым голосованием, простым поднятием рук.

Несмотря на провокационное поведение меньшевика Петрова, ижорским большевикам удалось провести двух своих кандидатов. В числе выбранных в уполномоченные был и я.

5 октября утром, просматривая на работе очередной номер газеты «Правда», я увидел на первой странице следующий призов к уполномоченным:

«Сегодня выборы выборщиков по рабочей курии С.-Петербургской губернии.

Товарищи уполномоченные! Выбирайте последовательных и стойких рабочих демократов!

Голосуйте за социал-демократов: Леонида Федоровича Егорова – Сестрорецкий завод, Якова Ивановича Иванова – Охтенский завод взрывчатых веществ, Михаила Ивановича Зайцева – фабрика Паля, Петра Игнатьева – Охтенский пороховой завод, Василия Ильича Егорова – Ижорский завод, Алексея Егоровича Бадаева – Главные вагонные мастерские Ник[олаевской] жел[езной] дор[оги]».

Этот список был опубликован только в день выборов – 5 октября – для того, чтобы кандидаты не подверглись аресту.

В тот же день вызвали меня в контору завода и под расписку вручили бумажку... Удостоверение это датировано 4 октября, выдано же оно на руки 5 октября, за два часа до собрания выборщиков. Это была очередная рогатка, придуманная капиталистами для того, чтобы не допустить на выборы нежелательных им кандидатов-большевиков.

Я быстро отправился в город на съезд уполномоченных, собравшийся в помещении городской думы для выборов выборщиков но рабочей курии.

Перед открытием съезда в кулуарах уполномоченные большевики горячо возмущались новыми «разъяснениями», произведенными царским правительством, признавшим недействительными выборы уполномоченных более чем на двух десятках петербургских фабрик и заводов, в том числе и на таких гигантах, как Путиловский завод, Невский судостроительный и другие.

Председателем съезда уполномоченных был избран большевик. Большевики огласили свою предвыборную платформу. Выступая на съезде, они энергично разоблачали предательскую роль меньшевиков. Помню я, как один из наших товарищей, выступая с жесткой критикой меньшевистской платформы, поднял в руке предвыборную платформу большевистской партии и сказал:

– Вот немногословная платформа большевиков с лозунгами, выражающими общую волю пролетариата.

Затем он поднял в руке меньшевистскую предвыборную платформу:

– Вот огромнейшая «платформа» меньшевиков, склеенная из урезанных лозунгов и замазывающая классовые противоречия пролетариата и буржуазии.

Тов[арищ] Бадаев в своем выступлении сказал: «Не Государственная дума даст свободу пролетариату, она черносотенная Дума и сделать этого не может, а

рабочий класс в союзе с революционным крестьянством сам в борьбе добьется полной свободы».

Выступал и я на съезде уполномоченных.

В заключение большинством голосов была принята предвыборная платформа партии большевиков. Одновременно съезд принял предложенную большевиками резолюцию протеста против неслыханного урезывания избирательных прав рабочих и куцых выборов по рабочей курии.

Выборы выборщиков производились в помещении Александровского зала городской думы. Голосование было тайное. Кандидаты были выставлены по двум спискам: большевиков и меньшевиков.

Каждый кандидат во время баллотировки стоял у отдельной урны. Урна высотою до груди имела круглое отверстие для продвижения руки с шаром. Внутри имелись два боковых отверстия: в одно из них – правое – опускался шар «избирательный» (если отдаешь кандидату свой голос), в другое – левое – «неизбирательный». Таким образом все делегаты съезда опускали шары во все урны: либо «за», либо «против».

В день съезда уполномоченных, 5 октября, на Путиловском заводе вспыхнула забастовка протеста против «разъяснений». Быстро распространилась она по заводам других районов.

За руководство забастовкой протеста на Ижорском заводе я вместе с другими ижорскими товарищами большевиками был уволен с завода, а затем выслан без права пребывания в Петербурге, Москве и еще 57 губерниях.

Под напором мощной забастовочной волны правительство вынуждено было срочно назначить новые выборы уполномоченных на «разъясненных» предприятиях.

Это было крупнейшей политической победой рабочей класса.

Публикуется по изданию:
Как выбирали в Государственную думу.
Л., 1938. С. 100–107.

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ МИРИТЕЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ ВЫБОРЩИКА В ЧЕТВЕРТУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ПО МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Правительство, готовя выборы в четвертую Государственную думу, официально объявило о необходимости участия в этом и рабочих на основе закона. Рабочие безучастно отнеслись к такому приглашению и объявлению и не хотели принять участия в выборах. Но мы не могли не реагировать на столь серьезное явление – выборы в Думу, – несмотря на болезненную индифферентность масс, обсудив создавшуюся обстановку, решили принять деятельное участие в предстоящих выборах. Нами намечен был план кампании, определена тактика, распределены обязанности и были выдвинуты, согласно законоположений, кандидатуры в уполномоченные, как моя, так и одного рабочего с Третьяковской фабрики, очень популярного в то время среди рабочих. Были выдвинуты кандидаты и с других фабрик. Наступил день выборов. Нами все же ожидалось, что на собрание придет довольно большое количество рабочих, но пришло из 3000–4000 рабочих только 48–50 человек. При таком количестве и при соблюдении всех формальностей собрание объявило себя законно состоявшимся и председателем собрания выбрали т[оварища] Соколова, довольно интеллигентного рабочего, немного игравшего в либерализм. Тов[арищ] Соколов, боясь, очевидно, допустить какую-либо политическую пропаганду ввиду присутствия переодетых жандармов, с места же в карьер предложил прямо перейти к выборам без каких-либо обсуждений. Мы запротестовали и потребовали, чтобы был поставлен вопрос о целях выборов и о значении Думы для рабочих. Ставя этот вопрос, мы хотели на всех выборных собраниях познакомить рабочих, что к Думе социал-демократия относится отрицательно, но, выставляя своих членов, с[оциал]-д[емократия] стремится Думу использовать как трибуну, через которую легче провести свои взгляды и идеи и быстрее разнести [их] по всей России.

Несмотря на наши протесты, председатель просьбу нашу не удовлетворил и слова нам не дал. Но наши протесты не остались незамеченными, и рабочие, всегда чутко и с доверием относившиеся к с.-д., видя, что мы протестуем, инстинктивно узнали в нас с.-д. и поняли – кто мы, а это сыграло свое значение в выборах уполномоченного. Начали намечать кандидатов. Из 48 присутствующих было подано до 30 записок с кандидатами, желающими баллотироваться в уполномо-

ченные. При таком количестве выдвинутых кандидатов, казалось, должен был бы получиться сумбур, но при голосовании голоса распылились, и большинство записок выпало на мою кандидатуру и на кандидатуру т[оварища] Соколова.

Так прошли выборы в уполномоченные на Красильноотделочной фабрике Коншина, также проходили выборы и на других фабриках. Но, несмотря на кажущуюся индифферентность рабочих, по фабрикам Серпухова все же удалось провести трех с.-д. и двух беспартийных, но передовых рабочих, имена которых стерлись теперь, к сожалению, из моей памяти.

Выборная кампания шла своим чередом, и нас – уполномоченных – известили о предстоящем съезде уполномоченных в Москве. Считая необходимым идти на выборы более подготовленными, мы решили собрать собрание уполномоченных гор[ода] Серпухова совместно с представителями ячеек фабрик и заводов и на нем обсудить тактику и линию поведения на предстоящем съезде.

Но, не решаясь это сделать открыто и предполагая, что за нами начнется слежка и мы этим выдадим других, мы решили устроить собрание в одной нелегальной квартире в поселке Владычино. Идя туда, я повстречался в условленном месте на мосту реки через Нару с т[оварищем] Стрелковым, который познакомил меня с каким-то товарищем. «Роман Малиновский», – отрекомендовался мне новый товарищ.

Я своего имени не назвал, так как меня удивила рекомендация товарища, каковая у нас абсолютно не допускалась. Малиновский сразу же взялся за меня и начал интересоваться выборами и характеристикой уполномоченных. Я насторожился, был сдержан и очень неохотно давал объяснения. На собрании он объяснил, что, согласно решения ЦК РСДРП, он намечен членом Государственной думы и теперь объезжает фабрики и заводы, знакомясь с ходом выборов и их результатом. Зная, что ЦК за границей, что предъявление документов в подтверждение сказанному просить нетактично, так как этим выразишь недоверие, мы все это приняли к сведению и начали уже совместно обсуждать стоящие в порядке дня вопросы. За это время мы установили с Малиновским тесную связь, которая все время держала нас в курсе движения выборов уполномоченных, а также всех событий в этом направлении. Недели через две со дня выборов уполномоченных, сейчас точной даты не помню, всех уполномоченных пригласили нас съезд в Москву для выбора из всего состава девяти человек выборщиков. Выборы были намечены в одном из домов Харитоньевского переулка. Малиновский предварительно пригласил меня прийти на одно из собраний, чтобы там вместе с другими уполномоченными сговориться о том, как организованнее провести выборы, и наметить состав выборщиков. Это нужно было сделать потому, что из 100–120 уполномоченных по губернии приблизительно до 60–80 рабочих совершенно не имело никакого представления о с[оциал]-д[емократии], а их нужно было подготовить, сорганизовать и провести нужные списки. В заранее назначенное время я направился в Центросоюз к С.А. Танину-Рененкампфу, расстрелянному в 1917 году за провокаторство, куда дал мне явку Малиновский, но ни Танина, ни Малиновского я там не встретил. Тогда я направился в зал собрания и решил там уже без определенного плана или задач повести организационную подготовку.

Зал только что наполнялся приехавшими уполномоченными, которые, знакомясь между собою, выясняли положение рабочих на разных фабриках и заводах. Я, переходя от группы к группе, начал очень осторожно вести агитацию, чтобы в выборщики выбирали эсдеков. В этом прошло около 30–40 минут, и я не заметил за это время, как зал почти наполнился. Найдя пять-шесть человек знакомых рабочих, ранее работавших в Орехове-Зуеве, Дрезне, на фабрике Мараевой и др., я вместе с ними начал создавать инициативную группу, чтобы провести собрание в желательном направлении. Такую же тактику одновременно проявляли и другие товарищи, как т[оварищ] Балашов, рабочий с фабрики «Изолятор» села Всехсвятского, так и т[оварищ] Овчинкин с Раменской фабрики. Ставши центральной фигурой среди группы и видя в таком же положении т[оварищей] Балашова и Овчинкина, я немедленно соединился с ними и предложил им предварительно составить список выборщиков, чтобы провести выборы более организованно, а также и провести с.-д. Между собою мы выяснили, что все мы оказались принадлежащими к Партии с.-д., а потому смело взяли на себя инициативу и все руководство выборами.

Уполномоченные начали волноваться и уже стали обращаться к нам, почему мы задерживаем открытие собрания.

Мы же искусственно задерживали открытие, так как Малиновский еще не приходил, а открытие собрания без его присутствия считали невозможным, так как мы полагали наметить его председателем собрания, чтобы более его популяризировать. Искусственно отводя открытие, но агитируя в группах, мы не упускали возможности выдвигать кандидатуру Малиновского, следуя директивам ЦК, как более деятельную и подходящую кандидатуру как в выборщики, так и в члены Государственной думы. Наконец, зал заволновался, зашумел, и я среди уполномоченных заметил направляющуюся ко мне фигуру Малиновского.

«Ну что, – задал мне вопрос Малиновский, – как дела?». «Тебя дожидаемся. Нами приблизительно уже намечен список кандидатов в выборщики, и, пожалуй, можно открывать собрание». Собрание открыл Малиновский и предложил наметить кандидатуру председателя собрания. «Малиновский» – предложила наша группа. «Савинов» – раздалось из другого угла. Мы насторожились. Данная фамилия не раз называлась среди уполномоченных, и кандидатура Савинова имела некоторую известность. Не зная ни убеждений, ни взглядов т[оварища] Савинова, мы не хотели выступать против него, но все же поручили т[оварищу] Балашову сказать о желательности выбора в председатели Малиновского как намеченного кандидата в члены Государственной думы. Кандидатура в председатели Малиновского была принята всем собранием.

«Товарищи!..». Смолкло все в зале. Сотни глаз уставились в одну точку, как острия, впились в мощную фигуру, появившуюся на трибуне. Шапка курчавой, густой шевелюры затряслась в воздухе, серебром заискрилась в блеске огня, а стальной грудной, но властно манящий к себе и гипнотизирующий голос звоном стали пронесся в свободном пространстве зала.

«Товарищи! Мы призваны с вами творить жизнь, а вместе с тем и готовиться к борьбе. Но мы слабы и хилы, и не потому, что у нас нет сил, а потому, что мы

еще не все осознали наши задачи, и потому, что власть не в наших руках. Дума, в которую мы будем выбирать, – это один из этапов нашей борьбы, а следовательно, нам нужно и послать в нее людей, способных бороться, – нам нужно послать туда с[оциал]-демократов». Малиновский кончил. Зал дрожит от рукоплесканий. Давно пролетариат не слышал таких горячих призывов. Давно не чувствовал себя так свободно, и чувства этой вольности и окрыляющих надежд ясно отразились в оживленных фигурах и горящих глазах.

«Вот молодчина-то, а как он смел!» – слышится голос одного бородача-кирпичника с одного из подмосковных заводов. И в этой восторженной фразе, вырвавшейся совершенно непроизвольно и механически, чувствовалось и восхищение, и надежда, а вместе с тем проскальзывала и тень осторожности, наложенной за период полицейской опеки времен беспросветной реакции.

За Малиновским выступили т[оварищи] Савинов, Балашов и др., и их горячие речи окончательно размягчили аудиторию и расположили к с[оциал]-демократам, а потому все девять человек выборщиков были члены [Р]СДРП, и семь из них, за исключением т[оварища] Савинова и т[оварища] Безлепкина, разделяли взгляды большевиков. Кампанию выборов мы считали блестяще оконченной во всех отношениях, а именно: при выборах кандидатов были учтены районы, наблюдалось дружное голосование, а также и проведены исключительно с.-д., хотя среди уполномоченных и наблюдалось наличие с.-р., но они не проводили никакой самостоятельной агитации и вместе с беспартийными отдали свои голоса с.-д. Нужно лишь только отметить одно, что при голосовании т[оварищ] Савинов получил абсолютное большинство в 84 голоса, а Малиновский 82, и остальные – от 82 до 78 голосов. Но это объясняется не тем, что рабочие более симпатизировали меньшевизму, а тем, что т[оварищ] Савинов перед выборами принял меры личного объезда по более крупным фабрикам и районам, а потому был и более известен, чем Малиновский. Последний тоже предпринимал эти шаги, хотя и в гораздо меньших размерах, но был известен уже среди рабочих и уполномоченных как кандидат в члены Государственной думы. Вот это небольшое различие двух голосов, а может быть, и какие-либо другие причины личного психологического явления, положили некоторое недоброжелательное отношение Савинова к Малиновскому, о котором я скажу ниже. На второй день Малиновский пригласил нас всех – выборщиков – к себе на квартиру, где мы за чашкой чая установили, что выбранными оказались: т[оварищ] Новожилов Яков из города Богородска с фабрики Богородско-Глуховской м[ануфакту]ры, т[оварищ] Савинов Иван Тимофеевич с Пехорской м[ануфакту]ры, Малиновский из Московского уезда с фабрики Ферман села Ростокина, т[оварищ] Безпалов Иван Семенович с Раменской м[ануфакту]ры Бронницкого уезда села Раменское, т[оварищ] Балашов из Московского уезда, с завода «Изолятор» села Всехсвятского, т[оварищ] Безлепкин из Коломенского уезда, с Коломенского завода, т[оварищи] Янкин и Федорков с Даниловской м[ануфакту]ры за Даниловской заставой Московского уезда.

Пишущий эти воспоминания – с Ситценабивной фабрики Н.Н. Коншина в Серпухове и т[оварищ] Герасимов как кандидат с Даниловской м[ануфакту]ры.

За чашкой чая мы ближе узнали друг друга, ближе познакомились с общим

положением политической жизни и наших общих знакомых, участвовавших в движении, и за чаем же приблизительно наметили некоторые вопросы, подлежащие взаимному рассмотрению на будущем нелегальном собрании выборщиков.

Нужно заметить, что на товарищеском чае не присутствовал один из выборщиков – это т[оварищ] Безлепкин, он не присутствовал и на втором собрании, которое мы наметили и о котором известили его, и это отсутствие, по всей вероятности, было сознательным, поскольку пришлось заключить позднее. Второе собрание нами было посвящено исключительно вопросам тактики и определению политического лица как самих выборщиков, так и будущего члена Государственной думы. Это собрание уже носило более дискуссионный характер, так как кроме нас на нем присутствовал и еще приглашенный т[оварищ] Кацап. Для меня, а также и для других товарищей, было очень непонятным присутствие т[оварища] Кацапа, так как он очень явно выявлял меньшевистские взгляды и предлагал ни в коем случае в Государственной думе не устраивать деления на большевиков и меньшевиков, так как это, мол, сбивает рабочий класс. Мы же резко поставили вопрос и так его вырешили, что будущий кандидат должен в Государственной думе резко выявить рабочие взгляды, т.е. большевистские, и ни в коем случае не соединяться с ликвидаторами. На этом же собрании мы голосованием наметили Малиновского в члены Государственной думы и в кандидаты т[оварища] Савинова, но решили, что ни один из нас не может выставлять свою кандидатуру на выборы в члены Государственной думы.

Наступил и день выборов, если не ошибаюсь, это было 23–24 октября 1912 года. Мы заранее предварительно наметили совместно с конституционалистами-демократами и октябристами провести предвыборное собрание, на котором предполагали обсудить и наметить общую линию поведения на выборах. Казалось бы, нам, соц[иал]-демократам, абсолютно незачем было устраивать с ними блок, так как выбор нашего кандидата был обеспечен хотя бы относительным большинством голосов, но нам угрожала опасность, что в Думу пройдут правые, если мы не будем блокироваться с левыми (так называли ранее кадетов и октябристов).

Пришедши на предвыборное собрание, назначенное в школе Мазинга в Знаменском переулке, я увидел уже присутствующих там Малиновского, товарищей Балашова и других, которые воспользовавшись свободным временем до открытия собрания, вели с кадетами дискуссионные споры на тему задач Государственной думы. Так как на этом собрании присутствовало большинство видных кадетов, а именно: б[ывший] князь П. Долгоруков, Ф.Ф. Кокошкин, Мазинг, профессор-богослов Каптерев, Ржевский и др., – то им, редко соприкасавшимся с рабочими, интересно, видимо, было знать наши мысли и взгляды и как мы реагируем на политические события, а потому они закидывали нас вопросами один за другим. Наконец приступили к обсуждению вопросов тактических мероприятий и проведению их на предстоящих выборах. При учете и сопоставлении сил общее положение создавалось такое, что из 91 выборщика набиралось лишь 38 голосов, т.е. 29 кадетов и октябристов и 9 выборщиков рабочих, которыми мы и могли располагать и которыми могли бы быть проводимы левые

выборщики. Перевес оставался на стороне правых, и положение рисовалось таким, что Московская губерния пошлет, за исключением члена от рабочих, лишь правых депутатов. Сколько мы ни строили предположений, выхода никакого не было и надеяться было абсолютно не на что, а потому приходилось и мириться с создавшимися условиями. После такого учета, хотя и плачевного, мы все же решили взаимно обменяться кандидатурами и сейчас же объявить таковые, чтобы, заполнив их, на выборах провести в этом направлении агитацию, если будет какая-либо возможность, а в крайнем случае хотя бы выставить их для эффекта. Для окончательного выявления кандидатур каде[ты] остались в общем зале, а мы удалились в маленькую комнатушку какого-то физического кабинета школы. Нами уже была намечена кандидатура Малиновского, и, казалось, совещаться было бы излишним, но мы хотели выслушать мнение все время отсутствовавшего на наших предвыборных собраниях т[оварища] Безлепкина. Когда мы объявили т[оварищу] Безлепкину, что мы наметили в члены Малиновского, что мы отказались во имя дисциплины от выставления своих кандидатур и считает ли он для себя обязательным наше постановление, т[оварищ] Безлепкин ответил нам: «Я подумаю». Нас не только удивил, но и обозлил такой уклончивый ответ, а вместе с тем заставил насторожиться. Такой ответ был подозрительным, наводящим на разные сомнения по следующим причинам: еще задолго до дней выборов правые газеты повели выборную агитацию и, по всей вероятности, хотели провести свои планы в борьбе с левыми группами, а поэтому, строя свои предположения о желательном проведении кандидатур по тому или иному уезду, мы в эту газетную агитацию без всякого на то согласия втянули и кандидатов рабочих.

Так, не помню в какой газете: или в «Русском слове», или в «Русском листке» – они объявили о желательности проведения кандидатуры т[оварища] Беспалова по г. Серпухову; в «Богородском листке» объявили о желательности проведения моей кандидатуры по г. Богородску, а также выставляли кандидатуру и т[оварища] Безлепкина по одному какому-то уезду. Видимо, такое объявление о выставлении его кандидатуры, хотя бы и правыми, подействовало на тщеславие или возымело действие материальных выгод, или самолюбивое чувство соблазнилось почетным званием члена Государственной думы, – одним словом, т[оварищ] Безлепкин заколебался и окончательного ответа о своем согласии на наше решение нам не дал.

Сколько мы с т[оварищем] Балашовым ни предпринимали мер к убеждению его подчиниться партийной дисциплине, сколько мы ни старались убедить его в нетактичности поступка, все это оказалось для него неубедительным, и он остался при своем непреклонном мнении: «Я подумаю, ответ дам завтра». Малиновский выходил из себя. Поскольку мы знаем теперь, [что] у него рушились в данном случае все надежды, но из тактичности ему нельзя было принять какие-либо меры. Ждать до завтра – это можно было определенно сказать, что т[оварищ] Безлепкин нарушит все предположения и, выставив свою кандидатуру, пройдет в члены. Правые, зная, что выставляется нами кандидатура Малиновского, определенно были против него. Они были против не потому, что он с.-д., и не потому, что рабочий, а потому, что он был поляк.

«Кого хотите, но не поляка», – говорили правые и в данном случае ими руководили лишь национальные чувства, а потому они легко поддержали бы кандидатуру т[оварища] Безлепкина, если бы он согласился ее выставить. Оставшиеся в зале кадеты давно обсудили своих кандидатов и неоднократно нам напоминали о взаимном согласовании кандидатур и составлении общего списка, но мы не могли им ничего ответить, так как стояли перед положением неизвестности, поставленной колебанием т[оварища] Безлепкина. Наконец, мы решили с т[оварищем] Балашовым сделать последний шаг и дали т[оварищу] Безлепкину пять минут на размышление: или согласиться и остановиться на решении всех выборщиков и членом выставить Малиновского, или в противном случае мы учиняем партийное насилие вплоть до расстрела и объявляем ему немедленный партийный арест. Последнее, видимо, оказало свое действие, и т[оварищ] Безлепкин наконец условно согласился с общим мнением, но окончательный ответ полагал дать утром. Мы облегченно вздохнули. Такого скандала, который мог получиться от самолюбивого стремления т[оварища] Безлепкина, нельзя было допустить, так как в этом случае терялся не только авторитет с[оциал]-д[емократии], но и авторитет рабочего класса. После определившейся ясности мы, наконец, объявили кадетам, что согласно директивам ЦК РСДРП от рабочих выставляется Малиновский, и этим закончили предвыборное собрание. Но все же, несмотря на условное согласие т[оварища] Безлепкина и боясь, как бы какое-нибудь положение не изменило его взглядов, мы вменяли т[оварищу] Савинову безотлучно быть с т[оварищем] Безлепкиным до утра, вместе с ним ночевать и следить за всяким переломлением мысли и психологически влиять на него, а в случае рецидива немедленно сообщить нам, т.е. мне и Малиновскому. Когда мы проводили т[оварищей] Савинова и Безлепкина и остались почти одни, как сейчас помню, на Покровской улице, около общины, ко мне обратился Малиновский:

«Миритеев, что мне делать – или размозжить ему голову вот этой тростью, или утопить в грязной канаве?».

Видимо, нервы у Малиновского не выдержали за все это время, казавшееся и для всех нас вечностью, и, сдерживаясь на глазах у всех из тактичности, он здесь дал им полную волю.

Я успокоил его тем, что Савинов примет все меры к его разубеждению, а в случае его несогласия мы под каким-нибудь благовидным предлогом отведем его на безопасную квартиру и там, негласно арестуя, отберем все документы выборщика и этим лишим его возможности быть на выборах.

Будучи в возбужденном состоянии, мы не заметили, что наши, хотя и тихие разговоры, привлекли внимание каких-то фигур, таинственно кутающихся в воротники пальто и державшихся в некотором от нас расстоянии. Мы эти фигуры заметили мельком еще ранее, когда выходили из школы Мазинга, но тогда не обратили на это особенного внимания. Крупные волновавшие нас рассуждения возбудили особенное их любопытство, и они начали абсолютно нас атаковывать и следовать по пятам. «Филеры»? – задаю я вопрос Малиновскому. «Да, видимо нас взяли в слежку... Но что же нам делать, чтобы избавиться от них?» – остановившись, задал мне вопрос Малиновский. Чтобы отвязаться от их надоедливости,

нужно подойти к каждому и сказать откровенно: «Убирайтесь, милые, ко всем чертям, пока наша палка не прогулялась по вашим спинам». Сказано – сделано, и мы, догнав одного из этих типов, сжали его в тиски между собой. Малиновский задал ему вопрос: «Вы что за нами следите? Чего хотите от нас? Убирайтесь подобру-поздорову, иначе мы за себя не ручаемся». Сжатый нами тип рассыпался в извинениях и в конце концов поплелся назад после нашего приказания – немедленно отстать от нас.

Вся предвыборная ночь прошла в тревогах и волнениях. Нервы были напряжены до крайних пределов совершавшимися событиями, и поэтому спать не хотелось. Хотелось верить, что все уладится само собою; хотелось думать, что т[оварищ] Безлепкин как рабочий и как с.-д. не может сделать гадость и личные интересы поставит выше интересов класса и партии. С такими мыслями и разговорами, утомленные физически, мы наконец уснули под самое утро.

«Дзинь…» – раздался звонок, и мы, протирая глаза, видим входящего к нам т[оварища] Савинова. «Ну, как?» – задали мы ему одновременно вопрос. «Всю ночь не спал, всю ночь пришлось доказывать ему ошибочность и неправильность взбредшей ему в голову мысли – быть депутатом, а также и нечестность поступка в противовес решения ЦК РСДРП». «Ну и что же, согласился отказаться?». «Да, лишь только под утро». С нас, как с плеч, свалилась тяжесть всех волнений, но все же и после этого остались сомнения в неискренности т[оварища] Безлепкина.

Сказав т[оварищу] Савинову, чтобы он снова побежал к т[оварищу] Безлепкину, мы после него уже с пришедшими выборщиками – т[оварищами] Балашовым и Новожиловым – решили во время выборов не выпускать т[оварища] Безлепкина из поля своего зрения и охранять его от влияния правых и их предложений. Кроме того, мы, понятно, не думали упустить момента на выборах и сагитировать часть правых крестьян, а также и крестьян, не примыкающих к какой-либо в то время платформе. Ровно в 12 часов мы, все выборщики, переступили порог Дома дворянского собрания (ныне Дом Союзов), и наша пролетарская поступь раздалась в роскошных залах феодального дворца. Кое-где в уголках или за выступами колонн жались пришедшие выборщики от крестьянских курий. Их простые одежды, так же как и наши, абсолютно не гармонировали с убранством зала и обстановки и терялись среди плотных фигур выборщиков городских курий, купечества и помещиков, разодетых по французским модам. Они сторонились нас, не вели с нами никаких разговоров и парочками прохаживались по залам, видимо, мало интересуясь самими выборами, как не имевшими для них особенного политического значения. Это равнодушие еще больше заставило нас напрячь усилия в вербовке выборщиков на сторону левых групп, и это нам удалось.

После усиленного разговора среди выборщиков от крестьян и других групп нам удалось привлечь еще от трех до пяти голосов, а также наметить и кандидатов от крестьянства, а именно: левого крестьянина т[оварища] Чистова от г. Богородска и других. Агитируя среди выборщиков, мы все же не выпускали из виду т[оварища] Безлепкипа и, вовлекая его в общие разговоры, незаметно для него менялись постами для охранения его от влияния правых.

В споре мы не заметили, как прошло время и как раздался звонок к началу выборов.

«Именем Его Императорского Величества», – начал открытие бывший предводитель дворянства гр[аф] А.Д. Самарин и, прочитав Положение о выборах, предложил для подсчета голосов выбрать представителей от всех курий.

Стол президиума занимают зубры помещичества, купечества, городской буржуазии и среди них пришлось затеряться и мне – выбранному секретарем от рабочей курии для подсчета и проверки голосов.

Я не помню сейчас подробностей, как происходили выборы от правых, монархически настроенных курий, которые выдвинули и провели какого-то Петрова, но мною ярко зафиксированы в памяти выборы левых курий, начиная с октябристов и кончая с.-д.

Здесь получилась занимательная история, обескуражившая правых, которые только разводили руками, и удивившая нас, левых.

Как я заметил уже ранее, что правые имели перевес по количеству голосов, а поэтому своим количественным превосходством они могли провести тех кандидатов, которые были им приемлемы. Но на деле получилось иное.

От каждой курии выдвигались кандидатуры, и, естественно, кандидаты выдвигались как правыми, так и левыми.

У каждого баллотировочного ящика стоял представитель выбравшей его курии и наблюдал за правильностью голосования. Правые самоуверенно шли к урнам, вполне полагаясь, что они провалят левого кандидата.

Мы с напряженным вниманием смотрели за каждым движением руки, опускавшей баллотировочный шар, стараясь узнать, влево или вправо им опущен шарик, и этим предугадать, на чьей стороне получится перевес. При баллотировке одного кандидата от правых, не помню точно фамилии, и другого кандидата от левых, выдвинутого тогда, профессора-богослова Каптерева, при подсчете голосов оказалось, что оба кандидата получили ровно по 44 голоса при трех отсутствующих. Мы удивлены, начинаем интересоваться – кто же из правых симпатизирует левым, но, понятно, угадать трудно, а потому, пожимая плечами, улыбаемся друг другу. Правые, наоборот, волнуются, среди них начинается движение, их лица становятся вытянутыми, но и они бессильны узнать виновников своей измены. Приступаем к голосованию в относительном порядке, та же история: кандидаты ровно получают по 44 голоса. Что делать? В законе нет указаний в таких случаях и не предусмотрено, как поступить, а потому председатель А.Д. Самарин предлагает устроить жеребьевку. Одни из левых, одолжившись у кого-то фуражкой, весело потряхивает двумя бумажками, долженствующими решить большую государственную задачу.

«Ну, кто счастливый, вынимайте». Выбранные от правых и левых опускают руки в фуражку и, вытащивши, направляются в свои группы.

«Каптерев!» – восторженно кричит выбранный от левых, и левый сектор неистово аплодирует. Правые исподлобья, хмуро смотрят на аплодирующий, погимназически ликующий левый сектор и тоже кисло улыбаются. «Не повезло, – говорят в их группе, – в другой раз будем счастливее». Но и в другой раз, когда

голосовали кадета Ржевского и кандидата правых, получилась аналогично такая же история, и голоса разделились по 44 на кандидата. При переголосовании положение не изменилось, и пришлось опять приступить к жеребьевке. Снова руки выбранных тянутся в шапочную урну, а выборщики левой и правой групп нервно ждут результатов необычного выбора.

«Ржевский!» – выпаливает как из браунинга выборщик левых, и левые, вне себя, лезут на стулья, и каждый хочет показать правой группе, как он рад результату счастливого жребия, как он ненавидит их за их монархические убеждения, а потому в аплодисментах и желает выразить и радость, и протест.

Правые волнуются. И как не волноваться? В их среду пробрались какие-то ловкие неуловимые изменники. Но вот задача – как их найти. Посмотреть – у всех постные лица, ни к кому никаких подозрений, а на деле изменяют, кладут шары за левых. А ларчик просто открывался. Три почтенных попа, а их было около десятка, получившие благословение от благочинного голосовать за правых, ревнителей христовой веры и благочестия царя, не выполнили обета и «нечаянно» опускали свои шарики левым кандидатам. Их рвение к левым объяснялось тогда тем, что они считали себя прогрессистами по убеждениям, но ряса и положение связывали их по рукам и ногам, и, слабовольные, они путались в ногах у правых. При наличии такого явления, когда страсти у всех разгорелись и нервы были уже приподняты, пришлось перейти к последним выборам от рабочей курии.

Председательствующий А.Д. Самарин, довольно тихий и деликатный человек, никак не мог собрать разволновавшихся выборщиков, пустившихся после данных случаев к обсуждению по группам. Выборщики от рабочих уже влились в правые группы и усиленно агитировали за выбор кандидата от рабочих Малиновского. Мы законом хотя и были вполне обеспечены от посягательства правых и могли самостоятельно провести своего рабочего кандидата, но могло получиться, что при выставлении двух-трех кандидатов от рабочих, правыми была бы поддержана и проведена кандидатура, желательная им. Поэтому нам было важно популяризировать Малиновского, которого правые не поддерживали, так как не желали проводить в «русскую по духу Думу» кандидата польской национальности, а потому наши выборщики и не упускали ни одного момента, чтобы не сагитировать правых. Наконец собрание успокоилось и чинно расселось по своим местам.

Председательствующий просит назвать кандидатуры от рабочих. «Тов[арищ] Малиновский», – выдвигаю я кандидатуру, как секретарь рабочей курии. «Беспалов, Миритеев, Безлепкин», – сыпятся имена со скамей правых. «Отказываюсь, так как поддерживаю кандидатуру т[оварища] Малиновского», – заявляет тов[арищ] Беспалов. «Во исполнение директив ЦК РСДРП снимаю свою кандидатуру», – заявляю я. «Как член РСДРП баллотироваться согласен», – заявляет Малиновский. Тов[арищ] Безлепкин молчит. Все взоры левой курии обращены в его сторону и ждут, когда он произнесет: «Я отказываюсь».

Председательствующий А.Д. Самарин обращается к Безлепкину и просит ответить о несогласии или согласии. Происходит немая сцена. Несколько секунд, но у всех в головах уже созрели планы, и сверлит лишь мысль: откажется или не

откажется. Вдруг как будто пробегает электрическая искра по скамьям правых, и последние, поднявшись, начинают неистово аплодировать. «Просим, просим, просим!» – раздается с их скамей.

Тов[арищ] Безлепкин опустил голову и весь отдался внутренней борьбе. «Выставить кандидатуру или нет», – ползут у него думы. «Член Государственной думы!» – пробегают мысли в его голове, – почет, российская известность, уважение, хорошее жалованье и уют… А нечестность поступка, измена РСДРП и рабочему классу, позор, которым заклеймят после», – скользит где-то в глубине, – и он колеблется.

«Отказывается, отказывается», – несется со скамей левых. Тов[арищ] Савинов, сидевший рядом с ним, что-то шепчет ему на ухо. Он еще ниже склонил голову.

«Отказывается», – заявляю я со стола президиума, полагая, что он отказался. «Вы не имеете никакого права говорить от имени других», – кричит мне граф Мусин-Пушкин, а А.Д. Самарин делает мне замечание. «Прошу вас не вмешиваться в дела рабочей курии», – отвечаю я графу Мусину-Пушкину и стремглав несусь к т[оварищу] Безлепкину.

«Просим, просим!», «Отказывается, отказывается!» – несется со всех скамей, а в зале создается невообразимый шум. «Отказывайся», – приказываем мы т[оварищу] Безлепкину.

«Отказываюсь», – наконец процедил сквозь зубы т[оварищ] Безлепкин. Правые не верят и снова повторяют свое: «Просим».

«Отказываюсь», – уже более громко и решительно заявил т[оварищ] Безлепкин. Правые стихли. Облегченно вздохнули и левые, пережившие за эти несколько секунд огромные волнения в силу общественных и политических интересов. Страсти улеглись, и баллотировавшийся два раза Малиновский прошел в члены Государственной думы относительным большинством – 37 голосами левых выборщиков.

Публикуется по изданию:
Путь к Октябрю. Сборник статей,
воспоминаний и документов.
Вып. II. М., 1923. С. 298–311.

КОНСЕРВАТОРЫ

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ БУЛГАКОВ

НА ВЫБОРАХ[1]

Из дневника

Беру перо, чтобы по поводу выборов говорить о том, чем полна душа и от чего она болит. Меньше всего я имею в виду чисто политические вопросы. Мне хочется высказать вслух те общие жизненные впечатления, которые я получил здесь. Ими, как черным ядом, отравлена Душа, от них опять болит она своей старой, никогда не утоляющейся болью, тоскует своей неутешной, никогда не утихающей тоскою, волнуется всегдашней, никогда не прекращающейся тревогой – о России. Это выборы нагоняют острые приступы духовной ностальгии.

Россия! Родина! те, кто любил тебя, жил тобою, верил в тебя, знали ли они от тебя что-либо, кроме муки? За муки любили, чрез муку верили, но и когда колебалась вера, когда бросали они тебе в лицо горечь плача и желчи, они знали, что для них нет жизни вне тебя, нет родины, нет обетованной земли, кроме тебя, Россия, нет скинии завета, кроме сердца твоего, святая Русь! И отчаиваясь в тебе, в себе же отчаивались, произнося приговор над тобой, себя судили.

Для меня эти выборы были такими днями скорби и муки, близкой к отчаянию. Слепо, глупо верю (да разве иначе вообще веруют?) в неотменность призвания и избрания России и живу этой верой, но и вижу, как смеется действительность над этой верой, как отличается «Россия» от «святой Руси», как уродливое чудовище, помесь дикости, хамства и лени, заслоняет собой «святой остаток»[2] в который не уставали верить пророки Израиля и даже после падения обоих царств… Верили и оправдались своей верой.

Я уже третий раз присутствую на выборах и имею материал для сравнения. Было на этих выборах многое, что бывало и на предыдущих, к чему уже успел приглядеться глаз. По-прежнему баллотировались в депутаты все без исключения крестьяне, привлекаемые преимущественно «диетами»[3] (кто их за это осудит?). Как и прежде, зарождались у иных выборщиков совершенно фантастические надежды на депутатское кресло, в расчете на шальную удачу, благодаря которой выборные комбинации выносят в Таврический дворец иногда совершенно случай-

---

[1] Статья была впервые опубликована в журнале «Русская мысль» (1912 г., № 11).

[2] Выражение восходит к словам апостола Павла из «Послания к Римлянам» о том, что «остаток» Израиля сохранился по избранию благодати (Рим. II, 5).

[3] Т.е. депутатским жалованием.

ных людей, а то, что удалось одному, начинает маячить и другому Черта низкой политической культурности, – эти претенденты совершенно не задаются вопросом, пригодны ли они к чему-нибудь в законодательной палате, – как дети, они интересуются только избранием, наивно и просто. Есть сравнительно небольшая группа политических деятелей, знающих, чего они хотят, и сознательно ведущих политическую борьбу. Все это было как и раньше. Особенность теперешних выборов – их организованность, притом нового типа, не справа и не слева, но сверху; бюрократия, приглядевшись к новому орудию, научилась владеть им и приспособила его к своим нуждам. Организация эта подготовлялась с двух сторон, от представителей светской власти – губернаторов, и духовной – епархиальных архиереев, руководимых инструкциями из предвыборного бюро при св. Синоде. Я наполовину не верил газетным сообщениям об этой организации выборов до тех пор, пока своими глазами не увидал, с какой бесцеремонностью и с каким неуважением к праву и самой идее выборов велась эта кампания в нашей губернии: здесь были применены все средства – запугивания се стороны начальства, исключение из выборов в последний момент, правительственные эмиссары, правительственные кандидаты. В результате смысл всей выборной кампании свелся к тому, чтобы со стороны администрации провести намеченных правительством кандидатов во главе с известным губернатором одной из северных губерний[1], которого предварительно такими же средствами провели в выборщики, со стороны же всех остальных – этот блок опрокинуть (что, в конце концов, все-таки не удалось). Здесь не было политических партий в обычном смысле слова, потому что эти официальные кандидаты и их избиратели столь же мало имеют право именовать себя «правыми», насколько солдат или чиновник, исполняющий распоряжения своей власти, который остается при этом чужд какой бы то ни было политической окраски. Здесь просто была группа «помпадурцев»[2] с «примыкающими» и боровшаяся с ней группа независимых людей, в которой причудливым образом объединялись октябристы, «прогрессисты», кадеты, даже социал-демократы. Все независимые избиратели были тем самым объединены и отброшены «влево»: к несчастью, от левизны в этом смысле в русской жизни отбрыкаться слишком трудно, и нет труднее задачи, как, с умом и совестью, быть политически-правым, имея даже самую правую идеологию (классический пример – наши славянофилы!). Ибо в официально-правом лагере существует спрос не на убеждения, независимые и свободные, но на послушливое низкопоклонство, не на принципы, а на беспринципность, даже и правые принципы с требовательностью, – свойственной каждому принципиальному убеждению (как у наших славянофилов), здесь оказываются также, неудобны. Величайшее несчастье русской политической жизни, что в ней нет и не может образоваться подлинного («английского») консерватизма: таким мог бы сделаться настоящий, не каучуковый, но идейный октябризм, и явный провал октябризма, которому многие теперь радуются, есть ясный симптом

[1] Имеется в виду Алексей Николаевич Хвостов (1872–1918). В 1910–1912 гг. нижегородский губернатор. Председатель фракции правых в IV Думе. В 1915–1916 гг. министр внутренних дел. В 1918 г. расстрелян большевиками.

[2] Автор использует образы сатирических очерков «Помпадуры и помпадурши» (1863–1873 гг.) М.Е. Салтыкова-Щедрина, т.е. администраторов-самодуров.

того, что для октябризма еще не дозрела наша политическая культура, которая предъявляет спрос только или на сервильность, или на «левизну» безответственной оппозиции, или слепой революционизм.

Политическая атмосфера избирательного зала оказалась отравленной, и смысл выборов совершенно извращен: на переднем плане оказались не политические партии, но главный кандидат администрации – «губернатор», который зарвался в своей губернии и нуждается в депутатском кресле для поправления своей пошатнувшейся карьеры, да главный организатор выборов по губернии, тип приказного (собственная кандидатура в награду за все его действительно немалые труды была снята в последний момент его же собственными клиентами), имеющего неусыпный надзор над выборщиками – крестьянами и батюшками, и представители «первенствующего сословия»[1]. Ах, это сословие! Было оно в оные времена очагом русской культуры, не понимать этого значения дворянства значило бы совершать акт исторической неблагодарности, но теперь это – политический труп, своим разложением отравляющий атмосферу, и между тем он усиленно гальванизируется, и этот класс оказывается у самого источника власти и влияния. И когда видишь воочию это вырождение, соединенное с надменностью, претензиями и, вместе с тем, цинизмом, не брезгающим сомнительными услугами, – становится страшно за власть, которая упорно хочет базироваться на этом элементе, которая склоняет внимание его паркетным шепотам[2].

Совершенно новым в этих выборах было принудительное участие в них духовенства, причем оно было заранее пристегнуто властью к «правому» блоку и все время находилось под надзором и под воздействием архиерея, осуществляемом как непосредственно, так и через «приказного». Нужно знать, как велика и безответственна власть архиерея над духовенством, чтобы понять, какой кулак был поднят над головами духовенства и в какое мучительное положение были они поставлены. Чтобы оказать неповиновение, – именно положить по усмотрению шар в «тайном» голосовании, которое фактически было явным, ибо за ним следили и у самого баллотировочного ящика, и на основании учета голосов, – надо было сознательно рисковать потерей места, переводом на худшее, если не окончательным его лишением, т.е. полным разорением (и это одинаково во всех стадиях выборов). Надо знать и многосемейность нашего духовенства, и его вековую забитость, мягко выражаясь, «аполитичность», чтобы понять, что для него совершить этот элементарный акт осуществления политических прав – значило идти на мученичество. Пусть требует от других мученичества тот, кто идет на него сам!.. И пусть ответственность за грех, который совершен был у избирательных урн рукой духовенства, падет на инспираторов этого низкого замысла, этого вопиющего насилия. Было более двадцати священников на наших выборах. Один-два из них были официальными, архиерейскими кандидатами в Государственную думу, они по-детски или по-крестьянски отдавались сладостной надежде на «диеты», на почет, на новые перспективы. Не все из остальных сознавали двусмысленность

[1] Дворянства.

[2] Конечно, я говорю про политическое значение сословия, но не про отдельные личности, к которым отношусь с глубоким уважением *(прим. С. Булгакова).*

своего положения и характер той политической кампании, в которой оказались. Вызванные из далеких уездных углов, иные, может быть, в первый раз в жизни оказавшиеся в блестящем зале Дворянского собрания, они были ослеплены той мнимой ролью, которая была им отведена, и по привычке, не рассуждая, творили волю пославшего. Лишь очень немногие творили ее не за страх, но за совесть и были захвачены «правым» политиканством, хотя они-то были всего опаснее для своих собратий. Но были и такие, которые действовали под влиянием страха и против совести и сознавали это, стыдились и мучились, – конечно, для них дни эти были горьким уроком политического воспитания. И не знаю, удастся ли повторить снова этот эксперимент его изобретателям.

Один из моих собеседников только здесь распознал и свою собственную роль, и компанию, в которую попал. Другой, уже по усвоенной издавна привычке маскироваться, благодушно уверяет, что почти все священники в душе «прогрессисты» и только запуганы. Третий имеет семью в семь человек, но мучается и стыдится своего положения. Четвертый, как особенно подозрительный и экспансивный, подвергается неоднократно прямым угрозам и воздействиям от архиерея, и прямо запретившего ему выставлять свою кандидатуру (чего он не собирался), и прямо приказавшего голосовать за «губернатора» (причем «владыка» прямо говорил, что ему велено проводить губернатора и что ему самому в тягость эти выборы). Было больно видеть увенчанную сединами благородную голову этого священника, когда он, волнуясь, рассказывал о своих приключениях, – много боли и муки унес он с этих выборов. Но это только «начало болезней»[1]. Последствия этого сатанинского замысла – сделать духовенство орудием выборов правительственных кандидатов – будут неисчислимы, ибо духовенству предстоит еще отчитываться пред своей паствой за то, что по их спинам прошли в Государственную думу «губернатор» и иные ставленники своеобразных правых. Я не скоро забуду то острое чувство боли за унижение церкви, которое я пережил в ту минуту, когда было объявлено избрание «губернатора», очевидно, решенное голосами духовенства. «Пастыри Бога живого!» – послышался сзади меня голос умного «прогрессиста» (из семинаристов)! Да и все эти выборы были сплошное позорище пред лицом почти ста выборщиков, из которых не один десяток – крестьяне. Я отнюдь не хочу этим выразить желание, чтобы духовенство было правым или левым по своим политическим убеждениям, и при оценке достоинств его представителей меньше всего считаюсь с политическим направлением. Не скажу, чтобы были мне симпатичны как духовный тип «левые» батюшки. Но здесь они были приведены сюда не для выражения своих личных, правых или левых, убеждений, но для исполнения воли начальства – это политический абсурд и наглый цинизм, которого нарочно не придумают и враги церкви. В скольких душах картина нынешних выборов надломит слабые ростки веры, погасит еле тлеющий огонь, соблазнит, смутит. До сих пор мне приходилось много нападать на нигилизм интеллигентский, но я должен признать, что в данном случае ему далеко до нигилизма административного!..

Мы разговорились с одним из интеллигентных и «совестливых» батюшек из черноземного уезда, и он нарисовал мне тяжелую, удручающую картину духовно-

[1] Выражение, восходящее к предсказаниям Иисуса (Матф. 24,8; Марк. 13, 8).

го состояния деревни, несколько напоминающую изображение в книге Родионова «Наше преступление» (которая, к слову сказать, заслуживала бы к себе более вдумчивого отношения, нежели одно лишь партийное осуждение)[1]. Самым значительным фактом жизни современной деревни является, по его рассказу, разложение старых устоев – религии, семьи, нравственности, быта, особенно же поразителен рост атеизма среди деревенской молодежи, охватывающий целые села. Здесь обнаруживается прямое влияние интеллигентского нигилизма: в деревне обращаются книги и брошюры агитационного содержания, безграмотная наша деревня узнает имена Ницше и Маркса, Ренана и Фейербаха... Проводниками высшего просвещения являются шахтеры, а в шахты (южной России) устремляются на заработки (затрачиваемые потом на деревенское франтовство) уже с пятнадцатилетнего возраста. Пред спуском в шахту, картинно рассказывал мне батюшка, вместе с рубашкой срывается и бросается на землю и крест, и без креста уже возвращается молодежь на родину. Рассказывал о хулиганских выходках в церкви, о злобном кощунстве, о многом тревожном и грустном. В России не было и нет культуры вне религии, и с разрушением ее остается варварство. Я слушал и думал, как встретит теперешняя деревня, читающая и газеты, своих пастырей после выборов, что происходит теперь в душах присутствующих на этих выборах... И черная волна отчаяния и ужаса за Россию подымалась в моей душе, и не было сил в ту минуту бороться с этим отчаянием.

Россия гниет заживо – вот что похоронным мотивом ныло у меня в душе. Она глубоко отравлена смертоносным ядом, и яд этот – нигилизм, двойной по происхождению и характеру, – нигилизм интеллигентский и бюрократический. Интеллигенция, следуя за своими учителями, верит в «дух разрушения как дух созидающий», она из революции создала для себя религию, и мы уже видели эту религию в действии... Я не принадлежу к числу людей, которые скоро забывают уроки прошлого, и нисколько не сомневаюсь, что и новое торжество интеллигентского нигилизма может значить только дальнейший развал нашей государственности и культуры. Однако интеллигенция верит в свою религию, и субъективно она оправдывается этой верой. Но этот административный нигилизм, который не останавливается пред цинизмом и из нигилизма и политического шулерства делает программу государственного управления, – он неизбежно приводит к собственному самоупразднению и торжеству «духа разрушения» с праведным и неправедным его гневом. Россия как будто стремится к бездне и развалу. С каждым днем забываются те уроки политической мудрости, которые усвоены были из истории недавних годов. Надежды на органическое развитие становятся все слабее. Пусть наши финансы находятся в блестящем состоянии, а бюджет перевалил за три миллиарда, пусть порядок в стране еще поддерживается, но общественная атмосфера по-прежнему, нет, больше прежнего, отравляется нигилизмом, для которого нет ничего святого, и этот яд обнаружит свое действие при первой возможности. Мы начинаем опять жить без будущего, по старому принципу:

[1] И.А. Родионов (1866–1940) – писатель, сотрудник националистически-монархических изданий, земский начальник в Новгородской губернии. В 1909 г. опубликовал повесть «Наше преступление. Не бред, а быль. Из современной народной жизни» (в короткое время выдержавшую шесть изданий), за которую подвергся травле со стороны леворадикальных изданий *(прим. изд. 1991 г.).*

après nous le deluge![1]

Да, «святая Русь» есть мистическая реальность России, ее видели и осязали ее пророки. Но и это российское хамство, в котором мы задыхаемся, есть тоже мистическая реальность России. И как же одно соединяется с другим, как одно отделяется от другого? «Ничего не вижу: вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего»[2]... Не об этом ли плакал своим смехом Гоголь? А разве не он же писал о величественной поступи России? Какая мучительная, кошмарная загадка!

Принесли газеты. В них мы прочли, что болгары одержали решительную победу над турками и доблестная православная рать славян теснит турецкие полчища и выбивает их из последних укреплений. Пробил знаменательный час истории. Наступила година, которой ждала старая Русь с ее мечтою о «третьем Риме», столице православного царства, приближается срок для исполнения политического завещания Достоевского о том, что рано или поздно «Константинополь должен быть наш»; приблизился момент, когда Россия должна будет сказать твердое слово и решить им окончательно судьбу ею же вызванных к политическому бытию славянских государств. Назрели всемирно-исторические события, в которых Россия призвана играть первую роль.

И в такую минуту истории мы «делаем» выборы и проводим в Государственную думу подобранными голосами губернатора и иных правительственных кандидатов, мы занимаемся политической буффонадой, оцеживаем всякого проходящего в думу прогрессиста, а в международной политике играем жалкую роль на буксире у Австрии, с которой нам надлежит вести борьбу.

Так отвечает Россия в час страшного суда истории на свое вековое историческое призвание...

Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя![3]
(А. Белый)

Торжествующее хамство несовместимо с всемирно-историческими задачами, атмосфера сервилизма не вырабатывает граждан, а только рабов или же революционных бандитов, и нигилизм под националистическим соусом не родит настоящей любви к своей родине и своему народу.

Не мужественно надолго отдаваться отчаянию и малодушию, надо делать свою работу каждому на своей череде. Но надо понимать всю трудность положения и серьезность той внутренней болезни, которою страдает Россия и которая грозит не только жизнеспособности и здоровью, но и самому существованию нашей государственности. Конечно, вера в русскую идею отделима от русской государственности, как и вера в церковь не связана со status quo данной поместной ее организации, но на нас лежит ответственность пред предками и потомками

[1] После нас хоть потоп! *(франц.).*

[2] Слова Городничего из финала «Ревизора» Н.В. Гоголя.

[3] Из стихотворения А. Белого «Отчаянье» (1908 г.).

сохранить вверенное нам драгоценное наследие – родину, Россию!

«Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем… Если бы Господь Саваоф не оставил нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре. Слушайте слово Господне, князья Содомские; внимай закону Бога нашего, народ Гоморрский!» ([Книга пророка] Исайи. I, 5–6, 9–10).

Публикуется по изданию:
Булгаков С.Н. Христианский социализм.
Новосибирск, 1991. С. 194–201.

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ДЖУНКОВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ

В конце октября в Москве произведены были выборы в Государственную думу четвертого созыва. Сначала были произведены выборы по г. Москве, а потом и по губернии. От города Москвы избраны были исключительно кадеты: М.В. Челноков, М.М. Новиков, В.А. Маклаков и Н.Н. Щепкин. От губернии выборы были произведены 25 октября [1912 г.]. На губернское избирательное собрание явился 91 выборщик из общего числа 94-х, из них 53 выборщика принадлежали к правым, а 38 к левым избирателям. Таким образом, преобладание благонамеренного элемента, казалось, было обеспечено, и я ожидал избрания правых депутатов. Но, к сожалению, расчеты мои не оправдались вполне.

Соглашение правых светских выборщиков со священниками, которые были в числе четырнадцати, состоялось на условии непременного избрания одного кандидата из духовных по землевладельческой курии, каковым последними был указан протоиерей Богородского собора Голубев – крайний правый, бывший председателем местного отдела Союза русского народа. Указание этого кандидата, сделанное, по-видимому, священниками на предварительном их епархиальном совещании, послужило одною из ближайших причин отсутствия сплоченности в действиях правых. Кандидатура священника Голубева, человека резкого и неумеренного в своих суждениях, не встретила сочувствия даже у некоторых правых и в особенности у крестьян, благодаря чему кандидат левых Ржевский получил одинаковое число голосов с отцом Голубевым и по вынутому жребию первый оказался избранным членом Думы, при этом замечено было, что и священники не все положили Голубеву направо[1].

Забаллотирование кандидата от духовенства послужило в дальнейшем основанием тому, что некоторые священники, в числе 5–6, почитая себя свободными от обязательства баллотировать вместе с правыми, не выполнившими условия об избрании Голубева, стали баллотировать по своему усмотрению и личным симпатиям, таким образом, кандидаты правых и левых по первой и второй городским куриям проходили вровную, так как присоединение 5–6 голосов давало левым почти такое же число голосов (45–46), какое оставалось у правых; только случайно перевесом одного голоса по первой курии был избран абсолютным большинством правый Петров, по второй же кандидат правых Стрепижеев и левых Каптерев

[1] Т.е. не проголосовали «за».

получили одинаковое число голосов, жребий, так же, как и по землевладельческой курии, решил выборы в пользу левого.

Не вполне согласно с правыми действовали и те крестьяне, которые обещали им свои голоса. Здесь причиною было, главным образом, овладевшее буквально всеми выборщиками-крестьянами желание пройти в Думу из-за выгоды оклада содержания. Особенно прилагал в этом отношении старание член Подольской земской управы Бородачев, против кандидатуры которого ничего не имели бы и правые, но так как указание кандидата предоставлено было самим крестьянам, а они, вследствие раздора и полного отсутствия соглашения, могли его (Шестова – правого) наметить только жребием, то раздраженный неудачей Бородачев убедил некоторых крестьян не поддерживать блока с правыми, называя произволом с их стороны принудительное проведение намеченных кандидатов, как, например, священника Голубева и др. Раздором среди крестьян и нарушенным соглашением с правыми воспользовались левые и, обещая, по-видимому, дать им еще одно место при выборах из общего состава собрания, привлекли некоторых на свою сторону, а также и провели своего кандидата по крестьянской курии Чистова, умеренно левого. Только к концу выборов, в два часа ночи, удалось согласить отпавших священников и крестьян, и правые выборщики представились в том настоящем числе, в каком они должны были провести все выборы. Граф Мусин-Пушкин был избран 53 голосами против 37.

Что касается рабочих, то согласно партийного распоряжения социал-демократов, баллотировался только один Малиновский и был избран относительным большинством 33 голосов; всем остальным было приказано отказаться от баллотировки, несмотря на то, что некоторые и желали пройти в члены Думы. Число голосов, полученных Малиновским, точно показывает силы левых в собрании, точно так же, как число избирательных шаров графа Мусина-Пушкина – силы правых; только внутренние раздоры среди крестьянских выборщиков и отпадение священников изменило это соотношение и было причиною получения иных результатов выборов, которые ожидались.

Немаловажною причиною неудовлетворительного порядка выборов служило также, как я своевременно предупреждал министра внутренних дел, позднее назначение выборов, т.е. после выборов по г. Москве. До этих выборов левые не являли еще той сорганизованности, которую они явили позднее, не могли быть хорошо осведомлены о направлении выборщиков, не успели бы согласить нужные им крестьянский и в особенности рабочий элементы, и потому представились бы на выборах разрозненной силой, тогда как правые имели несомненно твердое большинство; отсрочка выборов дала левым возможность соединиться и при содействии рабочих и нескольких крестьян вступить даже в борьбу с правыми.

Избранными оказались: 1. Из числа выборщиков от съездов уполномоченных волостей – Чистов Алексей Иванович, хотя и имел крестьянское хозяйство, но по ремеслу своему был мыловар и в то же время заведовал небольшим мыловаренным заводом братьев Чистовых в местечке Щелкове Богородского уезда; ранее короткое время он служил осеевским волостным старшиною, но должен был оставить службу вследствие неаккуратного ведения денежных дел и даже

растраты, пополненной вышеуказанными братьями Чистовыми, ввиду чего дело дальнейшего движения не получило; по убеждениям был левый, хотя уверял, что стоял за неограниченное самодержавие, и ходатайствовал перед правыми выборщиками о поддержке его кандидатуры, в то же время обещая левым занять в Думе место не правее прогрессистов. Человек он был неискренний и руководился, главным образом, побуждениями личной выгоды.

2. Из числа выборщиков от съездов землевладельцев – Ржевский Владимир Алексеевич, окончил курс Московского университета по математическому факультету, был оставлен при университете, где пробыл пять лет, а затем поступил простым рабочим на петербургский завод Сименса и Гальске и продолжал службу в отделении той же фирмы в Берлине, Будапеште и, наконец, в Москве. Это был период, когда Ржевский проявлял социал-демократические убеждения; затем произошло его поправение, и в 1906 г. он уже числился в рядах Конституционно-демократической партии. Избранный в 1909 г. членом Московской уездной земской управы, он дал подписку в непринадлежности и к этой партии, вследствие чего был мною утвержден в этой должности, а в прошлом году и в должности председателя управы. Состоя владельцем очень большой женской гимназии в Москве, видимо, желая составить себе независимое состояние и далеко не чуждый честолюбия, нельзя было ожидать, чтобы Ржевский проявлял крайние убеждения, и я полагал, что он не будет опасен. В этом я убедился и за время его службы председателем управы: он оказался достаточно покладистым и уступчивым в своих действиях и ни разу не вызвал необходимости принятия с моей стороны каких-либо особых мер к отмене или предупреждению таких его распоряжений, которые могли бы быть признаны нарушающими порядок земской жизни или общественного спокойствия. Ржевского надлежало причислить к кадетам умеренного толка.

3. Из числа выборщиков первых городских съездов – Петров Александр Александрович, состоявший уже 15 лет можайским городским старостою, правый по своим убеждениям, к сожалению, не выделялся своими способностями и страдал пристрастием к спиртным напиткам. Он не должен был оказаться дееспособным членом Думы и мог оказаться совершенно непригодным к думской работе. Видимо, сознавая это сам, он колебался между желанием принять льстящее его честолюбию избрание и боязнью потерять то положение, которое он занимал в Можайске.

4. Из числа выборщиков вторых городских съездов – Каптерев Николай Федорович, был сыном священника, действительный статский советник, бывший профессор духовной академии, а в то время был городским старостой Сергиевского посада, известен был своими трудами, за один из которых получил даже Уваровскую премию; состоял членом-корреспондентом Академии Наук. Он был уже преклонных лет. Каптерев не проявлял особой работоспособности даже и в должности городского старосты, а потому вряд ли мог оказаться полезным членом Государственной думы. За время службы в городском управлении Каптерев отличался крайне умеренными взглядами, во время выборов в Государственную думу всегда голосовал с кадетами и в эту выборную кампанию опять выставлен был ими, причем по избрании своем заявил, что в Думе примкнет к этой партии.

Каптерев не представлял собой устойчивого и последовательного в своих действиях и не являлся величиной, с которой стоило бы считаться; при голосовании он, как я узнал, вопреки указаниям выборщиков кадетов, присоединялся иногда к священникам, что внесло даже смущение в кадетскую среду.

5. Из числа выборщиков съезда уполномоченных рабочих – Малиновский Роман Вацлавов[1], рабочий-слесарь, поляк по происхождению, шляхтич, римско-католического вероисповедания, типичный социал-демократ; держался нагло и вызывающе, публично выставляя свою принадлежность к Социал-демократической партии, и хвастался теми карами, которые он понес в свое время за свои убеждения. Когда ему было предложено баллотироваться в члены Думы, то он громко, на всю залу заявил: «По желанию Социал-демократической партии я согласен баллотироваться», что вызвало естественное смущение среди выборщиков. На рабочих имел сильное влияние и властно поддерживал партийную дисциплину.

6. Из общего состава выборщиков – Мусин-Пушкин Владимир Владимирович, граф, егермейстер Высочайшего двора, состоял рузским предводителем дворянства, каковую должность занял после оставления места управляющего Дворянским и Крестьянским поземельными банками; ранее был богородским уездным предводителем дворянства. Избрание графа Мусина-Пушкина надлежало признать значительной удачей выборной кампании. Человек с большими способностями, монархист, правый, но не крайний, достаточно твердый, он должен быть отнесен к наиболее желательному элементу в Государственной думе, как весьма работоспособный и уравновешенный.

В то время, когда происходили выборы, я и не подозревал, что Малиновский, избранный в члены Думы от рабочих, являлся одновременно и секретным сотрудником департамента полиции, который и был поэтому крайне заинтересован, чтоб Малиновский прошел в Думу. Московское охранное отделение в лице его начальника полковника Мартынова получило от директора департамента полиции С.П. Белецкого секретное предписание принять все меры к тому, чтоб Малиновский прошел в Думу, а так как, согласно Положению о выборах в Думу, выборщиками не могли быть лица, опороченные по суду, а Малиновский неоднократно судился за кражу, то охранное отделение прежде всего озаботилось уничтожить все следы его судимости, выдав ему новый паспорт без всяких компрометировавших его отметок. Одновременно с сим охранное отделение инструктировало Малиновского, указав, как ему надлежит держать себя на выборах.

Меня полковник Мартынов не только не посвятил в эту тайну департамента полиции, но по приказанию последнего тщательно скрыл ее от меня. Белецкий – директор департамента полиции, отлично знал, что я не допустил бы провоцировать Государственную думу. Когда я в скором времени после этого был назначен товарищем министра и департамент полиции перешел в мое заведование, то и тогда Белецкий не посвятил меня в дело Малиновского, и я, посещая Думу, и не подозревал, что во главе социал-демократической думской фракции

[1] Малиновский Роман Вацлавович (1876–1918) – деятель рабочего движения, с 1910 г. агент охранного отделения департамента полиции. В 1912–1914 гг. член ЦК РСДРП, доверенное лицо В.И. Ленина. Член IV Думы. В 1917 г. разоблачен, расстрелян в начале 1918 г.

находится секретный сотрудник подведомственного мне департамента. Я возмущался всегда его резкими выступлениями, и мне всегда было крайне неприятно сознавать, что этот рабочий с такими крайними, непримиримыми взглядами, имевший колоссальное влияние на фракцию, является ставленником Московской губернии.

Он числился секретным личным сотрудником директора департамента полиции Белецкого, под именем «Икс». Белецкий на докладах у меня очень часто упоминал, что такие-то сведения у него имеются от «Икса», но мне и в голову не приходило, что этот «Икс» был не кто иной, как Малиновский…

Извлечение публикуется по изданию:
В.Ф. Джунковский. Воспоминания:
В 2-х томах. Т. 2. М., 1997. С. 74–79.

Post scriptum.
Электоральная культура обществ переходных к политической демократии (конституционно-либеральная Россия versus социал-демократической России)

В отечественной научной литературе, посвященной истории становления и развития демократических политических институтов дореволюционной России, в том числе возникновению, организации и деятельности Государственных дум четырех созывов 1906–1917 годов, практически отсутствуют работы, касающиеся социокультурного контекста проводимых избирательных кампаний. Историография вопроса затрагивает, главным образом, социально-экономические и политико-правовые условия и основания формирования системы парламентской демократии в России[1]. Представленная работа, в известном отношении, призвана восполнить очевидный пробел в описании и понимании исторического значения и смысла наблюдаемых событий, предлагая читателям собрание материалов и документов, связанных с воспоминаниями непосредственных участников выборов в Государственные думы в 1906–1912 гг.

Хрестоматия состоит из четырех разделов, каждый из которых включает наблюдения, оценки и впечатления лиц, хотя и принадлежащих по своему имущественному положению, социальным позициям и политическим убеждениям к различным общественным группам и слоям императорской России, но объединяемых одним желанием – быть действительными, а не мнимыми гражданами собственной страны. Материалы хрестоматии погружают читателя в атмосферу общественных настроений избирательных кампаний 1906–1912 гг., политических дискуссий о направлениях преобразований и путях развития страны, критических оценок, надежд и сумрачных предчувствий, переполняющих умы и души современников описываемых событий. Перед нами своего рода социология электоральной повседневности, в которой перекрещивались и сталкивались все существующие на тот исторический период линии, практики и возможности социального, экономического и государственного переустройства страны. Консерваторы и радикалы, демократы и либералы, националисты и интернационалисты, архаисты и новаторы – весь спектр политико-экономических ожиданий, иллюзий и требований, собранный вместе, дает достаточно полное представление о границах и ловушках электоральной демократии в ситуации перманентного конфликта не столько власти и народа, сколько внутри мыслящей части самого общества.

Становящееся в своих исходных политико-правовых и социально-экономических основаниях российское гражданское общество свою конфликтогенную структуру и внутренние противоречия, представленные в системе парламентских фракций всех Государственных дум, зеркально воспроизвело через избирательный процесс, что также нашло адекватное выражение и в

[1] См.: Институт выборов в истории России. Библиографический указатель. Москва – Калуга, 2003.

главной – законодательной – деятельности российского парламента[1]. Особую ценность имеют впечатления о выборах общественных деятелей, неоднократно переизбиравшиеся в Государственную думу на протяжении всего ее жизненного цикла. Доминирующая черта представленных материалов демонстрирует весьма характерную особенность политической психологии их авторов.

Старо-новый политический класс так и не смог преодолеть собственную неспособность выработки приемлемого социального компромисса. Тексты воспоминаний не только своим непосредственным содержанием, но самой их тональностью и используемой лексикой с предельной откровенностью свидетельствуют о перманентном кризисе взаимопонимания как политических оппонентов, так и социально и идеологически близких представителей внутри собственного окружения. Разумеется, взаимоотношения между различными общественными группами и социальными классами, связанные с организацией государственной власти, не являются идеальными для любой общественной системы. Российская практика перехода от одной, бюрократической модели публичного властвования, к другой – демократической – и в начале двадцатого века и в его конце, по существу, воспроизвела исходный стереотип негативной политической культуры, исключающий возможность налаживания нормального диалога между основными акторами отечественной политической сцены – бюрократическим государством и политизированным обществом.

Гражданский контроль и участие в деятельности государственных институтов, в исходных условиях неразвитой политической и правовой культуры сами по себе, в силу объективных и субъективных причин, обладают конфликтогенными качествами. Переходная демократия порождает свои тупиковые линии политического развития, провоцирует институциональные кризисы и гражданские войны. Такие иррациональные формы участия в политическом и избирательном процессах, как маргинальная или мнимая демократия, заключают в себе столь же разрушительный потенциал, как и бюрократическое или тоталитарное государство. Отсюда и возникает настоятельная потребность всесторонне осмыслить электоральные техники реформирования и легитимации власти, рассматриваемые одновременно и как общественно-политические, и как социокультурные процессы, понять внутреннюю природу переходных политических обществ, раскрыть и гарантировать наименьшие социальные издержки в ситуации перехода к модели ответственного участия граждан и их выборных представителей в структурах и процессах публичного властвования.

Для отечественной социально-политической практики закономерен, исторически обусловлен и нравственно мотивирован интерес к такому институту народовластия, как демократические, конкурентные, периодические проводимые выборы в органы государственной власти и местного самоуправления. Страна слишком долго пребывала в состоянии политического отчуждения населения от власти и собственных гражданских потребностей и интересов. Освоение накопленного в этой области как положительного, так и отрицательного правового и неправового опыта общения между обществом и государством, гражданами и

[1] См.: Законотворчество думских фракций 1906–1917 гг. Документы и материалы. М., 2006.

властью составляет актуальную задачу и проблему современной политической и правовой науки и практики. Политическая война, объявленная в начале прошлого века гражданами, по существу, собственному зеркальному отражению в зеркале власти, которую они вели различными средствами, в том числе используя участие в выборах в Государственную думу и парламентскую трибуну, вполне закономерно закончилась тем, что исчезли с исторической сцены и само гражданское общество и парламентская трибуна. При всем при этом бюрократическое государство осталось и, судя по всему, никуда не собирается уходить.

Материалы хрестоматии, сочетая непосредственные впечатления от участия в выборах по горячим следам и размышления о несостоявшейся электоральной демократии post factum, дают очень серьезный повод не столько для исторических параллелей возможных вариантов политического развития современной России, сколько понимания необходимости постоянного обращения к собственной исторической памяти, если не как критерию политической истины, то реальному состоянию и событию, в основании которого лежат низкая политическая культура общества и государства, а также безответственное отношение граждан и представителей власти к собственному политическому поведению.

Политическое участие в демократических выборах – это сфера публично-правовых отношений, в которой избиратели, реализуя свое субъективное политическое избирательное право, реализуют одновременно и гражданские политические обязанности[1]. Российские традиции участия в избирательном процессе, в отличие от электоральных практик состоявшихся политических демократий, в которых гражданин, реализуя свои политические права, не связывает голосование с радикальными преобразованиями общественного строя, отягощена ожиданиями катастроф от возможных перемен.

Очередные выборы преподносятся массовому сознанию и воспринимаются им не как рутинный процесс осуществления гражданами своих политических прав, а событие планетарного масштаба. Старая власть фактически упраздняется, новая власть политически учреждается. Очевидно, что участие, равно как и неучастие отдельных групп и слоев населения в избирательном процессе, существенно зависят от реального положения дел в стране. Однако их мотивы определяются уровнем общей политической и правовой культуры, степени доверия или недоверия к институтам государства и избирательной системы. В этой связи можно вполне корректно говорить о существовании относительно автономной области проявления политической культуры, а именно электоральной культуры, выражающей понимание гражданами своей роли и места в мире политики и отношение к институтам электоральной демократии[2]. Сказанное частично объясняет основную идею хрестоматии. Введение в научный и образовательный оборот массива источников, связанных с участием в выборах в Государственные думы 1906–1912 гг., позволяет показать, что для современной фазы трансформации политической системы России наибольшую угрозу представляет не только

[1] См.: Веденеев Ю.А., Смирнов В.В. Российский избиратель и государство: между электоральными правами и электоральными обязанностями // Этика успеха, вып. 9. Кредо и кодекс власти: российский избиратель. Тюмень – Москва, 1996.

[2] Представительная демократия и электорально-правовая культура. М., 1997. С. 7.

открытая конфронтация различных социально-политических сил, но в еще большей степени публичная имитация демократических политико-правовых форм, моделей и процедур организации и функционирования государственной власти. Последнее весьма вероятно именно в кризисные и переходные периоды становления институтов гражданского общества как составной части формируемой демократической политической системы. В условиях общей девальвации общественного и государственного правосознания соблазн подчинить политические решения интересам отдельных доминирующих или маргинальных групп элиты имеет определенную перспективу своей практической реализации, что, собственно, уже имело неоднократно место в политической истории императорской и советской России.

Именно сегодня, когда в период очередных парламентских и президентских выборов 2007–2008 гг., подводятся итоги проводимых в стране административно-политических и социально-экономических реформ, внимание не столько научного, сколько гражданского общества вновь обращено к электоральной и парламентской практике 1906–1917 гг. Общество в очередной раз поставлено перед дилеммой: либо через демократическое избирательное право и процесс выйти из замкнутого пространства бюрократических форм организации публичной государственной власти, либо в очередной раз раствориться в их современной модификации.

Собранные в хрестоматии тексты как документы переходной исторической эпохи представляют значительный общественный интерес уже потому, что позволяют посмотреть на результаты ранее проводимых в России политико-экономических реформ в контексте состояния общественно-политического сознания, политической и правовой культуры населения. Материалы хрестоматии представляют выражение общественного умонастроения именно той весьма значительной и активной части российского политического общества, которая сама своими действиями, как радикального, так и охранительного свойства, постоянно инициировала конфликты, поддерживала режим перманентного недоверия между гражданами и властью, углубляла историческую пропасть между обществом и государством, в которую, в конечном итоге, свалились все, и прежде всего сами критики, правые и левые, консерваторы и либералы, реформаторы и контрреформаторы. Представленные мемориальные тексты органично отвечают естественной потребности новой волны ожидания политических и экономических перемен – восстановить связь двух исторических эпох в развитии России – начала XX и начала XXI вв. 100-летие проведения первых выборов в Государственную думу как нельзя более корреспондирует этому событию[1].

В свое время немецкий мыслитель, философ и общественный деятель К. Ясперс ввел в научный оборот понятие «осевого времени». Под ним он подразумевал некий исторический сгусток событий и ситуаций, определяющий интеллектуальный взрыв в понимании логики и смысла человеческого существования, устанавливающий ментальные рамки для последующих мыслительных эпох и,

[1] См.: 100-летие выборов Государственной Думы: история и современность. Материалы научно-практической конференции 3 марта 2006 года // Журнал о выборах. Специальный выпуск. 2006.

как следствие, – социокультурные границы конкретных социальных, политических, экономических практик. Очевидно, что импульс дальнейшего исторического развития того или иного общества, получаемый по причине смены идеологических и морально-правовых парадигм, может повлиять и изменить его траекторию, в которой вместо эволюционного процесса проявит себя инволюционный процесс, а в конечном итоге, после объективно и субъективно заданной серии необратимых социальных катастроф, с исторической сцены исчезнет цивилизация, не состоявшаяся политически и культурно. В этой связи хотелось напомнить бессмертные слова К. Маркса о том, что история повторяется дважды – первый раз как трагедия, второй раз как фарс.

Общий вывод, вытекающий из анализа электоральной практики 1906–1912 гг., заключается в следующем: наличие представительной парламентской демократии, обеспеченной юридически и административно формализованными процедурами выборов, само по себе не гарантирует демократическое качество поведения граждан в политическом диалоге с собственным государством.

Фундаментальное значение в становлении действительно демократических институтов публичного властвования на любой фазе данного процесса имеют состояние и уровень развития политической и правовой культуры как населения, так и государства, реальной способности составляющих его граждан и их объединений действительно быть ответственными субъектами политического и избирательного процессов.

Ю.А. Веденеев

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПО ВЫБОРАМ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ВЫСОЧАЙШИЙ РЕСКРИПТ, ДАННЫЙ НА ИМЯ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Александр Григорьевич

Верные исконному обычаю народа русского – нести к престолу изъявления чувств своих во дни радостей и печалей, переживаемых отечеством, дворянские и земские собрания, купеческие, городские и крестьянские общества со всех концов земли русской принесли Мне многочисленные поздравления по случаю радостного события – рождения Наследника Цесаревича с выражением готовности пожертвовать своим достоянием делу успешного завершения войны и посвятить все свои силы для содействия Мне в усовершенствовании государственного порядка.

От имени Ее Величества и Моего поручаю вам передать приветственно обратившимся ко Мне собраниям и обществам сердечную Нашу благодарность за выражение их верноподданнических чувств, которые в трудное переживаемое Нами время были Нам тем более отрадны, что высказанная в тех обращениях готовность по зову Моему прийти содействовать успешному осуществлению возвещенных Мною преобразований, всецело отвечает душевному Моему желанию: совместною работою правительства и зрелых сил общественных достигнуть осуществления Моих предначертаний, ко благу народа направленных.

Преемственно продолжая царственное дело венценосных предков Моих – собирание и устроение земли русской, Я вознамерился отныне, с Божиею помощью, привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений.

Соображая особые условия обширного отечества Нашего, разноплеменность состава его населения и слабое в некоторых его частях развитие гражданственности, государи российские в мудрости своей всегда даровали необходимые, в зависимости от назревших потребностей, преобразования, лишь в порядке известной последовательности и с осмотрительностью, обеспечивающею неразрывность крепкой исторической связи с прошлым, как залога прочности и устойчивости сих преобразований в будущем.

И ныне, предпринимая сие преобразование, уверенный, что знание местных потребностей, жизненный опыт и разумное откровенное слово лучших выборных людей обеспечит плодотворность законодательных работ на истинную поль-

зу народа, Я, вместе с тем, предвижу всю сложность и трудность проведения сего преобразования в жизнь при непременном сохранении незыблемости основных законов империи.

А посему, хорошо зная многолетнюю административную вашу опытность и ценя спокойную уверенность характера вашего, Я признаю за благо учредить под вашим председательствованием Особое совещание для обсуждения путей осуществления сей Моей воли.

Да благословит Господь сие благое начинание Мое и да поможет вам исполнить оное успешно на благо Богом вверенного Мне народа.

Пребываю к вам неизменно благосклонный.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«**НИКОЛАЙ**»

18-го февраля, 1905 г.
Гор[од] Царское Село

Правительственный вестник.
1905. № 40. 19 февраля (4 марта).

МАНИФЕСТ
ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

1905 года, августа 6

Объявляем всем Нашим верным подданным:

Государство российское созидалось и крепло неразрывным единением царя с народом и народа с царем. Согласие и единение царя и народа – великая нравственная сила, созидавшая Россию в течение веков, отстоявшая ее от всяких бед и напастей, и является доныне залогом ее единства, независимости и целости, материального благосостояния и развития духовного в настоящем и будущем.

В манифесте Нашем, данном 26 февраля 1903 года (22581), призывали Мы к тесному единению всех верных сынов отечества для усовершенствования государственного порядка установлением прочного строя в местной жизни. И тогда озабочивала Нас мысль о согласовании выборных общественных учреждений с правительственными властями и об искоренении разлада между ними, столь пагубно отражающегося на правильном течении государственной жизни. О сем не переставали мыслить самодержавные цари, Наши предшественники.

Ныне настало время, следуя благим начинаниям их, призвать выборных людей от всей земли русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляется предваритель-

ная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение Росписи государственных доходов и расходов.

В сих видах, сохраняя неприкосновенным основной закон Российской империи о существе самодержавной власти, признали Мы за благо учредить Государственную думу и утвердили Положение о выборах в Думу, распространив силу сих законов на все пространство империи, с теми лишь изменениями, кои будут признаны нужными для некоторых, находящихся в особых условиях, ее окраин.

О порядке участия в Государственной думе выборных от Великого княжества Финляндского по вопросам общих для империи и сего края узаконений будет Нами указано особо.

Вместе с сим повелели Мы министру внутренних дел безотлагательно представить Нам к утверждению Правила о приведении в действие Положения о выборах в Государственную думу, с таким расчетом, чтобы члены от 50 губерний и области Войска Донского могли явиться в Думу не позднее половины января 1906 г.

Мы сохраняем всецело за Собою заботу о дальнейшем усовершенствовании Учреждения Государственной думы, и когда жизнь сама укажет необходимость тех изменений в ее Учреждении, кои удовлетворяли бы вполне потребностям времени и благу государственному, не преминем дать по сему предмету соответственные в свое время указания.

Питаем уверенность, что избранные доверием всего населения люди, призываемые ныне к совместной законодательной работе с правительством, покажут себя пред всею Россией достойными того царского доверия, коим они призваны к сему великому делу, и в полном согласии с прочими государственными установлениями и с властями, от Нас поставленными, окажут Нам полезное и ревностное содействие в трудах Наших на благо общей Нашей матери России, к утверждению единства, безопасности и величия государства и народного порядка и благоденствия.

Призывая благословение Господне на труды учреждаемого Нами государственного установления, Мы с непоколебимою верою в милость Божию и в непреложность великих исторических судеб, предопределенных Божественным промыслом дорогому Нашему отечеству, твердо уповаем, что с помощью Всемогущего Бога и единодушными усилиями всех своих сынов Россия выйдет с торжеством из постигших ее ныне тяжких испытаний и возродится в запечатленных тысячелетнею ее историей могуществе, величии и славе.

Дан в Петергофе, в 6-й день августа, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же Нашего в одиннадцатое.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«**НИКОЛАЙ**»

Полное собрание законов Российской империи.
Собр. III. Т. XXV. Отд-ние 1-е.
СПб., 1908. Ст. 26656. С. 637–638.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

1905 года, августа 6

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано:

«Быть по сему»

ПОЛОЖЕНИЕ

I. Общие положения

1. Выборы в Государственную думу производятся: *а)* по губерниям и областям и *б)* по городам: С.-Петербургу и Москве, а также Астрахани, Баку, Варшаве, Вильне, Воронежу, Екатеринославу, Иркутску, Казани, Киеву, Кишеневу, Курску, Лодзи, Нижнему Новгороду, Одессе, Орлу, Риге, Ростову-на-Дону, совместно с Нахичеванью, Самаре, Саратову, Ташкенту, Тифлису, Туле, Харькову и Ярославлю.

Примечание: Выборы в Государственную думу от губерний Царства Польского, областей Уральской и Тургайской и губерний и областей Сибирских, генерал-губернаторств Степного и Туркестанского и наместничества Кавказского, а также выборы от кочевых инородцев производятся на основании особых правил.

2. Число членов Государственной думы по губерниям, областям и городам устанавливается приложенным к сей статье расписанием.

3. Избрание членов Государственной думы по губерниям и областям (ст. 1, п. *«а»*) производится губернским избирательным собранием. Собрание это образуется, под председательством губернского предводителя дворянства или лица, его заменяющего, из выборщиков, избираемых съездами: а) уездных землевладельцев; б) городских избирателей и в) уполномоченных от волостей и станиц.

4. Общее число выборщиков по каждой губернии или области, а равно распределение их между уездами и съездами устанавливается приложенным к сей статье расписанием.

5. Избрание членов Государственной думы от указанных в пункте «б» статьи 1 городов производится избирательным собранием, образуемым под председательством городского головы или лица, его заменяющего, из выборщиков, избираемых: в столицах – в числе ста шестидесяти, а в остальных городах – в числе восьмидесяти.

6. В выборах не участвуют: а) лица женского пола; б) лица моложе двадцати пяти лет; в) обучающиеся в учебных заведениях; г) воинские чины армии и флота, состоящие на действительной военной службе; д) бродячие инородцы и е) иностранные подданные.

7. Кроме указанных в предшедшей (6) статье лиц, в выборах не участвуют также: а) подвергшиеся суду за преступные деяния, влекущие за собой лишение

или ограничение прав состояния, либо исключение из службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденого или полученного чрез обман имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы после состоявшегося осуждения они и были освобождены от наказания за давностью, примирением, силою Всемилостивейшего манифеста или особого Высочайшего повеления; б) отрешенные по судебным приговорам от должности – в течение трех лет со времени отрешения, хотя бы они и были освобождены от сего наказания за давностью, силою Всемилостивейшего манифеста или особого Высочайшего повеления; в) состоящие под следствием или судом по обвинениям в преступных деяниях, означенных в пункте «а» или влекущих за собой отрешение от должности; г) подвергшиеся несостоятельности, впредь до определения свойства ее; д) несостоятельные, о которых дела сего рода приведены уже к окончанию, кроме тех, несостоятельность коих признана несчастною; е) лишенные духовного сана или звания за пороки, или же исключенные из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат, и ж) осужденные за уклонение от воинской повинности.

8. Не принимают участия в выборах: а) губернаторы и вице-губернаторы, а равно градоначальники и их помощники – в пределах подведомственных им местностей, и б) лица, занимающие полицейские должности, – в губернии или городе, по которым производятся выборы.

9. Лица женского пола могут предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участия в выборах своим мужьям и сыновьям.

10. Сыновья могут участвовать в выборах вместо своих отцов по недвижимому их имуществу и по их уполномочию.

11. Съезды избирателей созываются в губернском или уездном городе, по принадлежности, под председательством: съезды уездных землевладельцев и уполномоченных от волостей – уездного предводителя дворянства или лица, его заменяющего, а съезд городских избирателей – городского головы губернского или уездного города, по принадлежности, или лиц, их заменяющих. Для уездов, указанных в пункте «б» статьи 1 городов, образуются в сих городах отдельные съезды городских избирателей уезда под председательством местного городского головы. В уездах, в коих имеется несколько городских поселений, может быть образовано несколько отдельных съездов городских избирателей с разрешения министра внутренних дел, коему предоставляется распределять подлежащих избранию выборщиков между отдельными городскими поселениями.

12. В съезде уездных землевладельцев участвуют: а) лица, владеющие в уезде на праве собственности или пожизненного владения обложенною сбором на земские повинности землею в количестве, определенном для каждого уезда в приложенном к сей статье расписании; б) лица, владеющие в уезде на посессионном праве горнозаводскими дачами в количестве, указанном в том же расписании; в) лица, владеющие в уезде на праве собственности или пожизненного владения иным, кроме земли, недвижимым, не составляющим торгово-промышленного заведения, имуществом, стоимостью по земской оценке не ниже пятнадцати ты-

сяч рублей; г) уполномоченные от лиц, владеющих в уезде или землею в размере не менее десятой доли количества десятин, определенного для каждого уезда в вышеупомянутом расписании, или иным недвижимым имуществом (п. «в») стоимостью по земской оценке не ниже одной тысячи пятисот рублей, и д) уполномоченные от священнослужителей, владеющих в уезде церковною землею.

13. В Архангельской губернии съезды уездных землевладельцев не образуются, а лица, имеющие право участия в них (ст. 12), причисляются в каждом уезде названной губернии к съезду городских избирателей. В тех уездах Ставропольской губернии, в коих не имеется городских поселений, лица, уплачивающие в пределах уезда основной промысловый налог на личные промысловые занятия, а также лица, владеющие в уезде торгово-промышленным предприятием (ст. 16, пп. «в» и «г»), причисляются к местному съезду уездных землевладельцев, который и избирает установленное расписанием (ст. 4) от этого съезда и съезда городских избирателей число выборщиков.

14. Означенные в пунктах «г» и «д» статьи 12 уполномоченные от владельцев недвижимых имуществ и от священнослужителей избираются на предварительном их съезде. Смотря по местным удобствам, или созывается один общий для всего уезда съезд, или образуется несколько отдельных съездов согласно расписанию, устанавливаемому губернатором. Председательствование на съезде возлагается на уездного предводителя дворянства или лицо, его заменяющее.

15. Число уполномоченных, подлежащих избранию на предварительном съезде, определяется количеством земли, числящейся за лицами, явившимися на съезд, и итогом оценочной стоимости другого принадлежащего им недвижимого имущества, полагая по одному уполномоченному на полный избирательный ценз, установленный для участия в съезде уездных землевладельцев (ст. 12, пп. «а», «б» и «в»).

16. В съезде городских избирателей участвуют: а) лица, владеющие в пределах городских поселений уезда на праве собственности или пожизненного владения недвижимым имуществом, оцененным для обложения земским сбором в сумме не менее одной тысячи пятисот рублей, или требующим выборки промыслового свидетельства торгово-промышленным предприятием: торговым – одного из первых двух разрядов, промышленным – одного из первых пяти разрядов или пароходным, с которого уплачивается основного промыслового налога не менее пятидесяти рублей в год; б) лица, уплачивающие в пределах городских поселений уезда государственный квартирный налог, начиная с десятого разряда и выше; в) лица, уплачивающие в пределах города и его уезда основной промысловый налог на личные промысловые занятия по первому разряду, и г) лица, владеющие в уезде торгово-промышленным предприятием, указанным в пункте «а» сей статьи.

17. В съезде уполномоченных от волостей участвуют выборные от волостных сходов уезда, по два от каждого схода. Выборные эти избираются волостными сходами из числа крестьян, принадлежащих к составу сельских обществ данной волости, если к избранию их нет препятствий, указанных в статьях 6 и 7, а также в пункте «б» статьи 8.

18. В Астраханской губернии образуется, кроме съездов уполномоченных от волостей, один общий съезд уполномоченных от станиц Астраханского казачьего войска, расположенных в пределах как Астраханской, так и Самарской и Саратовской губерний. Съезд созывается в городе Астрахани, под председательством лица, назначаемого наказным атаманом, и избирает положенное по расписанию (ст. 4) число выборщиков в астраханское губернское избирательное собрание. В области Войска Донского и в губернии Оренбургской образуется в каждом уезде, кроме съезда уполномоченных от волостей, на одинаковых с ним основаниях съезд уполномоченных от станиц. Уполномоченные от станиц казачьих войск Астраханского, Донского и Оренбургского избираются станичными сборами из числа членов станичных обществ войскового сословия, в числе двух от каждой станицы. В губерниях Курляндской, Лифляндской и Эстляндской уполномоченные от волостей избираются на общем волостном сходе из числа лиц, входящих в его состав. В Измаильском уезде Бессарабской губернии, вместо съезда уполномоченных от волостей, образуется съезд уполномоченных от сельских общин, по одному от каждой общины. Уполномоченные эти избираются в каждой общине общим собранием владельцев надельной земли, созываемым под председательством примара общины.

19. В указанных в пункте «б» статьи 1 городах в избрании выборщиков в городское избирательное собрание участвуют: а) лица, владеющие в пределах города на праве собственности или пожизненного владения недвижимым имуществом, оцененным для обложения городским сбором: в столицах – в сумме не менее трех тысяч рублей, а в остальных городах – в сумме не менее одной тысячи пятисот рублей; б) лица, владеющие в пределах города требующим выборки промыслового свидетельства торгово-промышленным предприятием: в столицах – торговым предприятием первого разряда, промышленным – одного из первых трех разрядов или пароходным, с которого уплачивается основного промыслового налога не менее пятисот рублей в год, а в прочих городах – торговым предприятием одного из первых двух разрядов, промышленным – одного из первых пяти разрядов или пароходным, с которого уплачивается основного промыслового налога не менее пятидесяти рублей в год; в) лица, уплачивающие в пределах города основной промысловый налог на личные промысловые занятия по первому разряду, и г) лица, уплачивающие в пределах города государственный квартирный налог, начиная с десятого разряда и выше.

20. В указанных в пункте «б» статьи 1 городах, для избрания выборщиков в городское избирательное собрание, город подразделяется на избирательные участки, соответствующие, по числу и границам, делению его на полицейские части. Распределение между участками подлежащих избранию выборщиков производится городскою управою или заменяющим ее учреждением, соответственно общей численности населения в каждом из участков, и утверждается губернатором или градоначальником, по принадлежности.

21. Если несколько лиц имеют недвижимое имущество (ст. 12, пп. «а», «б» и «в»; ст. 16, п. «а» и ст. 19, п. «а») в общем нераздельном владении, то каждый из них считается владельцем причитающейся на его долю части имущества и согласно

сему пользуется правом голоса на выборах.

22. В каждом избирательном участке, съезде или собрании никто не может иметь более одного голоса.

23. Общий надзор за правильным производством выборов возлагается, под руководством министра внутренних дел, на губернаторов и градоначальников, по принадлежности. Им предоставляется требовать от подлежащих мест и лиц сведения о ходе и порядке выборов, а равно обозревать выборные производства и давать указания к обеспечению правильного хода выборов.

24. Для поверки правильности выборов и рассмотрения заявлений и жалоб по делам о выборах учреждаются губернские и уездные по делам о выборах комиссии.

25. Губернские по делам о выборах комиссии образуются под председательством председателя окружного суда из управляющего казенною палатою, предводителя дворянства уезда губернского города, председателя губернской земской или по делам земского хозяйства управы, городского головы губернского города или лица, его заменяющего, одного из членов окружного суда, по назначению общего его собрания, и одного из непременных членов губернского присутствия или губернского по крестьянским делам присутствия, по назначению губернатора.

26. Уездные по делам о выборах комиссии образуются под председательством члена окружного суда, по назначению общего его собрания, из уездного предводителя дворянства, мирового или городского судьи, по назначению съезда мировых судей или общего собрания окружного суда, по принадлежности, председателя уездной земской или по делам земского хозяйства управы, городского головы уездного города, податного инспектора и одного из земских начальников, по назначению уездного съезда.

27. Подача заявлений и жалоб по делам о выборах не останавливает выборного производства.

28. В местностях, в коих нет губернских предводителей дворянства, указанные в сем Положении обязанности их возлагаются на особых лиц, назначаемых Высочайшею властью. Обязанности прочих должностных лиц, в сем Положении упомянутые, в местностях, где таковых лиц не имеется, исполняются другими, соответствующими по роду обязанностей должностными лицами.

29. Преступные деяния, совершенные при производстве выборов в Государственную думу, подлежат преследованию и наказанию на тех же основаниях, как и учиненные при выборах сословных и общественных.

II. Об избирательных списках

30. Списки лиц, имеющих право участия в выборах на съездах уездных землевладельцев и городских избирателей, составляются и содержатся в исправности; по съезду уездных землевладельцев – уездною земскою управою или управою по делам земского хозяйства, а в местностях, где таких управ не имеется, – уездным полицейским управлением, а по съезду городских избирателей – городскими

управами или учреждениями, их заменяющими.

31. В указанных в пункте «б» статьи 1 городах списки лиц, имеющих право участия в избрании выборщиков в городское избирательное собрание, составляются и содержатся в исправности городскою управою или учреждением, ее заменяющим. Лица, имеющие право участия в выборах в нескольких избирательных участках (ст. 20), включаются в список того из этих участков, который они сами укажут, а если такого заявления не последует, то включаются в список того участка, в котором они имеют место жительства.

32. В избирательные списки вносятся лица, кои до составления подлежащего списка (ст. 30 и 31) владели недвижимым имуществом или торгово-промышленным предприятием, или же уплачивали промысловый налог не менее одного года, а квартирный налог – не менее трех лет. При исчислении указанного срока владения недвижимым имуществом принимается расчет и срок владения сим имуществом наследодателя в восходящей линии. Лица, желающие участвовать в выборах по недвижимому имуществу их жен или матерей (ст. 9), обязаны своевременно заявлять о том установлению, составляющему избирательный список (ст. 30 и 31).

33. Составленные на основании статей 30 и 31 избирательные списки публикуются за шесть недель до выборов в местных ведомостях и, сверх того, объявляются во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этих списков.

34. В течение двух недель со дня опубликования избирательных списков в местных ведомостях заинтересованные лица могут подавать жалобы и заявления о неправильности и неполноте указанных в статье 30 списков – в уездную по делам о выборах комиссию, а упомянутых в статье 31 списков – в губернскую по делам о выборах комиссию.

35. По рассмотрении избирательных списков и поступивших жалоб и заявлений подлежащая комиссия объявляет лицам, подавшим жалобы и заявления, о своих по оным постановлениях. Изменения, внесенные в первоначальные списки, публикуются в местных ведомостях и, сверх того, объявляются во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этих изменений.

36. После опубликования в местных ведомостях об исправлении списков никакие в них дополнения или изменения не допускаются, за исключением тех, которые могут последовать в разрешение жалоб, принесенных на постановление подлежащей комиссии в установленном статьею 47 порядке.

37. Лица, не внесенные в избирательные списки или до начала выборов утратившие избирательный ценз, в выборах не участвуют.

III. О производстве выборов

1) О производстве выборов в избирательные собрания

38. В указанных в пункте «б» статьи 1 городах для производства выборов в городское избирательное собрание образуются в каждом избирательном участке (ст. 20) избирательные комиссии в составе председателя и двух членов, пригла-

шаемых городским головою или лицом, его заменяющим, из числа лиц, имеющих право участия в выборах. Порядок производства выборов в городские избирательные собрания определяется правилами, при сем приложенными.

39. Способ удостоверения личности избирателей и проверка их полномочий предоставляется председателю съезда (ст. 3 и 14) или избирательной комиссии (ст. 38).

40. Выборы на съездах производятся закрытою подачею голосов, посредством баллотировки шарами, а выборы в городское избирательное собрание – закрытою подачею голосов, посредством записок.

41. Выборщики (ст. 3 и 5) и уполномоченные от предварительных съездов (ст. 14) могут быть избираемы только из числа лиц, имеющих право участия в выборах в том именно съезде или участке, где выборы производятся.

42. Выборщиками от избирательных съездов, а равно уполномоченными от предварительных съездов, признаются лица, за коих подано более половины голосов участвующих в съезде в порядке большинства полученных баллов; в случае же их равенства – избрание определяется по жребию.

43. В указанных в пункте «б» статьи 1 городах выборщиками, избранными в городское избирательное собрание, считаются лица, получившие наибольшее в избирательном участке число голосов, хотя бы оно и не достигало половины числа участвовавших в выборах; в случае равенства голосов – избрание определяется по жребию.

44. По окончании выборов съезды и избирательные комиссии закрываются. Не позднее следующего дня все выборное производство представляется: председателями съездов – в уездную по делам о выборах комиссию, а председателями избирательных комиссий – в губернскую по делам о выборах комиссию.

45. В трехдневный срок со дня закрытия съездов и избирательных комиссий заинтересованные лица могут подавать жалобы: в уездную по делам о выборах комиссию – на неправильности, допущенные при производстве выборов на съездах, и в губернскую по делам о выборах комиссию – на неправильности, допущенные при избрании выборщиков в городское избирательное собрание.

46. По обозрении выборного производства и рассмотрении принесенных на выборы жалоб, уездная или губернская комиссия, если усмотрит к тому основания, отменяет произведенные выборы в отношении всех или некоторых лиц, избранных от подлежащего съезда или избирательного участка. Комиссия о своих постановлениях по принесенным ей жалобам объявляет лицам, их подавшим.

47. В трехдневный срок со дня объявления постановления уездной или губернской по делам о выборах комиссии заинтересованные лица могут принести жалобу: на постановление уездной – в губернскую комиссию, а на постановление сей последней – в Правительствующий сенат. Жалоба подается в уездную или губернскую комиссию, по принадлежности, и представляется, с необходимыми объяснениями, уездною комиссиею в недельный, а губернскою – в двухнедельный срок: первою – в губернскую по делам о выборах комиссию, а второю – в Правительствующий сенат.

48. Списки выборщиков в губернские избирательные собрания составля-

ются уездною по делам о выборах комиссиею, а списки выборщиков в городские избирательные собрания – губернскою по делам о выборах комиссиею. Те и другие списки безотлагательно публикуются, по распоряжению губернатора или градоначальника, по принадлежности, в местных ведомостях и, сверх того, объявляются во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этих списков.

2) О производстве выборов в Государственную думу

49. В каждом губернском избирательном собрании прежде всего выборщики от съездов уполномоченных от волостей избирают из своей среды одного члена Государственной думы. Сверх того, одного члена Думы в означенном избирательном собрании в губерниях Астраханской и Оренбургской и в области Войска Донского избирают из своей среды также и выборщики от съездов уполномоченных от станиц. Затем избирательное собрание в общем своем составе избирает из числа всех имеющих право участия в нем выборщиков остальное положенное расписанием (ст. 2) число членов Думы. Избрание производится закрытою подачею голосов, посредством баллотировки шарами.

50. Городские избирательные собрания (ст. 5) избирают из числа имеющих право участия в них выборщиков положенное на город число членов Государственной думы (ст. 2) закрытою подачею голосов, посредством баллотировки шарами.

51. Предварительно баллотировки губернским или городским избирательным собранием отмечаются закрытою подачею голосов, посредством записок, кандидаты. Кандидаты эти подвергаются засим баллотировке в порядке большинства полученных голосов.

52. Если число лиц, получивших в губернском или городском избирательном собрании более половины голосов, не достигнет указанного в приложенном к статье 2 расписании для данной губернии, области или города числа членов Государственной думы, то на следующий день собрание производит тем же порядком дополнительные выборы недостающего числа членов. В случае безуспешности этих дополнительных выборов, на третий день производятся окончательные выборы недостающего числа членов, причем избранными считаются получившие относительное большинство голосов.

53. В члены Государственной думы могут быть избираемы только лица, изъявившие на то свое согласие. Лица, занимающие на гражданской государственной службе должность с определенным окладом содержания, в случае избрания их в члены Думы, обязаны оставить занимаемую ими должность.

54. Никто не может баллотироваться в члены Государственной думы более, чем в одном избирательном собрании – губернском или городском.

55. В члены Государственной думы не могут быть избираемы лица, не знающие русского языка.

56. По окончании выборов губернские и городские избирательные собрания закрываются. Не позднее следующего дня все выборное производство

представляется председателями собраний губернатору или градоначальнику, по принадлежности.

57. В трехдневный срок со дня закрытия избирательного собрания заинтересованные лица могут подавать губернатору или градоначальнику, по принадлежности, жалобы на допущенные при выборах неправильности и нарушение установленного порядка.

58. Выборное производство, с принесенными на выборы жалобами и объяснениями по оным председателей избирательных собраний, губернатор или градоначальник, по принадлежности, представляет Правительствующему сенату в недельный срок со дня получения выборного производства.

59. По обозрении выборного производства и рассмотрении принесенных на выборы жалоб, Правительствующий сенат, если усмотрит к тому основания, отменяет произведенные выборы в отношении всех или некоторых членов Государственной думы от подлежащей губернии, области или города.

60. Указанные в предшедшей (59) статье дела разрешаются в Первом департаменте Правительствующего сената окончательно, по выслушании заключения обер-прокурора, большинством голосов присутствующих сенаторов, в случае же равенства голосов – по мнению, принятому сенатором, исполняющим обязанности первоприсутствующего.

61. В случае отмены выборов Правительствующим сенатом, а равно в случае выбытия члена Государственной думы из ее состава, если до наступления срока общих новых выборов в Думу остается более года, производятся, по распоряжению Правительствующего сената, новые выборы подлежащим губернским или городским избирательным собранием в том составе выборщиков, который избран был на текущее пятилетие.

62. Список членов Государственной думы составляется Правительствующим сенатом и публикуется им во всеобщее сведение.

Полное собрание законов Российской империи.
Собр. III. Т. XXV. Отд-ние 1-е.
СПб., 1908. Ст. 26662. С. 645–651.

Приложение к статье 2

РАСПИСАНИЕ ЧИСЛА ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО ГУБЕРНИЯМ, ОБЛАСТЯМ И ГОРОДАМ

№	Губернии, области и города	Число членов Государственной думы
1	2	3
1	**Архангельская**	2
2	**Астраханская:** по городу Астрахани в прочих городах и в уездах	 1 3

1	2	3
3	**Бессарабская:** по городу Кишиневу в прочих городах и в уездах	1 8
4	**Виленская:** по городу Вильне в прочих городах и в уездах	1 6
5	**Витебская**	6
6	**Владимирская**	6
7	**Вологодская**	5
8	**Волынская**	13
9	**Воронежская:** по городу Воронежу в прочих городах и в уездах	1 11
10	**Вятская**	13
11	**Гродненская**	7
12	**Область Войска Донского:** по городу Ростову-на-Дону с Нахичеванью в прочих городах и в уездах	1 11
13	**Екатеринославская:** по городу Екатеринославу в прочих городах и в уездах	1 9
14	**Казанская:** по городу Казани в прочих городах и в уездах	1 9
15	**Калужская**	5
16	**Киевская:** по городу Киеву в прочих городах и в уездах	1 15
17	**Ковенская**	6
18	**Костромская**	6
19	**Курляндская**	3
20	**Курская:** по городу Курску в прочих городах и в уездах	1 10
21	**Лифляндская:** по городу Риге в прочих городах и в уездах	1 4
22	**Минская**	9
23	**Могилевская**	7
24	**Московская:** по городу Москве в прочих городах и в уездах	4 6
25	**Нижегородская:** по городу Нижнему Новгороду в прочих городах и в уездах	1 6
26	**Новгородская**	6
27	**Олонецкая**	3
28	**Оренбургская**	7
29	**Орловская:** по городу Орлу в прочих городах и в уездах	1 8

1	2	3
30	**Пензенская**	6
31	**Пермская**	13
32	**Подольская**	13
33	**Полтавская**	12
34	**Псковская**	4
35	**Рязанская**	8
36	**Самарская:** по городу Самаре в прочих городах и в уездах	 1 12
37	**С.-Петербургская:** по городу С.-Петербургу в прочих городах и в уездах	 6 3
38	**Саратовская:** по городу Саратову в прочих городах и в уездах	 1 10
39	**Симбирская**	6
40	**Смоленская**	6
41	**Ставропольская**	3
42	**Таврическая**	6
43	**Тамбовская**	12
44	**Тверская**	8
45	**Тульская:** по городу Туле в прочих городах и в уездах	 1 5
46	**Уфимская**	10
47	**Харьковская:** по городу Харькову в прочих городах и в уездах	 1 10
48	**Херсонская:** по городу Одессе в прочих городах и в уездах	 1 10
49	**Черниговская**	10
50	**Эстляндская**	3
51	**Ярославская:** по городу Ярославлю в прочих городах и в уездах	 1 4
	Итого	412
	В том числе от городов	28

Полное собрание законов Российской империи.
Собр. III. Т. XXV. Отд-ние II-е: Приложения.
СПб., 1908. С. 384–385.

Приложение к статье 4

РАСПИСАНИЕ ЧИСЛА ГУБЕРНСКИХ ВЫБОРЩИКОВ[1]

Наименование губерний и уездов	Число выборщиков	В том числе			
		от съезда уполномоченных		от съезда землевладельцев	от съезда городских избирателей
1	2	3		4	5
1. Архангельская	32	19		13	
2. Астраханская	45[2]	24		5	16
3. Бессарабская	120	43[3]		56	21
4. Виленская	91	40		44	7
5. Витебская	90	31		39	20
6. Владимирская	92	26		18	48
7. Вологодская	80	46		21	13
8. Волынская	195	69		86	40
9. Воронежская	165	101		42	22
10. Вятская	200	148		18	34
11. Гродненская	105	43		36	26
12. Область Войска Донского	177	от волостей	от станиц	47	37
		14	79		
13. Екатеринославская	135	34		38	63
14. Казанская	139	98		23	18
15. Калужская	76	30		25	21
16. Киевская	225	80		74	71
17. Ковенская	90	39		35	16
18. Костромская	92	29		35	28
19. Курляндская	46	13		14	19
20. Курская	150	78		44	28
21. Лифляндская	61	21		25	15
22. Минская	135	41		74	20
23. Могилевская	109	40		53	16
24. Московская	92	16		13	63
25. Нижегородская	90	42		30	18
26. Новгородская	92	31		45	16
27. Олонецкая	50	27		9	14

1	2	3		4	5
28. Оренбургская	105	от волостей	от станиц	19	23
		36	27		
29. Орловская	122	59		45	18
30. Пензенская	90	47		28	15
31. Пермская	196	86		58	52
32. Подольская	195	82		76	37
33. Полтавская	181	23		109	49
34. Псковская	61	24		27	10
35. Рязанская	121	54		40	27
36. Самарская	180	94		48	38
37. С.-Петербургская	47	14		18	15
38. Саратовская	150	64		51	35
39. Симбирская	90	44		29	17
40. Смоленская	90	31		40	19
41. Ставропольская	47	33		6	8
42. Таврическая	96	42		31	23
43. Тамбовская	180	92		62	26
44. Тверская	120	49		41	30
45. Тульская	76	32		29	15
46. Уфимская	150	88		36	26
47. Харьковская	150	64		43	43
48. Херсонская	150	50		69	31
49. Черниговская	150	63		50	37
50. Эстляндская	45	10		21	14
51. Ярославская	60	17		20	23

[1]Дано по губерниям, без деления на уезды *(прим. сост.)*.

[2]Сверх того, пять выборщиков избираются общим съездом уполномоченных от станиц Астраханского казачьего войска.

[3]По Измаильскому уезду уполномоченные избираются сельскими общинами.

Полное собрание законов Российской империи.
Собр. III. Т. XXV. Отд-ние II-е: Приложения.
СПб., 1908. С. 385–396.

Приложение к статье 38

ПРАВИЛА О ПОРЯДКЕ ПРОИЗВОДСТВА ВЫБОРОВ В ГОРОДСКИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СОБРАНИЯ

1. Избирателям каждого избирательного участка предоставляется, в течение месяца до срока, назначенного для выборов, образовывать для совещания о лицах, достойных быть избранными, особые подготовительные собрания. О времени и месте таких собраний избиратели заявляют начальнику местной полиции, который может назначить для присутствования в собрании одного из подведомственных ему чинов.

2. На подготовительном собрании могут присутствовать лишь избиратели данного избирательного участка. По требованию представителя полиции собрание должно быть немедленно закрыто.

3. Выборы производятся в помещениях, отводимых для сего городскою управою, по возможности, в пределах избирательного участка.

4. Каждый избиратель лично вручает свою избирательную записку председателю избирательной комиссии.

5. В записке указываются имена, отчества и фамилии лиц, за которых избиратель подает голос, в числе, не превышающем общего числа подлежащих избранию по каждому участку. В записке не должно быть никаких отметок, знаков, а равно исправлений и подчисток ни на лицевой, ни на оборотной стороне; записки, не удовлетворяющие означенному требованию, признаются недействительными.

6. Имя лица, предлагаемого в выборщики, не должно повторяться в одной и той же избирательной записке. Подобные повторения, а равно имена лиц, предложенных в выборщики сверх положенного на участок числа, считая по порядку записи имен, при подсчете голосов в соображение не принимаются.

7. Выборы продолжаются один день, с девяти часов утра до девяти часов вечера, и производятся одновременно во всех избирательных участках. В девять часов вечера допуск избирателей в помещение избирательной комиссии для подачи избирательных записок прекращается, от прибывших же в это помещение до девяти часов записки принимаются до тех пор, пока не будут поданы всеми находящимися в помещении.

8. Председатель избирательной комиссии, приняв от избирателя записку, тотчас же, в присутствии последнего, опускает ее в особый ящик через отверстие, проделанное в крышке. Ящик этот, предварительно принятия записок, предъявляется присутствующим избирателям для удостоверения в том, что он пуст и не имеет отверстий, кроме предназначенного для опускания записок. Затем ящик закрывается на замок и опечатывается печатью председателя; а ярлык, на который наложена печать, подписывается председателем, членами избирательной комиссии и желающими из числа наличных избирателей. О принятии избирательной записки делается соответствующая отметка в избирательном списке, против имени лица, ее подавшего. По закрытии заседания, отверстие ящика, в

который опускаются записки, опечатывается, и председатель объявляет присутствующим число поданных записок, которое заносится в особый акт, подписываемый председателем и членами избирательной комиссии.

9. Подсчет голосов производится, начиная с следующего по окончании выборов дня, с девяти часов утра до девяти часов вечера, в заседании избирательной комиссии, в котором могут присутствовать избиратели.

10. По вскрытии избирательного ящика каждая избирательная записка пронумеровывается, и если она удовлетворяет указанным в статье 5 требованиям и не возбуждает сомнений среди членов комиссии, то звание, имя, отчество, фамилия и номер по избирательному списку каждого лица, обозначенного в записке, прочитываются и, по крайней мере, двумя членами комиссии заносятся каждым на особые карточки. Каждая такая карточка подписывается лицом, ее составившим. По вынутии из ящика и просмотре всех записок, комиссия обсуждает записки, вызвавшие сомнения, и о принятом ею решении, а равно об основаниях признания записок недействительными, составляет особый протокол, подписываемый председателем и членами комиссии. Затем карточки, в кои внесены предложенные в выборщики лица, располагаются по алфавиту указанных в них фамилий и подсчитываются.

11. Если подсчет голосов не может быть закончен в один день, то, по составлении протокола о числе записок: а) вынутых из ящика, б) признанных недействительными, в) возбудивших сомнения и г) прочитанных, – означенные записки, а равно карточки с именами предложенных в выборщики лиц складываются, соответственно роду записок и карточек, в особые пакеты, опечатываемые затем печатью председателя комиссии на ярлыке, подписанном всеми членами комиссии и желающими из числа присутствующих при этом избирателей. Тем же порядком опечатывается и ящик с невынутыми записками.

12. По окончании подсчета голосов и объявлении имен лиц, предложенных в выборщики, составляется за подписанием председателя и членов комиссии протокол, в который заносятся: а) число всех вынутых из ящика записок, б) число всех прочитанных записок, в) число записок, признанных недействительными, с приведением оснований, к тому послуживших, и г) список лиц, избранных в выборщики. Затем избирательные записки и карточки запечатываются в особые пакеты.

13. Лица, избранные выборщиками, немедленно извещаются о том избирательною комиссиею и, если не заявят губернской по делам о выборах комиссии в течение трех суток со дня получения извещения об отказе от принятия звания выборщика, признаются принявшими это звание. В случае отказа избранного лица от принятия звания выборщика, он замещается, с соблюдением того же порядка, следующим по списку лицом, получившим наибольшее число голосов.

Полное собрание законов Российской империи.
Собр. III. Т. XXV. Отд-ние II-е: Приложения.
СПб., 1908. С. 406–407.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗ, ДАННЫЙ СЕНАТУ

1905 года, сентября 18

Утвердив составленные, по повелению Нашему, министром внутренних дел и в Особом совещании рассмотренные Правила о применении и введении в действие Учреждения Государственной думы и Положения о выборах в Государственную думу, повелеваем: обнародовать сии Правила и приступить безотлагательно к распоряжениям о производстве выборов в Государственную думу.

Правительствующий сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащие распоряжения.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ»

На подлинных собственною Его Императорского Величества рукою написано:

«Быть по сему»

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЕ ПРАВИЛА О ПРИМЕНЕНИИ И ВВЕДЕНИИ В ДЕЙСТВИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И ПОЛОЖЕНИЯ О ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

1. По воспоследовании Высочайшего указа о производстве выборов в Государственную думу, министр внутренних дел безотлагательно распоряжается составлением подлежащими учреждениями (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 30 и 31) списков лиц, имеющих право участия в выборах в Думу. Одновременно министры внутренних дел и юстиции по взаимному соглашению распоряжаются образованием губернских и уездных по делам о выборах комиссий.

2. Установлениям, на которые возлагается составление избирательных списков, предоставляется пользоваться необходимыми сведениями в подлежащих присутственных местах и у должностных лиц.

3. Местным податным инспекторам и казенным палатам вменяется в обязанность сообщать подлежащим городским управам или заменяющим их учреждениям сведения о лицах, уплачивающих промысловый или государственный квартирный налог в течение времени, означенного в статье 32 Положения о выборах в Государственную думу, и в размерах, дающих право на участие в этих выборах (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 16 и 19).

4. В уездах, в коих имеется несколько городских поселений, каждая, составляющая отдельный избирательный список, городская управа или заменяющее ее учреждение тех городов, где не образовано отдельных съездов городских избирателей (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 11), сообщает означенный список городской управе уездного города.

5. К городским поселениям причисляются, в отношении производства выбо-

ров в Государственную думу, те местечки, в которых имеется мещанское управление и взимается государственный налог с городских недвижимых имуществ (Уст. прям. нал., ст. 1, п. 1 «б»).

6. Списки городских избирателей для уездов, принадлежащих к городам, перечисленным в пункте «б» статьи 1 Положения о выборах в Государственную думу, составляются городскими управами сих городов (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 11). Составление списков избирателей по местечкам, указанным в статье 5, и сообщение этих списков городской управе уездного города возлагаются на местное мещанское управление.

7. Лица, имеющие право участия в выборах, вносятся в избирательные списки по алфавиту. Относительно каждого лица отмечается: а) его имя, отчество и фамилия и б) избирательный ценз.

8. Лица женского пола, владеющие установленным цензом, в избирательные списки не вносятся. Если же лица эти предоставят свои цензы по недвижимому имуществу для участия в выборах своим мужьям или сыновьям (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 9), то в списки вносятся их мужья и сыновья, по принадлежности.

9. Воинские чины армии и флота, состоящие на действительной военной службе, если владеют недвижимым имуществом, дающим по своим размерам право на участие в выборах, могут по такому недвижимому имуществу уполномочивать на участие в выборах своих сыновей.

10. Сыновья, участвующие в выборах вместо своих отцов по недвижимому их имуществу и по их уполномочию (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 10 и ст. 9 наст[оящих] Прав[ил]), вносятся в избирательный список, с соответственною о том отметкою.

11. Доверенности на предоставление лицами женского пола своего имущественного ценза их мужьям или сыновьям для участия в выборах (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 9), а также полномочия отцов их сыновьям на участие в выборах (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 10 и ст. 9 наст[оящих] Прав[ил]), не могут быть выдаваемы лицам, которые не допускаются к участию в выборах по основаниям, указанным в статьях 6–8 Положения о выборах в Государственную думу.

12. Доверенности и полномочия, в предшедшей (11) статье упомянутые, могут быть засвидетельствованы не только порядком нотариальным, но также начальством уполномочивающих лиц или же полициею, мировым либо городским судьею или земским начальником.

13. В течение двух недель, следующих за опубликованием избирательных списков, доверенности и полномочия, в статье 11 означенные, могут быть представляемы мужьями и сыновьями в подлежащую комиссию по делам о выборах, для внесения их в списки в порядке исправления последних.

14. Владение землею, входящею в состав надельных крестьянской, либо станичной земель, а также крестьянской повинностной земли в Лифляндской губернии, крестьянской арендной земли в Эстляндской губернии и на острове Эзеле и крестьянских участков в Курляндской губернии, хотя бы означенные земли были выкуплены в собственность, – не дает владельцам оных права на внесение их в избирательный список уездных землевладельцев.

15. Владелец имения, соответствующего в целом составе по размерам установленному законом цензу, но расположенного в двух или более смежных уездах, из коих в каждом количество земли не достигает размера, установленного для участия в выборах, вносится в избирательный список того уезда, который владелец укажет, а если такового заявления не последует, то включается в список того уезда, где находится большая часть имения.

16. Из лиц, имеющих недвижимое имущество в общем нераздельном владении (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 21), вносятся в избирательные списки только те, на долю которых причитается часть имущества соответствующая по размерам установленному законом цензу.

17. В избирательные списки для участия в выборах на основании пункта «д» статьи 12 Положения о выборах в Государственную думу вносятся священнослужители, если причт владеет в уезде указанными в статьях 445 и 453 Законов о состояниях церковными землями. По всем таким землям каждой церкви в список вносится ее настоятель.

18. Директоры (председатели) и члены правлений таких акционерных обществ и компаний, равно как паевых и иных товариществ по участкам, кои владеют фабриками, заводами или горными промыслами, а также управляющие сими фабриками, заводами или промыслами, если перечисленные лица уплачивают основной промысловый налог на личные промысловые занятия вне пределов того города или уезда, в коих находятся те фабрики, заводы или промыслы (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 16, п. «в» и ст. 19, п. «в»), вносятся в избирательные списки по месту нахождения фабрики, завода или промысла, а не по месту уплаты налога. Если общества, компании и товарищества владеют фабриками, заводами или горными промыслами в разных городах или уездах, то каждое из упомянутых лиц включается в избирательный список того из означенных городов или уездов, который само изберет.

19. В отношении производства выборов Севастопольское градоначальство причисляется к Симферопольскому уезду Таврической губернии; город Кронштадт – к Петергофскому уезду С.-Петербургской губернии, а градоначальства: Керчь-Еникальское – к Феодосийскому уезду Таврической губернии и Николаевское – к Херсонскому уезду и губернии. В городах: Севастополе совместно с Балаклавою, Кронштадте, Керчь-Еникале и Николаеве образуются отдельные съезды городских избирателей в порядке, указанном в статье 11 Положения о выборах в Государственную думу.

20. В уездах и городах, в коих в основание оценки недвижимых имуществ для обложения городским или земским сбором принята доходность имущества, оценочная его стоимость, дающая владельцу право участия в выборах, определяется при составлении избирательных списков, чрез помножение доходности имущества: в городских поселениях – на десять, а вне городов – на двадцать.

21. При опубликовании в ведомостях первоначальных избирательных списков и внесенных в них изменений (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 33 и 35), каждый список, а равно перечень изменений, должны быть помещены полностью в одном номере ведомостей, в виде особого к ним приложения.

22. О дне опубликования избирательных списков в ведомостях (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 33) губернаторы в тот же день сообщают по телеграфу министру внутренних дел для объявления во всеобщее сведение чрез «Правительственный вестник».

23. Список избирателей с относящимися к нему документами может быть обозреваем заинтересованными лицами в помещении учреждения, коим он составляется, в дни и часы, для сего назначенные.

24. Лицам, имеющим право участия в выборах на съездах, а также выборщикам, избранным избирательными съездами или в избирательных участках, предоставляется образовывать в городских поселениях особые подготовительные собрания для совещания о достойных быть избранными лицах.

25. В особых подготовительных собраниях могут присутствовать лишь избиратели и выборщики, а также председатели подлежащих избирательных съездов и собраний, хотя бы они и не имели права на участие в выборах.

26. О времени и месте подготовительных собраний (ст. 24 наст[оящих] Прав[ил]; Пол[ожение] о выб[орах], ст. 38, прил[ожение], ст. 1) избиратели или выборщики заявляют начальнику местной полиции не позднее, как за двадцать четыре часа до собрания, с приложением именных списков устроителей. Начальнику местной полиции предоставляется назначать, для присутствия в собрании избирателей или выборщиков, одного из подведомственных ему чинов, по требованию которого собрание должно быть немедленно закрыто.

27. При производстве выборов в избирательных участках, съездах и собраниях, кроме председателей, а также членов избирательных комиссий, могут присутствовать исключительно лица, имеющие право участия в выборах, а при производстве выборов на волостных сходах и станичных сборах – исключительно лица, входящие в состав сих сходов и сборов.

28. Приговоры волостных сходов и станичных сборов об избрании уполномоченных, не далее следующего за выборами дня, представляются волостными старшинами и станичными атаманами в уездную по делам о выборах комиссию.

29. Приговоры волостных сходов (ст. 28) не подлежат рассмотрению земских начальников и соответствующих им должностных лиц, но если они осведомятся о допущенных при производстве выборов неправильностях, то сообщают о них уездной по делам о выборах комиссии.

30. Жалобы на постановления волостных сходов и станичных сборов по делам о выборах уполномоченных подаются в трехдневный со дня производства выборов срок или непосредственно в уездную по делам о выборах комиссию, или волостным старшинам либо станичным атаманам для безотлагательного представления сих жалоб в означенную комиссию.

31. Съезды избирателей и предварительные съезды, а равно избирательные комиссии открываются в дни, назначаемые губернатором или градоначальником.

32. Предварительные съезды должны быть созываемы: общие – не позднее, как за сутки, а отдельные (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 14) – не позднее, как за три дня до открытия подлежащих съездов уездных землевладельцев.

33. Выборы уполномоченных от волостей и станиц назначаются в каждом уезде по возможности в один и тот же день, определяемый губернатором.

34. Выборы членов Государственной думы в избирательных собраниях (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 3 и 5) производятся в один и тот же день. День этот определяется Высочайшим повелением, о котором министр внутренних дел представляет Правительствующему сенату для распубликования.

35. В случае отмены Правительствующим сенатом выборов по каким-либо губернии, области или городу, день новых выборов назначается Сенатом.

36. Для губернских избирательных собраний и съездов землевладельцев и уполномоченных от волостей, а равно для предварительных съездов уполномоченных, предоставляются безвозмездно помещения уездных съездов, съездов мировых судей или мировых съездов. Для городских избирательных собраний и съездов городских избирателей предоставляются, равным образом безвозмездно, помещения городских дум или заменяющих их учреждений. В случае недостаточности означенных помещений, собрания и съезды происходят в безвозмездно предоставляемых для этой цели помещениях иных правительственных (кроме полицейских) или общественных установлений.

37. Избирательные собрания и съезды открываются в двенадцать часов дня. Лица, прибывшие после приступа к выборам, к участию в них не допускаются.

38. Избирательные собрания и съезды, ограничиваясь производством выборов, не входят ни в какие рассуждения и не вправе делать никаких постановлений или распоряжений, не относящихся до производства выборов.

39. Открывая избирательное собрание или съезд, председатель прочитывает статьи закона, относящиеся до порядка выборов и условий участия в оных, а равно избирательный список, а в губернском и городском избирательном собрании – список выборщиков. Засим составляется акт о числе прибывших в собрание или съезд лиц, а на предварительном съезде – также и о количестве земли, числящейся за явившимися на съезд лицами и об итоге оценочной стоимости иного принадлежащего им недвижимого имущества, а равно о числе подлежащих выбору уполномоченных (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 15).

40. О числе избирательных и неизбирательных голосов, полученных каждым лицом, подвергавшимся баллотировке в избирательном собрании или съезде, отмечается в особом выборном листе. Для отметки голосов собранию или съезду предоставляется избирать из своей среды особых счетчиков в помощь председателю при баллотировке. По окончании выборов выборный лист прочитывается избирательному собранию или съезду и подписывается председателем, а также выразившими желание подписаться наличными избирателями.

41. В списках выборщиков при опубликовании их в ведомостях (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 48) отмечаются: а) имя, отчество и фамилия каждого выборщика, б) город, уезд и волость, либо станица или же община в Измаильском уезде Бессарабской губернии, по которым лицо это избрано, в) постоянное место жительства выборщика и г) сведения о служебном положении или роде его занятий, а также, по возможности, и о полученном им образовании. Одновременно с опубликованием списки рассылаются выборщикам.

42. При исчислении сроков на подачу жалоб и заявлений, относящихся к производству выборов, началом срока считается день, следующий за совершением действия или объявлением решения, на которые приносится жалоба. Если последний день срока приходится на день неприсутственный, то окончанием срока считается первый следующий затем присутственный день.

43. Должностные лица, входящие в состав уездной или губернской по делам о выборах комиссии, не принимают участия в разрешении жалоб на личные их действия.

44. В местностях, в коих нет уездных предводителей дворянства и не имеется других соответствующих им по роду обязанностей должностных лиц (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 28), обязанности уездных предводителей дворянства, указанные в Положении о выборах в Государственную думу, возлагаются на лиц, назначаемых министром внутренних дел.

45. Волостным сходам и станичным сборам предоставляется назначать избранным от них уполномоченным особое вознаграждение из волостных мирских и станичных сборов на покрытие расходов по поездке уполномоченных для участия в выборах в уездный город.

46. Постановление, в статье 14 изложенное, применяется также к владельцам надельной земли в Измаильском уезде Бессарабской губернии, а содержащиеся в статьях 27, 28, 30 и 45 постановления о волостных сходах, волостных старшинах и уполномоченных от волостей имеют соответственное применение к общим собраниям означенных владельцев, к примарам местных сельских общин и к уполномоченным от этих общин (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 18).

47. Выборщикам, в случае их о том ходатайства, возмещаются из казны путевые издержки по поездке из уездного в губернский город на избирательное собрание по расчету пяти копеек на версту от уездного города до губернского и обратно.

48. Список членов Государственной думы публикуется Правительствующим сенатом (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 62) по мере рассмотрения и утверждения избирательного производства по каждой губернии, области или городу. Одновременно список оглашается в «Правительственном вестнике».

49. По окончании выборов членов Государственной думы министр внутренних дел составляет, на основании сведений, доставленных губернскими начальствами, отчет о ходе выборов, числе лиц, принимавших в них участие, и лицах, избранных уполномоченными и выборщиками. Отчет этот министр внутренних дел повергает на Высочайшее благовоззрение.

50. О дне созыва Государственной думы министр внутренних дел, по соглашению с Государственным секретарем, испрашивает Высочайшее указание. Неопубликование Правительствующим сенатом к означенному дню списка членов Думы от тех губерний, областей или городов в коих выборы были отменены, не останавливает созыва Думы.

51. Члены Государственной думы, в определенный для первоначального ее созыва день, собираются в С.-Петербурге. Первое заседание Думы открывается лицом, Высочайшею властью на то уполномоченным. По прочтении торжествен-

ного обещания, для членов Думы установленного, и его подписания члены Думы избирают председателя Думы.

52. По избрании председателя Государственной думы последний всеподданнейше повергает на Высочайшее благовоззрение об открытии занятий Думы.

53. Государственная Дума, по открытии своих занятий, избирает товарища председателя Думы, секретаря Думы и его товарища, а засим определяет число, состав и предметы ведения отделов, а также распределяет членов Думы по отделам.

54. Каждый из отделов Государственной думы, по его образовании, избирает, под руководством председателя Думы, председателя отдела.

55. Впредь до составления Государственною думою Наказа о внутреннем в ней распорядке (Учр[еждение] Гос[ударственной] думы, ст. 62), выборы означенных в статьях 51, 53 и 54 лиц производятся Думою на тех же основаниях, какие установлены для избрания членов Думы в статье 51 Положения о выборах в Думу.

56. Обязанности по производству дел Государственной думы, а равно обязанности пристава Думы и его помощников, впредь до образования канцелярии Думы и назначения состоящих при ней лиц (Учр[еждение] Гос[ударственной] думы, ст. 28, 31 и 32), исполняют лица, назначенные Государственным секретарем.

57. Расходы по составлению избирательных списков учреждениями, заменяющими городские и земские управы, и уездными полицейскими управлениями (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 30), а равно путевые и иные издержки по производству выборов, а также по делопроизводству губернских и уездных комиссий по делам о выборах относятся на средства казны.

58. Представления о разъяснении сомнений по применению как Учреждения Государственной думы и Положения о выборах в Думу, так и дополнительных к ним узаконений вносятся в Правительствующий сенат и разрешаются в Первом его департаменте порядком, указанным в ст. 60 Положения о выборах в Думу.

Полное собрание законов Российской империи.
Собр. III. Т. XXV. Отд-ние 1-е.
СПб., 1908. Ст. 26721. С. 687–692.

МАНИФЕСТ ОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОРЯДКА

1905 года, октября 17

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи Нашей великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце Наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным и печаль народная Его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы Нашей.

Великий обет царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы, для успешнейшего выполнения общих преднамечаемых Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и

3) Установить как незыблемое правило чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с Нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе, в 17-й день октября, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же Нашего одиннадцатое.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ»

Полное собрание законов Российской империи.
Собр. III. Т. XXV. Отд-ние 1-е.
СПб., 1908. Ст. 26803. С. 754–755.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗ, ДАННЫЙ СЕНАТУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ О ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ И ИЗДАННЫХ В ДОПОЛНЕНИЕ К НЕМУ УЗАКОНЕНИЙ

1905 года, декабря 11

Манифестом, 17 октября сего года изданным, Мы возвестили о непреклонной воле Нашей, не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь к участию в ней, в мере возможности, те классы населения, кои избирательными правами не пользовались, предоставив дальнейшее развитие общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

Согласно сему, в изменение Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений, повелеваем:

I. Предоставить участие в избрании выборщиков в городские избирательные собрания (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 19): 1) лицам, владеющим в пределах города, на праве собственности или пожизненного владения, не менее года недвижимым имуществом, обложенным государственным налогом или городским сбором; 2) лицам, владеющим в пределах города не менее года торгово-промышленным предприятием, требующим выборки промыслового свидетельства; 3) лицам, уплачивающим в пределах города не менее года государственный квартирный налог; 4) лицам, уплачивающим в пределах города не менее года основной промысловый налог на личные промысловые занятия; 5) лицам, не менее года занимающим в пределах города на свое имя отдельную квартиру, и 6) лицам (за исключением нижних служителей и рабочих), не менее года проживающим в пределах города и получающим содержание или пенсию по службе государственной или по службе в земских, городских либо сословных учреждениях или на железных дорогах.

II. Предоставить участие в съездах городских избирателей (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 16): 1) лицам, владеющим не менее года в пределах городских поселений уезда, на праве собственности или пожизненного владения, недвижимым имуществом, обложенным государственным налогом, или городским сбором на земские повинности; 2) лицам, владеющим в пределах города или его уезда не менее года торгово-промышленным предприятием, требующим выборки промыслового свидетельства; 3) лицам, уплачивающим в пределах уезда не менее года государственный квартирный налог; 4) лицам, уплачивающим в пределах города или его уезда не менее года основной промысловый налог на личные промысловые занятия; 5) лицам, не менее года занимающим в пределах городских поселений уезда на свое имя отдельную квартиру и 6) лицам (за исключением нижних служителей и рабочих), не менее года проживающим в пределах города или его уезда и получающим содержание или пенсию по службе государственной или по службе в земских, городских либо сословных учреждениях или на железных дорогах.

III. Предоставить участие в съездах уездных землевладельцев, кроме лиц, указанных в Положении о выборах в Государственную думу (ст. 12), также и ли-

цам, которые не менее года, на основании письменного о том договора или доверенности, управляют в пределах уезда имением, достигающим, по пространству земли, обложенной сбором на земские повинности, размеров, указанных в приложении к статье 12 означенного Положения, или на тех же основаниях арендуют, в пределах уезда, такую же землю в упомянутом количестве.

IV. Предоставить участие в предварительных съездах (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 14): 1) настоятелям церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий, если церковь либо ее причт или молитвенный дом владеют в уезде землею, и 2) лицам, владеющим в уезде не менее года, на праве собственности или пожизненного владения, обложенными сбором на земские повинности землею или же иным недвижимым имуществом, если количество такой земли либо стоимость такого имущества не достигают размеров, дающих право непосредственного участия в съезде уездных землевладельцев (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 12, пп. «а» и «в»).

V. Предоставить участие в избрании выборщиков в губернские и городские избирательные собрания рабочим в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности на следующих основаниях:

1. Участие в избрании выборщиков в губернские и городские избирательные собрания предоставляется рабочим тех, находящихся в поименованных ниже, в статье 2, губерниях и городах, предприятий фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, в коих общее число рабочих мужского пола не менее пятидесяти. К предприятиям фабрично-заводской промышленности причисляются и железнодорожные мастерские с указанным общим числом рабочих мужского пола.

2. Выборщики от рабочих (ст. 1) избираются в нижепоименованных губерниях и городах в следующем числе: в Архангельской – 1; в Астраханской (по губернии и городу Астрахани) – 2; в Варшавской (по губернии и городу Варшаве) – 7; в Виленской – 1; в Владимирской – 16; в Волынской – 2; в Воронежской (по губернии и городу Воронежу) – 2; в Вятской – 4; в Гродненской – 2; в области Войска Донского (по области и городу Ростову на Дону с Нахичеванью) – 6; в Екатеринославской (по губернии и городу Екатеринославу) – 7; в Казанской (по губернии и городу Казани) – 2; в Калужской – 2; в Киевской (по губернии и городу Киеву) – 9; в Костромской – 7; в Курляндской – 2; в Курской (по губернии и городу Курску) – 3; в Лифляндской (по губернии и городу Риге) – 5; в Минской – 2; в Могилевской – 1; в Московской (по губернии и городу Москве) – 35; в Нижегородской (по губернии и городу Нижнему Новгороду) – 4; в Новгородской – 2; в Оренбургской – 1; в Орловской (по губернии и городу Орлу) – 3; в Пензенской – 2; в Пермской – 10; в Петроковской (по губернии и городу Лодзи) – 21; в Подольской – 4; в Полтавской – 1; в Рязанской – 2; в Самарской – 1; в С.-Петербургской (по губернии и городу С.-Петербургу) – 24; в Саратовской (по губернии и городу Саратову) – 4; в Симбирской – 2; в Смолен-ской – 1; в Таврической – 1; в Тамбовской – 3; в Тверской – 4; в Тульской (по губернии и городу Туле) – 2; в Уфимской – 4; в Харьковской (по губернии и городу Харькову) – 7; в Херсонской (по губернии и городу Одессе) – 6; в Черниговской – 3; в Эстляндской – 2; и в Ярославской (по губернии и городу Ярославлю) – 4.

3. В губерниях Астраханской, Варшавской, Воронежской, Екатеринославской, Казанской, Киевской, Курской, Лифляндской, Московской, Нижегородской, Орловской, Петроковской, С.-Петербургской, Саратовской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Ярославской и области Войска Донского общее число выборщиков распределяется между этими губерниями и городами, указанными в статье 2, подлежащими губернскими по делам о выборах комиссиями в соответствии с общим числом рабочих в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности и в железнодорожных мастерских, расположенных в черте города и вне оной в пределах губернии или области.

4. Рабочие (ст. 1) избирают из своей среды уполномоченных по следующему расчету: в предприятиях с общим числом рабочих мужского пола от пятидесяти до тысячи – одного уполномоченного, а в предприятиях с общим числом рабочих свыше тысячи – по одному уполномоченному на каждую полную тысячу рабочих.

5. Уполномоченные от рабочих (ст. 4) избирают из своей среды в губерниях и городах, указанных в статье 2, выборщиков на съездах губернских или городских по принадлежности.

6. В избрании уполномоченных принимают участие рабочие мужского пола упомянутых в статье 1 предприятий, кому бы последние ни принадлежали. Не принимают участия в выборах и не могут быть избираемы в уполномоченные либо в выборщики иностранные подданные, а равно лица, означенные в статье 7 Положения о выборах в Государственную думу.

7. Ко времени производства выборов в каждом предприятии, рабочие которого принимают участие в выборах, вывешивается, за подписью подлежащего должностного лица фабричного или горного надзора, а в железнодорожных мастерских – начальника мастерской, объявление об общем числе рабочих данного предприятия и числе подлежащих избранию от них уполномоченных.

8. Общий по губернии или городу список предприятий, в коих производятся выборы, с указанием общего числа рабочих и числа подлежащих избранию от них уполномоченных оглашается губернатором или градоначальником, по принадлежности, во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этого списка.

9. Избрание уполномоченных от рабочих производится во всех предприятиях губернии или города, по возможности, в один и тот же день, назначаемый губернатором или градоначальником, по принадлежности.

10. Избрание уполномоченных от рабочих производится в помещениях, отводимых для этой цели владельцами предприятий. Во время производства выборов лица, в них не участвующие, в указанные помещения не допускаются.

11. Способ и порядок избрания уполномоченных определяются самими рабочими каждого предприятия. Для поддержания порядка во время выборов и для руководства ходом последних рабочие избирают из своей среды одного или нескольких председателей.

12. В уполномоченные могут быть избираемы рабочие мужского пола, достигшие двадцати пяти лет и работающие в том предприятии, в котором произ-

водятся выборы, не менее шести месяцев.

13. Списки уполномоченных, избранных рабочими каждого предприятия, подписываются председателями и не менее как десятью избирателями. Списки эти передаются фабричному либо заводскому управлению или начальству железнодорожной мастерской, которые немедленно препровождают их губернатору или градоначальнику по принадлежности. Копии списков вывешиваются на видных местах для сведения рабочих. В указанных списках должны быть обозначены: имя, отчество, фамилия, звание и возраст лиц, избранных в уполномоченные.

14. Общий по губернии, области или городу список уполномоченных от рабочих, с указанием предприятий, от которых уполномоченные избраны, оглашается губернатором или градоначальником, по принадлежности, во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этого списка.

15. Съезды уполномоченных от рабочих созываются под председательством городского головы или заменяющего его лица: губернские – в городах губернских, а городские – в городах, в статье 2 указанных. О дне и месте производства выборов в съездах заблаговременно оглашается губернаторами или градоначальниками, по принадлежности, во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность такого объявления.

16. Способ удостоверения личности уполномоченных от рабочих предоставляется председателям съездов.

17. Съезды уполномоченных от рабочих избирают выборщиков из своей среды закрытою подачею голосов посредством баллотировки шарами. Избранными считаются лица, получившие более половины избирательных голосов в порядке старшинства избирательных баллов. В случае равенства голосов избрание определяется по жребию. Если число лиц, получивших в съезде уполномоченных более половины голосов, не достигнет подлежащего избранию числа выборщиков, то на следующий день производятся окончательные выборы недостающего числа выборщиков, причем избранными считаются получившие относительное большинство голосов.

18. Список выборщиков, избранных съездом уполномоченных от рабочих, оглашается губернатором или градоначальником, по принадлежности, во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этого списка.

19. Жалобы на неправильности, допущенные при избрании уполномоченных от рабочих, приносятся уездным, а на неправильности, допущенные при избрании выборщиков, – губернским по делам о выборах комиссиям и разрешаются сими комиссиями с соблюдением правил, постановленных в статьях 45–47 Положения о выборах в Государственную думу. При рассмотрении упомянутых жалоб в состав губернских и уездных по делам о выборах комиссий входит один из чинов фабричного или горного надзора, по назначению губернатора.

20. Избранные по губернии или городу выборщики от рабочих участвуют в выборе членов Государственной думы в составе подлежащего губернского или городского избирательного собрания, по принадлежности.

21. Уполномоченным и выборщикам от рабочих, в случае их о том ходатай-

ства, возмещаются из казны путевые издержки по поездкам в губернский город на съезды (ст. 15) и на избирательные собрания (ст. 20) по расчету пяти копеек на версту в оба пути.

VI. Составление дополнительных избирательных списков лиц, коим предоставляется участие в выборах в Государственную думу на основании отделов I–IV сего указа Нашего, возложить на обязанность учреждений, поименованных в статье 30 Положения о выборах в Государственную думу, а в городах с населением, превышающим тридцать тысяч жителей, – на участковые избирательные комиссии, избираемые городскою думою или учреждением, ее заменяющим, из числа лиц, имеющих право участия в выборах в Думу.

VII. Дополнительные избирательные списки составить на основании: 1) имеющихся в казенных палатах и в земских и городских управах списков плательщиков государственных налогов, а равно земских и городских сборов с недвижимых имуществ, и 2) доставляемых правительственными установлениями и земскими, городскими либо сословными, а также управлениями железных дорог, сведений о лицах, служащих в сих установлениях и учреждениях, а равно на железных дорогах.

VIII. Лицам, имеющим право участия в выборах в Государственную думу на основании отделов I–IV сего указа Нашего, если лица эти не подлежат внесению в избирательные списки на основании Положения о выборах в Государственную думу либо указанных в отделе VII списков и сведений, предоставить, в случае желания воспользоваться своим правом, письменно заявить о том учреждению, составляющему дополнительные избирательные списки, не долее трех недель со дня распубликования сего указа, с представлением надлежащих удостоверений о праве на участие в выборах.

IX. Дополнительные списки избирателей, взамен распубликования в местных ведомостях (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 33), выставлять для обозрения в помещениях учреждений, составляющих эти списки, с сокращением срока, указанного в статье 33 Положения о выборах в Государственную думу, до трех недель, а срока, означенного в статье 34 того же Положения, – до одной недели.

X. В изменение и дополнение подлежащих статей Положения о выборах в Государственную думу, постановить нижеследующие правила:

1) Образование отдельных по местностям уезда предварительных съездов (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 14) и отдельных съездов городских избирателей, а равно распределение подлежащих избранию выборщиков между отдельными городскими поселениями (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 11) возлагается на уездные по делам о выборах комиссии.

2) Выборы на съездах уездных землевладельцев и городских избирателей, в состав коих входят по избирательным спискам более пятисот лиц, производятся посредством подачи записок с соответственным применением правил, указанных в статьях 4–13 приложения к статье 38 и в статье 43 Положения о выборах в Государственную думу.

3) Избирательное собрание губернское или городское считается состоявшимся, если прибудет в него не менее половины избранных от губернии или города

выборщиков (Пол[ожение] о выб[орах], ст. 3 и 5), в противном случае собрание вновь созывается через семь дней и считается состоявшимся при всяком числе прибывших выборщиков.

XI. В изменение статей 57–61 Положения о выборах в Государственную думу, постановить нижеследующие правила:

1. Губернатор или градоначальник, по принадлежности, немедленно по получении выборного производства, препровождает его в Государственную думу, списки же лиц, избранных по губернии или городу в члены Думы, представляет Правительствующему сенату.

2. Поверка прав избранных членов Государственной думы принадлежит самой Думе. Жалобы на неправильность производства выборов в члены Думы приносятся заинтересованными лицами на имя Думы. Жалобы эти подаются в трехдневный срок со дня закрытия подлежащего избирательного собрания губернатору или градоначальнику, по принадлежности, и препровождаются им в Думу, с объяснениями председателей избирательных собраний, в недельный срок со дня получения жалобы.

3. Постановление Государственной думы об отмене выборов по неправильности их получает силу в том случае, если принято большинством двух третей наличных членов Думы в общем ее собрании.

4. В случае отмены Государственною думою избирательного производства, оно возобновляется с той его ступени, до коей отменено. В случае же отмены выборов по отношению к отдельным членам Думы, на место их вступают в порядке старшинства избирательных баллов те из следующих за ними лиц, которые получили при выборах более половины голосов. Если таковых лиц не окажется, то производятся новые выборы подлежащим избирательным собранием в составе выборщиков, которые избраны были на текущее пятилетие.

5. Указанный в предшедшей (4) статье порядок соблюдается и в случае выбытия члена Государственной думы за отказом от сего звания или по иным причинам, если притом до наступления срока общих новых выборов в Думу остается более года.

XII. В изменение статей 1 и 2 приложения к статье 38 Положения о выборах в Государственную думу, а равно статей 24–26 утвержденных Нами 18 сентября сего года Правил о применении и введении в действие Учреждения Государственной думы и Положения о выборах в Думу, постановить нижеследующие правила:

1. Избирателям и выборщикам предоставляется образовывать особые подготовительные собрания для совещания о лицах, достойных быть избранными.

2. В подготовительных собраниях избирателей принимают участие только лица, внесенные в список избирателей данного избирательного съезда или городского избирательного участка, а также председатель этого съезда, хотя бы он и не имел права на участие в выборах.

3. В подготовительных собраниях выборщиков могут присутствовать только выборщики данной губернии, области или города, а равно председатель подлежащего избирательного собрания.

4. Подготовительные собрания избирателей и выборщиков могут происхо-

дить лишь в закрытых помещениях.

5. О времени и месте подготовительного собрания избиратели или выборщики заявляют начальнику местной полиции не позднее, как за двадцать четыре часа до собрания, с приложением именных списков устроителей.

6. В подготовительных собраниях выборщиков чины полиции не присутствуют, но наблюдают за тем, чтобы посторонние лица не имели доступа в помещение, в котором происходит собрание.

XIII. В дополнение статьи 33 утвержденных Нами 18 сентября сего года Правил о применении и введении в действие Учреждения Государственной думы и Положения о выборах в Думу, постановить:

1. Предварительно избрания волостными сходами уполномоченных в избирательные съезды, сельские общества могут производить новое назначение выборных на волостные сходы.

2. Выборы уполномоченных производятся на волостных сходах закрытою подачею голосов посредством баллотировки.

XIV. В изменение и дополнение утвержденных Нами 11 октября сего года Правил о применении Положения о выборах в Государственную думу к губерниям Царства Польского, постановить:

В Люблинской и Седлецкой губерниях гмины, кои имеют быть особо указаны, выбирают сверх означенных в статье 7 упомянутых Правил уполномоченных от гминных сходов еще по два уполномоченных от каждой из сих гмин. Съезды этих уполномоченных созываются в подлежащих уездных городах, под председательством мировых судей, по назначению местных съездов мировых судей. Означенные съезды избирают из своей среды выборщиков в особое избирательное собрание, которое образуется в городе Холме Люблинской губернии, под председательством председателя съезда мировых судей, по назначению министра юстиции. Число сих выборщиков имеет быть определено особо. Избирательное собрание в Холме выбирает из своей среды одного члена Государственной думы, сверх числа членов Думы, указанного в приложенном к статье 2 вышеупомянутых правил расписании их общего числа по губерниям Царства Польского и их городам.

XV. В дополнение статьи 50 утвержденных Нами 18 сентября сего года Правил о применении и введении в действие Учреждения Государственной думы и Положения о выборах в Думу, постановить:

Первое собрание Государственной думы может быть открыто после распубликования Правительствующим сенатом списка половины общего числа членов Государственной думы от губерний, управляемых по общему учреждению, и области Войска Донского.

С обеспечением на указанных выше основаниях права участия в выборах в Государственную думу за всеми теми частями населения, коим оказалось возможным предоставить это право, не останавливая начатого производства выборов, Мы признаем необходимым ускорить дальнейший ход выборов в Думу и, вследствие того, поручаем управляющему министерством внутренних дел: 1) безотлагательно принять меры к тому, чтобы Дума могла собраться, по возможности,

в самый непродолжительный срок, и 2) определить подробности порядка составления дополнительных избирательных списков и производства выборов особою инструкциею.

Правительствующий сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ»

Полное собрание законов Российской империи.
Собр. III. Т. XXV. Отд-ние 1-е.
СПб., 1908. Ст. 27029. С. 877–882.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗ, ДАННЫЙ СЕНАТУ О ВРЕМЕННЫХ ПРАВИЛАХ ОБ ОГРАЖДЕНИИ СВОБОДЫ И ПРАВИЛЬНОСТИ ПРЕДСТОЯЩИХ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ И ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ, А ТАКЖЕ БЕСПРЕПЯТСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИХ УСТАНОВЛЕНИЙ

1906 года, марта 8

В ограждение свободы и правильности предстоящих выборов в Государственный совет и Государственную думу, а также беспрепятственной деятельности сих государственных установлений, признали Мы за благо установить временные по сему предмету правила, выработанные Советом министров и рассмотренные затем, по Нашему предуказанию, Государственным советом.

Вследствие сего, повелеваем:

В изменение и дополнение подлежащих узаконений, постановить нижеследующие правила:

1. Виновный в воспрепятствовании избирателю или выборщику угрозою, насилием над личностью, злоупотреблением властью или отлучением от общения свободно осуществлять право выборов в Государственный совет или Государственную думу наказывается:

заключением в тюрьме от четырех до восьми месяцев.

Если сие деяние учинено несколькими лицами или же служащим в правительственном или общественном установлении, при исполнении служебных обязанностей по наблюдению за правильностью выборов, то виновный наказывается:

заключением в тюрьме от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев.

Сверх того, если виновный принадлежит к числу лиц, пользующихся правами государственной службы, и преступное деяние учинено им при исполнении служебных обязанностей, суду предоставляется присоединить к тюремному заключению удаление от должности.

2. Виновный в возбуждении к противодействию выборам в Государственный совет или Государственную думу или к массовому воздержанию от участия в сих выборах наказывается:

заключением в тюрьме от четырех до восьми месяцев.

3. Виновный в склонении посредством угощения, подарка или обещания личной выгоды, избирателя или выборщика к подаче при выборах в Государственный совет или Государственную думу голоса в пользу свою или другого лица наказывается:

заключением в тюрьме от двух до восьми месяцев.

Тому же наказанию подвергается и избиратель или выборщик, согласившийся за угощение, подарок или личную выгоду подать голос в пользу другого лица.

Сверх того, суду предоставляется лишить виновного избирательного права на предстоящих первых выборах в Государственный совет или Государственную думу.

4. Виновный в воспрепятствовании занятиям предвыборных собраний, собраний по выборам в Государственный совет или Государственную думу и выборных комиссий угрозами, насилием над личностью, злоупотреблением властью, повреждением помещения, предназначенного для собрания, а также искусственным заражением в нем воздуха, если не подлежит за совершенные им действия более строгому наказанию, наказывается:

лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдачею в исправительные арестантские отделения от полутора до двух лет.

Если сие деяние учинено несколькими вооруженными лицами, то виновный наказывается:

лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдачею в исправительные арестантские отделения от четырех до шести лет.

5. Лицо, заведомо не имеющее или утратившее право участия в выборах в Государственный совет или Государственную думу, виновное в участии в сих выборах, наказывается:

арестом от трех недель до трех месяцев.

Сему же наказанию подлежит виновный в подаче при выборах голоса в одном и том же избирательном участке, собрании или съезде более одного раза, или в подаче голоса от имени другого лица, или же в подаче голоса, по допускаемому законом участию в выборах за другое лицо, при заведомом отсутствии на то полномочия.

6. Виновный в умышленных злоупотреблениях при отбирании или с чете голосов при выборах в Государственный совет или Государственную думу наказывается:

лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдачею в исправительные арестантские отделения от полутора до двух лет.

7. Виновный в похищении или умышленном повреждении избирательных

списков, выборных записок или производств, а также в подложном их составлении, наказывается:

лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдачею в исправительные арестантские отделения от полутора до двух лет.

Если сие деяние учинено несколькими вооруженными лицами, то виновный наказывается:

лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдачею в исправительные арестантские отделения от четырех до шести лет.

8. Виновный в недопущении угрозами, насилием над личностью или злоупотреблением властью члена Государственного совета или Государственной думы к исполнению обязанностей сего звания наказывается:

лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдачею в исправительные арестантские отделения от 4 до 5 лет.

9. Виновный в воспрепятствовании занятиям Государственного совета или Государственной думы угрозою, насилием над личностью или повреждением помещения сих установлений, а также искусственным заражением в сем помещении воздуха, наказывается:

лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдачею в исправительные арестантские отделения от пяти до шести лет.

Если сие деяние учинено несколькими вооруженными лицами, то виновный наказывается:

лишением всех прав состояния и ссылкою в каторжные работы от восьми до десяти лет.

10. Возбуждение дел о преступных деяниях, предусмотренных статьями 1, 3, 5 и 6 сего указа, допускается лишь в течение трех месяцев со времени совершения преступного деяния.

11. Дела о предусмотренных настоящим указом преступных деяниях, учиненных служащим, возбуждаются в общем порядке судопроизводства, с преданием виновных суду без участия их начальства.

12. Дела о предусмотренных настоящим указом преступных деяниях подлежат ведению окружных судов на общем основании, за исключением дел о должностных лицах, которые подчиняются правилам о подсудности преступлений [по] должности.

Правительствующий сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном собственною Его императорского величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ»

Полное собрание законов Российской империи.
Собр. III. Т. XXVI. Отд-ние 1-е.
СПб., 1909. Ст. 27506. С. 225–227.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ МНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ПО ПРОЕКТУ ВРЕМЕННЫХ ПРАВИЛ ОБ ОГРАЖДЕНИИ СВОБОДЫ И ПРАВИЛЬНОСТИ ПРЕДСТОЯЩИХ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ И ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ, А ТАКЖЕ БЕСПРЕПЯТСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИХ УСТАНОВЛЕНИЙ

1906 года, марта 8

Государственный совет в чрезвычайном общем собрании, рассмотрев меморию Совета министров по проекту временных правил об ограждении свободы и правильности предстоящих выборов в Государственный совет и Государственную думу, а также беспрепятственной деятельности сих установлений, *мнением положил:*

I. Проект указа Правительствующему сенату поднести к Высочайшему Его Императорского Величества подписанию.

II. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (Свода зак[онов, т.] XV, изд. 1885 г. и по Прод[олжению] 1902 г.), дополнить следующею статьею:

Статья 39^2. За нарушение посторонним лицом порядка в заседаниях Государственного совета или Государственной думы виновный подвергается:

аресту не свыше трех месяцев.

III. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (Свода зак[онов, т.] XV, изд. 1885 г. и по Прод[олжению] 1902 г.) дополнить следующею статьею:

Статья 286^2. Виновные в оскорблении выборных членов Государственного совета или членов Государственной думы, при исполнении или вследствие исполнения ими обязанностей своего звания, подвергаются наказаниям, определенным в статьях 285 и 286 сего Уложения.

Резолюция. Его Императорское Величество воспоследовавшее мнение в чрезвычайном общем собрании Государственного совета по проекту временных правил об ограждении свободы и правильности предстоящих выборов в Государственный совет и Государственную думу, а также беспрепятственной деятельности сих установлений, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

Полное собрание законов Российской империи.
Собр. III. Т. XXVI. Отд-ние 1-е.
СПб., 1909. Ст. 27507. С. 227.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

1907 года, июня 3

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано:

«Быть по сему»

ПОЛОЖЕНИЕ

1 Выборы в Государственную думу производятся: 1) по губерниям и областям, указанным в статьях 2–4 и 2) по городам: С.-Петербургу и Москве, а также Варшаве, Киеву, Лодзи, Одессе и Риге.

2. Выборы в Государственную думу от губерний, управляемых по Общему учреждению, а равно от губерний Тобольской и Томской, от области Войска Донского и от городов: С.-Петербурга, Москвы, Киева, Одессы и Риги производятся на основаниях, указанных в статьях 6–147.

3. Выборы в Государственную думу по областям и губерниям Кавказского края, по областям. Амурской, Приморской и Забайкальской, а равно от русского населения Виленской и Ковенской губерний и города Варшавы производятся на основаниях правил, изложенных в статьях 148–223.

4. Выборы в Государственную думу от губерний и городов Царства Польского, от губерний Енисейской и Иркутской, а равно от православного населения Люблинской и Седлецкой губерний и от казаков Уральского казачьего войска, производятся на основаниях, указанных в статьях 224–380.

5. Число членов Государственной думы по губерниям, областям и городам устанавливается приложенным к этой статье расписанием[1].

Раздел первый

О ПРОИЗВОДСТВЕ ВЫБОРОВ ОТ ГУБЕРНИЙ, УПРАВЛЯЕМЫХ ПО ОБЩЕМУ УЧРЕЖДЕНИЮ, ОТ ГУБЕРНИЙ ТОБОЛЬСКОЙ И ТОМСКОЙ, ОТ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО, ОТ ГОРОДОВ: С.-ПЕТЕРБУРГА, МОСКВЫ, КИЕВА, ОДЕССЫ И РИГИ, ОТ ГУБЕРНИЙ И ОБЛАСТЕЙ КАВКАЗСКОГО КРАЯ, ОТ ОБЛАСТЕЙ АМУРСКОЙ, ПРИМОРСКОЙ И ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ, А РАВНО ОТ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВИЛЕНСКОЙ И КОВЕНСКОЙ ГУБЕРНИЙ И ГОРОДА ВАРШАВЫ

Глава первая
Общие положения

6. Избрание членов Государственной думы по губерниям, и областям (ст. 1, п. 1) производится губернским избирательным собранием. Собрание это обра-

[1]Приложения к отдельным статьям данного Положения не публикуются.

зуется, под председательством губернского предводителя дворянства или лица, его заменяющего, из выборщиков, избираемых в каждом уезде: 1) съездом землевладельцев; 2) первым съездом городских избирателей; 3) вторым съездом городских избирателей; 4) съездом уполномоченных от волостей и 5) съездом уполномоченных от казачьих станиц, в губерниях, где таковые имеются. Сверх того, в губерниях, указанных в расписании, приложенном к статье 8, в избрании членов Государственной думы в составе губернского избирательного собрания участвуют выборщики, избираемые губернскими съездами уполномоченных от рабочих в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности.

7. Избрание членов Государственной думы от указанных в статье 2 городов производится посредством прямой подачи голосов.

8. Общее число выборщиков по каждой губернии или области, а равно распределение их между уездами и съездами, устанавливается приложенным к сей статье расписанием.

9. В выборах не участвуют: 1) лица женского пола; 2) лица моложе двадцати пяти лет; 3) обучающиеся в учебных заведениях; 4) воинские чины армии и флота, состоящие на действительной военной службе; 5) бродячие инородцы и 6) иностранные подданные.

10. Кроме указанных в предшедшей (9) статье лиц, в выборах не участвуют также: 1) подвергшиеся суду за преступные деяния, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, либо исключение из службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденого или полученного через обман имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы после состоявшегося осуждения они и были освобождены от наказания за давностью, примирением, силою всемилостивейшего манифеста или особого Высочайшего повеления; 2) отрешенные по судебным приговорам от должности – в течение трех лет со времени отрешения, хотя бы они и были освобождены от сего наказания за давностью, силою всемилостивейшего манифеста или особого Высочайшего повеления; 3) состоящие под следствием или судом по обвинениям в преступных деяниях, означенных в пункте 1 сей (10) статьи или влекущих за собой отрешение от должности; 4) подвергшиеся несостоятельности впредь до определения свойства ее; 5) состоящие под опекой; 6) несостоятельные, о которых дела сего рода приведены уже к окончанию, кроме тех, несостоятельность которых признана несчастною; 7) лишенные духовного сана или звания за пороки, или же исключенные из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат, и 8) осужденные за уклонение от воинской повинности.

11. Не принимают участия в выборах: 1) губернаторы и вице-губернаторы, а равно градоначальники и их помощники – в пределах подведомственных им местностей, и 2) лица, занимающие полицейские должности – в губернии, области или городе, по которым производятся выборы.

12. Никто не может иметь на выборах более одного голоса. Каждый избира-

тель может осуществлять свое право на участие в выборах лишь в одном съезде (ст. 27) или разряде (ст. 42) избирателей. Лица, владеющие избирательными цензами в пределах двух или более уездов, или городов, указанных в статье 2, осуществляют свое право на участие в выборах в съезде или разряде, ими избранном. При сем соблюдаются правила, установленные в статьях 61–63.

13. Лица, владеющие недвижимым имуществом, в том числе и лица, указанные в пункте 4 статьи 9, могут предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участия в выборах своим сыновьям.

14. Лица женского пола могут предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участия в выборах своим мужьям и сыновьям.

15. Доверенности на предоставление имущественного ценза для участия в выборах (ст. 13 и 14) не могут быть выдаваемы лицам, которые не допускаются к участию в выборах по основаниям, указанным в статьях 9–11. Доверенности эти могут быть засвидетельствованы как нотариальным порядком, так равно начальством уполномочивающих лиц, полицией, мировым либо городским судьей и земским или крестьянским начальником.

16. Если несколько лиц имеют недвижимое имущество в общем нераздельном владении, то каждый из них считается владельцем причитающейся на его долю части имущества и согласно сему пользуется правом голоса на выборах.

17. В местностях, в которых нет губернских предводителей дворянства, указанные в сем (1) разделе обязанности их возлагаются на лиц, назначаемых Высочайшею властью. Обязанности прочих должностных лиц, в сем (1) разделе упомянутые, в местностях, где таковых лиц не имеется, исполняются другими соответствующими по роду обязанностей должностными лицами, по указанию министра внутренних дел.

18. Подача заявлений и жалоб по делам о выборах не останавливает выборного производства.

19. При исчислении сроков на подачу жалоб и заявлений, относящихся к производству выборов, началом срока считается день, следующий за совершением действия или объявлением решения, на которое приносится жалоба. Если последний день срока приходится на день неприсутственный, то окончанием срока считается первый следующий затем присутственный день.

20. Преступные деяния, совершенные при производстве выборов в Государственную думу, подлежат преследованию и наказанию на основании примечания 5 (по Прод. 1906 г.) к статье 158 и статей 328^1–328^7 (по Прод. 1906 г.) Уложения о наказаниях и примечания (по Прод. 1906 г.) к статье 204, статьи 1101^1 (по Прод. 1906 г.) и примечания (по Прод. 1906 г.) к статье 1260 Устава уголовного судопроизводства.

21. Издержки, вызываемые исполнением обязанностей, возложенных правилами, сего (1) раздела на земские и городские управы и учреждения, их заменяющие, относятся на счет подлежащих земств и городов; прочие издержки по производству выборов относятся на счет казны.

22. Для избирательных собраний и съездов предоставляются безвозмездно помещения уездных съездов, съездов мировых судей, мировых съездов, а равно

дворянских и земских собраний, городских дум и заменяющих их учреждений. В случае недостаточности означенных помещений, избирательные собрания и съезды происходят в безвозмездно предоставляемых для сей цели помещениях иных правительственных (кроме полицейских) или общественных установлений, по указанию губернатора или градоначальника, по принадлежности.

23. Все распоряжения, относящиеся к составлению избирательных списков и производству выборов, возлагаются на министра внутренних дел.

24. Общий надзор за правильным производством выборов возлагается, под руководством министра внутренних дел, на губернаторов и градоначальников, по принадлежности. Им предоставляется требовать от подлежащих мест и лиц сведения о ходе и порядке выборов, обозревать выборные производства и давать указания к обеспечению правильного хода выборов, а также, в порядке надзора, предлагать об усмотренных неправильностях на обсуждение уездных и губернских по делам о выборах комиссий, приносить протесты на постановления уездных по делам о выборах комиссий в губернские комиссии и об отмене решений сих последних предоставлять Правительствующему сенату.

25. Подробности порядка производства выборов, не предусмотренные правилами сего (1) раздела, определяются инструкцией министра внутренних дел, публикуемой во всеобщее сведение через Правительствующий сенат.

26. Представления о разъяснении сомнений по применению правил, изложенных в статьях 1–223, вносятся в Правительствующий сенат и разрешаются в Первом его департаменте окончательно, по выслушании заключения обер-прокурора, большинством голосов присутствующих сенаторов, в случае же равенства голосов – по мнению, принятому сенатором, исполняющим обязанности первоприсутствующего.

Глава вторая
Об избирательных съездах

27. Съезды избирателей созываются в губернском или уездном городе, по принадлежности, под председательством: съезды землевладельцев и уполномоченных от волостей – уездного предводителя дворянства, съезды городских избирателей, а также съезды уполномоченных от рабочих – под председательством городского головы губернского или уездного города, по принадлежности, или лиц, их заменяющих. Для уездов указанных в статье 2 городов образуются в сих городах отдельные съезды городских избирателей уезда. В случае невозможности для предводителя дворянства или городского головы председательствовать в каком-либо из отделений избирательного съезда (ст. 29 и 35) председательство в оном возлагается на особое лицо, приглашаемое губернатором из числа избирателей.

28. В съезде землевладельцев участвуют: 1) лица, владеющие не менее одного года в уезде на праве собственности или пожизненного владения обложенною сбором на земские повинности землею в количестве, определенном для каждого уезда в приложенном к сей статье расписании; 2) лица, владеющие в уезде на посессионном праве горнозаводскими дачами в количестве, указанном в том же

расписании; 3) лица, владеющие не менее одного года в уезде на праве собственности, или пожизненного владения иным, кроме земли, недвижимым, не составляющим торгово-промышленного заведения, имуществом, стоимостью по земской оценке не ниже пятнадцати тысяч рублей; 4) уполномоченные от лиц, владеющих в уезде землею (п. 1) или иным недвижимым имуществом (п. 3), если количество такой земли либо стоимость такого имущества не достигают размеров, дающих право непосредственного участия в съезде землевладельцев, и 5) уполномоченные от настоятелей церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий, если церковь или причт либо молитвенный дом владеют в уезде землею.

29. Съезд землевладельцев может быть разделяем, по распоряжению министра внутренних дел, на отделения: 1) по местностям уезда или по разрядам избирателей соответственно роду владеемого ценза и 2) по национальностям избирателей. Положенное на съезде число выборщиков распределяется между отделениями: в первом случае – соответственно общей площади земли и оценочной стоимости иного недвижимого имущества, принадлежащих лицам, имеющим участие в каждом из отделений съезда как непосредственно, так и через уполномоченных, а во втором случае – в соответствии с общей площадью частной земельной собственности в уезде, состоящей во владении лиц каждой национальности.

30. Означенные в пунктах 4 и 5 статьи 28 уполномоченные от владельцев недвижимых имуществ и от настоятелей церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий избираются на предварительном их съезде. Смотря по местным удобствам, или созывается один общий для всего уезда съезд, или образуется, по распоряжению министра внутренних дел, несколько съездов. Отдельные предварительные съезды могут быть образуемы как по местностям уезда, так и по разрядам избирателей, соответственно роду и размеру владеемых цензов. Председательствование на предварительном съезде возлагается на уездного предводителя дворянства или лицо, его заменяющее. В случае образования в уезде нескольких отдельных предварительных съездов и невозможности для уездного предводителя дворянства председательствовать на этих съездах, губернатору предоставляется, для председательствования в означенных съездах, приглашать избирателей из числа лиц, имеющих право участия в съезде землевладельцев или предварительном съезде данного уезда. В уездах со смешанным населением предварительные съезды могут быть разделяемы по национальностям, с соблюдением порядка, указанного в статье 29.

31. Число уполномоченных, подлежащих избранию на предварительном съезде, определяется количеством земли, числящейся за лицами, явившимися на съезд, и итогом оценочной стоимости другого принадлежащего им недвижимого имущества, полагая по одному уполномоченному на полный избирательный ценз, установленный для участия в съезде землевладельцев.

32. В первом съезде городских избирателей участвуют: 1) лица, владеющие не менее года, в пределах городских поселений уезда, на праве собственности или пожизненного владения, недвижимым имуществом, стоющим по оценке, определенной для взимания земского или городского сбора: в городах губерн-

ских, областных или входящих в состав градоначальств, а равно в тех, население коих превышает двадцать тысяч душ, – не менее тысячи рублей, а в остальных городских поселениях – не менее трехсот рублей и 2) лица, не менее года владеющие в пределах уезда требующим выборки промыслового свидетельства торгово-промышленным предприятием: торговым – одного из первых двух разрядов, промышленным – одного из первых пяти разрядов или пароходным, с которого уплачивается основного промыслового налога не менее пятидесяти рублей в год.

33. Во втором съезде городских избирателей участвуют: 1) лица, владеющие не менее года, в пределах городских поселений уезда, на праве собственности или пожизненного владения, недвижимым имуществом, стоющим по оценке, определенной для взимания земского или городского сбора: в городах губернских, областных или входящих в состав градоначальств, а равно в тех, население коих превышает двадцать тысяч душ, – менее тысячи рублей, а в остальных городских поселениях – менее трехсот рублей; 2) лица, владеющие в пределах уезда не менее года торгово-промышленным предприятием, требующим выборки промыслового свидетельства, за исключением тех, которые участвуют в первом съезде городских избирателей; 3) лица, уплачивающие в пределах уезда не менее года государственный квартирный налог; 4) лица, уплачивающие в пределах уезда не менее года основной промысловый налог на личные промысловые занятия; 5) лица, не менее года занимающие в пределах городских поселений уезда на свое имя отдельную квартиру; 6) лица (за исключением нижних служителей и рабочих), не менее года проживающие в пределах уезда и не менее года получающие определенное содержание или пенсию по службе государственной или по службе в земских, городских либо сословных учреждениях или на железных дорогах.

34. К городским поселениям причисляются в отношении производства выборов в Государственную думу те местечки, в которых имеется мещанское управление и взимается государственный налог с городских недвижимых имуществ (Уст, прям. налог., изд. 1903 г., ст. 1, п. 1б).

35. Съезды городских избирателей могут быть разделяемы, по распоряжению министра внутренних дел, на отделения по местностям или по роду владеемых цензов, а в уездах со смешанным населением - и по национальностям. Положенное на съезде число выборщиков распределяется между отделениями в соответствии с числом избирателей, причисленных к каждому отделению.

Примечание. В отношении производства выборов Севастопольское градоначальство причисляется к Симферопольскому уезду Таврической губернии; город Кронштадт – к Петергофскому уезду С.-Петербургской губернии, а градоначальства: Керчь-Еникальское – к Феодосийскому уезду Таврической губернии и Николаевское – к Херсонскому уезду и губернии.

36. В Архангельской губернии, а равно в губерниях Тобольской и Томской предварительные съезды и съезды землевладельцев не образуются. Лица, имеющие право участия в съезде землевладельцев, причисляются в каждом уезде названных губерний к первому съезду городских избирателей, а лица, имеющие право участия в предварительных съездах, – к второму съезду городских избирателей. В Ставропольской губернии лица, имеющие право участия в первом съезде

городских избирателей, образуют один общий съезд вместе с лицами, имеющими участие в съезде землевладельцев.

37. В съезде уполномоченных от волостей участвуют выборные от волостных сходов уезда, по два от каждого схода. Выборные эти избираются волостными сходами из числа крестьян-домохозяев, принадлежащих к составу сельских обществ данной волости или приписанных к ней, которые, владея в пределах волости надельной или приобретенной в собственность землей и проживая в ней не менее года, лично ведут хозяйство. В съезде уполномоченных от казачьих станиц участвуют выборные от станичных сборов уезда в числе двух от каждой станицы. Выборные эти набираются станичными сборами из числа членов станичных обществ войскового сословия домохозяев, владеющих казачьей или приобретенной в собственность землей и лично ведущих на ней хозяйство.

38. В уездах со смешанным населением съезды уполномоченных от волостных сходов, по распоряжению министра внутренних дел, могут быть разделяемы по национальностям с распределением между ними выборщиков, в соответствии с числом уполномоченных, входящих в состав каждого отделения.

39. В губерниях Тобольской и Томской в съезде уполномоченных от волостей участвуют: 1) уполномоченные, избираемые по два от каждой волости, волостными сходами в местностях, где волости образованы на основании Общего положения о крестьянах (Особ. прил. зак. сост., изд. 1902 г., кн. 1, ст. 472); 2) уполномоченные от волостей, образованных на основании приложенных к примечанию к статье 70 Учреждения сибирского правил, избираемые по два от каждой волости, мирским сходом поверенных, отряжаемых по одному от каждых ста душ населения волости (Учр. Сибир., изд. 1892 г., ст. 70, прим., прил.: ст. 10–12), и 3) уполномоченные от кочевых инородцев, по одному на несколько стойбищ, или улусов, избираемые тем же порядком, каким выбираются головы и выборные в инородные управы (Пол. инор., изд. 1892 г., ст. 55, 56 и 58).

40. В Астраханской губернии образуется, кроме съездов уполномоченных от волостей, один общий съезд уполномоченных от станиц Астраханского казачьего войска, расположенных в пределах как Астраханской, так и Самарской и Саратовской губерний. Съезд созывается в городе Астрахани, под председательством лица, назначаемого наказным атаманом, и избирает положенное по расписанию (ст. 8) число выборщиков в астраханское губернское избирательное собрание.

41. В губерниях Курляндской, Лифляндской и Эстляндской уполномоченные от волостей избираются на общем волостном сходе из числа домохозяев, принадлежащих к составу данной волости и проживающих не менее года в пределах волости. В Измаильском уезде Бессарабской губернии вместо съезда уполномоченных от волостей образуется съезд уполномоченных от сельских общин, по одному от каждой общины. Уполномоченные эти избираются в каждой общине общим собранием не менее года проживающих в пределах общины и лично ведущих хозяйство владельцев надельной земли, созываемым под председательством примара общины.

42. В указанных в статье 2 городах избрание членов Государственной думы

производится отдельно двумя разрядами избирателей:

I. В выборах по первому разряду участвуют: 1) лица, владеющие в пределах города, на праве собственности или пожизненного владения, не менее года недвижимым имуществом, стоющим по оценке, определенной для взимания городского сбора: в столицах – не менее трех тысяч рублей, а в остальных городах – не менее тысячи пятисот рублей; 2) лица, владеющие в пределах города не менее года требующим выборки промыслового свидетельства торгово-промышленным предприятием: а) в столицах – торговым – первого разряда, промышленным – одного из первых трех разрядов или пароходным, по содержанию которого уплачивается не менее пятисот рублей в год основного промыслового налога, б) в прочих городах – торговым – первых двух разрядов, промышленным – одного из первых пяти разрядов или пароходным, по содержанию которого уплачивается не менее пятидесяти рублей в год основного промыслового налога.

II. В выборах по второму разряду участвуют: 1) лица, владеющие в пределах города не менее года на праве собственности или пожизненного владения недвижимым имуществом, оцененным для взимания городского сбора в сумме ниже: в столицах – трех тысяч рублей, а в остальных городах – тысячи пятисот рублей; 2) лица, владеющие в пределах города не менее года торгово-промышленным предприятием, требующим выборки промыслового свидетельства, за исключением тех, которые дают право участия в выборах по первому разряду; 3) лица, уплачивающие в пределах города не менее года основной промысловый налог на личные промысловые занятия; 4) лица, уплачивающие в пределах города не менее года государственный квартирный налог; 5) лица, не менее года занимающие в пределах города на свое имя отдельную квартиру, и 6) лица (за исключением нижних служителей и рабочих), не менее года проживающие в пределах города и не менее года получающие определенное содержание или пенсию по службе государственной или по службе в земских, городских, либо сословных учреждениях или на железных дорогах.

43. В губернском съезде уполномоченных от рабочих участвуют уполномоченные от рабочих тех, находящихся в поименованных в приложении к статье 8 губерниях, предприятий фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, в коих общее число рабочих мужского пола не менее пятидесяти, кому бы эти предприятия ни принадлежали.

Примечание. К предприятиям фабрично-заводской промышленности причисляются и железнодорожные мастерские, с указанным в этой (43) статье общим числом рабочих мужского пола.

44. Рабочие избирают из своей среды уполномоченных по следующему расчету: в предприятиях с общим числом рабочих мужского пола от пятидесяти до тысячи – одного уполномоченного, а в предприятиях с общим числом рабочих свыше тысячи – по одному уполномоченному на каждую полную тысячу рабочих. В уполномоченные могут быть избираемы рабочие мужского пола, работающие в том предприятии, в котором производятся выборы, не менее шести месяцев.

Глава третья
О губернских и уездных по делам о выборах комиссиях

45. Для проверки правильности выборов и рассмотрения заявлений и жалоб по делам о выборах учреждаются губернские и уездные по делам о выборах комиссии, а в городе Одессе – городская по делам о выборах комиссия.

46. Губернские по делам о выборах комиссии образуются, под председательством председателя окружного суда, из предводителя дворянства уезда губернского города, председателя губернской земской или по делам земского хозяйства управы, городского головы губернского города или лица, его заменяющего, одного из членов окружного суда, по назначению общего его собрания, непременного члена губернского по земским и городским или по городским делам присутствия, одного из непременных членов губернского присутствия или губернского по крестьянским делам присутствия, по назначению губернатора и старшего советника губернского правления. Кроме того, в состав губернской по делам о выборах комиссии входит, по приглашению губернатора, один из начальников местных губернских управлений.

47. Одесская городская по делам о выборах комиссия образуется, под председательством председателя окружного суда, из уездного предводителя дворянства, городского головы, председателя уездной земской управы, одного из членов окружного суда, по назначению общего его собрания, и одного из начальников местных управлений, по приглашению градоначальника.

48. В губерниях Тобольской и Томской губернские по делам о выборах комиссии образуются, под председательством председателя окружного суда, из управляющего казенной палатой, одного из членов окружного суда, по назначению общего его собрания, городского головы губернского города и непременного члена общего присутствия губернского управления.

49. Уездные по делам о выборах комиссии образуются, под председательством члена окружного суда, по назначению общего его собрания, из уездного предводителя дворянства, мирового или городского судьи, по назначению съезда мировых судей или общего собрания окружного суда, по принадлежности, председателя уездной земской управы, городского головы уездного города и одного из земских начальников, по назначению уездного съезда.

50. В губерниях Тобольской и Томской уездные по делам о выборах комиссии образуются, под председательством члена окружного суда, по назначению общего собрания, председателя уездного съезда крестьянских начальников, городского головы или городского старосты и одного из крестьянских начальников, по назначению уездного съезда.

51. Должностные лица, входящие в состав губернской или уездной по делам о выборах комиссии, не принимают участия в разрешении жалоб на личные их действия.

Глава четвертая
Об избирательных списках

52. Списки лиц, имеющих право участия в выборах на съездах землевладельцев и городских избирателей, составляются и содержатся в исправности: по предварительному съезду и по съезду землевладельцев – уездной земской управой или управой по делам земского хозяйства, а в местностях, где таких управ не имеется, – уездным полицейским управлением, а по первому и второму съездам городских избирателей – городской управой губернского или уездного города, по принадлежности, или учреждением, ее заменяющим.

53. В безуездных городах и в местечках, указанных в статье 34, списки избирателей составляются: в городах – городскими управами или учреждениями, их заменяющими, а в местечках – мещанскими управами, отдельно для каждого из этих городских поселений, и сообщаются городской управе уездного города. Списки городских избирателей для уездов, принадлежащих к городам, перечисленным в статье 2, составляются городскими управами этих городов.

54. Лица, имеющие по владеемым ими цензам право на участие в выборах по первому и второму съездам городских избирателей, вносятся в список по тому съезду, который сами укажут, а если такого заявления не последует, то в список по первому съезду.

55. В указанных в статье 2 городах списки лиц, имеющих право участия в выборах, составляются по каждому из двух разрядов избирателей отдельно и содержатся в исправности городской управой.

56. Лица, имеющие право участия в выборах по обоим разрядам избирателей (ст. 55), включаются в список по тому из разрядов, который сами укажут, а если такого заявления не последует, то в список избирателей первого разряда. Лица, имеющие по избирательным цензам право участия в выборах в двух или нескольких избирательных участках (ст. 135), включаются в список того участка, который сами укажут, а если такого заявления не последует, то в список того участка, в котором имеют место жительства.

57. Лица, пользующиеся правом участия в выборах по занимаемым ими квартирам, по коим не уплачивается квартирный налог, или по получаемым ими пенсиям, если желают воспользоваться правом участия в выборах, обязаны письменно заявить о том учреждению, составляющему избирательные списки, до распубликования последних, с представлением надлежащих удостоверений. Прочие лица, имеющие самостоятельное право участия в выборах, вносятся в списки независимо от их о том заявлении.

58. Лица, желающие принять участие в выборах по недвижимому имуществу своих отцов, матерей или жен, обязаны представить доверенности (ст. 15) до распубликования избирательных списков в учреждения, составляющие избирательные списки, а после распубликования последних в течение двух недель – в подлежащие комиссии по делам о выборах, для внесения в списки в порядке исправления последних.

59. Учреждения, на которые возлагается составление избирательных спи-

сков, имеют право пользоваться необходимыми для сего сведениями, находящимися в делах подлежащих присутственных мест и у должностных лиц. Списки лиц, уплачивающих промысловый или государственный квартирный налог, сообщаются этим учреждениям казенными палатами и местными податными инспекторами, а списки лиц, имеющих, право участия в выборах по получаемому ими содержанию, – учреждениями, в которых означенные лица состоят на службе.

60. Лица, имеющие право участия в выборах, вносятся в избирательные списки по алфавиту. Относительно каждого лица отмечается: 1) его имя, отчество, фамилия и 2) избирательный ценз. Относительно лиц, участвующих в выборах по недвижимому имуществу их отцов, матерей или жен, делается в списках соответствующая отметка.

61. Рабочие, имеющие право участия в выборах на основаниях, указанных в статье 43, не подлежат внесению в избирательные списки по съездам землевладельцев и городских избирателей, хотя бы и владели установленным для того цензом, а равно не участвуют в избрании уполномоченных от волостных сходов и станичных сборов.

62. Лица, принадлежащие к составу сельских и волостных обществ уезда, не подлежат внесению в списки землевладельцев и городских избирателей по этому уезду, хотя бы и владели установленным для того цензом.

63. Владение землей, входящей в состав надельных крестьянской либо станичной земель, а также крестьянской повинностной земли в Лифляндской губернии, крестьянской арендной земли в Эстляндской губернии и на острове Эзель и крестьянских участков в Курляндской губернии, хотя бы означенные земли были выкуплены в собственность, не дает владельцам оных права на внесение их в избирательный список землевладельцев.

64. Владелец имения, соответствующего в целом составе по размерам установленному законом цензу, но расположенного в двух или более смежных уездах, из которых в каждом количество земли не достигает размера, установленного для участия в выборах, вносится в избирательный список того уезда, который владелец укажет, а если такого заявления не последует, то включается в список того уезда, где находится большая часть имения.

65. При исчислении годичного срока владения недвижимым имуществом принимается в расчет и срок владения этим имуществом наследодателя в восходящей линии.

66. Для участия в выборах на основании пункта 5 статьи 28 в подлежащие избирательные списки вносятся настоятели церквей и молитвенных домов.

67. Директоры (председатели) и члены правлений таких акционерных обществ и компаний, равно как паевых и иных товариществ по участкам, которые владеют фабриками, заводами или горными промыслами, а также управляющие этими фабриками, заводами или промыслами, если перечисленные лица уплачивают основной промысловый налог на личные промысловые занятия вне пределов того города или уезда, в которых находятся те фабрики, заводы или промыслы, вносятся в избирательные списки по месту нахождения фабрики, завода или

промысла, а не по месту уплаты налога. Если общества, компании и товарищества владеют фабриками, заводами или горными промыслами в разных городах или уездах, то каждое из упомянутых лиц включается в избирательный список того из означенных городов или уездов, который само изберет.

68. Избирательные списки публикуются не позднее как за четыре недели до выборов в местных ведомостях и, сверх того, объявляются во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этих списков.

69. Список избирателей с относящимися к нему документами может быть обозреваем заинтересованными лицами в помещении учреждения, которым он составляется, в дни и часы, для того назначенные.

70. Лица, не внесенные в избирательные списки, или до начала выборов утратившие избирательный ценз, в выборах не участвуют.

71. Ко времени производства выборов в каждом предприятии, рабочие которого принимают участие в выборах (ст. 43), вывешивается за подписью подлежащего должностного лица фабричного или горного надзора, а в железнодорожных мастерских – начальника мастерской объявление об общем числе рабочих данного предприятия и числе подлежащих избранию от них уполномоченных.

72. Общий по губернии список предприятий, в которых производятся выборы (ст. 43), с указанием общего числа рабочих и числа подлежащих избранию от них уполномоченных, оглашается губернатором во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этого списка.

73. В течение двух недель со дня распубликования избирательных списков в местных ведомостях заинтересованные лица могут подавать жалобы и заявления о неправильности и неполноте указанных в статье 52 списков – в уездную по делам о выборах комиссию, а упомянутых в статье 55 списков – в губернскую по делам о выборах комиссию, по городу же Одессе – в городскую по делам о выборах комиссию.

74. По рассмотрении избирательных списков и поступивших жалоб и заявлений, подлежащая комиссия объявляет лицам, подавшим жалобы и заявления, о своих по оным постановлениях. Изменения, внесенные в первоначальные списки, публикуются в местных ведомостях и, сверх того, объявляются во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этих изменений.

75. После опубликования в местных ведомостях об исправлении списков никакие в них дополнения или изменения не допускаются, за исключением тех, которые могут последовать в разрешение жалоб, принесенных на постановление подлежащей комиссии, или в порядке надзора.

Глава пятая
О производстве выборов

Отделение первое
О ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ СОБРАНИЯХ

76. Избирателям и выборщикам предоставляется образовывать особые под-

готовительные собрания для совещания о лицах, достойных быть избранными.

77. В подготовительных собраниях избирателей принимают участие только лица, внесенные в список избирателей данного избирательного съезда или данного избирательного разряда, а также председатель этого съезда. В подготовительных собраниях выборщиков могут присутствовать только выборщики одного и того же избирательного собрания, а также председатель его.

78. Подготовительные собрания избирателей и выборщиков могут происходить лишь в закрытых помещениях.

79. О времени и месте подготовительного собрания избиратели и выборщики заявляют начальнику местной полиции не позднее, как за двадцать четыре часа до собрания, с приложением именных списков устроителей,

80. Начальнику местной полиции предоставляется назначать, для присутствия в подготовительном собрании избирателей, одного из подведомственных ему чинов, по требованию которого собрание должно быть немедленно закрыто.

81. Подготовительные собрания избирателей могут быть закрываемы полицией в следующих случаях: 1) когда собрание явно отклонится от предмета его занятий; 2) когда в собрании высказываются суждения, возбуждающие вражду одной части населения против другой; 3) когда в собрании производятся неразрешенные денежные сборы; 4) когда в нем оказываются лица, в собрания не допускаемые, и лица эти не покинут собрания или не будут из него удалены и 5) когда нарушен порядок собрания мятежными возгласами либо заявлениями, восхвалением либо оправданием преступлений, возбуждением к насилию либо неповиновению властям, или же распространением преступных воззваний либо изданий, и, вследствие того, собрание приняло характер, угрожающий общественным спокойствию и безопасности.

82. В подготовительных собраниях выборщиков чины полиции не присутствуют, но наблюдают за тем, чтобы посторонние лица не имели доступа в помещение, в котором происходит собрание.

Отделение второе
О ПРОИЗВОДСТВЕ ВЫБОРОВ УПОЛНОМОЧЕННЫХ НА ВОЛОСТНЫХ СХОДАХ, СТАНИЧНЫХ СБОРАХ И ОТ РАБОЧИХ НА ФАБРИКАХ И ЗАВОДАХ

83. Избрание уполномоченных от волостей и станиц, в избирательные съезды производится наличным составом выборных от сельских и станичных обществ, избранных для решения текущих дел.

84. Выборы уполномоченных от волостей и станиц назначаются в каждом уезде, по возможности, в один и тот же день, определяемый губернатором.

85. При производстве выборов на волостных сходах и станичных сборах, а также на общих собраниях владельцев надельной земли в Измаильском уезде Бессарабской губернии могут присутствовать исключительно лица, входящие в состав этих сходов, сборов и собраний.

86. Выборы уполномоченных от волостей и станиц производятся на во-

лостных сходах и станичных сборах закрытой подачей голосов посредством баллотировки.

87. Приговоры волостных сходов и станичных сборов, а также общих собраний владельцев надельной земли в Измаильском уезде Бессарабской губернии об избрании уполномоченных представляются, не далее следующего за выборами дня, волостными старшинами и станичными атаманами, а равно примарами сельских общин в уездную по делам о выборах комиссию.

Примечание. Приговоры волостных сходов по предмету, указанному в сей статье, не подлежат рассмотрению земских начальников и соответствующих им должностных лиц.

88. Жалобы на постановления волостных сходов и станичных сборов, а также общих собраний владельцев надельной земли в Измаильском уезде Бессарабской губернии по делам о выборах уполномоченных подаются в трехдневный со дня производства выборов срок, или непосредственно в уездную по делам о выборах комиссию, или волостным старшинам либо станичным атаманам, либо примарам, по принадлежности, для безотлагательного представления этих жалоб в означенную комиссию.

89. Волостным сходам и станичным сборам, а также общим собраниям владельцев надельной земли в Измаильском уезде Бессарабской губернии предоставляется назначать избранным от них уполномоченным особое вознаграждение из волостных мирских, станичных и общинных сборов на покрытие расходов по поездке уполномоченных для участия в выборах в уездный город.

90. Избрание уполномоченных от рабочих производится во всех предприятиях губернии, по возможности, в один и тот же день, назначаемый губернатором.

91. Способ и порядок избрания уполномоченных определяется самими рабочими каждого предприятия. Для поддержания порядка во время выборов и для руководства ходом последних рабочие избирают из своей среды одного или нескольких председателей.

Примечание. Избрание уполномоченных от рабочих производится в помещениях, отводимых для этой цели владельцами предприятий. Во время производства выборов лица, в них не участвующие, в указанные помещения не допускаются.

92. Жалобы на неправильности, допущенные при избрании уполномоченных от рабочих, приносятся уездным по делам о выборах комиссиям. При рассмотрении упомянутых жалоб в состав уездных по делам о выборах комиссий входит один из чинов фабричного или горного надзора, по назначению губернатора.

93. Списки уполномоченных, избранных рабочими каждого предприятия, подписываются председателями и не менее как десятью избирателями. Списки эти передаются фабричному или заводскому управлению или начальству железнодорожной мастерской, которые немедленно препровождают их губернатору. Копии списков вывешиваются на видных местах для сведения рабочих. В указанных списках должны быть обозначены: имя, отчество, фамилия, звание и возраст лиц, избранных в уполномоченные.

94. Общий по губернии или области список уполномоченных от рабочих, с

указанием предприятий, от которых уполномоченные избраны, оглашается губернатором во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этого списка.

95. Уполномоченным от рабочих, в случае их о том ходатайства, возмещаются из казны путевые издержки по поездкам в губернский город на съезды по расчету пяти копеек на версту в оба пути.

Отделение третье
О ПРОИЗВОДСТВЕ ВЫБОРОВ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СЪЕЗДАХ

96. Съезды избирателей и предварительные съезды открываются в дни, назначаемые губернатором, который о времени и месте их открытия оглашает во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность такого объявления.

97. Выборы на предварительных съездах, а равно на тех избирательных съездах и отделениях последних, в состав которых входит по спискам менее пятисот лиц, производятся закрытой подачей голосов посредством баллотировки шарами. Выборы на избирательных съездах и в отделениях последних, в состав которых входит по спискам более пятисот лиц, производятся закрытой подачей голосов посредством записок.

98. Предварительные и те избирательные съезды, выборы на которых производятся посредством баллотировки шарами (ст. 97), открываются в двенадцать часов дня и продолжаются до тех пор, пока не будут пробаллотированы все избиратели, изъявившие на то желание. Лица, прибывшие после приступа к выборам, к участию в них не допускаются. На съездах, по которым выборы производятся посредством записок, подача последних производится в один день, начиная с девяти часов утра и до девяти часов вечера.

99. При производстве выборов в съездах, кроме председателей, могут присутствовать исключительно лица, имеющие право участия в выборах по данному съезду.

100. Способ удостоверения личности избирателей и уполномоченных, а равно проверка их полномочия предоставляется председателю съезда.

101. Открывая избирательный съезд, председатель прочитывает статьи закона, относящиеся до порядка выборов и условий участия в них, а равно избирательный список. Засим на съездах, выборы по которым производятся посредством баллотировки шарами, составляется акт о числе прибывших на съезд лиц, а на предварительном съезде – также и о количестве земли, числящейся за явившимися на съезде лицами, и об итоге оценочной стоимости иного принадлежащего им недвижимого имущества, а равно о числе подлежащих выбору уполномоченных.

102. Уполномоченные от предварительных съездов, а равно выборщики могут быть избираемы только из числа лиц, имеющих право участия в выборах в том именно съезде, где выборы производятся.

103. Баллотировке в уполномоченные и выборщики могут быть подвергаемы только лица, заявившие председателю о согласии своем баллотироваться.

104. Лица, избранные в выборщики посредством записок, немедленно извещаются о том уездной комиссией и, если не заявят в течение трех суток со дня получения извещения об отказе от принятия звания выборщика, считаются принявшими это звание.

105. Каждый избиратель лично подает свою избирательную записку. В записке указываются имена и фамилии лиц, за которых подается голос, в числе, не превышающем общего числа подлежащих избранию. Имя предлагаемого к избранию лица не должно повторяться в одной и той же записке. Подобные повторения, а равно имена лиц, предложенных сверх положенного числа, считая по порядку записи имен, при подсчете голосов в соображение не принимаются.

106. Уполномоченными от предварительных съездов, а равно выборщиками от избирательных съездов признаются лица, за которых подано более половины голосов, участвующих в съезде в порядке большинства полученных голосов; в случае же их равенства – избрание определяется по жребию. Если означенным путем не будет избрано положенного по расписанию на съезде количества выборщиков, то производятся дополнительные выборы недостающего числа выборщиков: 1) по съездам, в которых избрание производится посредством баллотировки – на следующий, за окончанием выборов, день; 2) по съездам, в которых избрание производится посредством записок, – в новый срок, причем избранным считаются получившие относительное большинство голосов.

107. О числе избирательных и неизбирательных голосов, полученных каждым лицом, подвергавшимся баллотировке в подлежащем съезде, отмечается в особом выборном листе. Для отметки голосов съезду предоставляется избирать из своей среды особых счетчиков в помощь председателю при баллотировке. По окончании выборов выборный лист прочитывается съезду и, вслед за тем, подписывается председателем, а также выразившими желание подписаться наличными избирателями.

108. На съездах землевладельцев и городских избирателей, выборы по которым производятся посредством записок, образуется для принятия записок и их подсчета комиссия из председателя съезда и членов, приглашаемых им в числе не менее трех из состава избирателей данного съезда. Подсчет избирательных записок производится комиссией в открытом заседании на следующий день после их подачи, начиная с девяти часов утра. По окончании подсчета составляется акт о числе поданных за каждое лицо голосов, который подписывается председателем, членами комиссии и желающими из числа избирателей.

109. В тех городских поселениях уезда, в которых образование отдельных съездов городских избирателей (ст. 35) представляется, по местным условиям, невозможным, могут быть устанавливаемы, в случаях, указанных во второй части статьи 97, с разрешения губернатора, особые избирательные ящики для принятия избирательных записок. Обязанности избирательных комиссий по приему записок исполняются в сем случае местным городским головой или заменяющим его лицом, при участии приглашаемых им избирателей в числе не менее трех.

Подсчет же поданных записок производится избирательной комиссией того съезда городских избирателей, к которому относится данное поселение.

110. Избирательные съезды, ограничиваясь производством выборов, не входят ни в какие рассуждения и не вправе делать никаких постановлений или распоряжений, не относящихся до производства выборов.

111. По окончании выборов и подсчета голосов предварительные и избирательные съезды закрываются. Не позднее следующего дня все выборное производство представляется председателями съездов: по предварительному съезду и съездам землевладельцев и городских избирателей – в уездную по делам о выборах комиссию, а по съезду уполномоченных от рабочих – в губернскую по делам о выборах комиссию.

112. В трехдневный срок со дня закрытия съездов и избирательных комиссий заинтересованные лица могут приносить жалобы: в уездную по делам о выборах комиссию – на неправильности, допущенные при производстве выборов на съездах, и в губернскую по делам о выборах комиссию – на неправильности, допущенные при избрании выборщиков от рабочих. При рассмотрении жалоб на неправильности, допущенные при избрании выборщиков от рабочих, в состав губернских по делам о выборах комиссий входит один из чинов фабричного или горного надзора, по назначению губернатора.

113. По обозрении выборного производства и рассмотрении принесенных на выборы жалоб, уездная или губернская по делам о выборах комиссия, если усмотрит к тому основания, отменяет произведенные выборы в отношении всех или некоторых лиц, избранных от подлежащего съезда. Комиссия о своих постановлениях по принесенным ей жалобам объявляет лицам, их подавшим. В случае отмены выборов по отношению к отдельным выборщикам на место их вступают, в порядке старшинства избирательных голосов, следующие за ними лица, удовлетворяющие требованиям, установленным для избрания. Если таковых лиц не окажется, а равно в случае отмены выборов во всей их совокупности, назначаются установленным порядком дополнительные или новые выборы.

114. В трехдневный срок со дня объявления постановления уездной или губернской по делам о выборах комиссии заинтересованные лица могут принести жалобу: на постановление уездной – в губернскую комиссию, на постановление этой последней – в Правительствующий сенат. Жалоба подается в уездную или губернскую комиссию, по принадлежности, и представляется, с необходимыми объяснениями, уездной комиссией в недельный, а губернской – двухдневный срок: первой – в губернскую по делам о выборах комиссию, и второй – в Правительствующий сенат.

115. Списки выборщиков в губернские избирательные собрания составляются уездными по делам о выборах комиссиями, а списки выборщиков от рабочих – губернской по делам о выборах комиссией и безотлагательно сообщаются губернатору для распубликования в местных ведомостях, и, сверх того, объявляются комиссией во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим, по местным условиям, гласность этих списков.

116. В списках выборщиков, при опубликовании их в местных ведомостях,

отмечается: 1) имя, отчество и фамилия выборщика; 2) город, уезд и волость, либо станица или же община в Измаильском уезде Бессарабской губернии, по которым лицо это избрано; 3) постоянное местожительство выборщика и 4) сведения о служебном положении или роде занятий, а также, по возможности, и о полученном образовании. Одновременно с распубликованием списки рассылаются выборщикам.

IV. Выборщикам, в случае их о том ходатайства, возмещаются из казны путевые издержки по поездке в губернский город на избирательное собрание, по расчету пяти копеек на версту от уездного города до губернского и обратно.

Отделение четвертое
О ПРОИЗВОДСТВЕ ВЫБОРОВ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ОТ ГУБЕРНСКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СОБРАНИЙ

118. Выборы членов Государственной думы в губернских избирательных собраниях производятся в дни, назначаемые Высочайшими указами, которые министр внутренних дел испрашивает через Совет министров и представляет Правительствующему сенату для распубликования.

119. Избирательные собрания открываются в двенадцать часов дня и продолжают свои действия, с необходимыми перерывами, до тех пор, пока не будет избрано все положенное от губернии число членов в Государственную думу. Продолжительность перерывов определяется самим собранием, но каждый отдельный перерыв не может превышать двенадцати часов. Выборщики, прибывшие после приступа к выборам, к участию в них не допускаются.

120. При производстве выборов в избирательных собраниях, кроме председателей, могут присутствовать исключительно выборщики, имеющие право участия в выборах по данному избирательному собранию.

121. Избирательное собрание считается состоявшимся, если прибудет в него не менее половины выборщиков. В противном же случае собрание вновь созывается через семь дней и считается состоявшимся при всяком числе прибывших выборщиков.

122. Открывая избирательное собрание, председатель прочитывает статьи закона, относящиеся до порядка выборов и условий участия в них, и список выборщиков. Затем составляется акт о числе выборщиков, прибывших в собрание.

123. Губернское избирательное собрание в составе всех прибывших в оное выборщиков прежде всего избирает: 1) в губерниях, управляемых по Общему учреждению, а равно в Тобольской и Томской и в области Войска Донского – одного члена Думы из числа выборщиков от съездов уполномоченных от волостей; 2) в губерниях, управляемых по Общему учреждению, за исключением Архангельской, а равно в области Войска Донского – одного члена Думы из числа выборщиков от съезда землевладельцев; 3) в губерниях: Архангельской, Астраханской, Витебской, Волынской, Вологодской, Вятской, Гродненской, Калужской, Киевской, Ковенской, Костромской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Новгородской, Олонецкой, Пензенской, Подольской,

Псковской, С.-Петербургской, Эстляндской, Ярославской, Тобольской и Томской – одного члена Думы из числа выборщиков от первого или второго съезда городских избирателей; 4) в остальных губерниях, управляемых по Общему учреждению, кроме Ставропольской, а равно в области Войска Донского – по одному члену Думы из числа выборщиков от первого и от второго съезда городских избирателей; 5) в губерниях Астраханской, Оренбургской и в области Войска Донского – по одному члену Думы из числа выборщиков от съездов уполномоченных от казачьих станиц и 6) в губерниях С.-Петербургской, Московской, Владимирской, Екатеринославской, Костромской и Харьковской – по одному члену Думы из числа выборщиков от съездов уполномоченных от рабочих. Затем избирательное собрание в том же составе избирает из числа всех вообще имеющих право участия в нем выборщиков остальное, положенное расписанием число членов Думы.

124. Избрание в члены Государственной думы производится закрытой подачей голосов посредством баллотировки шарами. Избранными в члены Думы считаются лица, получившие более половины голосов выборщиков, принимавших участие в избрании, в порядке старшинства полученных баллов. В случае равенства голосов избрание определяется жребием.

125. Предварительно баллотировки избирательным собранием намечаются кандидаты закрытой подачей голосов, посредством записок. Кандидаты эти подвергаются затем баллотировке в порядке большинства полученных голосов. Кандидаты, получившие по запискам менее трех голосов, баллотировке не подвергаются.

126. Если по окончании баллотировки кандидатов, предложенных в члены Государственной думы из состава отдельного разряда выборщиков, ни один из них не получит более половины голосов (ст. 124), то собрание, не переходя к дальнейшим выборам, производит вторичные выборы членов Думы из того же разряда выборщиков, причем избранным признается получивший наибольшее число избирательных баллов в порядке старшинства последних. Тем же порядком производится и выбор недостающего числа членов Думы из общего состава выборщиков, если по окончании баллотировки кандидатов, предложенных в члены Думы из общего состава выборщиков, число их, получившее более половины голосов, не достигнет числа подлежащих избранию членов Думы.

127. В члены Государственной думы могут быть избираемы только выборщики, входящие в состав собрания, от которого производятся выборы, и изъявившие на то свое согласие. Лица, занимающие на гражданской государственной службе должность с определенным окладом содержания, в случае избрания их в члены Думы, обязаны оставить занимаемую ими должность.

128. В члены Государственной думы не могут быть избираемы лица, не знающие русского языка.

129. О числе избирательных и неизбирательных голосов, полученных каждым выборщиком, подвергавшимся баллотировке в избирательном собрании, отмечается в особом выборном листе. Для отметки голосов собранию предоставляется избирать из своей среды особых счетчиков в помощь председателю или баллотировке. По окончании выборов, выборный лист прочитывается избира-

тельному собранию и подписывается председателем, а также выразившими желание подписаться наличными выборщиками.

130. Избирательные собрания, ограничиваясь производством выборов, не входят ни в какие рассуждения и не вправе делать никаких постановлений или распоряжений, не относящихся до производства выборов.

131. По окончании выборов избирательные собрания закрываются. Не позднее следующего дня все выборное производство представляется председателями собраний губернатору.

132. Губернатор немедленно по получении выборного производства препровождает его в Государственную думу, списки же лиц, избранных в члены Думы, представляет Правительствующему сенату для распубликования во всеобщее сведение.

Отделение пятое
О ПРОИЗВОДСТВЕ ВЫБОРОВ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В ГОРОДАХ С.-ПЕТЕРБУРГЕ, МОСКВЕ, КИЕВЕ, ОДЕССЕ И РИГЕ

133. В городах С.-Петербурге, Москве, Киеве, Одессе и Риге избрание членов Государственной думы производится закрытой подачей голосов посредством записок. День выборов назначается порядком, указанным в статье 118.

134. Каждый разряд городских избирателей (ст. 42) избирает членов Государственной думы отдельно от числа лиц, имеющих участие в выборах по данному разряду.

135. Для принятия избирательных записок и счета голосов город разделяется, по расписанию, устанавливаемому министром внутренних дел, на избирательные участки.

136. В каждом участке учреждаются участковые избирательные комиссии в составе председателя и не менее двух членов, по приглашению городского головы, из числа избирателей данного участка. Для общего же подсчета поданных голосов образуется в каждом городе городская избирательная комиссия, под председательством городского головы, из председателей всех участковых избирательных комиссий.

137. Выборы производятся в помещениях, отводимых для этого городской управой.

138. Каждый избиратель лично подает избирательную записку. В записке указываются имена, отчества, фамилии лиц, за которых избиратель подает голос, в числе, не превышающем общего числа членов Государственной думы, подлежащих избранию по каждому разряду избирателей. Имя лица, избираемого в члены Думы, не может повторяться в одной и той же избирательной записке. Подобные повторения, а равно имена лиц, предложенных в члены Думы, сверх положенного числа, считая по порядку записи имен, при подсчете голосов в соображение не принимаются.

139. Подача записок производится в один день, от девяти часов утра до девяти часов вечера. На следующий день после подачи записок производит-

ся каждой участковой избирательной комиссией, отдельно по каждому разряду избирателей, подсчет поданных голосов, а на третий день в городской избирательной комиссии производится общий подсчет голосов, поданных по всем участкам города.

140. Избранными в члены Государственной думы от каждого разряда избирателей считаются лица, получившие более половины голосов, поданных на выборах в порядке их старшинства. В случае безуспешности, выборы недостающего числа членов Думы производятся в новый срок, причем избранными считаются получившие наибольшее количество голосов.

141. По окончании выборов, не позднее следующего за выборами дня, все выборное производство представляется председателем городской избирательной комиссии губернатору или градоначальнику, по принадлежности, который препровождает производство в Государственную думу, а список, лиц, избранных в члены Думы, представляет Правительствующему сенату для распубликования во всеобщее сведение.

Отделение шестое
О ПОРЯДКЕ ПРОВЕРКИ ПОЛНОМОЧИЙ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

142. Проверка прав избранных членов Государственной думы принадлежит самой Думе. Жалобы на неправильность производства выборов в члены Думы приносятся заинтересованными лицами на имя Думы. Жалобы эти подаются в трехдневный срок со дня окончания выборов губернатору или градоначальнику, по принадлежности, и препровождаются им в Думу, с объяснениями председателя избирательного собрания, а в городах, поименованных в статье 133, – председателя городской избирательной комиссии, в недельный срок со дня получения жалобы.

143. Постановление Государственной думы об отмене выборов в члены Государственной думы, по неправильности их, получает силу в том случае, если принято большинством двух третей наличных членов Думы в общем ее собрании.

144. В случае отмены Государственной думой выборов по отношению к отдельным членам Думы на их место вступают, в порядке старшинства избирательных баллов, следующие за ними лица из соответствующего разряда выборщиков или из общего состава собрания, по принадлежности, получившие более половины голосов. Если таковых лиц не окажется, а равно в случае отмены избрания всех членов Думы от данной губернии или области, производятся новые выборы подлежащими избирательными собраниями в составе выборщиков, которые избраны были на текущее пятилетие. В случае отмены Государственной думой выборов в городах, поименованных в статье 133, в полном их объеме или по отношению к отдельным лицам, производятся новые или дополнительные выборы по тому разряду избирателей, по которому они отменены.

145. Указанный в предшедшей (144) статье порядок соблюдается и в случае

выбытия члена Государственной думы за отказом от сего звания или по иным причинам, если притом до наступления срока общих выборов в Думу остается более года.

146. Список лиц, избранных в члены Государственной думы, составляется Правительствующим сенатом на основании представлений губернаторов и градоначальников и публикуется им во всеобщее сведение.

147. Лица, занесенные в опубликованный Правительствующим сенатом список, впредь до отмены их избрания Государственной думой, пользуются всеми правами, присвоенными членам Думы.

Глава шестая
О производстве выборов от губерний и областей Кавказского края

148. Выборы членов Государственной думы от губерний и областей Кавказского края производятся на общих основаниях, в этом (1) разделе установленных, с изъятиями, в статьях 149–184 указанными.

149. Общее число выборщиков по каждой губернии и области и распределение их между уездами, округами, отделами и съездами устанавливаются приложенным к этой статье расписанием.

150. В отношении производства выборов Кавказский край разделяется на шесть избирательных округов. Первый округ составляют Кубанская и Терская области и Черноморская губерния, второй – Тифлисская губерния, третий – Кутаисская губерния, четвертый – Дагестанская область с Закатальским округом, пятый – Бакинская, Елисаветпольская и Эриванская губернии и шестой – Карсская и Батумская области с Сухумским округом.

151. Русское население Закавказья (за исключением Черноморской губернии) избирает отдельно от остального населения одного члена Государственной думы на основании правил, изложенных в статьях 174–184.

152. В каждом уезде, округе или отделе образуются три избирательных съезда: 1) съезд землевладельцев, 2) съезд городских избирателей и 3) съезд уполномоченных от участковых сходов или от сходов сельских округов, по принадлежности. В отделах Кубанской области, а равно в тех отделах Терской области, в которых имеются казачьи станицы, образуется, сверх указанных трех съездов, особый избирательный съезд уполномоченных от казачьих станиц.

153. В Терской и Кубанской областях, независимо от общего для этих областей совместно с Черноморской губернией избирательного собрания, образуется в каждой избирательное собрание из выборщиков от съездов уполномоченных от казачьих станиц каждой области. Выборщики эти в общем избирательном собрании участия не принимают.

154. Для производства выборов наместнику кавказскому предоставляется, в случае признанной им необходимости, в пределах одной и той же губернии либо области: 1) соединять отдельные уезды, округа или отделы, с образованием для них соединенных избирательных съездов, и 2) землевладельцев и городских избирателей данного уезда, округа или отдела присоединять к соответствующим

съездам другого уезда, округа или отдела.

155. Выборщики от рабочих избираются, на общих основаниях, в нижепоименованных губерниях и областях Кавказского края в следующем числе: в Бакинской губернии – четыре, в Батумской области – один, в Тифлисской губернии – два и в Кубанской области с Черноморской губернией – два.

156. Место созыва съездов избирателей в уездах, округах и отделах, управление которыми сосредоточивается не в городе, определяется губернатором или начальником области, по принадлежности.

157. В избирательном съезде землевладельцев участвуют непосредственно: в губерниях и областях Закавказья – лица, уплачивающие с принадлежащих им земельных или иных, не составляющих торгово-промышленного заведения, имуществ не менее тридцати рублей земских сборов в год, в областях же Терской и Кубанской – лица, уплачивающие с принадлежащих им земельных имуществ не менее шести рублей шестидесяти копеек в год государственного поземельного налога.

158. Лица, уплачивающие с недвижимого имущества, принадлежащего им в уезде, округе или отделе не менее года, на праве собственности или пожизненного владения, земские сборы или государственный поземельный налог в суммах, менее указанных в предшедшей (157) статье, – участвуют в выборах через уполномоченных.

159. К городским поселениям причисляются, в отношении производства выборов в Государственную думу, местечки: Артвин Батумской области, Зугдиди и Редут-Кале Кутаисской губернии, Сальяны Бакинской губернии, Кагызман, Ардаган и Ольта Карсской области.

160. Для избрания уполномоченных от участковых сельских сходов, селения, аулы и колонии губерний и областей Кавказского края, за исключением Батумской и Карсской областей, соединяются в участки по особым расписаниям, составляемым губернскими или областными начальствами и утверждаемым наместником. В подобные же участки могут быть соединимы, по распоряжению наместника, и малолюдные казачьи станицы.

161. Участковый сход созывается в одном из селений, аулов или колоний участка, по указанию губернского или областного начальства, под председательством старшины данного поселения. Сход этот образуется из выборных от входящих в состав участка селений, аулов и колоний. Выборные избираются на сходах по одному на каждые десять дворов. Поселения, имеющие менее десяти дворов, избирают одного выборного.

162. Участковые сельские сходы, а равно казачьи станичные сборы и участки (ст. 160) избирают по два уполномоченных каждый.

163. В областях Батумской и Карсской уполномоченные избираются сходами сельских округов, по два от каждого схода.

164. Списки лиц, имеющих право участия в съездах землевладельцев, составляются и содержатся в исправности: в губерниях и областях Закавказья – уездными или окружными начальниками, в областях же Терской и Кубанской – атаманами отделов и окружными начальниками, по принадлежно-

сти. Списки городских избирателей ведутся городскими управами, а в городах и местечках, в которых заведывание городским хозяйством образовано на основании статьи 133 (по Прод. 1906 г.) Учреждения управления Кавказского края – полицейскими учреждениями.

165. Избирательные списки, взамен распубликования в местных ведомостях, выставляются для обозрения в учреждениях, составляющих эти списки, с применением в отношении обжалования и проверки этих списков общих, установленных правилами этого (1) раздела, сроков и порядка.

166. В съездах землевладельцев, как избирательных, так и предварительных, а равно в съездах уполномоченных от участковых сельских сходов или сходов сельских округов председательствует в тех уездах, где не имеется уездных предводителей дворянства, мировой судья по назначению: в Кубанской и Терской областях – съезда мировых судей, а в остальных местностях – общего собрания подлежащего окружного суда, по принадлежности. Мировые же судьи председательствуют и в съездах городских избирателей тех уездов, управление которых сосредоточено в местечках, управляемых полицейскими учреждениями (Учр. Кавк., ст. 133, по Прод. 1906 г.).

167. Губернские и областные по делам о выборах комиссии образуются в губерниях Бакинской, Кутаисской, Елисаветпольской, Тифлисской и Эриванской, а равно в областях Кубанской и Терской. Ведению Бакинской комиссии подчиняются, кроме Бакинской губернии, также Дагестанская область и Закатальский округ. Кутаисской – Батумская область и Сухумский округ, Эриванской – Карсская область и Кубанской – Черноморская губерния.

168. Губернские и областные по делам о выборах комиссии образуются под председательством председателя окружного суда из управляющего казенной палатой, предводителя дворянства уезда губернского города, одного из членов окружного суда, по назначению общего собрания, городского головы губернского или областного города и одного из членов – делопроизводителей губернского по крестьянским делам присутствия, по назначению губернатора, или одного из членов губернского по поселянским делам присутствия, также по назначению губернатора. Управляющий Ставропольской казенной палатой может заменять себя, по отношению к участию в Терской областной по делам о выборах комиссии, начальником отделения этой палаты. В Терской и Кубанской областных по делам о выборах комиссиях, вместо члена губернского по крестьянским делам присутствия, участвует один из советников областного правления по назначению начальника области.

169. Комиссии по делам о выборах в уездах, округах и отделах образуются под председательством члена окружного суда, по назначению общего его собрания, из уездного предводителя дворянства, мирового судьи, по назначению: в Кубанской и Терской областях – съезда мировых судей, а в остальных местностях – общего собрания подлежащего окружного суда, по принадлежности, городского головы уездного города (там, где он есть), податного инспектора (там, где он есть) и мирового посредника, по назначению губернского начальства.

Примечание. Тифлисской судебной палате предоставляется в общем со-

брании департаментов назначать председателей комиссий по делам о выборах Нальчикского округа и Моздокского отдела Терской области из числа членов других, входящих в округ палаты, окружных судов.

170. В уездах, округах и отделах, где нет уездных предводителей дворянства, вместо них в комиссии участвует один из местных землевладельцев, по приглашению наместника.

171. В местностях, где не образованы крестьянские учреждения, губернским и областным начальствам предоставляется заменять мировых посредников другими должностными лицами, с тем, однако, чтобы в составе комиссии не могли быть назначаемы лица, обязанные, по закону, составлять избирательные списки, а равно чины местной полиции.

172. Надзор за производством выборов в избирательном собрании, общем для Терской и Кубанской областей и Черноморской губернии, возлагается на начальника Кубанской области; собрание это созывается в городе Екатеринодаре. Надзор за производством выборов в избирательном собрании, общем для губерний Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской, возлагается на Елисаветпольского губернатора; собрание это созывается в городе Елисаветполе. Надзор за производством выборов в избирательном собрании, общем для Карсской и Батумской областей, совместно с Сухумским округом, возлагается на военного губернатора Батумской области; собрание это созывается в городе Батуме. По Сухумскому и Закатальскому округам надзор за производством выборов, а равно опубликование списков выборщиков возлагаются на местных окружных начальников, под высшим наблюдением наместника.

173. Избирательное собрание, общее для Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний, разделяется на два отделения. Одно отделение образуют выборщики мусульмане, а другое – остальные выборщики. Каждое отделение выбирает от своей среды по одному члену Государственной думы.

174. К русскому населению в Закавказье, в отношении производства выборов в Государственную думу (ст. 151), причисляются лица русского происхождения: православные, старообрядцы и лютеране. Ближайшее, в отдельных случаях, указание, кто именно должен быть причисляем к лицам русского происхождения, предоставляется наместнику, распоряжения которого по этому предмету признаются окончательными и обжалованию не подлежат.

175. В избрании члена Государственной думы от русского населения в Закавказье принимает участие лишь население уездов и округов, перечисленных в приложенном к этой статье расписании.

176. Для избрания члена Государственной думы от русского населения Закавказья образуется в городе Тифлисе, под председательством лица, назначаемого Высочайшей властью, избирательное собрание из выборщиков от уездных съездов городских избирателей и уездных съездов сельских избирателей, число которых, а равно распределение их по губерниям и областям устанавливается приложенным к этой статье расписанием.

177. Уезды и округа, в которых образуются уездные съезды городских избирателей и уездные съезды сельских избирателей, указаны в расписании,

приложенном к статье 175.

178. Положенное на губернию или область число выборщиков распределяется между уездами (округами), в соответствии с общей численностью русского населения в уездах, а в пределах уезда между съездами – в соответствии с численностью русского сельского и городского населения наместником.

179. В съездах городских избирателей русского происхождения участвуют: 1) лица, принадлежащие к числу городских избирателей; 2) священно- и церковнослужители русских городских приходов и настоятели старообрядческих общин в городах, хотя бы они и не владели цензом, дающим право участия в выборах, и 3) лица, имеющие право участия в съезде землевладельцев по данному уезду.

180. В съездах сельских избирателей участвуют: 1) уполномоченные от оседлых русских жителей селений, в которых числится свыше ста душ обоего пола русского происхождения, и 2) священно- и церковнослужители русских сельских приходов и настоятели старообрядческих общин в уездах, хотя бы они и не владели цензом, дающим право на участие в выборах.

181. Означенные в статье 180 уполномоченные избираются русским населением тем же порядком, как и должностные лица сельского управления на Кавказе, по одному от каждого поселения. В поселениях с числом русских жителей от ста до пятисот избирается один уполномоченный, в селениях же с населением свыше пятисот жителей русского происхождения – по одному уполномоченному на каждые пятьсот душ.

182. Селения с количеством оседлых русских жителей, не достигающим ста душ обоего пола, распоряжением подлежащих губернских или областных начальств, присоединяются для избрания уполномоченных к ближайшим селениям или, в случае смежности таких незначительных поселков, объединяются для избрания уполномоченных в участки с числом не менее ста жителей обоего пола русского происхождения.

183. Списки лиц, имеющих право участия в уездных съездах городских избирателей, составляются и оглашаются во всеобщее сведение в общем, установленном на этот предмет, порядке.

184. Надзор за правильностью производства выборов в избирательном собрании выборщиков от русского населения Закавказья принадлежит Тифлисскому губернатору.

Глава седьмая
О производстве выборов от областей Амурской, Приморской и Забайкальской

185. Выборы членов Государственной думы в областях Амурской, Приморской и Забайкальской производятся на общих основаниях, установленных в статьях 1–147, с изъятиями, в статьях 186–202 указанными.

186. Общее число выборщиков по каждой области и распределение их между уездами и съездами устанавливается приложенными к этой статье расписаниями.

187. Выборы членов Государственной думы от Амурского и Уссурийского и от Забайкальского казачьих войск производятся избирательными собраниями выборщиков от всех станиц подлежащих войск. Выборщики эти избираются станичными сборами по два от каждой станицы из числа состоящих членами станичных обществ войскового сословия казаков-домохозяев, владеющих казачьей или приобретенной в собственность землей и лично ведущих на ней хозяйство.

188. Для избрания члена Государственной думы от городского и оседлого сельского населения, не принадлежащего к числу инородцев и казаков, образуются в областях Амурской и Приморской областные избирательные собрания выборщиков. Выборщики эти избираются по каждому уезду двумя съездами: 1) съездом городских избирателей и 2) съездом уполномоченных от волостей и сельских участков. В уездах Приморской области Охотском, Гижигинском, Петропавловском, Анадырском, на Командорских островах и на территории Уссурийского казачьего войска избирательных съездов не полагается. Лица, владеющие в перечисленных уездах и на Командорских островах цензом, дающим на основании статей 32, 33 и 192 право участия в съездах городских избирателей, могут осуществлять это право в съезде городских избирателей по городу Николаевску Приморской области. Лица, владеющие таковым же цензом на территории Уссурийского казачьего войска, распоряжением Приамурского генерал-губернатора, для осуществления этого права, причисляются к съездам городских избирателей смежных уездов Хабаровского и Южно-Уссурийского.

189. Для избрания члена Государственной думы от городского, оседлого сельского и инородческого населения, не принадлежащего к числу казаков, образуется в Забайкальской области областное избирательное собрание выборщиков. Выборщики эти избираются по каждому уезду тремя съездами: 1) съездом городских избирателей, не принадлежащих к числу инородцев и казаков, 2) съездом уполномоченных от волостей и сельских участков оседлого населения и 3) съездом уполномоченных от инородческих волостей.

190. В областных избирательных собраниях, а равно в избирательных собраниях выборщиков от станиц казачьих войск (ст. 187–189) председательствуют лица, назначаемые Высочайшей властью. Места созыва областных избирательных собраний и собраний выборщиков определяются областным начальством, с утверждения министра внутренних дел, в пределах каждой области.

191. Съезды городских избирателей образуются под председательством городских голов или лиц, их заменяющих, а в местностях, где их нет – под председательством мировых судей, по назначению общего собрания подлежащего окружного суда.

192. Лица, имеющие право участия в выборах по основаниям, указанным в статьях 28 и 30, участвуют в выборах в составе подлежащих съездов городских избирателей.

193. Не объединенные в волости поселения могут быть присоединяемы, для избрания уполномоченных, к ближайшим волостям распоряжением областного начальства, которому предоставляется также соединять эти поселения в особые сельские избирательные участки с таким расчетом, чтобы в каждом участке было

не менее двух тысяч населения обоего пола.

194. На съездах уполномоченных от волостей и сельских участков оседлого населения и на съездах уполномоченных от инородческих волостей председательствуют мировые судьи, по назначению общего собрания подлежащего окружного суда.

195. Уполномоченные (ст. 189 п. 2) от сельских участков избираются на участковом сходе, образуемом, под председательством сельского старосты селения, в котором собран сход, из выборных от входящих в состав участка поселений, по расчету одного выборного на каждые десять дворов, но во всяком случае по одному от каждого поселения.

196. Уполномоченные от волостей и сельских участков оседлого населения и от инородческих волостей избираются по расчету одного на каждые две тысячи населения, но во всяком случае по одному от каждой волости или участка.

197. Те из сельских обывателей-домохозяев, которые хотя и не устроены в поземельном отношении, но имеют постоянное жительство в пределах волости или участка, не лишаются права участия в назначении выборных в волостные и участковые сходы, на которых производится избрание уполномоченных.

198. Списки уездных землевладельцев составляются и содержатся в исправности уездными полицейскими управлениями, а в горных округах Амурской области – горными исправниками.

199. Составление и содержание в исправности списков городских избирателей возлагается на городские управы или на городских старост, где имеются эти должностные лица, в остальных же городах, равно как и в уездах, в которых не имеется городских поселений, – на уездные полицейские управления.

Примечание. Списки лиц, владеющих на территории Уссурийского казачьего войска цензом, дающим право участия в городских съездах, составляются войсковым управлением Уссурийского казачьего войска отдельно для избирателей, причисленных в отношении участия в выборах к Хабаровскому уезду, и отдельно для избирателей, причисленных к Южно-Уссурийскому уезду.

200. Избирательные списки, взамен распубликования в местных ведомостях, выставляются для обозрения в учреждениях, составляющих эти списки, с применением в отношении обжалования и проверки этих списков общих, установленных правилами этого (1) раздела, сроков и порядка.

201. Областные по делам о выборах комиссии образуются, под председательством председателя окружного суда, из управляющего казенной палатой, одного из членов окружного суда, по назначению общего его собрания, непременного члена областного по крестьянским делам присутствия (там, где он есть) и городского головы областного города, а также одного из местных обывателей, владеющих в пределах области землей или иным недвижимым имуществом, по приглашению генерал-губернатора. Входящим в состав Амурской и Приморской областных комиссий управляющим местными казенными палатами предоставляется заменять себя в упомянутых комиссиях начальниками отделения палаты.

Примечание. Жалобы на неправильности, допущенные при избрании выборщиков от станиц Уссурийского казачьего войска, приносятся непосредствен-

но в приморскую областную по делам о выборах в Государственную думу комиссию. К обязанностям той же комиссии относится и проверка правильности означенных выборов.

202. Уездные по делам о выборах комиссии образуются, под председательством члена окружного суда, по назначению общего его собрания, из мирового судьи, по назначению того же собрания суда, городского головы уездного города или заменяющего его лица (там, где они есть), одного из крестьянских начальников, по назначению подлежащего уездного съезда (там, где они есть) и по приглашению губернатора одного из местных обывателей, владеющих в уезде землей или иным недвижимым имуществом.

Примечание. На территории Уссурийского казачьего войска уездной комиссии по делам о выборах не образуется и таковая заменяется для населения, причисленного для участия в выборах к Хабаровскому и Южно-Уссурийскому съездам городских избирателей, уездными по делам о выборах в Государственную думу комиссиями Хабаровского и Южно-Уссурийского уездов, по принадлежности.

Глава восьмая
О порядке избрания членов Государственной думы от русского населения Виленской и Ковенской губерний

203. Русское население Виленской и Ковенской губерний, отдельно от прочего населения, избирает из общего числа членов Государственной думы, положенных на данные губернии, двух членов Думы по Виленской губернии и одного – по Ковенской, на основании правил, в статьях 204–217 изложенных.

204. В отношении производства выборов в Государственную думу к русскому населению в губерниях Виленской и Ковенской причисляются лица русского происхождения: православные, старообрядцы и лютеране. Ближайшее определение в отдельных случаях, кто именно должен быть признаваем лицом русского происхождения, предоставляется Виленскому, Ковенскому и Гродненскому генерал-губернатору. Разъяснения его по этому предмету считаются окончательными и обжалованию не подлежат.

205. Избрание членов Государственной думы от русского населения производится избирательными собраниями, созываемыми в городах Вильне и Ковне, в составе сорока выборщиков каждое, под председательством особых лиц, назначаемых Высочайшей властью.

206. Для избрания означенных в статье 205 выборщиков в каждом уезде созывается съезд уполномоченных от русского сельского населения и съезд городских избирателей русского происхождения.

207. Виленскому, Ковенскому и Гродненскому генерал-губернатору предоставляется соединять, для производства выборов, уезды с небольшим количеством русского населения и образовывать для них соединенные избирательные съезды. В этом случае генерал-губернатор определяет, в какую из уездных по делам о выборах комиссий должны быть приносимы жалобы на неправильности, допущенные при производстве выборов в соединенных съездах.

208. Общее число выборщиков, указанное в статье 205, распределяется Виленским, Ковенским и Гродненским генерал-губернатором между уездами в соответствии с общей численностью русского населения в уездах, а между съездами в пределах уезда – в соответствии с численностью русского сельского и городского населения.

209. Уполномоченные от русского сельского населения избираются особыми волостными сходами, которые происходят под председательством лиц, назначаемых земским начальником из числа членов схода. На волостных сходах имеют право участвовать все проживающие в пределах волости домохозяева русского происхождения, достигшие двадцати пяти лет и владеющие надельной или приобретенной в собственность землей, а равно священно- и церковнослужители сельских православных приходов и настоятели старообрядческих молитвенных домов волости, хотя бы они и не владели цензом, дающим право на участие в выборах. Избрание уполномоченных на волостных сходах производится из числа лиц, имеющих право участия в этих сходах, с соблюдением правил, установленных для избрания уполномоченных от волостей.

210. Волости с русским населением от пятисот до двух тысяч человек обоего пола избирают одного уполномоченного, с населением от двух до пяти тысяч человек – двух уполномоченных и с населением свыше пяти тысяч человек – трех уполномоченных.

211. Волости, в которых количество русского населения обоего пола не достигает пятисот человек, распоряжением подлежащего губернатора причисляются для участия в избрании уполномоченных к соседним волостям. Соединенные волостные сходы избирают уполномоченного по расчету, указанному в статье 210, в соответствии с количеством русского населения в волостях.

212. Выборщики от русского городского населения избираются съездами городских избирателей, в которых участвуют лица русского происхождения, владеющие цензом, дающим право участия в съезде городских избирателей, а равно священно- и церковнослужители православных городских приходов и настоятели старообрядческих молитвенных домов в городах, хотя бы они и не владели цензом, дающим право участия в съезде городских избирателей.

213. Лица русского происхождения, владеющие недвижимым имуществом, дающим право непосредственного участия в съезде землевладельцев, участвуют в избрании выборщиков в съездах уполномоченных от сельского населения (ст. 206) на одинаковых с этими уполномоченными основаниях. Лица русского происхождения, владеющие недвижимым имуществом, дающим право участия в предварительном съезде, образуют особые предварительные съезды, под председательством лиц, назначаемых губернатором. Уполномоченные, избираемые этими съездами с соблюдением общих, установленных для предварительных съездов, правил, участвуют в съездах уполномоченных от сельского населения (ст. 206) на одинаковых с этими уполномоченными основаниях.

214. Списки лиц русского происхождения, имеющих право участия в съездах землевладельцев, составляются уездными полицейскими управлениями, а лиц, имеющих право участия в съездах городских избирателей, городскими управами

и заменяющими их учреждениями. В отношении порядка и сроков опубликования и обжалования этих списков соблюдаются общие, установленные по этому предмету, правила.

215. Списки домохозяев русского происхождения, имеющих право участия в волостных сходах (ст. 209), составляются волостными правлениями и проверяются местными приходскими священниками. Означенные в настоящей статье списки выставляются для всеобщего обозрения в помещении волостного правления, и в недельный со дня выставления списков срок на них могут быть приносимы заинтересованными лицами жалобы в подлежащую уездную по делам о выборах комиссию.

216. Съезды уполномоченных от русского сельского населения и съезды городских избирателей русского происхождения созываются в уездных городах под председательством лиц, назначаемых Виленским, Ковенским и Гродненским генерал-губернатором.

217. При производстве выборов на съездах уполномоченных и съездах городских избирателей, а равно при избрании членов Государственной думы в избирательных собраниях соблюдаются общие правила, установленные по этому предмету в статьях 1–147.

Глава девятая
О порядке избрания члена Государственной думы от русского населения города Варшавы

218. Для избрания члена Государственной думы от русского населения города Варшавы образуется под председательством президента города избирательное собрание из двадцати выборщиков, избираемых проживающими в Варшаве лицами русского происхождения, имеющими право участия в выборах в Государственную думу.

Примечание. Ближайшее определение того, кто именно должен быть признаваем лицом русского происхождения, предоставляется варшавскому генерал-губернатору. Разъяснения его по этому предмету считаются окончательными и обжалованию не подлежат.

219. Список лиц русского происхождения, имеющих право участия в избрании члена Государственной думы по городу Варшаве, составляется и содержится в исправности местным городовым магистратом. Лица, занесенные в этот список, в общих выборах по городу Варшаве не участвуют.

220. В отношении опубликования и обжалования упомянутого в статье 219 списка соблюдаются общие, установленные по этому предмету, правила.

221. Для избрания выборщиков русского происхождения город разделяется с утверждения генерал-губернатора на особые избирательные участки, причем подлежащие избранию выборщики распределяются между участками в соответствии с числом избирателей, занесенных в список по каждому из этих участков.

222. Избрание выборщиков производится в порядке, определенном статьей 315.

223. Избрание члена Государственной думы в собрании выборщиков от русского населения города Варшавы производится с соблюдением общих правил, установленных для городских избирательных собраний в губерниях Царства Польского.

Раздел второй

О ПРОИЗВОДСТВЕ ВЫБОРОВ ОТ ГУБЕРНИЙ И ГОРОДОВ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО, ОТ ГУБЕРНИЙ ЕНИСЕЙСКОЙ И ИРКУТСКОЙ, ОТ КАЗАКОВ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА И ОТ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЮБЛИНСКОЙ И СЕДЛЕЦКОЙ ГУБЕРНИЙ

Глава первая
Общие положения

224. Избрание членов Государственной думы по губерниям производится губернским избирательным собранием. Собрание это образуется, под председательством особого лица, назначаемого Высочайшей властью, из выборщиков, избираемых съездами: 1) уездных землевладельцев; 2) городских избирателей и 3) уполномоченных от волостей и гминных сходов. Сверх того в губерниях Варшавской, Петроковской и Радомской в избрании членов Государственной думы, в составе губернского избирательного собрания, участвуют выборщики, избранные губернскими съездами уполномоченных от рабочих в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности (ст. 259).

225. Избрание членов Государственной думы от городов Варшавы и Лодзи производится городским избирательным собранием, образуемым, под председательством президентов этих городов, из выборщиков: 1) избираемых городскими избирателями, и 2) избираемых на городских съездах уполномоченных от рабочих указанных в статье 259 предприятий.

226. Общее число выборщиков (кроме выборщиков от рабочих) по каждой губернии, а равно распределение их между уездами и съездами, устанавливается приложенным к этой статье расписанием I. Выборщики от городов Варшавы и Лодзи (кроме выборщиков от рабочих) избираются в числе восьмидесяти. Выборщики от рабочих избираются в числе, установленном в приложенном к этой статье расписанием II.

Примечание. В губерниях Варшавской и Петроковской общее число выборщиков от рабочих распределяется между этими губерниями и городами Варшавой и Лодзью подлежащими губернскими по делам о выборах комиссиями в соответствии с общим числом рабочих в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности и в железнодорожных мастерских, расположенных в черте города и вне ее в пределах губернии.

227. В выборах не участвуют: 1) лица женского пола; 2) лица моложе двадцати пяти лет; 3) обучающиеся в учебных заведениях; 4) воинские чины армии и флота, состоящие на действительной военной службе; 5) бродячие инородцы и

6) иностранные подданные.

228. Кроме указанных в предшедшей (227) статье лиц, в выборах не участвуют также: 1) подвергшиеся суду за преступные деяния, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, либо исключение из службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденого или полученного через обман имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы после состоявшегося осуждения они и были освобождены от наказания за давностью, примирением, силой всемилостивейшего манифеста или особого Высочайшего повеления; 2) отрешенные по судебным приговорам от должности – в течение трех лет со времени отрешения, хотя бы они и были освобождены от этого наказания за давностью, силой всемилостивейшего манифеста или особого Высочайшего повеления; 3) состоящие под следствием или судом по обвинениям в преступных деяниях, означенных в пункте 1 этой статьи или влекущих за собой отрешение от должности; 4) подвергшиеся несостоятельности впредь до определения свойства ее; 5) несостоятельные, о которых дела такого рода приведены уже к окончанию, кроме тех, несостоятельность которых признана несчастной; 6) лишенные духовного сана или звания за пороки, или же исключенные из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат, и 7) осужденные за уклонение от воинской повинности.

229. Не принимают участия в выборах: 1) губернаторы и вице-губернаторы в пределах подведомственных им местностей и 2) лица, занимающие полицейские должности – в губернии или городе, по которым производятся выборы.

230. В избрании уполномоченных от рабочих принимают участие рабочие (ст. 259) мужского пола. Не принимают участия в выборах и не могут быть избираемы в уполномоченные либо в выборщики иностранные подданные, а равно лица, означенные в статье 228.

231. Сыновья могут участвовать в выборах вместо своих отцов, по недвижимому их имуществу и по их уполномочию.

232. Лица женского пола могут предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участия в выборах своим мужьям и сыновьям. Воинские чины армии и флота, состоящие на действительной военной службе, если владеют недвижимым имуществом, дающим по своим размерам право на участие в выборах, могут по такому недвижимому имуществу уполномочивать на участие в выборах своих сыновей.

233. Доверенности на предоставление лицами женского пола своего имущественного ценза их мужьям или сыновьям для участия в выборах (ст. 232), а также полномочия отцов их сыновьям на участие в выборах (ст. 231 и 232) не могут быть выдаваемы лицам, которые не допускаются к участию в выборах по основаниям, указанным в статьях 227–229. Доверенности и полномочия, в этой (233) статье упомянутые, могут быть засвидетельствованы не только порядком нотариальным, но также начальством уполномочивающих лиц, или же полицией, мировым судьей или крестьянским начальником.

234. В каждом избирательном участке, съезде или собрании никто не может иметь более одного голоса.

235. Если несколько лиц имеют недвижимое имущество (ст. 248, п. 1, 2; ст. 252, п. 1 и 257, п. 1) в общем нераздельном владении, то каждый из них считается владельцем причитающейся на его долю части имущества и согласно этому пользуется правом голоса на выборах.

236. Подача заявлений и жалоб по делам о выборах не останавливает выборного производства.

237. При исчислении сроков на подачу жалоб и заявлений, относящихся к производству выборов, началом срока считается день, следующий за совершением действия или объявлением решения, на которые приносится жалоба. Если последний день срока приходится на день неприсутственный, то окончанием срока считается первый следующий затем присутственный день.

238. Преступные деяния, совершенные при производстве выборов в Государственную думу, подлежат преследованию и наказанию на основании примечания 5 (по Прод. 1906 г.) к статье 158 и статей 328^1–328^7 (по Прод. 1906 г.) Уложения о наказаниях и примечания (по Прод. 1906 г.) к статье 204 и статьи 1101^1 (по Прод. 1906 г.) Устава уголовного судопроизводства.

239. Путевые и иные издержки по производству выборов, а также по делопроизводству губернских и уездных по делам о выборах комиссий относятся на средства казны.

240. Общий надзор за правильным производством выборов возлагается, под руководством министра внутренних дел, на губернаторов. Им предоставляется требовать от подлежащих мест и лиц сведения о ходе и порядке выборов, а равно обозревать выборные производства и давать указания к обеспечению правильного хода выборов.

241. Представления о разъяснении сомнений по применению правил этого (II) раздела вносятся в Правительствующий сенат и разрешаются в Первом его департаменте окончательно, по выслушивании заключения обер-прокурора, большинством голосов присутствующих сенаторов, в случае же равенства голосов – по мнению, принятому сенатором, исполняющим обязанности первоприсутствующего.

Глава вторая
Об избирательных съездах

242. Съезды избирателей созываются в губернском или уездном городе, по принадлежности.

243. В губерниях Царства Польского на избирательных съездах уездных землевладельцев и уполномоченных от гминных сходов председательствует мировой судья, по назначению местного съезда мировых судей. На съездах городских избирателей председательствует президент или бургомистр городского магистрата. Для Варшавского и Лодзинского уездов образуются в городах Варшаве и Лодзи отдельные съезды городских избирателей уезда.

244. Варшавский, Петроковский и Радомский губернские съезды уполномоченных от рабочих созываются в губернских городах под председательством президента города или магистрата губернского города, по принадлежности. Варшавский и Лодзинский городские съезды уполномоченных от рабочих созываются в городах Варшаве и Лодзи под председательством президента города.

245. В губерниях Енисейской и Иркутской в каждом уезде, кроме Туруханского края, в котором избирательных съездов не полагается, образуются два избирательных съезда: 1) съезд городских избирателей и 2) съезд уполномоченных от волостей. Лица, имеющие право на участие в съездах уездных землевладельцев, равно как лица, имеющие право участвовать на предварительных съездах землевладельцев (ст. 248, п. 4, 5; 250), причисляются в каждом уезде к съезду городских избирателей.

Примечание. Усинский пограничный округ Енисейской губернии в отношении производства выборов причисляется к Минусинскому уезду той же губернии.

246. В губерниях Иркутской и Енисейской на съездах городских избирателей председательствует городской голова губернского или уездного города, по принадлежности, или лицо, его заменяющее, а на съездах уполномоченных от волостей председательствуют мировые судьи, по назначению общего собрания подлежащего окружного суда.

247. В уездах, в которых имеются несколько городских поселений, может быть образовано несколько отдельных съездов городских избирателей. Образование таких съездов, а равно распределение подлежащих избранию выборщиков между отдельными городскими поселениями возлагается на уездные по делам о выборах комиссии.

248. В съезде уездных землевладельцев участвуют: 1) лица, владеющие не менее одного года в уезде на праве собственности или пожизненного владения обложенной сбором на земские повинности землей в количестве, определенном для каждого уезда в приложенном к этой статье расписании; 2) лица, владеющие не менее одного года в уезде на праве собственности или пожизненного владения иным, кроме земли, недвижимым, не составляющим торгово-промышленного заведения, имуществом, стоимостью по земской оценке не ниже пятнадцати тысяч рублей; 3) лица, которые не менее года, на основании письменного о том договора или доверенности, управляют в пределах уезда имением, достигающим по пространству земли, обложенной сбором на земские повинности, размеров, указанных в приложении к этой статье, или на тех же основаниях арендуют в пределах уезда такую же землю в упомянутом количестве; 4) уполномоченные от лиц, владеющих в уезде землей (п. 1) или иным недвижимым имуществом (п. 2), если количество такой земли либо стоимость такого имущества не достигают размеров, дающих право непосредственного участия в съезде уездных землевладельцев; 5) уполномоченные от настоятелей церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий, если церковь либо ее причт или молитвенный дом владеют в уезде землей.

249. В губерниях Царства Польского при определении права на участие в

съездах уездных землевладельцев по владению землей или иным недвижимым имуществом (ст. 248), принимаются в расчет лишь такого рода земли или иные недвижимости, которые облагаются государственным налогом или местными сборами. При определении стоимости недвижимого имущества, дающего право на участие в сих съездах, принимается оценка, установленная для взаимного страхования.

250. В губерниях Царства Польского означенные в пунктах 4 и 5 статьи 248 уполномоченные от владельцев недвижимых имуществ и от настоятелей церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий избираются на предварительном их съезде. Смотря по местным удобствам, или созывается один общий для всего уезда съезд, или образуется несколько отдельных съездов. Образование отдельных по местностям уезда предварительных съездов возлагается на уездные по делам о выборах комиссии. Председательствование на съезде возлагается на мирового судью, по назначению местного съезда мировых судей.

251. Число уполномоченных, подлежащих избранию на предварительном съезде, определяется количеством земли, числящейся за лицами, явившимися на съезд, и итогом оценочной стоимости другого принадлежащего им недвижимою имущества, полагая по одному уполномоченному на полный избирательный ценз, установленный для участия в съезде уездных землевладельцев (ст. 248, п. 1, 2).

252. В съезде городских избирателей участвуют: 1) лица, владеющие не менее года в пределах городских поселений уезда, на праве собственности или пожизненного владения, недвижимым имуществом, обложенным государственным налогом, или городским сбором, или сбором на земские повинности; 2) лица, владеющие в пределах города или его уезда не менее года торгово-промышленным предприятием, требующим выборки промыслового свидетельства; 3) лица, уплачивающие в пределах уезда не менее года государственный квартирный налог; 4) лица, уплачивающие в пределах города или его уезда не менее года основной промысловый налог на личные промысловые занятия; 5) лица, не менее года занимающие в пределах городских поселений уезда на свое имя отдельную квартиру, и 6) лица (за исключением нижних служителей и рабочих), не менее года проживающие в пределах города или его уезда и получающие содержание или пенсию по службе государственной или по службе в земских, городских, либо сословных учреждениях, или на железных дорогах.

253. В губерниях Царства Польского уполномоченные от гминных сходов выбираются избирательными гминными сходами, которые образуются согласно статье 205 Учреждения управления губерний Царства Польского (изд. 1892 г.), с тем лишь отличием от общих гминных сходов, что в них не принимают участие домохозяева, владеющие в пределах гмины землей в размере десяти и более десятин, и принимают участие также и те домохозяева, которые владеют в пределах гмины землей в размере менее полуторы десятины или иным недвижимым имуществом, оцененным в сумме менее тысячи пятисот рублей (ст. 249). Каждый избирательный гминный сход выбирает из числа лиц, имеющих право в нем участвовать, двух уполномоченных, если к избранию их нет препятствий, указан-

ных в статьях 227–229.

254. Для выбора уполномоченных (ст. 253) избирательный гминный сход может быть разделен, по распоряжению губернатора, на два отделения, с тем, чтобы каждое из них избирало по одному уполномоченному. Отделения такого схода образуются в равном числе домохозяев каждое, для чего все пространство гмины разделяется на две части соответственно количеству проживающих в каждом из них домохозяев, имеющих право участия в выборе уполномоченных.

255. В губерниях Енисейской и Иркутской в съезде уполномоченных от волостей участвуют: 1) уполномоченные, избираемые, по два от каждой волости, волостными сходами в местностях, где волости образованы на основании Общего положения о крестьянах (особ. прил. зак. сост., изд. 1902 г., кн. 1, ст. 472); 2) уполномоченные от волостей, образованных на основании приложенных к примечанию к статье 70 Учреждения Сибирских правил, избираемые, по два от каждой волости, мирским сходом поверенных, отряжаемых по одному от каждых ста душ населения волости (Учр. Сибир., изд. 1892 г. ст. 70, прим., прил.: ст. 10–12); 3) уполномоченные от казачьих волостных сходов, по два от каждой волости; 4) уполномоченные, избираемые по одному от каждого или нескольких, по распоряжению местного губернатора, сельских обществ, образованных на основании статьи 473 Общего положения о крестьянах (особ. прил. зак. сост., изд. 1902 г., кн. 1) и не объединенных в волости, и 5) уполномоченные от кочевых инородцев, по одному на несколько стойбищ или улусов, избираемые тем же порядком, каким выбираются головы и выборные в инородные управы (пол. инор., изд. 1892 г. ст. 55, 56 и 58).

256. Уполномоченные (ст. 255) избираются волостными сходами из числа крестьян, принадлежащих к составу сельских обществ данной волости, если к избранию их нет препятствий, указанных в статьях 227 и 228, а также в пункте 2 статьи 229.

257. В городах Варшаве и Лодзи в избрании выборщиков в городское избирательное собрание участвуют: 1) лица, владеющие в пределах города, на праве собственности или пожизненного владения, не менее года недвижимым имуществом, обложенным государственным налогом или городским сбором; 2) лица, владеющие в пределах города не менее года торгово-промышленным предприятием, требующим выборки промыслового свидетельства; 3) лица, уплачивающие в пределах города не менее года государственный квартирный налог; 4) лица, уплачивающие в пределах города не менее года основной промысловый налог на личные промысловые занятия; 5) лица, не менее года занимающие в пределах города на свое имя отдельную квартиру, и 6) лица (за исключением нижних служителей и рабочих), не менее года проживающие в пределах города и получающие содержание или пенсию по службе государственной или по службе в земских, городских, либо сословных учреждениях, или на железных дорогах. Сверх того, в избрании выборщиков участвуют также и уполномоченные от рабочих (ст. 259).

258. Города Варшава и Лодзь, для избрания выборщиков (кроме выборщиков от рабочих) в городское избирательное собрание, подразделяются на избирательные участки, соответствующие, по числу и границам, делению на полицейские

части. Распределение между участками подлежащих избранию выборщиков производится городским магистратом, соответственно общей численности населения в каждом из участков, и утверждается губернатором.

259. Выборщики от рабочих избираются на губернских и городских съездах, по принадлежности (ст. 224 и 225), уполномоченных от рабочих тех, находящихся в губерниях Варшавской, Петроковской и Радомской, а равно в городах Варшаве и Лодзи, предприятий фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, в которых общее число рабочих мужского пола не менее пятидесяти, кому бы эти предприятия ни принадлежали. К предприятиям фабрично-заводской промышленности причисляются и железнодорожные мастерские с указанным общим числом рабочих мужского пола.

260. Рабочие избирают из своей среды уполномоченных по следующему расчету: в предприятиях с общим числом рабочих мужского пола от пятидесяти до тысячи – одного уполномоченного, а в предприятиях с общим числом рабочих свыше тысячи – по одному уполномоченному на каждую полную тысячу рабочих. В уполномоченные могут быть избираемы рабочие мужского пола, достигшие двадцати пяти лет и работающие в том предприятии, в котором производятся выборы, не менее шести месяцев.

Глава третья
О губернских и уездных по делам о выборах комиссиях

261. Для проверки правильности выборов и рассмотрения заявлений и жалоб по делам о выборах учреждаются губернские и уездные по делам о выборах комиссии.

262. Губернские и уездные по делам о выборах комиссии образуются безотлагательно, по воспоследовании Высочайшего указа о производстве выборов в Государственную думу, распоряжением министров внутренних дел и юстиции, по взаимному их между собой соглашению.

263. В губерниях Царства Польского губернские по делам о выборах комиссии образуются, под председательством председателя окружного суда, из управляющего казенной палатой, председателя съезда мировых судей первого округа губернии, одного из членов окружного суда, по назначению общего его собрания, президента магистрата губернского города, а в городах Варшаве и Лодзи – президента города, председателя губернской дирекции земского кредитного общества и непременного члена губернского по крестьянским делам присутствия.

264. В губерниях Царства Польского уездные по делам о выборах комиссии образуются, под председательством члена окружного суда, по назначению общего его собрания, из гминного судьи, по назначению съезда мировых судей, президента или бургомистра магистрата уездного города, податного инспектора, одного из уездных землевладельцев, по приглашению Варшавского генерал-губернатора, и комиссара по крестьянским делам, по назначению губернатора.

265. В губерниях Енисейской и Иркутской губернские по делам о выборах

комиссии образуются, под председательством председателя окружного суда, из управляющего казенной палатой, одного из членов окружного суда по назначению общего его собрания, городского головы губернского города и непременного члена общего присутствия губернского управления.

266. В губерниях Енисейской и Иркутской уездные по делам о выборах комиссии образуются, под председательством члена окружного суда, по назначению общего его собрания, из председателя уездного съезда крестьянских начальников, городского головы или городского старосты, податного инспектора (где он есть) и одного из крестьянских начальников, по назначению уездного съезда.

267. Должностные лица, входящие в состав уездной или губернской по делам о выборах комиссии, не принимают участия в разрешении жалоб на личные их действия.

Глава четвертая
Об избирательных списках

268. По воспоследовании Высочайшего указа о производстве выборов в Государственную думу, министр внутренних дел безотлагательно распоряжается составлением подлежащими учреждениями списков лиц, имеющих право участия в выборах в Думу.

269. В губерниях Царства Польского списки лиц, имеющих право участия в съездах уездных землевладельцев и городских избирателей, составляются и содержатся в исправности: по съездам уездных землевладельцев – уездными управлениями, а по съездам городских избирателей – городскими магистратами.

270. В городах Варшаве и Лодзи списки лиц, имеющих право участия в избрании выборщиков в городское избирательное собрание, составляются и содержатся в исправности городскими магистратами. Лица, имеющие право участия в выборах в нескольких избирательных участках (ст. 258), включаются в список того из этих участков, который они сами укажут, а если такого заявления не последует, то включаются в список того участка, в котором они имеют место жительства,

271. Списки городских избирателей для Варшавского и Лодзинского уездов составляются городскими магистратами городов Варшавы и Лодзи, по принадлежности.

272. В губерниях Енисейской и Иркутской списки уездных землевладельцев, имеющих право на участие в съезде городских избирателей (ст. 245), составляются и содержатся в исправности уездными полицейскими управлениями, а списки городских избирателей – городскими общественными управлениями.

273. В уездах, в которых имеется несколько городских поселений, каждая, составляющая отдельный избирательный список, городская управа или заменяющее ее учреждение тех городов, где не образовано отдельных съездов городских избирателей, сообщает означенный список городской управе уездного города.

274. Установлениям, на которые возлагается составление избирательных списков, предоставляется пользоваться необходимыми сведениями в подлежа-

щих присутственных местах и у должностных лиц. Местным податным инспекторам и казенным палатам вменяется в обязанность сообщать подлежащим городским управам или заменяющим их учреждениям сведения о лицах, уплачивающих промысловый или государственный квартирный налог в течение времени, означенного в статьях 252 и 257.

275. Лица, имеющие право участия в выборах, вносятся в избирательные списки по алфавиту. Относительно каждого лица отмечается: 1) его имя, отчество и фамилия и 2) избирательный ценз. Лица женского пола, владеющие установленным цензом, в избирательные списки не вносятся. Если же лица эти предоставят свои цензы по недвижимому имуществу для участия в выборах своим мужьям или сыновьям (ст. 232), то в списки вносятся их мужья и сыновья, по принадлежности. Сыновья, участвующие в выборах вместо своих отцов по недвижимому их имуществу и по их уполномочию (ст. 231 и 232), вносятся в избирательный список с соответственной о том отметкой.

276. В уездах, в которых в основание оценки недвижимых имуществ для обложения земским сбором принята доходность имущества, оценочная его стоимость, дающая владельцу право участия в выборах, определяется при составлении избирательных списков, через помножение доходности имущества на двадцать.

277. Владелец имения, соответствующего в целом составе по размерам установленному законом цензу, но расположенного в двух или более смежных уездах, из которых в каждом количество земли не достилает размера, установленного для участия в выборах, вносится в избирательный список того уезда, который владелец укажет, а если такового заявления не последует, то включается в список того уезда, где находится большая часть имения.

278. Из лиц, имеющих недвижимое имущество в общем нераздельном владении, вносятся в избирательные списки только те, на долю которых причитается часть имущества, соответствующая по размерам установленному законом цензу.

279. В губерниях Царства Польского домохозяева, которые владеют в пределах гмины землей в размере менее полуторы десятины или иным недвижимым имуществом, оцененным в сумме менее тысячи пятисот рублей, а равно все вообще лица, имеющие право участия в избирательных гминных сходах, не подлежат внесению по недвижимому имуществу, состоящему во владении участников этих сходов, в списки лиц, участвующих в предварительных съездах землевладельцев.

280. При исчислении указанного в статьях 248, 252 и 257 годичного срока владения недвижимым имуществом принимается в расчет и срок владения этим имуществом наследодателя в восходящей линии. Лица, желающие участвовать в выборах по недвижимому имуществу их жен или матерей (ст. 232), обязаны своевременно заявлять о том установлению, составляющему избирательный список (ст. 269, 270 и 272).

281. В избирательные списки для участия в выборах на основании пункта 5 статьи 248 вносятся священнослужители, если причт владеет в уезде указанными в статьях 445 и 453 законов о состояниях (изд. 1899 г.) церковными землями.

По всем таким землям каждой церкви в список вносится ее настоятель.

282. Директоры (председатели) и члены правлений таких акционерных обществ и компаний, равно как паевых и иных товариществ по участкам, которые владеют фабриками, заводами или горными промыслами, а также управляющие этими фабриками, заводами или промыслами, если перечисленные лица уплачивают основной промысловый налог на личные промысловые занятия вне пределов того города или уезда, в которых находятся те фабрики, заводы или промыслы (ст. 252, п. 4 и ст. 257, п. 4), вносятся в избирательные списки по месту нахождения фабрики, завода или промысла, а не по месту уплаты налога. Если общества, компании и товарищества владеют фабриками, заводами или горными промыслами в разных городах или уездах, то каждое из упомянутых лиц включается в избирательный список того из означенных городов или уездов, который само изберет.

283. Составленные на основании статей 269, 270 и 272 избирательные списки публикуются за шесть недель до выборов в местных ведомостях и, сверх, того, объявляются во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этих списков.

284. В течение двух недель, следующих за опубликованием избирательных списков, доверенности и полномочия, в статье 233 означенные, могут быть представляемы мужьями и сыновьями в подлежащую комиссию по делам о выборах для внесения их в списки в порядке исправления последних.

285. При опубликовании в ведомостях первоначальных избирательных списков и внесенных в них изменений (ст. 283 и 291) каждый список, а равно перечень изменений, должны быть помещены полностью в одном номере ведомостей, в виде особого к ним приложения. О дне опубликования избирательных списков в ведомостях (ст. 283) губернаторы в тот же день сообщают по телеграфу министру внутренних дел для объявления во всеобщее сведение через «Правительственный вестник».

286. Список избирателей с относящимися к нему документами может быть обозреваем заинтересованными лицами в помещении учреждения, которым он составляется, в дни и часы, для того назначенные.

287. Лица, не внесенные в избирательные списки или до начала выборов утратившие избирательный ценз, в выборах не участвуют.

288. Ко времени производства выборов в каждом предприятии, рабочие которого принимают участие в выборах, вывешивается за подписью подлежащего должностного лица фабричного или горного надзора, а в железнодорожных мастерских – начальника мастерской, объявление об общем числе рабочих данного предприятия и числе подлежащих избранию от них уполномоченных.

289. Общий по губернии или городу список предприятий, в которых производятся выборы, с указанием общего числа рабочих и числа подлежащих избранию от них уполномоченных, оглашается губернатором во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этого списка.

290. В течение двух недель со дня опубликования избирательных списков в местных ведомостях заинтересованные лица могут подавать жалобы и заявления

о неправильности и неполноте указанных в статьях 269 и 272 списков – в уездную по делам о выборах комиссию, а упомянутых в статье 270 списков – в губернскую по делам о выборах комиссию.

291. По рассмотрении избирательных списков и поступивших жалоб и заявлений, подлежащая комиссия объявляет лицам, подавшим жалобы и заявления, о своих по ним постановлениях. Изменения, внесенные в первоначальные списки, публикуются в местных ведомостях и, сверх того, объявляются во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этих изменений.

292. После опубликования в местных ведомостях об исправлении списков никакие в них дополнения или изменения не допускаются, за исключением тех, которые могут последовать в разрешение жалоб, принесенных на постановление подлежащей комиссии, в установленном статьей 335 порядке.

293. Расходы по составлению избирательных списков учреждениями, заменяющими городские управы, и уездными полицейскими управлениями относятся на средства казны.

Глава пятая
О производстве выборов

Отделение первое
О ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ СОБРАНИЯХ

294. Избирателям и выборщикам предоставляется образовывать особые подготовительные собрания для совещания о лицах, достойных быть избранными.

295. В подготовительных собраниях избирателей принимают участие только лица, внесенные в список избирателей данного избирательного съезда или городского избирательного участка, а также председатель этого съезда, хотя бы он и не имел права на участие в выборах.

296. В подготовительных собраниях выборщиков могут присутствовать только выборщики данной губернии или города, а равно председатель подлежащего избирательного собрания.

297. Подготовительные собрания избирателей и выборщиков могут происходить лишь в закрытых помещениях.

298. О времени и месте подготовительного собрания избиратели или выборщики заявляют начальнику местной полиции не позднее, как за двадцать четыре часа до собрания, с приложением именных списков устроителей.

299. Начальнику местной полиции предоставляется назначать, для присутствия в подготовительном собрании, избирателей, одного из подведомственных ему чинов, по требованию которого собрание должно быть немедленно закрыто.

300. Подготовительные собрания избирателей могут быть закрываемы полицией только в следующих случаях: 1) когда собрание явно отклонится от предмета его занятий; 2) когда в собрании высказываются суждения, возбуждающие вражду одной части населения против другой; 3) когда в собрании производятся неразрешенные денежные сборы; 4) когда в нем оказываются лица, в собрания

не допускаемые, и эти лица не покинут собрания или не будут из него удалены и 5) когда нарушен порядок собрания мятежными возгласами либо заявлениями, восхвалением либо оправданием преступлений, возбуждением к насилию, либо неповиновению властям, или же распространением преступных воззваний, либо изданий, и, вследствие того, собрание приняло характер, угрожающий общественным спокойствию и безопасности.

301. В подготовительных собраниях выборщиков чины полиции не присутствуют, но наблюдают за тем, чтобы посторонние лица не имели доступа в помещение, в котором происходит собрание.

Отделение второе
О ПРОИЗВОДСТВЕ ВЫБОРОВ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СЪЕЗДЫ
I. О производстве выборов уполномоченных от волостей

302. Предварительно избрания волостными сходами уполномоченных в избирательные съезды, сельские общества могут производить новое назначение выборных на волостные сходы.

303. Выборы уполномоченных от волостей назначаются в каждом уезде по возможности в один и тот же день, определяемый губернатором.

304. При производстве выборов на волостных сходах могут присутствовать исключительно лица, входящие в состав этих сходов.

305. Выборы уполномоченных от волостей производятся на волостных сходах закрытой подачей голосов посредством баллотировки.

306. Приговоры волостных сходов об избрании уполномоченных представляются, не далее следующего за выборами дня, волостными старшинами в уездную по делам о выборах комиссию.

Примечание. Приговоры волостных сходов (ст. 306) не подлежат рассмотрению крестьянских начальников, но если они осведомятся о допущенных при производстве выборов неправильностях, то сообщают о них уездной по делам о выборах комиссии.

307. Жалобы на постановления волостных и избирательных гминных сходов по делам о выборах уполномоченных подаются, в трехдневный со дня производства выборов срок, или непосредственно в уездную по делам о выборах комиссию, или волостным старшинам либо гминным войтам, по принадлежности, для безотлагательного представления этих жалоб в означенную комиссию.

308. Волостным сходам предоставляется назначать избранным от них уполномоченным особое вознаграждение из волостных мирских сборов на покрытие расходов по поездке уполномоченных для участия в выборах в уездный город.

II. О производстве выборов уполномоченных от рабочих

309. Избрание уполномоченных от рабочих производится во всех предприятиях губернии или города, по возможности, в один и тот же день, назначаемый

губернатором.

310. Способ и порядок избрания уполномоченных определяются самими рабочими каждого предприятия. Для поддержания порядка во время выборов и для руководства ходом последних, рабочие избирают из своей среды одного или нескольких председателей.

Примечание. Избрание уполномоченных от рабочих производится в помещениях, отводимых для этой цели владельцами предприятий. Во время производства выборов лица, в них не участвующие, в указанные помещения не допускаются.

311. Жалобы на неправильности, допущенные при избрании уполномоченных от рабочих, приносятся уездным по делам о выборах комиссиям и разрешаются этими комиссиями с соблюдением правил, постановленных в статьях 333–335. При рассмотрении упомянутых жалоб в состав уездных по делам о выборах комиссий входит один из чинов фабричного или горного надзора, по назначению губернатора.

312. Списки уполномоченных, избранных рабочими каждого предприятия, подписываются председателями и не менее как десятью избирателями. Списки эти передаются фабричному или заводскому управлению или начальству железнодорожной мастерской, которые немедленно препровождают их губернатору. Копии списков вывешиваются на видных местах для сведения рабочих. В указанных списках должны быть обозначены: имя, отчество, фамилия, звание и возраст лиц, избранных в уполномоченные.

313. Общий по губернии или городу список уполномоченных от рабочих с указанием предприятий, от которых уполномоченные избраны, оглашается губернатором во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этого списка.

314. Уполномоченным от рабочих, в случае их о том ходатайства, возмещаются из казны путевые издержки по поездкам в губернский город на съезды, по расчету пяти копеек на версту в оба пути.

Отделение третье
О ПРОИЗВОДСТВЕ ВЫБОРОВ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СОБРАНИЯ

315. В городах Варшаве и Лодзи для производства выборов в городское избирательное собрание образуются в каждом избирательном участке (ст. 258) избирательные комиссии в составе председателя и двух членов, приглашаемых президентом, из числа лиц, имеющих право участия в выборах. Порядок производства выборов в городские избирательные собрания определяется правилами, при том приложенными.

316. Съезды избирателей и предварительные съезды, а равно избирательные комиссии открываются в дни, назначаемые губернатором.

317. О дне и месте производства выборов в съездах уполномоченных от рабочих заблаговременно оглашается губернаторами во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность такого объявления.

318. Предварительные съезды должны быть созываемы: общие – не позднее, как за сутки, а отдельные (ст. 250) – не позднее, как за три дня до открытия подлежащих съездов уездных землевладельцев.

319. Избирательные съезды открываются в двенадцать часов дня. Лица, прибывшие после приступа к выборам, к участию в них не допускаются.

320. При производстве выборов в избирательных участках и съездах, кроме председателей, а также членов избирательных комиссий, могут присутствовать исключительно лица, имеющие право участия в выборах.

321. Способ удостоверения личности избирателей и проверка их полномочий предоставляется председателю съезда (ст. 224 и 250) или избирательной комиссии (ст. 315).

322. Способ удостоверения личности уполномоченных от рабочих предоставляется председателям съездов этих уполномоченных.

323. Открывая избирательный съезд, председатель прочитывает статьи закона, относящиеся до порядка выборов и условий участия в них, а равно избирательный список. За этим составляется акт о числе прибывших в съезд лиц, а на предварительном съезде – также и о количестве земли, числящейся за явившимися на съезд лицами, и об итоге оценочной стоимости иного принадлежащего им недвижимого имущества, а равно о числе подлежащих выбору уполномоченных (ст. 251).

324. Выборы на съездах производятся закрытой подачей голосов, посредством баллотировки шарами, а выборы в городское избирательное собрание – закрытой подачей голосов, посредством записок.

Примечание. Выборы на съездах уездных землевладельцев и городских избирателей, в состав которых входят по избирательным спискам более пятисот лиц, производятся посредством подачи записок с соответственным применением правил, указанных в статьях 2–11 приложения к статье 315 и к статье 329.

325. Выборщики (ст. 224 и 225) и уполномоченные от предварительных съездов (ст. 250) могут быть избираемы только из числа лиц, имеющих право участия в выборах в том именно съезде или участке, где выборы производятся.

326. Выборщиками от избирательных съездов, а равно уполномоченными от предварительных съездов, признаются лица, за которых подано более половины голосов участвующих в съезде в порядке большинства полученных баллов; в случае же их равенства – избрание определяется по жребию.

327. Съезды уполномоченных от рабочих избирают выборщиков из своей среды закрытой подачей голосов посредством баллотировки шарами. Избранными считаются лица, получившие более половины избирательных голосов в порядке старшинства избирательных баллов. В случае равенства голосов, избрание определяется по жребию. Если число лиц, получивших в съезде уполномоченных более половины голосов, не достигнет подлежащего избранию числа выборщиков, то на следующий день производятся окончательные выборы недостающего числа выборщиков, причем избранными считаются получившие относительное большинство голосов.

328. О числе избирательных и неизбирательных голосов, полученных каж-

дым лицом, подвергавшимся баллотировке в избирательном съезде, отмечается в особом выборном листе. Для отметки голосов съезду предоставляется избирать из своей среды особых счетчиков в помощь председателю при баллотировке. По окончании выборов выборный лист прочитывается избирательному съезду и подписывается председателем, а также выразившими желание подписаться наличными избирателями.

329. В городах Варшаве и Лодзи выборщиками, избранными в городское избирательное собрание, считаются лица, получившие наибольшее в избирательном участке число голосов, хотя бы оно и не достигало половины числа участвовавших в выборах; в случае равенства голосов – избрание определяется по жребию.

330. Избирательные съезды, ограничиваясь производством выборов, не входят ни в какие рассуждения и не вправе делать никаких постановлений или распоряжений, не относящихся до производства выборов.

331. По окончании выборов съезды и избирательные комиссии закрываются. Не позднее следующего дня все выборное производство представляется: председателями съездов – в уездную по делам о выборах комиссию, а председателями избирательных комиссий – в губернскую по делам о выборах комиссию.

332. Жалобы на неправильности, допущенные по избранию выборщиков от рабочих, приносятся губернским по делам о выборах комиссиям и разрешаются этими комиссиями с соблюдением правил, постановленных в статьях 333–335. При рассмотрении упомянутых жалоб в состав губернских по делам о выборах комиссий входит один из чинов фабричного или горного надзора по назначению губернатора.

333. В трехдневный срок со дня закрытия съездов и избирательных комиссий заинтересованные лица могут подавать жалобы: в уездную по делам о выборах комиссию – на неправильности, допущенные при производстве выборов на съездах, и в губернскую по делам о выборах комиссию – на неправильности, допущенные при избрании выборщиков в городское избирательное собрание.

334. По обозрении выборного производства и рассмотрении принесенных на выборы жалоб уездная или губернская комиссия, если усмотрит к тому основания, отменяет произведенные выборы в отношении всех или некоторых лиц, избранных от подлежащего съезда или избирательного участка. Комиссия о своих постановлениях по принесенным ей жалобам объявляет лицам, их подавшим.

335. В трехдневный срок со дня объявления постановления уездной или губернской по делам о выборах комиссии заинтересованные лица могут принести жалобу: на постановление уездной – в губернскую комиссию, а на постановление последней – в Правительствующий сенат. Жалоба подается в уездную или губернскую комиссию, по принадлежности, и представляется, с необходимыми объяснениями, уездной комиссией в недельный, а губернской – в двухнедельный срок: первой – в губернскую по делам о выборах комиссию, а второй – в Правительствующий сенат.

336. Списки выборщиков в губернские избирательные собрания составляются уездной по делам о выборах комиссией, а списки выборщиков в городские

избирательные собрания – губернской по делам о выборах комиссией. Те и другие списки безотлагательно публикуются, по распоряжению губернатора, в местных ведомостях и, сверх того, объявляются во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этих списков.

337. В списках выборщиков, при опубликовании их в ведомостях (ст. 336), отмечаются: 1) имя, отчество и фамилия каждого выборщика; 2) город, уезд и волость, или гмина, по которым лицо это избрано; 3) постоянное место жительства выборщика и 4) сведения о служебном положении или роде его занятий, а также, по возможности, и о полученном им образовании. Одновременно с опубликованием списки рассылаются выборщикам.

338. Список выборщиков, избранных съездом уполномоченных от рабочих, оглашается губернатором во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим гласность этого списка.

339. Выборщикам, в случае их о том ходатайства, возмещаются из казны путевые издержки по поездке из уездного в губернский город на избирательное собрание, по расчету пяти копеек на версту от уездного города до губернского и обратно.

Примечание. Выборщиком от рабочих, в случае их о том ходатайства, возмещаются из казны путевые издержки по поездкам в губернский город на избирательное собрание, по расчету пяти копеек на версту в оба пути.

340. Для съездов землевладельцев, уполномоченных от волостей и уполномоченных от гмин, а ровно для предварительных съездов уполномоченных, предоставляются безвозмездно помещения уездных съездов и съездов мировых судей. Для съездов городских избирателей предоставляются, равным образом безвозмездно, помещения городских дум или заменяющих их учреждений. В случае недостаточности означенных помещений съезды происходят в безвозмездно предоставляемых для этой цели помещениях иных правительственных (кроме полицейских) или общественных установлений.

Отделение четвертое
О ПРОИЗВОДСТВЕ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

341. Выборы членов Государственной думы в избирательных собраниях (ст. 224 и 225) производятся в дни, назначаемые Высочайшими указами, которые министр внутренних дел испрашивает через Совет министров и представляет Правительствующему сенату для распубликования.

342. Избирательные собрания открываются в двенадцать часов дня. Лица, прибывшие после приступа к выборам, к участию в них не допускаются.

343. При производстве выборов в избирательных собраниях кроме председателей могут присутствовать исключительно лица, имеющие право участия в выборах.

344. Избирательное собрание губернское или городское считается состоявшимся, если прибудет в него не менее половины избранных от губернии или города выборщиков (ст. 224 и 225), в противном же случае собрание вновь созыва-

ется через семь дней и считается состоявшимся при всяком числе прибывших выборщиков.

345. Открывая избирательное собрание, председатель прочитывает статьи закона, относящиеся до порядка выборов и условий участия в них, и список выборщиков. Затем составляется акт о числе прибывших в собрание.

346. В губерниях Царства Польского в губернских избирательных собраниях выборщики от съездов уездных землевладельцев, городских избирателей и уполномоченных от гминных сходов совместно избирают из числа всех имеющих право участия в собрании выборщиков положенное для каждой губернии по расписанию (ст. 5) число членов Государственной думы.

347. В губерниях Енисейской и Иркутской в губернских избирательных собраниях выборщиков от обоих избирательных съездов (ст. 245) совместно избирают из числа всех имеющих право участия в собрании выборщиков положенное для каждой губернии по расписанию (ст. 5) число членов Государственной думы.

348. Городские избирательные собрания (ст. 225) избирают из числа имеющих право участия в них выборщиков положенное на город число членов Государственной думы (ст. 5) закрытой подачей голосов посредством баллотировки шарами.

349. Предварительно баллотировки губернским или городским избирательным собранием отмечаются закрытой подачей голосов, посредством записок, кандидаты. Кандидаты эти подвергаются затем баллотировке в порядке большинства полученных голосов.

350. Если число лиц, получивших в губернском или городском избирательном собрании более половины голосов, не достигнет указанного в приложенном к статье 5 расписании для данной губернии или города числа членов Государственной думы, то на следующий день собрание производит тем же порядком дополнительные выборы недостающего числа членов. В случае безуспешности этих дополнительных выборов на третий день производятся окончательные выборы недостающего числа членов, причем избранными считаются получившие относительное большинство голосов.

351. В члены Государственной думы могут быть избираемы только лица, изъявившие на то свое согласие. Лица, занимающие на гражданской государственной службе должность с определенным окладом содержания, в случае избрания их в члены Думы, обязаны оставить занимаемую ими должность.

352. Никто не может баллотироваться в члены Государственной думы более, чем в одном избирательном собрании – губернском или городском.

353. В члены Государственной думы не могут быть избираемы лица, не знающие русского языка.

354. О числе избирательных и неизбирательных голосов, полученных каждым лицом, подвергшимся баллотировке в избирательном собрании, отмечается в особом выборном листе. Для отметки голосов собранию предоставляется избирать из своей среды особых счетчиков в помощь председателю при баллотировке. По окончании выборов выборный лист прочитывается избирательному собранию и подписывается председателем, а также выразившими желание подписать-

ся наличными избирателями.

355. Избирательные собрания, ограничиваясь производством выборов, не входят ни в какие рассуждения и не вправе делать никаких постановлений или распоряжений, не относящихся до производства выборов.

356. Для губернских избирательных собраний предоставляются безвозмездно помещения уездных съездов или съездов мировых судей. Для городских избирательных собраний предоставляются, равным образом безвозмездно, помещения городских магистратов. В случае недостаточности означенных помещений, собрания происходят в безвозмездно предоставляемых для этой цели помещениях иных правительственных (кроме полицейских) или общественных установлений.

357. По окончании выборов губернские и городские избирательные собрания закрываются. Не позднее следующего дня все выборное производство представляется председателями собраний губернатору.

358. Губернатор немедленно по получении выборного производства препровождает его в Государственную думу, списки же лиц, избранных по губернии или городу в члены Думы, представляет Правительствующему сенату.

359. Проверка прав избранных членов Государственной думы принадлежит самой Думе. Жалобы на неправильность производства выборов в члены Думы приносятся заинтересованными лицами на имя Думы. Жалобы эти подаются в трехдневный срок со дня закрытия подлежащего избирательного собрания губернатору и препровождаются им в Думу, с объяснениями председателей избирательных собраний, в недельный срок со дня получения жалобы.

360. Постановление Государственной думы об отмене выборов по неправильности их получает силу в том случае, если принято большинством двух третей наличных членов Думы в общем ее собрании.

361. В случае отмены Государственной думой избирательного производства, оно возобновляется с той его ступени, до которой отменено. В случае же отмены выборов по отношению к отдельным членам Думы, на место их вступают в порядке старшинства избирательных баллов те из следующих за ними лиц, которые получили при выборах более половины голосов. Если таковых лиц не окажется, то производятся новые выборы подлежащим избирательным собранием в составе выборщиков, которые избраны были на текущее пятилетие.

362. Указанный в предшедшей (361) статье порядок соблюдается и в случае выбытия члена Государственной думы за отказом от этого звания или по иным причинам, если притом до наступления срока общих новых выборов в Думу остается более года.

363. Список членов Государственной думы (ст. 358) составляется Правительствующим сенатом и публикуется им во всеобщее сведение. Одновременно список оглашается в «Правительственном вестнике».

364. По окончании выборов членов Государственной думы министр внутренних дел составляет, на основании сведений, доставленных губернскими начальствами, отчет о ходе выборов, числе лиц, принимавших в них участие, и лицах, избранных уполномоченными и выборщиками. Отчет этот министр внутренних

дел повергает на Высочайшее благовоззрение.

Глава шестая
О порядке избрания члена Государственной думы от казаков Уральского казачьего войска

365. Выборы члена Государственной думы от казаков Уральского казачьего войска производятся на общих основаниях, в сем (II) разделе установленных, с изъятиями, в статьях 366–369 указанными.

366. Выборы члена Государственной думы от казаков Уральского казачьего войска производятся избирательным собранием выборщиков от всех станиц войска. Выборщики эти избираются станичными сходами из числа членов станичных обществ войскового сословия по два от каждой станицы.

367. В избирательном собрании выборщиков от станиц Уральского казачьего войска председательствует лицо, назначаемое Высочайшей властью. Место созыва избирательного собрания выборщиков определяется областным начальством, с утверждения министра внутренних дел, в пределах Уральской области.

368. Уральская областная по делам о выборах комиссия образуется, под председательством председателя окружного суда, из управляющего оренбургской казенной палатой, одного из членов окружного суда, по назначению общего его собрания, непременного члена областного правления, а также одного из местных обывателей, владеющих в пределах области землей или иным недвижимым имуществом, по приглашению военного губернатора. Входящему в состав уральской областной комиссии управляющему оренбургской казенной палатой предоставляется замещать себя в упомянутой комиссии начальником отделения этой палаты.

369. Уездные по делам о выборах комиссии образуются, под председательством члена окружного суда, по назначению общего его собрания, из мирового судьи, по назначению того же собрания суда, городского головы уездного города или заменяющего его лица (там, где они есть), податного инспектора и одного из местных обывателей, владеющих в уезде землей или иным недвижимым имуществом, по приглашению военного губернатора.

Глава седьмая
О порядке избрания члена Государственной думы от православного населения Люблинской и Седлецкой губерний

370. Каждый православный приход как сельский, так и городской, в составе которого числится не менее ста прихожан обоего пола, избирает приходских уполномоченных по одному на каждые сто прихожан мужского пола, но во всяком случае по одному от прихода.

371. Приходы с числом менее ста прихожан соединяются, для избрания уполномоченных, по два или по несколько распоряжением подлежащего губернатора и избирают уполномоченных в числе, указанном в статье 370.

372. Избрание приходских уполномоченных производится из среды их членов приходскими собраниями, образуемыми под председательством настоятеля приходской церкви. В собраниях этих участвуют все прихожане мужского пола, достигшие двадцати пяти лет и имеющие право участия в выборах в Государственную думу в составе гминных сходов или съездов землевладельцев или городских избирателей, а равно священно- и церковнослужители данного прихода, хотя бы они и не владели цензом, дающим право участия в этих выборах. В случаях, указанных в статье 371, место созыва соединенного приходского собрания определяется подлежащим губернатором.

373. Список лиц, имеющих право участия в приходском избирательном собрании, составляется настоятелем приходской церкви и выставляется для всеобщего обозрения у входа в храм.

374. В недельный со дня выставления списка (ст. 373) срок на него могут быть приносимы заинтересованными лицами жалобы в подлежащую уездную по делам о выборах комиссию.

375. Приходские уполномоченные по каждому уезду образуют избирательный съезд, созываемый в уездном городе под председательством мирового судьи, по назначению министра юстиции. Приходы городов Люблина и Седлеца входят в отношении выборов в состав соответственных уездов.

376. Варшавскому генерал-губернатору предоставляется соединять для производства выборов уезды с небольшим числом православных приходов и образовывать для них соединенный избирательный съезд. В этом случае генерал-губернатор определяет, в какую из уездных по делам о выборах комиссий должны быть приносимы жалобы на неправильности, допущенные при производстве выборов в соединенном съезде.

377. Каждый избирательный съезд избирает выборщиков в избирательное собрание, созываемое в городе Холме Люблинской губернии, под председательством председателя съезда мировых судей, по назначению министра юстиции.

378. Избирательное собрание образуется из сорока выборщиков. Общее число этих выборщиков распределяется варшавским генерал-губернатором между съездами уполномоченных в соответствии с общим количеством прихожан каждого уезда.

379. Выборы уполномоченных на приходских собраниях производятся способом, избранным самим собранием, причем получившие большинство голосов в порядке их старшинства считаются избранными в уполномоченные. Выборы на съездах уполномоченных производятся порядком, указанным в статьях 324–326.

380. Избрание члена Государственной думы в Холмском избирательном собрании производится с соблюдением общих, установленных по этому предмету правил (ст. 349 и след.).

Публикуется по изданию:
Российское законодательство X–XX веков: В 9-ти тт. Т. 9:
Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций /
Под ред. О.И. Чистякова. М., 1994. С. 58–116.

Приложение № 2

ИНИЦИАТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЧАСТНОГО СОВЕЩАНИЯ ЗЕМСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ 6–8 ноября 1904 г.

Частное совещание земских деятелей в заседаниях, происходивших 6, 7 и 8 ноября 1904 г. в Петербурге, обсудив вопрос об общих условиях, необходимых для правильного течения и развития нашей общественной и государственной жизни, пришло к следующим заключениям:

1. Ненормальность существующего в нашей жизни порядка государственного управления, с особой силой проявившаяся с начала восьмидесятых годов, заключается в полной разобщенности правительства с обществом и в отсутствии необходимого в государственной жизни взаимного между ними доверия.

2. Отношения правительства к обществу имели в своем основании опасения развития общественной самодеятельности и постоянное стремление к устранению общества от участия во внутреннем государственном управлении. Исходя из этих оснований правительство стремилось к проведению административной централизации во всех отраслях местного управления и к опеке над всеми сторонами общественной жизни. Взаимодействие с обществом признавалось правительством исключительно в смысле приведения деятельности общественных учреждений в соответствие с видами правительства.

3. Бюрократический слой, разобщая верховную власть с населением, создает почву для широкого проявления административного произвола и личного усмотрения. Такой порядок лишает общество необходимой всегда уверенности в охране законных прав всех и каждого и подрывает доверие его к правительству.

4. Правильное течение и развитие государственной и общественной жизни возможно лишь при условии живого и тесного общения и единения государственной власти с народом.

5. Для устранения возможности проявления административного произвола необходимо установление и последовательное проведение в жизнь принципа неприкосновенности личности и частного жилища. Никто без постановления независимой судебной власти не должен быть подвергаем взысканию и ограничиваем в своих правах. Для вышеуказанной цели необходимо, кроме того, установление такого порядка привлечения к гражданской и уголовной ответственности должностных лиц за нарушение закона, который обеспечил бы практическое осуществление начала законности в управлении.

6. Для полного развития духовных сил народа, для всестороннего выяснения общественных нужд и для беспрепятственного выражения общественного мнения необходимо обеспечение свободы совести и вероисповедания, свободы слова и печати, а также свободы собраний и союзов.

7. Личные, гражданские и политические права всех граждан Российской им-

перии должны быть равны.

8. Самодеятельность общества является главным условием правильного и успешного развития политической и экономической жизни страны. Так как значительное большинство населения России принадлежит к крестьянскому сословию, то следует прежде всего поставить это последнее в положение, благоприятствующее развитию в нем самодеятельности и энергии, а это достижимо только путем коренного изменения нынешнего неполноправного и приниженного состояния крестьян. В этих целях необходимо: а) уравнять крестьян в личных правах с лицами других сословий, б) освободить от административной опеки сельское население во всех проявлениях его личной и общественной жизни и в) оградить его правильной формой суда.

9. Земские и городские учреждения, в которых по преимуществу сосредоточивается местная общественная жизнь, должны быть поставлены в такие условия, при которых они могли бы с успехом выполнять обязанности, присущие правильно и широко поставленным органам местного самоуправления; для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословных началах и чтобы к участию в земском и городском самоуправлении были привлечены по возможности все наличные силы местного населения, б) чтобы земские учреждения были приближены к населению путем создания мелких земских единиц на началах, обеспечивающих их действительную самодеятельность, в) чтобы круг ведомства земских и городских учреждений простирался на всю область местных польз и нужд и г) чтобы названным учреждениям были предоставлены должные устойчивость и самостоятельность при наличности которых только и возможно правильное развитие их деятельности и создание необходимого взаимодействия правительственных и общественных учреждений. Местное самоуправление должно быть распространено на все части Российской империи.

10. Мнение большинства.

Но для создания и сохранения всегда живого и тесного обобщения и единения государственной власти с обществом на основе вышеуказанных начал и для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни, безусловно, необходимо правильное участие народного представительства как особого выборного учреждения в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации.

Мнение меньшинства.

Но для создания и сохранения всегда живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом на основе вышеуказанных начал и для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни, безусловно, необходимо правильное участие в законодательстве народного представительства как особого выборного учреждения.

11. Ввиду важности и трудности внутреннего и внешнего состояния, переживаемого Россией, частное совещание выражает надежду, что верховная власть призовет свободно избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на новый путь государственного развития в духе уста-

новления начал права и взаимодействия государственной власти и народа.

Председатель совещания Д. Шипов
Товарищ председателя совещания Ив. Петрункевич
Товарищ председателя совещания кн[язь] Г. Львов

Публикуется по изданию:
И.П. Белоконский. Земство и конституция. М., 1910. С. 139–141.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕЩАНИЯ ЗЕМСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ 22–26 апреля 1905 г.

Совещание земских деятелей в Москве, продолжая работу петербургского совещания 6–9 ноября 1904 года, на основании установленных им начал и в твердом убеждении, что лишь правильное участие народного представительства в осуществлении законодательной власти, установлении государственного бюджета и в контроле над деятельностью администрации может не только создать прочный правовой порядок, но и обеспечить успешное проведение мероприятий, настоятельно необходимых для поднятия народного благосостояния, пришло к следующим заключениям:

А. По вопросу об основаниях желательной организации народного представительства в Российской империи и о порядке введения в жизнь представительных учреждений

1) В организации народного представительства Российской империи не может быть допущено ни сословное начало, ни так называемое представительство интересов (т.е. отдельные выборы от различных классов или групп населения).

2) В основу будущей постоянной организации народного представительства в Российской империи должны быть положены следующие начала:

а) необходимы выборы представителей от населения путем всеобщей, равной и тайной подачи голосов;

б) вышеозначенные выборы от населения должны быть прямые, т.е. представители должны быть избираемы непосредственно гражданами, имеющими активное избирательное право;

в) наряду с представительным собранием, избираемым путем всеобщего и прямого голосования (палатой народных представителей), должно быть образовано особое представительство от реорганизованных на демократических началах и распространенных на всю Российскую империю органов местного самоуправления;

г) обе палаты должны быть равноправны.

3) Мнение большинства (71 голос). Представительное собрание, главной за-

дачей которого будет установление государственного правопорядка Российской империи, должно состоять из одной палаты народных представителей, избранных путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Мнение меньшинства (37 голосов). Первое представительное собрание, главной задачей которого будет установление государственного правопорядка Российской империи, должно состоять из народных представителей, избранных путем всеобщего, равного, тайного, но двухстепенного голосования.

Мнение меньшинства (17 голосов). Первые выборы в представительное собрание должны быть произведены:

а) в земских губерниях – губернскими земскими собраниями, пополненными представителями крестьянского населения и рабочих там, где развита фабричная промышленность, а также городскими думами значительнейших городов, пополненными представителями рабочего класса и высших учебных и ученых заведений;

б) в неземских губерниях (9 губерний Западного края, область Войска Донского, Прибалтийская, Привислянская губернии) должны быть введены коллегии на началах, на коих организованы земские учреждения;

в) применение к остальным окраинам общего избирательного закона должно составить предмет занятий первого собрания народных представителей с привлечением делегатов от этих окраин.

4) Никакое правильное собрание, однако, невозможно до тех пор, пока не будут предоставлены населению неприкосновенность личности, свобода слова, печати и собраний и пока не будут повсеместно отменены «Положение об усиленной охране», а также административная карательная власть земских начальников и сельского и волостного начальства.

5) Только немедленный созыв народного представительства с правом участия в осуществлении законодательной власти может привести к мирному и правильному разрешению насущных политических, общественных и экономических вопросов современной жизни России.

6) Если окажется, что представители земства и городов могут участвовать в особом совещании под председательством гофмейстера Булыгина по выбору общественных учреждений, а не по приглашению правительства, и притом на равных правах с правительственными членами совещания, и если участие в выборах таких представителей будет предоставлено всем губернским земским собраниям, то желательно, чтобы они участвовали в совещании во всех стадиях его деятельности. В противном случае общественным деятелям лучше было бы уклониться от участия в этом совещании. Но и при участии общественного элемента деятельность совещания может быть лишь тогда плодотворна, если она будет доступна самой широкой гласности.

7) Задача особого совещания под председательством гофмейстера Булыгина должна заключаться в выработке: а) порядка избрания представителей в первое представительное собрание, которое должно иметь право участия в осуществлении законодательной власти, б) общих условий, необходимых для производства свободных выборов, а именно: отмены «Положения о мерах к охране государствен-

ного порядка и спокойствия» от 14 августа 1881 года, широкой политической амнистии, отмены дискреционной власти над крестьянами земских начальников и волостного и сельского начальства, установления права собраний и союзов и права свободного выражения мысли путем слова и печати.

8) Главной задачей первого представительного собрания должно быть не столько законодательство по частным вопросам, сколько установление государственного правопорядка.

Извлечение публикуется по изданию:
И.П. Белоконский. Земство и конституция. М., 1910. С. 159–162.

АДРЕС СЪЕЗДА ЗЕМСКИХ И ГОРОДСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ НИКОЛАЮ II 24–26 мая 1905 г.

Ваше Императорское Величество. В минуту величайшего народного бедствия и великой опасности для России и самого престола Вашего мы решаем обратиться к Вам, отложив всякую рознь и все различия, нас разделяющие, движимые одной пламенной любовью к отечеству.

Государь. Преступным небрежением и злоупотреблением Ваших советчиков Россия ввергнута в гибельную войну, наша армия не могла одолеть врага, наш флот уничтожен, и грознее опасности внешней разгорается внутренняя усобица.

Увидав вместе со всем народом Вашим все пороки ненавистного и пагубного приказного строя, Вы положили изменить его и предначертали ряд мер, направленных к его преобразованию. Но предначертания эти были искажены и ни в одной области не получили надлежащего исполнения. Угнетение личности и общества, угнетение слова и всяческий произвол множатся и растут. Вместо предуказанной Вами отмены усиленной охраны и административного произвола полицейская власть усиливается и получает неограниченные полномочия, а подданным Вашим преграждают путь, открытый Вами, дабы голос правды не мог доходить до Вас.

Вы положили созвать народных представителей для совместного с Вами строительства земли, и воля Ваша осталась без исполнения доныне, несмотря на все грозное величие совершающихся событий, а общество волнуют страхи о проектах, в которых обещанное Вами народное представительство, долженствовавшее упразднить приказный строй, заменяется сословным совещанием.

Государь. Пока не поздно, для спасения России, во утверждение порядка и мира внутреннего повелите без замедления созвать народных представителей, избранных для сего равно и без различия всеми подданными Вашими. Пусть решат они в согласии с Вами жизненный вопрос государства – вопрос о войне и мире, пусть определят они условия мира или, отвергнув его, превратят эту войну

в войну народную. Пусть явят они всем народам Россию не разделенную более, не изнемогающую во внутренней борьбе, а исцеленную, могущественную в своем возрождении и сплотившуюся вокруг единого стяга народного. Пусть установят они в согласии с Вами обновленный государственный строй.

Государь, в руках Ваших честь и могущество России, ее внутренний мир, от которого зависит и внешний мир ее. В руках Ваших держава Ваша, Ваш престол, унаследованный от предков.

Не медлите, государь; в страшный час испытания народного велика ответственность Ваша перед Богом и Россией.

Публикуется по изданию:
И.П. Белоконский. Земство и конституция. М., 1910. С. 167–168.

СООБЩЕНИЕ О ПРИЕМЕ НИКОЛАЕМ II ДЕЛЕГАЦИИ ЗЕМСКИХ И ГОРОДСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

6 июля 1905 г. в 12 ½ часов дня в Фермерском дворце в Петергофе государем императором приняты были прибывшие в Петербург земские и городские деятели:

1) граф П.А. Гейден, опочецкий предводитель дворянства, псковский губернский гласный; 2) князь Г.Е. Львов, председатель Тульской губернской земской управы; 3) Н.Н. Львов, саратовский губернский гласный; 4) И.И. Петрункевич, тверской губернский гласный; 5) Ф.А. Головин, председатель Московской губернской земской управы; 6) князь П.Д. Долгоруков, рузский уездный предводитель дворянства, камергер Высочайшего двора; 7) М.М. Ковалевский, харьковский губернский гласный; 8) Ю.А. Новосильцев, темниковский уездный предводитель дворянства; 9) Ф.И. Родичев, кандидат Весьегонского уезда Тверской губернии предводителя дворянства; 10) князь Д.И. Шаховской, ярославский губернский гласный; 11) князь С.Н. Трубецкой, ординарный профессор Московского университета; 12) барон П.Л. Корф, гласный С.-Петербургской городской думы; 13) А.Н. Никитин, заместитель председателя С.-Петербургской городской думы; 14) М.П. Федоров, гласный С.-Петербургской городской думы.

Князь С.Н. Трубецкой обратился к государю с речью следующего содержания:

«Ваше Императорское Величество. Позвольте выразить Вашему Величеству нашу глубокую, искреннюю благодарность за то, что Вы приняли нас после нашего к Вам обращения. Вы поняли те чувства, которые руководили нами, и не поверили тем, кто представляет нас – общественных и земских деятелей – чуть ли не изменниками престола и врагами России. Нас привело сюда одно чувство – любовь к отечеству и сознание долга перед Вами.

Мы знаем, государь, что в эту минуту Вы страдаете больше нас всех. Нам было бы отрадно сказать Вам слово утешения, и если мы обращаемся к Вашему

Величеству теперь в такой необычной форме, то, верьте, что к этому побуждает нас чувство долга и сознание общей опасности, которая велика, государь.

В смуте, охватившей все государство, мы разумеем не крамолу, которая сама по себе, при нормальных условиях, не была бы опасна, а общий разлад и полную дезорганизацию, при которой власть осуждена на бессилие. Русский народ не утратил патриотизма, не утратил веры в царя и в несокрушимое могущество России, но именно поэтому он не может уразуметь наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу; он чувствует себя обманутым, и в нем зарождается мысль, что обманывают царя. И когда народ видит, что царь хочет добра, а делается зло, что царь указывает одно, а творится совершенно другое, что предначертания Вашего Величества урезываются и нередко проводятся в жизнь людьми, заведомо враждебными преобразованиям, то такое убеждение в нем все более растет. Страшное слово «измена» произнесено, и народ ищет изменников решительно во всех: и в генералах, и в советчиках Ваших, и в нас, и во всех «господах» вообще. Это чувство с разных сторон эксплуатируется. Одни натравливают народ на помещиков, другие – на учителей, земских врачей, на образованные классы. Одни части населения возбуждаются против других. Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся веками обид и утеснений, обостряемая нуждой и горем, бесправием и тяжкими экономическими условиями, подымается и растет, и она тем опаснее, что в начале облекается в патриотические формы – тем более она заразительна, тем легче она зажигает массы. Вот грозная опасность, государь, которую мы, люди, живущие на местах, измерили до глубины во всем ее значении и о которой мы сочли долгом довести до сведения Вашего Императорского Величества. Единственный выход из всех этих внутренних бедствий – это путь, указанный Вами, государь, – созыв избранников народа. Мы все верим в этот путь, но сознаем, однако, что не всякое представительство может служить тем благим целям, которые Вы ему ставите. Ведь оно должно служить водворению внутреннего мира, созиданию, а не разрушению, объединению, а не разделению частей населения, и, наконец, оно должно служить «преобразованию государственному», как сказано Вашим Величеством. Мы не считаем себя уполномоченными говорить здесь ни о тех окончательных формах, в которые должно вылиться народное представительство, ни о порядке избрания. Если, позволите, государь, мы можем сказать только то, что объединяет всех нас, что объединяет большинство русских людей, искренне желающих идти по намеченному Вами пути.

Нужно, чтобы все Ваши подданные – равно и без различия – чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдельные части населения и группы общественные не исключались из представительства народного, не обращались бы тем самым во врагов обновленного строя; нужно, чтобы не было бесправных и обездоленных. Мы хотели бы, чтобы все Ваши подданные, хотя бы чужие нам по вере и крови, видели в России свое отечество, в Вас – своего государя, чтобы они чувствовали себя сынами России и любили Россию так же, как мы ее любим. Народное представительство должно служить делу объединения и мира внутреннего. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословным. Как русский царь, а не царь дворян, не царь крестьян или купцов, не царь сосло-

вий, а царь всея Руси, так и выборные люди, от всего населения призываемые, чтобы делать совместно с Вами Ваше государево дело, должны служить не сословным, а общегосударственным интересам. Сословное представительство неизбежно должно породить сословную рознь там, где ее не существует вовсе.

Далее – народное представительство должно служить делу «преобразования государственного». Бюрократия существует везде, во всяком государстве, и, осуждая ее, мы винили не отдельных лиц, а «приказный строй». В обновленном строе бюрократия должна знать подобающее ей место. Она не должна узурпировать Ваших державных прав, она должна быть ответственной. Вот дело, которому должно послужить собрание выборных представителей. Оно не может быть заплатой к старой системе бюрократических учреждений. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между ним и Вами не может быть воздвигнута новая стена в лице высших бюрократических учреждений империи. Вы сами убедитесь в этом, государь, когда призовете избранников народа и встанете с ними лицом к лицу, как мы стоим перед Вами.

Наконец, предначертанные Вами преобразования столь близко касаются русского народа и общества, ныне призываемого к участию в государственной работе, что русские люди не только не могут, но не должны оставаться к ним равнодушны. Посему необходимо [допустить] самую широкую возможность обсуждения государственного преобразования не только на первом собрании выборных, но ныне же – в печати и в общественных собраниях. Было бы пагубным противоречием призывать общественные силы к государственной работе и вместе с тем не допускать свободного суждения. Это подорвало бы доверие к осуществлению реформ, мешало бы успешному проведению их в жизнь.

Государь, на доверии должно созидаться обновление России».

После этого гласный С.-Петербургской городской думы М.П. Федоров высказал следующее:

«Позвольте, Ваше Величество, присоединить к тому, что сейчас было высказано князем Трубецким, еще и то, что тревожит и волнует города. Город и деревня так близки друг к другу, что всякая невзгода деревни отражается и на благосостоянии города – беднеет деревня, и мы страдаем.

Мы не можем не беспокоиться о задачах ближайшего будущего: как бы Ваше Величество ни разрешили вопрос войны и мира, война все-таки когда-нибудь кончится и тогда настанет необходимость залечивать нанесенные ею раны – экономические и финансовые; мы предвидим, что наш бюджет должен будет увеличиться ради этого на много миллионов в год. Чтобы достать эти миллионы, чтобы найти источник для покрытия этих расходов, нужно начать огромную культурную работу, нужно озаботиться о подъеме производительных сил страны, а это только возможно тогда, когда будет призвано к жизни все, что есть даровитого и талантливого в народе и возбуждена широкая самодеятельность общества.

У Вашего Величества есть, правда, люди, и люди талантливые, но их немного и они могут присматриваться к потребностям и нуждам народным только из своих кабинетов и канцелярий, тогда как предстоящая работа потребует людей, стоящих у самой жизни. Вот почему и города всецело присоединяются к голосу

земских людей, мысли которых здесь передал князь Трубецкой».

На обращенные речи депутатов государь ответил:

«Я рад был выслушать вас. Не сомневаюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви к родине в вашем непосредственном обращении ко Мне.

Я вместе с вами и со всем народом Моим всею душою скорбел и скорблю о тех бедствиях, которые принесла России война и которые необходимо еще предвидеть, и о всех внутренних наших неурядицах.

Отбросьте ваши сомнения. Моя воля – воля царская – созывать выборных от народа – непреклонна; привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом.

Вы можете об этом передать всем вашим близким, живущим как на земле, так и в городах.

Я твердо верю, что Россия выйдет обновленною из постигшего ее испытания.

Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, общение между Мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам.

Я надеюсь, вы будете содействовать Мне в этой работе».

Публикуется по изданию:
И.П. Белоконский. Земство и конституция. М., 1910. С. 168–173.

Приложение № 3

ПАРТИИ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Бунд – Всеобщий еврейский союз в Литве, Польше и России – политическая партия, объединяла еврейских рабочих и ремесленников западных областей Российской империи. Основана в 1897 г. в Вильно (Вильнюс). В 1898–1903 гг. и с 1906 г. автономная организация в составе РСДРП, стояла на позициях меньшевизма. В РСФСР самоликвидировался в 1921 г.

Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы), кадеты – одна из основных политических партий России начала XX в. Создана в октябре 1905 г. Программа предусматривала введение народного представительства, демократических свобод, принудительное отчуждение помещичьих земель за выкуп. После октября 1917 г. запрещена большевиками.

Крестьянский союз – массовая организация крестьянства во время Революции 1905–1907 гг. Насчитывал до 200 тыс. членов и 470 местных организаций. Действовал под влиянием эсеров. Программа включала требования национализации земли, созыва Учредительного собрания.

Народных социалистов партия – см. Трудовая народно-социалистическая партия.

Партия демократических реформ – политическая партия либерально-демократического направления, создана в конце 1905 г.

Партия мирного обновления – возникла в 1906 г. Объединяла бывших левых октябристов, кадетов, членов Партии демократических реформ и беспартийных конституционалистов. В ноябре 1912 г. вошла в Прогрессивную партию.

Партия народной свободы – см. Конституционно-демократическая партия.

Партия правового порядка – создана в 1905 г. по инициативе крупных предпринимателей, землевладельцев и чиновников, близких к верхам правящей бюрократии. Программа декларировала приверженность конституционным принципам и сильной государственной власти, дополнительное наделение землей малоземельных крестьян.

Партия социалистов-революционеров – создана в 1901–1902 гг. путем объединения народовольческих кружков и групп. Программа включала требования ликвидации самодержавия, создания демократической республики, по-

литических свобод, введение 8-часового рабочего дня, социализации земли. Использовала различные методы борьбы – от легальных до вооруженного восстания, в тактике значительное место отводила индивидуальному террору.

Прогрессивная партия – выступала за конституционную монархию с ответственностью министров перед народным представительством. Организационно оформилась в 1912 г. на основе существовавшей с 1907 г. прогрессивной фракции Государственной думы. Программа, принятая в 1912 г., содержала положения об отмене административного произвола, отмене избирательного закона 3 июня 1907 г., сословных ограничений и привилегий, расширения прав народного представительства, о реформе местного самоуправления, необходимости свободы слова, печати, собраний и союзов, неприкосновенности личности, культурно-национального самоопределения народностей, входящих в состав Российской империи.

Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). Учредительный съезд состоялся в 1898 г. в Минске. Окончательно оформилась на II съезде (1903 г., Брюссель, Лондон), принявшем программу партии. Программа-минимум предусматривала свержение самодержавия, установление республики, введение 8-часового рабочего дня, равноправие наций и их право на самоопределение. В 1903 г. раскололась на «большевиков» во главе с В.И. Лениным и «меньшевиков», которые впоследствии оформились в самостоятельные партии.

Союз истинно русских людей – крайне правая политическая организация. Создана в 1905 г. В том же году влилась в Союз русского народа.

Союз Михаила Архангела – крайне правая политическая организация. В 1908 г. выделилась из Союза русского народа.

Союз освобождения – нелегальное политическое объединение либеральной интеллигенции, группировавшейся вокруг журнала «Освобождение», издававшегося с июля 1902 г. в Штутгарте (Германия) под редакцией П.Б. Струве. Создан в 1904 г. Программа предусматривала создание конституционной монархии, введение всеобщего избирательного права, частичное наделение крестьян землей.

Союз 17 октября (октябристы) – праволиберальная политическая партия, объединяла крупных землевладельцев и предпринимателей. Организационное оформление партии завершилось в 1906 г. Названа в честь Манифеста 17 октября 1905 г., знаменовавшего, по мнению октябристов, преобразование России в конституционную монархию. Союз выступал с требованием введения народного представительства, демократических свобод, гражданского равенства и др. Октябристы составляли самую многочисленную фракцию III Государственной думы. К 1915 г. Союз как самостоятельная партия прекратил существование.

Союз русского народа – крайне правая политическая организация. Создана в ноябре 1905 г. Имел свыше 500 местных отделов. Программа наряду с требованием сохранения монархии и борьбы с «засильем инородцев» требовала улучшить положение трудящихся, избавиться от господства бюрократии.

Союз союзов – объединение профессионально-политических союзов, зародилось в конце 1904 г, оформилось в 1905–1906 гг. Включало 20 всероссийских союзов (инженеров и техников всех специальностей, академический, адвокатов, земцев-конституционалистов, равноправности женщин, крестьянский и др.) и около 40 местных отделений; всего до 135 тыс. членов. Главное требование – созыв Учредительного собрания и введение политических свобод. Распался в 1906 г. в связи с запрещением политической деятельности профсоюзов и их объединений.

Торгово-промышленная партия – политическая партия, создана в 1905 г. представителями предпринимательских кругов. Программа предусматривала сохранение самодержавия, помещичьего землевладения, государственную защиту интересов российских деловых кругов и др. В 1906 г. влилась в Союз 17 октября.

Трудовая народно-социалистическая партия (народные социалисты) – политическая партия, создана в 1906 г. Программа включала требования национализации помещичьих земель путем их выкупа государством и распределения между крестьянами, созыва Учредительного собрания, принятия конституции, введения демократических свобод.

Приложение № 4

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ТЕКСТОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В КНИГЕ

Авеский В.А. – земский деятель Смоленской губернии.

Астров Николай Иванович (1868–1934) – земский, городской и общественный деятель. Родился в Москве в семье врача. Потомственный почетный гражданин Москвы. В 1892 г. окончил юридический факультет Московского университета. С 1894 г. служил мировым судьей, затем – гласный и секретарь Московской городской думы, гласный Московского губернского земского собрания. Член I–II Государственных дум от Москвы, в 1906–1907 гг. заведующий канцелярией Государственной думы. Активный участник деятельности Конституционно-демократической партии, член ЦК партии. Глава Московского кредитного общества, издатель. В 1915–1917 гг. член ЦК Всероссийского союза городов. С марта по июль 1917 г. московский городской голова. После октября 1917 г. активный участник антибольшевистского движения. Был избран членом Учредительного собрания. В 1918 г. в составе Национального центра, в 1919 г. член Особого совещания при А.И. Деникине. С 1920 г. в эмиграции. Организатор и руководитель Русского заграничного исторического архива. Умер в Праге.

Бадаев Алексей Егорович (1883–1951) – рабочий-слесарь. Родился в д. Юрьево Карачевского уезда Орловской губернии. Окончил начальную школу, низшие вечерние технические классы. Работал в Брянске, Орле. В Петербурге работал слесарем на Александровском механическом заводе и в Главных вагонных мастерских Николаевской железной дороги. Член Петербургского союза металлистов. Член Российской социал-демократической рабочей партии с 1904 г., большевик, член Петербургского комитета РСДРП. В 1912 г. избран в IV Государственную думу от рабочих Петербурга и Петербургской губернии. В 1913–1914 гг. член ПК и Русского бюро ЦК РСДРП, официальный издатель газеты «Правда». В 1914 г. арестован в Озерках близ Петрограда во время конференции депутатов-большевиков и сослан на вечное поселение в Туруханский край. После февраля 1917 г. гласный Петроградской городской думы. Член Учредительного собрания от Кавказского фронта. Активный участник Октябрьской революции. Председатель Петроградской продовольственной управы. В 1921–1929 гг. председатель Петроградского (Ленинградского) единого потребительского общества. С 1922 г. кандидат, с 1925 г. – член ЦК большевистской партии. Заместитель председателя Моссовета. В 1938–1941 гг. председатель Президиума Верховного Совета РСФСР и заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Бартенев Виктор Викторович (1864–1921) – публицист, историк; в социал-демократическом движении с 80-х гг. XIX в., исследователь Северного края.

Басальго Константин Николаевич (псевд. К. Дальний) (1887–1963) – член Российской социал-демократической рабочей партии. Большевик с 1904 г.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) – общественный и государственный деятель, историк. Участник революционного движения с 90-х гг. XIX в., член Российской социал-демократической рабочей партии, большевик. Организатор ряда большевистских газет и издательств. В 1917–1920 гг. управляющий делами СНК РСФСР. С 1933 г. директор Государственного литературного музея в Москве.

Букейханов Султан Алихан Нурмагометович (1866/70–1937) – общественный деятель, журналист, ученый-лесовод. Из знатной казахской семьи рода Чингизидов, потомок наследственных ханов Букеевской орды. Окончил Омское техническое училище, экономический факультет Петербургского лесотехнического института (в 1894 г.). Редактировал газеты «Омич», «Иртыш», «Голос Степи», «Семипалатинский листок». Активный участник деятельности Конституционно-демократической партии. Член I Государственной думы от Семипалатинской губернии. Подписал Выборгское воззвание, за что отбыл трехмесячное тюремное заключение (в 1908 г.). В 1908–1917 гг. находился в ссылке в Самаре. Работал статистиком в различных учреждениях, занимался научной деятельностью, сотрудничал с периодическими изданиями. С августа 1915 г. член самарского губернского комитета Конституционно-демократической партии. В марте 1917 г. Временным правительством назначен комиссаром Тургайской области. Избран в ЦК Конституционно-демократической партии. В июле 1917 г. вышел из партии кадетов после принятия решения о создании самостоятельной политической партии казахов – «Алаш». В октябре 1917 г. председатель тургайского областного комитета партии «Алаш». В декабре 1917 г. председатель Всекиргизского (Всеказахского) Народного совета – Алаш-орды. Был избран во Всероссийское Учредительное собрание. Поддерживал антибольшевистское движение. После поражения Колчака перешел на сторону советской власти. Участник Первого учредительного съезда советов Киргизской (Казахской) АССР (4–12 октября 1920 г.). Затем на административной и хозяйственной работе. В 20–30-е гг. трижды подвергался аресту. 27 сентября 1937 г. осужден военной коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в принадлежности к террористической организации и в тот же день расстрелян.

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – общественный и религиозный деятель, религиозный философ, экономист. Родился в г. Ливны Орловской губернии в семье священника. В 1898 г. окончил юридический факультет Московского университета. Продолжил обучение в Германии, где написал магистерскую диссертацию «Капитализм и земледелие» (защитил ее в 1900 г.). В 1901–1906 гг. профессор Киевского политехнического института, приват-доцент Киевского университета. В 1906–1911, 1917–1923 гг. профессор Московского университета. В 1907 г. был избран членом II Государственной думы от Орловской губернии.

Возглавлял думскую комиссию по церковному законодательству. В 1912 г. защитил докторскую диссертацию «Философия хозяйства». В 1918 г. принял священство. В 1923 г. был выслан из СССР. Профессор догматики и декан (инспектор) русского Богословского православного института (академии) в Париже (1925–1944 гг.).

Вагнер Владимир Карлович – рабочий, участник революционного движения. Родился в семье рабочего в с. Ярцево Духовщинского уезда Смоленской губернии. Работал на Ярцевской прядильной фабрике, Рожновском деревообделочном заводе в Дрогобужском уезде. В 1913 г. эмигрировал в Америку. Вернулся в Россию в 1917 г.

Войтинский Владимир Савельевич (1885–1960) – публицист, экономист, статистик. Родился в Петербурге в семье профессора Лесного института. Учился на юридическом факультете Петербургского университета. С 1904 г. член Российской социал-демократической рабочей партии, большевик, затем – меньшевик. В октябре 1907 г. арестован, бежал из заключения и перешел на нелегальное положение. Возглавлял большевистскую организацию в Екатеринославе. Здесь был арестован в начале 1908 г. и приговорен к каторжным работам сроком на 4 года и 8 месяцев. После неудачной попытки побега переведен в Александровский каторжный централ близ Иркутска. С 1912 г. жил в Иркутске на поселении. Находясь в тюрьме и в ссылке, писал для российских и иностранных периодических изданий. После февральской революции 1917 г. возвратился в Петроград; присоединился к меньшевикам. Член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, его Исполнительного комитета, делегат I Всероссийского съезда Советов, затем – комиссар Временного правительства на Северном фронте. После октябрьского переворота энергично выступил на стороне Керенского. 1 ноября 1917 г. арестован и заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения в январе 1918 г. уехал в Грузию, где работал редактором газеты «Борьба». В 1919 г. выехал за рубеж в качестве советника политико-экономической миссии Грузинской демократической республики. С 1921 г. в эмиграции. В 1929 г. возглавил исследовательскую службу Федерации профсоюзов Германии. С 1935 г. жил в США. Один из руководителей Исследовательского совета социальных наук при Комитете социального обеспечения, советник президента Ф.Д. Рузвельта. В 1947–1955 гг. директор совместного исследовательского проекта, посвященного проблемам мировой экономики и демографии. Умер в Вашингтоне.

Джунковский Владимир Федорович (1865–1938) – государственный деятель. Родился в Петербурге в дворянской семье. В 1882 г. по окончании Пажеского корпуса зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк. С 1891 по 1905 гг. адъютант московского генерал-губернатора – великого князя Сергея Александровича. В июле 1905 г. назначен московским вице-губернатором, а в ноябре 1905 г. – московским губернатором. С 1913 г. товарищ министра внутренних дел, командир

Отдельного корпуса жандармов. В 1915 г. отстранен от занимаемой должности после представления царю всеподданнейшей записки о Григории Распутине. В 1915–1917 гг. командир 15-й Сибирской стрелковой дивизии. В 1918–1921 гг. находился под следствием и в тюремном заключении. 21 февраля 1938 г. расстрелян по приговору НКВД.

Егоров Василий Ильич – рабочий бронеотделочной мастерской Колпинского завода. Член Российской социал-демократической рабочей партии, большевик.

Езерский Николай Федорович (1870–1938) – общественный деятель. В 1894 г. окончил филологический факультет Московского университета, служил по министерству народного просвещения. С 1902 г. инспектор дирекции народных училищ по Мокшанскому и Городищенскому уездам Пензенской губернии. Соредактор пензенской газеты «Перестрой». Член Конституционно-демократической партии, один из создателей ее пензенского бюро. Был избран членом I Государственной думы от Пензенской губернии. Подписал Выборгское воззвание, за что отбывал трехмесячное тюремное заключение. С 1908 г. жил в Петербурге и Москве, занимался общественной деятельностью. После февраля 1917 г. вернулся в Пензу, редактировал газету «Пензенская речь». В 1918–1922 гг. в рядах Добровольческой армии. Затем жил в Сербии, во Франции. Принял сан священника. Умер в Будапеште.

Зурабов Аршак Герасимович (1873–1919) – член Российской социал-демократической рабочей партии с 1903 г., большевик, «искровец»; с 1906 г. меньшевик. Родился в Тифлисе в дворянской семье, армянин. В 1893 г. окончил курс Тифлисского реального училища. В том же году поступил в Харьковский технологический институт. Во время студенческих волнений 1894 г. был исключен из института. Через некоторое время поступил в Петербургский лесной институт, но курса в нем не кончил. В 1900 г. по набору призван к отбыванию воинской повинности, в 1904 г. арестован по обвинению в принадлежности к РСДРП и в апреле того же года выслан в Астрахань. В августе по Высочайшему манифесту был возвращен из ссылки и освобожден от суда и следствия. В конце 1904 г. зачислен прапорщиком запаса в действительную военную службу и откомандирован в г. Ташкент. Здесь 23 ноября 1905 г. был арестован и находился в тюрьме до января 1906 г. С 23 ноября 1906 г. издатель и редактор тифлисской ежедневной газеты «Осанк». Член II Государственной думы от Тифлисской губернии. После роспуска Думы осужден на пять лет каторжных работ, которые отбывал в Иркутской губернии. Бежал за границу. После февраля 1917 г. жил в Грузии. Делегат I Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов, член Временного совета Российской республики и Учредительного собрания (от Закавказского округа). В 1918 г. за революционную пропаганду выслан меньшевистскими властями Грузии в Армению, где умер от тифа.

Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк, социолог, обществен-

ный деятель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1910 г.), почетный член АН СССР (1929 г.). Родился в Москве в семье отставного майора. Первые научные работы по истории и филологии опубликовал будучи учеником I Московской губернской гимназии. В 1873 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1879 г. защитил магистерскую диссертацию «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.». В 1879–1885 гг. экстраординарный профессор на кафедре всеобщей истории Варшавского университета. В 1884 г. защитил в Московском университете докторскую диссертацию «Основные вопросы философии истории (Критика историко-философских идей и опыт научной теории исторического процесса)». В 1885–1899 гг. преподавал историю в Петербургском университете (ординарный профессор с 1890 г.). Был уволен из университета за поддержку студенческих выступлений. В 1902–1917 гг. профессор Петербургского политехнического института. В 1906–1918 и в 1920–1923 гг. профессор Петербургского (Петроградского) университета. Работы Кареева по крестьянскому вопросу получили высокую оценку К. Маркса. В 1889–1917 гг. возглавлял Историческое общество при Петербургском университете. В 1905–1906 гг. член Конституционно-демократической партии, председатель ее Петербургского комитета. Был избран членом I Государственной думы. Умер в Ленинграде.

Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – историк, публицист, общественный деятель. В 1888 г. окончил исторический факультет Московского университета. Ученик В.О. Ключевского. В 1903–1911 гг. приват-доцент Московского университета. В 1904 г. вступил в Союз освобождения. Член ЦК Конституционно-демократической партии. Член I Государственной думы от г. Москвы. Сотрудничал в газете «Русские ведомости», журнале «Русская мысль». В 1922 г. выслан за границу. Жил в Праге, преподавал в Русском университете и других учебных заведениях. В 1930 г. избран председателем Русского исторического общества. Умер в Праге. Главные сочинения: «Посадская община России в XVIII ст.» (М., 1903), «Городовое положение Екатерины II» (М., 1909).

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – историк, юрист, социолог, этнограф, академик Петербургской Академии наук (1914 г.). Родился в Харькове в семье полковника, ветерана Отечественной войны 1812 г. В 1872 г. окончил юридический факультет Харьковского университета, дальнейшее образование продолжил в Берлине, Париже, Лондоне. В 1877 г. вернулся в Россию. В 1878 г. защитил магистерскую диссертацию «История полицейской администрации и полицейского суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III». После защиты диссертации доцент по кафедре сравнительного правоведения в Московском университете; читал курс государственного права и ряд специальных курсов по истории права. В 1880 г., защитив докторскую диссертацию, стал ординарным профессором Московского университета. В 1887 г. был уволен из университета за «отрицательное» отношение к русскому государственному строю и выехал за границу, где вел активную научную и обще-

ственную деятельность. Один из основателей и директор русской Высшей школы общественных наук в Париже (1901 г.). В 1905 г. вернулся в Россию, принял активное участие в политической жизни страны, основал Партию демократических реформ, был избран членом I Государственной думы. В 1907 г. избран членом Государственного совета от академической курии, в 1909 г. переизбран. Издавал газету «Страна». С 1909 г. владелец и редактор журнала «Вестник Европы». Будучи профессором Петербургского университета (1906–1916 гг.), одновременно читал ряд курсов в других учебных заведениях. В 1910–1914 гг. президент Вольного экономического общества. В 1914 г. в начале войны, находясь в Карлсбадене, попал в плен к австрийцам, освобожден в начале 1915 г. Умер в Санкт-Петербурге. Оставил обширное научное наследие.

Козловский Б. (1887–?) – член РСДРП, большевик.

Кондурушкин Степан Семенович (1874–1919) – писатель, журналист. Родился в бедной крестьянской семье в с. Липовка Самарской губернии. Учился в Вольской учительской семинарии. В 1894–1895 гг. сельский учитель. Окончил Казанский университет. В 1898 г. приглашен Палестинским обществом на службу в Сирию, где проработал пять лет (учитель, заведующий школами Рашайского округа, исправляющий обязанности помощника инспектора русских школ). В 1903 г. вышел в отставку. В годы Мировой войны фронтовой корреспондент газеты «Речь». Отрицательно отнесся к большевистской революции. В конце 1918 г. уехал в Самару, затем в Омск. Умер в Омске.

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – писатель, публицист, общественный деятель. Родился в Житомире в семье судьи. Учился в Петербургском технологическом институте, Московской сельскохозяйственной академии. В 1876 г. исключен из академии за подачу коллективного протеста, сослан в Вологду. В 1879 г. вновь арестован, шесть лет находился в тюрьмах, на этапах и в ссылках (Вятская губерния, Якутия, Пермская и Тобольская губернии). В 1884 г., по отбытии ссылки поселился в Нижнем Новгороде, где жил до 1896 г. Публиковал свои произведения в газетах «Волжский вестник», «Русские ведомости», а затем в ведущих российских журналах («Северный вестник», «Русская мысль», «Русское богатство»). С 1895 г. официальный издатель журнала «Русское богатство». С 1900 г. вместе с семьей жил в Полтаве. После октября 1917 г. осуждал политику подавления свободы мысли, выступал против арестов, грабежей и расстрелов. Был председателем Лиги спасения детей, работал в Красном кресте.

Котов Григорий Николаевич (1886–1929) – член Российской социал-демократической рабочей партии с 1903 г., большевик. Родился в с. Копосово Балахнинского уезда Нижегородской губернии. Работал на Сормовском заводе. Был арестован за революционную деятельность. После освобождения работал в Екатеринбургской и Уфалейско-Кыштымской областных организациях РСДРП. Избран делегатом V съезда РСДРП, вскоре арестован в Перми.

Кошко Иван Францевич (1859–1927) – государственный деятель. До 1905 г. на военной службе. Затем служил земским начальником, чиновником министерства внутренних дел (непременный член Новгородского губернского присутствия). В 1906 г. назначен самарским вице-губернатором, в 1907 г. – пензенским губернатором. В 1910–1914 гг. пермский губернатор. Брат А.Ф. Кошко – начальника сыскной полиции и уголовного розыска России. После 1917 г. в эмиграции. Умер в Париже.

Крыжановский Сергей Ефимович (1862 – не позднее 17 января 1935) – государственный деятель. Родился в семье сельского священника. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1905 г. помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства министерства внутренних дел. В 1906–1911 гг. товарищ министра внутренних дел. С 1907 г. тайный советник. В 1911–1917 гг. государственный секретарь, с 1916 г. – статс-секретарь Российской империи. Впоследствии эмигрировал. Редактор «Русской летописи». Умер в Париже.

Крюков Федор Дмитриевич (1870–1920) – писатель, журналист, общественный деятель. Потомственный донской казак. Родился в станице Глазуновской Усть-Медведицкого округа области Войска Донского. Окончил Усть-Медведицкую гимназию с серебряной медалью (1888 г.), Императорский Санкт-Петербургский историко-философский институт по разряду истории и географии (1892 г.). Будучи студентом начал литературную деятельность статьей «Казаки на академической выставке», опубликованной в журнале «Донская речь» (1890 г.). В 1892–1894 гг. сотрудничал в «Петербургской газете», печатая короткие рассказы. История Дона вдохновила писателя на большие исторические эссе из Петровской эпохи «Гулебщики» (1892 г.) и «Шульгинская расправа» (1894 г.), опубликованные в журнале «Исторический вестник». С 1893 г. работал воспитателем пансиона Орловской мужской гимназии, где в августе 1900 г. стал сверхштатным учителем истории и географии, одновременно исполняя прежние обязанности. Преподавал историю в Николаевской женской гимназии (1894–1898 гг.) и русский язык в Орловско-Бахтинском кадетском корпусе (1898–1905 гг.), состоял членом губернской Ученой архивной комиссии. В этот период им были написаны первые значительные произведения из жизни современного донского казачества («Казачка» (1896 г.), «Клад» (1897 г.), «В родных местах» (1903 г.) и др.). К этому же времени относится длительное сотрудничество писателя с В.Г. Короленко – главным редактором журнала «Русское богатство» (с 1914 г. – «Русский вестник»). Член I Государственной думы от области Войска Донского. Трудовик. Подписал Выборгское воззвание, за что отбыл трехмесячное тюремное заключение. Представитель комитета Государственной думы при отряде Красного креста на Кавказском фронте (1914 – начало 1915 г.). В ноябре 1915 – феврале 1916 г. – на Галицийском фронте. Февральскую революцию воспринял негативно. В очерках «Обвал», «Новое», «Новым строем» показал реальную картину распада, вызванного революцией. В январе 1918 г. покинул Петроград

и возвратился на Дон. Принимал активное участие в гражданской войне на стороне Добровольческой армии. В августе 1918 г. избран членом и секретарем Войскового Круга. С осени 1918 г. директор Усть-Медведицкой мужской гимназии. В начале 1920 г. отступил с Донской армией на Кавказ. Умер от сыпного тифа в станице Новокорсунской.

Лаврентьев Иван Егорович (1879–?) – из крестьян с. Большое Фролово Тетюшского уезда Казанской губернии. Учился в народной школе и городском училище. Учитель церковно-приходской школы. Находился под надзором полиции за агитацию среди крестьян. Был избран в I Государственную думу от Казанской губернии. В Думе вступил в Трудовую группу. Подписал Выборгское воззвание, за что отбывал трехмесячное тюремное заключение. До ноября 1907 г. состоял под негласным надзором полиции, был отстранен от преподавания, жил случайными заработками, нищенствовал. В годы Первой мировой войны – корреспондент М. Горького. После февраля 1917 г. вступил в Трудовую народно-социалистическую партию.

Лавров В. – священник Томской епархии, член Православного миссионерского общества по Томской епархии.

Локоть Тимофей Васильевич (1869–1942) – общественный деятель, агроном. Родился в семье казака. Учился в Киевском университете, Московском сельскохозяйственном институте, за границей. Профессор Ново-Александрийского сельскохозяйственного института по кафедре сельского хозяйства и лесоводства, а также по кафедре земледелия. Доктор агрономии, селекционер. Гласный Черниговского губернского и уездного земских собраний. Член Союза освобождения. Был избран членом I Государственной думы от Черниговской губернии. Трудовик. Подписал Выборгское воззвание, за что подвергся тюремному заключению. Впоследствии выступал с позиций национализма и антисемитизма. В 1911 г. был назначен приват-доцентом Московского университета, отказался от чтения лекций из-за бойкота студентов. В 1917 г. участвовал в работе Государственного совещания в Москве. После октября 1917 г. в эмиграции. Жил в Сербии. Профессор агрономического факультета. В 1921 г. принимал участие в работе Русского Зарубежного Церковного Собора в Сремских Карловцах (Югославия). Похоронен в Белграде.

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) – политический деятель, адвокат. Родился в семье профессора-окулиста. Брат министра внутренних дел Н.А. Маклакова. Учился на естественном и историко-филологическом факультетах Московского университета. В 1896 г., сдав экстерном экзамен по курсу юридического факультета, начал адвокатскую деятельность. Приобрел известность, участвуя в громких политических процессах, в том числе, в качестве защитника на Выборгском процессе, одного из защитников Бейлиса на киевском процессе 1913 г. Член Конституционно-демократической партии с 1906 г. Член

II–IV Государственных дум от Москвы. Во время Мировой войны один из лидеров Прогрессивного блока. С мая 1917 г. председатель Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. С августа член Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. Назначен Временным правительством послом во Франции. Активный участник антибольшевистского движения. С 1924 г. возглавлял Эмигрантский комитет, взявший на себя представительство интересов русских эмигрантов во Франции. Умер в Швейцарии.

Мансырев Серафим Петрович (1866–1928) – общественный и политический деятель, адвокат, литератор. Князь. С 1890 г. служил секретарем Казенной палаты Лифляндской губернии. Затем занимал различные должности по ведомству министерства финансов, был членом казенной палаты, податным инспектром в Самаркандской области, позднее служил земским начальником в Уфимской губернии. В 1912 г. избран в IV Государственую думу от г. Риги. Входил в состав Прогрессивного блока. С 1918 г. в эмиграции, жил в Ревеле (Эстония), где возглавлял Русский совет.

Марков Александр Порфирьевич (1886–1973) – чиновник. В 1912–1913 гг. секретарь городской управы Царицына, был освобожден от должности за «неблагонадежность», затем секретарь городской думы г. Кизляра. После 1917 г. в эмиграции, сотрудник парижской газеты «Последние новости».

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – политический деятель, историк, публицист. Родился в Москве в семье городского архитектора, преподавателя Московского училища живописи, ваяния и зодчества. В 1882 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1886 г. приват-доцент Московского университета по кафедре русской истории. В 1892 г. защитил магистерскую диссертацию «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого». В 1894 г. департамент полиции МВД распорядился отстранить Милюкова от любой педагогической деятельности по причине его «крайней политической неблагонадежности». Ученый был уволен из университета с запрещением преподавать в других учебных заведениях. В 1894–1897 гг. находился в административной ссылке в Рязани. В 1897–1905 гг. жил за границей, читал лекции по русской истории в Софийском и Чикагском университетах, сотрудничал в журнале «Освобождение». После возвращения в Россию (1905 г.) стал активным деятелем Союза освобождения, главного бюро земских и городских съездов, входил в число учредителей Союза союзов. Один из организаторов Конституционно-демократической партии, с 1907 г. председатель ее Центрального комитета, редактор центрального печатного органа партии – газеты «Речь». Член III–IV Государственных дум, министр иностранных дел Временного правительства первого состава. В годы гражданской войны, будучи сторонником монархии, играл видную роль в различных контрреволюционных организациях. С 1920 г. в эмиграции, жил в Париже. Там перешел

на республиканские позиции. С 1922 г. главный редактор одной из самых крупных эмигрантских газет «Последние новости». В годы Второй мировой войны выступал против сотрудничества русской эмиграции с фашистами, приветствовал успехи Красной Армии. Умер в городке Экс-ле-Бен близ границы со Швейцарией. Автор большого числа книг и статей, среди которых: «Очерки по истории русской культуры» (ч. 1–3, 1896–1903 гг.), «Главные течения русской исторической мысли» (1897 г.), «Из истории русской интеллигенции» (1902 г.), «Национальный вопрос» (1925 г.).

Миритеев Иван Николаевич (1884–1952) – рабочий, член Российской социал-демократической рабочей партии с 1903 г., большевик.

Назаревский Борис Владимирович – публицист, общественный деятель, активный участник монархического движения. Председатель московского цензурного комитета. Один из учредителей и казначей Русского монархического собрания, затем товарищ нового председателя – протоиерея И.И. Восторгова, фактически руководил текущей работой Собрания. В 1908 г. избран членом Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела. В 1914–1917 гг. редактор «Московских ведомостей».

Наумов Александр Николаевич (1868–1950) – земский и государственный деятель. Егерьмейстер, действительный статский советник. Родился в имении Головкино Ставропольского уезда Самарской губернии в семье помещика. Окончил юридический факультет Московского университета. Служил земским начальником Ново-Буяновского участка Ставропольского уезда Самарской губернии, затем в Самарской губернской земской управе. В 1902–1905 гг. ставропольский уездный предводитель дворянства. В 1905–1917 гг. самарский губернский предводитель дворянства. В 1905 г. инициатор создания в Самаре Партии правового порядка, консервативной газеты «Голос Самары». Один из учредителей Всероссийского национального клуба. В 1909 г. избран членом Государственного совета от самарского земства, в 1912 г. переизбран. В ноябре 1915 – июле 1916 гг. главноуправляющий министерством земледелия, министр земледелия. С 1920 г. в эмиграции.

Новиков Михаил Михайлович (1876–1965) – ученый, общественный деятель. Родился в Москве в семье купца. В 1901 г. поступил на естественно-научный факультет Гейдельбергского университета. В 1904 г. получил степень доктора натурфилософии. В том же году вернулся в Москву, профессор Московского института сравнительной анатомии. С 1906 г. приват-доцент Московского университета. В 1911 г. защитил в Московском университете докторскую диссертацию. С 1908 г. гласный Московской городской думы. В 1912 г. избран членом IV Государственной думы от Москвы. Член Конституционно-демократической партии. В 1919–1922 гг. ректор Московского университета. В 1922 г. выслан из СССР. В 1923–1939 гг. профессор и ректор Русского свободного (народного) университета в

Праге. С 1945 г. профессор естественного факультета Мюнхенского университета. С 1949 г. жил в США. Председатель Русской академической группы в США.

Обнинский Виктор Петрович (1867–1916) – публицист, общественный деятель. Родился в с. Белкино Боровского уезда Калужской губернии, сын известного деятеля эпохи Великих реформ П.Н. Обнинского. В 1887 г. по окончании 3-го военного Александровского училища был произведен в подпоручики, в 1891 г. – в поручики. В 1892 г. уволен от службы по болезни. В 1891–1892 гг. принимал участие в кампании помощи голодающим крестьянам. С 1902 г. занимал ряд выборных и административных должностей в Калужской губернии (гласный уездного и губернского земских собраний, кандидат к земскому начальнику, земский начальник, уездный предводитель дворянства, почетный мировой судья). В декабре 1904 г. был избран на должность председателя Калужской губернской земской управы. С 1903 г. член Союза освобождения, принимал активное участие в земских съездах 1904–1905 гг. Активный участник деятельности Конституционно-демократической партии, член I Государственной думы от Калужской губернии. В 10-х гг. XX в. председатель московского общества «Единение народностей России», редактор журнала «Народы и области России», член редакции двухнедельного журнала «Национальные проблемы». В 1914–1915 гг. уполномоченный на фронте от Всероссийского земского союза. Фронтовой корреспондент газеты «Русские ведомости». Затем заведующий отделом помощи военнопленным при Главном комитете Всероссийского земского союза. Член ЦК Конституционно-демократической партии. Сотрудничал в журнале «Вестник Европы» и газетах «Русское слово», «Русские ведомости», печатался в газетах «Биржевые ведомости» и «Утро России». Был сотрудником редакции товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К°». Учредителель «Книгоиздательства и книжного склада В.П. Обнинский». В 1916 г. покончил с собой в Москве, застрелившись в помещении книгоиздательства.

Оболенский Владимир Андреевич (1869–1950) – общественный и политический деятель, публицист. Князь. Родился в Петербурге. В 1891 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, продолжил обучение в Берлинском университете (1892–1893 гг.). В 1896–1903 гг. служил в статистических бюро Смоленска, Псковской, Орловской, Таврической губернских земских управах. С 1903 г. гласный Таврического губернского земского собрания, член губернской земской управы. Активный участник либерального движения, член Союза освобождения, Союза земцев-конституционалистов. Один из создателей Конституционно-демократической партии, член ее ЦК. Член I Государственной думы от Таврической губернии. Подписал Выборгское воззвание, за что отбывал тюремное заключение (1907–1908 гг.), затем находился в ссылке в Мустамяки (1908–1910 гг.). С 1910 г. жил в Петербурге, служил статистиком в министерстве путей сообщения; член Вольного экономического общества. Во время Первой мировой войны возглавлял Петроградский санитарный отряд, прикомандированный к Северо-западному фронту. В 1916–1917 гг. председатель Петроградского комитета Союза городов.

После февраля 1917 г. секретарь ЦК Конституционно-демократической партии, участвовал в работе Московского государственного совещания и Предпарламента. С августа 1917 г. редактор газеты «Свободный народ». После октября 1917 г. член Комитета спасения Родины и Революции. Кандидат в члены Учредительного собрания от Псковской губернии. Решительный и принципиальный противник октябрьского переворота, боролся против советской власти в Крыму, где в апреле 1918 г. возглавил Таврическую губернскую земскую управу. В ноябре 1920 г. с остатками армии генерала П.Н. Врангеля выехал из Крыма в Турцию. Жил в Париже, работал в Российском земско-городском комитете помощи русским гражданам за границей. Занимался журналистикой: писал для «Последних новостей». Умер в городке Бюсси-ан-От (Франция).

Оглоблин Николай Николаевич (1852–?) – историк, археограф, публицист. Окончил курс в Киевской духовной академии и Петербургский археологический институт. До 1897 г. служил в ученом отделении при Московском архиве министерства юстиции. Составил по своей системе «архивных обозрений» «Обозрение историко-географических материалов XVII и начала XVIII веков, заключающихся в книгах Разрядного приказа» (1884 г.), «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа» (ч. 1–4, 1895, 1898, 1900 и 1902 гг.). Первая часть была удостоена в 1896 г. премии Академии наук. Опубликовал ряд исторических документов и статей по истории Малороссии и Сибири XVII–XVIII вв. в «Чтениях в Обществе истории и древностей», «Журнале министерства народного просвещения», «Русской старине», «Киевской старине», «Книговедении».

Огородников Николай Александрович (1872–1919) – общественный деятель, публицист. Мещанин с. Никольское Юрьевского уезда Владимирской губернии. В 1894 г. окончил Демидовский юридический лицей. Получил степень кандидата прав за диссертацию «О свободе печати и цензуре». С 1895 г. присяжный поверенный в Костроме. Приобрел известность как защитник прав рабочих. Член Союза освобождения, участник земских съездов 1904–1905 гг. Один из основателей костромского губернского комитета Конституционно-демократической партии и его бессменный председатель до 1917 г. Член I Государственной думы от Костромской губернии. Подписал Выборгское воззвание, за что был приговорен к тюремному заключению. В 1917 г. участник Московского государственного совещания, демократического совещания, член Предпарламента. После октября 1917 г. активный участник антибольшевистского движения, входил в Национальный центр. Расстрелян ВЧК в составе группы в 66 человек.

Паялин Н.П. – большевик, публицист, историк рабочего движения.

Пирейко Александр Максимович (1885–?) – рабочий, член Российской социал-демократической рабочей партии с 1905 г., большевик. Работал на конфетной фабрике М. Конради в Петербурге. В 1909 г. был арестован за революционную деятельность.

Протопопов Дмитрий Дмитриевич (1865–1934) – общественный деятель, издатель, публицист. Родился в дворянской семье. Брат А.Д. Протопопова – последнего министра внутренних дел царской России. Окончил Петербургский университет. Землевладелец, владелец крупной суконной фабрики, издатель журнала «Земское дело». Избирался гласным Николаевского уездного и Самарского губернского земских собраний, членом Николаевской уездной земской управы. В 1899–1899 гг. состоял под надзором полиции; за пропаганду среди крестьян был выслан на три года в Финляндию. Активный участник либерального движения, член Союза освобождения, с 1905 г. член Конституционно-демократической партии, с 1906 г. – член ее ЦК. В октябре 1905 г. один из руководителей Самарского губернского комитета общественной безопасности, созданного по инициативе либеральных гласных Самарской городской думы и губернского земства. Член I Государственной думы от Самарской губернии. Подписал Выборгское воззвание, за что был приговорен к трем месяцам тюрьмы. После февраля 1917 г. помощник комиссара Временного правительства по делам Финляндии. Член Временного совета Российской республики (Предпарламента). Кандидат в члены Учредительного собрания от Петрограда. После октября 1917 г. участвовал в антибольшевистском движении, был арестован ЧК в Петрограде. В 1920 г. вновь арестован по делу Тактического центра, приговорен к расстрелу, который был заменен условным тюремным заключением на пять лет. Умер в тюрьме.

Рамишвили Исидор Иванович (1859–1937) – общественный деятель, социал-демократ. Родился в крестьянской семье. Учился в Озургетском духовном училище, в 1885 г. окончил Тифлисскую духовную семинарию. Преподавал в Сенакской дворянской школе (в Мингрелии), в Батумском грузинском училище Общества распространения грамотности среди грузин, во Владикавказском городском училище. Член Социал-демократической рабочей партии, один из руководителей грузинских меньшевиков. В 1905 г. дважды приговаривался к заключению в Метехский замок. Член I Государственной думы от Тифлисской губернии. В 1917 г. член исполкома Петроградского совета. С 1918 г. министр внутренних дел правительства Грузии. С 1921 г. в эмиграции.

Родичев Федор Измайлович (1854–1933) – общественный деятель. Родился в Тверской губернии. В 1876 г. окончил Петербургский университет. В том же году в качестве добровольца участвовал в сербско-турецкой войне. Участковый мировой судья Весьегонского уезда Тверской губернии. Избирался членом всех созывов Государственной думы от Тверской губернии. Член ЦК Конституционно-демократической партии. После февральской революции 1917 г. комиссар Временного правительства по делам Финляндии. Активный участник антибольшевистского движения. С 1919 г. в эмиграции, представитель Добровольческой армии в Польше.

Савельев Александр Александрович (1848–1916) – земский, городской и общественный деятель. Родился в Нижнем Новгороде в семье чиновника.

В 1870 г. окончил юридический факультет Казанского университета. Присяжный поверенный, мировой судья (1874–1888 гг.). С 1887 г. занимал ряд выборных должностей в Нижегородской губернии (гласный уездного и губернского земских собраний, гласный Нижегородской городской думы). В 1890–1900 гг. председатель Нижегородской уездной земской управы, в 1900–1908 гг. председатель Нижегородской губернской земской управы. С 1903 г. член Союза освобождения, принимал активное участие в земских съездах 1904–1905 гг. и в деятельности Конституционно-демократической партии, член I–III Государственных дум от Нижегородской губернии.

Савич Никанор Васильевич (1869–1942) – земский и общественный деятель. Родился в имении Беловоды Сумского уезда Харьковской губернии в семье помещика. Окончил с серебряной медалью физико-математический факультет Новороссийского университета. Земский гласный. Член III–IV Государственных дум от Харьковской губернии, октябрист. Председатель думской подкомиссии по военно-морским делам. С августа 1915 г. член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. После февральской революции 1917 г. комиссар Временного правительства в военном и морском министерствах. В 1918 г. представлял Совет государственного объединения России на переговорах в Яссах. Член Особого совещания при А.И. Деникине, государственный контролер в правительстве генерала П.Н. Врангеля. С 1920 г. в эмиграции. Один из учредителей Народно-монархического союза конституционных монархистов. Умер в Аньере (Франция).

Самойлов Федор Никитич (1882–1952) – член Российской социал-демократической рабочей партии с 1903 г., большевик. Родился в д. Гомыленки Лежневской волости Ковровского уезда Владимирской губернии. С пятнадцати лет начал работать на фабрике товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры, где вступил в РСДРП. В 1905 г. партийный организатор на фабрике и член Иваново-Вознесенской группы Северного комитета РСДРП. Один из руководителей стачки текстильщиков, был избран в Совет рабочих депутатов. В 1906 г. активно участвовал в создании профсоюза ситцепечатников (с 1907 г. его председатель). В 1912 г. избран членом IV Государственной думы. В 1914 г. арестован в Озерках близ Петрограда во время конференции депутатов-большевиков и сослан на вечное поселение в Туруханский край. После освобождения в апреле 1917 г. возвратился в Иваново-Вознесенск, где вскоре возглавил Совет рабочих и солдатских депутатов. В 1918 г. возглавлял губернский комиссариат труда, революционный трибунал, городской комитет РКП (б). В 1919–1921 гг. заместитель наркома труда Украины, уполномоченный ВЦИК при Башкирском ревкоме. С 1922 г. заместитель заведующего Истпартотделом ЦК РКП (б). В 30-е гг. заместитель председателя Всесоюзного общества старых большевиков, директор Государственного музея Революции.

Симонов Михаил Ильич (1870–?) – земский деятель, октябрист. Сын купца,

землевладелец. В 1896 г. окончил юридический факультет Московского университета. В 1898–1907 гг. земский начальник. Гласный Воронежского губернского и Острогожского уездного земских собраний. Член Союза 17 октября. Член Государственной думы III–IV созывов от Воронежской губернии. Умер не ранее начала января 1918 г.

Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна (1869–1962) – общественный деятель, журналист, писатель. Урожденная Тыркова. Родилась в имении Вергежа Новгородского уезда и губернии в семье помещика. В первом замужестве Борман. Окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы. Работала в газете «Северный край» (Ярославль). Была арестована за транспортировку нелегальной газеты «Освобождение». В 1904 г. в эмиграции. Сотрудничала с «Освобождением». В 1905 г. возвратилась в Россию. Вышла замуж за Г.В. Вильямса – корреспондента английской газеты в России. Член ЦК Конституционно-демократической партии (1906–1917 гг.). Редактор петербургской газеты «Русская молва» (1912–1913 гг.). В 1918 г. в эмиграции. Глава Общества помощи русским беженцам (Лондон), председатель лондонского отдела Русского национального объединения. В 1919 г. вернулась в Россию. С 1920 г. в Лондоне. Редактор журнала «Русская жизнь» (1921 г.). Умерла в США.

Хижняков Василий Михайлович (1842–1917) – общественный и земский деятель. Председатель Черниговской губернской земской управы. Член Союза земцев-конституционалистов.

Чердынцев Николай Алексеевич (1863–1940) – публицист, издатель, член Российской социал-демократической рабочей партии с 1904 г., большевик, после 1917 г. на советской работе.

Шарапов Сергей Федорович (1855–1911) – общественный деятель, экономист, публицист, издатель. В 80-е гг. XIX в. близкий друг И.С. Аксакова, сторонник его политических взглядов. Издавал газеты «Русское дело», «Русский труд», журналы «Пахарь», «Свидетель».

Шванебах Петр Христианович (1848–1908) – государственный деятель, правовед, экономист, публицист. Тайный советник. Окончил курс в Императорском училище правоведения, после чего два года слушал лекции в Лейпцигском и Парижском университетах. Занимал последовательно должности вице-директора кредитной канцелярии, товарища управляющего Государственным банком и члена Совета министра финансов. Автор работ: «Денежное преобразование и народное хозяйство» (СПб., 1900 г.), «Наше податное дело» (СПб., 1903 г.). В 1903 г. назначен товарищем министра земледелия и государственных имуществ, в мае 1905 г. – главноуправляющим землеустройством и земледелием, с апреля 1906 г. по июнь 1907 г. государственный контролер. Член Государственного совета (с 1905 г.).

Шидловский Сергей Илиодорович (1861–1922) – общественный деятель. Родился в Воронежской губернии в дворянской семье. Крупный землевладелец. Окончил Александровский лицей. С 1880 г. служил по министерству внутренних дел. С 1900 г. член Совета Крестьянского поземельного банка. В 1905–1906 гг. директор Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия. Действительный статкий советник. Член Союза 17 октября. Член III–IV Государственных дум от Воронежской губернии. В 1909–1910 гг. товарищ председателя Государственной думы, в 1912–1917 гг. председатель земельной комиссии Государственной думы. Один из лидеров Прогрессивного блока, председатель бюро блока. После октября 1917 г. в эмиграции.

Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920) – общественный и земский деятель. Родился в дворянской семье. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1891–1893 гг. предводитель дворянства Волоколамского уезда, в 1893–1904 гг. председатель Московской губернской земской управы. Член Союза земцев-конституционалистов. Один из создателей Союза 17 октября; в 1906 г. один из лидеров Партии мирного обновления. В 1906–1909 гг. член Государственного совета от Московского губернского земства. В 1911 г. отошел от политической деятельности. После октября 1917 г. активный участник антибольшевистского движения, председатель Национального центра. Арестован в начале 1919 г., умер в Бутырской тюрьме.

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – общественный деятель, публицист, журналист. Родился в семье профессора истории Киевского университета. В 1900 г. окончил юридический факультет Киевского университета. С 1911 г. редактор газеты «Киевлянин». Член Государственной думы II–IV созывов от Волынской губернии, лидер правых и националистов. В 1914 г. добровольцем пошел на фронт, был ранен, после ранения возглавил перевязочно-питательный отряд. Один из лидеров Прогрессивного блока. В 1917 г. член Временного комитета Государственной думы, 2 марта 1917 г. вместе с А.И. Гучковым принимал отречение от престола Николая II. После октября 1917 г. активный участник и идеолог антибольшевистского движения, участвовал в создании белой Добровольческой армии. В 1920–1944 гг. в эмиграции. В 1944 г. арестован в Югославии, вывезен в СССР. До 1956 гг. в заключении, затем жил во Владимире.

Яшвиль Лев Владимирович (1859–1917) – государственный деятель. Князь. Служил в лейб-гвардии гусарском полку, с 1886 г. поручик в запасе. Статский советник. Тульский вице-губернатор в 1899–1903 гг., симбирский губернатор с 1904 г. В июле 1906 г. смещен с поста губернатора и назначен председателем киевской казенной палаты. Вскоре после этого вышел в отставку.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям *(А.В. Иванченко)*.....3
Российское общество и выборы в воспоминаниях современников:
опыт переосмысления исторической памяти *(Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев)*.....5

Раздел I. Выборы в первую Государственную думу
(февраль–март 1906 г.)

КАДЕТЫ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Н.И. Астров
Воспоминания.....35

А.Н. Букейханов
Выборы в Степном крае.....42

Н.Ф. Езерский
Государственная дума первого созыва.....49

Н.И. Кареев
Выборы в Петербурге в первую Государственную думу.....59

А.А. Кизеветтер
На рубеже столетий: Воспоминания.....64

М.М. Ковалевский
Моя жизнь.....84

В.А. Маклаков
Первая Государственная дума.....89

П.Н. Милюков
Воспоминания.....99

В.П. Обнинский
Девяносто дней в тюремном заключении: тюремные заметки.....108

В.А. Оболенский
Выборы в Таврической губернии.....118

Н.А. Огородников
Первый день.....128

Д.Д. Протопопов
Воспоминания о выборах в первую Думу в Самарской губернии.....138

Ф.И. Родичев
Выборы в первую Государственную думу.....146

А.А. Савельев
Год русской революции. Революционное движение
в России и в Нижнем Новгороде после
издания Манифеста 17 октября 1905 г. 149

А.В. Тыркова-Вильямс
На путях к свободе.....164

В.М. Хижняков
Воспоминания земского деятеля.....182

ОКТЯБРИСТЫ

В.В. Бартенев
Опочецкие воспоминания о графе П.А. Гейдене.....192

Н.В. Савич
Воспоминания.....204

С.И. Шидловский
Воспоминания.....214

Д.Н. Шипов
Воспоминания и думы о пережитом.....217

ТРУДОВИКИ И БЕСПАРТИЙНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Ф.Д. Крюков
Выборы на Дону.....246

И.Е. Лаврентьев
Выборы от крестьян в Казанской губернии.....261

Т.В. Локоть
Первая Дума: Статьи, заметки и впечатления
бывшего члена Государственной думы.....275

А.М. Санцевич
Как состоялись выборы в Государственную думу.
Рассказ выборщика от крестьян Волковыского уезда.....300

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

А. Бейлин
На Ижорском заводе.....320

К.Н. Басалыго (Дальний)
Активный бойкот выборов в первую Государственную думу.....323

В.С. Войтинский
Годы побед и поражений.....325

Б. Глебов, М. Мительман, А. Ульянский
На Путиловском заводе.....339

Н.П. Паялин
На Невском заводе.....341

И.И. Рамишвили
Из тюрьмы в Государственную думу.....343

Н.А. Чердынцев
Два момента.....346

В.И. Шемелев
Около Думы.....352

КОНСЕРВАТОРЫ

В.А. Авеский
Земство и жизнь.....355

И.Ф. Кошко
Воспоминания губернатора.....359

С.Е. Крыжановский
Заметки русского консерватора.....363

Б.В. Назаревский
Перед выборами.....380

А.Н. Наумов
Из уцелевших воспоминаний.....385

Н.Н. Оглоблин
Первые выборы в Думу.....391

Л.В. Яшвиль
Воспоминания о Симбирске.....405

Раздел II. Выборы во вторую Государственную думу
(январь–февраль 1907 г.)

КАДЕТЫ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

А.А. Кизеветтер
На рубеже столетий: Воспоминания.....409

В.Г. Короленко
Земли! Земли! (Наблюдения, размышления, заметки).....416

В.А. Маклаков
Вторая Государственная дума.....422

П.Н. Милюков
Воспоминания.....430

Неизвестный автор
Четыре дня на выборах.....435

ОКТЯБРИСТЫ

В.В. Бартенев
Опочецкие воспоминания о графе П.А. Гейдене.....446

С.И. Шидловский
Воспоминания.....453

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

С.С. Кондурушкин
На выборах.....454

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

В.С. Войтинский
Годы побед и поражений.....485

Б. Глебов, М. Мительман, А. Ульянский
На Путиловском заводе.....515

А.Г. Зурабов
Вторая Государственная дума: (Впечатления).....517

Б. Козловский
На работе в 1906 г. (Из воспоминаний).....524

Г.Н. Котов
Большевистская работа в Екатеринбурге
в 1906–1907 гг. в период выборов во II Государственную думу.....526

Н.А. Чердынцев
Два момента.....537

КОНСЕРВАТОРЫ

В. Лавров
В единении – сила (Из воспоминаний о выборах во вторую Думу).....547

Священник (неизвестный автор)
Впечатления избирателя.....549

В.В. Шульгин
Годы.....554

Раздел III. Выборы в третью Государственную думу
(сентябрь–октябрь 1907 г.)

КАДЕТЫ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

П.Н. Милюков
Воспоминания.....575

ОКТЯБРИСТЫ

Н.В. Савич
Воспоминания.....581

С.И. Шидловский
Воспоминания.....586

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

В.Д. Бонч-Бруевич
Из воспоминаний о газете «Новый день».....588

Б. Глебов, М. Мительман, А. Ульянский
На Путиловском заводе.....591

А.М. Пирейко
Партийная работа во втором городском районе
Петербурга (1905–1910 гг.) (по личным воспоминаниям).....596

Ф.Н. Самойлов
По следам минувшего.
Воспоминания старого большевика.....598

КОНСЕРВАТОРЫ

И.Ф. Кошко
Воспоминания губернатора.....606

С.Е. Крыжановский
Заметки русского консерватора.....608

С.Ф. Шарапов
«Матрикулированные» октябристы, или
Как я не попал в Государственную думу.....612

П.Х. Шванебах
Записки сановника.....629

Раздел IV. Выборы в четвертую Государственную думу
(сентябрь–октябрь 1912 г.)

КАДЕТЫ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

А.П. Марков
Русские города до революции.....641

С.П. Мансырев
Мои воспоминания о Государственной думе.....643

П.Н. Милюков
Воспоминания.....647

М.М. Новиков
От Москвы до Нью-Йорка.....652

ОКТЯБРИСТЫ

М.И. Симонов
Первые дни Государственной думы IV созыва.....657

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

А.Е. Бадаев
Большевики в Государственной думе.....659

В.К. Вагнер
Другая Америка.....688

Б. Глебов, М. Мительман, А. Ульянский
На Путиловском заводе.....696

В.И. Егоров
Рабочий класс шел за большевиками.....702

И.Н. Миритеев
Воспоминания выборщика
в четвертую Государственную думу
по Московской губернии.....707

КОНСЕРВАТОРЫ

С.Н. Булгаков
На выборах. Из дневника.....718

В.Ф. Джунковский
Воспоминания.....725

Post scriptum. Электоральная культура
обществ переходных к политической демократии
(конституционно-либеральная Россия versus
социал-демократической России) *(Ю.А. Веденеев)*.....730

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1. Законодательство по выборам в Государственную думу Российской империи

Высочайший рескрипт, данный на имя министра внутренних дел от 18 февраля 1905 г. 735

Манифест об учреждении Государственной думы от 6 августа 1905 г. 736

Положение о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г. 738

Правила о применении и введении в действие Учреждения Государственной думы и Положения о выборах в Государственную думу от 18 сентября 1905 г. 753

Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. 759

Указ об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений от 11 декабря 1905 г. 761

Указ о временных правилах об ограждении свободы и правильности предстоящих выборов в Государственный совет и Государственную думу, а также беспрепятственной деятельности сих установлений от 8 марта 1906 г. 768

Положение о выборах в Государственную думу от 3 июня 1907 г. 772

Приложение № 2. Инициативы общественности, направленные на демократизацию политической системы России

Постановление частного совещания земских деятелей 6–8 ноября 1904 г. 823

Постановление совещания земских деятелей 22–26 апреля 1905 г. 825

Адрес съезда земских и городских деятелей Николаю II 24–26 мая 1905 г. 827

Сообщение о приеме Николаем II делегации земских и городских деятелей 6 июля 1905 г. 828

Приложение № 3. Партии, общественно-политические организации России начала XX века.....832

Приложение № 4. Биографические сведения об авторах текстов, помещенных в книге.....835

Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи.
(Воспоминания современников. Материалы и документы)

Авторы концепции проекта и составители:
И.Б. Борисов, Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, В.И. Лысенко

Общая научная редакция:
А.В. Иванченко

Верстка
А.Л. Зеленцов

ИД № от
Подписано в печать Формат 70x100 1/16
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. Тираж экз.
Заказ №

Изд. №

verstka1.indd 860 18.03.2008 22:00:51